

...вропы

...ремя

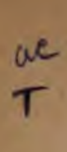
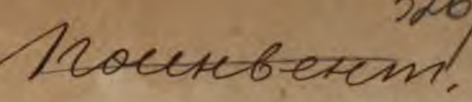
...х вѢка.

...и реставрація.

...ніе 3-е.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
...М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1907.

Н. Карѣевъ.

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

ВЪ НОВОЕ ВРЕМЯ

Томъ IV.

ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX ВѢКА.

Консульство, имперія и реставрація.

ИЗДАНІЕ 3-е.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1907.

3636

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловія къ 1-му и 3-му изданіямъ III

Вступленіе.

I.—Исторія XIX вѣка и ея изученіе 1
II.—Вліяніе французской революціи на Европу 13
III.—Исходъ революціи по отношенію ко внутренней жизни Франціи. 34

Эпоха консульства и имперіи.

IV.—Наполеоновская эпоха и ея исторіографія 47
V.—Наполеонъ Бонапартъ до 1799 г. 59
VI.—Восемнадцатое брюмера и наполеоновскія конституціи 80
VII.—Внутренняя политика консульства и имперіи. 103
VIII.—Господство Франціи въ Европѣ при Наполеонѣ I. 133
IX.—Внутреннія перемѣны въ западно-европейскихъ государствахъ въ наполеоновскую эпоху 155
X.—Разложеніе стараго порядка и попытка реформъ въ Пруссіи . 171
XI.—Внѣшняя и внутренняя оппозиція противъ имперіи Наполеона I. 201
XII.—Паденіе имперіи, „сто дней“ и вѣнскій конгрессъ 224

Эпоха реставраціи.

XIII.—Происхожденіе и характеръ реакціонныхъ стремленій эпохи . 242
XIV.—Общая характеристика либерализма въ эпоху реставраціи . . 277
XV.—Священный союзъ, южно-романскія революціи и конгрессы . . 301
XVI.—Побѣда партикуляризма и реакціи въ Германіи. 334
XVII.—Реставрація и установленіе конституціонной монархіи во Франціи. 370
XVIII.—Реакціонная политика во Франціи въ эпоху реставраціи . . . 386
XIX.—Борьба французскаго либерализма противъ реакціи 405

СТРАН.

XX.—Происхожденіе англійской реакціи конца XVIII и начала XIX вѣка 425
XXI.—Реакція и борьба за свободу въ Англіи до 1830 года 449

Соціальная исторія первой трети XIX вѣка.

XXII.—Существенное содержаніе соціальной исторіи XIX вѣка и ея изученіе. 488
XXIII.—Крестьянскій вопросъ въ первой трети XIX в. 507
XXIV.—Перемѣны въ промышленномъ быту Западной Европы въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. 537
XXV.—Капитализмъ, пролетаріатъ, пауперизмъ и начало рабочаго вопроса. 561
XXVI.—Экономическія теоріи эпохи въ связи съ моральными и политическими ученіями 582
XXVII.—Соціальныя ученія первой трети XIX вѣка 607

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Основою этого тома „Исторіи Западной Европы въ новое время“, охватывающаго первыя три десятилѣтія XIX в., являются такъ же, какъ и основою первыхъ трехъ томовъ, университетскія чтенія. Мнѣ пріятно вспомнить, что первый курсъ, который я читалъ въ качествѣ сторонняго преподавателя въ Московскомъ университетѣ въ 1878—1879 гг., имѣлъ своимъ содержаніемъ какъ-разъ эпоху, разсматриваемую въ настоящемъ томѣ. Я сохранилъ въ послѣднемъ даже общій планъ и порядокъ главъ этого курса. Составляя непосредственное продолженіе первыхъ трехъ частей „Исторіи Западной Европы въ новое время“, издаваемый нынѣ томъ вмѣстѣ съ тѣмъ является первою частью „Исторіи Западной Европы въ XIX вѣкѣ“, которую авторъ предполагаетъ довести въ слѣдующемъ выпускѣ до 1871 г. Въ видѣ общаго историко-философскаго résumé первыхъ трехъ томовъ нами была издана особая книжка подъ названіемъ „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени“, содержащая въ себѣ „основныя понятія, главнѣйшія обобщенія и наиболѣе существенные итоги исторіи XIV—XVIII вѣковъ“ и служащая „введеніемъ въ исторію XIX вѣка“. Такое же résumé авторъ предполагаетъ сдѣлать и для двухъ томовъ, въ которыхъ будетъ изложена исторія первыхъ двухъ третей XIX столѣтія [1]). При составленіи настоящаго тома мы держались общаго пра-

[1]) Это намѣреніе уже приведено въ исполненіе, о чемъ см. ниже.

вила, положеннаго въ основу всего труда, именно дѣлать изложеніе тѣмъ подробнѣе, чѣмъ ближе къ современности разсматриваемыя эпохи.

Іюнь 1894 г.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

Четвертый томъ „Исторіи Западной Европы въ новое время“ вышелъ въ свѣтъ вторымъ изданіемъ въ 1901 г., и за шесть лѣтъ, которыя послѣ того протекли, конечно, появились по исторіи первыхъ трехъ десятилѣтій XIX в., которымъ этотъ томъ посвященъ, новые труды. По спѣшности печатанія настоящаго изданія авторъ былъ лишенъ возможности пополнить библіографическія указанія въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, рѣшившись поэтому соединить наиболѣе важныя дополненія въ одномъ мѣстѣ [1]). Для облегченія пользованія этими дополненіями они расположены въ порядкѣ главъ текста со ссылками на страницы, на которыхъ должны были бы быть сдѣланы. Отмѣчу еще, что за этотъ промежутокъ времени мною издана книжка „Общій взглядъ на исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX в.“, представляющая собою такое же résumé IV и V томовъ настоящаго труда, какимъ по отношенію къ первымъ тремъ томамъ является „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени“.

ГЛАВА I. Къ соч., указаннымъ на стр. 10—11, слѣдуетъ прибавить: *Driault et Monod.* Histoire contemporaine (1903).—*A. Philipps.* Modern Europe (1901).—*P. Jäger.* Geschichte des XIX Jahrhunderts (1902).—*Сеньобосъ и Метэнъ.* Новѣйшая исторія съ 1815 г. (1905). — *Э. Марешаль.* Исторія девятнадцатаго вѣка, 1789—1899 (1904).—*P. Thirion.* Histoire contemporaine (1900).—*C. M. Andrews.* The historical development of modern Europe, 1815—1897 (1901).—*Ed. Emerson.* A history of the nineteenth century, year by year (New-York. 1903; три тома).—Am Ende des Jahrhunderts. Rückschau auf 100 Jahre geistiger Entwickelung (сборное изданіе, въ которомъ работы *Steiner'a* по міро-

---

[1]) Указываются сочиненія, вышедшія въ 1901—1907 гг., рѣдко болѣе раннія.

созерцанію XIX в., *Loewenthal'я* по религіознымъ движеніямъ, *Lublinski* по литературѣ и общественности и др.)—*A. Picard*. Le bilan d'un siècle (1801—1900). Соч. расчитано на шесть томовъ, изъ коихъ пока вышло только два (1906).—*Heigel*. Politische Hauptströmungen in Europa im XIX Jahrhundert.—*Норденъ*. Итоги XIX вѣка (1898).—*E. Driault*. Les problèmes politiques et sociaux à la fin du XIX siècle. — *Hodder Edwin*. The life of a century, 1800—1900 (1902).—*Turiello*. Il secolo XIX (1902).—*Дебидуръ*. Политическая исторія XIX в. (1903. По-русски этой книги, указанной нами на стр. 224, вышелъ только первый томъ). — *E. Brandenburg*. Geschichte des neueren Staatensystem vom Wiener Kongress bis zur Gegenwart.—*E. Тарле*. Очерки и характеристики изъ исторіи общественнаго движенія въ XIX в. (1903). — Указанный на стр. 11 трудъ *А. Штерна* въ трехъ томахъ перваго отдѣла (erste Abtheilung) доведенъ до 1830 г., а четвертый томъ является первымъ во второмъ отдѣлѣ, который долженъ быть доведенъ до 1848 г., все же предполагается довести до 1871 г. Указанный IV томъ вышелъ въ свѣтъ въ 1905 г. О первыхъ трехъ томахъ см. мою статью въ „Извѣстіяхъ Спб. Политехническаго института“ (т. I). — Соч. *H. St. Chamberlain'a*. Die Grundlagen des XIX Jahrhunderts, первый томъ котораго вышелъ въ 1899 г., начинаетъ слишкомъ издалека (съ греч. искусства и философіи, римскаго права и т. п.). Въ коллективной „Исторіи человѣчества“ подъ ред. *Гельмольта* (русск. пер., изд. фирмою „Просвѣщеніе“) XIX вѣку отводится VIII томъ. Кромѣ того, для цѣльной исторіи отдѣльныхъ странъ Европы въ XIX в. см. дополнительныя указанія къ главамъ IV, XVI и XVII, гдѣ названы соч. *Brousse et Turot*, *Viviani* и др., входящихъ въ составъ „Histoire socialiste“ подъ ред. *Jaurès'a*, *Kaufmann'a* и др. Совершенно особую категорію соч. по исторіи отдѣльныхъ странъ въ XIX в. представляютъ собою общія характеристики такого рода, какъ *E. Boutmy*. Essai d'une psychologie politique du peuple anglais au XIX siècle (1901). — *L. Levy-Brühl*. L'Allemagne depuis Leibniz и т. п.

ГЛАВА II (стр. 13). Самымъ значительнымъ трудомъ по исторіи отношеній между французской революціей и Европою является соч. *Sorel'я* „L'Europe et la révolution française“, четыре тома котораго вышли въ свѣтъ еще раньше (см. т. III, стр. 8), а четыре еще уже послѣ второго изданія настоящаго тома „Ист. Зап. Евр.“. Изъ нихъ первый (V по общему счету) озаглавленъ: „Bonaparte et le directoire“ (1795—1799). Русскій переводъ имѣется для первыхъ шести томовъ соч. Сореля, изъ которыхъ V и VI (о наполеоновской эпохѣ) вышли въ свѣтъ въ 1906 г. Сорелю принадлежитъ еще этюдъ „Bonaparte et Hoche en 1797“.—Кромѣ того, см. *B. Croce*. La rivoluzione napoletana del 1799 (1899).—*Lemmi*. Le origini del risorgimento italiano. 1789—1815 (1906).—*Его же*. Relazioni dei patrioti napoletani col direttorio et col consolato (1902). — *Dufourcq*. Le régime jacobin en Italie. Étude sur la république romaine (1900).—*Lumbroso*. La rivoluzione francese in Sardegna (1901). — *R. Sarra*. La rivoluzione republicana del 1799 in Basilicata (1901).—*Giglioli*. Naples in 1799. A history of the Parthenopean republic (1902).—*F. Bouvier*. Bonaparte en Italie en 1796 (1899).—*Du Teil*. Rome, Naples et le directoire (1902). — *E. Dunan*. Les relations diplomatiques de la France et de la République Helvétique (1902). — *Hüffer*. Der Krieg des Jahres 1799 und die zweite Koalition (1905).—*Его же*. La fin de la république napolitaine (1904).

ГЛАВА IV (стр. 47). Наиболѣе важнымъ новѣйшимъ трудомъ по наполеоновской эпохѣ слѣдуетъ признать VI, VII и VIII томы соч. *Sorel'я* „L'Europe et la révolution française“, вышедшіе въ свѣтъ въ 1902—1904 гг. Далѣе, для

этой эпохи имѣется VI томъ изд. подъ ред. *Jaurès*'а „Histoire socialiste" (1789—1900), составленный *P. Brousse*'омъ и *H. Turot* (Consulat et empire, 1799—1815; Paris, безъ даты), имѣющій значеніе для экономической исторіи эпохи.—*Lacroix*. Hist. de Napoléon (1902).—*Rose*. The life of Napoleon (1902; два тома на основаніи новыхъ матеріаловъ изъ англійскихъ оффиціальныхъ источниковъ).—*А. Вандаль*. Возвышеніе Бонапарта (1905). — *Landmann*. Die Vollendung der Revolution. Napoléon I (1903).—*Beltrami*. Napoleone I (1903).— *Fischer*. Napoleon I (1904). — *В. Слоанъ*. Новое жизнеописаніе Наполеона (1896). — *П. И. Ковалевскій*. Наполеонъ I и его геній (4 томикъ „Психіатрическихъ эскизовъ изъ исторіи". 1901).—*А. Трачевскій*. Наполеонъ I (1907; доведено до 1804 г.). — *A. Chuquet*. La jeunesse de Napoléon (1901).—*Marcaggi*. La genèse de Napoléon. Sa formation intellectuelle et morale jusqu'au siège de Toulon (1902).—*Colin*. L'éducation militaire de Napoléon (1905).—*F. Masson*. Napoléon et sa famille (1903; вышло 9 томовъ).—*H. Houssaye*. Napoléon homme de guerre (1904).—Кромѣ указанной на стр. 47 наполеоновской библіографіи Лумброзо, см. *Kircheisen*. Bibliografia di Napoleone (1902).—О наполеоновской легендѣ: *Cappelletti*. La legenda Napoleonica (1903).— *Kennan*. Folk tales of Napoleon (1902). — *Ph. Gonnard*. Les origines de la légende napoléonienne (1907).

(Стр. 58). *Arthur Lévy* въ своей новой книгѣ „Napoléon et la paix" (1902) старается доказать, что войны консульства и имперіи вовсе не были вызваны Наполеономъ, и что Наполеонъ только къ тому и стремился, чтобы заключить миръ. Леви приводитъ самъ документы, которые опровергаютъ его странную идею.

(Стр. 70). О Жозефинѣ два соч. *F. Masson*'а (1899): 1) Joséphine de Beauharnais и 2) Joséphine impératrice et reine. — *J. Turquan*. L'impératrice Joséphine (1898).—См. ниже (при ссылкѣ на стр. 152) книгу *Lepelletier*.

(Стр. 71). *W. von Unger*. Wie Bonaparte den Marschallstab ergriff (1906).

(Стр. 93). Для исторіи французскихъ эмигрантовъ въ эпоху консульства и имперіи см. III томъ извѣстнаго соч. *E. Daudet*. Histoire de l'émigration pendant la révolution française (T. III. Du 18 Brumaire à la restauration).

(Стр. 99). *De la Faye*. La princesse Charlotte de Rohan et le duc d'Enghien (1904).

ГЛАВА VII (стр. 103). Фамилію *Lesmaret* (5 строка снизу) слѣдуетъ читать *Desmarets*. Новыя соч. по внутренней исторіи консульства и имперіи: *Corréard*. La France sous le consulat.—*Stourm*. Les finances du consulat (1902).— *Lanzac de Laborie*. Paris sous Napoléon I (три тома).—*Schmidt*. La réforme de l'université impériale en 1811 (1906).—*З. Аваловъ*. Децентрализація и самоуправленіе во Франціи (1905).—Для конкордата: *Grente*. Le culte catholique de la terreur au concordat (1903).—*Debidour*. Rapports de l'église et de l'état en France (1789—1870).—*Mathieu* (кардиналъ). Concordat de 1801 (1903).—*Crouzil*. Le concordat de 1801 (1904).—*Sevestre*. Histoire, le texte et la déstinée du concordat en 1801 (1903).—*Madeline*. Fouché (1900; два тома).—*A. Lemoine*. Napoléon I et les juifs (1900).—*Boisandré* Napoléon antisémite (1900).—*De Beauregard*. Les maréchaux de Napoléon (1900).—*Leroy*. L'esprit de la legislation napoléonienne (1898).—*Joc*. Bonaparte et le code civil (1898).—По случаю сотой годовщины гражданскаго кодекса о немъ появилось нѣсколько работъ. См. главнымъ образомъ два большіе тома подъ заглавіемъ „Le Code civil (1804—1904). Livre du centenaire, publié par la Société des études législatives" (1904), гдѣ помѣщено до сорока обстоятельныхъ статей, изъ коихъ по-русски въ „Жур-

налѣ Министерства Юстиціи" за 1905 г. переведены двѣ: *А. Сорель.* Историко-культурное значеніе гражданскаго кодекса и *Р. Салейль.* Французскій гражданскій кодексъ и историческій методъ. — Сюда же нужно отнести русскую книгу *Юшкевича* „Наполеонъ I на поприщѣ гражданскаго правовѣдѣнія и законодательства" (1905).—*Л. А. Кассо.* Къ столѣтію кодекса Наполеона („Журн. Мин. Юстиціи", 1904, янв.). Ср. также *Максимъ Леруа.* Старое и новое право. Къ столѣтію кодекса Наполеона (1907).—См. также *Г. Шершеневичъ.* Курсъ гражд. права (1902), т. I, вып. 2, стр. 252—268.

(Стр. 120). *E. L. Fischer.* Kardinal Consalvi. 1899. Консальви былъ министромъ папы Пія VII.— *Welschinger.* Le pape et l'empereur (1905).

(Стр. 124). *E. Rodocanachi.* Pie VII à Paris et le couronement le l'empereur (1900).

(Стр. 126, прим.). *L. de Royaumont.* Napoléon faux monnayeur (изд. „L'humanité nouvelle").

ГЛАВА VIII (стр. 133 — 134). Кромѣ указанныхъ VI—VIII тт. книги *Сореля*, см. *E. Rodocanachi.* Bonaparte et les îles Ioniennes. (1899).—*Его же.* Élisa Napoléon (Baciocchi) en Italie (1900).—*Driault.* La politique orientale de Napoléon. — *Его же.* Napoléon et l'Italie. — *Ch. Schmidt.* Le grand duché de Berg (1806—1813).—*L. Madeline.* La Rome de Napoléon. La domination française à Rome de 1809 à 1814 (1906).—*G. Roloff.* Die Kolonialpolitik Napoléons I (1899). — *Rosenthal.* Fürst Talleyrand und die auswärtige Politik Napoléons (1905).—*H. M. Bowman.* Preliminary stages of the peace of Amiens (въ „University of Toronto Studies"). — *F. Kirchmayer.* La cadutta della republica di Ragusa (1900).—*R. M. Johnston.* The napoleonic empire in southern Italy and the rise of the secret societies (1904; два тома).—См. также соч. *Lemmi*, названное при ссылкѣ на стр. 13. — По вопросу о положеніи Швейцаріи при Наполеонѣ см. въ I главѣ книги *Б. Э. Нольде* „Постоянно нейтральное государство" (1905).—*G. Steiner.* Napoleon's Politik und Diplomatie in der Schweiz. (1906).—*E. Guillon.* La guerre d'Espagne sous Napoléon (1902). — *C. Auriol.* La France, l'Angleterre et Naples de 1803 à 1806 (1904). — *Servières.* L'Allemagne française sous Napoléon (1905).—*H. Fischer.* Studies in Napoleonic Statesmanship: Germany (1903).—*P. Coquelle.* Napoléon et l'Angleterre, 1803—1813 (1904; есть и англ. переводъ).—*A. Martinet.* Jérôme Napoléon, roi de Westphalie (1902).—*L. Pingaud.* Bernadotte, Napoléon et les Bourbons (1901).—*H. Weil.* Le prince Eugène et Murat (1900 sq.).—*Chavanon et Saint-Yves.* Ioachim Murat (1905). — Для исторіи распространенія и вліянія Наполеонова кодекса внѣ Франціи см. рядъ статей въ указанномъ выше юбилейномъ сборникѣ, причемъ нѣкоторыя изъ этихъ статей написаны иностранными учеными. — Къ изданіямъ документовъ по дипломатическимъ сношеніямъ Россіи и Франціи, указаннымъ на стр. 134, слѣдуетъ прибавить вышедшее въ 1905 году въ трехъ томахъ изданіе *велик. кн. Николая Михаиловича* подъ заглавіемъ „Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи по донесеніямъ пословъ императоровъ Александра и Наполеона" (1808—1812).

(Стр. 141). *F. Nikolay.* Napoléon I au camp de Boulogne, d'après de nombreux documents inédits (1906).

(Стр. 146). *Kembowski.* Z życia konstytucyjnego w Księstwie Warszawskiem (1905).--Кое-что въ книгѣ *Wl. M. Kozlowskiego* „Autonomia królewstwa polskiego" (1807).

(Стр. 152). *Fr. Masson.* L'impératrice Marie-Louise (1902).—*E. Lepelletier.* Les deux impératrices.—*E. Pouvillon.* Le roi de Rome (1900).

(Стр. 165). Русскій переводъ норвежской конституціи см. въ I т. сборника „Современныя конституціи“ (Спб. 1905. Подъ ред. *В. Гессена* и *бар. Б. Нольде*).

ГЛАВА X (стр. 171). *G. Cavaignac.* La formation de la Prusse contemporaine. T. II (1808—1813).—*Lehmann.* Freiherr von Stein (1902).

ГЛАВА XI (стр. 201). И для этой главы см. *Sorel.* L'Europe et la révolution française.—*G. Just.* Als die Völker erwachten. Literarische Bewegung und Zeitstimmung in Deutschland vor Beginn des Feldzuges von 1809 (1907).—*R. Protti.* Belluno e il movimento antifrancese dell' anno 1809 (1900).—*A. Fournier.* Der Congress von Châtillon; die Politik im Kriege von 1814 (1900).—

(Стр. 208). *Binder von Krieglstein.* Ferdinand von Schill (1902).

(Стр. 209). *Vic. J. d'Ussel.* Études sur l'année 1813. La défection de la Prusse (1907).

ГЛАВА XII (стр. 224). Кромѣ книги *Сореля*, важной и для этой гл., см. *Lavalley.* Le duc d'Aumont et les Cent-Jours en Normandie (1899).—Для парижскаго трактата 1815 г. см. спеціальное изслѣдованіе *Sorel*'я (Le traité de Paris du 20 novembre 1815).—По вопросу о положеніи Швейцаріи и Кракова на вѣнскомъ конгрессѣ см. первыя двѣ главы кн. *Б. Э. Нольде* „Постоянно нейтральное государство“ (1905).— Обозначенной на стр. 224 книги *Houssaye* „1815“ въ 1905 г. вышелъ въ свѣтъ третій томъ.

(Стр. 228). *P. Gryer.* Napoléon king of Elba (1906).

(Стр. 236). *J. von Pflugk Hartung.* Vorgeschichte der Schlacht bei Belle-Alliance (1903).

(Стр. 238—239). *A. Lumbroso.* L'agonia di un regno: Gioachino Murat al Pizzo (1905).

ГЛАВА XIII (стр. 245). *Fr. Nielson.* The history of the Papacy in the XIX Century (1906).—*J. Guibert.* Le réveil du catholicisme en Angleterre au XIX siècle (1907).– *G. Goyau.* L'Allemagne réligieuse. Le catholicisme de 1800 à 1848 (1907).

(Стр. 257). *Lady Blennerhasset.* Chateaubriand, Romantik und Restaurationsepoche in Frankreich (1903).

(Стр. 263). О г-жѣ Сталь см. еще книгу *P. Gautier.* M-me Staël et Napoléon.—*Matteucci.* M-me Staël e un suo studio sull 'Italia al principio del sec. XIX (1900).

(Стр. 264). *E. Kircher.* Philosophie der Romantik (1906).

(Стр. 271). Въ указанномъ выше юбилейномъ сборникѣ „Le code civil“ см. статью *R. Saleilles.* Le code civil et la méthode historique, существующую и въ русскомъ переводѣ.

(Стр. 272). *L. Dimier.* Les maitres de la contre-révolution au XIX siècle (есть о Ж. де Местрѣ и Бональдѣ). 1906.—*Latreille.* Joseph de Maistre et la papauté (1906).—*J. Mandoul.* Un homme d'état italien: J. de Maistre.—*E. Grasset.*—J. de Maistre, sa vie et son oeuvre (1901).

ГЛАВА XIV (стр. 286). Нужно прибавить указаніе на книгу *проф. Виппера.* Общественныя ученія и историческія теченія XVIII и XIX вѣковъ.—

(Стр. 288). Указанная книга *С. А. Котляревскаго* называется „Ламеннэ и новѣйшій католицизмъ“.

(Стр. 291). *Bruno Gebhardt.* Wilhelm von Humboldt, als Staatsmann (1896).—*Kittel.* W. von Humboldts geschichtliche Weltanschauung (1901).

(Стр. 294). Отмѣченная здѣсь статья о Бенжаменѣ Констанѣ имѣется теперь въ видѣ отдѣльной брошюры (1905). Кромѣ того, см. *G. de Lauris.*

Benjamin Constant et les droits individuels (1903).—*Ed. Rod.* Les idées politiques de Benjamin Constant (1904).—*Glachant.* B. Constant sous l'oeil du guet (1906). — По вопросу о суверенитетѣ *Barbé.* Etude historique des idées sur la souveraineté en France de 1815 à 1848 (1904).

ГЛАВА XV (стр. 301—302). *Bolton King.* Hist. de l'unité italienne (1814—1871). Перев. съ англ.; есть русск. пер.—*A. Comandini.* L'Italia nei cento anni del secolo XIX (1900).—*P. Orsi.* Modern Italy, 1748 — 1898 (1900; есть итал. пер., и переводится по-русски).—*Druso Rondini.* Il risorgimento nazionale (1900; т. I, отъ 1814 до 1849 г.).—*Persiani.* Una pagina di storia italiana, 1814 (1900). — *G. Ferrari.* La rivoluzione ed i rivoluzionari in Italia dal 1796 al 1844 (1901). — *J. Luchaire.* Essai sur l'évolution intellectuelle de l'Italie de 1815 à 1830 (1906).

(Стр. 305). *Инсаровъ.* Князь Меттернихъ (1905).—*Strobl von Ravelsberg.* Metternich und seine Zeit (1906).

(Стр. 308). Польская конституція 1815 г. разсмотрѣна у насъ въ V т., гдѣ приводится и литература по исторіи Царства Польскаго. За послѣднее время вышло (въ связи съ толками о польской автономіи) нѣсколько работъ по польской конституціи 1815 г. См. *Wł. M. Kozłowski.* Autonomia królewstwa Polskiego (1907). Новѣйшіе польскіе труды по эпохѣ: *Askenazy.* Ks. Iózef Poniatowski (1904).—*St. Smolka.* Polityka Lubeckiego przed powstaniem listopadowem (1907; вышелъ пока только первый томъ, доведенный до 1830 г.).—*Bojasiński.* Rządy tymczacrowe w Królestwie Polskim (1902).

(Стр. 320). Для исторіи итальянскихъ тайныхъ обществъ въ наполеоновскую эпоху см. книгу *Johnston*'а, указанную выше въ ссылкѣ на стр. 133—134. См. еще *E. Casa.* J carbonari parmigiani e guastallesi cospiratori nel 1821 (1904).— *V. Labate.* Un decennio (1821—1831) de carboneria in Sicilia (1904).—*D. Spadoni.* Sette, cospirazioni e cospiratori nello stato pontificio all indomani della restaurazione (1904).

(Стр. 325). *Leo Mouton.* Memoires du général Guillaume Pepe (1907). Новое изданіе книги, вышедшей въ свѣтъ въ 1847 г.

(Стр. 326). *Derossi di Santa Rosa.* Carlo Alberto di Savoia-Carignano (1900).—*Rivieri.* I costituti del conte Confalonieri et il principe di Carignano (1902). —*De Reiset.* I moti del 1821. Il soggiorno di Carlo Alberto in Alessandria (1901).

ГЛАВА XVI (стр. 334). *G. Kauffmann.* Politische Geschichte Deutschlands im XIX Jahrhundert (одинъ изъ томовъ коллекціи „Das neunzehnte Jahrhundert in Deutschlands Entwickelung", куда входятъ еще книги *Циглера* о духовныхъ и соціальныхъ движеніяхъ и *Зомбарта* по исторіи народнаго хозяйства, указанныхъ въ др. мѣстахъ).—*Дживелеговъ.* Очерки по исторіи Германіи (съ 1806 по 1871). 1905 г. (популярная книжка).—*Базаровъ и Степановъ.* Очерки по исторіи Германіи въ первой половинѣ XIX в. 1906 (2 изд.).—*Бахъ.* Австрія въ первую половину XIX в. (1906).—*Denis.* L'Allemagne de 1810 à 1852.— *W. v. Hassell.* Gesch. des Königreichs Hannover (1898; съ 1813 г.).—*Zwiedineck-Südenhorst.* Deutsche Geschichte von der Auflösung des alten bis zur Errichtung des neuen Kaiserreiches (1897; первый томъ разсматриваетъ время отъ 1806 по 1815 г.).

(Стр. 366). Знаменитое соч. *Куно Фишера* о Гегелѣ имѣется теперь въ русскомъ переводѣ въ двухъ томахъ. См. еще *П. Новгородцевъ.* Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ (1901).

(Стр. 347). Баварская и баденская конституціи имѣются въ русскомъ переводѣ въ I т. „Современныхъ конституцій", изд. подъ редакціей *В. М. Гессена* и *бар. Б. Э. Нольде.* Спб. 1905.

ГЛАВА XVII (стр. 370—371). Въ изд. подъ ред. *Jaurès'a* „Histoire socialiste" VII томъ, написанный *Viviani*, посвященъ эпохѣ реставраціи. *Weill.* La France sous la monarchie constitutionnelle (1906). — *Barthélemy.* L'introduction du régime parlementaire en France sous Louis XVIII et Charles X.— *L. Michon.* Le gouvernement parlementaire sous la restauration (1905). — По частнымъ вопросамъ: *Romberg et Malet.* Louis XVIII et les Cent-Jours à Gand (1899).—*E. Daudet.* Louis XVIII et le duc Decazes (1899).—Для начала реставраціи имѣютъ цѣнность и работы *Houssaye* „1814" и „1815", указанныя на стр. 224. Отмѣтимъ еще появленіе на ит. яз. соч. проф. *G. Brizzolara* „La Francia dalla restaurazione alla fondazione della terza republica" (1903). Указанная здѣсь книга *Жоржа Вейля* имѣется въ переводѣ на русскій языкъ (1906).

(Стр. 380). Русскій переводъ конституціонной хартіи 4 іюня 1814 г. помѣщенъ въ „Текстахъ конституцій", пер. *Ѳ. Ѳ. Кокошкина.* М. (1905).

(Стр. 394). *De la Bedoyère.* Le maréchal Ney (1902).

(Стр. 415). Для исторіи военныхъ заговоровъ см. *Guillon.* Les complôts militaires sous la restauration (1895). Ср. *E. Bonnal.* Les royalistes contre l'armée (1907).

(Стр. 421). *Garsou.* Beranger et la chanson napoléonienne (1897).

ГЛАВА XXI (стр. 452). *H. W. V. Temperley.* Life of Canning (1905).

ГЛАВА XXI. На основаніи книги *Джефсона*, указанной на стр. 461 и имѣющейся въ русскомъ переводѣ (Платформа, ея возникновеніе и развитіе. Исторія публичныхъ митинговъ въ Англіи. 1901) составлена ст. *проф. В. Ѳ. Дерюжинскаго* въ сборникѣ его статей „Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи" (1905).—*F. Salomon.* William Pitt, der Jüngere (1901).— *S. and B. Webb.* English local government: the Parish and the County (1906; разсматривается время отъ 1688 до 1835 г.). — Въ книгѣ *Гиббинса* и *Сатурина* „Исторія современной Англіи" изложеніе начинается съ начала XIX в.— Въ только-что вышедшихъ въ свѣтъ двухъ томахъ книги *Hatschek*'a „Englisches Staatsrecht" (1906 и 1907) имѣются и историческія данныя, между прочимъ, и для XIX в.

(Стр. 431). *П. Мижуевъ.* Исторія колоніальной имперіи и колоніальной политики Англіи.

(Стр. 478—479). Для исторіи Ирландіи см. *Г. Е. Аѳанасьева* „Исторія Ирландіи" (одинъ изъ выпусковъ „Исторіи Европы по эпохамъ и странамъ" подъ ред. Карѣева и Лучицкаго), *А. Быковой* (популярные „Разсказы изъ исторіи Ирландіи"), ст. *Е. В. Тарле* въ „Мірѣ Божіемъ".

(Стр. 480). *Dunlop.* Daniel O'Connell and the revival of national life in Jreland (1900).

(Стр. 482). Книга о Байронѣ *Алексѣя Н. Веселовскаго*, составившаяся изъ его статей, вышла въ свѣтъ. Въ 1904—1905 г. издательская фирма Брокгаузъ - Ефронъ выпустила въ свѣтъ русск. переводъ соч. Байрона съ біографическимъ очеркомъ, написаннымъ *Е. В. Аничковымъ*, статьей о байронизмѣ *Н. А. Котляревскаго* и многими предисловіями и примѣчаніями къ отдѣльнымъ произведеніямъ Байрона (см., наприм., мою статью о веронскомъ конгрессѣ въ видѣ предисловія къ переводу „Бронзоваго вѣка"). Въ III т. (стр. 571 и слѣд.) данъ и переводъ парламентскихъ рѣчей Байрона.

ГЛАВА XXIII (стр. 499—505). Указанная въ этой главѣ литература особенно пополнилась за послѣднее время. *Зомбартъ.* Современный капитализмъ (1903 и 1905).—*H. Gibbins.* Economic and industrial progress of the cen-

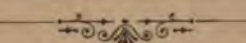
tury (1903).—*P. Mantoux.* La révolution industrielle au XVIII siècle. Essai sur les commencements de la grande industrie moderne en Angleterre (1906).—*Роджерсъ* Исторія труда и заработной платы въ Англіи съ XIII по XIX вѣкъ (къ XIX в. имѣютъ отношеніе только послѣднія главы).—*Гостинъ*. Рабочій классъ въ Англіи въ XIX столѣтіи (1902).—*А. Гельдъ*. Развитіе крупной промышленности въ Англіи —Въ VII т. коллективной „Исторіи человѣчества" подъ ред. *Гельмольта* особый отдѣлъ (IV; стр. 389—448 рус. перевода) посвященъ исторіи соціальнаго вопроса въ XIX в. (написанъ *Георгомъ Адлеромъ*).—*W. Sombart*. Die deutsche Volkswirtschaft im neunzehnten Jahrhundert (1903).—*Pohle*. Die Entwickelung des deutschen Wirtschaftsleben im XIX Jahrhundert.—*K. Lamprecht*. Zur jüngsten deutschen Vergangenheit (1903). II Bd. 1 Hälfte (Wirtschaftsleben.—Sociale Entwickelung).—*E. Cauderlier*. L'evoluzione économica nel secolo XIX (1905).—*Levasseur*. Histoire des classes ouvrières. (Новое изд. 1902 г.). — *Гуго и Штегманъ*. Справочная книга соціалиста (1906). — *J. Rambaud*. Histoire des idées économiques (1902).—Самый крупный изъ новѣйшихъ трудовъ по исторіи политической экономіи (*A. Oncken*. Geschichte der Nationalökonomie. 1902) доведенъ пока до Адама Смита. — *G. Isambert*. Les idées socialistes en France de 1815 à 1848 (1905). — *Fournière*. Les théories socialistes au XIX siècle. De Baboeuf à Proudhon (1904). — *Lichtenberger*. Le socialisme utopique. — *Поль Луи*. Французскіе мыслители и дѣятели XIX в. (1905).—*Его же*. Исторія соціализма во Франціи (1906). — *Бороздинъ*. Очерки по исторіи соціальнаго движенія во Франціи XIX в. (1906; популярная книжка).—*М. Туганъ-Барановскій*. Очерки по новѣйшей исторіи политической экономіи. Спб. 1903 (Разсмотрѣны ученія отъ Ад. Смита до Карла Маркса). — *Его же*. Современный соціализмъ въ его историческомъ развитіи (1906).—*Ив. Ивановъ*. Сенъ-Симонъ и сенъ-симонизмъ (1901).—*Веббъ*. Соціализмъ въ Англіи (1907).—*E. Dolléans*. Robert Owen. 1907.—*H. Burgin*. Fourier (1905).—Изъ указанныхъ на иностранныхъ языкахъ книгъ переведены по-русски: *Гельдъ*. Соціальная исторія Англіи (1907). — *Энгельсъ*. Положеніе рабочаго класса въ Англіи (1905).—*Гиббинсъ*. Промышленная исторія Англіи (1895). — *Кённингемъ*. Ростъ англійской промышленности и торговли (1904). — *А. Мишель*. Идея государства. Критическій очеркъ исторіи соціальныхъ и политическихъ теорій во Франціи со времени французской революціи (1903).—(*Bernheim, Hugo, Kautsky*). Исторія соціализма въ монографіяхъ (1906). — *Зомбартъ*. Соціализмъ и соціальное движеніе. — *Грагамъ*. Соціализмъ старый и новый (1906). — *Веббъ*. Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма (1900—1902).—*Бебель*. Фурье, его жизнь и ученіе (1906).

ГЛАВА XXIII (стр. 513). О *Stüve* большая работа въ двухъ томахъ вышла въ свѣтъ въ 1903 г.; авторъ ея, *Stüve*, племянникъ извѣстнаго.

(Стр. 544). Къ литературѣ о цехахъ — *І. М. Кулишеръ*. Эволюція прибыли съ капитала въ связи съ развитіемъ промышленности и торговли. Т. I. Періодъ до XVIII вѣка (1906). См. въ этомъ соч. главы V и VI (о средневѣковыхъ цехахъ), главу VIII (о домашней или кустарной промышленности въ XVI—XVIII вв. и главу IX (возникновеніе централизованныхъ мануфактуръ).

(Стр. 571). *В. Ѳ. Дерюжинскій*. Призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи (оттискъ изъ „Трудовой помощи" за 1906 г.). На стр. 2-й приведена литература предмета.

(Стр. 598). *Ch. E. Stangeland*. Pre-Malthusian doctrines of population. A study in the history of economic theory (1904).

ВСТУПЛЕНІЕ.

I. Исторія XIX вѣка и ея изученіе.

Значеніе французской революціи въ новѣйшей исторіи. — Общій взглядъ на исторію XVIII в.—Консервативная оппозиція въ XVIII в. и реакція въ XIX в.— Основныя историческія движенія XIX в.—Дѣленіе исторіи XIX в. на періоды.— Общая историческая литература о XIX вѣкѣ.

Центральными событіями двухъ большихъ періодовъ, на которые можно раздѣлить исторію Западной Европы въ новое время, являются религіозная реформація XVI в. и революція въ концѣ XVIII столѣтія. Подобно тому, какъ реформація, подготовленіе которой началось еще въ XIV и XV вѣкахъ, открываетъ собою исторію XVI и XVII столѣтій, составляющихъ особый періодъ въ культурной и политической жизни Западной Европы по характеризующимъ ихъ явленіямъ религіозной реформаціи, вызванной ею католической реакціи и борьбы между католицизмомъ и протестантизмомъ, такъ и революція, ближайшимъ образомъ подготовленная культурнымъ движеніемъ и соціальными перемѣнами XVIII вѣка, имѣетъ значеніе исходнаго пункта новѣйшей исторіи со всѣми политическими, соціальными и національными движеніями, которыми такъ было богато только-что истекшее XIX столѣтіе. Подобно реформаціи, начавшейся въ Германіи и распространившейся оттуда на всю Западную Европу, и революція 1789 г., бывшая сначала, повидимому, чисто мѣстнымъ событіемъ въ качествѣ политическаго и соціальнаго переворота въ одной французской монархіи, пріобрѣла весьма скоро универсальное значеніе и по своему вліянію на остальную Европу, и по той еще причинѣ, что сама революція эта была лишь однимъ изъ проявленій важнаго историческаго процесса, который совершался вообще въ культурной и соціальной жизни романскихъ и германскихъ народовъ. И въ Германіи начала XVI в., и во Франціи конца XVIII столѣтія лишь ранѣе, чѣмъ

ВСТУПЛЕНІЕ.

I. Исторія XIX вѣка и ея изученіе.

Значеніе французской революціи въ новѣйшей исторіи. — Общій взглядъ на исторію XVIII в.—Консервативная оппозиція въ XVIII в. и реакція въ XIX в.— Основныя историческія движенія XIX в.—Дѣленіе исторіи XIX в. на періоды.— Общая историческая литература о XIX вѣкѣ.

Центральными событіями двухъ большихъ періодовъ, на которые можно раздѣлить исторію Западной Европы въ новое время, являются религіозная реформація XVI в. и революція въ концѣ XVIII столѣтія. Подобно тому, какъ реформація, подготовленіе которой началось еще въ XIV и XV вѣкахъ, открываетъ собою исторію XVI и XVII столѣтій, составляющихъ особый періодъ въ культурной и политической жизни Западной Европы по характеризующимъ ихъ явленіямъ религіозной реформаціи, вызванной ею католической реакціи и борьбы между католицизмомъ и протестантизмомъ, такъ и революція, ближайшимъ образомъ подготовленная культурнымъ движеніемъ и соціальными перемѣнами XVIII вѣка, имѣетъ значеніе исходнаго пункта новѣйшей исторіи со всѣми политическими, соціальными и національными движеніями, которыми такъ было богато только-что истекшее XIX столѣтіе. Подобно реформаціи, начавшейся въ Германіи и распространившейся оттуда на всю Западную Европу, и революція 1789 г., бывшая сначала, повидимому, чисто мѣстнымъ событіемъ въ качествѣ политическаго и соціальнаго переворота въ одной французской монархіи, пріобрѣла весьма скоро универсальное значеніе и по своему вліянію на остальную Европу, и по той еще причинѣ, что сама революція эта была лишь однимъ изъ проявленій важнаго историческаго процесса, который совершался вообще въ культурной и соціальной жизни романскихъ и германскихъ народовъ. И въ Германіи начала XVI в., и во Франціи конца XVIII столѣтія лишь ранѣе, чѣмъ

въ другихъ странахъ Западной Европы, произошли событія, имѣвшія своими причинами культурныя и соціальныя отношенія, которыя были болѣе или менѣе общими для всѣхъ странъ, гдѣ только существовали историческіе порядки католическаго и феодальнаго происхожденія. Если нѣмецкая реформація могла оказать вліяніе на другія страны католической культуры, то лишь потому, что послѣднія были сами подготовлены къ воспріятію этого вліянія существованіемъ въ нихъ тѣхъ же самыхъ отношеній, которыя вызвали реформаціонное движеніе въ самой Германіи, или, по крайней мѣрѣ, отношеній имъ аналогичныхъ. То же самое можно сказать и о французской революціи: ея вліяніе на Западную Европу обусловливается тѣмъ, что старые государственные и общественные порядки, противъ которыхъ направлено было французское историческое движеніе конца XVIII столѣтія, были общими почти для всѣхъ европейскихъ странъ, не говоря уже о космополитическомъ значеніи французской „философіи XVIII вѣка". Вотъ почему и исторію французской революціи можно въ общемъ разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія, видя въ ней или внутренній французскій переворотъ, или событіе, значеніе котораго выходитъ за предѣлы одной французской исторіи. Въ послѣднемъ смыслѣ революція и была подвергнута историческому разсмотрѣнію въ двухъ извѣстныхъ трудахъ—Зибеля (Geschichte der Revolutionszeit) и Сореля (L'Europe et la révolution française [1]). Равнымъ образомъ, лишь имѣя въ виду общеевропейское значеніе французской революціи, Файфъ, авторъ „Исторіи Европы XIX вѣка", начинаетъ свое изложеніе съ 20 апрѣля 1792 г., когда революціонная Франція объявила войну монархической Европѣ, — войну, имѣвшую громадное значеніе не только въ исторіи международныхъ отношеній, но и для внутренней исторіи большей части европейскихъ народовъ. Мы послѣдуемъ этому примѣру, предпославъ изложенію исторіи XIX вѣка краткій очеркъ непосредственнаго вліянія французской революціи на Европу въ послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка, по возможности, однако, въ соотвѣтствіи съ общимъ характеромъ нашего труда, сокративъ дипломатическую и военную сторону исторіи взаимныхъ отношеній между революціонной Франціей и вступившей съ нею въ борьбу Европой.

Исторія XVIII в. на западѣ Европы характеризуется двумя главными явленіями, а именно въ области политической и соціальной господствомъ королевскаго абсолютизма и аристократическихъ привилегій, соединеніе которыхъ и составляетъ самое существо „стараго порядка", разрушеннаго революціей, въ культурной же сферѣ — господствомъ раціоналистической философіи „естественнаго права", вра-

---

[1]) Оба они существуютъ въ русскомъ переводѣ.

ждебной всѣмъ государственнымъ и общественнымъ отношеніямъ, изъ которыхъ складывался этотъ самый „старый порядокъ". Нужно, однако, замѣтить, что послѣдній не только подвергался нападенію извнѣ во имя новыхъ культурныхъ и общественныхъ началъ, бывшихъ съ нимъ въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи, но и внутренне начиналъ разлагаться. Еще задолго до революціи политическій абсолютизмъ вступилъ въ борьбу съ соціальными привилегіями, — одна изъ характерныхъ чертъ такъ называемаго „просвѣщеннаго абсолютизма", — что вызвало противъ государственной власти довольно острую консервативную оппозицію со стороны представителей сословныхъ привилегій. Само крушеніе старой монархіи во Франціи объясняется совокупнымъ противъ нея дѣйствіемъ двухъ оппозицій—консервативной, отстаивавшей прежній соціальный строй, и прогрессивной, стремившейся, наоборотъ, къ общественному переустройству. Побѣда революціи надъ „старымъ порядкомъ" во Франціи свидѣтельствуетъ намъ не только о той силѣ, какую получили новыя идеи въ обществѣ, но и о томъ разстройствѣ, въ какомъ находилась вся исторически-сложившаяся система политическихъ и соціальныхъ отношеній. Какимъ бы, однако, ни былъ исходъ начавшагося во Франціи переворота для внутренней жизни этой страны, побѣда революціонной Франціи надъ Европою, ополчившеюся на защиту своего стараго государственнаго и общественнаго строя, равнымъ образомъ свидѣтельствуетъ намъ о внутреннемъ разложеніи этого строя и внѣ Франціи. Революція во Франціи и вызванная ею международная борьба только ускорили паденіе „стараго порядка" и въ другихъ государствахъ, гдѣ онъ и безъ того начиналъ уже разлагаться,—и въ то же время содѣйствовали пробужденію новыхъ общественныхъ силъ, стремленія которыхъ получили свою формулировку подъ вліяніемъ все той же французской „философіи XVIII вѣка", подъ вліяніемъ все тѣхъ же „принциповъ 1789 г.". Въ XVIII столѣтіи Франція только шла впереди другихъ континентальныхъ націй, но дорога, по которой почти всѣ онѣ шли, была въ сущности одна и та же: это былъ историческій процессъ преобразованія старыхъ общественныхъ и государственныхъ формъ, созданныхъ феодализмомъ и развитіемъ абсолютной монархіи, въ новыя формы, которыя соотвѣтствовали бы стремленіямъ новыхъ соціальныхъ классовъ и принципамъ новаго политическаго міросозерцанія. „Старый порядокъ" держался на неравенствѣ и на несвободѣ: первое было остаткомъ средневѣковаго феодализма, вторая—результатомъ королевскаго абсолютизма новаго времени. Философія „естественнаго права" была, наоборотъ, проповѣдью гражданскаго равенства и какъ индивидуальной, такъ и политической свободы. Противорѣчіе, существовавшее между фактическими отношеніями общества и государства и идеаль-

ными требованіями, предъявлявшимися обоимъ, съ особою силою ощущалось во Франціи, но то же самое представляла собою внутренняя жизнь и другихъ странъ. Въ 1789 г. французы перестроили свой общественный бытъ на началахъ гражданскаго равенства, отмѣнивъ всѣ сословныя различія, и сдѣлали опытъ основанія свободнаго государства, провозгласивъ принципы личной независимости и общественнаго участія въ государственной жизни. Французскіе „принципы 1789 г.“ сдѣлались, такъ сказать, основною программою всѣхъ политическихъ движеній XIX в., поскольку эти послѣднія были направлены противъ „стараго порядка“, въ смыслѣ именно соединенія политическаго абсолютизма съ соціальными привилегіями.

Перестройка общества на новыхъ началахъ встрѣтила въ XVIII в. консервативную оппозицію со стороны тѣхъ соціальныхъ классовъ, которымъ благопріятствовалъ „старый порядокъ“. Когда королевская власть начала порывать свою солидарность съ сословными привилегіями,—что̀ и было одною изъ сторонъ „просвѣщеннаго абсолютизма“,—на защиту стараго общественнаго строя выступили—гдѣ и какъ могли—аристократическіе элементы общества: преобразовательная дѣятельность монархическихъ правительствъ второй половины XVIII в. должна была считаться съ сильной консервативной оппозиціей, и тѣ самые общественные элементы, которые въ соціальномъ быту противились реформамъ, предпринимавшимся представителями абсолютной монархіи наканунѣ революціи, приняли и наиболѣе дѣятельное участіе въ борьбѣ съ этою послѣднею. Побѣда революціи во Франціи и побѣда Франціи въ Европѣ были пораженіемъ прежде всего для представителей средневѣковаго католико-феодальнаго строя общества, такъ какъ для нихъ одинаково были ненавистны и „просвѣщенный абсолютизмъ“ XVIII в., и французская революція, а позднѣе и наполеоновская имперія, сохранившая соціальныя пріобрѣтенія революціи и даже распространившая ихъ на новыя страны. Когда императорская Франція сама потерпѣла пораженіе въ борьбѣ съ соединенной Европой, общественные элементы, находившіеся въ открытой враждѣ съ новыми началами жизни, немедленно перешли въ наступленіе и предприняли одну изъ наиболѣе жестокихъ въ новой исторіи реакцій. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою какъ бы повтореніе того, что̀ уже было въ XVI в., когда за возникновеніемъ реформаціоннаго движенія, спустя нѣкоторое время, послѣдовала католическая реакція, и подобно тому, какъ въ извѣстный періодъ новой исторіи весь ея интересъ сосредоточивается на борьбѣ протестантизма и католицизма, такъ и теперь на первый планъ выступаетъ интересъ борьбы между тѣмъ, что̀ получило въ эту эпоху названіе либерализма, и тѣмъ, чему мы даемъ имя реакціи. И консервативная оппозиція противъ обществен-

ныхъ реформъ, замышлявшихся и предпринимавшихся въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма, и реакція противъ всего, что было сдѣлано французской революціей и что было сохранено или получило дальнѣйшее распространеніе, благодаря имперіи Наполеона I, представляютъ собою въ сущности одно и то же явленіе—явленіе защиты обладателями соціальныхъ привилегій своего традиціоннаго положенія въ обществѣ. Въ числѣ факторовъ, подрывавшихъ старый соціальный строй, были въ XVIII в. сама государственная власть и новыя культурныя и общественныя идеи, т.-е. абсолютизмъ и „просвѣщеніе" вѣка. Французская революція произвела весьма существенное измѣненіе въ тогдашнихъ, довольно натянутыхъ отношеніяхъ между государственною властью и привилегированными сословіями. Переворотъ, который былъ направленъ одинаково противъ обѣихъ сторонъ „стараго порядка", т.-е. и противъ абсолютизма, и противъ привилегій, сблизилъ между собою, въ интересахъ защиты „стараго порядка", какъ политическихъ, такъ и соціальныхъ его представителей. Консервативная оппозиція католико-феодальныхъ классовъ общества, имѣвщая въ XVIII в. противъ себя абсолютизмъ, превратилась въ началѣ XIX столѣтія въ католико-феодальную реакцію, наоборотъ, дѣлавшую теперь уже одно дѣло съ абсолютизмомъ, и такимъ образомъ послѣдній изъ „просвѣщеннаго", какимъ онъ былъ передъ революціей, превратился послѣ паденія имперіи Наполеона I въ абсолютизмъ реакціонный. Въ серединѣ второго десятилѣтія XIX в. историческое движеніе, начавшееся въ предыдущемъ вѣкѣ, встрѣтилось не только съ соціальной и политической реакціей, отчасти вышедшей изъ нѣдръ самого движенія, но и съ реакціей культурной—противъ того самаго „просвѣщенія", идеи котораго раздѣлялись въ XVIII вѣкѣ даже представителями стараго порядка. Эта тройная реакція начала XIX вѣка, т.-е. реакція соціальная, политическая и культурная, поставила своею задачею бороться противъ всѣхъ новыхъ началъ жизни и мысли во имя принциповъ „стараго порядка", и возникшая отсюда борьба шла одинаково и внутри отдѣльныхъ государствъ, и на болѣе широкой сценѣ международной политики. На одной сторонѣ стояло все, что такъ или иначе было продуктомъ измѣненій, совершившихся въ духовной и общественной жизни новой Европы, на другой—все, отжившее свое время, т.-е. и феодализмъ съ его сословными привилегіями и общественнымъ неравенствомъ, и католицизмъ съ его враждою къ духовной свободѣ и личному развитію, и абсолютизмъ, подавлявшій всякое самостоятельное и независимое проявленіе общественныхъ силъ и ставившій своею задачею охрану культурнаго и соціальнаго status quo. Весь вопросъ былъ въ томъ, должна ли была Западная Европа и далѣе идти по дорогѣ, пройденная часть которой отмѣчена

такими движеніями, какъ гуманизмъ, реформація, просвѣщеніе и революція, или же должна была остановиться и пребывать на всѣ будущія времена въ томъ состояніи, которое было результатомъ сочетанія феодализма, католической реакціи и сословно-вѣроисповѣднаго абсолютизма. Исторія XIX вѣка рѣшила этотъ вопросъ въ первомъ смыслѣ, несмотря на частныя побѣды, которыя не разъ въ теченіе ста лѣтъ одерживала культурная, соціальная и политическая реакція представителей „стараго порядка". Въ этой борьбѣ между отживавшими традиціями и освободительными завѣтами XVIII в. и заключается одна изъ самыхъ важныхъ и интересныхъ сторонъ исторіи прошлаго вѣка.

Съ политическою и культурною реакціей противъ новыхъ началъ духовной и общественной жизни вступило въ борьбу направленіе, получившее въ началѣ XIX столѣтія названіе либерализма. Основнымъ принципомъ этого направленія явилась идея свободы и притомъ въ смыслѣ свободы не только политической, что должно было отразиться на стремленіи къ извѣстнаго рода государственному устройству, но и свободы индивидуальной какъ по отношенію къ государственной власти, такъ и въ сферѣ духовной жизни, въ дѣлахъ религіозной вѣры и философскаго и научнаго изслѣдованія. Либерализмъ явился лишь продолженіемъ тѣхъ духовныхъ стремленій, которыя въ предыдущіе вѣка выразились въ гуманизмѣ, въ передовомъ протестантизмѣ и въ „просвѣщеніи" XVIII в., и тѣхъ политическихъ движеній во имя свободы, коими такъ богата была исторія Западной Европы со второй половины среднихъ вѣковъ. Культурная и политическая борьба либерализма съ реакціей имѣла и соціальную сторону: въ то время, какъ представителями реакціи въ этой борьбѣ были духовенство и дворянство, именно въ качествѣ сословій, противъ которыхъ было направлено новое историческое движеніе, защиту либеральныхъ началъ взяла на себя буржуазія, бывшая и въ предыдущіе вѣка противницей аристократическихъ привилегій, выросшая къ концу XVIII столѣтія въ значительную соціальную силу и одержавшая побѣду надъ „старымъ порядкомъ" въ 1789 г. Съ принципіальной точки зрѣнія это была борьба сословныхъ привилегій съ безсословнымъ гражданствомъ, въ экономическомъ отношеніи она сводилась къ антагонизму между двумя различными имущественными классами—землевладѣльцами и капиталистами, при чемъ люди либеральныхъ профессій явились также сторонниками новаго историческаго движенія.

Борьбою реакціонной аристократіи и либеральной буржуазіи, однако, далеко еще не исчерпывается вся соціальная исторія XIX вѣка. Въ 1789 г. старый общественный строй былъ низвергнутъ совокупнымъ дѣйствіемъ буржуазіи и народной массы, и на развалинахъ этого

строя возникло безсословное гражданство, основанное на принципѣ равенства всѣхъ передъ закономъ. Подобно тому, однако, какъ болѣе раннія политическія революціи, напр., чешская въ эпоху гуситства, нѣмецкая въ началѣ реформаціи, англійская въ серединѣ XVII в., сопровождались чисто народными движеніями, совершенно такъ же и даже въ бóльшей еще степени и великая французская революція всколыхнула народныя массы, сдѣлавшись для XIX в. исходнымъ пунктомъ всего новѣйшаго соціальнаго движенія. Уничтоженіе сословности и юридическое уравненіе всѣхъ гражданъ государства только обнажило, такъ сказать, чисто экономическую основу общественныхъ классовъ, и въ безсословномъ гражданствѣ началось, — между прочимъ, конечно, и подъ вліяніемъ перемѣнъ въ самомъ хозяйственномъ быту,— быстрое развитіе соціальной противоположности буржуазіи и народа. Уже въ XVIII в. нѣкоторые публицисты начали ставить и теоретически рѣшать вопросъ, который въ XIX в. получилъ названіе соціальнаго по преимуществу, и именно не въ смыслѣ устраненія юридическаго и политическаго неравенства, а въ смыслѣ радикальнаго переустройства самого экономическаго быта, остававшагося неприкосновеннымъ въ своихъ основахъ при замѣнѣ прежняго сословнаго строя новымъ безсословнымъ гражданствомъ. Въ XIX в. подъ вліяніемъ общаго демократическаго характера французской революціи и въ зависимости отъ экономическихъ перемѣнъ, обострившихъ взаимныя отношенія имущихъ и неимущихъ классовъ, помимо политическаго движенія, выразившагося въ либерализмѣ и чисто политическомъ радикализмѣ, какъ его крайнемъ проявленіи, возникло совершенно особое историческое движеніе, получившее названіе соціализма. Въ XIX в. соціальный вопросъ не только началъ, какъ никогда раньше, усложнять вопросы политическаго характера, но и выдвинулся съ особою силою впередъ и къ концу столѣтія занялъ доминирующее положеніе. Понятное дѣло, что это должно было отразиться на самой культурной и политической исторіи XIX в.

Наконецъ, рядомъ съ движеніями политическимъ и соціальнымъ въ XIX вѣкѣ весьма видную роль играетъ еще движеніе національное, которое равнымъ образомъ имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ революцію 1789 г. Послѣдняя сама была для французовъ великимъ національнымъ дѣломъ и подѣйствовала возбуждающимъ образомъ на другіе народы: „принципы 1789 г.“ санкціонировали не только индивидуальное и общественное самоопредѣленіе, но и самоопредѣленіе національное; демократическая идея народовластія создавала изъ націи коллективную индивидуальность, имѣвшую право на свободу и независимость; наконецъ, и новые общественные порядки также пробуждали самосознаніе народныхъ массъ. Но особенно сильно содѣй-

ствовала этому процессу,—который въ культурномъ и политическомъ отношеніяхъ принималъ то прогрессивный, то реакціонный характеръ,—имперія Наполеона I, въ одно и то же время и революціонировавшая весь западно-европейскій континентъ, и подчинявшая его народы чужеземному игу. Съ одной стороны, поэтому, французское владычество надъ ними сопровождалось распространеніемъ и на нихъ многихъ началъ революціи 1789 г., содѣйствовавшихъ развитію въ нихъ національнаго самосознанія, съ другой же, затрогивая чувство національной независимости, оно вызывало ненависть ко всему иноземному и стремленіе къ культурному обособленію. И то, и другое было только началомъ цѣлаго ряда историческихъ явленій, осложнявшихъ вопросы культурной, соціальной и политической жизни вопросами чисто національнаго характера, которые, повторяемъ, рѣшались и въ либеральномъ, и въ реакціонномъ смыслѣ.

Съ точки зрѣнія основныхъ историческихъ движеній XIX вѣка, на которыя только-что было указано, мы можемъ раздѣлить его исторію на слѣдующіе періоды:

1. *Эпоха консульства и имперіи* (1800—1814), время внутренней политической реакціи во Франціи и распространенія внѣшняго могущества Франціи, сопровождавшагося крушеніемъ „стараго порядка“ въ другихъ странахъ.

2. *Эпоха реставраціи* (1814—1830), характеризующаяся сильной реакціей „стараго порядка“ и борьбы съ нимъ либерализма [1]).

3. *Эпоха іюльской монархіи* (1830—1848), когда буржуазія достигаетъ политическаго преобладанія, но зато впервые обостряется соціальный вопросъ, начинающій играть особенно важную роль именно въ исторіи второй половины XIX вѣка. Особенно усиливается и національное движеніе, которому равнымъ образомъ суждено было играть видную роль въ исторіи второй половины столѣтія.

4. *Эпоха революціи 1848 г. и второй имперіи* [2]).

5. *Современная эпоха* съ паденія второй имперіи (1870) и объединенія Италіи и Германіи.

Какъ всякое дѣленіе исторіи на періоды, и это дѣленіе имѣетъ свои неудобства, но для цѣлей общаго построенія и изложенія исторіи XIX вѣка мы съ полнымъ правомъ можемъ держаться только-что отмѣченныхъ заголовковъ, выдвигая на первый планъ слѣдующія крупныя событія общеевропейскаго значенія, во многихъ отношеніяхъ довольно рѣзко отдѣляющія одну эпоху отъ другой, а именно

---

[1]) Эти двѣ эпохи и разсмотрѣны въ настоящемъ томѣ „Исторіи Западной Европы“.

[2]) Исторія іюльской монархіи, революціи 1848 г. и второй имперіи изложена въ V томѣ, а послѣдняя эпоха (1870—1900) будетъ составлять содержаніе VI тома.

установленіе (1799) и паденіе (1814) наполеоновской диктатуры во Франціи, іюльскую (1830) и февральскую (1848) революціи со всѣми другими переворотами, ими вызванными, и наконецъ франко-германскую войну 1870—1871 гг. Заимствуя эти даты изъ области политической исторіи, мы тѣмъ не менѣе можемъ пользоваться ими и въ исторіи соціальной, ибо въ первомъ періодѣ совершалась консолидація общественнаго строя, созданнаго революціей, во второмъ сдѣлана была попытка феодальной реакціи, въ третьемъ буржуазія достигла наибольшаго преобладанія, а въ слѣдующемъ началась борьба „четвертаго сословія“ подъ знаменемъ новыхъ соціальныхъ идей. Кромѣ того, можно сказать, что 1848 годомъ исторія XIX вѣка дѣлится на два большихъ періода, изъ которыхъ въ первомъ главное значеніе принадлежало политическому движенію, достигшему своей цѣли съ повсемѣстнымъ распространеніемъ на Западѣ конституціонныхъ формъ, а во второмъ особую силу получило движеніе соціальное, поставившее себѣ уже иныя задачи. Середина XIX вѣка, кромѣ того, можетъ быть признана и въ исторіи умственнаго движенія временемъ паденія идеалистическаго направленія въ философіи, господствовавшаго въ первой половинѣ столѣтія, и начала того преобладанія реалистическихъ стремленій, которыя характеризуютъ вторую половину вѣка.

Въ исторической литературѣ весьма часто изложеніе новѣйшей исторіи начинается съ 1815 года. Однимъ изъ наиболѣе капитальныхъ трудовъ, предпринятыхъ по исторіи XIX вѣка, было сочиненіе *Гервинуса* „Geschichte des XIX Jahrhunderts“ [1]), въ которомъ изложеніе, начинающееся съ 1815 года, доведено въ семи томахъ до 1830 года. Гервинусъ былъ ученикъ *Шлоссера*, автора извѣстной „Исторіи XVIII столѣтія и XIX до паденія французской имперіи“, такъ что его трудъ непосредственно примыкаетъ къ труду Шлоссера, служа какъ бы его продолженіемъ. Но и независимо отъ этого для людей XIX вѣка совершившееся въ 1815 г. переустройство Европы, потрясенной войнами революціи и имперіи, должно было казаться началомъ вполнѣ новаго періода европейской исторіи, началомъ исторіи „новѣйшаго времени“, какъ принято называть XIX в. у нѣмцевъ, или „исторіи современной“, какъ особенно охотно обозначаютъ ее французы. Двѣ единственныя исторіи новѣйшаго времени на русскомъ языкѣ *Лоренца* [2]) и г. *Григоровича* [3]) берутъ также за исходный пунктъ эпоху вѣнскаго конгресса. То же самое можно сказать и о нѣмецкой исторической литературѣ, въ которой появилось наибольшее количество сочиненій,

---

[1]) Переведено по-русски.

[2]) Очерки новѣйшей исторіи. Нѣсколько изданій.

[3]) Исторія новѣйшаго времени. Спб. 1860 и поздн. изд., дополн. *Марковымъ*.

посвященныхъ общему изображенію исторіи XIX вѣка: и здѣсь равнымъ образомъ наполеоновская эпоха выключается изъ исторіи новѣйшаго времени, и изложеніе начинается съ событій, послѣдовавшихъ за паденіемъ первой имперіи. Таковы, наприм., книги *Булле*, *Іегера* и др. [1]), а во французской учебной литературѣ книга Добана [2]), хотя рядомъ съ ними можно поставить сочиненія *Гонеггера*, *Лейкснера* и *Файфа* и др., въ которыхъ изложеніе начинается съ событій конца XVIII или самаго начала XIX вѣка [3]). Во всякомъ случаѣ наполеоновская эпоха лишь въ видѣ исключенія входитъ въ общія сочиненія по исторіи XIX столѣтія. Это общее замѣчаніе справедливо и по отношенію къ исторіямъ отдѣльныхъ странъ въ XIX в., входящимъ въ большую нѣмецкую коллекцію *Бидермана* и *Гирцеля* „Staatengeschichte der neuesten Zeit", въ которой исторія Австріи обработана *Шпрингеромъ*, Англіи — *Паули*, Италіи — *Рейхлиномъ*, Франціи — *Рохау* [4]), хотя, напр., съ другой стороны, во французской литературѣ можно указать на коллекцію „Bibliothèque contemporaine", въ которой изложеніе новѣйшей исторіи отдѣльныхъ націй начинается съ болѣе раннихъ періодовъ [5]). Наполеоновская эпоха, наоборотъ, въ общихъ историческихъ трудахъ весьма часто соединяется съ предыдущимъ временемъ и особенно съ французской революціей, съ которою она, дѣйствительно, во многихъ отношеніяхъ составляетъ одно цѣлое. Кромѣ указанной исторіи Шлоссера, гдѣ времена консульства и имперіи являются непосредственнымъ продолженіемъ XVIII вѣка, мы встрѣчаемъ совмѣстное изображеніе революціонной и наполеоновской эпохъ въ трудахъ *Алисона*, *Онкена* и *Сореля* [6]), не говоря уже о томъ, что

---

[1]) *K. Bulle.* Geschichte der neuesten Zeit. Leipzig. 1876 и слѣд.—*O. Jäger.* Versuch einer Darstellung neuester Geschichte.

[2]) *Dauban.* Histoire contemporaine. Ср. *Maréchal.* Histoire contemporaine.

[3]) Всѣ три существуютъ въ русскомъ переводѣ: *Гонеггеръ.* Исторія культуры XIX в.—*Оттo Лейкснеръ.* Нашъ вѣкъ.—*Файфъ.* Исторія Европы въ XIX в., перев. подъ ред. проф. Лучицкаго.

[4]) Послѣднее сочиненіе существуетъ въ русск. переводѣ: *А. Рохау.* Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи (1814—1852). Спб. 1865. Издатели (М. А. Антоновичъ и А. Н. Пыпинъ) предполагали перевести всю серію, но дѣло остановилось на названной книгѣ.

[5]) Въ этой коллекціи исторія Англіи и Испаніи обработана *Reynald*'омъ, Австріи—*Asseline*'омъ, Венгріи—*Sayous*, Италіи—*Sorin*'омъ, Пруссіи—*Veron*'омъ и т. д. Впрочемъ, и здѣсь исторія Италіи (кстати замѣтимъ, переведенная по-русски) начинается съ 1815 г.

[6]) *Alison.* History of Europe from the fr. revolution to the restoration of the Bourbons (нѣм. переводъ Мейера).—*Oncken.* Das Zeitalter der Revolution, des Kaiserreiches und der Befreiungskriege (въ сборникѣ „Allgemeine Weltgeschichte in Einzeldarstellungen").—*Sorel.* L'Europe et la révolution française (есть и въ русск. пер.) обѣщаетъ довести свое изложеніе до паденія имперіи. Ср. также *Flathe.* Ge-

еще *Минье* также посвятилъ послѣднія главы своей „Исторія французской революціи“ временамъ консульства и имперіи.

Къ числу трудовъ по исторіи XIX в. нужно отнести, конечно, и обозрѣвающія это столѣтіе части обширныхъ всемірныхъ исторій. Такова существующая въ русскомъ переводѣ „Всеобщая исторія“ *Георга Вебера*, въ которой XIX столѣтію (начиная съ кампоформійскаго мира) посвящены два большіе тома. Въ иллюстрированной коллекціи *Онкена* „Allgemeine Weltgeschichte in Einzeldarstellungen“ исторія XIX в. обработана въ шести отдѣльныхъ монографіяхъ *Онкена* (двѣ монографіи), *Флате*, *Булле*, *Гоппа*, *Бамберга*, на которыя у насъ и будутъ ссылки дѣлаться въ своихъ мѣстахъ. Новѣйшая исторія (съ революціи) въ „Allgemeine Weltgeschichte“ *Флате*, *Герцберга*, *Юсти*, *Пфлугъ-Гартунга* и *Филиппсона*, состоящая изъ трехъ томовъ, написана *Флате*. Недавно предпринятая Лависомъ и Рамбо „Всеобщая исторія съ IV вѣка до нашихъ дней“ равнымъ образомъ заключаетъ въ себѣ подробное изложеніе исторіи XIX вѣка [1]).

Новѣйшими общими трудами по исторіи XIX в., вышедшими въ свѣтъ уже послѣ перваго изданія настоящаго тома нашей „Исторіи Западной Европы“, являются книги *Штерна*, *Сеньобоса*, *Торсое* и *Эндрьюса*. Первый изъ нихъ, „Исторія Европы со времени трактатовъ 1815 г. до франкфуртскаго мира 1871 г.“, пока еще не оконченъ [2]). Сочиненіе Сеньобоса „Политическая исторія современной Европы“ представляетъ собою общій очеркъ „эволюціи политическихъ партій и формъ“ въ отдѣльныхъ странахъ [3]). Этотъ трудъ, равно какъ и обѣ слѣдующія книги, изъ которыхъ одна принадлежитъ датскому историку *Торсое* [4]), а другая—англійскому *Эндрьюсу* [5]), доведены до самаго почти конца XIX вѣка. Кромѣ того, только-что совершившееся

---

schichte der neuesten Zeit, первый томъ которой посвященъ революціи и имперіи до 1813 г.

[1]) Въ настоящее время она переводится по-русски. Исторіи XIX вѣка въ ней посвящены три послѣдніе тома (изъ двѣнадцати) и авторами отдѣльныхъ частей являются: *Arnaunê*, *Aulard*, *Chenon*, *Cordier*, *Debidour*, *De Crue*, *Denis*, *Desdevises du Dézert*, *Faguet*, *Houssaye*, *Lavoix*, *Leger*, *Malet*, *Michel*, *Moireau Pingaud*, *Rambaud*, *Sayous*, *Schefer*, *Sorel*, *Tannery*, *Vandal*, *Vast*, *Viallate*, *Waddington*, итого двадцать пять ученыхъ. Эти три тома вышли въ свѣтъ уже послѣ перваго изданія настоящаго тома нашего труда.

[2]) *Alfred Stern*. Geschichte Europa's seit den Verträgen von 1815 bis zum Frankfurter Frieden von 1871. Первый томъ вышелъ въ 1894 г.

[3]) *Ch. Seignobos*. Histoire politique de l'Europe contemporaine. Evolution des partis et des formes politiques (1814—1896). Три русскихъ перевода въ нѣсколькихъ изданіяхъ.

[4]) *Торсое*. Исторія нашего столѣтія (1815—1890).

[5]) *Эндрьюсъ*. Историческое развитіе современной Европы отъ вѣнскаго конгресса до нашего времени. 1899.

наступленіе XX в. вызвало цѣлый рядъ историческихъ обзоровъ XIX столѣтія, указанія на которыя будутъ сдѣланы нами въ другомъ мѣстѣ.

Названными сочиненіями почти исчерпывается вся общая литература по исторіи XIX вѣка, разумѣя именно труды по исторіи всей Европы или отдѣльныхъ государствъ, а не тѣхъ или другихъ періодовъ этой исторіи или тѣхъ или другихъ частныхъ ея сторонъ. Въ большей части поименованныхъ сочиненій, нужно замѣтить, преобладаетъ исторія политическая, если только тотъ или другой авторъ не ставилъ себѣ особой задачи изобразить и культурное движеніе эпохи [1]). Что касается до исторіи соціальной, то въ общихъ сочиненіяхъ по XIX вѣку она отступаетъ на самый задній планъ, что̀, впрочемъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ сравнительно малой разработкѣ этого отдѣла исторіи въ научной литературѣ, особенно если имѣть въ виду не столько соціальныя движенія ученія, сколько фактическія классовыя отношенія съ ихъ экономическою подкладкою [2]). То, впрочемъ, на что̀ общіе историки XIX в. не всегда обращали достодолжное вниманіе, имѣетъ свою особую, спеціальную литературу, къ которой и долженъ обращаться всякій желающій узнать о соціальной исторіи XIX столѣтія болѣе, нежели могъ бы найти въ трудахъ общаго характера [3]).

---

[1]) Благодаря тѣсной связи между жизнью и литературою въ XIX столѣтіи, весьма важное значеніе имѣютъ съ общеисторической точки зрѣнія и сочиненія по исторіи литературы въ широкомъ смыслѣ слова (равно какъ сочиненія по исторіи философіи, науки, политическихъ и экономическихъ ученій и т. п.), которыя и будутъ указываться въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ.

[2]) Весьма характеренъ, напр., слѣдующій примѣръ. Въ очень полезной книжкѣ *Осокина* „Политическія движенія въ Западной Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка“, вышедшей въ двухъ изданіяхъ (второе 1892 года), соціальное движеніе совсѣмъ отодвинуто на задній планъ передъ движеніями политическимъ (конституціоннымъ) и національнымъ (освободительнымъ и объединительнымъ), хотя самъ же авторъ считаетъ наиболѣе удачнымъ то опредѣленіе XIX вѣка, по которому онъ есть „періодъ соціальной мысли“. Дѣло въ томъ, что общая литература по исторіи XIX в. менѣе всего соотвѣтствуетъ такому опредѣленію, въ сущности, дѣйствительно, вѣрному, и это отразилось на содержаніи общаго обзора, составленнаго проф. Осокинымъ. Впрочемъ, за семь лѣтъ, протекшихъ между первымъ и вторымъ изданіями этого тома „Исторіи Западной Европы“, разработка соціальной исторіи XIX в. быстро двинулась впередъ.

[3]) Отсылаемъ читателя къ XXII главѣ настоящаго тома.

II. Вліяніе французской революціи на Европу [1]).

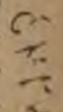
Взаимныя отношенія французской революціи и Европы до 1791 г.— Идея революціонной пропаганды.—Образованіе Франціей новыхъ республикъ.—Общія причины французскихъ успѣховъ.—Революція, консульство и имперія въ отношеніи къ Европѣ.— Сочувствіе къ революціи въ пограничныхъ странахъ осенью 1792 г.— Французская и бельгійская революціи. — Вліяніе французской революціи въ Англіи и Польшѣ. — Сочувствіе къ революціи въ Ирландіи.— Участіе мѣстныхъ силъ въ образованіи новыхъ республикъ (Голландія, Венеція и Генуя, Швейцарія, итальянскія государства).—Причины неуспѣха коалицій противъ Франціи.— Начало распаденія Священной Римской имперіи.— Поведеніе французскаго правительства въ завоеванныхъ странахъ.

Уже въ самомъ своемъ началѣ французская революція произвела весьма сильное впечатлѣніе на образованное общество въ разныхъ странахъ Европы. Въ то самое время, какъ вслѣдъ за взятіемъ Бастиліи началась эмиграція изъ Франціи принцевъ и дворянъ, немедленно обратившихся къ иностраннымъ дворамъ за помощью противъ французскихъ „мятежниковъ", извѣстіе о побѣдѣ парижскаго народа 14 іюля 1789 г. привѣтствовалось общественнымъ мнѣніемъ всей Европы, какъ радостное событіе: переворотъ, совершившійся тогда во Франціи, казался мыслителямъ, поэтамъ и филантропамъ въ Англіи, въ Германіи, въ Италіи и др. странахъ началомъ лучшихъ временъ для всего человѣчества. Европейскія правительства, наоборотъ, на первыхъ порахъ не поняли всего важнаго значенія революціи, взглянувъ

[1]) См. сочиненія, указанныя въ 42 главѣ III тома „Исторіи Западной Европы", и *L. Ranke*. Ursprung und Beginn der Revolutionskriege.—*H. Hüffer*. Oesterreich und Preussen gegenüber der französischen Revolution bis zum Frieden von Campo-Formio. 1868.—*Его же*. Die Politik der deutschen Mächte im Revolutionszeitalter bis zum Abschluss des Friedens von Campo-Formio. 1869.—*Его же*. Der Kongress und die zweite Koalition. 1878. — *Langwerth von Simmern*. Oesterreich und das Reich im Kampfe mit der französischen Republik. 1880—1882. — *Dandolo*. La caduta della republica Venezia. 1855. — *Bonnal*. La chute d'une république. 1885.— *M. Ковалевскій*. Происхожденіе современной демократіи, томъ IV („Конецъ аристократическихъ правительствъ"). 1897. — *P. Gaffarel*. Bonaparte et les républiques italiennes. 1895. — Ср. работы *Sciout* въ „Revue des questions historiques" (Le directoire et la république Romaine. 1886. — Pie VI, le Directoire et le grand duc de Toscane. — La république Française et la république de Gênes. 1889). — *A. Rambaud*. Les Français sur le Rhin.—Кромѣ того, для настоящей главы, равно какъ для главъ VIII, IX и XI, см. сочиненія по исторіи Германіи въ эту эпоху: *L. Häusser*. Deutsche Geschichte vom Tode Friedrichs des Grossen bis zur Gründung des deutschen Bundes. 1861—63. — *Treitschke*. Deutsche Geschichte im XIX Jahrhundert. 1879 и слѣд.

и Цизальпинской республикой. Организоваться въ республику дѣлали еще попытку майнцскіе, кельнскіе, трирскіе и кобленцскіе нѣмцы. Ирландцы просили у французовъ присылки флота, тоже расчитывая съ его помощью отдѣлиться отъ Англіи. Поляки послѣ неудачи возстанія Костюшки, приведшей къ третьему раздѣлу Рѣчи Посполитой, массами стали стекаться подъ французскія знамена, видя въ побѣдѣ революціи залогъ возстановленія павшаго отечества. Съ другой стороны, Франціи помогали также и взаимное недовѣріе и соперничество членовъ коалиціи, имѣвшихъ каждый свои особые виды и преслѣдовавшихъ своекорыстные интересы, помогали, наконецъ, и событія въ Польшѣ, отвлекавшія Австрію и Пруссію отъ энергичнаго веденія войны на Западѣ. Правда, новые успѣхи французовъ послѣ того, какъ Пруссія заключила миръ съ республикой (базельскій 1795 г.) и примѣру Пруссіи вскорѣ послѣдовали нѣкоторыя другія государства, — вызвали къ жизни новую коалицію, которая имѣла на этотъ разъ сначала извѣстный успѣхъ [1]), но скоро также распалась, не остановивши дальнѣйшихъ завоеваній французовъ.

Въ 1799 г. послѣ государственнаго переворота, доставившаго власть надъ Франціей генералу Наполеону Бонапарту, сначала „гражданину первому консулу", потомъ „императору французовъ", и Франція, и вся Европа вступили въ новый періодъ взаимныхъ отношеній между революціей и „старымъ порядкомъ". Войны консульства и имперіи, будучи естественнымъ продолженіемъ войнъ революціи, получаютъ новый характеръ, и республики, основанныя Франціей въ послѣдніе годы XVIII в., превращаются черезъ десять лѣтъ въ королевства братьевъ французскаго императора. Тѣмъ не менѣе консульство и имперія по отношенію къ Европѣ были лишь видоизмѣненнымъ продолженіемъ революціи, низвергавшей легитимныхъ монарховъ, секуляризировавшей церковныя земли, уничтожавшей феодализмъ и вводившей гражданское равенство. Въ эпоху консульства и имперіи все это даже дѣлалось въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ, нежели во время революціонныхъ войнъ.

Постоянныя пораженія европейскихъ державъ въ борьбѣ съ новой Франціей свидѣтельствуютъ о глубокомъ разложеніи, въ какомъ находилась старая Европа, не выдержавшая революціонной бури. Мало того: защитники „стараго порядка" и легитимныхъ началъ вынуждены были идти на сдѣлки съ революціей и съ той узурпаціей законной власти, какою съ ихъ собственной точки зрѣнія была имперія Наполеона I; должны были даже вступать въ союзы съ этой самой революціонной и узурпаторской Франціей для достиженія сво-

---

[1]) Суворовскій походъ въ Италію.

ихъ же политическихъ задачъ. Нужно, однако, замѣтить, что, съ другой стороны, война, начавшаяся во имя освобожденія народовъ отъ тиранніи, мало-по-малу превратилась въ простую завоевательную войну, потому что уже въ послѣдніе годы республики были позабыты и торжественное заявленіе учредительнаго собранія, въ которомъ новая Франція отказывалась отъ завоевательной политики и отъ покушеній на свободу другихъ народовъ, и не менѣе торжественное обѣщаніе конституціи 1793 г., провозглашавшей принципъ невмѣшательства въ чужія дѣла.

Таковы были въ общихъ чертахъ взаимныя отношенія революціонной Франціи и старой Европы наканунѣ государственнаго переворота генерала Бонапарта, и таково въ общихъ же чертахъ было отношеніе эпохи, наступившей послѣ этого переворота, къ эпохѣ революціонной пропаганды. Два факта заслуживаютъ особаго вниманія въ исторіи этихъ отношеній: сочувствіе, какое встрѣчали французская революція и французское завоеваніе въ извѣстныхъ слояхъ общества за границей, и слабость противодѣйствія, оказаннаго революціи и завоевательной политикѣ со стороны представителей европейскаго „стараго порядка".

Первый значительный успѣхъ ожидалъ французовъ въ Савойѣ, которая болѣе, чѣмъ какая-либо другая пограничная область, была подготовлена къ революціи. Въ культурномъ и соціальномъ отношеніи эта часть Сардинскаго королевства была какъ бы второю, маленькою Франціею, и здѣсь уже до вступленія революціонной арміи (21 сентября 1792 г.) дѣйствовали мѣстные и пріѣзжіе агитаторы. „Шествіе моей арміи, писалъ военному министру генералъ Монтескью,—рядъ тріумфовъ. Сельское и городское населеніе бѣжитъ къ намъ на встрѣчу. Мнѣ кажется, что умы расположены здѣсь къ революціи, подобной нашей". Коммиссары конвента тоже доносили послѣднему, что, „перешедши границу, они и не замѣтили, что вступили въ чужой край". Мѣстные патріоты стали пропагандировать необходимость присоединенія ихъ родины къ Франціи, и менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ появленія революціонной арміи въ Савойѣ, назначены были народныя собранія во всѣхъ общинахъ страны (кромѣ тѣхъ, гдѣ держалась еще власть Сардиніи) для выраженія желаній и для выбора депутатовъ въ національное собраніе (14 октября). Изъ 658 общинъ 583 высказались за присоединеніе къ Франціи, а 72 предоставили рѣшеніе вопроса депутатамъ. „Національное суверенное собраніе аллоброговъ" въ Шамбери уничтожило въ Савойѣ королевскую власть, феодальныя права, церковное землевладѣніе и т. д., и вся эта революція была совершена менѣе, чѣмъ въ недѣлю. Затѣмъ сдѣлана была сначала попытка организовать Савойю въ самостоятельную республику, но

вскорѣ вожди движенія обратились къ конвенту съ просьбою о присоединеніи къ Франціи.

Одновременно съ этимъ революціонныя идеи стали распространяться среди нѣмцевъ на лѣвомъ берегу Рейна, по сосѣдству съ французскою границею. Страсбургъ сдѣлался главнымъ очагомъ пропаганды, сборнымъ пунктомъ нѣмецкихъ патріотовъ, увлекавшихся революціей и начавшихъ отсюда посредствомъ печати и посылки агентовъ проповѣдовать своимъ соотечественникамъ о необходимости переворота. Нѣмецкіе революціонеры приглашали французовъ совершить освобожденіе лѣваго берега Рейна и совѣтовали населенію края оказать содѣйствіе Франціи. Кюстинъ съ легкостью, которой самъ удивлялся, въ короткое время занялъ Шпейеръ, Вормсъ и Майнцъ. „Города, писалъ одинъ дипломатъ того времени, сдаются безъ сопротивленія, и декларація правъ производитъ дѣйствіе, подобное дѣйствію трубы Іисуса Навина“. Настроеніе прирейнскихъ нѣмцевъ во время появленія между ними французовъ было увѣковѣчено Гёте въ одномъ часто цитируемомъ мѣстѣ „Германа и Доротеи“ [1]). Въ то самое время, какъ напуганные событіями мѣстные князья, духовные сановники и дворяне спасались бѣгствомъ, среди нѣмецкихъ патріотовъ все сильнѣе и сильнѣе разгорался энтузіазмъ къ революціи, отъ которой они ожидали свободы и для Германіи, и для всего человѣчества. Горожане пѣли марсельезу и вслѣдъ за нею оду Шиллера къ свободѣ, радуясь побѣдамъ Кюстина. Въ Майнцѣ образовался цѣлый кружокъ „друзей свободы и равенства“; въ другихъ городахъ тоже появились клубы. И здѣсь, какъ и въ Савойѣ, была сдѣлана сначала попытка организоваться въ самостоятельную республику, но и здѣсь также въ концѣ концовъ было рѣшено (21 марта 1793 г.) присоединиться къ Франціи.

Особенно интересны успѣхи революціи въ Бельгіи. Въ этой странѣ, какъ извѣстно, реформы Іосифа II, предпринятыя въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма, встрѣтились съ сильною консервативною оппозиціей, перешедшею въ 1787 г. въ открытое возстаніе. Но среди этого движенія зародилось въ Бельгіи и другое—демократическое, въ духѣ французскихъ идей гражданскаго равенства и народнаго верховенства. Оба движенія объединялись, подобно тому, какъ это было

---

[1]) Кто не сознается, какъ трепетало въ немъ весело сердце,
Какъ въ свободной груди всѣ пульсы забились живѣе,
Въ ту минуту, когда засвѣтилось новое солнце,
Какъ услыхали впервые объ общихъ правахъ человѣка,
О вдохновенной свободѣ и о равенствѣ также похвальномъ!
Всякій въ то время надѣялся жить для себя и, казалось,
Всѣ оковы въ рукахъ эгоизма и лѣни, такъ долго
Многія страны собой угнетавшія, разомъ распались.

передъ 1789 г. и во Франціи, гдѣ революція вышла изъ соединенія консервативной и прогрессивной оппозиціи. Во главѣ бельгійскаго возстанія находились два адвоката: ванъ-деръ-Ноотъ и Вонкъ, первый, какъ представитель старыхъ традицій, второй въ качествѣ приверженца новыхъ идей. Въ 1789 г. Бельгія находилась въ полной революціи и готова была совершенно отложиться отъ Австріи: въ январѣ 1790 г. даже собрался въ Брюсселѣ суверенный конгрессъ „Соединенныхъ Бельгійскихъ Штатовъ". Если преемнику Іосифа II, скончавшагося въ февралѣ того же года, удалось тогда предотвратить такой исходъ бельгійской революціи, то благодаря между прочимъ разладу, возникшему между клерикально-феодальною партіею ванъ-деръ-Ноота и демократами-вонкистами. Опираясь на фанатизмъ народной массы, консервативная партія одержала побѣду надъ своими противниками весною 1790 г. къ великому неудовольствію французскихъ демократовъ, сильно интересовавшихся бельгійскимъ движеніемъ и состоявшихъ въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ вонкистами. Но въ томъ же году Австрія путемъ военнаго дѣйствія, не встрѣтившаго на этотъ разъ большого сопротивленія, снова заняла страну и возстановила въ ней прежній режимъ. Бельгійскіе демократы бѣжали тогда во Францію, гдѣ стали мечтать о возвращеніи на родину съ французскими войсками. Здѣсь потомъ они были усилены выходцами изъ Льежа (Люттиха), принадлежавшаго владѣтельному епископу, члену Германской имперіи. Въ этомъ городѣ и его округѣ давно шли между населеніемъ и княземъ пререканія, тоже приведшія въ 1789 г. подъ вліяніемъ парижскихъ событій къ маленькой революціи. Епископъ вынужденъ былъ согласиться на требованія своихъ подданныхъ, но затѣмъ бѣжалъ въ Триръ и оттуда объявилъ о своемъ отреченіи отъ сдѣланныхъ уступокъ. Рейхскаммергерихтъ, которому онъ пожаловался на мятежныхъ подданныхъ, постановилъ произвести въ Льежѣ экзекуцію, и она вскорѣ была совершена Австріей (1791). Реставрація епископа сопровождалась наказаніями и преслѣдованіями, заставившими наиболѣе компрометированныхъ бѣжать во Францію. Весьма естественно, что у французовъ весьма рано возникъ планъ воспользоваться Бельгіей въ готовившейся международной борьбѣ. Въ Парижѣ съ самаго начала революціи обращали большое вниманіе на бельгійскія событія, и, напр., знаменитый Камиллъ Демуленъ далъ своей газетѣ названіе „Revolutions de Paris et de Brabant". Уже Лафайетъ мечталъ о перенесеніи революціи въ Бельгію. Жирондисты, задумавшіе войну для пропаганды революціи, должны были также принять въ расчетъ важное значеніе для нихъ только-что подавленной Австріею бельгійской революціи. Побѣда Дюмурье при Жемаппѣ (близъ Льежа) прямо открывала ему дорогу въ Бельгію, гдѣ города

вскорѣ вожди движенія обратились къ конвенту съ просьбою о присоединеніи къ Франціи.

Одновременно съ этимъ революціонныя идеи стали распространяться среди нѣмцевъ на лѣвомъ берегу Рейна, по сосѣдству съ французскою границею. Страсбургъ сдѣлался главнымъ очагомъ пропаганды, сборнымъ пунктомъ нѣмецкихъ патріотовъ, увлекавшихся революціей и начавшихъ отсюда посредствомъ печати и посылки агентовъ проповѣдовать своимъ соотечественникамъ о необходимости переворота. Нѣмецкіе революціонеры приглашали французовъ совершить освобожденіе лѣваго берега Рейна и совѣтовали населенію края оказать содѣйствіе Франціи. Кюстинъ съ легкостью, которой самъ удивлялся, въ короткое время занялъ Шпейеръ, Вормсъ и Майнцъ. „Города, писалъ одинъ дипломатъ того времени, сдаются безъ сопротивленія, и декларація правъ производитъ дѣйствіе, подобное дѣйствію трубы Іисуса Навина". Настроеніе прирейнскихъ нѣмцевъ во время появленія между ними французовъ было увѣковѣчено Гёте въ одномъ часто цитируемомъ мѣстѣ „Германа и Доротеи" [1]). Въ то самое время, какъ напуганные событіями мѣстные князья, духовные сановники и дворяне спасались бѣгствомъ, среди нѣмецкихъ патріотовъ все сильнѣе и сильнѣе разгорался энтузіазмъ къ революціи, отъ которой они ожидали свободы и для Германіи, и для всего человѣчества. Горожане пѣли марсельезу и вслѣдъ за нею оду Шиллера къ свободѣ, радуясь побѣдамъ Кюстина. Въ Майнцѣ образовался цѣлый кружокъ „друзей свободы и равенства"; въ другихъ городахъ тоже появились клубы. И здѣсь, какъ и въ Савойѣ, была сдѣлана сначала попытка организоваться въ самостоятельную республику, но и здѣсь также въ концѣ концовъ было рѣшено (21 марта 1793 г.) присоединиться къ Франціи.

Особенно интересны успѣхи революціи въ Бельгіи. Въ этой странѣ, какъ извѣстно, реформы Іосифа II, предпринятыя въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма, встрѣтились съ сильною консервативною оппозиціей, перешедшею въ 1787 г. въ открытое возстаніе. Но среди этого движенія зародилось въ Бельгіи и другое—демократическое, въ духѣ французскихъ идей гражданскаго равенства и народнаго верховенства. Оба движенія объединялись, подобно тому, какъ это было

---

[1]) Кто не сознается, какъ трепетало въ немъ весело сердце,
Какъ въ свободной груди всѣ пульсы забились живѣе,
Въ ту минуту, когда засвѣтилось новое солнце.

передъ 1789 г. и во Франціи, гдѣ революція вышла изъ соединенія консервативной и прогрессивной оппозиціи. Во главѣ бельгійскаго возстанія находились два адвоката: ванъ-деръ-Ноотъ и Вонкъ, первый, какъ представитель старыхъ традицій, второй въ качествѣ приверженца новыхъ идей. Въ 1789 г. Бельгія находилась въ полной революціи и готова была совершенно отложиться отъ Австріи: въ январѣ 1790 г. даже собрался въ Брюсселѣ суверенный конгрессъ „Соединенныхъ Бельгійскихъ Штатовъ". Если преемнику Іосифа II, скончавшагося въ февралѣ того же года, удалось тогда предотвратить такой исходъ бельгійской революціи, то благодаря между прочимъ разладу, возникшему между клерикально-феодальною партіею ванъ-деръ-Ноота и демократами-вонкистами. Опираясь на фанатизмъ народной массы, консервативная партія одержала побѣду надъ своими противниками весною 1790 г. къ великому неудовольствію французскихъ демократовъ, сильно интересовавшихся бельгійскимъ движеніемъ и состоявшихъ въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ вонкистами. Но въ томъ же году Австрія путемъ военнаго дѣйствія, не встрѣтившаго на этотъ разъ большого сопротивленія, снова заняла страну и возстановила въ ней прежній режимъ. Бельгійскіе демократы бѣжали тогда во Францію, гдѣ стали мечтать о возвращеніи на родину съ французскими войсками. Здѣсь потомъ они были усилены выходцами изъ Льежа (Люттиха), принадлежавшаго владѣтельному епископу, члену Германской имперіи. Въ этомъ городѣ и его округѣ давно шли между населеніемъ и княземъ пререканія, тоже приведшія въ 1789 г. подъ вліяніемъ парижскихъ событій къ маленькой революціи. Епископъ вынужденъ былъ согласиться на требованія своихъ подданныхъ, но затѣмъ бѣжалъ въ Триръ и оттуда объявилъ о своемъ отреченіи отъ сдѣланныхъ уступокъ. Рейхскаммергерихтъ, которому онъ пожаловался на мятежныхъ подданныхъ, постановилъ произвести въ Льежѣ экзекуцію, и она вскорѣ была совершена Австріей (1791). Реставрація епископа сопровождалась наказаніями и преслѣдованіями, заставившими наиболѣе компрометированныхъ бѣжать во Францію. Весьма естественно, что у французовъ весьма рано возникъ планъ воспользоваться Бельгіей въ готовившейся международной борьбѣ. Въ Парижѣ съ самаго начала революціи обращали большое вниманіе на бельгійскія событія, и, напр., знаменитый Камиллъ Демуленъ далъ своей газетѣ названіе „Revolutions de Paris et de Brabant". Уже Лафайетъ мечталъ о перенесеніи революціи въ Бельгію. Жирондисты, задумавшіе войну для пропаганды революціи, должны были также принять въ расчетъ важное значеніе для нихъ только-что подавленной Австріею бельгійской революціи. Побѣда Дюмурье при Жемаппѣ (близъ Льежа) прямо открывала ему дорогу въ Бельгію, гдѣ города

одинъ за другимъ стали переходить на сторону французовъ, видя въ нихъ своихъ избавителей; въ числѣ этихъ городовъ былъ и епископскій Льежъ.

Сочувствіе къ французской революціи не ограничивалось однѣми пограничными землями, гдѣ осенью 1792 г. революціонныя арміи утвердили вліяніе республики съ такою легкостью: сочувствіе это обнаружилось и въ болѣе отдаленныхъ странахъ и притомъ не только въ такихъ, которыя страдали отъ недостатка свободы, какъ это было, напр., въ Пруссіи [1]), но и въ Англіи, и въ Польшѣ. Мы въ другой связи будемъ говорить объ отношеніи англійскаго общества къ французской революціи и зарожденіи въ Англіи демократической партіи, но и здѣсь не можемъ не отмѣтить того, что французское демократическое движеніе нашло среди англичанъ не мало приверженцевъ. Уже 4 ноября 1789 г. лондонское „Общество революціи", основанное въ честь событій 1788—89 гг., вотировало подъ предсѣдательствомъ лорда Стэнгопа поздравительный адресъ французскому національному собранію. Хотя значительная часть англійскихъ виговъ съ Бёркомъ во главѣ и отшатнулась отъ революціи, но зато другая часть, главными выразителями стремленій которой явились Фоксъ, Шериданъ, лордъ Стэнгопъ и лордъ Ленсдоунъ (Lansdowne), несмотря даже на крайности движенія, относилась къ революціи благопріятно, стремясь сами къ защитѣ народныхъ правъ и проведенію благодѣтельныхъ реформъ. Когда Бёркъ написалъ въ 1790 г. свои знаменитыя „Размышленія о французской революціи", въ которыхъ напалъ на національное собраніе, противъ него выступили Томасъ Пэнъ съ трактатомъ о правахъ человѣка и Макинтошъ съ своимъ опроверженіемъ (Vindiciae Galliae). Кромѣ того, революцію защищали докторъ Пристлей и Ричардъ Прайсъ (Price). Въ Англіи образовались даже республиканскія общества, вступившія въ сношеніе съ конвентомъ, гдѣ однажды была торжественно принята посланная ими депутація. При ихъ помощи якобинцы думали прямо агитировать среди низшихъ классовъ населенія Англіи. Мы, однако, еще увидимъ, что сочувствіе къ революціи не пустило вообще глубокихъ корней въ англійскомъ обществѣ.

Любопытны и взаимныя отношенія между внутренней исторіей Польши и французской революціей въ 1789—1794 гг. Франція оказывала сильное вліяніе на Польшу въ XVIII в., и передовые люди Рѣчи Посполитой, мечтавшіе о возрожденіи своего отечества путемъ реформъ, были въ большей или меньшей степени приверженцами но-

[1]) О вліяніи французской революціи на Пруссію будетъ больше сказано ниже (см. гл. X) въ другой связи.

выхъ политическихъ идей. За годъ до начала французской революціи, въ 1788 г., въ Варшавѣ собрался такъ-называемый „четырехлѣтній" сеймъ, произведшій въ 1791 г. знаменитую революцію 3 мая, которая должна была положить начало новымъ политическимъ и общественнымъ порядкамъ. Одновременно (1792) и Польшѣ, и Франціи пришлось отстаивать себя отъ недруговъ тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли въ обѣихъ странахъ, и это объединило дѣло обѣихъ революцій. Въ 1793 г. Франція была спасена отъ иноземнаго нашествія между прочимъ тѣмъ, что Австрія и Пруссія должны были сторожить Польшу, дабы она вся не сдѣлалась добычею Россіи, а потому и не могли двинуть во Францію всѣ свои военныя силы. За вторымъ раздѣломъ Рѣчи Посполитой (1793) послѣдовала новая польская революція (1794),—приведшая къ третьему раздѣлу,—слишкомъ быстро для того, чтобы Австрія и Пруссія могли оставаться равнодушными къ польскимъ дѣламъ и въ слѣдующіе годы. Между тѣмъ патріотическое движеніе въ Польшѣ, связанное съ именемъ Костюшки, совершалось подъ несомнѣннымъ вліяніемъ французскаго примѣра борьбы съ иноземнымъ нашествіемъ, и въ Варшавѣ даже явились свои „якобинцы", давшіе поводъ правительствамъ Россіи, Австріи и Пруссіи усматривать въ польскихъ событіяхъ прямое отраженіе парижскихъ событій. Французамъ, дѣйствительно, было выгодно имѣть союзниковъ въ Польшѣ, а она въ свою очередь тоже надѣялась на Францію. Когда Рѣчь Посполитая въ 1795 г. исчезла съ политической карты Европы, великое множество польскихъ патріотовъ, бившихся въ 1794 г. за независимость родины, должно было эмигрировать, и вотъ въ революціонныхъ французскихъ арміяхъ второй половины девятидесятыхъ годовъ мы встрѣчаемъ не малое количество польскихъ эмигрантовъ, думавшихъ, что побѣды республиканской Франціи будутъ и ихъ собственными побѣдами въ дѣлѣ возстановленія отечества. Хотя у поляковъ на первомъ планѣ было именно это возстановленіе политической независимости родины, а не внутреннія перемѣны, но не подлежитъ сомнѣнію, что демократическое движеніе среди польскаго мѣщанства и освобожденіе крестьянъ Костюшкою произошли подъ извѣстнаго рода вліяніемъ того общаго возбужденія, которое исходило прямо отъ французской революціи [1]).

Въ каждомъ народѣ сочувствіе къ французской революціи принимало тѣ или другіе размѣры въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Общій демократическій характеръ движенія привлекалъ на его сто-

[1]) Ср. мои книги „Паденіе Польши въ исторической литературѣ" и „Польскія реформы XVIII в.", гдѣ указана литература по исторіи 1788—94 гг. въ Польшѣ, а также статью *С. Л. Пташицкаго* въ V т. „Историческаго Обозрѣнія" о новѣйшихъ трудахъ по исторіи польской конституціи 3-го мая 1791 года.

рону лишь извѣстные общественные классы, отталкивая отъ него другіе или совсѣмъ ихъ не задѣвая (напр., польскихъ крестьянъ). Въ Польшѣ сочувствіе къ революціи вытекало больше изъ національныхъ причинъ, и въ сущности тѣми же причинами объясняются надежды, которыя возлагались на успѣхи французской революціи въ Ирландіи. Недовольство туземнаго католическаго населенія противъ господствующей національности соединенныхъ королевствъ было стариннаго происхожденія, и въ странѣ уже раньше существовало патріотическое общество „соединенныхъ ирландцевъ", стремившееся къ эманципаціи католиковъ и къ либеральнымъ реформамъ. Подъ вліяніемъ французской революціи это общество поставило своею цѣлью отторженіе Ирландіи отъ Англіи для образованія въ союзѣ съ Франціей самостоятельной республики и дѣятельно вело свою агитацію во всей странѣ. Въ 1794—1795 гг. въ Ирландіи начались даже народные мятежи, которые жестоко подавлялись англичанами, что только заставило „соединенныхъ ирландцевъ" приступить къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ для подготовки общаго національнаго возстанія. Вожди заговора (лордъ Фицджеральдъ и Артуръ О'Конноръ) весною 1796 г. ѣздили въ Бретань, чтобы условиться тамъ съ французскимъ генераломъ Гошемъ относительно военной помощи со стороны Франціи. Въ Ирландіи дѣйствительно вспыхнуло возстаніе, создавшее Англіи не мало затрудненій, но несмотря на помощь, оказанную директоріей, оно было подавлено (1798), и положеніе острова сдѣлалось еще худшимъ, чѣмъ было прежде.

Имѣя въ виду прецеденты осени 1792 г. и вообще существованіе въ нѣкоторыхъ странахъ сочувственныхъ революціи элементовъ и возбужденіе ею разнаго рода надеждъ въ національностяхъ, имѣвшихъ причины быть недовольными своею судьбою, мы поймемъ одну изъ основныхъ причинъ успѣховъ Франціи въ эпоху директоріи, когда силою своего оружія, опираясь на мѣстные элементы, симпатизировавшіе революціи, Франція основала новыя или преобразовала въ демократическомъ духѣ старыя республики. Стоитъ нѣсколько остановиться на каждомъ изъ этихъ фактовъ въ отдѣльности, чтобы видѣть, какъ революціи, произведенныя Франціей въ Голландіи, въ Швейцаріи и въ разныхъ областяхъ Италіи (въ Ломбардіи, въ Венеціи, въ Генуѣ, въ Римѣ, въ Неаполѣ), объясняются изъ мѣстныхъ причинъ и посредствомъ дѣйствія мѣстныхъ силъ.

Голландія не менѣе Бельгіи была подготовлена къ революціи. Старая борьба двухъ политическихъ партій въ этой странѣ въ XVIII в. подъ вліяніемъ новыхъ идей и примѣра американской революціи приняла характеръ борьбы между консервативно-олигархическими и демократическими стремленіями, и обѣ стороны въ то же время недо-

вѣрчиво относились къ штатгальтерской власти. Въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ XVIII в. отношенія между враждебными политическими силами въ республикѣ значительно обострились, и въ 1786 г. дѣло дошло до рѣзкаго столкновенія между штатгальтеромъ и „патріотами", причемъ обѣ стороны обратились за посредничествомъ къ иностраннымъ дворамъ. Въ 1787 г. возникли даже внутреннія смуты, и прямо могла бы начаться война между Франціей и Пруссіей, еслибы первая не оставила на произволъ судьбы своихъ союзниковъ, и это не помогло второй военнымъ вмѣшательствомъ возстановить сильно поколебленную власть штатгальтера. Послѣ побѣды штатгальтера, поддержаннаго пруссаками, патріоты бѣжали за границу, и многіе изъ нихъ нашли пріютъ во Франціи. Въ Голландіи между тѣмъ происходила реакція противъ республиканско-демократическаго движенія. Занявъ въ 1792 г. Бельгію, Дюмурье уже тогда предложилъ Голландіи выбирать между союзомъ или войною съ Франціей, но послѣдовавшія событія отсрочили на нѣкоторое время завоеваніе французами этой страны, гдѣ у революціи также были приверженцы. Франція на время потеряла Бельгію, которую ей пришлось снова отвоевывать, но едва это съ успѣхомъ было сдѣлано въ концѣ 1794 г., какъ въ Голландіи снова началось движеніе патріотической партіи, поставившей теперь своею цѣлью сверженіе оранскаго владычества. Еще раньше во французскомъ войскѣ, дѣйствовавшемъ въ Бельгіи, былъ отдѣльный батавскій отрядъ. Въ Парижѣ существовалъ особый революціонный комитетъ голландскихъ патріотовъ, разсылавшій по городамъ и деревнямъ родной страны агентовъ и брошюры для республиканско-демократической пропаганды. Въ самой Голландіи возникали общества патріотовъ, бывшія не чѣмъ инымъ, какъ перенесеніемъ и въ Голландію идей якобинизма. Съ другой стороны, штатгальтерское правительство безуспѣшно старалось образовать отряды изъ волонтеровъ для защиты страны отъ грозившаго ей французскаго нашествія. Въ самомъ концѣ 1794 г. революціонная армія подъ начальствомъ Пишегрю вступила въ Голландію, заставивъ защищавшихъ страну англичанъ убраться домой и предоставить соединенные штаты Нидерландовъ ихъ участи, а за англичанами послѣдовалъ и самъ штатгальтеръ, спасшійся отъ революціонеровъ и французовъ въ простой рыбачьей лодкѣ. Занятіе революціонной арміей Амстердама и Гаги позволило возвратившимся съ нею патріотамъ и мѣстнымъ демократическимъ клубамъ захватить власть и приступить къ организаціи своей родины по образцу республики французской, причемъ новая республика получила названіе Батавской.

Мы упоминали выше о демократическихъ движеніяхъ въ Венеціи и Генуѣ, находившихся равнымъ образомъ въ связи съ француз-

ской революціей и помогшихъ Франціи и въ этихъ двухъ старыхъ аристократическихъ республикахъ добиться значительнаго политическаго успѣха. Венеція, какъ извѣстно, была настоящей олигархіей, тираннически правившею народомъ. Между тѣмъ къ концу XVIII в. и здѣсь обнаружилось среди населенія, особенно въ провинціяхъ, новое движеніе, стремленіе къ реформамъ и къ измѣненію конституціи государства въ болѣе демократическомъ духѣ, и правительству приходилось подавлять народныя волненія лишь при помощи военной силы. Во время войны между Франціей и Австріей старая республика хотѣла соблюдать нейтралитетъ, но сдѣлать это ей было въ высшей степени трудно, такъ какъ ея нейтралитетъ нарушался обѣими сторонами. Въ городахъ Венеціанской области французы нашли многочисленныхъ союзниковъ изъ мѣстныхъ жителей, которые были недовольны олигархіей столицы, стремились къ измѣненію конституціи по образцу французской и съ этою цѣлью основывали революціонные клубы. Съ середины марта 1797 г. въ одномъ городѣ за другимъ стали происходить народныя возстанія: старыя власти низвергались, выбирались новые демократическіе совѣты, провозглашалась независимость отъ республики св. Марка, и водружались деревья свободы. Правда, за старый порядокъ заступались сельчане, бывшіе недовольны французскими реквизиціями въ мѣстахъ, занятыхъ революціонной арміей; они начали-было контръ-революцію, но это движеніе было подавлено французами съ большою жестокостью. Въ самой Венеціи завелся демократическій клубъ, опиравшійся на недовольные элементы столичнаго населенія, и этому клубу разными правдами и неправдами удалось добиться отъ правительства (т.-е. отъ дожа, сеньоріи и сената) добровольнаго отреченія и согласія на учрежденіе временнаго правительства и городского совѣта, члены которыхъ должны были быть назначены всенароднымъ голосованіемъ (май 1797 г.). Извѣстно, однако, что новая демократическая республика не удержалась, такъ какъ ея владѣнія были подѣлены между Австріей и Цизальпинской республикой (окт. того же года). Одновременно съ Венеціей и Генуя превратилась въ демократію, удержавшись, однако, какъ особая республика подъ именемъ Лигурійской. Здѣсь тоже образовался демократическій клубъ, въ которомъ принимали участіе не только мѣстные жители, но и выходцы и бѣглецы изъ Пьемонта, Ломбардіи, Рима и Неаполя. Когда генуэзское правительство арестовало нѣсколько клубистовъ, ихъ товарищи подняли возстаніе, провозгласили народное верховенство и гражданское равенство и завладѣли городомъ, возбудивъ противъ себя, однако, сельчанъ, видѣвшихъ въ демократахъ главнымъ образомъ враговъ религіи и церкви. Французы оказали тогда дѣятельную поддержку начавшейся генуэзской революціи, останов-

ленной-было крестьянами, и дѣло кончилось (іюнь 1797 г.) преобразованіемъ Генуи въ демократическую республику подъ указаннымъ новымъ именемъ—Лигурійской.

Демократическое движеніе происходило и въ Швейцаріи, превратившейся при содѣйствіи французовъ въ республику Гельветическую. Устройство швейцарскаго союза было таково, что среди его населенія было не мало недовольныхъ, а единоплеменность романской части союза съ Франціей,—подобно тому, какъ это было по отношенію къ Савойѣ и Бельгіи,—особенно благопріятствовала распространенію новыхъ политическихъ и соціальныхъ идей, во имя которыхъ въ великомъ сосѣднемъ государствѣ совершалась перестройка прежнихъ устоевъ жизни. Между кантонами Швейцаріи не было полнаго равенства, и даже существовала положительная зависимость цѣлыхъ большихъ округовъ отъ правящихъ кантоновъ. Ваадтскій кантонъ подчинялся Берну, который управлялъ имъ черезъ особаго своего чиновника, а долина Тичино находилась подъ властью кантона Ури. Въ большихъ городахъ управлялъ патриціатъ, который состоялъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ аристократическихъ семействъ, бывшихъ въ родствѣ между собою и замѣщавшихъ своими членами всѣ должности. Остальное населеніе было раздѣлено старымъ корпоративнымъ строемъ на отдѣльныя группы, пользовавшіяся очень неравными правами. Весьма естественно, что въ населеніи Швейцаріи уже до начала французской революціи зародилось демократическое броженіе, и внутреннія реформы сдѣлались предметомъ требованія людей, проникшихся новыми идеями и потому особенно сильно сознававшими ненормальность существующихъ порядковъ. Правящіе классы общества не дѣлали никакихъ уступокъ духу времени и, желая всѣми силами и средствами, бывшими въ ихъ распоряженіи, удержать за собою власть и связанныя съ нею права, подавляли малѣйшія проявленія недовольства существующимъ порядкомъ вещей, стѣсняли свободу слова и печати, преслѣдовали членовъ патріотическаго „гельветическаго союза“ и т. д. Особенно сильно было вліяніе французскихъ идей въ Женевѣ, гдѣ въ XVIII в. происходила борьба между аристократіей и демократіей, и откуда уходило во Францію не малое количество побѣжденныхъ демократовъ, игравшихъ потомъ роль въ событіяхъ революціи. Въ числѣ такихъ женевцевъ былъ, напр., Клавьеръ, примкнувшій въ Парижѣ къ жирондистамъ и даже вошедшій въ составъ знаменитаго министерства 1792 г. Уже во время перваго занятія революціонными войсками Савойи, лѣваго берега Рейна и Бельгіи сдѣлана была французами и попытка поддержать женевскихъ демократовъ, но она разбилась между прочимъ о сопротивленіе Берна, который помогъ правящей въ Женевѣ олигархіи удержать власть въ своихъ рукахъ. Не

менѣе сильно, чѣмъ въ этомъ городѣ, было революціонное настроеніе и въ Ваадтландѣ, тяготившемся бернскимъ управленіемъ: здѣсь во главѣ движенія сталъ извѣстный Лагарпъ, учившій прежде французскому языку внуковъ Екатерины II, будущихъ императора Александра I и цесаревича Константина Павловича. Въ Лозаннѣ и въ другихъ мѣстахъ области образовались послѣ начала французской революціи клубы, вошедшіе въ сношенія съ Парижемъ и поставившіе своей задачей не только уравнять права своей родины съ правами другихъ кантоновъ, но и преобразовать на новыхъ началахъ всю Швейцарію. Движеніе охватило, кромѣ того, Валэзскій кантонъ, Фрейбургъ и Базель; въ послѣднемъ также дѣйствовали люди, проникшіеся новыми политическими началами и мечтавшіе о превращеніи стараго союза въ „единую и нераздѣльную (по образцу французской) Гельветическую республику". Базель былъ резиденціей епископа и кантональнаго правительства, которые скоро были сильно затронуты въ своихъ правахъ и интересахъ Франціей, когда послѣдняя присоединила къ своимъ владѣніямъ нѣкоторыя епископскія и швейцарскія пограничныя земли (1797). Союзный сеймъ въ Аарау встревожился и постановилъ защищать неприкосновенность швейцарской территоріи, а Базель, Шафгаузенъ, Цюрихъ и Аппенцель поспѣшили предупредить внутреннюю революцію предоставленіемъ равноправности своимъ подданнымъ. Революція тѣмъ не менѣе началась. Ваадтландъ превратился подъ охраною французскихъ войскъ въ республику Леманскую (январь 1798 г.), послѣ чего и въ Бернѣ образовалась партія, предлагавшая измѣнить конституцію кантона въ смыслѣ установленія равноправности. Движеніе перешло затѣмъ и въ другія части Швейцаріи. Въ цюрихскихъ владѣніяхъ сельскія общины съ оружіемъ въ рукахъ стали добиваться равноправности съ горожанами. Въ Фрейбургѣ и Солотурнѣ были произведены демократическія преобразованія. Между тѣмъ французы подъ начальствомъ генерала Брюна начали военныя дѣйствія противъ Швейцаріи, заняли Солотурнъ, Фрейбургъ и Бернъ, захвативъ при этомъ богатую государственную казну и наложивъ на мѣстную аристократію большую контрибуцію. Одержавъ побѣду, они установили Гельветическую республику (единую и нераздѣльную) подъ управленіемъ пяти директоровъ, въ числѣ которыхъ находился и Лагарпъ. Недовольные переворотомъ думали-было оказать сопротивленіе, но потерпѣли пораженіе.

Голландія, Венеція, Генуя и Швейцарія, въ которыхъ такимъ образомъ при содѣйствіи французовъ произошли демократическіе перевороты, преобразовавшіе три изъ этихъ странъ по образцу самой Франціи, и раньше были уже республиками, но это были республики средневѣковыя, основанныя на неравенствѣ сословій съ устраненіемъ

отъ политическихъ правъ народной массы и съ полнымъ господствомъ однихъ гражданъ надъ другими, а двѣ изъ этихъ республикъ были вдобавокъ федеративныя. Франція вводила въ нихъ теперь народовластіе, безсословное гражданство и строгое государственное единство. Кромѣ такого преобразованія старыхъ республикъ, она основывала еще и новыя—въ территоріяхъ, управлявшихся до того времени монархически, именно въ Ломбардіи, въ Папской области и въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Въ этихъ итальянскихъ земляхъ французы также нашли сторонниковъ и сообщниковъ.

Когда въ апрѣлѣ 1796 г. Наполеонъ Бонапартъ стѣснилъ сардинскаго короля и принудилъ его къ миру, то одною изъ причинъ уступчивости, оказанной при этомъ королемъ, была боязнь революціоннаго движенія въ Туринѣ, признаки котораго уже начинали его тревожить. На революцію въ Пьемонтѣ расчитывала и французская директорія, бывшая даже недовольною тѣмъ, что главнокомандующій итальянской арміей самовольно поспѣшилъ заключить миръ съ Сардиніей, вмѣсто того, чтобы возбудить и въ Пьемонтѣ революцію и призвать мѣстное населеніе къ образованію республики. Въ Ломбардіи, принадлежавшей Австріи, французы нашли то же самое, что̀ и во многихъ другихъ мѣстахъ: мѣстное населеніе видѣло въ нихъ освободителей, вслѣдствіе чего, напр., вступленіе генерала Бонапарта въ Миланъ (14 мая) привѣтствовалось восторженными криками городскихъ жителей. Правда, скоро французскія вымогательства стали раздражать народъ, который мѣстами возставалъ противъ грабежа арміи, но подобныя вспышки быстро усмирялись. Подготовляя образованіе новаго государства въ сѣверной Италіи, французы по возможности всячески оттѣсняли на задній планъ католико-феодальные элементы общества, опираясь преимущественно на либеральное городское сословіе, сочувственно относившееся къ новымъ идеямъ и порядкамъ. Французская армія имѣла большой успѣхъ и среди населенія той части Папской области, которую заняла въ началѣ лѣта 1796 г., принудивъ потомъ папу уступить эту часть Франціи съ городами Феррарой и Болоньей [1]). Въѣздъ генерала Бонапарта въ послѣдній городъ возбудилъ шумную радость въ тамошнихъ жителяхъ. Среди демократовъ и радикаловъ Цизальпинской республики, сдѣлавшихся вмѣстѣ съ французами господами положенія въ сѣверной Италіи, было не мало сторонниковъ и подражателей якобинизма. Революціонное движеніе, поддерживаемое французской пропагандой, распространилось на всю Италію. Въ зиму съ 1797 г. на 1798 г. въ Римѣ и другихъ городахъ Папской области начались уличныя демонстраціи съ рес-

[1]) Толентинскій договоръ 19 февр. 1797 г.

публиканскимъ характеромъ. Полиція и войско стали разгонять участниковъ этихъ демонстрацій. Многіе изъ послѣднихъ нашли убѣжище во дворцѣ французскаго посланника Іосифа Бонапарта, и изъ-за этого произошло столкновеніе, во время котораго былъ убитъ одинъ французскій генералъ. Результатомъ было занятіе Рима генераломъ Бертье, и въ папской столицѣ совершилась демократическая революція. Испытало на себѣ силу революціоннаго движенія и Сардинское королевство. Пьемонтъ оказался со всѣхъ сторонъ окруженнымъ демократическими республиками, и вотъ въ эту страну, сохранявшую во всей неприкосновенности основныя черты „стараго порядка", начали вторгаться изъ Лигурійской и Цизальпинской республикъ революціонныя банды, тотчасъ же, правда, встрѣчавшія сильный отпоръ со стороны сельскаго населенія, руководимаго духовенствомъ, но находившія сочувствіе въ городскихъ жителяхъ и вообще въ болѣе культурныхъ слояхъ общества. Пьемонтъ сдѣлался театромъ революціонныхъ попытокъ, и власть короля (Карла Эммануила), бывшаго въ союзѣ съ Франціей, поддерживалась только французскими гарнизонами, занявшими страну въ виду новой войны съ европейской коалиціей. Дѣло дошло до того, что королю оставалось одно—добровольно удалиться на о. Сардинію. Въ городскомъ населеніи Тосканы происходило то же самое, что и въ Пьемонтѣ: и тутъ дѣло дошло до выселенія великаго герцога. Въ Неаполѣ тоже было не мало недовольныхъ, но французскія идеи раздѣлялись здѣсь только интеллигенціей; народъ же, самъ подвергавшійся угнетенію всякаго рода, относился съ ненавистью къ „безбожной" революціи, хотя и былъ очень склоненъ къ бунту. Въ Неаполѣ господствовало тогда одно изъ наиболѣе реакціонныхъ правительствъ. Примкнувъ въ 1798 г. къ коалиціи противъ Франціи, оно съ особою силою преслѣдовало всѣхъ, кто только заподозривался въ сочувствіи къ революціи. Но дни этого правительства были сочтены. Вслѣдъ за низверженіемъ королевской власти въ Пьемонтѣ совершилось то же самое и въ Неаполѣ. Неаполитанское войско отправилось въ Папскую область для возстановленія св. престола въ его правахъ, но потерпѣло пораженіе и должно было съ позоромъ вернуться назадъ, преслѣдуемое революціонной арміей. Передъ вступленіемъ французовъ на неаполитанскую территорію королю не оставалось ничего болѣе, какъ бѣжать на о. Сицилію, передавъ власть своему намѣстнику. Но выборные представители столичной городской общины организовали муниципальную гвардію въ виду анархіи, грозившей со стороны лаццарони, и думали уже захватить власть въ свои руки, когда намѣстникъ поспѣшилъ купить у французовъ перемиріе, отдавъ непріятелю Капую вмѣстѣ съ укрѣпленіями самого Неаполя и согласившись уплатить большую сумму денегъ. Извѣстіе объ этомъ вызвало

бунтъ столичной черни, заставившій намѣстника искать спасенія въ бѣгствѣ. Городской совѣтъ обратился тогда къ французамъ съ просьбою занять столицу и организовать новое правленіе, что и было немедленно исполнено, несмотря на сопротивленіе, оказанное революціонной арміи низшими классами неаполитанскаго населенія (которое, впрочемъ, весьма скоро измѣнило свое отношеніе къ новому порядку). Основаніе Партенопейской республики (янв. 1799 г.) было встрѣчено большою радостью въ зажиточныхъ и образованныхъ классахъ общества, тяготившихся правительственнымъ деспотизмомъ и клерикальною опекою. Послѣ занятія Неаполя вся Италія была въ рукахъ французовъ и мѣстныхъ демократовъ.

Уже изъ этихъ общеизвѣстныхъ фактовъ можно видѣть, что частью своихъ успѣховъ въ 1792—1799 гг. французы были обязаны сочувствію, какое встрѣчали къ своей революціи въ цѣлыхъ населеніяхъ или въ извѣстныхъ общественныхъ классахъ за границею, тѣмъ болѣе, что многія правительства и начальники высланныхъ противъ Франціи войскъ оказывались вдобавокъ неспособными, трусливыми, неподготовленными къ борьбѣ. Вообще „старый порядокъ" вполнѣ обнаружилъ свою несостоятельность въ этомъ столкновеніи съ новымъ движеніемъ. То же самое можно сказать не только объ отдѣльныхъ государствахъ, изъ которыхъ каждое, взятое въ отдѣльности, не могло, пожалуй, помѣряться силами съ Франціей, но и о международныхъ союзахъ для общаго дѣйствія, также оказавшихся неспособными остановить успѣхи революціи. Главными причинами пораженія монархическихъ коалицій противъ республиканской Франціи были взаимное недовѣріе, раздоры и своекорыстныя стремленія среди членовъ этихъ коалицій. Первою покинула коалицію Пруссія [1]), сильно утомленная войною на Рейнѣ и на Вислѣ и чувствовавшая себя изолированною, благодаря заключенію болѣе тѣснаго союза между Австріей и Россіей, которыя обязались помогать одна другой въ расширеніи своихъ границъ и условились попридержать Пруссію въ ея стремленіи къ увеличенію и своей территоріи. Въ Берлинѣ боялись даже, какъ бы Австрія не предупредила Пруссію въ заключеніи съ Франціей сепаратнаго мира съ извѣстными выгодами для себя. Англія, склонявшаяся тогда къ миру, тоже подбивала Пруссію торопиться. 5 апрѣля 1795 г. между Франціей и ею въ Базелѣ былъ подписанъ мирный договоръ, въ силу котораго Пруссіи обѣщалось территоріальное вознагражденіе на правомъ берегу Рейна, и французское правительство обязывалось жить въ мирѣ съ имперскими князьями, нахо-

---

[1]) Раньше это сдѣлала Тоскана, но ея примиреніе съ Франціею большого значенія не имѣло.

дившимися въ союзѣ съ берлинскимъ правительствомъ, за республикою же утверждался лѣвый берегъ Рейна. Нѣмецкіе князья равнымъ образомъ тяготились войною, искали каждый своихъ выгодъ и готовы были отстать отъ коалиціи: сѣверная Германія вступала теперь въ союзъ съ Пруссіей и прекращала борьбу противъ революціи, тогда какъ южная, продолжавшая находиться въ дружбѣ съ Австріей, формально исключалась изъ мирнаго договора. Результатомъ этого было отторженіе отъ имперіи всей германской территоріи къ западу отъ Рейна, признаннаго за „естественную границу Франціи", и распаденіе самой имперіи на двѣ части, изъ которыхъ одна становилась въ положеніе союзницы побѣдоносной республики, благодаря чему сѣверные князья совсѣмъ уходили изъ-подъ власти воевавшаго съ Франціей императора. Англійскій король Георгъ III, находившійся тоже въ войнѣ съ французской республикой, поспѣшилъ въ качествѣ курфюрста ганноверскаго примкнуть къ миру Пруссіи съ Франціей, опасаясь, какъ бы въ противномъ случаѣ его нѣмецкое княжество не было захвачено пруссаками. Примѣру, поданному Пруссіей, послѣдовали въ Испаніи и въ Сардиніи. Первая изъ этихъ странъ въ іюлѣ 1795 г. заключила въ Базелѣ миръ съ Франціей на довольно выгодныхъ для себя условіяхъ. На войнѣ французы имѣли перевѣсъ, и возвращеніе монархіи всѣхъ сдѣланныхъ ими завоеванiй за уступку республикѣ испанской части С.-Доминго было для мадридскаго правительства наилучшимъ исходомъ изъ довольно затруднительнаго положенія. Въ Сардиніи было тоже сильное стремленіе окончить войну, тѣмъ болѣе, что тутъ питали надежду за уступку Савойи и Ниццы получить компенсацію въ Миланской области. Не прочь была и Австрія идти на миръ, если бы ей дали выполнить давнишній ея планъ обмѣна Бельгіи на Баварію, но продолжать войну подбивали Австрію Англія и Россія, изъ которыхъ первая охотно давала только деньги, а вторая ограничивалась лишь военными приготовленіями на случай столкновенія съ Пруссіей изъ-за Польши. Однимъ словомъ, крестовый походъ противъ революціи разстраивался, и въ 1795 г. совершенно ясно можно было видѣть, что монархическій принципъ, во имя котораго предпринята была война, былъ довольно-таки плохою связью для разнородныхъ политическихъ интересовъ старой Европы. Соперничество Австріи и Пруссіи въ Германіи сдѣлалось даже однимъ изъ условій, особенно благопріятствовавшихъ французской политикѣ въ Священной Римской имперіи, а отпаденіе Сардиніи отъ коалиціи въ виду надежды получить вознагражденіе за Савойю и Ниццу изъ итальянскихъ владѣній Австріи, обусловливало возможность успѣшныхъ военныхъ дѣйствій французовъ въ Италіи, создавъ изъ Пьемонта передовой операціонный базисъ противъ Ломбардіи. Сардиніи, впрочемъ, болѣе ни-

чего, пожалуй, и не оставалось дѣлать, такъ какъ она и Австрія были союзниками съ двумя расходившимися линіями отступленія—на Вѣну и на Туринъ. Германія и Италія были открыты для французовъ, вся тяжесть борьбы съ которыми выпала на долю Австріи. Въ то время, какъ генералъ Бонапартъ одерживалъ надъ австрійцами побѣды въ Италіи, въ Германіи генералу Моро удалось отвлечь отъ коалиціи еще Вюртембергъ и Баденъ, которые за уступку своихъ зарейнскихъ земель выговорили себѣ вознагражденіе изъ церковныхъ владѣній, а затѣмъ и Саксонія присоединилась къ сѣверо-германскому нейтральному союзу. Баварія также вступала въ соглашеніе съ Моро, но ему все-таки не удалось удержать за собою перевѣса надъ австрійцами. Хотя въ нѣмецкомъ народѣ и вспыхнула ненависть къ французамъ, грабившимъ Германію, князья вообще предпочитали идти на уступки, расчитывая на территоріальныя пріобрѣтенія изъ секуляризаціи церковныхъ владѣній при помощи французовъ, и такимъ образомъ подготовляя крушеніе средневѣковой Священной Римской имперіи.

Побѣда генерала Бонапарта надъ Австріей заставила подконецъ и это государство искать мира, тѣмъ болѣе, что Англія помогала плохо, на содѣйствіе Россіи надежды не было, а тутъ еще и Пруссія все болѣе и болѣе возвышалась и въ Германіи, и въ глазахъ Англіи и Россіи. 18 апрѣля 1797 г. между Австріей и Франціей былъ заключенъ леобенскій прелиминарный договоръ, за которымъ вскорѣ послѣдовалъ (18 декабря) и самый миръ въ Кампо-Форміо. Австрія отказывалась отъ Бельгіи и Ломбардіи, но зато получала часть Венеціанской области, при чемъ императоръ обязывался уступить Франціи весь берегъ Рейна, за что ему обѣщали дать вознагражденіе посредствомъ присоединенія къ его владѣніямъ Зальцбургскаго архіепископства и баварскихъ земель на востокъ отъ Инна. Такимъ образомъ и Австрія наконецъ вступала въ мирное соглашеніе съ революціей, изъявляла согласіе на дѣлежъ Италіи и готовилась съ своей стороны приложить руку къ разрушенію Священной Римской имперіи. Правда, статьи договора, касавшіяся послѣдняго пункта были тайныя, и вопросъ о заключеніи имперскаго мира долженъ былъ еще рѣшаться на конгрессѣ, предположенномъ въ Раштатѣ, но уже въ Кампо-Форміо было условлено, что имперскіе чины, теряющіе что-либо на лѣвомъ берегу Рейна, будутъ по соглашенію съ Франціей вознаграждены въ Германіи. Послѣ всѣхъ этихъ успѣховъ французскаго оружія и французской дипломатіи Германія превращалась въ территорію, предназначенную служить для вознагражденія всѣхъ, кто потерпѣлъ въ борьбѣ съ республикой, притомъ, однако, лишь въ томъ еще случаѣ, если послѣдняя находила нужнымъ вознаграждать. Въ числѣ претендентовъ на пріобрѣтенія въ Германіи по ходатайству Австріи яви-

лись герцогъ Моденскій и принцъ Оранскій. Послѣ Кампо-Формійскаго мира Австрія даже поспѣшила сдать французамъ такіе пункты, какъ Майнцъ, Маннгеймъ и т. д., отозвавъ вмѣстѣ со своими войсками и мелкіе отряды нѣмецкихъ князей, бывшихъ съ нею въ союзѣ, а сама немедленно заняла вновь пріобрѣтенныя части бывшей венеціанской территоріи (Венецію съ областью до Эча на западѣ, Истрію, Далмацію, о-ва на Адріатическомъ морѣ и проч.). Въ то же время нѣмецкіе князья наперерывъ спѣшили заключать тайные сепаратные договоры съ Франціей, готовясь также приступить къ дѣлежу Германіи. Въ XVIII в. общее неуваженіе къ чужому праву создало политику раздѣловъ болѣе слабыхъ государствъ между болѣе сильными; французская революція вступала на тотъ же путь, и монархическая Европа, вооружившаяся противъ революціи, теперь охотно пошла ей навстрѣчу. Имперія Наполеона продолжала въ самыхъ широкихъ размѣрахъ ту же политику: въ этомъ-то и была одна изъ причинъ ея военныхъ и дипломатическихъ успѣховъ.

Раштатскій конгрессъ открылся въ концѣ 1797 г. На немъ обнаружилось съ полною для всѣхъ очевидностью внутреннее разложеніе старой Священной Римской имперіи съ ея отжившими свой вѣкъ политическими формами. Нѣмецкіе государи и ихъ дипломаты интриговали другъ противъ друга, обманывали одни другихъ, жертвовали общими интересами Германіи, заискивали милости у Франціи, пускали въ ходъ лесть и подкупъ не только по отношенію къ представителямъ республики, но даже и по отношенію къ ихъ лакеямъ и кучерамъ; рѣшительно всѣ нѣмецкія правительства вели себя одинаково низко и подло. Поплатиться на конгрессѣ пришлось главнымъ образомъ духовнымъ князьямъ, владѣнія которыхъ уже имѣлись въ виду, какъ фондъ для будущихъ вознагражденій, когда отдѣльныя княжества заключали тайные договоры съ Франціей. Нигдѣ на западѣ Европы въ это время, кромѣ Германіи, не существовало церковнаго землевладѣнія съ суверенными правами, и та секуляризація духовныхъ владѣній, которая начата была, но не была доведена до конца реформаціей XVI в., завершалась теперь при помощи революціонной Франціи. Такимъ образомъ французская революція дѣлалась исходнымъ пунктомъ разрушенія средневѣковой имперіи. Дальнѣйшія событія лишь на время отсрочили окончательное распаденіе этой устарѣлой политической организаціи. Извѣстно именно, что Австрія, начавшая новую войну съ Франціей (мартъ 1799 г.), объявила конгрессъ закрытымъ и отказалась признать его рѣшенія, послѣ чего Раштатъ былъ занятъ отрядомъ австрійскаго войска, а французскіе уполномоченные, выѣхавшіе изъ города, были умерщвлены на дорогѣ венгерскими гусарами. Началась вторая коалиціонная война, сопровождавшаяся монархическими

реставраціями въ Италіи, но и на этотъ разъ единодушія между союзниками не было, что снова позволило Франціи (уже при новомъ режимѣ) выйти побѣдительницею изъ борьбы.

Говоря о внѣшнихъ успѣхахъ революціонной Франціи, поддерживавшейся сочувствіемъ если и не всегда цѣлыхъ народовъ, то вліятельныхъ общественныхъ классовъ въ отдѣльныхъ странахъ Западной Европы, при большей или меньшей дезорганизаціи монархическихъ правительствъ и ихъ союзовъ, нельзя не отмѣтить еще то обстоятельство, что освобожденіе французами земель отъ гнета, лежавшаго на ихъ населеніи, благодаря полному господству старыхъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ, сопровождалось наложеніемъ на нихъ новаго ига, такъ какъ союзныя съ Франціей республики должны были подчиняться внѣшней политикѣ своихъ освободителей, поставлять имъ военные контингенты, выплачивать значительныя суммы денегъ и вообще выполнять такія условія, въ которыхъ на первомъ планѣ были выгоды Франціи. Нельзя, между прочимъ, не отмѣтить и того общаго факта, что нерѣдко французы встрѣчали не особенно дружелюбный пріемъ со стороны сельскаго населенія, руководимаго духовенствомъ, которое представляло „освободителей" самыми худшими врагами церкви: французскія вымогательства какъ нельзя болѣе содѣйствовали успѣху такой проповѣди духовенства [1]). Чѣмъ ближе мы подходимъ къ послѣднимъ годамъ XVIII в., тѣмъ болѣе революціонная Франція забываетъ свои прежнія заявленія о свободѣ націй и о невмѣшательствѣ въ ихъ внутреннія дѣла и вмѣстѣ съ этимъ все рѣшительнѣе перестаетъ скрывать свои чисто завоевательныя стремленія, а съ другой стороны, тѣмъ менѣе оправдываются и надежды народовъ, видѣвшихъ сначала во Франціи лишь великодушную освободительницу. „Единая и нераздѣльная республика" въ своей внѣшней политикѣ слѣдовала вполнѣ традиціямъ „стараго порядка", проникаясь завоевательными стремленіями абсолютныхъ монархій XVIII в., которыя въ свою очередь, вступивши-было на защиту своего политическаго принципа, кончили сообщничествомъ съ революціонной Франціей, открывавшей передъ ними широкіе горизонты новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній. Равнымъ образомъ и свою внѣшнюю силу Франція впослѣдствіи все менѣе и менѣе основываетъ на призывѣ народовъ къ свободѣ, предпочитая имѣть дѣло съ запуганными государями и привлекая ихъ къ себѣ перспективою дѣлежа добычи. Въ Италіи сохраняется Сардинское королевство и, наоборотъ, разрушается демо-

[1]) Укажемъ здѣсь и на то, что то же самое явленіе (нерасположеніе сельскаго населенія къ новымъ идеямъ) наблюдается и позднѣе, въ эпоху революціонныхъ движеній, въ южно-романскихъ странахъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ, о чемъ см. ниже (гл. XV).

кратическая республика, при помощи французовъ возникшая въ Венеціи. Въ Германіи, гдѣ уже зарождалось народное недовольство противъ французовъ, республика равнымъ образомъ предпочитаетъ посредствомъ переговоровъ и консуловъ привлекать на свою сторону однихъ князей. И въ революціонной Франціи, и въ монархической Европѣ принципы такимъ образомъ отступаютъ на заднiй планъ передъ интересами, но и въ борьбѣ послѣднихъ побѣда принадлежала всетаки новымъ интересамъ, возникшимъ изъ революціи. Старая Европа была побѣждена революціей, но и революція отказалась отъ ею же самою провозглашенныхъ принциповъ международнаго права, чтобы дѣйствовать въ духѣ политическихъ традицій старой Европы.

III. Исходъ революціи по отношенію ко внутренней жизни Франціи.

Общiй взглядъ на внутреннія перемѣны, произведенныя во Франціи революціей.— Измѣненіе общественнаго строя въ эпоху революціи. — Судьба республиканской формы правленія во Франціи.—Отсутствіе свободы въ республиканскомъ строѣ Франціи въ концѣ XVIII вѣка. — Внутренняя дезорганизація страны. — Общественное настроеніе и начало реакціи.—Подготовка военнаго режима.—Внутреннее состояніе Франціи въ 1799 г.

Въ то самое время, какъ новая, республиканская и демократическая Франція одерживала побѣды надъ старой, монархической и аристократической Европой, присоединяя къ себѣ сосѣднія области и окружая себя цѣлымъ рядомъ республикъ, внутреннее состояніе самой Франціи далеко не соотвѣтствовало такимъ успѣхамъ ея внѣшней политики. Революція была низверженіемъ стараго соціальнаго и политическаго строя, на мѣстѣ котораго должны были возникнуть новое общество и новое государство, основанныя на началахъ равенства и свободы. Въ 1789 г. во Франціи были отмѣнены всѣ сословныя различія, права и привилегіи, и нація, дотолѣ рѣзко раздѣленная на сословія, превратилась въ безсословное гражданство, которому суждено было сдѣлаться однимъ изъ наиболѣе прочныхъ пріобрѣтеній революціи. Но въ этомъ безсословномъ гражданствѣ продолжали существовать экономическіе классы съ разными соціальными стремленіями, и та опасность, которая грозила буржуазіи, наиболѣе выигравшей отъ революціи, со стороны пролетаріата, который получилъ отъ революціи наименьшее количество выгодъ, заставила эту самую буржуазію выступить на путь реакціи мало-по-малу вмѣстѣ съ другими причинами, приведшими къ установленію во Франціи военнаго деспотизма. Буржуазія,

не желая ни возвращенія „стараго порядка, ни наступленія новыхъ общественныхъ переворотовъ, безпрекословно подчинилась тому режиму, который былъ логическимъ слѣдствіемъ 18 брюмера. Въ политической сферѣ попытка дать странѣ свободу, сдѣланная людьми 1789 г., потерпѣла неудачу. Конституціонная монархія просуществовала недолго, уступивъ мѣсто республикѣ, но эта республика какъ-разъ принадлежала къ числу тѣхъ, которыя Монтескье въ своемъ „Духѣ законовъ“ называлъ несвободными. Превращеніе въ республику страны, въ которой были сильны традиціи, симпатіи и привычки монархизма, созданіе свободнаго государства въ націи, воспитанной „старымъ порядкомъ“ въ непониманіи того, что̀ такое свобода, т.-е. въ неуваженіи къ чужой свободѣ и въ неумѣніи дорожить и пользоваться свободою собственною, и притомъ образованіе свободной республики въ то время, когда борьба съ внутренними и внѣшними врагами революціи дѣлала необходимою диктатуру, было само по себѣ задачею въ высшей степени трудною, задачею съ сомнительнымъ исходомъ прежде всего для дѣла политической свободы. Революція не съумѣла и не смогла организовать Францію на началахъ свободы, виною этого были, однако, не только старыя привычки, не такъ-то легко поддающіяся дѣйствію новыхъ идей, и не только обстоятельства самой эпохи, когда новому порядку приходилось защищать себя противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ исключительными мѣрами, но и крупныя ошибки, сдѣланныя самими революціонными преобразователями Франціи. „Старый порядокъ“ былъ разрушенъ, но новый не былъ организованъ. Переходная эпоха съ ея неопредѣленностью, съ ея необезпеченностью и непрочностью, съ ея дезорганизаціей, переходившею даже въ совершенную анархію, затянулась на слишкомъ продолжительное время, и въ 1799 г., черезъ десять лѣтъ послѣ того, какъ Франція, повидимому, могла считать себя вполнѣ возродившеюся къ новой жизни, нація все еще стояла на распутьѣ, боясь возвращенія какъ „стараго порядка“, такъ и революціоннаго террора и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣрившись въ идеяхъ, заставлявшихъ биться сердца въ 1789 г. Она желала теперь, послѣ столькихъ бурь только покоя и соглашалась пользоваться этимъ покоемъ, хотя бы цѣною отказа отъ свободы. Наступили, дѣйствительно, годы, когда Франція получила все, къ чему стремилась въ концѣ революціоннаго десятилѣтія, когда именно въ странѣ установленъ былъ внутренній порядокъ, когда государству дана была прочная организація, когда, наконецъ, былъ обезпеченъ новый общественный строй націи, но вмѣстѣ съ тѣмъ ей пришлось отказаться отъ свободы, которою, впрочемъ, она настоящимъ образомъ и не пользовалась ни въ эпоху сильной якобинской диктатуры, ни во времена слабаго правленія директоріи. Въ военной

диктатурѣ Наполеона Бонапарта возродилась во Франціи—въ новой только формѣ—абсолютная монархія Людовика XIV. Странѣ предстояло пережить еще пятнадцать лѣтъ этого режима, прежде нежели сдѣлалось возможнымъ возвратиться къ организаціи свободнаго государства, предпринятой въ 1789 году, но потерпѣвшей на первыхъ порахъ неудачу.

Таковъ былъ исходъ революціоннаго движенія черезъ десять лѣтъ послѣ начала этого движенія. Наиболѣе рѣшительнымъ образомъ изъ ея результатовъ заявило себя новое безсословное гражданство, смѣнившее собою старый сословный строй общества. Равенство передъ закономъ, входившее въ число „принциповъ 1789 г.“, было достигнуто, но далеко нельзя сказать то же самое о другомъ принципѣ—свободѣ, къ которой въ 1799 г. французы оказались даже гораздо болѣе равнодушными, чѣмъ были за десять лѣтъ передъ тѣмъ. Много сильнѣе, чѣмъ отсутствіе свободы, давала себя чувствовать теперь полная внутренняя дезорганизація, дѣлавшая въ высшей степени непрочными тѣ соціальныя пріобрѣтенія, которыми особенно дорожила Франція. Страна готова была теперь повиноваться всякому правительству, которое обезпечило бы за нею результаты общественныхъ перемѣнъ, совершонныхъ революціей, и установило бы внутренній порядокъ, давъ твердую организацію администраціи, суду и финансамъ, хотя бы и съ умаленіемъ политической свободы.

Реформы учредительнаго собранія въ 1789—1791 годахъ совершенно измѣнили общественный строй Франціи. Дальнѣйшее развитіе революціи не прибавило ни одной новой черты къ тому соціальному устройству, которое было результатомъ отмѣны сословій съ ихъ привилегіями и титулами, феодальныхъ правъ съ крѣпостничествомъ и другихъ проявленій неравенства передъ закономъ, т.-е. было результатомъ провозглашенія гражданскаго равенства всѣхъ французовъ, и мы совершенно напрасно стали бы утверждать съ нѣкоторыми писателями, будто конвентъ ставилъ своею задачею установленіе какого-либо иного общественнаго строя, нежели тотъ, который былъ созданъ въ первые два года революціи. Громадное большинство французовъ выигрывало отъ этой замѣны соціальныхъ привилегій гражданскимъ равенствомъ, и только бывшіе привилегированные оставались недовольными, будучи, однако, совершенно безсильны бороться противъ этого большинства. Такихъ недовольныхъ было, во-первыхъ, именно только незначительное меньшинство; во-вторыхъ, весьма видная ихъ часть находилась внѣ Франціи, а въ-третьихъ, оставшіеся на родинѣ были достаточно запуганы, чтобы до поры, до времени не напоминать о своемъ существованіи. Вернуть старый порядокъ въ соціальныхъ отношеніяхъ было поэтому не такъ легко, и единственной серьезной угрозой новому

строю было существованіе эмигрантовъ, хлопотавшихъ при заграничныхъ дворахъ о насильственномъ возстановленіи во Франціи старины при помощи иностранныхъ войскъ. Франціи прежде всего нужно было такое правительство, которое сдѣлало бы невозможнымъ возвращеніе „стараго порядка": въ этомъ были одинаково заинтересованы и буржуазія, и крестьянская масса, и другіе общественные классы. Но буржуазія, наиболѣе выигравшая отъ революціи, должна была стремиться къ тому, чтобы свое новое положеніе въ обществѣ, весьма для нея выгодное, обезпечить и съ другой стороны, т.-е. устранить, предотвратить и другую опасность. Хотя якобинизмъ, бывшій чисто политическимъ радикализмомъ, и не ставилъ себѣ задачъ соціальнаго переворота, который грозилъ бы буржуазіи экспропріаціей, тѣмъ не менѣе это направленіе опиралось на городской пролетаріатъ, враждебный буржуазіи, создавало изъ него политическую силу въ ущербъ той роли, какую начинало теперь играть среднее сословіе, и дѣйствительно прибѣгалъ къ нѣкоторымъ мѣрамъ, противнымъ интересамъ собственниковъ. Въ эпоху якобинскаго террора буржуазія вынуждена была стушеваться, подобно прежнимъ привилегированнымъ сословіямъ, и когда послѣ 9 термидора наступила болѣе спокойная пора, ничего такъ не боялись имущіе классы общества, какъ возвращенія якобинизма и захвата власти пролетаріатомъ. Якобинская диктатура въ конвентѣ, еще разъ повторяемъ, не измѣнила ни одной черты въ соціальномъ строѣ, какимъ его создали реформы учредительнаго собранія, но исканіе якобинцами и популярности, и опоры въ пролетаріатѣ и ихъ насильственныя мѣры, отъ которыхъ страдали интересы собственности, заставляли буржуазію стремиться къ тому, чтобы правленіе на будущее время не попадало болѣе въ руки людей, столь мало обращавшихъ вниманія на ея стремленія и интересы. Послѣ паденія привилегированныхъ сословій буржуазія сдѣлалась самымъ богатымъ, самымъ вліятельнымъ, самымъ образованнымъ общественнымъ классомъ, чего не хотѣлъ признавать якобинскій режимъ, и вотъ буржуазія шла попеременно за термидоріанцами, низвергшими якобинскую диктатуру, за роялистами, поднявшими голову послѣ пораженія крайнихъ революціонныхъ партій, за счастливымъ полководцемъ, твердая власть котораго оберегала новое соціальное положеніе буржуазіи, одинаково и отъ возвращенія „стараго порядка", и отъ возрожденія якобинизма. Форма правленія отступала при этомъ на задній планъ. Равнымъ образомъ и крестьянская масса, освободившаяся отъ феодальныхъ правъ, отъ церковной десятины и отъ несправедливой раскладки государственныхъ налоговъ, заботилась лишь объ упроченіи за собою этихъ благъ революціи, еще менѣе, чѣмъ буржуазія, останавливаясь на вопросѣ о формѣ правленія. Эпоха активной роли городского проле-

таріата была весьма непродолжительна, и его собственные интересы страдали отъ застоя дѣлъ, отъ безработицы, отъ дороговизны.) Политическая жизнь еще не выставила тогда программы соціальныхъ реформъ, а время якобинской диктатуры, опиравшейся на низшіе классы городского населенія, ни въ чемъ не измѣнило ихъ положенія: за паденіемъ якобинизма и здѣсь весьма скоро наступило разочарованіе, такъ что республика, отъ которой ожидалось наступленіе лучшихъ дней для труждающихся и обремененныхъ, скоро утратила прежнее свое обаяніе, когда обнаружилось, что и она была безсильна что-либо сдѣлать противъ нищеты и другихъ бѣдствій народа.

Въ концѣ девятидесятыхъ годовъ большинство французовъ, дорожившихъ соціальными пріобрѣтеніями революціи, было вообще совершенно равнодушно къ республикѣ, какъ государственной формѣ. Республика во Франціи была основана при исключительныхъ обстоятельствахъ, энергичнымъ меньшинствомъ, захватившимъ власть въ свои руки, и нація подчинилась новой формѣ правленія, какъ политической необходимости, а не по внутреннему влеченію. Въ странѣ не было ни одного общественнаго класса, который имѣлъ бы особый и притомъ достаточно прочный интересъ дорожить этой формой, и, наоборотъ, помимо общей монархической традиціи, которою столь долгое время жила французская нація, — чтò и проявилось въ повсемѣстномъ, частомъ и сильномъ пробужденіи роялистическихъ чувствъ,—были еще особыя причины, дѣлавшія республику ненавистною, опасною или, по крайней мѣрѣ, не особенно дорогою для отдѣльныхъ классовъ общества, будемъ ли мы имѣть въ виду духовныхъ и дворянъ, стремившихся къ возстановленію монархіи, или буржуазію, не довѣрявшую демократіи послѣ опыта съ якобинизмомъ, или, наконецъ, пролетаріатъ, утратившій вѣру въ магическія свойства республиканскаго режима. Первая республика во Франціи была „республикой безъ республиканцевъ", и въ этомъ заключалась коренная причина ея паденія. Въ наказахъ 1789 г. нація свободно выразила свой взглядъ на политическій вопросъ, объявивъ себя за монархію лишь съ отнятіемъ у короля абсолютной власти. Учредительное собраніе, представлявшее собою всѣ лучшія общественныя силы Франціи, было настроено монархически. Республиканская тенденція обнаружилась только позднѣе, да и то лишь послѣ цѣлаго ряда политическихъ ошибокъ, которыми сама себя губила монархія. Роялисты потому лишь не могли имѣть всего успѣха, какой долженъ былъ бы выпасть на ихъ долю при монархическомъ настроеніи большинства населенія, что у нихъ монархическая идея соединялась съ защитою стараго соціальнаго строя. Если бы явилась возможность такой монархіи, которая признала бы соціальные результаты революціи, Франція, свободно

спрошенная, не задумываясь надъ своимъ отвѣтомъ, съ радостью привѣтствовала бы такую монархію, и это огорчило бы лишь немногихъ убѣжденныхъ республиканцевъ. Эта партія при данныхъ обстоятельствахъ очутилась во главѣ движенія только по той причинѣ, что старая монархія черезчуръ ясно для всѣхъ отожествляла свои интересы съ интересами привилегированныхъ сословій. Тѣмъ охотнѣе французы приняли бы демократическую монархію, если бы послѣдняя приносила съ собою еще и свободу, что вскорѣ они безропотно подчинились настоящему военному деспотизму, который, возстановляя монархическія формы и налагая тяжелую руку на политическую свободу, упрочилъ свое положеніе принятіемъ подъ охрану новаго общественнаго строя. Исторія революціи ясно показываетъ, что французская нація въ исходѣ XVIII в. болѣе дорожила равенствомъ, чѣмъ свободой, и что ради достиженія и сохраненія перваго она готова была пожертвовать второю.

При такомъ отношеніи къ свободѣ французы конца XVIII в., конечно, не могли особенно дорожить республикой, въ представленіи многихъ наиболѣе соотвѣтствовавшей идеѣ свободнаго государства, такъ какъ вдобавокъ та республика, которая установилась въ странѣ, на самомъ дѣлѣ не очень-то ихъ избаловала свободой. Военный деспотизмъ Наполеона во многихъ отношеніяхъ былъ лишь возобновленіемъ республиканской диктатуры якобинцевъ, какъ эта послѣдняя въ свою очередь—возобновленіемъ абсолютизма старой монархіи. Дѣйствительно, республика не принесла съ собою настоящей свободы, а то, что задумано было въ духѣ свободы, по многимъ причинамъ на практикѣ оказалось только источникомъ полнѣйшей внутренней дезорганизаціи, которую тоже многіе начали включать въ счетъ грѣховъ республики. Въ томъ-то и было все дѣло, что французы не дорожили свободой, не понимали ея и не умѣли ею пользоваться, и что въ силу всего этого ихъ попытка организовать государство на началахъ свободы окончилась въ исходѣ XVIII в. совершенною неудачею, такъ какъ въ результатѣ дала лишь полную безурядицу въ администраціи, въ судѣ и въ финансахъ. Организаторомъ новой Франціи явился Наполеонъ, но онъ положилъ въ основу даннаго имъ странѣ устройства болѣе привычный для тогдашнихъ французовъ принципъ власти, правда, упрочивавшій внутреннее состояніе страны, но зато наносившій жестокій ударъ дѣлу политической свободы. Франція девятидесятыхъ годовъ XVIII вѣка оказалась такимъ образомъ и мало дорожившей свободою, и неспособной организоваться на свободныхъ началахъ: она и утратила до послѣдняго призрака все, что могла считать своею свободою, и получила устройство, въ которомъ все было утверждено въ принципѣ авторитета.

Общественное настроенiе 1789 г. характеризуется во Францiи искреннимъ порывомъ къ свободѣ, что между прочимъ и выразилось въ наказахъ депутатамъ, излагавшихъ желанiя и надежды нацiи. Учредительное собранiе равнымъ образомъ было одушевлено стремленiемъ дать странѣ самую широкую свободу, и это весьма наглядно отразилось на его законодательствѣ, включая сюда и декларацiю правъ человѣка и гражданина. Однако, въ разнаго рода заявленiяхъ и мѣропрiятiяхъ того времени далеко не всегда обнаруживалось пониманiе, въ чемъ должна заключаться настоящая свобода и каковы условiя, необходимыя для ея осуществленiя. Уже въ декларацiи правъ статья, обезпечившая свободу въ области религiозной, содержала въ себѣ извѣстное ограниченiе, изъ котораго можно было вывести нѣчто совсѣмъ несогласное съ торжественнымъ заявленiемъ статьи. Провозглашая личную неприкосновенность, учредительное собранiе не сдѣлало ничего для того, чтобы оградить ее отъ произвола администрацiи, не поставило эту неприкосновенность подъ охрану судебной власти, къ которой можно было бы обращаться въ случаѣ злоупотребленiя другихъ властей. Подъ давленiемъ обстоятельствъ само учредительное собранiе отказывалось въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ отъ проведенiя принципа личной свободы, особенно когда возникло опасенiе, что ею станутъ пользоваться во вредъ новому порядку вещей или во вредъ общественному спокойствiю, и чѣмъ далѣе развивалась революцiя, тѣмъ все болѣе и болѣе соображенiя подобнаго рода заставляли отодвигать на заднiй планъ требованiя свободы. Наконецъ, своимъ неудачнымъ „гражданскимъ устройствомъ духовенства“ учредительное собранiе подготовило тѣ религiозныя преслѣдованiя, которыя такъ много повредили дѣлу революцiи.

Если въ поведенiи самихъ политическихъ вождей, несмотря на ихъ искреннее увлеченiе „принципами 1789 г.“, было много недостаточнаго и ошибочнаго, и если обстоятельства эпохи заставляли ихъ опасаться, какъ бы свободою не воспользовались враги новаго порядка, то въ самомъ обществѣ, особенно позднѣе, когда революцiи на самомъ дѣлѣ стали грозить внутреннiя и внѣшнiя опасности, еще менѣе было пониманiя свободы и ея требованiй. Громадное большинство желало свободы только для себя, отказывая въ ней другимъ или силою заставляя ихъ быть свободными по собственному разумѣнiю. Энергичное меньшинство, наиболѣе говорившее о свободѣ, въ сущности стремилось къ тому, чтобы удержать за собою безграничную власть. Свобода народа, вопреки извѣстному предостереженiю Монтескье, смѣшивалась съ властью народа, и идея Руссо, учившаго о безусловности народнаго верховенства, дала настоящую окраску той свободѣ, о которой хлопотали якобинцы, клеймившiе названiемъ „инци-

визма“ всякое проявленіе индивидуальной независимости. Старыя привычки націи, воспитанной вѣками абсолютной монархіи и призванной сразу къ самому широкому самоуправленію, невѣрное отожествленіе свободы народа съ властью народа, отъ имени котораго устанавливалась самая деспотическая диктатура, обстоятельства эпохи, дѣлавшія необходимымъ для спасенія страны сосредоточеніе и усиленіе власти, наконецъ, мало-по-малу развившееся недовѣріе къ свободѣ, послѣ того, какъ во имя ея совершено было столько насилій и злоупотребленій властью,—все это дѣлало французовъ той эпохи болѣе способными жить подъ режимомъ неограниченнаго правленія, чѣмъ пользоваться благами свободы. Не только республика не имѣла залоговъ прочности въ привычкахъ, нравахъ, идеяхъ, стремленіяхъ и интересахъ большинства французовъ, но и монархія, возвращенія которой тайно желало это большинство, не могла при данныхъ условіяхъ получить характеръ свободнаго государственнаго устройства. Конституція 1791 г. была попыткой сочетанія монархическаго начала съ политической свободой, хотя бы попытка эта и была совершена въ духѣ недовѣрія къ королевской власти. Наоборотъ, конституція, передавшая черезъ восемь лѣтъ власть будущему цезарю, была задумана въ смыслѣ сочетанія республиканскаго принципа съ сильною единоличною властью, но уже при весьма рѣшительномъ недовѣріи къ свободѣ. Короткая пора конституціонной свободы смѣнилась во Франціи временами революціоннаго правительства. Возвращеніе къ болѣе свободнымъ началамъ въ эпоху директоріи тоже не удалось, и имперія—съ консульствомъ, ей предшествовавшимъ,—была лишь другою формою диктатуры во имя народа, уже бывшей извѣстною Франціи по временамъ якобинскаго правленія. Все различіе заключалось въ томъ, что въ одномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ диктатурой энергичнаго меньшинства, приводившаго въ движеніе народныя массы, въ другомъ—съ диктатурою одного лица, опиравшагося на военную силу. Впрочемъ, различіе заключалось еще и въ томъ, что революціонное правительство предпринимало свои организаціонныя мѣры лишь временно—„до прекращенія войны“, предоставляя будущему окончательное рѣшеніе внутреннихъ вопросовъ и тѣмъ самымъ не давая Франціи постоянной и прочной организаціи, тогда какъ консульство тѣмъ и выиграло, что съ первыхъ же шаговъ своихъ приступило къ упорядоченію внутреннихъ отношеній, разсчитанному на долговременное и постоянное дѣйствіе. Ни конституція 1791 г., ни революціонное правительство, ни директорія не создали во Франціи организаціи съ задатками жизненности и прочности, и это тоже губило въ странѣ дѣло свободы—въ обоихъ смыслахъ, въ какихъ это слово тогда понималось.

Старый государственный порядокъ, подавлявшій общественныя

боду и права человѣка, и во главѣ государства очутились политическіе дѣльцы, думавшіе только о томъ, какъ бы подольше удержаться у власти, и потому не пользовавшіеся ни уваженіемъ, ни довѣріемъ націи. Общественная жизнь утратила духовное содержаніе: вездѣ пустота, равнодушіе, разочарованіе, погоня за легкими удовольствіями, страсть къ наживѣ, наклонность къ мелкимъ интригамъ, и только военная слава еще сколько-нибудь настраивала націю на высокій ладъ. Мало того: въ этомъ обществѣ начинаетъ уже намѣчаться и культурная реакція противъ общаго духа философіи XVIII в. Что было сдѣлано этою философіей для общественнаго возрожденія и переустройства, стало мало-по-малу забываться, и наоборотъ, начинали обращать вниманіе на слабыя стороны, дѣйствительныя или мнимыя, всѣхъ идейныхъ построеній XVIII в., обвиняя ихъ въ ужасахъ и бѣдствіяхъ революціи. Времена якобинскаго террора были свѣжи въ памяти, и общество не на шутку опасалось, какъ бы опять не возвратились эти времена, а „старый порядокъ", отходившій въ область преданія, начиналъ понемногу забываться, такъ что не напоминай о немъ эмигранты своими притязаніями на насильственную реставрацію старины, многое было бы и еще болѣе прочно позабыто. Испытанія, которыя переживались обществомъ, и религіозныя преслѣдованія, почти не прекращавшіяся за время революціи, оживили католическія чувства, и въ то самое время, какъ одни желали возстановленія церкви въ ея правахъ во имя удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей, другіе указывали теперь на политическую необходимость религіи, какъ наилучшей опоры общественнаго порядка. Въ странѣ рядомъ съ тою реакціей, которая вела свое начало изъ прежней консервативной оппозиціи противъ замышлявшихся и предпринимавшихся реформъ, т.-е. изъ оппозиціи католико-феодальнаго характера, возникала другая реакція, среди тѣхъ классовъ общества, которые, наоборотъ, были иниціаторами движенія, стояли одно время во главѣ этого движенія и теперь сами же стали относиться къ нему съ недовѣріемъ, когда оно стало переходить за извѣстныя границы. Остановить дальнѣйшее развитіе движенія, не дать повториться нѣкоторымъ фактамъ недавняго прошлаго, сохранить добытые результаты, хотя бы и съ утратою свободы, тоже представлявшей своего рода опасность, сдѣлалось безсознательной программой поведенія наиболѣе вліятельныхъ элементовъ націи, и они готовы были помогать всякой реакціи, лишь бы только и здѣсь не переступались извѣстныя границы. Въ самой буржуазіи возобладали инстинкты консерватизма, который не могъ получить преобладанія въ жизни безъ реакціи противъ нѣкоторыхъ сторонъ совершившагося уже движенія, а реакція въ области политическихъ и со-

ціальныхъ отношеній всегда сопровождается попятнымъ движеніемъ и въ сферѣ культурной.

Когда внутри Франціи господствовало такое настроеніе, все наиболѣе дѣятельное, энергичное, неспособное къ простому прозябанію сосредоточивалось въ войскѣ, защищавшемъ отечество, расширявшемъ его границы и сферу его вліянія, покрывавшемъ себя неувядаемою славою и считавшемъ призваніемъ своимъ призывать народы къ благамъ свободы и равенства. Здѣсь были и подъемъ духа, и энергія, и организація, т.-е. было то, чего, наоборотъ, нація была лишена. Армія была единственной реальной силой, и кто управлялъ этою силою, тотъ теперь и могъ сдѣлаться господиномъ положенія. Уже не разъ въ эпоху революціи строились планы употребить военную силу въ цѣляхъ политическаго переворота, но эти планы разбивались тогда о нежеланіе солдатъ идти противъ народа или національнаго представительства. Измѣнилось мало-по-малу и это самое отношеніе арміи къ внутренней политикѣ: въ послѣднія времена республики правительство нерѣдко уже само прибѣгало къ военной силѣ для подавленія мятежей, и къ нарушеніямъ конституціи, нуждавшимся также въ поддержкѣ арміи. Якобинская диктатура подготовила Францію къ диктатурѣ военной, а война съ ея насиліями надъ мирнымъ населеніемъ, громкая военная слава, затмившая собою идею свободы, во имя которой началась эта грандіозная борьба съ Европой, строгая дисциплина, дѣлавшая изъ солдатъ слѣпое орудіе въ рукахъ начальниковъ, и тѣсная организація, пріучавшая войско выдѣлять себя изъ націи, какъ сословіе, имѣющее свои особые интересы и права,—все это воспитывало и подготовляло армію къ той роли, какую ей суждено было играть въ установленіи и поддержкѣ новаго режима. Если только можно вмѣстѣ съ Тэномъ видѣть въ революціи завоеваніе Франціи якобинцами, то съ неменьшимъ правомъ можно смотрѣть на консульство и имперію, какъ на завоеваніе Франціи гражданской Франціею военною. Въ обоихъ случаяхъ люди, дорожившіе свободою и республикой, были такъ немногочисленны, что не въ состояніи были воспротивиться диктатурѣ, и если въ первомъ случаѣ диктатура нашла опору въ энергичномъ меньшинствѣ, думавшемъ навязать странѣ свою волю, то во второмъ за установленіе крѣпкой власти было то самое пассивное большинство, которое поневолѣ подчинялось раньше безпокойному революціонному правительству, не создавшему никакого прочнаго порядка, и, конечно, должно было предпочесть республикѣ правительство, гарантировавшее странѣ дисциплину и организацію, какъ залогъ внутренняго порядка.

Нельзя поэтому однимъ увлеченіемъ военною славою и страхомъ

народа и буржуазіи передъ призраками „стараго порядка“ и якобинизма объяснять себѣ популярность, какою сталъ пользоваться новый режимъ, вышедшій изъ переворота 18 брюмера. Чтобы понять эту популярность, нужно познакомиться съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ засталъ Францію новый ея повелитель, и сравнить это состояніе съ тѣмъ, что было сдѣлано для улучшенія ея внутренняго положенія въ первые же годы консульства.

ЭПОХА КОНСУЛЬСТВА И ИМПЕРІИ.

IV. Наполеоновская эпоха и ея исторіографія [1]).

Общій взглядъ на значеніе наполеоновской эпохи для Франціи и для Европы.— Вопросъ о роли Наполеона въ исторіи XIX в.— Сближеніе консульства и имперіи съ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ.—Имперія и культурная реакція.—Старая монархія, революція и имперія Наполеона.— Необходимость сдѣланнаго анализа наполеоновской эпохи.—Сочиненіе Тьера и его критики.—Книги Ланфре, Юнга и Тэна.— «Napoléon intime» Артура Леви.— Новѣйшія сочиненія о наполеоновской эпохѣ.

Переворотъ 18 брюмера имѣлъ весьма большое значеніе не только для Франціи, но и для остальной Европы. Установленіе новой власти въ странѣ, въ теченіе десяти лѣтъ бывшей ареною рѣдкой въ лѣто-

[1]) Литература о наполеоновской эпохѣ очень обширна, какъ это можно видѣть изъ недавно (1894) предпринятаго изданія *Lumbroso*. Saggio di una bibliografia ragionata per servir alla storia dell'epoca napoleonica. Весьма многочисленные мемуары объ эпохѣ перечислены въ книгѣ *Леви*, спеціальныя сочиненія названы и въ приложеніяхъ къ книгѣ *Фурнье*. Указываемъ здѣсь лишь на общія сочиненія, чтобы другія, болѣе частныя и спеціальныя, отмѣтить въ другихъ главахъ. Старыя соч. о Наполеонѣ *Bignon'a*, *Jomini*, *Stendhal'я*, *Walter Scott'a*, *Schlosser'a*, *Thibaudeau*.— *Thiers*. Histoire du consulat et de l'empire.— *Barni*. Napoléon I et son historien M. Thiers.— *Lanfrey*. Histoire de Napoléon I (доведена до 1811 г., была переведена по-нѣмецки, при чемъ издано было и дополненіе, доводящее изложеніе до конца).— *Taine*. Les origines de la France contemporaine. Le régime moderne (два тома, изъ коихъ послѣдній появился уже послѣ смерти Тэна).— *Fournier*. Napoléon I (по-нѣмецки, 1886—87 гг., франц. переводъ 1891—92).— *Antoine Guillois*. Napoléon, l'homme, le politique, l'orateur d'après sa correspondance et ses oeuvres, 1889.— *Seely*. A short history of Napoléon I. 1886 (есть франц. пер.).— *Arthur Lévy*. Napoléon intime. 1893.— *Frédéric Masson*. Napoléon et les femmes. 1893. См. также соч. *Пеэра*, выходящее въ свѣтъ въ русскомъ переводѣ.— *Мишле*. Исторія XIX в. (переводъ М. Цебриковой, 1883). Послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія этого тома „Исторіи Зап. Европы“ появился (и до сихъ поръ появляется) цѣлый рядъ новыхъ сочиненій о Наполеонѣ: *Frédéric Masson*. Napoléon chez lui.— *Bondois*. Napoléon et la société de son temps, 1895.— *Marius Sepet*. Napoléon, son caractère, son génie, son role historique. 1894.— *Г. Е. Аѳанасьевъ*. Наполеонъ I. (Публ. лекціи). 1898. Другія изъ новѣйшихъ соч. указаны ниже въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ.

писяхъ міра внутренней борьбы, знаменовало собою прекращеніе этой борьбы, иными словами — конецъ революціи. Политическое движеніе внутри страны остановилось; общественныя перемѣны, произведенныя этимъ движеніемъ, консолидировались; Франція получила организацію, въ которой такъ нуждалась, и все это было результатомъ перехода власти въ руки одного человѣка. Но не прекратилась борьба Франціи съ Европою, вызванная революціей; не прекратились французскія побѣды надъ государствами „стараго порядка"; не прекратились внутреннія перемѣны, производившіяся въ нихъ революціонной республикой, — и переходъ власти надъ послѣднею въ руки побѣдоноснаго и властолюбиваго полководца, сдѣлавшаго изъ войны свое настоящее призваніе, и установленіе имъ въ дезорганизованной Франціи внутренняго порядка, укрѣпившаго ее и извнѣ, только усилили то направленіе, въ которомъ совершалась международная исторія съ перваго столкновенія между французской революціей и старой Европой. Сколько бы ни заключало въ себѣ владычество Наполеона I въ самой Франціи реакціонныхъ сторонъ, господство Франціи надъ Европою было для послѣдней продолженіемъ революціи, и та реакція, которая повсюду наступила въ 1815 г., оказалась одинаково направленною и противъ революціи, и противъ революціоннаго узурпатора, какимъ былъ для людей „стараго порядка" Наполеонъ. Такимъ образомъ, конецъ революціи на ея родинѣ былъ, собственно говоря, если и не началомъ ея для остальной Европы, то такимъ продолженіемъ, которое совершенно затмило собою начало. Уже раньше обнаружилось ослабленіе новаго историческаго движенія въ самой Франціи и, наоборотъ, усиленіе той роли, какую она взяла на себя по отношенію къ другимъ націямъ, и вотъ переворотъ 18 брюмера съ непосредственными своими слѣдствіями только яснѣе опредѣлилъ дальнѣйшій ходъ исторіи, прекративъ во Франціи какія бы то ни было перемѣны въ духѣ революціи и открывъ передъ французской націей перспективу перестройки политическаго и соціальнаго быта всего западноевропейскаго континента. Въ одинъ и тотъ же моментъ революція кончалась и революція начиналась; отсюда двойственное значеніе наполеоновской эпохи, одно—для Франціи, другое—для Европы. Впрочемъ, и для самой французской націи эта эпоха имѣла двойственное значеніе и опять-таки по отношенію все къ той же революціи. Въ переворотѣ 1789 г. нужно отличать двѣ стороны—политическую и соціальную, т.-е., съ одной стороны, паденіе абсолютизма, съ другой—паденіе феодализма, двѣ стороны, соотвѣтствующія стремленію къ свободѣ и стремленію къ равенству. Исторія послѣдняго десятилѣтія XVIII в. показала, что Франція была гораздо болѣе подготовлена старою монархіей къ принятію и утвержденію гражданскаго равенства,

нежели къ тому, чтобы сдѣлаться и остаться страною политической свободы, и что нація болѣе дорожила первымъ изъ главныхъ пріобрѣтеній 1789 г., чѣмъ вторымъ. Весьма естественно поэтому, что для громаднаго большинства французовъ сущность революціи заключалась болѣе всего въ отмѣнѣ сословій, привилегій, феодальныхъ правъ и т. п., а не въ уничтоженіи произвольной власти. Если для людей, которымъ дороги были политическіе принципы 1789 г., т.-е. дороги были индивидуальная и общественная свобода, Наполеонъ былъ „первымъ изъ контръ-революціонеровъ", какъ отозвалась о немъ г-жа Сталь, то для массы, дорожившей прежде всего новымъ безсословнымъ гражданствомъ, равенствомъ передъ закономъ, свободой поземельной собственности, тотъ же самый Наполеонъ, сохранившій за націей всѣ эти блага, упрочившій ихъ внутренней организаціей Франціи, обезпечившій пользованіе ими посредствомъ своего законодательства, казался, наоборотъ, человѣкомъ революціи, ея наслѣдникомъ и спасителемъ, и въ этомъ смыслѣ во взглядѣ на имперію, какъ на продолженіе революціи, сходились между собою и заклятые враги послѣдней, не дѣлавшіе различія между Бонапартомъ и Робеспьеромъ, и сторонники революціи, ставившіе соціальную ея сторону выше политической.

Вопросъ объ исторической роли Наполеона сводится главнымъ образомъ къ вопросу о томъ, въ какомъ отношеніи находилась его политическая дѣятельность къ революціи, начавшейся во Франціи и оттуда распространившейся на другія страны. Отвѣты на этотъ вопросъ давались разнорѣчивые, и, смотря по тому, на что обращалось главное вниманіе—на Францію или на Европу, кто притомъ давалъ отвѣтъ и какая сторона революціи выдвигалась на первый планъ, Наполеонъ I являлся или сокрушителемъ, или спасителемъ революціи, или первымъ контръ-революціонеромъ, или революціоннымъ узурпаторомъ. Эта двойственность во взглядахъ на историческое значеніе Наполеона существовала среди его современниковъ и у ближайшаго потомства и перешла въ историческую литературу болѣе поздняго времени. Особенно клерикально-аристократическая реакція, наступившая послѣ паденія имперіи, содѣйствовала тому, чтобы личность Наполеона бывшаго гонителемъ политической свободы, окружилась въ глазахъ нѣкоторыхъ поклонниковъ послѣдней ореоломъ спасителя „принциповъ 1789 г.", чему отчасти способствовала и наполеоновская легенда, которая стала складываться еще при жизни самого владыки Франціи. Друзья и недруги новаго историческаго движенія словно сговорились между собою подчеркивать въ дѣятельности Наполеона тѣ стороны, которыя роднили ее съ революціей, закрывая глаза на все то, что̀ было въ этой дѣятельности реакціоннаго, т.-е. на то, что̀ должно бы было примирять съ нею ея враговъ и уменьшать число ея поклонниковъ. Достаточно припомнить,

какіе писатели прославляли Наполеона, содѣйствовали развитію его легенды и его посмертному культу, чтобы увидѣть, какъ люди, относившіеся враждебно ко всякой тиранніи, къ деспотизму, къ рабству, въ своемъ представленіи превращали Наполеона чуть не въ борца за человѣчество и тѣмъ совершенно извращали историческую истину: повинны въ этомъ были, напр., и Байронъ, и Беранже, и Викторъ Гюго, и Гейне. Самъ Наполеонъ своими заявленіями и въ ту еще пору, когда былъ только генераломъ революціонной арміи, и во времена консульства и имперіи, и въ послѣдніе годы своей жизни, проведенные на о. св. Елены, не мало содѣйствовалъ усложненію вопроса о своей исторической роли, ссылаясь для объясненія своей дѣятельности на принципы 1789 г. и идеализируя ее въ смыслѣ какого-то служенія великой идеѣ: принятыя за чистую истину, эти заявленія опять-таки запутывали вопросъ и вели къ неправильнымъ его рѣшеніямъ. Даже самая личность Наполеона, къ которой нелегко приложить среднюю человѣческую мѣрку, съ трудомъ поддается опредѣленію, тѣмъ болѣе еще, что среди людей конца XVIII и начала XIX в. онъ явился человѣкомъ, напоминавшимъ впослѣдствіи не одному историку фигуры изъ другихъ эпохъ, совсѣмъ не похожихъ на то время, именно чѣмъ-то въ родѣ итальянскаго кондотьера XIV — XV вв., римскаго цезаря или древняго восточнаго царя-завоевателя. Какъ историческое лицо, Наполеонъ принадлежитъ къ числу весьма немногихъ дѣятелей всемірной исторіи, особенно сильно дѣйствовавшихъ на воображеніе современниковъ и потомства; какъ человѣкъ, явившійся въ новой Европѣ на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ словно изъ иного міра и иной эпохи, онъ долженъ былъ остаться загадкою для людей, жившихъ съ нимъ въ одно время, и затруднить пониманіе своей необыкновенной личности для писателей, ставившихъ себѣ впослѣдствіи задачу ея историческаго изображенія. Наконецъ, все еще нерѣшенный вопросъ о роли личности въ исторіи заставлялъ однихъ слишкомъ преувеличивать, — въ дурную ли, въ хорошую ли сторону, — то, что было внесено лично Наполеономъ въ исторію его времени, а другихъ, наоборотъ, заставлялъ умалять его значеніе, дѣлая его лишь пассивнымъ орудіемъ рока, своего рода рабомъ исторіи. Какъ бы тамъ ни было, онъ далъ имя цѣлой эпохѣ, наполнивъ ее своими дѣяніями и своею славою, и вопросъ о той роли, какую онъ игралъ въ исторіи этой эпохи, и о томъ значеніи, какое сама эта эпоха играетъ по отношенію къ дальнѣйшему историческому процессу, во всякомъ случаѣ не можетъ рѣшаться слишкомъ просто.

При опредѣленіи историческаго значенія имперіи необходимо принимать въ расчетъ не только личный характеръ Наполеона, — хотя, внѣ всякаго сомнѣнія, весьма многое и притомъ очень существенное

объясняется этимъ характеромъ и во внутренней, и во внѣшней политикѣ Франціи,—но и историческое положеніе, созданное, съ одной стороны, успѣхомъ революціонной замѣны стараго католико-феодальнаго общественнаго строя безсословнымъ гражданствомъ, а съ другой стороны — неудачею попытки основать во Франціи на развалинахъ абсолютной монархіи Бурбоновъ новое государство съ свободными политическими формами. Имперія возрождала во Франціи прежній абсолютизмъ, но если по личному своему характеру Наполеонъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ французскихъ государей, былъ вторымъ Людовикомъ XIV, даже, пожалуй, превосходившимъ свой прототипъ во властолюбіи и деспотизмѣ, то по историческому своему положенію онъ долженъ былъ во многихъ отношеніяхъ держаться болѣе близкой къ нему по времени системы просвѣщеннаго абсолютизма, съ какимъ бы презрѣніемъ и ни относился лично къ „идеологіи" XVIII вѣка. Имперія Наполеона I все-таки вышла изъ революціи, отвергшей божественное право королей, сокрушившей соціальное могущество католической церкви, нанесшей окончательный ударъ феодализму, изъ революціи, покончившей съ клерикально-аристократическою системою Людовика XIV и его преемниковъ въ XVIII в. и положившей начало новымъ отношеніямъ, взятымъ подъ охрану имперіей Наполеона; въ этомъ собственно и заключался ея raison d'être въ глазахъ французскаго народа. Съ другой стороны, у этой революціи были многія черты, общія съ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ, поскольку обѣ эпохи были враждебны историческому праву соціальныхъ привилегій во имя гражданскаго равенства, вытекавшаго изъ требованій права естественнаго. Еслибы даже Наполеонъ и симпатизировалъ болѣе системѣ Людовика XIV, все-таки полное возвращеніе къ ней было для него немыслимо, и во многихъ отношеніяхъ ему самому и его Франціи приходилось напоминать скорѣе основныя черты просвѣщеннаго абсолютизма. Въ самомъ дѣлѣ, происхожденіе новой власти состояло въ перенесеніи на лицо народнаго избранника—того державнаго права, которое по политической теоріи XVIII в. имѣло свой источникъ въ народной волѣ, и въ данномъ случаѣ осуществлялась не та идея, какую развивалъ въ своихъ сочиненіяхъ Людовикъ XIII, не идея божественнаго происхожденія королевской власти, а взглядъ, высказывавшійся, напр., Фридрихомъ II и объяснявшій возникновеніе государственной власти отказомъ народа во имя политической необходимости отъ принадлежащихъ ему правъ. Просвѣщенный абсолютизмъ порывалъ традицію солидарности королевской власти съ привилегированными сословіями и, дѣйствуя послѣдовательно въ новомъ направленіи, неминуемо долженъ былъ бы рано или поздно привести общество къ тому состоянію, которое для Франціи было результатомъ ре-

волюціи и поставило себя потомъ подъ охрану военной диктатуры. Въ частности просвѣщенный абсолютизмъ въ католическихъ странахъ стремился пересоздать прежнія отношенія между церковью и государствомъ въ направленіи, болѣе благопріятномъ для свѣтской власти, и даже поставить церковь подъ ея опеку, превративъ духовенство въ своего рода чиновничество, какъ мы видимъ это въ церковныхъ реформахъ Іосифа II. Въ сущности къ тому же самому стремилось во Франціи и учредительное собраніе, создавая свое неудачное гражданское устройство духовенства. Но мы увидимъ, что и конкордатъ, заключенный Наполеономъ съ папою и прекратившій тягостное положеніе католицизма во Франціи, созданное революціей, былъ основанъ на тѣхъ же стремленіяхъ, которыя проявились и въ церковномъ законодательствѣ Іосифа II, и въ гражданскомъ устройствѣ духовенства учредительнымъ собраніемъ. Просвѣщенный абсолютизмъ, далѣе, впервые поставилъ вопросъ о соціальномъ феодализмѣ, объ аристократическихъ привилегіяхъ, о равенствѣ всѣхъ подданныхъ передъ закономъ, объ уничтоженіи крѣпостного состоянія, намѣтивъ цѣлую программу общественнаго переустройства, выполненную затѣмъ французской революціей; но имперія вѣдь не только признала и окончательно узаконила такъ называемымъ кодексомъ Наполеона новый общественный строй, но даже содѣйствовала распространенію его началъ и въ другихъ странахъ. Еще болѣе бросится намъ въ глаза сходство имперіи Наполеона съ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ, если мы обратимъ вниманіе на организаціонную работу обѣихъ эпохъ въ области администраціи, суда, финансовъ, народнаго образованія и т. п. Въ началѣ XIX в. во всѣхъ только что указанныхъ отношеніяхъ Франція блестящимъ образомъ выполнила тѣ задачи, которыя ставили себѣ правительства другихъ странъ въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма, и въ основу организаціи, какую получила Франція при Наполеонѣ I, были положены именно принципы, характерные для просвѣщеннаго абсолютизма: крайняя централизація съ подавленіемъ всякой мѣстной самостоятельности, бюрократическое управленіе съ устраненіемъ отъ дѣлъ какихъ бы то ни было общественныхъ силъ, строгій порядокъ, служебная дисциплина и т. п. Въ началѣ XIX в. французская организація по сравненію съ тѣмъ, что̀ дѣлалось въ другихъ странахъ, была такою же образцовою, какою полустолѣтіемъ раньше считалась организація прусская; но подъ этимъ режимомъ жилось столь же тяжело, какъ и подъ режимомъ просвѣщеннаго абсолютизма. Внутреннее родство между послѣднимъ, французскою революціею и имперіей Наполеона въ тѣхъ или другихъ ихъ сторонахъ чувствовалось представителями реакціи XIX в., которые одинаково непріязненно относились къ тому, что̀ стояло въ противорѣчіи съ принципами строгаго кон-

серватизма и въ просвѣщенномъ абсолютизмѣ, и въ революціи, и въ имперіи Наполеона.

Сближая однородныя явленія, мы не должны, однако, упускать изъ виду и различій между ними. Если въ политическомъ отношеніи владычество Наполеона было реакціей абсолютизма противъ свободы,— идея которой играла такую роль въ исторіи революціи,—то въ одномъ важномъ отношеніи это владычество сильно расходилось съ стремленіями просвѣщеннаго абсолютизма. Установленію во Франціи новой власти на развалинахъ недостроеннаго зданія политической свободы предшествовало зарожденіе культурной реакціи въ самомъ созданномъ революціей обществѣ. Эпоха консульства и имперіи въ этомъ отношеніи была прямымъ продолженіемъ временъ директоріи, когда стало обнаруживаться реакціонное теченіе противъ „просвѣщенія". Личное отношеніе Наполеона къ идеямъ философіи XVIII в. равнымъ образомъ отнюдь не напоминаетъ намъ того, какъ относились къ нимъ главнѣйшіе представители просвѣщеннаго абсолютизма при всей неискренности и поверхностности своего увлеченія этими идеями. Крайности и неудачи революціи, ставившіяся въ вину философіи XVIII в., порождали и въ обществѣ, и въ томъ человѣкѣ, который сталъ во главѣ государства, представленіе о ложности и непримѣнимости началъ „идеологіи", какъ называлъ Наполеонъ эту философію. Правда, культурная реакція, о которой мы здѣсь говоримъ, не имѣла еще характера возвращенія къ среднимъ вѣкамъ, котораго уже готовы были требовать крайніе клерикально-аристократическіе элементы; но во всякомъ случаѣ она заключала въ себѣ нѣчто враждебное духу умственной свободы, какимъ было проникнуто „просвѣщеніе" XVIII в. Въ послѣднемъ отношеніи и Наполеону хотѣлось больше положить въ основу своей власти тѣ принципы, на которые ссылался Людовикъ XIV, и потому онъ совсѣмъ не думалъ объ освобожденіи народнаго образованія отъ опеки духовенства, къ чему такъ стремились въ католическихъ странахъ представители просвѣщеннаго абсолютизма. Правительственная система Наполеона была, слѣдовательно, не только политической реакціей противъ революціи, но и реакціею культурною противъ „просвѣщенія" XVIII в., бывшаго, такъ сказать, въ постоянномъ подозрѣніи у новаго французскаго повелителя. Сближаясь такимъ образомъ въ однихъ отношеніяхъ съ явленіями, въ которыхъ выразилось прогрессивное движеніе XVIII в., имперія Наполеона въ другихъ своихъ сторонахъ была однимъ изъ фазисовъ въ развитіи реакціи противъ этого движенія, достигшей наибольшаго напряженія уже послѣ паденія Наполеона. Личный характеръ и весь кругъ идей французскаго цезаря дѣлали его болѣе способнымъ именно къ роли реакціонера, и пожалуй даже, еслибы только это было воз-

можно и безусловно необходимо, онъ возвратился бы къ союзу абсолютизма съ соціальными привилегіями подъ условіемъ, чтобы сами обладатели привилегій сдѣлались надежною опорою и послушнымъ орудіемъ власти; но тутъ-то именно имперія должна была принять результаты революціи, ибо общество, отказавшееся отъ политической свободы и начинавшее отворачиваться отъ культурныхъ идей XVIII в., крѣпко и упорно держалось пріобрѣтеннаго во время революціи равенства.

Если въ личныхъ свойствахъ Наполеона и въ его политикѣ было нѣчто такое, что̀ напоминаетъ намъ „вѣкъ Людовика XIV", между прочимъ и съ его стремленіемъ къ всемірной монархіи, то и вообще первая имперія лишь завершала дѣло старой французской монархіи, причемъ революція не только не помѣшала, но даже оказала содѣйствіе этому процессу. Старая монархія уже начала, но не окончила, остановившись на полдорогѣ, централизацію провинцій, убивавшую мѣстную жизнь, и нивеллировку общества, приводившую къ атомизаціи самостоятельныхъ соціальныхъ группъ на отдѣльныя и въ своей обособленности безсильныя личности. Разрушительная работа революціи именно и заключалась въ устраненіи всѣхъ старыхъ препятствій къ завершенію начатаго дѣла, и хотя въ положительномъ смыслѣ революція стремилась своей системой децентрализаціи дать мѣстной жизни наибольшую свободу и своими политическими реформами соединить разрозненныя индивидуальныя силы въ одно живое цѣлое націи, тѣмъ не менѣе на самомъ дѣлѣ она скорѣе содѣйствовала окончательному торжеству началъ централизаціи, дѣлавшей изъ департаментовъ и муниципалитетовъ не общественныя соединенія съ извѣстными правами и интересами, а простыя административныя единицы, и торжеству общественной нивеллировки, превращавшей націю въ совокупность отдѣльныхъ лицъ, связанныхъ между собою одною лишь обязанностью повиноваться общей власти. Наполеоновская система въ этомъ отношеніи вполнѣ соотвѣтствовала національной традиціи французовъ, что̀ и было главною причиною ея прочности въ XIX в., несмотря на частые политическіе перевороты и перемѣны общественныхъ теченій. Разныя правительства, смѣнявшіяся одно другимъ, и разныя партіи, боровшіяся за власть при каждомъ правительствѣ, прежде всего старались именно овладѣть орудіемъ бюрократической централизаціи и не допускать самостоятельныхъ общественныхъ соединеній, если только эти соединенія не являлись подспорьемъ въ стремленіи правящихъ лицъ и классовъ удержать за собою власть. Образцомъ, по которому Наполеонъ, завершая работу старой монархіи, далъ странѣ такую организацію, была армія; но иначе и быть не могло при томъ завоеваніи гражданской Франціи Франціею воен-

ною, какимъ было 18 брюмера, и при переходѣ власти къ полководцу, понимавшему только пріемы военной команды.

Все сказанное до сихъ поръ въ этой главѣ мы считали нужнымъ предпослать изложенію эпохи консульства и имперіи, чтобы установить ту точку зрѣнія, съ которой на нее слѣдуетъ смотрѣть, беря эпоху не только въ ней самой, но и какъ особый моментъ въ историческомъ процессѣ, переживавшемся Франціею и всею Западною Европою въ послѣдніе два вѣка. Въ этомъ моментѣ было и много случайнаго, вытекавшаго изъ свойствъ дѣйствующихъ лицъ и прежде всего самого Наполеона; но главныя явленія объясняются изъ общихъ причинъ, вліяніе которыхъ и опредѣляло сложную смѣну и сложное взаимодѣйствіе историческихъ теченій, какъ поступательныхъ, такъ и попятныхъ, въ разныхъ сферахъ жизни народовъ—въ культурной, соціальной и политической. Между тѣмъ историческія сочиненія, посвященныя эпохѣ, весьма часто устанавливаютъ на нее тотъ или другой общій взглядъ, основывая его не на анализѣ главныхъ ея явленій и не на анализѣ ихъ отношеній къ предыдущему или ихъ значенія для послѣдующаго, а подъ угломъ зрѣнія, опредѣляемымъ лишь одною какою-либо стороною дѣла. Противорѣчивые взгляды на Наполеона, причины которыхъ вкратцѣ были изложены въ началѣ главы, были возможны, между прочимъ, именно потому, что точка зрѣнія, съ которой приступали къ составленію общаго сужденія объ эпохѣ, не дѣлалась предметомъ самостоятельной выработки на основаніи общаго анализа историческихъ движеній, совершавшихся и во Франціи, и въ остальной Европѣ за послѣдніе вѣка. Эта точка зрѣнія не можетъ быть исключительно политическою, соціальною или культурною, какъ не можетъ быть исключительно и точкою зрѣнія исторіи международныхъ отношеній, дипломатіи и войны, какъ не можетъ, наконецъ, она опредѣляться и общими понятіями революціи и реакціи безъ анализа реальныхъ явленій, обозначаемыхъ этими терминами. Литература о Наполеонѣ между тѣмъ не всегда признаетъ эту сложность вопроса объ эпохѣ, получившей его имя, и это весьма часто отдаляетъ эту литературу отъ требованій исторической науки.

Самымъ крупнымъ сочиненіемъ по исторіи консульства и имперіи до сихъ поръ остается трудъ *Тьера* „Histoire du consulat et de l'empire", вышедшій въ свѣтъ въ двадцати томахъ въ промежутокъ между 1845 и 1862 гг. Эта большая исторія наполеоновской эпохи примыкаетъ къ написанной Тьеромъ еще въ двадцатыхъ годахъ „Исторіи французской революціи", доведенной до переворота 18 брюмера. Извѣстно, что въ этомъ послѣднемъ сочиненіи Тьеръ поставилъ своею задачею реабилитировать революцію противъ нападеній, дѣлавшихся на нее въ эпоху реставраціи, и что черезъ всю эту книгу проходитъ, какъ

красная нить, оправданіе всѣхъ событій съ точки зрѣнія своего рода историческаго фатализма, соединеннаго съ преклоненіемъ передъ всякимъ успѣхомъ: вотъ эта же самая точка зрѣнія господствуетъ и въ громадной „Исторіи консульства и имперіи". Для Тьера Наполеонъ является продолжателемъ революціи. Уже заканчивая свой первый историческій трудъ разсказомъ о переворотѣ 18 брюмера, онъ намѣчаетъ въ главныхъ чертахъ свой общій историческій взглядъ на Наполеона. „Онъ,—говоритъ здѣсь Тьеръ о Наполеонѣ,—онъ приходилъ исполнить таинственную миссію (achever une tâche mystérieuse), которую ему безъ его вѣдома поручилъ рокъ и которую онъ исполнялъ помимо своего желанія. Не для продолженія свободы явился онъ, ибо для нея еще не настало время; онъ приходилъ, чтобы подъ монархическими формами продолжать революцію въ мірѣ; онъ приходилъ, чтобы продолжать ее, садясь,—онъ, плебей,—на тронъ, приводя въ Парижъ верховнаго первосвященника, дабы тотъ помазалъ священнымъ елеемъ его плебейское чело, создавая аристократію изъ плебеевъ и заставляя старыя аристократіи соединяться съ его плебейской аристократіей, дѣлая плебеевъ королями, принимая въ свое ложе дочь цезарей и смѣшивая свою плебейскую кровь съ одною изъ самыхъ древнихъ кровей Европы, перетасовывая, наконецъ, всѣ народы, распространяя французскіе законы въ Германіи, Италіи и Испаніи, разрушая столько величій и потрясая столько основъ. Вотъ та огромная задача, которую онъ приходилъ рѣшать, и въ теченіе этого времени новое общество должно было упрочиться подъ охраною его меча, и долженъ былъ послѣ этого наступить день водворенія и свободы". Въ общемъ „Исторія консульства и имперіи" получила характеръ почти сплошного прославленія Наполеона въ духѣ той легенды, которая окружила поэтическимъ ореоломъ образъ перваго императора французовъ. Такое отношеніе Тьера къ своему герою вызвало оппозицію со стороны одной части критиковъ его труда, и къ числу этихъ критиковъ принадлежали *Ланфрэ*, *Шоффуръ-Кестнеръ* и *Барни*. Первый изъ нихъ еще въ 1861 г. подвергъ разбору историческіе взгляды Тьера, а позднѣе выступилъ съ собственнымъ трудомъ о Наполеонѣ, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Послѣ появленія послѣдняго тома „Исторіи консульства и имперіи" второй изъ названныхъ писателей выпустилъ въ 1863 г. книжку съ разборомъ этого сочиненія [1]), и въ томъ же году трудъ Тьера сдѣлалъ предметомъ особаго публичнаго курса лекцій женевскій профессоръ Барни, который обработалъ потомъ (1865) эти лекціи для печати подъ заглавіемъ „Наполеонъ

[1]) *Chauffour-Kestner*. M. Thiers historien. Notes sur l'histoire du consulat et de l'empire. Въ 1891 г тоже вышло въ свѣтъ соч. неизвѣстнаго автора „Notes critiques sur l'histoire de M. Thiers".

и его историкъ г. Тьеръ" [1]). Изъ всѣхъ этихъ разборовъ труда Тьера наиболѣе сильнымъ и основательнымъ нужно признать книжку Барни, которая даже была запрещена во Франціи во все царствованіе Наполеона III. Историческому фатализму Тьера Барни противополагаетъ моральный судъ надъ личностью прославляемаго историкомъ Наполеона, возвращаясь въ политическомъ отношеніи ко взгляду г-жи Сталь, для которой Наполеонъ былъ первымъ изъ контръ-революціонеровъ. Книжка Барни — цѣлая исторія главныхъ моментовъ жизни Наполеона, начиная съ 18 брюмера, и отдѣльныхъ сторонъ его внутренней и внѣшней политики, написанная въ опровержение легенды, которую авторъ считалъ особенно вредною въ общественномъ смыслѣ.

Черезъ два года послѣ появленія книжки Барни стала выходить въ свѣтъ написанная въ томъ же отрицательномъ духѣ „Исторія Наполеона I-го" Ланфрэ, доведенная въ V томѣ до 1811 г. и не оконченная за смертью автора (1877). Ланфрэ въ своемъ трудѣ выступаетъ также противникомъ наполеоновской легенды, желая, однако, сохранить безпристрастіе судьи, не увлекаемаго ни любовью, ни ненавистью, подсказывавшихъ приговоры о Наполеонѣ прежнимъ историкамъ. Борьба съ легендою, столь сильно содѣйствовавшею установленію во Франціи второй имперіи, и то обстоятельство, что вообще въ литературѣ о Наполеонѣ, по словамъ Ланфрэ, раздавалось болѣе похвалъ, чѣмъ порицаній, привели, однако, къ тому, что авторъ не вездѣ выдерживаетъ спокойный тонъ, и что полемическія цѣли по временамъ слишкомъ ясно проглядываютъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ книги, которая потому, пожалуй, и имѣетъ главнымъ образомъ значеніе корректива къ сочиненію Тьера.

Занятіе исторіей Наполеона I во времена второй имперіи, оппозиціонное отношеніе къ которой давало извѣстнаго рода окраску историческому взгляду на ея прототипъ начала XIX вѣка, имѣло и то неудобство, что архивы, гдѣ историки могли бы черпать новыя данныя объ эпохѣ, были для нихъ совершенно недоступны, и даже предпринятое Наполеономъ III изданіе переписки его дяди [2]) заключало въ себѣ далеко не все, что̀ особенно должно было интересовать историковъ. Съ другой стороны, бо̀льшая часть мемуаровъ эпохи, изданныхъ до того времени, представляла изъ себя собраніе оправданій и самооправданій и, конечно, далеко не въ интересахъ исторической истины. Только третья республика открыла архивы для изслѣдователей эпохи, и однимъ изъ первыхъ, воспользовавшихся этимъ, былъ *Юнгъ* (Th. Jung), авторъ книги о „Бонапартѣ и его времени

[1]) *Barni*. Napoléon I et son historien M. Thiers.

[2]) Correspondance de Napoléon I (32 большихъ тома).

(1769—1799) на основаніи неизданныхъ источниковъ" [1]). Это сочиненіе освѣтило совершенно новымъ свѣтомъ многое въ жизни Наполеона до перехода власти въ его руки. Вмѣстѣ съ этимъ, появленіе новыхъ мемуаровъ о наполеоновской эпохѣ, въ которыхъ самъ Наполеонъ являлся далеко не въ благопріятномъ для него освѣщеніи, оживило вопросъ о личныхъ свойствахъ перваго императора французовъ. Наиболѣе шума за послѣднее время надѣлало изображеніе Наполеона и его режима въ V (по общему счету) томѣ сочиненія *Тэна* „Происхожденіе современной Франціи". Барни, Ланфрэ и Юнгъ ставили своею задачею разрушить наполеоновскую легенду, Тэнъ въ сущности дѣлаетъ то же самое. Уже оканчивая послѣдній томъ своей „Революціи", онъ набросалъ общую характеристику новаго режима, которому далъ нелестное названіе „философской казармы" (caserne philosophique): архитекторомъ, построившимъ это зданіе, говорилъ онъ въ началѣ тома, въ которомъ идетъ рѣчь о консульствѣ и имперіи, былъ Наполеонъ. У Тэна Наполеонъ изображается, какъ великій кондотьеръ, все-таки давшій, однако, Франціи прочную организацію, хотя бы и далекую отъ идеала свободы. Книга Тэна разссорила его съ бонапартистами, съ которыми у него были кое-какія связи, и вызвала противъ него возраженія [2]). Однимъ словомъ, и Тэнъ разрушаетъ старую легенду, хотя и не съ той, благопріятной для революціи, точки зрѣнія, на которой стоялъ Барни, Ланфрэ и Юнгъ. Между прочимъ, для своей характеристики Наполеона онъ широко черпалъ изъ мемуаровъ, которыхъ не могло быть подъ руками у его предшественниковъ, такъ какъ эти мемуары или появились только въ недавнее время, или даже были у Тэна еще въ рукописи [3]).

Повидимому, неблагопріятный для Наполеона портретъ, сдѣланный мастерскою рукою Тэна, заставилъ вскорѣ *Артура Леви* написать о Наполеонѣ большую книгу [4]), гдѣ несомнѣнно набросано немало любопытнаго матеріала, но гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ Наполеонъ изображается какимъ-то воплощеніемъ всевозможныхъ добродѣтелей, какія только могутъ украшать человѣка въ его домашней и общественной жизни. Авторъ прямо старается доказать, что „великій кондотьеръ" Тэна былъ живымъ олицетвореніемъ всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя отличаютъ среднее сословіе, и что будто бы, благодаря только ему, оно и взяло въ свои руки государственныя дѣла.

За послѣднее время наполеоновской эпохѣ вообще посчастливи-

---

[1]) *Jung*. Bonaparte et son temps (1769—1799) d'après les documents inédits. 1880—1881.

[2]) Сочин. принца Наполеона „Napoléon I et ses detracteurs".

[3]) Именно интересные „Mes souvenirs sur Napoléon" *Шапталя*. 1893.

[4]) *Arthur Lévy*. Napoléon intime. 1893.

лось въ исторической литературѣ. Прежде всего можно назвать нѣсколько небольшихъ обзоровъ его эпохи [1]), изъ которыхъ особенно слѣдуетъ отмѣтить книгу Фурнье „Наполеонъ I“. Авторъ поставилъ своею цѣлью коротко и просто разсказать для образованной публики біографію Наполеона, признавая, однако, что время написать настоящую его исторію еще не настало, и только желая познакомить обыкновенныхъ читателей съ тѣмъ, что за послѣднее время сдѣлано въ этой области. Частныхъ изслѣдованій, дѣйствительно, производится въ настоящее время очень много, и они очень часто проливаютъ совершенно новый свѣтъ на отдѣльныя стороны эпохи; между прочимъ, благодаря опубликованію новаго матеріала и благодаря архивнымъ розысканіямъ, теперь почти совсѣмъ заново передѣлывается исторія международной политики консульства и имперіи [2]). Дипломатическія отношенія и войны Наполеона были прямымъ продолженіемъ того, что имъ было получено въ наслѣдство отъ революціи, а потому разъ для остальной Европы Наполеонъ является воплощеніемъ революціи, его внѣшняя политика имѣетъ интересъ не только съ точки зрѣнія исторіи международныхъ отношеній, но и съ точки зрѣнія той политической и соціальной перестройки старой Европы, которая была начата французской революціей. Съ этой стороны нужно ожидать весьма многаго отъ продолженія труда Сореля „Европа и французская революція“, который авторъ обѣщалъ довести до 1815 года.

V. Наполеонъ Бонапартъ до 1799 года [3]).

Корсика и корсиканское происхожденіе Наполеона.—Семья Бонапартовъ.—Воспитаніе Наполеона. — Его корсиканскій патріотизмъ въ юности.—Наполеонъ въ началѣ революціи. — Его путешествіе въ Аяччіо.—Услуги Наполеона конвенту.—Его бракъ съ Жозефиной Богарнэ и назначеніе главнокомандующимъ итальянской арміей. — Наполеонъ и директорія въ 1796—1799 гг. — Личный характеръ, идеи и стремленія Наполеона въ эту эпоху.

Наполеонъ Бонапартъ, какъ сталъ онъ называть себя во Франціи, или Буонапарте, какъ произносилось раньше его фамильное имя итальянскаго происхожденія, былъ родомъ изъ города Аяччіо на островѣ

---

[1]) *E. Guillon*. Petite histoire du consulat et de l'empire. — *Charles Barthélemy*. Le consulat et l'empire. 1885.

[2]) Въ главѣ VIII сдѣланы главныя указанія вообще на литературу по исторіи международныхъ отношеній.

[3]) Молодость Наполеона была предметомъ нѣсколькихъ сочиненій: *Coston*. Biographie des premières années de Napoléon Bonaparte. 1840.—*Nasica*. Mémoires sur l'enfance et la jeunesse de Napoléon jusqu'à l'âge de 23 ans. 1851.—*Boethlinck*.

Корсикѣ. Этотъ островъ съ XIV в. принадлежалъ Генуэзской республикѣ, къ которой, однако, среди его населенія всегда существовало нерасположеніе. Въ 1729—1730 гг. Генуѣ пришлось подавлять серьезное возстаніе корсиканцевъ, для чего потребовалась помощь со стороны римскаго императора. Въ 1736 г. корсиканцы сдѣлали новую попытку отложиться отъ Генуи, и республика вынуждена была призвать къ себѣ на помощь Францію, но едва войска послѣдней, возстановивъ власть генуэзцевъ надъ мятежнымъ островомъ, его очистили (1741), какъ жители начали новое возстаніе. Въ это время особенно выдвинулся своимъ патріотизмомъ, организаторскимъ талантомъ и военными доблестями нѣкто Паоли. Когда корсиканскій сенатъ назначилъ его главнымъ вождемъ возстанія (1755), Генуя стала терпѣть сильныя пораженія и, несмотря на новую французскую помощь, едва удерживала за собою на островѣ нѣсколько береговыхъ пунктовъ съ главнымъ городомъ Бастіей. Не имѣя силъ справиться съ непокорнымъ населеніемъ, Генуя уступила Корсику Франціи подъ условіемъ, чтобы Людовикъ XV подчинилъ себѣ островъ и владѣлъ имъ до тѣхъ поръ, пока Генуя не уплатитъ военныхъ издержекъ. Паоли, расчитывая на англійскую помощь, однако, продолжалъ сопротивляться, но когда Франція послала на островъ тридцатитысячное войско, а англичане поддержки возстанію не оказали, то Паоли оставилъ борьбу за свободу родины и удалился жить въ Англію. Это было въ 1768 г., но еще въ теченіе шести лѣтъ на островѣ продолжалась партизанская война противъ французской оккупаціи. Замиреніе, наступившее въ 1774 г., было также только временнымъ. Когда во Франціи началась революція, Корсика была превращена въ отдѣльный департаментъ и вошла, такъ сказать, въ колею общей французской жизни. Паоли вернулся на родину; но когда въ эпоху террора его потребовали въ Парижъ, онъ поднялъ новое возстаніе и съ помощью англичанъ на время освободилъ Корсику отъ французовъ (1794), при чемъ ей было дано новое устройство подъ опекой Англіи. Но на островѣ существовала и французская партія, и при ея помощи Франція возвратила себѣ обладаніе Корсикой. Вся эта долговременная борьба корсиканцевъ за свою свободу пользовалась на континентѣ съ самаго

Napoléon Bonaparte, seine Jugend und sein Emporkommen bis zum 13 Vendémiaire. 1877 (2-е изд. 1883).—*Jung.* Bonaparte et son temps (1769—1799) d'après les documents inédits. 1880—1881. — *Masson.* Napoléon inconnu. Papiers inédits (1786—1793), accompagnés de notes sur la jeunesse de Napoléon. 1895 —*Chuquet* La jeunesse de Napoléon. 1900. О корсиканскихъ предпріятіяхъ Наполеона см. еще *Jung.* Lucien Bonaparte et ses mémoires. 1882. Военная литература о Наполеонѣ весьма обширна, и въ составъ ея входитъ нѣсколько сочиненій объ египетской экспедиціи (см. *Boulay de la Meurthe.* Le directoire et l'expédition d'Egypte. 1885).

начала большою популярностью: въ числѣ лицъ, которыя выражали имъ свое сочувствіе, были, напр., въ свое время и Фридрихъ II, и Вольтеръ, и Монтескье, и Руссо. Къ послѣднему корсиканцы обращались даже за проектомъ конституціи, а въ „Contrat Social“ онъ высказалъ мнѣніе, что Корсика единственная страна въ Европѣ, способная къ установленію у себя новыхъ законовъ. „У меня, прибавлялъ онъ, есть какое-то предчувствіе, что этотъ маленькій островъ удивитъ Европу“. Говоря все это, Руссо, несомнѣнно, имѣлъ въ виду культурную отсталость Корсики, близость всего ея быта и нравовъ населенія къ естественному состоянію, и въ этомъ отношеніи онъ дѣйствительно не ошибался: корсиканская жизнь въ ту эпоху, когда писалъ Руссо, была, дѣйствительно, еще чисто варварскою, средневѣковою по соціальному строю, нравамъ и страстямъ населенія, такъ какъ здѣсь еще господствовали кровавая месть, усобицы между отдѣльными семействами, разбойничество и т. п., заставлявшія придавать жилищамъ видъ небольшихъ крѣпостей и удаляться отъ селеній не иначе, какъ въ большой компаніи и въ полномъ вооруженіи.

Въ этомъ-то захолустьѣ цивилизованнаго свѣта и родился будущій повелитель Франціи и побѣдитель Европы въ августѣ 1769 г. какъ разъ въ то время, когда его родина только что перешла подъ французское владычество. До самаго 1793 г. молодой Бонапартъ былъ болѣе корсиканскимъ патріотомъ, чѣмъ французомъ, да и впослѣдствіи, когда онъ уже сдѣлался властителемъ Франціи, его рѣчь все еще носила на себѣ отпечатокъ его не-французскаго происхожденія. Уже многіе современники, а за ними и позднѣйшіе историки указывали на вообще не-французскій характеръ Наполеона, и поэтому въ презрительномъ прозвищѣ „корсиканецъ“, какое ему давали его политическіе недоброжелатели, заключалось нѣчто большее, нежели простое указаніе на мѣсто его рожденія. Очень можетъ быть, что именно будучи чуждымъ Франціи въ самые ранніе свои годы, даже въ годы своего воспитанія во французской школѣ и нахожденія на службѣ въ арміи французскаго короля, онъ и не могъ вполнѣ проникнуться духомъ французскаго XVIII вѣка. Хотя онъ и покинулъ свою родину девятилѣтнимъ ребенкомъ, но онъ продолжалъ ее страстно любить, постоянно стремиться къ ней и впослѣдствіи пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы возвращаться въ Аячіо и подолгу тамъ заживаться. Раннія впечатлѣнія, полученныя мальчикомъ на родинѣ,— а его развитіе въ дѣтствѣ совершалось очень быстро,—залегли глубоко въ его душу и оставили въ ней прочные слѣды. Эти раннія впечатлѣнія получилъ онъ отъ всей корсиканской жизни съ ея враждою между отдѣльными семействами, съ ея обманами, засадами, внезапными нападеніями, отъ нравовъ общества, признававшаго молодцомъ

того, кто умѣлъ лучше другихъ лгать и притворяться, кто обнаруживалъ въ борьбѣ ловкость и хитрость, кто не останавливался передъ насиліемъ ради успѣха въ своихъ предпріятіяхъ. Первое воспитаніе мальчика такимъ образомъ происходило путемъ нагляднаго обученія, дававшагося ему всею корсиканскою жизнью, и въ лицѣ Наполеона потомъ какъ бы воскресли его предки, итальянцы эпохи кондотьерства.

Предки Наполеона были, дѣйствительно, выходцами изъ Тосканы, гдѣ въ XVIII в. за фамиліей Буонапарте было признано дворянское происхожденіе. Отецъ Наполеона, Карлъ Буонапарте, занимался адвокатурой. Когда на островѣ началось національное движеніе подъ начальствомъ Паоли, онъ примкнулъ къ этому народному вождю, но послѣ побѣды Франціи, наоборотъ, сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ французской партіи, за что̀ и сталъ пользоваться особымъ покровительствомъ новыхъ господъ Корсики. Въ качествѣ депутата отъ мѣстнаго дворянства онъ не разъ ѣздилъ въ Версаль и даже умеръ (1785) на возвратномъ пути изъ одного такого путешествія. Отъ жены своей Летиціи Рамолино, умной и энергичной женщины [1]), онъ прижилъ тринадцать человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ только восемь—пять сыновей и три дочери—пережили своего отца. Старшему сыну, Іосифу, въ годъ смерти Карла Буонапарте едва исполнилось 17 лѣтъ, второй, Наполеонъ, былъ моложе старшаго на полтора года [2]), а слѣдующіе были малъ-мала меньше: Луціанъ—десяти лѣтъ, Людовикъ — семи, Іеронимъ — трехъ мѣсяцевъ; сестры (Элиза, Паулина и Каролина) также были еще дѣвочками. Летиція Буонапарте по смерти мужа бѣдствовала съ такою семьею на рукахъ и кое-какъ справлялась со своими дѣлами лишь при помощи старшаго сына, вернувшагося на родину изъ Франціи, гдѣ онъ готовился въ отенскомъ коллежѣ къ принятію духовнаго званія. Второй сынъ въ томъ же году кончилъ курсъ въ парижской военной школѣ и, несмотря на свое скудное содержаніе, тоже сталъ помогать семьѣ. Впослѣдствіи братья Наполеона занимали высшія государственныя должности, и трое изъ нихъ были одно время даже королями, да и одна изъ сестеръ тоже сдѣлалась королевой. Наполеонъ всегда стремился „пристроить“ своихъ какъ можно лучше, но чѣмъ выше самъ онъ поднимался и чѣмъ значительнѣе становилось положеніе его братьевъ и сестеръ, тѣмъ сами они дѣлались требовательнѣе, такъ что Наполеону приходилось даже жаловаться на ихъ вѣчныя претензіи: „послушать ихъ, говорилъ онъ, такъ можно, пожалуй, подумать, что я одинъ завладѣлъ большимъ наслѣдствомъ, оставленнымъ намъ нашимъ

---

[1]) О ней см. монографію *Larrey*. Madame-Mère (Napoleonis mater). 1892.
[2]) Родился 15 авг. 1769 г.

отцомъ". Въ то время, когда семья жила въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, вдова Буонапарте привыкла къ самой строгой экономіи и отличалась большимъ скопидомствомъ даже тогда, когда ея сынъ былъ императоромъ и она, нося титулъ „государыни-матери" (madame mère), получала приличное своему званію содержаніе. Извѣстно, что Летиція пережила Наполеона на цѣлыя пятнадцать лѣтъ и умерла, оставивъ большое состояніе. Хотя Наполеону и приходилось нерѣдко ссориться съ членами своей семьи, однако, онъ былъ всегда связанъ съ нею самыми тѣсными узами, начиная съ того времени, когда по окончаніи курса въ военной школѣ сталъ заботиться объ оказаніи помощи своей матери, братьямъ и сестрамъ, и кончая эпохой имперіи, когда его родня достигла высшихъ почестей и даже стала занимать королевскіе троны. До самаго 1793 г. Наполеона постоянно влекло въ Аячіо, къ родной семьѣ, такъ какъ въ то время онъ еще чувствовалъ себя тяжело среди чуждаго ему общества, къ которому не принадлежалъ по своему рожденію.

Отецъ Наполеона за услуги, оказанныя французскому правительству, получилъ право отдать одного изъ своихъ сыновей на королевскій счетъ въ бріенскую военную школу. Этимъ правомъ онъ воспользовался для своего второго сына, который и былъ отвезенъ въ названное учебное заведеніе по десятому году, при чемъ мальчика нужно было еще подучить французскому языку, бывшему для него совершенно чужимъ. Какъ здѣсь, такъ и въ военномъ училищѣ въ Парижѣ (1784—1785), куда Наполеонъ перешелъ впослѣдствіи для окончанія своего образованія, онъ былъ окруженъ товарищами, съ которыми у него и по происхожденію, и по первоначальному воспитанію, и по общественному положенію не было почти ничего общаго. Одинъ изъ его парижскихъ учителей прямо далъ ему такую аттестацію, что молодой Буонапарте остался-де совсѣмъ корсиканцемъ по всему своему духовному складу. Между Наполеономъ и его товарищами не было большой симпатіи, да и къ самой Франціи онъ относился съ нѣкоторою непріязнью. Своимъ отечествомъ онъ все это время считалъ Корсику, Франція же была въ его глазахъ только поработительницей его родины, и онъ, маленькій корсиканецъ, изъ котораго хотѣли сдѣлать француза, чувствовалъ себя особенно тяжело среди товарищей, относившихся къ нему свысока и постоянно его дразнившихъ за его нефранцузскій выговоръ и странное имя. Его героемъ былъ корсиканскій патріотъ Паоли: юный Наполеонъ чуть не боготворилъ этого защитника свободы родного острова. Корсиканскій патріотизмъ вообще отмѣчаетъ собою всѣ молодые годы Наполеона до той поры, когда онъ безповоротно связалъ свою судьбу съ судьбою Франціи. Въ училищѣ по своимъ успѣхамъ Наполеонъ

былъ далеко не первымъ, и компетентные люди впослѣдствіи не разъ отмѣчали важные пробѣлы въ его образованіи; но способность къ упорному труду и силу воли онъ достаточно обнаружилъ уже и на школьной скамьѣ, и тотъ же самый учитель, который отмѣтилъ корсиканскій характеръ молодого Буонапарте, говорилъ еще, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ юноша пойдетъ очень далеко.

Выпущенный въ 1785 г. изъ парижской военной школы съ чиномъ артиллерійскаго подпоручика и отправленный въ Валансъ, гдѣ находилась его бригада, шестнадцатилѣтній Бонапартъ предался съ большимъ усердіемъ чтенію главнымъ образомъ историческихъ и политическихъ книгъ, бывшихъ тогда въ ходу, между прочимъ, „Общественнаго договора" Руссо и особенно знаменитой въ то время „Философской исторіи" Рэйналя; впослѣдствіи онъ даже объявилъ себя ученикомъ Рэйналя въ брошюрѣ „Discours sur le bonheur", представленной имъ ліонской академіи въ 1791 г. Въ 1786 г., проживая въ Валансѣ, молодой артиллерійскій подпоручикъ и самъ пробуетъ свои силы на литературномъ поприщѣ и пишетъ исторію Корсики, которую доводитъ до Паоли и посылаетъ въ рукописи тому же Рэйналю, получивъ потомъ отъ послѣдняго очень лестный отзывъ и совѣтъ продолжать начатую работу. Выборъ сюжета для перваго литературнаго труда весьма характеренъ, а самый лучшій комментарій къ этому выбору мы находимъ въ слѣдующихъ словахъ дневника Наполеона, написанныхъ около того же времени, по полученіи отказа на просьбу объ отпускѣ къ роднымъ въ томъ же году. „Шесть или семь лѣтъ я не видалъ своего отечества. Какъ долженъ я радоваться, когда черезъ четыре мѣсяца я увижу снова моихъ соотечественниковъ и родныхъ!.. Что̀ же въ такомъ случаѣ заставляетъ меня стремиться къ смерти? Впрочемъ, и въ самомъ дѣлѣ, что̀ же дѣлать мнѣ въ этомъ мірѣ? Разъ я долженъ умереть, не лучше ли ужъ самому съ собой покончить?.. Какое зрѣлище увижу я въ моей родной странѣ? Мои соотечественники, закованные въ цѣпи, содрогаясь, лобзаютъ руку, которая ихъ давитъ... Это уже не тѣ доблестные корсиканцы, которыхъ одушевлялъ герой своими высокими качествами, враги тиранновъ, роскоши и презрѣнныхъ куртизановъ... Французы! вамъ мало было отнять у насъ все, что̀ намъ было особенно дорого, вы вдобавокъ развратили еще наши нравы!.. Когда отечество болѣе не существуетъ, хорошій гражданинъ долженъ умереть". Получивъ, наконецъ, возможность уѣхать на родину, Наполеонъ остается въ Аяччіо долѣе даннаго ему срока и только въ маѣ 1788 г. возвращается во Францію, въ свою бригаду, находившуюся тогда въ Оксонѣ. За все это время онъ, повидимому, съ трудомъ переносилъ двойственность своего положенія, какъ корсиканскаго патріота, взявшаго

себѣ за образецъ великаго Паоли и вмѣстѣ съ тѣмъ вынужденнаго обстоятельствами служить въ арміи притѣснителей родины.

Между тѣмъ вспыхнула революція. Наполеонъ, которому въ 1789 г. исполнилось только двадцать лѣтъ, сдѣлался однимъ изъ ея сторонниковъ. Въ его головѣ бродили тогда идеи Руссо и Рэйналя, и онъ, какъ бы чувствуя себя чужимъ въ офицерскомъ обществѣ, состоявшемъ изъ дворянъ, искалъ сближенія со „штатскими"—съ чиновниками, адвокатами, буржуа, проникнутыми тѣми же самыми идеями. Еще осенью 1788 г. Наполеонъ набросалъ въ своемъ дневникѣ планъ разсужденія о королевской власти, весьма характерный для девятнадцатилѣтняго офицера. „Въ началѣ,—читаемъ мы тамъ,—будутъ общія соображенія о происхожденіи того значенія, какое для ума людей получило имя короля. Военное правленіе ему благопріятствуетъ. Потомъ будутъ подробности о той узурпированной власти, какою пользуются короли въ двѣнадцати европейскихъ государствахъ. Очень мало вообще королей, которые не заслуживали бы быть низложенными". Впрочемъ, на революцію Наполеонъ смотрѣлъ сначала съ чисто корсиканской точки зрѣнія, такъ какъ мечталъ воспользоваться переворотомъ для того, чтобы самому играть роль въ исторіи родного острова. Осенью 1789 г. онъ получилъ новый отпускъ и опять уѣхалъ въ Аячіо, гдѣ уже шла горячая борьба партій. Молодой офицеръ составляетъ тогда планъ низвергнуть правленіе консервативной партіи, овладѣть цитаделью и прогнать французовъ; планъ этотъ съ энтузіазмомъ принимается клубомъ мѣстныхъ патріотовъ какъ-разъ въ то время, когда организуется и національная гвардія. Мѣстныя власти были, однако, бдительны: гарнизонъ былъ усиленъ, клубъ закрытъ, національная гвардія распущена, и патріотамъ ничего болѣе не осталось сдѣлать, какъ послать въ національное собраніе протестъ, который и былъ написанъ Наполеономъ. Въ Парижѣ не одобрили того, что произошло въ Аячіо, и лѣтомъ 1790 г. клубъ снова открылъ свои засѣданія, опять организовалась національная гвардія, и былъ избранъ новый совѣтъ, въ который попалъ старшій Буонапарте—Іосифъ. Во всѣхъ этихъ событіяхъ Наполеонъ игралъ весьма видную роль. Онъ подписался первымъ („Buonaparte, officier d'artillerie") подъ упомянутымъ протестомъ, въ которомъ изложилъ свое тогдашнее политическое credo. Протестъ этотъ начинался именно такими словами: „когда власти (les magistrats) похищаютъ права, противныя закону, когда депутаты безъ полномочія называютъ себя народомъ, чтобы говорить противъ его желанія, частныя лица имѣютъ право соединяться, протестовать и такимъ образомъ сопротивляться притѣсненію". „Когда, сказано въ другомъ мѣстѣ протеста,—когда царствуетъ тираннія, когда власти не пользуются довѣріемъ, когда

насъ унизили и мы имѣемъ право ихъ ненавидѣть, можно ли говорить, что все обстоитъ благополучно? Можно ли требовать отъ нашего глубокаго повиновенія, чтобы мы долѣе сносили это иго?“ Въ началѣ 1790 г. Наполеонъ написалъ страстный памфлетъ подъ заглавіемъ „Письмо г. Буонапарте къ г. Маттео Буттафуоко, депутату Корсики въ національномъ собраніи“; въ немъ онъ все еще является прежде всего корсиканскимъ патріотомъ, протестующимъ противъ поведенія одного изъ депутатовъ острова въ учредительномъ собраніи. Несмотря на свои молодые годы, Наполеонъ игралъ очень видную роль и въ клубной агитаціи и даже добился, въ слѣдующій свой пріѣздъ въ Аячіо (1791—1792 г.), избранія въ начальники батальона національной гвардіи. Онъ уже съумѣлъ составить въ пользу своего избранія цѣлую партію, когда одинъ изъ коммиссаровъ, присланныхъ національнымъ собраніемъ для организаціи батальоновъ, Мурати, пріѣхавъ въ Аячіо, остановился въ домѣ главнаго соперника Наполеона, Марія Перальди. Дѣло Наполеона было, повидимому, проиграно, но онъ рѣшился дѣйствовать путемъ насилія. Однажды подъ вечеръ, когда семья Перальди и ея гость сидѣли за столомъ, въ комнату ворвалось нѣсколько вооруженныхъ людей, которые захватили Мурати и отвели его въ домъ Бонапарта. Послѣдній принялъ его очень ласково и объяснилъ ему, что у Перальди онъ „не былъ бы вполнѣ свободенъ“. На другой день послѣ этого Наполеонъ былъ избранъ. Фактъ этотъ сообщается однимъ изъ его почитателей, сдѣлавшимъ изъ своего о немъ разсказа тотъ неподходящій выводъ, что въ сердцѣ Наполеона были глубоко запечатлѣны чувства чести, добродѣтели и свободы. Уже въ 1790 г. Наполеонъ мечталъ о роли какого-то вождя на родномъ островѣ, то предлагая клубистамъ овладѣть цитаделью, то расчитывая стать во главѣ національной милиціи, которая получала бы жалованье отъ правительства. При этомъ онъ надѣялся на помощь Паоли, вернувшагося изъ изгнанія и единогласно избраннаго въ предсѣдатели административнаго совѣта Корсики. Только когда планъ вооруженія корсиканцевъ на счетъ Франціи окончательно провалился, Наполеонъ въ началѣ 1791 г. вернулся на службу, получивъ въ скоромъ времени повышеніе въ чинъ поручика и назначеніе въ гарнизонъ Валанса. Здѣсь онъ жилъ на скудное жалованье съ младшимъ братомъ своимъ Людовикомъ, занимаясь литературными опытами (между прочимъ „Размышленіями объ естественномъ состояніи“, написанными противъ Руссо) и играя видную роль въ клубахъ. Одно время онъ даже былъ секретаремъ „Друзей конституціи“ въ Валансѣ, находившихся въ сношеніяхъ съ парижскими якобинцами, и составилъ адресъ національному собранію, въ которомъ „Друзья конституціи“ заявляли свою преданность новымъ законамъ. Въ рѣчахъ

и писаніяхъ Наполеона этихъ годовъ мы встрѣчаемъ постоянно революціонную фразеологію эпохи. И въ Аячіо, и въ Валансѣ онъ примыкалъ къ радикальной партіи. Между прочимъ, съ своимъ дядею аббатомъ Фешемъ (впослѣдствіи кардиналомъ) онъ составилъ еще въ 1790 г. брошюру „О конституціонной присягѣ священниковъ", чѣмъ даже вызвалъ противъ себя сильное неудовольствіе благочестивыхъ корсиканцевъ, такъ что одинъ разъ во время крестнаго хода его чуть-было не убили.

Съѣздивъ еще разъ на родину въ концѣ 1791 г. и пробывъ тамъ начало слѣдующаго года,—время, къ которому относятся эпизодъ съ Мурати и новая попытка воспользоваться уличною смутою, чтобы овладѣть цитаделью Аячіо, — Наполеонъ отправился въ Парижъ, и здѣсь ему пришлось присутствовать при сценѣ, разыгравшейся 20 іюня, когда народная толпа ворвалась въ королевскій дворецъ и заставляла Людовика XVI подчиниться требованіямъ патріотовъ. Со своимъ школьнымъ товарищемъ Бурьеномъ Наполеонъ пошелъ за толпою, интересуясь посмотрѣть, что̀ выйдетъ изъ этого движенія. Когда Тюйльерійскій дворецъ былъ уже захваченъ народомъ, Наполеонъ сказалъ своему спутнику, что въ эту „сволочь" слѣдовало бы просто выстрѣлить изъ пушки: сотни четыре или пять положили бы на мѣстѣ, а остальные обратились бы въ бѣгство. Наполеонъ присутствовалъ и при крушеніи монархіи 10 августа того же 1792 г. Въ этотъ день, разсказывалъ онъ впослѣдствіи, „я чувствовалъ, что еслибы меня позвали, я сталъ бы защищать короля. Я былъ противъ тѣхъ, которые основывали республику при помощи народа, а потомъ еще я съ негодованіемъ смотрѣлъ, какъ люди въ обыкновенномъ платьѣ нападали на людей въ мундирѣ". 10-ое августа сыграло важную роль въ судьбѣ Наполеона: въ Парижъ онъ пріѣхалъ, вызванный для объясненія властямъ своего поведенія; онъ хлопоталъ о возвращеніи на прежнее мѣсто, которое было для него потеряно съ переходомъ въ командиры корсиканскаго батальона, но дѣло его шло очень плохо, и только переворотъ 10 августа создалъ новое правительство, которое отнеслось благосклонно къ его просьбѣ и даже произвело его въ капитаны.

Въ 1792 г. между революціонной Франціей и монархической Европой начинается война. Вновь назначеннаго капитана она совсѣмъ сначала не интересовала. Несмотря на то, что только еще весною онъ навлекъ на себя своимъ поведеніемъ въ Аячіо неудовольствіе мѣстныхъ властей съ Паоли во главѣ, онъ осенью опять поѣхалъ въ родной свой городъ и снова взялъ на себя начальство надъ тамошней милиціей. На этотъ разъ Наполеонъ прожилъ въ Корсикѣ цѣлыхъ девять мѣсяцевъ. Въ это время между Паоли, какъ сторонникомъ низ-

верженной конституціонной монархіи, и новою республиканскою властью въ Парижѣ возникло несогласіе, въ которомъ громадное большинство корсиканцевъ стало на сторону своего стараго героя. Наполеонъ оказался на сторонѣ его противниковъ. Паоли когда-то нашелъ пріютъ въ Англіи и продолжалъ относиться къ ней съ сочувствіемъ, когда между нею и Франціей началась война, Наполеонъ же, наоборотъ, былъ теперь на сторонѣ Франціи. Кромѣ того, и личное честолюбіе Наполеона, оскорблявшееся популярностью Паоли, и его сочувствіе радикаламъ, господствовавшимъ въ конвентѣ, заставляли его идти противъ національнаго героя, бывшаго еще незадолго передъ тѣмъ его идоломъ. Весною 1793 г. Наполеонъ уже окончательно разошелся съ Паоли, и народное собраніе объявило фамилію Буонапарте измѣнниками отечества. Летиція со своими дѣтьми едва спаслась бѣгствомъ, а ея домъ былъ разграбленъ и сожженъ. Около этого времени Луціанъ Бонапартъ ѣздилъ въ Парижъ съ обвиненіями противъ Паоли, написанными его братомъ, а самъ Наполеонъ, расчитывая на свой батальонъ національной гвардіи, съ помощью французскихъ солдатъ сдѣлалъ неудачную попытку овладѣть Аячіо, послѣ чего и ему оставалось только покинуть островъ. 11 іюня 1793 г. вся семья Бонапартовъ сѣла на корабль, чтобы высадиться въ Тулонѣ. Періодъ корсиканскаго патріотизма Наполеона окончился. Правда, онъ и послѣ этого еще нѣкоторое время не оставлялъ мысли завладѣть островомъ, но уже теперь имъ руководило чувство мщенія. Честолюбіе играло всегда большую роль въ его поведеніи, и если сначала онъ стремился удовлетворить свое честолюбіе, создавая себѣ выдающееся положеніе на родномъ островѣ, то съ лѣта 1793 г. онъ уже окончательно связываетъ свою судьбу со службою той революціи, къ которой примкнулъ съ самаго начала, движимый ненавистью къ привилегіямъ и находясь еще подъ властью „идеологіи“, столь презиравшейся имъ впослѣдствіи.

Покинувъ Корсику и устроивъ свою семью въ Ла-Валеттѣ, близъ Тулона, молодой капитанъ отправился къ своему отряду, находившемуся тогда въ Ниццѣ, взявъ у конвентскаго коммиссара, корсиканца Саличетти, своего друга, удостовѣреніе въ томъ, что пребываніе его, капитана Бонапарта, на островѣ Корсикѣ въ послѣдніе мѣсяцы было безусловно необходимо для республики. Это было время возстаній противъ конвента въ разныхъ мѣстахъ Франціи, и Наполеону на первыхъ же порахъ пришлось участвовать въ подавленіи провансальскаго возстанія, центромъ котораго сдѣлался Авиньонъ. Этотъ городъ былъ взятъ въ іюлѣ, и потомъ, занимаясь здѣсь устройствомъ артиллерійскаго парка, Наполеонъ нашелъ время по поводу происходившей тогда гражданской войны написать памфлетъ подъ заглавіемъ „Le Souper

de Beaucaire", очень понравившійся конвентскимъ коммиссарамъ. Между послѣдними былъ, кромѣ Саличетти, и братъ Робеспьера, и они напечатали на казенный счетъ эту брошюру. „Ужинъ въ Бокэрѣ" представляетъ изъ себя защиту политики конвента и побѣдившей въ немъ партіи якобинцевъ противъ жирондистовъ, которые незадолго передъ тѣмъ пали въ борьбѣ за власть. Этотъ памфлетъ, снискавшій капитану Бонапарту расположеніе конвентскихъ коммиссаровъ, сдѣлалъ его имя извѣстнымъ и въ самомъ конвентѣ: коммиссары даже писали осенью 1793 г., что во всей арміи, осаждавшей тогда Тулонъ, Бонапартъ—единственный офицеръ, у котораго есть настоящій планъ операцій. Между тѣмъ въ концѣ августа Тулонъ передался англичанамъ, и началась осада его французской арміей, въ числѣ офицеровъ которой находился и Наполеонъ. Когда въ одной стычкѣ былъ раненъ начальникъ осадной артиллеріи, конвентскіе коммиссары назначили на его мѣсто своего новаго сторонника. Наполеонъ блестящимъ образомъ справился съ предстоявшей ему задачею, и когда наконецъ Тулонъ былъ взятъ (дек. 1793), коммиссары произвели капитана Бонапарта въ бригадные генералы, и это повышеніе было немедленно утверждено комитетомъ общественнаго спасенія. Молодой генералъ все болѣе и болѣе сближался теперь съ якобинцами, особенно черезъ брата Робеспьера, конвентскаго коммиссара, при которомъ онъ, какъ въ то время говорили, состоялъ въ роли негласнаго совѣтника. Въ первой половинѣ 1794 г., находясь въ итальянской арміи, дѣйствовавшей противъ австро-сардинскаго войска, оба они разрабатывали вмѣстѣ планъ предстоявшей кампаніи, а въ іюлѣ генералъ Бонапартъ поѣхалъ въ Геную для переговоровъ съ дожемъ въ виду предположеннаго вторженія французовъ въ Пьемонтъ. Съ блестящими надеждами на военный успѣхъ, быть можетъ, даже въ роли главнокомандующаго, Наполеонъ возвратился въ Ниццу, но какъ разъ въ это время произошло событіе 9 термидора. На свой планъ завоевать Италію онъ получилъ согласіе самого Робеспьера безъ вѣдома конвента и комитета общественнаго спасенія, и Саличетти, спасавшій, подобно многимъ якобинцамъ, самого себя доносами на людей, виновныхъ въ поддержкѣ низверженнаго диктатора, указалъ и на генерала Бонапарта, какъ на лицо, содѣйствовавшее видамъ Робеспьера. Предвидя возможность непріятности, Наполеонъ заблаговременно написалъ письмо французскому повѣренному въ Генуѣ, расчитывая, что содержаніе письма сдѣлается извѣстнымъ въ Парижѣ: „я, писалъ онъ, былъ немного огорченъ катастрофой Робеспьера младшаго, котораго любилъ и считалъ невиннымъ, но будь онъ мой родной отецъ, я самъ закололъ бы его кинжаломъ, еслибы онъ сталъ стремиться къ тираніи". 12 августа 1794 г. Наполеонъ тѣмъ не менѣе былъ лишенъ

должности и чина и заключенъ въ крѣпость, откуда онъ написалъ письмо конвентскимъ коммиссарамъ съ увѣреніями въ своей преданности революціи, республикѣ и отечеству. Такъ какъ въ бумагахъ арестованнаго не было, однако, найдено ничего подозрительнаго, его выпустили на свободу (20 августа) и даже вернули ему чинъ генерала (14 сентября).

Послѣ этого Наполеонъ жилъ нѣкоторое время въ Парижѣ. Хотя онъ и получилъ назначеніе въ западную армію, дѣйствовавшую въ Вандеѣ, онъ оставался въ столицѣ, между прочимъ, выжидая, какой исходъ будетъ имѣть якобинское предпріятіе противъ конвента, окончившееся потомъ неудачею въ знаменитый день 1 преріаля (20 мая 1795 г.), день новаго пораженія якобинцевъ. Послѣ этого событія Наполеонъ отсталъ отъ крайнихъ, чтобы сблизиться на этотъ разъ уже съ умѣренными, бывшими тогда у власти, а въ ихъ числѣ находились Фреронъ и Баррасъ, очевидцы—въ качествѣ конвентскихъ коммиссаровъ—того, что онъ сдѣлалъ подъ Тулономъ. Давно уже имѣя готовый планъ наступательной войны въ Италіи, потребовавшій теперь въ виду новыхъ обстоятельствъ только кое-какихъ измѣненій, онъ снова выступилъ съ этимъ планомъ, поддерживаемый въ этомъ предпріятіи и новыми своими покровителями. Онъ рѣшился даже протестовать противъ своего назначенія въ западную армію, такъ что комитетъ общественнаго спасенія постановилъ исключить генерала Бонапарта за ослушаніе изъ списковъ арміи (сент. 1795). Наполеонъ остался снова ни при чемъ и очень бѣдствовалъ въ матеріальномъ отношеніи. Между тѣмъ въ Парижѣ буржуазіей и роялистами подготовлялось новое движеніе противъ конвента, которое и разыгралось 13 вандемьера. Конвентъ, находившійся тогда въ самомъ критическомъ положеніи, назначилъ особый комитетъ для поддержанія порядка. Однимъ изъ его членовъ былъ сдѣланъ Баррасъ, взявшій на себя военную часть распоряженій въ виду грозившей опасности: ему-то и пришло въ голову пригласить себѣ въ помощники Бонапарта, который, дѣйствительно, проявилъ большую предусмотрительность и распорядительность. Въ ночь съ 4 на 5 окт. (13 вандемьера) 1795 г. онъ перевезъ къ конвенту пушки, а когда послѣ полудня 5 окт. на конвентъ двинулась національная гвардія, то была встрѣчена сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Конвентъ былъ спасенъ, и побѣдитель — награжденъ самымъ примѣрнымъ образомъ: черезъ три недѣли онъ уже былъ главнокомандующимъ въ Парижѣ.

Около этого времени Наполеонъ познакомился съ молодой креолкой Жозефиной Богарнэ, вдовой революціоннаго генерала, сложившаго голову на плахѣ въ 1794 г. Молодымъ генераломъ овладѣла страсть къ этой женщинѣ, отличавшейся кокетствомъ и довольно легкимъ по-

веденіемъ, но Жозефина не отвѣчала ему взаимностью. Баррасъ, который послѣ введенія конституціи III года сдѣлался однимъ изъ директоровъ, былъ покровителемъ г-жи Богарнэ и явился посредникомъ между нею и влюбленнымъ генераломъ. Жозефина, однако, заставила себя упрашивать и согласилась на бракъ лишь тогда, когда претендентъ на ея руку получилъ новое блестящее назначеніе. Баррасъ намѣчалъ его сначала въ военные министры, но на это не послѣдовало согласія другихъ директоровъ. Потомъ сошлись на томъ, чтобы сдѣлать генерала Бонапарта главнокомандующимъ итальянской арміей, и лишь тогда Жозефина дала свое согласіе. 2 марта былъ подписанъ декретъ о назначеніи Наполеона главнокомандующимъ, 9 числа того же мѣсяца состоялся гражданскій бракъ его съ вдовою Богарнэ, а 12 онъ уже уѣхалъ въ итальянскую армію. Это назначеніе Наполеона и выходъ за него замужъ Жозефины находятся между собою въ какой-то связи, хотя не все въ этомъ для насъ вполнѣ ясно. Незадолго до свадьбы Наполеонъ говорилъ своей невѣстѣ о недовольствѣ его товарищей и замѣтилъ, что ему совсѣмъ ненужна чья-либо протекція, что скоро будутъ, наоборотъ, искать его покровительства, что съ нимъ его сабля, а съ нею онъ пойдетъ далеко. Мы видѣли уже, что еще раньше Наполеонъ составилъ планъ вторженія въ Пьемонтъ. Этотъ планъ былъ отправленъ директоріей главнокомандующему Шереру, который возвратилъ его съ такого рода заключеніемъ, что сочинить его могъ только сумасшедшій, и что кто его сочинялъ, тотъ пусть и приводитъ его въ исполненіе. Въ директоріи стали думать, что же предпринять въ виду отказа Шерера выполнять присланный изъ Парижа планъ, и въ концѣ концовъ выборъ въ главнокомандующіе палъ на Наполеона. Его проектъ заключался въ слѣдующемъ: быстрое вторженіе въ Пьемонтъ должно было отторгнуть отъ Австріи сардинскаго короля, котораго слѣдовало привлечь на сторону Франціи перспективою вознагражденія за Савойю и Ниццу въ Ломбардіи; затѣмъ нужно было завоевать Ломбардію и оттуда вступить въ Тироль, чтобы подъ Вѣною соединиться съ другою французскою арміей, которая явилась бы сюда чрезъ южную Германію; послѣ этого императору ничего не оставалось бы дѣлать, какъ только заключить миръ на условіяхъ, какія ему предпишетъ Франція.

Въ нашъ планъ не входитъ разсказывать объ итальянской кампаніи, приведшей въ концѣ концовъ къ выгодному для Франціи миру въ Кампо-Форміо. Уже въ это время Наполеонъ вполнѣ самостоятельно распоряжался въ Италіи, не обращая вниманія на то, чего хотѣла директорія. Она думала, напр., основать въ Пьемонтѣ республику, а главнокомандующій заключилъ съ сардинскимъ королемъ перемиріе. Противъ воли директоріи онъ заключилъ также и толен-

тинскій миръ съ побѣжденнымъ папою Піемъ VI. Условія леобенскаго перемирія съ Австріей, подтвержденнаго кампо-формійскимъ миромъ, были составлены опять-таки лично самимъ Наполеономъ, и директорія вынуждена была согласиться на уничтоженіе республики св. Марка. Мало того, директорія вообще начинала уже побаиваться своего побѣдоноснаго главнокомандующаго въ Италіи, столь успѣшно революціонировавшаго и завоевывавшаго страну. Притомъ положеніе директоріи внутри Франціи дѣлалось шаткимъ въ виду возрождавшагося роялизма. Большинство совѣтовъ пятисотъ и старѣйшинъ нападало на внѣшнюю политику директоріи, бывшую, однако, въ сущности политикой генерала Бонапарта, и потому директоры поневолѣ должны были вести себя такъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, имѣть въ немъ поддержку. Наполеонъ могъ теперь вслѣдствіе этого играть роль и во внутренней политикѣ Франціи. Республиканская партія въ обоихъ совѣтахъ, боясь монархической реставраціи, которая уже замышлялась роялистами, обратилась за помощью къ главнокомандующему итальянской арміей. При первомъ же извѣстіи о существованіи этого политическаго конфликта Наполеонъ обратился къ войску съ манифестомъ, въ которомъ требовалъ истребленія роялистовъ, враговъ республики и конституціи III года. Въ Парижъ посланы были въ такомъ смыслѣ адресы отъ арміи: отъ имени своего 80-тысячнаго войска Наполеонъ давалъ знать оппозиціи, что прошло то время, когда адвокаты и болтуны могли гильотинировать солдатъ. Адресы дивизій были отвезены въ Парижъ генераломъ Ожеро, котораго при этомъ главнокомандующій отдавалъ въ случаѣ надобности въ распоряженіе директоріи, и Ожеро немедленно по пріѣздѣ былъ поставленъ во главѣ парижскаго гарнизона. Этотъ посланецъ Наполеона въ согласіи съ тремя директорами и произвелъ извѣстный переворотъ 18 фрюктидора (4 сент. 1797), окруживъ солдатами Тюильери и исключивъ изъ обоихъ совѣтовъ наиболѣе оппозиціонныхъ членовъ и вмѣстѣ съ ними двухъ директоровъ. Новая директорія, обязанная всѣмъ Бонапарту, уже прямо избѣгала идти ему наперекоръ, и въ Кампо-Форміо (17 окт. 1797) Наполеонъ былъ поэтому уже настоящимъ господиномъ положенія. Въ концѣ 1797 г. побѣдитель Италіи возвратился въ Парижъ, заѣхавъ на нѣсколько дней въ Раштатъ, куда онъ былъ назначенъ, какъ первый уполномоченный отъ Франціи на конгрессѣ, собранномъ для мирныхъ переговоровъ съ имперіей. Въ столицѣ республики Наполеонъ былъ восторженно принятъ населеніемъ, не задолго еще передъ тѣмъ ненавидѣвшимъ его за 13 вандемьера, но самъ онъ велъ себя въ высшей степени сдержанно. Когда директорія въ честь своего генерала устроила празднество, „гражданинъ Бонапартъ“ сказалъ на немъ

рѣчь о своей преданности революціи, республикѣ и конституціи III года.

Въ Парижѣ Наполеонъ провелъ зиму 1797—1798 г., и въ это время директорія дѣйствовала въ полномъ согласіи со своимъ генераломъ: занятіе Рима и провозглашеніе въ немъ республики, превращеніе федеральной республики Батавской въ единую и нераздѣльную, учрежденіе республики Гельветической, — все это въ началѣ 1798 г. было сдѣлано директоріей при содѣйствіи Наполеона, который послалъ генералу Бертье приказъ занять Римъ, рекомендовалъ генерала Жубера на постъ главнаго начальника батавскихъ военныхъ силъ и составилъ планъ военнаго вмѣшательства въ дѣла Швейцаріи. Есть извѣстіе, что уже въ это время Наполеонъ мечталъ войти въ составъ директоріи, но послѣдняя стала скоро тяготиться своимъ властолюбивымъ генераломъ. Онъ думалъ-было вернуться въ Раштатъ, но директорія была и противъ этого. И самъ Наполеонъ рвался уѣхать изъ Парижа, и директоріи хотѣлось услать его куда-нибудь подальше. Еще осенью 1797 г. передъ возвращеніемъ своимъ изъ Италіи онъ писалъ директоріи, что слѣдовало бы овладѣть Египтомъ, и вотъ за эту мысль схватился теперь министръ иностранныхъ дѣлъ Талейранъ, который и самъ лѣтомъ 1797 г. говорилъ о томъ же. Директорія въ то время мечтала о высадкѣ въ Англіи и даже дѣлала къ ней приготовленія, назначивъ Наполеона послѣ кампо-формійскаго мира главнокомандующимъ арміей, предназначенной дѣйствовать въ Англіи. Наполеонъ отказался, однако, отъ осуществленія этого плана, указавъ на его несбыточность, пока Англія господствуетъ на моряхъ. Вмѣсто высадки въ Англіи, онъ снова предложилъ экспедицію въ Египетъ, и на этотъ разъ директорія съ радостью дала свое согласіе, лишь бы только удалить изъ Парижа слишкомъ честолюбиваго генерала.

Пребываніе Наполеона въ Египтѣ (и Сиріи) длилось съ начала іюля 1797 по конецъ августа 1799 г. Въ его отсутствіе возгорѣлась новая коалиціонная война противъ Франціи, бывшая для нея очень неудачною. Есть указанія на то, что, уѣзжая въ Египетъ съ отборными военными силами, Наполеонъ предвидѣлъ, что Франція можетъ быть побита и что всѣ тогда станутъ желать его возвращенія изъ этой далекой страны, гдѣ онъ мечталъ покрыть себя новою славою. Онъ прямо заявлялъ передъ отъѣздомъ своему брату Іосифу, что вернется, если начнется новая война и если эта война будетъ несчастна, такъ какъ тогда его успѣхъ у націи будетъ обезпеченъ. Уже въ концѣ мая 1799 г. сама директорія звала Наполеона изъ Египта стать во главѣ республиканскихъ армій, но письмо директоріи до него не дошло. И безъ такого приглашенія онъ самъ нашелъ нужнымъ ѣхать обратно,

лишь только узналъ изъ англійскихъ газетъ о томъ, что̀ дѣлалось во Франціи, гдѣ директорія потеряла всякое значеніе. Около этого времени одинъ французъ писалъ другому, что Франція слишкомъ утомлена, чтобы дать себѣ самой государя, но что если придетъ человѣкъ съ готовымъ планомъ, онъ будетъ имѣть успѣхъ. Генералъ Бонапартъ какъ-разъ оказался такимъ человѣкомъ съ готовымъ планомъ.

Прежде чѣмъ продолжать разсказъ о дальнѣйшемъ возвышеніи Наполеона, мы познакомимся теперь ближе съ нимъ самимъ, съ его личными свойствами, съ его взглядами, съ его образомъ дѣйствій, имѣя въ виду преимущественно годы, которые непосредственно предшествовали перевороту 18 брюмера.

По качествамъ своего ума и своей воли Наполеонъ представляетъ собою съ психологической точки зрѣнія одного изъ наиболѣе замѣчательныхъ дѣятелей во всемірной исторіи. Въ немъ все было поразительно—и его громадная память, удерживавшая на очень долгое время самыя мелкія подробности, и его неослабное вниманіе ко всему, что̀ вокругъ него происходило, и тотъ постоянный интересъ, съ какимъ онъ стремился знать все, что могло имѣть для него какое-либо практическое значеніе, и необычайная сила его воображенія, позволявшаго ему быстро оріентироваться въ самыхъ сложныхъ обстоятельствахъ, отчетливо представлять себѣ выходъ изъ всякаго затруднительнаго положенія, предусматривать въ будущемъ всевозможныя случайности, и замѣчательно крѣпкая логика, съ какою онъ извлекалъ свои заключенія изъ данныхъ фактовъ или идей, и его способность къ самому упорному труду, который, повидимому, его никогда не утомлялъ, и, наконецъ, непреоборимая энергія, какую онъ всегда проявлялъ въ достиженіи своихъ цѣлей. Соединеніе качествъ, рѣдкихъ самихъ по себѣ, въ одномъ и томъ же человѣкѣ—явленіе еще того болѣе рѣдкое: оно одно можетъ объяснить и то впечатлѣніе, какое Наполеонъ производилъ на всѣхъ людей, которымъ приходилось имѣть съ нимъ дѣло и которые, чувствуя его превосходство надъ собою, невольно ему подчинялись, какъ человѣку съ самымъ яснымъ умомъ и съ самою сильною волею; оно одно можетъ объяснить и ту роль, какую этотъ умъ, одаренный въ самой высокой степени способностью къ синтезу, этотъ организаторскій геній, эта властная натура играли въ грандіозныхъ событіяхъ начала XIX в. И всѣ эти великія качества ума и воли соединялись въ Наполеонѣ съ ужасающимъ эгоизмомъ, дающимъ намъ настоящій ключъ къ пониманію всего его поведенія въ эпоху его возвышенія и славы. Наполеону чужды были чувства жалости, состраданія, великодушія, хотя онъ и не былъ по природѣ своей человѣкомъ злымъ, мстительнымъ и кровожаднымъ;

скорѣе всего его отношеніе къ людямъ можетъ быть опредѣлено, какъ глубокое къ нимъ презрѣніе, презрѣніе къ человѣческой личности вообще, къ чужому достоинству, къ чужому праву, къ чужимъ радостямъ и горестямъ. Это была слишкомъ здоровая натура для того, чтобы, подобно какому-нибудь Нерону или Ивану Грозному, находить удовольствіе въ безцѣльномъ мучительствѣ людей; онъ умѣлъ быть даже благодушнымъ, когда былъ въ хорошемъ настроеніи, когда тѣ или другіе люди дѣлали именно то, что̀ ему хотѣлось, или когда у него былъ прямой расчетъ казаться одареннымъ тѣми качествами, которыя всегда снискиваютъ къ себѣ людское расположеніе, т.-е. казаться человѣкомъ благожелательнымъ, добрымъ, снисходительнымъ и даже нѣсколько слабымъ по отношенію къ дорогимъ сердцу людямъ. Если и допустить, что во многихъ случаяхъ, когда поступки Наполеона позволяли говорить о хорошихъ свойствахъ его души, онъ былъ вполнѣ самимъ собою, а не игралъ комедію, то и тогда придется признать, что это были лишь рѣдкіе порывы, нисколько не ослабляющіе того общаго впечатлѣнія, какое производитъ на насъ все его поведеніе, взятое въ цѣломъ. Наконецъ, по мѣрѣ того, какъ Наполеонъ возвышался и все болѣе и болѣе привыкалъ къ неограниченной власти, его эгоизмъ и властолюбіе, не знавшіе уже никакой сдержки, все болѣе и болѣе дѣлали его человѣкомъ несправедливымъ въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, смотрѣвшимъ на нихъ прежде всего съ презрѣніемъ, раздражавшимся при малѣйшемъ противорѣчіи и дававшимъ полную волю вспышкамъ своего гнѣва.

Современники Наполеона, авторы воспоминаній о немъ самомъ и мемуаровъ о той эпохѣ, даютъ намъ массу отдѣльныхъ чертъ изъ его жизни, сообщаютъ множество его отзывовъ о событіяхъ и людяхъ, разсказываютъ цѣлую кучу анекдотовъ, связанныхъ съ его именемъ, и весь этотъ матеріалъ, подтверждаемый общеизвѣстными историческими фактами и собственными заявленіями Наполеона—въ его перепискѣ, въ его политическихъ и военныхъ манифестахъ и бюллетеняхъ, въ тѣхъ мемуарахъ, которые онъ диктовалъ на островѣ св. Елены,—весь этотъ матеріалъ можетъ лечь въ основу только такой общей характеристики Наполеона: это былъ великій умъ чисто практическаго склада, это была сильная воля, какъ бы созданная для властвованія надъ людьми, это былъ громадный организаторскій талантъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ это было настоящее воплощеніе эгоизма, дѣлавшаго изъ Наполеона человѣка, который выше всего ставилъ стремленія и интересы собственнаго *я* и потому былъ неспособенъ одушевляться въ своей дѣятельности какими-либо великими общественными идеями. Отдѣльные факты, которые намъ придется еще приводить, подтвердятъ такое пониманіе личности Наполеона, являвшейся впослѣдствіи въ извѣст-

ной наполеоновской легендѣ совсѣмъ въ иномъ, какомъ-то поэтическомъ освѣщеніи.

Наполеонъ не допускалъ, чтобы человѣкъ могъ вообще дѣйствовать иначе, какъ только въ силу личнаго интереса, и безкорыстное служеніе идеѣ было ему непонятно. Вся революція казалась ему произведенною тщеславіемъ, и на всѣ ея событія, насколько они касались его, онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія своей личной выгоды, весьма рано переставъ вѣрить въ какую бы то ни было „идеологію". Во время революціи онъ искусно лавировалъ между партіями, выдавая себя за монтаньяра до 9 термидора и отрекшись затѣмъ отъ всякой солидарности съ якобинцами. Наканунѣ 13 вандемьера, когда уже готовилось нападеніе на Тюйльери, онъ говорилъ, что если бы парижскія секціи поручили команду ему, онъ въ два часа овладѣлъ бы дворцомъ и выгналъ бы оттуда всѣхъ этихъ презрѣнныхъ конвентщиковъ, а на другой день онъ самъ ихъ защищалъ, встрѣтивъ картечью нападающія секціи. Во время итальянскаго похода онъ служилъ директоріи, не скрывая своего настоящаго къ ней отношенія. Послѣ леобенскаго прелиминарнаго мира онъ прямо говорилъ въ одной откровенной бесѣдѣ: „неужели вы думаете, что я одерживаю побѣды въ Италіи ради величія адвокатовъ директоріи, всѣхъ этихъ Карно и Баррасовъ? Неужели вы думаете, что я это дѣлаю для основанія республики? Что за идея! Республика въ тридцать милліоновъ душъ! Съ нашими нравами, съ нашими пороками! Возможно ли это? Вѣдь это химера, которою французы одержимы теперь, но которая пройдетъ подобно многимъ другимъ. Имъ нужна слава, имъ нужно удовлетвореніе ихъ тщеславія, а что касается до свободы, то въ ней они ничего не понимаютъ". И къ этому достаточно ясному заявленію онъ прибавилъ: „если я оставлю Италію, то только для того, чтобы во Франціи играть роль, подобную той, какую я здѣсь играю, но время для этого еще не настало—груша еще не созрѣла". Послѣ 18 фрюктидора онъ такъ объяснялъ свое поведеніе, что и самъ не желаетъ быть Монкомъ, да и другимъ не позволитъ разыграть эту роль. „Что до меня касается, замѣтилъ онъ еще, то скажу вамъ вотъ что̀: я не могу болѣе повиноваться; я попробовалъ власти и уже былъ бы не въ состояніи отъ нея отказаться. Свое рѣшеніе я принялъ: если мнѣ нельзя будетъ сдѣлаться господиномъ, я покину Францію". Уѣзжая въ Египетъ, онъ отсрочивалъ приведеніе въ исполненіе своихъ замысловъ, а здѣсь, на Востокѣ, по его словамъ, всякій „вылѣчился бы отъ своей филантропіи" при видѣ страны, гдѣ государь ни во что не ставитъ жизнь своихъ подданныхъ, которые также ни во что не ставятъ собственную жизнь. Наполеонъ прямо признавался, что на Востокѣ Руссо ему даже опротивѣлъ.

Система, которую генералъ Бонапартъ сталъ вводить во Франціи послѣ 18 брюмера, уже была вполнѣ готова въ его головѣ: система эта вполнѣ сложилась еще во время итальянскаго похода и египетской экспедиціи. Новый режимъ долженъ былъ опираться на военную силу, уже показавшую свое значеніе 13 вандемьера и 18 фрюктидора, но для этого нужно было еще извѣстнымъ образомъ воспитать эту силу. Конечно, не Наполеонъ придумалъ способъ содержанія войска на счетъ занятыхъ непріятельскихъ областей. Уже конвентъ практиковалъ этотъ способъ въ очень широкихъ размѣрахъ, но Наполеонъ первый сталъ прямо указывать арміи на то, что солдаты прежде всего должны сражаться ради добычи и славы: прежнія ссылки на братство народовъ и на освобожденіе ихъ изъ-подъ тиранніи замѣнились въ приказахъ по арміи заявленіями совсѣмъ иного рода. Вотъ, напримѣръ, та прокламація, съ которою Наполеонъ обратился къ итальянской арміи, принявъ на себя главную команду надъ нею: „Солдаты! Васъ плохо кормятъ, и вы почти наги. Правительство вамъ многое должно, но оно для васъ ничего не можетъ сдѣлать. Ваше терпѣніе, ваше мужество дѣлаютъ вамъ честь, но не доставляютъ вамъ ни выгоды, ни славы. Я поведу васъ въ самыя плодородныя въ мірѣ равнины; вы увидите тамъ большіе города и богатыя провинціи; вы найдете тамъ честь, славу и богатство. Солдаты итальянской арміи! Неужели у васъ не хватитъ мужества?“ Еще опредѣленнѣе говорилъ онъ въ томъ же смыслѣ во время египетской экспедиціи въ такой прокламаціи: „Солдаты! два года тому назадъ я пришелъ командовать вами. Въ то время вы были на генуэзскомъ берегу въ величайшей нищетѣ, не имѣя ничего, вынужденные даже продавать часы для своего пропитанія. Я обѣщалъ вамъ прекратить ваши бѣдствія и повелъ васъ въ Италію. Тамъ вамъ все было дано. Не сдержалъ ли я своего слова? Такъ узнайте же, что вы не все еще сдѣлали для отечества, и что отечество не все для васъ еще сдѣлало. Я поведу васъ въ страну, гдѣ въ своихъ будущихъ подвигахъ вы превзойдете тѣ, которые составляютъ предметъ удивленія вашихъ почитателей, и окажете отечеству услуги, которыхъ оно въ правѣ требовать отъ арміи непобѣдимыхъ. Я обѣщаю каждому солдату, что по возвращеніи изъ этой экспедиціи у него будетъ на что купить шесть арпановъ земли“. Извѣстно, какія громадныя контрибуціи налагалъ Наполеонъ въ Италіи, посылая директоріи въ Парижъ не только большія суммы денегъ, но и дорогія произведенія искусства. Свои обѣщанія онъ сдерживалъ и по отношенію къ арміи: война обогащала ея высшіе и низшіе чины, которые все болѣе и болѣе привязывались поэтому къ своему главнокомандующему. Уже въ Италіи онъ пріучалъ также армію смотрѣть на себя, какъ на нѣчто отдѣльное отъ націи, имѣющее свои особые

интересы. Выше было сказано, что переворотъ 18 фрюктидора произошелъ, такъ сказать, съ благословенія итальянской арміи, и потомъ Наполеонъ такимъ образомъ объяснялъ ей нарушеніе конституціи, произведенное директоріей вмѣстѣ съ посланнымъ изъ Италіи въ Парижъ генераломъ Ожеро. „Въ то самое время, говорилось въ его прокламаціи, когда вы находились вдали отъ родины и побѣждали Европу, для васъ ковали цѣпи; вы узнали объ этомъ, вы заговорили, народъ пробудился, указалъ на измѣнниковъ, и они уже въ цѣпяхъ. Вы узнаете изъ объявленія исполнительной директоріи, что замышляли враги отечества, особенные враги солдатъ и въ частности итальянской арміи (les ennemis particuliers du soldat et spécialement de l'armée d'Italie). Это предпочтеніе доставляетъ намъ почетъ. Ненависть измѣнниковъ, тиранновъ намъ лучшій патентъ на славу и безсмертіе въ исторіи". Наполеонъ оправдывалъ нападеніе, сдѣланное на народное представительство, интересами итальянской арміи: во второй половинѣ девятидесятыхъ годовъ Франція жила безпрестанными переворотами и ожиданіями новыхъ переворотовъ, и Наполеонъ уже воспитывалъ армію въ духѣ неуваженія къ конституціи.

Будущему повелителю Франціи были непонятны политическія теоріи эпохи, требовавшія раздѣленія властей и установленія гарантій для личной и общественной свободы. Онъ понималъ только простыя формы революціонной диктатуры или военной команды, и уже по окончаніи своей карьеры, находясь на островѣ св. Елены, онъ резюмировалъ свои взгляды на политику въ очень немногихъ словахъ: „чтобы управлять, нужно быть военнымъ, такъ какъ хорошо править можно лишь въ ботфортахъ и со шпорами". Конституція III года казалась Наполеону совсѣмъ не подходящей для Франціи, и на собственномъ опытѣ въ Цизальпинской республикѣ, которую ему пришлось организовать, онъ увидѣлъ непригодность французскихъ порядковъ для итальянцевъ. Въ сентябрѣ 1797 г. онъ писалъ объ этомъ Талейрану, прося его назначить коммиссію для выработки новаго устройства Цизальпинской республики и предлагая ему собственныя соображенія на этотъ счетъ. „Организація французскаго народа, писалъ онъ въ письмѣ, которое просилъ Талейрана сообщить и Сіэсу,—организація французскаго народа на самомъ дѣлѣ только-что начата. Несмотря на наше высокомѣріе, на наши тысячу и одну брошюры, на наши безконечныя и болтливыя рѣчи, мы довольно-таки невѣжественны въ политической наукѣ. Мы еще хорошенько не опредѣлили, что разумѣется подъ властью законодательною, исполнительною и судебною. Монтескье далъ намъ невѣрныя опредѣленія". Наполеонъ не соглашается съ теоріей Монтескье, подвергаетъ ее критикѣ и затѣмъ въ немногихъ словахъ излагаетъ свою собственную

систему: истинный представитель націи есть правительство, дѣйствующее на основаніи конституціонной хартіи и органическихъ законовъ; его власть должна быть раздѣлена между двумя магистратурами, назначаемыми народомъ, изъ которыхъ одна наблюдаетъ, но не дѣйствуетъ, а другая представляетъ на ея усмотрѣніе, такъ сказать, законодательство исполненія; первая составляла бы великій совѣтъ націи, въ составъ котораго могли бы попадать только лица, уже отправлявшія какія-либо должности и опытныя въ дѣлахъ, но нужно, чтобы это собраніе „безъ положенія въ республикѣ, безъ глазъ и ушей для окружающаго, не имѣло честолюбія и не заваливало правительство тысячью законовъ, вызванныхъ потребностями минуты". Эти соображенія Наполеонъ обозначилъ, какъ свой „полный кодексъ политики", но на самомъ дѣлѣ онъ не былъ полонъ, такъ какъ въ письмѣ не было сказано, какимъ образомъ слѣдуетъ понимать роль исполнительной власти при законодательномъ совѣтѣ націи, который „не долженъ былъ имѣть никакого положенія въ республикѣ". Это письмо, однако, объясняетъ намъ и смыслъ тѣхъ словъ, которыми Наполеонъ закончилъ свою рѣчь на торжественномъ пріемѣ, устроенномъ ему директоріей въ Парижѣ 10 декабря 1797 г.: „когда счастье французскаго народа, сказалъ онъ, будетъ покоиться на лучшихъ органическихъ законахъ, вся Европа будетъ свободна". Указаніе на эти „лучшіе органическіе законы" было для многихъ, слышавшихъ эту рѣчь, какою-то загадкою: разъясненія ея пришлось ждать до 18 брюмера, послѣ котораго Наполеонъ разъяснилъ и то, какъ понималъ онъ роль исполнительной власти въ республикѣ.

Мы могли бы привести здѣсь еще факты, свидѣтельствующіе, что еще въ Италіи въ 1797 г. Наполеонъ думалъ о томъ, какое важное значеніе для упроченія правительственной власти во Франціи могло бы имѣть примиреніе между республикой и католическою церковью, но мы это сдѣлаемъ, когда будемъ говорить о заключеніи Наполеономъ конкордата съ папою; а теперь просто отмѣтимъ только, что уже въ 1797 г. онъ дѣлалъ въ этомъ смыслѣ представленія куріи, ссылаясь на обоюдную выгоду, которая могла бы произойти отъ примиренія и для римской куріи, и для французскаго правительства.

VI. Восемнадцатое брюмера и наполеоновскія конституціи [1]).

Возвращеніе Наполеона изъ Египта. — Франція наканунѣ 18 брюмера. — Сіэсъ и его соглашеніе съ Наполеономъ. — События 18 и 19 брюмера. — Впечатлѣніе, произведенное ими на современниковъ. — Конституціонный планъ Сіэса и измѣненія, произведенныя въ немъ Наполеономъ. — Конституція VIII года. — Первые шаги новаго правительства. — Покушеніе 3 нивоза. — Исторія трибуната. — Пожизненное консульство. — Измѣненія въ конституціи VIII г. — Заговоръ Жоржа Кадудаля. — Казнь герцога Ангіенскаго. — Установленіе имперіи. — Роль представительныхъ учрежденій въ эпоху консульства и имперіи.

Наполеонъ выбралъ наиболѣе подходящее время для своего возвращенія во Францію. Плоды его побѣдъ въ Италіи были потеряны, внутри Франціи все было непрочно. Сначала онъ думалъ явиться на театръ войны, чтобы взять на себя снова главную команду, а потомъ уже, побѣдивъ внѣшняго врага, сдѣлать нападеніе на неспособную директорію, но эта мысль скоро была имъ оставлена, и, высадившись 9 октября во Фрежюсѣ, онъ сталъ держать путь прямо на Парижъ. Уже во Фрежюсѣ одинъ клубный ораторъ обратился къ нему съ предложеніемъ идти прогнать непріятеля, а затѣмъ, если онъ хочетъ, то можетъ, пожалуй, сдѣлаться и королемъ. По всей дорогѣ до Парижа Наполеону устраивали торжественныя встрѣчи, видя въ немъ будущаго спасителя Франціи, спасителя не только отъ внѣшняго врага, но и отъ грознаго оборота, какой принимали внутреннія дѣла, когда, повидимому, французской націи предстояло выбирать между возстановленіемъ Бурбоновъ, а съ ними и старыхъ порядковъ или возобновленіемъ анархіи. Въ самой столицѣ извѣстіе о возвращеніи генерала Бонапарта было встрѣчено общею радостью. На него смотрѣли, какъ на жертву директоріи, изъ зависти „сославшей“ его въ Египетъ, и эту легенду нарочно поддерживали въ публикѣ родственники и сторонники честолюбиваго генерала.

Въ это время положеніе директоріи, которую обвиняли за всѣ неудачи во внѣшней политикѣ, было дѣйствительно весьма трудное.

---

[1]) Кромѣ общихъ исторій (къ числу которыхъ отнесемъ *Duvergier de Hauranne*. Hist. du gouvernement parlementaire), *Félix Rocquain*. L'état de la France au 18 brumaire d'après les rapports des conseillers d'état chargés d'une enquête sur la situation de la république avec pièces inédites sur la fin du directoire. 1874.— *Camille Jordan*. Le consulat à vie. *Ludovic Lalanne* (*Claude Fauriel*). Les derniers jours du consulat. 1886.—Текстъ конституціи VIII года съ ея дополненіями въ изданіяхъ *Hélie*, *Trippier* и др. Ср. Théorie constitutionnelle de Sieyès (Extrait des Mémoires inédits de *Boulay de la Meurthe*). 1866.

Послѣ 18 фрюктидора стали снова оживать и поднимать голову якобинскіе элементы, но директорія оттолкнула ихъ отъ себя направленнымъ противъ нихъ переворотомъ 22 флореаля. Правительству оставалось теперь опираться на армію, но ея вожди равнымъ образомъ были сами членами побѣжденныхъ партій, солдаты же все болѣе и болѣе раздражались противъ „правленія адвокатовъ". Въ весенніе выборы 1799 года между исполнительною властью и обоими совѣтами происходила борьба, и въ іюнѣ 1799 г. составъ директоріи былъ обновленъ насильственнымъ образомъ. Переворотъ 30 преріаля, исключившій изъ директоріи трехъ членовъ, неугодныхъ большинству совѣтовъ, былъ дѣломъ вошедшаго въ ея составъ Сіэса, которому удалось привлечь на свою сторону безхарактернаго Барраса и ввести еще въ директорію своего партизана Роже-Дюко. Сіэсъ, знаменитый авторъ брошюры „Что̀ такое третье сословіе", человѣкъ весьма популярный среди буржуазіи, принадлежалъ къ умѣренной партіи, представителями которой въ совѣтѣ пятисотъ были среди другихъ и братья Наполеона, Луціанъ и Іосифъ. Такъ какъ большинство новой директоріи (Сіэсъ, Баррасъ и Роже-Дюко) было умѣренное, а радикальная партія, равнымъ образомъ участвовавшая въ переворотѣ, была представлена въ директоріи только двумя членами (Гойе и Муленомъ), то эта партія и перешла въ оппозицію, начавъ агитацію противъ умѣренныхъ и даже вновь открывъ якобинскій клубъ. Опираясь на большинство совѣтовъ, въ составъ которыхъ вошли всѣ нейтральные элементы, сначала поддерживавшіе якобинцевъ, а потомъ испугавшіеся ихъ намѣренія возобновить времена конвента, Сіэсъ рѣшился закрыть радикальный клубъ и учредилъ надъ всѣми крайними строгій надзоръ, поручивъ это дѣло министру полиціи, бывшему члену конвента Фуше. Но, принимая такія мѣры, этотъ вліятельный директоръ вовсе не имѣлъ въ виду поддерживать тогдашнюю конституцію Франціи: у него былъ свой собственный проектъ новаго государственнаго устройства республики, и онъ только хотѣлъ воспользоваться бывшею въ его рукахъ властью для осуществленія своего конституціоннаго плана.

Сіэсъ, какъ извѣстно, игралъ весьма видную роль въ исторіи французской революціи. Учредительное собраніе выбрало его въ число членовъ комитета, вырабатывавшаго конституцію 1791 г. Въ качествѣ члена конвента онъ также входилъ въ составъ конституціоннаго комитета и былъ, кромѣ того, членомъ комитета общественнаго спасенія. Уже тогда у него былъ свой собственный планъ конституціи, который, однако, не былъ принятъ, и вотъ съ самаго введенія конституціи III года Сіэсъ сдѣлался однимъ изъ ея недоброжелателей. Особенно послѣ переворота 18 фрюктидора, совершившагося при сильномъ его участіи, онъ только и думалъ о томъ, чтобы ввести во

Франціи новыя учрежденія. Это было до такой степени всѣмъ извѣстно, что его даже подозрѣвали въ стремленіи войти въ соглашеніе съ европейской коалиціей, дабы цѣною территоріальныхъ уступокъ произвести при иностранной помощи измѣненіе внутренняго устройства въ желательномъ для него смыслѣ. Въ 1799 г. Сіэсъ ставилъ уже своею непосредственною задачею добиться введенія новой конституціи, отъ которой онъ ожидалъ для Франціи всякихъ благъ, готовя себя такимъ образомъ въ спасители страны отъ всѣхъ тяготѣвшихъ надъ нею золъ. Якобинскіе происки, казалось, должны были заставить его поторопиться съ приведеніемъ своихъ замысловъ въ исполненіе. Сіэсъ, дѣйствительно, сталъ объединять всѣ анти-якобинскіе элементы среди тогдашнихъ политическихъ людей, не желавшихъ въ то же время возвращенія Бурбоновъ, и ему удалось расположить въ пользу своего плана многихъ членовъ обоихъ совѣтовъ, которые стали называть себя реформистами; въ ихъ числѣ былъ также и Луціанъ Бонапартъ. Но Сіэсъ менѣе всего былъ практикомъ, человѣкомъ дѣла: его конституціонный планъ, какъ мы увидимъ, былъ чисто теоретическій, и для проведенія этого плана ему нужна была прежде всего энергичная рука, а потому онъ и сталъ искать ея вокругъ себя среди республиканскихъ генераловъ. Сначала онъ думалъ, повидимому, о Жуберѣ, но этотъ генералъ былъ убитъ на войнѣ. Затѣмъ Сіэсъ обращался къ Моро и даже вызывалъ его въ Парижъ, но Моро не захотѣлъ содѣйствовать его видамъ. Между тѣмъ совершенно неожиданно пріѣхалъ въ Парижъ генералъ Бонапартъ, на котораго голосъ всей Франціи указывалъ, какъ на единственнаго возможнаго спасителя государства въ тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствахъ, и Сіэсу не оставалось болѣе ничего, какъ войти въ соглашеніе съ этимъ, самымъ популярнымъ и въ войскѣ, и въ народѣ генераломъ. Мы знаемъ уже, что еще за два года передъ тѣмъ самъ Наполеонъ намекалъ въ своей рѣчи передъ директоріей (10 декабря 1797 г.) о необходимости для Франціи „лучшихъ органическихъ законовъ“. О томъ же нѣсколькими мѣсяцами раньше писалъ онъ изъ Италіи Талейрану, уполномочивъ послѣдняго сообщить его „полный политическій кодексъ“ именно только одному Сіэсу. Сближеніе Сіэса и Наполеона было послѣ всего этого какъ нельзя болѣе естественнымъ, тѣмъ болѣе, что уже раньше, въ зиму 1797—1798 г. молодой генералъ мечталъ одно время войти въ составъ директоріи, хотя бы съ нарушеніемъ статьи конституціи III года, которая дозволяла выбирать въ директоры лишь людей, достигшихъ сорокалѣтняго возраста. На первыхъ порахъ и по возвращеніи изъ Египта Наполеонъ думалъ лишь о томъ, чтобы стать однимъ изъ директоровъ, и даже въ этомъ смыслѣ имѣлъ разговоръ съ президентомъ директоріи Гойе,

но послѣдній сослался все на ту же статью конституціи, и генералъ, стремившійся къ власти, счелъ нужнымъ искать къ ней другихъ путей. Планы Сіэса являлись на сцену какъ нельзя болѣе кстати.

Впослѣдствіи Наполеонъ признавался, что никогда раньше онъ не проявлялъ такой ловкости, какъ тотчасъ же по возвращеніи изъ Египта: „я видался съ Сіэсомъ и обѣщалъ ему приведеніе въ исполненіе его многосложной конституціи; я принималъ якобинскихъ вождей, агентовъ Бурбоновъ; я никому не отказывалъ въ совѣтахъ, но никому не давалъ ихъ иначе, какъ въ интересѣ собственныхъ своихъ плановъ... и когда я сдѣлался главою государства, во Франціи не было партіи, которая не соединяла бы съ моимъ успѣхомъ какой-либо надежды". Отъ своего брата Луціана Наполеонъ узналъ о проектѣ Сіэса и обѣщалъ ему свое содѣйствіе, предложивъ только нѣкоторыя измѣненія въ способѣ выполненія плана. На сторонѣ Сіэса было большинство совѣта старѣйшинъ, и предполагалось, что этотъ совѣтъ, пользуясь своимъ конституціоннымъ правомъ [1]), перенесетъ засѣданія совѣтовъ внѣ Парижа, чтобы якобинцы совѣта пятисотъ не помѣшали всему дѣлу, соединившись съ населеніемъ предмѣстій. Сіэсъ думалъ, что внѣ Парижа совѣтъ пятисотъ былъ бы сговорчивѣе, и затѣмъ принятая имъ конституція была бы безпрекословно утверждена всеобщимъ голосованіемъ. Наполеонъ вооружился противъ немедленнаго представленія проекта Сіэса обоимъ совѣтамъ, собраннымъ внѣ Парижа, выразивъ желаніе, чтобы проектъ былъ предварительно разсмотрѣнъ особой коммиссіей изъ депутатовъ, до окончательнаго же введенія новой конституціи, по его мнѣнію, слѣдовало назначить временное правительство, въ составъ котораго, кромѣ него, гражданина Бонапарта, вошли бы еще граждане Сіэсъ и Роже-Дюко. Скрѣпя сердце, Сіэсъ согласился на эту комбинацію. „Я, сказалъ Сіэсъ Іосифу Бонапарту и депутату Кабанису, бывшему тоже посвященнымъ въ тайну,—я пойду съ генераломъ Бонапартомъ, и, однако, я знаю, что̀ меня ожидаетъ: послѣ успѣха генералъ, оставивъ позади двухъ своихъ товарищей, вотъ что̀ сдѣлаетъ съ ними", — и при этихъ словахъ онъ быстро прошелъ между своими собесѣдниками, оттолкнувъ обоихъ назадъ и очутившись одинъ среди комнаты, въ которой происходилъ разговоръ.

---

[1]) Конституція III года, статья 102: Совѣтъ старѣйшинъ можетъ измѣнить мѣсто засѣданій законодательнаго корпуса... Декретъ совѣта на этотъ счетъ не подлежитъ отмѣнѣ. Ст. 103: Въ день изданія такого декрета ни тотъ, ни другой совѣты не имѣютъ уже права засѣдать въ общинѣ, гдѣ они до того времени засѣдали. Члены, которые стали бы тамъ продолжать исполненіе своихъ обязанностей, сдѣлались бы виновными въ покушеніи на безопасность республики. Ст. 104: Члены исполнительной директоріи, которые замедлили бы или отказались бы скрѣпить печатью, обнародовать и разослать декретъ о перенесеніи въ другое мѣсто законодательнаго корпуса, были бы виноваты въ томъ же преступленіи.

Планъ переворота былъ готовъ скоро. Совѣтъ старѣйшинъ долженъ былъ вотировать переселеніе засѣданій обѣихъ палатъ въ Сенъ-Клу, утвержденіе Наполеона главнокомандующимъ надъ всѣми войсками и назначеніе его, вмѣстѣ съ Роже-Дюко и Сіэсомъ, во временные консулы, послѣ чего оба совѣта назначили бы спеціальную коммиссію для пересмотра конституціи и отсрочили бы свои засѣданія на три мѣсяца. Теперь оставалось только заручиться содѣйствіемъ войска и принять другія мѣры, необходимыя для успѣха задуманнаго дѣла. Армія боготворила Наполеона, котораго уже тогда называла „маленькимъ капраломъ“: среди офицеровъ и солдатъ парижскаго гарнизона было много такихъ, которые служили подъ его начальствомъ въ Италіи, бо̀льшая же часть офицеровъ національной гвардіи получила свои назначенія послѣ 13 вандемьера, когда Наполеонъ былъ сдѣланъ главнокомандующимъ внутренней арміей; генералы по разнымъ соображеніямъ не хотѣли мѣшать предпріятію, хотя, напр., Бернадотъ, женатый на своячаницѣ Іосифа Бонапарта, могъ бы, еслибы захотѣлъ, взбунтовать предмѣстья. Съ другой стороны, Сіэсъ распустилъ слухъ объ опасномъ якобинскомъ заговорѣ и устроилъ такъ, что тѣ депутаты совѣта старѣйшинъ, на которыхъ онъ не расчитывалъ или которыхъ боялся, не попали на засѣданіе совѣта, созванное для принятія важныхъ рѣшеній, входившихъ въ общій планъ предпріятія. Приведеніе въ исполненіе всего плана было назначено на 18 брюмера (9 ноября).

Въ этотъ день старѣйшины были созваны въ 7 ч. утра. Собравшіеся депутаты единогласно вотировали перенесеніе законодательнаго корпуса въ Сенъ-Клу, гдѣ оба совѣта должны были собраться на другой день не ранѣе полудня. Исполненіе этого декрета возлагалось на генерала Бонапарта, и ему предоставлено было право принимать всѣ мѣры, необходимыя для безопасности республики, для чего подъ главное его начальство отдавались всѣ мѣстныя вооруженныя силы, а гражданамъ вмѣнялось въ обязанность оказывать ему помощь въ случаѣ требованія съ его стороны. Къ націи совѣтъ старѣйшинъ обратился съ особымъ манифестомъ, въ которомъ декретированныя мѣры оправдывались необходимостью усмиренія людей, стремящихся къ тиранническому господству надъ національнымъ представительствомъ и необходимостью обезпеченія внутренняго мира. Наполеонъ, окруженный генералами и офицерами, ждалъ у себя на дому назначенія своего на высокій постъ главнокомандующаго. Декретъ совѣта старѣйшинъ предписывалъ ему лично явиться въ совѣтъ для принесенія присяги. Тотчасъ по полученіи извѣстія объ успѣхѣ дѣла онъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ въ Тюйльери, гдѣ засѣдалъ совѣтъ старѣйшинъ. Вмѣсто требуемой присяги, однако, онъ произнесъ передъ совѣтомъ короткую рѣчь

своимъ обычнымъ тономъ военной команды. „Ваша мудрость, сказалъ онъ между прочимъ, внушила вамъ этотъ декретъ, наши руки съумѣютъ его исполнить. Мы желаемъ республики, основанной на истинной гражданской свободѣ, на національномъ представительствѣ. Она у насъ будетъ, я въ этомъ клянусь, клянусь въ этомъ за себя и за своихъ товарищей по оружію". Рѣчи генерала апплодировали, и засѣданіе было закрыто. Все дѣло было уже сдѣлано къ тому времени, когда должно было начаться засѣданіе совѣта пятисотъ, и послѣднему былъ только сообщенъ декретъ старѣйшинъ, послѣ чего Луціанъ Бонапартъ, получившій за заслуги брата предсѣдательство въ совѣтѣ, объявилъ засѣданіе отсроченнымъ до другого дня. Между тѣмъ Наполеонъ производилъ около Тюйльери смотръ войскамъ. Прокламація главнокомандующаго должна была объяснить имъ смыслъ всего происшедшаго. „Два года уже, сказано было въ ней, республика плохо управляется. Вы возложили свои надежды на то, что мое возвращеніе положитъ конецъ всѣмъ этимъ бѣдствіямъ; вы отпраздновали это возвращеніе съ единодушіемъ, налагающимъ на меня обязанности, которыя я теперь и выполняю... Свобода, побѣда и миръ возвратятъ Французской республикѣ то мѣсто, которое она занимала въ Европѣ и котораго могли ее лишить развѣ только неспособность или измѣна". Въ тотъ же день по предварительному уговору Сіэсъ и Роже-Дюко подали въ отставку, и Наполеонъ написалъ къ Баррасу, потребовавъ и у него подачи прошенія объ отставкѣ: нужно было совсѣмъ уничтожить существовавшую въ то время исполнительную власть, съ выходомъ же въ отставку трехъ членовъ директорія, конечно, не могла болѣе дѣйствовать. Баррасъ не сопротивлялся и прислалъ объ этомъ сказать Наполеону, который въ присутствіи постороннихъ свидѣтелей обратился къ посланному съ такими словами: „Что̀ сдѣлали вы изъ этой Франціи, которую я вамъ оставилъ въ столь блестящемъ положеніи? Я оставилъ вамъ миръ, а по возвращеніи своемъ нашелъ войну. Я оставилъ вамъ побѣды и нашелъ пораженія. Я оставилъ вамъ итальянскіе милліоны и вездѣ нашелъ хищенія и нищету! Что̀ сдѣлали вы съ сотней тысячъ французовъ, мнѣ хорошо извѣстныхъ, моихъ товарищей по славѣ? Ихъ нѣтъ болѣе въ живыхъ. Такой порядокъ вещей дольше продолжаться не можетъ: въ какіе-нибудь два-три года онъ привелъ бы насъ къ деспотизму. Но мы желаемъ республики, основанной на равенствѣ, на морали, на гражданской свободѣ и на политической терпимости". Два другіе директора, Гойе и Муленъ, попытались-было протестовать, но безъ всякаго успѣха вернулись отъ Наполеона въ Люксембургскій дворецъ, мѣстопребываніе правительства, гдѣ и были затѣмъ задержаны по приказанію главнокомандующаго. Сіэсъ предлагалъ Наполеону арестовать еще двадцать-тридцать чле-

новъ совѣта пятисотъ, чтобы на другой день они не могли явиться въ засѣданіе, особенно указывая на Ожеро и Журдана, какъ на наиболѣе опасныхъ; но Наполеонъ на это не согласился, не желая, чтобы подумали, будто онъ боится этихъ двухъ людей.

На другой день, т.-е. 19 брюмера, въ 12 часовъ дня оба совѣта собрались въ Сенъ-Клу, совѣтъ старѣйшинъ—въ одной изъ залъ дворца, совѣтъ пятисотъ—въ оранжереѣ, и оба были въ большой тревогѣ. Якобинцы, не присутствовавшіе въ засѣданіяхъ предыдущаго дня, требовали объясненія всего случившагося, и многіе изъ тѣхъ старѣйшинъ, которые уже дѣйствовали наканунѣ, начинали догадываться, что были обмануты, что дѣло идетъ о низверженіи конституціи, а не объ измѣненіи директоріи, какъ они думали раньше. Смятеніе старѣйшинъ увеличилось, когда имъ дали знать объ отставкѣ трехъ директоровъ. Въ совѣтѣ пятисотъ принято было рѣшеніе поголовнаго возобновленія присяги на вѣрность конституціи III года. Узнавъ объ этомъ, Наполеонъ, находившійся въ одной изъ комнатъ дворца, рѣшился дѣйствовать. Совершенно неожиданно явился онъ въ залѣ совѣта старѣйшинъ и, совсѣмъ не приготовившись къ произнесенію рѣчи, началъ говорить, но весьма спутанно, о какихъ-то опасностяхъ, грозящихъ республикѣ, о необходимости защитить свободу и равенство. „А конституцію?“ перебилъ его одинъ членъ, и тогда Наполеонъ сказалъ самыя сильныя слова своей рѣчи: „Конституція! вскричалъ онъ, но вы ее нарушили 18 фрюктидора, вы ее нарушили 22 флореаля, вы ее нарушили 30 преріаля! Конституція! на нее ссылаются всѣ партіи, и она всѣми партіями была нарушена; всѣми ими она презирается; она болѣе не можетъ насъ спасать, потому что ее болѣе никто не уважаетъ“. У Наполеона стали требовать болѣе точныхъ указаній на опасности, грозящія республикѣ, и онъ заявилъ тогда, будто Баррасъ и Муленъ предлагали ему стать во главѣ партіи, которая желала низвергнуть всѣхъ людей съ свободнымъ образомъ мыслей. Этому никто не повѣрилъ, и Наполеонъ перешелъ опять къ неопредѣленнымъ обвиненіямъ, снова сталъ говорить о негодности конституціи и наконецъ обратился какъ бы къ солдатамъ, находившимся внѣ залы и, конечно, не могшимъ слышать его словъ, съ выраженіемъ увѣренности въ томъ, что они защитятъ его противъ всякаго подкупленнаго иностранцами оратора, который осмѣлился бы предложить объявить его внѣ закона: „помните, прибавилъ онъ, что я шествую, сопровождаемый богомъ счастья и богомъ войны“. Изъ залы засѣданія старѣйшинъ Наполеонъ отправился въ оранжерею, гдѣ тѣмъ временемъ члены совѣта пятисотъ, всходя одинъ за другимъ на трибуну, успѣли принести присягу на вѣрность конституціи. Вдругъ во время бурныхъ заявленій якобинцевъ, требовавшихъ разъясненія того, что̀ происходитъ, въ оран-

жереѣ явился Наполеонъ въ сопровожденіи четырехъ гренадеровъ. Видъ вооруженныхъ людей въ собраніи представителей народа привелъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ страшное негодованіе: они бросились на Наполеона, стали его толкать къ выходу, и Наполеонъ, совершенно растерянный, съ разорваннымъ платьемъ, былъ вынесенъ почти на рукахъ приведенными имъ гренадерами—подъ крики „внѣ закона", раздавшіеся въ оранжереѣ. У Луціана Бонапарта, занимавшаго предсѣдательское кресло, потребовали формальнаго голосованія объ объявленіи его брата внѣ закона, но онъ покинулъ свое кресло и послалъ къ Наполеону просить помощи. Въ то самое время, какъ многіе депутаты пытались принудить его снова занять свое мѣсто, явились гренадеры и увели его изъ оранжереи; съ ними удалилось и нѣсколько депутатовъ. На дворѣ Наполеонъ и офицеры верхомъ стояли передъ батальономъ гвардіи законодательнаго корпуса, а Сіэсъ, Роже-Дюко и Талейранъ сидѣли въ экипажѣ, готовые въ случаѣ неудачи спасаться бѣгствомъ. Луціанъ Бонапартъ тоже сѣлъ на лошадь и обратился къ батальону съ рѣчью, какъ президентъ совѣта пятисотъ. По его словамъ, громадное большинство членовъ этого совѣта находилось подъ непосредственнымъ страхомъ, благодаря нѣсколькимъ представителямъ, дѣйствующимъ, очевидно, подъ гибельнымъ вліяніемъ англійскаго правительства: выходило такъ, что эти дерзкіе разбойники съ кинжалами въ рукахъ вскакиваютъ на трибуну, грозятъ смертью своимъ товарищамъ, противятся декрету совѣта старѣйшинъ и требуютъ головы генерала, уполномоченнаго привести этотъ декретъ въ исполненіе. „Я, продолжалъ Луціанъ, ввѣряю воинамъ заботу освобожденія большинства представителей народа... Вы только тѣхъ признаете депутатами Франціи, которые будутъ вмѣстѣ со своимъ предсѣдателемъ среди васъ, а тѣхъ, кто будетъ упорствовать, оставаясь въ оранжереѣ и крича „внѣ закона", нужно будетъ удалить оттуда силой". Наполеонъ, вполнѣ оправившійся отъ своего смущенія, началъ-было говорить: „а если они будутъ сопротивляться, бейте ихъ, бейте", но Луціанъ его остановилъ и, видя, что гренадеры колеблются, взялъ шпагу, направилъ ея остріе на грудь брата и поклялся пронзить его этой шпагой, если когда-либо онъ сдѣлаетъ покушеніе на свободу французовъ. По знаку Наполеона, подъ барабанный бой часть батальона съ Мюратомъ во главѣ вошла въ оранжерею и очистила ее отъ депутатовъ, спасавшихся отъ дальнѣйшихъ насилій черезъ окна. Государственный переворотъ былъ совершенъ, и дѣло оставалось только оформить. Старѣйшины поспѣшили отсрочить засѣданія обоихъ совѣтовъ, назначили временное правительство изъ трехъ консуловъ—Бонапарта, Роже-Дюко и Сіэса и выбрали особую коммиссію для выработки новой конституціи; немедленно тѣ же рѣшенія были приняты нѣсколькими

десятками членовъ другого совѣта, собранными въ ночь съ 19 на 20 брюмера Луціаномъ Бонапартомъ. Вновь назначенные консулы принесли затѣмъ присягу въ нерушимой вѣрности верховенству народа, французской республикѣ, свободѣ, равенству и представительному правленію. Въ заключеніе засѣданія Луціанъ Бонапартъ произнесъ рѣчь, въ которой поздравлялъ представителей народа съ великимъ событіемъ, сказавъ, между прочимъ, что приговоръ потомства о немъ будетъ такой: „если свобода родилась въ Jeu de Paume въ Версали, то консолидирована она была въ оранжереѣ въ Сенъ-Клу".

18 и 19 брюмера парижане спокойно занимались своими дѣлами, какъ-будто ничего важнаго и не случилось въ эти два дня. Франція признала совершившійся фактъ. Современники прямо говорятъ, что многіе вздохнули съ облегченіемъ, такъ какъ настоящее было столь тягостно, что готовы были радоваться какой угодно перемѣнѣ. Даже тогда, когда для всѣхъ сдѣлалась очевидною совершенная лживость заявленій, которыми заговорщики хотѣли оправдать свои поступки, большинство отнеслось къ этому совершенно равнодушно. Какъ-то мало при этомъ говорили о бывшихъ директорахъ, Роже-Дюко и Сіэсѣ: публика приписывала все дѣло одному Бонапарту, въ которомъ уже раньше весьма многіе готовы были видѣть будущаго спасителя отъ всѣхъ внутреннихъ золъ и внѣшнихъ бѣдствій; теперь этотъ самый человѣкъ стоялъ во главѣ правленія, и вопросъ о томъ, какимъ путемъ онъ добился власти, казался второстепеннымъ, лишь бы власть эта была употреблена на дѣло спасенія Франціи. Роже-Дюко скоро и совсѣмъ стушевался, Сіэсъ занялся выработкой конституціи съ коммиссіями старѣйшинъ и пятисотъ, и дѣло правленія взялъ на себя одинъ Наполеонъ. Министры, имъ назначенные [1]), отнеслись къ нему съ величайшимъ довѣріемъ: „пройдетъ только годъ, говорилъ о Наполеонѣ министръ иностранныхъ дѣлъ Талейранъ, и онъ шагнетъ далеко. Это—человѣкъ, вѣрящій въ то, что ему служитъ само счастье, и его удивительная увѣренность въ самомъ себѣ внушаетъ его сторонникамъ столь же удивительное чувство полной обезпеченности".

Главнымъ дѣломъ новаго правительства послѣ переворота 18 брюмера была выработка новой конституціи. Планъ Сіэса былъ составленъ очень искусно въ смыслѣ логической стройности. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, съ 1789 по 1799 г., Франція страдала отъ двухъ золъ,—отъ анархіи, которая узаконялась самими учрежденіями, и отъ деспотизма, отличавшагося, однако, крайнею непрочностью. Сіэсу ка-

[1]) Годенъ министръ финансовъ, Талейранъ—иностранныхъ дѣлъ, Лапласъ (смѣненный вскорѣ Луціаномъ Бонапартомъ)—внутреннихъ дѣлъ, Бертье (коего позднѣе смѣнилъ Карно) — военный министръ, Фуше — полиціи, Камбасересъ — юстиціи и Форфэ - морской.

залось, что онъ нашелъ средство противъ анархіи и деспотизма, если „власть будетъ приходить сверху, а довѣріе снизу". Въ принципѣ онъ удерживалъ народовластіе и всеобщую подачу голосовъ, но верховное право націи на практикѣ дѣлалось, какъ выразился Наполеонъ объ этой части проекта Сіэса, совершенно призрачнымъ и, такъ сказать, метафизическимъ: народъ долженъ былъ выбирать лишь кандидатовъ, изъ которыхъ уже правительству предоставлялось дѣлать назначенія на всѣ должности коммунальныя, департаментскія и общегосударственныя. Предполагалось, что пять милліоновъ взрослыхъ французовъ выберутъ изъ своей среды одну десятую часть этого числа, т.-е. 500 тысячъ коммунальныхъ нотаблей, годныхъ для занятія, по назначенію отъ правительства, муниципальныхъ должностей; эти 500 тысячъ нотаблей выберутъ опять десятую часть, т.-е. 50 тысячъ департаментскихъ нотаблей, которые будутъ кандидатами на разныя департаментскія должности и въ свою очередь выберутъ равнымъ образомъ одну десятую часть, т.-е. пять тысячъ національныхъ нотаблей, кандидатовъ въ члены законодательнаго корпуса и на должности по центральному управленію, причемъ въ списокъ національныхъ нотаблей обязательно попадали бы всѣ лица, бывшія въ послѣднія десять лѣтъ представителями народа или высшими сановниками. Списки нотаблей должны были составляться на десять лѣтъ, но первая легислатура должна была быть назначена правительствомъ безъ всякаго списка. Такой порядокъ, дѣйствительно, превращавшій суверенитетъ націи въ призракъ, какъ нельзя болѣе долженъ былъ прійтись по вкусу Наполеону. Не менѣе должна была понравиться ему придуманная Сіэсомъ законодательная процедура. Дѣло въ томъ, что Сіэсъ въ соотвѣтствіе каждому моменту законодательства проектировалъ особое учрежденіе, совершенно отдѣльное отъ другихъ, такъ что законодательная власть раздроблялась у него между нѣсколькими собраніями, члены которыхъ должны были, какъ было сказано, назначаться, а не выбираться. Законодательная иниціатива поручалась государственному совѣту, обсужденіе законопроектовъ—трибунату, вотированіе ихъ—законодательному корпусу, который долженъ былъ выслушивать защиту государственнаго совѣта и критику трибуната, а охранять законы обязанъ былъ сенатъ (le senat conservateur), стражъ конституціи, облеченный правомъ кассировать всѣ противные ей законы и правомъ назначать членовъ всѣхъ законодательныхъ собраній [1]). Центръ тяжести всей конституціи Сіэсъ думалъ положить въ сенатѣ, которому предоставлялось еще право смѣщенія членовъ исполнительной власти и высшихъ са-

---

[1]) Собственно говоря, въ проектѣ Сіэса сенатъ назывался le jury constitutionnel.

новниковъ посредствомъ включенія ихъ въ составъ сената или абсорбаціи ихъ, какъ выражался самъ составитель проекта. Наполеонъ отнесся сочувственно къ раздробленію законодательной власти между нѣсколькими учрежденіями, но онъ былъ рѣшительно противъ прерогативъ сената, придуманныхъ Сіэсомъ. Еще менѣе могла ему понравиться проектированная послѣднимъ организація исполнительной власти, назначеніе высшаго представителя которой Сіэсъ также отдавалъ въ руки сената. Во-первыхъ, должны были существовать два консула, одинъ для дѣлъ войны (армія, иностранныя дѣла), другой для дѣлъ мира (внутреннее управленіе и остальныя министерства): они назначали бы министровъ, а послѣдніе — всѣхъ правительственныхъ чиновниковъ и членовъ административныхъ собраній. Во-вторыхъ, надъ двумя консулами долженъ былъ стоять „великій избиратель“ (grand électeur) для внѣшняго представительства государства, для подписыванія трактатовъ и назначенія и смѣщенія обоихъ консуловъ. При обсужденіи конституціи по параграфамъ Наполеонъ, принимавшій въ этомъ дѣлѣ весьма живое и вліятельное участіе, воспротивился принятію такой организаціи исполнительной власти. „Великій избиратель“, по его выраженію, былъ бы только „безплотною тѣнью лѣниваго короля“, безъ всякихъ гарантій противъ сената, который могъ бы его во всякое время смѣстить, „абсорбировавъ“ его въ себѣ, а раздѣленіе дѣлъ войны и мира между двумя консулами противорѣчило бы необходимымъ цѣльности и единству дѣйствій. „Неужели, спросилъ онъ самого Сіэса, вы знаете кого-либо съ такимъ низкимъ характеромъ, кому могло бы понравиться подобное обезьянство? Можете ли вы представить себѣ человѣка съ талантомъ и чувствомъ чести, который рѣшился бы обречь себя на роль откормленнаго борова въ нѣсколько милліоновъ?“ Должность „великаго избирателя“ Наполеонъ совсѣмъ поэтому вычеркнулъ изъ конституціи, замѣнивъ ее должностью перваго консула, выбираемаго сенатомъ на десять лѣтъ, и въ этой-то должности былъ имъ положенъ центръ тяжести новой конституціи, сенатъ же былъ лишенъ прерогативъ, которыми его надѣлялъ проектъ Сіэса. Первымъ консуломъ предстояло сдѣлаться самому Наполеону, и онъ, конечно, позаботился о томъ, чтобы не быть тѣнью лѣниваго короля. Первый консулъ назначалъ и смѣщалъ министровъ, пословъ, государственныхъ совѣтниковъ, административныхъ чиновниковъ, всѣхъ офицеровъ арміи и флота, а также назначалъ всѣхъ судей, кромѣ мировыхъ и членовъ кассаціонной палаты. Его распоряженія получали силу закона, будучи обнародованы въ извѣстной формѣ (arrêtés). Онъ руководилъ дипломатическою частью и былъ главою сухопутныхъ и морскихъ силъ. Онъ подписывалъ трактаты и законы, принятые законодательнымъ корпусомъ. Онъ назначалъ членовъ государственнаго

совѣта, бывшаго однимъ изъ орудій исполнительной власти и поддерживавшаго изготовленные имъ законопроекты. При первомъ консулѣ состояло два товарища съ совѣщательнымъ голосомъ, которые тоже носили названіе консуловъ. „Чего же вы хотите, говорилъ Наполеонъ Лафайэту, съ которымъ въ это время довольно часто видѣлся,—чего же вы хотите? Сіэсъ вездѣ размѣстилъ однѣ тѣни: тѣнь власти законодательной, тѣнь власти исполнительной, тѣнь правительства; нужна же была гдѣ-нибудь субстанція и вотъ вамъ — я вложилъ ее сюда". Сенатъ, который по плану Сіэса долженъ былъ играть наиболѣе самостоятельную роль, благодаря перемѣнамъ, внесеннымъ въ проектъ по требованію Наполеона, сдѣлался, напротивъ, однимъ изъ орудій, которымъ впослѣдствіи весьма искусно пользовался первый консулъ и императоръ французовъ.

Таково было происхожденіе конституціи 22 фримера VIII года [1]), которою съ нѣкоторыми измѣненіями Франція управлялась въ эпоху консульства и имперіи. Подобно тому, какъ первая французская конституція (1791 г.) лишь по формѣ была монархическою, по содержанію же — республиканскою, конституція VIII года, наоборотъ, была республиканскою лишь по названію, по существу же дѣла—монархическою. Мы только-что видѣли, какія прерогативы представляла она первому консулу, каковымъ статья 39 конституціи и объявила „гражданина Бонапарта", давъ ему въ товарищи Камбасереса и Лебрёна. Законодательныя собранія, лишенныя инціативы,—которая предоставлялась первому консулу,—состоящія изъ членовъ, прямо или косвенно назначенныхъ первымъ же консуломъ, обладая однимъ правомъ или только приготовлять законы (государственный совѣтъ), или только обсуждать ихъ (трибунатъ), или только ихъ вотировать (законодательный корпусъ), или только ихъ утверждать (сенатъ), были простой декорацiей, а за нею скрывалась почти неограниченная власть перваго консула, всегда имѣвшаго возможность остановить дѣйствіе даже утвержденнаго закона, такъ какъ только ему принадлежало право обнародованія законовъ. Два другіе консула, товарищи перваго консула по исполнительной власти, были въ сущности лишь какими-то его ассистентами и скоро превратились въ своего рода адъютантовъ главы государства. Всѣ органы администраціи зависѣли отъ него одного. Чтобы поставить чиновниковъ въ совершенную отъ себя зависимость и обезпечить чисто пассивное ихъ повиновеніе своей волѣ, Наполеонъ включилъ въ конституцію особую статью (75), по которой правительственные агенты могли подвергаться судебному преслѣдованію за дѣла, касающіяся ихъ должности, лишь въ силу особаго постановленія государ-

[1]) 13 декабря 1799 года

ственнаго совѣта, и одновременно съ этимъ въ управленіе страною введена была самая строгая централизація. Однимъ словомъ, конституція VIII года была полною противоположностью принципамъ 1789 г. Не въ примѣръ конституцій 1791 г., 1793 г. (съ жирондистскимъ проектомъ) и III года наполеоновская конституція не заключала въ себѣ деклараціи правъ человѣка и гражданина: въ этомъ заключается также одно изъ ея отличій отъ революціонныхъ конституцій, такъ какъ въ ней ни слова не было сказано ни о естественныхъ правахъ, существующихъ раньше и стоящихъ выше самой верховной власти народа, ни объ этой самой власти, между прочимъ, какъ о власти учредительной, и только въ послѣдней статьѣ конституціи было заявлено, что она будетъ немедленно предложена на принятіе (sera offerte à l'acceptation) французскаго народа.

Прежде чѣмъ, однако, сдѣлался извѣстнымъ результатъ плебисцита, которому была подвергнута конституція VIII года, Наполеонъ произвелъ необходимыя назначенія. Сіэсъ получилъ президентство въ сенатѣ, Роже-Дюко былъ сдѣланъ сенаторомъ, и оба они вмѣстѣ съ Камбасересомъ и Лебрёномъ выбрали первыхъ сенаторовъ въ количествѣ 31 человѣка, которые пополнили свое число до шестидесяти, какъ того требовала конституція [1]). Затѣмъ сенаторы назначили членовъ трибуната и законодательнаго корпуса, а Наполеонъ организовалъ новый государственный совѣтъ, первое засѣданіе котораго состоялось 25 декабря. Въ то же время текстъ конституціи былъ разосланъ во всѣ общины Франціи съ предложеніемъ гражданамъ подавать голоса поголовно и безъ предварительнаго обсужденія, внося свои мнѣнія въ два особые списка (утвердительный или отрицательный), выложенные въ двухъ различныхъ мѣстахъ. Никто не сомнѣвался, что народъ утвердитъ новую конституцію. Дѣйствительно, 18 плювіоза VIII года (7 февраля 1800 г.) было объявлено, что изъ 3.012.569 гражданъ, подававшихъ голоса, конституцію отвергли только 1562 человѣка, высказалось же за принятіе ея 3.011.007 человѣкъ.

Новая власть, установившаяся во Франціи, тотчасъ же занялась организаціей страны. Еще будучи временнымъ консуломъ, Наполеонъ дѣятельно и довольно успѣшно принялся за улучшеніе финансоваго положенія. 28 плювіоза VIII года (17 февраля 1800 г.) былъ уже опубликованъ законъ о департаментской и коммунальной администраціи, а 27 вантоза (18 марта) того же года—законъ о судебномъ устройствѣ. Наконецъ, въ августѣ была назначена коммиссія для выработки гражданскаго кодекса. Мы еще увидимъ, какъ исполнены были эти важ-

---

[1]) Это число должно было увеличиваться ежегодно на два, пока не достигнетъ восьмидесяти. Конст. VIII года, статья 15.

ныя работы. Съ другой стороны, первый консулъ приступилъ къ успокоенію страны. Новая конституція гарантировала свободное обладаніе купленными у государства національными имуществами и даже запрещала возвращеніе эмигрантовъ, которымъ многія изъ этихъ имуществъ когда-то принадлежали [1]). Несмотря на это, уже въ мартѣ 1800 г. появился эдиктъ, объявлявшій, что списки эмигрантовъ закрываются, и уполномочивавшій правительство вычеркивать изъ этихъ списковъ имена всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя о томъ стали бы просить подъ условіемъ отказа отъ имѣній, прежде имъ принадлежавшихъ. 4 нивоза VIII г. (25 дек. 1799 г.) первый консулъ разрѣшилъ гражданамъ общинъ, владѣвшихъ въ первый день II года зданіями, предназначенными для культа, свободно ими пользоваться, если только эти зданія не были отчуждены въ другія руки, а 8 фримера была возвращена свобода и бóльшей части священниковъ, сосланныхъ послѣ 18 фрюктидора. Старой Франціи такимъ образомъ открывались двери въ новую Францію подъ условіемъ признанія совершившихся фактовъ. Наполеонъ очень хотѣлъ видѣть приверженцевъ павшей династіи на своей сторонѣ и даже относился къ нимъ съ гораздо бóльшимъ довѣріемъ, чѣмъ къ якобинцамъ, не желавшимъ примириться съ новою властью. Уже 19 брюмера наиболѣе видные дѣятели партіи были приговорены имъ къ ссылкѣ, но вскорѣ ссылка была замѣнена полицейскимъ надзоромъ, организованнымъ агентами Фуше, бывшаго когда-то ярымъ якобинцемъ. Съ особымъ недовѣріемъ на первыхъ же порахъ отнесся первый консулъ къ прессѣ, и уже 27 нивоза VIII года (17 января 1800 г.) онъ издалъ arrêté, которымъ изъ существовавшихъ въ то время 73 газетъ сразу уничтожалось шестьдесятъ изданій, и вообще наносился ударъ свободѣ политической печати. Особенно сильно сталъ первый консулъ преслѣдовать якобинцевъ послѣ покушенія на его жизнь 3 нивоза IX года (24 декабря 1800 г.): въ этотъ день на дорогѣ въ оперу Наполеона стерегла „адская машина“, начиненная порохомъ и пулями, но разорвавшаяся безъ всякаго вреда для перваго консула. Сначала всѣ были увѣрены, что это было дѣло якобинцевъ, и многіе изъ нихъ поплатились ссылкой „не въ видѣ наказанія за прошлое, а ради обезпеченія общественнаго порядка“, какъ объяснялъ

---

[1]) Конституція VIII г., статья 93: Французская нація объявляетъ, что ни въ какомъ случаѣ она не потерпитъ возвращенія французовъ, которые, оставивъ отечество послѣ 14 іюля 1789 г., не попали въ число исключеній изъ законовъ, изданныхъ противъ эмигрантовъ; она запрещаетъ всякое новое изъятіе въ этомъ отношеніи. Имѣнія эмигрантовъ на вѣчныя времена остаются достояніемъ республики. Статья 94: Французская нація объявляетъ, что послѣ законно совершенной продажи національныхъ имуществъ, каково бы ни было ихъ происхожденіе, законный покупщикъ не можетъ быть лишенъ своего пріобрѣтенія и пр.

эту мѣру Фуше, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что въ заговорѣ 3 нивоза якобинцы были ни при чемъ, и что устроили его роялисты, видѣвшіе въ Наполеонѣ главную помѣху для возвращенія во Францію законной династіи.

Такимъ образомъ уже въ первые мѣсяцы новаго режима сталъ выясняться его характеръ: внутреннія отношенія Франціи упорядочивались, представителямъ стараго порядка давалась возможность снова войти въ составъ полноправныхъ гражданъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ все должно было склониться передъ властью перваго консула. Новыя законодательныя учрежденія, члены которыхъ были назначены или самимъ Наполеономъ, или преданнымъ ему сенатомъ и стали получать очень большое жалованье, оказались собраніями самыми раболѣпными, какія только можно было придумать. Одинъ трибунатъ, обязанный критиковать законопроекты, серьезно взглянулъ на свою роль, какъ собранія народныхъ трибуновъ. Оппозиція, оказанная въ немъ нѣкоторымъ предложеніямъ правительства, страшно раздражала Наполеона, и онъ говорилъ, что онъ—солдатъ, что онъ — сынъ революціи и потому не потерпитъ, чтобы его оскорбляли, какъ какого-нибудь короля. Конституція VIII г. не давала правительству права распускать законодательныя собранія, и первый консулъ подумывалъ уже о новомъ государственномъ переворотѣ, когда Камбасересъ предложилъ ему выйти изъ непріятнаго положенія инымъ, болѣе удобнымъ путемъ. Трибунатъ состоялъ изъ ста членовъ, которые должны были обновляться черезъ каждыя пять лѣтъ, причемъ ежегодно изъ него должна выходить одна пятая часть членовъ. Вмѣсто того, чтобы рѣшить вопросъ о выходящихъ членахъ посредствомъ жребія, сенатъ въ 1802 г. устранилъ изъ трибуната наиболѣе независимыхъ людей (въ ихъ числѣ Бенжамена Констана) и замѣнилъ ихъ новыми, которые, дѣйствительно, оказались болѣе сговорчивыми. Сами братья Наполеона указывали ему на необходимость оппозиціи, ссылаясь на примѣръ Англіи, но онъ отвѣчалъ, что ему совсѣмъ непонятны выгоды какой бы то ни было оппозиціи, потому что она только роняетъ власть въ глазахъ народа. „Пусть другой кто-нибудь попробуетъ быть на моемъ мѣстѣ, и если онъ не будетъ стараться зажать ротъ разнымъ говорунамъ, онъ узнаетъ, что̀ изъ этого выйдетъ. Что меня касается, такъ я могу васъ увѣрить: для хорошаго правленія нужно безусловное единство“. Несмотря на вполнѣ покорное поведеніе трибуната, сенатусъ-консультъ X года уменьшилъ число его членовъ до пятидесяти и раздѣлилъ его на секціи, чѣмъ еще болѣе обезсилилъ учрежденіе, въ которомъ только и возможна была какая-либо критика правительственныхъ мѣропріятій. Сенатусъ-консультъ XII года предоставилъ общимъ комитетамъ законодательнаго корпуса обсуждать законы при закрытыхъ дверяхъ. Послѣ

этого оставалось только уничтожить трибунатъ, какъ учрежденіе совершенно лишнее и даже притомъ не особенно пріятное. Въ 1807 г. Наполеонъ это и сдѣлалъ, замѣнивъ секціи трибуната коммиссіями законодательнаго корпуса, которымъ и было поручено впредь обсуждать проекты законовъ.

Устраняя возможность какой бы то ни было оппозиціи со стороны законодательныхъ собраній, Наполеонъ въ то же время стремился къ расширенію своей власти. Послѣдняго онъ достигъ, благодаря сенатусъ-консультамъ 16 термидора X года (4 августа 1802 г.) и 28 флореаля XII года (18 мая 1804 г.): одинъ дѣлалъ власть перваго консула пожизненною, другой превращалъ перваго консула въ наслѣдственнаго „императора французовъ". Оба сенатусъ-консульта вносили въ конституцію VIII года и другія измѣненія или дополненія, вслѣдствіе чего получили вмѣстѣ съ конституціей VIII года общее названіе „конституцій имперіи" (constitutions de l'Empire).

Установленіе пожизненнаго консульства должно было быть наградой Наполеону за всѣ великія дѣла, имъ совершенныя въ первые три года его правленія. Весною 1800 г. первый консулъ лично повелъ французскую армію къ новымъ побѣдамъ въ Италіи, и менѣе, нежели черезъ годъ, люневильскій миръ (февраль 1801 г.) положилъ начало господству Франціи не только въ Италіи, но и въ Германіи, а еще годъ спустя (мартъ 1802) былъ заключенъ миръ и съ Англіей въ Амьенѣ. Наполеонъ пользовался теперь славой не только побѣдителя, но и миротворца. Внутри Франція тоже была успокоена, особенно благодаря заключенію въ 1801 г. конкордата съ папою, отпразднованному торжественно черезъ три недѣли послѣ подписанія амьенскаго трактата. Мысль о необходимости награды за дарованіе Франціи внутренняго и внѣшняго мира родилась въ головѣ самого Наполеона, но онъ желалъ, чтобы дѣло получило такой видъ, какъ будто онъ награждался по иниціативѣ самой націи въ лицѣ ея представителей. Самъ Наполеонъ никому не говорилъ, чего онъ хотѣлъ на самомъ дѣлѣ, но люди, его окружавшіе, очень хорошо знали, что онъ желалъ усиленія своей власти, и только недоумѣвали, въ чемъ же должно было состоять это усиленіе. 6 мая 1802 г. трибунамъ былъ предъявленъ амьенскій трактатъ, и президентъ собранія, уже очищеннаго отъ безпокойныхъ членовъ, предложилъ своимъ товарищамъ выразить желаніе, чтобы генералу Бонапарту былъ данъ „блестящій залогъ національной благодарности"; эти слова были президенту внушены, причемъ его увѣрили, что рѣчь будетъ идти лишь о чисто почетной наградѣ. Рѣшить вопросъ, въ чемъ же награда должна была состоять, предоставлялось сенату, какъ первому учрежденію націи. Послѣдній не могъ оставить это заявленіе безъ вниманія, но,

сдѣлавъ видъ, что повѣрилъ искренности перваго консула, объявившаго трибунату, что съ него и безъ того уже довольно славы и почестей, сенатъ принялъ постановленіе, которымъ переизбиралъ перваго консула еще на десять лѣтъ по окончаніи срока его полномочій. Наполеонъ былъ страшно раздраженъ такимъ рѣшеніемъ, но услужливый Камбасересъ, ведшій все это дѣло, придумалъ другой способъ уладить его, какъ хотѣлось первому консулу: этимъ способомъ должно было быть непосредственное обращеніе къ самому державному народу. Отвѣчая сенату по поводу своего переизбранія, Наполеонъ выразилъ желаніе, чтобы актъ, удерживающій его у власти на болѣе продолжительное время, былъ санкціонированъ народнымъ приговоромъ. „Вы, сказалъ онъ, находите нужнымъ, чтобы я принесъ народу новую жертву, и я это сдѣлаю, если голосъ народа предпишетъ мнѣ то, что̀ разрѣшаетъ ваше постановленіе“. Дѣло перешло въ государственный совѣтъ, гдѣ переизбраніе на новое десятилѣтіе было замѣнено прямо пожизненнымъ консульствомъ. Сенатъ и трибунатъ съ законодательнымъ корпусомъ присоединились къ этому рѣшенію, и въ іюлѣ 1802 года новый плебисцитъ даровалъ первому консулу пожизненную власть тремя съ половиною милліонами голосовъ противъ полутора десятковъ тысячъ отрицательныхъ отвѣтовъ. Принявъ изъ рукъ народа новую власть, Наполеонъ выразилъ желаніе, чтобы соотвѣтственно съ этою перемѣною были произведены въ конституціи VIII г. и другія необходимыя измѣненія. Отвѣтомъ на это былъ сенатусъ-консультъ X года. По новой конституціи, какую изъ себя представлялъ названный актъ услужливаго сената, первый консулъ, сдѣлавшись пожизненнымъ, получалъ еще право назначить себѣ преемника, равно какъ право ратифицировать трактаты съ иностранными державами и миловать преступниковъ. „Теперь, говорилъ Наполеонъ, я нахожусь наравнѣ съ другими государями, ибо въ концѣ концовъ вѣдь и они только пожизненны. Нельзя, чтобы власть человѣка, ведущаго дѣла Европы, была или, по крайней мѣрѣ, казалась непрочною“. Вмѣстѣ съ этимъ сенатусъ-консультъ X года измѣнялъ отношеніе перваго консула къ законодательнымъ собраніямъ и вводилъ перемѣны въ ихъ организацію. Государственный совѣтъ превращался въ своего рода тайный совѣтъ истиннаго правителя Франціи. Число членовъ трибуната, какъ мы видѣли, сокращалось, и самъ онъ раздѣлялся на секціи. У законодательнаго корпуса было отнято право вотировать мирные и союзные договоры, принадлежавшее ему по конституціи VIII г., такъ какъ право заключенія такихъ договоровъ переходило теперь всецѣло въ руки одного перваго консула. Сенатъ получилъ нѣкоторое расширеніе своихъ правъ по отношенію къ другимъ учрежденіямъ, но зато былъ поставленъ и въ бо̀льшую зави-

симость отъ перваго консула. Сенатъ могъ теперь распускать законодательный корпусъ и трибунатъ и назначать собственною властью президентовъ и членовъ бюро обоихъ собраній, причемъ послѣдніе были лишены права предлагать своихъ кандидатовъ на вакантныя сенаторскія мѣста. По конституціи VIII г. сенатъ самъ долженъ былъ пополнять убыль среди своихъ членовъ изъ трехъ кандидатовъ, представленныхъ ему первымъ консуломъ, трибунатомъ и законодательнымъ корпусомъ; право самопополненія за сенатомъ было оставлено, но всѣ три кандидата указывались теперь сенату однимъ первымъ консуломъ. Конституція VIII г. заключала въ себѣ еще нѣкоторыя статьи, создававшія своего рода условія независимости сенаторовъ: они были пожизненны, несмѣняемы и не могли занимать другихъ должностей, чтобы ихъ нельзя было подкупить тѣми или другими почетными или выгодными назначеніями. Послѣднее ограниченіе было уничтожено сенатусъ-консультомъ X года, а годъ спустя Наполеонъ создалъ еще такъ называемыя сенатореріи (senatoreries), богатыя дотаціи съ доходомъ въ 25—80 т. франковъ, которыя, конечно, служили наградою сенаторамъ, наиболѣе входившимъ въ виды правительства. По проекту Сіэса сенатъ долженъ былъ сдѣлаться главною частью конституціи, но и тѣ измѣненія, какія были внесены въ этотъ проектъ Наполеономъ, все еще оставляли за этимъ учрежденіемъ нѣкоторую возможность соперничать съ первымъ консуломъ; конституція X года превращала сенатъ въ собраніе, члены котораго въ сущности уже вполнѣ зависѣли отъ перваго консула. Теперь Наполеонъ не побоялся даже расширить права сената. По иниціативѣ правительства сенатъ могъ органическимъ сенатусъ-консультомъ дополнять или объяснять конституцію въ случаяхъ пробѣловъ или неясностей, а простыми сенатусъ-консультами, когда понадобится, отмѣнять дѣйствіе конституціи въ отдѣльныхъ департаментахъ, лишать ихъ суда присяжныхъ, кассировать рѣшенія судовъ, если въ нихъ заключался вредъ для безопасности государства и т. п.; распущеніе законодательнаго корпуса и трибуната могло совершиться равнымъ образомъ только въ силу сенатусъ-консульта, хотя и по иниціативѣ правительства. Въ рукахъ Наполеона сенатусъ-консульты сдѣлались весьма удобнымъ средствомъ добиваться всего, что̀ онъ считалъ для себя нужнымъ. Самое установленіе имперіи было дѣломъ органическаго сенатусъ-консульта XII года. Прибавимъ, что конституція X года еще болѣе стѣснила избирательныя права націи, и безъ того ничтожныя по конституціи VIII года. Коммунальные нотабли составляли кантональное собраніе, которое и выбирало пожизненныхъ членовъ избирательныхъ окружныхъ и департаментскихъ коллегій, представлявшихъ первому консулу кандидатовъ на нѣкоторыя должности. Къ выборнымъ чле-

намъ этихъ коллегій первый консулъ имѣлъ право присоединить во всякое время по своему усмотрѣнію извѣстное число назначенныхъ имъ самимъ лицъ, и, кромѣ того, въ голосованіи избирательныхъ коллегій имѣли право участвовать всѣ чиновники; наконецъ, предсѣдатели ихъ назначались самимъ первымъ консуломъ.

Пожизненное консульство было настоящей монархіей: Наполеону недоставало только соотвѣтственнаго титула. Въ Тюйльери, гдѣ онъ поселился еще въ началѣ 1800 г., его окружалъ блестящій дворъ, и бывшіе эмигранты, изъ которыхъ многіе стали появляться при этомъ дворѣ, содѣйствовали въ сильной степени возвращенію въ общество старыхъ монархическихъ традицій и нравовъ. Твердая власть перваго консула обезпечивала спокойствіе внутри страны, а его новыя побѣды надъ внѣшними врагами покрывали націю славой. Одни только непримиримые роялисты, съ одной стороны, а съ другой—немногіе либералы 1789 г. и республиканцы, оставшіеся вѣрными идеямъ свободы и равенства, не хотѣли признавать новую власть. Для роялистовъ установленіе пожизненнаго консульства было особенно сильнымъ ударомъ, лишая ихъ надежды на скорое возвращеніе Бурбоновъ. Ихъ сторонники послѣ неудачнаго покушенія 3 нивоза не оставляли своего намѣренія погубить Наполеона, и Англія, съ которою у перваго консула война скоро возобновилась, помогала какъ деньгами, такъ и всякими иными средствами роялистическимъ заговорщикамъ. Главою послѣднихъ былъ графъ д'Артуа, жившій въ Англіи, а наиболѣе дѣятельными членами новаго заговора были Дюмурье и Пишегрю [1]). Рѣшено было сблизиться съ генераломъ Моро, стоявшимъ во главѣ умѣренныхъ республиканцевъ, и съ этою цѣлью Пишегрю рѣшился даже пріѣхать въ Парижъ: роялисты расчитывали сдѣлать изъ Моро второго Монка, который произвелъ бы во Франціи реставрацію Бурбоновъ. Отдѣлаться отъ перваго консула, захвативъ его или убивъ при его проѣздѣ по улицѣ, долженъ былъ старый вождь вандейцевъ Жоржъ Кадудаль [2]), нарочно прибывшій въ Парижъ и расчитывавшій сдѣлать это при помощи цѣлой организаціи единомышленниковъ. Лондонскіе агенты Наполеона предупредили его объ опасности, и заговорщики были переловлены, преданы суду и казнены. Моро, могшій по своей популярности въ арміи сдѣлаться опаснымъ соперникомъ Наполеона, былъ арестованъ, также судился за свои сношенія съ Пишегрю (задушеннымъ въ своей тюрьмѣ) и былъ при-

---

[1]) Дюмурье перешелъ на сторону непріятеля еще въ 1794 г., а Пишегрю былъ въ числѣ членовъ совѣта пятисотъ, сосланныхъ послѣ 18 фрюктидора въ Кайену, откуда онъ бѣжалъ въ Англію.

[2]) *G. de Cadoudal.* Georges Cadoudal et la chouannerie. 1887.

говоренъ къ двухгодичному тюремному заключенію и высылкѣ затѣмъ въ Америку.

На допросѣ Кадудаль заявилъ между прочимъ, что его сообщниками были сами принцы королевскаго дома. Этого было достаточно для Наполеона, чтобы показать примѣръ другимъ на одномъ изъ нихъ, молодомъ герцогѣ Ангіенскомъ (изъ фамиліи принцевъ Конде), хотя тотъ ни душой, ни тѣломъ не былъ виноватъ въ заговорѣ. Онъ жилъ въ то время въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ (въ Эттенгеймѣ) на пенсію англійскаго правительства, которому предлагалъ образовать изъ недовольныхъ въ Эльзасѣ вольный отрядъ для войны съ Наполеономъ. Появленіе въ Швейцаріи и южной Германіи англійскихъ агентовъ, пріѣзжавшихъ сюда для агитаціи противъ Наполеона, дало поводъ заподозрить присутствіе въ числѣ ихъ самого Дюмурье, который, по одному донесенію тайной полиціи Наполеона, будто бы видѣлся и съ принцемъ. 15 марта 1804 г. принцъ былъ схваченъ французскими драгунами на чужой территоріи, привезенъ въ Парижъ и немедленно въ ночь на 21 марта приговоренъ военнымъ судомъ къ разстрѣлянію во рву Венсенскаго замка. На просьбу Жозефины помиловать плѣнника Наполеонъ отвѣчалъ: „я—государственный человѣкъ, я—французская революція, и я ее поддержу“ [1]). Извѣстіе объ этомъ злодѣяніи встрѣчено было съ негодованіемъ во всей Европѣ и оттолкнуло отъ Наполеона многихъ примирившихся роялистовъ. Какъ разъ въ это время ставился и рѣшался вопросъ о принятіи Наполеономъ императорскаго титула.

О томъ, что это должно было случиться, уже раньше говорили и во Франціи и за границей: употребляли даже выраженія „Галльская имперія“ (empire des Gaules), „императоръ галловъ“ (empereur des Gaulois). Иниціатива поднесенія первому консулу императорскаго титула вышла изъ сената, который введеніемъ наслѣдственной власти въ конституцію VIII—X гг. думалъ обезпечить свое собственное существованіе противъ всякой случайности. Онъ воспользовался послѣднимъ заговоромъ на жизнь перваго консула, грозившимъ опасностью всему новому государственному строю, чтобы оправдать необходимость такой перемѣны въ глазахъ націи, которая очень радовалась неудачѣ покушенія на жизнь Наполеона. Главнымъ двигателемъ всего дѣла явился Фуше, въ 1793 г. вотировавшій казнь Людовика XVI,

---

[1]) О принцѣ Ангіенскомъ и его процессѣ есть цѣлая литература, указанная отчасти въ соч. *Boulay de la Meurthe*. Les dernières années du duc d'Enghien. См. еще *Nougarède de Favet*. Recherches historiques sur le procès du duc d'Enghien. 1886.—*Welschinger. Le duc d'Enghien*. Любопытныя подробности объ этомъ дѣлѣ есть въ Mémoires du chancelier Pasquier publiés par le duc d'Andiffret-Pasquier. 1893 (томъ I).

былъ потомъ у Наполеона министромъ полиціи, но, потерявъ это мѣсто, только и думалъ о томъ, какъ бы снова войти въ милость своего господина. Едва прошла недѣля послѣ убіенія герцога Ангіенскаго, какъ къ первому консулу явилась депутація отъ сената съ просьбою упрочить и увѣковѣчить свое великое дѣло возрожденія Франціи. Наполеонъ просилъ срока, чтобы подумать, а между тѣмъ генералы и префекты, правительственные чиновники, стоявшіе во главѣ департаментовъ, подготовляли войско и народъ къ новой перемѣнѣ въ конституціи. Особенно было обращено вниманіе на армію, причемъ сенату съ законодательнымъ корпусомъ и трибунатомъ давали понять, что войско сгораетъ отъ нетерпѣнія видѣть своего любимаго вождя облеченнымъ высшею властью. Въ концѣ апрѣля одинъ изъ членовъ трибуната, Кюре, которому была обѣщана богатая сенаторія, внесъ въ трибунатъ предложеніе, составленное въ кабинетѣ перваго консула: правительство Французской республики предлагалось ввѣрить Наполеону Бонапарту съ титуломъ императора и съ наслѣдственною передачею императорскаго достоинства его потомству. Послѣ этого Наполеонъ отвѣтилъ на адресъ сенаторовъ. „Вы, говорилъ онъ въ своемъ отвѣтѣ, сочли нужнымъ установить наслѣдственность высшей магистратуры, чтобы поставить французскій народъ внѣ опасности отъ заговоровъ нашихъ враговъ и отъ смутъ, какія могли бы произойти отъ честолюбиваго соперничества. Вы нашли, кромѣ того, необходимымъ усовершенствовать нѣкоторыя изъ нашихъ учрежденій, дабы навѣки обезпечить торжество равенства и общественной свободы и доставить націи и правительству двойную гарантію, въ которой они нуждаются... Я хочу, чтобъ 14 іюля въ этомъ году мы могли сказать французскому народу: пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ порывѣ чувствъ вы взялись за оружіе, вы пріобрѣли свободу, равенство, славу: нынѣ эти первыя блага народовъ, упроченныя за вами навѣки, находятся внѣ всякихъ бурь, они сохранены для васъ и для дѣтей вашихъ“. Въ трибунатѣ установленіе имперіи сдѣлалось предметомъ льстивыхъ рѣчей, въ которыхъ, напр., Наполеонъ ставился выше Карла Великаго, и изъ трибуновъ одинъ только Карно подалъ голосъ противъ. Наскоро созванный въ чрезвычайную сессію законодательный корпусъ вотировалъ также въ благопріятномъ для предложенія смыслѣ. Между тѣмъ въ особомъ комитетѣ, состоявшемъ изъ обоихъ консуловъ и Фуше съ Талейраномъ подъ предсѣдательствомъ самого Наполеона, была выработана новая конституція, принятая затѣмъ сенатомъ (гдѣ противъ нея подано было лишь четыре голоса, въ томъ числѣ Сіэсомъ) и получившаго названіе органическаго сенатусъ-консультъ 28 флореаля XII года [1]). Предложеніе о наслѣдственности императорскаго достоин-

[1]) Республиканскій календарь былъ отмѣненъ во Франціи только въ 1806 г.

ства было подвергнуто затѣмъ плебисциту, и 15 брюмера XIII года (6 ноября 1804 г.) было объявлено, что изъ 3.524.254 голосовъ, поданныхъ гражданами, утвердительныхъ было 3.521.675.

Конституція XII года не налагала никакихъ ограниченій на императорскую власть, и лишь немногіе сенаторы заявили о необходимости нѣкоторыхъ гарантій въ виду новаго усиленія власти главы государства. Въ этой конституціи Франція названа была еще республикой, правленіе которой ввѣрялось, однако, наслѣдственному императору французовъ: Наполеонъ считалъ нужнымъ еще сохранять имя республики, и на монетахъ, чеканившихся въ первые годы имперіи (до 1807), на одной сторонѣ была надпись „République Française", на другой—„Napoléon Empereur". Сенатусъ-консультъ XII г. заключалъ въ себѣ постановленія о престолонаслѣдіи, объ императорской фамиліи и о регентствѣ и установлялъ цѣлую іерархію высшихъ чиновъ имперіи (grandes dignités de l'empire, каковыми были grand électeur, archichancelier de l'empire, archichancelier d'état, architrésorier, connétable и grand amiral), маршаловъ и т. п. Сенатъ еще болѣе дѣлался зависимымъ отъ главы государства: въ составъ сената, кромѣ восьмидесяти членовъ, назначавшихся прежнимъ порядкомъ, должны были входить всѣ французскіе принцы старше 18 лѣтъ, высшіе государственные сановники (обладатели названныхъ grandes dignités) и граждане, „которыхъ императоръ найдетъ подходящимъ (convenable) возвысить въ санъ сенатора"; предсѣдатель сената назначался также императоромъ. Въ видѣ утѣшенія прежнихъ сенаторовъ за потерю ими прежнихъ правъ, а главнымъ образомъ для замаскированія настоящаго характера конституціи учреждались въ сенатѣ двѣ коммиссіи, изъ семи членовъ каждая: онѣ назывались „сенаторская коммиссія личной свободы" и „сенаторская коммиссія свободы печати", а учреждались онѣ для того, чтобы сенатъ по ихъ докладу могъ объявлять: „есть сильныя основанія предполагать (il y a de fortes présomptions), что такой-то былъ произвольно задержанъ", или „что свобода прессы была нарушена". Въ теченіе всѣхъ десяти лѣтъ, когда дѣйствовала конституція XII года, сенату ни разу не пришлось воспользоваться этимъ правомъ и, разумѣется, не потому, чтобы за этотъ періодъ во Франціи индивидуальная свобода и свобода печати пользовались дѣйствительно неприкосновенностью. Наконецъ, какъ было уже упомянуто выше, законодательному корпусу было разрѣшено обсуждать законы въ закрытыхъ засѣданіяхъ такъ называемыхъ общихъ комитетовъ (юридическаго, административнаго и финансоваго). Главные дѣятели установленія имперіи получили награды: Камбасересъ и Лебренъ сдѣлались одинъ—архиканцлеромъ, другой—архиказначеемъ имперіи, Талейранъ, сохранившій постъ министра иностран-

ныхъ дѣлъ, былъ пожалованъ въ великіе шамбеланы, Фуше снова сдѣлался министромъ полиціи, и четырнадцать генераловъ назначены были маршалами Франціи.

Въ то же время былъ организованъ императорскій дворъ, а 2 декабря 1804 г. самъ папа Пій VII, нарочно пріѣхавшій въ Парижъ, помазалъ „народнаго избранника" на царство въ соборѣ Парижской Богоматери [1]).

Менѣе, чѣмъ въ пять лѣтъ славный побѣдами республиканскій генералъ, при помощи военной силы, проложивъ себѣ путь къ власти, сдѣлался изъ „гражданина Бонапарта" „императоромъ французовъ Наполеономъ I". По существу дѣла его власть была не чѣмъ инымъ, какъ военнымъ деспотизмомъ, или цезаризмомъ. И во времена консульства, и во времена имперіи учрежденія, представлявшія собою народъ, были лишь простыми декораціями, за которыми скрывался абсолютизмъ новаго цезаря. Мы видѣли, что въ 1807 г. трибунатъ, казавшійся Наполеону несовмѣстимымъ съ остальными учрежденіями имперіи, былъ уничтоженъ. Съ законодательнымъ корпусомъ онъ также не церемонился. Уже въ 1805 г., во время вакаціи законодательнаго корпуса, императоръ получилъ отъ сената разрѣшеніе на рекрутскій наборъ, хотя по конституціи оно зависѣло отъ законодательнаго корпуса, и такъ какъ послѣдній потомъ не протестовалъ, то Наполеонъ сталъ и впредь прибѣгать къ сенатусъ-консультамъ, чтобы легализировать то или другое изъ своихъ распоряженій. Статья конституціи VIII года, по которой объявленіе войны должно было обсуждаться, декретироваться и провозглашаться въ видѣ закона, также постоянно нарушалась. 1809 годъ прошелъ даже безъ сессіи законодательнаго корпуса, и никто на это не обратилъ особаго вниманія. Послѣ несчастнаго похода въ Россію, замѣтивъ въ законодательномъ корпусѣ признаки нѣкоторой оппозиціи, императоръ отсрочилъ его засѣданія, самъ установилъ бюджетъ и однимъ личнымъ своимъ распоряженіемъ ввелъ новые налоги. „Отъ чьего имени говорите вы? — спрашивалъ онъ въ 1813 г. — Вѣдь только я, одинъ я — настоящій представитель народа". — „Государство, это—я" Людовика XIV было бы столь же умѣстнымъ и въ устахъ Наполеона I.

Сравнивая учрежденія консульства и имперіи съ тѣми конституціонными планами, которые были въ головѣ Бонапарта еще во время его перваго итальянскаго похода, мы можемъ сказать, что конституціи VIII, X и XII годовъ были не чѣмъ инымъ, какъ осуществленіемъ тѣхъ самыхъ идей о государственномъ устройствѣ, которыя

---

[1]) Объ этомъ см. въ слѣдующей главѣ (въ связи съ исторіей взаимныхъ отношеній Наполеона и папы).

еще задолго до переворота 18 брюмера высказывались Наполеономъ по поводу внутреннихъ дѣлъ завоеванной имъ Италіи.

VII. Внутренняя политика консульства и имперіи [1]).

Значеніе 18 брюмера въ исторіи революціи. — Взглядъ Наполеона на революцію и его политическая теорія. — Милитаризмъ имперіи. — Деспотическій нравъ Наполеона.—Его правительственныя способности.—Организаціонная работа консульства и ея значеніе для Франціи.—Гражданскій кодексъ. — Отношеніе Наполеона къ религіи.—Конкордатъ.—Церковныя отношенія въ эпоху имперіи. — Столкновеніе Наполеона съ папой.—Полиція Наполеона.—Его отношеніе къ образованію, наукѣ, литературѣ, театру и періодической прессѣ.—Цензура при Наполеонѣ.— Экономическая политика консульства и имперіи. — Въ чемъ сходна внутренняя политика Наполеона съ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ?

Мы уже видѣли, какъ слѣдуетъ смотрѣть на то отношеніе, въ какомъ консульство и имперія находятся въ революціи. Хотя и на другой день послѣ 18 брюмера, и при принятіи Наполеономъ императорскаго титула и дѣлались ссылки на тѣ событія 1789 г., которыя всѣми признавались за самыя важныя въ исторіи завоеванія французскимъ народомъ политической свободы, тѣмъ не менѣе на дѣлѣ переворотъ 18 брюмера положилъ конецъ революціи и на пятнадцать

[1]) Кромѣ *Тьера*, *Ланфрэ* и *Тэна* (Le régime moderne) см. *Blanc*. Napoléon I, ses institutions civiles et administratives. 1880. — *Durand*. Le premier consul législateur. — *Madelin*. Le premier consul législateur. 1865. — *Aucoc*. Le conseil d'état avant et après 1789. 1876.—*Ducrocq*. Le conseil d'état et son histoire. 1867.—*Pelet de la Lozère*. Opinions de Napoléon au conseil d'état.—*Stourm*. Les finances de l'ancien régime et de la révolution. — *Ch. Nicolas*. Les budgets de la France depuis le commencement du XIX siècle. — *Sévin*. Etude sur les origines révolutionnaires des Codes Napoléon. — *Troplong*. De l'esprit démocratique dans le code civil.—*Pérouse*. Napoléon et lois civiles du consulat et de l'empire, 1866. — *De Broc*. La vie en France sous le premier empire. 1895.—*Guillon*. Les complots militaires sous le consulat et l'empire. 1894. — О положеніи католической церкви вообще въ эпоху революціи см. соч *Sciout*, а при имперіи: *Haussonville*. L'église romaine et le premier empire. 1868—1870.—*Theiner*. Histoire des deux concordats.— *Buissac*. Le concordat de 1801 et les articles organiques.—Кромѣ того, о конкордатѣ соч. *Crétineau-Joly* (1869), *L. Seché* (1894) и др. —*Artaud*. Vie et pontificat du pape Pie VII.—Другія стороны внутренней политики Наполеона разсматриваются въ слѣд. работахъ: *Fauchille*. La question juive sous le premier empire. 1886.— *Lemann*. Napoléon I et les israélites. 1894.—*Liard*. L'enseignement supérieur en France de 1789 à 1889. 1889.—*Lesmaret*. Quinze ans de haute police sous Napoléon.—*J. Destrem*. Déportations du consulat et de l'empire.—*Hérisson*. Le cabinet noir. 1886.— *Welschinger*. La censure sous le premier empire. 1882. — *Merlet*. Tableau de la littérature française de 1880 à 1815. — *Chaptal*. Mes souvenirs sur Napoléon. 1893.

лѣтъ лишилъ Францію всякаго подобія свободы. Черезъ день послѣ окончанія работъ надъ конституціей VIII года временные консулы обратились къ націи съ прокламаціей, въ которой сказано было, что революція, утвержденная на своихъ первоначальныхъ принципахъ, можетъ считаться оконченной („la révolution est fixée aux principes qui l'ont commencée, elle est finie“). Въ этомъ заявленіи вѣрнымъ было только то, что говорилось объ окончаніи революціи. Революція, дѣйствительно, была кончена. Такъ смотрѣлъ на дѣло и самъ Наполеонъ. Излагая его біографію до 18 брюмера, мы остановились на нѣкоторыхъ фактахъ, указывающихъ на истинное отношеніе его къ революціи въ самомъ ея началѣ: если Наполеонъ явился теперь ея усмирителемъ, то вовсе, конечно, не по сочувствію къ старому порядку. Послѣ 18 брюмера ему не разъ приходилось высказываться о революціи, но настоящій его взглядъ мы должны искать, разумѣется, не въ оффиціальныхъ заявленіяхъ, въ которыхъ онъ старался представить свою власть, какъ наилучшую гарантію для пріобрѣтеній революціи, а въ его интимныхъ бесѣдахъ, переданныхъ нами авторами мемуаровъ. Въ числѣ лицъ, въ эпоху консульства стоявшихъ особенно близко къ Наполеону, былъ извѣстный химикъ Шапталь, сдѣланный послѣ 18 брюмера членомъ государственнаго совѣта, вскорѣ затѣмъ назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ и остававшійся въ этой должности до первыхъ мѣсяцевъ имперіи. Въ недавно изданныхъ воспоминаніяхъ его о Наполеонѣ есть весьма интересныя мѣста, свидѣтельствующія о томъ, какъ относился первый консулъ и императоръ къ революціи. Наполеонъ, читаемъ мы въ одномъ изъ такихъ мѣстъ, „часто говорилъ, что когда онъ сталъ у кормила правленія, французская революція не была еще окончена, что ему удалось ее подавить, но что еслибы онъ не сталъ употреблять рѣшительныхъ и сильныхъ мѣръ, она скоро опять пошла бы по своему проторенному пути. Это-то и заставляло его съ такою бдительностью въ самомъ зародышѣ уничтожать партіи, какія только могли бы пробудиться къ жизни. Но именно съ тѣхъ поръ онъ и чувствовалъ себя вынужденнымъ сойти съ конституціоннаго пути. Онъ, продолжаетъ вспоминать Шапталь, часто говорилъ, и не безъ основанія, можетъ быть, что Франція еще не привыкла къ его власти, что на него смотрятъ, какъ на пришельца, что даже утверждаютъ, будто онъ долженъ бы былъ считаться съ одолженіемъ, сдѣланнымъ ему народомъ, который его возвелъ на престолъ, и что, слѣдовательно, ему нельзя было распускать вожжей. Онъ прибавлялъ еще, что развѣ только старыя династіи могутъ быть безнаказанно популярными“. „Моя имперія рушится, говорилъ онъ Шапталю, лишь только я перестану быть страшнымъ. Я не могу допустить, чтобы кто-нибудь

осмѣливался что-либо предпринимать, и долженъ немедленно же подавлять съ своей стороны всякое предпріятіе. Я не могу позволить, чтобы мнѣ угрожали, самъ не нанося удара тѣмъ, кто вздумалъ бы это дѣлать!.. Вѣдь вокругъ меня нѣтъ ни одного генерала, который не полагалъ бы, что и онъ имѣетъ такія же права на престолъ, какъ и я. Нѣтъ ни одного сколько-нибудь вліятельнаго человѣка, который не воображалъ бы, что именно онъ проложилъ мнѣ дорогу 18 брюмера. Я вынужденъ поэтому быть очень суровымъ съ этими людьми. Еслибы я держалъ себя съ ними на равной ногѣ, они скоро раздѣлили бы между собою мою власть и общественное достояніе... И внутри, и внѣ я царствую въ силу внушаемаго мною страха. Еслибы я оставилъ эту систему, меня не замедлили бы низложить съ престола. Вотъ мое положеніе и мотивы моего поведенія". Конечно, Шапталь передаетъ не подлинные разговоры съ Наполеономъ, а общій ихъ смыслъ, и то, что̀ сказано въ приведенномъ отрывкѣ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ и положенію Наполеона послѣ 18 брюмера, и всему его поведенію съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ власть. На послѣднюю онъ смотрѣлъ, какъ на единственное средство не дать продолжать революцію тѣмъ лицамъ и партіямъ, которыя не считали ея оконченной или просто стремились захватить правленіе въ свои руки. Сама революція казалась ему болѣзненнымъ кризисомъ, который былъ пережитъ французскимъ народомъ, но которому пора прекратиться, разъ устранены причины, вызвавшія болѣзнь. „Наполеонъ, разсказываетъ еще Шапталь, часто говорилъ, что у націй бываютъ также разныя болѣзни, какъ и у отдѣльныхъ лицъ... Все, что̀ удручаетъ или стѣсняетъ общественное тѣло въ его нуждахъ, вѣрованіяхъ, вкусахъ, въ его независимости, производитъ болѣзненное состояніе, которое выражается въ жалобахъ и разрѣшается возстаніемъ. Французскій народъ, говорилъ онъ, оскорбляли въ самыхъ дорогихъ его интересахъ. Дворянство и духовенство унижали его своимъ высокомѣріемъ и своими привилегіями. Они утѣсняли его правами, которыя присвоили себѣ надъ его трудомъ. Онъ долго томился подъ этимъ гнетомъ, но наконецъ онъ захотѣлъ сбросить съ себя иго, и революція началась. Паденіе монархіи было лишь слѣдствіемъ препятствій, которыя ставились движенію, но отнюдь не входило въ намѣренія революціонеровъ. Наполеонъ, продолжаетъ Шапталь, смотрѣлъ на то болѣе или менѣе дѣятельное участіе, какое всякій принималъ въ революціи, какъ на результатъ политической лихорадки, овладѣвшей всѣми головами. Въ этомъ онъ не видѣлъ бо̀льшаго зла, чѣмъ то, какое производятъ поступки бѣсноватыхъ, и онъ прощалъ всѣмъ за исключеніемъ нѣсколькихъ дворянъ, которые, будучи осыпаны милостями двора, содѣйствовали низверженію своего монарха". Въ другомъ

мѣстѣ Шапталь говоритъ еще: „особенно необычайнымъ покажется потомству то, что Бонапартъ, который въ молодости обнаружилъ горячую любовь къ свободѣ, Бонапартъ, который одобрялъ самыя кровавыя сцены революціи и самъ даже принималъ въ нихъ участіе, могъ потомъ поработить націю и отнять у нея всякую независимость. Но, прибавляетъ онъ, о Наполеонѣ можно говорить то, что̀ послѣдовательно говорилось обо всѣхъ, принимавшихъ участіе во власти въ бурные періоды революціи, а именно, что свобода существовала только для нихъ и что, по ихъ мнѣнію, для доставленія торжества ихъ идеямъ нужно было подавить или уничтожить идеи другихъ“. Замѣчаніе Шапталя совершенно вѣрно, но слѣдуетъ еще прибавить, что Наполеонъ, по крайней мѣрѣ, не прикрывалъ подобно своимъ революціоннымъ предшественникамъ своего деспотизма именемъ свободы. Далѣе, въ приведенномъ объясненіи Наполеономъ причинъ революціи мы не находимъ указанія на отсутствіе въ старой Франціи личной и общественной свободы: все сводится здѣсь къ неравенству, къ привилегіямъ. Наполеонъ очень хорошо понялъ, что среди республиканцевъ конца XVIII вѣка было не мало людей, собственно говоря, стремившихся только къ власти, хотя бы и на подчиненныхъ мѣстахъ, и онъ охотно дѣлалъ такихъ людей министрами, сенаторами, членами государственнаго совѣта, депутатами, судьями, префектами и т. п. Онъ не вѣрилъ, чтобы участіе въ революціи тѣхъ или другихъ лицъ могло объясняться стремленіемъ ихъ къ политической свободѣ. „Вы, французы, говорилъ онъ (по словамъ г-жи Ремюза),—вы серьезно ничего не умѣете желать, за исключеніемъ развѣ одного равенства. Да и отъ него охотно, пожалуй, каждый отказался бы, еслибы только могъ себя представить первымъ. Нужно каждому позволять надѣяться на повышеніе. Нужно всегда держать въ напряженіи ваше тщеславіе. Суровость республиканскаго режима вамъ наскучила бы до смерти... Что̀ произвело революцію? Тщеславіе. Что̀ положитъ ей конецъ? Опять-таки тщеславіе. Свобода—одинъ предлогъ“. „Свобода, заявилъ онъ другой разъ, можетъ быть потребностью лишь весьма малочисленнаго класса людей, отъ природы одареннаго болѣе высокими способностями, чѣмъ масса, но потому она и можетъ быть подавляема безнаказанно, тогда какъ равенство, наоборотъ, нравится именно массѣ“. Не вѣря въ стремленіе націи къ свободѣ, Наполеонъ и велъ себя такимъ образомъ, какъ будто бы нація и на самомъ дѣлѣ не желала свободы. При случаѣ и оффиціально онъ не отказывался произносить имя свободы, но въ глубинѣ души не придавалъ ей ни малѣйшаго значенія, и если что̀ считалъ настоящимъ пріобрѣтеніемъ революціи, то именно гражданское равенство, которое, хотя бы и подъ властью абсолютнаго правительства, было, дѣйствительно, политическимъ идеаломъ громад-

наго большинства французовъ. И смотря съ такой точки зрѣнія на своихъ современниковъ, Наполеонъ не ошибался, какъ не ошибался относительно ихъ тщеславія, относительно стремленія ихъ къ повышенію, относительно ихъ жажды власти, хотя бы и на подчиненныхъ мѣстахъ: онъ и дѣйствовалъ главнымъ образомъ на эти страсти, и немудрено поэтому, что сама революція казалась ему только результатомъ тщеславія.

Впослѣдствіи, уже послѣ своего паденія, Наполеонъ старался представить въ иномъ видѣ свое отношеніе къ революціи. Въ знаменитомъ „Меморіалѣ", писавшемся подъ его диктовку на о. св. Елены, говорилось, что его исторической миссіей было обезпечить торжество революціи въ качествѣ умѣрителя ея внутри и защитника извнѣ: онъ возжегъ ея свѣточъ, онъ освятилъ ея принципы, онъ былъ ея солдатомъ, и преслѣдованія сдѣлали изъ него ея мессію. Установленіе имперіи онъ объяснялъ тогда необходимостью защитить принципы и интересы революціи отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, и этою же задачею онъ объяснялъ также свою борьбу со всею Европою, въ которой онъ и распространилъ принципы революціи. Наполеонъ рѣшался даже утверждать, будто его правленіе было конституціонной и умѣренной монархіей, и будто въ его царствованіе французы были самымъ свободнымъ народомъ въ Европѣ. Въ свое время Наполеонъ отдалъ дань „идеологіи" XVIII в., выраженіями которой охотно пользовался и послѣ, когда это ему было нужно. На самомъ дѣлѣ его политическая теорія была далека отъ идей, формулированныхъ во Франціи XVIII вѣкомъ. Народовластіе представлялось ему, какъ широкая основа для правительства съ неограниченными правами, такъ какъ, по его мнѣнію, правительство и есть истинный представитель націи: такъ думалъ онъ еще въ 1797 г. и то же мнѣніе высказывалъ въ 1813 г. Онъ готовъ былъ, пожалуй, и на практикѣ признавать народное верховенство, но только довольно-таки оригинальнымъ образомъ. „Моя политика, сказалъ онъ однажды въ засѣданіи государственнаго совѣта въ первый годъ консульства,—моя политика состоитъ въ томъ, чтобы управлять людьми такъ, какъ того хочетъ большинство. Превратившись въ католика, я кончилъ вандейскую войну; сдѣлавшись мусульманиномъ, я утвердился въ Египтѣ; ставши ультрамонтаномъ, я привлекъ на свою сторону поповъ въ Италіи. Еслибы я управлялъ народомъ, состоящимъ изъ евреевъ, я бы возстановилъ храмъ Соломона. По той же причинѣ я буду говорить о свободѣ въ свободной части С. Доминго, но я утвержу рабство на Иль-де-Франсѣ или въ другой части С. Доминго, предоставивъ себѣ смягчить и ограничить невольничество тамъ, гдѣ я его удержу, и, наоборотъ, возстановить порядокъ и поддержать дисциплину тамъ, гдѣ я сохраню

свободу. Въ этомъ-то, кажется мнѣ, и заключается признаніе народнаго верховенства“ (C'est là, je crois, la manière de reconnaître la souveraineté du peuple). То государство, которое создавалъ Наполеонъ, не должно было знать свободы: неограниченная верховная власть народа цѣликомъ переносилась на „настоящаго представителя народа“, на правительство, и таково именно было значеніе тѣхъ плебисцитовъ, которые милліонами голосовъ дѣлали Наполеона то консуломъ на десять лѣтъ, то консуломъ пожизненнымъ, то императоромъ. Гораздо лучше понималъ Наполеонъ равенство; но и равенство въ его политическомъ міросозерцаніи было не чѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ проявленій простого единообразія, безъ котораго онъ не понималъ государства. Приведеніе всѣхъ и всего къ одному знаменателю и уничтоженіе „средостѣнія“ (liens intermédiaires) между государемъ и самымъ послѣднимъ классомъ народа казалось ему величайшимъ благомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ условіемъ совершенной полноты власти государя. Оффиціальнымъ историкамъ онъ заказывалъ исторію Франціи отъ смерти Людовика XIV до VIII года, и, по его мысли, въ этой исторіи должно было быть выставлено на первый планъ, насколько „легче дышется“ въ новой Франціи только потому, что въ ней существуетъ единство администраціи и законовъ. Стремленіемъ Наполеона было распространить строгое единообразіе, приданное имъ Франціи, и на всю Европу. Съ другой стороны, онъ былъ врагомъ феодализма, поскольку послѣдній создавалъ аристократическое средостѣніе между монархомъ и народною массою,—понимая, что свобода нравится лишь немногимъ, но что масса любитъ только равенство (хотя, съ другой стороны, все это и не мѣшало ему создавать новую придворную, военную и чиновную знать, въ составъ которой онъ особенно стремился привлечь старое дворянство).

Къ режиму, установленному Наполеономъ, наиболѣе подходитъ характеристика военной команды. „Чтобы хорошо управлять, говорилъ онъ, нужно быть военнымъ; хорошо управлять можно только со шпорами и въ ботфортахъ“. Дѣйствительно, власть Наполеона была чисто военнымъ деспотизмомъ. Въ эпоху директоріи армія была единственной организованной силой среди дезорганизованной страны, и установленіе власти побѣдоноснаго генерала надъ государствомъ, обезсилѣвшимъ отъ революціонной бури, было въ сущности, какъ мы видѣли, завоеваніемъ Франціи гражданской Франціею военною. Безпрерывныя войны консульства и имперіи сами по себѣ выдвигали армію на первый планъ. Наполеонъ, съ своей стороны, дѣлалъ все, что только могло привязать къ нему солдатъ, офицеровъ и генераловъ. Когда онъ былъ еще только первымъ консуломъ, онъ иногда приглашалъ къ своему столу простыхъ солдатъ (случалось, человѣкъ по двѣсти), имѣв-

шихъ почетное оружіе, угощалъ ихъ, шутилъ съ ними, пилъ за ихъ здоровье, заставлялъ разсказывать, за что кто изъ нихъ получилъ почетное ружье или почетную саблю. И въ эти годы, и впослѣдствіи, будучи императоромъ, онъ посѣщалъ казармы и обнаруживалъ на глазахъ солдатъ заботливость о томъ, чтобы ихъ содержаніе было хорошее. Армія боготворила „маленькаго капрала". Каждый солдатъ могъ расчитывать на повышеніе, и быстрое повышеніе дѣлалось, дѣйствительно, тѣмъ средствомъ, которымъ Наполеонъ пользовался, чтобы привязать къ себѣ военную силу. Въ 1802 г. онъ учредилъ орденъ почетнаго легіона, получить который сдѣлалось цѣлью стремленій великаго множества французовъ. Революція уничтожила какіе бы то ни было знаки отличія, и въ 1802 г. нѣкоторые республиканцы указывали Наполеону на то, что въ республикѣ такихъ игрушекъ не нужно. „Вы называете это игрушками (hochets), возражалъ Наполеонъ, такъ знайте же, что этими самыми игрушками можно водить людей". Повышеніе офицеровъ происходило необыкновенно быстро, и притомъ военная карьера была одною изъ наиболѣе выгодныхъ въ матеріальномъ отношеніи: генералы и полковники получали большое жалованье; имъ раздавались денежныя награды и имѣнія въ завоеванныхъ странахъ; ихъ тщеславію льстила возможность получить титулъ барона, графа, князя, герцога [1]). Конституція XII года возстановила титулъ маршаловъ Франціи, и сдѣлаться маршаломъ стало цѣлью стремленій каждаго честолюбиваго генерала. Особое положеніе въ войскѣ заняла гвардія (сначала консульская, потомъ императорская), и попасть въ эту гвардію сдѣлалось предметомъ самыхъ заманчивыхъ мечтаній для громаднаго большинства солдатъ, потому что на гвардейцевъ сыпались всѣ милости Наполеона—кресты, денежныя награды, разныя поощренія; гвардію лучше кормили, красивѣе одѣвали, и она пользовалась привилегіей сражаться на глазахъ самого императора или составлять запасную силу для нанесенія окончательнаго удара непріятелю. Военныя побѣды прославлялись оффиціально и неоффиціально, въ прозѣ и въ стихахъ; для солдатъ устраивались праздники, увеселенія, зрѣлища; ея славу должны были увѣковѣчивать картины и другіе памятники искусства. Въ военной средѣ Наполеонъ чувствовалъ себя лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было; здѣсь все было основано на безусловномъ послушаніи, здѣсь все было нивеллировано передъ одною высшею властью. Понятно, что принципы военной команды, солдатскаго повиновенія, казарменнаго единообразія и дисциплины казались Наполеону наиболѣе пригодными для управленія государствомъ.

---

[1]) Между тѣмъ отъ членовъ ордена почетнаго легіона требовалась присяга противиться возстановленію феодальнаго режима и соединенныхъ съ нимъ титуловъ.

Личный характеръ Наполеона вполнѣ гармонировалъ съ тою ролью, которую ему, геніальному полководцу, пришлось играть въ исторической жизни Франціи. Властную натуру будущаго повелителя Европы разгадали въ немъ, когда онъ былъ еще подросткомъ, его воспитатели. Совсѣмъ молодымъ еще человѣкомъ онъ и въ родной семьѣ былъ уже настоящимъ командиромъ, не терпѣвшимъ противорѣчія. Чѣмъ далѣе, тѣмъ все больше и больше развивался деспотическій нравъ Наполеона, и въ каждомъ человѣкѣ, изъ кого только онъ хотѣлъ сдѣлать орудіе своей воли, онъ умѣлъ разгадать ту страсть или ту слабость, на которую нужно было дѣйствовать, чтобы подчинить себѣ этого человѣка, было ли то властолюбіе или честолюбіе, тщеславіе или любостяжаніе и т. д. Эгоизму и самомнѣнію Наполеона не было границъ; ему все должно было служить, и все должно было повиноваться. Правда, на первыхъ порахъ, когда ему еще были неясны многіе вопросы законодательства, администраціи, финансовъ, онъ окружалъ себя людьми, которые, по его мнѣнію, были сильны въ вопросахъ этого рода, выслушивалъ ихъ совѣты, допускалъ съ ихъ стороны возраженія, но впослѣдствіи, когда ему стало казаться, что онъ вполнѣ овладѣлъ знаніемъ всѣхъ сторонъ государственнаго быта, онъ началъ сторониться отъ людей съ талантами и съ иниціативой, окружалъ себя раболѣпными исполнителями своей воли и не терпѣлъ ни малѣйшаго противорѣчія. Слушаться, не разсуждая, было требованіемъ, которое онъ предъявлялъ всѣмъ и каждому, и, конечно, находилось очень много людей, умѣвшихъ удовлетворить этому требованію. Маршалъ Даву сравнивалъ свою преданность императору съ преданностью Маре: еслибы, говорилъ онъ, императоръ въ видахъ своей политики потребовалъ разрушенія Парижа и чтобы никто оттуда живымъ не вышелъ, Маре, конечно, сохранилъ бы это въ секретѣ, но навѣрное повредилъ бы тайнѣ, постаравшись вывести изъ города свою семью; а вотъ онъ, Даву, нарочно оставилъ бы въ городѣ и жену, и дѣтей, чтобы никто не догадался о существованіи тайны. И Наполеонъ требовалъ отъ своихъ слугъ исполненія такихъ дѣлъ, что нужно было не считаться съ существованіемъ ни совѣсти, ни чести. Не у одного изъ вѣрныхъ исполнителей его воли тѣмъ не менѣе вырывалось восклицаніе: однако, нелегко бываетъ подчасъ служить императору! Самъ Наполеонъ понималъ это хорошо и говорилъ, что „счастливъ только тотъ, кто прячется отъ него гдѣ-нибудь въ провинціальной глуши". Однажды онъ спросилъ, что̀ будутъ говорить послѣ его смерти, и когда получилъ въ отвѣтъ, что всѣ его будутъ оплакивать,—„совсѣмъ нѣтъ", съ живостью возразилъ онъ и, представивъ человѣка, только-что отдѣлавшагося отъ тяжелой ноши, прибавилъ: „скажутъ только—*уфъ*!" Когда было нужно, Наполеонъ умѣлъ быть

обворожительнымъ, но въ общемъ въ его присутствіи всѣ чувствовали себя стѣсненными, особенно въ эпоху имперіи. Въ личныхъ сношеніяхъ онъ былъ въ высшей степени щепетиленъ, требователенъ, раздражителенъ и грубъ. Онъ совсѣмъ не понималъ своихъ обязанностей по отношенію къ государству: всѣ его стремленія сводились къ одному— къ собственному возвышенію. „Мой братъ,—такъ характеризовалъ его еще за годъ до установленія имперіи Іосифъ Бонапартъ,—мой братъ желаетъ, чтобы всѣ такъ сильно чувствовали необходимость его существованія и чтобы это существованіе было такимъ благомъ, что нельзя было бы безъ содроганія и представить себя безъ него. Онъ знаетъ и онъ чувствуетъ, что на этомъ-то и держится его власть, а не на силѣ или благодарности. Если бы завтра или когда-нибудь можно было сказать, что вотъ установился прочный и спокойный порядокъ вещей, преемникъ консула назначенъ, и Бонапартъ можетъ умереть, не вызвавъ этимъ ни смутъ, ни опасныхъ нововведеній, то мой братъ уже не считалъ бы себя въ безопасности". Для Наполеона послѣ его смерти какъ бы совсѣмъ не существовало никакого будущаго. Однажды ему сказали, что послѣ него невозможно будетъ управлять такой громадной имперіей, какую онъ создалъ своими завоеваніями. „Что же, замѣтилъ Наполеонъ, если мой преемникъ будетъ глупъ, тѣмъ хуже для него". Извѣстно, наконецъ, и то презрѣніе, съ какимъ Наполеонъ относился къ человѣческой жизни, къ „пушечному мясу" солдатъ. Въ эпоху крушенія имперіи австрійскій дипломатъ Меттернихъ, склонявшій его къ миру, указывалъ ему на то, что его солдаты почти дѣти: „когда эта армія юношей исчезнетъ, что̀ станете вы дѣлать?" спросилъ онъ его. „Вы, отвѣчалъ Наполеонъ, не солдатъ и не можете знать, что̀ совершается въ душѣ солдата. Я выросъ на поляхъ битвъ: такому человѣку, какъ я, наплевать на жизнь милліона людей!"

Но съ этимъ безсердечіемъ, съ этимъ эгоизмомъ, съ этимъ деспотическимъ нравомъ соединялись въ Наполеонѣ недюжинныя правительственныя способности, и онъ обнаружилъ ихъ въ первые же мѣсяцы консульства. Организаторскій талантъ, проявленный имъ въ итальянскомъ походѣ и въ египетской экспедиціи, нашелъ широкое примѣненіе и къ упорядоченію внутреннихъ отношеній Франціи послѣ 18 брюмера. Умственныя способности и рабочая сила перваго консула поражали его сотрудниковъ, какъ о томъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ воспоминанія современниковъ, даже такихъ, которые (подобно, напр., упомянутому Шапталю) несочувственно относятся къ нему, какъ къ человѣку. Теоретическое образованіе Наполеона въ вопросахъ политики, администраціи, финансовъ было самое поверхностное, если только можно называть образованіемъ то, что остается послѣ несисте-

матическаго, отрывочнаго и бѣглаго чтенія кое-какихъ книгъ, касающихся общества и исторіи, но, по общимъ отзывамъ, онъ умѣлъ довольно ловко скрывать свое невѣжество во многихъ очень важныхъ вопросахъ. Тѣмъ не менѣе въ его головѣ была накоплена всегда громадная масса фактовъ; онъ весьма быстро ихъ комбинировалъ и легко оріентировался въ каждомъ принципіальномъ вопросѣ, который обсуждался въ его присутствіи. Шапталь, сдѣланный, какъ мы видѣли, послѣ 18 брюмера членомъ государственнаго совѣта, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что, работая съ первымъ консуломъ въ это время, онъ хорошо узналъ его умъ и энергію. „Совсѣмъ еще молодой и плохо освѣдомленный относительно отдѣльныхъ сторонъ администраціи,—такъ характеризуетъ Шапталь Наполеона 1800 г.,—онъ вносилъ въ обсужденіе дѣлъ ясность, точность и силу мысли и широту взгляда, которая насъ удивляла. Неутомимый въ трудѣ, съ большимъ запасомъ силъ, онъ съ безпримѣрною проницательностью связывалъ и соединялъ отдѣльные факты и мнѣнія съ великою системою администраціи. Болѣе желая узнать что-нибудь, чѣмъ проявить знанія, которыхъ у него по молодости лѣтъ и чисто военному образованію и не могло быть, онъ часто требовалъ опредѣленій для отдѣльныхъ словъ, спрашивалъ, какъ было то или другое до его правленія, и, прочно установивъ основанія, дѣлалъ изъ нихъ выводы всегда къ выгодѣ современнаго положенія дѣлъ. Работая до двадцати часовъ въ сутки, онъ никогда не обнаруживалъ ни умственнаго утомленія, ни физической усталости, ни малѣйшаго признака ослабленія". Въ другихъ мѣстахъ тотъ же Шапталь говоритъ еще слѣдующее: „въ четыре года своего консульства Наполеонъ собиралъ ежедневно нѣсколько совѣтовъ. Здѣсь послѣдовательно разсматривались разные предметы, касающіеся администраціи, финансовъ, права. И такъ какъ онъ былъ одаренъ великою проницательностью, то у него вырывались часто глубокомысленныя замѣчанія, въ высшей степени вѣрныя сужденія, удивлявшія людей, наиболѣе опытныхъ въ разсматривавшихся дѣлахъ. Засѣданія нерѣдко затягивались до пяти часовъ утра, такъ какъ онъ никогда не бросалъ вопроса, не составивъ себѣ о немъ мнѣнія, и въ этомъ отношеніи угодить ему было нелегко, потому что онъ рѣдко удовлетворялся тѣмъ мнѣніемъ, какое высказывалось даже самыми свѣдущими людьми... Въ одномъ и томъ же учрежденіи онъ сажалъ рядомъ людей, которые и по характеру, и по убѣжденіямъ своимъ расходились между собою за послѣднія десять лѣтъ, людей, другъ друга ненавидѣвшихъ и бывшихъ между собою въ открытой войнѣ, нерѣдко подвергавшихъ другъ друга проскрипціи въ разные періоды революціи... И вотъ эти люди, сначала удивленные своимъ сосѣдствомъ въ однихъ и тѣхъ же собраніяхъ, въ концѣ концовъ при-

мирялись между собою“ и начинали работать вмѣстѣ. „Такимъ образомъ, прибавляетъ Шапталь, Бонапартъ соединялъ таланты разнаго рода и сливалъ вмѣстѣ всѣ партіи... Онъ совершенно одинаково смотрѣлъ на людей, принадлежавшихъ раньше къ привилегированнымъ кастамъ, и на тѣхъ, которыхъ выдвинула впередъ революція“. То же самое говорятъ и другія свидѣтельства эпохи.

Послѣ введенія конституціи VIII года новому правительству предстояла, дѣйствительно, очень трудная задача. Во внутреннемъ быту Франціи все, какъ было сказано выше, находилось въ совершенной дезорганизаціи, но въ какіе-нибудь три мѣсяца правительство перваго консула упорядочило всѣ главнѣйшія внутреннія отношенія Франціи, создавъ новую административную систему, которая сдѣлалась потомъ предметомъ удивленія и зависти для иностранцевъ и пережила въ самой Франціи разные смѣнявшіеся въ ней такъ часто политическіе режимы. Правда, похвалы, какія расточались системѣ современниками, были преувеличены или основывались на непониманіи слабыхъ ея сторонъ; правда и то еще, что эта система принесла не мало зла Франціи, но во всякомъ случаѣ она позволила населенію страны, не избалованному свободой при прежнихъ режимахъ, вздохнуть свободно послѣ тягостной неурядицы послѣднихъ годовъ XVIII вѣка.

28 плювіоза VIII года (17 февраля 1800 г.), т.-е. черезъ два мѣсяца послѣ составленія консульской конституціи былъ обнародованъ законъ о раздѣленіи территоріи и объ администраціи, который и легъ въ основу всего управленія Франціей въ XIX в. Администрація въ этомъ законѣ была построена на принципѣ, діаметрально противоположномъ тому, на которомъ основывалась система управленія конституанты. Въ 1789—1791 гг., собственно говоря, Франція была превращена въ своего рода комплексъ вполнѣ самоуправляющихся департаментовъ и муниципалитетовъ съ устраненіемъ всякаго вмѣшательства со стороны центральной власти, такъ что даже дѣла общегосударственнаго значенія были предоставлены вѣдѣнію органовъ мѣстнаго самоуправленія. Эту крайнюю децентрализацію, несомнѣнно, содѣйствовавшую общей дезорганизаціи, въ какой Наполеонъ засталъ Францію, новый режимъ замѣнилъ, наоборотъ, столь же крайней централизаціей, съ совершеннымъ устраненіемъ принципа самоуправленія. Во главѣ каждаго департамента поставленъ былъ префектъ, назначаемый и смѣняемый правительствомъ, облеченный исполнительною властью, прямой начальникъ всѣхъ мѣстныхъ властей, въ силу чего, напр., онъ имѣлъ право отрѣшать отъ должности мэра, его помощниковъ и муниципальныхъ совѣтниковъ во всѣхъ общинахъ, имѣвшихъ менѣе пяти тысячъ душъ населенія. Въ этомъ наполеоновскомъ префектѣ какъ бы воскресалъ интендантъ стараго порядка. При префектѣ существовалъ

особый административный совѣтъ (conseil de préfecture) съ судебными правами, что было тоже возвращеніемъ къ старому порядку административной юстиціи. По принципу Сіэса, проведенному и въ этой организаціи, дѣйствовать долженъ былъ одинъ, обсуждать—многіе, и потому рядомъ съ префектомъ установленъ былъ въ каждомъ департаментѣ генеральный совѣтъ (conseil général), члены котораго назначались правительствомъ сначала по спискамъ департаментскихъ нотаблей и потомъ изъ кандидатовъ, представлявшихся департаментской избирательной коллегіей. Генеральные совѣты не имѣли значенія ни старыхъ провинціальныхъ штатовъ, ни введенныхъ незадолго до революціи провинціальныхъ собраній: они главнымъ образомъ занимались раскладкою налоговъ между отдѣльными округами (arrondissements) департаментовъ, совсѣмъ не касаясь самаго взиманія налоговъ. Въ каждомъ округѣ былъ поставленъ подпрефектъ (sous-préfet), и учрежденъ окружной совѣтъ, въ каждой общинѣ были мэръ съ однимъ или нѣсколькими товарищами (adjoints) и муниципальный совѣтъ; подпрефекты и мэры были назначаемыми отъ правительства исполнителями его приказаній въ округахъ и общинахъ; члены окружныхъ и муниципальныхъ совѣтовъ также назначались правительствомъ, и сами общины были поставлены подъ опеку префектовъ въ такихъ дѣлахъ, какъ пріобрѣтеніе или отчужденіе муниципальныхъ имуществъ, иски отъ имени цѣлой общины и т. п. Кромѣ того, во всякомъ селеніи, въ которомъ было болѣе пяти тысячъ душъ, существовалъ особый полицейскій коммиссаръ (commissaire de police), зависѣвшій прямо отъ министра полиціи. Что касается до Парижа, то ему было дано совсѣмъ особое устройство. Столица государства была разбита на двѣнадцать муниципалитетовъ (или округовъ) съ отдѣльными мэрами, но безъ особыхъ муниципальныхъ совѣтовъ, замѣнявшихся въ данномъ случаѣ сенскимъ генеральнымъ совѣтомъ, тогда какъ мэры были подчинены сенскому префекту. Кромѣ того, въ каждомъ парижскомъ округѣ былъ свой полицейскій коммиссаръ, а надъ всѣмъ Парижемъ былъ поставленъ префектъ полиціи (préfet de police).

Эта административная организація была дополнена судебной и до сихъ поръ остающейся во Франціи безъ существенныхъ перемѣнъ [1]). Выборные судьи революціи были замѣнены также назначавшимися отъ правительства [2]). Законъ 18 марта 1800 г. сразу уничтожалъ всѣ суды, существовавшіе по конституціи III года, и замѣнялъ ихъ новыми, что дозволило первому консулу по своему усмотрѣнію обновить весь судебный персоналъ, а сенатусъ-консультъ 12 октября 1807 г. объ-

[1]) Замѣтимъ, что Наполеонъ былъ врагъ суда присяжныхъ, который при немъ, однако, удержался.

[2]) Мировые судьи съ 1802 г.

явилъ, что правомъ несмѣняемости будутъ пользоваться впредь лишь судьи, пробывшіе въ должности пять лѣтъ, и что до окончательнаго установленія того, кому будетъ дано это право, необходимо произвести предварительную очистку всего судебнаго персонала.

Тотъ же принципъ замѣны выборныхъ лицъ назначаемыми отъ правительства былъ проведенъ Наполеономъ и въ дѣлѣ взиманія прямыхъ налоговъ. Уже 21 ноября 1799 г. онъ организовалъ для этого особую administration des contributions directes, а потомъ и цѣлую іерархію директоровъ, инспекторовъ и генеральныхъ приходчиковъ (receveurs) и расходчиковъ (payeurs) въ департаментахъ, контролеровъ, инспекторовъ и частныхъ приходчиковъ въ округахъ, сборщиковъ для нѣсколькихъ общинъ.

Такимъ образомъ въ политическомъ и административномъ смыслѣ Наполеонъ возстановлялъ Францію стараго порядка съ характеризующими ее отсутствіемъ общественной свободы и правительственной централизаціей: до извѣстной степени онъ явился прямо наслѣдникомъ политической системы канцлера Мопу, секретаремъ котораго былъ когда-то Лебренъ, товарищъ Наполеона по консульству, человѣкъ образованный, хорошій администраторъ и отличный финансистъ. Конечно, вся новая административная, судебная и финансовая система была дѣломъ не одного Наполеона, а цѣлаго ряда государственныхъ людей, воспитанныхъ еще старой Франціей или революціей, но работавшихъ въ направленіи, указанномъ самимъ Наполеономъ. Понятно, что организаціонная работа 1800 г. происходила главнымъ образомъ въ государственномъ совѣтѣ, вырабатывавшемъ законопроекты. Это учрежденіе оказалось единственнымъ серьезнымъ звеномъ въ цѣпи законодательныхъ собраній VIII года, настоящимъ центромъ управленія, гдѣ вырабатывались всѣ важныя мѣры правительства. Въ дѣлѣ изданія законовъ государственному совѣту принадлежало, впрочемъ, лишь совѣщательное значеніе, и потому только здѣсь Наполеонъ допускалъ свободу преній, такъ какъ считалъ лично для себя полезнымъ всестороннее обсужденіе вопроса, всегда хорошо помня, что по своему положенію въ государствѣ учрежденіе это отнюдь не могло настаивать на проведеніи въ жизнь своей собственной воли, своихъ желаній [1]).

Громадную работу исполнилъ государственный совѣтъ въ эпоху консульства и по составленію свода гражданскихъ законовъ новой

---

[1]) Съ теченіемъ времени, впрочемъ, роль государственнаго совѣта сдѣлалась менѣе значительной, и Наполеонъ сталъ больше полагаться исключительно на самого себя или на совѣты нѣсколькихъ угодливыхъ приближенныхъ. Въ этомъ отношеніи Наполеонъ весьма напоминаетъ намъ представителей просвѣщеннаго абсолютизма, которые или не имѣли около себя аналогичнаго учрежденія, или старались обходиться безъ него при рѣшеніи наиболѣе даже важныхъ дѣлъ.

Франціи. Задача кодификаціи гражданскаго права была поставлена въ континентальныхъ странахъ Западной Европы еще въ XVIII в., въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма; но выполненіе этой задачи большею частью было неудачнымъ. Франція XVIII в. въ этомъ отношеніи отстала отъ другихъ государствъ; но когда были созваны генеральные штаты 1789 г., въ знаменитыхъ наказахъ депутатамъ высказано было весьма многими желаніе, чтобы Франція получила новое и общее для всей страны законодательство взамѣнъ громаднаго количества старыхъ феодальныхъ кутюмъ, дѣйствовавшихъ въ отдѣльныхъ провинціяхъ. Революція не исполнила этого желанія наказовъ 1789 г., хотя вопросъ о сводѣ законовъ и ставился не разъ на очередь. Еще въ 1793 г. Камбасересъ, будущій второй консулъ, представлялъ конвенту проектъ гражданскаго кодекса, но только Наполеонъ, сдѣлавшись первымъ консуломъ, назначилъ особую коммиссію (Порталисъ, Тронше, Биго де Преаменё, Маллевилль, Трейльяръ, Берлье), которой и поручилъ составить гражданскій кодексъ, примѣнивъ къ новому общественному быту отдѣльныя положенія римскаго и каноническаго права и мѣстныхъ кутюмъ, мнѣнія юристовъ XVII и XVIII вв. и новые революціонные законы. Въ работахъ этой коммиссіи принималъ довольно дѣятельное участіе и самъ Наполеонъ. Вскорѣ проектъ былъ готовъ, прошелъ всѣ законодательныя инстанціи и въ 1804 г. былъ принятъ законодательнымъ корпусомъ подъ названіемъ „Code civil", замѣненнымъ въ 1807 г. названіемъ „Наполеонова кодекса" (Code Napoléon). За этою важнѣйшею кодификаціонною работою послѣдовали своды гражданскаго и уголовнаго судопроизводства (1806), кодексъ торговаго права (Code de commerce, 1807) и сводъ уголовныхъ законовъ (Code pénal, 1810). Среди этихъ законодательныхъ работъ наиболѣе важною считается кодификація гражданскаго права между прочимъ и по тому значенію, какое Наполеоновъ кодексъ получилъ въ жизни не одной Франціи.

Къ первымъ же годамъ правленія Наполеона относится примиреніе французской республики съ католическою церковью посредствомъ заключенія конкордата съ папою. Во многихъ отношеніяхъ это было наиболѣе труднымъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что среди лицъ, окружавшихъ Наполеона въ то время, было много относившихся къ католицизму съ крайнимъ несочувствіемъ. Быть можетъ, конкордатъ былъ наиболѣе личнымъ дѣломъ самого Наполеона, но во всякомъ случаѣ первый консулъ руководился при этомъ не религіознымъ чувствомъ, а чисто политическими соображеніями. Громадное, подавляющее большинство націи оставалось вѣрнымъ католицизму, а между тѣмъ революція порвала вѣковую связь государства съ церковью. Наполеонъ понималъ, какую силу онъ извлечетъ для себя изъ примиренія французскаго пра-

вительства съ римской куріей. „Я долженъ, говорилъ онъ Шапталю, возвратить народу полноту его правъ въ дѣлѣ религіи. Философы, прибавилъ онъ, будутъ смѣяться, но нація меня благословитъ". Не слѣдуетъ, однако, думать, что Наполеонъ явился тутъ защитникомъ принципа свободы совѣсти, которую попирала церковная политика революціи: напротивъ, онъ нерѣдко съ завистью говорилъ, что не можетъ такъ же господствовать и надъ совѣстью своихъ подданныхъ, какъ это было въ Византіи.

Собственныя религіозныя воззрѣнія Наполеона тутъ тоже были ни при чемъ. Наполеонъ родился и воспитался въ вѣкъ религіознаго вольнодумства, и самъ онъ признавался, что сомнѣніе впервые закралось въ его душу, когда онъ былъ еще тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ. „Скажутъ, что я папистъ, говорилъ онъ [1]), но я—никто: я былъ мусульманиномъ въ Египтѣ, а здѣсь я буду католикомъ для блага народа. Я не вѣрю въ религіи". И онъ говорилъ о себѣ правду. Дѣйствительно, во время египетскаго похода Наполеонъ старался поддѣлываться подъ магометанство, и въ его головѣ возникъ даже странный планъ—для бо̀льшаго успѣха предпріятія обратить свою армію въ мусульманскую вѣру; нашелся и одинъ генералъ, который подалъ примѣръ обращенія, но за нимъ никто не послѣдовалъ. Въ своихъ прокламаціяхъ къ жителямъ Египта Наполеонъ увѣрялъ ихъ, что онъ исполняетъ какую-то миссію въ пользу магометанства. Напр., въ прокламаціи къ населенію Каира онъ говорилъ слѣдующее: „Развѣ найдется такой слѣпецъ, который не захочетъ видѣть, что сама судьба руководитъ всѣми моими предпріятіями? Найдется ли человѣкъ, который не вѣрилъ бы въ то, что все въ этомъ великомъ мірѣ подчинено власти судьбы? Дайте знать народу, что съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, уже было предначертано, чтобы, побѣдивъ враговъ ислама и низвергнувъ кресты, я пришелъ изъ далекаго Запада исполнить возложенную на меня задачу".—„Мы, говорилось въ другомъ воззваніи,—мы вѣдь тоже истинные мусульмане. Не мы ли сокрушили папу, который велѣлъ воевать съ мусульманами? Развѣ не мы же уничтожили мальтійскихъ рыцарей, потому что эти безумцы думали, будто Богъ приказываетъ имъ вести войну противъ мусульманъ?" Если во время египетскаго похода Наполеонъ поддѣлывался подъ міросозерцаніе магометанъ, то раньше, когда ему пришлось въ 1797 г. говорить оффиціально передъ директоріей, устроившей ему торжественный пріемъ по возвращеніи его изъ Италіи, онъ поддѣлывался подъ антикатолическое настроеніе тогдашнихъ республиканцевъ, заявляя, что у французской свободы три врага, и что эти враги суть: роялизмъ, феодализмъ и религія. Нѣтъ осно-

[1]) 21 преріаля X г., т.-е. въ эпоху заключенія конкордата.

ваній утверждать, что Наполеонъ отвергалъ идею Бога, но лично онъ не останавливался ни на какомъ положительномъ рѣшеніи вопроса о Божествѣ. Мало того, онъ не чуждъ былъ даже суевѣрій, которыя, по словамъ людей, близко его знавшихъ, нерѣдко прямо руководили его дѣйствіями. Въ религіи онъ видѣлъ средство удовлетворенія извѣстныхъ стремленій человѣческой души, но не скрывалъ при этомъ, что лично для него религія была прежде всего извѣстнымъ политическимъ средствомъ. Онъ называлъ, напр., атеизмъ, въ которомъ обвинялся одинъ изъ академиковъ (Лаландъ), „разрушительнымъ началомъ всякой общественной организаціи", „разрушителемъ всякой морали, если не въ отдѣльныхъ личностяхъ, то въ цѣлыхъ націяхъ", и на этомъ основаніи считалъ своей обязанностью требовать, чтобы упомянутый академикъ „не отравлялъ нравственности французскаго народа" своимъ невѣріемъ. Не всякая, однако, вѣра, по мнѣнію Наполеона, могла играть ту соціальную роль, за которую онъ особенно дорожилъ существованіемъ религіи. Онъ былъ на сторонѣ положительныхъ, установленныхъ вѣроисповѣданій, видя въ нихъ нѣчто въ „родѣ прививки оспы, удовлетворяющей стремленіе человѣка къ чудесному, но вмѣстѣ съ тѣмъ гарантирующей его отъ шарлатановъ": „попы, говорилъ онъ, лучше, чѣмъ Каліостро, Канты и всѣ нѣмецкіе фантазеры". Порталисъ, въ своей рѣчи объ организаціи культовъ, какъ бы развивая мысль Наполеона, доказывалъ, что даже ложныя религіи представляютъ выгоду, препятствуя введенію произвольныхъ ученій: „у людей есть центръ вѣры; правительствамъ хорошо имѣть дѣло съ разъ признанными догматами, которые болѣе не мѣняются. Суевѣріе, такъ сказать, упорядочивается, ограничивается, ставится въ извѣстныя рамки, изъ которыхъ оно болѣе не можетъ выйти". На христіанство Наполеонъ смотрѣлъ именно съ этой точки зрѣнія, видя въ немъ „тайну общественнаго порядка", такъ какъ оно переноситъ на небо идею равенства, мѣшающую здѣсь на землѣ бѣднымъ рѣзать богатыхъ. Поэтому оно представлялось ему, какъ одно изъ тѣхъ instrumenta imperii, которыхъ онъ вообще искалъ: недаромъ одинъ изъ слугъ Наполеона назвалъ католическое духовенство, какъ его поставилъ въ государствѣ конкордатъ, священной жандармеріей (gendarmerie sacrée). Въ его представленіи религія и государственная власть такъ тѣсно связаны были одна съ другою, что онъ затруднялся провести между ними границу: онъ вооружался противъ священниковъ, которые, раздѣляя власть надъ человѣкомъ съ государствомъ, оставляютъ за собою дѣйствіе на умъ и совѣсть, отдавая при этомъ свѣтской власти одно только тѣло, ибо, говорилъ онъ, „они берутъ себѣ душу, а правительству бросаютъ трупъ". Католическое раздѣленіе властей свѣтской и духовной ему прямо не нравилось, и онъ ставилъ въ примѣръ римскую республику,

гдѣ сенатъ былъ истолкователемъ религіи, Турцію и весь Востокъ съ соединеніемъ въ Коранѣ и религіознаго и гражданскаго закона, Византію и Россію, наконецъ, и протестантскія государства, гдѣ существуютъ иныя, чѣмъ въ католицизмѣ, отношенія между государственною властью и духовенствомъ; того же самаго онъ желалъ и для Франціи, безъ чего, по его словамъ, онъ не могъ бы ею управлять. Онъ даже выражалъ сожалѣніе, что для него былъ закрытъ путь Генриха VIII, сдѣлавшагося главою англиканской церкви.

Наполеонъ еще въ юности видѣлъ, какую силу представлялъ изъ себя католицизмъ, и еще болѣе онъ убѣдился въ его силѣ, когда побывалъ въ Италіи. Уже въ 1797 г. онъ давалъ понять папѣ, какую обоюдную для себя выгоду могли бы извлечь изъ своего примиренія и римская церковь, и французское правительство, и старался расположить въ свою пользу итальянское духовенство. При случаѣ онъ льстилъ ему, сравнивая, напр., итальянскихъ епископовъ съ французскими: послѣднихъ заразила-де испорченность старой монархіи, но еслибы они были столь же мудры и преданы интересамъ религіи, какъ духовенство итальянское, католическая церковь никогда не потерпѣла бы ни малѣйшаго ущерба во Франціи. Въ первый годъ своего консульства, въ іюнѣ 1800 г. Наполеонъ держалъ рѣчь передъ миланскимъ духовенствомъ, въ которой указывалъ на то, что, по его мнѣнію, католическая религія одна въ состояніи доставить настоящее благополучіе правильно устроенному обществу и утвердить основы хорошаго правительства. Онъ при этомъ высказался и противъ философовъ XVIII в., и противъ революціи, преслѣдовавшей католицизмъ: „ни одно общество не можетъ существовать безъ морали, а хорошая мораль не можетъ обойтись безъ религіи“.

Помимо той политической цѣли, къ которой стремился Наполеонъ, заключая конкордатъ съ папой, сами обстоятельства, созданныя враждою, возникшею между революціей и церковью, вынуждали его принять какое-либо рѣшеніе по вопросу о томъ, какими же принципами должна была при новомъ порядкѣ вещей, вытекавшемъ изъ 18 брюмера, регулироваться религіозная жизнь націи. Въ началѣ своего правленія первый консулъ былъ поставленъ въ необходимость выбирать между тремя различными рѣшеніями вопроса. Въ послѣднія времена директоріи во Франціи уже устанавливалась свобода католическаго культа, и правительство не дѣлало никакого различія между конституціонными духовными и отщепенцами, народъ же массами покидалъ первыхъ и переходилъ на сторону послѣднихъ. Въ самомъ началѣ своего консульства Наполеонъ также держался нейтралитета между обѣими іерархіями и, отказавшись отъ требованія присяги, которая произвела расколъ, довольствовался со стороны духовенства однимъ обѣщаніемъ

повиноваться законамъ; но курія и этому даже воспротивилась, а за нею и часть конституціоннаго духовенства отказалась давать требуемое обѣщаніе. Правительственный нейтралитетъ, впрочемъ, не устранялъ религіозныхъ раздоровъ между представителями враждебныхъ католическихъ культовъ: въ послѣдніе годы директоріи уже около сорока тысячъ церквей было возвращено культу, и изъ-за обладанія ими шла теперь горячая борьба между обѣими іерархіями. Громадное большинство французскаго народа оставалось при этомъ на сторонѣ правовѣрнаго католицизма, и весьма естественно, что первый консулъ предпочелъ имѣть за себя, а не противъ себя вліятельный клиръ, державшійся союза съ Римомъ. При невмѣшательствѣ государства въ шедшую тогда борьбу, конечно, побѣда была бы не за конституціоннымъ духовенствомъ, а на сторонѣ отщепенцевъ, которые своею связью съ Римомъ, своею сплоченностью и своими матеріальными средствами, получавшимися отъ вѣрныхъ, могли бы быть только опасны новой политической власти. Вотъ почему первый консулъ отказался отъ политики, завѣщанной ему директоріей, т.-е. отъ политики отдѣленія церкви отъ государства. По той же причинѣ онъ не считалъ удобнымъ слѣдовать и политикѣ, созданной учредительнымъ собраніемъ, благодаря гражданскому устройству духовенства: дѣлать новую попытку организаціи національной церкви, зависящей отъ государства и независимой отъ Рима, Наполеонъ не находилъ удобнымъ, потому что это значило бы опять поставить конституціонное духовенство въ привилегированное положеніе и вступить въ борьбу съ отщепенцами, что повлекло бы за собою только новыя религіозныя смуты. Нельзя было, разумѣется, также думать и о насильственномъ введеніи протестантизма, какъ это совѣтовали Наполеону сдѣлать нѣкоторыя изъ окружавшихъ его лицъ, такъ какъ и это не удалось бы, подобно попыткамъ введенія новыхъ философскихъ религій, сдѣланнымъ въ эпоху конвента и директоріи. Оставался поэтому одинъ только третій путь—искать соглашенія съ папой. По этому-то пути и пошелъ Наполеонъ.

Конкордатъ былъ заключенъ между первымъ консуломъ и папою Піемъ VII 15 іюля 1801 г. По взаимному соглашенію „правительство французской республики признавало, что католическая, апостольская и римская религія есть религія огромнаго большинства французскихъ гражданъ“, но уже тѣмъ самымъ не признавало болѣе за католицизмомъ значенія государственной религіи. Далѣе объявлялось, что эта религія „будетъ свободно исповѣдоваться во Франціи“, что католическій культъ „будетъ публичнымъ, сообразуясь, однако, съ полицейскими распоряженіями (réglements de police), какія правительство найдетъ нужными въ видахъ общественнаго спокойствія“.

Духовныя лица должны были получать отъ правительства приличное содержаніе, но оно не было обязано давать что-либо капитуламъ и семинаріямъ. Церкви возвращались епископамъ, за исключеніемъ уже отчужденныхъ, и паствѣ позволялось дѣлать въ пользу церквей пожертвованія, папа же, съ своей стороны, признавалъ за покупщиками національныхъ имуществъ законность ихъ владѣнія. „Его святѣйшество, сказано было въ § 13 соглашенія, ради блага мира и по случаю счастливаго возстановленія католической религіи, объявляетъ, что ни самъ онъ, ни его преемники никоимъ образомъ не станутъ тревожить покупщиковъ отчужденныхъ церковныхъ владѣній, и что поэтому право собственности на эти имѣнія и на всѣ доходы отъ нихъ останется ненарушимо въ рукахъ теперешнихъ владѣльцевъ". По соглашенію съ правительствомъ папа обязывался произвести новое раздѣленіе Франціи на діоцезы, приглашая вмѣстѣ съ тѣмъ, ради блага мира и единства, отдѣльныхъ епископовъ въ случаѣ надобности жертвовать своими каѳедрами. Первому консулу конкордатъ предоставлялъ, далѣе, назначать (nommer) архіепископовъ и епископовъ, послѣ чего папа долженъ былъ давать имъ каноническое поставленіе, а епископы получали право назначать священниковъ, которымъ затѣмъ, однако, предстояло еще быть признанными со стороны правительства. Всѣ духовныя лица обязывались передъ вступленіемъ въ должность приносить присягу и молиться въ церквахъ за республику и консуловъ. Этотъ конкордатъ былъ дополненъ „органическими статьями" такого, между прочимъ, содержанія. Безъ разрѣшенія правительства во Франціи не могли имѣть силы папскія распоряженія и постановленія иностранныхъ синодовъ и даже общихъ соборовъ, равно какъ не могли во Франціи дѣйствовать представители папы (нунціи, легаты и т. п.) или собираться мѣстные соборы безъ таковаго же разрѣшенія. Правительству принадлежало право опредѣлять цифру лицъ, которыхъ епископы могли посвящать въ духовный санъ. Возстановляя празднованіе воскреснаго дня, органическія статьи изъ всѣхъ остальныхъ праздниковъ оставляля только рождество, вознесеніе, успеніе и день всѣхъ святыхъ. Религіозныя процессіи внѣ церквей позволялись лишь въ тѣхъ городахъ, гдѣ не было иновѣрныхъ храмовъ. Церковному браку обязательно долженъ былъ предшествовать бракъ гражданскій, введенный во Франціи революціей. Органическія статьи опредѣляли также костюмъ духовныхъ лицъ внѣ богослуженія, получаемое ими жалованье и т. п. Особенно важно то, что ни самое соглашеніе съ папой, ни органическія статьи ни единымъ словомъ не упоминаютъ о монашествѣ, уничтоженномъ революціей, а одна статья, разрѣшая епископамъ основывать капитулы и семинаріи, прямо прибавляла, что всѣ иныя учрежденія уничтожаются (что было подтвер-

ждено мессидорскимъ декретомъ XII года, когда бывшіе іезуиты сдѣлали попытку подъ новымъ названіемъ возстановить свой орденъ).

Возстановленная конкордатомъ католическая церковь во Франціи во многихъ отношеніяхъ возвращалась къ тому положенію, въ какомъ она была до реформъ учредительнаго собранія, но въ иныхъ отношеніяхъ она должна была примириться съ тѣмъ, что сдѣлано было противъ нея въ эпоху революціи: католицизмъересталъ быть государственной религіей; клиръ утратилъ значеніе перваго сословія въ государствѣ, церковное землевладѣніе и десятина исчезли; монашество не было возстановлено и пр. и пр. Вообще конкордатъ, заключенный Наполеономъ, нѣкоторыми своими чертами напоминаетъ тѣ стремленія, какія обнаруживались въ церковномъ законодательствѣ католическихъ правительствъ эпохи просвѣщеннаго абсолютизма. Поэтому послѣ 1801 г. духовенство во Франціи было поставлено въ такую зависимость отъ свѣтской власти, какой раньше никогда и не существовало: въ каждомъ отдѣльномъ діоцезѣ епископъ сдѣлался своего рода духовнымъ префектомъ рядомъ съ префектомъ свѣтскимъ, которому была ввѣрена вся департаментская администрація. Принципъ чисто бюрократическаго управленія и чисто военной дисциплины былъ введенъ Наполеономъ и во всѣ внутренніе распорядки католической церкви. Въ эпоху имперіи по приказанію Наполеона былъ составленъ для школъ новый катехизисъ, въ которомъ власть императора возводилась даже чуть не на степень религіознаго догмата. Вотъ отрывокъ изъ этого руководства закона Божія:

„*Вопросъ*. Каковы въ особенности наши обязанности по отношенію къ Наполеону I, нашему императору?

Отвѣтъ. Мы обязаны по отношенію къ Наполеону I, нашему императору, любовью, почтеніемъ, повиновеніемъ, вѣрностью, военною службою и податями, установленными для сохраненія и защиты имперіи и его трона.

В. Почему существуютъ всѣ эти обязанности по отношенію къ нашему императору?

О. Потому что Богъ, создающій царства и раздающій ихъ, по своей волѣ, надѣливъ нашего императора дарами въ дѣлахъ мира и войны, поставилъ его нашимъ государемъ, сдѣлалъ его орудіемъ Своей власти и образомъ Своимъ на землѣ. Почитать нашего императора и служить ему все равно, что почитать и служить самому Богу.

В. Нѣтъ ли особенныхъ основаній, которыя еще сильнѣе должны насъ привязать къ Наполеону I, нашему императору?

О. Есть, ибо онъ тотъ, кого Богъ воздвигъ среди трудныхъ обстоятельствъ, дабы возстановить общественное богослуженіе и святую религію отцовъ нашихъ и сдѣлать изъ него ея покровителя. Онъ

возвратилъ и сохранилъ общественный порядокъ своею глубокою и дѣятельною мудростью; онъ защищаетъ государство своею могущественною десницею; онъ сталъ помазанникомъ Господа чрезъ освященіе, полученное отъ верховнаго первосвященника, главы вселенской церкви.

В. Что слѣдуетъ думать о тѣхъ, которые не исполняютъ обязанностей своихъ по отношенію къ Наполеону I, нашему императору?

О. По слову ап. Павла, они оказали бы сопротивленіе порядку, установленному самимъ Богомъ, и сдѣлались бы достойными вѣчнаго отчужденія“ [1]).

Наполеонъ ставилъ задачей своей церковной политики подчинить своей власти не только духовенство, но и самое папство, считая себя преемникомъ Карла Великаго и всѣхъ тѣхъ вообще средневѣковыхъ императоровъ, которые держали въ зависимости отъ себя римскихъ первосвященниковъ. Впослѣдствіи, на островѣ св. Елены онъ говорилъ, что въ 1813 г., не будь несчастнаго похода въ Россію, папа былъ бы епископомъ римскимъ и парижскимъ и что всѣ римскія учрежденія были бы перенесены въ Парижъ. „Я, продолжалъ онъ, возвысилъ бы папу выше всякой мѣры, окружилъ бы его великолѣпіемъ и почетомъ. Я устроилъ бы такъ, что ему нечего было бы сожалѣть объ утраченной свѣтской власти, я сдѣлалъ бы изъ него идола, и онъ оставался бы около меня. Парижъ сталъ бы столицей христіанскаго міра, и я управлялъ бы религіознымъ міромъ такъ же, какъ и политическимъ. Это было бы лишнимъ средствомъ тѣснѣе сплотить всѣ федеративныя части имперіи и держать въ повиновеніи все, что находилось внѣ. У меня были бы религіозныя сессіи, какъ были сессіи законодательныя; мои соборы были бы представительствомъ христіанства, и папы были бы лишь ихъ предсѣдателями; я открывалъ бы и закрывалъ эти собранія, утверждалъ бы и обнародовывалъ бы ихъ рѣшенія, какъ это дѣлали раньше Константинъ и Карлъ Великій“.

Наполеону удалось уже въ самомъ началѣ имперіи достигнуть отъ папы Пія VII небывалаго почета. Верховный первосвященникъ рѣшился, несмотря на венсенское убійство, пріѣхать въ Парижъ на коронацію Наполеона. Императоръ нарочно какъ бы совершенно случайно встрѣтилъ его въ лѣсу Фонтенебло въ охотничьемъ костюмѣ, съ мамелюками и сворою собакъ. Путь до Парижа они продолжали

[1]) Той же самой политики Наполеонъ держался и по отношенію къ протестантамъ, издавъ въ 1802 г. „органическія статьи о протестантскихъ культахъ“ (лютеранскомъ и реформатскомъ). Кромѣ того, онъ регулизировалъ и іудейскій культъ (декретомъ 11 дек. 1808 г.), причемъ созывалъ „великій синедріонъ“. Новѣйшія подробности объ этомъ см. въ мемуарахъ канцлера Пакье.

вмѣстѣ, причемъ въ экипажѣ императоръ занялъ болѣе почетное мѣсто, и это на все время пребыванія папы въ столицѣ Франціи предрѣшило этикетъ. Церемонія коронаціи заранѣе была разучена при помощи маленькихъ деревянныхъ куколокъ, долженствовавшихъ изображать всѣхъ участниковъ торжества. При совершеніи обряда папѣ пришлось выслушать между прочимъ присягу Наполеона въ томъ, что продажа національныхъ имуществъ (въ томъ числѣ и бывшихъ церковныхъ) совершена на вѣчныя времена и не будетъ подлежать отмѣнѣ. Пій VII естественно думалъ, что разъ его пригласили въ Парижъ для коронованія императора, то онъ, Пій VII, и возложитъ корону на голову Наполеона, и это ему было обѣщано, но во время самаго обряда императоръ выхватилъ изъ рукъ растерявшагося папы корону и самъ возложилъ ее на свою голову. Пій VII потомъ протестовалъ и грозилъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что былъ обманутъ, если въ „Монитерѣ" будетъ напечатано, какъ было дѣло. Въ слѣдующемъ году онъ уже отказался пріѣхать въ Миланъ короновать „желѣзною короною" Наполеона, какъ короля Италіи. Вскорѣ послѣ того Наполеонъ писалъ папѣ, что считаетъ его только вассаломъ имперіи: „ваше святѣйшество пользуется верховною властью въ Римѣ, но императоръ Рима—я". Между тѣмъ Пій VII хотѣлъ вести себя въ Папской области, какъ независимый государь; это не понравилось Наполеону, и онъ протестовалъ. Пререканія императора и папы окончились тѣмъ, что 2 февраля 1808 г. французскіе солдаты заняли Папскую область, а въ слѣдующемъ году Наполеонъ объявилъ полное прекращеніе свѣтской власти папы (16 мая), причемъ его владѣнія вошли въ составъ Французской имперіи. На это объявленіе папа отвѣтилъ (10 іюня) отлученіемъ императора отъ церкви. Тогда Пій VII былъ удаленъ изъ Рима и содержался плѣнникомъ въ Савонѣ [1]), откуда въ 1813 г. Наполеонъ перевелъ его въ Фонтенебло. Кардиналы были почти всѣ переселены въ Парижъ, и Римъ сдѣлался лишь вторымъ городомъ имперіи, по имени котораго Наполеонъ впослѣдствіи назвалъ своего сына (отъ второго брака) „королемъ римскимъ". Въ плѣну Пій VII проявилъ большое упорство и отказывался утверждать новыя назначенія на епископскія каѳедры, ссылаясь на свое плѣненіе и на невозможность совѣщаній съ кардиналами по поводу этихъ назначеній. Наполеону пришлось безъ согласія папы покончить дѣло своего развода съ Жозефиной, добившись признанія развода лишь со стороны подвластнаго ему духовенства [2]).

[1]) *Chotard*. Le pape Pie VII à Savone.

[2]) Объ отношеніяхъ между Наполеономъ и Жозефиной см., между прочимъ, сочиненія *Леви* и *Массона*, а также *Welschinger*. Le divorce de Napoléon. 1889.— *Colmet de Santerre*. Le divorce de Napoléon et le Code Napoléon. 1894.

Наполеонъ состоялъ съ Жозефиной въ гражданскомъ бракѣ, заключенномъ въ 1796 г., за нѣсколько дней до его отъѣзда въ итальянскую армію. Онъ былъ тогда страстно увлеченъ Жозефиною, но она относилась къ нему болѣе, чѣмъ равнодушно, и во время его отсутствія вела себя такимъ образомъ, что по возвращеніи изъ Египта онъ даже хотѣлъ съ нею развестись. Съ этого времени роли перемѣнились, и Жозефина сдѣлалась покорною и преданною супругою, жившею теперь вѣчно подъ страхомъ развода, тогда какъ Наполеонъ, оставаясь попрежнему нѣжнымъ съ нею, освободился отъ прежней къ ней страсти. Въ 1804 г. Наполеонъ думалъ короноваться одинъ, но слезы жены заставили его согласиться на то, чтобы и она была коронована вмѣстѣ съ нимъ. Опасаясь, однако, что одинъ гражданскій бракъ недостаточно упрочивалъ ея положеніе, императрица сообщила папѣ, что жила съ Наполеономъ невѣнчанной, и тогда Пій VII потребовалъ отъ императора, чтобы былъ до коронаціи совершонъ и церковный бракъ. Наполеонъ былъ крайне разгнѣванъ этимъ, но на требованіе папы ему оставалось только дать свое согласіе. Впрочемъ, самый обрядъ бракосочетанія былъ совершонъ тайно и съ заранѣе обдуманнымъ нарушеніемъ нѣкоторыхъ каноническихъ правилъ. Между тѣмъ вопросъ о разводѣ съ Жозефиной подымался и послѣ этого не разъ въ семьѣ Бонапартовъ, не любившихъ императрицу. Желаніе Наполеона породниться съ одною изъ царствующихъ династій и имѣть законнаго наслѣдника престола окончательно рѣшило дѣло въ пользу развода. Немалаго, однако, труда стоило Наполеону добиться отъ Жозефины согласія на разводъ (11 дек. 1809 г.), но при существованіи церковнаго брака вопросъ не рѣшался еще обоюднымъ согласіемъ расходившихся между собой супруговъ. Императоръ не хотѣлъ обращаться за разрѣшеніемъ къ папѣ, съ которымъ онъ былъ въ ссорѣ, и добылъ себѣ всякими правдами и неправдами разводъ отъ парижскаго церковнаго суда (officialité de Paris). Пій VII воздержался отъ кассаціи этого рѣшенія, но тринадцать кардиналовъ протестовали противъ законности уничтоженія перваго брака, не явившись присутствовать на второмъ бракѣ Наполеона. За этотъ протестъ онъ лишилъ ихъ права носить одѣянія краснаго цвѣта, и они получили въ обществѣ насмѣшливое прозвище „черныхъ кардиналовъ“ [1]).

Гораздо болѣе хлопотъ создало Наполеону нежеланіе папы утверждать новыхъ епископовъ. Видя упорство Пія VII, онъ задумалъ обратиться къ позабытымъ традиціямъ галликанской церкви. 25 февраля 1810 г. Наполеонъ издалъ декретъ, которымъ возстановлялъ знаменитыя статьи 1682 г. о вольностяхъ галликанской церкви и предпи-

---

[1]) *Geoffroy de Grandmaison.* Napoléon I et les cardinaux noirs. 1895.

сывалъ положить ихъ въ основу преподаванія во всѣхъ богословскихъ факультетахъ и духовныхъ семинаріяхъ. Въ слѣдующемъ году (17 іюня 1811 г.) императоръ созвалъ въ Парижѣ національный соборъ, въ которомъ участвовало болѣе ста епископовъ,—около 70 изъ имперіи и около 30 изъ королевства Италіи. Нѣсколько членовъ собора выразило желаніе, чтобы папѣ возвращена была свобода, но иниціаторы этого предложенія были арестованы и посажены въ Венсенскій замокъ. Громадное большинство остальныхъ епископовъ Наполеону удалось склонить къ декрету, въ силу котораго можно было обходиться безъ папской инвеституры, если папа будетъ отказывать въ ней шесть мѣсяцевъ: посвящать епископовъ могъ въ такомъ случаѣ архіепископъ. Когда Наполеонъ замѣстилъ новыми епископами каѳедры тѣхъ, которые были арестованы по его приказанію, этихъ назначеній не хотѣли признавать въ соотвѣтственныхъ епархіяхъ; для подавленія сопротивленія были даже пущены въ ходъ крутыя мѣры. Пій VII, однако, не отличавшійся большою послѣдовательностью, далъ свое согласіе на декретъ 1811 года, а въ 1813 г. Наполеонъ перевелъ папу въ Фонтенебло, гдѣ и заключилъ съ нимъ новый конкордатъ, по которому Пій VII не только подтвердилъ свое согласіе на декретъ, но даже отказался косвенно отъ свѣтской власти: теперь онъ согласился именно на то, чтобы навсегда поселиться въ Авиньонѣ и жить на ассигнованное ему Наполеономъ содержаніе. Впрочемъ, черезъ два мѣсяца Пій VII написалъ императору письмо, въ которомъ заявилъ, что отказывается отъ подписаннаго въ Фонтенебло соглашенія.

Деспотизмъ Наполеона охватывалъ вообще всѣ стороны общественной жизни Франціи въ эпоху консульства и имперіи. Гарантіи личной свободы исчезли передъ полицейскимъ произволомъ. Аресты и административная ссылка были постоянно въ ходу и не обращали на себя большого вниманія. Былъ возстановленъ старый „черный кабинетъ“, занимавшійся вскрытіемъ частныхъ писемъ; были возстановлены (въ 1814 г.) и государственныя тюрьмы, замѣнившія прежнюю Бастилію. Особенно сильное развитіе при Наполеонѣ получили шпіонство и доносы. Кромѣ министра полиціи и префекта полиціи [1]), въ Парижѣ было три генерала-директора полиціи, которые имѣли надзоръ надъ департаментами, съ этою цѣлью раздѣленными на округа. Независимо отъ этого мѣстная жандармерія ежедневно отсылала въ Парижъ генералъ-инспектору рапорты о состояніи отдѣльныхъ мѣстно-

[1]) Любопытныя подробности о полиціи при Наполеонѣ, кромѣ указанныхъ выше сочиненій, можно найти также въ извѣстныхъ мемуарахъ Шапталя и особенно Пакье, который былъ префектомъ полиціи. Послѣдній разсказываетъ, напр., о томъ, какъ одна полиція напала на тайную фабрикацію русскихъ бумажныхъ денегъ, въ которой участвовала другая полиція.

стей, о слухахъ, разговорахъ и т. п. Наконецъ, адъютанты и генералы гвардіи Наполеона имѣли надзоръ надъ придворными и высшими чинами администраціи, и особымъ лицамъ было поручено еще слѣдить за всѣмъ, что дѣлалось среди ученыхъ, среди коммерсантовъ и т. п. Наполеонъ лично съ большимъ интересомъ относился къ городскимъ слухамъ и сплетнямъ и особенно подозрительно смотрѣлъ на всѣ случаи критики правительственныхъ распоряженій. Наконецъ, непосредственному полицейскому надзору была поручена и вся духовная жизнь націи—религія, наука, литература, театръ, періодическая пресса; вездѣ дѣйствовалъ одинъ и тотъ же принципъ полнаго произвола, и самъ императоръ находилъ и досугъ, и интересъ вмѣшиваться лично даже въ разныя мелочи, касавшіяся духовной жизни общества.

Наполеонъ явился организаторомъ и народнаго просвѣщенія Франціи, поставивъ и тутъ своею задачею подчиненіе всего образованія своей власти. „При установленіи преподавательской корпораціи (corps enseignant), говорилъ онъ, моя главная цѣль въ томъ, чтобы имѣть средства направлять моральныя и политическія мнѣнія“.— „Нужно, говорилъ онъ еще, устроить эту корпорацію такимъ образомъ, чтобы имѣть свѣдѣнія о каждомъ ребенкѣ, начиная съ девятилѣтняго возраста“. Въ дѣлѣ воспитанія для Наполеона самымъ важнымъ было создать одну общую форму, по которой государство и лишь одно оно могло бы моделировать будущихъ гражданъ: „если съ дѣтства, по его словамъ, не будутъ учить, что нужно быть республиканцемъ или монархистомъ, католикомъ или невѣрующимъ, государство никогда не создастъ націи; оно будетъ покоиться на непрочныхъ и колеблющихся основаніяхъ и вѣчно будетъ подвергаться безпорядкамъ и перемѣнамъ“. Таковы были мысли, положенныя въ основу школьной организаціи наполеоновской имперіи, заключалась же она въ слѣдующемъ.

Законъ 1806 г. создавалъ во Франціи подъ именемъ „Université impériale“ корпорацію, исключительнымъ назначеніемъ которой было обученіе и воспитаніе во всей Франціи; а въ 1808 г. этому „университету“ дано было окончательное устройство. Во главѣ всего учрежденія, охватывавшаго учебныя заведенія имперіи, былъ поставленъ „великій магистръ“ (grand maître), при которомъ существовалъ особый совѣтъ университета. Самъ университетъ раздѣлялся въ свою очередь на академіи (округа) съ ректорами во главѣ, съ особыми инспекторами и совѣтами; весь этотъ административный персоналъ назначался великимъ магистромъ. Въ составъ университета вошли разобщенные одинъ отъ другого факультеты (между прочимъ для католической и протестантской теологіи), лицеи и коллегіи, пансіоны и малыя школы (petites écoles), какъ названы были народныя училища. Преподавательскій

персоналъ всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній получилъ наименованіе членовъ университета, которые одни имѣли монополію преподаванія, и только народные учителя были поставлены подъ начальство мэровъ, подпрефектовъ и префектовъ, а не учебной администраціи. Первоначальное образованіе находилось въ этой системѣ въ большомъ пренебреженіи, а въ среднемъ и даже высшемъ (напр., въ Политехнической школѣ) были установлены совершенно монастырскіе или казарменные порядки.

Объ отношеніи Наполеона къ наукѣ можно судить по фактамъ такого рода. Въ „Институтѣ Франціи", въ которомъ еще конвентъ слилъ воедино отдѣльныя академіи, Наполеонъ, бывшій самъ членомъ этого учрежденія, въ 1803 году уничтожилъ отдѣленіе моральныхъ и политическихъ наукъ подъ тѣмъ предлогомъ, что все это—одна „идеологія". Въ другихъ отдѣленіяхъ не позволялось затрогивать сколько-нибудь живые вопросы. Когда въ число членовъ Института попалъ аббатъ Мори, одинъ изъ наиболѣе реакціонныхъ дѣятелей учредительнаго собранія, привѣтственную рѣчь при его пріемѣ говорилъ Сикаръ, отозвавшійся въ ней очень неодобрительно о Мирабо. Наполеону не понравилось это упоминаніе о дѣятелѣ революціи, и онъ написалъ министру полиціи: „въ этомъ засѣданіи академіи есть вещи, которыя мнѣ не по душѣ. Въ область вѣдѣнія президента ученаго собранія не входитъ говорить о Мирабо. Если уже нужно было говорить о немъ, то онъ могъ бы распространиться только о его стилѣ, потому что лишь это одно его касается". Наполеонъ хотѣлъ, далѣе, чтобы академія создала такую критику, которая могла бы рекомендовать публикѣ авторовъ, достойныхъ вниманія: „разъ будетъ установлена правильная критика, писалъ Фуше, можно будетъ не дозволять ничего въ родѣ теперешней. Институтъ—великое средство въ рукахъ министра". Совершенно такъ же относился Наполеонъ и къ театральнымъ представленіямъ. Когда, напр., онъ узналъ, что на сценѣ хотятъ поставить пьесу, въ которой выведенъ Генрихъ IV, онъ написалъ Фуше: „я слышалъ, что хотятъ поставить пьесу о Генрихѣ IV. Его эпоха не такъ еще далека, чтобы не разбудить страстей. Сцена нуждается немного въ древности". Онъ признавался даже, что еслибы „Тартюфъ" Мольера появился въ его время, онъ не допустилъ бы его представленія на сценѣ. Вообще Наполеонъ относился подозрительно и къ литературѣ, и къ театру и покровительствовалъ главнымъ образомъ другимъ искусствамъ—архитектурѣ, живописи и музыкѣ, а въ научной области—естествознанію, представителей котораго награждалъ деньгами [1]), орденами, титулами и даже важными мѣстами

[1]) Были установлены между прочимъ „десятилѣтнія преміи" за лучшія произведенія науки, литературы, искусства.

на государственной службѣ. Развитіе искусствъ и наукъ, не касавшихся современности и политики, прославляло его царствованіе и должно было отвлекать умы отъ жгучихъ политическихъ и общественныхъ вопросовъ.

Особенно тяжелъ былъ наполеоновскій режимъ для періодической прессы, которая съ 1789 г. получила во Франціи значительное развитіе. Уже декретомъ 17 января 1800 г. первый консулъ опредѣлилъ списокъ политическихъ газетъ, которымъ дозволялось теперь выходить въ свѣтъ; такихъ газетъ въ спискѣ значилось только тринадцать, да и онѣ могли существовать лишь до первой враждебной новому правительству статьи. Издатели газетъ обязаны были представиться министру полиціи и дать обѣщаніе оставаться вѣрными конституціи, а потомъ съ нихъ было еще взято обязательство имѣть редакторами только лицъ, пріятныхъ правительству. Конституція XII года устанавливала особую сенаторскую коммиссію, обязанную охранять свободу прессы, но самъ же законъ, учреждавшій эту коммиссію, исключалъ изъ круга ея вѣдѣнія „всѣ сочиненія, печатающіяся и раздающіяся подписчикамъ въ опредѣленные сроки“. До 1810 г. пресса подчинялась вполнѣ усмотрѣнію начальства, и только послѣ десяти лѣтъ такого режима Наполеону пришло въ голову выработать опредѣленный законъ о печати, цѣлью котораго, однако, вовсе не было облегченіе ея положенія. Званіе журналиста было объявлено теперь равносильнымъ исполненію общественной должности (une fonction publique), а это, конечно, повлекло за собою изданіе декрета, регулировавшаго отправленіе этой должности. Въ сущности новымъ закономъ была возстановлена цензура въ томъ видѣ, въ какомъ она была до революціи, причемъ число типографій и книжныхъ магазиновъ было сокращено, а владѣльцы ихъ обязаны были запастись особыми патентами и принести присягу въ вѣрности. При дѣйствіи декрета 1810 г. пресса находилась въ полной зависимости отъ министра полиціи, который требовалъ къ себѣ на просмотръ отдѣльныя статьи, предназначенныя къ печати, присылалъ для помѣщенія свои замѣтки, назначалъ редакторовъ, получавшихъ отъ издателей жалованье и т. п. Образчикомъ того, при какихъ условіяхъ приходилось во Франціи издавать газету при Наполеонѣ, можетъ служить судьба „Journal des débats et des décrets“ [1]), основаннаго въ 1789 г. нѣсколькими депутатами. Въ самый годъ государственнаго переворота 18 брюмера газета эта была пріобрѣтена братьями Бертенами за двадцать тысячъ франковъ и переименована въ „Journal des débats et lois du pouvoir législatif et des actes du gouvernement“. Первый консулъ помѣстилъ ее въ число 13 газетъ,

---

[1]) *Nettement*. Histoire du „Journal des Débats“.

оставленныхъ въ покоѣ декретомъ 17 января 1800 г.; газета пошла очень хорошо при новомъ режимѣ, сократившемъ число ея конкурентовъ, тѣмъ болѣе, что ея тонъ, враждебный философіи XVIII в. и революціи, весьма нравился вліятельнымъ кругамъ общества, но министръ полиціи Фуше все-таки нѣсколько косился на направленіе газеты, довольно роялистическое и католическое. Послѣ принятія Наполеономъ императорскаго титула, газета должна была измѣнить свое прежнее названіе въ новое—„Journal de l'Empire“. Въ 1811 г. Наполеонъ приказалъ отнять ее у Бертеновъ, не заплативъ имъ ничего за ихъ право собственности на изданіе, дававшее въ годъ около 200 т. франковъ, и сдѣлано это было на томъ основаніи, что право собственности на газеты есть не что иное, какъ концессія, данная императоромъ, который можетъ взять концессію и обратно. Въ концѣ того же 1811 г. „Journal de l'Empire“ объявилъ, что съ октября слѣдующаго года въ Парижѣ будутъ имѣть право существовать лишь четыре ежедневныя газеты, „занимающіяся политическими новостями“. Былъ даже проектъ оставить лишь одну газету (Монитёръ). Въ департаментахъ и совсѣмъ уже не существовало независимой прессы, такъ какъ на каждый департаментъ полагалась только одна газета, да и та должна была издаваться подъ ближайшимъ надзоромъ префекта. Весьма естественно, что такая пресса утратила всякое вліяніе и не представляла никакого интереса, и уже въ эпоху консульства число подписчиковъ на парижскія газеты уменьшилось вдвое (съ 60 т. на 32 т.).

Періодическая пресса по мысли Наполеона должна была, какъ и всѣ остальныя проявленія умственной жизни, быть лишь орудіемъ его власти, средствомъ для достиженія его цѣлей. Своему пасынку, принцу Евгенію, вице-королю Италіи, онъ писалъ однажды: „оставьте прессѣ легкое подобіе свободы, чтобы можно было печатать противъ иностранныхъ государствъ статьи и сваливать отвѣтственность на свободу печати“. Министру полиціи онъ прямо давалъ совѣтъ сочинять статьи, которыя можно было бы помѣщать въ газетахъ въ видѣ, напр., корреспонденцій изъ-за границы. „Замѣтки о безсиліи Россіи, писалъ онъ, которыя вы мнѣ передали, составлены очень умнымъ человѣкомъ. Напечатайте ихъ гдѣ-нибудь въ видѣ перевода изъ какого-либо англійскаго журнала; выберите только такой, названіе котораго мало извѣстно“. Въ другой разъ онъ писалъ: „напечатайте въ газетахъ нѣсколько писемъ какъ бы изъ Петербурга, что французовъ тамъ хорошо принимаютъ, что дворъ и городъ видятъ необходимость сближенія“. Если редакторы газетъ дѣлали намеки на дурное положеніе дѣлъ или если не хотѣли помѣщать ложныхъ извѣстій, то имъ грозила строгая отвѣтственность. Однажды Наполеонъ прямо написалъ Фуше: „скажите редакторамъ, что я судить ихъ буду не за то дур-

ное, что̀ они будутъ говорить, а за умолчаніе о хорошемъ. Когда они станутъ представлять Францію наканунѣ паденія, я заключу изъ этого, что они не французы и недостойны писать въ мое царствованіе. Пусть они не оправдываются, что таковы ихъ извѣстія. Такъ какъ имъ приходится печатать ложныя новости, то почему они не пишутъ ихъ къ выгодѣ общественнаго спокойствія?“ Понятно, что при такомъ состояніи прессы ей оставалось только наполнять свои столбцы оффиціальными извѣстіями о военныхъ тріумфахъ или о придворныхъ торжествахъ, балахъ и т. п. Но даже и это не нравилось Наполеону. „Газеты, писалъ онъ однажды, преувеличиваютъ роскошь и расходы двора, что̀ заставляетъ публику дѣлать смѣшные и безумные расчеты. Дайте понять редакторамъ „Journal des débats“ и „Публициста“, что не далеко время, когда я, замѣтивъ ихъ безполезность, уничтожу ихъ вмѣстѣ съ другими и оставлю существовать только одну газету“.

Положеніе авторовъ и издателей книгъ и брошюръ въ началѣ консульства было нѣсколько лучшимъ, чѣмъ положеніе журналистовъ, но уже въ 1803 г. при министерствѣ полиціи была организована, „въ цѣляхъ огражденія свободы печати“, особая коммиссія, въ которую слѣдовало представлять на просмотръ всѣ книги и брошюры для полученія позволенія ихъ распространять путемъ продажи. Упомянутый законъ 1810 г. тоже касался вообще всего печатнаго дѣла. Онъ создавалъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особую „общую дирекцію типографій и книготорговли“, ограничивалъ число и размѣры типографій въ Парижѣ и департаментахъ (дабы за недостаткомъ работы типографіи не печатали опасныхъ сочиненій), обязывалъ содержателей типографій извѣщать префекта о каждой печатающейся книгѣ, съ тѣмъ, чтобы префектъ извѣщалъ объ этомъ министра полиціи, и т. п. Не вводя обязательно предварительной цензуры, законъ 1810 г. ставилъ въ зависимость отъ начальника „общей дирекціи“ рѣшеніе вопроса, должна ли печатаемая книга быть предварительно просмотрѣна, но въ видѣ „гарантіи для авторо̀въ и содержателей типографій“ и имъ позволялось, буде пожелаютъ, отдавать книги на предварительную цензуру. Далѣе, на продажу книги или брошюры слѣдовало брать особое разрѣшеніе, которымъ, однако, не обезпечивалось свободное обращеніе изданія, если бы впослѣдствіи министръ полиціи нашелъ основаніе изъять его изъ продажи. Извѣстно, какой участи подверглась книга г-жи Сталь „О Германіи“: разрѣшенное предварительной цензурой, это сочиненіе было конфисковано по приказанію министра полиціи и предано сожженію вмѣстѣ съ рукописью и лишь потому, что авторомъ было лицо, непріятное Наполеону.

Полнѣйшимъ произволомъ отличалось и вмѣшательство Напо-

леона и въ экономическую жизнь страны. Промышленностью и торговлею онъ хотѣлъ управлять нерѣдко по чисто мимолетнымъ фантазіямъ. Напр., онъ самъ указывалъ, какіе торговые дома должны были вывозить такіе-то товары и притомъ въ какія именно страны и что должно было ввозиться во Францію этими домами. Нерѣдко онъ запрещалъ то, что ранѣе предписывалъ, и наоборотъ. Купцы имѣли не мало основаній жаловаться на мѣры Наполеона, наносившія ущербъ ихъ интересамъ безъ всякой для кого бы то ни было выгоды. Мы еще увидимъ, къ какимъ серьезнымъ разстройствамъ въ экономической жизни страны привела знаменитая континентальная система (blocus continental) Наполеона. Правда, представители крупной промышленности выиграли отъ его запретительной системы, но въ общемъ его мѣропріятія не могли особенно содѣйствовать экономическому благосостоянію Франціи. И на это послѣднее онъ смотрѣлъ притомъ главнымъ образомъ съ односторонне политической точки зрѣнія. Напр., его тревожила возможность безработицы только потому, что въ такія минуты „рабочіе легко поддаются интриганамъ", возстанія же голоднаго народа казались ему болѣе страшными, чѣмъ внѣшнія войны или чисто политическія смуты. Съ точки зрѣнія полицейской опасности онъ возставалъ и противъ мысли о возвращеніи промышленности къ цеховому быту, создававшему организованные союзы рабочихъ.

Такова была внутренняя политика консульства и имперіи. Многими сторонами своими эта политика, можно сказать, сближается съ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ второй половины XVIII вѣка. Всемогущая государственность, воплощенная въ сильной правительственной власти, бюрократическая централизація, убивающая мѣстную свободу, полицейская регламентація, охватывающая всю жизнь отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго общества, и рядомъ съ этимъ политика, направленная противъ старыхъ силъ католицизма и феодализма во имя естественнаго права, которое противопоставляется праву историческому, политика, стремящаяся сдѣлать изъ церкви государственное учрежденіе, а изъ священника—государственнаго чиновника и ставящая своею цѣлью нивеллировать общественные классы передъ лицомъ государственной власти, атомизировать общество въ отдѣльныя личности, одна съ другою ничѣмъ не связанныя, и устранить общество отъ завѣдованія собственными своими дѣлами: вотъ общія черты просвѣщеннаго абсолютизма и наполеоновскаго режима. У просвѣщеннаго абсолютизма и французской революціи, какъ извѣстно, тоже есть общія черты, и поскольку Наполеонъ былъ продолжателемъ революціи въ ея антиклерикальныхъ и антифеодальныхъ стремленіяхъ, онъ осуществилъ революціонную сторону просвѣщеннаго абсолютизма во Франціи и распространялъ принципы революціи въ другихъ странахъ. По личному

своему характеру, по своему взгляду на государство, по своему презрѣнію къ людямъ онъ былъ какъ бы нарочно созданъ для роли великаго деспота, и въ общемъ и цѣломъ то, что онъ осуществилъ въ области законодательства, администраціи, суда, церковныхъ отношеній, организаціи народнаго образованія,—все это вѣдь и было, собственно говоря, цѣлью стремленій просвѣщенныхъ деспотовъ XVIII вѣка, предметомъ ихъ попытокъ и начинаній, не всегда удачныхъ и во всякомъ случаѣ гораздо менѣе успѣшныхъ, чѣмъ преобразованія Наполеона, такъ какъ многія его учрежденія пережили не одинъ политическій режимъ во Франціи XIX в. Одно только безсословное гражданство, о которомъ и не думали представители просвѣщеннаго абсолютизма, но которое окрѣпло во Франціи подъ охраною Наполеона, не было въ новой Франціи дѣломъ консульства и имперіи. Наполеонъ принялъ его, какъ готовый результатъ революціи, но съ своей стороны и самъ онъ не мало содѣйствовалъ распространенію гражданскаго равенства и въ другихъ странахъ Западной Европы.

Мы и перейдемъ теперь къ исторіи другихъ западно-европейскихъ странъ въ эпоху консульства и имперіи, въ эпоху когда Франція диктовала свою волю народамъ Европы, передѣлывала ея политическую карту и вводила въ отдѣльныхъ ея странахъ новые порядки, родственные тѣмъ, которые созданы были въ самой Франціи революціей и Наполеономъ.

VIII. Господство Франціи въ Европѣ при Наполеонѣ I [1]).

Общій взглядъ на значеніе консульства и имперіи въ исторіи международныхъ отношеній. — Причины наполеоновскихъ войнъ и успѣховъ Франціи. — Внѣшнее положеніе Франціи въ 1799 г. и побѣды Наполеона въ 1800 г.—Европа въ эпоху люневильскаго и амьенскаго мира. — Возобновленіе войны съ Англіей и образованіе новой коалиціи противъ Франціи.—Пресбургскій миръ и его результаты.—Распаденіе Священной Римской имперіи и образованіе Рейнскаго союза.—Пораженіе Пруссіи и тильзитскій миръ.—Континентальная система и стѣсненное положеніе нейтральныхъ государствъ. — Испанскія дѣла.—Эрфуртское свиданіе.—Австрійская война 1809 г.—Французская имперія на высотѣ могущества и «начало конца».—Деспотизмъ Наполеона въ Европѣ.

18 брюмера было важнымъ днемъ не только въ исторіи Франціи, но и въ исторіи всей Европы. Установленіе консульства, пре-

[1]) Литература по военной и дипломатической исторіи эпохи весьма обширна. См. указанія выше въ главахъ II, IV и V, а кромѣ того: *A. Lefèbvre.* Histoire des cabinets de l'Europe pendant le consulat et l'empire. 1845.—*Gaffarel.* Campagnes du consulat et de l'empire. 1890.—*Aegidi.* Der Fürstenrath nach dem Luneviller Frieden. 1853.—*Boethling.* Der Rastatter Gesandtenmord vor dem Karlsrüher Schöf-

вратившагося черезъ четыре года въ имперію, отдало неограниченную власть надъ Франціей, бывшею съ 1792 г. въ войнѣ съ европейскими державами, присоединившею къ своей территоріи пограничныя области, основывавшею новыя республики и уже заключавшею договоры съ иностранными правительствами въ цѣляхъ дѣлежа добычи,—въ руки человѣка, который отличался при страшномъ властолюбіи и честолюбіи и геніальными способностями полководца, ставящими его имя наравнѣ съ именами Александра Македонскаго, Ганнибала, Юлія Цезаря, и непреоборимою страстью къ войнѣ, сдѣлавшейся какъ бы единственнымъ настоящимъ его призваніемъ. И эта власть надъ обновленной и преобразованной Франціей, успѣшно выступившей на путь завоевательной политики и дипломатическихъ союзовъ съ цѣлью новыхъ пріобрѣтеній, досталась человѣку, который умѣлъ обѣщаніями и угрозами заставлять другихъ служить своимъ интересамъ, какъ разъ въ такое время, когда старая Европа находилась въ полной дезорганизаціи, когда отдѣльныя правительства

---

fengerichte. 1895.—*A. Kleinschmidt*. Die Saecularisation von 1803. 1878.—*Ompteda*. Die Ueberwältigung Hannovers durch die Franzosen. 1862.—*A. Beer*. Zehn Jahren österreichischer Politik (1801 — 1810). 1877. — *Usinger*. Napoléon, der Rheinische und der Nordische Bund. 1845. — *Von Beaulieu-Marconnay*. Karl von Dalberg und seine Zeit. 1879.—*K. Beck*. Zur Verfassungsgeschichte des Rheinbunds. 1890.—*P. Hassel*. Geschichte der preussischen Politik (1807—1815). 1881.—*Höpfner*. Der Krieg von 1806—1807. 1850. — *Oncken*. Oesterreich und Preussen im Befreiungskriege. 1876—1879.—*Clausewitz*. Nachrichten über Preussen in seiner grossen Katastrophe. 1888.—*K. Goecke*. Das Grossherzogthum Berg. 1877.—*Goecke und Ilgen*. Das Königreich Westfalen. 1888. — *Sauerhering*. Die Entstehung des Friedens zu Schönbrunn im Jahre 1809. 1890.—*Du Casse*. Les rois frères de Napoléon I. 1883.—*Jorissen*. Napoléon et le roi Louis. 1868.—*Rocquain*. Napoléon I et le roi Louis. 1875.—*A. Rambaud*. L'Allemagne sous Napoléon I.—*Ernouf*. Les Français en Prusse.—*Lavallée*. Les frontières de la France. — *Pisani*. La Dalmatie de 1797 à 1815. Épisode des conquêtes napoléoniennes. 1893.—*Balau*. La Belgique sous l'empire et la défaite de Waterloo. 1894.—*De Lanzac de Laborie*. La domination française en Belgique. 1895. — Въ соч. *Dejob*. M-me Staël et l'Italie есть библіографія о французскомъ вліяніи въ Италіи съ 1796 по 1814 г.—См. также XV томъ „Etudes sur l'histoire de l'humanité" *Laurent'а* (L'Empire).—Отмѣтимъ и литературу о взаимныхъ отношеніяхъ между Франціей и Россіей въ эпоху консульства и имперіи: *Богдановичъ*. Исторія Александра I.—*Соловьевъ*. Александръ I. 1878. — *Надлеръ*. Александръ I и идея Священнаго Союза. — *Шильдеръ*. Александръ I.—*Vandal*. Napoléon et Alexandre I. L'alliance russe sous le premier Empire. — *Tatistscheff*. Alexandre I et Napoléon d'après leur correspondance inédite. Недавно Императорское Русское Историческое Общество предприняло изданіе документовъ въ своемъ „Сборникѣ" (съ семидесятаго тома) подъ заглавіемъ „Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I" (съ введеніемъ и примѣчаніями редактора, профессора *А. Трачевскаго*). Ср. тамъ же (томъ 89) „Посольство гр. П. А. Толстого въ Парижѣ въ 1807 и 1808 гг." (съ введеніемъ и примѣч. редактора *Н. К. Шильдера*) и друг.

оказывались совершенно неспособными къ солидарному дѣйствію и ради частныхъ своихъ выгодъ были готовы всегда измѣнить общему дѣлу, когда народы считались ни во что и правительства полагались на однѣ военныя силы, не подозрѣвая, какую силу таили въ себѣ народныя массы, и когда, наконецъ, повсюду царили обветшалые порядки—и въ администраціи, и въ финансахъ, и въ войскѣ, при первомъ же серьезномъ столкновеніи доказывавшіе свою негодность. Это-то внутреннее разложеніе Европы „стараго порядка" только и могло создать почву для того господствующаго положенія, какое заняла Франція на континентѣ при Наполеонѣ I.

Не входя въ подробности дипломатической и военной исторіи, мы дадимъ въ настоящей главѣ очеркъ внѣшней политики консульства и имперіи, безъ котораго нельзя понять и общаго значенія, какое въ исторіи Западной Европы имѣла эта эпоха, бывшая для нея во многихъ отношеніяхъ лишь продолженіемъ революціонной пропаганды предыдущаго періода. Въ лицѣ Наполеона, дѣлившаго съ союзниками Франціи цѣлыя государства и власть надъ міромъ, монархическая Европа какъ бы признала силу революціи: походъ, начатый противъ революціи во имя принципа, позорнѣйшимъ образомъ окончился рядомъ союзовъ, которые стали заключаться между отдѣльными правительствами и новымъ властелиномъ Франціи, потому что онъ умѣлъ привязывать къ себѣ эти правительства, давая имъ тѣ или другія доли въ дѣлежѣ завоеванныхъ странъ.

Эпоха консульства и имперіи была временемъ почти безпрерывной войны, въ которой Наполеонъ имѣлъ то противъ себя, то на своей сторонѣ отдѣльныя государства Европы. Онъ унаслѣдовалъ эту войну отъ революціи, но у него были и свои побужденія ее продолжать. Война была его стихіей, побѣды и выгодные союзы съ завоевательными цѣлями дѣлали его владыкой европейскаго материка, и передъ его воображеніемъ носилась идея „всемірной монархіи" подъ главенствомъ Франціи. Недаромъ Наполеонъ считалъ себя законнымъ наслѣдникомъ „западнаго императора" Карла Великаго и въ своихъ планахъ далеко оставлялъ за собою болѣе близкихъ къ нему по времени представителей „всемірной монархіи", Карла V и Людовика XIV. Еще до захвата власти надъ Франціей 18 брюмера, въ качествѣ главнокомандующаго итальянской арміей Наполеонъ уже началъ передѣлку политической карты Европы, а во время своей экспедиціи въ Египетъ и Сирію строилъ грандіозные планы и относительно Востока. Едва сдѣлавшись первымъ консуломъ, онъ уже мечталъ въ союзѣ съ русскимъ императоромъ выбить англичанъ изъ позиціи, которую они заняли въ Индіи, да и русскій походъ 1812 г. въ случаѣ удачи долженъ былъ привести къ соединенію подъ гегемоніей Франціи всѣхъ

европейскихъ силъ съ тою же цѣлью. Наполеону удалось поочередно побѣдить всѣ главныя государства материка и вовлечь ихъ правительства одно за другимъ въ осуществленіе своихъ плановъ, и одна только Англія, сдѣлавшаяся къ этому времени владычицей морей, не могла быть имъ побѣждена и не хотѣла вступать съ нимъ въ сдѣлки, поддерживая вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ, гдѣ только было можно, сопротивленіе противъ Франціи. Правда, въ началѣ своего правленія Наполеонъ заключилъ миръ съ Англіей, но этотъ миръ не могъ быть продолжительнымъ, такъ какъ лондонское правительство не хотѣло оставить безъ отпора самовольные поступки, захваты и правонарушенія Наполеона, а онъ, съ своей стороны, не могъ примириться съ тѣмъ, что свобода печати, существовавшая въ Англіи, дозволяла французскимъ эмигрантамъ роялистическаго и республиканскаго лагерей, жившимъ въ этой странѣ, издавать тамъ свои сочиненія, направленныя какъ лично противъ него самого, такъ и противъ установленнаго имъ во Франціи порядка вещей. Война съ Англіей сдѣлалась поэтому главнымъ дѣломъ внѣшней политики консульства и имперіи: задачею, какую поставилъ себѣ Наполеонъ, было, какъ выразился онъ самъ, „побѣдить Англію, побивая Европу“ (vaincre l'Angleterre en battant l'Europe). Война съ Англіей заставила его придумать и континентальную систему, посредствомъ которой англійскіе товары исключались изъ европейскихъ рынковъ, и эта система была однимъ изъ наиболѣе важныхъ факторовъ его внѣшней политики. На этой же почвѣ возникали и разныя другія осложненія въ исторіи международныхъ отношеній эпохи. Между прочимъ, далѣе, Англія поддерживала Бурбоновъ, а въ нихъ Наполеонъ не безъ основанія видѣлъ самыхъ опасныхъ враговъ своей власти во Франціи. Можно сказать, что и вообще ненависть къ представителямъ этой династіи, въ началѣ правленія Наполеона царствовавшей еще въ Неаполѣ и Испаніи, также руководила имъ во многихъ случаяхъ его внѣшней политики. Онъ предалъ казни герцога Ангьенскаго; онъ сдѣлалъ невозможнымъ пребываніе на континентѣ для братьевъ Людовика XVI, одного изъ которыхъ французскіе роялисты упорно называли королемъ Людовикомъ XVIII; наконецъ, онъ отнялъ троны у неаполитанскихъ и испанскихъ Бурбоновъ. При всемъ этомъ Наполеонъ умѣлъ пользоваться страхомъ, какой наводили его побѣды на другія государства, и ихъ взаимнымъ недовѣріемъ и соперничествомъ, привлекая ихъ къ союзу съ Франціей, вознаграждая ихъ за этотъ союзъ территоріальными прирѣзками изъ владѣній побѣжденныхъ враговъ, открывая передъ ними широкія перспективы въ будущемъ и дѣлая такимъ образомъ изъ Франціи державу, которая какъ бы одна рѣшала судьбы всей Европы. Принимая на себя въ концѣ 1799 г. власть, онъ

засталъ Францію изолированною, хотя бы составившаяся противъ нея коалиція и оказалась не особенно прочною, а черезъ десять лѣтъ, наоборотъ, уже весь континентъ Европы былъ или во власти Франціи, или въ союзѣ съ нею. Такого успѣха Франція не могла достигнуть посредствомъ одной войны: тутъ дѣйствовала и дипломатія, подмѣтившая и эксплуатировавшая слабую сторону международныхъ отношеній—желаніе каждаго государства поживиться на чужой счетъ; взаимное недовѣріе и соперничество, вытекавшія отсюда, и циническое поклоненіе внѣшнему успѣху. Всѣ главные факты международной политики въ эту эпоху, дѣйствительно, подтверждаютъ такую точку зрѣнія на причины французскаго владычества въ Европѣ.

Извѣстные уже намъ успѣхи французскаго оружія и революціонной пропаганды временъ директоріи заставили монархическія правительства остальной Европы снова сплотиться для борьбы съ Франціей. 1799 годъ былъ для Франціи несчастливъ. Въ Германіи ея войска были вынуждены отступить за Рейнъ, а французскіе посланники, руководившіе раштатскими совѣщаніями о заключеніи мира республики съ Священной Римской имперіей, при своемъ отъѣздѣ домой были умерщвлены австрійскими гусарами [1]). Въ Италіи тоже были потеряны всѣ плоды прежнихъ побѣдъ: русскія войска подъ начальствомъ Суворова въ соединеніи съ австрійцами завоевали Цизальпинскую республику, которая немедленно послѣ этого распалась, и всѣ „патріоты" должны были спасаться бѣгствомъ; въ Партенопейской республикѣ, оставленной французами, также совершилась монархическая реставрація, сопровождавшаяся жестокостями и казнями всѣхъ сторонниковъ революціи, которымъ не удалось спастись бѣгствомъ отъ антиреспубликанскаго террора; Римская республика пала равнымъ образомъ. Только въ Швейцаріи дѣла французовъ шли лучше, и соединенному австро-русскому войску не удалось вытѣснить отсюда революціонную армію. Раздоры, возникшіе между союзниками, между русскими и австрійцами въ Италіи и Швейцаріи и между русскими и англичанами въ Голландіи, гдѣ французы также имѣли частный успѣхъ, повлекли за собою выходъ изъ коалиціи императора Павла I. Русскій государь даже сталъ сближаться съ Франціей послѣ того, какъ въ ней „безначаліе замѣнилось консульствомъ", и первый консулъ отпустилъ на родину безъ выкупа—заново одѣтыхъ и вооруженныхъ русскихъ плѣнныхъ.

Едва Наполеонъ принялъ въ свои руки правленіе, какъ обратился съ письмами къ англійскому королю и къ римскому импера-

---

[1]) Объ этомъ см. сочиненія *Mendelsohn-Bartholdy* (1869), *Reichlin-Meldegg* (1869), *Helfert* (1874), *Sybel*, а также названный выше трудъ *Boethling'a*.

европейскихъ силъ съ тою же цѣлью. Наполеону удалось поочередно побѣдить всѣ главныя государства материка и вовлечь ихъ правительства одно за другимъ въ осуществленіе своихъ плановъ, и одна только Англія, сдѣлавшаяся къ этому времени владычицей морей, не могла быть имъ побѣждена и не хотѣла вступать съ нимъ въ сдѣлки, поддерживая вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ, гдѣ только было можно, сопротивленіе противъ Франціи. Правда, въ началѣ своего правленія Наполеонъ заключилъ миръ съ Англіей, но этотъ миръ не могъ быть продолжительнымъ, такъ какъ лондонское правительство не хотѣло оставить безъ отпора самовольные поступки, захваты и правонарушенія Наполеона, а онъ, съ своей стороны, не могъ примириться съ тѣмъ, что свобода печати, существовавшая въ Англіи, дозволяла французскимъ эмигрантамъ роялистическаго и республиканскаго лагерей, жившимъ въ этой странѣ, издавать тамъ свои сочиненія, направленныя какъ лично противъ него самого, такъ и противъ установленнаго имъ во Франціи порядка вещей. Война съ Англіей сдѣлалась поэтому главнымъ дѣломъ внѣшней политики консульства и имперіи: задачею, какую поставилъ себѣ Наполеонъ, было, какъ выразился онъ самъ, „побѣдить Англію, побивая Европу“ (vaincre l'Angleterre en battant l'Europe). Война съ Англіей заставила его придумать и континентальную систему, посредствомъ которой англійскіе товары исключались изъ европейскихъ рынковъ, и эта система была однимъ изъ наиболѣе важныхъ факторовъ его внѣшней политики. На этой же почвѣ возникали и разныя другія осложненія въ исторіи международныхъ отношеній эпохи. Между прочимъ, далѣе, Англія поддерживала Бурбоновъ, а въ нихъ Наполеонъ не безъ основанія видѣлъ самыхъ опасныхъ враговъ своей власти во Франціи. Можно сказать, что и вообще ненависть къ представителямъ этой династіи, въ началѣ правленія Наполеона царствовавшей еще въ Неаполѣ и Испаніи, также руководила имъ во многихъ случаяхъ его внѣшней политики. Онъ предалъ казни герцога Ангьенскаго; онъ сдѣлалъ невозможнымъ пребываніе на континентѣ для братьевъ Людовика XVI, одного изъ которыхъ французскіе роялисты упорно называли королемъ Людовикомъ XVIII; наконецъ, онъ отнялъ троны у неаполитанскихъ и испанскихъ Бурбоновъ. При всемъ этомъ Наполеонъ умѣлъ пользоваться страхомъ, какой наводили его побѣды на другія государства, и ихъ взаимнымъ недовѣріемъ и соперничествомъ, привлекая ихъ къ союзу съ Франціей, вознаграждая ихъ за этотъ союзъ территоріальными прирѣзками изъ владѣній побѣжденныхъ враговъ, открывая передъ ними широкія перспективы въ будущемъ и дѣлая такимъ образомъ изъ Франціи державу, которая какъ бы одна рѣшала судьбы всей Европы. Принимая на себя въ концѣ 1799 г. власть, онъ

засталъ Францію изолированною, хотя бы составившаяся противъ нея коалиція и оказалась не особенно прочною, а черезъ десять лѣтъ, наоборотъ, уже весь континентъ Европы былъ или во власти Франціи, или въ союзѣ съ нею. Такого успѣха Франція не могла достигнуть посредствомъ одной войны: тутъ дѣйствовала и дипломатія, подмѣтившая и эксплуатировавшая слабую сторону международныхъ отношеній—желаніе каждаго государства поживиться на чужой счетъ; взаимное недовѣріе и соперничество, вытекавшія отсюда, и циническое поклоненіе внѣшнему успѣху. Всѣ главные факты международной политики въ эту эпоху, дѣйствительно, подтверждаютъ такую точку зрѣнія на причины французскаго владычества въ Европѣ.

Извѣстные уже намъ успѣхи французскаго оружія и революціонной пропаганды временъ директоріи заставили монархическія правительства остальной Европы снова сплотиться для борьбы съ Франціей. 1799 годъ былъ для Франціи несчастливъ. Въ Германіи ея войска были вынуждены отступить за Рейнъ, а французскіе посланники, руководившіе раштатскими совѣщаніями о заключеніи мира республики съ Священной Римской имперіей, при своемъ отъѣздѣ домой были умерщвлены австрійскими гусарами [1]). Въ Италіи тоже были потеряны всѣ плоды прежнихъ побѣдъ: русскія войска подъ начальствомъ Суворова въ соединеніи съ австрійцами завоевали Цизальпинскую республику, которая немедленно послѣ этого распалась, и всѣ „патріоты“ должны были спасаться бѣгствомъ; въ Партенопейской республикѣ, оставленной французами, также совершилась монархическая реставрація, сопровождавшаяся жестокостями и казнями всѣхъ сторонниковъ революціи, которымъ не удалось спастись бѣгствомъ отъ антиреспубликанскаго террора; Римская республика пала равнымъ образомъ. Только въ Швейцаріи дѣла французовъ шли лучше, и соединенному австро-русскому войску не удалось вытѣснить отсюда революціонную армію. Раздоры, возникшіе между союзниками, между русскими и австрійцами въ Италіи и Швейцаріи и между русскими и англичанами въ Голландіи, гдѣ французы также имѣли частный успѣхъ, повлекли за собою выходъ изъ коалиціи императора Павла I. Русскій государь даже сталъ сближаться съ Франціей послѣ того, какъ въ ней „безначаліе замѣнилось консульствомъ“, и первый консулъ отпустилъ на родину безъ выкупа—заново одѣтыхъ и вооруженныхъ русскихъ плѣнныхъ.

Едва Наполеонъ принялъ въ свои руки правленіе, какъ обратился съ письмами къ англійскому королю и къ римскому импера-

[1]) Объ этомъ см. сочиненія *Mendelsohn-Bartholdy* (1869), *Reichlin-Meldegg* (1869), *Helfert* (1874), *Sybel*, а также названный выше трудъ *Boethling'a*.

тору, приглашая ихъ прекратить борьбу; но отвѣты на эти письма получены были такіе, что война не могла прекратиться: оба государя требовали у Франціи возстановленія Бурбоновъ и возвращенія къ прежнимъ границамъ. Тогда весною 1800 г. Франція начала новое завоеваніе Италіи, и во главѣ арміи, вторгшейся въ нее чрезъ Швейцарію, стоялъ самъ первый консулъ. Побѣда при Маренго (14 іюня) возвратила французамъ Ломбардію, заставивъ Австрію на этомъ условіи заключить на другой же день послѣ побѣды перемиріе въ Александріи. Другая французская армія вторглась въ Швабію и Баварію и послѣ нѣсколькихъ побѣдъ принудила Австрію согласиться на перемиріе въ Парсдорфѣ (15 іюля), отдававшее въ руки французовъ всю южную Германію. Такъ какъ Австрія отказалась, однако, заключить миръ, то война возобновилась, и французы перешли въ наступленіе и послѣ побѣды при Гогенлинденѣ (3 декабря) уже не имѣли серьезныхъ препятствій къ тому, чтобы сдѣлать нападеніе на самую Вѣну. Тогда Австрія вынуждена была на миръ въ Люневилѣ (9 февраля 1801), подтверждавшій кампо-формійскія условія. Границами Франціи были признаны Рейнъ и Эчъ. Ломбардія, снова отторгнутая отъ Австріи, превратилась въ Италійскую республику. Имперскіе чины, терявшіе на лѣвомъ берегу Рейна земли, должны были получить вознагражденіе изъ секуляризованныхъ церковныхъ владѣній и упраздненныхъ имперскихъ городовъ, и завѣдованіе приведеніемъ въ исполненіе этого постановленія возложено было на „имперскую депутацію", т.-е. на особую коммиссію, которую должны были выбрать римскій императоръ и имперскіе чины.

Люневильскій миръ открывалъ Наполеону возможность распоряжаться по-своему въ значительныхъ частяхъ Италіи и Германіи, что̀ возвращало положеніе Франціи ко временамъ кампо-формійскаго договора. Первый консулъ Французской республики сдѣлался, въ силу избранія созванными въ Ліонъ представителями республики Италійской, президентомъ и этой послѣдней съ весьма широкою властью при чисто декоративной конституціи и получилъ право распоряжаться ея войскомъ. Одновременно съ этимъ были произведены въ Италіи и другія перемѣны: герцогъ моденскій получилъ приращеніе своихъ владѣній; великій герцогъ тосканскій, принадлежавшій къ фамиліи Габсбурговъ, за отказъ отъ своего владѣнія пріобрѣлъ архіепископство Зальцбургское съ нѣкоторыми другими землями, а Тоскана съ титуломъ королевства Этруріи была отдана пармскому герцогу изъ испанской вѣтви Бурбоновъ. Въ Германіи произведено было еще больше перемѣнъ такъ называемымъ рѣшеніемъ имперской депутаціи (Reichsdeputationshauptschluss) 28 февраля 1803 г. Болѣе всѣхъ выигравшими въ дѣлежѣ секуляризованныхъ земель оказались князья, кото-

рые дѣйствовали угодливостью передъ первымъ консуломъ и подкупомъ нужныхъ лицъ въ Парижѣ. Въ это время, можно сказать, въ столицѣ Франціи открылся настоящій торгъ нѣмецкими епископствами, аббатствами и вольными городами, служившими для вознагражденія князей за уступленную ими Франціи территорію въ тысячу слишкомъ квадратныхъ миль съ населеніемъ почти въ три съ половиною милліона душъ. Французское правительство очень ловко поддерживало взаимное недовѣріе нѣмецкихъ государей и, пользуясь ихъ рознью, старалось заключать съ ними отдѣльные договоры. Пруссія и Баварія поспѣшили занять присужденныя имъ территоріи даже ранѣе, чѣмъ имперскій сеймъ утвердилъ рѣшеніе имперской депутаціи. Оба эти государства получили значительныя приращенія, особенно же выиграла Баварія, заключившая съ Франціей тѣсный союзъ. Увеличены были— и притомъ больше, чѣмъ всѣ другія княжества,—владѣнія маркграфа баденскаго, возведеннаго вмѣстѣ съ тѣмъ въ санъ курфюрста. Далѣе, были вознаграждены за потери и пріобрѣли большія приращенія къ своимъ прежнимъ владѣніямъ Вюртембергъ, Гессенъ-Кассель (оба сдѣланные курфюршествами), Гессенъ-Дармштадтъ, Нассау, Ганноверъ и др. княжества. Все это было произведено на счетъ болѣе мелкихъ владѣній, наиболѣе же пострадавшими оказались именно духовныя владѣнія и имперскіе города. Изъ первыхъ уцѣлѣло еще, хотя и сильно обрѣзанное, архіепископство Майнцское, а курфюршества Кёльнское и Трирское совсѣмъ упразднились вмѣстѣ со всѣми остальными духовными княжествами; изъ полусотни имперскихъ городовъ оставлены были въ прежнемъ состояніи лишь шесть, а именно: Гамбургъ, Бременъ, Любекъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Нюрнбергъ и Аугсбургъ. Число нѣмецкихъ княжествъ, благодаря этому, сильно сокращалось, и одновременно съ новымъ перераспредѣленіемъ территорій стали вводиться во многихъ изъ нихъ и новые внутренніе порядки, на которыхъ также сказывалось французское вліяніе. Успѣхъ французскаго вмѣшательства въ дѣла Германіи объясняется между прочимъ и перемѣною въ отношеніяхъ между Франціей и Россіей, заключившихъ формальный миръ въ первый же годъ царствованія Александра I.

Новая коалиція противъ Франціи, съ такимъ успѣхомъ дѣйствовавшая въ 1799 г., распалась подобно предыдущимъ. Кромѣ нѣмецкихъ державъ и Россіи, съ Франціей примирились въ это время и оба пиренейскія государства, Испанія и Португалія. Въ борьбѣ съ республикой оставалась одна Англія. Еще Павелъ I для противодѣйствія ея преобладанію на моряхъ возобновилъ въ союзѣ съ Пруссіей, Швеціей и Даніей вооруженный нейтралитетъ своей матери, и это привело къ войнѣ англичанъ съ датчанами, занявшей англійскій

флотъ въ то время, какъ французы снаряжали для борьбы съ Англіей новые военные корабли. Наконецъ и Англія пошла на уступки и заключила миръ съ Франціей въ Амьенѣ (1802 г.). Этотъ миръ вскорѣ, однако, былъ нарушенъ, между прочимъ, въ виду того, что первый консулъ, не довольствуясь властью президента Италійской республики, утвердилъ свое владычество въ формѣ протектората и надъ республикой Батавской и надъ Швейцаріей (въ дѣла которой Наполеонъ вмѣшался, чтобы своимъ „медіаціоннымъ актомъ" возстановить независимость кантоновъ подъ общимъ своимъ протекторатомъ). Особенно было непріятно для Англіи подчиненіе французамъ Батавской республики, прямо грозившее англійскимъ интересамъ.

Мы уже видѣли, что заключеніе амьенскаго мира послужило поводомъ для продленія консульскихъ полномочій Наполеона на всю жизнь. Въ промежутокъ времени между провозглашеніемъ пожизненнаго консульства и принятіемъ Наполеономъ императорскаго титула война Франціи и Англіи, прерванная лишь на очень короткое время амьенскимъ миромъ, возобновилась съ новою силою. Въ маѣ 1803 г. первый консулъ двинулъ французскую армію къ Везеру, чтобы захватить принадлежавшій англійскому королю Ганноверъ, и въ іюнѣ это курфюршество было уже во власти Наполеона, благодаря позорной трусости мѣстнаго правленія: оно поспѣшило заключить съ первымъ консуломъ договоръ, въ силу котораго французская армія могла занять всю страну до Эльбы, а ганноверское войско должно было быть распущено. Убіеніе герцога Ангьенскаго, предшествовавшее принятію Наполеономъ императорской короны, и самовольные поступки новаго императора въ Италіи, Германіи, Испаніи и Голландіи сильно встревожили другія державы. Италійская республика была превращена въ королевство, а королемъ его собранные въ Парижѣ народные представители провозгласили Наполеона, который вскорѣ и короновался (въ мартѣ 1805 г.) въ Миланѣ желѣзною короною. Въ Германіи на переговоры о вознагражденіяхъ Наполеонъ не допустилъ русскихъ дипломатовъ и, проѣзжая послѣ принятія императорскаго титула черезъ Ахенъ, Кёльнъ и Майнцъ, велъ себя, какъ властелинъ всего прирейнскаго края. Испанію въ то же время онъ обязалъ особымъ договоромъ помогать Франціи и флотомъ, и деньгами. Наконецъ, въ Голландіи своими интригами и угрозами онъ одновременно съ этимъ подготовлялъ введеніе монархіи для одного изъ своихъ братьевъ. Къ Англіи, отвѣчавшей новымъ отказомъ на приглашеніе заключить миръ, сдѣланное ей Наполеономъ послѣ принятія императорскаго титула, примкнула для обузданія его честолюбія прежде всего Россія, а ея примѣру послѣдовали Австрія, Швеція и Неаполь, причемъ Англія должна была выплачивать своимъ союзникамъ денежныя субсидіи.

Новая коалиція стремилась привлечь на свою сторону и Пруссію, но это государство колебалось принять участіе въ войнѣ и предпочло остаться нейтральнымъ, на всякій случай вооружившись, однако. Этимъ своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ берлинское правительство только навлекло на себя безъ всякой для себя выгоды неудовольствіе Наполеона.

Вся Европа ожидала въ 1805 г. со стороны Наполеона высадки въ Англію, такъ какъ къ этому онъ, повидимому, дѣятельно готовился, снаряжая необходимый для такого предпріятія флотъ и собирая въ Булони значительныя военныя силы. На самомъ дѣлѣ онъ замышлялъ нѣчто иное. Заручившись обѣщаніемъ помощи со стороны южно-германскихъ князей, Наполеонъ неожиданно двинулъ свои войска въ Германію, гдѣ часть ихъ прошла черезъ одно владѣніе нейтральной Пруссіи. Здѣсь французская армія тотчасъ же усилилась вспомогательными корпусами Бадена, Вюртемберга, Баваріи, Гессена, Нассау и др., и 20 октября австрійская армія, запертая въ Ульмѣ и отрѣзанная отъ сообщенія съ Вѣною, сдалась на капитуляцію. Этотъ громадный успѣхъ Наполеона омрачился, впрочемъ, трафальгарскою побѣдою (21 окт.) англійскаго флота надъ французскимъ, который послѣ этого, совсѣмъ почти уничтоженный, долго не могъ быть возстановленъ въ прежней силѣ. Между тѣмъ Пруссія, раздраженная нарушеніемъ ея нейтралитета, примкнула къ коалиціи, сдѣлавъ это, однако, слишкомъ поздно для того, чтобы измѣнить положеніе дѣлъ на театрѣ войны. 13 ноября французы овладѣли самою Вѣной и оттѣснили несогласно между собою дѣйствовавшія австрійскія и русскія войска въ Моравію, гдѣ 2 декабря, въ годовщину коронаціи Наполеона, произошла знаменитая „битва трехъ императоровъ“ подъ Аустерлицемъ. Побѣда французовъ была полная. Императоръ Францъ, вмѣсто того, чтобы продолжать войну, подкрѣпившись новыми русскими военными силами и пруссаками, въ то время уже готовыми открыть враждебныя дѣйствія противъ Франціи, униженно просилъ у Наполеона перемирія, на которое побѣдитель и согласился лишь подъ условіемъ удаленія русскихъ изъ австрійской территоріи (4 дек.). Черезъ три недѣли послѣ этого Австрія заключила съ Франціей пресбургскій миръ (26 дек.), лишавшій монархію Габсбурговъ всей верхней Австріи, Тироля и Венеціанской области, окончательно вмѣстѣ съ тѣмъ разлагавшій Священную Римскую Имперію и сверхъ того предоставлявшій королевскія короны Неаполя и Голландіи братьямъ Наполеона. Въ промежутокъ между аустерлицкою побѣдою и пресбургскимъ миромъ Наполеону удалось склонить на сторону Франціи посланнаго къ нему прусскимъ королемъ уполномоченнаго, который не только не рѣшился послѣ Аустерлица предъявить побѣдителю

требованія своего правительства, но даже безъ его согласія заключилъ съ Наполеономъ договоръ въ Шенбруннѣ (15 дек.). По этому соглашенію съ Наполеономъ Пруссія вступала въ союзъ съ Франціей, отдавала ей часть герцогства Клеве на правомъ берегу Рейна съ крѣпостью Везелемъ, отказывалась отъ одного своего владѣнія (Аншпаха) въ пользу Баваріи и вмѣстѣ съ тѣмъ обязывалась не допускать англичанъ въ свои порты; за все это сама она получала въ видѣ вознагражденія Ганноверъ. Прусскому королю оставалось только согласиться на эту сдѣлку послѣ того, какъ Австрія поспѣшила отстать отъ коалиціи. Занимая Ганноверъ, онъ объявилъ, впрочемъ, что беретъ его лишь подъ свою охрану до заключенія всеобщаго мира, но такое заявленіе не только не удовлетворило англійскаго короля, предлагавшаго Пруссіи занять Ганноверъ еще до вступленія туда французовъ, но и раздражило еще Наполеона, заподозрившаго Фридриха-Вильгельма III въ намѣреніи не отрывать себя окончательно отъ коалиціи.

Пресбургскій миръ имѣлъ своимъ результатомъ весьма крупныя перемѣны въ Германіи, въ Италіи и въ Голландіи (т.-е. въ Батавской республикѣ).

Въ Германіи союзники Наполеона получили приращеніе своихъ владѣній и повышеніе въ рангѣ. Баварія, увеличенная Тиролемъ, Аншпахомъ, имперскимъ городомъ Аугсбургомъ и т. п., сдѣлана была королевствомъ, и новый король выдалъ свою дочь замужъ за усыновленнаго Наполеономъ пасынка его, принца Евгенія Богарнэ. Вюртембергъ, тоже увеличенный (между прочимъ швабскими владѣніями Австріи), равнымъ образомъ былъ превращенъ въ королевство, и черезъ нѣсколько времени на вюртембергской принцессѣ женился братъ Наполеона Іеронимъ. Увеличился (также отчасти на счетъ Австріи) и Баденъ, возведенный вслѣдъ затѣмъ въ великое герцогство; внукъ великаго герцога вступилъ въ бракъ съ Стефаніей Богарнэ, племянницею императрицы Жозефины. Изъ Берга, уступленнаго Баваріей, и изъ Клеве, взятаго у Пруссіи, Наполеонъ создалъ новое великое герцогство для зятя своего Іоахима Мюрата. Швейцарскій Невшатель, въ которомъ княземъ съ 1707 г. былъ король прусскій, былъ пожалованъ маршалу Бертье. Дядя Наполеона, кардиналъ Фешъ, былъ объявленъ коадъюторомъ и преемникомъ архіепископа майнцскаго, имперскаго архиканцлера (которымъ былъ тогда извѣстный Дальбергъ). Австрія получила Зальцбургское архіепископство, за потерю котораго бывшій тосканскій герцогъ, владѣвшій въ то время Зальцбургомъ, получилъ Вюрцбургъ. Эти перемѣны, какъ мы увидимъ, сопровождались въ Баваріи, Вюртембергѣ, Баденѣ и т. п., крупными измѣненіями и во внутреннихъ отношеніяхъ, напр., устра-

неніемъ средневѣковыхъ земскихъ чиновъ, отмѣною многихъ дворянскихъ привилегій, облегченіемъ участи крестьянъ, введеніемъ вѣротерпимости, ограниченіемъ власти духовенства, уничтоженіемъ массы монастырей, разнаго рода административными, судебными, финансовыми, военными и школьными реформами, даже введеніемъ Наполеонова кодекса, какъ это весьма скоро сдѣлалъ Баденъ. Съ другой стороны, теперь неминуемо должна была окончательно распасться и сама средневѣковая имперія, послѣ того, какъ 12 іюля 1806 г. между Наполеономъ и многими германскими государями (Баварія, Вюртембергъ, Баденъ, Дармштадтъ, Клеве-Бергъ, Нассау и др.) состоялся договоръ, въ силу котораго эти государи вступали между собою въ особый союзъ, получившій названіе Рейнскаго, подъ протекторатомъ Наполеона и съ обязанностью держать для него шестидесятитысячное войско. Изъ нѣмецкихъ князей устройству Рейнскаго союза, къ которому присоединялись потомъ и другія земли, очень много содѣйствовалъ архіепископъ майнцскій Дальбергъ, за что онъ получилъ Франкфуртъ, санъ князя-примаса и должность намѣстника Наполеона въ Рейнскомъ союзѣ. Образованіе союза сопровождалось еще медіатизаціей, или подчиненіемъ мелкихъ непосредственныхъ (immediati) имперскихъ чиновъ верховной власти болѣе крупныхъ князей, т.-е. они утрачивали свои суверенныя права, этотъ запоздалый остатокъ политическаго феодализма въ Германіи, и превращались въ привилегированныхъ подданныхъ государей Рейнскаго союза. Еще раньше (1804) „римскій“ императоръ Францъ II перенесъ императорскій титулъ на свои наслѣдственныя земли, а теперь ему оставалось только отречься отъ прежняго титула, назвавшись Францемъ I, императоромъ австрійскимъ и объявивъ при этомъ, что его владѣнія выходятъ изъ состава прежней имперіи (6 авг. 1806 г.). Священная Римская имперія нѣмецкой націи такимъ образомъ окончила свое существованіе, а съ нею скончались и ея старыя учрежденія. Медіатизація въ 1806 г. произвела въ Германіи такой же эффектъ, какой въ 1802—1803 г. производила секуляризація. Парижъ опять сдѣлался центромъ раздачи всякихъ милостей, гдѣ нѣмецкими князьями пускалось въ ходъ все—и низкопоклонство, и обманы, и подкупы—ради сохраненія себя отъ медіатизаціи или, наоборотъ, ради того, чтобы медіатизировать въ свою пользу чужія владѣнія. Кое-кому удалось удержаться, но громадное большинство мелкихъ князей и имперскихъ графовъ было медіатизировано, утративъ политическую самостоятельность и только сохранивъ свои частныя имѣнія со всѣми феодальными правами соціальнаго характера. Новыя побѣды Наполеона надъ Пруссіей и Австріей въ 1806—7 и 1809 гг. только закрѣпили это французское владычество въ Германіи.

Италія, гдѣ незадолго передъ тѣмъ была уничтожена Лигурійская республика (Генуя), присоединенная къ Франціи, удержавшей за собою и Пьемонтъ, послѣ пресбургскаго мира подверглась такой же участи, какъ и Германія. Австрія уступила Наполеону Венеціанскую область, и побѣдитель увеличилъ ею свое королевство Италійское, вице-королемъ котораго сдѣлалъ принца Евгенія Богарнэ. Вскорѣ затѣмъ королевство Этрурія было присоединено къ Франціи и раздѣлено на три новыхъ департамента (1807). Кромѣ того, на другой день послѣ заключенія пресбургскаго мира Наполеонъ простымъ декретомъ объявилъ, что „династія Бурбоновъ въ Неаполѣ перестала царствовать", за то, что Неаполь, вопреки прежнему договору, примкнулъ къ коалиціи и дозволилъ высадку войска, прибывшаго на англо-русскомъ флотѣ. Движеніе французской арміи на Неаполь заставило тамошній дворъ искать спасенія въ бѣгствѣ, и послѣ нѣкотораго сопротивленія со стороны столичной черни братъ Наполеона Іосифъ, которому императоръ пожаловалъ Неаполитанское королевство въ верховной отъ себя зависимости, овладѣлъ фактически неаполитанскою короною. Беневентъ и Понтекорво, изъ-за которыхъ происходили споры между Церковной областью и Неаполемъ, были отданы на правахъ ленныхъ герцогствъ Талейрану и Бернадоту. Учрежденіе этихъ леновъ не было исключеніемъ. Въ бывшихъ владѣніяхъ Венеціи, отошедшихъ отъ Австріи, Наполеонъ учредилъ значительное количество леновъ, которые были соединены съ герцогскимъ титуломъ, давали большіе доходы и жаловались французскимъ сановникамъ и маршаламъ въ награду за ихъ службу. Двѣ сестры Наполеона тоже получили свои части въ Италіи [1]). Какъ въ Германіи, совершенно такъ же и въ Италіи вводились внутреннія перемѣны. Королевство Италійское, управлявшееся пасынкомъ Наполеона, Лукка и Тоскана подъ управленіемъ его сестры и Неаполь, сдѣлавшійся королевствомъ его брата, должны были принять многіе французскіе порядки. Напр., въ княжествѣ Лукка весьма рано былъ введенъ Наполеоновъ кодексъ.

Одновременно съ этими перемѣнами въ Германіи и Италіи совершилось превращеніе и Батавской республики въ королевство Голландское, которое Наполеонъ отдалъ своему брату Людовику, женившемуся на падчерицѣ императора, Гортензіи Богарнэ. Въ іюнѣ 1806 г. новый голландскій король принялъ правленіе подъ верховною властью своего брата [2]).

---

[1]) Элиза (по мужу Бачіокки) еще раньше получила Лукку, а потомъ, кромѣ того, Массу и Каррару, по уничтоженіи же королевства Этруріи была назначена правительницей Тосканы. Другой сестрѣ (Паулинѣ Боргезе) тоже было дано владѣніе.

[2]) *Anonyme* (*Legrand*). La révolution française en Hollande, la république Batave. 1894.—См. также указанныя выше соч. о Людовикѣ Бонапартѣ.

Таковы были послѣдствія аустерлицкой побѣды и пресбургскаго мира. Но война еще не кончилась, и Наполеона ждали впереди новые тріумфы. Прежде всего дошла очередь до Пруссіи. Ея поведеніе въ 1805 г. вызывало со стороны Наполеона подозрѣніе въ ненадежности союза съ нею и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждало его въ томъ мнѣніи, что это соперникъ неопасный. Онъ совсѣмъ пересталъ дорожить прусской дружбой и началъ относиться свысока къ берлинскому двору, что очень оскорбляло послѣдній. Сначала Наполеонъ поманилъ-было Пруссію возможностью образовать вмѣстѣ съ Саксоніей, Гессенъ-Касселемъ, Мекленбургомъ, Ольденбургомъ, Голштиніей, ганзейскими городами и т. п. особый сѣверно-германскій союзъ, даже новую „имперію“, а самъ между тѣмъ, не сообщивъ ничего Пруссіи, организовалъ Рейнскій союзъ, приказавъ своимъ дипломатамъ мѣшать устройству другого нѣмецкаго союза, о которомъ мечтала Пруссія. Кромѣ того, онъ медіатизировалъ родственный Гогенцоллернамъ княжескій домъ Турнъ-и-Таксисъ, и допустилъ кое-какіе захваты границъ со стороны великаго герцогства Бергскаго. Недовольна была Пруссія и замаскированнымъ присоединеніемъ Голландіи. Наконецъ, въ Берлинѣ узнали еще, что, сдѣлавъ попытку мирныхъ переговоровъ съ Англіей, Наполеонъ обѣщалъ ей возвратить Ганноверъ, на который Фридрихъ-Вильгельмъ III смотрѣлъ уже, какъ на свое достояніе. Въ Берлинѣ рѣшились поэтому послать французскому императору ультиматумъ съ требованіемъ очищенія южной Германіи, формальнаго согласія на образованіе „Сѣвернаго союза“ и разрѣшенія другихъ вопросовъ, бывшихъ спорными между обоими правительствами. Наполеонъ отвергъ этотъ ультиматумъ и поспѣшилъ двинуться съ своимъ войскомъ на соединившуюся съ Пруссіей Саксонію. Въ первой же битвѣ (при Зальфельдѣ 10 окт. 1806 г.) пруссаки потерпѣли уронъ, за которымъ черезъ нѣсколько дней (14 окт.) послѣдовало и полное пораженіе подъ Іеною и Ауерштедтомъ, отдавшее во власть Наполеона всю Германію до самой Эльбы. Нанося новыя пораженія остаткамъ прусской арміи, забирая въ плѣнъ цѣлые отряды, овладѣвая крѣпостями и не встрѣчая нигдѣ народнаго сопротивленія, Наполеонъ черезъ двѣ недѣли послѣ іенской побѣды вступилъ въ Берлинъ (27 окт.). Вскорѣ послѣ этого сдались Штетинъ, Кюстринъ, Магдебургъ (10 ноября). Въ то же время французы одерживали побѣды и въ Ганноверѣ, населеніе котораго видѣло въ солдатахъ Наполеона избавителей отъ поглощенія страны Пруссіей. Въ Берлинѣ Наполеонъ занялся устройствомъ по-своему сѣверной Германіи, гдѣ отдѣльныя земли одна за другою стали подпадать подъ французское владычество. Курфюрстъ Гессенскій, бывшій въ союзѣ съ Пруссіей и думавшій спасти себя нейтралитетомъ въ начавшейся войнѣ, долженъ былъ бѣжать изъ своихъ вла-

дѣній; то же случилось съ герцогомъ брауншвейгскимъ, предводителемъ прусской арміи. Мекленбургъ и Ольденбургъ также были заняты французами. На ганзейскіе города была наложена тяжелая контрибуціи. Пощажена была лишь одна Саксонія, курфюрстъ которой, Фридрихъ-Августъ, получилъ королевскій титулъ и присоединился къ Рейнскому союзу (въ первой половинѣ декабря) вмѣстѣ съ другими саксонскими герцогами. Герцогъ саксенъ-веймарскій также былъ прощенъ Наполеономъ подъ условіемъ разрыва съ Пруссіей. Изъ Кенигсберга, куда удалился прусскій дворъ, Фридрихъ-Вильгельмъ III умолялъ Наполеона прекратить войну, соглашаясь между прочимъ на то, чтобы примкнуть къ Рейнскому союзу, но побѣдитель дѣлался все требовательнѣе и требовательнѣе, и прусскій король вынужденъ былъ продолжать борьбу. На помощь къ стѣсненной Пруссіи явилась Россія, приславшая въ Восточную Пруссію двѣ арміи, которыя должны были помѣшать переправѣ французовъ черезъ Вислу. Наполеонъ обратился тогда къ полякамъ съ воззваніемъ, приглашавшимъ ихъ къ борьбѣ за свою независимость. Воззваніе имѣло успѣхъ, особенно послѣ того, какъ Наполеонъ на второй день новаго года (2 янв. 1807) вступилъ въ Варшаву. Цѣлый рядъ упорныхъ битвъ на Вислѣ ознаменовалъ зиму 1806—1807 г. Дѣла прусскаго короля, жившаго теперь въ Мемелѣ, шли все хуже и хуже; лишь надежда на европейскую коалицію поддерживала его еще въ этой борьбѣ за свою корону. Любопытно, однако, что не только въ это время не было мысли опереться на народъ, но прусскими чиновниками даже подавлялись всякія вспышки, происходившія въ силезскомъ населеніи противъ французовъ. Послѣ занятія французами Данцига (24 мая 1807 г.) и пораженія русскихъ подъ Фридландомъ (14 іюня), дозволившаго французамъ занять Кенигсбергъ и даже угрожать русской границѣ, состоялся знаменитый тильзитскій миръ (7—9 іюля), сопровождавшійся свиданіемъ французскаго и русскаго императоровъ въ павильонѣ посреди рѣки Нѣмана. По условіямъ тильзитскаго договора Пруссія лишилась цѣлой половины своихъ владѣній, и только заступничество Александра I, вступившаго въ союзъ съ Наполеономъ для полюбовнаго раздѣла между собою Европы, спасло монархію Гогенцоллерновъ отъ окончательной гибели. Отъ прусской Польши былъ отдѣленъ Бѣлостокъ съ своимъ округомъ и отданъ Россіи. Изъ остальныхъ польскихъ земель, доставшихся Пруссіи по первымъ двумъ раздѣламъ Рѣчи Посполитой, было организовано герцогство Варшавское, поступившее подъ власть короля саксонскаго. Данцигъ съ своимъ округомъ былъ превращенъ въ особую республику [1]). У Пруссіи были отняты,

[1]) По исторіи в. г. Варшавскаго см. польскія сочиненія *Skarbka* (2 изд. 1876), *Finckla* (въ Przewodniku Naukow. за 1896 г.) и др.

наконецъ, всѣ ея владѣнія между Рейномъ и Эльбою, и въ соединеніи съ курфюршествомъ Гессенскимъ, Брауншвейгомъ и южнымъ Ганноверомъ они образовали королевство Вестфальское. На новый тронъ въ Касселѣ былъ возведенъ братъ Наполеона Іеронимъ (Жеромъ), тоже примкнувшій къ Рейнскому союзу съ обязанностью платить императору большую сумму денегъ и доставлять ему значительное войско. Кромѣ того, Пруссія должна была выплатить громадную сумму денегъ, до окончательной расплаты содержать на свой счетъ французскіе гарнизоны и соблюдать разныя стѣснительныя условія въ пользу Франціи, напр., касательно военной помощи Франціи и военныхъ дорогъ.

Послѣ такого униженія Пруссіи и вступленія въ составъ Рейнскаго союза двухъ новыхъ королевствъ (Саксоніи и Вестфаліи) Наполеонъ былъ полнымъ господиномъ въ Германіи, отдѣльные государи которой спѣшили теперь присоединяться къ Рейнскому союзу: въ составъ его вошли еще курфюршество Вюрцбургское, герцогства Мекленбургское и Ольденбургское и княжества Шварцбургъ, Ангальтъ и Вальдекъ. Во многихъ мѣстахъ вводились французскіе порядки, бывшіе плодомъ революціи и организаторской дѣятельности Наполеона. Съ другой стороны, однако, деспотизмъ императора и мѣстныхъ правителей, постоянные поборы людьми въ армію, большіе налоги и т. п. тяжело отзывались на нѣмецкомъ народѣ, который не могъ притомъ не чувствовать своего униженія передъ чужеземнымъ владыкой и его французскими подданными. Городъ Эрфуртъ послѣ тильзитскаго мира Наполеонъ оставилъ за собою, какъ сборный пунктъ для войскъ Рейнскаго союза. Данцигъ, лишь номинально пользовавшійся независимостью, былъ тоже своего рода сборнымъ пунктомъ для французскихъ войскъ.

Тильзитскій миръ отдалъ въ распоряженіе Наполеона весь континентъ Западной Европы, такъ какъ Александръ I согласился на то, чтобы Франція безпрепятственно господствовала на Западѣ, подъ условіемъ, чтобы Россія съ своей стороны господствовала на Востокѣ. Россія получила между прочимъ отъ Наполеона согласіе на немедленное присоединеніе къ своей территоріи не только Финляндіи и Дунайскихъ княжествъ, но даже всей Турецкой имперіи за исключеніемъ Константинополя. Въ силу тильзитскаго соглашенія Португалія, Испанія, Швеція, Данія и острова западной части Средиземнаго моря попадали въ сферу исключительнаго вліянія Франціи, и создавался союзъ двухъ міровыхъ владыкъ противъ Англіи, торговлѣ которой Наполеонъ задумалъ теперь нанести ударъ запрещеніемъ ввоза англійскихъ товаровъ на весь континентъ. Еще въ Берлинѣ 21 ноября 1806 г. онъ обнародовалъ декретъ, по которому всѣ европейскіе

порты должны были быть заперты для англійскихъ товаровъ и торговыхъ судовъ. Въ Тильзитѣ Александръ I обѣщалъ держаться объявленной такимъ образомъ „континентальной системы" (blocus continental), направленной прямо противъ одного изъ главнѣйшихъ источниковъ матеріальнаго могущества Англіи. Въ этомъ союзѣ двухъ монарховъ всѣ выгоды были на сторонѣ Франціи, тогда какъ выгоды, какія могла извлечь изъ союза Россія, были еще впереди, потому что только посредствомъ войны съ Швеціей и Турціей можно было достигнуть обѣщанныхъ въ Тильзитѣ присоединеній. Что касается континентальной системы, то она уже прямо отражалась невыгодно на народномъ и государственномъ хозяйствѣ Россіи. Обѣ державы, наконецъ, обязывались потребовать отъ Швеціи, Даніи и Португаліи, дѣйствовавшихъ въ согласіи съ Англіей, присоединенія къ континентальной системѣ. На все это Англія отвѣтила приказаніемъ своему флоту захватывать всѣ нейтральные корабли, выходившіе изъ портовъ самой Франціи или ея союзниковъ. Послѣдствія тильзитскаго мира поэтому не заставили себя долго ждать.

Швеція была однимъ изъ наиболѣе упорныхъ членовъ антифранцузской коалиціи. Король шведскій Густавъ IV, преданный дѣлу Бурбоновъ, прямо не хотѣлъ признавать за узурпаторомъ, генераломъ Бонапартомъ, императорскаго титула. Оставленная союзниками Швеція послѣ тильзитскаго мира не въ состояніи была защищать своихъ владѣній въ сѣверной Германіи, пріобрѣтенныхъ во время тридцатилѣтней войны, и они были заняты французами. Съ другой стороны, требованіе примкнуть къ континентальной системѣ было для Швеціи равносильно требованію самой наложить руки на свою ввозную и вывозную торговлю. Между тѣмъ въ 1808 г. Россія объявила Швеціи войну, окончившуюся, какъ извѣстно, для этого государства потерею Финляндіи. Во время этой неудачной для шведовъ войны въ Стокгольмѣ составился заговоръ противъ Густава IV (1809): короля заставили отречься отъ престола, и государственный сеймъ возвелъ на престолъ его дядю Карла Зюдерманландскаго подъ именемъ Карла XIII, а въ преемники ему былъ избранъ (къ неособенному удовольствію Наполеона) французскій маршалъ Бернадотъ (князь Понте-Корво), обратившійся въ лютеранство и усыновленный Карломъ XIII (1810). При новомъ королѣ Швеція, отдавшая Россіи Финляндію съ Аландскими островами, получила обратно Померанію и примкнула къ континентальной системѣ. Что касается до Даніи, то она думала держаться нейтралитета, тогда какъ и Франція, и Англія одинаково хотѣли имѣть ее на своей сторонѣ: весь вопросъ былъ въ томъ, будутъ ли или нѣтъ пропускаться англійскіе корабли черезъ Зундъ. Желая предупредить противника, Англія силою захватила Зундъ, бомбардиро-

вала и заставила сдаться Копенгагенъ и завладѣла датскимъ флотомъ съ военными запасами, находившимися въ арсеналѣ, а затѣмъ, послѣ того, какъ Данія объявила войну Англіи, послѣдняя присоединила къ своимъ владѣніямъ принадлежавшій Даніи островъ Гельголандъ и заняла датскія колоніи. Такимъ образомъ оба скандинавскія государства должны были также войти въ сферу французскаго вліянія.

То же самое произошло около этого времени и съ обоими государствами пиренейскими. По договору 1803 г. Португалія обязывалась выплачивать Франціи ежемѣсячно милліонъ франковъ, за что Наполеонъ обѣщалъ уважать ея нейтралитетъ и предоставлять ей попрежнему вести съ Англіей торговыя сношенія. Въ 1807 г. Наполеонъ при поддержкѣ со стороны Испаніи потребовалъ отъ лиссабонскаго правительства, чтобы и оно примкнуло къ континентальному союзу противъ Англіи и конфисковало всю собственность англичанъ въ своихъ владѣніяхъ. Такъ какъ въ Лиссабонѣ не соглашались на это требованіе, то между Франціей и Испаніей состоялся тайный договоръ о завоеваніи и раздѣлѣ Португаліи съ ея колоніями, и 13 ноября 1807 г. „Монитёръ“ объявилъ всему міру, что „Брагандскій домъ пересталъ царствовать“. Вмѣстѣ съ этимъ началось завоеваніе Португаліи. Лиссабонское правительство и дворъ на своихъ и англійскихъ корабляхъ уѣхали въ Бразилію, куда за ними отправилось до 15 т. приверженцевъ Брагандской династіи. На другой день послѣ этого (27 ноября 1807 г.) французы вступили въ столицу Португаліи и стали управлять страной отъ имени Наполеона. Испанія все это время шла на буксирѣ французской политики. Она еще много раньше вынуждена была вступить въ „вѣчный союзъ“ съ Французской республикой. Съ конца 1792 г. во главѣ испанскаго правительства, какъ первый министръ, стоялъ Мануилъ Годой, фаворитъ королевы Маріи-Луизы, жены ограниченнаго и безвольнаго Карла IV, человѣкъ невѣжественный, легкомысленный и безсовѣстный. Сначала Испанія примкнула-было къ коалиціи противъ революціонной Франціи, но вскорѣ вынуждена была искать мира съ побѣдоносной республикой. Послѣ базельскаго мира между Франціей и Пруссіей произошло примиреніе и между Франціей и Испаніей, за которое Годой получилъ пышный титулъ „князя мира“. Нелюбимый духовенствомъ и дворянствомъ, онъ сталъ даже искать особенно тѣснаго сближенія съ французскимъ правительствомъ и заключилъ съ нимъ (Ильдефонсо въ 1796 г.) договоръ, отдававшій Испанію въ полное распоряженіе Франціи. Въ эпоху консульства Наполеонъ уже могъ поэтому смотрѣть на доведенную до полнаго внутренняго разстройства Испанію, какъ на вполнѣ зависимое, чуть не вассальное государство. Послѣ разрыва амьенскаго мира Годой предполагалъ держаться нейтралитета въ начинавшейся

войнѣ, но Наполеонъ объявилъ ему, что не допуститъ никакой двусмысленной политики и не остановится даже передъ военнымъ занятіемъ Испаніи. Годой долженъ былъ покориться и заключить договоръ съ Наполеономъ, обязывавшій Испанію платить Франціи ежемѣсячную субсидію въ шесть милліоновъ франковъ, держать свой флотъ наготовѣ и содѣйствовать французской политикѣ въ Португаліи. Потомъ и сама Испанія была втянута въ войну, стала посылать свои войска и въ Италію, и въ Германію и терпѣть морскія пораженія, уничтожившія ея флотъ. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ она была отрѣзана отъ своихъ заморскихъ колоній, изъ которыхъ извлекала раньше большія денежныя средства, но которыя теперь начали обнаруживать стремленіе къ отложенію. Все ниже и ниже падала Испанія, а ея правитель, державшійся лишь своею связью съ королевой, все больше и больше искалъ опоры въ Наполеонѣ. Наслѣдный принцъ Фердинандъ (принцъ Астурійскій) съ женою своею и тещею, неаполитанской королевой Каролиной, какъ Бурбоны, были врагами Наполеона, но мать Фердинанда съ „княземъ мира“ только и думала о томъ, какъ бы лишить своего сына правъ на престолъ. Наполеонъ очень ловко воспользовался для своихъ цѣлей честолюбіемъ перваго министра и заставилъ его помочь себѣ въ дѣлѣ завоеванія Португаліи, но и принцъ Астурійскій пришелъ къ убѣжденію, что лучше всего защититъ свои права, если будетъ льстить императору французовъ. Овдовѣвъ около этого времени, онъ даже сталъ высказывать желаніе породниться съ династіей Бонапартовъ. Наполеонъ очутился тогда въ роли третейскаго судьи: къ нему начали обращаться обѣ враждебныя стороны, интриговавшія одна противъ другой и имѣвшія по отношенію къ Франціи каждая свои особые виды. Послѣдовало французское вмѣшательство, подкрѣпленное, конечно, военной силой (съ конца 1807 г.), и дѣло окончилось извѣстной катастрофой въ Байонѣ, куда Наполеонъ пригласилъ членовъ испанской королевской семьи и „князя мира“ для рѣшенія ихъ распри. Фердинандъ, занявшій-было испанскій престолъ вслѣдствіе отреченія короля, вынужденъ былъ возвратить ему власть, самъ же Карлъ IV актомъ, который былъ составленъ „княземъ мира“ по соглашенію съ Наполеономъ, уступилъ свои королевскія права императору французовъ, какъ „единственному государю, способному возстановить въ Испаніи потрясенный внутренній порядокъ“ (6 мая 1808 г.). На испанскій тронъ, сдѣлавшійся такимъ образомъ вакантнымъ, Наполеонъ посадилъ тогда своего старшаго брата Іосифа, передавъ принадлежавшее ему королевство Неаполитанское своему зятю Іоахиму Мюрату. 20 іюля 1808 г. Іосифъ въѣхалъ въ Мадридъ, и для испанской націи должна была начаться новая пора жизни, такъ какъ было рѣшено основать монархію Іосифа на преобразова-

ніяхъ во всемъ государственномъ и общественномъ быту страны. Но уже на первыхъ порахъ было видно, что съ Испаніей у Наполеона выйдетъ не мало хлопотъ. (Прибавимъ къ этому, что въ февралѣ того же 1808 г. французскія войска заняли еще и Римъ).

Въ началѣ осени 1808 г. (17 сент.—14 окт.) въ Эрфуртѣ произошло знаменитое свиданіе французскаго и русскаго императоровъ, которое должно было показать собравшимся сюда королямъ, владѣтельнымъ князьямъ, наслѣднымъ принцамъ, министрамъ, дипломатамъ и полководцамъ, а вмѣстѣ съ ними и всему міру, что новый политическій порядокъ на континентѣ Европы поддерживается дружбою двухъ владыкъ, подѣлившихъ между собою Востокъ и Западъ. На эрфуртскомъ съѣздѣ князья Рейнскаго союза раболѣпствовали передъ Наполеономъ. Чтобы еще разъ унизить Пруссію, императоръ устроилъ охоту на зайцевъ на самомъ полѣ іенской битвы и пригласилъ на эту охоту принца Вильгельма, присланнаго прусскимъ королемъ на съѣздъ хлопотать объ облегченіи тяжкихъ условій 1807 г. Въ Эрфуртѣ былъ еще разъ закрѣпленъ тильзитскій союзъ, и оба императора обязались не заключать мира съ общими врагами безъ обоюднаго согласія. Рѣшено было, кромѣ того, обратиться къ Англіи съ предложеніемъ мира на общемъ основаніи удержанія договаривающимися сторонами тѣхъ владѣній, какія будутъ въ ихъ рукахъ въ моментъ заключенія договора, но Англія отвергла это предложеніе, выразивъ вмѣстѣ съ тѣмъ свое недоумѣніе, какимъ образомъ русскій самодержецъ допускаетъ, чтобы императоръ французовъ могъ низвергать законныхъ государей съ ихъ престоловъ. Англія и теперь не шла ни на какія сдѣлки съ Наполеономъ и, продолжая борьбу съ французской гегемоніей, попрежнему помогала, чѣмъ могла, врагамъ обѣихъ державъ, производившихъ міровой раздѣлъ. Между прочимъ англичане стали поддерживать вспыхнувшее въ Испаніи противъ французовъ возстаніе, заставившее Наполеона предпринять осенью 1808 г. новое завоеваніе этой страны. Онъ самъ долженъ былъ отправиться въ мятежную Испанію, столица которой и увидѣла его въ своихъ стѣнахъ 4 декабря [1]).

1809 годъ принесъ новое пораженіе Австріи. Это государство, смотрѣвшее съ завистью по отношенію къ настоящему и со страхомъ относительно будущаго на возрастаніе французскаго могущества, рѣшилось попытать счастья въ освободительной войнѣ за Германію, пользуясь примѣромъ, который давала Испанія, тоже не хотѣвшая безпрекословно повиноваться иноземному владычеству. Въ апрѣлѣ

[1]) Іосифъ, вынужденный оставить Мадридъ, вторично въѣхалъ въ свою столицу лишь 22 января 1809 г.

Австрія двинула свои военныя силы сразу на Баварію, на Италію и на герцогство Варшавское, но Наполеонъ, подкрѣпленный войсками Рейнскаго союза, отразилъ нападеніе и въ серединѣ мая былъ уже въ Вѣнѣ. Монархія Габсбурговъ, повидимому, должна была разрушиться, и венгры уже приглашались особой прокламаціей возстановить свою былую самостоятельность и избрать себѣ новаго короля. Вскорѣ затѣмъ французы переправились черезъ Дунай и одержали побѣду при Ваграмѣ (5—6 іюля), за которою послѣдовало цнаймское перемиріе (12 іюля), бывшее лишь преддверіемъ вѣнскаго или шенбрунскаго мира (14 окт.). Австрія была страшно наказана за свою попытку, потерявъ Зальцбургъ и нѣкоторыя сосѣднія земли въ пользу Баваріи, Западную Галицію и часть Восточной въ пользу герцогства Варшавскаго и Россіи и наконецъ земли на юго-западѣ (часть Каринтіи, Крайну, Тріестъ, Фріуль и т. п.), составившихъ вмѣстѣ съ Далмаціей, Истріей и Рагузой особое владѣніе Иллирію подъ верховною властью Наполеона. Вмѣстѣ съ тѣмъ вѣнское правительство обязалось примкнуть къ континентальной системѣ. Эта война ознаменовалась народнымъ возстаніемъ въ Тиролѣ, который по заключеніи вѣнскаго мира былъ, однако, усмиренъ и раздѣленъ на три части между Баваріей, Иллиріей и королевствомъ Италійскимъ. Въ остальной Германіи война, начатая Австріей, тоже возбудила сильныя надежды на скорое освобожденіе, но заключеніе вѣнскаго мира положило конецъ всѣмъ надеждамъ.

Наполеонъ былъ теперь наверху своего могущества. 16 мая 1809 г. въ Шенбрунѣ (подъ Вѣной) онъ подписалъ декретъ, отмѣнявшій свѣтскую власть папы, послѣ чего Церковная область была присоединена къ Франціи, и Римъ былъ объявленъ вторымъ городомъ имперіи. Австрія по вѣнскому миру должна была признать и эту перемѣну. Затѣмъ, разведшись съ Жозефиной, Наполеонъ вступилъ въ бракъ съ дочерью австрійскаго императора Маріей-Луизой [1], и во время ихъ бракосочетанія (1 апрѣля 1810 г.) шлейфъ новой французской императрицы несли пять королевъ. Черезъ годъ послѣ этого (20 марта 1811 г.) у Наполеона родился сынъ, которому онъ далъ титулъ римскаго короля (roi de Rome). Въ эти годы между вѣнскимъ миромъ и началомъ войны съ Россіей французская имперія еще болѣе расширила свои предѣлы новыми присоединеніями. Въ іюлѣ 1810 г., недовольный своимъ братомъ Людовикомъ, плохо соблюдавшимъ континентальную систему, Наполеонъ присоединилъ Голландію прямо къ Франціи, а затѣмъ включилъ въ составъ послѣдней Гамбургъ, Бре-

[1]) Послѣ неудачнаго сватовства въ Россіи. Объ этомъ бракѣ *Meneval*. Napoléon et Marie-Louise.

менъ и Любекъ, герцогство Ольденбургское и другія земли между Эльбою и Рейномъ, а также швейцарскій кантонъ Валлисъ съ горною дорогою черезъ Симплонъ. Теперь французская имперія достигла наибольшихъ размѣровъ и вмѣстѣ съ вассальными и союзными государствами включала въ себя почти всю Западную Европу. Въ составъ имперіи Наполеона входили, кромѣ самой Франціи, Бельгія, Голландія и полоса сѣверной Германіи до Балтійскаго моря съ устьями Рейна, Эмса, Везера и Эльбы, такъ что французская граница лишь на двѣсти верстъ отстояла отъ Берлина, далѣе весь лѣвый берегъ Рейна отъ Везеля до Базеля, нѣкоторыя части теперешней Швейцаріи, наконецъ, Пьемонтъ, Тоскана и Папская область. Другая часть Сѣверной и Средней Италіи составляли королевство Италійское, гдѣ государемъ былъ Наполеонъ, а по другую сторону Адріатическаго моря, на Балканскомъ полуостровѣ находилась принадлежавшая Наполеону же Иллирія. Точно двумя руками, двумя длинными прибрежными полосами своихъ владѣній и съ сѣвера, и съ юга охватывала имперія Наполеона Швейцарію и Рейнскій союзъ, въ центрѣ котораго императору французовъ принадлежалъ городъ Эрфуртъ. Сильно обрѣзанныя Пруссія и Австрія, граничившія съ запада съ Рейнскимъ союзомъ и Иллиріей, имѣли—первая на восточной своей границѣ, вторая на сѣверной—великое герцогство Варшавское, находившееся подъ протекторатомъ Наполеона и выдвинутое, кромѣ того, какъ французскій аванпостъ, противъ Россіи. Наконецъ, въ Неаполѣ царствовалъ зять Наполеона Іоахимъ I (Мюратъ), въ Испаніи—его братъ Іосифъ. Данія съ 1807 г. была въ союзѣ съ Наполеономъ. Соперницами Франціи оставались только Англія и Россія, одна на морѣ, другая на сушѣ. Англія, сильная своимъ флотомъ, продолжала вести борьбу съ Наполеономъ, да и Россія послѣ вѣнскаго мира стала сильно тяготиться преобладаніемъ Франціи, континентальною системою и самовластными поступками французскаго императора, когда онъ закончилъ подчиненіе себѣ Западной Европы заключеніемъ союза съ Пруссіей и Австріей, обязавшихся помогать Франціи значительными военными силами. Лѣтомъ 1812 г. Наполеонъ двинулъ на Россію свою „великую армію“, нашедши еще союзниковъ въ лицѣ поляковъ, которые надѣялись на возстановленіе Рѣчи Посполитой и потому охотно шли на войну съ „Москвою“.

Это нашествіе Наполеона на Россію было, по мѣткому выраженію Талейрана, „началомъ конца“. Дошедши до Москвы, въ которую Наполеонъ вступилъ 2 (14) сентября, великая армія скоро вынуждена была начать отступленіе по разоренной дорогѣ, и въ это время Наполеону пришлось испытать, что̀ значитъ народная война. Неудача Наполеона и примѣръ успѣшной народной войны, вспыхнувшей въ

Россіи, имѣли результатомъ возстаніе и всей Германіи противъ французскаго владычества. Калишскій союзъ Пруссіи и Россіи (25 февраля 1813 г.) послужилъ зерномъ новой европейской коалиціи противъ Франціи: къ этому союзу прежде всего примкнула Австрія, затѣмъ Англія. Трехдневная „битва народовъ“ подъ Лейпцигомъ (16—18 октября) нанесла рѣшительный ударъ Наполеону, послѣ чего Рейнскій союзъ сталъ распадаться, и многіе его члены начали переходить на сторону коалиціи, къ которой въ началѣ 1814 г. (по кильскому договору) примкнула и Данія. Лишенные Наполеономъ власти курфюрстъ гессенскій и герцоги брауншвейгскій и ольденбургскій возвратились въ свои владѣнія. То же самое происходило позднѣе и въ Италіи, куда побѣдоносно вторглись австрійскія войска: они заняли Ломбардію, въ Тоскану вернулся великій герцогъ Фердинандъ, въ Церковную область — папа. Между тѣмъ Наполеонъ отвергалъ всѣ условія мира, предлагавшіяся ему по настоянію Австріи. Въ самомъ началѣ 1814 г. союзныя войска перешли французскую границу, а черезъ три мѣсяца (31 марта) въ ихъ власти былъ и самъ Парижъ. 4 апрѣля въ Фонтенебло Наполеонъ отрекся отъ престола въ пользу своего сына, но союзники потребовали у него безусловнаго отреченія, которое онъ и вынужденъ былъ подписать черезъ нѣсколько дней (11 апр.).

Тотъ же самый деспотизмъ, который при Наполеонѣ господствовалъ внутри Франціи, проявлялся и въ его поведеніи по отношенію ко всѣмъ странамъ, на которыя распространялась его власть или его вліяніе. Отъ своихъ братьевъ, посаженныхъ на престолы Неаполя, Голландіи и Испаніи, и отъ государей, находившихся подъ его протекторатомъ или въ союзѣ съ нимъ, онъ требовалъ безусловнаго повиновенія, совѣтуя имъ и своихъ подданныхъ держать въ спасительномъ страхѣ. Въ послѣднемъ отношеніи особенно любопытны письма Наполеона къ братьямъ и къ вице-королю Италіи. Вездѣ, гдѣ только было можно, вводились по его приказанію французскіе административные нравы и полицейскіе порядки, шпіонство и доносы, вскрытіе частной переписки и подслушиваніе разговоровъ, произвольная цензура и стѣсненія книжной торговли. Кромѣ того, Франція подчиняла союзныя съ нею государства и всѣмъ тягостямъ континентальной системы, строгое выполненіе которой мыслимо было лишь при неослабномъ полицейскомъ надзорѣ и при помощи цѣлой системы обысковъ, конфискацій, штрафовъ и другихъ карь. Наконецъ, Наполеонъ требовалъ отъ союзниковъ вспомогательныхъ войскъ и денегъ, что тяжело ложилось на народныя массы. Какой бы то ни было протестъ противъ французскаго ига строго преслѣдовался и карался, и мы увидимъ еще, что нѣкоторыя лица, имѣвшія несчастье навлечь на себя неудовольствіе Наполеона, не могли чувствовать себя безопасными

даже въ неподвластныхъ Наполеону странахъ, здѣсь же отмѣтимъ только одинъ особенно характерный фактъ. Когда въ эпоху Рейнскаго союза нюрнбергскій книгопродавецъ Пальмъ отказался назвать автора изданной имъ брошюры „Германія въ глубочайшемъ своемъ униженіи", то былъ схваченъ по приказанію Наполеона, преданъ военному суду и приговоренъ къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе.

IX. Внутреннія перемѣны въ западно-европейскихъ государствахъ въ Наполеоновскую эпоху [1]).

Внутреннее состояніе государствъ Западной Европы при переходѣ изъ XVIII в. въ XIX. — Значеніе Наполеоновскихъ побѣдъ для внутренней жизни западно-европейскихъ народовъ. — Ударъ, нанесенный Наполеономъ духовнымъ княжествамъ и политическому феодализму. — Перемѣны въ государственномъ быту. — Представительныя учрежденія. — Испанская конституція 1812 г. — Наполеоновъ кодексъ за границами Франціи. — Отмѣна крѣпостничества. — Просвѣщенный абсолютизмъ, французская революція и наполеоновская эпоха. — Зарожденіе національныхъ движеній XIX вѣка.

Внутренняя исторія западно-европейскихъ государствъ послѣ начала французской революціи характеризуется преобладаніемъ реакціонныхъ стремленій. Если въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма въ большей части странъ, правительства которыхъ вступили на путь внутреннихъ реформъ въ духѣ идей вѣка, отношенія между королевскою властью и привилегированными сословіями, составлявшими консервативные элементы общества, были болѣе или менѣе натянутыми, и эти консервативные элементы становились въ оппозицію къ правительству, то подъ вліяніемъ французской революціи, направленной одинаково и противъ политическаго абсолютизма, и противъ соціальныхъ привилегій, произошло, наоборотъ, сближеніе между властью и привилегированными, и реформатская дѣятельность правительствъ, задѣвавшая консервативные интересы, прекратилась или перешла прямо въ политику реакціонную. И безъ того просвѣщеннымъ абсолютизмомъ

[1]) Къ сожалѣнію, внутренняя исторія Западной Европы въ эту эпоху вообще и въ частности исторія перемѣнъ, совершившихся въ отдѣльныхъ странахъ подъ вліяніемъ французской гегемоніи, разработана очень мало, что сказалось и на общихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ изображенію эпохи (въ нихъ вообще преобладаетъ разсказъ о дипломатическихъ отношеніяхъ и военныхъ событіяхъ). Исключеніе нужно сдѣлать только для внутренней исторіи Пруссіи, о чемъ см. въ слѣдующей главѣ. Дѣлая въ настоящей главѣ общій обзоръ внутреннихъ перемѣнъ въ разныхъ западно-европейскихъ странахъ, мы останавливаемся лишь на самыхъ важныхъ фактахъ этой исторіи, притомъ только вскользь затрогивая крестьянскій вопросъ, которому посвящаемъ болѣе подробное разсмотрѣніе въ послѣднемъ отдѣлѣ тома.

сдѣлано было слишкомъ мало въ смыслѣ осуществленія новыхъ культурныхъ и общественныхъ идей, а потому, когда французы въ эпоху революціи, консульства и имперіи производили свои завоеванія, они повсюду встрѣчали еще господство старыхъ порядковъ, которые, однако, повсемѣстно начинали рушиться, гдѣ только французы имѣли успѣхъ. Началось это разрушеніе прежняго общественнаго быта еще во время революціонныхъ войнъ, но продолжалось и при Наполеонѣ.

Въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма наиболѣе обострены были отношенія между государственною властью и консервативною оппозиціей въ различныхъ частяхъ монархіи Габсбурговъ. Когда Іосифъ II, этотъ характерный представитель просвѣщеннаго абсолютизма и „революціонеръ на тронѣ", умиралъ въ концѣ перваго года французской революціи (20 февр. 1790), въ Бельгіи и Венгріи происходило опасное для самой цѣлости его монархіи движеніе, и брату и преемнику Іосифа, Леопольду II, уже цѣлую четверть вѣка передъ тѣмъ управлявшему Тосканою въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма, предстояла трудная задача умиротворенія недовольныхъ и возмутившихся подданныхъ. По тому, что̀ дѣлалъ онъ въ Тосканѣ, можно было ожидать съ его стороны продолженія политики Іосифа II, но новый императоръ круто повернулъ назадъ; онъ, отмѣнивъ многія реформы своего брата, сдѣлалъ уступки привилегированнымъ и вообще вступилъ на путь традиціонной габсбургской политики. Права протестантовъ снова были стѣснены; духовенству возвращено было его прежнее значеніе въ дѣлѣ народнаго образованія; новая система налоговъ, невыгодная для привилегированныхъ, была отмѣнена; крѣпостное состояніе опять было возстановлено, и такимъ образомъ самыя важныя начинанія Іосифа II остались безъ послѣдствій. Въ то же время Леопольдъ II пришелъ въ столкновеніе съ революціонной Франціей, и не умри онъ (1 марта 1792 г.) за нѣсколько недѣль до объявленія законодательнымъ собраніемъ войны его сыну и преемнику Францу II, и ему самому, быть можетъ, пришлось бы играть роль того воплощенія контръ-революціи, какимъ явился его сынъ. Францъ II вступилъ на престолъ 24 лѣтъ, но уже съ весьма опредѣлившеюся программой правительственной дѣятельности въ духѣ абсолютизма, централизаціи и клерикальной и полицейской опеки надъ обществомъ, въ духѣ сохраненія старыхъ соціальныхъ привилегій внутри страны и вмѣшательства въ иностранныя дѣла для повсемѣстнаго подавленія политическихъ движеній подъ знаменемъ новыхъ идей. Въ Австріи, конечно, не было недостатка въ реакціонныхъ элементахъ, которые и оказали поддержку новой политикѣ; напр., венгерскіе магнаты, стоявшіе въ оппозиціи къ Іосифу II, считали вмѣстѣ съ Францемъ II необходимою борьбу съ французской

революціей. Послѣдовавшая война съ Франціей страшно истощила монархію въ экономическомъ отношеніи, такъ что государственная казна стала жить только постоянными займами и самыми неумѣренными выпусками бумажныхъ денегъ, и благосостояніе населенія, и внутренняя сила государства приносились такимъ образомъ въ жертву борьбѣ съ ненавистной революціей. Во всю эту эпоху Австрія терпѣла пораженіе за пораженіемъ, и только послѣ пресбургскаго мира среди ея государственныхъ людей возникла мысль о необходимости въ виду неизбѣжности новой борьбы съ Наполеономъ—заняться улучшеніемъ внутреннихъ отношеній. Въ общемъ, однако, австрійское правительство предпочитало скорѣе терять провинціи, чѣмъ предпринять серьезную реорганизацію внутренняго быта страны. Въ Пруссіи, какъ мы увидимъ [1]), правительственная реакція наступила даже еще раньше, чѣмъ въ Австріи. Фридрихъ-Вильгельмъ II, племянникъ короля-философа, вступившій на престолъ за три года до взрыва французской революціи, на первыхъ же порахъ началъ дѣйствовать въ духѣ реакціи противъ всего, что только напоминало просвѣщенные взгляды Фридриха II, и революція лишь заставила его усилить эту реакціонную политику. Поэтому Францъ II и Фридрихъ-Вильгельмъ II и сдѣлались первыми бойцами старой Европы противъ опасности, грозившей ей изъ Франціи. Старый порядокъ въ области соціальныхъ отношеній, господствовавшій въ Пруссіи при королѣ-философѣ, оставался неприкосновеннымъ и при его преемникахъ, пока іенская катастрофа не обнаружила всю его негодность даже съ чисто политической точки зрѣнія.

Во всѣхъ другихъ странахъ, гдѣ въ XVIII в. дѣйствовала система просвѣщеннаго абсолютизма, равнымъ образомъ происходила реакція. Привилегированныя сословія, защищавшія вообще консервативные интересы, повсюду эксплуатировали въ свою пользу тотъ страхъ, который наводила на всѣ правительства революція. Въ Португаліи реакція антиклерикальнымъ реформамъ Помбаля наступила еще задолго до событій 1789 г. и только усилилась съ взрывомъ французской революціи. Карлъ III, при которомъ въ Испаніи дѣйствовали въ духѣ новыхъ идей Аранда и другіе министры-реформаторы, въ концѣ своего царствованія уже находился подъ вліяніемъ клерикаловъ, а за его смертью, послѣдовавшею передъ самымъ началомъ революціи (1788), наступила эпоха возстановленія и въ этой странѣ старыхъ отношеній. Недолго было сравнительно господство новыхъ идей и въ Неаполѣ, гдѣ одно время (въ серединѣ XVIII в.) дѣйствовалъ министръ-реформаторъ Тануччи: царствованіе Ферди-

[1]) См. слѣдующую главу.

нанда IV сдѣлалось эпохой реакціоннаго террора, особенно усилившагося подъ вліяніемъ страха, нагнаннаго и на неаполитанское правительство французскими событіями. Страшными жестокостями ознаменовалъ Фердинандъ IV свое возвращеніе въ Неаполь и послѣ того, какъ рухнула основанная французами Партенопейская республика [1]). Совершенно такое же дѣйствіе произвела французская революція и въ Швеціи, и въ Россіи въ концѣ царствованія Екатерины II и при Павлѣ I и въ другихъ странахъ.

Всѣ эти государства, въ которыхъ продолжали господствовать старые политическіе порядки и подъ вліяніемъ страха передъ революціей происходила реакція противъ политики просвѣщеннаго абсолютизма, были поочередно побѣждены Франціей. Это не могло пройти безслѣдно для ихъ внутренняго быта. Французы и въ эпоху Наполеона явились разрушителями старыхъ порядковъ, на мѣстѣ которыхъ должны были воздвигаться порядки новые. Все, что наполеоновскій режимъ сохранилъ изъ пріобрѣтеній революціи, и все, что было введено во Франціи самимъ Наполеономъ, должно было распространиться вездѣ, гдѣ только признавалась власть французскаго правительства. Во вновь пріобрѣтенныхъ владѣніяхъ, въ королевствѣ Италійскомъ, въ государствахъ братьевъ Наполеона, въ странахъ, признававшихъ надъ собою его протекторатъ, отмѣнялись старыя учрежденія и вводились новыя, нерѣдко по иниціативѣ самого Наполеона. Франція своимъ внутреннимъ порядкомъ и внѣшнимъ могуществомъ импонировала равнымъ образомъ правительствамъ государствъ, остававшихся независимыми, благодаря чему французскія учрежденія казались многимъ государственнымъ людямъ прямо образцовыми. Съ другой стороны, патріоты, стремившіеся къ освобожденію народовъ отъ ига, которое на нихъ было наложено чужеземнымъ завоевателемъ, сами приходили къ той мысли, что успѣшная борьба съ внѣшнимъ врагомъ совершенно невозможна безъ укрѣпленія внутреннихъ силъ путемъ преобразованій, а эти преобразованія могли совершаться опять-таки только въ просвѣтительномъ и освободительномъ направленіи, въ духѣ идей, враждебныхъ старымъ порядкамъ. Такого рода взгляды раздѣлялись и многими государственными дѣятелями, ставившими поэтому снова на очередь вопросъ о реформахъ, раздѣлялись и нѣкоторыми общественными кругами, видѣвшими необходимость такой дѣятельности, которая была бы направлена на внутреннее возрожденіе. Не нужно, наконецъ, забывать и національныхъ движеній, вызванныхъ грандіозною международною борьбою эпохи: и они были соеди-

[1]) *Pietro Colletta*. Storia del reame di Napoli dal 1734 sino al 1825. — *Castro*. Storia d'Italia dal 1799 al 1814. 1881.—*Ruth*. Geschichte des italienischen Volkes unter der napoleonischen Herrschaft. 1859.

нены съ разными новыми стремленіями въ области и культурной, и политической жизни.

Мы не будемъ излагать здѣсь внутреннюю исторію отдѣльныхъ государствъ въ эпоху консульства и имперіи и остановимся лишь на крупнѣйшихъ перемѣнахъ вообще въ ихъ быту.

Мы уже видѣли, что революція начала, а Наполеонъ довершилъ паденіе средневѣковой Священной Римской имперіи германской націи. По своему устройству Германія наканунѣ французской революціи была самымъ отсталымъ государствомъ въ Европѣ, сохранивъ изъ временъ средневѣковаго политическаго быта такія черты, какихъ внѣ Германіи въ это время уже нигдѣ не существовало: церковныя княжества и политическій феодализмъ. Въ средніе вѣка на всемъ пространствѣ монархіи Карла Великаго архіепископы и епископы сдѣлались суверенными феодальными владѣльцами, но вездѣ успѣхи государственнаго начала въ его монархической или республиканской формѣ положили конецъ существованію духовныхъ княжествъ. Исключеніе составляли, кромѣ Папской области, лишь духовныя княжества Германіи, сохранившіяся здѣсь только благодаря тому, что страна не достигла политическаго единства. Нѣмецкія духовныя княжества пережили и кризисъ реформаціонной эпохи съ ея секуляризаціонными стремленіями, и епископы-князья дожили въ Германіи до революціонной бури. Изъ семи (а потомъ восьми и даже девяти) курфюрстовъ, стоявшихъ во главѣ имперскихъ князей, три курфюрста были духовные: архіепископы майнцскій, кельнскій и трирскій, но кромѣ того, въ Германіи существовало множество и другихъ духовныхъ князей съ довольно значительными владѣніями. Въ первые годы XIX в. земли нѣмецкихъ епископовъ и аббатовъ пошли на вознагражденіе свѣтскихъ князей за ихъ территоріальныя уступки Франціи, и впослѣдствіи, въ эпоху реставраціи, духовныя княжества въ Германіи болѣе уже не возстановлялись. Такимъ образомъ въ наполеоновскую эпоху окончательно завершился длинный процессъ дефеодализаціи католической церкви, въ которомъ играли роль раньше и борьба городскихъ общинъ противъ своихъ епископовъ, какъ феодальныхъ сеньеровъ, и ростъ королевской власти, и секуляризація церковныхъ земель во времена реформаціи, просвѣщеннаго абсолютизма и революціи. Рядомъ съ этимъ исчезновеніемъ духовныхъ княжествъ нужно поставить и ту секуляризацію частной церковной собственности, какая въ эпоху Наполеона производилась въ нѣкоторыхъ католическихъ странахъ, находившихся подъ вліяніемъ Франціи.

Другимъ остаткомъ средневѣковой старины въ Германіи былъ политическій феодализмъ. Передъ разрушеніемъ своимъ Священная Римская имперія состояла изъ трехъ съ половиною сотенъ крупныхъ,

среднихъ и мелкихъ владѣній (княжествъ и вольныхъ городовъ), не считая полуторы тысячи имѣній имперскаго рыцарства, находившагося въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ императору. Мелкій князекъ или еще того болѣе имперскій рыцарь были настоящими помѣщиками съ суверенными правами, какъ то было, напр., во Франціи лишь въ полный разгаръ феодализма. Паденіе средневѣковой имперіи сопровождалось, какъ мы уже знаемъ, медіатизаціей великаго множества княжескихъ домовъ, т.-е. изъ непосредственныхъ (иммедіатныхъ) чиновъ имперіи они дѣлались посредственными (медіатными) и такимъ образомъ превращались въ подданныхъ князей (вмѣстѣ съ имперскими рыцарями, которые равнымъ образомъ не могли сохранить своего прежняго положенія). Когда Священную Римскую имперію замѣнилъ Рейнскій союзъ, въ немъ числилось уже въ пятнадцать разъ меньше государствъ, чѣмъ было ихъ раньше.

Раздробленіе Германіи на отдѣльныя княжества, совершившееся между серединой XIII и XVII вѣкомъ, было настоящей политической аномаліей въ ту эпоху, когда вездѣ происходило государственное объединеніе, хотя и въ Германіи дѣлались попытки поднять государственную власть надъ феодальнымъ партикуляризмомъ. Особенно силенъ былъ политическій феодализмъ на западѣ Германіи, гдѣ главнымъ образомъ и господствовали духовныя княжества, мелкодержавіе, вольные города, имперское рыцарство, но именно здѣсь болѣе всего и сказалось французское вліяніе. Правда, въ эпоху вѣнскаго конгресса были возстановлены нѣкоторыя изъ княжествъ, уничтоженныхъ Наполеономъ, но все-таки число отдѣльныхъ государствъ въ Германіи и въ 1815 г. было въ десять разъ меньшимъ, чѣмъ до паденія средневѣковой имперіи. Такимъ образомъ и въ процессѣ разрушенія политическаго феодализма Наполеонъ дѣлалъ то, что дѣлали государи новаго времени, открѣплявшіе политическую власть отъ крупнаго землевладѣнія и соединявшіе мелкія феодальныя княжества въ болѣе крупные государственные организмы.

Внутренній строй новыхъ государствъ, основывавшихся Наполеономъ, равнымъ образомъ создавался по новому же плану и прямо на развалинахъ старыхъ отношеній. Образцомъ для нихъ служила императорская Франція, въ свою очередь осуществлявшая во многихъ отношеніяхъ программу просвѣщеннаго абсолютизма. Нѣкоторые нѣмецкіе историки послѣднимъ именемъ даже вообще обозначаютъ режимъ, господствовавшій, напр., въ государствахъ Рейнскаго союза: дѣйствительно, и по задачамъ своимъ, и по пріемамъ этотъ режимъ напоминаетъ намъ просвѣщенный абсолютизмъ XVIII в. Во Франціи вся разрушительная работа была совершена революціей, а Наполеону оставалось только сооружать новое зданіе на уже расчищенной почвѣ.

Не то мы видимъ въ Германіи, въ Италіи, въ Испаніи, гдѣ подручникамъ и союзникамъ Наполеона, носившимъ титулы королей и великихъ герцоговъ, равно какъ окружавшимъ ихъ французамъ, вышедшимъ изъ наполеоновской школы, или мѣстнымъ дѣятелямъ, убѣжденнымъ въ спасительности французскихъ порядковъ, приходилось совершать и разрушительную работу: во Франціи старые порядки отдѣлялись отъ наполеоновской эпохи революціей, а тутъ они еще существовали и самымъ существованіемъ своимъ мѣшали преобразованіямъ по французскому образцу.

Въ Баваріи [1]), увеличенной новыми владѣніями и возведенной на степень королевства, министромъ-реформаторомъ выступилъ савоецъ Монжела [2]), возведенный въ 1809 г. въ графское достоинство. Онъ поставилъ своею задачею слить въ однородное цѣлое всѣ земли, изъ которыхъ составилось новое королевство, отмѣнивъ въ нихъ старинные земскіе чины съ ихъ партикуляристическими стремленіями и построивъ всю администрацію на началахъ бюрократической централизаціи. Преобразовательной дѣятельности подверглись въ Баваріи и церковь (упраздненіе многихъ монастырей и секуляризація части церковной собственности), и школа, и финансы, и судебная часть и т. д. Были, далѣе, отмѣнены здѣсь и привилегіи дворянства; всѣ граждане были привлечены къ платежу налоговъ; предпринято было улучшеніе участи крестьянъ; введена вѣротерпимость; смягчена строгая духовная цензура и т. п. Во многихъ отношеніяхъ въ католико-феодальной Баваріи министръ-реформаторъ совершалъ то же самое и тѣми же пріемами, что за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ Іосифъ II дѣлалъ въ своей католико-феодальной Австріи. Въ Вюртембергѣ деспотически царствовавшій здѣсь король Фридрихъ равнымъ образомъ ниспровергъ старые порядки, отмѣнивъ земскіе чины и сословныя привилегіи, уничтоживъ разныя корпораціи, конфисковавъ церковныя имущества и водворивъ систему бюрократической централизаціи и опеки по французскому образцу. Баденъ, гдѣ правилъ болѣе гуманный Карлъ-Фридрихъ, точно также подвергся внутреннимъ преобразованіямъ, имѣвшимъ результатомъ замѣну учрежденій средневѣкового происхожденія новыми все по тому же французскому образцу. Въ Вестфаль-

[1]) Для Германіи вообще см. *Perthes*. Politische Zustände und Personen in Deutschland zur Zeit der französischen Herrschaft.—*Denis*. L'Allemagne de 1789 à 1810. 1896.—*Beck*. Zur Verfassungsgeschichte des Rheinbunds. 1890. См. также исторіи Вестфальскаго королевства *Göcke und Ilgen*, *Kleinschmidt'а* и *Zwiedinek-Südenhorst'а*. Ср. еще *Havemann*. Das Kurfürstenthum Hannover unter zehnjähriger Fremdherrschaft. 1867.—*Thimme*. Die inneren Zustände des Kurfürst. Hannover unter der Fremdherrschaft. 1893—1894.

[2]) *Hoffmann*. Oekonomische Geschichte Bayerns unter Mongelas. 1885.

скомъ королевствѣ царствовалъ братъ Наполеона Іеронимъ, поставившій своею цѣлью ввести и въ этомъ государствѣ французскіе административные, судебные, финансовые и т. п. порядки съ уничтоженіемъ привилегій и корпорацій, съ равенствомъ всѣхъ передъ закономъ, вѣротерпимостью, уничтоженіемъ крѣпостничества; и ему во всемъ этомъ помогали министры французскаго происхожденія. Французскіе же государственные люди окружали и Іосифа Бонапарта въ Неаполѣ. Здѣсь почва для реформъ уже была отчасти подготовлена дѣятельностью Тануччи, особенно въ церковной сферѣ, немного и въ соціальной. Дѣло, начатое Іосифомъ, продолжалъ его преемникъ Іоахимъ I (Мюратъ). Вмѣстѣ съ французскимъ кодексомъ зять Наполеона ввелъ въ Неаполѣ гражданскую равноправность, отмѣнивъ личныя и имущественныя привилегіи дворянства, майораты, отличія между разными видами собственности, феодальныя повинности, налоговыя изъятія и т. п. Власть духовенства была имъ также стѣснена, и секуляризованныя имущества монастырей были объявлены національной собственностью (наравнѣ съ конфискованными землями эмигрантовъ). Королевство получило новое дѣленіе и администрацію по образцу французской. Были произведены также преобразованія въ области финансовъ, суда, войска. Народное образованіе, сильно запущенное въ Неаполѣ, Іосифъ также старался поднять соотвѣтственными мѣрами. Подобныя же реформы должны были совершиться и въ Испаніи, но здѣсь противъ французовъ вспыхнуло возстаніе, результатомъ котораго была знаменитая конституція 1812 г., представляющая собою другую сторону французскаго вліянія въ эту эпоху.

Собирая вмѣстѣ однородныя черты изъ внутренней исторіи только-что указанныхъ и нѣкоторыхъ другихъ странъ, невольно сравниваешь ихъ съ тѣмъ, что̀ представляетъ изъ себя система просвѣщеннаго абсолютизма XVIII в. въ ея отношеніяхъ къ старымъ церковнымъ, сословнымъ, административнымъ, финансовымъ, судебнымъ и т. п. порядкамъ. Между прочимъ, и въ разсматриваемую эпоху сказалось нерасположеніе государственной власти къ прежнимъ земскимъ чинамъ съ ихъ провинціальнымъ партикуляризмомъ и сословнымъ консерватизмомъ. Просвѣщенный абсолютизмъ былъ противъ общественной самодѣятельности, но въ сущности и новый режимъ, установившійся въ Баваріи, Вюртембергѣ, Баденѣ, Вестфаліи, Неаполѣ и др. государствахъ, находившихся подъ вліяніемъ Франціи, будучи скопированъ съ французскаго, не допускалъ никакой общественной самодѣятельности. Тѣмъ не менѣе, подобно тому, какъ наполеоновская Франція имѣла конституцію съ подобіемъ національнаго представительства, послѣднее вводилось,—хотя бы и на бумагѣ только,—и въ указанныхъ государствахъ, причемъ многія характерныя преобразованія, о которыхъ сей-

часъ шла рѣчь, основывались именно на этихъ новыхъ конституціяхъ. Такимъ образомъ наполеоновская Франція унаслѣдовала отъ Франціи революціонной даже политику распространенія представительныхъ учрежденій, чего вообще не слѣдуетъ упускать изъ виду, разсматривая исторію конституціонныхъ движеній XIX в.

Когда революціонная Франція основывала новыя республики, то давала имъ конституціи, составленныя по образцу французской конституціи III года [1]. Въ прокламаціи, изданной Наполеономъ во время основанія Цизальпинской республики, прямо было заявлено, что „директорія Французской республики даруетъ цизальпинскому народу свою собственную конституцію, плодъ просвѣщенія самой образованной націи въ Европѣ". И цизальпинской конституціи была предпослана декларація правъ и обязанностей; и въ ней провозглашался принципъ народовластія; и она установляла двухстепенные выборы; наконецъ, и по ней законодательная власть была вручена двумъ совѣтамъ (старѣйшихъ и большому), а исполнительная—директоріи изъ пяти членовъ. Когда Наполеонъ, будучи первымъ консуломъ, возстановилъ въ Ломбардіи, отвоеванной-было врагами Франціи, республику подъ именемъ Италійской, послѣдняя получила новую конституцію, которая на этотъ разъ была согласована съ французскою VIII года, причемъ должности перваго консула соотвѣтствовало званіе президента, избиравшагося на десять же лѣтъ. Равнымъ образомъ съ конституціи же III года были списаны и конституціи, какія получили и другія республики, считавшіяся „дочерьми" республики Французской. Любопытно, что при этомъ въ Римѣ для обозначенія конституціонныхъ властей были взяты классическія названія: комиціи—для первичныхъ собраній, трибунатъ—для большого совѣта (соотвѣтствовавшаго французскому совѣту пятисотъ), сенатъ—для совѣта старѣйшинъ, а директоры были замѣнены консулами,—названія, съ которыми мы встрѣчаемся потомъ въ наполеоновской конституціи. Когда сама Франція превратилась въ имперію, это имѣло своимъ результатомъ замѣну уцѣлѣвшихъ въ ту эпоху новыхъ республикъ монархіями, къ которымъ прибавились впослѣдствіи и другія завоеванныя Франціей королевства братьевъ Наполеона. Эти наполеоновскія созданія были равнымъ образомъ копіями съ императорской Франціи: тѣ представительныя учрежденія, которыя существовали въ послѣдней въ силу императорской конституціи, повторялись съ бо̀льшими или меньшими измѣненіями и въ другихъ монархіяхъ, созданныхъ Наполеономъ. Ранѣе всего это было сдѣлано по отношенію къ республикѣ Италійской, превращенной въ королевство

[1]) Тексты ихъ можно найти въ извѣстной Collection des constitutions par *Dufau*, *Duvergier* et *Guadet*, т. II, а также у *Pollitz'a* (Europäische Verfassungen).

Италійское и получившей государственное устройство, аналогичное французскому. Въ слѣдующемъ году получила новую конституцію республика Батавская, превращенная въ королевство Голландское, а также введено было аналогичное устройство и въ Неаполѣ, отданномъ Іосифу Бонапарту, хотя въ неаполитанской конституціи были допущены уже значительныя отступленія отъ французскаго образца. Въ 1807 г. Наполеонъ создалъ королевство Вестфальское, и оно равнымъ образомъ получило представительство. Введеніемъ конституціи сопровождалось, наконецъ, и воцареніе Іосифа въ Испаніи въ 1808 году. Нечего говорить, что всѣ эти конституціи не были результатомъ какого-либо общественнаго движенія и не составляли дѣйствительныхъ гарантій политической свободы: онѣ давались народамъ побѣдоносным полководцемъ, распоряжавшимся по своему усмотрѣнію судьбами націй и троновъ, да и реальное ихъ значеніе не могло быть бо̀льшимъ, чѣмъ въ самой Франціи, гдѣ императорская конституція была лишь своего рода политическою декораціею полнѣйшаго абсолютизма „исполнительной власти". Тѣмъ не менѣе принципъ общественнаго участія въ дѣлахъ управленія признавался въ теоріи этими конституціями, и имперія Наполеона такимъ образомъ содѣйствовала распространенію на материкѣ представительныхъ учрежденій. Королевства братьевъ Наполеона были въ этомъ отношеніи наслѣдниками республикъ, основывавшихся французской революціей, какъ и императорская конституція все-таки была преемницей другихъ конституцій, вводившихся во Франціи послѣ 1789 года. Во всякомъ случаѣ абсолютизмъ въ той формѣ, какую онъ имѣлъ при старомъ порядкѣ, теперь устранялся, и подобіе общественнаго участія въ дѣлахъ правленія вводилось не въ видѣ средневѣкового сословнаго представительства, а въ видѣ болѣе близкомъ къ представительству національному. Политическіе перевороты этой эпохи сопровождались вообще паденіемъ и старой формы представительства сословнаго въ тѣхъ частяхъ Германіи, гдѣ еще доживали свой вѣкъ земскіе чины. Эти послѣдніе были именно уничтожены въ Баваріи и Вюртембергѣ. Хотя въ первомъ изъ этихъ королевствъ введено было новое государственное устройство, которымъ обѣщалось созваніе государственнаго и областныхъ сеймовъ, но обѣщаніе это не было исполнено. Впрочемъ, если государственный сеймъ и былъ введенъ въ королевствѣ Вестфальскомъ, то, какъ и вездѣ, онъ былъ лишь подобіемъ народнаго представительства, такъ какъ по существу во всемъ дѣйствовалъ королевскій произволъ, опиравшійся на бюрократическую систему управленія. Прибавимъ еще, что, учреждая герцогство Варшавское, Наполеонъ и въ немъ ввелъ конституцію, которою возстановлялся польскій сеймъ.

Представительныя учрежденія возрождались къ новой жизни въ

эту эпоху и въ другихъ государствахъ. Низверженіе Густава IV и воцареніе Карла XIII въ Швеціи сопровождалось введеніемъ новой конституціи (1809), по которой представительство попрежнему оставалось (до 1866 г.) сословнымъ, раздѣленнымъ на четыре палаты (дворянство, духовенство, горожане и крестьяне), но измѣнялось зато взаимное отношеніе между государственными властями къ бо̀льшей выгодѣ для представительства, стѣсненнаго актами 1772 и 1789 гг. Въ томъ же году Александръ I ввелъ сословное представительство въ Финляндіи по образцу шведскаго. Но совсѣмъ уже новая конституція въ эту эпоху была выработана въ Норвегіи. Эта страна по кильскому договору (14 янв. 1814 г.) должна была быть присоединена отъ Даніи къ Швеціи, но она вошла съ Швеціей въ сдѣлку, сохранивъ за собою значеніе отдѣльнаго королевства подъ властью общаго короля съ Швеціей. Когда датскій король вынужденъ былъ уступить Норвегію шведскому королю, норвежское населеніе отказалось подчиниться этой уступкѣ, ссылаясь на то, что народъ „не стадо“, которымъ можно распоряжаться по произволу, и вотъ въ Эйдсвольдѣ было созвано учредительное собраніе, въ которомъ нашлись люди, проникнутые французскими демократическими идеями; они-то и составили новый государственный уставъ Норвегіи. Норвежская конституція демократическая, напоминающая французскую конституцію 1791 года, такъ какъ въ принципѣ она приняла одну палату и предоставила королю лишь задерживающее veto [1]).

Особаго разсмотрѣнія заслуживаетъ испанская конституція 1812 г. Ея происхожденіе напоминаетъ происхожденіе норвежской. И она возникла также на почвѣ національнаго протеста противъ распоряженія народомъ, какъ стадомъ, и она была составлена въ духѣ тѣхъ же демократическихъ идей. Наполеонъ, посадившій своего брата на престолъ Испаніи, впервые въ этой странѣ встрѣтилъ противъ себя сильное народное движеніе, выразившееся въ партизанской войнѣ противъ французской арміи [2]) и въ образованіи мѣстныхъ союзовъ, или хунтъ, которыя объединили свои дѣйствія въ образованіи общей центральной хунты (1808). Сначала въ этомъ движеніи господствовало реакціонное теченіе, стремившееся къ возстановленію стараго абсолютизма, но мало-по-малу верхъ взяла либеральная партія, которая и стала во главѣ національной войны противъ французскаго ига. Эта партія не только съумѣла оказать противодѣйствіе реакціоннымъ элементамъ хунты, но и вынудила временное національное прави-

---

[1]) Текстъ см. у *Jäger'a* и *Moldenhauer'a*. (Auswahl wichtiger Aktenstücke zur Geschichte des XIX Jahrhunderts. 1893).

[2]) Подобно тому какъ и норвежцы стали-было силою сопротивляться шведамъ

тельство (регентство) созвать въ Кадиксѣ [1]) кортесы (24 сент. 1810 г)., которые и составили знаменитую конституцію 1812 г. Выборы въ кортесы 1810 г. были произведены всеобщей подачей голосовъ во всѣхъ тѣхъ частяхъ Испаніи, которыя не были заняты французами, а изъ другихъ частей, гдѣ населеніе не могло выбрать депутатовъ, были назначены правительствомъ тамошніе уроженцы, переѣхавшіе на жительство въ Кадиксъ. Въ первомъ же засѣданіи кортесовъ, образовавшихъ изъ себя одну палату, регентство сложило съ себя власть, и вожди собранія добились того, что кортесы были провозглашены средоточіемъ верховной власти націи и уже отъ себя вручили исполнительную власть прежнему регентству. Испанскіе патріоты, боровшіеся противъ французовъ, были тѣмъ не менѣе одушевлены идеями французской революціи, и конституція 1791 г. съ нѣкоторыми принципами средневѣкового арагонскаго устройства послужила образцомъ для составленія конституціи 1812 г. Это созданіе кортесовъ получило впослѣдствіи важное историческое значеніе, сдѣлавшись въ эпоху реставраціи лозунгомъ либеральныхъ партій и въ другихъ романскихъ странахъ [2]). Въ основу новаго государственнаго устройства Испаніи кортесы положили принципъ народовластія, объявивъ, что лишь самому народу принадлежитъ учредительная власть. Начало раздѣленія властей было строго проведено и въ испанской конституціи 1812 г.: законодательная власть вручалась кортесамъ вмѣстѣ съ королемъ, который пользовался правомъ инищіативы и долженъ былъ предписывать исполненіе законовъ, но былъ лишенъ абсолютнаго veto; примѣненіе же законовъ въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ предоставлялось судамъ. Народъ получалъ право посылать въ кортесы, составлявшіе одну палату, по одному депутату на каждыя 70 т. жителей, но выборы не были прямыми, такъ какъ для нихъ организованы были приходскія, окружныя и провинціальныя избирательныя хунты съ довольно сложной системой избранія. Депутаты избирались на два года безъ права быть переизбраннымъ въ теченіе слѣдующаго двухлѣтія. Представителями націи не могли быть ни министры, ни члены государственнаго совѣта, ни придворные чины, хотя министрамъ и разрѣшалось присутствовать въ кортесахъ во время преній (но не при голосованіяхъ) и давать свои объясненія. Кортесамъ конституція предоставляла самыя большія права и въ законодательствѣ, и въ финансовомъ управленіи, равно какъ широкій контроль надъ министрами и участіе въ ратификаціи договоровъ съ иностранными государствами. Далѣе, учреждалась особая „постоянная депутація“

[1]) Собственно въ небольшомъ портовомъ мѣстечкѣ на островѣ Леонѣ. Объ этихъ кортесахъ есть испанское сочиненіе *Borrego* (1885).

[2]) См. у *Дюфо*, т. V., а также у *Jäger'a* и *Moldenhauer'a*.

кортесовъ изъ семи членовъ, и на нее была возложена обязанность блюсти неприкосновенность конституціи и законовъ, доводя до свѣдѣнія кортесовъ обо всѣхъ правонарушеніяхъ, и созывать кортесы для чрезвычайныхъ сессій во всѣхъ особенно важныхъ случаяхъ государственной жизни. Королевская власть, получившая значеніе лишь исполнительнаго органа, и тутъ была обставлена разнаго рода ограниченіями. Напр., король не могъ распускать кортесы или отсрочивать ихъ засѣданія, и кто посовѣтовалъ бы королю это сдѣлать или помогъ бы ему въ этомъ, тотъ долженъ былъ подвергнуться преслѣдованію въ качествѣ государственнаго измѣнника. Король, вступившій въ бракъ безъ согласія кортесовъ, считался отказавшимся отъ престола. Кортесы могли вмѣстѣ съ тѣмъ исключать изъ права престолонаслѣдія членовъ королевской фамиліи, неспособныхъ къ управленію или запятнавшихъ себя какими-либо поступками, за совершеніе которыхъ они заслуживали бы потерять право на корону. Воспитаніе наслѣдника престола было отдано подъ контроль кортесовъ. Король, наконецъ, долженъ былъ вообще дѣйствовать не иначе, какъ черезъ отвѣтственное передъ кортесами министерство, и помимо этого, конституція учреждала при королѣ еще государственный совѣтъ, въ составъ котораго входило сорокъ членовъ, назначаемыхъ самимъ королемъ не иначе, однако, какъ изъ тройного числа кандидатовъ, указанныхъ кортесами; лишить ихъ должности могъ только приговоръ верховнаго суда. По всѣмъ важнымъ дѣламъ, особенно же по вопросамъ законодательства и внѣшней политики, т.-е. когда, напр., предстояло дать санкцію закону, объявить войну, заключить договоръ съ иностранною державою, король обязанъ былъ выслушивать мнѣніе государственнаго совѣта; этому же совѣту принадлежало право представлять тройное число кандидатовъ, изъ которыхъ король долженъ былъ выбирать при всѣхъ назначеніяхъ на духовныя и свѣтскія должности. Однимъ изъ видныхъ пунктовъ этой либеральной конституціи было, впрочемъ, объявленіе единой истинной католической вѣры національною религіей съ прямымъ воспрещеніемъ всѣхъ другихъ культовъ. Замѣтимъ еще, что этой конституціи должны были подчиняться и испанскія колоніи. Американскія владѣнія Испаніи не захотѣли признавать правительства Іосифа и образовали мѣстныя хунты во имя короля Фердинанда VII, но подъ этимъ движеніемъ скрывались уже сепаратистическія стремленія. Испанскія колоніи давно тяготились зависимостью отъ метрополіи, и даже уступки, сдѣланныя въ ихъ пользу кортесами 1812 г., ихъ мало удовлетворяли; когда же въ 1814 г. въ Испаніи произошла реставрація абсолютизма, колоніи уже прямо поставили себѣ задачу отдѣлиться отъ метрополіи для образованія отдѣльныхъ самостоятельныхъ республикъ.

Весьма важное значеніе въ дѣлѣ уничтоженія стараго соціальнаго строя съ его сословными привилегіями личнаго и вещнаго характера имѣло и распространеніе внѣ Франціи Наполеонова кодекса. Наполеонъ самъ придавалъ весьма большое значеніе распространенію своего гражданскаго кодекса, бывшаго выраженіемъ индивидуализма новаго времени съ его сильными и слабыми сторонами. Понятное дѣло, что этотъ кодексъ дѣйствовалъ на всемъ протяженіи обширной имперія до самыхъ отдаленныхъ ея предѣловъ (въ родѣ Илліріи), но кромѣ того, онъ былъ принятъ въ итальянскихъ владѣніяхъ самого Наполеона и его родни, въ нѣкоторыхъ государствахъ Рейнскаго союза, каковы Баденъ и Вестфалія, равно какъ въ герцогствѣ Варшавскомъ [1]) и т. п. Освящавшій во Франціи гражданское равенство, новый кодексъ вводилъ это равенство тамъ, гдѣ феодализмъ и крѣпостничество создавали юридическое неравенство и даже прямую зависимость человѣка отъ человѣка. Крѣпостное состояніе, въ какомъ находилась во многихъ государствахъ почти вся масса сельскаго населенія, было несовмѣстимо съ новымъ общественнымъ строемъ и съ его выраженіемъ — гражданскимъ кодексомъ, и потому французское владычество вездѣ соединялось съ освобожденіемъ личности крестьянина отъ рабской зависимости. Въ XVIII в. для сельскаго населенія Германіи сдѣлано было слишкомъ мало законодательствомъ отдѣльныхъ государей, чтобы можно было говорить о какихъ-либо серьезныхъ перемѣнахъ или улучшеніяхъ въ крестьянскомъ быту передъ тѣмъ политическимъ переворотомъ, который былъ результатомъ окончательнаго распаденія Священной Римской имперіи. Исключая то, что̀ сдѣлано было въ Пруссіи и Австріи при Фридрихѣ-Вильгельмѣ I и Фридрихѣ II, при Маріи Терезіи и Іосифѣ II, можно указать развѣ еще лишь на такіе факты, какъ отмѣна (но далеко не полная) крѣпостничества въ Баденѣ при Карлѣ-Фридрихѣ (1783), въ Изенбургѣ при Вольфгангѣ-Эрнстѣ (1795), въ Гогенцоллернъ-Гехингенѣ при вступленіи на престолъ Германа-Фридриха (1798) или какъ нѣкоторое улучшеніе быта крестьянъ въ Баваріи при вступленіи на престолъ Максимиліана I (1799). Въ Изенбургѣ уничтоженіе крѣпостного состоянія было вынуждено необходимостью, потому что подъ вліяніемъ французской революціи въ этомъ княжествѣ въ 1794 г. происходили крестьянскіе бунты противъ барщины. Настоящимъ образомъ уничтоженіе крѣпостничества началось въ Германіи, однако, только въ эпоху французскаго господства. Во-первыхъ, оно совершалось, разумѣется, въ тѣхъ нѣмецкихъ земляхъ, которыя по люневиль-

[1]) Кодексъ Наполеона и до сихъ поръ дѣйствуетъ въ губерніяхъ Царства Польскаго.

скому миру были непосредственно присоединены къ Франціи. Во-вторыхъ, послѣ этого было бы въ высшей степени трудно поддерживать крѣпостничество въ сосѣднихъ государствахъ Рейнскаго союза, тѣмъ болѣе, что союзнымъ актомъ (12 іюля 1806) объявлялись уничтоженными всѣ нѣмецкіе имперскіе законы, касавшіеся союзниковъ и ихъ подданныхъ, и что въ новыхъ королевствахъ, великихъ герцогствахъ и т. п. стали вводиться французскіе порядки, и мѣстами былъ принятъ Наполеоновъ кодексъ. Кромѣ того, отъ членовъ Рейнскаго союза французскій протекторатъ требовалъ величайшаго напряженія экономическихъ силъ, и между самими правителями всѣхъ этихъ королевствъ и княжествъ утвердился взглядъ, по которому поднять матеріальную производительность населенія могло лишь освобожденіе личности крестьянина, его труда и земли отъ рабской зависимости. Любопытно, что тѣ члены Рейнскаго союза, по отношенію къ которымъ Наполеонъ былъ не такъ требователенъ, какъ къ другимъ, ничего существеннаго и не дѣлали для улучшенія быта крестьянъ въ своихъ владѣніяхъ. Въ такомъ положеніи находились именно Вюртембергъ, гдѣ начало крестьянской реформы относится только къ слѣдующему періоду (1817), и Саксонія, въ которой паденіе крѣпостничества совершилось еще позднѣе (1832).

Когда Наполеонъ создалъ для своего брата Іеронима Вестфальское королевство, то въ конституцію (15 ноября 1807 г.), которою оно должно было управляться, включилъ статью, безвозмездно уничтожавшую въ новомъ королевствѣ крѣпостное состояніе. Въ началѣ слѣдующаго года (23 янв. 1808 г.) Іеронимъ издалъ декретъ, объяснявшій, что безвозмездная отмѣна распространяется лишь на рабскую зависимость личности съ произвольными барщинами и оброками, но что всѣ повинности, имѣющія значеніе платы за уступленные крестьянамъ участки земли, должны подлежать выкупу, — распоряженіе, напоминающее намъ законодательство французской революціи въ 1789—91 годахъ [1]). Этотъ законъ былъ дополненъ другими, опредѣлявшими примѣненіе общаго принципа къ разнымъ категоріямъ крестьянскихъ повинностей. Упоминая объ этомъ, не мѣшаетъ, впрочемъ, отмѣтить, что Іеронимъ считалъ нужнымъ разрѣшать нѣкоторые вопросы своего законодательства по отношенію къ сельскому быту въ интересахъ землевладѣльцевъ, которыхъ, очевидно, не хотѣлъ противъ себя вооружать. Когда Вестфальское королевство пало, въ немъ фактически продолжали еще существовать прежнія отношенія, благодаря поспѣшности, съ которою была введена реформа, и несогласованности

---

[1]) Подробнѣе о крестьянскихъ реформахъ сказано въ общемъ ихъ обзорѣ въ главѣ XXII настоящаго тома.

между собою отдѣльныхъ ея частей, да и вслѣдствіе того еще, что крестьяне не хотѣли выкупать своихъ земель, стремясь включить всѣ свои повинности въ категорію отмѣненныхъ безвозмездно, что породило множество судебныхъ процессовъ. Тѣ же явленія, впрочемъ, наблюдаются и въ другихъ государствахъ Рейнскаго союза, гдѣ на тѣхъ же принципахъ, какъ и въ Вестфаліи, были изданы законы, отмѣнявшіе крѣпостную зависимость крестьянъ. Въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ по отношенію къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ территоріямъ иниціатива принадлежала непосредственно самому Наполеону. Именно въ 1808 г. онъ подписалъ въ Мадридѣ декретъ, уничтожавшій крѣпостное состояніе въ великомъ герцогствѣ Бергскомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ землицахъ, каковы Эрфуртъ, Байрейтъ и др. (Точно такъ же Наполеономъ отмѣнено было крѣпостничество и въ великомъ герцогствѣ Варшавскомъ, когда послѣднее получало свое внутреннее устройство въ 1807 г.). Съ другой стороны, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что безъ разгрома Пруссіи, указавшаго на непригодность старыхъ порядковъ, которые господствовали въ гогенцоллернской монархіи, не подвинулось бы дѣло крестьянской реформы и въ тѣхъ частяхъ этой монархіи, которыя сохранились подъ властью Фридриха-Вильгельма III. Въ освобожденіи крестьянъ, предпринятомъ здѣсь въ 1807 г., о чемъ подробнѣе мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, прямо видѣли средство поднять монархію изъ ея упадка и возмѣстить внѣшнія потери внутреннимъ усиленіемъ, ожидавшимся отъ улучшенія крестьянскаго быта. Прежде всего это сдѣлано было въ Силезіи, относительно которой у правительства было серьезное опасеніе, какъ бы освобожденіе не поспѣшили провозгласить французы, чтобы привлечь сельское населеніе на свою сторону, но послѣ такого шага прусскому правительству было бы уже совершенно невозможно не распространить ту же мѣру и на другія провинціи. Дѣйствительно, эдиктомъ 9 ноября 1807 г. Фридрихъ-Вильгельмъ III положилъ начало ликвидаціи крѣпостническихъ отношеній въ своемъ государствѣ, и это произошло даже раньше, чѣмъ во многихъ другихъ нѣмецкихъ государствахъ, какъ, напр., въ Баваріи и Нассау (1808), въ Вестфаліи (1808 и 1809), въ Липпе-Детмольдѣ (1809), въ Шауенбургъ-Липпе и въ шведской Помераніи и т. п. (1810).

Изъ этого краткаго обзора внутреннихъ перемѣнъ, совершившихся въ разныхъ странахъ Западной Европы въ эпоху имперіи и подъ непосредственнымъ вліяніемъ наполеоновской Франціи, можно также видѣть, что между многими сторонами просвѣщеннаго абсолютизма, французской революціи и наполеоновскаго режима существуетъ извѣстное внутреннее родство. Эти три историческія явленія, охватывающія собою вторую половину XVIII в. и начало XIX столѣтія

сходятся на общей почвѣ отрицанія старыхъ культурно-соціальныхъ началъ католико-феодальнаго строя во имя принциповъ государства и изолированной личности. Правда, французская революція присоединила къ этимъ принципамъ еще и принципъ общественной самодѣятельности, противъ котораго одинаково вооружались и просвѣщенный абсолютизмъ, и на практикѣ наполеоновскій цезаризмъ; но съ этимъ принципомъ сама уже революція потерпѣла пораженіе, чѣмъ и объясняется временное его забвеніе въ наполеоновскую эпоху. Между тѣмъ всѣ эти перевороты, которымъ подвергалась Западная Европа въ теченіе четверти вѣка отъ начала революціи до паденія имперіи Наполеона I, не могли пройти безслѣдно для національнаго и общественнаго самосознанія, и оно, конечно, должно было пробуждаться, какъ вслѣдствіе французскаго деспотизма, тяготѣвшаго надъ цѣлыми народами, такъ и вслѣдствіе внутреннихъ перемѣнъ, происшедшихъ въ отдѣльныхъ странахъ и не могшихъ не имѣть просвѣтительнаго и освободительнаго вліянія. Національныя движенія XIX в. своимъ исходнымъ пунктомъ имѣютъ поэтому французскую революцію и имперію Наполеона I, которыя и положительнымъ, и отрицательнымъ воздѣйствіемъ своимъ на народы вывели ихъ изъ спячки, бывшей результатомъ культурной, соціальной и политической реакціи подъ знаменемъ клерикально-аристократическаго абсолютизма XVI и XVII вѣковъ.

X. Разложеніе стараго порядка и попытка реформъ въ Пруссіи [1]).

Особый интересъ прусской исторіи въ наполеоновскую эпоху.— Результаты просвѣщеннаго абсолютизма Фридриха II.—Внутреннее разложеніе стараго порядка въ Пруссіи.—Культурная реакція при Фридрихѣ-Вильгельмѣ II.— Его отношеніе къ революціонной Франціи. — Настоятельная необходимость преобразованій въ системѣ управленія.—Соціальныя отношенія Пруссіи въ началѣ XIX в.— Вліяніе французской революціи на Пруссію и прогрессивная партія въ Пруссіи.—Гарденбергъ и Штейнъ.— Условія, среди которыхъ пришлось дѣйствовать обоимъ министрамъ-реформаторамъ.— Вопросъ о представительствѣ въ Пруссіи.— Правительственныя преобразованія Штейна и Гарденберга.—Измѣненія, произведенныя ими въ соціальномъ быту.—Реформа прусской арміи.—Общее значеніе прусскихъ реформъ.

Мы выдѣляемъ изъ общаго разсмотрѣнія перемѣнъ, происходившихъ во внутренней жизни западно-европейскихъ народовъ въ напо-

[1]) Литература для этой и слѣд. главъ весьма значительная. *Rönne*. Das Staatsrecht der preussischen Monarchie. 1871. — *Schulze*. Das preussische Staatsrecht. 1872—*Cavaignac*. La formation de la Prusse contemporaine. 1891.—*Menzel*. Zwanzig Jahre preussischer Geschichte. 1849. — *Philippson*. Geschichte des preussischen

леоновскую эпоху, тѣ преобразованія, которыя были совершены въ Пруссіи послѣ разгрома этой монархіи въ 1807 г. На это имѣются особыя основанія, касающіяся, во-первыхъ, важной исторической роли Пруссіи, а во-вторыхъ, самаго характера реформъ, предпринятыхъ и отчасти выполненныхъ въ этомъ государствѣ. При этомъ большой интересъ представляетъ и личность министра-реформатора, барона Штейна. Недаромъ же эта эпоха привлекала къ себѣ вниманіе историковъ и такъ часто служила предметомъ изученія.

Въ XVIII в. произошло возвышеніе Пруссіи, и къ концу столѣтія стала даже намѣчаться и ея будущая роль объединительницы раздробленной Германіи. Въ эпоху наибольшаго униженія Германіи Наполеономъ на Пруссію, въ которой были предприняты внутреннія реформы, нѣмецкіе патріоты стали возлагать всѣ свои надежды, и монархія Гогенцоллерновъ, дѣйствительно, вполнѣ съиграла первую роль во время „войны за освобожденіе“ Германіи отъ французскаго ига въ 1813 году. Конечно, безъ внутреннихъ преобразованій она не могла бы подняться изъ своего паденія и не могла бы сдѣлаться центромъ національной жизни всей Германіи въ моментъ рѣшительной борьбы съ Наполео-

Staatswesens vom Tode Friedrichs des Grossen. 1880—82.—*Его же.* Geschichte des preussischen Beamtenthums vom Anfang des XVI Jahrhunderts bis auf die Gegenwart. 1884.—*Cassel.* Friedrich-Wilhelm II. 1886.—*H. Hüffer.* Die Kabinets-Regierung in Preussen und J. W. Lombard. 1891. — *M. Duncker.* Aus der Zeit Friedrichs des Grossen und Friedrich-Wilhelms III. 1876.— *F. Noack.* Hardenberg und das geheime Cabinet Fr.-Wilh. III. 1881. — *Pertz.* Das Leben des Ministers von Stein. 1849—55.—*Lehmann.* Stein, Scharnhorst und Schön. 1877.—*Его же.* Scharnhorst. 1886.—*Seeley.* Life and times of Stein (есть и нѣм. переводъ. 1883 - 87).— *L. von Ranke.* Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers von Hardenberg. — *Его же.* Hardenberg und die Gesch. des preuss. Staates von 1793 bis 1813.—*Bodelschwingh.* Leben Vincke's.—*Haym.* Wilhelm von Humboldt.—*Klippel.* Das Leben von Scharnhorst. 1869. — *F. Meier.* Die Reform der Verwaltungsorganisation unter Stein und Hardenberg. 1881. — *A. Stern.* Abhandlungen und Aktenstücke zur Geschichte der preussischen Reformzeit (1807—1815). 1855.—*Knapp.* Die Bauernbefreiung in den älteren Theilen Preussens. 1887 (есть рус. переводъ).—*Mamroth.* Gesch. der preuss. Staatsbesteuerung (1806—1816). 1890.—*Dieterici.* Zur Geschichte der Steuerreform in Preussen (1810—1820). 1875.—Die Reorganisation der preussischen Armee nach dem Tilsiter Frieden. 1862. (Изд. истор. отдѣленія прусс. генер. штаба).—*Köpke.* Die Gründung der Universität zu Berlin. 1860.—Соч. о Tugendbund'ѣ *Voigt'a* (1850), *Balrsch'a* (1852), *Lehmann'a* (1867).—На русскомъ языкѣ см. *А. Назимовъ.* Реакція въ Пруссіи. 1886 (Сочиненіе посвящено эпохѣ 1848 — 1858 гг., но въ немъ есть и отдѣлъ объ эпохѣ реформъ при Штейнѣ и Гарденбергѣ).—*Н. Молчановскій.* Цеховая система въ Пруссіи XVIII в. и реформа цеховъ при Штейнѣ и Гарденбергѣ.—*Ю. Θ. Самаринъ.* Уничтоженіе крѣпостного права въ Пруссіи. — *Р. Виннеръ.* Государственныя идеи Штейна (Рус. Мысль 1891, авг.). Конечно, этой эпохѣ посвящены большіе отдѣлы и въ общихъ сочиненіяхъ *Гейсера* и *Трейчке, Онкена* и *Флате* и въ исторіяхъ Пруссіи. См. также соч. *R. Goette*, названное ниже въ примѣчаніи къ главѣ XI.

номъ. Въ исторіи прусскихъ реформъ есть и другая сторона. Просвѣщенный абсолютизмъ короля-философа, Фридриха II, прошелъ почти совершенно безслѣдно для политическаго и соціальнаго быта Пруссіи. Въ концѣ этого царствованія Мирабо настойчиво указывалъ на необходимость внутреннихъ преобразованій, говоря, что въ монархіи Фридриха II все держится на личности самого короля: умретъ онъ, и первый серьезный толчокъ повлечетъ за собою разрушеніе сооруженнаго имъ зданія. Въ началѣ XIX в. старый порядокъ въ Пруссіи находился, дѣйствительно, въ полномъ разложеніи, что и сказалось на катастрофѣ, постигшей ее въ 1806 г. Отъ Наполеона зависѣло даже совершенно ее уничтожить, какъ это онъ сдѣлалъ съ другими нѣмецкими государствами. Прусское правительство сознало теперь необходимость внутреннихъ преобразованій, и судьба послала монархіи замѣчательнаго государственнаго дѣятеля въ лицѣ барона Штейна, взявшаго на себя это трудное дѣло. Въ то самое, однако, время, когда въ другихъ странахъ внутреннія перемѣны совершались подъ французскимъ вліяніемъ, по инициативѣ и по указаніямъ французскаго правительства или во французскомъ духѣ, прусскія реформы и происхожденіемъ своимъ, и характеромъ указывали на иной источникъ, на иную государственную идею, нежели та, которая возобладала во Франціи. Главный реформаторъ эпохи, баронъ Штейнъ, былъ, какъ мы увидимъ, ярымъ противникомъ воззрѣній и учрежденій французской революціи и наполеоновской имперіи: по его мысли реформы, нужныя Пруссіи, не должны были походить на французскіе порядки, и въ этомъ заключается оригинальность предпринятыхъ имъ преобразованій. Тѣмъ не менѣе, и въ этихъ реформахъ проявилось освободительное вѣяніе эпохи, и Пруссія лишь инымъ образомъ, нежели Франція, приступила къ ликвидаціи стараго порядка, воплощавшагося въ сословномъ строѣ общества и въ формахъ полицейскаго государства. Вотъ это-то все, вмѣстѣ взятое, и дѣлаетъ въ высшей степени любопытною внутреннюю исторію Пруссіи въ наполеоновскую эпоху.

Просвѣщенный абсолютизмъ Фридриха II имѣлъ значеніе главнымъ образомъ въ культурной жизни Пруссіи, подготовивъ общество къ воспринятію просвѣтительныхъ идей вѣка; но въ сферѣ политической и соціальной король-философъ, наслѣдникъ гогенцоллернскихъ династическихъ традицій, сильно благоволившій юнкерству, оставилъ неприкосновенными тѣ порядки, которые ему самому оставлены были въ наслѣдство его предшественниками. Привилегированное и господствующее положеніе дворянства, приниженное и придавленное положеніе городского сословія, крѣпостное состояніе, въ какомъ находилось крестьянство,—все это были характерныя черты стараго порядка: Пруссія въ этомъ отношеніи отнюдь не представляла исключенія изъ

общаго правила, господствовавшаго на материкѣ Европы. Какою принялъ Фридрихъ II Пруссію отъ своихъ предшественниковъ и какою оставилъ своимъ преемникамъ, такою она и дожила вплоть до самой іенской катастрофы, тѣмъ болѣе, что тѣ два десятка лѣтъ, которые отдѣляютъ годъ смерти короля-философа отъ года наполеоновскаго погрома, были въ исторіи Пруссіи временемъ реакціи противъ просвѣщенія XVIII вѣка вообще, слѣдовательно, временемъ, крайне неблагопріятнымъ для какихъ бы то ни было внутреннихъ преобразованій въ прогрессивномъ направленіи. Въ XVIII в., въ эпоху полнаго господства старыхъ порядковъ, монархія Гогенцоллерновъ была своего рода образцовымъ государствомъ, административныя, финансовыя и военныя учрежденія котораго были нерѣдко предметомъ зависти и подражанія для другихъ правительствъ, но сами по себѣ эти правительственные порядки были, конечно, далеки отъ совершенства, а тутъ еще послѣ смерти Фридриха II они не только стали разлагаться (потому, между прочимъ, что власть попала въ неумѣлыя руки), но и совсѣмъ уже перестали соотвѣтствовать новымъ условіямъ жизни и новымъ задачамъ управленія. Вся государственная система Пруссіи сводилась къ господству бюрократіи, притомъ руководимой не правильными учрежденіями, а непосредственнымъ и личнымъ вмѣшательствомъ самого короля даже въ мелочи администраціи, суда, финансовъ и военнаго хозяйства. Въ концѣ своей жизни самъ Фридрихъ II признавался, что ему „надоѣло царствовать надъ рабами“. Его властный характеръ, его система управленія, дѣйствительно, привели къ тому, что подконецъ онъ окруженъ былъ только слѣпыми исполнителями его воли, лишенными иниціативы и довѣрія къ собственнымъ силамъ. Фридрихъ II самъ же не терпѣлъ около себя людей, имѣвшихъ свое мнѣніе и свою волю, и, во всемъ полагаясь исключительно лишь на одного себя, относился ко всей совокупности правительственныхъ учрежденій Пруссіи, построенныхъ на строгомъ бюрократическомъ началѣ, какъ къ бездушному механизму, предназначенному лишь къ тому, чтобы приводить въ исполненіе королевскую волю: понятно, иного отношенія, какъ всеобщее раболѣпство, онъ и не могъ встрѣтить со стороны своихъ помощниковъ. Поэтому при господствѣ такой системы вырабатывалась въ государственныхъ людяхъ Пруссіи одна только способность повиноваться. Но и эта способность вообще, однако, очень скоро и безслѣдно исчезаетъ, разъ сходитъ со сцены лицо, владѣющее искусствомъ повелѣвать, умѣющее требовать отъ своихъ помощниковъ и подчиненныхъ только пассивнаго исполненія чужой воли и совсѣмъ не пріучающее ихъ болѣе активнымъ образомъ участвовать во власти. Фридрихъ II оставилъ въ сущности неприкосновенною и ту военно-хозяйственную систему управленія государствомъ, которую

унаслѣдовалъ самъ отъ своего отца,—систему полицейскаго государства съ его канцелярщиной, чиновничьей рутиной и бумажнымъ дѣлопроизводствомъ, какъ не тронулъ ни въ одномъ существенномъ отношеніи и соціальнаго строя старой Пруссіи, не сократилъ дворянскихъ привилегій, не облегчилъ положенія крѣпостныхъ крестьянъ. Въ сущности Пруссія уже въ царствованіе этого величайшаго изъ своихъ королей носила въ себѣ всѣ зародыши разложенія и упадка, и все въ ней крѣпко держалось при самомъ Фридрихѣ II, лишь благодаря его замѣчательной личности, а при его преемникахъ—въ силу одной инерціи.

Королю-философу наслѣдовалъ его племянникъ Фридрихъ-Вильгельмъ II, вступившій на престолъ за три года до начала французской революціи и царствовавшій еще около двухъ лѣтъ послѣ того, какъ Пруссія—первою изъ старыхъ монархій—пошла на сдѣлку съ этой революціей, отставъ отъ коалиціи, чтобы заключить съ Франціей сепаратный миръ въ своихъ собственныхъ выгодахъ [1]). Этотъ король былъ во многихъ отношеніяхъ совершенною противоположностью своего дяди, соединяя въ себѣ—вмѣстѣ съ чувственностью и распущенностью (особенно въ своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ)—суевѣрную религіозность, переходившую въ ханжество, и преклоненіе передъ ходячею моралью (охраненіе которой даже вошло въ число особыхъ правительственныхъ заботъ Фридриха-Вильгельма II). При этомъ онъ, опять-таки не по примѣру философа-дяди, при всякомъ удобномъ случаѣ заявлялъ полное свое отвращеніе ко всему, что имѣло французское происхожденіе или носило французскій характеръ. Образованіе, полученное имъ, было болѣе, чѣмъ поверхностнымъ; и при своемъ предшественникѣ онъ, разумѣется, не могъ также и на практикѣ научиться трудному искусству управленія. Вступивъ на престолъ, Фридрихъ-Вильгельмъ II болѣе всего сталъ заботиться объ охраненіи своей самостоятельности отъ постороннихъ вліяній, но именно слабостью короля и воспользовались разные проходимцы, чтобы, льстя и потакая недальновидному монарху, незамѣтнымъ для него самого образомъ забрать въ свои руки всѣ дѣла государства. Фридриха-Вильгельма II окружали преимущественно интриганы и обскуранты, вообще люди, такъ или иначе подходившіе къ суевѣрному настроенію, ханжеству и реакціоннымъ стремленіямъ короля. Одинъ изъ его совѣтниковъ, Вельнеръ, самъ ренегатъ раціонализма, былъ личнымъ врагомъ Фридриха II и принципіальнымъ противникомъ его системы, и это особенно нравилось королю; другой, Бишофсвердеръ, настоящій суевѣръ и ретроградъ по природѣ, тоже пользовался особымъ распо-

---

[1]) Базельскій миръ 1795 г.

ложеніемъ Фридриха-Вильгельма II. Если на чемъ-либо особенно сильно сказалось въ Пруссіи Фридриха II вліяніе просвѣщенія XVIII в., то какъ-разъ на умственномъ состояніи общества, а характеромъ культурной реакціи особенно и отличалось все царствованіе новаго государя. Въ 1788 и 1792 г. племянникъ короля-философа издалъ, напр., эдикты, запрещавшіе въ Пруссіи свободу совѣсти и свободу печати: философы, деисты, богословы, имѣвшіе собственные взгляды, должны были отказаться отъ возможности излагать свои теоріи съ университетскихъ и церковныхъ каѳедръ или въ книгахъ и статьяхъ; даже чисто научныя сочиненія подлежали спеціальной цензурѣ оффиціальныхъ представителей той или другой отрасли знанія, такъ что, напр., книга или статья по медицинѣ должна была быть до своего выхода въ свѣтъ одобрена правительственными спеціалистами названной науки. Понятно, что при такомъ режимѣ политическіе вопросы и вовсе исключались изъ публичнаго осужденія. Фридрихъ-Вильгельмъ II смутно сознавалъ недостатки правительственной системы своего дяди, но ни самъ онъ, ни люди, его окружавшіе, не были способны хотя бы только поддерживать эту систему: все, что заключало въ себѣ лишь зародыши ея разложенія, приводило теперь въ неумѣлыхъ рукахъ уже къ настоящему разложенію. Король былъ во власти кружка фаворитовъ, интриговавшихъ противъ министровъ, а эти, въ свою очередь, интриговали противъ вліятельныхъ частныхъ совѣтчиковъ короля. Интригою жило и все высшее общество, наружно, однако, считая для себя болѣе удобнымъ приспособляться къ реакціонному направленію, сообщавшемуся сверху всей духовной жизни страны. Недовольство такою системою въ Пруссіи было общимъ, и всѣ оппозиціонно настроенные элементы общества протестовали противъ антифранцузскаго направленія, господствовавшаго въ оффиціальныхъ сферахъ, и протестовали дѣйствительнымъ или только мнимымъ расположеніемъ къ Франціи, которую, наоборотъ, король ненавидѣлъ. Фридрихъ-Вильгельмъ II, говорившій, что его ремесло — быть роялистомъ, отнесся, какъ извѣстно, весьма враждебно къ французской революціи и однимъ изъ первыхъ началъ противъ нея войну во имя защиты стараго порядка. Но онъ совсѣмъ не былъ такимъ человѣкомъ, чтобы выдержать эту свою роль до конца, роль безкорыстнаго защитника монархическаго принципа и вѣрнаго союзника государствъ, составившихъ коалицію для подавленія революціи. Въ 1795 г. онъ пошелъ на мировую съ французской республикой, уже намѣтившей тогда свою программу революціонной пропаганды, и тѣмъ самымъ только показалъ примѣръ и другимъ государямъ своего времени. Война, объявленная Фридрихомъ-Вильгельмомъ II революціи, стоила Пруссіи большихъ денегъ, и, умирая въ 1797 г., онъ въ довершеніе всѣхъ бѣдъ оставилъ

въ наслѣдство своему сыну Фридриху-Вильгельму III совершенно разстроенные финансы. Въ этотъ моментъ общее недовольство подданныхъ въ Пруссіи достигло наибольшей степени, и потому весьма естественно, что на новое царствованіе стали возлагаться большія надежды, и въ немъ готовы были видѣть наступленіе времени, когда должны же будутъ, наконецъ, произойти исправленіе всѣхъ недостатковъ прежняго режима и возстановленіе порядка въ правительственномъ механизмѣ, расшатанномъ хозяйничаньемъ фаворитовъ.

Ожиданія эти, однако, не сбылись. Сынъ и преемникъ Фридриха-Вильгельма II, отличаясь самъ весьма замкнутымъ характеромъ, и потому избѣгая личныхъ сношеній съ министрами, продолжалъ вершить важнѣйшія дѣла въ королевскомъ кабинетѣ, бывшемъ въ сущности только простой инстанціей для докладыванія дѣлъ, и руководился при этомъ совѣтами людей, которые нерѣдко сами очень плохо знали эти дѣла, ни передъ кѣмъ не отвѣчая, однако, за свои ошибки. Чтобы выйти изъ состоянія полнаго внутренняго разстройства, Пруссіи прежде всего надлежало преобразовать все свое центральное управленіе. Такъ называемый тайный совѣтъ не объединялъ уже, какъ прежде, отдѣльныхъ отраслей администраціи, раздѣлившись на совершенно самостоятельные департаменты иностранныхъ дѣлъ, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ. Департаментъ внутреннихъ дѣлъ, будучи образованъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I изъ соединенія генеральнаго военнаго коммиссаріата и генеральной дирекціи финансовъ, назывался генеральной директоріей военныхъ дѣлъ, финансовъ и доменовъ и былъ главнымъ органомъ военно-хозяйственнаго управленія Гогенцоллерновъ въ XVIII вѣкѣ. Это учрежденіе, сдѣлавшееся могущественнымъ орудіемъ централизаціи, не было, однако, достаточно согласовано съ системою, продолжавшею господствовать въ областномъ управленіи, и потому въ началѣ XIX в., вмѣсто того, чтобы идти къ одной и той же цѣли, какъ генеральная директорія, такъ и мѣстные органы центральной власти только тормазили дѣятельность другъ друга, тѣмъ болѣе, что въ провинціяхъ, не такъ давно бывшихъ самостоятельными княжествами, существовали сильныя партикуляристическія стремленія, находившія опору въ мѣстномъ сословномъ быту. Генеральной директоріи въ отдѣльныхъ провинціяхъ были подчинены лишь военныя и доманіальныя палаты [1]), которымъ принадлежалъ преимущественно надзоръ надъ веденіемъ военнаго и доманіальнаго хозяйства, но рядомъ съ этими палатами стояли ландраты, бывшіе одновременно и представителями мѣстнаго дворянства, и должностными лицами на

[1]) Въ одной изъ такихъ палатъ и работалъ одно время Фридрихъ II, будучи кронпринцемъ.

государственной службѣ: ландраты назначались королемъ изъ дворянъ, рекомендованныхъ дворянскими сословными собраніями, вѣдали вмѣстѣ съ особыми дворянскими комитетами дѣла этого сословія, предсѣдательствуя на его собраніяхъ, но, кромѣ того, являлись и органами центральной власти въ завѣдованіи полиціей, рекрутскими наборами, взиманіемъ налоговъ и т. п. Генеральная директорія въ XVIII в. все болѣе и болѣе отвоевывала почву у независимыхъ отъ нея мѣстныхъ органовъ; но правительственная анархія, установившаяся при Фридрихѣ-Вильгельмѣ II, была какъ нельзя болѣе на руку представителямъ партикуляристическихъ началъ въ старой системѣ областного управленія, тѣмъ болѣе, что между болѣе мелкими административными единицами и центральнымъ правительствомъ уже не существовало почти никакой связи. Въ самомъ дѣлѣ, въ королевскихъ доменахъ полиція отдавалась на откупъ наравнѣ съ другими доходными статьями; въ рыцарскихъ помѣстьяхъ существовала своя вотчинная полиція и юстиція съ патронатомъ владѣльца надъ церковью и школой; въ свободныхъ крестьянскихъ общинахъ полиція была въ рукахъ старостъ и шеффеновъ, избиравшихся сельскимъ сходомъ или пользовавшихся своею властью по имущественному цензу, часто даже наслѣдственно. Только „непосредственные" города, т.-е. такіе, которые не были частями доменовъ или не подчинялись наравнѣ съ бо̀льшею частью крестьянскихъ общинъ патримоніальной власти владѣльцевъ рыцарскихъ помѣстій, находились въ самой полной опекѣ у генеральной директоріи, у военныхъ и доманіальныхъ палатъ и у податныхъ совѣтниковъ, поставленныхъ надъ городскими магистратами; члены этихъ магистратовъ назначались правительствомъ, причемъ упомянутые совѣтники въ дававшейся имъ инструкціи сравнивались прямо съ ротными командирами, обязанными насквозь знать каждаго своего солдата. Однимъ словомъ, Пруссія стараго порядка въ административномъ отношеніи можетъ быть поставлена совсѣмъ рядомъ съ дореволюціонной Франціей, гдѣ также правительственныя учрежденія, обязанныя своимъ происхожденіемъ централизаторской политикѣ королей, не были вполнѣ согласованы съ тѣмъ, что эти же самые короли оставили нетронутымъ въ провинціальномъ быту съ партикуляристическими традиціями и учрежденіями. Чисто правительственная реформа стояла поэтому въ Пруссіи начала XIX в. совершенно такъ же на очереди, какъ стояла она на очереди и во Франціи, когда, напр., за это дѣло думалъ-было взяться Тюрго; какъ и во Франціи той эпохи, совершенно такъ же и въ Пруссіи начала XIX в. законодательство было безсильно передъ задачею административныхъ преобразованій въ виду разстройства самой законодательной власти.

Чтобы правильно и успѣшно дѣйствовать, законодательство ну-

ждается въ соотвѣтственной организаціи; но XVIII вѣкъ вообще и просвѣщенный абсолютизмъ въ частности характеризуются какъ-разъ полнымъ почти отсутствіемъ учрежденій, спеціально приспособленныхъ къ законодательной дѣятельности. При монархахъ XVIII в. существовали, правда, для дѣлъ правленія и законодательства тайные совѣты совѣщательнаго характера, но ихъ роль не была упорядочена, притомъ же монархи весьма часто обходились и безъ ихъ содѣйствія, какъ это дѣлали, напр., Фридрихъ II или Іосифъ II. Въ Пруссіи незадолго до смерти Фридриха II (1781) законодательные вопросы даже перестали разсматриваться королевскимъ совѣтомъ, перешедши въ завѣдованіе особой коммиссіи, въ которой притомъ они могли возникать лишь болѣе или менѣе случайно, большею частью въ зависимости отъ произвола того или другого администратора. Можно сказать, что эта коммиссія была скорѣе создана, чтобы тормазить всякое начинаніе въ законодательной сферѣ, нежели для того, чтобы двигать дѣла впередъ. Карлъ-Августъ Струензе, старшій братъ знаменитаго датскаго временщика, занимавшій важныя мѣста на прусской государственной службѣ между 1782 и 1804 гг., одно время самъ членъ генеральной директоріи, впослѣдствіи государственный министръ и начальникъ акцизнаго и таможеннаго вѣдомствъ, такъ изображаетъ трудность проведенія какихъ-либо реформъ при существовавшемъ тогда порядкѣ вещей. „Желаете ли вы, писалъ онъ, убѣдить того, другого или третьяго въ существующихъ злоупотребленіяхъ, вы увидите скоро, что это зависитъ отъ двадцати коллегій, пятидесяти мѣстныхъ учрежденій, ста привилегій и необозримаго множества личныхъ соображеній... Съ этимъ, прибавлялъ онъ, никому не справиться; развѣ только поможетъ сильный толчокъ извнѣ, или путаница въ веденіи дѣлъ достигнетъ до такого предѣла, когда люди перестанутъ понимать другъ друга и придутъ къ сознанію, что необходимо обратиться къ болѣе простымъ началамъ". Такимъ образомъ та форма законодательства, которая существовала въ Пруссіи въ началѣ XIX в., прямо была причиною безсилія самого правительства въ дѣлѣ исправленія хотя бы важнѣйшихъ только недостатковъ унаслѣдованной отъ прежнихъ временъ системы. Въ этомъ отношеніи государственная власть въ Пруссіи находилась совершенно въ такомъ же положеніи, въ какомъ была она и во Франціи передъ революціей, благодаря тому что законодательныя начинанія всегда тормазились со стороны наслѣдственной магистратуры. Итакъ, Пруссія сильно нуждалась въ коренной правительственной реформѣ: старая система, въ которой не было ни вполнѣ законченной централизаціи, тамъ, гдѣ послѣдняя была необходима, ни настоящаго самоуправленія, гдѣ оно продолжало еще дѣйствовать, была въ началѣ XIX вѣка только источникомъ путаницы

и безпорядка во всѣхъ административныхъ отношеніяхъ, а законодательная дѣятельность государства была окружена такими условіями, при которыхъ оказывалось невозможнымъ производить въ этой системѣ хотя бы даже частныя только исправленія.

Одновременно съ такимъ разложеніемъ въ Пруссіи стараго правительственнаго порядка, представляющимъ аналогіи съ разложеніемъ французскаго законодательства и управленія наканунѣ революціи, обнаруживаются еще и разныя другія явленія, также напоминающія намъ внутреннія отношенія во Франціи передъ 1789 г. Фридрихъ II, какъ было уже сказано, не измѣнилъ существеннымъ образомъ того общественнаго строя Пруссіи, который былъ въ ней наслѣдіемъ феодальныхъ временъ. Мало того: выработанное по его иниціативѣ, но опубликованное только при его преемникѣ „Общее земское право“ закрѣпляло существованіе сословнаго неравенства въ наиболѣе рѣзкихъ его формахъ, и это совершалось въ то самое время, какъ прежнія соціальныя отношенія фактически во многомъ уже измѣнились. Какъ, однако, ни были разрознены между собою отдѣльные общественные классы, благодаря противоположности ихъ интересовъ и искусственной поддержкѣ неравенства дѣйствующимъ правомъ, всѣ сословія сходились между собою на общей почвѣ недовольства правительствомъ, опять-таки совершенно такъ же, какъ это было во Франціи, гдѣ старый порядокъ былъ разрушенъ, собственно говоря, соединенными усиліями двухъ разныхъ оппозицій—консервативной и либеральной. Дворянство, которое упомянутымъ „Общимъ земскимъ правомъ“ ставилось во главѣ другихъ сословій, было, между прочимъ, недовольно принципіально признанною и въ этомъ правѣ неотчуждаемостью рыцарскихъ помѣстій и запрещеніемъ дворянамъ заниматься промышленностью и торговлею подъ страхомъ утраты дворянскаго званія. Высшій слой бюргерства, состоявшій изъ зажиточныхъ и образованныхъ семействъ, которыя нерѣдко роднились съ дворянскими фамиліями, самимъ законодательствомъ выдѣлялся отъ остальной массы городского населенія въ особый классъ и получалъ разнаго рода привилегіи, ставившія его въ исключительное положеніе въ средѣ всего бюргерства, и въ то же время правительство принижало отдѣльныхъ лицъ этого слоя во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они стремились стать въ служебномъ или общественномъ отношеніи наравнѣ съ дворянами. Бюргеръ, поступившій въ военную или гражданскую службу, не могъ расчитывать на такое повышеніе, какъ его товарищи—офицеры или чиновники—изъ дворянъ. Землевладѣлецъ бюргерскаго происхожденія точно также не пользовался правами помѣщика-дворянина и т. п. Прибавимъ къ этому, что мелочная правительственная опека надъ городами и меркантилистическое вмѣшательство въ промышленность и

торговлю, главныя занятія городского класса, равнымъ образомъ должны были порождать въ немъ недовольство такимъ порядкомъ вещей, и какъ въ дореволюціонной Франціи, гдѣ буржуазія, составлявшая въ культурномъ и экономическомъ смыслѣ одинъ соціальный слой съ привилегированными сословіями, становилась въ рѣзкую къ нимъ оппозицію и обращалась къ низшимъ классамъ общества, въ которыхъ видѣла своихъ союзниковъ, совершенно такъ же и прусское высшее бюргерство искало сближенія съ средними и низшими разрядами своего сословія, страдавшими отъ другихъ сторонъ стараго порядка.

Недовольство настоящимъ не могло не отразиться въ прусскомъ обществѣ нѣкоторыми симпатіями къ французской революціи, возникшими въ извѣстныхъ кругахъ этого общества, тѣмъ болѣе, что въ правленіе Фридриха II, друга французскихъ философовъ XVIII в., общественныя идеи, подъ знаменемъ которыхъ былъ совершонъ переворотъ 1789 г., нашли сторонниковъ среди образованныхъ пруссаковъ, привѣтствовавшихъ поэтому революцію, какъ новую эру въ исторіи человѣчества [1]). Идеи XVIII в., проникшія даже въ Allgemeines Landrecht, который поддерживалъ старый соціальный строй Пруссіи, господствовали въ умахъ цѣлаго ряда правительственныхъ лицъ, каковы были Шёнъ, ученикъ Канта, Гарденбергъ, Струензе, Вильгельмъ ф.-Гумбольдтъ и др. [2]). Въ Пруссіи уже начинала даже формироваться прогрессивная партія, но эта кучка людей, понимавшихъ, хотя и не всегда ясно, необходимость реформъ, конечно, ничего не могла сдѣлать при той правительственной системѣ, которая господствовала въ Пруссіи, и съ обществомъ, въ которомъ были убиты духъ инициативы, гражданское чувство и интересъ къ общему дѣлу. Въ 1806—1807 гг. и дворянство, и горожане, и народная масса отнеслись какъ-то пассивно и равнодушно къ полному почти крушенію государства, возвеличеннаго въ XVIII в. Фридрихомъ II. Въ эту бѣдственную эпоху прусское общество не обнаружило даже той „народной гордости", которая нерѣдко служитъ суррогатомъ болѣе дѣйствительной „любви къ отечеству". Правда, въ немъ были еще здоровые элементы, въ которыхъ правительство потомъ и нашло опору; но ихъ нужно было поднять, воодушевить, организовать, для чего все-таки необходима была какая-нибудь общая идея. Многимъ прусскимъ патріотамъ казалось, что вывести государство изъ печальнаго состоянія можно было бы лишь тѣми же самыми средствами, которыми пользовался врагъ, т.-е. Франція, занявшая такое господствующее положеніе

[1]) Ср. Un prussien en France en 1792. Lettres intimes de J. F. *Reichard*, traduites et annotées par A. *Laquiante*. 1892.

[2]) О политической философіи В. ф.-Гумбольдта рѣчь будетъ идти впереди.

въ Европѣ. Преклоненіе предъ французскими идеями конца XVIII в. у нѣкоторыхъ прусскихъ дѣятелей какъ-разъ въ это время перешло въ преклоненіе передъ порядками наполеоновской Франціи, и многимъ желательное преобразованіе Пруссіи рисовалось въ формахъ общества, созданнаго революціей, и управленія имъ, организованнаго консульствомъ и имперіей. Среди людей, смотрѣвшихъ на прусскія отношенія съ такой точки зрѣнія, выдающееся мѣсто принадлежало Гарденбергу.

Ганноверскій уроженецъ, Гарденбергъ вступилъ въ прусскую службу въ 1790 г. и сразу занялъ на ней весьма видный постъ. Во время первой революціонной войны онъ былъ уже военнымъ министромъ, а въ 1795 г. въ качествѣ прусскаго уполномоченнаго заключалъ въ Базелѣ миръ съ Французской республикой. Въ 1804 г. онъ замѣстилъ Гаугвица въ завѣдованіи иностранными дѣлами, но навлекши на себя неудовольствіе Наполеона, былъ въ 1806 г. смѣненъ опять тѣмъ же Гаугвицемъ, чтобы вернуться снова на постъ министра иностранныхъ дѣлъ послѣ битвы при Іенѣ, хотя опять лишь для того, чтобы оставить этотъ постъ послѣ тильзитскаго мира. Несмотря на то, что Гарденбергъ выступалъ во внѣшней политикѣ, какъ человѣкъ, враждебный Наполеону, онъ былъ проникнутъ французскими идеями и именно въ томъ практическомъ примѣненіи, какое имъ придалъ Наполеонъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ сторонникомъ экономическихъ принциповъ Адама Смита, что̀ также отразилось впослѣдствіи на его планѣ реформъ. Въ 1807 году онъ подалъ Фридриху-Вильгельму III записку, въ которой совѣтовалъ произвести полную перестройку прусскаго государственнаго и общественнаго быта на началахъ, осуществленныхъ въ тогдашней политической и соціальной жизни Франціи: Пруссія должна была получить народное представительство, но управленіе въ ней должно было быть строго централизовано по наполеоновскому образцу; всѣ привилегіи должны были быть отмѣнены, и дворянство должно было даваться лишь за заслуги; позорное пятно крѣпостничества должно было также быть уничтожено, и вмѣстѣ съ этимъ должны были быть устранены всѣ стѣсненія, которымъ въ то время подвергались промышленность и торговля. Это была въ сущности весьма простая и неоригинальная программа: въ ней всѣмъ традиціямъ гогенцоллернскаго государства противопоставлялся порядокъ вещей, созданный во Франціи учредительнымъ собраніемъ и консульствомъ Наполеона, и его-то Гарденбергъ рекомендовалъ теперь побѣжденной Пруссіи заимствовать у своихъ побѣдителей. Въ монархіи Фридриха Великаго тоже должна была совершиться революція, но только сверху, а не снизу, и создать этой революціи предстояло то же самое, что̀ было во Франціи,—наслѣдственную монархію съ демократическими началами въ основѣ. Всѣ на-

дежды свои Гарденбергъ возлагалъ такимъ образомъ не на самостоятельность націи, а на правительственное дѣйствіе. Фридриху-Вильгельму III не пришлось, впрочемъ, удержать при себѣ Гарденберга. Считая этого министра однимъ изъ главныхъ своихъ враговъ, Наполеонъ потребовалъ во время заключенія тильзитскаго мира, чтобы король далъ ему отставку,—и даже самъ посовѣтовалъ Фридриху-Вильгельму III взять на его мѣсто Штейна, не подозрѣвая, что его кандидатъ былъ какъ-разъ надеждою всѣхъ прусскихъ патріотовъ. Фридрихъ-Вильгельмъ III вынужденъ былъ обратиться къ Штейну, и призванный на министерскій постъ въ послѣднихъ числахъ сентября 1807 г., онъ взялъ на себя трудное дѣло управленія расшатаннымъ государствомъ.

По своимъ политическимъ и соціальнымъ воззрѣніямъ Штейнъ былъ полною противоположностью Гарденберга. И къ философіи XVIII в., и къ просвѣщенному абсолютизму, и къ революціи, и къ наполеоновской системѣ управленія онъ относился скептически и отрицательно, даже, можно сказать, враждебно, хотя это его отношеніе не имѣло ничего общаго съ тѣми стремленіями, которыя проявляла въ XVIII в. консервативная оппозиція противъ новыхъ требованій жизни и которыя стали впослѣдствіи проявляться клерикально-феодальной и абсолютической реакціей. Дѣло было въ томъ, что Штейнъ самъ воспринялъ въ свое политическое міросозерцаніе новыя идеи вѣка, которымъ былъ сначала чуждъ, и его правительственная программа съ теченіемъ времени только все болѣе и болѣе расширялась, такъ что въ качествѣ реформатора государственнаго и общественнаго быта онъ напоминаетъ намъ другого замѣчательнаго дѣятеля, тоже начавшаго свою карьеру въ консервативной партіи, Гладстона. Вообще стоитъ разсмотрѣть біографію Штейна до 1807 г., когда онъ призванъ былъ къ власти. Баронъ Штейнъ родился въ 1757 г. въ прирейнской Франконіи. Происходя изъ имперскаго рыцарства, бывшаго живымъ воплощеніемъ феодальной старины, онъ воспитался въ самыхъ аристократическихъ и консервативныхъ понятіяхъ. Въ немъ сильна была поэтому сословная гордость дворянина, политическимъ же идеаломъ его молодости была средневѣковая имперія съ ея свободнымъ рыцарствомъ, зависѣвшимъ только отъ императора и только ему обязаннымъ службою. Шестнадцатилѣтнимъ юношей Штейнъ поступилъ въ геттингенскій университетъ, гдѣ изучалъ право, политику и исторію, а по окончаніи курса началъ государственную службу. Представительницею дорогой ему идеи имперіи въ Германіи того времени была Австрія, которая поэтому въ его глазахъ и имѣла всѣ права на первенство. Какъ членъ сословія, относившагося всегда съ большимъ недружелюбіемъ къ князьямъ, онъ предпочелъ начать свою

дѣятельность на службѣ имперіи, а не какого-либо князя; онъ и сдѣлался поэтому сначала чиновникомъ въ Регенсбургѣ и Вецларѣ, гдѣ пребывали высшія учрежденія имперіи [1]). Только на опытѣ познакомившись съ дѣятельностью этихъ центральныхъ установленій тогдашней Германіи, Штейнъ разочаровался въ своей основной политической идеѣ и перешелъ на службу Пруссіи (1780). Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы молодой потомокъ имперскихъ рыцарей, всегда бывшихъ въ антагонизмѣ съ княжескимъ абсолютизмомъ, воспитанный притомъ въ духѣ старинной религіозности, былъ поклонникомъ правительственной системы и теоретическихъ идей короля-философа. Совсѣмъ нѣтъ: Штейнъ самъ въ автобіографіи своей объясняетъ этотъ переходъ на прусскую службу своимъ взглядомъ на Фридриха II, какъ на защитника стараго устройства и цѣлости имперіи. Прусскій король только-что помѣшалъ тогда планамъ Іосифа II на счетъ Баваріи, и Штейнъ даже участвовалъ въ образованіи „союза князей", который, какъ представлялъ это дѣло Фридрихъ II, долженъ былъ поддерживать неприкосновенность именно стараго имперскаго устройства. Къ 1785 г. Штейнъ такъ уже успѣлъ зарекомендовать себя своими способностями, что Фридрихъ II послалъ его въ Майнцъ съ дипломатической миссіей—склонить на его сторону курфюрста-архіепископа, на службѣ котораго находился отецъ Штейна. Въ слѣдующихъ затѣмъ годахъ мы опять видимъ Штейна въ роли прусскаго чиновника по управленію горными дѣлами и государственными имуществами въ прирейнскихъ владѣніяхъ монархіи. Здѣсь онъ сначала много работалъ по проведенію дорогъ и каналовъ, по добыванію каменнаго угля, по завѣдованію фабриками и т. п.; позднѣе же, въ эпоху революціонныхъ войнъ, онъ, кромѣ того, игралъ большую роль въ дѣлѣ снабженія арміи провіантомъ и вообще во всей военной администраціи. Въ 1796 г. Штейнъ получилъ высокій постъ оберъ-президента всѣхъ вестфальскихъ палатъ въ Минденѣ. Это отдавало подъ его управленіе весьма значительную область, и онъ началъ вводить въ ней разнообразныя улучшенія. Ему же прусское правительство поручило заняться устройствомъ управленія въ тѣхъ земляхъ (Мюнстеръ и др.), которыми монархію Гогенцоллерновъ вознаградила имперская депутація за потерю нѣкоторыхъ территорій при начинавшихся передѣлкахъ границъ между отдѣльными государствами Германіи, и Штейнъ весьма умѣло выполнилъ порученное ему дѣло. Въ западныхъ частяхъ Прусской монархіи лучше, чѣмъ въ восточныхъ, сохранилось мѣстное самоуправленіе съ сословнымъ характеромъ, и Штейнъ всегда широко пользовался его помощью. Осенью 1804 г.

---

[1]) Имперскій сеймъ и рейхскаммергерихтъ.

онъ былъ вызванъ въ Берлинъ для того, чтобы стать уже во главѣ центральнаго финансоваго управленія. Въ короткое сравнительно время онъ по возможности улучшилъ прусскіе финансы, но въ Берлинѣ многіе относились съ недовѣріемъ къ его „вестфальскимъ идеямъ", противорѣчившимъ традиціи прусскаго бюрократизма. Въ столицѣ Штейнъ очень скоро понялъ, что въ Пруссіи не все идетъ такъ, какъ слѣдовало бы. Между прочимъ онъ былъ недоволенъ и иностранной политикой кабинета. Въ 1806 г., незадолго до катастрофы, постигшей монархію, онъ даже представилъ королю записку „о неудовлетворительной организаціи кабинета и о необходимости учредить конференцію министровъ", подвергнувъ острой критикѣ всю тогдашнюю систему управленія и указавъ на необходимость удаленія отъ дѣлъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ кабинета. Послѣ іенской битвы Фридрихъ-Вильгельмъ III задумалъ-было поручить Штейну, какъ человѣку, не подвергшемуся общему упадку духа, постъ министра иностранныхъ дѣлъ, но онъ поставилъ необходимыми условіями своего вступленія въ эту должность преобразованіе совѣта министровъ съ устраненіемъ тайнаго кабинета и опять-таки удаленіе совѣтниковъ, которыми король особенно дорожилъ. Тогда Фридрихъ-Вильгельмъ III уволилъ Штейна. Въ приказѣ объ его отставкѣ (4 янв. 1807 г.) ему прямо поставлены были въ вину гордость и упрямство, неповиновеніе высшей власти и желаніе дѣлать все по-своему въ чисто личныхъ видахъ. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ томъ же 1807 г. Штейнъ, какъ мы упомянули, вторично былъ призванъ на министерскій постъ и на этотъ разъ уже въ роли руководящаго дѣятеля въ главнѣйшихъ сторонахъ внутренней политики Пруссіи. „Вестфальскія идеи" были теперь пущены въ ходъ, и потому намъ нужно теперь поближе познакомиться съ этими идеями.

Штейна не коснулось раціоналистическое направленіе философіи XVIII в. Въ Гёттингенскомъ университетѣ, какъ было сказано, онъ, между прочимъ, изучалъ государственное право. Это занятіе возбудило въ немъ большой интересъ къ историческому прошлому, тѣмъ болѣе, что среда, въ которой онъ воспитался, сама жила тоже традиціями германской старины. Антиисторическій характеръ господствовавшихъ въ концѣ XVIII в. политическихъ воззрѣній вызвалъ со стороны Штейна лишь критическое къ себѣ отношеніе: впослѣдствіи онъ называлъ это направленіе „метаполитикой", т.-е. чѣмъ-то такимъ, что по отношенію къ политикѣ есть то же самое, что для физики—метафизика, и въ этомъ смыслѣ онъ былъ весьма близокъ къ наполеоновскому пониманію „идеологіи". Практическая дѣятельность его на прусской государственной службѣ только способствовала развитію въ немъ человѣка дѣла, хорошо понимающаго дѣйствительность со всѣми

ея реальными условіями и осуществимыми требованіями; въ положеніи Штейна есть поэтому нѣчто, напоминающее намъ положеніе другого министра-реформатора, Тюрго, который, однако, по общему складу своихъ воззрѣній былъ гораздо больше человѣкомъ XVIII в., нежели Штейнъ. Прусскій реформаторъ, пожалуй, напоминаетъ намъ еще двухъ французовъ XVIII столѣтія; оба эти француза, Мирабо-отецъ и Монтескье, были, какъ и Штейнъ, представителями феодальнаго дворянства, и въ нихъ, какъ и въ немъ, сословное чувство соединялось съ сознаніемъ и тѣхъ обязанностей, которыя налагались на дворянство его особымъ положеніемъ въ государствѣ. Съ Мирабо-отцомъ, такъ называемымъ „другомъ людей", Штейнъ раздѣлялъ уваженіе къ стариннымъ формамъ сословнаго самоуправленія и заботы о матеріальномъ благосостояніи крестьянской массы, и подобно тому, какъ феодальная голова отца знаменитаго трибуна не была совсѣмъ закрыта для наплыва новыхъ общественныхъ идей, такъ и Штейнъ, сохраняя уваженіе къ традиціонному строю государства, стремился, однако, къ тому, чтобы въ эти формы вложено было содержаніе, болѣе соотвѣтствующее требованіямъ новаго времени. Съ другой стороны, подобно автору „Духа законовъ" Штейнъ не только отстаивалъ средневѣковое политическое и общественное устройство, какимъ его создала исторія, но и преклонялся передъ англійской конституціей, казавшейся ему родственною старинному быту его родины; вѣдь и Монтескье сочеталъ въ своей политической теоріи идеалы старофранцузской сословной монархіи съ формами современной ему англійской конституціи. Гёттингенскій университетъ (въ Ганноверѣ, курфюрстъ котораго былъ и англійскимъ королемъ), давшій образованіе Штейну, до извѣстной степени подчинялся англійскому вліянію: сюда пріѣзжали учиться англійскіе студенты, сюда привозилось изъ Англіи много книгъ, и это не могло остаться безъ вліянія на нѣмецкую молодежь, учившуюся въ гёттингенскомъ университетѣ. Исторія и политическая жизнь Англіи сильно заинтересовали Штейна еще въ его молодые годы, впослѣдствіи же, уже состоя на прусской государственной службѣ, онъ и самъ посѣтилъ Англію. Въ своемъ историческомъ представленіи Штейнъ соединялъ учрежденія, развившіяся въ Англіи, съ началами, дѣйствовавшими въ отдаленную старину и на его собственной родинѣ; поэтому сохранившіеся остатки этой старины получали въ его глазахъ особое значеніе. Новыя идеи свободы, основанной на законности общественнаго участія въ государственной жизни, и казались ему прямымъ порожденіемъ началъ, лежавшихъ въ основѣ древняго германскаго быта. Впрочемъ, его въ англійской конституціи мало увлекало то, что̀, наоборотъ, выдвигалось на первый планъ въ „Духѣ законовъ" Монтескье, но зато онъ особенно дорожилъ тою сто-

роною англійскаго устройства, которая какъ-разъ совсѣмъ не обратила на себя вниманія знаменитаго французскаго писателя: онъ дорожилъ именно больше всего широкою общественною самодѣятельностью въ мѣстныхъ дѣлахъ, т.-е. мѣстнымъ самоуправленіемъ, упущеннымъ изъ виду авторомъ „Духа законовъ". Притомъ и начать свою практическую дѣятельность Штейну пришлось въ Вестфаліи, гдѣ прусскіе порядки, основанные на абсолютизмѣ, бюрократической централизаціи и полномъ устраненіи общественныхъ силъ отъ участія въ управленіи, не успѣли еще совсѣмъ уничтожить старое земское устройство. Въ сочувствіи къ послѣднему и заключалась вся суть „вестфальскихъ идей" Штейна. И экономическіе взгляды Штейна сложились, съ одной стороны, подъ вліяніемъ уваженія къ такимъ стариннымъ формамъ, какъ мелкое крестьянское хозяйство и цеховое производство, или какъ дворянскіе майораты и недѣлимые крестьянскіе участки, а съ другой—подъ вліяніемъ практическихъ требованій, которыя были заявлены Адамомъ Смитомъ, хотя Штейнъ и расходился съ его чисто экономическимъ пониманіемъ общества и въ этомъ отношеніи не былъ равнымъ образомъ похожъ и на Тюрго, какъ извѣстно, устранявшимъ старую сословную и корпоративную организацію. Поэтому Штейнъ былъ и противъ экономической программы Гарденберга, открещиваясь впослѣдствіи отъ солидарности съ этимъ „помѣшаннымъ" новаторомъ и его „вредными" планами. Правда, и онъ соглашался на введеніе въ хозяйственную жизнь бо̀льшей свободы, но онъ не хотѣлъ, чтобы это разрушало старые общественные союзы, которые, по его мнѣнію, охраняли своихъ членовъ отъ опасностей, грозившихъ отдѣльнымъ лицамъ со стороны ничѣмъ не сдерживаемой конкурренціи индивидуальныхъ силъ и интересовъ.

Такъ складывалось своеобразное историческое и общественное міросозерцаніе Штейна, шедшее въ разрѣзъ съ тѣми идеями, которыя были наиболѣе популярны среди передовыхъ людей его времени и въ той самой Пруссіи, съ судьбами которой онъ связывалъ свою собственную судьбу. Идеи XVIII в. не только не имѣли надъ нимъ никакой силы, но онъ, повидимому, даже не читалъ ни такихъ писателей, какъ Руссо и Мабли, слишкомъ не соотвѣтствовавшихъ складу и направленію его ума, ни даже Монтескье, съ которымъ во многихъ отношеніяхъ онъ стоялъ на одной почвѣ. Немудрено поэтому, что Штейнъ не раздѣлялъ и увлеченія французской революціей, охватившаго многихъ его соотечественниковъ; его отношеніе къ революціи во многомъ напоминаетъ намъ взгляды Бёрка. Принципы 1789 г. были въ его глазахъ порожденіями несимпатичной ему „метаполитики", а то, что̀ и съ его точки зрѣнія могло бы быть признано благомъ въ реформахъ, произведенныхъ революціей, казалось ему лишь искажен-

нымъ и запачканнымъ кровью подражаніемъ англійскимъ образцамъ, имѣвшимъ для него чисто историческое происхожденіе въ древнемъ германскомъ быту. Когда началась эмиграція дворянъ изъ Франціи, Штейнъ отнесся съ сочувствіемъ къ этимъ, какъ онъ ихъ называлъ, защитникамъ общественнаго порядка. Понятно, что развитіе революціоннаго террора еще болѣе должно было отвратить Штейна отъ происходившаго во Франціи движенія. Не сочувствуя и абсолютизму, который нивеллировалъ и обезсиливалъ всѣ классы общества, т.-е. ставилъ ихъ всѣ на одну доску передъ всесильнымъ государствомъ и разрушалъ самостоятельность сословій и корпорацій, Штейнъ очень хорошо разглядѣлъ и въ якобинизмѣ французской революціи явленіе, родственное абсолютизму, такъ какъ и абсолютизмъ, и якобинизмъ дѣйствовали во имя одной и той же отвлеченной идеи государства и одними и тѣми же насильственными средствами, не принимая въ расчетъ жизненныхъ условій и попирая свободу и права общества. Штейнъ, конечно, въ концѣ XVIII в. и не предчувствовалъ, что ему лично придется совершить въ Пруссіи многое такое, что входило въ программу революціи. Смотря на послѣднюю съ только-что указанной точки зрѣнія, онъ и въ имперіи Наполеона увидѣлъ лишь естественное завершеніе революціи, которая сдѣлалась для него въ эпоху наполеоновскаго деспотизма, пожалуй, еще болѣе ненавистною. Особенно затронуло Штейна въ его патріотизмѣ то униженіе, которому подверглась Германія подъ властью Наполеона, разрушившаго старую нѣмецкую имперію, и потому въ немъ императоръ встрѣтилъ одного изъ самыхъ заклятыхъ своихъ враговъ. Въ томъ же самомъ году, когда Наполеонъ увѣнчивалъ возведенное имъ во Франціи зданіе принятіемъ императорской короны, Штейнъ, какъ было сказано, переходилъ на министерскій постъ въ Берлинѣ. Здѣсь онъ быстро освоился со всѣми недостатками прусскаго бюрократическаго режима и понялъ, что если многое нужно было поставить въ вину неспособнымъ преемникамъ Фридриха II, то не менѣе виновата была и самая система управленія. По его словамъ, эта система подавляла свободное проявленіе дѣятельности личныхъ и общественныхъ силъ и потому обрекала народъ на вѣчное пребываніе въ состояніи дѣтства, изъ котораго нація и не могла никогда выйти, благодаря постоянной опекѣ безпокойнаго и во все вмѣшивающагося правительства. Еще до катастрофы, постигшей Пруссію при Іенѣ, уже въ упоминавшейся выше запискѣ Штейнъ указывалъ королю, что „Пруссія не имѣетъ государственнаго устройства (Staatsverfassung), такъ какъ высшая власть не раздѣлена въ ней между главою и народными представителями“ [1]). Однако, въ виду того, что земскіе чины были кор-

[1]) Ср. слова Тюрго въ запискѣ Людовику XVI: la France n'a point de constitution.

пораціями отдѣльныхъ провинцій, недостаточно еще сплоченныхъ въ одно цѣлое, и вслѣдствіе этого не могли оказывать вліянія на общій ходъ дѣлъ, Штейнъ рекомендовалъ здѣсь необходимость, по крайней мѣрѣ, правильной организаціи правительства (Regierungsverfassung). Вотъ эти-то „вестфальскія идеи“ Штейна и были несимпатичны для многихъ въ Берлинѣ, а къ этому присоединялось еще нерасположеніе къ его личному характеру.

Штейнъ былъ человѣкъ сильной воли, неуклонно шедшій къ разъ намѣченной цѣли, не задумываясь передъ препятствіями и не вступая въ компромиссы. Чувствуя свое умственное превосходство надъ другими людьми, часто мѣшавшими его планамъ, онъ, кромѣ того, въ обращеніи съ ними былъ нерѣдко суровъ и рѣзокъ, часто даже заносчивъ и вспыльчивъ, наводя иногда даже настоящій страхъ на людей болѣе мягкаго характера, хотя въ немъ, съ другой стороны, совсѣмъ не было упрямства, и онъ умѣлъ выслушивать серьезныя возраженія и мѣнять подъ ихъ вліяніемъ уже совершенно принятыя раньше рѣшенія. Такое отношеніе къ людямъ создало Штейну не мало недруговъ: эдиктъ, которымъ Штейну въ началѣ 1807 г. давалась отставка, прямо ставилъ ему въ вину непріятныя черты его характера.

И Гарденбергъ, и Штейнъ оба были правы, каждый съ своей точки зрѣнія: первый изъ нихъ, уступая второму въ умственной силѣ, въ оригинальности, въ энергіи, лучше его, однако, понималъ значеніе того гражданскаго равенства и общественнаго участія въ законодательной власти, которыя являлись одними изъ главныхъ положительныхъ принциповъ 1789 г., но зато Штейнъ яснѣе видѣлъ слабыя стороны революціи и ея результатовъ — разрушеніе живыхъ общественныхъ союзовъ, созданныхъ исторіей, замѣну ихъ искусственной системой, которая неизбѣжно приводила къ централизаціи, устраненіе мѣстнаго самоуправленія и раздробленіе общества на индивидуальныя силы, слишкомъ слабыя для отстаиванія своей независимости отъ всемогущаго государства и въ борьбѣ между отдѣльными интересами соціальныхъ классовъ. Случилось такъ, что въ чистомъ видѣ въ Пруссіи не были проведены ни программа Гарденберга, ни программа Штейна, но кое-что изъ обѣихъ программъ. Во-первыхъ, Штейнъ слишкомъ короткое время стоялъ во главѣ правительства и былъ вынужденъ за время своего министерства осуществлять то, что было уже до него подготовлено людьми другого направленія. Во-вторыхъ, продолжать дѣло Штейна пришлось тому же Гарденбергу, который до извѣстной степени былъ точно также связанъ начинаніями Штейна. Гарденбергъ не обнаружилъ достаточной энергіи, когда уже произведенныя ими обоими реформы встрѣтились съ консервативной

оппозиціей, заключавшей въ себѣ зародышъ позднѣйшей реакціи противъ новаго курса прусской внутренней политики послѣ 1807 г.

Штейнъ, дѣйствительно, оставался у власти слишкомъ короткое время. Едва начавъ свою реформаторскую дѣятельность, онъ долженъ былъ снова выйти въ отставку, на этотъ разъ уже потому, что навлекъ на себя неудовольствіе Наполеона, понявшаго, куда клонились его намѣренія. Въ сентябрѣ 1808 года французская оффиціальная газета (Moniteur) опубликовала одно перехваченное письмо Штейна, изъ котораго Наполеонъ узналъ самымъ яснымъ образомъ, чего хотѣлъ Штейнъ, ссылавшійся между прочимъ на народное возстаніе въ Испаніи, какъ на примѣръ, достойный подражанія. Перепечатывая это письмо, газета сдѣлала къ нему характерный комментарій, заключавшій въ себѣ прямое сожалѣніе о прусскомъ королѣ, окруженномъ такими неловкими и коварными министрами: это было, такъ сказать, первое предостереженіе по адресу Штейна и Фридриха-Вильгельма III. Затѣмъ въ ноябрѣ того же года бюллетень, извѣщавшій объ одной побѣдѣ Наполеона надъ испанцами, упоминалъ опять о Штейнѣ, которому, — сказано было тамъ, — слѣдовало бы посмотрѣть, къ какимъ бѣдствіямъ приводятъ попытки народныхъ массъ оказывать сопротивленіе регулярной арміи. Послѣ этого Штейнъ увидѣлъ, что ему нужно удалиться, и король принялъ отъ него просьбу объ отставкѣ (ноябрь 1808 г.). Такимъ образомъ, Штейнъ простоялъ во главѣ прусскаго правительства только съ небольшимъ одинъ годъ. Наполеонъ до такой степени возненавидѣлъ Штейна, что декретомъ 16 декабря 1809 г. объявилъ его врагомъ Франціи и Рейнскаго союза, его имѣнія конфискованными, а самого его подлежащимъ аресту повсюду, гдѣ только имѣла силу власть императора французовъ или его союзниковъ. Министръ-реформаторъ долженъ былъ оставить Пруссію, скрывался потомъ отъ французскихъ сыщиковъ въ разныхъ городахъ Австріи, пока въ 1812 г. не былъ вызванъ въ Россію. Итакъ, министерство Штейна было слишкомъ кратковременно. Съ другой стороны, выработавъ весьма опредѣленныя политическія и соціальныя воззрѣнія, онъ не могъ, однако, только ими одними и руководиться въ своей правительственной дѣятельности: его идеи имѣли слишкомъ личный характеръ, многія изъ нихъ не раздѣлялись другими государственными дѣятелями какъ консервативнаго, такъ и прогрессивнаго лагеря. Штейну поэтому нельзя было не считаться съ планами и намѣреніями другихъ дѣятелей въ родѣ Гарденберга, тѣмъ болѣе, какъ было сказано, что нѣкоторыя реформы уже были подготовлены ранѣе его вступленія въ министерство. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать и того, что ему пришлось дѣйствовать въ эпоху, когда, помимо общей цѣли, которую онъ поставилъ своимъ преобразованіямъ, существовала еще другая задача,

именно задача поднять упавшій духъ націи, вернуть ей довѣріе къ самой себѣ и подвинуть ее на отвоеваніе независимости и возстановленіе своей чести, къ этой же цѣли вели, какъ Штейнъ самъ хорошо видѣлъ, и мѣры, предлагавшіяся другими государственными людьми, хотя многое въ этихъ мѣрахъ, какъ влекшее за собою разрушеніе сословнаго начала, казавшагося ему необходимымъ въ государственной жизни, представляло и опасныя, по его мнѣнію, стороны. Вотъ почему Штейну суждено было проводить въ жизнь и такія мѣропріятія, которыя не вытекали изъ его собственной политической теоріи и даже носили на себѣ прямые слѣды вліянія французской революціи.

Штейнъ, впрочемъ, не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, достигнувъ извѣстныхъ возраста и общественнаго положенія, останавливаются въ своемъ развитіи. Къ концу своей министерской дѣятельности онъ убѣдился, что спасти Пруссію отъ гибели могло только народное возстаніе, подобное тому, которое началось въ Испаніи; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ все болѣе убѣждался и въ томъ, что и вообще новыя начала жизни могли бы быть наиболѣе пригодными для внутренняго возрожденія Пруссіи. Ко времени, когда ему пришлось оставить завѣдованіе дѣлами, относятся новые его планы и проекты, заключавшіеся отчасти въ его воззваніяхъ къ народу, которымъ король отказалъ, однако, въ подписи, отчасти въ его прощальномъ письмѣ къ чинамъ администраціи, получившемъ названіе его политическаго завѣщанія. На Штейнѣ какъ-бы сказался всесильный духъ времени. Теперь онъ высказывался уже въ смыслѣ установленія полной равноправности гражданъ, введенія одинаковаго для всѣхъ ценза въ городскомъ самоуправленіи, установленія подоходнаго налога, превращенія арміи изъ сословной въ народную, уничтоженія вотчиннаго суда и другихъ слѣдовъ старой власти помѣщиковъ надъ крестьянами и т. п., и со всѣмъ этимъ соединялъ идею національнаго представительства. Понятно, что такая программа была слишкомъ широка для того, чтобы быть осуществленной въ очень короткое время. И послѣ удаленія отъ дѣлъ, живя въ изгнаніи, Штейнъ думалъ только объ одномъ— о народномъ возстаніи во всей Германіи, но и Германія представлялась ему теперь уже не въ видѣ средневѣковой имперіи съ ея старыми учрежденіями, а въ видѣ единаго цѣлаго, требовавшаго отъ составляющихъ его общественныхъ группъ отреченія отъ своихъ историческихъ правъ во имя національной идеи. Уже не одно испанское (а потомъ и тирольское) возстаніе служило для него въ годы его изгнанія примѣромъ того, какъ народы отстаиваютъ свою свободу. Противникъ философіи XVIII в. и французской революціи, онъ начинаетъ теперь самъ ссылаться то на американскую революцію, то даже

на примѣръ самой революціонной Франціи, отстоявшей себя въ борьбѣ съ цѣлой европейской коалиціей. Цѣлью стремленій Штейна сдѣлалось въ эти годы прямо революціонировать нѣмецкую націю противъ французскаго ига. Все, что мѣшало освобожденію Германіи, должно было быть, по его тогдашнему мнѣнію, устранено, т.-е. должны были быть устранены государи Рейнскаго союза, поддерживавшіе Наполеона, дворяне и чиновники, не оказывавшіе содѣйствія народу или вступавшіе въ соглашеніе съ врагомъ и т. п. Такимъ образомъ и историческія права отдѣльныхъ династій теряли въ его глазахъ всякое значеніе передъ интересами всей націи. Онъ видѣлъ теперь непригодность старыхъ имперскихъ учрежденій и невозможность ихъ возстановленія и, говоря о необходимости дать Германіи государственное единство, какъ условіе независимости, онъ прямо ссылался на примѣръ комитета общественнаго спасенія, отстоявшаго единство и свободу Франціи въ борьбѣ съ европейской коалиціей. Пораженный, съ другой стороны, ролью католическаго духовенства въ испанскомъ возстаніи, онъ совѣтовалъ и въ Германіи воспользоваться этою силою и даже сталъ сближаться съ наиболѣе видными представителями римской церкви (что даже породило ложные слухи о томъ, будто онъ самъ совершилъ переходъ въ католицизмъ). Такимъ образомъ новая идея націи, имѣющей безусловное право на политическое самоопредѣленіе, — идея, возникшая на почвѣ раціоналистической философіи XVIII в. и воплотившаяся въ фактахъ французской революціи, подчинила себѣ помыслы и дѣятельность человѣка, который предполагалъ сначала строить свое политическое зданіе исключительно на исторической основѣ и изъ однихъ только элементовъ „стараго порядка“.

После удаленія Штейна нѣкоторое время завѣдовалъ дѣлами лишенный всякой иниціативы и нерѣшительный баронъ Альтенштейнъ, но его министерство лишь усилило убѣжденіе націи въ томъ, что дѣло реформъ должно было быть продолжено. Въ октябрѣ 1810 г. Фридрихъ-Вильгельмъ III снова призвалъ къ управленію Гарденберга (который потомъ и находился во главѣ правительства до самой смерти въ 1822 году). Человѣкъ, менѣе, нежели Штейнъ, даровитый и энергичный, онъ вдобавокъ встрѣтилъ сильную консервативную оппозицію противъ своихъ начинаній, и это, несомнѣнно, подѣйствовало ослабляющемъ образомъ на его преобразовательное рвеніе. Такимъ образомъ уже Штейнъ оставилъ свой постъ, не успѣвъ привести въ исполненіе задуманныхъ преобразованій; затѣмъ наступилъ въ общей реформаторской дѣятельности прусскаго правительства двухлѣтній перерывъ; наконецъ за оставленное дѣло снова взялся Гарденбергъ, но онъ встрѣтилъ настоящее сопротивленіе со стороны приверженцевъ „стараго порядка“, и въ общемъ результатѣ получилось то, что предпри-

нятая въ 1807 г. реформа вышла односторонней, половинчатой, незаконченной. „Старый порядокъ“ не былъ сокрушенъ, а то новое, чтò было введено въ жизнь прусскаго государства, благодаря обоимъ министрамъ-реформаторамъ, не было настолько сильно, чтобы избавить страну отъ возможности сильной и успѣшной реакціи со стороны консервативныхъ элементовъ общества. Этотъ результатъ особенно нужно помнить, знакомясь съ исторіей Пруссіи послѣ низверженія Наполеона.

Разсмотримъ теперь подробнѣе какъ проекты Штейна и Гарденберга, такъ и самыя реформы, которыя были ими произведены.

Вскорѣ послѣ заключенія тильзитскаго мира Штейнъ обратился къ королю съ запиской, въ которой, повторяя свое прежнее мнѣніе о необходимости реформы центральнаго правительства, доказывалъ еще, что завѣдованіе мѣстными дѣлами слѣдуетъ отдать въ руки мѣстныхъ же представителей населенія, подобно тому, какъ это дѣлается въ Англіи, и что не мѣшало бы включить этихъ представителей и въ областныя правленія, состоявшія изъ однихъ чиновниковъ. Штейнъ указывалъ далѣе на то, что чиновничье завѣдованіе мѣстными дѣлами дорого стоитъ, часто оказывается мало компетентнымъ и вообще отличается рутиннымъ формализмомъ; въ особенности же онъ имѣлъ въ виду, что участіе населенія въ завѣдованіи мѣстными дѣлами отразилось бы благотворно на развитіи общественнаго духа и содѣйствовало бы установленію солидарности между обществомъ и правительствомъ [1]). На основахъ этой записки Штейнъ осенью того же года выработалъ цѣлый планъ центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій, которому не суждено было, однако, осуществиться. Во-первыхъ, нѣкоторыя важныя части этого плана не нашли сочувствія среди другихъ государственныхъ людей, хотя бы и стоявшихъ вообще за необходимость реформъ: Штейнъ требовалъ, чтобы общественнымъ элементамъ предоставлена была полнѣйшая самостоятельность въ завѣдованіи дѣлами, имѣющими одинъ только мѣстный интересъ, и чтобы депутаты отъ земскихъ чиновъ участвовали въ областныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ въ качествѣ своего рода свѣдущихъ людей, которые могли бы притомъ и наблюдать за дѣятельностью этихъ учрежденій; но многіе этому противились. Во-вторыхъ, Штейнъ думалъ начать свою реформу съ введенія провинціальнаго и муниципальнаго самоуправленія, тогда какъ другіе государственные люди находили, наоборотъ, что такую реформу лучше было бы ввести послѣ того, какъ страна получитъ національное представительство, и потому дѣло

[1]) Совершенно такія же соображенія высказаны были въ планѣ Тюрго о муниципалитетахъ.

было отложено. Самъ Штейнъ стоялъ также за необходимость государственныхъ чиновъ, но характерно то, что онъ думалъ начать общую реформу съ мѣстнаго самоуправленія и призналъ важность общегосударственнаго представительнаго учрежденія лишь въ концѣ своей министерской дѣятельности. Недаромъ и раньше въ англійскихъ учрежденіяхъ, въ которыхъ онъ видѣлъ наиболѣе полное проявленіе германскихъ политическихъ началъ, онъ выдвигалъ на первый планъ именно мѣстное самоуправленіе, а не общегосударственное представительство. Мало того: Штейнъ задуманнымъ имъ государственнымъ чинамъ придавалъ характеръ чисто совѣщательнаго учрежденія, которое доставляло бы правительству возможность пользоваться опытностью и вліяніемъ представителей безъ малѣйшаго ущерба для той самостоятельности, какою и раньше обладало центральное правительство, такъ что, напр., прусское представительство, по его мнѣнію, не должно было имѣть права вотировать налоги, всегда, наоборотъ, составлявшаго самую важную привилегію англійскаго парламента и принятаго потомъ въ конституціонную теорію и практику французской революціи. Можно сказать, что Штейнъ относился къ абсолютизму почти такъ же, какъ Тюрго, который, удерживая неограниченную власть короля, стремился обновить французское правительство при помощи общественныхъ силъ: и прусскій министръ-реформаторъ, обращаясь къ самодѣятельности общества, видѣлъ въ ней прежде всего необходимую для правительства помощь или опору, такъ какъ представители, по его плану, должны были давать совѣты центральной власти, дѣлать ей предложенія, ходатайствовать передъ нею объ удовлетвореніи различныхъ нуждъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ по порученію этой власти исполнять и тѣ или другія государственныя функціи, когда она найдетъ это полезнымъ. Штейнъ именно предвидѣлъ, что уравненіе правъ не уничтожитъ старой сословной розни и что усовершенствованная централизація только усилитъ старый абсолютизмъ правительства. Наоборотъ, Гарденбергъ какъ-разъ не понималъ ни того, ни другого, и когда власть попала въ его руки, то онъ ничего и не сдѣлалъ для развитія мѣстныхъ учрежденій, начало которымъ было положено Штейномъ.

Административныя реформы Штейна относятся уже къ концу его министерства, именно къ ноябрю 1808 г. 19 числа этого мѣсяца появилось новое городовое положеніе (Städteordnung), за которымъ черезъ пять дней (24 ноября) послѣдовала реформа высшаго управленія (Verordnung über die veränderte Verfassung der obersten Verwaltungsbehörden der Monarchie). Города по новому положенію получили самоуправленіе: ихъ населенію дано было право избирать должностныхъ лицъ, завѣдовавшихъ — подъ высшимъ надзоромъ государ-

ства—городскимъ хозяйствомъ и разными общинными дѣлами, какъ-то: благотворительностью, школами и даже до извѣстной степени полиціей. Къ сожалѣнію, городская реформа не сопровождалась распространеніемъ тѣхъ же началъ на сельскую и уѣздную жизнь. Затѣмъ была преобразована провинціальная администрація, но Штейнъ также и тутъ не успѣлъ ввести задуманное имъ земское самоуправленіе. Что касается до центральныхъ учрежденій, то, несмотря на искаженія, которымъ подверглась реформа Штейна при его преемникѣ, упомянутая Verordnung до сихъ поръ еще лежитъ въ основѣ внутренняго управленія въ Пруссіи. Генеральная директорія была уничтожена, и во главѣ управленія были поставлены пять министровъ (внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, иностранныхъ дѣлъ, военный и юстиціи), чѣмъ упрощено было все дѣлопроизводство, раздѣленное прежде не по предметамъ, а по провинціямъ. Высшимъ учрежденіемъ въ монархіи съ совѣщательнымъ значеніемъ въ законодательствѣ былъ сдѣланъ государственный совѣтъ, въ составъ котораго должны были входить принцы, дѣйствительные или отставные министры и генералы, а также и другія лица, на которыя палъ бы королевскій выборъ.

„Права и власть нашего короля, писалъ Штейнъ въ своемъ прощальномъ письмѣ, я всегда считалъ и не перестаю считать священными. Но для того, чтобы эти права и эта неограниченная власть могли творить то добро, къ которому только они способны, мнѣ казалось необходимымъ доставить верховной власти средство узнавать желанія народа и приводить въ исполненіе ея предначертанія. Когда народъ лишенъ всякаго участія въ дѣлахъ государственнаго управленія и даже лишенъ участія въ завѣдованіи своими мѣстными дѣлами, то онъ или равнодушно относится къ правительству, или въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ даже становится въ оппозицію къ нему". Консервативнымъ элементамъ прусскаго общества подобнаго рода идеи казались уступкою духу революціи, измѣною „старой честной бранденбургской Пруссіи". Гарденбергъ, частью завершившій, частью видоизмѣнившій начатыя Штейномъ административныя реформы, обратилъ особое вниманіе на вопросъ о національномъ представительствѣ. Уже прямо подъ его вліяніемъ Фридрихъ-Вильгельмъ III въ эдиктѣ 27 октября 1810 г. пообѣщалъ самымъ положительнымъ образомъ дать странѣ провинціальное и національное представительство („eine zweckmässig eingerichtete Repräsentation der Nation sowohl in den Provinzen als für das Ganze"). Привилегированные, недовольные Гарденбергомъ,—между прочимъ, за его стремленіе установить гражданскую равноправность, чѣмъ наносился ударъ податнымъ изъятіямъ и феодальнымъ правамъ дворянства,—стали оказывать оппозицію его начинаніямъ. Между тѣмъ въ февралѣ 1811 г. правительство созвало

въ Берлинъ собраніе нотаблей (Landesdeputiertenversammlung), которое по своему преимущественно дворянскому составу далеко не соотвѣтствовало обѣщанному королемъ національному представительству и, вмѣсто того, чтобы оказывать правительству поддержку, выступало только съ самой упорной оппозиціей. Гарденбергъ думалъ убѣдить сословныхъ депутатовъ въ необходимости уже сдѣланныхъ и только еще предпринятыхъ преобразованій, но они только жаловались и нападали на ниспроверженіе всѣхъ исконныхъ порядковъ; двое изъ нихъ даже обращались къ королю съ весьма рѣзкимъ протестомъ, за что были посажены въ крѣпость. Собраніе, ничего не сдѣлавши, было распущено. Обѣщаніе представительства было затѣмъ повторено королемъ еще разъ въ эдиктѣ 7 сентября 1811 г., а въ апрѣлѣ 1812 г. были вновь созваны нотабли въ качествѣ временной замѣны національнаго представительства (interimistische Nationalrepräsentation), хотя правительство продолжало свои реформы безъ этого собранія, имѣвшаго еще менѣе значенія, нежели первое. Въ числѣ этихъ реформъ Гарденберга обращаетъ на себя вниманіе попытка устроить уѣздную администрацію по наполеоновскому образцу. Уже эдиктомъ 27 октября 1810 г. онъ измѣнилъ административную систему Штейна, расчитанную на введеніе самоуправленія, усиливъ принципъ централизаціи, а 30 іюля 1812 г. былъ изданъ эдиктъ о жандармеріи (Gensdarmerie-Edikt), заключавшій въ себѣ цѣлую систему уѣзднаго управленія, которая должна была установить въ Пруссіи подобіе наполеоновскихъ префектуръ. Это уже совсѣмъ должно было бы ниспровергнуть первоначальный планъ Штейна, но эдиктъ не былъ приведенъ въ исполненіе, а въ 1814 г. и формально отмѣненъ.

Несмотря на недоконченность реформъ Штейна и Гарденберга и несмотря на то, что между этими реформами были даже внутреннія противорѣчія, то, что было ими сдѣлано для преобразованія правительственныхъ учрежденій, не осталось безслѣднымъ, причемъ результатъ всѣхъ ихъ усилій былъ въ сущности одинъ. И Штейнъ, и Гарденбергъ считали нужнымъ прежде всего создать силу, которая могла бы совершить всѣ другія намѣченныя ими преобразованія, и съ этою цѣлью они направили свои старанія главнымъ образомъ на улучшеніе самихъ правительственныхъ учрежденій. Они успѣшно разрѣшили свою задачу, внесши больше единства, стройности, порядка и энергіи въ дѣятельность центральныхъ, провинціальныхъ и уѣздныхъ учрежденій, но новая система въ концѣ концовъ была только усовершенствованіемъ стараго порядка бюрократической централизаціи, такъ какъ введеніе самоуправленія (за исключеніемъ городского) такъ и осталось простымъ проектомъ. Въ слѣдующемъ періодѣ, когда въ высшихъ правительственныхъ сферахъ возобладали консерватив-

ные элементы, обновленною реформами административною машиною воспользовалась какъ-разъ та реакція, которая тогда же помѣшала и осуществленію мысли о національномъ представительствѣ, обѣщавшемся королемъ неоднократно и послѣ низверженія Наполеона. Только города, какъ сказано, получили новое самоуправленіе, но если оно въ довольно значительной степени и содѣйствовало развитію городского благоустройства, то не дало тѣхъ результатовъ въ дѣлѣ политическаго воспитанія націи, на которые расчитывалъ Штейнъ, такъ какъ, во-первыхъ, было ограничено почти одною сферою хозяйства, а во-вторыхъ, обособляло горожанъ отъ другихъ сословій. Послѣднее обстоятельство даже прямо противорѣчило идеѣ самого Штейна, стремившагося на почвѣ совокупнаго участія въ мѣстныхъ дѣлахъ пріучить отдѣльныя сословія къ солидарному общественному дѣйствію. Такимъ образомъ правительственная система реформами Штейна и Гарденберга была усовершенствована, но сословный партикуляризмъ ими не былъ сломленъ, для общественной же самодѣятельности въ новомъ духѣ почти ничего не было сдѣлано.

Гораздо болѣе важными были тѣ реформы этой эпохи, которыя совершены были въ сферѣ соціальныхъ отношеній. Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости былъ въ Пруссіи поставленъ еще раньше вступленія Штейна во власть. Когда онъ былъ призванъ къ управленію государствомъ, особою коммиссіею уже былъ изготовленъ проектъ, который министру-реформатору пришлось только осуществить. Первое свиданіе Штейна съ королемъ послѣ возвращенія его въ Пруссію въ 1807 г. состоялось 30 сентября, назначеніе его министромъ — 5 октября, а 9 числа того же мѣсяца уже появился эдиктъ, отмѣнявшій въ монархіи крѣпостное состояніе. Мысль объ этой мѣрѣ принадлежала среди другихъ лицъ и Гарденбергу, раздѣлявшему новыя соціальныя воззрѣнія [1]). Хотя Штейнъ, державшійся противоположныхъ взглядовъ по вопросамъ сословнаго быта и политической экономіи, и думалъ, что за пользованіе землею крестьяне должны находиться въ извѣстной зависимости отъ помѣщиковъ, но подъ условіемъ огражденія отъ произвольнаго удаленія съ своихъ участковъ, тѣмъ не менѣе онъ понялъ, какое важное значеніе будетъ имѣть проектированная мѣра для общаго подъема народнаго духа. Считая безусловно необходимымъ для возстановленія Пруссіи вселить въ народныя массы духъ патріотизма, онъ и началъ свою реформаторскую дѣятельность прямо съ освобожденія крестьянъ. Мало того: Фридрихъ-Вильгельмъ III, склоненный къ этому шагу еще въ августѣ, думалъ, однако, ограничить дѣйствіе новаго закона только двумя про-

[1]) Однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ этомъ дѣлѣ былъ еще Schön.

винціями (Восточной и Западной Пруссіей), но Штейнъ рѣшительнѣйшимъ образомъ настоялъ на томъ, чтобы мѣра была распространена на всѣ вообще области монархіи. Эдиктъ 9 октября 1807 г. уничтожалъ крѣпостничество во всемъ королевствѣ и отмѣнялъ прежнюю исключительность дворянскаго землевладѣнія, провозгласивъ свободу перехода земель изъ рукъ въ руки. Этимъ эдиктомъ было положено начало рѣшенію крестьянскаго вопроса въ Пруссіи, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ и самъ Штейнъ, а потомъ и Гарденбергъ издали цѣлый рядъ еще другихъ распоряженій, касавшихся крестьянства и поземельнаго устройства Пруссіи [1]). Но, превративъ крѣпостного крестьянина въ свободнаго гражданина, прусская крестьянская реформа начала XIX вѣка не устроила его поземельнаго быта и не избавила его отъ вотчинной власти его бывшаго господина. Исключивъ королевскіе домены, гдѣ крестьяне съ личною свободою пріобрѣли на правахъ полной собственности бывшіе въ ихъ владѣніи участки земли, мы можемъ сказать, что помѣщичьи крестьяне, которымъ было предоставлено самимъ безъ государственныхъ вмѣшательства и помощи совершать выкупъ экономическихъ тягостей, оставались попрежнему въ матеріальной зависимости отъ помѣщиковъ, тѣмъ болѣе, что владѣльцы рыцарскихъ помѣстій, несмотря на намѣреніе, выраженное въ эдиктѣ 25 февраля 1808 г., остались въ полномъ обладаніи старою вотчинною полиціей и юстиціей. Немудрено, что крестьяне, обманувшіеся въ своихъ надеждахъ, мѣстами начинали бунтовать съ цѣлью добиться безвозмездной отмѣны тягостей, продолжавшихъ лежать на нихъ по прежнимъ поземельнымъ отношеніямъ. Во всякомъ случаѣ, однако, первый ударъ феодальной несвободѣ лица и земли въ Пруссіи былъ нанесенъ эдиктомъ 9 октября 1807 г., и впервые въ Пруссіи онъ же вводилъ начало гражданской равноправности.

Рушился, далѣе, въ это же время старый соціальный и экономическій бытъ и въ городахъ, благодаря отмѣнѣ монополій и цеховыхъ стѣсненій, а также провозглашенію свободы торговли и промышленности [2]) и т. п.; но и по отношенію къ бюргерству дѣло также не было доведено до конца. За дворянствомъ все-таки были оставлены извѣстныя привилегіи; только онѣ были переведены съ личности дворянина на рыцарское помѣстье, хотя бы по первоначальному предположенію и въ видѣ временной только мѣры. Обладаніе рыцарскимъ помѣстьемъ, сдѣлавшееся доступнымъ теперь и бюргеру, соединено было съ правомъ вотчиннаго суда и полиціи, съ привилегированнымъ представительствомъ въ мѣстныхъ сеймахъ и т. п., но

---

[1]) См. подробности ниже, въ XXIII главѣ этого тома.

[2]) См. подробнѣе объ этомъ въ главѣ XXIV.

бюргеръ, который не входилъ въ составъ класса „владѣльцевъ рыцарскихъ помѣстій“, какъ стали звать прежнихъ помѣщиковъ-дворянъ, будучи во всемъ юридически уравненъ съ дворяниномъ, все-таки не имѣлъ одинаковаго съ нимъ политическаго значенія. Правда, разрѣшеніемъ всѣмъ покупать какую угодно землю воспользовалось множество бюргеровъ, но всѣ новые „владѣльцы рыцарскихъ помѣстій“ тотчасъ же начинали проникаться юнкерскими воззрѣніями и стремленіями. Можно даже сказать, что, благодаря притоку къ дворянству новыхъ силъ изъ городовъ, это сословіе только окрѣпло въ то самое время, какъ то, что было сдѣлано или предпринято противъ его старыхъ привилегій въ эпоху реформъ, заставило его тѣснѣе сплотиться, чтобы образовать особую дворянскую партію. Выступивъ впослѣдствіи на путь оппозиціи противъ непріятныхъ ей преобразованій, эта партія и играла роль одной изъ главныхъ реакціонныхъ силъ въ Пруссіи временъ реставраціи.

Несмотря, однако, на то, что соціальный бытъ монархіи Гогенцоллерновъ послѣ эпохи реформъ далеко не соотвѣтствовалъ мысли Штейна о солидарномъ дѣйствіи сословій, какъ отдѣльныхъ органовъ государственнаго тѣла, и еще менѣе осуществлялъ идею безсословнаго гражданства, которую вмѣстѣ съ другими передовыми людьми своего времени раздѣлялъ Гарденбергъ, соціальный феодализмъ, составляющій такую видную сторону стараго порядка, впервые былъ потрясенъ въ Пруссіи именно Штейномъ и Гарденбергомъ. Прусское правительство провозгласило въ это время и принципъ всеобщей податной и воинской повинности, что уравнивало гражданъ въ отбываніи ими своихъ обязанностей по отношенію къ государству. Правда, на практикѣ всеобщая податная повинность не получила полнаго развитія, но послѣ того, какъ принципъ равенства былъ провозглашенъ самимъ правительствомъ, привилегіи, которыя остались за владѣльцами рыцарскихъ помѣстій, должны были казаться уже явною несправедливостью по отношенію къ другимъ классамъ общества. Намѣреніе Гарденберга отмѣнить разныя изъятія, которыми пользовалось дворянство, главнымъ образомъ и возбуждало противъ него вышеупомянутую оппозицію. Гораздо полнѣе была осуществлена идея всеобщей воинской повинности, подсказывавшаяся правительству прямою необходимостью реорганизовать армію послѣ пораженій, понесенныхъ ею въ 1806—1807 гг.

На военной реформѣ, совершонной въ Пруссіи въ эпоху реформъ, необходимо остановиться, впрочемъ, не только потому, что она входитъ, какъ составная часть, въ общій планъ установленія гражданскаго равенства между отдѣльными сословіями, и не только потому еще, что, благодаря этой реформѣ, Пруссія въ короткое время

организовала армію, которая дала ей возможность въ 1813 г. вступить въ успѣшную борьбу съ Наполеономъ. Не слѣдуетъ еще забывать, что воинская система Пруссіи была принята впослѣдствіи и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Своимъ военнымъ возрожденіемъ монархія Гогенцоллерновъ была обязана генералу Шарнгорсту, который послѣ Тильзита былъ сдѣланъ предсѣдателемъ коммиссіи, учрежденной для преобразованія арміи (Militärreorganisationskommission). Когда во время войны за освобожденіе (1813) онъ умеръ, смертельно раненый въ одномъ сраженіи, дѣло его продолжалъ генералъ Гнейзенау, занимавшійся одно время въ той же коммиссіи, но бывшій вынужденнымъ, подобно Штейну, покинуть Пруссію вслѣдствіе подозрѣній, какія онъ на себя навлекъ у французскаго правительства. Коммиссія Шарнгорста, начавшаго фактически играть роль военнаго министра [1]), выработала общія положенія системы, которыя окончательно и были введены въ жизнь въ 1814 г. Старый способъ пополненія арміи вербовкой и рекрутскими наборами замѣнялся всеобщей воинской повинностью, одинаково обязательной для всѣхъ сословій. По тильзитскому миру Пруссія была лишена права держать болѣе сорока двухъ тысячъ войска, но въ виду предстоявшей борьбы за независимость стали брать молодыхъ людей въ солдаты на короткіе сроки, чтобы, наскоро обучивъ ихъ, отправлять домой, какъ людей, уже достаточно подготовленныхъ къ военной службѣ, и замѣнять ихъ все новыми и новыми солдатами. Кромѣ дѣйствующей арміи, такимъ образомъ было подготовлено особое запасное земское ополченіе (Landwehr). Вмѣстѣ съ этимъ было постановлено, что право на повышеніе по службѣ будетъ даваться не происхожденіемъ или продолжительнымъ занятіемъ должностей, но лишь образованіемъ и заслугами. Наконецъ, были отмѣнены прежнія строгости военнаго устава, и всѣ наказанія, оскорбляющія личное достоинство солдата, были изъ этого устава исключены. Все это въ соединеніи съ чисто техническими нововведеніями совершенно преобразило прусскую армію, и войско, выступившее въ войнѣ 1813 г., уже не походило на то, которое было разбито за семь лѣтъ передъ тѣмъ при Іенѣ. Гораздо меньшимъ было вліяніе всеобщей воинской повинности на уравненіе общественныхъ классовъ. Уже на первыхъ же порахъ дѣло не обошлось безъ значительныхъ отступленій отъ принципа, но особенно впослѣдствіи, въ эпоху реакціи, все еще крѣпко держался на практикѣ старый порядокъ занятія офицерскихъ мѣстъ исключительно одними дворянами.

---

[1]) Одно время онъ занималъ этотъ постъ, но тоже долженъ былъ его оставить по требованію Наполеона I (1811).

Прусскія реформы оказали весьма большое моральное дѣйствіе и на остальную Германію. Упорядочивъ внутреннія отношенія государства, поднявъ духъ населенія, создавъ хорошую армію, онѣ сдѣлали изъ Пруссіи надежду всей нѣмецкой націи, особенно радовавшейся тому, что всѣ эти преобразованія были совершены по свободной иниціативѣ самого прусскаго правительства, а не просто продиктованы ему побѣдителемъ, и были притомъ произведены людьми, враждебно относившимися къ Наполеону и за то подвергавшимися гоненію съ его стороны. Это моральное дѣйствіе прусскихъ реформъ съ особою силою сказалось въ войнѣ за освобожденіе 1813 г., когда обновленная Пруссія пошла впереди національнаго движенія, поставившаго своею цѣлью низверженіе чужеземной власти.

XI. Внѣшняя и внутренняя оппозиція противъ имперіи Наполеона I [1]).

Общія причины непрочности владычества Наполеона. — Отношеніе отдѣльныхъ націй къ Франціи въ эпоху имперіи. — Національное возбужденіе въ Германіи. — «Рѣчи къ нѣмецкой націи» Фихте, патріотическая лирика и «союзъ доблести». — Народныя движенія въ Германіи и война за освобожденіе. — Значеніе народныхъ движеній при Наполеонѣ. — Положеніе Наполеона внутри Франціи. — Непрочность его владычества въ самой Франціи. — Причины недовольства имъ во Франціи. — Тягости военнаго времени. — Континентальная система и экономическій кризисъ. — Литературная оппозиція противъ Наполеона. — Предсказанія о концѣ имперіи. — Оппозиціонное настроеніе французскаго общества въ концѣ имперіи.

(Въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ (1792—1812) всѣ коалиціи, составлявшіяся противъ революціонной и наполеоновской Франціи, оканчивались неудачею. Мы видѣли, что причинами этого были, вопервыхъ, рознь, которая господствовала между правительствами, всту-

---

[1]) Для исторіи войны за освобожденіе Германіи, кромѣ соч. *Häusser'a*, *Krones'a* (Geschichte Oesterreichs im Zeitalter der französischen Kriege), *Treitschke*, *Oncken'a*, указанныхъ выше, и др. болѣе общихъ трудовъ, есть спеціальныя работы: *Beitze*. Geschichte der deutschen Freiheitskriege (три тома, третье изд. 1864 г., четвертое въ 2 т. 1882 г.).—*Droysen*. Vorlesungen über das Zeitalter der Freiheitskriege. 1886.—*Oncken*. Oesterreich und Preussen im Befreiungskriege. 1876, 1879.—*Metternich-Winneburg*. Oesterreichs Theilnahme an den Befreieungskriegen. 1887.—*Lyncker*. Gesch. der Insurrectionen wider den westphal. Gouvernement. 1860.—*Charras*. Histoire de la guerre de 1813 en Allemagne. 1866 (есть и нѣм. переводъ). См. также *Rudolf Goette*. Das Zeitalter der deutschen Erhebung (1807—1815). 1891—92. Послѣднее сочиненіе является началомъ задуманной исторіи Германіи въ XIX в. *Th. Juste*. Le soulevement de la Hollande en 1813 et la formation du royaume des Pays-Bas. 1870.

павшими между собою въ союзъ для борьбы съ Франціей, а во-вторыхъ, то, что народы, тяготившіеся старыми порядками или доведенные прежнимъ режимомъ до совершенной почти безжизненности, или сами оказывали хорошій пріемъ французской арміи, или, по крайней мѣрѣ, не оказывали ей достаточнаго сопротивленія. Въ первый разъ встрѣтился Наполеонъ съ настоящею народною войною только въ 1808 г. въ Испаніи, и скоро на геройскую борьбу испанской націи противъ иноземнаго владычества стали ссылаться и въ другихъ странахъ, какъ на примѣръ, достойный подражанія. Въ слѣдующемъ году поднялось героическое народное возстаніе въ Тиролѣ подъ начальствомъ Гофера, съумѣвшаго—на короткое, правда, время—очистить страну отъ завоевателей, и тогда же сдѣланы были также и другія попытки въ Германіи сбросить французское иго посредствомъ народнаго возстанія. Въ 1812 г. предпринятый Наполеономъ походъ на Россію и въ ней возбудилъ народную войну. Неудача великой арміи, которой пришлось отступать изъ Москвы въ суровое время года, по разоренной дорогѣ, среди враждебнаго населенія, имѣла своимъ результатомъ то, что въ слѣдующемъ, 1813, году національное броженіе, уже ранѣе дававшее себя знать въ Германіи, перешло также въ народный взрывъ знаменитой „войны за освобожденіе". Правительства, которыя раньше боролись съ Наполеономъ однѣми арміями, увидѣли въ эти годы, какую силу представляли собою чисто народныя движенія противъ французовъ, и въ борьбѣ своей съ Наполеономъ стали опираться на эту силу, подымая народный духъ либеральными обѣщаніями. Правительства поняли также, что лишь тѣсное единеніе между собою государствъ порабощенной Европы въ состояніи будетъ привести къ ея освобожденію отъ тягостной французской гегемоніи. Въ 1812 г. соединенная подъ властью Наполеона Европа шла покорять изолированную Россію, а въ 1814 г. уже изолированная Франція должна была покориться волѣ той же Европы, соединенной подъ предводительствомъ Россіи. Такимъ образомъ роли перемѣнились—и не въ этомъ только отношеніи. Въ 1793 г. Франція, переживавшая весьма тяжелый внутренній кризисъ, съумѣла отразить иноземное нашествіе подъемомъ своихъ народныхъ силъ, но въ 1814 и 1815 гг. она два раза подчинялась иноземному завоеванію послѣ того, какъ побиты были ея арміи. Это произошло отъ того, что союзники, освободившіе въ 1813 г. Германію отъ Наполеона, не встрѣтили во Франціи народной войны, не встрѣтили такого національнаго движенія, какое происходило въ 1808—1813 гг. въ Испаніи, въ Тиролѣ, въ Россіи, въ Германіи. Франція 1814—1815 годовъ оказалась обезсиленною деспотизмомъ Наполеона гораздо болѣе, чѣмъ могла за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ обезсилить ее анархія революціи. Наполеонъ понималъ, на чемъ держалась его

власть во Франціи, и не считалъ возможнымъ для себя ни вернуться въ Парижъ побѣжденнымъ, ни обратиться къ націи, чтобы вызвать народную войну. Въ 1813 г. онъ говорилъ Меттерниху, предлагавшему посредничество Австріи между нимъ и русско-прусскимъ союзомъ, слѣдующее: „Ваши государи, рожденные на тронѣ, не могутъ постигнуть тѣхъ ощущеній, какія волнуютъ мою грудь; они возвращаются побѣжденными въ свои столицы и остаются тѣмъ, чѣмъ были прежде, но я не могу ослабленнымъ появиться среди моего народа, я долженъ оставаться великимъ, славнымъ и достойнымъ удивленія". Когда, съ другой стороны, одинъ французскій генералъ указалъ ему на возможность поднять націю, онъ отказался отъ этого плана. „Химера! воскликнулъ онъ, химера, заимствованная изъ воспоминаній о революціи! Поднять націю въ странѣ, гдѣ революція уничтожила благородныхъ и священниковъ и гдѣ я же самъ разрушилъ революцію!" Въ началѣ своего правленія Наполеонъ, давшій странѣ внутреннее успокоеніе, въ которомъ она такъ нуждалась, былъ не только очень популяренъ, но и не встрѣчалъ почти никакой оппозиціи, но къ концу его царствованія внутренняя оппозиція противъ его режима сдѣлала довольно значительные успѣхи, и первая же серьезная внѣшняя неудача, постигшая имперію, придала бодрости всѣмъ оппозиціоннымъ элементамъ. Таковы были въ общихъ чертахъ внѣшнія и внутреннія причины, сокрушившія наполеоновскую имперію. И въ порабощенной Европѣ, и въ самой Франціи, лишенной общественной свободы, деспотизмъ Наполеона въ концѣ концовъ встрѣтилъ сильную оппозицію, а эта внѣшняя и внутренняя оппозиція пошла подъ знаменемъ національной и политической свободы, т.-е. совершалась во имя идей, родственныхъ принципамъ 1789 г. Въ 1812 г. испанскіе патріоты, боровшіеся противъ Наполеона, выработали извѣстную либеральную конституцію; національное движеніе въ Германіи усилено было либеральными обѣщаніями правительствъ; наконецъ, и самъ Наполеонъ въ эпоху своего вторичнаго, „стодневнаго" царствованія счелъ нужнымъ измѣнить учрежденія имперіи въ либеральномъ духѣ. Общей характеристикѣ внѣшней и внутренней оппозиціи противъ владычества Наполеона, подготовившей паденіе имперіи, мы и посвящаемъ эту главу.

Нѣтъ ни малѣйшей необходимости долго останавливаться надъ причинами того недовольства противъ Франціи, которое господствовало въ большей части европейскихъ народовъ въ эпоху наполеоновскаго владычества: онѣ заключались въ томъ произволѣ, съ какимъ Наполеонъ распоряжался судьбами отдѣльныхъ странъ, въ полномъ его пренебреженіи къ ихъ національнымъ правамъ и интересамъ, въ деспотическомъ режимѣ, установлявшемся повсемѣстно, гдѣ только утверждалась его власть, и въ матеріальномъ разореніи народовъ отъ

павшими между собою въ союзъ для борьбы съ Франціей, а во-вторыхъ, то, что народы, тяготившіеся старыми порядками или доведенные прежнимъ режимомъ до совершенной почти безжизненности, или сами оказывали хорошій пріемъ французской арміи, или, по крайней мѣрѣ, не оказывали ей достаточнаго сопротивленія. Въ первый разъ встрѣтился Наполеонъ съ настоящею народною войною только въ 1808 г. въ Испаніи, и скоро на геройскую борьбу испанской націи противъ иноземнаго владычества стали ссылаться и въ другихъ странахъ, какъ на примѣръ, достойный подражанія. Въ слѣдующемъ году поднялось героическое народное возстаніе въ Тиролѣ подъ начальствомъ Гофера, съумѣвшаго—на короткое, правда, время—очистить страну отъ завоевателей, и тогда же сдѣланы были также и другія попытки въ Германіи сбросить французское иго посредствомъ народнаго возстанія. Въ 1812 г. предпринятый Наполеономъ походъ на Россію и въ ней возбудилъ народную войну. Неудача великой арміи, которой пришлось отступать изъ Москвы въ суровое время года, по разоренной дорогѣ, среди враждебнаго населенія, имѣла своимъ результатомъ то, что въ слѣдующемъ, 1813, году національное броженіе, уже ранѣе дававшее себя знать въ Германіи, перешло также въ народный взрывъ знаменитой „войны за освобожденіе". Правительства, которыя раньше боролись съ Наполеономъ однѣми арміями, увидѣли въ эти годы, какую силу представляли собою чисто народныя движенія противъ французовъ, и въ борьбѣ своей съ Наполеономъ стали опираться на эту силу, подымая народный духъ либеральными обѣщаніями. Правительства поняли также, что лишь тѣсное единеніе между собою государствъ порабощенной Европы въ состояніи будетъ привести къ ея освобожденію отъ тягостной французской гегемоніи. Въ 1812 г. соединенная подъ властью Наполеона Европа шла покорять изолированную Россію, а въ 1814 г. уже изолированная Франція должна была покориться волѣ той же Европы, соединенной подъ предводительствомъ Россіи. Такимъ образомъ роли перемѣнились—и не въ этомъ только отношеніи. Въ 1793 г. Франція, переживавшая весьма тяжелый внутренній кризисъ, съумѣла отразить иноземное нашествіе подъемомъ своихъ народныхъ силъ, но въ 1814 и 1815 гг. она два раза подчинялась иноземному завоеванію послѣ того, какъ побиты были ея арміи. Это произошло отъ того, что союзники, освободившіе въ 1813 г. Германію отъ Наполеона, не встрѣтили во Франціи народной войны, не встрѣтили такого національнаго движенія, какое происходило въ 1808—1813 гг. въ Испаніи, въ Тиролѣ, въ Россіи, въ Германіи. Франція 1814—1815 годовъ оказалась обезсиленною деспотизмомъ Наполеона гораздо болѣе, чѣмъ могла за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ обезсилить ее анархія революціи. Наполеонъ понималъ, на чемъ держалась его

власть во Франціи, и не считалъ возможнымъ для себя ни вернуться въ Парижъ побѣжденнымъ, ни обратиться къ націи, чтобы вызвать народную войну. Въ 1813 г. онъ говорилъ Меттерниху, предлагавшему посредничество Австріи между нимъ и русско-прусскимъ союзомъ, слѣдующее: „Ваши государи, рожденные на тронѣ, не могутъ постигнуть тѣхъ ощущеній, какія волнуютъ мою грудь; они возвращаются побѣжденными въ свои столицы и остаются тѣмъ, чѣмъ были прежде, но я не могу ослабленнымъ появиться среди моего народа, я долженъ оставаться великимъ, славнымъ и достойнымъ удивленія“. Когда, съ другой стороны, одинъ французскій генералъ указалъ ему на возможность поднять націю, онъ отказался отъ этого плана. „Химера! воскликнулъ онъ, химера, заимствованная изъ воспоминаній о революціи! Поднять націю въ странѣ, гдѣ революція уничтожила благородныхъ и священниковъ и гдѣ я же самъ разрушилъ революцію!“ Въ началѣ своего правленія Наполеонъ, давшій странѣ внутреннее успокоеніе, въ которомъ она такъ нуждалась, былъ не только очень популяренъ, но и не встрѣчалъ почти никакой оппозиціи, но къ концу его царствованія внутренняя оппозиція противъ его режима сдѣлала довольно значительные успѣхи, и первая же серьезная внѣшняя неудача, постигшая имперію, придала бодрости всѣмъ оппозиціоннымъ элементамъ. Таковы были въ общихъ чертахъ внѣшнія и внутреннія причины, сокрушившія наполеоновскую имперію. И въ порабощенной Европѣ, и въ самой Франціи, лишенной общественной свободы, деспотизмъ Наполеона въ концѣ концовъ встрѣтилъ сильную оппозицію, а эта внѣшняя и внутренняя оппозиція пошла подъ знаменемъ національной и политической свободы, т.-е. совершалась во имя идей, родственныхъ принципамъ 1789 г. Въ 1812 г. испанскіе патріоты, боровшіеся противъ Наполеона, выработали извѣстную либеральную конституцію; національное движеніе въ Германіи усилено было либеральными обѣщаніями правительствъ; наконецъ, и самъ Наполеонъ въ эпоху своего вторичнаго „стодневнаго“ царствованія счелъ нужнымъ измѣнить учрежденія имперіи въ либеральномъ духѣ. Общей характеристикѣ внѣшней и внутренней оппозиціи противъ владычества Наполеона, подготовившей паденіе имперіи, мы и посвящаемъ эту главу.

Нѣтъ ни малѣйшей необходимости долго останавливаться надъ причинами того недовольства противъ Франціи, которое господствовало въ большей части европейскихъ народовъ въ эпоху наполеоновскаго владычества: онѣ заключались въ томъ произволѣ, съ какимъ Наполеонъ распоряжался судьбами отдѣльныхъ странъ, въ полномъ его пренебреженіи къ ихъ національнымъ правамъ и интересамъ, въ деспотическомъ режимѣ, установлявшемся повсемѣстно, гдѣ только утверждалась его власть, и въ матеріальномъ разореніи народовъ отъ

павшими между собою въ союзъ для борьбы съ Франціей, а во-вторыхъ, то, что народы, тяготившіеся старыми порядками или доведенные прежнимъ режимомъ до совершенной почти безжизненности, или сами оказывали хорошій пріемъ французской арміи, или, по крайней мѣрѣ, не оказывали ей достаточнаго сопротивленія. Въ первый разъ встрѣтился Наполеонъ съ настоящею народною войною только въ 1808 г. въ Испаніи, и скоро на геройскую борьбу испанской націи противъ иноземнаго владычества стали ссылаться и въ другихъ странахъ, какъ на примѣръ, достойный подражанія. Въ слѣдующемъ году поднялось героическое народное возстаніе въ Тиролѣ подъ начальствомъ Гофера, съумѣвшаго—на короткое, правда, время—очистить страну отъ завоевателей, и тогда же сдѣланы были также и другія попытки въ Германіи сбросить французское иго посредствомъ народнаго возстанія. Въ 1812 г. предпринятый Наполеономъ походъ на Россію и въ ней возбудилъ народную войну. Неудача великой арміи, которой пришлось отступать изъ Москвы въ суровое время года, по разоренной дорогѣ, среди враждебнаго населенія, имѣла своимъ результатомъ то, что въ слѣдующемъ, 1813, году національное броженіе, уже ранѣе дававшее себя знать въ Германіи, перешло также въ народный взрывъ знаменитой „войны за освобожденіе“. Правительства, которыя раньше боролись съ Наполеономъ однѣми арміями, увидѣли въ эти годы, какую силу представляли собою чисто народныя движенія противъ французовъ, и въ борьбѣ своей съ Наполеономъ стали опираться на эту силу, подымая народный духъ либеральными обѣщаніями. Правительства поняли также, что лишь тѣсное единеніе между собою государствъ порабощенной Европы въ состояніи будетъ привести къ ея освобожденію отъ тягостной французской гегемоніи. Въ 1812 г. соединенная подъ властью Наполеона Европа шла покорять изолированную Россію, а въ 1814 г. уже изолированная Франція должна была покориться волѣ той же Европы, соединенной подъ предводительствомъ Россіи. Такимъ образомъ роли перемѣнились—и не въ этомъ только отношеніи. Въ 1793 г. Франція, переживавшая весьма тяжелый внутренній кризисъ, съумѣла отразить иноземное нашествіе подъемомъ своихъ народныхъ силъ, но въ 1814 и 1815 гг. она два раза подчинялась иноземному завоеванію послѣ того, какъ побиты были ея арміи. Это произошло отъ того, что союзники, освободившіе въ 1813 г. Германію отъ Наполеона, не встрѣтили во Франціи народной войны, не встрѣтили такого національнаго движенія, какое происходило въ 1808—1813 гг. въ Испаніи, въ Тиролѣ, въ Россіи, въ Германіи. Франція 1814—1815 годовъ оказалась обезсиленною деспотизмомъ Наполеона гораздо болѣе, чѣмъ могла за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ обезсилить ее анархія революціи. Наполеонъ понималъ, на чемъ держалась его

власть во Франціи, и не считалъ возможнымъ для себя ни вернуться въ Парижъ побѣжденнымъ, ни обратиться къ націи, чтобы вызвать народную войну. Въ 1813 г. онъ говорилъ Меттерниху, предлагавшему посредничество Австріи между нимъ и русско-прусскимъ союзомъ, слѣдующее: „Ваши государи, рожденные на тронѣ, не могутъ постигнуть тѣхъ ощущеній, какія волнуютъ мою грудь; они возвращаются побѣжденными въ свои столицы и остаются тѣмъ, чѣмъ были прежде, но я не могу ослабленнымъ появиться среди моего народа, я долженъ оставаться великимъ, славнымъ и достойнымъ удивленія". Когда, съ другой стороны, одинъ французскій генералъ указалъ ему на возможность поднять націю, онъ отказался отъ этого плана. „Химера! воскликнулъ онъ, химера, заимствованная изъ воспоминаній о революціи! Поднять націю въ странѣ, гдѣ революція уничтожила благородныхъ и священниковъ и гдѣ я же самъ разрушилъ революцію!" Въ началѣ своего правленія Наполеонъ, давшій странѣ внутреннее успокоеніе, въ которомъ она такъ нуждалась, былъ не только очень популяренъ, но и не встрѣчалъ почти никакой оппозиціи, но къ концу его царствованія внутренняя оппозиція противъ его режима сдѣлала довольно значительные успѣхи, и первая же серьезная внѣшняя неудача, постигшая имперію, придала бодрости всѣмъ оппозиціоннымъ элементамъ. Таковы были въ общихъ чертахъ внѣшнія и внутреннія причины, сокрушившія наполеоновскую имперію. И въ порабощенной Европѣ, и въ самой Франціи, лишенной общественной свободы, деспотизмъ Наполеона въ концѣ концовъ встрѣтилъ сильную оппозицію, а эта внѣшняя и внутренняя оппозиція пошла подъ знаменемъ національной и политической свободы, т.-е. совершалась во имя идей, родственныхъ принципамъ 1789 г. Въ 1812 г. испанскіе патріоты, боровшіеся противъ Наполеона, выработали извѣстную либеральную конституцію; національное движеніе въ Германіи усилено было либеральными обѣщаніями правительствъ; наконецъ, и самъ Наполеонъ въ эпоху своего вторичнаго, „стодневнаго" царствованія счелъ нужнымъ измѣнить учрежденія имперіи въ либеральномъ духѣ. Общей характеристикѣ внѣшней и внутренней оппозиціи противъ владычества Наполеона, подготовившей паденіе имперіи, мы и посвящаемъ эту главу.

Нѣтъ ни малѣйшей необходимости долго останавливаться надъ причинами того недовольства противъ Франціи, которое господствовало въ большей части европейскихъ народовъ въ эпоху наполеоновскаго владычества: онѣ заключались въ томъ произволѣ, съ какимъ Наполеонъ распоряжался судьбами отдѣльныхъ странъ, въ полномъ его пренебреженіи къ ихъ національнымъ правамъ и интересамъ, въ деспотическомъ режимѣ, установлявшемся повсемѣстно, гдѣ только утверждалась его власть, и въ матеріальномъ разореніи народовъ отъ

тягостей войны, конскрипцій, контрибуцій и континентальной системы. Въ ненависти къ Наполеону объединялись чувства культурныхъ классовъ общества и народной массы, и одинаково враждебно относились къ нему какъ консерваторы, въ родѣ англійскихъ торіевъ, испанскихъ клерикаловъ, прусскихъ юнкеровъ и т. п., для которыхъ Наполеонъ былъ исчадіемъ революціи, такъ и либералы, видѣвшіе въ немъ деспота, подавившаго свободу и въ собственной своей Франціи, и за ея границами. Конечно, мотивы этой общей ненависти къ Наполеону въ разныхъ странахъ были различные. Сильна была, напр., ненависть къ нему въ Англіи, и именно англичане проявили наибольшее упорство въ борьбѣ съ Франціей въ эту эпоху, но здѣсь причина такого отношенія къ владыкѣ континента была иная, нежели, положимъ, въ Испаніи или въ Германіи. Островное положеніе Англіи дѣлало ее недосягаемой для Наполеона, и его война съ нею, союзы, въ которые противъ нея онъ вступалъ съ другими государствами, континентальная система, направленная противъ ея промышленности и торговли, наносили англичанамъ большой политическій вредъ и матеріальный ущербъ, тогда какъ Испаніи и Германіи навязывалось уже прямо чужеземное иго, оскорблявшее національный патріотизмъ ихъ населеній, лишавшее ихъ политической независимости, уничтожавшее въ обѣихъ странахъ то, что жители ихъ считали—вѣрно или невѣрно, это другой вопросъ—своей внутренней свободой. Правда, съ другой стороны, у Наполеона внѣ Франціи были и сторонники, но рѣдко они бывали искренни и оставались вѣрными ему до конца. Исторія международныхъ отношеній въ эпоху консульства и имперіи указываетъ на то, что отдѣльныя правительства дружили съ Наполеономъ, пока его боялись или когда надѣялись извлечь изъ союза съ нимъ выгоду, но такіе союзники не могли быть очень надежными. Особенно государи Рейнскаго союза, облагодѣтельствованные Наполеономъ, крѣпко его держались, такъ какъ ихъ собственная власть покоилась на могуществѣ французскаго императора; но и эти союзники не могли противиться до конца настроенію своихъ собственныхъ подданныхъ и требованіямъ послѣдней коалиціи, образовавшейся противъ Наполеона. Изъ европейскихъ націй искренне были расположены къ Наполеону одни только поляки, вѣрившіе въ то, что онъ рано или поздно возстановитъ ихъ родину. Съ самаго паденія Рѣчи Посполитой польскіе патріоты возлагали всѣ свои надежды на Францію—сначала на побѣдоносную революцію, потомъ на еще болѣе побѣдоносную имперію—и шли сражаться подъ французскими знаменами; но Наполеонъ только эксплуатировалъ польскій патріотизмъ, привлекая поляковъ на свою сторону и пугая Россію призракомъ возстановленія Польши, но въ дѣйствительности не обнаруживъ серьезнаго намѣренія это сдѣлать. Національ-

ная независимость какого бы то ни было народа слишкомъ противорѣчила всей политикѣ Наполеона, предпочитавшаго имѣть дѣло съ правительствами, съ которыми онъ дѣлился завоеванными населеніями и которыя онъ вознаграждалъ цѣлыми территоріями, не справляясь съ желаніемъ мѣстныхъ жителей. Поляки въ своемъ исключительномъ положеніи еще могли мечтать о томъ, что Наполеонъ возстановитъ ихъ политическую независимость, но не могли видѣть въ немъ возстановителя свободы другіе народы. Даже въ Италіи, привыкшей къ раздробленію и къ иноземному господству, въ это время начинаетъ пробуждаться мысль о національномъ единствѣ и независимости, осуществленіе которой въ концѣ концовъ должно было направиться противъ Франціи [1]).

Эта почти всеобщая національная оппозиція противъ французскаго владычества имѣла далеко не одинаковое значеніе въ исторіи отдѣльныхъ странъ, гдѣ продолжали между собой бороться консервативныя и прогрессивныя стремленія. Такую борьбу мы наблюдаемъ, напр., въ Испаніи, гдѣ въ 1812 г. побѣдило либеральное теченіе, что̀ и выразилось въ знаменитой конституціи, составленной кадикскими кортесами. Шла внутренняя борьба и въ Италіи, гдѣ уже тогда подготовлялось карбонарское движеніе, проявившее всю свою силу въ эпоху реставраціи. Но Испанія и Италія были націи, въ культурномъ отношеніи отсталыя сравнительно съ Германіей, которая съ середины XVIII в. развила у себя глубокую духовную жизнь, выразившуюся въ процвѣтаніи философіи, литературы и науки, вслѣдствіе чего подъемъ народнаго духа въ этой странѣ въ эпоху борьбы съ иноземнымъ владычествомъ соединился со многими культурными явленіями, невольно останавливающими на себѣ вниманіе историковъ [2]). Не касаясь здѣсь всей культурной жизни Германіи за этотъ періодъ, мы остановимся лишь на фактахъ, свидѣтельствующихъ о національномъ характерѣ тогдашняго духовнаго движенія.

Нѣмцы XVIII вѣка наименѣе заслуживаютъ упрека въ національнамѣ. Напротивъ того, нѣмецкая культура XVIII столѣтія отличается характеромъ космополитическимъ. Это, между прочимъ, сказалось и на томъ увлеченіи многихъ образованныхъ нѣмцевъ французской революціей, въ которомъ довольно значительную роль играло представленіе объ универсальномъ значеніи революціи, о наступленіи новой

---

[1]) Объ итальянскихъ отношеніяхъ эпохи будетъ сказано ниже (въ главѣ XV) по поводу политической борьбы двадцатыхъ годовъ.

[2]) О культурной жизни Германіи рѣчь будетъ въ другихъ отдѣлахъ, и тамъ будутъ сдѣланы указанія на литературу. Общій очеркъ развитія національнаго самосознанія въ Германіи представляетъ книжка *Levy-Bruhl'я* „L'Allemagne depuis Leibnitz“. 1890.

эры для всего человѣчества. Этимъ космополитическимъ настроеніемъ были проникнуты въ Германіи величайшіе умы эпохи, и если уже тогда зарождались—въ области литературы—нѣкоторыя явленія, которымъ суждено было впослѣдствіи развиться въ своего рода національную исключительность, то одною изъ главныхъ причинъ такого развитія было пробужденіе чувства народности подъ вліяніемъ иноземнаго владычества. Въ этомъ отношеніи весьма характеренъ примѣръ философа Фихте, стоявшаго сначала на точкѣ зрѣнія „всемірнаго гражданства" (Weltbürgerthum), а потомъ сдѣлавшагося родоначальникомъ теоретическаго національзма, который развился въ XIX в. не въ одной Германіи. Совсѣмъ въ духѣ космополитическихъ стремленій XVIII в. высказывался Фихте еще въ 1804—1805 г., отвѣчая въ своихъ „Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters" на вопросъ о томъ, гдѣ находится отечество истинно просвѣщеннаго европейца. По его тогдашнему мнѣнію, это была прежде всего вообще вся Европа, въ частности же наиболѣе просвѣщенное въ данную минуту государство: намъ, писалъ онъ, не должно быть дѣла до того, что тотъ или другой народъ останавливается въ своемъ развитіи, приходитъ въ упадокъ или опережается другими, потому что только для земнородныхъ отечество заключается въ почвѣ, въ рѣкахъ и горахъ, — такъ пусть же они и остаются гражданами павшаго государства, удерживая въ своихъ рукахъ предметъ своей любви, въ который они вложили все свое счастье, но родственный солнцу духъ непреоборимо обращается въ ту сторону, гдѣ свѣтъ и вселенная. „И въ этомъ всемірно-гражданскомъ чувствѣ (Weltbürgersinn) мы, заключалъ Фихте, можемъ быть совершенно спокойными за себя и за своихъ потомковъ до конца дней относительно дѣяній и судебъ отдѣльныхъ государствъ". Это космополитическое настроеніе какъ рукой сняло съ философа, когда вспыхнула война Пруссіи съ Наполеономъ. Фихте очень жалѣлъ, что не могъ идти сражаться, и высказывалъ намѣреніе сдѣлаться свѣтскимъ проповѣдникомъ въ арміи, чтобы рѣчами своими воодушевлять солдатъ. Въ 1807 г. онъ пишетъ діалогъ о патріотизмѣ и противоположномъ ему настроеніи; здѣсь уже выступаетъ на первый планъ идея отечества и не въ смыслѣ только отечества прусскаго, а въ смыслѣ національнаго единства всей Германіи. Въ зиму съ 1807 на 1808 г. Фихте читалъ въ Берлинѣ въ формѣ публичныхъ лекцій свои знаменитыя „Рѣчи къ нѣмецкой націи" (Reden an die deutsche Nation), сильно содѣйствовавшія подъему патріотическаго духа нѣмцевъ. Въ этихъ „рѣчахъ" онъ обращается „къ нѣмцамъ, просто къ нѣмцамъ, игнорируя раздѣляющія ихъ различія, которыя были созданы несчастными обстоятельствами въ единомъ народѣ", и обращается, приглашая ихъ сдѣлаться единой націей, чтобы найти свою свободу. Любовь къ отечеству Фихте опре-

дѣляетъ здѣсь, какъ любовь къ вѣчному, ибо кто въ земной жизни не видитъ вѣчныхъ началъ, у того можетъ быть отечество на небесахъ, но онъ не имѣетъ отечества на землѣ; земное отечество есть лишь у того, кто обладаетъ сознаніемъ народности, какъ вѣчнаго сосуда божественнаго духа. Мало того: Фихте стремится доказать, что къ настоящему пониманію высшихъ началъ мысли и жизни способны только германцы, у которыхъ религія, философія и государство являются одухотворенными, тогда какъ чужіе народы относятся ко всему этому внѣшнимъ образомъ, понимаютъ все это только механически. Этотъ примѣръ обращенія философа-идеалиста изъ „гражданина вселенной" въ нѣмецкаго патріота вообще отмѣчаетъ собою поворотъ, происшедшій въ нѣмецкомъ образованномъ обществѣ подъ вліяніемъ иноземнаго завоеванія. Фихте, между прочимъ, указывалъ и на необходимость реформы воспитанія, которое одно только поможетъ вывести націю изъ ея печальнаго положенія. Однимъ изъ важныхъ дѣлъ прусскаго правительства въ эпоху реформъ было основаніе въ 1809 г. берлинскаго университета, въ которомъ читали лекціи, кромѣ Фихте, и другіе выдающіеся профессора и который много содѣйствовалъ пробужденію въ обществѣ патріотизма. Во главѣ новаго университета сталъ гуманный и либеральный Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ.

У Фихте проповѣдь національнаго патріотизма смягчалась еще его идеальнымъ настроеніемъ, но у другихъ дѣятелей эпохи эта проповѣдь прямо переходила въ своего рода травлю романскихъ націй, какъ это мы видимъ, напримѣръ, у извѣстнаго „отца гимнастики" (Turnvater) Яна, который считалъ нужнымъ тѣлесными упражненіями воспитать здоровое поколѣніе для борьбы съ французами, а къ нимъ онъ относился съ совершенно изувѣрскою ненавистью. Вражду къ романской расѣ проповѣдовалъ и Арндтъ въ своемъ сочиненіи „Духъ времени", которое тоже не мало способствовало пробужденію въ нѣмецкомъ обществѣ національнаго чувства. Эпоха войны за освобожденіе создала въ Германіи, наконецъ, цѣлое направленіе патріотической лирики, представителями которой были Кёрнеръ, авторъ сборника „Лира и мечъ" (Leier und Schwert), убитый въ одной стычкѣ въ 1813 г.; Уландъ, соединявшій съ патріотизмомъ либеральныя стремленія, которымъ остался вѣренъ до конца жизни; Арндтъ, другъ Штейна, спасавшійся отъ наполеонова гнѣва въ Стокгольмѣ и въ самой Германіи подъ чужимъ именемъ; Рюккертъ, одинъ изъ дѣятелей нѣмецкаго романтизма, и др. Въ этомъ національномъ движеніи особое значеніе пріобрѣлъ такъ называемый „союзъ доблести" (Tugendbund), возникшій въ 1808 г. въ Пруссіи въ числѣ другихъ тайныхъ обществъ, ставившихъ своей задачей духовное и политическое возрожденіе Германіи. Основателемъ „тугендбунда" былъ кёнигсбергскій профессоръ Ле-

манъ, членами его были — ученые, военные, чиновники; Штейнъ съ Шарнгорстомъ тоже оказывали ему свое содѣйствіе. Хотя число членовъ „союза“ не превосходило 350, однако, французская полиція и реакціонная партія въ самой Пруссіи относились къ нему подозрительно, и по требованію правительства союзъ долженъ былъ прекратить свое существованіе. Французы приписывали ему гораздо большее значеніе и сильно его побаивались, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ членовъ въ такихъ частяхъ Германіи, гдѣ въ 1809 г. уже начинались антифранцузскія движенія.

Хотя главнымъ центромъ проявленій патріотическаго настроенія послѣ 1807 г. сдѣлалась Пруссія, гдѣ тогда же совершалась и преобразовательная дѣятельность правительства, первыя вспышки противъ французовъ произошли въ другихъ мѣстахъ. Уже въ 1809 г. въ отдѣльныхъ частяхъ Германіи замѣчались признаки будущей войны за освобожденіе. Въ этомъ году Австрія, начиная войну съ Наполеономъ, прямо ставила ея цѣлью свободу нѣмецкаго народа, но Австрія была тогда изолирована и побита. Въ томъ же году поднялось возстаніе въ Тиролѣ, но и оно было усмирено [1]). Наконецъ, опять-таки въ 1809 г. во многихъ мѣстахъ сѣверной Германіи, особенно въ Вестфальскомъ королевствѣ замышлялись, подготовлялись и даже начинались возстанія противъ французовъ; извѣстенъ, между прочимъ, безумно-героическій планъ майора Шилля [2]), овладѣвшаго Штральзундомъ, чтобы сдѣлать изъ него опорный пунктъ возстанія, но погибшаго при взятіи этого города непріятелемъ; извѣстенъ также не менѣе смѣлый походъ на Вестфалію герцога брауншвейгскаго съ „черным легіономъ мести“, окончившійся тоже неудачею, послѣ чего герцогъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ въ Англію, и т. д. Всѣ подобныя попытки вообще въ это время подавлялись французами съ успѣхомъ, и виновники, попадавшіе въ ихъ руки, подвергались казни. Наполеонъ былъ, однако, встревоженъ такимъ настроеніемъ нѣмцевъ и спѣшилъ окончить войну съ Австріей, дабы „не быть окруженнымъ тысячью Вандей“. Подъ вліяніемъ общей ненависти къ Наполеону въ это время одинъ молодой человѣкъ изъ Наумбурга, Фридрихъ Штапсъ, сдѣлалъ попытку убить Наполеона въ Шёнбруннѣ, но былъ схваченъ, призналcя на допросѣ въ своемъ намѣреніи и былъ приговоренъ къ смертной казни. Все это были предупрежденія по адресу Наполеона, да и не даромъ однажды писалъ ему его братъ, король вестфальскій: „Броженіе достигло высшей степени; принимаются и поддерживаются самыя безразсудныя надежды; ставятъ себѣ въ образецъ Испанію, и, повѣрьте, когда начнется война,

[1]) *Bartholdy*. La guerre contre les paysans du Tyrol en 1809.—*Saint-Clair*. André Hofer et l'insurrection du Tyrol. 1881.—Объ этомъ же нѣм. соч. *Hormayr'a*.

[2]) *Joubert*. Le major Schill. 1877.

страны между Рейномъ и Одеромъ будутъ театромъ большого возстанія, ибо должно опасаться крайняго отчаянія народовъ, которымъ болѣе нечего терять".

Послѣ неудачи похода Наполеона въ Россію Германія, дѣйствительно, поднялась противъ французскаго владычества. Движеніе началось въ Пруссіи, гдѣ еще въ концѣ 1812 г. генералъ Іоркъ, находившійся подъ начальствомъ Макдональда, заключилъ на свой страхъ въ Таурогенѣ конвенцію съ русскимъ генераломъ Дибичемъ и прекратилъ борьбу за дѣло Франціи, что̀ тогда вызвало неудовольствіе въ Берлинѣ. Далѣе, по мысли Штейна въ Кёнигсбергѣ въ началѣ февраля собрались земскіе чины Восточной и Западной Пруссіи, которые рѣшили организовать провинціальное ополченіе для борьбы съ врагомъ нѣмецкаго народа и выбрали особую коммиссію для завѣдованія этимъ дѣломъ, что̀ тоже очень не понравилось Фридриху-Вильгельму III, не довѣрявшему общественной иниціативѣ; несмотря даже на то, что сеймъ постоянно выражалъ ему свои вѣрноподданническія чувства, король постановленій сейма не утверждалъ. Это, впрочемъ, не помѣшало жителямъ провинціи организовать возстаніе. Послѣ перехода русскихъ войскъ за границу прусскому правительству уже прямо пришлось выбирать между союзомъ съ Франціей и союзомъ съ Россіей. Послѣ долгихъ колебаній Фридрихъ-Вильгельмъ III рѣшился на послѣдній, главнымъ образомъ въ виду начинавшагося народнаго возстанія, которое съ трудомъ сдерживалось властями. Штейнъ, жившій съ весны 1812 г. въ Петербургѣ и склонившій Александра I къ исполненію давно задуманнаго прусскими патріотами плана освобожденія Германіи, не мало содѣйствовалъ тому, что наконецъ между Пруссіей и Россіей въ февралѣ 1813 г. въ Калишѣ былъ заключенъ договоръ. Въ мартѣ калишскій договоръ былъ дополненъ бреславскимъ, касавшимся вопроса объ управленіи нѣмецкими землями, которыя будутъ освобождены отъ французовъ [1]). Страшное воодушевленіе овладѣло пруссаками, особенно послѣ того, какъ въ мартѣ король объявилъ войну Франціи и обратился съ воззваніемъ къ своему народу. Это и другія подобныя воззванія (между прочимъ калишское воззваніе Кутузова отъ имени обоихъ союзныхъ государей) сильно содѣйствовали взрыву въ Германіи національнаго чувства, тѣмъ болѣе, что въ этихъ обращеніяхъ говорилось о независимости народовъ, о ихъ правѣ распоряжаться собственной своей судьбой, о силѣ общественнаго мнѣнія, передъ которою должны преклоняться государи, и т. п. Штейнъ былъ однимъ изъ главныхъ вдохновителей такихъ воззваній ко всѣмъ нѣм-

[1]) Для этого изъ уполномоченныхъ Россіи и Пруссіи составленъ былъ совѣтъ подъ предсѣдательствомъ Штейна, бывшаго русскимъ уполномоченнымъ.

цамъ вообще и къ населенію отдѣльныхъ частей Германіи (Саксоніи, Вестфаліи и т. п.). Между тѣмъ Шарнгорстъ организовалъ въ Пруссіи милицію (ландверъ) и поголовное ополченіе (ландштурмъ), кромѣ которыхъ образовались еще добровольческіе отряды изъ нѣмцевъ, не состоявшихъ прусскими подданными. На популярную войну шли теперь профессора, учителя, студенты, чиновники, молодые дворяне, купцы, ремесленники, крестьяне. Изъ Пруссіи движеніе перешло въ другія нѣмецкія земли и прежде всего въ Саксонію, король которой былъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ Наполеону членовъ Рейнскаго союза. Народное движеніе, конечно, сдерживалось въ государствахъ Рейнскаго союза правительствами, бывшими на сторонѣ Франціи. Ими даже предписывалось служить благодарственные молебны по случаю одерживавшихся Наполеономъ побѣдъ, но мало-по-малу и эти государи должны были примкнуть къ анти-французскому союзу, когда послѣдній усилился вслѣдствіе присоединенія къ нему Швеціи, Англіи и Австріи (послѣдній по рейхенбахскому договору). Одною изъ первой отстала отъ Наполеона Баварія, обезпечивъ за собою (по ридскому договору съ Австріей) свои суверенныя права и территоріальную неприкосновенность или, по крайней мѣрѣ, равноцѣнное вознагражденіе въ случаѣ какихъ-либо уступокъ. Послѣ знаменитой трехдневной битвы подъ Лейпцигомъ (16, 17 и 18 окт.), имѣвшей результатомъ отступленіе французской арміи къ Рейну, началось быстрое распаденіе Рейнскаго союза. Король саксонскій былъ взятъ подъ стражу; Вестфальское королевство рушилось, и въ Ганноверѣ возстановлено было прежнее правленіе; курфюрстъ гессенскій и герцоги брауншвейгскій и ольденбургскій вернулись въ свои владѣнія; великое герцогство Франкфуртское перестало существовать; Вюртембергъ, Баденъ, Гессенъ-Дармштадтъ, Нассау тоже заключили съ Австріей договоры и передали свои войска въ распоряженіе союзниковъ, при чемъ и этимъ государямъ, какъ и другимъ членамъ Рейнскаго союза, было обѣщано сохраненіе ихъ владѣній и верховныхъ правъ, вопреки совѣту Штейна, мечтавшаго о національномъ единствѣ Германіи. Такъ въ 1813 г. рушились наполеоновскія учрежденія въ Германіи, какъ рушились затѣмъ и его итальянскія созданія. Въ ночь на 1 января 1814 г. часть прусской арміи подъ начальствомъ Блюхера переправилась черезъ Рейнъ, служившій въ это время границей Франціи, а черезъ двѣ недѣли Данія вынуждена была (по кильскому договору 14 января) отказаться отъ союза съ Франціей, уступивъ Швеціи Норвегію, а Англіи—Гельголандъ.

Правительства, вступавшія въ борьбу съ Наполеономъ, не смогли сдѣлать того, что̀ сдѣлали народы. Правительства долгое время вели политику, которая раздражала народныя чувства. Они были всегда готовы не только помириться, но даже и вступить въ союзъ съ На-

полеономъ въ виду какихъ-либо вознагражденій или выгодъ въ будущемъ; они всячески подавляли проявленія ненависти къ поработителямъ и, не довѣряя общественнымъ движеніямъ и народнымъ силамъ, опирались исключительно на чиновничье управленіе и на арміи, и только героическое сопротивленіе испанцевъ въ первый разъ заставило правительства обратить вниманіе на то, чѣмъ могла бы быть народная война. Безъ этой національной оппозиціи противъ владычества Наполеона, безъ народной войны, какую онъ встрѣтилъ въ Испаніи и въ Россіи и какая вспыхнула потомъ въ Германіи, едва ли могли бы что-либо сдѣлать противъ Франціи тѣ дипломатическія и военныя средства, которыя пускались противъ нея въ ходъ европейскими правительствами съ самаго начала французской революціи. Народныя движенія увлекли европейскихъ государей на совершенно новый путь въ борьбѣ съ всемірной монархіей Наполеона, и этотъ путь одинъ оказался ведущимъ къ цѣли.

Но противъ Наполеона поднялась не одна внѣшняя оппозиція. Внутри Франціи тоже не все обстояло благополучно, вслѣдствіе чего единенію правительствъ съ народами въ 1814 г. онъ оказался не въ состояніи противопоставить и съ своей стороны такое же единеніе.

Положеніе Наполеона въ самой Франціи не отличалось достаточною прочностью: мѣры чрезвычайной полицейской предосторожности, какія принимались его правительствомъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ и самъ это хорошо понималъ. Наполеонъ не всегда и не во всемъ довѣрялъ генераламъ своей арміи, заподозривая ихъ въ честолюбіи; онъ боялся народныхъ движеній, въ которыхъ видѣлъ прямую опасность для своей власти; онъ страшился вернуться въ свою столицу побѣжденнымъ, зная хорошо, что это уронило бы его престижъ. Послѣ 18 брюмера, когда Франція, утомленная смутами предыдущаго десятилѣтія и прежде всего стремившаяся къ спокойствію, къ внутреннему умиротворенію и упорядоченію государственной и общественной жизни, съ надеждой и довѣріемъ взирала на генерала Бонапарта, положеніе его было гораздо прочнѣе, нежели въ концѣ имперіи, когда внутренній деспотизмъ и безпрерывныя внѣшнія войны дали себя почувствовать очень тяжело націи, которая еще такъ недавно дѣлала героическія усилія ради завоеванія свободы. Въ началѣ консульства къ Наполеону примкнули совершенно искренне и безкорыстно многіе люди, видѣвшіе въ немъ спасителя Франціи отъ внутренней анархіи и отъ опасности, грозившей странѣ извнѣ, но съ теченіемъ времени около него стали группироваться люди, преслѣдовавшіе главнымъ образомъ личныя цѣли, готовые служить всякому, кто имѣлъ возможность доставить имъ власть, почетъ и богатство, но вмѣстѣ съ этимъ бывшіе не прочь и измѣнить своему

господину, если бы это представляло выгоду или если бы дѣла ихъ господина пошли дурно. Впереди и на самомъ дѣлѣ ждала Наполеона измѣна со стороны людей, которымъ онъ ввѣрялъ самыя важныя дѣла; да и учрежденія, имъ созданныя, раболѣпствовали передъ нимъ, пока онъ былъ великъ и непобѣдимъ, чтобы отвернуться отъ него, едва онъ потерялъ славу непобѣдимаго полководца и пересталъ быть опаснымъ своимъ врагамъ. Всѣ чувствовали во Франціи, что основанный Наполеономъ порядокъ держался исключительно на немъ одномъ, и самъ императоръ долженъ былъ удостовѣриться въ этомъ еще въ 1812 г. Однажды во время русскаго похода распространился въ Парижѣ ложный слухъ о смерти императора, и этимъ воспользовался старый республиканскій генералъ Мале (Malet), чтобы произвести государственный переворотъ съ цѣлью низверженія имперіи. Этотъ генералъ еще раньше навлекалъ на себя подозрѣніе полиціи и былъ даже арестованъ, но въ ночь съ 23 на 24 октября онъ бѣжалъ изъ-подъ караула, явился въ казармы, гдѣ объявилъ солдатамъ о смерти „тиранна", и даже увлекъ за собою часть гарнизона. Немедленно вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приступилъ къ организаціи временнаго правительства, расчитывая уже и на дальнѣйшіе успѣхи, когда самъ былъ схваченъ, преданъ со всѣми своими сообщниками военному суду и приговоренъ къ смертной казни [1]). Для лучшаго успѣха своего дѣла Мале пустилъ въ ходъ поддѣльный сенатусъ-консультъ, отмѣнявшій имперію во Франціи, и до свѣдѣнія Наполеона было доведено, будто въ этомъ предпріятіи и на самомъ дѣлѣ были замѣшаны нѣкоторые сенаторы. По поводу этого заговора вообще составилось не мало легендъ, указывавшихъ на то, что публика вѣрила въ возможность и даже легкость совершенія новаго государственнаго переворота. Наполеонъ былъ страшно раздраженъ при извѣстіи объ этомъ покушеніи. Его особенно поразило, что заговорщикамъ легко повѣрили даже нѣкоторые представители военной и гражданской власти, и что публика осталась довольно равнодушной къ дерзости, съ какою было начато это предпріятіе. „Что же, восклицалъ онъ, развѣ здѣсь все дѣло въ одномъ человѣкѣ, а учрежденія и присяга ничего не значатъ?" Въ дѣйствительности, однако, такъ и было: при той системѣ, которую водворилъ во Франціи Наполеонъ, все держалось однимъ человѣкомъ, но вдобавокъ и человѣкъ-то этотъ мало-по-малу самъ терялъ почву подъ ногами.

Въ началѣ консульства французская нація, истомленная рево-

---

[1]) Кромѣ близкихъ по времени соч. объ этомъ эпизодѣ *Lemare* (Malet, 1814), *Lapon'a* (Histoire de la conjuration de Malet, 1814) и Histoire des sociétés secrètes de l'armée (1815), см. *Hamel*. Histoire des deux conspirations de Malet. 1873. Весьма важныя свѣдѣнія объ этомъ заговорѣ имѣются во второмъ томѣ мемуаровъ Пакье, который былъ въ эту эпоху префектомъ полиціи.

люціей, возглагала на Наполеона всѣ свои надежды; въ концѣ имперіи та же нація, обманутая во многихъ изъ этихъ надеждъ, чувствовала себя уже утомленною режимомъ, который она привѣтствовала за полтора десятка лѣтъ передъ тѣмъ. Отчасти тяжелые налоги, падавшіе на населеніе, но особенно постоянныя конскрипціи, лишавшія тысячи семействъ работниковъ въ цвѣтѣ лѣтъ, бѣдствія, которымъ подвергалась экономическая жизнь страны вслѣдствіе строгостей континентальной системы, съ одной стороны, а съ другой—недостатокъ общественной свободы, административный произволъ, докучливый полицейскій надзоръ за всѣми проявленіями духовной жизни,—все это дѣйствовало раздражающимъ образомъ на отдѣльные классы общества, смотря по господству въ нихъ того или другого матеріальнаго или культурнаго интереса, и все это подготовляло почву для возникновенія если не систематической оппозиціи, то такихъ явленій, дальнѣйшее развитіе которыхъ неминуемо должно было получить прямо оппозиціонный характеръ. Мы видѣли уже, что признаки недовольства Наполеономъ проявились, въ эпоху его брака съ Маріей-Луизой и созванія въ Парижѣ національнаго собора, даже среди духовенства, для возстановленія власти котораго во Франціи такъ много было сдѣлано наполеоновскимъ конкордатомъ. Въ 1809 г. императору пришлось наказать нѣсколькихъ кардиналовъ за неповиновеніе, а въ 1811 г.—поспѣшить закрыть засѣданія собора. Но это столкновеніе съ духовенствомъ было лишь однимъ изъ симптомовъ начинавшагося общаго недовольства.

Революція отмѣнила во Франціи всѣ косвенные налоги въ виду того, что при старой монархіи они были весьма непопулярны и что по экономической теоріи того времени для государства было бы достаточно одного только поземельнаго налога. Въ 1799 г. директорія думала-было ввести соляной налогъ, но старая „габель“ была еще до такой степени жива въ народной памяти, что совѣты пятисотъ и старѣйшинъ отвергли сдѣланное въ этомъ смыслѣ предложеніе. Наполеонъ довольно скоро рѣшился на возстановленіе косвенныхъ налоговъ, продолжавшихъ быть непопулярными въ странѣ; таковы были налоги на вино (1804), на соль (1806), причемъ соляной налогъ былъ черезъ короткое время повышенъ вдвое, на пиво (1808), а въ 1810 г. была возстановлена табачная монополія государства. Съ другой стороны, въ эпоху революціи было весьма плохо организовано взиманіе налоговъ, вслѣдствіе чего накопилось много недоимокъ, но Наполеонъ еще на первыхъ же порахъ консульства организовалъ эту часть финансоваго управленія, и въ казну поэтому должны были совершаться усиленныя поступленія. Если, несмотря на постоянныя вооруженія и грандіозныя войны, которыя велъ Наполеонъ, Франція

не была разорена въ конецъ одними налогами, и правительству удавалось все-таки въ общемъ сводить концы съ концами въ своемъ бюджетѣ, то это объясняется системою Наполеона добывать посредствомъ войны деньги, необходимыя для продолженія этой самой войны, наложеніемъ контрибуцій на занятыя страны и на побѣжденныя государства и привлеченіемъ союзниковъ къ отбыванію воинской повинности. Безъ такой системы Франція, конечно, была бы совершенно не въ состояніи выдержать страшное напряженіе платежныхъ силъ, какого требовала столь продолжительная война поочередно со всѣми европейскими государствами. Наполеонъ даже заботился о томъ, чтобы его войны не казались разорительными для Франціи въ денежномъ отношеніи, но когда однихъ реквизицій въ иностранныхъ краяхъ оказалось недостаточно, ему все-таки пришлось уже въ 1805 г. обратиться къ одной компаніи финансистовъ за полученіемъ впередъ налоговъ, которые только черезъ годъ должны были еще поступить въ казну и субсидіи, которую Франціи обязалась выплачивать Испанія. Операція вышла крайне неудачной; компанія потребовала помощи со стороны государственнаго банка, оказавшагося вынужденнымъ растратить всѣ свои металлическіе запасы, и дѣло не обошлось безъ банкротства нѣсколькихъ крупныхъ домовъ, что навело не малый страхъ на остальныхъ финансовыхъ дѣльцовъ. Только австрійская контрибуція, полученная по пресбургскому миру, вывела тогда Наполеона изъ затруднительнаго положенія, а въ слѣдующіе годы изъ прусской, польской и вестфальской контрибуцій онъ даже устроилъ особую кассу, которая авансировала поступленіе налоговъ, потому что безъ этого средства государство уже жить болѣе не могло. Послѣ русскаго похода правительству пришлось волею-неволею сразу повысить многіе налоги, но населеніе столь неохотно ихъ выплачивало, что въ 1814 г. прямые налоги, несмотря на это повышеніе, все-таки дали казнѣ гораздо менѣе, чѣмъ давали прежде. Для сокращенія расходовъ въ 1813 г. уменьшили жалованье чиновникамъ на 25%, и это также создало не мало недовольныхъ.

Гораздо еще сильнѣе чувствовалась населеніемъ тяжесть военной службы. По закону 1798 г. разъ призывали къ военной службѣ „классъ“ двадцатилѣтнихъ юношей, всѣ французы, которымъ исполнилось двадцать лѣтъ, шли подъ ружье. Эту систему Наполеонъ въ 1804 году замѣнилъ жеребьевкой, при которой поступали на военную службу лишь молодые люди, вытянувшіе извѣстные нумера, та и то каждому „конскрипту“ разрѣшалось замѣнить себя наемнымъ лицомъ. На самомъ дѣлѣ весьма скоро Наполеонъ перешелъ, однако, не только къ взятію подъ ружье цѣлыхъ „классовъ“ извѣстнаго года, но даже вынужденъ былъ призывать „классы“ слѣдующихъ годовъ или людей,

которые въ предыдущіе годы не пошли на службу. Такъ въ 1813 г. взяли весь „классъ" 1815 года, т.-е. юношей 18 лѣтъ, причемъ не избавились отъ обязанности идти подъ ружье и люди „класса" 1803 года, въ довершеніе же всего и солдатъ, уже отслужившихъ свой срокъ, продолжали удерживать въ ихъ полкахъ или требовали отъ откупившихся личнаго отбыванія службы либо поставки новыхъ замѣстителей и внесенія новыхъ выкупныхъ денегъ. Буржуазія платила большія суммы, чтобы избавить свою молодежь отъ конскрипціи, а молодые люди изъ недостаточныхъ классовъ общества спасались бѣгствомъ, прятались въ лѣсахъ и даже составляли банды съ цѣлью сопротивленія жандармамъ, которые ловили уклоняющихся отъ военной службы. Хотя побѣды императора и льстили національному тщеславію французовъ, хотя большія контрибуціи и обогащали казну, что въ общемъ дѣлало сначала излишнимъ увеличеніе налоговъ, тѣмъ не менѣе нація начинала сильно тяготиться вѣчною войною. Уже въ 1805 г. громадное большинство французовъ было противъ войны, а когда въ слѣдующемъ году война возобновилась съ прежнею силою, очень многіе высказывали сомнѣніе въ томъ, чтобы иностранная политика императора дѣйствительно соотвѣтствовала интересамъ Франціи. Нація начинала прямо охладѣвать къ военной славѣ. Напр., по одному свидѣтельству, даже разгромъ Пруссіи при Іенѣ особенно большого впечатлѣнія въ Парижѣ не произвелъ. Наполеоновскіе шпіоны, слѣдившіе за общественнымъ настроеніемъ, стали также все чаще и чаще отмѣчать факты, ясно говорившіе о томъ, что постоянной войной во Франціи начинали тяготиться, а потому Наполеонъ старался всю вину сваливать на иностранцевъ, которые мѣшали-де ему посвящать всѣ свои силы исключительно благу своего народа. Каждый разъ, какъ онъ заключалъ новый миръ, во Франціи это вызывало большую радость, какъ, наоборотъ, извѣстіе о новой войнѣ встрѣчало въ обществѣ всякій разъ одну тревогу. Въ 1811 г. число лицъ, уклонявшихся отъ военной службы, достигало уже до 80 т. человѣкъ, а для того, чтобы найти охотника идти въ солдаты за другого, нужно было заплатить 8 т. франковъ. Противъ уклоняющихся въ 1811 г. были даже приняты особенно строгія мѣры: напр., за бѣглецовъ должны были отвѣчать ихъ семьи, ихъ знакомые, у которыхъ они ѣли, пили или ночевали, наконецъ, сами общины, къ которымъ они принадлежали, и самая отвѣтственность была установлена весьма тяжелая, а именно нужно было содержать на свой счетъ нѣсколько солдатъ, пока тотъ или другой бѣглецъ не подчинится закону. Особенно стало сильно развиваться общее отвращеніе къ войнѣ послѣ неудачъ въ Испаніи, хотя правительство старательно скрывало настоящія цифры французскихъ потерь во время народной войны на Пиреней-

скомъ полуостровѣ. Скрыть истину, однако, было трудно: съ 1808 г. по май 1812 г. изъ 600.000 человѣкъ, посланныхъ въ Испанію, осталось лишь около 300.000. Въ 1812 г. въ Парижѣ уже настолько сильно раздавался народный ропотъ противъ войны, что Наполеонъ поспѣшилъ раннею весною переѣхать со своимъ дворомъ въ Сенъ-Клу. Только при существованіи такого настроенія и можно объяснить себѣ происшедшую осенью того же года попытку Мале низвергнуть имперію. Такъ какъ взрослое населеніе страны шло въ военную службу, то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полевыя работы исполнялись однѣми женщинами и дѣтьми, нерѣдко безъ лошадей, при помощи заступа и лопаты, какъ это было даже оффиціально засвидѣтельствовано въ 1814 г.

Ко всему этому присоединялось еще неудовольствіе на континентальную систему [1]. Посредствомъ этой системы, къ которой должны были примкнуть всѣ государства материка, Наполеонъ хотѣлъ нанести ударъ англійской промышленности и торговлѣ, думая этимъ заставить Англію смириться передъ Франціей, но послѣдовательное проведеніе этой системы приводило его къ необходимости новыхъ территоріальныхъ захватовъ и къ новымъ политическимъ столкновеніямъ. Въ числѣ причинъ, создававшихъ имперіи враговъ за ея границами, не малую роль играла именно эта система, разорявшая цѣлыя страны, которыя извлекали тѣ или другія выгоды изъ торговли съ Англіей. Отъ континентальной системы страдало и само населеніе Франціи, и это даже заставляло самого Наполеона смягчать для своихъ подданныхъ строгости ея первоначальныхъ требованій. Но особенно важно то, что примѣненіе этой системы привело страну къ весьма тяжелому экономическому кризису 1811 г., который поселилъ неудовольствіе противъ Наполеона въ значительной части буржуазіи. На этихъ двухъ фактахъ, т.-е. на самой континентальной системѣ и на вызванномъ ею кризисѣ 1811 г. стоитъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Въ 1806 г. Наполеонъ рѣшилъ закрыть весь европейскій континентъ для англійской торговли. Уже на другой день послѣ битвы при Іенѣ онъ издалъ декретъ, отдававшій арміи всѣ англійскіе товары, какіе только будутъ найдены въ городахъ сѣверной Германіи. Затѣмъ 21 ноября въ Берлинѣ былъ подписанъ Наполеономъ другой декретъ, объявлявшій Британскіе острова въ состояніи блокады: всякая торговля съ ними запрещалась; письма и посылки съ англійскими адресами и всѣ англійскіе склады на территоріи имперіи и ея союз-

[1]) *Kiesselbach*. Die Kontinentalsperre in ökonomisch, politischer Bedeutung. 1850.—*Clément*. Histoire du système protecteur en France. 1854.—*L. Levi*. Hist. of british Commerce. 1872.—*Beer*. Geschichte des Welthandels im XIX Jahrhundert-

никовъ подлежали конфискаціи; той же участи подвергались всѣ англійскіе товары; англійскимъ кораблямъ закрывался доступъ въ европейскіе порты; всякій англійскій подданный объявлялся военноплѣннымъ. Правда, у Наполеона не было средствъ въ точности исполнить этотъ декретъ, чтобы на самомъ дѣлѣ прекратить всю морскую торговлю и лишить Европу англійскихъ и колоніальныхъ товаровъ, къ которымъ она привыкла, но насколько возможно было, эта „континентальная блокада“ (blocus continental) тѣмъ не менѣе осуществлялась, нанося страшный вредъ не одной, впрочемъ, Англіи, но и Франціи, и всѣмъ государствамъ, находившимся съ нею въ союзѣ подъ условіемъ соблюденія системы. Эта мѣра сильно раздражала народы, которые такъ или иначе терпѣли отъ прекращенія торговли съ Англіей. Все, что Европа получала оттуда и изъ колоній и къ чему привыкло ея населеніе, какъ-то: сахаръ, хлопчатая бумага, кофе, табакъ, чай, пряности, разныя красящія вещества, аптекарскіе товары (напр., хининъ), а въ Швеціи даже соль, привозившаяся моремъ,—все это дѣлалось по своей рѣдкости или дороговизнѣ недоступнымъ населенію странъ, примкнувшихъ къ континентальной системѣ. Съ другой стороны, должна была почти совсѣмъ прекратиться и вывозная торговля по морю такихъ громоздкихъ предметовъ, какъ желѣзо, строевой лѣсъ и т. п. Желая во что бы то ни стало утвердить континентальную систему, Наполеонъ долженъ былъ дополнить первоначальныя свои распоряженія новыми мѣрами, вводя, между прочимъ, разнаго рода строгости (въ родѣ обысковъ съ цѣлью нахожденія запрещенныхъ товаровъ); но всякое новое притѣсненіе только дѣлало систему еще болѣе ненавистною. Правда, во Франціи и на югѣ Европы колоніальные продукты старались замѣнить разнаго рода суррогатами (кофе—цикоріемъ, тростниковый сахаръ—виноградным сиропомъ или свекловичнымъ сахаромъ), тѣмъ не менѣе и здѣсь лишенія всякаго рода давали себя чувствовать. Само правительство оказалось вынужденнымъ дѣлать изъятія изъ общаго правила, продавая за большія деньги такъ называемыя „лиценціи“ (licences), т.-е. частныя разрѣшенія вывозить нѣкоторые французскіе товары въ Англію (хлѣбъ, вино) и привозить во Францію изъ Англіи разные продукты, бывшіе въ ходу во французской промышленности и потому крайне ей необходимые (красящія вещества, рыбій жиръ и т. п.). Эти „лиценціи“, однако, поощряли развитіе контрабанды, бывшей главнымъ фактическимъ протестомъ противъ запретительной системы Наполеона. Для французскаго правительства борьба съ контрабандой въ эту эпоху представляла предметъ постоянныхъ и усиленныхъ заботъ, тѣмъ болѣе, что цѣлыя населенія (напр., особенно въ Голландіи и до, и послѣ ея присоединенія къ Франціи) прибѣгали къ контрабандѣ просто-на-просто

скомъ полуостровѣ. Скрыть истину, однако, было трудно: съ 1808 г. по май 1812 г. изъ 600.000 человѣкъ, посланныхъ въ Испанію, осталось лишь около 300.000. Въ 1812 г. въ Парижѣ уже настолько сильно раздавался народный ропотъ противъ войны, что Наполеонъ поспѣшилъ раннею весною переѣхать со своимъ дворомъ въ Сенъ-Клу. Только при существованіи такого настроенія и можно объяснить себѣ происшедшую осенью того же года попытку Мале низвергнуть имперію. Такъ какъ взрослое населеніе страны шло въ военную службу, то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полевыя работы исполнялись однѣми женщинами и дѣтьми, нерѣдко безъ лошадей, при помощи заступа и лопаты, какъ это было даже оффиціально засвидѣтельствовано въ 1814 г.

Ко всему этому присоединялось еще неудовольствіе на континентальную систему [1]. Посредствомъ этой системы, къ которой должны были примкнуть всѣ государства материка, Наполеонъ хотѣлъ нанести ударъ англійской промышленности и торговлѣ, думая этимъ заставить Англію смириться передъ Франціей, но послѣдовательное проведеніе этой системы приводило его къ необходимости новыхъ территоріальныхъ захватовъ и къ новымъ политическимъ столкновеніямъ. Въ числѣ причинъ, создававшихъ имперіи враговъ за ея границами, не малую роль играла именно эта система, разорявшая цѣлыя страны, которыя извлекали тѣ или другія выгоды изъ торговли съ Англіей. Отъ континентальной системы страдало и само населеніе Франціи, и это даже заставляло самого Наполеона смягчать для своихъ подданныхъ строгости ея первоначальныхъ требованій. Но особенно важно то, что примѣненіе этой системы привело страну къ весьма тяжелому экономическому кризису 1811 г., который поселилъ неудовольствіе противъ Наполеона въ значительной части буржуазіи. На этихъ двухъ фактахъ, т.-е. на самой континентальной системѣ и на вызванномъ ею кризисѣ 1811 г. стоитъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Въ 1806 г. Наполеонъ рѣшилъ закрыть весь европейскій континентъ для англійской торговли. Уже на другой день послѣ битвы при Іенѣ онъ издалъ декретъ, отдававшій арміи всѣ англійскіе товары, какіе только будутъ найдены въ городахъ сѣверной Германіи. Затѣмъ 21 ноября въ Берлинѣ былъ подписанъ Наполеономъ другой декретъ, объявлявшій Британскіе острова въ состояніи блокады: всякая торговля съ ними запрещалась; письма и посылки съ англійскими адресами и всѣ англійскіе склады на территоріи имперіи и ея союз-

[1]) *Kiesselbach*. Die Kontinentalsperre in ökonomisch, politischer Bedeutung. 1850.—*Clément*. Histoire du systême protecteur en France. 1854.—*L. Levi*. Hist. of british Commerce. 1872.—*Beer*. Geschichte des Welthandels im XIX Jahrhundert.

никовъ подлежали конфискаціи; той же участи подвергались всѣ англійскіе товары; англійскимъ кораблямъ закрывался доступъ въ европейскіе порты; всякій англійскій подданный объявлялся военноплѣннымъ. Правда, у Наполеона не было средствъ въ точности исполнить этотъ декретъ, чтобы на самомъ дѣлѣ прекратить всю морскую торговлю и лишить Европу англійскихъ и колоніальныхъ товаровъ, къ которымъ она привыкла, но насколько возможно было, эта „континентальная блокада“ (blocus continental) тѣмъ не менѣе осуществлялась, нанося страшный вредъ не одной, впрочемъ, Англіи, но и Франціи, и всѣмъ государствамъ, находившимся съ нею въ союзѣ подъ условіемъ соблюденія системы. Эта мѣра сильно раздражала народы, которые такъ или иначе терпѣли отъ прекращенія торговли съ Англіей. Все, что Европа получала оттуда и изъ колоній и къ чему привыкло ея населеніе, какъ-то: сахаръ, хлопчатая бумага, кофе, табакъ, чай, пряности, разныя красящія вещества, аптекарскіе товары (напр., хининъ), а въ Швеціи даже соль, привозившаяся моремъ,—все это дѣлалось по своей рѣдкости или дороговизнѣ недоступнымъ населенію странъ, примкнувшихъ къ континентальной системѣ. Съ другой стороны, должна была почти совсѣмъ прекратиться и вывозная торговля по морю такихъ громоздкихъ предметовъ, какъ желѣзо, строевой лѣсъ и т. п. Желая во что бы то ни стало утвердить континентальную систему, Наполеонъ долженъ былъ дополнить первоначальныя свои распоряженія новыми мѣрами, вводя, между прочимъ, разнаго рода строгости (въ родѣ обысковъ съ цѣлью нахожденія запрещенныхъ товаровъ); но всякое новое притѣсненіе только дѣлало систему еще болѣе ненавистною. Правда, во Франціи и на югѣ Европы колоніальные продукты старались замѣнить разнаго рода суррогатами (кофе—цикоріемъ, тростниковый сахаръ—виноградным сиропомъ или свекловичнымъ сахаромъ), тѣмъ не менѣе и здѣсь лишенія всякаго рода давали себя чувствовать. Само правительство оказалось вынужденнымъ дѣлать изъятія изъ общаго правила, продавая за большія деньги такъ называемыя „лиценціи“ (licences), т.-е. частныя разрѣшенія вывозить нѣкоторые французскіе товары въ Англію (хлѣбъ, вино) и привозить во Францію изъ Англіи разные продукты, бывшіе въ ходу во французской промышленности и потому крайне ей необходимые (красящія вещества, рыбій жиръ и т. п.). Эти „лиценціи“, однако, поощряли развитіе контрабанды, бывшей главнымъ фактическимъ протестомъ противъ запретительной системы Наполеона. Для французскаго правительства борьба съ контрабандой въ эту эпоху представляла предметъ постоянныхъ и усиленныхъ заботъ, тѣмъ болѣе, что цѣлыя населенія (напр., особенно въ Голландіи и до, и послѣ ея присоединенія къ Франціи) прибѣгали къ контрабандѣ просто-на-просто

потому, что иначе имъ нечѣмъ было бы жить. Требуя отъ союзниковъ строжайшаго соблюденія системы, Наполеонъ у себя во Франціи все болѣе и болѣе расширялъ „лицензіи“, дозволивъ подъ конецъ ввозить по нимъ всякаго рода колоніальные товары, но такъ какъ вмѣстѣ съ ними поступали на рынокъ и проданные самимъ правительствомъ съ аукціона товары, захваченные французскими крейсерами или конфискованные у контрабандистовъ, то для контрабанды тѣмъ еще легче дѣлалось снабжать купцовъ англійскими продуктами. Въ 1810 г. Наполеонъ обложилъ всѣ колоніальные товары, каковъ бы ни былъ способъ ихъ поступленія въ продажу, пошлиною въ 50% ихъ стоимости, объявивъ при этомъ, что всѣ склады такихъ товаровъ на разстояніи отъ границъ имперіи болѣе близкомъ, чѣмъ четырехдневный путь, будутъ признаваемы за тайные и подлежать конфискаціи. Въ томъ же году другимъ декретомъ онъ приказалъ сжигать всѣ произведенія англійскихъ мануфактуръ, а еще однимъ декретомъ того же года учреждалъ спеціальную юрисдикцію съ повышенными наказаніями (клейменіе, каторга, даже смертная казнь) для борьбы съ контрабандистами и ихъ сообщниками и устанавливалъ большія награды доносчикамъ, таможеннымъ чиновникамъ и стражникамъ за каждую конфискацію. Конечно, чиновники и солдаты усердствовали, производили обыски въ складахъ и лавкахъ и жгли контрабандные товары, отъ чего, однако, терпѣли не англичане, продававшіе свои товары на чистыя деньги, а французскіе купцы, эти деньги платившіе. Тѣмъ не менѣе контрабанда процвѣтала: тайно ввезеннымъ товаромъ торговать было выгоднѣе, такъ какъ купецъ, пускавшій его въ продажу, удерживалъ въ свою пользу все, что пришлось бы заплатить за „лицензію“, и всю пятидесяти-процентную пошлину. Болѣе всего въ концѣ концовъ страдали покупатели такихъ товаровъ, которымъ за все приходилось платить втридорога. Понятно, что населеніе Франціи роптало на континентальную систему совершенно такъ же, какъ и населеніе другихъ странъ.

Своей запретительной системой Наполеонъ думалъ не только убить англійскую торговлю, но и создать монополію для французской промышленности. Напр., конфисковавъ въ Швейцаріи всѣ колоніальные товары, онъ запретилъ въ то же время вывозить изъ этой страны въ Италію ткани мѣстнаго производства, а изъ Италіи затрудненъ былъ вывозъ въ Швейцарію и Германію шолковыхъ матерій въ тѣхъ видахъ, чтобы ліонскіе фабриканты, выдѣлывавшіе такія же матеріи, не имѣли конкуррентовъ. „Лицензіи“ на ввозъ во Францію хлопчатой бумаги, индиго и т. п., также давались ради доставленія французскимъ фабрикантамъ необходимыхъ въ промышленности продуктовъ, причемъ имѣлось въ виду, что французскія фабрики будутъ работать на весь

континентальный рынокъ, запертый для англійскихъ товаровъ. Французскіе капиталисты, дѣйствительно, бросились тогда производить на весь европейскій рынокъ, не принявъ въ соображеніе ни того, что постоянныя войны подрывали покупныя средства населенія на всемъ материкѣ, ни того, что страшное вздорожаніе всѣхъ продуктовъ, привозившихся изъ колоній, само-по-себѣ дѣлало ихъ покупку довольно-таки недоступной большинству прежнихъ потребителей, ни того, наконецъ, что и внѣ Франціи началась усиленная въ сравненіи съ прежнимъ временемъ фабрикація тѣхъ же предметовъ, производствомъ которыхъ занялись теперь французскіе предприниматели. Результатомъ было общее перепроизводство со всѣми его послѣдствіями: товаровъ наготовлено было много, но сбытъ ихъ былъ крайне плохой; фабриканты, не выручая затраченныхъ денегъ, оказывались несостоятельными должниками, и банки, ссужавшіе имъ большія суммы, не получая въ срокъ слѣдуемыхъ платежей, тоже прекращали платежи и по своимъ обязательствамъ; предприниматели поневолѣ закрывали свои фабрики или сильно сокращали производство, а это въ свою очередь самымъ бѣдственнымъ образомъ отражалось на судьбѣ рабочаго класса, лишавшагося заработка. Сначала Наполеонъ думалъ остановить кризисъ, оказывая поддержку разорявшимся фабрикантамъ изъ государственнаго казначейства, но вскорѣ убѣдился, что правительственныя ссуды были не въ состояніи помочь бѣдѣ. Боясь возстанія голодной народной массы, онъ постарался тогда занять лишенныхъ заработка рабочихъ военными заказами и т. п., но и это не могло устранить бѣдствія. Причина зла лежала въ самой континентальной системѣ, и это многіе очень хорошо понимали, но Наполеонъ ничего не хотѣлъ слушать. 25 марта 1811 г. къ нему даже явилась депутація отъ торговой палаты съ цѣлью изложить свои взгляды относительно печальнаго положенія дѣлъ и средствъ, которыми можно было бы его исправить, но Наполеонъ не далъ депутатамъ говорить: оборвавъ ихъ съ самаго начала, онъ сталъ имъ доказывать всѣ благодѣянія континентальной системы, ради поддержанія которой, по его словамъ, онъ пойдетъ, если то будетъ нужно, на Ригу, на Москву, на Петербургъ.

Въ то время, какъ одни были недовольны политикой Наполеона, поскольку она наносила ущербъ матеріальнымъ интересамъ и даже оказывалась въ экономическомъ отношеніи прямо разорительною, другіе порицали правительственную систему императора съ точки зрѣнія принциповъ личной и общественной свободы. Правда, полиція, цензура и шпіоны дѣлали свое дѣло и не допускали никакихъ оппозиціонныхъ проявленій, но едва только послѣ 1812 г. имперія стала колебаться на главной своей основѣ—военномъ могуществѣ, которому

потому, что иначе имъ нечѣмъ было бы жить. Требуя отъ союзниковъ строжайшаго соблюденія системы, Наполеонъ у себя во Франціи все болѣе и болѣе расширялъ „лиценціи", дозволивъ подъ конецъ ввозить по нимъ всякаго рода колоніальные товары, но такъ какъ вмѣстѣ съ ними поступали на рынокъ и проданные самимъ правительствомъ съ аукціона товары, захваченные французскими крейсерами или конфискованные у контрабандистовъ, то для контрабанды тѣмъ еще легче дѣлалось снабжать купцовъ англійскими продуктами. Въ 1810 г. Наполеонъ обложилъ всѣ колоніальные товары, каковъ бы ни былъ способъ ихъ поступленія въ продажу, пошлиною въ 50% ихъ стоимости, объявивъ при этомъ, что всѣ склады такихъ товаровъ на разстояніи отъ границъ имперіи болѣе близкомъ, чѣмъ четырехдневный путь, будутъ признаваемы за тайные и подлежать конфискаціи. Въ томъ же году другимъ декретомъ онъ приказалъ сжигать всѣ произведенія англійскихъ мануфактуръ, а еще однимъ декретомъ того же года учреждалъ спеціальную юрисдикцію съ повышенными наказаніями (клейменіе, каторга, даже смертная казнь) для борьбы съ контрабандистами и ихъ сообщниками и устанавливалъ большія награды доносчикамъ, таможеннымъ чиновникамъ и стражникамъ за каждую конфискацію. Конечно, чиновники и солдаты усердствовали, производили обыски въ складахъ и лавкахъ и жгли контрабандные товары, отъ чего, однако, терпѣли не англичане, продававшіе свои товары на чистыя деньги, а французскіе купцы, эти деньги платившіе. Тѣмъ не менѣе контрабанда процвѣтала: тайно ввезеннымъ товаромъ торговать было выгоднѣе, такъ какъ купецъ, пускавшій его въ продажу, удерживалъ въ свою пользу все, что пришлось бы заплатить за „лиценцію", и всю пятидесяти-процентную пошлину. Болѣе всего въ концѣ концовъ страдали покупатели такихъ товаровъ, которымъ за все приходилось платить втридорога. Понятно, что населеніе Франціи роптало на континентальную систему совершенно такъ же, какъ и населеніе другихъ странъ.

Своей запретительной системой Наполеонъ думалъ не только убить англійскую торговлю, но и создать монополію для французской промышленности. Напр., конфисковавъ въ Швейцаріи всѣ колоніальные товары, онъ запретилъ въ то же время вывозить изъ этой страны въ Италію ткани мѣстнаго производства, а изъ Италіи затрудненъ былъ вывозъ въ Швейцарію и Германію шолковыхъ матерій въ тѣхъ видахъ, чтобы ліонскіе фабриканты, выдѣлывавшіе такія же матеріи, не имѣли конкуррентовъ. „Лиценціи" на ввозъ во Францію хлопчатой бумаги, индиго и т. п., также давались ради доставленія французскимъ фабрикантамъ необходимыхъ въ промышленности продуктовъ, причемъ имѣлось въ виду, что французскія фабрики будутъ работать на весь

континентальный рынокъ, запертый для англійскихъ товаровъ. Французскіе капиталисты, дѣйствительно, бросились тогда производить на весь европейскій рынокъ, не принявъ въ соображеніе ни того, что постоянныя войны подрывали покупныя средства населенія на всемъ материкѣ, ни того, что страшное вздорожаніе всѣхъ продуктовъ, привозившихся изъ колоній, само-по-себѣ дѣлало ихъ покупку довольно-таки недоступной большинству прежнихъ потребителей, ни того, наконецъ, что и внѣ Франціи началась усиленная въ сравненіи съ прежнимъ временемъ фабрикація тѣхъ же предметовъ, производствомъ которыхъ занялись теперь французскіе предприниматели. Результатомъ было общее перепроизводство со всѣми его послѣдствіями: товаровъ наготовлено было много, но сбытъ ихъ былъ крайне плохой; фабриканты, не выручая затраченныхъ денегъ, оказывались несостоятельными должниками, и банки, ссужавшіе имъ большія суммы, не получая въ срокъ слѣдуемыхъ платежей, тоже прекращали платежи и по своимъ обязательствамъ; предприниматели поневолѣ закрывали свои фабрики или сильно сокращали производство, а это въ свою очередь самымъ бѣдственнымъ образомъ отражалось на судьбѣ рабочаго класса, лишавшагося заработка. Сначала Наполеонъ думалъ остановить кризисъ, оказывая поддержку разорявшимся фабрикантамъ изъ государственнаго казначейства, но вскорѣ убѣдился, что правительственныя ссуды были не въ состояніи помочь бѣдѣ. Боясь возстанія голодной народной массы, онъ постарался тогда занять лишенныхъ заработка рабочихъ военными заказами и т. п., но и это не могло устранить бѣдствія. Причина зла лежала въ самой континентальной системѣ, и это многіе очень хорошо понимали, но Наполеонъ ничего не хотѣлъ слушать. 25 марта 1811 г. къ нему даже явилась депутація отъ торговой палаты съ цѣлью изложить свои взгляды относительно печальнаго положенія дѣлъ и средствъ, которыми можно было бы его исправить, но Наполеонъ не далъ депутатамъ говорить: оборвавъ ихъ съ самаго начала, онъ сталъ имъ доказывать всѣ благодѣянія континентальной системы, ради поддержанія которой, по его словамъ, онъ пойдетъ, если то будетъ нужно, на Ригу, на Москву, на Петербургъ.

Въ то время, какъ одни были недовольны политикой Наполеона, поскольку она наносила ущербъ матеріальнымъ интересамъ и даже оказывалась въ экономическомъ отношеніи прямо разорительною, другіе порицали правительственную систему императора съ точки зрѣнія принциповъ личной и общественной свободы. Правда, полиція, цензура и шпіоны дѣлали свое дѣло и не допускали никакихъ оппозиціонныхъ проявленій, но едва только послѣ 1812 г. имперія стала колебаться на главной своей основѣ—военномъ могуществѣ, которому

приходилъ конецъ, — какъ оппозиція стала проявляться смѣлѣе и даже достигла успѣха у тѣхъ самыхъ людей, которые благоговѣли передъ Наполеономъ, когда онъ еще не зналъ неудачъ 1812, 1813 и 1814 гг.

Весьма сравнительно немногіе дѣятели эпохи находились во все время консульства и имперіи въ оппозиціи наполеоновскому режиму. Среди писателей того времени лишь очень небольшая группа держала себя вдали отъ оффиціальныхъ льстецовъ, но зато это была наиболѣе замѣтная группа по своему вліянію на общество, начинавшее тяготиться деспотизмомъ имперіи. Однимъ изъ независимыхъ писателей былъ Шатобріанъ, книга котораго „Духъ христіанства", вышедшая въ свѣтъ въ одномъ году съ заключеніемъ конкордата, весьма много содѣйствовала оживленію католицизма во Франціи. Сначала Шатобріанъ относился къ Наполеону весьма сочувственно, посвятилъ ему свою книгу и принялъ отъ него должность секретаря французскаго посольства въ Римѣ, но послѣ убіенія герцога Ангіенскаго онъ оставилъ службу Наполеону. Совершивъ затѣмъ путешествіе на Востокъ, онъ въ 1807 г. пріобрѣлъ въ собственность газету „Меркурій", но одна неосторожная статья, получившая большой, хотя и негласный успѣхъ, имѣла своимъ послѣдствіемъ закрытіе газеты, и Шатобріанъ могъ еще считать себя счастливымъ, что самъ не попалъ въ тюрьму. Наполеонъ все еще, однако, подумывалъ о томъ, чтобы привлечь Шатобріана снова на свою сторону, и даже согласился на его избраніе въ члены Института (1811). По заведенному порядку при пріемѣ въ число академиковъ Шатобріанъ долженъ былъ произнести рѣчь. Наполеонъ потребовалъ рукопись рѣчи къ себѣ на предварительный просмотръ и былъ страшно ею разсерженъ; такъ какъ авторъ, однако, не хотѣлъ дѣлать въ ней никакихъ измѣненій, то не только не могъ состояться его пріемъ, но и самому ему не позволили остаться жить въ Парижѣ. Гдѣ и какъ только можно было, Шатобріанъ послѣ этого старался вредить имперіи, особенно когда началъ понимать, что часъ ея крушенія близокъ. Зиму 1813—1814 г. онъ провелъ въ Парижѣ и готовилъ къ печати свой знаменитый памфлетъ „о Буонапарте и Бурбонахъ", вышедшій въ свѣтъ 30 марта 1814 г., за нѣсколько дней до окончательнаго паденія имперіи. Это сочиненіе, содержащее въ себѣ страстный обвинительный актъ противъ Наполеона, по словамъ Людовика XVIII, сдѣлало для реставраціи Бурбоновъ гораздо больше, чѣмъ цѣлая армія.

Съ такою же, если не съ большею еще непримиримостью къ имперіи относилась тоже весьма замѣчательная писательница эпохи, г-жа Сталь, бывшая центромъ цѣлаго либеральнаго кружка. Каково бы ни было ея первоначальное отношеніе къ генералу Бонапарту,

въ первомъ консулѣ и императорѣ она, дочь Неккера и поклонница принциповъ 1789 г., не могла не видѣть „тиранна“, лишившаго Францію свободы. Г-жа Сталь была весьма близка съ либерально настроеннымъ Бенжаменомъ Констаномъ, котораго Наполеонъ послѣ 18 брюмера сдѣлалъ членомъ трибуната. Бенжаменъ Констанъ съ самаго начала сталъ въ оппозиціонное отношеніе къ Наполеону. Уже въ январѣ 1800 г. онъ произнесъ рѣчь о „занимающейся зарѣ тиранніи“, предвидя вмѣстѣ съ тѣмъ, что послѣ этого салонъ г-жи Сталь, гдѣ была подготовлена эта оппозиціонная рѣчь, непремѣнно опустѣетъ. Такъ и случилось: г-жа Сталь въ тотъ же день пригласила къ себѣ гостей, но гости не явились, приславъ хозяйкѣ извинительныя письма. За ея салономъ немедленно же стала присматривать полиція, какъ за довольно подозрительнымъ мѣстомъ. Въ 1802 г. салонъ г-жи Сталь сдѣлался уже прямо своего рода центромъ оппозиціи противъ перваго консула: въ теченіе всего періода консульства и имперіи г-жа Сталь только и мечтала о паденіи Наполеона, хотя бы и купленнаго цѣною пораженія французскихъ армій. Съ этого же момента начались и тѣ преслѣдованія, которымъ подверглась г-жа Сталь со стороны Наполеона. Она была выслана изъ Парижа, и ей запрещено было даже приближаться къ столицѣ. Послѣ этого она совершила путешествіе въ Германію, о которой написала цѣлую книгу, одно изъ наиболѣе знаменитыхъ ея произведеній. Хотя книга и была пропущена предварительной цензурой, но продажа ея была запрещена, когда она была уже отпечатана, и всѣ ея экземпляры были истреблены. Сама г-жа Сталь должна была жить въ ссылкѣ, въ своемъ имѣніи на берегу Женевскаго озера; ей было даже недозволено что-либо писать и принимать гостей. Положеніе ея сдѣлалось здѣсь до такой степени нестерпимымъ отъ вѣчнаго полицейскаго надзора, что она предпочла уѣхать (1812) въ Россію, это, какъ выразилась она, „послѣднее убѣжище угнетенныхъ“. Еще въ ссылкѣ начала она тайкомъ писать свои „Десять лѣтъ изгнанія“—книгу, въ которой вылилось все, что̀ накипѣло въ ея душѣ противъ имперіи. Въ паденіи Наполеона она видитъ единственное средство спасенія Франціи, Европы, всего міра и возлагаетъ всѣ свои надежды на коалицію государей противъ узурпатора правъ человѣчества. Въ Петербургѣ г-жа Сталь познакомилась съ другимъ врагомъ Наполеона—съ Штейномъ, которому прочитала главу объ энтузіазмѣ изъ своей книги о Германіи. И здѣсь, какъ потомъ и въ Стокгольмѣ, и въ Лондонѣ, она только и жила мыслью о скоромъ паденіи имперіи.

Наполеонъ не даромъ боялся либеральной оппозиціи. Мы еще увидимъ, что въ 1815 г., во время вторичнаго своего владычества, онъ считалъ нужнымъ, хотя бы и чисто внѣшнимъ только образомъ

обратиться къ либеральнымъ принципамъ, узнавъ, какую силу они снова пріобрѣли надъ умами. Съ этою цѣлью онъ тогда сталъ даже пользоваться услугами Бенжамена Констана, сдѣлавшагося съ самаго начала консульства его противникомъ. Этотъ политическій дѣятель и писатель прославился еще во времена директоріи сочиненіями, написанными противъ анархіи и деспотизма. Принятый Наполеономъ въ трибунатъ, онъ въ 1802 г. былъ устраненъ изъ числа его членовъ за оппозиціонный характеръ своихъ рѣчей и статей и даже удаленъ изъ Парижа. Когда наполеоновскій походъ въ Россію окончился неудачей и когда въ Германіи, гдѣ проживалъ въ то время Бенжаменъ Констанъ, началась война за освобожденіе, и онъ выступилъ противъ Наполеона съ страстнымъ памфлетомъ подъ заглавіемъ: „De l'esprit de conquête et de l'usurpation". Такимъ образомъ почти одновременно, когда имперія стала склоняться къ упадку, противъ нея началась совершенно невозможная раньше литературная оппозиція, и это время оказалось наиболѣе благопріятнымъ для того, чтобы враждебныя Наполеону сочиненія могли оказывать вліяніе на общественное мнѣніе Франціи.

Завоевательная политика Наполеона давно уже тревожила многихъ сколько-нибудь болѣе проницательныхъ людей, а бѣдствія иностраннаго нашествія, которымъ Наполеонъ подвергъ страну, пробудили въ лучшихъ изъ нихъ чувство національной чести, заставившее ихъ наконецъ раскрыть свои глаза на то, чѣмъ въ сущности была эта имперія, такъ долго ослѣплявшая націю блескомъ внѣшнихъ побѣдъ. „Начало конца" предвидѣлъ въ 1812 г. не одинъ Талейранъ, потому что и раньше 1812 г. уже предсказывалась возможность катастрофы. Наприм., во время провозглашенія имперіи Камбасересъ говорилъ Лебрену: „у меня есть предчувствіе, что то, что строятъ теперь, прочно не будетъ. Мы вели войну съ Европой, чтобы навязать ей республики, какъ дочерей республики французской, а теперь мы будемъ вести войну, чтобы дать ей монарховъ, сыновей или братьевъ нашего, и дѣло кончится тѣмъ, что Франція, истощенная войнами, падетъ подъ тяжестью этихъ безумныхъ предпріятій". Или вотъ что̀ еще говорилъ морской министръ Декресъ генералу Мармону, когда послѣдній былъ сдѣланъ маршаломъ: „Хорошо, Мармонъ, вотъ вы и довольны, потому что васъ сдѣлали маршаломъ. Вы все видите въ розовомъ свѣтѣ. Но хотите ли вы, чтобы я сказалъ вамъ правду и отдернулъ завѣсу, за которою скрывается будущее? Императоръ рехнулся, совсѣмъ рехнулся; всѣхъ насъ, сколько насъ есть, онъ заставитъ полетѣть кувыркомъ, и все это кончится страшной катастрофой" [1]). Въ 1813 г. въ париж-

[1]) Во II томѣ мемуаровъ Пакье разсказывается, что нѣчто подобное Декресъ говорилъ въ 1812 г., еще въ самомъ началѣ русской кампаніи, автору мемуаровъ, въ то время префекту полиціи.

скихъ салонахъ, гдѣ до того времени боялись громко порицать правительство, о положеніи дѣлъ говорили уже совершенно свободно, и хотя тогдашнему министру полиціи (Ровиго) это было хорошо извѣстно, онъ дѣлалъ видъ, будто ничего не знаетъ, потому что, уже не вѣря самъ въ прочность имперіи, не хотѣлъ компрометировать себя какими-либо строгостями. Въ первый разъ въ 1813 г., открывая сессію законодательнаго корпуса, Наполеонъ былъ озабоченъ вопросомъ, пройдетъ ли она благополучно. На тронную рѣчь императора сенатъ отвѣчалъ льстивымъ адресомъ, но коммиссія законодательнаго корпуса, которой было поручено составить отвѣтъ послѣдняго на тронную рѣчь, поступила совсѣмъ иначе: предложенный ею проектъ адреса императору былъ критикой всей его политики и приглашеніемъ вернуться на путь законности. Докладъ коммиссіи о порученномъ ей дѣлѣ законодательный корпусъ въ засѣданіи своемъ 30 декабря постановилъ напечатать большинствомъ 223 голосовъ противъ 31, и въ этомъ документѣ Наполеону напоминалось о необходимости возстановленія личной и общественной свободы и политическихъ правъ націи. Узнавъ о томъ, что происходитъ, но не имѣя въ рукахъ текста доклада, Наполеонъ въ тотъ же день распорядился, чтобы ему былъ доставленъ изъ типографіи первый корректурный оттискъ и чтобы безъ его разрѣшенія не было выпущено ни одного экземпляра; когда же онъ познакомился съ самымъ содержаніемъ доклада, то приказалъ задержать всѣ его экземпляры и рѣшилъ распустить законодательный корпусъ. Декретъ объ этомъ появился въ „Монитёрѣ“ 1 января 1814 г., и въ тотъ же день императоръ давалъ прощальную аудіенцію сенату и законодательному корпусу, обратившись къ послѣднему съ очень рѣзкою рѣчью. Она сильно оскорбила депутатовъ, а распущеніе законодательнаго корпуса лишало императора поддержки національнаго представительства въ тотъ самый моментъ, когда непріятель уже вступалъ на территорію Франціи. Депутаты, оставшіеся въ Парижѣ, не скрывали причины внезапнаго прекращенія сессіи; то же дѣлали въ провинціи и тѣ изъ депутатовъ, которые въ первыхъ числахъ января разъѣхались по домамъ, причемъ текстъ доклада въ спискахъ ходилъ по рукамъ и производилъ сильное впечатлѣніе на умы.

Буржуазія, не говоря уже о дворянствѣ, никогда искренне не примирявшемся съ имперіей, обвиняла Наполеона въ томъ, что, имѣя полную возможность заключить миръ, онъ не дѣлалъ этого и велъ страну къ окончательному разоренію. Корреспонденція префектовъ и полицейскія донесенія изъ провинцій начала 1814 г. были полны указаніями на оппозиціонное настроеніе высшихъ и среднихъ классовъ общества, но народная масса еще возлагала въ виду непріятельскаго нашествія всѣ свои надежды на непобѣдимаго императора. Однако,

сама нація совсѣмъ не проявила того подъема духа, который характеризовалъ ея настроеніе за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, когда ей тоже грозило иностранное нашествіе. Въ 1814 г. союзниковъ, ведшихъ войну съ Наполеономъ, не встрѣтила во Франціи народная война.

XII. Паденіе имперіи, „сто дней“ и вѣнскій конгрессъ [1]).

Наполеонъ и европейская коалиція въ 1813 и 1814 гг.—Низложеніе и отреченіе Наполеона отъ престола.—Первая реставрація.—Наполеонъ на островѣ Эльбѣ.—Возвращеніе Наполеона.—«Сто дней».—Дополнительный актъ.—Ватерлоо.—Стремленія французской націи въ эпоху паденія имперіи.—Вѣнскій конгрессъ и его созданія.—Общее значеніе вѣнскаго конгресса.—Конецъ перваго періода исторіи XIX в.—Значеніе этого періода въ исторіи Западной Европы.

Въ 1813 г. государи, соединившіеся противъ Наполеона, еще дѣлали попытки склонить его къ заключенію мира, но онъ отвергалъ ихъ предложенія. Во время довольно продолжительнаго перемирія (4 іюня—10 августа 1813 г.), заключеннаго между союзниками и французской арміей, Австрія, тогда еще не приступавшая къ союзу съ Россіей и Пруссіей, пыталась склонить Наполеона къ миру, но онъ объявилъ австрійскому уполномоченному князю Меттерниху, что онъ не можетъ вернуться побѣжденнымъ въ свою столицу. Вообще Наполеонъ не соглашался ни на какія условія и продолжалъ борьбу, несмотря на всѣ пораженія отъ коалиціи, которая все болѣе и болѣе росла вслѣдствіе новыхъ и новыхъ присоединеній къ русско-прусскому союзу, и несмотря на истощеніе, въ какое была приведена Франція, страстно желавшая конца этой безпрерывной войны со всей Европой. Прежде чѣмъ рѣшиться перенести театръ войны въ имперію, союз-

---

[1]) Недавно вышли въ свѣтъ интересныя работы *Henry Houssaye* подъ заглавіемъ **1814** (двѣнадцатое изданіе въ 1894) и **1815** (1893 и 1899). Для исторіи кампаніи 1815 г. см. также соч. *Quinet*, *Charras* и др., а кромѣ того, *Helfert*, J. Murat, seine letzten Kämpfe und sein Ende. 1878.—*Balau*. La Belgique sous l'empire et la défaite de Napoléon. 1894.—*Wolseley*. Le déclin et la chute de Napoléon. 1894. Для дипломатической исторіи эпохи, открывающейся вѣнскимъ конгрессомъ, см. трудъ *A. Debidour*. Histoire diplomatique de l'Europe depuis l'ouverture du congrès de Vienne jusqu'à la clôture du congrès de Berlin. T. I. La Sainte-Alliance. Paris. 1891 (есть рус. пер.). О самомъ вѣнскомъ конгрессѣ, кромѣ старыхъ изданій *De Pradt'a* (1815), *Klüber'a* (1816), *Flassan'a* (1829) и др., *Angeberg-Capefigue*. Le Congrès de Vienne et les traités de 1815. 1863.—*A. Sorel*. Essais d'histoire et de critique, Talleyrand au Congrès de Vienne, Metternich. 1883 и 1894.—*A. Duncker*. Der Freiherr von Stein und die deutsche Frage auf dem Wiener Congresse. 1873.—*W. A. Schmidt*. Geschichte der deutschen Verfassungsfrage während der Befreiungskriege und des Wiener Kongresses (издано *A. Stern'омъ*). 1890. См. также книгу проф. *Даневскаго*, указанную ниже.

ники еще разъ сдѣлали попытку склонить Наполеона къ миру, предложивъ ему обладаніе Франціей въ ея „естественныхъ границахъ", т.-е. между Рейномъ, Альпами и Пиренеями, но съ возвращеніемъ полной независимости Германіи, Голландіи и Италіи и возстановленіемъ династіи Бурбоновъ въ Испаніи. Эти условія сдѣлались извѣстными публикѣ, и въ декабрѣ 1813 г. въ Парижѣ только о томъ и говорили, что ихъ нужно принять. И при дворѣ, и въ обществѣ, и среди приближенныхъ Наполеона составилось мнѣніе о необходимости убѣдить его въ томъ, что это было бы единственнымъ средствомъ спасенія. Въ этомъ смыслѣ высказывались и министры (между прочимъ, министры внутреннихъ дѣлъ и финансовъ), но Наполеонъ стоялъ на своемъ и, только узнавъ, какое дурное впечатлѣніе на публику произвелъ его уклончивый отвѣтъ союзникамъ, постарался сдѣлать видъ, будто и самъ онъ хочетъ мира. Въ глубинѣ души, однако, онъ мириться на такихъ условіяхъ не хотѣлъ: слишкомъ унизительными казались они для его самолюбія, слишкомъ опасными для его престижа въ самой Франціи, гдѣ ему грозили послѣ такого мира, по его мнѣнію, лишь одни внутреннія затрудненія. Союзники въ началѣ 1814 г. вступили во Францію, въ то самое время, какъ падало французское владычество въ Голландіи и въ Италіи. Въ Италіи зять Наполеона Мюратъ тоже сталъ во враждебныя къ нему отношенія. Еще разъ въ серединѣ февраля союзники предлагали Наполеону миръ, хотя тогда, повидимому, уже окончательно было рѣшено низложить Наполеона, и только боязнь встрѣтить во Франціи народную войну заставляла ихъ не бросать совсѣмъ мысли о заключеніи мира; но Наполеонъ послѣ каждой новой удачи дѣлался несговорчивѣе. Пораженіе французской арміи при Арсисъ-сюръ-Объ (20—21 марта) открыло непріятелю дорогу на Парижъ. Наполеонъ организовалъ тогда регентство съ императрицей во главѣ и поручилъ столицу своему брату Іосифу, сдѣлавъ его главнымъ начальникомъ національной гвардіи; но въ виду приближавшагося непріятеля и Марія-Луиза, и Іосифъ удалились изъ Парижа. 30 марта союзники взяли приступомъ господствующія надъ Парижемъ высоты Монмартра и на другой день торжественно вступили въ беззащитную столицу Франціи. Затѣмъ 1 апрѣля послѣдовало объявленіе сенатомъ низложенія Наполеона, и образовалось временное правительсто. Наполеонъ, находившійся въ это время съ своею гвардіей въ Фонтенебло, узнавъ объ отложеніи маршала Мармона, которому Іосифъ передалъ свои полномочія при отъѣздѣ изъ Парижа, 4 апрѣля отрекся отъ престола въ пользу своего сына, но союзники потребовали отъ него безусловнаго отреченія, и онъ долженъ былъ его подписать (11 апрѣля) послѣ того, какъ его покинули и люди, бывшіе къ нему наиболѣе близкими (Бертье, Ней, Удино и др.). Черезъ нѣсколько

сама нація совсѣмъ не проявила того подъема духа, который характеризовалъ ея настроеніе за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, когда ей тоже грозило иностранное нашествіе. Въ 1814 г. союзниковъ, ведшихъ войну съ Наполеономъ, не встрѣтила во Франціи народная война.

XII. Паденіе имперіи, „сто дней“ и вѣнскій конгрессъ [1]).

Наполеонъ и европейская коалиція въ 1813 и 1814 гг.—Низложеніе и отреченіе Наполеона отъ престола.—Первая реставрація.—Наполеонъ на островѣ Эльбѣ.—Возвращеніе Наполеона.—«Сто дней».—Дополнительный актъ.—Ватерлоо.—Стремленія французской націи въ эпоху паденія имперіи.—Вѣнскій конгрессъ и его созданія.—Общее значеніе вѣнскаго конгресса.—Конецъ перваго періода исторіи XIX в.—Значеніе этого періода въ исторіи Западной Европы.

Въ 1813 г. государи, соединившіеся противъ Наполеона, еще дѣлали попытки склонить его къ заключенію мира, но онъ отвергалъ ихъ предложенія. Во время довольно продолжительнаго перемирія (4 іюня—10 августа 1813 г.), заключеннаго между союзниками и французской арміей, Австрія, тогда еще не приступавшая къ союзу съ Россіей и Пруссіей, пыталась склонить Наполеона къ миру, но онъ объявилъ австрійскому уполномоченному князю Меттерниху, что онъ не можетъ вернуться побѣжденнымъ въ свою столицу. Вообще Наполеонъ не соглашался ни на какія условія и продолжалъ борьбу, несмотря на всѣ пораженія отъ коалиціи, которая все болѣе и болѣе росла вслѣдствіе новыхъ и новыхъ присоединеній къ русско-прусскому союзу, и несмотря на истощеніе, въ какое была приведена Франція, страстно желавшая конца этой безпрерывной войны со всей Европой. Прежде чѣмъ рѣшиться перенести театръ войны въ имперію, союз-

[1]) Недавно вышли въ свѣтъ интересныя работы *Henry Houssaye* подъ заглавіемъ **1814** (двѣнадцатое изданіе въ 1894) и **1815** (1893 и 1899). Для исторіи кампаніи 1815 г. см. также соч. *Quinet*, *Charras* и др., а кромѣ того, *Helfert*, J. Murat, seine letzten Kämpfe und sein Ende. 1878.—*Balau*. La Belgique sous l'empire et la défaite de Napoléon. 1894.—*Wolseley*. Le déclin et la chute de Napoléon. 1894. Для дипломатической исторіи эпохи, открывающейся вѣнскимъ конгрессомъ, см. трудъ *A. Debidour*. Histoire diplomatique de l'Europe depuis l'ouverture du congrès de Vienne jusqu'à la clôture du congrès de Berlin. T. I. La Sainte-Alliance. Paris. 1891 (есть рус. пер.). О самомъ вѣнскомъ конгрессѣ, кромѣ старыхъ изданій *De Pradt'a* (1815), *Klüber'a* (1816), *Flassan'a* (1829) и др., *Angeberg-Capefigue*. Le Congrès de Vienne et les traités de 1815. 1863.—*A. Sorel*. Essais d'histoire et de critique, Talleyrand au Congrès de Vienne. Metternich. 1883 и 1894.—*A. Duncker*. Der Freiherr von Stein und die deutsche Frage auf dem Wiener Congresse. 1878.—*W. A. Schmidt*. Geschichte der deutschen Verfassungsfrage während der Befreiungskriege und des Wiener Kongresses (издано *A. Stern'омъ*). 1890. См. также книгу проф. *Данескаго*, указанную ниже.

ники еще разъ сдѣлали попытку склонить Наполеона къ миру, предложивъ ему обладаніе Франціей въ ея „естественныхъ границахъ“, т.-е. между Рейномъ, Альпами и Пиренеями, но съ возвращеніемъ полной независимости Германіи, Голландіи и Италіи и возстановленіемъ династіи Бурбоновъ въ Испаніи. Эти условія сдѣлались извѣстными публикѣ, и въ декабрѣ 1813 г. въ Парижѣ только о томъ и говорили, что ихъ нужно принять. И при дворѣ, и въ обществѣ, и среди приближенныхъ Наполеона составилось мнѣніе о необходимости убѣдить его въ томъ, что это было бы единственнымъ средствомъ спасенія. Въ этомъ смыслѣ высказывались и министры (между прочимъ, министры внутреннихъ дѣлъ и финансовъ), но Наполеонъ стоялъ на своемъ и, только узнавъ, какое дурное впечатлѣніе на публику произвелъ его уклончивый отвѣтъ союзникамъ, постарался сдѣлать видъ, будто и самъ онъ хочетъ мира. Въ глубинѣ души, однако, онъ мириться на такихъ условіяхъ не хотѣлъ: слишкомъ унизительными казались они для его самолюбія, слишкомъ опасными для его престижа въ самой Франціи, гдѣ ему грозили послѣ такого мира, по его мнѣнію, лишь одни внутреннія затрудненія. Союзники въ началѣ 1814 г. вступили во Францію, въ то самое время, какъ падало французское владычество въ Голландіи и въ Италіи. Въ Италіи зять Наполеона Мюратъ тоже сталъ во враждебныя къ нему отношенія. Еще разъ въ серединѣ февраля союзники предлагали Наполеону миръ, хотя тогда, повидимому, уже окончательно было рѣшено низложить Наполеона, и только боязнь встрѣтить во Франціи народную войну заставляла ихъ не бросать совсѣмъ мысли о заключеніи мира; но Наполеонъ послѣ каждой новой удачи дѣлался несговорчивѣе. Пораженіе французской арміи при Арсисъ-сюръ-Объ (20—21 марта) открыло непріятелю дорогу на Парижъ. Наполеонъ организовалъ тогда регентство съ императрицей во главѣ и поручилъ столицу своему брату Іосифу, сдѣлавъ его главнымъ начальникомъ національной гвардіи; но въ виду приближавшагося непріятеля и Марія-Луиза, и Іосифъ удалились изъ Парижа. 30 марта союзники взяли приступомъ господствующія надъ Парижемъ высоты Монмартра и на другой день торжественно вступили въ беззащитную столицу Франціи. Затѣмъ 1 апрѣля послѣдовало объявленіе сенатомъ низложенія Наполеона, и образовалось временное правительство. Наполеонъ, находившійся въ это время съ своею гвардіей въ Фонтенебло, узнавъ объ отложеніи маршала Мармона, которому Іосифъ передалъ свои полномочія при отъѣздѣ изъ Парижа, 4 апрѣля отрекся отъ престола въ пользу своего сына, но союзники потребовали отъ него безусловнаго отреченія, и онъ долженъ былъ его подписать (11 апрѣля) послѣ того, какъ его покинули и люди, бывшіе къ нему наиболѣе близкими (Бертье, Ней, Удино и др.). Черезъ нѣсколько

дней послѣ этого (20 апрѣля) Наполеонъ вынужденъ былъ распроститься съ своей гвардіей и отправиться на островъ Эльбу, отданный въ его владѣніе. Онъ прибылъ сюда на англійскомъ кораблѣ 4 мая, на другой день послѣ того, какъ Людовикъ XVIII торжественно въѣхалъ въ Парижъ. Уже въ первые дни апрѣля 1814 г. Парижъ былъ наводненъ брошюрами, летучими листками, каррикатурами, направленными противъ Наполеона. Императору было извѣстно враждебное къ нему отношеніе южныхъ департаментовъ, черезъ которые ему предстояло проѣзжать, и онъ даже боялся, что его умертвятъ во время путешествія. Въ Оравжѣ ему, дѣйствительно, пришлось слышать крики: „смерть тирану"; въ Авиньонѣ требовали выдачи „корсиканца", чтобы его утопить, и Наполеонъ изъ предосторожности долженъ былъ переодѣться въ иностранный мундиръ; въ Оргонѣ народъ приволокъ висѣлицу и бросился къ каретѣ, въ которой везли Наполеона, и только русскій уполномоченный, гр. Шуваловъ, сопровождавшій его въ ссылку, удержалъ толпу отъ насилія.

Исторія такъ называемой первой реставраціи Бурбоновъ будетъ разсмотрѣна нами послѣ и въ другой связи. Отмѣтимъ здѣсь только главнѣйшія даты этой эпохи: 3 мая Людовикъ XVIII совершилъ свой въѣздъ въ Парижъ; 30 мая былъ заключенъ парижскій миръ, которымъ Франція ограничивалась предѣлами 1792 г.; 4 іюня король подписалъ конституціонную хартію; 1 ноября собрался въ Вѣнѣ знаменитый конгрессъ, который долженъ былъ дать Европѣ новое устройство послѣ столь длиннаго періода внутреннихъ потрясеній и международныхъ столкновеній, нарушившихъ всѣ прежнія отношенія. 1 марта 1815 г. Наполеонъ, тайно покинувъ Эльбу, высадился близъ Канна и 20 числа былъ уже въ Парижѣ, откуда Бурбоны вынуждены были бѣжать при извѣстіи о его приближеніи.

Непрочность первой реставраціи объясняется крайнимъ недовольствомъ народа и арміи тѣмъ направленіемъ, какое приняла политика Бурбоновъ и возвратившихся съ ними эмигрантовъ: и тѣ, и другіе въ изгнаніи „ничему не научились и ничего не позабыли", какъ выразился о нихъ Наполеонъ, и вернувшись во Францію, задумали возстановить въ ней дореволюціонные порядки, надѣлавъ при этомъ массу политическихъ ошибокъ и тѣмъ заставивъ народъ и армію принять Наполеона, какъ избавителя отъ ненавистнаго ига. Бурбоны, возстановленные на престолѣ лишь благодаря иностранному нашествію, имѣли сравнительно очень мало сторонниковъ въ націи: за нихъ были дворянство и отчасти буржуазія, но масса городского и сельскаго населенія относилась къ нимъ съ чувствомъ нѣкоторой враждебности, потому что весьма сильно распространена была боязнь, что съ Бурбонами вернутся въ концѣ концовъ старые порядки, фео-

дальныя права, десятина и т. п., а собственники бывшихъ національныхъ имуществъ сверхъ того опасались, что у нихъ, пожалуй, отнимутъ и пріобрѣтенныя ими земли. Особенно недовольна была наполеоновская армія, къ которой и Бурбоны относились съ большимъ недовѣріемъ; это недовольство должно было тѣмъ болѣе возрасти, что значительная часть офицеровъ была теперь уволена въ отставку или переведена на половинный окладъ. Вообще правительство первой реставраціи какъ бы нарочно дѣлало все, что только можно было дѣлать съ цѣлью усилить недовѣріе и недовольство народной массы и арміи. Въ теченіе всего этого времени тамъ и сямъ происходили волненія и бунты, и этому очень много содѣйствовало поведеніе самихъ роялистовъ, уже приступавшихъ къ насильственному возстановленію старины въ провинціяхъ. Въ арміи никакъ не вѣрили, что дѣло Наполеона кончено, и безпрестанно возникали слухи, что онъ оставилъ Эльбу, что онъ высадился во Франціи, что онъ поднялъ Италію, что онъ набираетъ войско въ Турціи, что онъ идетъ во главѣ австрійскихъ войскъ, дабы заставить силою признать права своего сына, короля римскаго; нерѣдко въ казармахъ и на смотрахъ раздавались виваты въ честь императора. Свои страхи и свои надежды солдаты передали народной массѣ. Префектамъ и военнымъ властямъ безпрестанно приходилось отмѣчать случаи недовольства Бурбонами въ городахъ и деревняхъ и въ отдѣльныхъ отрядахъ войскъ. Въ это же время появилось великое множество разнаго рода изображеній Наполеона — медалей, статуетокъ и т. п., и плакатовъ съ надписями въ родѣ слѣдующихъ: „Радуйтесь, друзья великаго Наполеона! Онъ опять скоро будетъ съ нами. Роялисты уже трепещутъ“.—„Да здравствуетъ императоръ! Онъ былъ и онъ будетъ!“—„Проснитесь, французы! Наполеонъ пробуждается“. Этотъ культъ падшаго властелина былъ не чѣмъ инымъ, какъ порожденіемъ народной ненависти къ реставраціи: нація дорожила соціальными пріобрѣтеніями революціи, и при мысли, что можетъ быть возстановлено старое общественное неравенство, она готова была опять идти за Наполеономъ. Мало-по-малу опасенія за все то, что изъ наслѣдія революціи было удержано Наполеономъ, и за конституціонную хартію, дававшую странѣ свободу, но сдѣлавшуюся предметомъ страстныхъ нападокъ со стороны роялистовъ, начали волновать и буржуазію, которая на первыхъ порахъ относилась къ реставраціи скорѣе съ сочувствіемъ и довѣріемъ. Въ буржуазіи снова получила силу идея политической свободы, конституціонная хартія 1814 г. обѣщала ей эту свободу, но буржуазія начинала мало-по-малу не довѣрять тому, что хартія удержится. Памфлеты противъ Наполеона стали даже понемногу исчезать изъ продажи, и появилась на сцену оппозиціонная пресса. Вмѣстѣ съ этимъ наполеоновскіе мар-

шалы и генералы, перешедшіе на службу Людовика XVIII, подвергались оскорбленіямъ со стороны старой придворной знати и равнымъ образомъ все болѣе и болѣе раздражались противъ роялистовъ. Мало того: начинали уже возникать заговоры противъ Людовика XVIII, и въ этихъ заговорахъ принимали участіе люди самыхъ различныхъ партій, для которыхъ весь вопросъ былъ въ томъ, чтобы устранить Бурбоновъ, а тамъ уже будетъ видно, что̀ дѣлать. Въ февралѣ 1815 г. уже сильно сомнѣвались, чтобы такой порядокъ вещей могъ долго просуществовать, и въ мартѣ Наполеонъ явился какъ-разъ въ самое подходящее время, чтобы воспользоваться всеобщимъ недовольствомъ Бурбонами для возвращенія себѣ власти надъ Франціей.

Съ мая 1814 г. Наполеонъ жилъ на Эльбѣ, разлученный съ женой и сыномъ, подъ надзоромъ державъ, продолжавшихъ опасаться его честолюбія: онъ и здѣсь былъ еще страшенъ. На вѣнскомъ конгрессѣ уже поговаривали о томъ, что не дурно было бы сослать его куда-нибудь подальше, напр., на островъ св. Елены или на какой-либо изъ Азорскихъ острововъ; иные даже думали, что напрасно вообще его оставили въ живыхъ. На первыхъ порахъ Наполеонъ, повидимому, помирился съ судьбою и дѣятельно занялся устройствомъ своего маленькаго владѣнія, проявивъ въ этомъ дѣлѣ обычную энергію. Онъ долго поджидалъ пріѣзда Маріи-Луизы съ сыномъ, но бывшая императрица, какъ извѣстно, весьма скоро утѣшилась съ гр. Нейппергомъ, а бывшаго „короля римскаго“ сталъ воспитывать его дѣдъ, австрійскій императоръ. Французское правительство не высылало Наполеону денегъ, которыя обязалось выплачивать въ силу трактата, заключеннаго въ Фонтенебло. Со стороны Людовика XVIII это было большой неосторожностью, такъ какъ, судя по секретнымъ донесеніямъ, посылавшимся съ Эльбы въ Парижъ и Вѣну, Наполеонъ остался бы навсегда жить на этомъ островѣ, разъ имѣлъ бы достаточно денегъ для своихъ широкихъ затѣй. Слухи о томъ, что его хотятъ сослать куда-нибудь подальше или даже сдѣлать съ нимъ что-нибудь худшее, достигли и до него, и онъ принялъ мѣры, чтобы обезопасить свою резиденцію (Порто-Ферайо) отъ внезапнаго нападенія. Доходили до Наполеона и другіе слухи: отъ пріѣзжихъ, изъ писемъ, изъ газетъ онъ зналъ еще, что положеніе Людовика XVIII непрочно, что Франція недовольна, что на вѣнскомъ конгрессѣ начались раздоры державъ изъ-за дѣлежа добычи. Тогда Наполеонъ принялъ рѣшеніе вернуться во Францію, но держалъ его въ секретѣ до середины февраля 1815 г.

1 марта Наполеонъ съ небольшимъ отрядомъ высадился на югѣ Франціи. Еще въ Порто-Ферайо онъ составилъ и напечаталъ три прокламаціи въ краснорѣчивомъ стилѣ временъ революціи. Въ одной

изъ нихъ онъ обращался къ арміи и говорилъ, что солдаты не были побѣждены врагомъ, что пораженіе Франціи было слѣдствіемъ измѣны, что арміи будетъ возвращена ея слава. Въ прокламаціи къ французскому народу Наполеонъ объяснялъ свое отреченіе отъ престола самопожертвованіемъ во имя блага родины. „Я, продолжалъ онъ, былъ возведенъ на престолъ по вашему выбору, и все, что̀ сдѣлано безъ васъ, незаконно. Вотъ уже двадцать пять лѣтъ, какъ у Франціи есть новые интересы, новыя учрежденія, новая слава, которые могутъ быть обезпечены только національнымъ правительствомъ и династіей, возникшей среди этихъ новыхъ обстоятельствъ. Пусть государь, который царствуетъ надъ вами, посаженный на мой престолъ силою армій, опустошившихъ нашу территорію, ссылается на принципы феодальнаго права, но онъ можетъ обезпечить честь и права̀ лишь небольшой кучки лицъ, враговъ народа, который за эти двадцать пять лѣтъ осуждалъ ихъ во всѣхъ національныхъ собраніяхъ... Французы! въ изгнаніи своемъ я услышалъ ваши жалобы и желанія: вы требовали возвращенія правительства, выбраннаго вами и потому единственно законнаго“. Въ особой прокламаціи къ населенію департаментовъ des Hautes et Basses Alpes Наполеонъ повторялъ свое обѣщаніе сохранять свободу и равенство, пріобрѣтенныя за двадцать пять лѣтъ передъ тѣмъ. На пути Наполеона въ Парижъ маленькій его отрядъ все болѣе и болѣе возросталъ отъ присоединившихся къ нему солдатъ и народа, и скоро его походъ превратился въ тріумфальное шествіе, словно исполнилось пророчество одной изъ прокламацій, что его орелъ пролетитъ отъ колокольни къ колокольнѣ до самыхъ башенъ Парижской Богоматери. Ничто не могло остановить этого шествія, и высылавшіяся противъ него войска, переходя на сторону возвращавшагося императора, только увеличивали число его приверженцевъ. Маршалъ Ней, который обѣщалъ привезти Наполеона въ Парижъ въ клѣткѣ, также присоединился къ нему со всѣмъ своимъ отрядомъ.

Извѣстіе о высадкѣ Наполеона, переполошившее правительство Людовика XVIII, было принято буржуазіей со страхомъ и негодованіемъ и примирило ее съ Бурбонами, такъ какъ буржуазія за возвращеніемъ Наполеона ожидала возобновленія войны, хотя сама же раньше, недовольная Людовикомъ XVIII, не прочь была, чтобы Наполеонъ вернулся. Настроеніе буржуазіи рельефнѣе всего выражалось въ палатѣ депутатовъ, которая по конституціи 1814 года состояла изъ представителей наиболѣе зажиточныхъ классовъ общества. Палата рѣшилась поддерживать Людовика XVIII, но въ то же время хлопотала объ утвержденіи либеральныхъ принциповъ. Въ защиту Бурбоновъ и конституціонной свободы стали также появляться газет-

ныя статьи и брошюры. Одна изъ нихъ называлась „О невозможности установленія конституціоннаго правленія съ военнымъ вождемъ и въ особенности съ Наполеономъ“, а въ другой (Le cri de la France) было сказано: „чего тебѣ нужно? Если ты на основаніи нашихъ политическихъ дебатовъ вообразилъ, что мнѣніе націи находится въ противорѣчіи съ ея правительствомъ, то знай, что эти пренія присущи каждому недеспотическому правленію и что въ нихъ заключается его сила и безопасность“. Мнѣнія генераловъ раздѣлились, и нѣкоторое раздѣленіе замѣтно было также и въ парижскомъ населеніи. Въ провинціяхъ, наоборотъ, большинство радовалось возвращенію императора, хотя и здѣсь къ радости примѣшивался страхъ передъ повтореніемъ иностраннаго нашествія. Роялисты сразу потеряли голову, и уже 10 марта началась ихъ эмиграція изъ Парижа, возбудившая въ населеніи столицы нѣчто въ родѣ паники. Одинъ планъ нелѣпѣе другого предлагался королю: то Людовикъ XVIII въ открытой коляскѣ и въ сопровожденіи кавалькады изъ всѣхъ членовъ палаты пэровъ и палаты депутатовъ долженъ былъ выѣхать на встрѣчу Бонапарту, то совѣтовали превратить Тюйльери въ цитадель и запереться тамъ съ тремя тысячами солдатъ и съѣстными припасами на два мѣсяца, то придумывалось еще что-нибудь въ томъ же родѣ. 19 марта Людовикъ XVIII съ такою поспѣшностью выѣхалъ изъ дворца, что забылъ въ своемъ кабинетѣ письма отъ Талейрана изъ Вѣны и секретный трактатъ, заключенный противъ Россіи. 20 марта прежніе наполеоновскіе сановники и придворные сами собой возвратились на свои мѣста, оставленныя за годъ передъ тѣмъ, и въ тотъ же самый день Наполеонъ былъ уже въ Тюйльери, буквально внесенный туда на рукахъ народною толпою.

Это возстановленіе имперіи не было, какъ увѣряли впослѣдствіи роялисты, актомъ чисто военнаго своеволія: возстановленіе имперіи совершилъ, хотя и при помощи арміи, самъ народъ, который видѣлъ въ возвращеніи Наполеона гарантію того, что главныя пріобрѣтенія революціи будутъ сохранены за страною. Въ сущности почти вездѣ на пути Наполеона въ Парижъ крестьяне и рабочіе переходили на его сторону ранѣе солдатъ, и въ самый день своего въѣзда въ Парижъ онъ даже говорилъ, что стоило бы ему только захотѣть, и онъ явился бы въ столицу во главѣ семидесяти тысячъ вооруженныхъ крестьянъ. Одинъ префектъ прямо заявлялъ, что это было какое-то возобновленіе сценъ революціи. Да и самъ Наполеонъ заговорилъ теперь языкомъ революціи: его обращенія къ населенію городовъ, лежавшихъ на пути въ Парижъ, были направлены противъ эмигрантовъ, желавшихъ возвращенія себѣ національныхъ имуществъ, и противъ дворянъ, мечтавшихъ о возстановленіи привилегій и феодальныхъ правъ, и содержали

въ себѣ заявленія о томъ, что его, наполеоновы, права покоятся на правахъ народныхъ, что самъ онъ — только первый гражданинъ, что онъ—сынъ революціи. Населеніемъ Франціи, дѣйствительно, овладѣвало революціонное движеніе. Организовались федераціи и клубы для „защиты свободы", для „защиты правъ человѣка" для „борьбы съ инквизиціей монаховъ и тиранніей дворянъ" и т. п. Одинъ изъ приближенныхъ Наполеона сказалъ ему однажды: „я боюсь, какъ бы не произошла новая революція, которая еще разъ подвергнетъ Францію террору и проскрипціямъ". На улицахъ Парижа опять стали раздаваться звуки революціонныхъ пѣсенъ и появилась красная фригійская шапка. Газетная и брошюрная пресса снова заговорила революціоннымъ языкомъ, совѣтуя изгнаніе дворянъ, конфискацію ихъ имуществъ, раздѣлъ послѣднихъ между общинами и арміей, возвращеніе къ якобинизму и къ террору ради спасенія отечества. Наполеонъ видѣлъ настроеніе массы и сравнивалъ его съ тою всеобщею и страстною ненавистью къ духовенству и дворянству, какая была въ началѣ революціи. „Мнѣ, говорилъ онъ, стоитъ только сдѣлать знакъ или, вѣрнѣе, только посмотрѣть сквозь пальцы, чтобы дворяне были перебиты во всѣхъ провинціяхъ, но я не хочу быть королемъ жакеріи". Ни самъ Наполеонъ, ни его правительство не желали возстановленія въ новой формѣ якобинской диктатуры, хотя, по мнѣнію многихъ, только одна она и могла бы еще спасти Францію, тѣмъ болѣе, что народное возбужденіе стало сильно ослабѣвать послѣ того, какъ всѣмъ сдѣлалось ясно, что Франціи не миновать новой войны со всею Европою.

Наполеонъ въ сущности желалъ возстановить ту самую власть, какою пользовался до своего паденія, но теперь онъ встрѣтился и среди правительственнаго персонала, и среди высшихъ военныхъ чиновъ, и среди общества съ сильнымъ либеральнымъ теченіемъ. Въ 1815 г. онъ со всѣхъ сторонъ и въ частныхъ разговорахъ, и въ оффиціальныхъ адресахъ — слышалъ постоянно совѣтъ или даже приглашеніе отказаться отъ абсолютной власти. Ему говорили объ этомъ такъ настойчиво, что приходилось прямо выбирать только между демократической диктатурой „короля жакеріи" и конституціонной монархіей. Уже въ началѣ апрѣля Наполеонъ занялся вопросомъ о введеніи во Франціи либеральныхъ учрежденій, а пока старыя власти, существовавшія въ силу конституцій VIII, X и XII г., уже становились въ независимое положеніе по отношенію къ его личной волѣ, которой такъ недавно еще безпрекословно повиновались. Еще раньше (24 марта) Наполеонъ отмѣнилъ цензуру, чѣмъ широко воспользовались авторы политическихъ брошюръ, которыхъ съ 24 марта по 20 іюня вышло около 800 самыхъ различныхъ направленій — роялистическихъ, демагогическихъ, наполеонистическихъ, но больше всего либеральныхъ.

Вотъ что, наприм., писалось въ послѣднихъ: „О, Наполеонъ! твоя судьба будетъ зависѣть отъ твоей будущей системы. Постарайся ограничить свою власть. Все будетъ потеряно, если ты станешь подражать самому себѣ". — „Намъ нужны гарантіи. Ваши прежнія конституціи ничего не стоятъ и всѣми презираются".—„Вамъ уже нельзя возстановить режимъ 1805 г. Франція хочетъ быть свободной. Завтра, вмѣсто подданныхъ, вы найдете только мятежниковъ, если вы не дадите свободы". Чуть не ежедневно Наполеонъ получалъ по нѣскольку проектовъ новой конституціи, и многіе вѣрили слуху, будто онъ отречется отъ престола и провозгласитъ республику. Наполеону, конечно, нельзя было не считаться съ такимъ направленіемъ общественнаго мнѣнія.

Еще по дорогѣ въ Парижъ, въ Ліонѣ, 13 марта Наполеонъ издалъ декретъ о созваніи въ чрезвычайное собраніе „майскаго поля" (Champ de Mai) департаментскихъ избирательныхъ коллегій „для измѣненія конституціи имперіи въ интересѣ и по волѣ націи". Онъ хотѣлъ собрать на Марсовомъ полѣ въ Парижѣ эти коллегіи (всего чуть не тридцать тысячъ человѣкъ), чтобы предложить имъ утвержденіе новой конституціи, не подвергая ея обсужденію депутатовъ. Что конституція должна была быть составлена въ либеральномъ смыслѣ, это было ясно для всѣхъ политическихъ дѣятелей того времени. Уже самъ наполеоновскій сенатъ составилъ-было 6 апрѣля 1814 г. либеральную конституцію, которую долженъ былъ принять Людовикъ XVIII, но послѣдній замѣнилъ сенатскую конституцію своей хартіей 4 іюня 1814 г., тоже составленною, однако, въ либеральномъ духѣ, и Наполеону нельзя было выступить теперь съ чѣмъ-нибудь менѣе либеральнымъ. Для выработки проекта конституціи онъ образовалъ особую коммиссію, въ число членовъ которой попалъ Бенжаменъ Констанъ [1]), несмотря на то, что послѣ извѣстія о бѣгствѣ Наполеона съ о. Эльбы онъ написалъ памфлетъ, направленный противъ „тиранна". Въ 1814 г. Бенжаменъ Констанъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ вождей либеральной партіи, и къ его голосу прислушивались всѣ сторонники конституціоннаго режима. Наполеонъ, который торопился окончить дѣло, затягивавшееся въ коммиссіи, пришелъ наконецъ къ мысли, что лучше всего будетъ поручить его одному лицу, и что наиболѣе подходящимъ для этого лицомъ былъ бы популярный среди либераловъ теоретикъ конституціоннаго правленія. Бенжаменъ Констанъ принялъ предложеніе и выработалъ проектъ, который, по мѣткому замѣчанію Шатобріана, былъ улучшенной хартіей Людовика XVIII [2]).

---

[1]) См. его „Memoires sur les Cent-Jours".

[2]) Въ томъ же смыслѣ высказался и Сисмонди въ брошюрѣ „Examen de la constitution française". Мы еще познакомимся ниже (въ главѣ XIV) съ конституціонной теоріей Бенжамена Констана.

Образцомъ новаго государственнаго устройства была англійская конституція, указывавшаяся и другими членами коммиссіи, какъ наиболѣе достойный подражанія образецъ. Законодательная власть вручалась императору и двумъ палатамъ—наслѣдственной палатѣ пэровъ и выборной палатѣ представителей, и обѣимъ палатамъ предоставлялся широкій контроль надъ властью исполнительною, въ лицѣ отвѣтственныхъ министровъ, причемъ лишь палаты въ случаѣ внутреннихъ смутъ могли объявлять осадное положеніе. Спеціальныя статьи конституціи гарантировали личную неприкосновенность, свободу культовъ, свободу прессы, право петицій и т. п. Въ своемъ проектѣ Бенжаменъ Констанъ счелъ нужнымъ совершенно умолчать о прежнихъ наполеоновскихъ конституціяхъ, но императоръ настоялъ на томъ, чтобы новая конституція была издана, какъ „дополнительный актъ" (acte additionnel) къ конституціямъ VIII, X и XII г., съ которыми она, конечно, не имѣла ничего общаго. Во вступленіи къ этому „дополнительному акту" Наполеонъ ссылается на то, что и раньше въ его учрежденія вносились усовершенствованія, но что лишь въ виду необходимости ихъ упроченія онъ откладывалъ введеніе „установленій, болѣе спеціальнымъ образомъ предназначенныхъ для охраны свободы гражданъ". Цѣлью „дополнительнаго акта" въ этомъ вступленіи прямо ставилось „сообщить правамъ гражданъ всѣ необходимыя гарантіи, дать самое широкое примѣненіе представительной системѣ, облечь посредствующія учрежденія желательнымъ вліяніемъ и властью, однимъ словомъ—соединить высочайшую степень политической свободы и личной безопасности съ силою и централизаціей, необходимыми для внѣшней безопасности государства и для достоинства короны". Въ заключеніи отъ имени французскаго народа объявлялось, что онъ не допуститъ „ни возвращенія Бурбоновъ, ни возстановленія феодальнаго дворянства, сеньерьяльныхъ правъ, десятинъ, привилегированнаго и господствующаго культа, ни какого бы то ни было покушенія на безповоротность продажи національныхъ имуществъ". И Наполеонъ, не желавшій созванія собранія, которое сдѣлало бы „дополнительный актъ" предметомъ обсужденія, и члены конституціонной коммиссіи, находившіе нужнымъ скорѣйшій переходъ отъ диктатуры къ конституціонному режиму, признали необходимымъ немедленное обнародованіе новой конституціи (22 апрѣля 1815 г.), причемъ народъ приглашался ее вотировать.

Благодаря установившейся во Франціи свободѣ прессы, „дополнительный актъ" сдѣлался предметомъ самаго горячаго обсужденія, предметомъ и защиты, и нападокъ въ многочисленныхъ газетныхъ статьяхъ и брошюрахъ. Большинство было недовольно новой конституціей съ разныхъ точекъ зрѣнія. Настоящіе наполеонисты были не-

довольны уступками либерализму, либералы — отдѣльными статьями акта и тѣмъ, что все-таки прямо и просто не были отмѣнены прежніе сенатусъ-консульты, народъ—установленіемъ наслѣдственной пэріи, а болѣе всего нарушеніемъ обѣщанія созвать для измѣненія учрежденій имперіи собраніе „майскаго поля", гдѣ за голосомъ націи было бы признано самостоятельное значеніе. Народную массу мало интересовали подробности акта, и она согласилась бы на гораздо менѣе либеральную конституцію, лишь бы только все совершилось при участіи и по ея волѣ. Уже черезъ два дня послѣ обнародованія „дополнительнаго акта" Наполеонъ говорилъ Бенжамену Констану, что съ конституціей дѣло стоитъ плохо. Бенжаменъ Констанъ замѣтилъ, что конституціи плохо вѣрятъ, и что поэтому нужно ее привести въ дѣйствіе. „Какъ!—возразилъ Наполеонъ:—прежде нежели она принята! Скажутъ, что я насмѣхаюсь надъ народомъ". Бенжаменъ Констанъ сталъ доказывать, что никто этого не скажетъ, когда народъ увидитъ, что онъ свободенъ, что у него есть представители, что императоръ сложилъ съ себя диктатуру. Созвать палаты было и совѣтомъ большинства приближенныхъ къ Наполеону лицъ, но, повидимому, онъ только для того и согласился дать конституцію, чтобы избѣжать необходимости созвать собраніе. Лишь послѣ долгаго сопротивленія императоръ 1 мая обнародовалъ декретъ о выборахъ представителей, которые должны были составить палату послѣ принятія конституціи народомъ. Между тѣмъ вотированіе „дополнительнаго акта" окончилось, и 1 іюня былъ объявленъ результатъ: 1.532.257 голосовъ утвердительныхъ, 4.802—отрицательныхъ, но особенно велико было число воздержавшихся отъ подачи голоса. Выборы представителей народа были для Наполеона менѣе благопріятными: они произведены были не прямо народомъ, а избирательными коллегіями имперіи, которыя раньше сами были выбраны подъ сильнымъ административнымъ давленіемъ и состояли изъ людей контръ-революціоннаго направленія, изъ примирившихся съ имперіей роялистовъ, изъ землевладѣльцевъ и богатыхъ промышленниковъ или коммерсантовъ и т. д., т.-е. изъ представителей общественныхъ классовъ, бывшихъ въ 1815 г. неособенно расположенными къ Наполеону. Среди 629 членовъ палаты было наполеонистовъ человѣкъ 80, радикаловъ около 30 или 40, а всѣ остальные 500 человѣкъ были либералы разныхъ оттѣнковъ, противники Бурбоновъ, но въ то же время сторонники имперіи лишь подъ условіемъ отнятія у Наполеона всякой власти.

Наполеонъ не хотѣлъ совсѣмъ не исполнить своего обѣщанія относительно „майскаго поля", и потому на 26 мая были созваны въ Парижъ делегаты отъ избирательныхъ коллегій для подведенія итоговъ подъ всенароднымъ голосованіемъ и присутствія на торжествѣ,

которое должно было совершиться на Марсовомъ полѣ. Торжество это, напоминавшее революціонный праздникъ федераціи и прежнія наполеоновскія раздачи арміи знаменъ, состоялось 1 іюня. Всѣ ожидали чего-то необыкновеннаго, но все дѣло ограничилось пышными и безсодержательными фразами императорской рѣчи, и разочарованіе было всеобщее. Наконецъ 3 іюня собралась палата представителей и выбрала своимъ предсѣдателемъ сенатора Ланжюине, бывшаго однимъ изъ составителей сенатскаго акта 1814 г. о низложеніи Наполеона. Вновь назначенные пэры тоже старались всячески показать, что они не будутъ имѣть ничего общаго съ раболѣпнымъ наполеоновскимъ сенатомъ. Для новаго направленія политической жизни было великимъ торжествомъ и заявленіе, сдѣланное самимъ Наполеономъ въ рѣчи 7 іюня передъ обѣими палатами: „прошло уже три мѣсяца, сказалъ онъ, съ тѣхъ поръ, какъ обстоятельства и довѣріе народа облекли меня неограниченною властью. Нынѣ исполняется самое сильное желаніе моего сердца: мною начинается конституціонная монархія. Люди безсильны передъ задачей опредѣлять судьбы народовъ; одни учрежденія въ состояніи ихъ упрочить“. Замѣчательно, однако, что всѣмъ этимъ заявленіямъ Наполеона все-таки очень мало довѣряли; въ ихъ искренности сомнѣвались, подозрѣвали императора въ заднихъ мысляхъ, говорили, что онъ обманываетъ народъ и продолжали жаловаться на его деспотизмъ. Съ своей стороны, Наполеонъ то падалъ духомъ и даже нерѣдко плакалъ, то, наоборотъ, раздражался и говорилъ, что онъ не Людовикъ XVI, что онъ не позволитъ адвокатамъ диктовать ему законы или бунтовщикамъ отрѣзать ему голову. 11 іюня Наполеонъ долженъ былъ выслушать отвѣтные адресы палатъ, но и въ своихъ адресахъ представители и пэры старались преподать императору уроки. Наполеонъ былъ оскорбленъ этимъ и въ своей рѣчи совѣтовалъ палатамъ не уподобляться византійцамъ, которые сдѣлались посмѣшищемъ потомства, занимаясь пустячными преніями, когда варвары тараномъ разбивали ворота города. Это сравненіе въ свою очередь обидѣло палаты. 12 іюня Наполеонъ уѣхалъ на войну съ европейской коалиціей, не желавшей допустить его вторичнаго царствованія. Франціи грозило новое нашествіе, но ни самъ Наполеонъ, ни лица, его окружавшія, не хотѣли воспользоваться для борьбы съ врагомъ тѣмъ новымъ подъемомъ народнаго духа, который опять сталъ обнаруживаться въ маѣ и іюнѣ, потому что возбужденіе націи принимало черезчуръ революціонный характеръ.

Извѣстіе о возвращеніи Наполеона во Францію произвело сильное впечатлѣніе на государей и министровъ, собравшихся въ вѣнскомъ конгрессѣ. Разладъ на этомъ съѣздѣ между Англіей, Франціей и Австріей, съ одной стороны, и Россіей и Пруссіей, съ другой, чуть-

было не поведшій къ новой войнѣ, не помѣшалъ, однако, государямъ, низложившимъ Наполеона, опять соединиться и, несмотря на миролюбивыя увѣренія Наполеона, начать войну съ цѣлью его низложенія. Рѣшительный бой произошелъ при Ватерлоо 18 іюня, гдѣ французская армія, предводимая самимъ императоромъ, была разбита англо-прусскимъ войскомъ подъ начальствомъ Веллингтона и Блюхера. Въ Парижѣ Наполеона ждало новое пораженіе. 22 іюня палата представителей потребовала у него отреченія отъ престола въ пользу сына, который и былъ провозглашенъ императоромъ подъ именемъ Наполеона II. Скоро, однако, подъ стѣнами Парижа вторично появились побѣдоносныя войска союзниковъ. Наполеонъ бѣжалъ въ Рошфоръ, думая спастись въ Америку, но здѣсь былъ захваченъ англичанами и сосланъ па островъ св. Елены. (Здѣсь онъ занялся составленіемъ своихъ мемуаровъ и умеръ 5 мая 1821 г. [1]). Во Франціи снова водворились Бурбоны, на этотъ разъ уже прямо поддержанные силою иностранныхъ войскъ.

Исторія „ста дней", этого заключительнаго эпизода имперіи, показываетъ, къ чему стремилось въ эту эпоху громадное большинство французской націи. Она давно жаждала мира послѣ безпрерывнаго періода войнъ и, желая прежде всего только мира, въ 1814 г. не проявила большой энергіи въ защитѣ имперіи, пассивно подчинившись возстановленнымъ Бурбонамъ. Но народъ во Франціи желалъ, кромѣ того, еще и сохраненія въ неприкосновенности всѣхъ пріобрѣтеній революціи, которыя за нимъ обезпечивались имперіей, но которымъ реставрація, наоборотъ, стала грозить своей реакціонной политикой. Одного этого было вполнѣ достаточно для того, чтобы народная революція помогла Наполеону снова захватить власть въ свои руки. Съ другой стороны, уже до перваго паденія имперіи противъ нея—главнымъ образомъ среди буржуазіи—зародилась либеральная оппозиція, и въ 1815 г. стремленіе къ политической свободѣ, считавшейся тоже однимъ изъ главныхъ пріобрѣтеній революціи, обнаружило всю свою силу, заставивъ Наполеона согласиться на введеніе либеральной конституціи. Либералы 1815 г., конечно, хорошо знали характеръ Наполеона и потому продолжали относиться къ нему съ недовѣріемъ. Послѣ Ватерлоо они потребовали у него отреченія отъ престола, надѣясь сами спасти Францію и утвердить въ ней свободное государственное устройство. Въ концѣ концовъ оказывалось, что имперія Наполеона во французской націи была популярна, поскольку ограждала соціальный строй, созданный революціей, и, наоборотъ, была лишена под-

[1]) *Jacques St. Cère et H. Schlitter*. Napoléon à Sainte-Helène. — ***Betsy Balcombe*** (*Abell*). Napoléon à Sainte-Helène. 1890. — *Lord Rosebery*. Napoléon, the last phase. 1900 (есть франц. пер.).

держки со стороны образованныхъ и зажиточныхъ классовъ общества, поскольку была отрицаніемъ той политической свободы, которая тоже должна была быть однимъ изъ пріобрѣтеній революціи. Но послѣ вторичнаго низложенія Наполеона вопросъ о правительствѣ Франціи рѣшенъ былъ уже не палатами, думавшими дѣйствовать въ качествѣ единственнаго законнаго авторитета страны, а иностранцами, вторично возстановившими династію Бурбоновъ. 20 ноября 1815 г. союзные монархи заключили съ Людовикомъ XVIII второй парижскій миръ, по которому Франція должна была вернуться къ границамъ 1790 г., выплатить 700 милліоновъ франковъ вознагражденія за военныя издержки и въ теченіе пяти лѣтъ содержать въ семнадцати пограничныхъ крѣпостяхъ полтораста тысячъ союзнаго войска.

Европейская коалиція, образовавшаяся противъ Франціи въ 1813 г., не распалась, какъ это случилось съ прежними коалиціями, и довела свою задачу до конца, разрушивъ завоевательную имперію Наполеона I и освободивъ Европу. Еще 1 ноября 1814 г. въ Вѣнѣ открылся знаменитый конгрессъ, которому предстояло установить въ Европѣ новый порядокъ вещей на развалинахъ наполеоновскаго владычества. Возвращеніе Наполеона во Францію не только не остановило работъ конгресса, но даже заставило поскорѣе окончить начинавшійся среди его союзниковъ разладъ, и 9 іюня 1815 г. въ своемъ „заключительномъ актѣ" (acte final) конгрессъ могъ уже подвести общіе итоги подъ своими постановленіями. Разсматривая все, что̀ было сдѣлано конгрессомъ, можно сказать, что руководящими его принципами были слѣдующіе: 1) возвращеніе законныхъ династій на отнятые у нихъ престолы (принципъ легитимизма); 2) устраненіе по возможности прежнихъ республикъ (каковы были Венеція, Генуя, Голландія и имперскіе города въ Германіи); 3) вознагражденіе государствъ, которыя наиболѣе способствовали низверженію Наполеона, и, наоборотъ, наказаніе странъ, оставшихся въ союзѣ съ Наполеономъ; 4) созданіе на границахъ Франціи болѣе сильныхъ второстепенныхъ государствъ, которыя могли бы составить противъ нея извѣстнаго рода оплотъ, и наконецъ, 5) совершенное отрицаніе національнаго начала, равно какъ и другихъ культурныхъ особенностей населенія тѣхъ странъ, дѣлежемъ которыхъ занялись съѣхавшіеся на конгрессъ дипломаты. Изъ-за желанія Александра I получить все великое герцогство Варшавское, занятое русскими войсками въ 1813 г., и изъ-за желанія Пруссіи пріобрѣсти всю Саксонію, король которой былъ однимъ изъ наиболѣе ревностныхъ союзниковъ Наполеона, чуть было не возникла война, такъ какъ Австрія, Франція и Англія противились и тому, и другому. Въ концѣ концовъ Александръ I долженъ былъ удовольствоваться лишь

большею частью великаго герцогства, а Фридрихъ-Вильгельмъ III — только половиной Саксоніи.

Территоріальныя измѣненія, произведенныя вѣнскимъ конгрессомъ, были слѣдующія. Къ Австріи, получившей обратно отданную ею Россіи часть Галиціи [1]), были присоединены Тироль, Зальцбургъ, Ломбардія и старая территорія Венеціи („Ломбардо-Венеціанское королевство"), а также Далмація („Королевство Иллирія"). Россія вышла изъ борьбы увеличенною Царствомъ Польскимъ, не считая Финляндіи и Бессарабіи, присоединенныхъ въ 1809 и 1812 гг. Пруссія получила обратно нѣмецкія области, утраченныя по тильзитскому миру, а кромѣ того, пріобрѣла Познань, половину Саксоніи, герцогство Клеве-Бергъ и побережье средняго и нижняго Рейна, гдѣ прежде были владѣнія духовныхъ курфюрстовъ. Голландія и Бельгія были соединены, чтобы служить оплотомъ противъ Франціи на сѣверо-западѣ, въ одно Нидерландское королевство, государю котораго, Вильгельму Оранскому, было предоставлено еще германское герцогство Люксембургъ. Къ этимъ владѣніямъ примыкала прирейнская Пруссія, а позади ея возведенный въ королевство и расширенный Ганноверъ, возвратившійся подъ власть законнаго своего государя. Баварія тоже была усилена присоединеніемъ къ ней Пфальца. Къ Швейцаріи были присоединены кантоны Валлисъ, Женева и Невшатель (послѣдній подъ верховной властью короля Пруссіи), и территорія швейцарской федераціи была объявлена на вѣчныя времена нейтральною. На югѣ отъ нея возстановлено было королевство Сардинское, возвращенное королю Виктору-Эммануилу и расширенное отдачей ему территоріи прежней республики Генуэзской и Савойи. Такимъ образомъ противъ Франціи съ востока былъ устроенъ своего рода кордонъ. Данія утратила Норвегію, которая соединилась со Швеціей. Испанія была возвращена Фердинанду VII, отпущенному изъ плѣна еще самимъ Наполеономъ, а Португалія снова подчинилась Брагансцкому дому. Въ Италіи тоже была произведена реставрація старыхъ династій. Въ сѣверной ея части, кромѣ королевствъ Сардинскаго и Ломбардо-Венеціанскаго, присоединеннаго къ Австріи, были созданы небольшія герцогства (Модена, Лукка, Парма) для членовъ австрійскаго и бурбоно-испанскаго домовъ [2]). Въ Средней Италіи возстановлено было великое герцогство Тосканское, доставшееся брату австрійскаго императора Фердинанду, и возвращены были папѣ всѣ прежнія части Церковной области. Мюратъ, цѣною измѣны Наполеону удержавшійся въ 1814 г. на неаполитанскомъ престолѣ, въ эпоху „ста дней" вздумалъ-было начать войну съ Австріей съ цѣлью объединенія

[1]) Краковъ былъ объявленъ вольнымъ городомъ подъ протекторатомъ Австріи, Пруссіи и Россіи. См. *Н. Поповъ*. Исторія вольнаго города Кракова.

[2]) Парма была отдана женѣ Наполеона, Маріи-Луизѣ.

и независимости Италіи, но былъ побѣжденъ (а впослѣдствіи и разстрѣлянъ за новую попытку возстанія), и Неаполь, соединенный съ Сициліей въ одно королевство Обѣихъ Сицилій, достался снова прежнему королю Фердинанду. Наконецъ, Іоническіе острова, превращенные въ республику, были отданы подъ протекторатъ Англіи, что укрѣпило ея господство на Средиземномъ морѣ.

Объ устройствѣ, полученномъ Германіей на вѣнскомъ конгрессѣ, будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Отмѣтимъ здѣсь только то, что и въ Германіи была произведена реставрація нѣкоторыхъ государей, лишившихся власти при Наполеонѣ, но духовныя княжества, громадное большинство мелкихъ владѣній и имперскіе города (кромѣ четырехъ) возстановлены не были, благодаря чему въ Германіи образовалось 38 независимыхъ владѣній, вмѣсто трехъ съ половиною сотъ, существовавшихъ въ XVIII в.

Постановленія вѣнскаго конгресса были дѣломъ дипломатовъ, опиравшихся на право сильнаго, думавшихъ только о количествѣ квадратныхъ миль или числѣ душъ, но не обращавшихъ вниманія на культурныя условія соединяемыхъ и разъединяемыхъ территорій, лишь бы въ каждомъ данномъ случаѣ было надлежащее „вознагражденіе“, состоящее изъ какой-либо территоріи съ извѣстнымъ населеніемъ. Руководясь принципомъ легитимизма въ отношеніи къ старымъ династіямъ, конгрессъ совершенно игнорировалъ права національностей. Стремленіе нѣмцевъ къ національному единству совершенно не было уважено при переустройствѣ Германіи. Италія не только была оставлена при прежнемъ раздробленіи, но вдобавокъ была отдана частью подъ непосредственное владычество, частью подъ опеку Австріи. Образованіе изъ Голландіи и Бельгіи Нидерландскаго королевства было въ сущности установленіемъ господства голландцевъ надъ бельгійцами. Александръ I мечталъ о возстановленіи подъ своею властью польской національности, но и поляки были раздѣлены между четырьмя государствами (Австрія, Пруссія, Россія и вольный городъ Краковъ), причемъ и часть русской Галиціи была возвращена снова подъ власть Австріи. Когда греческіе патріоты вздумали обратиться къ конгрессу съ просьбою о возрожденіи ихъ національности, то дипломаты настояли на томъ, чтобы греческій вопросъ даже совсѣмъ не поднимался на конгрессѣ. Обращаясь такимъ образомъ съ національностями, вѣнскій конгрессъ шелъ въ сущности по стопамъ Наполеона, который въ свою очередь лишь примѣнялъ къ международнымъ отношеніямъ принципы, бывшіе въ ходу еще при старомъ порядкѣ.

Новое устройство, которое получила Европа въ 1815 г., должно было, по мысли главныхъ правительствъ, сдѣлаться залогомъ мира и равновѣсія между державами, и на долгое время международный миръ

въ Европѣ былъ дѣйствительно обезпеченъ. Если государственные люди 1815 г. не обращали никакого вниманія на принципъ національности, то какъ-разъ развитіе этого самаго принципа и подкопало впослѣдствіи порядокъ, созданный на вѣнскомъ конгрессѣ. Французская революція провозгласила принципъ національнаго самоопредѣленія, сдѣлавъ изъ правъ человѣка выводъ въ смыслѣ существованія естественныхъ и священныхъ правъ націй; вѣнскій конгрессъ возвращался къ старому взгляду, отрицавшему за націями какія бы то ни было самостоятельныя права.

Вѣнскимъ конгрессомъ оканчивается первый періодъ въ исторіи XIX в., періодъ разрушенія Европы стараго порядка, и начинается второй періодъ, періодъ борьбы двухъ началъ, которыя стали оспаривать другъ у друга результаты побѣды надъ имперіей Наполеона. Съ 1789 по 1815 г. много произошло перемѣнъ во Франціи и въ остальной Европѣ: образовались общественныя силы и намѣтились общественныя направленія, поставившія своей задачей отстоять и повести далѣе эти перемѣны, но сторонники новыхъ культурныхъ, соціальныхъ и политическихъ принциповъ встрѣтили сопротивленіе со стороны другихъ общественныхъ элементовъ, которые взглянули на катастрофу Наполеона, какъ на моментъ, наиболѣе благопріятный для возстановленія принциповъ „стараго порядка“. Законныя династіи, возвратившіяся въ свои столицы или избавившіяся отъ наполеоновской опеки, духовенство и дворянство, съ эмигрантами во главѣ и руководимое идеями консервативной оппозиціи (напр., прусское юнкерство), смотрѣли на побѣду Европы надъ Наполеономъ, какъ на свою побѣду, какъ на торжество своихъ принциповъ надъ революціей, и вѣнскій конгрессъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ такому пониманію общаго положенія дѣлъ. Но Европа слишкомъ многое пережила за четверть вѣка революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ, чтобы было возможнымъ простое возвращеніе къ status quo ante. Наполеонъ, какъ бы то ни было, консолидировалъ во Франціи и распространилъ внѣ Франціи многія пріобрѣтенія революціи и содѣйствовалъ—положительнымъ и отрицательнымъ образомъ — пробужденію національнаго самосознанія, стремленія къ свободѣ, желанія общественныхъ перемѣнъ въ духѣ гражданскаго равенства.

Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ экономическихъ послѣдствіяхъ, какія должны были имѣть войны, раздиравшія Европу въ теченіе цѣлой четверти вѣка, оставляя эту тему для другого мѣста. Послѣ вѣнскаго конгресса европейскимъ государствамъ предстояло отдыхать отъ столь продолжительнаго періода войнъ и залѣчивать раны, нанесенныя матеріальному ихъ благосостоянію. Войны эти стоили Европѣ очень дорого и людьми, и деньгами, не говоря о томъ, что отъ этихъ

войнъ страдали и земледѣліе, и промышленность, и торговля, и что ими страшно были увеличены государственные долги, легшіе тяжелымъ бременемъ и на послѣдующія поколѣнія. И правительства, и народы желали теперь прежде всего мира. Поэтому охрана мира, предупрежденіе всего, что̀ могло бы его нарушить, подавленіе безпокойныхъ элементовъ сдѣлались предметомъ особенныхъ заботъ со стороны государей, министровъ и дипломатовъ. На почвѣ этого настроенія реставрація весьма скоро перешла въ реакцію, и этимъ начался второй періодъ западно-европейской исторіи XIX вѣка.

ЭПОХА РЕСТАВРАЦІИ.

XIII. Происхожденіе и характеръ реакціонныхъ стремленій эпохи [1]).

Реакціонный характеръ реставраціи. — Реакція въ XVI—XVII и XIX вѣкахъ.— Планъ послѣдующаго изложенія.—Вопросъ о генезисѣ реакціонныхъ стремленій эпохи.—Генезисъ реакцій вообще.—Вліяніе французской революціи на зарожденіе реакціонныхъ стремленій.—Важность болѣе подробнаго ознакомленія съ культурной реакціей.—Осужденіе философіи XVIII в.—Оживленіе религіозности и католицизма.—Шатобріанъ и «Духъ христіанства.» — Романтизмъ.—Космополитизмъ и націонализмъ.—Раціонализмъ и историческая школа.—Измѣненіе взгляда на происхожденіе государства.—Реакціонныя политическія теоріи во Франціи и въ Германіи (Бональдъ, Жозефъ-де-Местръ, Людвигъ Галлеръ и Адамъ Мюллеръ).

Эпоха, наступившая въ исторіи Западной Европы послѣ паденія имперіи Наполеона I, носитъ названіе эпохи реставраціи. Ближайшимъ

---

[1]) То, о чемъ идетъ рѣчь въ этой главѣ, разработано главнымъ образомъ въ исторіяхъ философіи, литературы и политическихъ ученій. Кромѣ общихъ курсовъ по исторіи философіи (напр., *Швеглера*, *Бауера*, *Льюиса*, *Вебера*, *Фулье*, *Ибервега-Гейнце*, *Фалькенберга*, *Ланге*, существующихъ въ русскихъ переводахъ), въ которыхъ обыкновенно или совсѣмъ не отмѣчается, или отмѣчается только вскользь важный *въ культурномъ отношеніи* переворотъ во французской философіи, см. *Ferraz*. Histoire de la philosophie pendant la révolution. 1889.—*Его же*. Histoire de la philosophie en France au XIX siècle.—*Taine*. Les philosophes classiques du XIX siècle en France. 1857 и новыя изданія.—*Ravaisson*. La philosophie française au XIX siècle. По исторіи литературы особенно см., кромѣ общихъ пособій, *Brandes*. Die Hauptströmungen der Literatur des neunzehnten Jahrhunderts. 1872 и слѣд. (переводъ съ датскаго; есть и рус. переводъ).—*J. Schmidt*. Geschichte der französischen Literatur seit Ludwig XVI.—*Nettement*. Histoire de la littérature française sous la restauration.—*Paul Albert*. La littérature française au XIX siècle.—*Его же*. Les origines du romantisme.—*Théophile Gautier*. Histoire du romantisme.—*Faguet*. Études littéraires sur le XIX siècle.—*Hettner*. Die romantische Schule. — *Haym*. Die romantische Schule (есть рус. переводъ).—*А. Шаховъ*. Французская литература въ первые годы XIX в. 1875.—*Его же*. Очерки литературнаго движенія въ первую

образомъ это названіе относится къ исторіи Франціи, гдѣ въ 1814 г. была возстановлена на престолѣ династія Бурбоновъ,—и обозначаетъ собою все время царствованія этой династіи до іюльскаго переворота 1830 г., снова ее низвергшаго, но термину „реставрація“ можно придавать и болѣе общій смыслъ. Бурбоны были возстановлены не на одномъ французскомъ престолѣ. Кромѣ французскихъ Бурбоновъ, были возстановлены на своихъ престолахъ и Бурбоны испанскіе и итальянскіе, а также и разныя другія династіи, лишившіяся владѣній при Наполеонѣ. Эта реставрація легитимныхъ государей началась еще, собственно говоря, въ 1813 г. послѣ лейпцигской битвы, когда подъ охраною союзниковъ возвратились въ свои земли лишенные Наполеономъ владѣній курфюрстъ гессенскій и герцоги брауншвейгскій и ольденбургскій, а въ Ганноверѣ была возстановлена власть англійской династіи. Въ 1814 и 1815 гг. была произведена реставрація Бурбоновъ во Франціи, въ Испаніи и Неаполѣ, Савойскаго дома въ Сардиніи, Браганцской фамиліи въ Португаліи, папы въ Церковной Области и принца Оранскаго въ Голландіи. Возстановлялись при этомъ не только легитимныя династіи, но и цѣлыя государства, которыя или были совсѣмъ уничтожены Наполеономъ, или сильно уменьшены въ своихъ границахъ. Кромѣ того, со старыми династіями возвращались на родину эмигранты, тоже стремившіеся къ возстановленію своихъ правъ и своего прежняго положенія. Наконецъ, почти повсемѣстно реставрація царствующихъ домовъ сопровождалась сильной реакціей противъ всего, что̀ совершилось во время ихъ отсутствія. Она прямо ставила своею задачею реставрацію старыхъ порядковъ, существовавшихъ въ отдѣльныхъ странахъ до начала переворотовъ. Мы еще будемъ имѣть случай на примѣрахъ изъ исторіи разныхъ государствъ познакомиться съ этою стороною реставраціи, сообщающею эпохѣ характеръ крайней реакціи противъ всего, что̀ было сдѣлано во времена французскаго владычества. Въ частности это была реакція абсолютизма

половину XIX в. 1894.—По исторіи политическихъ ученій см. общія сочиненія *Im. Her. Fichte* (Die philosophischen Lehren von Recht, Staat und Sitte), *Bluntschli* (Geschichte des allgemeinen Staatsrechts und der Politik, рус пер. 1874), *Paul Janet* (Histoire de la science politique dans ses rapports avec la morale), *Чичерина* (Исторія политическихъ ученій), *Franck'a* (Reformateurs et publicistes) и др. Уже послѣ перваго изданія настоящаго тома вышли въ свѣтъ: *Henry Michel*. L'idée de l'état. Essai critique sur les théories sociales et politiques en France depuis la révolution. 1896.—*Р. Випперъ*. Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вв. въ связи съ общественнымъ движеніемъ на Западѣ. 1900.—*Th. Ziegler*. Die geistigen und socialen Strömungen des XIX Jahrhunderts (рус. переводъ 1901 г.).—Религіозная реакція этой эпохи освѣщена въ слѣд. трудахъ: *Laurent*. Études sur l'histoire de l'humanité. T. XVI: La réaction religieuse.—*Nielsen*. Aus dem inneren Leben der katholischen Kirche (переводъ съ датскаго, 1880).

противъ обнаружившихся въ ту эпоху стремленій къ политической свободѣ; реакція феодализма противъ соціальныхъ преобразованій, совершившихся со времени революціи; реакція католицизма противъ вообще всего новаго культурнаго движенія, произведеннаго „просвѣщеніемъ“ XVIII в. Въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма отношенія между государственною властью и привилегированными сословіями были иногда довольно-таки натянутыми, и самъ просвѣщенный абсолютизмъ въ общемъ былъ направленіемъ антиаристократическимъ и антиклерикальнымъ; но революція, направившаяся одинаково и противъ абсолютизма, и противъ привилегій, равно какъ имперія Наполеона, наносившая ударъ одинаково и легитимнымъ династіямъ, и привилегированнымъ сословіямъ, сблизили между собою историческихъ представителей государственной власти и прежніе консервативные элементы общества, а этотъ союзъ только и могъ поставить своей задачей реставрацію „стараго порядка“, какимъ онъ былъ, пока его не коснулись просвѣщенный абсолютизмъ, революція и Наполеонъ. Однимъ словомъ, послѣ паденія имперіи началась сильная реакція вообще противъ предыдущаго историческаго движенія, противъ всѣхъ новыхъ началъ мысли и жизни, выставленныхъ какъ философіей XVIII в., такъ и движеніями, которыя шли подъ знаменемъ ея идей. Эта реакція была одновременно и культурною, и соціальною, и политическою, и совершалась она одновременно во всѣхъ странахъ Европы, взятыхъ въ отдѣльности, и въ исторіи международныхъ отношеній эпохи.

Реакція, начавшаяся въ 1814 г., напоминаетъ намъ другую реакцію въ исторіи новаго времени, именно реакцію, возникшую въ серединѣ XVI в. противъ предыдущаго историческаго движенія, которое выразилось въ гуманизмѣ и въ реформаціи. Въ исторіи Западной Европы

за послѣдніе четыре вѣка начало нѣмецкой реформаціи около 1520 г. и начало французской революціи въ 1789 г. являются двумя переворотами съ общеевропейскимъ значеніемъ, притомъ не только находящимися между собою въ извѣстномъ внутреннемъ родствѣ, но и стоящими даже въ генетической связи. Оба эти переворота были вызваны не однѣми мѣстными причинами, но и причинами болѣе общаго характера, и въ обоихъ, равно какъ въ движеніяхъ, ихъ подготовившихъ и ихъ вызвавшихъ, мы видимъ проявленіе одного и того же принципа—культурно-соціальнаго преобразованія на новыхъ началахъ, причемъ XVIII в. во многихъ отношеніяхъ былъ лишь наслѣдникомъ гуманизма и передового протестантизма. И вотъ въ обоихъ случаяхъ со стороны старыхъ основъ духовнаго и общественнаго быта совершается реакція, которая какъ въ серединѣ XVI в., такъ и въ началѣ XIX столѣтія, можно сказать, возводитъ въ свой принципъ возвращеніе исторіи

назадъ, къ отжившимъ свое время формамъ быта, однимъ словомъ, возстановленіе стараго порядка. Наиболѣе крайніе и послѣдовательные реакціонеры начала XIX вѣка отрицали не только все, что произошло послѣ 1789 г., не только, далѣе, „философію XVIII в." съ ея вліяніемъ на государственную жизнь въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма, но и всѣ тѣ явленія, противъ которыхъ вооружалась еще реакція XVI вѣка, т.-е. и реформацію, и гуманизмъ, и выставляли, какъ свой положительный идеалъ, культурный и соціальный бытъ среднихъ вѣковъ.

Однимъ изъ главныхъ органовъ католической реакціи XVI в. и вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ наиболѣе характерныхъ ея продуктовъ былъ, какъ извѣстно, орденъ іезуитовъ. Общій духъ XVIII в. выразился, между прочимъ, въ уничтоженіи этого ордена, сначала изгнаннаго изъ отдѣльныхъ странъ, а потомъ и вообще отмѣненнаго папской буллой; общій духъ реставраціонной эпохи, наоборотъ, выразился въ возстановленіи іезуитскаго ордена папою Піемъ VII въ силу буллы „Sollicitudo omnium", изданной 7 августа 1814 г. Эта реставрація іезуитизма придала извѣстнаго рода оттѣнокъ реакціоннымъ стремленіямъ эпохи. Іезуиты снова явились во всѣхъ католическихъ странахъ, всюду стремясь захватить въ свои руки народное образованіе, вездѣ стараясь раздувать религіозный фанатизмъ. У правительствъ того времени и у привилегированныхъ сословій они находили поддержку, такъ какъ дѣйствовали въ духѣ не только культурной, но и соціально-политической реакціи. Въ это же время со стороны куріи и іезуитовъ былъ снова сдѣланъ натискъ и на протестантизмъ, такъ какъ Римъ оживилъ дѣятельность знаменитой „коллегіи для пропаганды вѣры", для чего папа въ 1821 г. издалъ особую буллу (Provida solersque). Такимъ образомъ въ культурной сферѣ реакція начала XIX в. руководилась принципами католической реставраціи XVI столѣтія, вызванной религіозной реформаціей. Параллельно съ этимъ совершалось попятное движеніе и въ сферѣ соціально-политической въ направленіи къ тому тѣсному союзу абсолютизма съ привилегіями, который характеризуетъ „вѣкъ Людовика XIV", когда окончательно сформировался „ancien régime". Однимъ словомъ, европейская реакція начала XIX в. жила традиціями среднихъ вѣковъ и „стараго порядка" и представляла собою возобновленіе той реакціи, съ которою тѣсно связаны имена Игнатія Лойолы, Филиппа II, Людовика XIV и т. п.

И въ XVI, и въ XIX в. реакція началась не тотчасъ же послѣ того, какъ совершились новыя движенія: отъ выступленія Лютера до появленія на сценѣ Лойолы прошло около двадцати пяти лѣтъ, отъ начала революціи до реставраціи — тоже цѣлая четверть вѣка. Въ обоихъ случаяхъ старыя силы были застигнуты врасплохъ новыми дви-

женіями, и въ обоихъ же случаяхъ старыя силы могли перейти въ наступленіе лишь тогда, когда новыя движенія ослабѣли. Ослабѣли, но не исчезли: подобно тому, какъ, начиная съ середины XVI в., всю культурную и политическую исторію Западной Европы въ теченіе весьма продолжительнаго времени можно сгруппировать около одного основного явленія—борьбы реставрированнаго католицизма съ протестантизмомъ, такъ и въ XIX столѣтіи съ 1815 г. на очень долгое время основнымъ фактомъ внутренней и внѣшней политики сдѣлалась борьба реакціи съ новымъ движеніемъ, которое можно обобщить подъ названіемъ либерализма. Нашею ближайшею задачею въ изложеніи исторіи эпохи реставраціи и будетъ прежде всего дать общія характеристики реакціонныхъ и либеральныхъ стремленій эпохи, показать потомъ, какъ эти стремленія столкнулись на почвѣ международныхъ отношеній, и разсмотрѣть борьбу реакціи и либерализма во внутренней исторіи главнѣйшихъ западно-европейскихъ націй.

Вопросъ о генезисѣ общеевропейской реакціи 1815 г. рѣшался бы очень просто, еслибы все дѣло заключалось лишь въ стремленіяхъ однихъ представителей стараго порядка. Принимая въ расчетъ, что уже попытки просвѣщеннаго абсолютизма реформировать общественный строй вызвали противъ себя консервативную оппозицію, и что, съ другой стороны, правительства оказывали и раньше противодѣйствіе общественной самодѣятельности, мы легко объяснимъ, откуда ведетъ свое начало соціальная и политическая реакція противъ революціи. Мы хорошо также поймемъ, почему произошло сближеніе между представителями „стараго порядка" политическаго и „стараго порядка" соціальнаго, разъ только вспомнимъ, что революція была направлена одинаково противъ обоихъ этихъ порядковъ. Наконецъ, не трудно понять и то, что застигнутыя сначала врасплохъ, старыя силы должны были мало-по-малу придти къ мысли о необходимости внутренней своей реорганизаціи. Но всѣмъ этимъ вопросъ далеко еще не исчерпывается. Дѣло еще въ томъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ реакція реставраціонной эпохи была подготовлена и самою наполеоновской эпохой. Оставляя въ сторонѣ соціальныя слѣдствія революціи, которыя консульствомъ и имперіей были консолидированы внутри Франціи и распространены внѣ ея, наполеоновскій режимъ былъ реакціоннымъ и въ культурномъ, и въ политическомъ смыслахъ, поскольку былъ направленъ противъ духовной и общественной свободы. Въ частности Наполеонъ возстановилъ пришедшую въ упадокъ организацію католицизма и создалъ заново такую административную систему, которая лишь увеличивала правительственную опеку надъ обществомъ, вслѣдствіе чего французская реставрація не захотѣла отказываться ни отъ конкордата, ни отъ префектовъ. Но можно идти

и еще далѣе. Самъ наполеоновскій режимъ сдѣлался возможнымъ, лишь благодаря тому, что уже съ середины 1794 г. въ самомъ французскомъ обществѣ началась сказываться реакція противъ „философіи XVIII в.“, противъ демократическихъ принциповъ 1789 г. и вообще противъ увлеченія свободой. Поэтому клерикально-аристократическая реакція реставраціонной эпохи была лишь третьимъ фазисомъ въ исторіи болѣе общей реакціи, начавшейся главнымъ образомъ въ буржуазіи послѣ 9 термидора и продолжавшейся затѣмъ въ наполеоновскомъ режимѣ. И особенно важно то, что какъ буржуазная, такъ и наполеоновская реакція имѣла происхожденіе въ томъ самомъ обществѣ, которое сдѣлало революцію, тогда какъ реакція реставраціонной эпохи имѣла, наоборотъ, происхожденіе въ тѣхъ общественныхъ элементахъ, противъ которыхъ эта революція была сдѣлана. Понятно, что послѣдняя реакція была непримиримѣе, не шла на компромиссы съ революціей, но именно потому, что таково было ея происхожденіе, ея стремленія намъ яснѣе и самый генезисъ ея не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что̀ представляло бы какую-либо трудность. Сложнѣе вопросъ именно о реакціи, такъ сказать, вышедшей изъ нѣдръ самого движенія.

До сихъ поръ въ исторической наукѣ не существуетъ сколько-нибудь разработанной теоріи „акцій“ и „реакцій“, обозначая этими терминами движенія впередъ и назадъ, т.-е. прогрессивныя и регрессивныя эпохи. Вся исторія складывается изъ дѣйствій и противодѣйствій, и въ каждую отдѣльную эпоху беретъ перевѣсъ то акція, то реакція. Обыкновенно періодамъ движенія впередъ предшествуютъ разложеніе старыхъ отношеній, лишающее эти отношенія неустойчивости, и выработка новыхъ идей, подъ знаменемъ которыхъ потомъ общественныя движенія и совершаются. Всякое такое движеніе и состоитъ именно въ разрушеніи стараго и въ попыткахъ установленія новыхъ отношеній. Что всѣ общественные элементы, заинтересованные въ сохраненіи стараго, оказываютъ консервативную оппозицію, могущую потомъ перейти въ реакцію (какъ оборона переходитъ въ наступленіе), это понятно само собою; но что нерѣдко попятное движеніе возникаетъ и среди общественныхъ элементовъ, принимающихъ ближайшее участіе въ переворотахъ, это требуетъ особаго объясненія. Обыкновенно всѣ движенія, подобныя французской революціи, бываютъ въ самомъ началѣ своемъ сильны не только тѣмъ, что не встрѣчаютъ энергичнаго отпора со стороны разлагающагося стараго порядка, но и тѣмъ, что сосредоточиваютъ на себѣ надежды великаго множества людей самыхъ различныхъ общественныхъ положеній. Въ такое время, однако, рѣдко кто бываетъ въ состояніи предвидѣть, что многія изъ поставленныхъ задачъ не будутъ разрѣшены, многія

цѣли не будутъ достигнуты, многіе идеалы не будутъ осуществлены, и что, наоборотъ, могутъ получиться совсѣмъ неожиданныя слѣдствія, съ той или другой точки зрѣнія даже прямо нежелательныя. Обыкновенно, по мѣрѣ того, какъ движеніе развивается и, съ одной стороны, не оправдываетъ всѣхъ надеждъ, какія на него возлагались, а съ другой — порождаетъ явленія, оказывающіяся нежелательными, прежній энтузіазмъ къ движенію начинаетъ смѣняться разочарованіемъ и опасеніями, а это мало-по-малу отнимаетъ у него его прежнюю силу. Идеи, во имя которыхъ движеніе происходило, подвергаются скептической критикѣ; подмѣчаются слабыя стороны этихъ идей, ускользавшія отъ вниманія до провѣрки ихъ на опытѣ; указываются сдѣланныя ошибки и отыскиваются средства къ ихъ исправленію, причемъ нерѣдко наиболѣе полезнымъ считается возвращеніе назадъ; падаетъ, наконецъ, вѣра въ значеніе личныхъ усилій въ дѣлѣ общественнаго переустройства и т. п. Все это не только ослабляетъ движеніе, но создаетъ очень удобную психологическую почву для реакціи въ нѣдрахъ той самой части общества, которая принимала участіе въ движеніи. Французская революція была встрѣчена съ восторгомъ почти всѣми мыслящими людьми во всѣхъ странахъ, такъ какъ въ ней видѣли начало новой эры, но когда начались грабежи, убійства, казни, когда затѣмъ все склонилось сначала передъ деспотизмомъ революціоннаго правительства, а потомъ передъ деспотизмомъ счастливаго полководца, то людьми, которые привѣтствовали наступленіе новой эры, весьма естественно овладѣло разочарованіе. Идеямъ XVIII в. нанесенъ былъ прямо почти смертельный ударъ примѣненіемъ ихъ на опытѣ, такъ какъ этотъ опытъ оказался неудачнымъ. Съ другой стороны, въ движеніи приняли участіе люди, которые готовы были за нимъ идти до извѣстной только границы. Революція напугала не однихъ представителей „стараго порядка", но и общественные классы, сначала безбоязненно бросившіеся въ движеніе и совсѣмъ при этомъ не воображавшіе, что оно можетъ обратиться и противъ нихъ самихъ. Первый примѣръ сопротивленія власти подали во Франціи сами привилегированные, но они отшатнулись отъ революціи, какъ только она задѣла ихъ привилегіи. То же самое случилось и съ буржуазіей. И она шла впередъ во главѣ общественнаго движенія, пока оно не выдвинуло на первый планъ пролетаріатъ, начавшій сознавать свои особые интересы; тогда и въ буржуазіи возникло попятное движеніе, но ей уже не удалось занять въ послѣднемъ первое мѣсто, къ чему она стремилась, потому что это мѣсто заняла теперь армія со своимъ счастливымъ полководцемъ во главѣ. Буржуазная реакція объясняется какъ разочарованіемъ въ великихъ принципахъ 1789 г., которые не осуществили возлагав-

шихся на нихъ надеждъ, такъ и страхомъ передъ новыми перемѣнами, которыя могли быть произведены уже противъ буржуазіи. Объясняется она еще и сознаніемъ того, что въ ближайшемъ прошломъ сдѣлано было немало ошибокъ, и естественнымъ утомленіемъ послѣ столь сильнаго возбужденія. Разочарованіе коснулось, кромѣ буржуазіи, и городскихъ рабочихъ: они долго поддерживали якобинскій режимъ, обѣщавшій имъ улучшеніе ихъ судьбы, но режимъ этотъ не выполнилъ да и не могъ выполнить такого обѣщанія. Въ самихъ массахъ и городского, и сельскаго населенія не было стремленія къ политической свободѣ. Онѣ поддерживали буржуазію лишь до той поры, пока общими силами разрушали старый общественный строй, а затѣмъ ихъ дороги разошлись, и буржуазія, сама же содѣйствовавшая установленію военной диктатуры, оказалась, конечно, совершенно безсильною передъ новой властью, которая опиралась на широкую демократическую основу всенароднаго избранія. Такимъ образомъ и вѣра въ демократическій принципъ себя не оправдала. Народовластіе не осуществило свободы, оно приводило только или къ анархіи, или къ деспотизму. Вотъ такимъ-то образомъ реакціонныя стремленія и стали зарождаться въ тѣхъ самыхъ общественныхъ кругахъ, гдѣ вѣрили въ философію XVIII в., гдѣ приняты были съ энтузіазмомъ принципы 1789 года и гдѣ революція находила сначала наибольшее количество сознательныхъ сторонниковъ.

Реакціонное настроеніе французскаго общества во второй половинѣ девятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка доказывается многими фактами. Во-первыхъ, о немъ свидѣтельствуютъ сами современники, и одинъ изъ нихъ [1]) даже очень хорошо формулировалъ, откуда взялось это настроеніе, замѣтивъ, что революція пошла далѣе, нежели могъ допустить господствующій классъ, и что, не довольствуясь противодѣйствіемъ увлеченіямъ и крайностямъ, этотъ классъ самъ сталъ пятиться прямо назадъ. Во-вторыхъ, то же самое можно видѣть, обративъ вниманіе на то, какія газеты были въ это время самыми распространенными, популярными и вліятельными, и на то, что̀ печаталось въ этихъ газетахъ. „Journal des Débats“ и „Mercure“ внушали читателямъ недовѣріе къ философіи XVIII в., ставили ей въ вину преступленія революціи, говорили о необходимости религіи въ смыслѣ общественной узды, изображали „старый порядокъ“ въ довольно-таки мягкихъ чертахъ и особенно хвалили книжки, которыя шли въ разрѣзъ со всѣми воззрѣніями предыдущей эпохи. Такимъ образомъ уже въ исходѣ XVIII в. подъ вліяніемъ революціи несомнѣнно зарождалась культурная реакція противъ идей, направлявшихъ

[1]) Бенжаменъ Констанъ въ соч. „Des réactions politiques“ (1797).

наклонностью къ идеалистическому догматизму. Въ послѣднемъ отношеніи нѣмецкая философія въ лицѣ Фихте, Шеллинга и Гегеля уклонилась отъ дороги, открытой для ея развитія „Критикой чистаго разума" Канта. Въ ученіи Фихте уже въ значительной мѣрѣ преобладаютъ богословскіе и моральные элементы, а съ теченіемъ времени его философія все болѣе и болѣе принимаетъ религіозный характеръ. Въ философіи Шеллинга надъ ясною мыслью господствовала фантазія, и философъ даже кончилъ прямо мистикой. Гегель завершилъ собою развитіе этого общаго направленія философіи, и лишь послѣ паденія его системы началось возвращеніе ко многимъ забытымъ началамъ XVIII в. и между прочимъ къ критицизму Канта [1]). Все это весьма характерно для культурной исторіи начала XIX вѣка. Сопоставляя эти факты и многіе другіе, которые можно найти въ любомъ изъ болѣе подробныхъ руководствъ по исторіи философіи, мы не можемъ не признать, что противъ общаго духа XVIII в. совершилась нѣкоторая общая реакція. Критика, скептицизмъ, невѣріе предыдущаго столѣтія уступаютъ мѣсто признанію авторитетовъ, догматизму, вѣрѣ; чувство начинаетъ играть въ философіи особенно важную роль, послѣ того, какъ, повидимому, должно было начаться безконечное господство разума. Это была даже своего рода религіозная реакція противъ исключительно свѣтскаго направленія, характеризующаго „просвѣщеніе" XVIII в. Послѣднее, какъ извѣстно, было возрожденіемъ гуманистическаго движенія XIV—XVI вв. съ его секуляризаціонными стремленіями, но подобно тому, какъ и реформація, и католическая реставрація были тоже реакціей противъ свѣтской культуры гуманизма, такъ и „просвѣщеніе" XVIII в. съ его нерѣдко антирелигіознымъ характеромъ смѣнилось возрожденіемъ религіозности, принимавшей весьма различные образы и виды, начиная съ ретрограднаго изувѣрства католическихъ фанатиковъ и кончая благороднымъ идеализмомъ людей, которые хотѣли сдѣлать изъ религіи основу духовнаго и общественнаго обновленія.

Этому оживленію религіозности въ западно-европейскомъ обществѣ весьма много содѣйствовали и даже прямо его вызывали ужасы французской революціи и потрясенія наполеоновской эпохи. Религіозность народныхъ массъ, конечно, не была затронута вольномысліемъ XVIII в., и если для нихъ были тягостны десятина, сеньерьяльныя права и разныя привилегіи духовенства, этимъ еще совсѣмъ не исключалось культурное вліяніе духовенства на эти массы. Преслѣдованія, которымъ революція подвергла католическую церковь, даже только оживили религіозное чувство народа, чѣмъ духовенство впослѣдствіи, конечно, и воспользовалось для укрѣпленія своего вліянія. Внѣ Фран-

[1]) См. главы XV и XXXIII пятаго тома „Ист. Зап. Евр. въ новое время".

ціи происходило то же самое. Во всѣхъ католическихъ странахъ сельское населеніе смотрѣло на французовъ и на мѣстныхъ революціонеровъ, какъ на враговъ церкви, нерѣдко оказывало имъ противодѣйствіе, такъ что національная оппозиція противъ „безбожныхъ" французовъ принимала, благодаря этому, отчасти и религіозный характеръ. Взрывы католическаго фанатизма, съ которыми приходится встрѣчаться въ эту эпоху, были прямо подготовлены событіями революціи и наполеоновской эпохи, задѣвавшими религіозное чувство массъ. Въ духовенствѣ равнымъ образомъ подъ вліяніемъ тѣхъ же событій оживлялась религіозность. Можно сказать, что гоненія только укрѣпляли вѣру, и что опасность, которой подвергалась церковь, заставляла лишь болѣе ревностно служить ея интересамъ. Съ другой стороны, потеря духовенствомъ прежняго значенія въ обществѣ (въ качествѣ привилегированнаго сословія, обладавшаго громадными матеріальными средствами) естественно приводила многихъ его членовъ къ убѣжденію, что сохранить свое вліяніе на общество оно будетъ въ состояніи лишь путемъ строгаго исполненія предписаній религіи. Въ XVIII столѣтіи многіе принимали духовный санъ лишь потому, что съ церковными должностями были соединены большіе доходы, и общественная жизнь того времени даже создала типъ свѣтскаго аббата, довольно равнодушнаго къ дѣламъ вѣры; но послѣ революціи принятіе духовнаго сана стало уже большею частью дѣломъ убѣжденія, и это придало иной характеръ и всему клиру. До 1789 г. французское духовенство было настроено галликански, но гражданское устройство духовенства въ эпоху революціи, преслѣдованія, которымъ въ это время подвергались священники, и наполеоновскій конкордатъ, дававшій церкви бюрократическую организацію, убили это болѣе свободное настроеніе и замѣнили его ультрамонтанскою привязанностью къ Риму. На образованные классы общества и вообще на свѣтскихъ людей событія конца XVIII и начала XIX в. подѣйствовали въ томъ же направленіи оживленія религіозности. Вольнодумство XVIII в. не охватывало широко всѣхъ общественныхъ круговъ и тамъ, гдѣ, повидимому, господствовало, такъ какъ нерѣдко было скорѣе направленіемъ напускнымъ, дѣломъ моды, чѣмъ дѣломъ серьезнаго убѣжденія. Конецъ XVIII и начало XIX в. даже выставили рядъ писателей, вынесшихъ еще изъ до-революціонной эпохи нетронутыми католическія вѣрованія и чувства. Бывали, конечно, случаи и отступленія отъ вѣрованій, въ которыхъ каждый воспитывался съ дѣтства, но при первомъ же серьезномъ испытаніи у этихъ людей въ большинствѣ случаевъ свободомысліе уступало мѣсто настроенію, привитому религіознымъ воспитаніемъ. Для всего общества, взятаго въ массѣ, событія революціи были именно такого рода испытаніемъ. Революція слишкомъ потрясала умъ и вооб-

Онъ-то и произвелъ наиболѣе сильное впечатлѣніе на французскихъ философовъ начала XIX вѣка.

Настоящая реакція противъ философіи XVIII в. началась во Франціи послѣ революціи и подъ ея прямымъ вліяніемъ. Сенсуализмъ и матеріализмъ, господствовавшіе въ этой философіи во второй половинѣ XVIII в., были теперь отвергнуты и притомъ не за доказанную ихъ ложность, а за испытанную неблагонадежность. При Наполеонѣ въ Парижѣ особенно выдвинулись въ качествѣ философовъ Ройе-Колларъ (1763 — 1845) и Мэнъ-де-Биранъ (1766 — 1824), изъ которыхъ первый игралъ потомъ видную политическую роль при реставраціи [1]). Въ 1811 г. Ройе-Колларъ былъ сдѣланъ профессоромъ философіи въ Сорбоннѣ, гдѣ и выступилъ въ своихъ лекціяхъ главнымъ образомъ противъ сенсуализма Кондильяка. Онъ самъ вращался въ воззрѣніяхъ этой школы, но скептицизмъ и матеріализмъ, вытекавшіе изъ сенсуализма, не соотвѣтствовали тому настроенію, которое господствовало въ душѣ Ройе-Коллара, воспитаннаго въ строгой религіозности и въ уваженіи къ установленному порядку. Случайно ему попалось одно сочиненіе Рида, и оно сразу получило для него значеніе настоящаго откровенія, такъ какъ ученіе о самоочевидныхъ истинахъ давало теоретическое обоснованіе его вѣрѣ и любви къ порядку. Задачею своего преподаванія онъ поставилъ „подрѣзать сомнѣніе въ корнѣ, найти нѣчто выше сомнѣнія, дисциплинировать умъ и дать основу для морали, а черезъ нее для спокойствія и порядка". Наполеонъ остался очень доволенъ вступительной лекціей Ройе-Коллара, потому что, какъ сказалъ онъ Талейрану, его обрадовало „возникновеніе новой философіи, очень серьезной и выгодной въ томъ отношеніи, что она можетъ освободить Францію отъ идеологовъ, убивши ихъ на мѣстѣ своимъ разсужденіемъ". Наполеонъ, очевидно, думалъ, что новая философія будетъ служить опорою для его деспотизма, но на самомъ дѣлѣ она, какъ мы увидимъ, сдѣлалась своего рода моральною опорою умѣреннаго либерализма слѣдующей эпохи. Мэнъ-де-Биранъ равнымъ образомъ началъ философствовать подъ вліяніемъ Кондильяка, но тоже перешелъ къ спиритуализму и идеализму, обратившись, по собственному его выраженію, къ „внутреннему свѣту", къ духу истины (esprit de vérité), свѣтящему въ глубинахъ души". Характерная черта этого новаго направленія обоихъ названныхъ философовъ заключалась въ потребности подчинить мышленіе морали и разумъ—чувству. Съ особою силою проявилось такое стремленіе въ системѣ главнаго французскаго философа эпохи реставраціи, Виктора Кузена (1792—1867), который,

---

[1]) О Ройе-Колларѣ соч. *Philippe* и *Barante*, о Мэнъ-де-Биранѣ соч. *Naville* и *Gérard*.

объявивъ скептицизмъ ученіемъ безнравственнымъ, въ психологіи интересовался лишь разумомъ и свободой въ ихъ отношеніи къ морали, въ эстетикѣ выдвигалъ на первый планъ выраженіе моральной красоты, а въ идеяхъ Бога и безсмертія души видѣлъ лишь опору и санкцію нравственности [1]). Будучи въ сущности прямымъ ученикомъ Ройе-Коллара и Мэнъ-де-Бирана, Кузенъ основалъ такъ называемую эклектическую школу, стремившуюся соединить то, что казалось истиннымъ въ разныхъ системахъ, и въ чисто культурномъ отношеніи особенно характернымъ было въ ней то, что подконецъ философія получила у Кузена и всѣхъ его послѣдователей значеніе скорѣе борьбы съ вредными ученіями, нежели исканія истины, и что ими прямо поэтому проповѣдовалась необходимость болѣе тѣснаго союза философіи съ религіей. Эта реакція противъ сенсуализма, скептицизма и матеріализма XVIII в., выразившаяся въ ученіи трехъ названныхъ философовъ, характеризуетъ всю французскую философію до середины XIX в., когда и противъ нея началась оппозиція.

Рядомъ съ указанной реакціей, которую можно назвать—по окончательной ея формулировкѣ—эклектико-спиритуалистической, во Франціи развилось и другое реакціонное теченіе, исходнымъ пунктомъ котораго было уже прямо теологическое подчиненіе разума церковному авторитету. Главными представителями этого направленія были Бональдъ, Жозефъ-де-Местръ и Ламеннэ, о которыхъ подробнѣе будетъ идти рѣчь въ другой связи. Если философскую реакцію Ройе-Коллара, Мэнъ-де-Бирана и Кузена можно объяснить изъ тѣхъ же причинъ, которыя создали реакціонное теченіе въ буржуазіи, отнюдь не ставившее своею задачею реставрацію давно оставленныхъ учрежденій, то теологическая школа боролась противъ духа XVIII в. на почвѣ именно средневѣковыхъ традицій, совершенно такъ же, какъ дѣлала это и соціальная реакція возвратившихся во Францію эмигрантовъ. Для Бональда откровеніе явилось единственнымъ принципомъ всякаго познанія, а Жозефъ-де-Местръ былъ настоящимъ родоначальникомъ французскаго ультрамонтанства XIX в. Ламеннэ, только впослѣдствіи сильно повернувшій влѣво, также началъ свою дѣятельность съ того, что отвергъ человѣческій разумъ, направивъ противъ него всѣ доводы скептицизма, но лишь ради обоснованія достовѣрности высшихъ истинъ католицизма на новомъ критеріи—всеобщемъ согласіи (consentement universel).

XVIII вѣкъ стремился въ своей философіи къ реализму и критикѣ, философія первой половины XIX столѣтія, наоборотъ, отличается

[1]) О Кузенѣ и его философіи см. соч. *Fuchs'a*, *Aulard'a*, *Alaux*, *Paul Janet*, *Secretan'a*, *Mignet*, *Jules Simon* (1891) и др.

раженіе, слишкомъ сильно дѣйствовала на чувство, заставляя содрогаться сердца при видѣ столькихъ бѣдствій, ужасовъ и пораженій, чтобы все это не могло не отразиться на судьбѣ моднаго и потому болѣе или менѣе поверхностнаго вольнодумства. Уже въ концѣ XVIII в. можно отмѣтить факты возвращенія къ религіи людей, которые еще незадолго передъ тѣмъ готовы были хвастаться своимъ невѣріемъ. Если событія эпохи такимъ образомъ вызывали людей, никогда не терявшихъ своей вѣры на проповѣдь необходимости обращенія къ религіи, столь долго находившейся въ пренебреженіи, то и для успѣха этой проповѣди эти событія создавали самую удобную почву въ общественномъ настроеніи эпохи. Конечно, это обращеніе къ религіи могло имѣть въ своей основѣ разные мотивы, но результатъ былъ одинъ и тотъ же, вызывалось ли это обращеніе внутреннею потребностью душъ, до глубины потрясенныхъ страшными событіями эпохи, или же соображеніями политическаго свойства, въ силу которыхъ религія была нужна, какъ лучшая опора общественнаго порядка. Несомнѣнно, что въ оживленіи религіозности, характеризующемъ эпоху, дѣйствовало и то, и другое, т.-е. и душевное настроеніе, порожденное зрѣлищемъ совершившихся событій, и сознаніе того, что религія представляетъ изъ себя великую консервативную силу, необходимую для поддержанія общественнаго порядка. Наполеоновскій конкордатъ былъ, наприм., порожденіемъ именно этого послѣдняго соображенія, но для насъ теперь важнѣе какъ-разъ другая сторона въ этомъ оживленіи религіозности. Революція и наполеоновскія войны потрясли не одни только внѣшніе порядки прежнихъ политическихъ и соціальныхъ отношеній; не менѣе сильно потрясли онѣ еще и души людей, вывели ихъ изъ прежняго равновѣсія, подорвали въ нихъ идеи, имѣвшія раньше надъ ними силу, наполнили ихъ новыми чувствами. Конечно, легче представить внѣшнія перемѣны, произведенныя событіями эпохи, нежели тѣ измѣненія въ мысляхъ, вѣрованіяхъ, чувствахъ и настроеніяхъ, которыя были результатомъ непосредственнаго вліянія, какое самое зрѣлище этихъ событій произвело на людей даже не особенно впечатлительныхъ. Во всякомъ обществѣ и во всякую эпоху существуетъ извѣстная духовная атмосфера, складывающаяся изъ великаго множества проявленій господствующаго въ обществѣ настроенія, проявленій, иногда довольно трудно уловимыхъ въ ихъ отдѣльности, но зато представляющихъ въ своей совокупности нѣчто совсѣмъ уже опредѣленное. Эта атмосфера охватываетъ отдѣльныхъ людей и цѣлыя общественныя группы и кладетъ на нихъ свой особый отпечатокъ, а кто наиболѣе соотвѣтствуетъ данному общественному настроенію и испытываетъ на себѣ ранѣе или сильнѣе другихъ вліяніе создающейся этимъ настроеніемъ духовной атмосферы, тотъ и пользуется въ дан-

ную минуту наибольшимъ успѣхомъ. Писатели, произведенія которыхъ въ то или другое время наиболѣе популярны, вліятельны и авторитетны въ широкихъ кругахъ общества, являются въ этомъ отношеніи превосходными показателями преобладающаго настроенія въ обществѣ. Уже особенный успѣхъ одного какого-нибудь литературнаго произведенія можетъ служить признакомъ времени, но еще болѣе имѣетъ для историка значеніе такого признака времени цѣлое литературное направленіе, разъ оно въ данную эпоху является господствующимъ и задаетъ тонъ духовной жизни общества. Съ этой точки зрѣнія намъ слѣдуетъ бросить общій взглядъ на нѣкоторыя наиболѣе характерныя явленія литературной исторіи начала XIX вѣка.

Въ апрѣлѣ 1802 г. во Франціи произошло весьма важное литературное событіе, совпавшее по времени, — на чтò тогда же было обращено вниманіе,—съ торжественнымъ празднованіемъ заключенія конкордата. Этимъ событіемъ былъ выходъ въ свѣтъ книги Шатобріана [1]) подъ заглавіемъ „Духъ христіанства". Ея авторъ, которому тогда было около 35 лѣтъ, происходилъ изъ старой дворянской фамиліи и получилъ образованіе въ Бретани, откуда былъ родомъ. Уже въ дѣтствѣ обнаруживалъ онъ особенно религіозное настроеніе. Когда, напр., въ 1780 г. онъ приступилъ къ первому причащенію, то отнесся къ этому событію въ своей жизни съ такимъ благоговѣніемъ, что его мать уже видѣла въ немъ будущаго священника. Шатобріанъ не сдѣлался, однако, духовнымъ. Впослѣдствіи и его коснулся духъ времени, а когда началась революція, то онъ даже отнесся къ ней съ сочувствіемъ. „Благородныя чувства, признавался потомъ онъ самъ, лежавшія въ основѣ нашихъ первыхъ смутъ, подходили къ независимости моего характера, а естественное отвращеніе, какое я чувствовалъ къ двору, содѣйствовало этой моей склонности. Революція меня увлекла бы, если бы она не сопровождалась преступленіями: когда я въ первый разъ увидѣлъ, какъ несли голову на пикѣ, я отступилъ назадъ". Находясь въ 1789 г. въ Парижѣ, Шатобріанъ видѣлъ взятіе Бастиліи и переѣздъ Людовика XVI изъ Версаля послѣ событій 5—6 октября; эти-то событія и отвратили его отъ революціи. Но онъ вовсе не хотѣлъ при этомъ защищать и старый порядокъ и скоро уѣхалъ въ Америку, передъ которой многіе французы той эпохи благоговѣли, какъ предъ страною истинной свободы. Шатобріанъ самъ въ это время былъ большимъ поклонникомъ свободы и, напр., долгое время считалъ себя счастливымъ, что ему удалось видѣть Вашингтона. Изъ Новаго

[1]) О немъ см. *Villemain*. M. de Chateaubriand, sa vie, ses écrits, son influence littéraire et politique sur son temps. *Sainte-Beuve*. Chateaubriand et son groupe littéraire sous l'empire.—*Marcellus*. Chateaubriand et son temps.—*De Lescure*. Chateaubriand (въ серіи „Les grands écrivains français") и др.

Свѣта его вызвали извѣстія о событіяхъ, происшедшихъ на родинѣ лѣтомъ 1791 г., но онъ возвратился во Францію лишь для того, чтобы эмигрировать, хотя онъ и не раздѣлялъ фанатизма настоящихъ представителей стараго порядка. Въ 1797 г., живя въ Лондонѣ, онъ издалъ первое свое литературное произведеніе подъ заглавіемъ: „Историческій, политическій и моральный опытъ о древнихъ и новыхъ революціяхъ въ ихъ отношеніяхъ къ французской революціи нашихъ дней“. Впослѣдствіи эту книгу, въ которой Шатобріанъ пытался осмыслить событія, совершившіяся во Франціи, обвиняли въ нѣкоторой нечестивости, да и дѣйствительно въ это время онъ еще находился подъ вліяніемъ скептическаго духа XVIII в. и не успѣлъ разрѣшить свои сомнѣнія возвращеніемъ къ христіанству. Правда, онъ обвинялъ философовъ за то, что они низвергаютъ религію родной страны, отнимая у народа благочестіе и не замѣняя его никакою новою опорою нравственности, и прямо приглашалъ ихъ бросить такое направленіе, находя его весьма жестокимъ, но самый мотивъ такого его отношенія къ религіи не былъ достаточно религіознымъ. „Не отнимайте, восклицалъ онъ, послѣдней надежды у несчастнаго, ибо развѣ велика бѣда, что все это—иллюзія, разъ такая иллюзія облегчаетъ ему тяжелое бремя его существованія?“ Конечно, это далеко не правовѣрная точка зрѣнія на религію. Но Шатобріанъ скоро возвратился къ настоящей вѣрѣ, поколебленной въ немъ на время вольномысленнымъ вліяніемъ XVIII в. Въ 1798 г. умерла его мать, которая была очень огорчена направленіемъ своего сына, и эта смерть произвела на него сильное впечатлѣніе. Получивъ извѣстіе о томъ, что старуха передъ смертью очень желала, чтобы Шатобріанъ отказался отъ своихъ заблужденій, онъ, по собственнымъ его словамъ, „заплакалъ и сталъ вѣрить“ (j'ai pleuré et j'ai cru). Это была натура поэтическая, сентиментальная, мечтательная, и всѣ его прежнія сомнѣнія какъ бы сразу разрѣшились въ пользу безусловной истинности той религіи, въ которой онъ былъ воспитанъ. Такъ и совершилось одно изъ тѣхъ „обращеній“, примѣрами которыхъ эпоха была богата. Уже въ 1798 г. Шатобріанъ задумалъ написать книгу „О поэтическихъ и моральныхъ красотахъ христіанской религіи и ея превосходствѣ надъ всѣми культами земли“, изъ которой и возникъ „Духъ христіанства“.

Послѣдствія переворота 18 брюмера открыли почти настежь двери Франціи для эмигрантовъ, и въ числѣ первыхъ возвратившихся въ 1800 г. на родину былъ Шатобріанъ. Въ Парижѣ онъ тотчасъ же сблизился съ представителями консервативнаго направленія въ литературѣ и періодической печати и сталъ пописывать въ модномъ въ то время „Меркуріи“. Своимъ романомъ „Атала, или любовь двухъ дикарей въ пустынѣ“, написаннымъ для прославленія христіанства и

изданнымъ въ 1801 г., онъ обратилъ на себя вниманіе общества, которое съ нетерпѣніемъ стало ожидать появленія возвѣщенной друзьями Шатобріана книги о красотахъ христіанства. Успѣхъ только-что названнаго романа, объясняющійся именно новымъ настроеніемъ общества, которое стало отворачиваться отъ разсудочной литературы XVIII в. и начало искать чего-нибудь такого, что̀ прежде всего говорило бы фантазіи, чувству, потребности вѣрить,—былъ прямо поразительный. Въ теченіе одного года вышло пять изданій этого романа; его переводили на иностранные языки; ему начали подражать; о немъ писались восторженныя статьи въ газетахъ, и даже издавались отдѣльныя брошюры въ самомъ панегирическомъ тонѣ (хотя появлялись и памфлеты въ родѣ „Новыхъ святыхъ“ революціоннаго поэта и бывшаго члена конвента Мари-Жозефа Шенье, осмѣявшаго, кромѣ Шатобріана, и другихъ представителей возрождавшагося католицизма, между прочимъ и знаменитаго Лагарпа, который незадолго передъ тѣмъ перешелъ въ католицизмъ). Шатобріанъ въ самое короткое время, благодаря этому, сдѣлался положительно самымъ моднымъ писателемъ, и публика съ тѣмъ бо̀льшимъ нетерпѣніемъ ждала выхода въ свѣтъ его новой книги, что о ней говорили, какъ о сочиненіи, направленномъ главнымъ образомъ противъ вольнодумства XVIII вѣка. Въ одинъ и тотъ же день, 18 апрѣля 1802 г., на который приходилась тогда Пасха, въ соборѣ Парижской Богоматери было совершено торжественное богослуженіе по случаю заключенія конкордата и появилась въ „Меркуріи“ статья одного изъ друзей Шатобріана о выходѣ въ свѣтъ давно ожидавшейся книги, поступившей въ продажу нѣсколькими днями раньше: „Духъ христіанства или красоты христіанской религіи“. Совпаденіе не было случайнымъ, на что̀ указывалось и въ статьѣ „Меркурія“, да и предисловіе самого Шатобріана самымъ яснымъ образомъ свидѣтельствовало о томъ, что авторъ радовался возстановленію католицизма и благоговѣлъ передъ человѣкомъ, совершившимъ это великое дѣло. И самое время выхода книги въ свѣтъ было выбрано удачно для того, чтобы произвести сенсацію, и литературные друзья Шатобріана (между ними Бональдъ, о которомъ рѣчь будетъ идти впереди) съ духовенствомъ, среди котораго авторъ „Духа христіанства“ нашелъ многочисленныхъ приверженцевъ, всячески хлопотали о томъ, чтобы создать книгѣ небывалый еще успѣхъ. Первый консулъ тоже сталъ оказывать свое покровительство Шатобріану, и авторъ посвятилъ второе изданіе книги уже прямо самому Наполеону. (Лишь послѣ казни герцога Ангьенскаго Шатобріанъ сталъ къ Наполеону въ оппозиціонное отношеніе).

На первой страницѣ каждаго изъ пяти томовъ „Духъ христіанства“ Шатобріанъ помѣстилъ въ видѣ эпиграфа слѣдующія слова Монтескье: „Удивительная вещь! христіанская религія, которая, по-

видимому, имѣетъ своимъ предметомъ блаженство въ загробной жизни, кромѣ того, и здѣсь на землѣ доставляетъ намъ благополучіе". Главная мысль Шатобріана—та, что христіанство (съ которымъ онъ отождествляетъ католицизмъ) изъ всѣхъ религій самая лучшая для цивилизаціи, и что главное ея достоинство заключается въ ея красотѣ: это — религія самая поэтическая, самая художественная, наиболѣе благопріятствующая генію, хорошему вкусу, литературѣ и искусствамъ, давая удивительные образцы поэтамъ и художникамъ; религія самая человѣчная, развивающая въ людяхъ нравственныя влеченія и содѣйствующая ихъ свободѣ; религія, которой цивилизація обязана всѣми своими пріобрѣтеніями, начиная отъ земледѣлія и кончая науками. Самъ Шатобріанъ говоритъ, что въ его намѣренія отнюдь не входило писать на эту тему сухое богословское разсужденіе, потому что его, пожалуй, и читать не стали бы, и дѣйствительно, въ „Духѣ христіанства" онъ далъ читателямъ все, чѣмъ только можетъ писатель дѣйствовать на чувство и воображеніе. Онъ взглянулъ на христіанство съ эстетической точки зрѣнія и эстетическими же средствами стремился достигнуть своей цѣли—передать читателю свое поэтическое отношеніе къ религіи и свое религіозное настроеніе, которое у него безпрестанно мѣняется, дѣлаясь то спокойнымъ и созерцательнымъ, то грустнымъ и мечтательнымъ, то важнымъ и восторженнымъ. Красивыя фразы, удачные обороты рѣчи, искусно подобранныя сочетанія словъ или умѣло выбранные эпитеты замѣняютъ въ этой книгѣ логическую аргументацію. Въ „Духѣ христіанства" нашло выраженіе (и нужно прибавить, что во Франціи это было чуть не первое выраженіе) новое настроеніе, столь отличное отъ настроенія XVIII вѣка съ его классическимъ стилемъ" и получившее такую громкую извѣстность подъ названіемъ романтизма. Между прочимъ, Шатобріанъ идеализируетъ здѣсь при всякомъ удобномъ случаѣ добрыя старыя времена, когда безраздѣльно господствовалъ католицизмъ, идеализируетъ монашество и монастырскую жизнь, рыцарство и патріархальныя отношенія феодализма, — однимъ словомъ, восхваляетъ тѣ средніе вѣка, которые для людей XVIII в. были, наоборотъ, временами „готическаго" варварства. Для него особенно было важно то, что католицизмъ служитъ живою связью между поколѣніями и поддерживаетъ въ жизни общества традиціи, идущія изъ самыхъ отдаленныхъ временъ, и тѣмъ самымъ связываетъ всѣ поколѣнія и времена въ одно нераздѣльное цѣлое. Настаивая на уваженіи къ преданіямъ, „Духъ христіанства" ясно стремился сдѣлаться своего рода противоядіемъ противъ разрушительной философіи XVIII в., разрывавшей со всѣми преданіями. Контръ-революціонный характеръ книги, конечно, не укрылся отъ понимающихъ читателей, и многіе въ этомъ именно и видѣли все ея

значеніе, сами стремясь положить въ основу общественнаго порядка религію, для которой Шатобріанъ создавалъ почву въ сентиментально-эстетическомъ настроеніи общества, только-что пережившаго революцію. Шатобріанъ не ограничился однимъ „Духомъ христіанства“ для доказательства своей мысли объ эстетическомъ превосходствѣ христіанства надъ другими религіями, и въ 1809 г. издалъ еще сдѣлавшуюся также знаменитой поэму „Мученики“, въ которой изобразилъ поэтически борьбу христіанства и язычества въ III и IV вѣкахъ.

Появленіе „Духа христіанства“ Шатобріана имѣло важное значеніе не только въ общекультурномъ отношеніи, но и въ отношеніи чисто литературномъ. На рубежѣ XVIII и XIX в. во Франціи подготовлялось новое направленіе въ области поэзіи, формулировавшее свои эстетическія идеи нѣсколько позже: оно получило названіе романтизма. XVIII вѣкъ въ области поэзіи былъ вѣкомъ „классицизма“, и въ литературномъ отношеніи не только революція, но и наполеоновское время жили еще классическими традиціями, хотя уже въ самомъ началѣ консульства успѣхъ Шатобріана свидѣтельствовалъ о томъ, что литературные вкусы начинали измѣняться. Романтизмъ, приходившій на смѣну классицизму, не былъ, однако, явленіемъ мѣстнымъ, исключительно французскимъ. Напротивъ того, это новое направленіе подчинило себѣ всѣ національныя литературы эпохи, и какъ-разъ не Франція шла впереди этого движенія. Настоящею родиною новаго направленія была Германія, вліяніе которой стало сказываться и въ другихъ странахъ; но сколько бы въ исторіи распространенія рамантизма ни дѣйствовали примѣръ и подражаніе, возникновеніе однородныхъ стремленій въ разныхъ литературахъ эпохи было результатомъ дѣйствія общихъ причинъ и потому можетъ быть разсматриваемо, какъ одно изъ проявленій общей реакціи, совершавшейся въ духовной жизни противъ „философскаго вѣка“ съ его раціоналистическимъ „просвѣщеніемъ“. Здѣсь было бы неумѣстно опредѣлять романтизмъ съ чисто литературной точки зрѣнія, какъ новое поэтическое направленіе, ставшее въ рѣзкую противоположность къ классицизму и стремившееся замѣнить его естетическій кодексъ своимъ собственнымъ, потому что съ такой точки зрѣнія противоположность обоихъ направленій можетъ быть выяснена лишь въ сочиненіяхъ по исторіи литературы, гдѣ только и умѣстна полная характеристика романтизма какъ со стороны его формы, такъ и со стороны содержанія. Мы ограничимся указаніемъ на то, что разсудочной отвлеченности содержанія и логической правильности построенія, ясности мысли и прозрачности выраженія классиковъ романтики противопоставили необузданность фантазіи, полный произволъ поэта, силу чувства, переходящую въ страстность, и метафорическую фразеологію. Особенно важно для насъ, однако, то, что

въ культурномъ и соціально-политическомъ отношеніяхъ романтизмъ скоро сдѣлался однимъ изъ проявленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ изъ органовъ реакціи (хотя, какъ мы увидимъ, и небезусловно). Начиная съ гуманизма, получившаго характеръ классическаго возрожденія, западно-европейскія литературы стали мало-по-малу порывать свои связи съ старыми національными традиціями феодально-католической эпохи, съ ея рыцарствомъ и мистицизмомъ, съ ея романами приключеній и благочестивыми легендами. Произошелъ процессъ вымиранія этихъ традицій, и въ „вѣкъ Людовика XIV", сначала во Франціи, а потомъ и на всемъ Западѣ, восторжествовалъ классицизмъ, который и держался затѣмъ въ теченіе всего XVIII столѣтія. Никогда презрѣніе къ „готическому" варварству (подъ это названіе подводилось все средневѣковое) не было такъ всеобще и такъ сильно, какъ въ вѣкъ „просвѣщенія". И въ поэзіи, и въ философіи, и въ наукѣ, и въ исторіографіи писатели XVIII в. были учениками и послѣдователями древнихъ, совершенно почти игнорируя и средневѣковую литературу, и средневѣковую жизнь. Одинъ изъ существенныхъ признаковъ романтизма, взятаго не только съ спеціально-литературной точки зрѣнія, но и какъ явленіе общественное, заключался, наоборотъ, въ особомъ интересѣ, съ какимъ представители этого направленія стали относиться къ средневѣковой старинѣ. Самый романтизмъ былъ своего рода реставраціей средневѣковой поэзіи, откуда и названіе новаго направленія, какъ возвращенія къ старымъ литературнымъ традиціямъ, но и въ болѣе широкомъ смыслѣ онъ былъ явленіемъ, родственнымъ многимъ другимъ сторонамъ совершавшейся въ ту эпоху реакціи. Несмотря на свой общеевропейскій характеръ, онъ былъ, можно сказать, національно-исторической реакціей противъ космополитическо-раціоналистическаго направленія XVIII вѣка. Романтики вдохновлялись роднымъ прошлымъ, противопоставляя его тѣмъ космополитическимъ и отвлеченнымъ началамъ, которыя проповѣдовала литература „философскаго вѣка". Романтизмъ съ его средневѣковыми симпатіями, равно какъ и націонализмъ, начавшій питаться традиціями родной старины, и историческій интересъ къ „готическому" прошлому, о которыхъ еще будетъ идти рѣчь, выросли, такъ сказать, на общей почвѣ реакціи противъ космополитическаго классицизма и антиисторическаго раціонализма, характеризующихъ XVIII в. въ области литературы и философіи. Кромѣ того, романтическія, историческія и националистическія симпатіи къ среднимъ вѣкамъ находились въ тѣсномъ родствѣ и съ реакціонными политическими теоріями эпохи, рекомендовавшими возвращеніе къ формамъ средневѣкового католико-феодальнаго быта. Философія XVIII в. и французская революція были высшимъ моментомъ въ исторіи того процесса, который постепенно

разрушалъ культурныя и соціальныя формы среднихъ вѣковъ, и потому реакція противъ „просвѣщенія“ и революціи стала именно подъ знамя средневѣковыхъ принциповъ. Нельзя, однако, безусловно утверждать, чтобы романтизмъ и историческій интересъ къ національному прошлому служили только цѣлямъ клерикально-аристократической реакціи. Такое явленіе наблюдается преимущественно въ Германіи, тогда какъ во Франціи, какъ мы это еще увидимъ въ своемъ мѣстѣ, и романтическая поэзія, и историческій интересъ къ среднимъ вѣкамъ (вмѣстѣ съ эклектическимъ спиритуализмомъ, стали служить либеральнымъ стремленіямъ эпохи.

Романтизмъ, взятый съ чисто литературной своей стороны, имѣлъ свой особый характеръ въ каждой странѣ въ отдѣльности. То же самое можно сказать и о его культурномъ и политическомъ значеніи, бывшемъ неодинаковымъ въ отдѣльныхъ странахъ. Нигдѣ вообще основныя черты романтизма не проявились съ такою рѣзкостью и рельефностью, какъ въ Германіи; благодаря этому, составилось даже мнѣніе, будто отсюда-то онъ и былъ заимствованъ въ другія страны. Несомнѣнно, что въ Германіи романтизмъ развился раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, что здѣсь еще въ концѣ XVIII в. онъ формулировалъ свои теоретическія положенія и что на самомъ дѣлѣ отсюда онъ до нѣкоторой степени повліялъ въ началѣ XIX в. на французскую литературу, но столь же несомнѣнно и то, что уже въ сентиментальномъ направленіи Руссо зарождалось въ самой же Франціи направленіе, родственное романтизму, и что общественное настроеніе, благопріятствовавшее во Франціи романтизму, было результатомъ дѣйствія внутреннихъ причинъ, которыя и безъ вліянія изъ Германіи должны были породить явленія, аналогичныя нѣмецкому романтизму. Собственно говоря, французамъ долгое время оставались совершенно неизвѣстными даже наиболѣе важныя явленія духовной жизни Германіи, пока съ ними не познакомила своихъ соотечественниковъ г-жа Сталь [1]) въ своей знаменитой книгѣ „О Германіи“, появившейся въ свѣтъ только въ 1813 г. въ Англіи, такъ какъ первое ея изданіе было истреблено наполеоновской полиціей. Г-жа Сталь поставила своею задачею показать французамъ, что̀ представляла изъ себя современная Германія въ духовномъ отношеніи, т.-е. нѣмецкая литература, философія и религія. Въ культурномъ и политическомъ отношеніи сама г-жа Сталь развилась подъ вліяніемъ французскихъ идей XVIII в., но на нее очень сильное печатлѣніе произвели стремленія нѣмецкихъ романтиковъ, метафизиковъ и богослововъ и тотъ энтузіазмъ, которымъ эти стремленія были

[1]) *Sainte-Beuve.* Portraits littéraires.—*Lady Blennerhasset.* Frau von Staël. 1888–89 (франц. перев. *Dietrich'a*: M-me Staël et son temps. 1890).—*Dejob.* M-me de Staël et l'Italie. 1890. — *A. Sorel.* M-me de Staël. 1890. — *С. Вайнштейнъ.* Г-жа де Сталь.

проникнуты. Ея книга „О Германіи“ оказала немалое вліяніе на однородныя стремленія во Франціи, сдѣлавшись первымъ значительнымъ проводникомъ нѣмецкаго вліянія во французскую литературу. Г-жа Сталь первая популяризировала самое названіе романтизма во французскомъ обществѣ, давъ новому направленію такое опредѣленіе: „я смотрю на классическую поэзію, какъ на поэзію древнихъ, и на романтическую, какъ на такую, которая нѣкоторымъ образомъ связана съ преданіями рыцарства. Это раздѣленіе совпадаетъ съ двумя великими эпохами міра, относясь ко временамъ до и послѣ установленія христіанства“. Книга г-жи Сталь, какъ и все вообще, что̀ выходило изъ-подъ ея пера, пользовалась успѣхомъ въ обществѣ, а между тѣмъ ея сочувствіе было, несомнѣнно, на сторонѣ культурныхъ теченій, враждебныхъ философіи XVIII в. и родственныхъ направленію Шатобріана. Настоящимъ образомъ французскій романтизмъ расцвѣлъ, впрочемъ, только въ двадцатыхъ годахъ, когда получилъ своего вождя, поэта и теоретика въ лицѣ Виктора Гюго.

Въ Германіи то, что̀ можно вообще назвать романтическимъ направленіемъ, не только охватило собою область поэзіи, но и проникло въ философію и въ теоретическую политику. Настоящимъ философомъ романтизма былъ Шеллингъ [1]). Его ученіе, какъ извѣстно, принимало въ разное время разные образы и виды, но особенно важно, что въ шеллингизмѣ наиболѣе видную роль въ концѣ концовъ стала играть чистая фантазія. Въ противоположность идеѣ историческаго прогресса, выдвинутой просвѣщеніемъ XVIII в., Шеллингъ сталъ утверждать, что человѣчество когда-то прежде стояло на болѣе высокой ступени, что тогда оно было вполнѣ совершеннымъ, теперь же находится въ упадкѣ. Шеллинга влекло къ изученію первобытнаго міра и миѳологіи, къ которымъ онъ относился, однако, фантастически, съ полной вѣрой въ глубокій смыслъ и истинность миѳологическихъ сказаній [2]). Въ качествѣ поэтовъ, критиковъ, философовъ и публицистовъ романтизма прославились еще братья Шлегели, Августъ (1767 – 1845) и Фридрихъ (1772—1829), изъ которыхъ послѣдній перешелъ (въ 1803 г.) въ католицизмъ—одно изъ наиболѣе знаменитыхъ „обращеній“ эпохи. Здѣсь не мѣсто характеризовать всю дѣятельность обоихъ братьевъ, въ которой было немало важнаго и въ литературномъ, и въ научномъ отношеніяхъ; отмѣтимъ только тѣ черты этой дѣятельности, которыя свидѣтельствуютъ о ихъ реакціонности. Подобно тому, какъ Шеллингъ искалъ высшей мудрости въ первобытномъ мірѣ, братья Шлегели

---

[1]) *L. Noack.* Schelling und die Philosophie der Romantik. 1859.

[2]) Напр., въ этомъ смыслѣ написано его сочиненіе (1815 г.) „О божествахъ Самоѳракіи“. Другимъ философомъ романтизма былъ богословъ Шлейермахеръ, который основывалъ религію не на сознаніи, а на смутномъ личномъ чувствѣ.

обратились къ Востоку, къ Индіи, языкъ которой и „мудрость" сдѣлались особенно любимымъ предметомъ ихъ изученія. Августъ Шлегель еще въ 1802 г. заявлялъ, что, по его мнѣнію, Европа слишкомъ низко пала, чтобы быть способной къ религіи, и что серьезная духовная революція можетъ начаться лишь въ Азіи, гдѣ еще существуетъ настоящій энтузіазмъ. Въ 1808 г. Фридрихъ Шлегель издалъ книгу „Ueber die Sprache und Weisheit der Indier", проникнутую аналогичнымъ взглядомъ. „На Востокѣ, говоритъ онъ здѣсь, мы должны искать самаго высокаго романтизма въ смыслѣ наиболѣе глубокой и всепроникающей фантазіи, и черпая непосредственно изъ первоначальныхъ источниковъ, мы найдемъ слишкомъ бѣднымъ тотъ южный зной, который такъ насъ поражаетъ въ испанской поэзіи". Фридрихъ Шлегель прославляетъ индійскую литературу и философію и доходитъ до настоящаго восторга, изображая индійскихъ аскетовъ; онъ ставитъ ихъ даже въ образецъ для подражанія христіанамъ. Старшій братъ, черезъ котораго, между прочимъ, г-жа Сталь знакомилась съ нѣмецкой литературой, самъ признавался, что къ католицизму его влекло „художественное предрасположеніе" (la prédilection d'artiste); протестантизмъ, дѣйствительно, былъ слишкомъ сухъ и блѣденъ для людей, прежде всего стремившихся къ фантастическому и искавшихъ его, наприм., въ древней Индіи. У Фридриха Шлегеля это стремленіе соединялось вдобавокъ съ самыми реакціонными политическими взглядами. Въ 1828 г. онъ читалъ въ Вѣнѣ свои знаменитыя лекціи по философіи исторіи, изданныя въ двухъ томахъ въ слѣдующемъ году, послѣднемъ году его жизни. Вся исторія новаго времени представлялась Фридриху Шлегелю не чѣмъ инымъ, какъ уклоненіемъ отъ истиннаго пути, съ котораго Европа сошла, благодаря гуманизму и протестантизму. Его идеалъ—средніе вѣка, когда во главѣ общества стояли папа и императоръ, и народы объединялись еще моральными узами рыцарства. Не даромъ былъ онъ также большимъ поклонникомъ Австріи за ея католическій и феодальный консерватизмъ. Сожалѣніе объ утраченномъ блаженствѣ средневѣковой эпохи, когда католицизмъ являлся верховнымъ принципомъ жизни, господствовавшимъ и въ философіи, и въ литературѣ, и въ государствѣ,—черта довольно распространенная среди нѣмецкихъ романтиковъ; благодаря такому настроенію, и стали происходить случаи переходовъ изъ протестантизма въ католицизмъ [1]). Слѣдуетъ указать, наконецъ, что одною изъ отличительныхъ чертъ нѣмецкаго романтизма, особенно въ эпоху реставраціи, сдѣлалась про-

---

[1]) Однимъ изъ первыхъ панегиристовъ средневѣковаго католицизма, какъ великой исторической силы, которую сокрушили протестантизмъ и философія XVIII в., былъ романтическій поэтъ Гарденбергъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Новалиса (1772—1801). Эту мысль онъ выразилъ еще въ „Отрывкѣ о христіанствѣ" (1801).

повѣдь своего рода квіетизма, общественнаго индифферентизма, исключительнаго погруженія въ личную жизнь, да и то по общему характеру движенія —въ жизнь однимъ чувствомъ, одной фантазіей, однимъ созерцаніемъ. Литература какъ бы отворачивалась отъ дѣйствительности, признавая въ ней лишь одну пошлость, а если и пыталась воздѣйствовать на жизнь, то развѣ только въ смыслѣ возвращенія ея къ временамъ господства чувства и фантазіи.

Въ романтизмѣ необходимо видѣть еще и своего рода національную реакцію противъ космополитическаго классицизма. Особенно въ Германіи литературный классицизмъ былъ совершенно чужимъ, извнѣ заимствованнымъ направленіемъ, и реакція противъ него началась здѣсь уже въ XVIII столѣтіи. Событія начала XIX вѣка только усилили въ Германіи національную оппозицію противъ космополитизма предыдущаго столѣтія. Мы видѣли, наприм., какъ подѣйствовало зрѣлище того униженія, въ которомъ находилось нѣмецкое отечество вслѣдствіе французскаго владычества, на Фихте, еще не задолго до пораженія Пруссіи бывшаго „гражданиномъ вселенной", подъ вліяніемъ же событій 1806—1807 г. превратившагося въ пламеннаго нѣмецкаго патріота. И вообще намъ уже пришлось указывать на то, что французская революція и наполеоновское владычество содѣйствовали пробужденію національнаго чувства въ отдѣльныхъ странахъ Европы: мы освѣтимъ теперь это же самое явленіе съ другой стороны.

Философія XVIII в. была, какъ извѣстно, философіей космополитической. Она интересовалась человѣчествомъ, какъ бы игнорируя, однако, что человѣчество складывается изъ національностей, и что каждая изъ нихъ имѣетъ вѣдь и свою индивидуальность, свою физіономію, свой характеръ, свое прошлое. „Просвѣщеніе" XVIII в. въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ видѣло только „человѣка и гражданина" съ извѣстными прирожденными ему „естественными правами", забывая, что каждый такой „человѣкъ и гражданинъ" является, кромѣ того, и членомъ той или другой національности, изъ которой природа и исторія сдѣлали нѣчто непохожее на другія національности. Далѣе, и французская революція провозгласила свои принципы совершенно отвлеченнымъ образомъ, что̀ и сказалось на ея космополитическомъ характерѣ. Недаромъ въ это время появились на сцену „ораторы человѣческаго рода", въ родѣ Клоотца, и родилась мысль о переворотѣ, который долженъ былъ охватить весь міръ. Когда, однако, началось примѣненіе къ жизни идей этой космополитической революціи, дѣйствительность оказалась далеко несоотвѣтствовавшей отвлеченнымъ теоріямъ XVIII в. „Человѣчество" оказалось вовсе не столь единымъ, какимъ представляли его себѣ просвѣтители XVIII в. И все-

свѣтная революція, и всемірная монархія Наполеона начали встрѣчать отпоръ со стороны отдѣльныхъ національностей, какъ только послѣднія знакомились на практикѣ съ попытками приведенія всего къ одному знаменателю, и тогда противъ универсальныхъ просвѣтительныхъ началъ мало-по-малу стали выдвигаться національныя традиціи, которыя потомъ весьма скоро, однако, сдѣлались лишь своего рода подспорьемъ для внутренней клерикально-феодальной реакціи. Вѣра въ то, что у человѣка, какъ таковаго, есть естественныя права, и что всѣ народы должны жить между собою въ братскомъ союзѣ, составляетъ, конечно, весьма сильную сторону философіи XVIII в., и если только этой вѣрѣ принадлежитъ историческое будущее, національзмъ XIX в., противопоставившій общечеловѣческимъ принципамъ начала національной особности и международной вражды, былъ однимъ изъ наиболѣе печальныхъ порожденій реакціи противъ благородныхъ чаяній XVIII в. Но у космополитизма XVIII в. была и слабая сторона: онъ игнорировалъ національность, какъ одинъ изъ крупнѣйшихъ фактовъ въ исторіи человѣчества, а потому не могъ правильно и понимать ее и, видя въ личности лишь „человѣка и гражданина" вообще, не былъ въ состояніи выработать уваженіе къ національному принципу, поскольку въ немъ выражается коллективная душа народа и поскольку вслѣдствіе этого національный принципъ долженъ быть дорогъ личности, чувствующей себя не только гражданиномъ и человѣкомъ, но и членомъ извѣстной народности. Вся предыдущая исторія попирала законныя права національностей. Въ этомъ отношеніи и династическая политика завоеваній и раздѣловъ, и просвѣщенный абсолютизмъ, и французская революція, и имперія Наполеона, и вѣнскій конгрессъ одинаково отрицали права національностей, хотя, съ другой стороны, если въ XIX в. права эти стали защищаться съ принципіальной точки зрѣнія, то послѣдняя была лишь примѣненіемъ къ коллективной личности народа той идеи, которую философія XVIII в. провозгласила для личности индивидуальной. Но и это сдѣлалось возможнымъ лишь тогда, когда мысль признала существованіе національности, какъ факта, имѣющаго свои основы въ природѣ и исторіи. Отвлеченное человѣчество XVIII в. оказалось въ дѣйствительности несуществующимъ, и тѣмъ самымъ обнаружился, благодаря столкновенію съ дѣйствительностью, важный пробѣлъ во взглядахъ предыдущаго столѣтія на человѣка, на общество, на государство, на исторію, именно игнорированіе національности. Однимъ изъ самыхъ раннихъ литературныхъ произведеній, выставившихъ на первый планъ интересъ къ національнымъ особенностямъ, была уже извѣстная намъ книга г-жи Сталь „О Германіи", авторъ которой старается дать характеристику нѣмецкаго народнаго духа, указываетъ на то, чѣмъ отличается онъ отъ національ-

нальнаго генія французовъ, и объясняетъ существующія между ними различія изъ мѣстныхъ и историческихъ причинъ. Книга г-жи Сталь писалась какъ-разъ во время наибольшаго національнаго возбужденія нѣмецкой націи", проявившагося и въ знаменитыхъ „Рѣчахъ къ нѣмецкой націи" Фихте, о которыхъ намъ уже приходилось упоминать раньше. Этотъ интересъ къ національному вопросу, впервые обнаружившійся въ началѣ XIX в., имѣлъ, однако, двоякое значеніе: съ одной стороны, въ этомъ интересѣ подготовлялось болѣе вѣрное пониманіе исторической жизни человѣчества и лучше обосновывался принципъ права народовъ на національную самобытность и свободу; но съ другой, къ сожалѣнію, національный принципъ сталъ соединяться очень часто съ реакціей противъ всего, что было общечеловѣческаго и прогрессивнаго въ идеяхъ XVIII в. Эта-то вторая сторона въ эпоху реставраціи и получила въ жизни общества неизмѣримо болѣе важное значеніе, чѣмъ первая.

Одновременно съ національнымъ началомъ противъ отвлеченнаго космополитизма XVIII в. выдвинулось и начало историческое и притомъ какъ въ практической жизни, такъ и въ теоретическомъ сознаніи. Просвѣщенный абсолютизмъ во второй половинѣ XVIII в., французская революція въ концѣ его и имперія Наполеона въ началѣ слѣдующаго столѣтія одинаково исходили изъ отрицанія историческихъ правъ во имя правъ естественныхъ, во имя права личности и во имя права государства, хотя послѣднее было въ большинствѣ случаевъ лишь правомъ сильнаго. Привилегіи католической церкви и феодальнаго дворянства, которымъ наносились удары со стороны просвѣщеннаго абсолютизма, революціи и Наполеона, покоились на правѣ историческомъ, и на этомъ же самомъ правѣ покоился королевскій абсолютизмъ. Противъ привилегій XVIII вѣкъ выставилъ идею естественнаго равенства людей и идею абсолютной власти государства надъ всѣми элементами общества, а противъ неограниченности королевской власти—естественное право націи на верховенство въ государствѣ. Основная тенденція реставраціи заключалась, наоборотъ, въ непризнаваніи того, что шло подъ знаменемъ естественнаго права, и притомъ какъ-разъ во имя тѣхъ же самыхъ историческихъ правъ, на которыхъ покоились соціальныя привилегіи и политическій абсолютизмъ; въ этомъ-то и заключалась вся суть легитимизма, какъ принципа реставраціи. Параллельно съ этимъ поворотомъ въ области фактовъ совершался поворотъ и въ области идей. Раціонализмъ XVIII в. былъ направленіемъ, по самому существу своему глубоко анти-историческимъ. Отрицая авторитетъ вѣры во имя правъ разума, онъ въ то же время утверждалъ исключительное господство разума на счетъ правъ опыта и наблюденія въ дѣлѣ реальнаго знанія. Въ своей

политической философіи XVIII вѣкъ исходилъ изъ абстрактныхъ понятій и строилъ свои системы общества и государства путемъ дедукціи, обращаясь къ исторіи лишь за примѣрами для иллюстраціи положеній, полученныхъ безъ какого бы то ни было участія фактическихъ данныхъ историческаго опыта или логическихъ выводовъ изъ историческихъ наблюденій. Догматическимъ построеніямъ XVIII в. недоставало прежде всего научности, заключающейся въ осторожномъ и критическомъ установленіи, изслѣдованіи и комбинированіи фактовъ, такъ какъ философскій вѣкъ полагался только на одну „идеологію“ или „метаполитику“, на одну силу отвлеченной мысли, безъ того эмпирическаго основанія, которое дается опытомъ и наблюденіемъ, т.-е. фактическимъ матеріаломъ исторіи. XIX вѣкъ въ этомъ отношеніи далеко ушелъ впередъ, поставивъ соціальныя науки на твердое основаніе исторіи, и это обращеніе къ исторіи характеризуетъ уже самое начало XIX столѣтія, какъ время наиболѣе сильной реакціи противъ идей XVIII в. Мы соберемъ здѣсь нѣсколько однородныхъ и одновременныхъ фактовъ, въ самомъ дѣлѣ указывающихъ на то, что въ разсматриваемую эпоху раціоналистическое рѣшеніе политическихъ вопросовъ, столь обычное въ предыдущемъ столѣтіи, утратило кредитъ и что на первый планъ стало выдвигаться историческое изученіе. Но и въ этомъ обращеніи къ исторіи, какъ и въ постановкѣ національнаго вопроса, — нужно сказать объ этомъ напередъ, — были двѣ стороны съ весьма различнымъ значеніемъ для дальнѣйшаго развитія общественной мысли и самой жизни. Съ одной стороны, создавалось новое научное движеніе, которому предстояло получить важное прогрессивное значеніе въ исторіи культуры и политики XIX в., но съ другой, историческое направленіе, подобно философскому идеализму и романтической литературѣ, служило цѣлямъ реакціонной реставраціи, проповѣдуя чрезмѣрное уваженіе къ историческимъ традиціямъ. Впрочемъ, послѣднее относится преимущественно къ Германіи, потому что во Франціи блестящая историческая литература двадцатыхъ годовъ была проникнута, наоборотъ, какъ мы увидимъ, идеями тогдашняго либерализма. Въ дальнѣйшемъ мы остановимся главнымъ образомъ пока лишь на реакціонныхъ тенденціяхъ историческаго изученія.

Въ тѣхъ явленіяхъ, о которыхъ будетъ теперь идти рѣчь, необходимо различать, съ одной стороны, пробужденіе интереса къ средневѣковому прошлому западно-европейскихъ народовъ, а съ другой—внесеніе исторической точки зрѣнія въ пониманіе человѣческой жизни и общественныхъ отношеній. Обращеніе историковъ къ изученію среднихъ вѣковъ, бывшихъ для просвѣтителей XVIII столѣтія, какъ извѣстно, временами „готическаго варварства“, совершенно не-

достойными вниманія, стоитъ въ самой тѣсной и непосредственной связи съ романтизмомъ. Романтики въ самомъ дѣлѣ, можно сказать, были первыми историками средневѣковой старины. Въ этомъ отношеніи во Франціи важное значеніе имѣли „Мученики" Шатобріана. Извѣстно, что эта поэма произвела очень сильное впечатлѣніе на бывшаго въ то время еще школьникомъ Огюстена Тьерри, будущаго историка среднихъ вѣковъ во Франціи, и что подъ ея вліяніемъ находился и другой историкъ, Гизо, вмѣстѣ съ Тьерри пролившій совершенно новый свѣтъ на средніе вѣка. Правда, обоихъ ихъ впослѣдствіи заинтересовали въ средневѣковой исторіи борьба за свободу и развитіе представительныхъ учрежденій, но у другихъ писателей, занимавшихся средними вѣками, выступали на первый планъ интересы и стремленія скорѣе клерикально-аристократической реакціи. И историческая точка зрѣнія, выдвинувшаяся въ литературѣ первыхъ десятилѣтій XIX в., равнымъ образомъ была навѣяна общимъ поворотомъ, происходившимъ въ умственной жизни общества, хотя и она не принимала непремѣнно реакціоннаго характера. Однимъ изъ первыхъ авторовъ, ставшихъ на эту точку зрѣнія, была представительница либерализма, г-жа Сталь, весьма рано подмѣтившая нарожденіе новаго отношенія литературы къ вопросамъ жизни и даже выразившая опасеніе, какъ бы это новое отношеніе не впало въ односторонность. Именно въ 1800 г. вышло въ свѣтъ ея сочиненіе „О литературѣ въ ея отношеніяхъ къ общественнымъ учрежденіямъ", въ которомъ она поставила себѣ задачу—прослѣдить взаимодѣйствіе между литературой, съ одной стороны, и религіей, нравами и законодательствомъ, съ другой стороны, намѣтивъ этимъ для всего XIX в. историческое изученіе литературныхъ произведеній, которыя раньше разсматривались исключительно съ какой-либо чисто теоретической точки зрѣнія. Тѣмъ же историческимъ смысломъ проникнута и книга г-жи Сталь „О Германіи", въ которой она старается объяснить особенности нѣмецкаго національнаго духа. Г-жа Сталь вполнѣ ясно и отчетливо при этомъ понимала, въ чемъ состоялъ начинавшійся поворотъ къ исторической точкѣ зрѣнія: „XVIII вѣкъ, говоритъ она между прочимъ, провозглашалъ свои принципы слишкомъ безусловно, а XIX столѣтіе, можетъ случиться, будетъ слишкомъ покорно объяснять факты. XVIII вѣкъ вѣрилъ въ абсолютную природу вещей, XIX будетъ вѣрить въ одни обстоятельства. Одинъ хотѣлъ предписывать будущему, другой ограничится изученіемъ человѣчества". Общій характеръ воззрѣній г-жи Сталь, вѣрившей въ историческій прогрессъ, конечно, не могъ мириться съ слишкомъ большою покорностью передъ фактами, но то, что въ этомъ смыслѣ она говорила лишь какъ о возможности, противоположной смѣлому взгляду XVIII в.,

въ дѣйствительности и произошло въ нѣмецкой исторической школѣ. Мы не касаемся здѣсь великаго научнаго значенія трудовъ этой школы [1]), и только отмѣчаемъ общій ея консервативный духъ въ политикѣ. Воззрѣнія ея родоначальниковъ (Нибура и Савиньи) сложились подъ вліяніемъ неудачи, какая постигла революціонную попытку перестроить все общество по началамъ разума. Изучая исторію, право и народный бытъ, они обратили вниманіе на устойчивость традиціонныхъ культурныхъ и соціальныхъ отношеній и потому считали совершенно безсмысленнымъ дѣлать попытки измѣненія исконныхъ формъ народнаго быта, проповѣдуя, напротивъ, уваженіе къ національнымъ преданіямъ и къ существующимъ порядкамъ, упорный консерватизмъ и недовѣріе къ новизнѣ. Преклоненіе передъ фактомъ и пренебреженіе къ идеѣ сдѣлались такимъ образомъ самыми характерными чертами нѣмецкой исторической школы, и именно съ такой точки зрѣнія она смотрѣла на главнѣйшіе вопросы нѣмецкой дѣйствительности въ эпоху реставраціи. Мы еще увидимъ въ главѣ объ эпохѣ реставраціи въ Германіи, какіе аргументы выдвигала тамъ историческая школа противъ реформъ, которыхъ требовали болѣе либеральные элементы общества, но вся суть этихъ аргументовъ сводилась къ одному: разъ историческое прошлое народа не выработало того, чего требуютъ въ данную минуту во имя той или другой идеи, значитъ, и надобности въ этомъ нѣтъ никакой. Такая точка зрѣнія была весьма благопріятна для тогдашнихъ реакціонеровъ, и они, дѣйствительно, ссылались на историческое начало всякій разъ, когда дѣло шло о возстановленіи старины и объ устраненіи всего того, что напоминало революцію.

Въ этой общей реакціи противъ раціонализма XVIII в. зародилась одна изъ важнѣйшихъ идей XIX в., идея органическаго развитія языка, права, государства, столь противоположная идеѣ XVIII в. о сознательномъ и произвольномъ созданіи ихъ человѣкомъ [2]). Разсматривать, какъ это произошло, мы здѣсь не будемъ, такъ какъ удобнѣе это будетъ сдѣлать въ связи съ исторіей научныхъ идей XIX вѣка, пока же достаточно указать лишь на то, что новое воззрѣніе на исторію, по которому въ ея процессѣ люди ничего или почти ничего не значатъ, а все или почти все зависитъ отъ обстоятельствъ, было отчасти результатомъ общаго разочарованія въ творческихъ силахъ личности, характеризующаго настроеніе послѣ революціи. Революція должна была казаться дерзкимъ возстаніемъ лжемудрствующаго человѣка противъ вѣковыхъ порядковъ, созданныхъ Богомъ и органи-

[1]) *Новгородцевъ.* Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба. 1896.

[2]) См. въ моихъ книгахъ „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи“ и „Введеніе въ изученіе соціологіи“.

ческимъ процессомъ исторіи, и ученіе о томъ, что человѣкъ произвольно можетъ здѣсь что-либо измѣнять, было объявлено революціоннымъ. Съ особеннымъ усердіемъ антиреволюціонная литература набросилась на ученіе о договорномъ происхожденіи государства, ставившее учрежденія въ зависимость отъ людского произвола. XIX вѣкъ вообще отвергъ эту теорію, столь популярную въ предыдущемъ столѣтіи, и не нужно забывать, что первые удары этому ученію были нанесены писателями реакціонной школы, которые и первыми высказали мысль о возникновеніи государства путемъ чисто органическаго развитія. Но писатели реакціонной школы имѣли въ виду не столько замѣну ложной теоріи болѣе вѣрною, сколько противопоставленіе доктринѣ, ведущей къ революціи, такой доктрины, которая поддерживала бы установленный порядокъ. Мы и остановимся теперь на главныхъ представителяхъ реакціонной политической литературы начала XIX столѣтія, въ свое время бывшихъ весьма вліятельными, къ голосу которыхъ прислушивались всѣ сторонники возстановленія старины.

Этихъ политическихъ оракуловъ реакціи было два француза и два нѣмца: Бональдъ [1]), Жозефъ де-Местръ [2]), Людвигъ Галлеръ и Адамъ Мюллеръ, и всѣ они уже до начала реставраціи формулировали въ своихъ сочиненіяхъ главные ея принципы.

Бональдъ (1754—1840) былъ аристократическаго происхожденія, учился у монаховъ, служилъ въ военной службѣ и, вышедши въ отставку, жилъ провинціальнымъ дворяниномъ въ своемъ родномъ углу. Въ эпоху революціи онъ эмигрировалъ и поселился въ Гейдельбергѣ. Въ 1796 г. онъ издалъ свое сочиненіе „Теорія политической и религіозной власти въ гражданскомъ обществѣ, основанная на умозрѣніи и исторіи", но директорія не пропустила его во Францію. Послѣ 18 брюмера Бональдъ послалъ экземпляръ этой книги первому консулу, который и вычеркнулъ его имя изъ списка эмигрантовъ. Въ первые годы XIX в. Бональдъ игралъ весьма видную роль среди писателей, подвизавшихся на поприщѣ полемики съ идеями XVIII в. Въ это время вырабатывался во Франціи гражданскій кодексъ; однимъ изъ жгучихъ вопросовъ, обсуждавшихся въ печати, былъ вопросъ о разводѣ, допущенномъ революціоннымъ законодательствомъ, и Бональдъ выступилъ съ цѣлой книгой по этому вопросу, самымъ рѣшительнымъ образомъ высказавшись противъ развода, вносящаго, по его мнѣнію, разложеніе не только въ семью, но и въ государство. Сочиненіе имѣло

---

[1]) О немъ есть книга его сына „De la vie et des écrits du vicomte de Bonald".

[2]) *Sainte-Beuve*. Causeries de lundis.—*Его же*. Portraits littéraires.—*Paulhan*. Joseph de Maistre et sa philosophie. 1893.—*Descostes* J. de M. avant la révolution. 1898 и др.

успѣхъ въ обществѣ, но кодексъ удержалъ разводъ, и только въ 1816 г. Бональду, уже въ качествѣ члена палаты депутатовъ при реставраціи, удалось провести отмѣну закона о разводѣ. Въ 1802 г. Бональдъ издалъ третье свое сочиненіе подъ заглавіемъ „Первобытное законодательство", доставившее ему уже очень большую извѣстность. Въ это время онъ находился въ дружбѣ съ Шатобріаномъ и раздѣлялъ съ нимъ вліяніе на общество, искавшее душевнаго успокоенія послѣ бурь революціи. Позднѣе къ Бональду обращались даже съ весьма почетными предложеніями—быть воспитателемъ сына короля голландскаго Людовика, потомъ сына самого Наполеона; но оба раза онъ отклонялъ сдѣланныя ему предложенія, какъ несогласныя съ его политическими убѣжденіями. Въ эпоху реставраціи Бональдъ выступилъ однимъ изъ наиболѣе ревностныхъ поборниковъ абсолютизма, клерикализма и эмигрантскихъ притязаній. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ онъ стоялъ на совершенно средневѣковой точкѣ зрѣнія. Человѣкъ для него прежде всего сосудъ страстей и похотей и потому требуетъ постояннаго обузданія; отсюда Бональдъ и выводитъ необходимость религіозныхъ и свѣтскихъ авторитетовъ. Чѣмъ эти авторитеты сильнѣе, тѣмъ лучше, а потому нужно противиться всему, что̀ ихъ ослабляетъ. Личная свобода — великое зло, и ее нужно всячески ограничивать. Бональдъ поэтому обращается къ правительствамъ, приглашая ихъ для укрѣпленія людей „стѣснять сердца ихъ, дѣйствовать наперекоръ ихъ влеченіямъ". Религіозный и свѣтскій авторитеты воплощаются у Бональда въ духовенствѣ и въ дворянствѣ, призванныхъ служить церкви и государству. По его мнѣнію, всѣ бѣды пошли отъ того, что клиръ и армія стали демократизироваться, и вообще началъ разлагаться средневѣковой строй жизни. Бональдъ былъ прямымъ сторонникомъ сословнаго устройства общества, корпоративнаго быта, установленныхъ разъ навсегда общественныхъ положеній и порядковъ, строгихъ рамокъ, въ которыя должна быть поставлена вся личная жизнь и дѣятельность. Новыя времена онъ предаетъ проклятію и лучшимъ подтвержденіемъ правильности своихъ разсужденій считаетъ французскую революцію. Политическая теорія Бональда сдѣлалась особенно популярной среди эмигрантовъ реставраціи, когда самъ онъ съ возвращеніемъ легитимной монархіи вздохнулъ полною грудью, хотя его все-таки сильно смущала конституціонная хартія 1814 г., казавшаяся ему вредною уступкою духу времени.

Жозефъ де-Местръ (1754 — 1821) былъ сверстникъ Бональда. Потомокъ древней графской фамиліи въ Савойѣ, воспитанный въ строгомъ благочестіи, онъ въ 1792 г. покинулъ родину, не желая подчиниться французскому революціонному правительству, присоединившему въ этомъ году Савойю къ Франціи. Въ 1800 г. онъ полу-

чилъ придворную должность отъ сардинскаго короля и вскорѣ послѣ того уѣхалъ сардинскимъ посланникомъ въ Петербургъ, гдѣ и оставался до 1817 г. Какъ и Бональда, его заставила взяться за перо революція. Живя съ 1792 г. въ Швейцаріи, онъ въ 1796 г. издалъ „Размышленія о французской революціи", въ которыхъ это событіе разсматривается, какъ наказаніе Божіе за грѣхи и особенно за вольнодумство XVIII в. Для де-Местра она даже чудесное божеское попущеніе; и эту мысль онъ доказываетъ тѣмъ, что въ своемъ бурномъ шествіи революція увлекаетъ всѣхъ людей, которые думаютъ ей сопротивляться. Въ этомъ же сочиненіи де-Местръ высказалъ еще ту идею, что конституція не можетъ быть механическимъ продуктомъ, приложимымъ къ любой націи, такъ какъ должна быть лишь результатомъ органическаго развитія. „Конституція 1795 г., говоритъ онъ еще, какъ и ея предшественницы, создана для человѣка, но въ мірѣ нѣтъ „человѣковъ". Въ своей жизни я видѣлъ французовъ, итальянцевъ, русскихъ и т. п. Благодаря Монтескье, я даже знаю, что бываютъ персіяне, но что касается до человѣка, то, право, я никогда въ своей жизни его не встрѣчалъ". Самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ де-Местра была его книга „О папѣ", изданная въ 1819 году. Это— цѣлая теорія папской власти; но авторъ становится здѣсь не столько на богословскую, сколько на политическую точку зрѣнія, доказывая необходимость непогрѣшимаго и неограниченнаго въ своей власти папства для того, чтобы было кому поддерживать въ Европѣ миръ и спокойствіе внутри отдѣльныхъ государствъ и въ международныхъ отношеніяхъ, разрѣшать безапелляціонно всѣ споры и раздоры, противорѣчія и недоразумѣнія, возникающія между ними, охранять права монарховъ отъ народныхъ революцій, а права народовъ—отъ деспотизма правительствъ и т. п. Де-Местръ признается при этомъ, что если бы самъ онъ былъ даже атеистомъ, то пользуйся онъ только властью, онъ непремѣнно издалъ бы основной законъ государства, предписывающій считать папскую власть непогрѣшимой. Конечно, какъ и другіе реакціонеры, онъ ссылался на средніе вѣка, когда папство господствовало надъ міромъ. Впрочемъ, самъ де-Местръ плохо вѣрилъ въ свою собственную теорію. Напр., его крайній легитимизмъ въ 1804 г. не могъ примириться съ фактомъ путешествія папы Пія въ Парижъ на коронацію Наполеона, и онъ называлъ за это папу „жалкимъ первосвященникомъ", которому остается только унизиться до „ничтожнаго полишинеля". Подобно Бональду, и Жозефъ де-Местръ смотритъ на человѣка, какъ на сосудъ страстей и похотей, какъ на существо, грѣховное по самой своей природѣ, а потому долженствующее подвергаться постоянно наказанію. По его словамъ, Богъ вѣчно караетъ человѣка и для этого особымъ актомъ своей воли создалъ въ чело-

вѣческомъ обществѣ палача. Такую именно теорію развилъ де-Местръ въ своихъ знаменитыхъ „Петербургскихъ вечерахъ", имѣвшихъ весьма значительный успѣхъ, между прочимъ, благодаря своей привлекательной формѣ.

Людвигъ Галлеръ и Адамъ Мюллеръ проповѣдовали подобныя же идеи въ Германіи. Первый изъ нихъ (1768—1854) принадлежалъ по происхожденію къ одной изъ патриціанскихъ фамилій Берна, но революція заставила его покинуть родину, и онъ сдѣлался самымъ отъявленнымъ врагомъ всего, что̀ только хотя немного напоминало революцію. Онъ былъ изъ числа тѣхъ „обратившихся" протестантовъ, которые, подобно Фридриху Шлегелю, перешли въ католицизмъ. Въ 1808 г. Галлеръ издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Handbuch der allgemeinen Staatenkunde", за которымъ въ 1816 г. послѣдовалъ первый томъ „Возстановленія государствовѣдѣнія" (Restauration der Staatswissenschaft), оконченнаго въ шести томахъ лишь въ 1834 г. и имѣвшаго въ свое время выдающійся успѣхъ. Въ обоихъ этихъ сочиненіяхъ Галлеръ вооружается, какъ и представители французской реакціонной школы, противъ ученія объ общественномъ договорѣ, какъ ученія революціоннаго. Напр., онъ критикуетъ теорію естественнаго состоянія, предшествовавшаго возникновенію гражданскаго общества, доказывая, что уже семья, существующая не въ силу договора, представляетъ изъ себя общество. Искусственному созданію людей, какимъ представляется общество раціонализму XVIII в., Галлеръ противополагалъ установленный самимъ Богомъ естественный законъ, въ силу котораго власть принадлежитъ сильнѣйшему, слабѣйшій же долженъ повиноваться. Это не значитъ, оговаривается Галлеръ, чтобы сильнѣйшему было все позволено, потому что есть и надъ нимъ стоящая воля Божія, которая запрещаетъ злоупотребленіе властью. Поэтому, однако, единственною сдержкою власти онъ признаетъ религію, такъ какъ всѣ другія гарантіи ему кажутся недостаточными: установленіе народнаго контроля надъ властью есть въ сущности установленіе новой власти, надъ которою должно бы установить еще контроль и т. д. безъ конца. Галлеръ смотрѣлъ, далѣе, на пользованіе государственною властью, какъ на право, принадлежащее государямъ въ видѣ собственности, полученной ими по милости Божіей. Видѣть въ этомъ пользованіи отправленіе общественной должности значитъ, по его мнѣнію, или допускать деспотизмъ, оправдывающій всѣ дѣйствія правителей, какъ представителей общаго блага, или признавать революцію, исходящую изъ того принципа, что верховная власть принадлежитъ народу, который только вручаетъ ее государю. Галлеръ рядомъ съ властью признаетъ и самостоятельныя права подданныхъ, которыя, находясь подъ охраною религіи, должны быть уважаемы государями, но это не суть „есте-

ственныя права" философіи XVIII в., а права историческія, т.-е. права сословій, корпорацій, фамилій и т. п. Онъ былъ вообще большимъ поклонникомъ средневѣковыхъ формъ общества и государства, находя, что соціальныя и политическія отношенія новаго времени являются плодомъ искусственнаго, а потому и революціоннаго происхожденія. Идеалъ Галлера—исторически, т.-е. вполнѣ естественно сложившееся патримоніальное (вотчинное) княжество, основанное на независимомъ землевладѣніи. Политическая теорія Галлера—одна изъ наиболѣе замѣчательныхъ идеализацій выросшей на феодальной почвѣ сословной монархіи, потому что, признавая права и за подданными, онъ не приписывалъ своему государю неограниченной власти, а требовалъ еще участія государственныхъ и земскихъ чиновъ. И тутъ Галлеръ стоялъ за старыя сословныя формы и высказывался противъ искусственныхъ конституцій новаго происхожденія. Онъ былъ даже сторонникомъ уже совершенно въ ту эпоху исчезнувшихъ духовныхъ княжествъ, что̀ особенно, конечно, гармонировало съ его католическимъ міросозерцаніемъ.

Въ общемъ на такой же точкѣ зрѣнія стоялъ и Адамъ Мюллеръ, для котораго, какъ и для Галлера, важно было создать политическое ученіе, противоположное идеямъ XVIII в. Въ своихъ лекціяхъ, читанныхъ въ 1808 — 1809 гг. и изданныхъ подъ заглавіемъ „Элементовъ государственнаго искусства", и онъ противополагалъ идеямъ предыдущаго столѣтія, какъ революціоннымъ, естественный порядокъ, созданный самимъ Богомъ, утверждая, что въ основѣ общественнаго бытія должна лежать религія, и указывая на средневѣковой католико-феодальный строй, какъ на лучшее воплощеніе этого порядка. Государство Мюллера есть тоже государство сословное: въ обособленныхъ сословіяхъ воплощаются отдѣльныя жизненныя начала политическаго существованія народовъ, а объединеніемъ противоположностей этихъ началъ служитъ живое лицо монарха. Съ теченіемъ времени Мюллеръ все болѣе и болѣе склонялся къ тому, чтобы въ основу политической науки класть главнымъ образомъ чисто богословскія воззрѣнія, и мысль о необходимости этого онъ особенно обстоятельно развилъ въ своемъ сочиненіи „О необходимости теологическаго основанія для совокупности политическихъ наукъ". Это второе сочиненіе Мюллера вышло въ свѣтъ въ 1819 г. Не забудемъ, что уваженіе къ средневѣковымъ учрежденіямъ было исходнымъ пунктомъ и политической философіи Штейна, хотя выводы его были иные, чѣмъ у представителей реакціонной школы.

XIV. Общая характеристика либерализма въ эпоху реставраціи [1]).

Взглядъ на прогрессъ у реакціонеровъ и у либераловъ.—Индивидуализмъ въ обоихъ направленіяхъ.—Либерализмъ и представительныя учрежденія.—Вліяніе общей реакціи противъ XVIII в. на характеръ либерализма.—Буржуазный оттѣнокъ либерализма этой эпохи.—Связь либерализма съ идеалистической философіей.—Историческія занятія въ либеральномъ направленіи.—Взаимныя отношенія либерализма и романтизма.—Проникновеніе либеральнаго духа въ реакціонный лагерь.—Зависимость принциповъ либерализма отъ индивидуалистическихъ стремленій XVIII в.—Политическіе писатели либеральнаго лагеря (В. фонъ-Гумбольдтъ и Бенжаменъ Констанъ).—Національныя различія въ либерализмѣ.

Одною изъ идей, которую XVIII вѣкъ завѣщалъ слѣдующему столѣтію, была идея историческаго прогресса, уже во второй половинѣ XVIII в. полагавшаяся въ основу философскаго разсмотрѣнія исторіи человѣчества. Писатели философскаго вѣка почерпали вѣру въ прогрессъ не только изъ своего идеализма и оптимизма, но и изъ разсмотрѣнія дѣйствительнаго хода исторіи, особенно за послѣднія столѣтія. Изъ крупныхъ писателей того времени одинъ только Руссо, самъ бывшій вообще родоначальникомъ культурной реакціи XIX вѣка, не только не вѣрилъ въ прогрессъ, но даже прямо утверждалъ, что человѣчество только портится въ моральномъ и политическомъ отношеніяхъ. Реакціонные мыслители начала XIX в. точно также не раздѣляли вѣры въ прогрессъ. Для романтиковъ вродѣ Фридриха Шлегеля, для сторонниковъ католико-феодальнаго быта вродѣ Бональда, де-Местра, Галлера и Мюллера наше время было временемъ упадка, ихъ идеалъ былъ въ среднихъ вѣкахъ, а Шеллингъ и его школа даже вѣрили въ какое-то изначальное совершенство человѣчества, утраченное въ развитіи исторической жизни. Это отрицаніе прогресса является характернымъ признакомъ наиболѣе реакціонныхъ ученій XIX в., какъ, наоборотъ, всѣ либеральныя воззрѣнія эпохи были связаны съ вѣрою въ прогрессъ. И тутъ приходится начинать съ г-жи Сталь. Въ своемъ сочиненіи „О литературѣ“, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1800 г., черезъ какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ послѣ знаменитаго „Наброска историческаго изображенія успѣховъ человѣческаго разума“ Кондорсе, г-жа Сталь указываетъ на то, что идеи и учрежденія человѣчества находятся, хотя и въ медленномъ, но постоянномъ и непрерывномъ совершенствованіи (perfectibilité). Прогрессъ новаго времени она ста-

[1]) Указанія на общую литературу см. въ началѣ главы XIII, а также въ слѣдующихъ главахъ.

вила при этомъ въ зависимость отъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ въ средніе вѣка, которые у просвѣтителей XVIII в., наоборотъ, какъ бы вычеркивались изъ исторіи прогресса. Эта общая мысль г-жи Сталь очень не понравилась представителямъ зарождавшейся реакціи, потому что, по ихъ объясненію, ученіе о совершенствованіи, покровительствуя страсти къ новизнѣ, порождаетъ революціонныя стремленія, а такъ какъ люди всегда были одними и тѣми же, то нѣтъ никакихъ основаній подъ предлогомъ улучшеній заводить еще новыя смуты. Къ числу людей, высказывавшихъ свое неудовольствіе по поводу идеи совершенствованія, принадлежалъ и Шатобріанъ. Отношеніе къ идеѣ прогресса, дѣйствительно, до извѣстной степени можетъ служить признакомъ бо̀льшей реакціонности или бо̀льшаго либерализма стремленій этой эпохи. Все, что̀ въ эпоху реставраціи не шло рука объ руку съ реакціей, вѣрило въ прогрессъ и выражало эту вѣру, стремясь подъискать для нея разумныя основанія. Можно указать на цѣлый рядъ писателей двадцатыхъ годовъ XIX в., излагавшихъ съ разныхъ точекъ зрѣнія ученіе о прогрессѣ [1]). Гизо въ своихъ лекціяхъ по „Исторіи цивилизаціи въ Европѣ“ (1828) объявляетъ, что предметъ исторіи есть развитіе цивилизаціи, т.-е. „улучшенія гражданской жизни, общества, отношеній людей между собою“, съ одной стороны, и „улучшенія жизни индивидуальной самого человѣка, его способностей, чувствъ и идей“, съ другой. При этомъ Гизо высказывался еще въ томъ смыслѣ, что въ основѣ прогресса лежитъ развитіе личности, влекущее за собою и внѣшнія перемѣны, потому что личность ощущаетъ потребность перенести свое чувство во внѣшній міръ, осуществить свою мысль внѣ себя: „лишь это побужденіе, говоритъ онъ, вызывало дѣятельность великихъ реформаторовъ, и великіе люди, совершившіе міровые перевороты послѣ того, какъ они совершили переворотъ въ самихъ себѣ, дѣйствовали лишь подъ вліяніемъ этого же чувства“. Мы увидимъ въ другомъ мѣстѣ, что съ тогдашними политическими либералами вѣру въ прогрессъ раздѣляли и соціальные реформаторы двадцатыхъ годовъ [2]). Наконецъ, упомянемъ еще, что въ двадцатыхъ же годахъ Гегель создавалъ свою „Философію исторіи“, тоже проникнутую идеей прогресса. Хотя философъ и не былъ либераломъ, но не принадлежалъ также и къ крайнимъ реакціонерамъ, представляя собою скорѣе консервативное направленіе, не чуждавшееся идей вѣка. По представленію Гегеля, исторія есть развитіе всемірнаго духа (Weltgeist), который постепенно приходитъ къ сознанію, что его сущность есть свобода: въ древнихъ восточныхъ деспотіяхъ свободенъ былъ одинъ, а

[1]) См. мою статью „Исторія и философское значеніе идеи прогресса“, помѣщенную въ „Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ“.

[2]) См. въ послѣднемъ отдѣлѣ этого тома.

права другихъ были неизвѣстны; въ классическомъ мірѣ свобода была привилегіей немногихъ; въ христіанскомъ мірѣ свободны всѣ, ибо только тутъ явилось ясное сознаніе того, что въ свободѣ заключается внутренняя сущность духа [1]).

Другое отличіе прогрессивныхъ ученій эпохи отъ реакціонныхъ заключалось въ томъ, что послѣднія высказывались противъ принципа личности, изъ котораго исходилъ либерализмъ. Тяготѣніе реакціонеровъ къ среднимъ вѣкамъ, когда развитіе личнаго начала въ культурной, соціальной и политической жизни было стѣснено, объясняется ихъ взглядомъ на человѣка, какъ на существо, которое не можетъ быть предоставляемо само себѣ, которое должно быть заключено въ извѣстныя, по возможности самыя тѣсныя рамки, которое, наконецъ, необходимо держать подъ постоянною опекою духовной и свѣтской властей. Всѣ успѣхи цивилизаціи новаго времени вытекаютъ изъ большаго развитія личности въ послѣднія столѣтія сравнительно съ средними вѣками, и это очень хорошо сознавалось передовыми умами эпохи реставраціи. Напр., Гизо, давшій прекрасное для своего времени опредѣленіе прогресса, одну изъ наиболѣе существенныхъ сторонъ цивилизаціи видѣлъ именно въ культурномъ ростѣ личности, въ расширеніи ея правъ, въ увеличеніи ея свободы. Этотъ-то индивидуализмъ и былъ, такъ сказать, самою глубокою основою направленія, получившаго названіе либерализма. Можно поэтому сказать, что либерализмъ, какъ извѣстно, формулировавшій свои принципы главнымъ образомъ въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка, былъ естественнымъ продолженіемъ болѣе раннихъ культурныхъ и политическихъ движеній, въ которыхъ вообще какую-либо роль играла идея индивидуальной свободы, провозглашалась ли она во внутренней жизни духа (въ сферѣ совѣсти и мысли), или во внѣшнихъ отношеніяхъ общества и государства. Какъ реакціонныя стремленія были тѣсно связаны съ идеями и бытовыми формами среднихъ вѣковъ, не дававшими простора личному развитію, такъ либерализмъ являлся, наоборотъ, наслѣдникомъ гуманизма, протестантизма, просвѣщенія XVIII вѣка и принциповъ 1789 г., поскольку всѣ они вели къ культурной и политической эмансипаціи личности. Принципіальная борьба между либерализмомъ и реакціей была поэтому борьбою между свободой личности, съ одной стороны, и стремленіемъ къ возможно-большему ограниченію личныхъ правъ, съ другой стороны, какъ въ культурной, такъ и въ политической жизни. Либерализмъ стоялъ за свободу совѣсти, за свободу мысли, за свободу научнаго и философскаго изслѣдованія, за свободу слова,

[1]) Указанія на литературу по „Философіи исторіи" Гегеля см. въ нашихъ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи", а изъ новѣйшихъ сочиненій укажемъ *Barth*. Die Hegelsche Geschichtsauffassung.

за свободу печати, за гарантіи личной неприкосновенности, за уваженіе къ человѣческому достоинству, за естественныя и прирожденныя права личности, которыя требуютъ уравненія всѣхъ и въ правахъ гражданскихъ, тогда какъ реакція проявляла вѣроисповѣдную нетерпимость, вражду къ свободѣ науки и образованія, стремленіе къ стѣсненію слова и печати, пренебреженіе къ личности, какъ таковой, внѣ извѣстныхъ соціальныхъ категорій, принадлежность къ которымъ въ глазахъ реакціонеровъ только и могла сообщать индивидууму тѣ или другія права.

Съ этимъ отстаиваніемъ правъ личности либерализмъ соединялъ стремленіе и къ политической свободѣ въ смыслѣ участія общества въ государственной жизни посредствомъ представительныхъ учрежденій. Повсемѣстно на материкѣ Европы старыя сословно-представительныя учрежденія, выросшія на почвѣ средневѣковыхъ соціальныхъ и политическихъ отношеній, или исчезли, или пришли въ упадокъ, уступивъ безъ борьбы или, наоборотъ, послѣ борьбы господство абсолютизму. Въ одной Англіи парламентъ, возникшій одновременно съ континентальными сословно-представительными учрежденіями, развился въ большую политическую силу и организовалъ свободное государство. Въ 1789 г. Франція сдѣлала попытку основать свой политическій бытъ на принципахъ представительной системы, и съ этого момента начинается на западѣ Европы длинная исторія конституціоннаго движенія, мало-помалу приведшая къ установленію во всѣхъ государствахъ Запада представительнаго образа правленія. Французскія конституціи 1791, 1793 и 1795 были представительныя, и тотъ же принципъ, хотя и въ своеобразномъ примѣненіи, былъ положенъ въ основу наполеоновскихъ конституцій 1799, 1802, 1804 и 1815 гг.; хартія 1814 г. тоже давала Франціи представительство. Въ республикахъ, которыя были основаны французами въ концѣ XVIII в., въ королевствахъ братьевъ Наполеона, въ государствахъ Рейнскаго союза и въ герцогствѣ Варшавскомъ равнымъ образомъ вводились представительныя учрежденія. Въ 1809 г. въ Финляндіи Александръ I призналъ существованіе сословнаго сейма; въ 1812 г. кортесы въ Кадиксѣ выработали знаменитую испанскую конституцію, и въ томъ же году подъ англійскимъ вліяніемъ введена была конституція въ Сициліи; въ 1814 г. получила конституцію Норвегія, а въ слѣдующемъ году конституціонная хартія дарована была Александромъ I и Царству Польскому. Наконецъ, вопросъ о національномъ представительствѣ ставился и въ Пруссіи въ эпоху внутренней реформы и войны за освобожденіе. Реакція, наступившая послѣ паденія Наполеона, была неблагопріятна для представительныхъ учрежденій. Во Франціи многіе эмигранты смотрѣли на хартію 1814 г. съ крайнимъ недоброжелательствомъ; въ Испаніи ре-

ставрація Фердинанда VII сопровождалась отмѣною конституціи 1812 г. сицилійская конституція 1812 г. равнымъ образомъ была устранена, когда произошло возстановленіе королевства Обѣихъ Сицилій; представительство было уничтожено и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ было введено французскимъ владычествомъ; обѣщанія прусскаго правительства относительно національнаго представительства такъ и остались неисполненными. Въ эпоху реставраціи главною цѣлью политическихъ стремленій либерализма сдѣлалось введеніе представительныхъ учрежденій, гдѣ ихъ не было, защита ихъ отъ реакціи, гдѣ послѣдняя имъ грозила, и измѣненіе конституціонныхъ законовъ въ смыслѣ расширенія свободы, гдѣ уже такіе законы существовали. Устанавливая эту связь между либерализмомъ и представительными учрежденіями, мы тѣмъ самымъ должны признать, что исторія либерализма тѣсно связана съ исторіей французской революціи. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы либерализмъ эпохи реставраціи ничѣмъ не отличался отъ „принциповъ 1789 г.“ и чтобы въ культурномъ отношеніи между либерализмомъ этой эпохи и духомъ XVIII в. не было никакой разницы.

Общая реакція противъ XVIII вѣка въ началѣ новаго столѣтія отразилась и на характерѣ либерализма. Французская революція совершалась подъ знаменемъ идеи народовластія и имѣла характеръ демократическій, и главнымъ ея вдохновителемъ былъ Руссо съ своею теоріею общественнаго договора. Эту послѣднюю теорію въ началѣ XIX в. осудили не одни представители реакціонныхъ стремленій: она потеряла кредитъ и у либеральныхъ политиковъ эпохи. Неудача, какая постигла примѣненіе народовластія, оказавшагося на практикѣ лишь орудіемъ демагогіи или опорою деспотизма, нанесла сильный ударъ демократическимъ идеямъ XVIII в., такъ что въ общемъ либерализмъ эпохи реставраціи отличался скорѣе уже недовѣріемъ къ демократіи. Подобно тому, какъ реакціонныя стремленія характеризуютъ преимущественно дворянство, либерализмъ дѣлается отличительной чертой буржуазіи и самъ принимаетъ буржуазный оттѣнокъ. Кромѣ того порывается и та связь, въ какой идея свободы находилась съ наиболѣе характерными сторонами „философіи XVIII в.“, и либерализмъ получаетъ свою идейную окраску и отъ спиритуалистической философіи, и отъ историческаго изученія, и отъ романтизма, бывшихъ продуктами общей реакціи противъ XVIII в. съ его сенсуализмомъ, съ его пренебреженіемъ къ исторіи, съ его разсудочнымъ классицизмомъ въ литературѣ. Отдѣльныя стороны этого вліянія французской революціи на измѣненіе либеральныхъ стремленій заслуживаютъ особаго разсмотрѣнія.

Либерализмъ, требующій во имя правъ личности культурной и политической свободы, въ соціальномъ отношеніи можетъ получать

разную окраску — аристократическую, буржуазную или демократическую, смотря по тому, требуется ли эта свобода лишь для того или другого общественнаго класса или для всего народа. Вполнѣ послѣдовательнымъ бываетъ лишь либерализмъ демократическій, поскольку изъ принципа индивидуальной свободы логически вытекаетъ принципъ равнаго для всѣхъ права; но культурные и политическіе принципы не всегда послѣдовательно проводятся въ программахъ и въ дѣятельности партій, и это происходитъ подъ вліяніемъ соціальныхъ интересовъ, участвующихъ въ образованіи партій. Родоначальникомъ французскаго либерализма былъ Монтескье, но онъ, какъ извѣстно, былъ сторонникомъ аристократическихъ привилегій, будучи самъ старо-дворянскаго происхожденія. Либерализмъ „принциповъ 1789 г." былъ, наоборотъ, демократическимъ, поскольку въ началѣ революціи наиболѣе вліятельные представители ея стремленій не дѣлали различія между буржуазіей и народомъ, исходя изъ демократической идеи націи. Мало-по-малу, однако, между буржуазіей и народомъ образовалась цѣлая пропасть, и постепенно первая въ своихъ стремленіяхъ стала отдѣлять себя отъ второго. Здѣсь нужно, впрочемъ, различать двоякаго рода отношенія: съ одной стороны, въ данномъ случаѣ, дѣйствовалъ классовый эгоизмъ, который заставлялъ буржуазію то отказываться отъ политической свободы, то организовать послѣднюю на началахъ высокаго ценза; но, съ другой, у защитниковъ культурныхъ и политическихъ принциповъ либерализма послѣ неудачнаго опыта съ народовластіемъ возникло убѣжденіе, что признаніе политическихъ правъ за всѣмъ населеніемъ страны, не дорожащимъ благами свободы, не умѣющимъ ею пользоваться и легко поддающимся увлеченію, отзывается самымъ гибельнымъ образомъ на прочности политической свободы. Въ этомъ соображеніи было много справедливаго, и даже составилось такого рода представленіе, будто политическая свобода вообще несовмѣстима съ демократическимъ строемъ государства; доказательство этому хотѣли видѣть въ Англіи, хотя Америка могла бы служить опроверженіемъ такому взгляду [1]). Благодаря указаннымъ причинамъ, либерализмъ эпохи реставраціи порываетъ ту связь, въ какой находились между собой идеи политической свободы и демократіи, и вслѣдствіе этого принимаетъ характеръ буржуазный. Теоретики либерализма двадцатыхъ годовъ XIX в., довольно вѣрно понимавшіе, что при тогдашнихъ условіяхъ политическая свобода не могла имѣть прочной опоры въ демократіи, были убѣждены, однако, что и для блага народной массы нужно только то, въ чемъ на самомъ дѣлѣ прежде всего

[1]) Мы разсматриваемъ этотъ вопросъ въ V томѣ по поводу политическихъ идей Токвиля.

нуждались лишь одни зажиточные и образованные классы, т.-е. нужны культурная и политическая свобода. Многіе изъ политическихъ теоретиковъ эпохи искренне вѣрили, что ради той пользы, которую долженъ получать народъ отъ существованія этой свободы, нужно сосредоточить политическія права націи лишь въ общественныхъ классахъ съ извѣстнымъ имущественнымъ и образовательнымъ цензомъ. Вообще тогдашніе либералы думали, что свобода—единственное средство противъ всякихъ общественныхъ золъ: они или слишкомъ мало обращали вниманія на вопросы экономическаго быта, или раздѣляли вѣру экономистовъ XVIII в. въ гармонію интересовъ, устанавливающуюся въ силу свободной конкурренціи между индивидуумами или общественными классами [1]). Въ этомъ отношеніи они дѣлали теоретическую ошибку, но и у программы экономической свободы въ смыслѣ невмѣшательства государства въ промышленную жизнь народа нужно различать двѣ стороны. Этого невмѣшательства либералы требовали просто въ силу послѣдовательнаго проведенія принципа свободы во всѣхъ сферахъ жизни—и въ области духовной культуры, и въ области политики, и въ области экономическихъ отношеній точно такъ же, какъ бы не понимая, что свобода въ послѣдней области влечетъ за собою угнетеніе слабаго сильнымъ и тѣмъ самымъ оказывается благопріятною лишь для меньшинства, поставленнаго въ лучшія матеріальныя условія жизни. Съ другой стороны, буржуазія, наоборотъ, очень хорошо понимала выгоду этого невмѣшательства, такъ какъ устраненіе какихъ бы то ни было препятствій для ея капиталистическихъ стремленій давно уже входило въ ея соціальную программу, и разъ найденъ былъ принципъ, которымъ оказывалось возможнымъ прикрывать своекорыстныя вожделѣнія, принципъ этотъ не только пускался въ ходъ, но даже объявлялся существенною принадлежностью либерализма. Изъ этого всего, однако, не слѣдуетъ, будто либерализмъ имѣлъ одно только чисто классовое происхожденіе: буржуазія, какъ общественный классъ, раздѣлявшій либеральные принципы и составлявшій главную силу либеральной партіи, лишь придавала этимъ принципамъ извѣстную окраску, съуживая ихъ примѣненіе на практикѣ, но сами принципы эти—индивидуальная свобода и представительная система—не заключали въ себѣ ничего спеціально буржуазнаго. Между тѣмъ, впослѣдствіи либерализмъ вообще стали обвинять въ исключительно буржуазныхъ стремленіяхъ, что̀, къ сожалѣнію, внесло не мало путаницы въ пониманіе историческихъ отношеній и самой общественной жизни [2]).

---

[1]) См. главу XXVI этого тома.

[2]) Въ названной выше книгѣ *А. Шахова*, которую можно рекомендовать, какъ пособіе по исторіи литературы въ первой половинѣ XIX в., мы находимъ иногда нѣсколько одностороннее освѣщеніе либерализма.

Нужно отличать либерализмъ отъ либераловъ: первый есть совокупность извѣстнаго рода принциповъ; вторые, представляя собою извѣстные спеціальные интересы, придавали этимъ принципамъ не всегда то примѣненіе, которое должно было бы вытекать изъ существа этихъ принциповъ. Яркимъ примѣромъ этого можетъ служить то, что французскіе либералы, вопреки принципу свободы, были сторонниками самой строгой административной централизаціи, потому что система мѣстнаго самоуправленія, какъ они вѣрно расчитывали, усиливала бы только земледѣльческое дворянство.

Реакція противъ XVIII в. сказалась на либерализмѣ эпохи реставраціи (имѣемъ въ виду главнымъ образомъ либерализмъ французскій) и въ другихъ отношеніяхъ. Прежде всего въ области философіи онъ отказался отъ сенсуализма XVIII в., чтобы основать себя на спиритуализмѣ. Когда во Франціи явилась эта новая философія, Наполеонъ привѣтствовалъ ее, думая, что она будетъ поддерживать его деспотическую систему. „Императоръ ошибается, говорилъ по этому поводу Талейранъ, такъ какъ Декартъ еще менѣе мирится съ деспотизмомъ, нежели Локкъ. Ученіе о душѣ благопріятно для свободы совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, нежели ученіе о преобразованномъ ощущеніи: для приверженцевъ этой теоріи моральное сопротивленіе силѣ есть не что иное, какъ благородная непослѣдовательность, для насъ же оно — неупустительный долгъ“. Ройе-Колларъ, одинъ изъ родоначальниковъ французскаго эклектизма, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и виднымъ дѣятелемъ либеральной партіи эпохи реставраціи. Викторъ Кузенъ, сдѣлавшійся главнымъ представителемъ этой философіи, всегда проповѣдовалъ уваженіе къ принципу свободы. Въ 1815 г. онъ занялъ каѳедру въ Сорбоннѣ; въ своей вступительной лекціи онъ приглашалъ слушателей во имя патріотизма принять его ученіе, которое одно только можетъ спасти отечество. „Слишкомъ долго, говорилъ онъ, искали мы свободы на путяхъ рабства. Мы хотѣли быть свободными съ моралью рабовъ. Нѣтъ, статуя свободы не стоитъ на пьедесталѣ интереса, и не сенсуализму (philosophie de la sensation) съ его мелочными правилами создавать великіе народы. Поддержите французскую свободу, еще не успѣвшую упрочиться и колеблющуюся среди окружающихъ насъ могилъ и развалинъ,—поддержите ее моралью, которая утвердила бы ее на вѣчныя времена“. Говоря о сенсуализмѣ, Кузенъ замѣтилъ еще, что эта философія могла родиться лишь среди версальскихъ удовольствій для оправданія нравственной распущенности старой монархіи съ ея произволомъ, но что свобода нуждается въ иной философіи. Въ своихъ лекціяхъ Кузенъ и старался вывести изъ своего моральнаго ученія необходимость политической свободы и представительнаго образа правленія.

Важно, далѣе, еще и то, что французскій либерализмъ двадцатыхъ годовъ сталъ основывать себя не на одномъ умозрѣніи, но и на историческомъ изученіи. XVIII вѣкъ отличался вообще анти-историческимъ характеромъ и въ частности полнымъ незнаніемъ среднихъ вѣковъ. Реакція противъ такого направленія сказалась въ образованіи исторической школы и романтическаго или клерикально-феодальнаго увлеченія средними вѣками. Во Франціи историческая школа—не въ примѣръ того, что произошло въ Германіи,—стала служить цѣлу либерализма, и даже интересъ къ среднимъ вѣкамъ поддерживался здѣсь между прочимъ стремленіемъ изслѣдовать исторію свободы во Франціи, исторію третьяго сословія, которое поддерживало свободу и исторію представительныхъ учрежденій, въ частности же англійскаго парламента, а для всего этого нужно было обратиться къ изученію среднихъ вѣковъ. Къ нему, впрочемъ, кромѣ того, влекъ и художественный интересъ: наприм., Огюстена Тьерри привели къ историческимъ занятіямъ средними вѣками „Мученики" Шатобріана и романы Вальтеръ-Скотта; „Исторія крестовыхъ походовъ" Мишо (1812—1817) стояла тоже въ связи съ художественнымъ увлеченіемъ средними вѣками, а точно такъ же и „Исторія герцоговъ бургундскихъ" Баранта (1824), представляющая собою пересказъ средневѣковыхъ хроникъ. Въ 1821 г. для занятій средневѣковой исторіей была даже основана особая высшая школа (Ecole des chartes). Въ эпоху реставраціи исторія Франціи съ либеральной точки зрѣнія разсматривалась, какъ исторія борьбы свободы, представителемъ которой являлось среднее сословіе, съ феодальнымъ дворянствомъ и абсолютной монархіей. „Во Франціи, писалъ Огюстенъ Тьерри, только два класса людей: эти два класса стоятъ другъ противъ друга, и со всѣхъ сторонъ люди пергаменовъ вооружаются противъ людей индустріи". Гизо смотрѣлъ на французскую революцію, какъ на рѣшительную битву, которую дали порабощенные своимъ поработителямъ. Чѣмъ же главнымъ образомъ занимаются французскіе историки этой эпохи? Во-первыхъ, исторіей третьяго сословія, освобожденія городскихъ общинъ, борьбы буржуазіи за свободу. Таковы „Письма объ исторіи Франціи" Ог. Тьерри (1827) и цѣлые отдѣлы „Исторіи цивилизаціи во Франціи" Гизо (1828); тогда же нѣкоторымъ образомъ было положено начало для болѣе позднихъ „Собранія неизданныхъ памятниковъ по исторіи третьяго сословія" и „Опытовъ по исторіи образованія и успѣховъ третьяго сословія" Ог. Тьерри. Во-вторыхъ, эпоха интересовалась исторіей представительныхъ учрежденій и въ частности Англіи, какъ страны, гдѣ представительная система получила наибольшее развитіе. Гизо, занявшій въ 1812 г. каѳедру исторіи въ Сорбоннѣ, въ 1816 г. издалъ сочиненіе „О представительномъ правленіи

и современномъ состояніи Франціи", а въ 1821—22 гг. „Исторію представительнаго правленія" и вслѣдъ затѣмъ посвятилъ себя спеціальному изученію англійской революціи („Собраніе мемуаровъ" 1823 и слѣд. и „Исторія англійской революціи" 1827—1828). Въ эти же годы Ог. Тьерри издалъ свою „Исторію завоеванія Англіи норманнами" (1825), гдѣ разсказана исторія и первоначальнаго англійскаго парламента, а Арманъ Каррель написалъ „Исторію контръ-революціи въ Англіи" (1827), заключающую въ себѣ разсказъ о реставраціи Стюартовъ и о переворотѣ 1689 г. Въ-третьихъ, въ то же самое время и точно также съ точки зрѣнія либеральной оппозиціи были написаны первыя исторіи французской революціи Тьера (1823—1827) и Минье (1823), чѣмъ и было положено начало историческому изученію этой эпохи [1]). Разсматривая французскую историческую литературу эпохи реставраціи, мы не можемъ не обратить вниманія на то, что вся она стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ стремленіями тогдашняго либерализма, и это интересно именно въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны, для политическихъ стремленій, опиравшихся въ XVIII столѣтіи на отвлеченную философію, подыскивается теперь историческая основа, т.-е. исторія привлекается къ разрѣшенію политическихъ вопросовъ, которые раньше рѣшались чисто раціоналистическимъ путемъ (если не считать одного Монтескье, который, напр., самъ, однако, не зналъ исторіи англійской конституціи), а съ другой стороны, изъ этого можно видѣть, что историческая наука XIX в. съ самаго же начала стала служить и прогрессивнымъ общественнымъ теченіямъ.

Либерализмъ сталъ въ довольно близкое отношеніе и къ романтизму и не только въ томъ смыслѣ, что романтизмъ началъ проникаться либеральнымъ направленіемъ, но и въ томъ, что самъ либерализмъ принималъ очень часто романтическій оттѣнокъ. Съ такимъ оттѣнкомъ онъ является намъ именно въ Германіи, и это сдѣлается тѣмъ болѣе намъ понятнымъ, если мы примемъ въ расчетъ, что самъ нѣмецкій романтизмъ былъ въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ проповѣдью индивидуализма въ области вѣры, чувства и поэтическаго творчества [2]). Во Франціи торжеству романтизма не мало содѣйствовала г-жа Сталь, въ лицѣ же Виктора Гюго [3]), сдѣлавшагося къ концу періода главнымъ представителемъ и даже вождемъ новаго направленія, французская романтическая школа совершила даже пря-

---

[1]) Объ этихъ произведеніяхъ французской исторіографіи см. *Петровъ*. Національная исторіографія во Франціи, Германіи и Англіи. 1861. (Ср. статью проф. *Виппера* въ „Мірѣ Божіемъ" за 1901 г.).

[2]) Объ этомъ см. ниже, въ главѣ о Германіи.

[3]) О немъ см. соч. *Barbou*, *Biré* (Victor Hugo avant 1830), *Dupuis*, *Rivet*, *Swinburne*, *Paul Stapfer* и др.

мую эволюцію отъ реакціи къ либерализму. Сынъ наполеоновскаго генерала, служившаго въ Испаніи, и ревностной легитимистки, всегда остававшейся вѣрною традиціямъ старины, Викторъ Гюго усвоилъ въ молодости политическія воззрѣнія своей матери и проникся ненавистью къ имперіи. Ему было только двѣнадцать лѣтъ, когда совершилась первая реставрація, но онъ уже понималъ ея значеніе и привѣтствовалъ ее столь же горячо, какъ и его мать, четырнадцати лѣтъ даже написалъ трагедію, изображавшую символически возвращеніе Бурбоновъ, а нѣсколько позднѣе прославилъ стихами возстановленіе статуи Генриха IV. Такимъ образомъ первыя произведенія Гюго были чисто легитимистическія. Конечно, это обратило на него вниманіе роялистовъ и двора; въ числѣ людей, отнесшихся къ нему съ большою симпатіей, былъ и Шатобріанъ. Въ предисловіяхъ къ сборникамъ своихъ стиховъ Викторъ Гюго имѣлъ обыкновеніе формулировать свои взгляды на поэзію, и въ одномъ изъ первыхъ такихъ предисловій онъ заявилъ, что философія XVIII в. одинаково была враждебна и поэзіи, и религіи, и что истинная поэзія должна быть тѣсно связана съ монархическими началами и религіозными вѣрованіями. Этимъ Викторъ Гюго вполнѣ вѣрно характеризовалъ свое собственное творчество, которое и потомъ вдохновлялось католицизмомъ и легитимизмомъ (рожденіемъ герцога Бордосскаго, двоюроднаго внука Людовика XVIII, походомъ французской арміи для подавленія испанской революціи, коронаціей Карла X въ Реймсѣ и т. п.). Съ лѣтами, однако, у него это настроеніе стало исчезать, и къ концу эпохи реставраціи Гюго уже началъ сильно проникаться либерализмомъ. Въ 1827 г. въ предисловіи къ своему „Кромвелю“ онъ прямо проводилъ параллель между старымъ порядкомъ и либерализмомъ въ политикѣ и классицизмомъ и романтизмомъ въ литературѣ, объявивъ себя приверженцемъ новаго направленія. Самъ романтизмъ казался ему теперь либерализмомъ въ литературѣ (le romantisme, c'est libéralisme en littérature).

Съ середины двадцатыхъ годовъ вообще романтизмъ занялъ во Франціи боевое положеніе, хотя и ополчился главнымъ образомъ лишь противъ отжившаго свой вѣкъ классицизма, т.-е. велъ чисто литературную борьбу. Благодаря оппозиціонному духу либерализма, новое направленіе стало пользоваться сочувствіемъ либераловъ, и одна изъ наиболѣе вліятельныхъ газетъ второй половины двадцатыхъ годовъ, „Le Globe“, занимавшаяся пропагандою либеральныхъ политическихъ идей, въ то же время сдѣлалась однимъ изъ органовъ романтической школы въ литературѣ. Такъ началось сближеніе между либерализмомъ и романтизмомъ, которое тоже придавало извѣстный оттѣнокъ тогдашнему либерализму, тѣмъ болѣе, что французская академія, дер-

жавшаяся старыхъ литературныхъ правилъ и консервативныхъ политическихъ идей, весьма рѣзко выступала противъ дерзкихъ новаторовъ, какими выказали себя романтики. Либераловъ и романтиковъ сближали другъ съ другомъ идея свободы творчества и свободы искусства, политическій задоръ противъ представителей стараго порядка въ литературѣ и въ политикѣ, культъ непокорной личности, воздвигнутый въ поэзіи Виктора Гюго, и защита индивидуальной свободы, бывшая однимъ изъ главныхъ лозунговъ политическаго либерализма. Вмѣстѣ съ тѣмъ классицизмъ, когда-то вдохновлявшій теоретиковъ политической свободы и республиканцевъ временъ революціи, утратилъ прежнее свое значеніе. Уже не у героевъ древности училось поколѣніе, сдѣлавшее революцію 1830 г., какъ нужно защищать свободу, а у средневѣковыхъ бароновъ и горожанъ и у кругло-головыхъ англійской революціи. Обращеніе Виктора Гюго къ „Кромвелю" какъ-разъ въ то время, когда Гизо писалъ свою „Исторію англійской революціи", не было простой случайностью.

Мало того: есть примѣры, такъ сказать, проникновенія либеральныхъ стремленій въ реакціонный лагерь. Въ своемъ мѣстѣ мы еще увидимъ, что многіе французскіе роялисты, сначала относившіеся враждебно къ хартіи 1814 г., не только съ нею примирились, но даже дѣлались защитниками политической свободы, когда послѣдняя была имъ нужна для проведенія ихъ культурныхъ и соціальныхъ стремленій [1]). Крайности реакціи иногда даже прямо заставляли нѣкоторыхъ консерваторовъ сближаться съ либералами и признавать законность разныхъ ихъ требованій. Самый интересный примѣръ эволюціи реакціонера въ либеральномъ направленіи представляетъ литературная дѣятельность Ламеннэ (1782—1854). Этого писателя въ началѣ его карьеры недаромъ ставятъ рядомъ съ Бональдомъ и де-Местромъ [2]). Еще при Наполеонѣ онъ выступилъ въ литературѣ крайнимъ клерикаломъ въ своихъ „Размышленіяхъ о государствѣ и церкви во Франціи" (1808), уничтоженныхъ тогда по приказанію полиціи. Въ началѣ реставраціи Ламеннэ сдѣлался священникомъ и въ 1817 г. издалъ первый томъ своего „Опыта о равнодушіи въ дѣлѣ вѣры" (Essai sur l'indifférence en matière de religion), оконченнаго въ 1823 г. Онъ очень хорошо понималъ, что возвращеніе общества къ религіи было вызвано соображеніями политическаго характера, а также извѣстнаго рода сентиментальностью и влеченіями эстетическаго свойства, но что настоящей вѣры въ обществѣ не было, и онъ

[1]) Въ этомъ отношеніи особенно любопытна дѣятельность Виллеля, министра въ концѣ царствованія Людовика XVIII и началѣ царствованія Карла X.

[2]) О Ламеннэ см. соч. *Paul Janet*, *Spuller'a* (1892), *Alfred Rousset* (1892), русское сочиненіе *С. А. Котляревскаго* и др.

задумалъ насадить и укрѣпить дѣйствительную религіозность среди равнодушныхъ современниковъ. Ламеннэ — противникъ разума и науки, потому что они обманчивы: одинъ только католицизмъ содержитъ истину. Вмѣстѣ съ де-Местромъ онъ стоялъ за авторитетъ непогрѣшимаго папства, доказывая, что лишь одно признаніе этого авторитета можетъ спасти общество отъ смутъ, на которыя оно обречено. Основу истинности католицизма Ламеннэ видѣлъ, однако, лишь во всеобщемъ его признаніи (consentement universel), т.-е. въ чисто земномъ авторитетѣ. Разнаго рода натяжками онъ доказывалъ, что изначальное откровеніе, данное Богомъ человѣчеству и чище всего сохранившееся въ католицизмѣ, не затерялось окончательно и въ язычествѣ; по его представленію выходило такъ, будто поэтому и язычники, сами того не сознавая, въ сущности тоже признаютъ папскій авторитетъ. Въ двадцатыхъ годахъ Ламеннэ издалъ еще свои сочиненія „О религіи въ отношеніи къ политикѣ и къ гражданскому порядку“ и „Успѣхъ революціи и война противъ церкви“, гдѣ онъ является крайнимъ клерикаломъ, допускающимъ государство лишь въ качествѣ придатка къ церкви, вполнѣ ей подчиненнаго. Участвуя въ консервативныхъ газетахъ того времени, онъ съ такой точки зрѣнія смотрѣлъ и на самую монархію Бурбоновъ. Поэтому у него стали происходить непріятныя столкновенія съ властями, мало-по-малу приведшія его къ оппозиціи подъ знаменемъ идеи свободы. Онъ даже прямо объявилъ, что либерализмъ есть возстаніе христіанскаго духа свободы противъ свѣтскаго деспотизма. Вскорѣ послѣ іюльской революціи Ламеннэ съ нѣсколькими единомышленниками основалъ газету (L'Avenir) въ защиту свободы церкви. „Мы, было сказано въ программѣ этого изданія, мы привѣтствовали всѣ революціи, которыя были уже совершены, мы привѣтствуемъ всѣ революціи, какія еще придется сдѣлать“ (toutes les révolutions à faire). Газета защищала свободу печати и свободу преподаванія и требовала, чтобы церковь была вполнѣ независима отъ государства, т.-е. чтобы духовенство не брало казеннаго жалованья, но не получало и приказаній отъ правительства. Папа осудилъ стремленіе либеральнаго католицизма, и въ слѣдующемъ періодѣ Ламеннэ пошелъ еще далѣе, сдѣлавшись даже защитникомъ идеи народовластія [1]).

Мы нарочно собрали вмѣстѣ нѣкоторыя черты изъ культурной исторіи эпохи реставраціи, чтобы показать, какъ тогдашній либерализмъ соединился съ разными другими теченіями, возникшими на почвѣ

[1]) См. въ V томѣ, гдѣ вообще идетъ рѣчь о демократическомъ и соціалистическомъ католицизмѣ временъ іюльской монархіи.

жавшаяся старыхъ литературныхъ правилъ и консервативныхъ политическихъ идей, весьма рѣзко выступала противъ дерзкихъ новаторовъ, какими выказали себя романтики. Либераловъ и романтиковъ сближали другъ съ другомъ идея свободы творчества и свободы искусства, политическій задоръ противъ представителей стараго порядка въ литературѣ и въ политикѣ, культъ непокорной личности, воздвигнутый въ поэзіи Виктора Гюго, и защита индивидуальной свободы, бывшая однимъ изъ главныхъ лозунговъ политическаго либерализма. Вмѣстѣ съ тѣмъ классицизмъ, когда-то вдохновлявшій теоретиковъ политической свободы и республиканцевъ временъ революціи, утратилъ прежнее свое значеніе. Уже не у героевъ древности училось поколѣніе, сдѣлавшее революцію 1830 г., какъ нужно защищать свободу, а у средневѣковыхъ бароновъ и горожанъ и у круглоголовыхъ англійской революціи. Обращеніе Виктора Гюго къ „Кромвелю" какъ-разъ въ то время, когда Гизо писалъ свою „Исторію англійской революціи", не было простой случайностью.

Мало того: есть примѣры, такъ сказать, проникновенія либеральныхъ стремленій въ реакціонный лагерь. Въ своемъ мѣстѣ мы еще увидимъ, что многіе французскіе роялисты, сначала относившіеся враждебно къ хартіи 1814 г., не только съ нею примирились, но даже дѣлались защитниками политической свободы, когда послѣдняя была имъ нужна для проведенія ихъ культурныхъ и соціальныхъ стремленій [1]). Крайности реакціи иногда даже прямо заставляли нѣкоторыхъ консерваторовъ сближаться съ либералами и признавать законность разныхъ ихъ требованій. Самый интересный примѣръ эволюціи реакціонера въ либеральномъ направленіи представляетъ литературная дѣятельность Ламеннэ (1782—1854). Этого писателя въ началѣ его карьеры недаромъ ставятъ рядомъ съ Бональдомъ и де-Местромъ [2]). Еще при Наполеонѣ онъ выступилъ въ литературѣ крайнимъ клерикаломъ въ своихъ „Размышленіяхъ о государствѣ и церкви во Франціи" (1808), уничтоженныхъ тогда по приказанію полиціи. Въ началѣ реставраціи Ламеннэ сдѣлался священникомъ и въ 1817 г. издалъ первый томъ своего „Опыта о равнодушіи въ дѣлѣ вѣры" (Essai sur l'indifférence en matière de religion), оконченнаго въ 1823 г. Онъ очень хорошо понималъ, что возвращеніе общества къ религіи было вызвано соображеніями политическаго характера, а также извѣстнаго рода сентиментальностью и влеченіями эстетическаго свойства, но что настоящей вѣры въ обществѣ не было, и онъ

---

[1]) Въ этомъ отношеніи особенно любопытна дѣятельность Виллеля, министра въ концѣ царствованія Людовика XVIII и началѣ царствованія Карла X.

[2]) О Ламеннэ см. соч. *Paul Janet*, *Spuller'a* (1892), *Alfred Roussel* (1892), русское сочиненіе *С. А. Котляревскаго* и др.

задумалъ насадить и укрѣпить дѣйствительную религіозность среди равнодушныхъ современниковъ. Ламеннэ—противникъ разума и науки, потому что они обманчивы: одинъ только католицизмъ содержитъ истину. Вмѣстѣ съ де-Местромъ онъ стоялъ за авторитетъ непогрѣшимаго папства, доказывая, что лишь одно признаніе этого авторитета можетъ спасти общество отъ смутъ, на которыя оно обречено. Основу истинности католицизма Ламеннэ видѣлъ, однако, лишь во всеобщемъ его признаніи (consentement universel), т.-е. въ чисто земномъ авторитетѣ. Разнаго рода натяжками онъ доказывалъ, что изначальное откровеніе, данное Богомъ человѣчеству и чище всего сохранившееся въ католицизмѣ, не затерялось окончательно и въ язычествѣ; по его представленію выходило такъ, будто поэтому и язычники, сами того не сознавая, въ сущности тоже признаютъ папскій авторитетъ. Въ двадцатыхъ годахъ Ламеннэ издалъ еще свои сочиненія „О религіи въ отношеніи къ политикѣ и къ гражданскому порядку“ и „Успѣхъ революціи и война противъ церкви“, гдѣ онъ является крайнимъ клерикаломъ, допускающимъ государство лишь въ качествѣ придатка къ церкви, вполнѣ ей подчиненнаго. Участвуя въ консервативныхъ газетахъ того времени, онъ съ такой точки зрѣнія смотрѣлъ и на самую монархію Бурбоновъ. Поэтому у него стали происходить непріятныя столкновенія съ властями, мало-по-малу приведшія его къ оппозиціи подъ знаменемъ идеи свободы. Онъ даже прямо объявилъ, что либерализмъ есть возстаніе христіанскаго духа свободы противъ свѣтскаго деспотизма. Вскорѣ послѣ іюльской революціи Ламеннэ съ нѣсколькими единомышленниками основалъ газету (L'Avenir) въ защиту свободы церкви. „Мы, было сказано въ программѣ этого изданія, мы привѣтствовали всѣ революціи, которыя были уже совершены, мы привѣтствуемъ всѣ революціи, какія еще придется сдѣлать“ (toutes les révolutions à faire). Газета защищала свободу печати и свободу преподаванія и требовала, чтобы церковь была вполнѣ независима отъ государства, т.-е. чтобы духовенство не брало казеннаго жалованья, но не получало и приказаній отъ правительства. Папа осудилъ стремленіе либеральнаго католицизма, и въ слѣдующемъ періодѣ Ламеннэ пошелъ еще далѣе, сдѣлавшись даже защитникомъ идеи народовластія [1]).

Мы нарочно собрали вмѣстѣ нѣкоторыя черты изъ культурной исторіи эпохи реставраціи, чтобы показать, какъ тогдашній либерализмъ соединился съ разными другими теченіями, возникшими на почвѣ

[1]) См. въ V томѣ, гдѣ вообще идетъ рѣчь о демократическомъ и соціалистическомъ католицизмѣ временъ іюльской монархіи.

общей реакціи противъ духа философіи XVIII в., т.-е. съ философскимъ идеализмомъ, съ историческимъ интересомъ къ среднимъ вѣкамъ, съ романтическимъ отрицаніемъ „просвѣщенія“ и даже съ возрожденнымъ католицизмомъ, — теченіями, не только возникшими на почвѣ реакціи, но въ очень многихъ случаяхъ прямо соединявшимися съ различными стремленіями къ возстановленію отжившихъ культурныхъ и соціальныхъ формъ. Во всемъ этомъ сказалось вліяніе общаго духа эпохи на одинъ изъ наиболѣе основныхъ историческихъ процессовъ новаго времени. Въ началѣ главы мы видѣли, что либерализмъ и реакція отличались между собою главнымъ образомъ въ своихъ отношеніяхъ къ внутренней и внѣшней свободѣ личности: въ то время, какъ реакція ее стѣсняла и пыталась не только остановить историческое движеніе, которое совершалось въ пользу индивидуальной свободы, либерализмъ, наоборотъ, былъ защитою этой свободы и продолженіемъ всѣхъ освободительныхъ движеній новаго времени. Эти движенія были направлены противъ средневѣкового католицизма и феодализма, но точно также они были направлены и противъ всепоглощающей государственности новаго времени, присвоившей себѣ абсолютное право надъ человѣческою личностью. Въ концѣ XVII в. Локкъ въ своемъ „Трактатѣ о правительствѣ“ на основаніи философіи естественнаго права далъ весьма ясную формулировку личной свободы въ ея отношеніяхъ къ государству, ограничивъ до послѣдней крайности функціи правительства. Индивидуалистическія стремленія XVIII в. нашли первое свое теоретическое выраженіе въ этомъ сочиненіи англійскаго мыслителя, а первое примѣненіе на практикѣ — въ деклараціи правъ человѣка и гражданина и въ отдѣльныхъ законахъ учредительнаго собранія, которыми оно думало установить и утвердить наибольшую свободу личности. Если отвлечься отъ всѣхъ вліяній мѣста и времени, придававшихъ либерализму реставраціонной эпохи извѣстную окраску, то онъ явится не чѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ тѣхъ стремленій, представителями которыхъ были Локкъ, Монтескье, Мирабо и еще нѣкоторые дѣятели учредительнаго собранія, а впослѣдствіи жирондисты, тоже относившіеся съ большимъ уваженіемъ къ принципу индивидуальной свободы. Особенно въ политической теоріи либерализма интересно ограниченіе до послѣдняго minimum'а функцій государства во имя наибольшей личной независимости, въ которой и заключается сущность новой свободы въ отличіе отъ свободы въ античномъ пониманіи. Мы остановимся на двухъ либеральныхъ дѣятеляхъ и писателяхъ эпохи, которые яснѣе всего выразили эту сторону либерализма. Одинъ изъ нихъ былъ Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, другой Бенжаменъ Констанъ.

Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ [1]) родился въ 1767 г. Ему было только двадцать-два года, когда вспыхнула французская революція, и, какъ на весьма многихъ молодыхъ людей того времени, она произвела на него сильное впечатлѣніе. Въ 1789 г. онъ даже нарочно ѣздилъ въ Парижъ, чтобы „посмотрѣть на похороны французскаго деспотизма". Человѣкъ громадной эрудиціи и большого философскаго ума, стоявшій притомъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ ко многимъ замѣчательнымъ людямъ эпохи, онъ съ 1802 г. занималъ видные посты на прусской государственной службѣ, былъ въ числѣ сторонниковъ Штейна, содѣйствовалъ много возникновенію берлинскаго университета, представлялъ вмѣстѣ съ Гарденбергомъ Пруссію на вѣнскомъ конгрессѣ, а въ эпоху реставраціи былъ короткое время министромъ внутреннихъ дѣлъ и пытался ввести въ Пруссіи конституцію. Въ числѣ его многочисленныхъ сочиненій есть одно, заслуживающее особаго вниманія, именно его „Идеи для попытки опредѣленія границъ дѣятельности государства" (Ideen zu einem Versuch die Grenzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen). Написанное въ 1792 г., оно увидѣло свѣтъ лишь въ 1851 г., потому что въ свое время оно не могло появиться въ печати, а потомъ и самъ авторъ нѣсколько измѣнилъ свои взгляды. Тѣмъ не менѣе оно заслуживаетъ быть разсмотрѣннымъ теперь, такъ какъ является очень характернымъ для исторіи либеральныхъ идей конца XVIII в. Мы увидимъ, что въ сущности Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ понималъ отношенія между личностью и государствомъ и границы дѣятельности послѣдняго совершенно такъ же, какъ и главный теоретикъ либерализма въ двадцатыхъ годахъ, Бенжаменъ Констанъ. Въ своемъ политическомъ ученіи Гумбольдтъ исходилъ изъ идеи высшихъ цѣлей существованія отдѣльнаго человѣка, полагая, что онѣ сводятся къ гармоническому развитію его силъ. Первымъ условіемъ для достиженія этой цѣли является у него свобода, безъ которой немыслимы ни самостоятельное развитіе личности, ни самобытное усвоеніе личностью того, что выработано другими. Поэтому Гумбольдтъ считалъ идеальнымъ лишь такое людское общежитіе, въ которомъ личность развивается изъ себя и для себя, претворяя въ свое собственное достояніе все заимствованное извнѣ. Государство, по его мнѣнію, должно прежде всего заботиться лишь объ устраненіи препятствій къ такому развитію, установляя общую безопасность; въ этомъ чисто отрицательномъ опредѣленіи дѣятельности государства Гумбольдтъ сходится съ Локкомъ. На нашъ теперешній взглядъ у государства могутъ быть и положительныя задачи—содѣйствіе общему благополучію, но всѣ пра-

[1]) *Haym*. Wilhelm von Humboldt. 1856.—*Elisa-Maier*. Wilhelm von Humboldt Lichtstrahlen aus seiner Briefen.

вительственныя заботы о населеніи, объ его пропитаніи, о промышленности и о помощи бѣднымъ Гумбольдтъ прямо отрицалъ, находя всякое попеченіе властей о матеріальномъ благосостояніи гражданъ даже вреднымъ. По его мнѣнію, государственное вмѣшательство, налагая на все печать однообразія, уничтожаетъ свободное проявленіе индивидуальныхъ силъ и тѣмъ препятствуетъ внутреннему развитію, такъ какъ вѣчная опека пріучаетъ гражданъ къ апатіи и индифферентизму, а слишкомъ широкія задачи, вытекающія изъ такихъ заботъ, требуютъ большихъ матеріальныхъ издержекъ и отвлекаютъ отъ болѣе производительной работы слишкомъ много умственныхъ силъ, создавая въ то же время бюрократическое, чисто механическое веденіе дѣлъ. Правда, есть такія цѣли жизни, которыя могутъ быть достигнуты лишь путемъ объединенія индивидуальныхъ силъ, но для этого, говоритъ Гумбольдтъ, существуютъ свободныя товарищества, къ которымъ, конечно, каждый воленъ примыкать или не примыкать, каковой свободы уже нѣтъ по отношенію къ государству. При этомъ Гумбольдтъ отдавалъ предпочтеніе мелкимъ ассоціаціямъ передъ крупными, потому что только въ небольшихъ товариществахъ человѣкъ сохраняетъ свою личность, не дѣлается простымъ орудіемъ для достиженія извѣстныхъ общихъ цѣлей, не поглощается окончательно массою. Цѣль государства Гумбольдтъ видѣлъ поэтому исключительно въ огражденіи общества отъ опасностей: сущность государства заключается въ установленіи неограниченной власти, а безъ нея, дѣйствительно, нельзя обойтись въ дѣлѣ охраненія безопасности. Но и тутъ Гумбольдтъ считалъ нужнымъ опредѣлить границы собственно дѣятельности государства, такъ какъ безъ этого весьма легко и въ данной области дойти до требованій, осуществленіе которыхъ было бы равносильно совершенному уничтоженію свободы гражданъ. Противъ внѣшнихъ враговъ государствамъ приходится вести войны, но только въ народныхъ ополченіяхъ возможно чувство свободы и гражданское воспитаніе, постоянныя же арміи превращаютъ людей въ машины, исполняющія волю своихъ предводителей. Въ дѣлѣ охраненія безопасности отъ внутреннихъ враговъ государство можетъ или ограничиваться простымъ пресѣченіемъ преступленій, или заботиться объ ихъ предупрежденіи, или же добиваться того же посредствомъ воспитанія, религіи, цензуры нравовъ, т.-е. дѣйствуя на самый характеръ гражданъ. Гумбольдтъ—противникъ государственнаго вмѣшательства въ дѣло воспитанія гражданъ. Примѣръ древности—не указъ. Въ античныхъ государствахъ застѣсненія, вытекавшія изъ вмѣшательства въ частную жизнь, гражданинъ вознаграждался такою свободою, какая въ наши времена совсѣмъ неизвѣстна, но вѣдь новое время тѣмъ и отличается отъ древности, что требуетъ проведенія въ жизнь личнаго начала, тогда какъ обществен-

ное воспитаніе налагаетъ на молодежь печать однообразія и сообщаетъ всѣмъ направленіе, нужное лишь для поддержанія даннаго порядка, подавляя тѣмъ самымъ многія стороны человѣческой природы. Далѣе, попеченіе государства о религіи всегда влечетъ за собою покровительство лишь извѣстнымъ ученіямъ въ ущербъ другимъ и грозитъ свободѣ совѣсти. Вѣра есть внутреннее дѣло души, и лишь тогда дѣйствіе вѣры плодотворно, когда она основана на духовной свободѣ, которая только одна и способна выработать въ народѣ крѣпость духа и способность къ энергической дѣятельности. Назначеніе пастырей и порядокъ общественнаго богослуженія должны быть изъяты изъ области государственнаго вмѣшательства и предоставлены самой религіозной общинѣ. Что касается до исправленія нравовъ путемъ правительственной цензуры, то и тутъ Гумбольдтъ стоитъ за невмѣшательство, такъ какъ, по его словамъ, всякое принужденіе къ этой области дѣлаетъ изъ народа толпу рабовъ, прокармливаемую своимъ господиномъ. Притомъ вмѣшательство въ частную жизнь создаетъ массу ненужныхъ столкновеній и вмѣстѣ съ тѣмъ массу неизбѣжныхъ при такой системѣ проступковъ. И въ дѣлѣ мѣръ, клонящихся къ предупрежденію преступленій, Гумбольдтъ совѣтовалъ большую осторожность, дабы не ограничивать безъ особой надобности индивидуальную свободу разнаго рода полицейскими запрещеніями. Въ области вопросовъ гражданскаго и уголовнаго права онъ стремился провести тотъ же индивидуалистическій принципъ. Въ своемъ трактатѣ Гумбольдтъ не распространяется о наилучшемъ государственномъ устройствѣ, но кое-что говоритъ вообще и объ этой сторонѣ политическаго вопроса. Устройство государства не должно служить препятствіемъ свободному развитію народа, и лишь та форма можетъ быть названа наилучшею, которая предоставляетъ государству самое незначительное вліяніе на гражданъ и въ то же время научаетъ ихъ уважать чужое право и горячо любить собственную свободу. Гумбольдтъ не скрываетъ, что онъ начертываетъ идеалъ, къ которому должно стремиться, но который едва ли когда-либо можетъ быть вполнѣ осуществленъ. Всегда приходится сообразоваться съ существующими условіями, но во всякомъ случаѣ главная задача государственнаго человѣка заключается въ томъ, чтобы постепенно расширять свободу и подготовлять людей къ умѣнію ею пользоваться путемъ развитія въ людяхъ самодѣятельности. Каждая эпоха имѣетъ свою задачу, а потому слѣдуетъ предоставить господствующему направленію высказаться до конца, отнюдь же не идти противъ него. По мѣрѣ того, какъ люди начинаютъ тяготиться старыми узами, нужно эти узы снимать, сохраняя до поры, до времени лишь тѣ стѣсненія, противъ которыхъ еще не протестуетъ сама жизнь. Впослѣдствіи Гумбольдтъ во многомъ измѣнилъ свои взгляды, но въ общемъ

онъ остался однимъ изъ представителей либерализма и въ эпоху реставраціи.

Гораздо еще болѣе яркимъ представителемъ либерализма въ двадцатыхъ годахъ былъ Бенжаменъ Констанъ, съ дѣятельностью котораго до 1815 года мы уже знакомы [1]). Послѣ вторичнаго паденія Наполеона Бенжаменъ Констанъ, сдѣлавшійся его сотрудникомъ при измѣненіи старыхъ конституцій имперіи, долженъ былъ оставить Францію, но въ 1816 г. ему позволено было вернуться въ Парижъ, а въ 1819 г. онъ былъ выбранъ въ палату депутатовъ, гдѣ и прославился своими рѣчами по конституціоннымъ вопросамъ. Въ 1816 — 1820 гг. онъ издалъ собраніе своихъ работъ по представительному образу правленія подъ заглавіемъ „Курсъ конституціонной политики" [2]), а въ 1829 г., за годъ до своей смерти (1830),—сборникъ мелкихъ статей подъ заглавіемъ „Mélanges de littérature et de politique". Въ предисловіи къ своему „Курсу" Бенжаменъ Констанъ говоритъ, что издаетъ собраніе сочиненій, написанныхъ въ виду тѣхъ или другихъ временныхъ обстоятельствъ, но заключающихъ принципы, приложимые ко всѣмъ правительственнымъ формамъ. Многія обстоятельства измѣнились, но одно осталось неизмѣннымъ: это—„потребность, какую чувствуетъ нація въ свободѣ, и желаніе націи пользоваться гарантіями, которыя гражданамъ должны давать всѣ политическія учрежденія, какія бы названія они ни носили". Книга имѣла громадный успѣхъ въ свое время и не потеряла значенія и впослѣдствіи, что доказывается многими ея изданіями [3]): недаромъ одинъ изъ позднѣйшихъ издателей „Курса" [4]) назвалъ его „учебникомъ свободы" (manuel de la liberté). Дѣйствительно, главная идея, которой служилъ Бенжаменъ Констанъ, была идея свободы. Самъ онъ на склонѣ дней своихъ въ предисловіи къ „Mélanges de littérature et de politique" говоритъ, что онъ „цѣлыя 40 лѣтъ защищалъ одно и то же, а именно свободу, свободу во всемъ—въ религіи, въ философіи, въ литературѣ, въ промышленности, въ политикѣ", т.-е. „торжество личности надъ властью, желающею управлять посредствомъ насилія, и надъ массами, предъ-

[1]) О Б. Констанѣ см.: *Bertauld*. Deux individualistes. 1862.—*А. Градовскій*. Парламентаризмъ во Франціи. — *М. Ковалевскій*. Молодость Б. Констана (Вѣстн. Евр., 1895).

[2]) Полное заглавіе: Collection complète des ouvrages publiés sur le gouvernement représentatif et la constitution actuelle, ou Cours de politique constitutionnelle par M. Benjamin Constant.

[3]) *Pagès'a* въ 1836 г., *Laboulaye* въ 1861 и въ 1872 г. и др.

[4]) *Laboulaye*, самъ написавшій книгу „О государствѣ и его предѣлахъ", существующую и въ рус. переводѣ. Своему изданію „Курса конституціонной политики" Лабулэ предпослалъ превосходную статью о политическихъ идеяхъ Б. Констана, существующую и въ рус. пер. (Юрид. Вѣстн., 1882).

являющими со стороны большинства право подчиненія себѣ меньшинства". Его взглядъ на свободу былъ прямо противоположенъ ученію Руссо и Мабли. Будучи самъ воспитанъ на классицизмѣ и представляя изъ себя хорошаго знатока древности,—что онъ доказалъ своимъ изслѣдованіемъ „Du polythéisme romain",—даже преклоняясь предъ античною свободою, онъ, однако, вооружился противъ возстановляемыхъ системъ Греціи и Рима, къ чему стремились политическіе теоретики XVIII в., такъ какъ, по его мнѣнію, эти системы заключали въ себѣ прямыя причины всѣхъ ошибокъ и крайнихъ увлеченій революціи.

Бенжаменъ Констанъ очень хорошо понималъ сущность новой свободы въ отличіе отъ свободы древней. „Свобода въ античныхъ республикахъ, говоритъ онъ, состояла болѣе въ дѣятельномъ участіи въ общемъ властвованіи, нежели въ спокойномъ пользованіи личной независимостью, и даже для обезпеченія этого участія чувство личной независимости въ извѣстной степени приносилось въ жертву. Новыя государства замѣнили непосредственное народовластіе народнымъ представительствомъ, въ силу чего каждый, не пользуясь непосредственно властью, ею и не наслаждается. Но зато люди новаго времени, чтобы быть счастливыми, не нуждаются ни въ чемъ, кромѣ полной независимости во всемъ, что относится къ сферѣ ихъ дѣятельности, къ ихъ занятіямъ, предпріятіямъ и фантазіямъ". „Индивидуальная свобода, говоритъ Бенжаменъ Констанъ въ другомъ мѣстѣ, есть цѣль всякаго соединенія людей: на ней покоится общественная и частная нравственность; на ней основываются промышленные расчеты. Безъ нея для людей нѣтъ ни мира, ни достоинства, ни счастья". Эта личная свобода имѣетъ разные виды, и Бенжаменъ Констанъ защищалъ каждый видъ индивидуальной свободы въ отдѣльности. Во главѣ всего онъ полагаетъ свободу религіозную и стоитъ за невмѣшательство государства въ дѣла вѣры. Онъ вооружается противъ ученія Руссо о гражданской религіи, открывавшаго широкое вмѣшательство государства въ личную свободу въ дѣлахъ вѣры. Мысль человѣка, говоритъ онъ, есть наиболѣе священная его собственность, будетъ ли она истиной или заблужденіемъ. Власть никогда не должна возбуждать преслѣдованія противъ религіи, даже считая ее опасною. Государство имѣетъ право карать только преступныя дѣйствія, если они обязаны своимъ происхожденіемъ какому-нибудь вѣроученію. Однако Бенжаменъ Констанъ признавалъ необходимымъ, чтобы государство оплачивало духовенство всѣхъ исповѣданій, имѣющихъ сколько-нибудь многочисленныхъ послѣдователей. Второй видъ свободы—свобода воспитанія. Въ этомъ дѣлѣ Бенжаменъ Констанъ предоставлялъ правительству лишь охрану и надзоръ, устраненіе препятствій и проложе-

ніе путей, но власть не должна была тормазить дѣло и давать ему какое-либо исключительное направленіе. Третій видъ—свобода печати, въ которой Бенжаменъ Констанъ видѣлъ одну изъ главныхъ гарантій личной свободы, причемъ онъ требовалъ, чтобы преступленія по дѣламъ печати подлежали суду присяжныхъ. Наконецъ, онъ защищалъ и неограниченную свободу собственности и промышленности [1]). Въ послѣднемъ отношеніи de facto онъ былъ защитникомъ интересовъ капитализма, стремившагося къ тому, чтобы государство не вмѣшивалось въ отношенія между предпринимателями и рабочими. Съ другой стороны, только представителямъ земельной и промышленной собственности онъ давалъ политическія права, потому что, по его мнѣнію, лишь досугъ, независимость и образованіе дозволяютъ вообще дѣлать хорошій выборъ представителей. Такимъ образомъ Бенжаменъ Констанъ вносилъ въ свои взгляды буржуазный оттѣнокъ, высказывая еще и то опасеніе, что неимущіе могли бы воспользоваться своими политическими правами для захвата собственности. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ политическій писатель выражалъ свое личное убѣжденіе, а не поддѣлывался подъ интересы буржуазіи. Совсѣмъ даже наоборотъ: выше мы уже объясняли, почему либеральная буржуазія во Франціи была противъ децентрализаціи, а между тѣмъ Бенжаменъ Констанъ въ силу своего основного принципа требовалъ развитія мѣстной жизни на началахъ свободы, критикуя ту крайнюю централизацію, которую установилъ Наполеонъ для цѣлей своего деспотизма. По вопросу о наилучшемъ государственномъ устройствѣ Бенжаменъ Констанъ былъ большимъ поклонникомъ англійской конституціи, хотя и находилъ неудобнымъ рабски ее копировать. Въ 1814 году онъ издалъ „Размышленія о конституціяхъ и гарантіяхъ", гдѣ въ сущности рекомендовалъ Франціи такую конституцію, которая ничѣмъ не отличалась отъ хартіи Людовика XVIII. Сначала онъ стоялъ, какъ и Монтескье, за двухпалатную систему съ тѣмъ, чтобы одна палата была наслѣдственною, но впослѣдствіи, именно въ своихъ „Мемуарахъ о ста дняхъ" (1829) онъ высказалъ мнѣніе, что во Франціи эта система непримѣнима, и событія 1830 года, уничтожившія наслѣдственность пэровъ, подтвердили его мысль. Онъ обращалъ главное вниманіе на то, чтобы конституція не только провозгласила принципъ свободы личности, но и законнымъ образомъ гарантировала эту свободу на самомъ дѣлѣ. По мнѣнію Бенжамена Констана, всѣ дѣйствительныя гарантіи сводятся къ свободѣ печати, подчиненной одному суду присяжныхъ, къ отвѣтственности не только министровъ, но и низшихъ агентовъ администраціи и къ многочисленному и независимому представительству.

[1]) Взгляды Бенжамена на этотъ предметъ будутъ разсмотрѣны особо въ главѣ XXVI этого тома.

Мы остановимся подробнѣе лишь на конституціонной теоріи Бенжамена Констана, ограничиваясь сказаннымъ выше относительно разныхъ видовъ свободы индивидуальной.

Бенжаменъ Констанъ вооружался противъ теоріи народовластія, т.-е. „верховенства (suprématie) общей воли надъ всякою частною волею". „Отвлеченное признаніе верховенства народа, говоритъ онъ, ничего не прибавляетъ къ полнотѣ свободы индивидуумовъ, а если этому верховенству придаютъ широту, которой оно не должно имѣть, свобода можетъ быть потеряна, несмотря на этотъ принципъ и даже прямо въ силу этого принципа. Когда говорятъ, что верховенство народа безгранично, то создаютъ и помѣщаютъ въ человѣческомъ обществѣ степень власти, которая слишкомъ обширна сама по себѣ и которая есть зло, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась. Ошибка тѣхъ, которые въ своей вполнѣ искренней любви къ свободѣ приписали верховенству народа неограниченную власть, проистекаетъ изъ способа, которымъ они вырабатывали свои политическіе взгляды. Въ исторіи они встрѣчались съ случаями, когда немногіе или одно лицо, обладая громадной властью, дѣлали много зла, но ихъ гнѣвъ былъ направленъ противъ обладателей власти, а не противъ нея самой. Вмѣсто того, чтобы ее разрушить, они только постарались ее перемѣстить. Несомнѣнно, что въ обществѣ, основанномъ на верховенствѣ народа, ни одно лицо, ни одинъ классъ не имѣетъ права подчинить остальныхъ своей частной волѣ, но совсѣмъ ложно и то, будто общество въ цѣломъ имѣетъ надъ своими членами верховную власть безъ границъ. Есть сторона человѣческаго бытія, которая по необходимости остается личной (individuelle) и независимой и которая по праву не подлежитъ общественной компетенціи. Верховная власть существуетъ лишь въ ограниченномъ и относительномъ смыслѣ. Руссо не призналъ этой истины, и изъ его заблужденія возникъ „Contrat social", на который такъ часто ссылались въ пользу свободы, но который былъ орудіемъ всѣхъ родовъ деспотизма. Границы власти должны быть установлены справедливостью и правами отдѣльныхъ лицъ. Воля цѣлаго народа не можетъ сдѣлать справедливымъ то, что несправедливо. Представители націи не имѣютъ права дѣлать то, чего не имѣетъ права дѣлать сама нація. Конечно, недостаточно еще отвлеченнаго ограниченія верховенства. Нужно еще найти основы политическихъ учрежденій, которыя такимъ образомъ комбинировали бы интересы разныхъ представителей власти (dépositaires de la puissance), чтобы имъ было выгодно самымъ очевиднымъ образомъ, на самое долгое время и съ наибольшею увѣренностью въ своей прочности —оставаться каждому въ границахъ своихъ правъ. Кромѣ того, когда извѣстные принципы вполнѣ и ясно обоснованы, они какъ бы сами

гарантируютъ свое существованіе. Очевидность создаетъ въ свою пользу общее мнѣніе, которое въ концѣ концовъ побѣждаетъ. Разъ признано, что верховная власть не безпредѣльна, т.-е. что на землѣ не существуетъ безграничной власти, никто и никогда не станетъ требовать себѣ такой власти".

Такъ смотрѣлъ Бенжаменъ Констанъ на верховную власть, опровергая „ложную метафизику" Руссо. Между приведенными мыслями отмѣтимъ идею взаимнаго уваженія конституціонныхъ властей. Такихъ властей онъ насчитывалъ пять: власть королевскую, исполнительную, представительную, судебную и муниципальную. Не касаясь послѣдней, т.-е. органовъ мѣстнаго самоуправленія, которому Бенжаменъ Констанъ придавалъ большое значеніе, и не говоря также о судебной власти, остановимся только на трехъ первыхъ. Бенжаменъ Констанъ различаетъ въ монархической власти два элемента: „власть исполнительную, облеченную положительными прерогативами, и власть королевскую, которая покоится на воспоминаніяхъ и религіозныхъ преданіяхъ". Нужна сила, которая установляла бы согласіе между исполнительною, законодательною и судебною властями въ случаяхъ столкновеній между ними, и нужно, чтобы эта сила находилась внѣ этихъ трехъ властей и занимала по отношенію къ нимъ нейтральное положеніе. „Конституціонная монархія, говоритъ Бенжаменъ Констанъ, имѣетъ то преимущество, что создаетъ эту нейтральную власть въ особѣ короля, окруженной воспоминаніями и традиціями и облеченной силою мнѣнія, которое и есть основа ея политическаго значенія. Настоящій интересъ такого короля совсѣмъ не въ томъ, чтобы одна власть ниспровергла другую, но въ томъ, чтобы всѣ онѣ одна другую поддерживали, были между собой въ единодушіи и солидарно дѣйствовали. Законодательная власть находится въ представительныхъ собраніяхъ съ санкціей короля, исполнительная власть—у министровъ, судебная—въ трибуналахъ. Среди этихъ властей король занимаетъ нейтральное и посредствующее положеніе безъ всякаго прямого интереса разстраивать равновѣсіе и, наоборотъ, имѣя интересъ его поддерживать. Разумѣется, такъ какъ люди не всегда повинуются своему прямому интересу, нужно принять извѣстныя предосторожности, чтобы королевская власть не могла дѣйствовать на другія власти, и въ этомъ заключается разница между монархіей абсолютной и конституціонной". Установивъ этотъ принципъ, Бенжаменъ Констанъ показываетъ, какъ примѣняется онъ въ англійской конституціи: для него такая нейтральная власть есть необходимое условіе правильной свободы. Король назначаетъ и смѣщаетъ исполнительную власть. Его санкція необходима для того, чтобы постановленія представительныхъ собраній имѣли силу закона. Онъ можетъ отсрочивать законодательныя собранія и

распускать то изъ нихъ, которое выбирается народомъ. „Не можетъ быть свободы ни въ одной большой странѣ, говоритъ Бенжаменъ Констанъ, безъ представительныхъ собраній, облеченныхъ законными и сильными прерогативами; но и эти собранія сами не лишены опасности, а потому въ интересахъ самой свободы нужны вѣрныя средства, чтобы предупредить злоупотребленія властью. Если не положить предѣловъ власти представителей народа, они уже не защитники свободы, а кандидаты на тираннію, а когда тираннія уже явилась, она тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ больше число тиранновъ. При конституціи, часть которой состоитъ изъ національнаго представительства, нація лишь тогда свободна, когда существуетъ сдержка для ея депутатовъ". Королевское veto можетъ имѣть силу лишь противъ отдѣльныхъ законовъ, но не противъ общей тенденціи собранія. Нуженъ роспускъ собранія съ назначеніемъ новыхъ выборовъ, и это вовсе не есть оскорбленіе для народа. Это—апелляція къ его правамъ во имя его интересовъ,—разъ только выборы свободны, потому что безъ свободы выборовъ нѣтъ и представителей системы. Наконецъ, королю Бенжаменъ Констанъ даетъ право назначенія судей, право помилованія, право войны и мира, и особа короля объявляется у него священной и неприкосновенной. Что касается до исполнительной власти, то по конституціонной теоріи Бенжамена Констана она принадлежитъ министрамъ. „Наслѣдственный монархъ можетъ и долженъ быть неотвѣтственнымъ", отвѣтственность несутъ министры, и она притомъ не должна разрушать отвѣтственности ихъ агентовъ, что̀, прибавляетъ Бенжаменъ Констанъ, особенно нужно помнить во Франціи. „Представительная власть" заключается въ двухъ палатахъ, изъ которыхъ одна наслѣдственная, другая выбирается народомъ, и обѣимъ имъ сообща съ исполнительною властью должна принадлежать законодательная инициатива. Бенжаменъ Констанъ особенно настаивалъ на томъ, чтобы обѣ власти пользовались законодательной инициативою. Представительное собраніе должно выражать народныя нужды, ибо представители знаютъ эти нужды, но къ чему имъ послужило бы это знаніе, если бы они лишены были права инициативы? Но и у правительства есть нужды, а потому инициатива должна принадлежать и министрамъ; безъ нея они были бы рабы. Кромѣ того, Бенжаменъ Констанъ стоялъ еще за парламентское министерство, котораго тщетно добивался Мирабо для конституціи 1791 г. „Министры, говоритъ онъ, могутъ быть членами представительныхъ собраній, и члены этихъ собраній могутъ сдѣлаться министрами, подчиняясь переизбранію". Въ этомъ онъ видитъ большія выгоды и высказываетъ мнѣніе, что, быть можетъ, такое допущеніе именно и сохранило англійскую конституцію. „Если члены представительныхъ собраній не будутъ имѣть возможности участвовать

въ правительствѣ, какъ министры, нужно опасаться, какъ бы они не стали смотрѣть на правительство, какъ на своего естественнаго врага". Вообще онъ совершенно вѣрно понялъ основной принципъ парламентарнаго министерства: „соединяя лицъ, но не переставая различать власти, установляютъ гармоническое правленіе, вмѣсто того, чтобы создавать два вооруженныхъ лагеря". Бенжаменъ Констанъ требовалъ еще, чтобы члены представительной власти не получали жалованья, ибо если установить плату (salaire) за ихъ трудъ, пожалуй, эта плата для нихъ сдѣлается главнымъ. „Я, говоритъ онъ, не люблю слишкомъ большого имущественнаго ценза (les fortes conditions de propriété) для отправленія политическихъ должностей. Независимость—понятіе относительное: разъ у человѣка есть необходимое, достаточно имѣть возвышенную душу, чтобы обходиться безъ излишняго. Однако, желательно, чтобы представительныя должности занимались вообще людьми если и не богатаго (opulente), то, по крайней мѣрѣ, достаточнаго (dans l'aisance) класса. Ихъ положеніе выгоднѣе, ихъ образованіе лучше, ихъ умъ свободнѣе, ихъ пониманіе быстрѣе и яснѣе схватываетъ вещи. Бѣдность имѣетъ свои предразсудки, какъ и невѣжество". Помня уроки революціи, Бенжаменъ Констанъ требовалъ еще, чтобы депутаты не могли быть изгоняемы и исключаемы изъ собранія. Онъ доказывалъ при этомъ, что согласное дѣйствіе (le concours) всѣхъ властей еще не узаконяетъ нарушенія судебныхъ формальностей. Наконецъ, Бенжаменъ Констанъ ставитъ конституцію выше конституціонныхъ властей [1]), ибо онѣ сами существуютъ только въ силу конституціи. „Во время нашей революціи, говоритъ онъ, наши правительства часто высказывали притязаніе на право нарушать конституцію ради ея спасенія", но конституціонное правительство тотчасъ же перестаетъ существовать, какъ только перестаетъ существовать конституція, а она болѣе не существуетъ, разъ она нарушена. Бенжаменъ Констанъ различаетъ поэтому между законами конституціонными и простыми. „Все, что̀ относится къ границамъ и сферамъ вѣдѣнія властей, къ политическимъ и индивидуальнымъ правамъ, не составляетъ части конституціи и можетъ быть измѣнено совокупнымъ дѣйствіемъ короля и обѣихъ палатъ". Нужно, чтобы конституція ограничивалась самымъ необходимымъ и не заключала въ себѣ мелочей, которыя вѣчно будутъ нарушаться: надо предоставить установленіе подробностей свободному дѣйствію конституціонныхъ властей. „Конституціи, говоритъ Бенжаменъ Констанъ, рѣдко создаются волею людей. Ихъ создаетъ время; онѣ входятъ въ жизнь постепенно и не-

---

[1]) Т.-е. не признаетъ той „деспотической власти", которая принадлежитъ англійскому парламенту. См. объ этомъ еще ниже, въ главѣ XXI.

замѣтнымъ образомъ. Однако, прибавляетъ онъ, бываютъ обстоятельства,—и мы находимся (сказано въ 1814 г.) именно въ такомъ положеніи, — которыя дѣлаютъ неизбѣжнымъ созданіе конституціи, но въ такомъ случаѣ ограничьтесь самымъ необходимымъ, давъ просторъ времени и опыту", лишь бы, конечно, не были нарушены принципы представительства, личной неприкосновенности, свободнаго проявленія мысли и независимости судебной власти.

Въ заключеніе этой главы укажемъ на то, что либерализмъ не представлялъ какой-нибудь однообразной догмы: были либералы монархисты и республиканцы, либералы конституціонные и революціонные, централисты и федералисты, космополиты и націоналисты, католики и протестанты и т. д. Въ каждой отдѣльной странѣ либерализмъ получалъ особую окраску и соединялся съ особыми мѣстными, національными стремленіями. У народовъ, не имѣвшихъ самостоятельнаго національнаго существованія или государственнаго единства, либерализмъ соединялся съ стремленіемъ къ освобожденію или объединенію. Этимъ особенно отличается либерализмъ у нѣмцевъ, у итальянцевъ, у поляковъ. Испанскіе либералы стремились къ возвращенію конституціи 1812 г.; французскіе—къ измѣненію хартіи 1814 г. или къ перемѣнѣ династіи; англійскіе — къ парламентской реформѣ и т. д. Въ разныхъ странахъ либерализмъ имѣлъ опору и въ разныхъ классахъ общества, гдѣ въ среднемъ сословіи, а гдѣ и въ дворянствѣ (шляхта въ Польшѣ, декабристы въ Россіи), но нерѣдко онъ искалъ опоры въ арміи, которая въ такихъ случаяхъ даже прямо дѣлалась орудіемъ политическихъ революцій.

XV. Священный союзъ, южно-романскія революціи и конгрессы [1].

Общій взглядъ на международное положеніе послѣ 1815 г. — Безпринципность международной политики въ XVIII в. и принципъ легитимизма.—Особое положеніе Австріи и политическая программа Меттерниха.—Александръ I и его роль въ эпоху конгрессовъ. — Г-жа Крюденеръ. — Священный союзъ и его значеніе.— Начало легитимизма на вѣнскомъ конгрессѣ. — Ахенскій конгрессъ.—Крайности реакціи въ Испаніи и Италіи.—Революціи 1820—21 гг.—Конгрессы въ Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ. — Подавленіе неаполитанской и пьемонтской революціи Австріей.—Реакція въ Италіи. — Внутренняя борьба въ Испаніи и французское вмѣшательство. — Причины неудачи южно-романскихъ революцій.

Главный интересъ западно-европейской исторіи въ періодъ отъ 1815—1830 г. сосредоточивается на борьбѣ между двумя противопо-

[1]) По исторіи международныхъ отношеній въ эту эпоху, кромѣ общихъ соч., указанныхъ въ первой главѣ и названныхъ выше спеціальныхъ трудовъ по исторіи

ложными культурными и политическими направленіями, которыя только-что нами были разсмотрѣны. Къ борьбѣ между реакціей и либерализмомъ можно пріурочить не только событія внутренней исторіи отдѣльныхъ странъ, но и всю международную политику эпохи. Французская революція застала старую Европу врасплохъ. Монархическія государства вооружились противъ революціи, которая грозила сдѣлаться всесвѣтной, но онѣ не съумѣли прочно соединиться для того, чтобы совокупными силами отстоять принципъ, во имя котораго предприняли крестовый походъ противъ Франціи. Въ 1795 г. Пруссія, заключивъ съ республикой миръ въ Базелѣ, показала примѣръ, которому стали подражать и другія государства: у всѣхъ у нихъ собственные интересы стояли выше общаго принципа, и правительства пошли на сдѣлки съ революціей, разъ отсюда извлекалась или ожидалась та или другая выгода. Не иначе поступали европейскія правительства и по отношенію къ Наполеону, какъ наслѣднику внѣшней политики революціи, пока въ 1813 г. не составилась, наконецъ, прочная коалиція противъ Франціи, которая и низвергла Наполеона. То, чего европейскія державы не смогли сдѣлать въ 1793 г., сдѣлано было ими въ 1813 г.: образовалась общеевропейская коалиція, проявившая большое единодушіе и достигшая цѣлей, которыя она себѣ поставила. Въ 1814 г. коалиція низложила Наполеона и созвала въ Вѣнѣ конгрессъ для полюбовныхъ соглашеній на счетъ будущаго устройства международныхъ отношеній, а въ 1815 г. благополучно довела это дѣло до конца, вторично низложивъ Наполеона. Въ томъ же 1815 г. былъ, наконецъ, заключенъ между государями Россіи, Австріи и Пруссіи союзъ, получившій названіе „Священнаго", и скоро другія государства примкнули къ этому союзу. Миръ былъ не только возстановленъ, но и обезпеченъ на будущее время. Дѣйствительно, между

дипломатіи, равно какъ тѣхъ, которыя будутъ еще указаны, см. еще разныя руководства по международному праву (по-русски проф. Θ. Θ. *Мартенса*). Въ частности см. *Brockhaus*. Das Legitimitäts-Princip. 1868.—*Bianchi*. Storia documentata della diplomazia Europea in Italia.—*Гр. Камаровскій*. Начало невмѣшательства. 1874.—*В. Даневскій*. Система политическаго равновѣсія и легитимизма и начало національности въ ихъ взаимной связи. 1882. (Въ книгѣ проф. Даневскаго есть еще отдѣлъ и о вѣнскомъ конгрессѣ).—*Flathe*. Das Zeitalter der Restauration und Revolution. 1883 (въ коллекціи Онкена).— По исторіи Испаніи см. книги *Raynald'a*, *Baumgarten'a* (Geschichte Spaniens vom Ausbruch der französischen Revolution), *Hubbar'a* (Histoire contemporaine de l'Espagne), *А. Трачевскаго* (Исторія Испаніи въ XIX в.), *Dierck's'a* (нѣмецкое сочиненіе 1895 г.) и др. Исторія Италіи въ XIX в. *Sorin'a* и *Reuchlin'a*.—*Ferrari*. Histoire des révolutions d'Italie. 1858.—*Giacometti*. La question italienne du 1814 à 1860. 1893.—Наконецъ, цѣлый рядъ исторій Италіи съ 1814 г. на итальянскомъ языкѣ (*Монтанелли*, *Фарини*, *Ла-Фарина*, *Бьянки* и другія).

христіанскими народами Европы миръ установился на весьма продолжительный періодъ—до начала восточной войны 1853—1856 г. Когда вспыхнула эта война, Бокль, писавшій въ то время свою „Исторію цивилизаціи въ Англіи", объяснялъ, какъ извѣстно, происхожденіе этой войны тѣмъ, что отсталая Россія напала на отсталую Турцію: иначе, думалъ англійскій историкъ, войны не могло бы быть,—до такой степени продолжительный миръ послѣ 1815 г. пріучилъ къ мысли о невозможности новыхъ войнъ. Тѣмъ не менѣе и въ этотъ мирный періодъ европейской исторіи на Западѣ происходили потрясенія революціоннаго характера — въ началѣ двадцатыхъ, въ началѣ тридцатыхъ и въ концѣ сороковыхъ годовъ, но они подавлялись иностраннымъ вмѣшательствомъ во имя опять-таки всеобщаго спокойствія. Особенно единодушно и сильно было такое вмѣшательство въ двадцатыхъ годахъ. Въ это время произошли революціи въ Испаніи, въ Неаполѣ, въ Португаліи и въ Пьемонтѣ, заставившія европейскія правительства собираться на новые конгрессы, на которыхъ Австрія и Франція и были уполномочены подавить южно-романскія революціи. Въ 1830 г. вмѣшательство имѣло уже болѣе мирный характеръ, а венгерская революція 1848 г. была усмирена лишь одностороннимъ дѣйствіемъ Россіи. Въ настоящей главѣ мы и разсмотримъ, во-первыхъ, возникновеніе Священнаго союза, заключеннаго съ цѣлями миролюбиваго улаженія международныхъ столкновеній, но сдѣлавшагося вмѣстѣ съ тѣмъ органомъ общеевропейской реакціи; во-вторыхъ, революціи, вызванныя въ началѣ двадцатыхъ годовъ въ южно-романскихъ странахъ крайностями реакціи, и, въ-третьихъ, конгрессы, на которые въ эту эпоху („эпоха конгрессовъ", 1814—1822) собирались монархи, ихъ министры и дипломаты для разсмотрѣнія европейскихъ дѣлъ и противодѣйствія революціоннымъ стремленіямъ.

Въ самомъ образованіи Священнаго союза нельзя не видѣть своего рода реакціи противъ политики XVIII в. Дѣло въ томъ, что до начала французской революціи европейскія правительства смотрѣли на перевороты, совершавшіеся въ отдѣльныхъ странахъ, исключительно съ точки зрѣнія своихъ частныхъ выгодъ, не обращая вниманія на тѣ принципы, во имя которыхъ совершался тотъ или другой переворотъ. Въ иностранной политикѣ всѣхъ державъ даже особую силу получило общее правило—всячески содѣйствовать смутамъ въ сосѣднемъ или соперничающемъ государствѣ, благодаря чему, напр., абсолютныя монархіи противились усиленію королевской власти въ такихъ странахъ, гдѣ послѣдняя была слаба и гдѣ раздоры аристократическихъ партій дѣлали сильную внѣшнюю политику невозможной. Въ этомъ отношеніи особенно характерно, что если въ XVIII в. правительства вмѣшивались въ чужія дѣла, то не во имя

поддержанія у сосѣдей политическаго принципа, который господствовалъ въ ихъ собственной жизни, а ради достиженія тѣхъ или другихъ практическихъ цѣлей. Лишь французская революція заставила державы впервые соединиться для защиты принципа, но мы уже видѣли, что старая безпринципная политика, вошедшая въ нравы и обычаи правительствъ, и тутъ взяла перевѣсъ надъ идеею союза во имя поддержанія принципа. Священный союзъ былъ порожденъ именно реакціей противъ безпринципности внѣшней политики XVIII в., и первымъ мотивомъ, его вызвавшимъ, была мысль о необходимости признать извѣстные принципы международныхъ отношеній и защищать эти принципы постояннымъ союзомъ государствъ. Вѣнскій конгрессъ долженъ былъ положить конецъ эпохѣ международныхъ лигъ, составлявшихся преимущественно для нападенія на болѣе слабыхъ и раздѣла ихъ владѣній. По рѣшенію этого европейскаго ареопага каждый государь долженъ былъ владѣть тѣмъ, что̀ здѣсь за нимъ признано было другими, какъ его законное достояніе, а такъ какъ наиболѣе сильные члены союза, низложившіе Наполеона, были притомъ очень хорошо „вознаграждены“, то имъ и оставалось желать только одного — упроченія на будущія времена порядка вещей, установленнаго на конгрессѣ. Послѣ четверти вѣка постоянныхъ войнъ чувствовалось вмѣстѣ съ тѣмъ утомленіе и всеобщее желаніе мира, и охранить его лучше всего могъ союзъ, только что низложившій Наполеона и раздѣлившій по новому Европу. Самъ международный порядокъ, созданный на вѣнскомъ конгрессѣ, былъ результатомъ соглашенія державъ, считавшихъ себя вполнѣ удовлетворенными распредѣленіемъ вознагражденій, и для охраны этого порядка опять-таки наилучшимъ средствомъ являлся постоянный международный союзъ. Какія бы ни были личныя побужденія иниціатора Священнаго союза, императора Александра I, сдѣланное имъ предложеніе, такъ сказать, вытекало изъ потребности въ мирѣ и въ охраненіи установленнаго международнаго порядка, болѣе или менѣе ощущавшейся всѣми правительствами, а такъ какъ грозить этому порядку могли развѣ только новыя революціи, то въ концѣ концовъ новый союзъ и долженъ былъ главнымъ образомъ направиться противъ всякихъ внутреннихъ потрясеній въ отдѣльныхъ странахъ. Кромѣ того, и на международной политикѣ не могла не отразиться внутренняя реакція, происходившая во всѣхъ государствахъ. Принципъ легитимизма, игравшій видную роль на вѣнскомъ конгрессѣ при устройствѣ общеевропейскихъ дѣлъ и сдѣлавшійся въ то же время основнымъ принципомъ реакціи во внутреннихъ отношеніяхъ отдѣльныхъ странъ, долженъ былъ неизбѣжно стать и лозунгомъ международнаго союза, поставившаго своею задачею охрану существующаго порядка и предотвращеніе новыхъ потрясеній.

Въ этомъ болѣе или менѣе были заинтересованы всѣ государства, но сильнѣе всего была заинтересована Австрія. Политика этой державы вообще отличалась консервативностью, кромѣ короткаго перерыва при Іосифѣ II. Австрія всегда была хранительницей клерикально-аристократическихъ и абсолютистическихъ традицій и интересовъ, а стремленіе создать единую имперію изъ конгломерата разныхъ національностей и государствъ постоянно заставляло династію Габсбурговъ опасаться какихъ бы то ни было движеній среди ея подданныхъ. Какъ единая имперія, Австрія возникла лишь въ наполеоновское время, но ея государямъ еще только предстояло осуществить въ дѣйствительности идею объединеннаго и централизованнаго государства. Для этого нужно было время, и было необходимо, чтобы извнѣ ничто не мѣшало внутренней работѣ въ этомъ направленіи. Національныя стремленія среди нѣмцевъ, итальянцевъ и поляковъ, возбужденныя событіями предшествующей эпохи, были для Австріи наиболѣе непріятны и опасны, такъ какъ подъ властью Габсбурговъ были именно и нѣмцы, и итальянцы, и поляки, и они легко возбуждались тѣмъ, что̀ происходило у ихъ единоплеменниковъ и въ Германіи, и въ самостоятельныхъ итальянскихъ государствахъ, и въ Царствѣ Польскомъ. Вотъ почему Австрія сдѣлалась главною противницею конституціонныхъ движеній и самою сильною опорою реакціи во всей Германіи; вотъ почему она хлопотала о поддержкѣ реакціи въ разныхъ частяхъ Италіи и первая встревожилась неаполитанскою революціей, которую потомъ и подавила; вотъ почему, наконецъ, она съ неудовольствіемъ отнеслась и къ тому, что Александръ I не просто инкорпорировалъ Польшу въ составъ Россійской имперіи, а создалъ изъ нея особое конституціонное королевство. Такимъ образомъ, кромѣ общихъ причинъ, дѣйствовавшихъ во всѣхъ государствахъ въ пользу поддержки принципа легитимизма, у Австріи существовали еще особые интересы, заставлявшіе ее желать проведенія легитимныхъ началъ въ международныхъ отношеніяхъ. Въ Австріи явился и государственный человѣкъ, который сдѣлался, такъ сказать, главнымъ вождемъ реакціонной политики и внутренней, и внѣшней. Это былъ знаменитый Меттернихъ.

Князь Меттернихъ [1]) въ молодыхъ еще годахъ началъ играть роль на дипломатическомъ поприщѣ. На раштатскомъ конгрессѣ 1797—99 г. мы въ первый разъ встрѣчаемся съ двадцатипятилѣтнимъ Меттернихомъ въ качествѣ посланника вестфальской имперской графской коллегіи, а съ 1801 г., когда ему еще не было тридцати лѣтъ,

[1]) *Hormayr*. Kaiser Franz und Metternich. 1848. — *Schmidt-Weissenfels*. Fürst Metternich. 1860.—*Beer*. Fürst Klemens Metternich. 1878.—*Ch. de Mazade*. Un chancelier d'ancien régime. Le règne diplomatique de M. de Metternich. 1889.—*Надлеръ*. Меттернихъ и европейская реакція.

онъ уже представлялъ Австрію сначала въ Дрезденѣ, потомъ въ Берлинѣ (съ 1803 г.) и при дворѣ Наполеона (между 1806 и 1809 гг.), которому съумѣлъ угодить пріятнымъ обращеніемъ и покладливостью характера. Послѣ битвы при Ваграмѣ Меттернихъ былъ сдѣланъ австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ 1813 г. онъ старался своимъ посредничествомъ прекратить борьбу союзниковъ съ Наполеономъ, котораго склонялъ къ принятію мирныхъ предложеній. Въ 1814 и 1815 гг. онъ былъ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ дѣятелей вѣнскаго конгресса, и съ этого времени начинается та первенствующая роль, какую онъ игралъ въ дипломатіи, имѣя при себѣ въ качествѣ правой руки извѣстнаго Генца [1]), въ шутку прозваннаго Untermetternich'омъ. Въ двадцатыхъ годахъ Меттернихъ былъ сдѣланъ канцлеромъ, а потомъ президентомъ министерскихъ конференцій по внутреннимъ дѣламъ. Эти должности онъ занималъ потомъ вплоть до 1848 г., неизмѣнно и неуклонно придерживаясь крайне реакціоннаго направленія во внутренней и внѣшней политикѣ. Свою дипломатическую ловкость Меттернихъ съумѣлъ проявить еще въ эпоху господства Франціи. Все его искусство заключалось, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы съ терпѣніемъ выжидать наступленія благопріятныхъ обстоятельствъ и умѣть во-время пользоваться ими. Въ эпоху паденія Наполеона и на вѣнскомъ конгрессѣ онъ и съумѣлъ воспользоваться обстоятельствами къ наибольшей выгодѣ для Австріи, поднялъ ея международное значеніе и получилъ для нея достаточное количество „вознагражденій“. Будучи съ головы до ногъ человѣкомъ „стараго порядка“, онъ раньше вынужденъ былъ терпѣть существованіе весьма многаго такого, что̀ имѣло революціонное происхожденіе, но когда началась реакція противъ революціи и всѣхъ вызванныхъ ею измѣненій, онъ получилъ возможность вполнѣ проявить свои настоящія симпатіи и основать всю свою дальнѣйшую политику на одномъ принципѣ. Изъ всѣхъ тогдашнихъ государственныхъ людей онъ полнѣе другихъ воплощалъ въ своей дѣятельности принципъ реакціонной политики и неуклоннѣе, чѣмъ кто-либо, проводилъ его на практикѣ. Вотъ почему послѣ 1815 г. Меттернихъ былъ не просто австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а, такъ сказать, руководителемъ международной политики во всей Европѣ. Императоръ Францъ I [2]) долженъ былъ особенно дорожить такимъ министромъ. Это былъ человѣкъ замкнутый и безстрастный, до педантизма преданный идеѣ порядка и дисциплины, абсолютистъ до мозга костей, а потому сторонникъ па-

---

[1]) О немъ *Haym* (въ Allgem. Enc. Эрша и Грубера), *Schmidt-Weissenfels* (1859), *Mendelsohn-Bartholdy* (1867), *Fournier* (Gentz und Cobenzl) и др.

[2]) Сочиненія о немъ: *Gross-Hoffinger'a* (1835), *Hormayr'a* (1848), *Meynert'a* (1872) и др.

тріархальнаго управленія государствомъ, вѣрившій притомъ, подобно одному изъ своихъ предковъ (Фридриху III), въ то, что Австріи принадлежитъ господство надъ міромъ до скончанія вѣковъ. Поэтому Меттернихъ дѣйствовалъ въ полномъ единодушіи со своимъ государемъ, который, какъ и самъ онъ, весьма подозрительно относился къ національнымъ движеніямъ, вызваннымъ борьбой съ Наполеономъ. Либерализмъ, въ какой бы формѣ онъ ни проявлялся, былъ Меттерниху прямо ненавистенъ. Даже Штейнъ, хлопотавшій въ эпоху войны за освобожденіе и вѣнскаго конгресса объ единой и свободной Германіи, казался ему какимъ-то якобинцемъ, императоръ Александръ I—также чѣмъ-то въ родѣ якобинца, и даже къ его идеѣ о Священномъ союзѣ Меттернихъ отнесся сначала весьма неблагосклонно. Такой человѣкъ, конечно, долженъ былъ сдѣлаться опорою реакціонеровъ во всѣхъ странахъ, а подъ его умѣлою рукою Священный союзъ прямо превратился въ органъ реакціи международнаго характера, тѣмъ болѣе, что самое содержаніе акта этого союза, какъ мы сейчасъ увидимъ, вполнѣ соотвѣтствовало стремленіямъ реакціи. Склонить русскаго императора на сторону своей политики было одною изъ главныхъ задачъ Меттерниха послѣ 1815 г., особенно въ виду того значенія, какое получила тогда Россія въ международныхъ дѣлахъ Европы.

Послѣдняя борьба съ Наполеономъ послѣ неудачи его въ Россіи въ 1812 г. дѣйствительно происходила, такъ сказать, подъ нравственнымъ предводительствомъ Россіи. Александръ I довелъ успѣшно до конца дѣло освобожденія Европы отъ владычества императора французовъ, а послѣ особенно хлопоталъ о томъ, чтобы и на будущее время сохранить европейскій миръ. Роль миротворца льстила его самолюбію, и у него возникла мысль о необходимости тѣснаго союза между монархами для полюбовнаго разрѣшенія международныхъ споровъ и о превращеніи конгрессовъ въ своего рода постоянное учрежденіе для дальнѣйшаго поддержанія мира и согласія державъ. Уже это одно давало возможность реакціонной политикѣ имѣть на своей сторонѣ Россію, тѣмъ болѣе, что и въ ней самой началась послѣ 1815 г., отчасти вслѣдствіе внутреннихъ причинъ, отчасти подъ чужимъ вліяніемъ, весьма сильная реакція, которой подчинился и Александръ I [1]). Стремленіе къ поддержанію порядка, установленнаго на вѣнскомъ конгрессѣ, и мира между державами, съ одной стороны, а съ другой, реакціонное направленіе, принятое и русскимъ правительствомъ, заставляли Александра I все болѣе и болѣе входить въ виды Меттерниха. Но когда Священный союзъ только еще заключался, русскій императоръ былъ въ совершенно иномъ настроеніи. Родившись въ

[1]) *А. Пыпинъ.* Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I.

эпоху господства французской философіи, въ числѣ поклонниковъ которой находилась его бабка, онъ получилъ по указанію послѣдней воспитаніе въ духѣ идей вѣка. Насколько вообще его дѣйствія соотвѣтствовали его либеральнымъ заявленіямъ, это—другой вопросъ [1]), но около 1815 г. онъ думалъ, что его задачею должна была быть поддержка конституціонныхъ учрежденій, и на этомъ онъ основывалъ свою тогдашнюю политику, стремясь къ популярности въ общественномъ мнѣніи Европы. Послѣдняя борьба съ Наполеономъ, на котораго смотрѣли, какъ на деспота и тиранна, оживила повсемѣстно стремленіе къ свободѣ; къ тому же сами правительства надавали тогда своимъ подданнымъ обѣщаній въ либеральномъ смыслѣ. Все это не могло не дѣйствовать на Александра I, тѣмъ болѣе еще, что въ годы окончательной развязки съ Наполеономъ онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Штейна. Присоединяя въ 1809 г. къ Россіи Финляндію, Александръ I сохранилъ за нею шведское государственное устройство. Въ 1814 г. онъ настоялъ, чтобы Франція получила отъ Людовика XVIII конституціонную хартію. Въ 1815 г. онъ самъ даровалъ конституцію Царству Польскому, несмотря на то, что это не особенно нравилось Австріи и Пруссіи, у которыхъ были свои польскіе подданные. Въ Германіи и въ Италіи Александръ I равнымъ образомъ тоже благопріятствовалъ конституціоннымъ учрежденіямъ. Въ 1818 г. открывая варшавскій сеймъ, онъ въ своей тронной рѣчи даже просилъ своихъ польскихъ подданныхъ доказать, что либеральныя учрежденія не суть опасное обольщеніе, и выразилъ сверхъ того надежду распространить эти учрежденія на всѣ земли, подвластныя его скипетру. Дальнѣйшія событія показали, впрочемъ, что Александръ I былъ очень мало способенъ оставаться конституціоннымъ монархомъ. Уже первая оппозиція, какую встрѣтили на варшавскомъ сеймѣ правительственныя предложенія, наполнила его сердце горечью, охладила его къ конституціоннымъ учрежденіямъ и сблизила его съ реакціонерами, указывавшими на опасность либеральной политики. Но это явилось уже послѣ, а въ 1815 г., когда заключенъ былъ Священный союзъ, Александръ I, повторяемъ, находилъ еще возможнымъ покровительствовать либерализму: не даромъ же Меттернихъ заподозрилъ и самый Священный союзъ въ либеральныхъ стремленіяхъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя смотрѣть на актъ Священнаго союза, какъ на составленный прямо въ реакціонныхъ цѣляхъ. Но была въ этомъ дѣлѣ и другая сторона, дѣйствительно роднившая самую мысль о Священномъ союзѣ съ общими стремленіями реакціи. Натура Александра I была вообще весьма сложная, и между его нерѣдко противорѣчивыми свойствами довольно за-

---

[1]) См. книгу объ Александрѣ I *Н. К. Шильдера*.

мѣтно выдвигается своеобразная мечтательность, склонность къ мистической религіозности. События 1812 г. очень сильно подѣйствовали на него въ этомъ направленіи,—особенно пожаръ Москвы, „освѣтившій, какъ онъ говорилъ, его душу“. Вмѣстѣ съ извѣстнымъ адмираломъ Шишковымъ онъ сталъ тогда усердно читать Библію: они толковали нѣкоторыя ея мѣста въ смыслѣ пророчествъ о совершавшихся событіяхъ и нерѣдко при этомъ плакали.

О настроеніи Александра I въ 1815 г. много говоритъ и его дружба съ извѣстной піетисткой, баронессой Крюденеръ [1]), въ то время пожилой уже дамой, которая также участвовала въ созданіи Священнаго союза. Урожденная Фитингофъ, по матери внучка фельдмаршала Миниха, она восемнадцати лѣтъ вышла замужъ за сорокалѣтняго вдовца, барона Крюденера, посланника въ Пруссіи, потомъ въ Венеціи. Супруги рано разссорились, и баронесса вела нѣкоторое время разсѣянную жизнь въ Парижѣ. имѣла романъ съ однимъ офицеромъ и даже думала о разводѣ съ мужемъ; потомъ еще разъ ѣздила въ Парижъ, гдѣ издала свой романъ „Валерія“, доставившій ей извѣстность, чему она сама содѣйствовала выдумкою модныхъ костюмовъ à la Valérie. Овдовѣвъ и состарившись, г-жа Крюденеръ ударилась въ мистику и піетизмъ. Въ 1806 г. мы видимъ ее въ качествѣ сестры милосердія въ Берлинѣ, гдѣ она сблизилась съ королевою Луизой. Въ Карлсруэ она познакомилась съ Гортензіей Богарнэ, женой Людовика Бонапарта, но отсюда она была удалена великимъ герцогомъ за свое странное поведеніе въ роли религіозной проповѣдницы. Послѣ возвращенія Наполеона стали говорить, что оно уже было предсказано г-жею Крюденеръ, и объ этомъ узналъ Александръ, на котораго при личномъ свиданіи г-жа Крюденеръ произвела потомъ сильное впечатлѣніе. Они жили одновременно въ Гейдельбергѣ, а послѣ Ватерлоо— въ Парижѣ, вмѣстѣ молились, читали и бесѣдовали на религіозныя и политическія темы. Г-жа Крюденеръ стала придавать миссіи Александра религіозный характеръ, примѣняя къ нему выраженія изъ Апокалипсиса, называла его основателемъ тысячелѣтняго царства, ангеломъ мира и т. д. Какъ-разъ въ это-то время Александръ обдумывалъ планъ общаго союза государей и ей, какъ ближайшему своему другу, показалъ проектъ союза, на которомъ она и поставила заголовокъ: „La Sainte Alliance“. Когда Александръ уѣхалъ въ Петербургъ, баронесса Крюденеръ поселилась въ Швейцаріи, гдѣ помогала бѣднымъ, миссіонерствовала и писала брошюры въ духѣ христіанскаго соціализма, пока не была выпровожена черезъ Германію въ Россію.

[1]) О ней см. *Eynard*. La vie de madame de Krüdener. 1866.—*Capefigue*. La baronne de Krüdener et l'empereur Alexandre I. 1849.—*А. Пыпинъ*. Г-жа Крюденеръ (Вѣстн. Евр. 1869).

Здѣсь въ 1821 г. она заступалась передъ императоромъ за грековъ, возставшихъ противъ турецкаго деспотизма, но настроеніе Александра тогда уже кореннымъ образомъ измѣнилось.

Священный союзъ былъ заключенъ монархами Россіи, Австріи и Пруссіи въ Парижѣ 26 сентября 1815 г. По старому стилю въ этотъ день (14 сентября) празднуется Воздвиженіе креста Господня, и Александръ I нарочно выбралъ именно этотъ день для подписанія договора, долженствовавшаго по его мысли имѣть религіозное значеніе. Въ виду краткости этого акта и характерности самой его редакціи мы приводимъ здѣсь его цѣликомъ [1]).

„Во имя Пресвятой и Нераздѣлимой Троицы, Ихъ Величества, императоръ австрійскій, король прусскій и императоръ россійскій, вслѣдствіе великихъ происшествій, ознаменовавшихъ въ Европѣ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, наипаче же вслѣдствіе благодѣяній, которыя Божію Провидѣнію было угодно изліять на государства, коихъ правительства возложили свою надежду и упованіе на единаго Бога, восчувствовавъ внутреннее убѣжденіе въ томъ, сколь необходимо предлежащій державамъ образъ взаимныхъ отношеній подчинить высокимъ истинамъ, внушаемымъ закономъ Бога Спасителя, объявляютъ торжественно, что предметъ настоящаго акта есть открыть предъ лицемъ вселенныя ихъ непоколебимую рѣшимость, какъ въ управленіи ввѣренными имъ государствами, такъ и въ отношеніяхъ ко всѣмъ другимъ правительствамъ, руководствоваться не иными какими-либо правилами, какъ заповѣдями сея святыя вѣры, заповѣдями любви, правды и мира, которыя, отнюдь не ограничиваясь приложеніемъ ихъ къ частной жизни, долженствуютъ, напротивъ того, непосредственно управлять волею царей и водительствовать всѣми ихъ дѣяніями, яко единое средство, утверждающее человѣческія постановленія и вознаграждающія ихъ несовершенства.

„На семъ основаніи ихъ величества согласились въ слѣдующихъ статьяхъ:

„Статья I. Соотвѣтственно словамъ священныхъ писаній, повелѣвающихъ всѣмъ людямъ быть братьями, три договаривающіеся монарха пребудутъ соединены узами дѣйствительнаго и неразрывнаго братства и, почитая себя какъ бы единоземцами (compatriotes), они во всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ станутъ подавать другъ другу пособіе, подкрѣпленіе и помощь (assistance, aide et secours); въ отношеніи же къ подданнымъ и войскамъ своимъ они, какъ отцы семействъ,

---

[1]) Полное собраніе законовъ № 25943. Французскій подлинникъ помѣщенъ между прочимъ въ первой части IV тома „Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами", *проф. Ѳ. Ѳ. Мартенса.*

будутъ управлять ими въ томъ же духѣ братства, которымъ они одушевлены, для охраненія вѣры, мира и правды (justice).

„Статья II. Посему единое преобладающее правило да будетъ, какъ между упомянутыми властями, такъ и подданными ихъ: приносить другъ другу услуги, оказывать взаимное доброжелательство и любовь, почитать всѣмъ себя какъ бы членами единаго народа христіанскаго, поелику, три союзные государя почитаютъ себя аки поставленными отъ Провидѣнія (comme délégués par la Providence) для управленія тремя единаго семейства отраслями, а именно Австріею, Пруссіею и Россіею, исповѣдуя такимъ образомъ, что Самодержецъ (Souverain) народа христіанскаго, коего они и ихъ подданные составляютъ часть, не иной подлинно есть, какъ Тотъ, Кому собственно принадлежитъ держава (la puissance), поелику въ Немъ единомъ обрѣтаются сокровища любви, вѣдѣнія и премудрости безконечныя, т.-е. Богъ нашъ Божественный Спаситель, Іисусъ Христосъ, Глаголъ (le Verbe) Всевышняго, Слово (la Parole) жизни. Соотвѣтственно съ симъ, ихъ величества съ важнѣйшимъ попеченіемъ убѣждаютъ своихъ подданныхъ со дня на день утверждаться въ правилахъ и дѣятельномъ исполненіи обязанностей (de se fortifier chaque jour davantage dans les principes et l'exercice des devoirs), въ которыхъ наставилъ человѣковъ Божественный Спаситель, аки единственное средство наслаждаться миромъ, который истекаетъ отъ доброй совѣсти и который единъ проченъ.

„Статья III. Всѣ державы, желающія торжественно признать изложенныя въ семъ актѣ священныя правила (les principes sacrés), и кои почувствуютъ, коль нужно для счастья колеблемыхъ долгое время царствъ (des nations trop longtemps agitées), дабы истины сіи впредь содѣйствовали благу судебъ человѣческихъ, могутъ всеохотно и съ любовью быть приняты въ сей Священный союзъ.

„Написанъ втройнѣ и подписанъ въ Парижѣ, въ лѣто благодати 1815-ое 14 (26) сентября. — Францискъ. Фридрихъ-Вильгельмъ. Александръ".

Таковъ знаменитый документъ, получившій столь печальную извѣстность въ исторіи XIX в. Непохожій ни по содержанію своему, ни по формѣ на международные трактаты, онъ разсматривался впослѣдствіи спеціалистами дипломатіи и международнаго права съ разныхъ точекъ зрѣнія, и въ то время, когда одни не отказывали ему въ значеніи настоящаго трактата, другіе видѣли въ немъ, наоборотъ, лишь простую декларацію подписавшихъ его трехъ монарховъ. Меттернихъ въ своихъ мемуарахъ [1]) разсказываетъ, что Александръ I въ

[1]) Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, chancelier de cour et d'état, т. I, стр. 210—212.

первый разъ говорилъ о заключеніи Священнаго союза лично съ Францемъ I и Фридрихомъ-Вильгельмомъ III. Ни тотъ, ни другой сначала не видѣли ничего хорошаго въ этой затѣѣ. Австрійскій императоръ, передавая Меттерниху собственноручный документъ Александра I, прямо объ этомъ и заявилъ своему министру. Прочитавъ рукопись, Меттернихъ тотчасъ же увидѣлъ въ ней лишь „филантропическую затѣю подъ покровомъ религіи“. Онъ не нашелъ сначала въ ней предмета для заключенія трактата между государями и даже боялся, кромѣ того, что въ документѣ были положенія, которыя „съ религіозной точки зрѣнія могли быть дурно истолкованы“. Францъ I велѣлъ Меттерниху поговорить объ этомъ дѣлѣ съ прусскимъ королемъ, но и Фридрихъ-Вильгельмъ III сказалъ, что предложеніе русскаго императора ему не нравится, хотя, прибавилъ онъ, отвергнуть его и было бы неудобно. Оба государя нашли поэтому нужнымъ сдѣлать въ текстѣ нѣсколько измѣненій, но и съ измѣненіями, замѣчаетъ Меттернихъ, документъ не особенно былъ по вкусу Францу I. Затѣмъ въ качествѣ уполномоченнаго обоихъ монарховъ австрійскій дипломатъ отправился къ Александру I и съ большимъ трудомъ убѣдилъ его въ необходимости кое-что измѣнить въ проектѣ, а кое-что и совсѣмъ изъ него выкинуть. Между прочимъ, онъ указывалъ на неблагопріятныя толкованія, которымъ должно будетъ подвергнуться „это, по меньшей мѣрѣ, безполезное предпріятіе“. Несмотря на нерасположеніе свое къ проекту (malgré l'éloignement naturel que lui inspirait le projet), „Францъ I тѣмъ не менѣе, скрѣпя сердце, подписалъ документъ. „Вотъ, говоритъ Меттернихъ, исторія Священнаго союза, который даже по мысли своего виновника долженъ былъ быть лишь простой моральной манифестаціей, а въ глазахъ другихъ двухъ государей, давшихъ свои подписи, не имѣлъ и этого значенія“. Меттернихъ рѣшается даже прибавить, будто „впослѣдствіи о Священномъ союзѣ никогда больше не заходило да и заходить не могло рѣчи между кабинетами“: „однѣ партіи, враждебныя государямъ, прибавляетъ онъ, лишь и ссылались на этотъ актъ, пользуясь имъ, какъ оружіемъ, для того, чтобы набросить тѣнь подозрѣнія и клеветы на самыя чистыя намѣренія своихъ противниковъ“. Онъ утверждаетъ далѣе, что „Священный союзъ вовсе не былъ основанъ для того, чтобы ограничивать права народовъ и благопріятствовать абсолютизму и тиранніи въ какомъ бы то ни было видѣ. Этотъ союзъ, говоритъ онъ еще, былъ единственно выраженіемъ мистическихъ стремленій императора Александра и приложеніемъ къ политикѣ принциповъ христіанства. Мысль о Священномъ союзѣ возникла изъ смѣси либеральныхъ идей, религіозныхъ и политическихъ. Никто, заключаетъ Меттернихъ свой разсказъ, лучше меня не знаетъ всего того, что относится къ

этому пустому и трескучему документу" (ce monument vide et sonore). Тѣмъ не менѣе впослѣдствіи австрійскій министръ весьма искусно эксплуатировалъ этотъ „пустой и трескучій документъ". Отчасти для того, чтобы сдѣлать удовольствіе Александру I, отчасти присоединяясь къ самой мысли, положенной въ основу акта, подъ нимъ подписались впослѣдствіи и другіе европейскіе государи (король французскій, король испанскій и т. п.); только принцъ-регентъ англійскій, замѣнявшій сумасшедшаго Георга III, отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія формальнымъ образомъ примкнуть къ союзу, указавъ на то, что договоръ былъ заключенъ прямо государями и ими же подписанъ, тогда какъ британская конституція требуетъ, чтобы трактаты были подписаны отвѣтственными министрами. Это, впрочемъ, не помѣшало и англійской политикѣ того времени быть реакціонною—въ духѣ Священнаго союза. Уклонился отъ подписанія документа и папа, заявивъ, что ему нечего присоединяться къ принципамъ, которые онъ всегда признавалъ. За этими исключеніями Священный союзъ былъ признанъ всѣми государствами, даже Швейцаріей и нѣмецкими вольными городами. Турецкій султанъ, какъ государь не-христіанскій, не былъ допущенъ въ члены союза, но это не помѣшало ему впослѣдствіи пользоваться защитою союза въ борьбѣ съ возставшими греками.

Такой успѣхъ идей, положенныхъ въ основу Священнаго союза, объясняется тѣмъ, что само содержаніе этого акта какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало настроенію тогдашнихъ правительствъ. Собственно говоря, содержаніе документа, составленнаго Александромъ I, отличалось крайнею неопредѣленностью и было настолько растяжимо, что практическіе выводы изъ него можно было дѣлать разные, общій же духъ документа благопріятствовалъ именно стремленіямъ реакціи. Въ актѣ Священнаго союза мы видимъ полнѣйшее смѣшеніе идей, относящихся въ сущности къ разнымъ категоріямъ—религіи и морали, права и политики, причемъ религія и мораль вытѣсняютъ право и политику изъ тѣхъ отношеній, гдѣ послѣднія должны были бы собою все опредѣлять. Документъ исходилъ изъ легитимистическаго принципа о божественномъ происхожденіи власти государей и дѣлалъ отсюда выводъ, что между государями и народами отношенія должны быть чисто патріархальныя: одни должны управлять въ духѣ „религіи, мира и справедливости", а другимъ оставалось лишь повиноваться, такъ какъ о правахъ подданныхъ документъ совсѣмъ умалчивалъ. Съ другой стороны, международный союзъ въ этомъ актѣ разсматривался, какъ одна и та же христіанская нація, т.-е. возобновлялась чисто средневѣковая точка зрѣнія, созданная папскимъ католицизмомъ. При этомъ государи за себя и за свои народы обѣщали другъ другу помощь и поддержку, но актъ не опредѣлялъ сколько-нибудь точнымъ

образомъ, когда и какимъ образомъ они должны были исполнять свои союзныя обязанности, касающіяся помощи и поддержки, и это умолчаніе открывало возможность толкованія акта и въ томъ смыслѣ, что помощь и поддержка обязательны во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда подданные начнутъ отказывать въ повиновеніи своимъ законнымъ государямъ. Практическое примѣненіе Священнаго союза было именно таково, и это какъ нельзя яснѣе формулировалъ самъ же его виновникъ, Александръ I, въ разговорѣ съ французскимъ уполномоченнымъ на веронскомъ конгрессѣ, Шатобріаномъ. „Я, сказалъ ему императоръ, покидаю дѣло Греціи потому, что усмотрѣлъ въ войнѣ грековъ революціонный признакъ времени. Что бы ни дѣлали для того, лишь бы стѣснить Священный союзъ въ его дѣятельности и заподозрить его цѣли, я отъ него не отступлюсь. У каждаго есть право на самозащиту, и это право должны имѣть также и монархи противъ тайныхъ обществъ; я долженъ защищать религію, мораль и справедливость". Въ этомъ заявленіи уже ясно проглядываетъ основная мысль эпохи—мысль о борьбѣ съ революціей подъ знаменемъ легитимизма, потому что разсматривая распрю между христіанами-греками и ихъ нехристіанскимъ государемъ, какъ бунтъ мятежныхъ подданныхъ противъ своего законнаго монарха, Александръ I уже совершенно упускалъ изъ виду религіозный характеръ Священнаго союза и имѣлъ въ виду только одну необходимость подавленія революціи, каково бы ни было ея происхожденіе. Такимъ образомъ, если въ намѣренія Александра I и г-жи Крюденеръ въ 1815 г. вовсе не входило создать международный союзъ для противодѣйствія политической свободѣ и національнымъ стремленіямъ, то созданный по ихъ мысли Священный союзъ въ концѣ концовъ все-таки сдѣлался главнымъ орудіемъ общеевропейской реакціи международнаго характера.

Для международной реакціи найденъ былъ и принципъ—поддержаніе легитимныхъ правительствъ. Первымъ защитникомъ начала легитимизма явился на вѣнскомъ конгрессѣ французскій уполномоченный, Талейранъ. Онъ именно и рекомендовалъ „поставить, какъ основаніе будущаго спокойствія Европы, принципы, которые одни только могли бы обезпечить внутреннее спокойствіе державъ и воспрепятствовать въ сношеніяхъ между державами тому, чтобы послѣднія не находились исключительно подъ господствомъ силы". Для этого онъ находилъ нужнымъ „освятить принципъ законности правительствъ", ибо, доказывалъ онъ, „лишь легитимныя правительства могутъ быть прочными, незаконныя же, имѣя поддержку только въ силѣ, падаютъ сами собою, какъ только исчезаетъ эта поддержка, предоставляя націи на жертву революціямъ". „Всякое легитимное право, писалъ онъ также въ своей нотѣ къ Меттерниху, должно быть сдѣлано священ-

нымъ, всякое же честолюбіе или несправедливое предпріятіе должно найти свое осужденіе и вѣчное препятствіе къ своему осуществленію въ выраженномъ признаніи и въ формальной гарантіи тѣхъ самыхъ принциповъ, долгимъ и печальнымъ забвеніемъ которыхъ была революція". (Вѣнскій конгрессъ, однако, не руководился чистымъ принципомъ легитимизма, такъ какъ во многихъ отношеніяхъ онъ дѣйствовалъ на основаніи права завоеванія, въ особенности на основаніи идеи политическаго равновѣсія, стремясь упрочить миръ искуснымъ распредѣленіемъ силъ между европейскими государствами.) Но если державы не руководствовались на вѣнскомъ конгрессѣ однимъ принципомъ легитимизма, то послѣ того, какъ территоріи были окончательно между ними распредѣлены, этотъ принципъ, дѣйствительно, дѣлается уже руководящимъ правиломъ. Если первая реставрація Бурбоновъ во Франціи имѣла еще нѣкоторое подобіе свободнаго призванія Людовика XVIII французской націей, то вторая реставрація была совершена союзниками уже прямо во имя принципа легитимизма. Съ теченіемъ времени принципъ этотъ дѣлалъ все бо̀льшіе и бо̀льшіе успѣхи, пока наконецъ не выработались теорія и практика насильственной поддержки легитимнаго порядка во всей Европѣ отъ имени международнаго союза, въ которомъ de jure участвовали всѣ государства.

Въ программу этого союза уже съ самаго его начала входили періодическіе конгрессы государей и министровъ. 20 ноября 1815 г. четыре державы, игравшія наиболѣе видную роль въ низложеніи Наполеона, Австрія, Англія, Пруссія и Россія, заключили договоръ, въ силу котораго, предвидя возможность во Франціи новой революціи и опасность отъ нея для внутренняго спокойствія всей Европы, обязывались не только оставаться въ союзѣ и послѣ выведенія ихъ войскъ изъ Франціи, но и „возобновлять въ опредѣленные сроки свои собранія для разсмотрѣнія общихъ дѣлъ и мѣръ, каковыя въ каждый данный моментъ были бы признаны наиболѣе благодѣтельными для спокойствія и благосостоянія народовъ и мира всей Европы". Этимъ договоромъ Франція была, такъ сказать, взята подъ опеку Священнаго союза. Между тѣмъ уже въ 1817 г. испанскій король Фердинандъ VII просилъ у Священнаго союза помощи противъ возмутившихся испанскихъ колоній въ Америкѣ, въ началѣ же 1818 г. и самъ Александръ I приглашалъ другія державы принять коллективныя мѣры противъ этихъ колоній. Въ то время русскій посланникъ при мадридскомъ дворѣ уже смотрѣлъ сквозь пальцы на всѣ неистовства испанской реакціи, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ въ другихъ странахъ, къ неудовольствію Австріи, Пруссіи и даже Англіи, русское правительство поддерживало еще либеральныя стремленія. Реакціонные

министры Австріи, Англіи и Пруссіи усиленно теперь старались дѣйствовать на Александра I, чтобы склонить его на свою сторону, тѣмъ болѣе, что въ Германіи не улеглось еще движеніе, вызванное войной 1813 г. и съ нимъ правительства считали нужнымъ бороться всѣми силами, а потому и важно было пользоваться сочувствіемъ и поддержкою такого могущественнаго монарха. Въ серединѣ 1818 г. и братъ Людовика XVIII графъ д'Артуа, который долженъ былъ наслѣдовать ему на французскомъ престолѣ, прислалъ русскому императору секретную ноту, представлявшую Францію чуть не наканунѣ новой революціи.

Осенью 1818 г. собрался конгрессъ въ Ахенѣ [1]), на которомъ четверной союзъ (Австрія, Англія, Пруссія и Россія) рѣшилъ очистить французскую территорію отъ иностранной оккупаціи и принять Францію, какъ пятую великую державу, въ свой союзъ. Такъ образовалась знаменитая „пентархія", которая отнынѣ въ случаѣ внутренняго согласія своихъ составныхъ частей имѣла полную возможность навязывать свою волю второстепеннымъ государствамъ, хотя въ составленномъ на конгрессѣ протоколѣ (15 ноября) и было сказано, что названныя державы никогда не станутъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, если на то не будетъ формальнаго приглашенія со стороны заинтересованнаго правительства. Въ особой декларации великія державы, кромѣ того, заявляли во всеобщее свѣдѣніе, что всѣ усилія союзныхъ монарховъ будутъ клониться лишь къ тому, чтобы содѣйствовать миру и внутреннему благосостоянію государствъ и „пробужденію религіозныхъ и моральныхъ чувствъ, власть которыхъ была значительно ослаблена бѣдствіями послѣднихъ временъ". Генцъ, бывшій секретаремъ конгресса, очень хорошо выразилъ общій характеръ происходившихъ на немъ совѣщаній въ слѣдующихъ словахъ: „здѣсь вовсе не поднимались вопросы ни о формахъ правленія, ни о представительной системѣ, ни о поддержкѣ или измѣненіи дворянскихъ привилегій, ни о свободѣ печати, ни о чемъ такомъ, что̀ касается интересовъ религіи. Всѣ старательно избѣгали того, чтобы дать пищу зложелательству или нескромности посредствомъ включенія въ документы признаній или заявленій, которыя каждый хранилъ въ глубинѣ души, но провозглашеніе которыхъ могло бы вызвать неумѣстныя толкованія или враждебныя нападки. Сдѣлали гораздо лучше. Государи (австрійскій, прусскій и русскій) и ихъ министры поняли то, что̀ имъ подсказывалъ ихъ общій интересъ. Они живо почувствовали необходимость взаимнаго довѣрія и болѣе тѣснаго соглашенія, чѣмъ то, какое могли бы установить договоры; они пожертвовали второстепен-

---

[1]) *De Pradt.* L'Europe après le congrès d'Aix-la-Chapelle.

ными интересами и заставили умолкнуть всѣ другія соображенія передъ высшимъ долгомъ — предохранить власть отъ крушенія, спасая народы отъ ихъ же собственныхъ заблужденій. Не заключая лишнихъ обязательствъ, они вполнѣ и совершенно сошлись на томъ, какъ дѣйствовать во время бури". Событія двадцатыхъ годовъ показали, что Генцъ совершенно вѣрно понялъ значеніе ахенскаго конгресса.

Мы въ другомъ мѣстѣ будемъ говорить о событіяхъ этого времени въ Германіи, подавшихъ поводъ къ репрессивнымъ мѣрамъ въ этой странѣ и усилившихъ реакціонную политику Священнаго союза [1]), и остановимся лишь на южно-романскихъ революціяхъ двадцатыхъ годовъ и на конгрессахъ, созывавшихся по поводу этихъ революцій.

Причинами, вызвавшими политическія смуты на Пиренейскомъ и Апеннинскомъ полуостровахъ въ 1820 г., были крайности той реакціи, которая произошла въ Испаніи и Италіи послѣ возстановленія въ нихъ старыхъ династій.

Война съ французами въ Испаніи продолжалась до самаго паденія имперіи Наполеона съ перемѣннымъ счастьемъ для обѣихъ сторонъ. Въ самой испанской націи образовалось въ это время двѣ партіи: либеральная и реакціонная („раболѣпная"), и между обѣими этими партіями началась борьба. Послѣ того, какъ либералы взяли верхъ и составили конституцію 1812 г., духовенство стало къ нимъ въ самыя враждебныя отношенія, стараясь и въ народѣ поселить недовѣріе къ ихъ конституціи. Правительство Іосифа Бонапарта упразднило въ Испаніи монастыри, и либеральные кортесы не только не думали ихъ возстановлять, но уничтожили еще нѣкоторые налоги, произвольно установленные духовенствомъ въ свою пользу. Инквизиція точно также была упразднена Наполеономъ, и кортесы тоже не сочли нужнымъ ее возстановить. На почвѣ этихъ-то вопросовъ и возникли между либералами и „сервилами" раздоры, прямо грозившіе перейти въ междоусобіе. Герцогъ Веллингтонъ, явившійся съ англійскимъ войскомъ для оказанія помощи испанцамъ противъ французовъ и одно время имѣвшій значительный успѣхъ, поддерживалъ либераловъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ подсказывалъ, что послѣ освобожденія Испаніи отъ чужеземной власти новая конституція едва ли доставитъ странѣ внутренній миръ. Дѣйствительно, слишкомъ уже рѣзко стояли другъ противъ друга двѣ партіи, изъ которыхъ одна стремилась къ возстановленію всѣхъ старыхъ порядковъ, а другая съ чисто-якобинскимъ фанатизмомъ хотѣла утвердить, наоборотъ, господство новыхъ политическихъ и общественныхъ принциповъ. Внутренняя

---

[1]) См. главу XVI.

борьба все болѣе и болѣе обострялась, и въ началѣ 1814 г., когда происходили выборы въ кортесы, та страстность, съ какою враждебныя партіи въ газетахъ и на собраніяхъ нападали одна на другую, предвѣщала новыя потрясенія. Между тѣмъ Веллингтонъ одержалъ побѣду надъ французами и даже вторгся въ южную Францію. Наполеонъ отпустилъ тогда Фердинанда VII изъ плѣна, и законный король Испаніи вернулся въ свое королевство, теперь освободившееся, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отчаяннаго сопротивленія французамъ, отъ иноземнаго владычества. Вступая на испанскую территорію, Фердинандъ VII обратился къ регентству съ письмомъ, въ которомъ обѣщалъ признать все, что̀ сдѣлано было кортесами, какъ согласное якобы и съ его намѣреніями. Либералы были въ восторгѣ отъ этого королевскаго заявленія и вездѣ по пути Фердинанда VII устраивали ему торжественные народные праздники. Абсолютисты и клерикалы, наоборотъ, пустили въ ходъ всѣ, какія у нихъ были, средства, чтобы убѣдить короля въ необходимости отмѣнить конституцію 1812 г., а съ нею и другія нечестивыя и вредныя распоряженія „враговъ религіи и отечества“. Они указывали Фердинанду VII на то, что и народъ, и войско прямо желаютъ возстановленія старыхъ порядковъ и въ государствѣ, и въ церкви. Еще по дорогѣ въ столицу, въ Валенсіи, 4 мая 1814 г. король издалъ манифестъ, которымъ закрывалъ засѣданія кортесовъ, собравшихся въ Мадридѣ, и объявлялъ ихъ декреты недѣйствительными, какъ изданные небольшою партіей, насильно захватившею власть, обѣщая вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, ввести новую, болѣе умѣренную конституцію. Наканунѣ своего въѣзда въ Мадридъ онъ велѣлъ даже арестовать около тридцати наиболѣе видныхъ либераловъ, а затѣмъ составилъ министерство изъ самыхъ крайнихъ реакціонеровъ. Громадное большинство испанской націи, повидимому, съ восторгомъ привѣтствовало возстановленіе абсолютизма. Либералы повсемѣстно стали подвергаться насмѣшкамъ, оскорбленіямъ и угрозамъ, потому что духовенство старалось представить либераловъ, какъ сторонниковъ французскихъ нечестивыхъ идей, какъ враговъ вѣры и отечества. Фердинандъ VII окончательно убѣдился теперь въ томъ, что никто и ничто ему не можетъ помѣшать въ полной реставраціи старины, и не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на предостереженія англійскаго правительства, совѣтовавшаго ему быть осмотрительнымъ и сдержаннымъ.

Въ Испаніи началась послѣ этого полная реакція. Духовенству и дворянству были возвращены прежнія ихъ привилегіи съ изъятіемъ отъ налоговъ. Монастыри и инквизиція были возстановлены на прежнихъ основаніяхъ, и іезуитамъ былъ открытъ доступъ въ страну. Всѣ реформы, совершонныя французами и кортесами, конечно, при этомъ

отмѣнялись, и на виновниковъ этихъ реформъ и на всѣхъ, состоявшихъ на службѣ у Іосифа Бонапарта или державшихъ сторону либеральныхъ кортесовъ, какъ на „офранцуженныхъ“ (afrancesados) поднято было страшное гоненіе. Великое множество либераловъ было заключено въ тюрьмы, гдѣ ихъ подвергали пыткамъ и истязаніямъ; начались казни либераловъ иногда цѣлыми десятками за одинъ разъ; имѣнія заключенныхъ и казненныхъ конфисковались. Кто только могъ, спасался бѣгствомъ за границу. Другіе въ отчаяніи бросались на путь заговоровъ и возстаній, но заговоры открывались, попытки возстаній подавлялись, виновниковъ казнили, и жестокость реакціи только усиливалась. Съ другой стороны, правительство всячески награждало ренегатство, и подъ вліяніемъ страха передъ шпіонствомъ, доносами, домашними обысками, арестами, политическими процессами, тюрьмами и казнями многіе либералы перешли тогда на сторону реакціи и стали доказывать свою преданность королю особымъ усердіемъ въ дѣлѣ подавленія либерализма. Самъ Фердинандъ VII, преданный грубой чувственности и вполнѣ опутанный своими придворными совѣтниками, оказался человѣкомъ весьма жестокимъ. Иностранные послы не переставали совѣтовать ему бо̀льшую умѣренность, но онъ очень хорошо понималъ, что соперничество державъ изъ-за исключительнаго вліянія при мадридскомъ дворѣ не дозволитъ имъ принять для вразумленія его какія-либо коллективныя мѣры, и онъ не ошибался. Напр., въ то самое время, какъ посланники Россіи въ Германіи и Италіи поддерживали еще либеральные принципы, русскій посланникъ при Фердинандѣ VII, исполняя предписанія Александра I, сильно желавшаго имѣть Испанію на своей сторонѣ, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на жестокости испанскаго правительства. Новые правители Испаніи заботились только объ искорененіи либерализма и о возстановленіи старины. Все остальное было въ крайнемъ упадкѣ и разстройствѣ — и администрація, и финансы, и армія, и судебная часть, и народное образованіе, и промышленность, и торговля. Тяжесть реакціоннаго режима все болѣе и болѣе давала себя чувствовать, и первыя неудачи заговоровъ и возстаній не охладили надеждъ на то, что лишь тайныя общества, опирающіяся на недовольную армію, будутъ въ состояніи освободить Испанію отъ клерикальной и абсолютистической тираніи [1]).

Реакція совершалась и въ Португаліи. Во время наполеоновскихъ войнъ Браганцская династія покинула Лиссабонъ и поселилась въ Бразиліи, гдѣ и осталась послѣ того, какъ ея права были возстановлены

[1]) Замѣтимъ вообще, что въ эпоху реставраціи повсюду были очень распространены тайныя общества. *De la Hodde*. Histoire de sociétés secrètes. — Les sociétés secrètes et la société. — *Brück*. Die geheimen Gesellschaften in Spanien bis auf Ferdinand VII. 1881.

въ Португаліи. Португальцы были очень недовольны тѣмъ, что ихъ король, живя въ Бразиліи, какъ бы превратилъ тѣмъ самымъ метрополію въ провинцію, зависящую отъ колоніи, и что лиссабонское регентство должно было во всемъ подчиняться английскому главнокомандующему, лорду Бересфорду, на самомъ дѣлѣ, собственно говоря, и управляющему королевствомъ. Поэтому и въ Португаліи образовалась либеральная партія, стремившаяся путемъ тайной организаціи и пропаганды подготовить возстаніе противъ англичанъ и введеніе свободныхъ учрежденій. Эта партія нашла успѣхъ и въ арміи, и когда нѣсколько португальскихъ полковъ отказались отправиться по зову короля въ Бразилію, лордъ-намѣстникъ рѣшился положить конецъ замысламъ либераловъ. Въ данномъ случаѣ онъ получилъ поддержку со стороны духовенства, которое всячески вооружало народъ противъ либераловъ („масоновъ"). Между прочимъ, при помощи регентства оно распространяло въ массахъ населенія катехизисъ, доказывавшій необходимость абсолютизма и инквизиціи. Въ 1817 г. было совершено въ Португаліи нѣсколько казней, а въ 1818 г. были изданы законы противъ политическихъ клубовъ, тайныхъ обществъ и какой бы то ни было либеральной агитаціи въ рѣчахъ, въ печати и т. п. Но недовольство росло, и тайныя общества не прекращали своей дѣятельности, расчитывая, какъ и въ Испаніи, главнымъ образомъ на броженіе, происходившее въ арміи.

Аналогичныя явленія представляетъ намъ и внутренняя жизнь Италіи. Отдѣльныя части Апеннинскаго полуострова подверглись гораздо бо́льшему еще дѣйствію французской революціи и наполеоновскаго режима, чѣмъ государства полуострова Пиренейскаго. Здѣсь подъ вліяніемъ всѣхъ перемѣнъ этой эпохи возникла даже мысль объ объединеніи всей Италіи въ одно королевство. Эта идея имѣла многочисленныхъ приверженцевъ, особенно среди молодежи, служившей подъ знаменами Наполеона, и между членами тайнаго общества „угольщиковъ" или карбонаріевъ [1]). Можно было думать, что Наполеонъ, назвавъ своего сына „королемъ римскимъ", предполагалъ превращеніе всей Италіи въ отдѣльное королевство. Зять Наполеона, Мюратъ, царствовавшій въ Неаполѣ, былъ этимъ очень недоволенъ и въ эпоху паденія имперіи вступилъ въ сношенія съ врагами своего шурина, надѣясь при ихъ содѣйствіи осуществить въ свою пользу мысль объ единомъ итальянскомъ государствѣ. Извѣстно, что это ему не удалось. Въ 1814 г. въ большей части Италіи совершилась реставрація легитимныхъ династій, и самое существованіе Мюрата въ качествѣ короля Неаполя подверглось сомнѣнію. Въ 1815 г. въ эпоху „ста дней" онъ сдѣлалъ

---

[1]) См. *Sainte-Edme*. Constitution en organisation des carbonari.—*Charles Nô*. Les carbonari.

новую попытку образованія единой и конституціонной Италіи, но потерпѣлъ пораженіе и долженъ былъ бѣжать сначала въ южную Францію, потомъ на островъ Корсику. Въ Неаполѣ австрійцы возстановили Фердинанда IV, но Мюратъ все еще надѣялся на возвращеніе къ власти. Осенью 1815 г. онъ сдѣлалъ дерзкую попытку снова овладѣть короной, но былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ. Неаполитанское правительство, вступивъ на путь реакціи, скоро навлекло на себя своимъ деспотизмомъ ненависть патріотовъ, которые въ Мюратѣ, наоборотъ, стали видѣть мученика за идею единой и свободной Италіи, все болѣе и болѣе пріобрѣтавшую теперь популярности среди образованныхъ классовъ общества. Вѣнскій конгрессъ утвердилъ реставрацію легитимныхъ династій въ Италіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ предалъ весь полуостровъ въ руки Австріи, которая поставила своею задачею всячески препятствовать проявленію въ Италіи національныхъ и конституціонныхъ стремленій. Въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, непосредственно присоединенномъ къ Австріи, французскія учрежденія и порядки были замѣнены австрійскими, а управленіе было ввѣрено нѣмецкимъ чиновникамъ, причемъ вся общественная жизнь была подчинена строгому полицейскому надзору, печать—самой реакціонной цензурѣ. Австрійская система управленія распространилась и на другія итальянскія государства, какъ-то: Тоскану, Парму, Модену и Церковную Область. Но особенно сильное развитіе получила реакція въ королевствахъ Неаполитанскомъ и Сардинскомъ, въ которыхъ и произошли революціонныя движенія.

Французы дважды свергали Фердинанда IV съ престола. Въ первый разъ это случилось въ 1799 г., когда Неаполь былъ превращенъ въ Партенопейскую республику, но тогда французское господство было кратковременно, и вернувшіеся въ томъ же году Бурбоны начали жестокую реакцію противъ всего, что̀ произошло за время ихъ отсутствія. Потомъ Неаполитанское королевство было снова завоевано французами и получило короля изъ рукъ Наполеона, сначала въ лицѣ его брата Іосифа, затѣмъ въ лицѣ зятя Іоахима Мюрата. За весь періодъ этого второго французскаго владычества въ Неаполѣ Фердинандъ IV жилъ въ Сициліи подъ защитой англійскаго флота. Здѣсь онъ также началъ вооружать противъ себя населеніе самыми дикими мѣрами, направленными противъ возможности измѣны, но англійскій посланникъ и начальникъ всѣхъ англійскихъ гарнизоновъ въ сицилійскихъ городахъ, лордъ Бентинкъ, настоялъ на отмѣнѣ произвольныхъ мѣръ и на созваніи государственныхъ чиновъ, которые должны были выработать конституцію. Фердинанду IV пришлось подчиниться, и въ 1812 г. Сицилія получила конституцію, составленную по образцу англійской и утвержденную сыномъ короля Франческо, которому по настоянію

Бентинка король передалъ власть якобы вслѣдствіе своего нездоровья. Въ 1815 г. Фердинандъ IV вернулся въ Неаполь, принявъ старый титулъ короля Обѣихъ Сицилій, признанный за нимъ и вѣнскимъ конгрессомъ. Своею задачею онъ поставилъ слить воедино королевства Неаполя и Сициліи, до того времени управлявшіяся отдѣльно, и въ качествѣ монарха объединеннаго государства сталъ титуловаться, какъ Фердинандъ I. Вмѣстѣ съ этимъ онъ заключилъ формальный договоръ съ Австріей, обязавшись не допускать у себя порядковъ, несогласныхъ съ основными принципами неограниченной монархіи или съ началами, положенными въ основу управленія итальянскихъ провинцій Австріи. Поэтому во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ Фердинандъ I руководствовался указаніями изъ Вѣны. Сицилійскій парламентъ былъ отмѣненъ, и во всемъ королевствѣ Обѣихъ Сицилій началась реакція. Такъ какъ мстительная супруга Фердинанда I, королева Каролина, умерла еще въ 1814 г., а самъ король лично не отличался жестокостью, то на первыхъ порахъ реакція въ Неаполѣ не принимала еще крайняго характера. Можно даже сказать, что король, подражая въ этомъ отношеніи Людовику XVIII, сдерживалъ рвеніе дворянства и духовенства въ ихъ стремленіи къ реставраціи старины. Отчасти, конечно, дѣйствовалъ тутъ и страхъ передъ новой революціей, особенно въ виду дерзкой попытки Мюрата, такъ что и благоразуміе предписывало нѣкоторую осторожность. Мало-помалу, однако, и здѣсь реакція приняла такой же характеръ, какъ и въ остальныхъ частяхъ Италіи. Въ 1818 г., въ силу конкордата съ папой, Фердинандъ I отмѣнилъ всѣ церковныя реформы, произведенныя французами, болѣе чѣмъ удвоилъ число епископовъ, возстановилъ монастыри, ввелъ снова духовные суды и духовную цензуру и т. п. Съ другой стороны, правительство съ большимъ недовѣріемъ относилось ко всѣмъ офицерамъ и чиновникамъ, служившимъ Мюрату, и очень многихъ уволило въ отставку. Какъ и въ другихъ южно-романовскихъ государствахъ, и въ Неаполѣ реакція совершенно разстроила администрацію, судопроизводство и финансы страны, чѣмъ возбудила противъ правительства населеніе, которое охотно уходило въ шайки бандитовъ, особенно усилившіяся въ это время. Недовольные элементы общества все болѣе и болѣе примыкали теперь къ тайной организаціи карбонаріевъ, старавшейся пропагандировать свои идеи о просвѣщеніи и свободѣ преимущественно среди недовольной арміи.

Произошла реакція и въ Сардинскомъ королевствѣ, король которой послѣ присоединенія Пьемонта къ Франціи до 1814 г. проживалъ на островѣ Сардиніи, получая пенсію отъ англійскаго правительства. Едва онъ вернулся въ Туринъ, какъ и самъ, и мѣстное дворянство начали уничтожать всѣ слѣды французскаго господства и возстановлять старину, какъ-будто Пьемонтъ 1814 г. долженъ былъ

быть такимъ, какимъ Викторъ-Эммануилъ оставилъ его за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Здѣсь дѣло доходило даже до того, что отмѣнялись рѣшенія судовъ, постановленныя во время отсутствія короля, и объявлялись незаконными браки, заключенные по кодексу Наполеона. Кромѣ того, здѣсь предписывалось, наприм., носить платье прежняго покроя; рѣшено было не исправлять дорогъ, проложенныхъ французами; хотѣли-было разрушить мостъ черезъ По, построенный по повелѣнію Наполеона; ботаническій садъ, заведенный французами въ Туринѣ, даже и прямо былъ уничтоженъ; преподаватели учебныхъ заведеній, назначенные французскимъ правительствомъ, увольнялись. Во главѣ этой реакціи стояли вмѣстѣ съ духовенствомъ эмигранты, требовавшіе возвращенія всѣхъ конфискованныхъ у нихъ имѣній. Само австрійское правительство совѣтовало Виктору-Эммануилу умѣрить пылъ своихъ совѣтниковъ: реакція хватала черезъ край даже въ глазахъ самого Меттерниха. Среди населенія такія мѣры вызывали сильное неудовольствіе, тѣмъ болѣе, что, благодаря сосѣдству съ Франціей и долговременному нахожденію подъ ея властью, Пьемонтъ болѣе другихъ частей Италіи подчинился дѣйствію новыхъ идей и освоился съ новыми порядками. Французскія симпатіи были сильны преимущественно среди офицеровъ, служившихъ подъ знаменами Наполеона, и въ учащейся молодежи. На сторону либераловъ склонялся и предполагаемый наслѣдникъ престола, принцъ Кариньянскій, родственникъ короля, не имѣвшаго, равно какъ и братъ его, мужского потомства; въ виду свободныхъ идей принца, реакціонеры думали даже измѣнить законъ о престолонаслѣдіи въ пользу герцога моденскаго, бывшаго зятемъ Виктора-Эммануила.

Такимъ образомъ и на Пиренейскомъ, и на Апеннинскомъ полуостровахъ съ 1814 г. совершалась абсолютистическая и клерикально-аристократическая реакція подъ знаменемъ легитимизма. Своею жестокостью повсюду она вооружила противъ себя либеральные круги общества, а неумѣлое хозяйничанье реакціонеровъ очень скоро привело въ полное разстройство всѣ внутреннія дѣла, что, конечно, стало тяжело отзываться и на благосостояніи народныхъ массъ. Въ числѣ недовольныхъ повсемѣстно была, наконецъ, и армія, на которую особенно стали расчитывать тайныя общества, начавшія организоваться болѣе или менѣе повсемѣстно съ цѣлью произведенія государственныхъ переворотовъ. Нужно, однако, замѣтить, что народныя массы, въ особенности сельское населеніе, находились подъ сильнымъ вліяніемъ духовенства, а потому въ нихъ либералы не находили достаточной поддержки.

Въ 1820 и 1821 г. на Пиренейскомъ и Апеннинскомъ полуостровахъ послѣдовалъ цѣлый рядъ революцій: въ 1820 г.—въ Испаніи

Бентинка король передалъ власть якобы вслѣдствіе своего нездоровья. Въ 1815 г. Фердинандъ IV вернулся въ Неаполь, принявъ старый титулъ короля Обѣихъ Сицилій, признанный за нимъ и вѣнскимъ конгрессомъ. Своею задачею онъ поставилъ слить воедино королевства Неаполи и Сициліи, до того времени управлявшіяся отдѣльно, и въ качествѣ монарха объединеннаго государства сталъ титуловаться, какъ Фердинандъ I. Вмѣстѣ съ этимъ онъ заключилъ формальный договоръ съ Австріей, обязавшись не допускать у себя порядковъ, несогласныхъ съ основными принципами неограниченной монархіи или съ началами, положенными въ основу управленія итальянскихъ провинцій Австріи. Поэтому во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ Фердинандъ I руководствовался указаніями изъ Вѣны. Сицилійскій парламентъ былъ отмѣненъ, и во всемъ королевствѣ Обѣихъ Сицилій началась реакція. Такъ какъ мстительная супруга Фердинанда I, королева Каролина, умерла еще въ 1814 г., а самъ король лично не отличался жестокостью, то на первыхъ порахъ реакція въ Неаполѣ не принимала еще крайняго характера. Можно даже сказать, что король, подражая въ этомъ отношеніи Людовику XVIII, сдерживалъ рвеніе дворянства и духовенства въ ихъ стремленіи къ реставраціи старины. Отчасти, конечно, дѣйствовалъ тутъ и страхъ передъ новой революціей, особенно въ виду дерзкой попытки Мюрата, такъ что и благоразуміе предписывало нѣкоторую осторожность. Мало-помалу, однако, и здѣсь реакція приняла такой же характеръ, какъ и въ остальныхъ частяхъ Италіи. Въ 1818 г., въ силу конкордата съ папой, Фердинандъ I отмѣнилъ всѣ церковныя реформы, произведенныя французами, болѣе чѣмъ удвоилъ число епископовъ, возстановилъ монастыри, ввелъ снова духовные суды и духовную цензуру и т. п. Съ другой стороны, правительство съ большимъ недовѣріемъ относилось ко всѣмъ офицерамъ и чиновникамъ, служившимъ Мюрату, и очень многихъ уволило въ отставку. Какъ и въ другихъ южно-романскихъ государствахъ, и въ Неаполѣ реакція совершенно разстроила администрацію, судопроизводство и финансы страны, чѣмъ возбудила противъ правительства населеніе, которое охотно уходило въ шайки бандитовъ, особенно усилившіяся въ это время. Недовольные элементы общества все болѣе и болѣе примыкали теперь къ тайной организаціи карбонаріевъ, старавшейся пропагандировать свои идеи о просвѣщеніи и свободѣ преимущественно среди недовольной арміи.

Произошла реакція и въ Сардинскомъ королевствѣ, король которой послѣ присоединенія Пьемонта къ Франціи до 1814 г. проживалъ на островѣ Сардиніи, получая пенсію отъ англійскаго правительства. Едва онъ вернулся въ Туринъ, какъ и самъ, и мѣстное дворянство начали уничтожать всѣ слѣды французскаго господства и возстановлять старину, какъ-будто Пьемонтъ 1814 г. долженъ былъ

быть такимъ, какимъ Викторъ-Эммануилъ оставилъ его за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Здѣсь дѣло доходило даже до того, что отмѣнялись рѣшенія судовъ, постановленныя во время отсутствія короля, и объявлялись незаконными браки, заключенные по кодексу Наполеона. Кромѣ того, здѣсь предписывалось, наприм., носить платье прежняго покроя; рѣшено было не исправлять дорогъ, проложенныхъ французами; хотѣли-было разрушить мостъ черезъ По, построенный по повелѣнію Наполеона; ботаническій садъ, заведенный французами въ Туринѣ, даже и прямо былъ уничтоженъ; преподаватели учебныхъ заведеній, назначенные французскимъ правительствомъ, увольнялись. Во главѣ этой реакціи стояли вмѣстѣ съ духовенствомъ эмигранты, требовавшіе возвращенія всѣхъ конфискованныхъ у нихъ имѣній. Само австрійское правительство совѣтовало Виктору-Эммануилу умѣрить пылъ своихъ совѣтниковъ: реакція хватала черезъ край даже въ глазахъ самого Меттерниха. Среди населенія такія мѣры вызывали сильное неудовольствіе, тѣмъ болѣе, что, благодаря сосѣдству съ Франціей и долговременному нахожденію подъ ея властью, Пьемонтъ болѣе другихъ частей Италіи подчинился дѣйствію новыхъ идей и освоился съ новыми порядками. Французскія симпатіи были сильны преимущественно среди офицеровъ, служившихъ подъ знаменами Наполеона, и въ учащейся молодежи. На сторону либераловъ склонялся и предполагаемый наслѣдникъ престола, принцъ Кариньянскій, родственникъ короля, не имѣвшаго, равно какъ и братъ его, мужского потомства; въ виду свободныхъ идей принца, реакціонеры думали даже измѣнить законъ о престолонаслѣдіи въ пользу герцога моденскаго, бывшаго зятемъ Виктора-Эммануила.

Такимъ образомъ и на Пиренейскомъ, и на Апеннинскомъ полуостровахъ съ 1814 г. совершалась абсолютистическая и клерикально-аристократическая реакція подъ знаменемъ легитимизма. Своею жестокостью повсюду она вооружила противъ себя либеральные круги общества, а неумѣлое хозяйничанье реакціонеровъ очень скоро привело въ полное разстройство всѣ внутреннія дѣла, что, конечно, стало тяжело отзываться и на благосостояніи народныхъ массъ. Въ числѣ недовольныхъ повсемѣстно была, наконецъ, и армія, на которую особенно стали расчитывать тайныя общества, начавшія организоваться болѣе или менѣе повсемѣстно съ цѣлью произведенія государственныхъ переворотовъ. Нужно, однако, замѣтить, что народныя массы, въ особенности сельское населеніе, находились подъ сильнымъ вліяніемъ духовенства, а потому въ нихъ либералы не находили достаточной поддержки.

Въ 1820 и 1821 г. на Пиренейскомъ и Апеннинскомъ полуостровахъ послѣдовалъ цѣлый рядъ революцій: въ 1820 г.—въ Испаніи

Бентинка король передалъ власть якобы вслѣдствіе своего нездоровья. Въ 1815 г. Фердинандъ IV вернулся въ Неаполь, принявъ старый титулъ короля Обѣихъ Сицилій, признанный за нимъ и вѣнскимъ конгрессомъ. Своею задачею онъ поставилъ слить воедино королевства Неаполя и Сициліи, до того времени управлявшіяся отдѣльно, и въ качествѣ монарха объединеннаго государства сталъ титуловаться, какъ Фердинандъ I. Вмѣстѣ съ этимъ онъ заключилъ формальный договоръ съ Австріей, обязавшись не допускать у себя порядковъ, несогласныхъ съ основными принципами неограниченной монархіи или съ началами, положенными въ основу управленія итальянскихъ провинцій Австріи. Поэтому во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ Фердинандъ I руководствовался указаніями изъ Вѣны. Сицилійскій парламентъ былъ отмѣненъ, и во всемъ королевствѣ Обѣихъ Сицилій началась реакція. Такъ какъ мстительная супруга Фердинанда I, королева Каролина, умерла еще въ 1814 г., а самъ король лично не отличался жестокостью, то на первыхъ порахъ реакція въ Неаполѣ не принимала еще крайняго характера. Можно даже сказать, что король, подражая въ этомъ отношеніи Людовику XVIII, сдерживалъ рвеніе дворянства и духовенства въ ихъ стремленіи къ реставраціи старины. Отчасти, конечно, дѣйствовалъ тутъ и страхъ передъ новой революціей, особенно въ виду дерзкой попытки Мюрата, такъ что и благоразуміе предписывало нѣкоторую осторожность. Мало-помалу, однако, и здѣсь реакція приняла такой же характеръ, какъ и въ остальныхъ частяхъ Италіи. Въ 1818 г., въ силу конкордата съ папой, Фердинандъ I отмѣнилъ всѣ церковныя реформы, произведенныя французами, болѣе чѣмъ удвоилъ число епископовъ, возстановилъ монастыри, ввелъ снова духовные суды и духовную цензуру и т. п. Съ другой стороны, правительство съ большимъ недовѣріемъ относилось ко всѣмъ офицерамъ и чиновникамъ, служившимъ Мюрату, и очень многихъ уволило въ отставку. Какъ и въ другихъ южно-романскихъ государствахъ, и въ Неаполѣ реакція совершенно разстроила администрацію, судопроизводство и финансы страны, чѣмъ возбудила противъ правительства населеніе, которое охотно уходило въ шайки бандитовъ, особенно усилившіяся въ это время. Недовольные элементы общества все болѣе и болѣе примыкали теперь къ тайной организаціи карбонаріевъ, старавшейся пропагандировать свои идеи о просвѣщеніи и свободѣ преимущественно среди недовольной арміи.

Произошла реакція и въ Сардинскомъ королевствѣ, король которой послѣ присоединенія Пьемонта къ Франціи до 1814 г. проживалъ на островѣ Сардиніи, получая пенсію отъ англійскаго правительства. Едва онъ вернулся въ Туринъ, какъ и самъ, и мѣстное дворянство начали уничтожать всѣ слѣды французскаго господства и возстановлять старину, какъ-будто Пьемонтъ 1814 г. долженъ былъ

быть такимъ, какимъ Викторъ-Эммануилъ оставилъ [illegible]
лѣтъ передъ тѣмъ. Здѣсь дѣло доходило даже до того, что [illegible]
рѣшенія судовъ, постановленныя во время отсутствія [illegible]
являлись незаконными браки, заключенные по [illegible]
того, здѣсь предписывалось, наприм., носить платье [illegible]
рѣшено было не исправлять дорогъ, проложенныхъ [illegible]
тѣли-было разрушить мостъ черезъ По, построенный [illegible]
Наполеона; ботаническій садъ, заведенный [illegible]
даже и прямо былъ уничтоженъ; преподаватели [illegible] ые
назначенные французскимъ правительствомъ, [illegible] ь и
этой реакціи стояли вмѣстѣ съ духовенствомъ [illegible] бра-
возвращенія всѣхъ конфискованныхъ у нихъ [illegible] Оно
правительство совѣтовало Виктору-Эммануилу [illegible] ыхъ ли-
совѣтниковъ: реакція хватала черезъ край [illegible] ортесамъ,
Меттерниха. Среди населенія такія [illegible] раздѣли-
вольствіе, тѣмъ болѣе, что, благодаря [illegible] ожесточенная
временному нахожденію подъ ея [illegible]
частей Италіи подчинился дѣйствію [illegible] ное впечатлѣ-
выми порядками. Французскія симпатіи [illegible] и сторонниковъ
среди офицеровъ, служившихъ подъ [illegible] бенно выдвигался
щейся молодежи. На сторону либераловъ [illegible] на службѣ у Мю-
наслѣдникъ престола, принцъ Кариньянскій [illegible] ва. Салернскіе кар-
имѣвшаго, равно какъ и братъ его [illegible] нокомандующимъ и
бодныхъ идей принца, реакціонеры [illegible] примкнуть къ движе-
престолонаслѣдіи въ пользу [illegible] Пепе кавалерійскіе по-
ктора-Эммануила. [illegible] онституцію, двинулись

Такимъ образомъ и въ [illegible] и увлекли за собою та-
островахъ съ 1814 г. [illegible] этого Пепе далъ со-
аристократическая реакція [illegible] сургентами, поставивъ
стокостью повсюду она [illegible] короля введеніе „испан-
общества, а неумѣлое [illegible] ь выслалъ войско подъ
вело въ полное разстройство [illegible] мъ принадлежалъ къ
тяжело отзываться и [illegible] ролю оказалась непроч-
недовольныхъ повсемѣстно [illegible] юціонному увлеченію.
бенно стали рас[illegible] ла онъ думалъ огра-
болѣе или менѣе [illegible] ами, но когда волненіе,
ныхъ переворотовъ [illegible] ицѣ, достигло до королев-
въ особенности [illegible] равленіе наслѣднику престола,
ніемъ духовен[illegible] который 7 іюля и объявилъ вве-
точной подде[illegible] ленія испанской конституціи. Черезъ

Въ 18[illegible] вступилъ во главѣ мятежнаго войска
вахъ послѣ[illegible] тя и самъ король торжественно

въ іюлѣ того же года — въ Неаполѣ и въ Сициліи, въ августѣ — въ Португаліи, въ мартѣ слѣдующаго года—въ Пьемонтѣ.

Дѣло началось въ Испаніи. Мы уже упоминали, что испанскія колоніи въ Южной Америкѣ проявили стремленіе къ независимости. Въ 1808—1814 г. онѣ не хотѣли признавать ни Іосифа Бонапарта, ни кортесовъ, а когда произошла реставрація Фердинанда VII, то вообще не пожелали вернуться и въ прежнее положеніе по отношенію къ метрополіи. Фердинандъ VII разсчитывалъ на то, что ему поможетъ усмирить мятежныя колоніи Священный союзъ, и самъ Александръ I склонялся къ этой мысли. На ахенскомъ конгрессѣ даже заходила рѣчь объ опасности, которую представляли для монархическаго принципа политическія движенія въ американскихъ колоніяхъ, принявшія чисто республиканскій характеръ. Въ 1819 г. испанское правительство рѣшилось наконецъ предпринять экспедицію въ южную Америку и съ этою цѣлью стянуло армію къ Кадиксу, гдѣ сосредоточенъ былъ и флотъ, который долженъ былъ отвести ее въ Новый Свѣтъ. Армія, получавшая жалованье крайне неаккуратно и не особенно охотно смотрѣвшая на предполагавшуюся экспедицію, была очень недовольна, и политическіе агитаторы, воспользовавшись тѣмъ, что отправленіе кораблей вслѣдствіе нѣкоторыхъ неисправностей замедлилось, начали дѣятельно привлекать на свою сторону офицеровъ съ цѣлью составленія заговора. Во главѣ задуманнаго предпріятія стали двое военныхъ—Рафаель Ріего и Антоніо Квирога, но заговоръ былъ открытъ, и Квирогу арестовали. Тогда Ріего рѣшился дѣйствовать одинъ. 1 января 1820 г. онъ собралъ свой отрядъ, прочиталъ ему конституцію 1812 г. и потребовалъ, чтобы солдаты принесли присягу на вѣрность ей, какъ основному закону государства. Затѣмъ онъ арестовалъ главнокомандующаго со всѣмъ его генеральнымъ штабомъ и освободилъ Квирогу, который тотчасъ же и принялъ на себя главное начальство. Инсургенты обратились къ народу съ манифестами отъ имени „національной арміи“, приглашая свергнуть иго деспотизма и ввести конституцію, но народъ сначала не принималъ никакого участія въ возстаніи, такъ что совершившееся „пронунсіаменто“ получило быстрый успѣхъ только въ однихъ войскахъ. При помощи арміи либералы стали повсюду устраивать конституціонныя хунты (союзы), захватывавшія власть въ отдѣльныхъ городахъ, прогонявшія прежнихъ чиновниковъ и выпускавшія на свободу заключенныхъ въ тюрьмахъ инквизиціи. Правительство совершенно растерялось. Когда и въ столицѣ обнаружилось волненіе умовъ, Фердинандъ VII вынужденъ былъ присягнуть конституціи 1812 г. и замѣнить придворныхъ и духовныхъ на всѣхъ важнѣйшихъ должностяхъ либералами. 9 іюля собрались въ Мадридѣ кортесы, въ которыхъ немедленно образовалась

радикальная партія, получившая названіе экзальтированной (exaltados): ея образцомъ были якобинцы, и она рѣшилась прямо дѣйствовать крайними средствами. Въ первый же годъ революціи была уничтожена инквизиція, — дворецъ которой въ Мадридѣ былъ разрушенъ самимъ народомъ, — были опять упразднены монастыри, причемъ ихъ имуществами завладѣло государство, была ограничена компетенція епископскихъ судовъ, исчезли старыя аристократическія привилегіи и т. п. Фердинандъ VII разыгрывалъ роль конституціоннаго короля, въ глубинѣ души ненавидя и конституцію, и всѣ декреты, изданные кортесами, и самихъ либераловъ, какъ экзальтированныхъ, такъ и умѣренныхъ (moderados). Но противъ революціи мало-по-малу образовалось противодѣйствіе, во главѣ котораго стало духовенство. Оно объявило вѣру въ опасности, а короля плѣнникомъ у безбожныхъ либераловъ и стало организовать вооруженное сопротивленіе кортесамъ, такъ называемую „армію вѣры". Скоро вся испанская нація раздѣлилась на два крайніе лагеря, и между ними началась ожесточенная борьба.

Извѣстіе объ испанской революціи произвело сильное впечатлѣніе на неаполитанскихъ карбонаріевъ. Они тоже имѣли сторонниковъ среди недовольныхъ военныхъ, между которыми особенно выдвигался генералъ Гульельмо Пепе, когда-то отличившійся на службѣ у Мюрата и потому бывшій въ подозрѣніи у правительства. Салернскіе карбонаріи составили декретъ о назначеніи его главнокомандующимъ и вождемъ революціи, но онъ сначала колебался примкнуть къ движенію. Между тѣмъ въ ночь съ 1 на 2 іюля въ Нолѣ кавалерійскіе поручики Морелли и Сильвати провозгласили конституцію, двинулись оттуда съ небольшимъ отрядомъ на Авеллино и увлекли за собою тамошній гарнизонъ и гражданскія власти. Послѣ этого Пепе далъ согласіе взять на себя главное начальство надъ инсургентами, поставивъ непосредственною своею задачею вынудить у короля введеніе „испанской конституціи". Противъ мятежниковъ король выслалъ войско подъ начальствомъ генерала Карраскозы, но онъ самъ принадлежалъ къ либеральной партіи, да и вѣрность солдатъ королю оказалась непрочною, такъ что и армія скоро поддалась революціонному увлеченію. Фердинанду I осталось только уступить. Сначала онъ думалъ ограничиться одними неопредѣленными обѣщаніями, но когда волненіе, произведенное карбонаріями въ самой столицѣ, достигло до королевскаго дворца, онъ поспѣшилъ передать правленіе наслѣднику престола, герцогу Франческо Калабрійскому, который 7 іюля и объявилъ введеніе въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій испанской конституціи. Черезъ день послѣ этого (9 іюля) Пепе вступилъ во главѣ мятежнаго войска въ Неаполь, а нѣсколько дней спустя и самъ король торжественно

присягнулъ на вѣрность конституціи (13 іюля). Съ материка движеніе перешло на островъ Сицилію. Въ серединѣ іюля революція вспыхнула и въ Палермо, гдѣ произошли сцены самой дикой анархіи, и откуда революція распространилась и на другіе города острова. Въ Сициліи образовалось временное правительство подъ начальствомъ князя Виллафранки, которому, однако, не удалось успокоить расходившіяся народныя страсти. Въ Неаполѣ извѣстіе о палермскихъ событіяхъ принято было съ неудовольствіемъ. Въ Сицилію было послано неаполитанское войско для усмиренія народныхъ волненій и подчиненія острова, обнаружившаго стремленіе къ самостоятельности, общей конституціи. Возникшая отсюда распря между двумя главными частями королевства сильно ослабляла либеральную партію. Наконецъ, Сицилія была покорена, и 1 октября 1820 г. въ Неаполѣ открылись засѣданія общаго парламента.

Въ августѣ вспыхнула революція и въ Португаліи. Она началась 23 числа въ Опорто, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ явился полковникъ Сепульведа. Опираясь на недовольныхъ офицеровъ и солдатъ своего отряда, онъ учредилъ временное правительство подъ предсѣдательствомъ графа Сильвеиры, поручивъ ему управлять страною отъ имени отсутствовавшаго короля и созвать немедленно кортесы для составленія конституціи. Примѣру Опорто послѣдовали Лиссабонъ и другіе города, всюду отказывая въ повиновеніи англійскимъ военачальникамъ. Въ началѣ 1821 г. въ столицѣ государства собрались кортесы и выработали (9 марта) конституцію, которая своимъ радикализмомъ превосходила даже испанскую конституцію 1812 года. Около того же времени и Бразилія потребовала у короля Іоанна VI конституцію, на что онъ отвѣчалъ обѣщаніемъ ввести въ ней то государственное устройство, какое будетъ выработано лиссабонскими кортесами. Послѣ этого онъ оставилъ Ріо-Жанейро, назначивъ правителемъ Бразиліи своего сына донъ-Петро, и возвратился въ Лиссабонъ, гдѣ и утвердилъ составленную кортесами конституцію.

Послѣднимъ въ ряду этихъ революціонныхъ движеній былъ либеральный переворотъ въ Пьемонтѣ, но онъ совершился уже послѣ того, какъ австрійцы двинулись усмирять неаполитанскую революцію. Пьемонтскіе либералы поставили себѣ цѣлью объединить Италію на основѣ все той же испанской конституціи 1812 г. Руководилъ ими майоръ гр. Сантароза, который въ началѣ марта 1821 г. вошелъ въ сношенія съ либеральнымъ принцемъ Карломъ-Альбертомъ Кариньянскимъ, предполагаемымъ наслѣдникомъ престола, предложивъ ему провозгласить Виктора-Эммануила королемъ Сѣверной Италіи и объявить войну Австріи. Между тѣмъ заговорщики отправились въ разные города (Алессандрію, Пиньеролу, Верчелли), гдѣ стояли гарнизоны,—

увлекли ихъ за собою, провозгласивъ испанскую конституцію и королевство Итальянское и назначивъ временный комитетъ для завѣдованія дѣлами Италіи, пока не будетъ созвано національное собраніе. Вскорѣ затѣмъ инсургенты завладѣли Туриномъ, но это случилось уже какъ-разъ въ то время, когда сардинскій уполномоченный на лайбахскомъ конгрессѣ, гр. Санъ-Марсано, пріѣхалъ въ столицу королевства и объявилъ Виктору-Эммануилу, что обязался отъ его имени передъ конгрессомъ не допускать въ Италіи введенія конституціоннаго образа правленія. Король тогда отрекся отъ престола (13 марта) въ пользу своего брата, жившаго въ то время въ Моденѣ, а до его пріѣзда назначилъ регентомъ принца Кариньянскаго, ведшаго себя все время крайне нерѣшительно. Хотя подъ давленіемъ либераловъ принцъ и согласился на введеніе испанской конституціи, но ни за что не хотѣлъ начинать войны съ Австріей. Узнавъ отъ новаго короля, бывшаго вообще поклонникомъ Меттерниха, что въ его глазахъ всѣ либералы—измѣнники и преступники, и получивъ отъ него прямое приказаніе отправиться въ Новару, гдѣ находились войска, не примкнувшія еще къ революціи, принцъ Кариньянскій тайкомъ оставилъ Туринъ (21 марта) и потомъ изъ Новары объявилъ, что протестуетъ противъ насилія, которое надъ нимъ было совершено, слагаетъ съ себя регентство и приглашаетъ войска оставаться вѣрными королю.

Всѣ эти революціи сильно встревожили Священный союзъ. Уже въ мартѣ 1820 г. Александръ I предложилъ, чтобы пять державъ приняли какое-либо рѣшеніе для возстановленія порядка въ Испаніи, хотя бы для этого пришлось прибѣгнуть къ силѣ. Ни Англія, ни Австрія, однако, не давали на это своего согласія, опасаясь, что подавленіе испанской революціи лишь усилитъ франко-русское вліяніе на Пиренейскомъ полуостровѣ; мнѣніе Меттерниха поддержано было и прусскимъ дворомъ. Дѣло приняло, однако, другой характеръ, когда вспыхнула революція въ Неаполѣ. Тутъ уже прямо были затронуты интересы самой Австріи, и она во что бы то ни стало должна была подавить неаполитанскую революцію, иначе національное итальянское движеніе могло бы распространиться на ея собственныя итальянскія владѣнія. Уже въ августѣ и сентябрѣ 1820 г. вѣнское правительство начало стягивать войска въ Ломбардо-Венеціанское королевство, не скрывая цѣли, съ какою это дѣлалось. Оно тѣмъ болѣе могло такъ поступать, что между нимъ и королемъ Обѣихъ Сицилій существовалъ прямой договоръ, которымъ онъ безъ согласія вѣнскаго двора обязывался не вводить конституціи въ своихъ владѣніяхъ. Но Меттернихъ все-таки хотѣлъ—для бо̀льшей вѣрности—дѣйствовать по уполномоченію всей Европы, а для этого, хотя бы только ради формы, нужно было созвать конгрессъ пяти державъ. Конгрессъ, дѣйствительно, со-

брался осенью же (окт.) 1820 г. въ Троппау, куда, кромѣ уполномоченныхъ великихъ державъ, съѣхались и сами государи Австріи, Пруссіи и Россіи. Цѣль этого конгресса было опредѣлить точно общій принципъ, на основаніи котораго союзныя правительства имѣли бы право вмѣшиваться во внутреннія дѣла другихъ государствъ, — и немедленно примѣнить этотъ принципъ къ Неаполю. Меттернихъ употребилъ все свое искусство, чтобы склонить русскаго императора на свою сторону, и между прочимъ воспользовался извѣстіемъ объ одномъ случаѣ нарушенія въ Петербургѣ военной дисциплины (бунтъ въ Семеновскомъ полку противъ невозможнаго командира), чтобы запугать Александра I. Результатомъ переговоровъ на конгрессѣ было принятіе Австріей, Пруссіей и Россіей знаменитаго протокола, въ которомъ прямо утверждалось право вмѣшательства въ дѣла чужого государства ради охраненія Европы отъ преступной заразы (la contagion du crime) революцій. Существенное содержаніе этого протокола сводится къ тремъ пунктамъ. Во-первыхъ, объявлялось, что государства, „которыя во внутреннемъ своемъ устройствѣ подверглись, вслѣдствіе мятежа (par la révolte), измѣненіямъ, угрожающимъ своими послѣдствіями другимъ государствамъ, этимъ самымъ перестаютъ быть составною частью европейскаго союза до тѣхъ поръ, пока ихъ положеніе не представитъ гарантій законнаго порядка и прочности". Вторымъ пунктомъ державы изъ уваженія къ власти каждаго законнаго правительства (l'autorité de chaque gouvernement légitime), и къ проявленіямъ его свободной воли обязывались „отказывать въ своемъ признаніи всѣмъ измѣненіямъ, совершоннымъ путями незаконными". Наконецъ, третій пунктъ гласилъ слѣдующее: „если государства, въ которыхъ подобнымъ образомъ совершаются такія перемѣны, возбудятъ въ другихъ странахъ опасенія неизбѣжной опасности по своему близкому сосѣдству и если союзныя державы будутъ въ состояніи имѣть на нихъ серьезное и благодѣтельное воздѣйствіе, онѣ употребятъ для возвращенія ихъ въ среду союза предварительно дружественныя усилія, а затѣмъ принудительную силу, если бы употребленіе этой силы оказалось неизбѣжнымъ". Таковы были принципы протокола, а примѣненіе ихъ заключалось въ статьяхъ 4, 5, 6 и 7, которыми оправдывалось въ случаѣ надобности занятіе Неаполитанскаго королевства австрійскими войсками. Александръ I, все еще не желавшій казаться гонителемъ свободы, далъ свое согласіе на это вмѣшательство, расчитывая, что послѣ возстановленія власти неаполитанскаго короля послѣдній самъ даруетъ своимъ подданнымъ разумную хартію. Меттернихъ былъ, однако, противъ такого толкованія шага, который должна была сдѣлать Австрія. Съ другой стороны, англійскій министръ Кэстльри, сторонникъ политики Меттерниха, вполнѣ сочувствовалъ предпріятію, такъ

какъ оно имѣло за себя спеціальный трактатъ о невведеніи конституціи и, кромѣ того, вызывалось необходимостью охранить отъ революціи итальянскія земли Австріи и помѣшать утвержденію на полуостровѣ французскаго вліянія, но зато онъ вооружился противъ деклараціи, возводившей вмѣшательство въ принципъ. Австрія, доказывалъ онъ, могла и на свой страхъ дѣйствовать въ Италіи, и ей никто въ этомъ не сталъ бы мѣшать, но изъ этого еще не слѣдовало, по его мнѣнію, чтобы вообще европейскій союзъ долженъ былъ всюду поддерживать лишь извѣстные политическіе порядки. Кромѣ того, Англія продолжала противиться плану Россіи относительно вмѣшательства въ испанскія дѣла, а оно непремѣнно должно было бы произойти, разъ былъ бы принятъ общій принципъ. Франція тоже отказалась присоединиться къ протоколу. Когда рѣшеніе трехъ державъ было опубликовано, Англія и Франція даже протестовали противъ принципа вмѣшательства, но только чисто теоретическимъ образомъ; никто при этомъ и не подумалъ помѣшать Австріи дѣлать свое дѣло.

Въ 1821 г. конгрессъ изъ Троппау былъ перенесенъ въ Лайбахъ (Любляну), куда пригласили пріѣхать и короля Обѣихъ Сицилій. Неаполитанскій парламентъ согласился на эту поѣздку Фердинанда I послѣ того, какъ онъ поклялся, что будетъ отстаивать на конгрессѣ конституцію. На время его отсутствія регентомъ королевства былъ сдѣланъ наслѣдникъ престола, Франческо Калабрійскій, который тоже разыгрывалъ роль сторонника конституціи. На самомъ дѣлѣ Фердинандъ I ѣхалъ въ Лайбахъ для того, чтобы просить военной помощи. При первой возможности онъ снялъ съ себя карбонарскій значокъ, носившійся всѣми приверженцами конституціи, и пересталъ скрывать свои настоящія воззрѣнія. Когда въ Неаполѣ узнали, что тремя державами было рѣшено двинуть на королевство австрійскую армію, то постановили сопротивляться. Въ другихъ частяхъ Италіи тоже произошло движеніе, имѣвшее своею цѣлью отстаивать независимость націи противъ Австріи, а въ Пьемонтѣ, какъ мы видѣли, вспыхнула даже революція. Лайбахскій конгрессъ былъ сильно встревоженъ такимъ настроеніемъ итальянцевъ, но за рѣшеніе конгресса были всѣ итальянскіе государи, приглашенные тоже принять участіе въ лайбахскихъ совѣщаніяхъ. Уже въ февралѣ австрійская армія изъ Ломбардо-Венеціанскаго королевства черезъ Тоскану и Папскую Область прошла до неаполитанской границы, въ Неаполѣ же между тѣмъ принцъ-регентъ съ своей стороны сдѣлалъ все, чтобы облегчить австрійцамъ занятіе королевства. 7 марта близъ Ріети Пепе потерпѣлъ пораженіе и долженъ былъ спасаться бѣгствомъ, а 22 марта австрійцы вступили уже въ самую столицу. Неаполитанцы не обнаружили ни энергіи, ни дисциплины, и успѣхъ австрійцевъ былъ однимъ изъ самыхъ

легкихъ. Какъ-разъ въ это самое время разразилась революція въ Пьемонтѣ, но извѣстіе о вступленіи австрійцевъ въ Неаполь подорвало и здѣсь вѣру въ собственныя силы. 8 апрѣля Сантароза, взявшій на себя роль военнаго диктатора, потерпѣлъ пораженіе отъ соединеннаго сардино-австрійскаго войска подъ Новарою, и вскорѣ послѣ того Туринъ и Алессандрія были заняты побѣдителями. 12 мая въ Лайбахѣ подписана была декларація дворовъ австрійскаго, прусскаго и русскаго, осуждавшая „гнусное" возмущеніе въ Пьемонтѣ, устроенное „развратными людьми" противъ „просвѣщеннаго правленія подъ властью мудраго государя и кроткихъ отеческихъ законовъ", а 27 іюля три названныя державы заключили еще особую конвенцію съ Сардиніей для оккупаціи этой страны австрійскими войсками.

Абсолютизмъ немедленно былъ возстановленъ и въ Неаполѣ, и въ Пьемонтѣ. Меттернихъ добился своего, и Австрія начала вмѣстѣ съ остальными итальянскими правительствами страшнѣйшую реакцію противъ либерализма. Въ какомъ направленіи совершалась эта реакція, можно видѣть изъ мемуара, который еще въ концѣ 1820 г. Меттернихъ представилъ Александру I. Причину зла онъ усматривалъ именно въ слабости и бездѣятельности правительствъ и въ томъ, что средніе классы общества заражены вредными идеями. „Зло, писалъ онъ, распространилось главнымъ образомъ между средними классами общества; настоящій народъ вынужденъ къ работамъ слишкомъ продолжительнымъ и положительнымъ, чтобы могъ броситься въ отвлеченности и горделивыя мечты". Репрессія началась съ Ломбардо-Венеціанскаго королевства. При первомъ же извѣстіи о неаполитанской революціи здѣсь немедленно приняты были мѣры самаго строгаго полицейскаго надзора, начались крайнія цензурныя стѣсненія, произведены были многочисленные аресты. Между патріотами, посаженными въ австрійскія тюрьмы, особенно прославился тогда Сильвіо Пеллико. Въ 1819 г. онъ основалъ въ Неаполѣ газету „Il Conciliatore", но въ слѣдующемъ году по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ карбонаріями былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму, сначала въ Венеціи, потомъ въ Шпильбергѣ. Въ заключеніи онъ провелъ десять лѣтъ, описавъ впослѣдствіи свои тюрьмы въ знаменитомъ сочиненіи (Le mie prigioni), переведенномъ на многіе европейскіе языки и доставившемъ автору всесвѣтную извѣстность [1]). Въ Неаполѣ реакція совершалась при дѣятельномъ участіи австрійскихъ войскъ, остававшихся въ странѣ три года, и приняла еще болѣе жестокій характеръ, чѣмъ даже въ 1799 г. Казнямъ почти не было конца, несмотря на провозглашеніе четырехъ

[1]) *Chiala*. Vita di Silvio Pellico. 1852.—*Bourdon*. Silvio Pellico, sa vie et sa mort. 1868.

полныхъ амнистій. Громадное количество неаполитанцевъ поплатилось также ссылкою на галеры, тюремными заключеніями, изгнаніемъ. Противъ карбонаризма были пущены въ ходъ всѣ средства уголовной репрессіи. То же самое происходило и въ Пьемонтѣ. Но, несмотря на это, идея единства и свободы Италіи продолжала дѣлать успѣхи въ націи, и тайныя общества (особенно въ Папской Области) не прекращали своей дѣятельности. Однимъ изъ лозунговъ итальянскихъ патріотовъ сдѣлалось теперь—„fuori i tedeschi“ (вонъ нѣмцевъ!)

За Неаполемъ и Пьемонтомъ очередь дошла и до Испаніи. Монархи, совершившіе возстановленіе абсолютизма въ Италіи, рѣшили собраться въ слѣдующемъ году на новый конгрессъ для принятія мѣръ и противъ испанской революціи, такъ какъ пришли къ тому заключенію, что не будетъ спокойствія въ Европѣ, пока въ Мадридѣ дѣйствуетъ конституція кортесовъ. За все это время въ Испаніи происходила внутренняя борьба, сопровождавшаяся анархіей. Власть здѣсь мало-по-малу перешла въ руки экзальтированныхъ, думавшихъ подобно якобинцамъ управлять посредствомъ террора, но противъ нихъ на защиту „алтаря и трона“ стали дѣйствовать банды „арміи вѣры“, которыя въ борьбѣ съ либералами проявили такую же энергію, какъ и партизаны во время французскаго нашествія. Въ Сео-де-Ургелѣ клерикалы и „сервилы“ образовали даже антиреволюціонное регентство, объявившее короля плѣнникомъ либераловъ и вступившее въ сношенія съ иностранными державами. Французское правительство помогало испанскимъ легитимистамъ организовать отряды въ пограничныхъ съ Франціей провинціяхъ. Самъ Фердинандъ VII въ 1822 г. сдѣлалъ даже попытку низвергнуть конституцію посредствомъ военной контръ-революціи, но потерпѣлъ пораженіе. 7 іюля гвардія совершила открытое возстаніе противъ новаго порядка вещей, но другія войска высказались противъ этой попытки и подавили возстаніе на улицахъ Мадрида, изрубивъ множество гвардейцевъ передъ самымъ дворцомъ. Лицемѣрный король, самъ подготовившій контръ-революцію, счелъ нужнымъ поблагодарить побѣдителей и для виду совершенно перешелъ на сторону экзальтированныхъ, а между тѣмъ тайно сталъ склонять европейскія державы къ тому, чтобы онѣ вмѣшались и въ испанскія дѣла, какъ это уже было сдѣлано по отношенію къ Италіи. О томъ же просило державы и регентство, которое вынуждено было, благодаря побѣдамъ конституціоннаго войска надъ „арміей вѣры“, осенью 1822 г. искать спасенія на французской территоріи.

На лайбахскомъ конгрессѣ Александръ I окончательно подчинился Меттерниху. Онъ поклялся здѣсь употреблять всѣ средства для подавленія революцій, предлагалъ послать на помощь Австріи въ Италію русскія войска и торжественно заявилъ свое неодобреніе грече-

скимъ инсургентамъ, начавшимъ войну за освобожденіе отъ турецкаго ига. Испанскія дѣла продолжали занимать державы и послѣ лайбахскаго конгресса, тѣмъ болѣе, что и въ американскихъ колоніяхъ Испаніи усилилось революціонное движеніе, а тутъ еще въ январѣ 1822 г. и греки, возстанію которыхъ противъ турокъ весьма сочувствовали либералы всѣхъ національностей, созвали свое національное собраніе, принявшее (13 января) совершенно демократическую конституцію и провозгласившее (27 января) независимость Греціи. Въ серединѣ октября 1822 г. въ Веронѣ собрался новый конгрессъ, на которомъ кромѣ монарховъ Австріи, Пруссіи и Россіи, присутствовали еще короли Сардиніи и Обѣихъ Сицилій, великій герцогъ тосканскій, герцогъ моденскій и герцогиня пармская, не считая дипломатовъ разныхъ государствъ (между прочимъ представителей Англіи, Франціи и папы). На веронскомъ конгрессѣ Александръ I настоялъ на томъ, чтобы Франція совершила экзекуцію въ Испаніи, хотя тогдашнее французское правительство не особенно этого хотѣло; въ помощь Франціи были предложены русскія войска. Дѣло доходило до того, что Александръ I въ уклончивости парижскаго двора готовъ былъ усматривать преступное сообщество съ испанской революціей и не скрывалъ, что будетъ держать себя по отношенію къ Франціи соотвѣтственно съ ея двусмысленнымъ поведеніемъ. Веронскій конгрессъ обратился сначала къ испанскому правительству съ требованіемъ измѣнить конституцію въ болѣе монархическомъ смыслѣ, но изъ Мадрида на это отвѣчали гордымъ отказомъ. Тогда иностранные посланники оставили Мадридъ (январь 1823). Вслѣдъ затѣмъ, въ апрѣлѣ 1823 г. французы вступили въ Испанію, не встрѣтивъ сильнаго отпора со стороны конституціонной арміи, но зато всюду находя поддержку со стороны „апостолическихъ" бандъ; нѣкоторые испанскіе генералы даже прямо измѣнили національному дѣлу. 24 мая французская армія заняла Мадридъ, откуда кортесы еще заблаговременно удалились на югъ (въ Севилью, а потомъ въ Кадиксъ), взявъ съ собой и короля, и министровъ. Скоро вся страна была въ рукахъ иностранной арміи, пришедшей возстановить въ Испаніи абсолютизмъ. Кортесы нѣкоторое время защищались еще въ Кадиксѣ, но наконецъ, вынудивъ у короля манифестъ объ общей амнистіи, дозволили своему плѣннику удалиться во французскій лагерь, осаждавшій Кадиксъ, и объявили себя распущенными (29 сент.). Не очень полагаясь на обѣщанія Фердинанда VII, депутаты поспѣшили спастись въ Гибралтаръ подъ охрану Англіи. Въ Испаніи послѣ этого совершилась реставрація абсолютизма и всѣхъ старыхъ учрежденій (кромѣ инквизиціи) и началась, какъ и въ Италіи, жесточайшая реакція, открывшаяся казнью Ріего и другихъ революціонеровъ. Французскіе генералы старались смягчить „отеческое

сердце“ Фердинанда VII, но если бы онъ и захотѣлъ слушаться совѣтовъ объ умѣренности, то ему не дала бы это сдѣлать „апостолическая“ партія, которая, опираясь на простой народъ, поставила своей задачей окончательно истребить „безбожный“ либерализмъ. Въ томъ же 1823 году военная контръ-революція возстановила абсолютизмъ и въ Португаліи, гдѣ равнымъ образомъ началась реакція. Революція на всемъ Пиренейскомъ полуостровѣ была такимъ образомъ подавлена, но зато Испанія и Португалія должны были отказаться отъ своихъ колоній въ Америкѣ, гдѣ въ это самое время основались новыя республиканскія государства и одновременно съ ними конституціонная имперія Бразильская.

Итальянская и испанская революціи были подавлены не только вслѣдствіе превосходства военныхъ силъ Австріи и Франціи, за которыми стоялъ Священный союзъ, но и потому, что не имѣли достаточной внутренней силы. Либералы и на Апеннинскомъ, и на Пиренейскомъ полуостровахъ дѣйствовали въ двадцатыхъ годахъ главнымъ образомъ путемъ тайныхъ обществъ и опирались преимущественно на войско, но событія показали, что армія была плохой опорой политической свободы и что одни тайныя общества безъ поддержки со стороны народныхъ массъ не въ силахъ были упрочить конституціонный образъ правленія. Народъ обнаруживалъ, правда, признаки недовольства, принималъ участіе въ движеніи, но безъ ясно сознанной цѣли, и даже привѣтствовалъ возстановленіе привычнаго ему абсолютизма, недовольный въ большинствѣ случаевъ либералами за антиклерикальное направленіе ихъ политики. Въ народныхъ массахъ, руководимыхъ духовенствомъ, политическая и культурная реакція находила поэтому весьма прочную опору, и лишь благодаря равнодушію массъ, австрійцамъ въ Италіи и французамъ въ Испаніи не представляло большого труда привести въ исполненіе рѣшенія Священнаго союза. Подавивъ революціонныя движенія въ южно-романскихъ странахъ, Священный союзъ хотѣлъ остаться и на будущее время стражемъ консервативныхъ интересовъ во всей Европѣ. Внутренняя реакція, совершавшаяся во всѣхъ государствахъ, не исключая и Англіи, лишь поддерживала такое направленіе международной политики Священнаго союза. Силу послѣдней испытали на себѣ не только Италія и Испанія, но и Германія, которая казалась нѣкоторое время тоже близкой къ революціи.

XVI. Побѣда партикуляризма и реакціи въ Германіи [1]).

Главные вопросы нѣмецкой исторіи послѣ войны за освобожденіе.—Вопросъ объ единствѣ Германіи и образованіе Германскаго Союза.—Вопросы объ общегерманскомъ законодательствѣ и о таможенномъ союзѣ.—Вопросъ о представительныхъ учрежденіяхъ въ Германіи.—Противоположность между южной и сѣверной Германіей.—Южно-германскія конституціи и сѣверно-германская реакція.—Реакціонная роль Австріи.—Движеніе среди университетской молодежи и репрессивныя мѣры правительствъ.—Торжество реакціонныхъ стремленій.—Карлсбадскія постановленія, вѣнскій заключительный актъ и очищеніе сейма.—Реакція въ Пруссіи и вопросъ о прусской конституціи.—Политическая философія Гегеля.—Судьба нѣкоторыхъ прусскихъ патріотовъ въ эпоху реакціи.

Въ національномъ движеніи, охватившемъ Германію во время „войны за освобожденіе", необходимо различать три стороны. Во-первыхъ, это былъ взрывъ національнаго патріотизма противъ иноземнаго господства, стремленіе къ національной независимости. На этомъ чувствѣ и въ этой цѣли сходилось громадное большинство нѣмцевъ. Цѣль была достигнута, и въ настроеніи нѣмецкой націи въ видѣ осадка послѣ бурнаго періода борьбы осталось извѣстнаго рода нерасположеніе къ французамъ и къ ихъ идеямъ, чтò было сильно наруку романтической реакціи, проповѣдовавшей возвращеніе къ роднымъ началамъ средневѣковой старины. Во-вторыхъ, въ эпоху борьбы съ Франціей въ нѣкоторыхъ передовыхъ умахъ возникла и окрѣпла мысль о необходимости національнаго объединенія Германіи, но эта мысль не вошла еще во всеобщее сознаніе и встрѣтила сопротивленіе со стороны нѣмецкихъ государей, противопоставившихъ новой національной идеѣ свои старыя династическія права. Единая Германія сдѣлалась, однако, такимъ же идеаломъ будущаго для нѣмецкихъ

[1]) Для этой главы, кромѣ литературы, приведенной выше, см. *Wirth.* Geschichte der deutschen Staaten von der Auflösung des Reichs bis zum 1830. 1847—1850.—*Treitschke.* Deutsche Geschichte im XIX Jahrhundert. 1879 и слѣд.—*Duncker.* Stein und die deutsche Frage auf dem Wiener Kongresse. 1873.—*A. Schmidt.* Geschichte der preussisch-deutschen Unionsbestrebungen seit Friedrich dem Grossen. 1851.—*W. A. Schmidt (und A. Stern).* Geschichte der deutschen Verfassungsfrage während der Befreiungskriege und des Wiener Kongresses. 1890.—*Kaltenborn.* Geschichte der deutschen Bundesverhältnisse und Einheitsbestrebungen. 1857.—*Fischer.* Die Nation und der Bundestag. 1880.—*Ilse.* Geschichte der deutschen Bundesversammlung. 1861. Кромѣ того, ниже будутъ сдѣланы указанія на исторіи отдѣльныхъ областей, явленій, событій и т. п. изъ этой эпохи въ Германіи. Въ изданіи *Jäger'a* и *Moldenhauer'a* „Auswahl wichtiger Aktenstücke zur Geschichte des XIX Jahrhunderts" (1893) помѣщено цѣликомъ или въ выдержкахъ нѣсколько важныхъ документовъ, относящихся къ исторіи Германіи.

патріотовъ, какимъ для патріотовъ итальянскихъ была единая Италія. Въ-третьихъ, національное движеніе этой эпохи сопровождалось стремленіемъ и къ политической свободѣ. Французская революція и наполеоновскіе перевороты разбудили въ извѣстныхъ классахъ нѣмецкаго общества чувство политической свободы; явились и государственные люди, находившіе необходимымъ введеніе представительства, какъ единственнаго средства обновить государственную жизнь; сами, наконецъ, правительства во время борьбы съ Наполеономъ давали подданнымъ конституціонныя обѣщанія и поселяли въ нихъ надежды на либеральныя преобразованія. Но въ эпоху реставраціи лишь въ пятнадцати среднихъ и мелкихъ государствахъ Германіи были введены представительныя учрежденія, да и то на половину въ формѣ средневѣковыхъ земскихъ чиновъ, но ни Австрія, ни Пруссія, ни Саксонія, ни цѣлая половина великихъ герцогствъ, герцогствъ и княжествъ не ввели у себя даже сословнаго представительства. Борьба за конституцію сдѣлалась въ Германіи тоже одною изъ злобъ дня, вслѣдствіе чего на внутреннюю жизнь нѣмецкой націи и могли впослѣдствіи произвести такое потрясающее впечатлѣніе іюльская и февральская революціи во Франціи въ 1830 и 1848 гг. Уже въ началѣ двадцатыхъ годовъ нѣмецкое національное движеніе съ либеральными стремленіями было подавлено, между прочимъ, благодаря особой бдительности Австріи, взявшей на себя роль руководительницы реакціи во всей Германіи. Пруссія, сдѣлавшаяся, благодаря Фридриху II, передовою страною въ культурномъ отношеніи, приступившая при Штейнѣ и Гарденбергѣ къ обновленію своего соціальнаго и политическаго быта, ставшая, наконецъ, въ годы послѣдней борьбы съ Наполеономъ во главѣ обще-нѣмецкаго движенія и придавшая ему либеральный оттѣнокъ, конечно, не могла дойти до такой реакціи, какая совершалась въ Австріи, но и она повернула на путь строгаго консерватизма и подпала вліянію Меттерниха не только въ дѣлахъ международнаго характера, поддерживая на конгрессахъ въ Ахенѣ, Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ принципы Священнаго союза, но и въ дѣлахъ, касавшихся Германіи, гдѣ солидарность вѣнскаго и берлинскаго дворовъ составляла прямо рѣшающую силу. Вотъ почему, говоря объ эпохѣ реставраціи въ Германіи, можно характеризовать это время, какъ періодъ болѣе или менѣе полной побѣды реакціи. Съ этой точки зрѣнія мы и разсмотримъ главнѣйшіе факты нѣмецкой исторіи отъ вѣнскаго конгресса до іюльской революціи.

Начнемъ съ вопроса объ объединеніи Германіи. Мысль о необходимости прекратить гибельное раздѣленіе нѣмецкой націи между многими государствами, въ которомъ справедливо видѣли одну изъ главныхъ причинъ ея униженія, явилась весьма естественно въ эпоху

борьбы съ Наполеономъ. Однимъ изъ первыхъ сторонниковъ идеи національнаго единства Германіи былъ Штейнъ, но ее раздѣляли съ нимъ только немногіе нѣмцы. Осуществленію этой идеи препятствовалъ вѣковой сепаратизмъ, который былъ особенно силенъ на юго-западѣ, въ Баваріи, Баденѣ и Вюртембергѣ. Когда наконецъ послѣ неудачи Наполеона въ 1812 г. Штейнъ увидѣлъ, что близокъ часъ освобожденія Германіи, онъ уже рѣшилъ для себя вопросъ о будущемъ ея устройствѣ. Въ молодости онъ былъ рьянымъ приверженцемъ средневѣковой имперіи, но она доказала свою несостоятельность, и потому Штейнъ не думалъ уже о ея возстановленіи. Ему казалось, что общимъ желаніемъ всѣхъ нѣмцевъ должно было быть такое устройство, при которомъ Германія была бы сильна своимъ единствомъ, какъ то было до распаденія страны на княжества. Старый недругъ деспотическихъ князей, онъ не могъ относиться иначе, какъ съ ненавистью къ государямъ Рейнскаго союза, которые раболѣпствовали передъ Наполеономъ, помогли ему разгромить Австрію въ 1809 г. и „поддерживали свое существованіе кровью и достояніемъ своихъ подданныхъ“. Не довѣряя этимъ, какъ онъ ихъ называлъ, „титулованнымъ рабамъ“, онъ въ то же время не расчитывалъ и на то, чтобы Австрія или Пруссія осуществили его завѣтную мечту. Свои взоры въ 1812 г. онъ обращаетъ на Россію и, вызванный въ Петербургъ, представляетъ Александру I мемуаръ о будущемъ устройствѣ Германіи. Въ этомъ документѣ Штейнъ доказывалъ, что и для всей Европы было бы очень важно устранить причины слабости Германіи. Главная причина ея слабости — окончательное раздробленіе, созданное „злополучнымъ“ вестфальскимъ трактатомъ, тѣмъ самымъ, который Штейну во времена „союза князей“ казался, наоборотъ, лучшей гарантіей der deutschen Libertät. Полезнѣе всего было бы, думалъ онъ теперь, устроить изъ Германіи одну монархію съ единою верховною властью и, конечно, съ гражданскими и политическими правами, которыя должны принадлежать каждому свободному народу; но Штейнъ не скрывалъ отъ себя, что это было бы очень трудно сдѣлать. Оставалось два способа: или раздѣлить всю Германію между Австріей и Пруссіей, передавъ одной изъ нихъ императорскій титулъ, или, чего легче всего было бы достигнуть, оставить, кромѣ Австріи и Пруссіи, еще нѣсколько государствъ, но поставить ихъ прямо въ подчиненное положеніе въ дѣлахъ внѣшней политики. Скрѣпя сердце, Штейнъ готовъ былъ согласиться и на эту послѣднюю комбинацію. Если въ 1813 г. Александръ I перенесъ войну съ Наполеономъ въ Германію, то это произошло отчасти по настоянію Штейна, который въ это время сталъ играть весьма видную роль въ качествѣ русскаго уполномоченнаго въ коммиссіи, учрежденной для управленія нѣмецкими землями,

отнятыми у Наполеона. Тутъ впервые увидѣлъ Штейнъ, какъ трудно было осуществить идею нѣмецкаго единства. Считая всю Германію своимъ отечествомъ, онъ становился выше мѣстныхъ интересовъ, но пруссаки стали обвинять его, что онъ измѣняетъ монархіи, у которой прежде самъ находился на службѣ, тогда какъ внѣ Пруссіи, наоборотъ, говорили, что онъ слишкомъ тянетъ въ сторону Берлина, пользуясь вліяніемъ своимъ на русскаго царя. Во время извѣстнаго перемирія съ Наполеономъ Штейнъ подалъ союзникамъ мемуаръ, въ которомъ совѣтовалъ сдѣлать изъ Австріи и Пруссіи первостепенныя державы и вполнѣ подчинить имъ другія нѣмецкія государства съ возстановленіемъ императорскаго достоинства въ Германіи въ пользу Австріи и съ образованіемъ общенѣмецкаго національнаго представительства; но тутъ уже онъ встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны Меттерниха, которому, конечно, все не нравилось въ этомъ „революціонномъ" планѣ. Штейнъ настаивалъ на томъ, чтобы государи Рейнскаго союза, какъ орудія наполеоновскаго деспотизма въ Германіи, были объявлены измѣнниками и чтобы подданные ихъ были призваны къ возстанію, но Меттернихъ, наоборотъ, сталъ переманивать этихъ государей на свою сторону, заранѣе обѣщая имъ сохранить за ними ихъ владѣнія и полноту ихъ верховной власти, т.-е. сохранить все то, что имъ было дано Наполеономъ. На этомъ условіи члены Рейнскаго союза стали вступать въ союзъ съ Австріей къ великому негодованію Штейна, видѣвшаго въ такомъ оборотѣ дѣла разрушеніе всѣхъ своихъ политическихъ плановъ. Это ему не помѣшало, однако, и во время вѣнскаго конгресса хлопотать о томъ, чтобы хоть сколько-нибудь поправить дѣло. Когда обсуждался (между прочимъ и въ печати) вопросъ о возстановленіи въ Германіи императорскаго достоинства, Штейнъ написалъ объ этомъ мемуаръ, въ которомъ доказывалъ необходимость передать императорское достоинство Австріи. Своимъ проницательнымъ умомъ онъ понялъ—и весьма ясно выразилъ эту свою мысль въ мемуарѣ, —что Австрія не въ примѣръ Пруссіи, территоріально тѣсно связанной съ Германіей, имѣетъ тенденцію къ обособленію отъ Германіи: на этомъ-то основаніи онъ и требовалъ установленія особой между ними связи въ видѣ нѣмецкаго императорства, которое было бы передано Австріи. Проектъ Штейна не былъ принятъ. Пруссія не допускала такого возвышенія своей соперницы, Австрія же готовилась совсѣмъ инымъ путемъ взять на себя первенствующую роль въ Германіи.

Такимъ образомъ, вопросъ о національномъ объединеніи былъ только поставленъ, но рѣшеніе его въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно было желательно Штейну и немногимъ его единомышленникамъ, оказалось невозможнымъ. Противъ единой Германіи были соперничавшія между

собою Австрія и Пруссія; были государи Рейнскаго союза, ведшіе себя, замѣтимъ, довольно двусмысленно во время стодневнаго владычества Наполеона; были даже сами баварцы, вюртембергцы, гессенцы, ганноверцы и „другіе народы"; были, наконецъ, и нѣкоторые патріоты, находившіе, что раздѣленіе Германіи на нѣсколько государствъ являлось гарантіей свободнаго развитія національной жизни, чего не могло бы быть при томъ единообразіи, какое установилось бы при политической централизаціи. Послѣднюю мысль высказывалъ еще Фихте въ своихъ „Рѣчахъ къ нѣмецкой націи", а въ 1814 г. формулировалъ Тибо въ брошюрѣ „О необходимости общаго гражданскаго права для всей Германіи", гдѣ, высказываясь въ пользу юридическаго объединенія нѣмецкой націи путемъ созданія общаго гражданскаго кодекса, онъ тѣмъ не менѣе возставалъ противъ объединенія политическаго. Но если бы даже всѣ „народы" Германіи и всѣ нѣмецкіе патріоты, дѣйствительно, желали объединенія, вѣнскій конгрессъ не исполнилъ бы ихъ желанія. На вѣнскомъ конгрессѣ принципъ легитимизма склонялся только передъ идеей политическаго равновѣсія и передъ правомъ сильнаго и ни въ какомъ случаѣ не могъ бы быть принесенъ въ жертву идеѣ націи, т.-е. идеѣ, по происхожденію своему, какъ тогда казалось, революціонной. Меттернихъ называлъ Штейна даже прямо якобинцемъ и приходилъ въ ужасъ, когда тотъ говорилъ о низложеніи государей во имя правъ нѣмецкой націи, которой всѣ они измѣнили, вступивъ въ союзъ съ ея притѣснителями, или когда указывалъ на необходимость общегерманскаго національнаго представительства. И Меттернихъ, и Штейнъ, какъ противники французской революціи, были представителями стараго порядка; но въ старомъ порядкѣ были разныя стороны, а потому какъ отношеніе ихъ къ идеямъ вѣка, такъ и ихъ политическая роль были столь между собою несходны. Но если въ сферѣ политики идея національнаго объединенія Германіи потерпѣла полную неудачу, то это не помѣшало ей пустить глубокіе корни, по крайней мѣрѣ, въ сознаніи мыслящей части общества и найти убѣжище въ литературѣ. Мы встрѣчаемся съ этою мыслью уже въ „Духѣ времени" Арндта, въ патріотической лирикѣ временъ „войны за освобожденіе", въ публицистикѣ и въ произведеніяхъ научной и философской мысли послѣдующей эпохи. Если Штейнъ ссылался на „всеобщее желаніе" нѣмцевъ, то именно потому, что былъ введенъ въ заблужденіе этой литературой, которую принималъ за голосъ самой націи, а не сравнительно небольшого числа интеллигенціи. Любопытно, что для большинства нѣмецкихъ публицистовъ 1813—1815 гг., писавшихъ о необходимости объединенія Германіи, вопросъ казался легкимъ, но имъ всѣмъ пришлось разочароваться очень скоро. Въ началѣ 1815 г. одинъ изъ писателей, стоявшихъ за возстановленіе нѣ-

мецкаго императора для Австріи, издалъ составленный въ формѣ разговора памфлетъ подъ заглавіемъ „Имперія и императоръ". Въ немъ были выведены австріецъ, пруссакъ, саксонецъ, католикъ и т. п., и всѣ они только спорятъ между собою, причемъ и тогда уже высказывалась мысль, что вопросъ можетъ быть разрѣшенъ лишь „кровью и желѣзомъ", и даже намѣчалась будущая роль Пруссіи. Мы еще увидимъ, какія формы принимало въ Германіи стремленіе къ національному единству послѣ 1815 г., а теперь разсмотримъ устройство, данное ей на вѣнскомъ конгрессѣ.

Мы не будемъ подробно останавливаться на всѣхъ перипетіяхъ въ рѣшеніи той трудной задачи, какую для вѣнскаго конгресса представляло собою устройство Германіи. Изъ-за желанія Пруссіи получить всю Саксонію, завоеванную у ея короля, оставшагося союзникомъ Наполеона, равно какъ изъ-за желанія Россіи удержать за собою все великое герцогство Варшавское, чуть-было не вспыхнула новая война. Но кромѣ саксонскаго вопроса, въ Германіи существовала еще масса другихъ, которые также улаживались съ великимъ трудомъ. Когда, однако, всѣ территоріальныя перераспредѣленія были утверждены, оставалось рѣшить вопросъ о томъ, въ какія же отношенія будутъ поставлены другъ къ другу отдѣльныя нѣмецкія государства. По этому предмету споровъ было безъ конца. Сначала все дѣло разсматривалось коммиссіей изъ представителей Австріи, Пруссіи, Баваріи, Вюртемберга и Ганновера, но согласить всѣ интересы было трудно. Напр., баварскій уполномоченный во имя „баварской національной гордости" протестовалъ противъ предположенія лишить отдѣльныя государства Германіи права войны и союзовъ съ иностранными державами; ганноверскій уполномоченный назвалъ „султанизмомъ" систему управленія, принятую въ странахъ бывшаго Рейнскаго союза; Вюртембергъ даже прямо вышелъ изъ состава этой коммиссіи, и коммиссія распалась. Мелкіе нѣмецкіе государи также были очень недовольны тѣмъ, что ихъ отстранили отъ совѣщаній, и они снова возбудили дѣло, потребовавъ, чтобы и ихъ допустили къ участію въ рѣшеніи вопроса. Только возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы заставило поторопиться съ окончаніемъ дѣла, и изъ отдѣльныхъ проектовъ съ разными урѣзками, оговорками, протестами былъ наконецъ выработанъ союзный актъ (die deutsche Bundesakte), который и былъ принятъ 8 іюня 1815 г.

Германскій союзъ (der deutsche Bund) былъ международнымъ соединеніемъ суверенныхъ государствъ для внѣшней и внутренней безопасности, и въ составъ его вошло 38 государствъ, въ числѣ которыхъ были одна имперія, пять королевствъ, одно курфюршество, семь великихъ герцогствъ, по пяти герцогствъ и княжествъ и, на-

конецъ, четыре вольныхъ города [1]). Подъ безопасностью разумѣлись огражденіе Германіи отъ нападенія извнѣ и сохраненіе мира между отдѣльными членами союза внутри, но лишь въ рѣдкихъ случаяхъ союзъ могъ принимать мѣры для поддержанія спокойствія въ отдѣльныхъ государствахъ, вошедшихъ въ его составъ. Интересы членовъ Германскаго союза были весьма неодинаковы и часто прямо противоположны. Во-первыхъ, въ его составъ и притомъ лишь частью своихъ владѣній [2]) входили двѣ великія державы въ общеевропейскомъ значеніи слова — Австрія и Пруссія, которыя имѣли каждая свою особую традиціонную политику и съ которыми трудно было считаться не только мелкимъ государствамъ союза, но и среднимъ, вродѣ Баваріи, Саксоніи и т. п. Во-вторыхъ, въ союзъ допущены были два иностранныхъ государя, а именно король голландскій (по Люксембургу) и король датскій (по Голштиніи). Въ-третьихъ, юго-западная Германія обнаруживала явную тенденцію къ сепаратизму (Баденъ и Вюртембергъ даже не сразу вступили въ союзъ), и вообще всѣ государи союза стремились отстоять свою независимость, причемъ вдобавокъ между средними и мелкими государствами тоже обнаруживался своего рода антагонизмъ. Союзный актъ не установилъ вообще надъ правительствами отдѣльныхъ государствъ никакой высшей власти, къ которой могло бы стать въ непосредственныя отношенія все народонаселеніе страны. Носителями союзной власти

---

[1]) Въ этомъ спискѣ отмѣчены курсивомъ государства, въ которыхъ были введены представительныя учрежденія между 1814 и 1824 гг.

Имперія—Австрія.

Пять королевствъ: Пруссія, *Баварія*, *Ганноверъ*, Саксонія, *Вюртембергъ*.

Одно курфюршество: *Гессенъ-Кассель* (Кургессенъ).

Семь великихъ герцогствъ: *Баденъ*, *Гессенъ-Дармштадтъ*, Мекленбургъ-Шверинъ, Мекленбургъ-Стрелицъ, *Саксенъ-Веймаръ*, Люксембургъ и Ольденбургъ.

Десять герцогствъ: *Саксенъ-Мейнингенъ*, *Саксенъ-Кобургъ*, Саксенъ-Гота, *Саксенъ-Гильбургаузенъ*, Ангальтъ-Дессау, Ангальтъ-Кётенъ и Ангальтъ-Бернбургъ, *Нассау*, *Брауншвейгъ*, Гольштейнъ (Голштинія).

Десять княжествъ: Гогенцоллернъ-Гехингенъ, Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ, Шварцбургъ-Рудольштадтъ, Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ, Рейсъ старшей и Рейсъ младшей линіи, Липпе-Детмольдъ, *Липпе-Шаумбургъ*, Бюксбургъ, *Вальдекъ*, *Лихтенштейнъ*.

Четыре вольныхъ города: Франкфуртъ-на-Майнѣ, Гамбургъ, Любекъ, Бременъ.

Въ 1817 г. къ союзу примкнуло еще ландграфство Гессенъ-Гомбургъ. Прибавимъ, что въ обоихъ Мекленбургахъ до сихъ поръ сохранилось отъ XVI—XVII вв. государственное устройство съ чисто сословнымъ представительствомъ (Korps der Ritterschaft und Landschaft), единственный остатокъ средневѣковой старины въ современной Германіи.

Указанія на литературу по исторіи среднихъ и мелкихъ государствъ можно найти въ „Uebersicht über die Geschichte der Mittel- und Kleinstaaten bis 1815" въ Handbuch der deutschen Geschichte von *Bruno Gebhardt*. 1892 (II, 461—494).

[2]) Тѣми, которыя входили въ составъ и прежней Священной Римской имперіи.

были сами же правительства, вступавшія между собою въ соглашеніе черезъ уполномоченныхъ на союзномъ сеймѣ (Bundestag), и имъ давались опредѣленныя инструкціи относительно защиты интересовъ каждаго отдѣльнаго правительства. Тѣ права, какія по отношенію къ князьямъ и имперскимъ городамъ все-таки еще принадлежали центральнымъ учрежденіямъ Священной Римской имперіи, не были возстановлены въ пользу союзнаго сейма, и въ этомъ смыслѣ новое устройство Германіи еще менѣе осуществляло политическое единство націи, чѣмъ старый имперскій строй. Союзный сеймъ, засѣдавшій съ 1815 г. въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, еще болѣе, чѣмъ прежній сеймъ Священной Римской имперіи, былъ простымъ международнымъ конгрессомъ для тридцати восьми государствъ, — каждое было вполнѣ самостоятельно. Союзный актъ провозглашалъ даже равноправность всѣхъ членовъ союза, т.-е. и крупныхъ, и среднихъ, и мелкихъ, хотя степень ихъ участія въ сеймѣ и не была сдѣлана одинаковой. Лишь одиннадцать государствъ получили по одному полному голосу, а остальныя всѣ вмѣстѣ пользовались шестью собирательными голосами. Мелкія государства были недовольны такимъ распредѣленіемъ голосовъ и, согласившись, чтобы оно было оставлено для рѣшенія обыкновенныхъ дѣлъ (тѣсный совѣтъ, engerer Rath), настояли на томъ, чтобы по дѣламъ особой важности каждый членъ имѣлъ по меньшей мѣрѣ одинъ самостоятельный голосъ, и чтобы дѣла эти рѣшались въ особомъ, „полномъ“ собраніи (Plenum). Такими дѣлами признаны были измѣненія въ союзномъ устройствѣ, требовавшія единогласнаго рѣшенія, и вопросы о войнѣ и мирѣ, которые могли рѣшаться лишь большинствомъ 2/3 голосовъ. Въ полномъ сеймѣ Австріи и пяти королевствамъ принадлежало по четыре голоса, шести государствамъ—по три, тремъ—по два, остальнымъ—по одному. Требованіе единогласія по вопросамъ о внутреннемъ устройствѣ союза in Pleno, а по нѣкоторымъ дѣламъ и въ „тѣсномъ совѣтѣ“ дѣлало совершенно невозможнымъ дальнѣйшее развитіе союза и тормазило дѣятельность сейма по самымъ иногда важнымъ вопросамъ, какіе только волновали въ то время нѣмецкую націю. Это устройство страшно разочаровало всѣхъ мыслящихъ людей Германіи. Союзный сеймъ сразу сдѣлался учрежденіемъ непопулярнымъ, такъ какъ былъ поставленъ въ полную невозможность дѣлать что-либо для націи въ ея цѣломъ. Во-первыхъ, онъ вѣдалъ только дѣла внѣшней и внутренней безопасности союза, не касаясь вопросовъ политической, соціальной, культурной и экономической жизни націи, предоставленной усмотрѣнію и частнымъ соглашеніямъ отдѣльныхъ правительствъ, а во-вторыхъ, и въ той области, которая была поручена его вѣдѣнію, онъ оказывался безсильнымъ что-либо сдѣлать, благодаря введенію въ его рѣшенія принципа „liberum veto“. Нако-

нецъ, союзное устройство не осуществляло и стремленія къ національному представительству.

Кромѣ вопроса о политическомъ единствѣ Германіи, были подняты въ это время еще два вопроса, касавшіеся объединенія Германіи — именно въ отношеніяхъ юридическомъ и экономическомъ. Знаменитый въ свое время юристъ Тибо [1]), прославившійся „Системой пандектнаго права“ (1803) и занимавшій съ 1805 г. каѳедру въ гейдельбергскомъ университетѣ, въ 1814 г. написалъ брошюру „О необходимости общаго гражданскаго права для Германіи“, въ которой, возставая противъ политическаго объединенія страны, требовалъ созданія для всѣхъ нѣмцевъ единаго гражданскаго кодекса взамѣнъ того правового хаоса, какой представляли собою старые германскіе законы, основанные на чужомъ, римскомъ правѣ. Эта мысль не нашла сочувствія въ правительствахъ Германіи, и противъ нея возсталъ другой юристъ, еще болѣе знаменитый, бывшій основателемъ исторической школы права, профессоръ только-что основаннаго берлинскаго университета Фридрихъ Карлъ фонъ-Савиньи [2]), впослѣдствіи (съ 1817 г.) членъ прусскаго государственнаго совѣта и министръ юстиціи сороковыхъ годовъ. Въ томъ же 1814 г. онъ издалъ брошюру подъ заглавіемъ „О призваніи нашего времени къ законодательству и правовѣдѣнію“, въ которой доказывалъ, что по произволу совершенно невозможно создать гражданскій кодексъ, ибо право точно такъ же, какъ языкъ, какъ нравы, какъ политическое устройство, является лишь продуктомъ исторической жизни народа, органически развиваясь изъ основъ, положенныхъ въ самомъ народномъ духѣ. Въ Германіи вслѣдствіе особенностей ея исторіи жизнь выработала развитіе мѣстнаго права, и это такъ и нужно оставить, не создавая искусственно общаго гражданскаго кодекса.

Другимъ вопросомъ былъ вопросъ о таможенномъ союзѣ [3]). Каждое нѣмецкое государство имѣло на своихъ границахъ таможни, что — при разнообразіи вдобавокъ таможенныхъ законовъ и тарифовъ — донельзя стѣсняло торговлю. Если къ этому присоединить еще то обстоятельство, что нѣкоторыя государственныя территоріи были черезполосныя или представляли изъ себя анклавы въ чужихъ владѣніяхъ, то всѣ неудобства такого порядка вещей сдѣлаются особенно понятными. Союзный актъ обѣщалъ обсудить вопросъ объ устраненіи этихъ

---

[1]) *Baumstark*. Anton Friedrich Justus Thibaut. 1841.

[2]) Біографіи его написаны *Stintzing*'омъ (1862), *Rudorff*'омъ (1863), *Bethmann-Hollweg*'омъ и др.

[3]) О немъ соч. *Robolsky* (1862), *Dittmar*'а (1867—1868), *Aegidi* (Aus der Vorzeit des Zollvereins. 1865), *Festenberg-Packisch*'а (1869), *Weber*'а (1871) и др. Ср. *Zimmermann*. Geschichte der preussisch-deutschen Handelspolitik. 1892.

неудобствъ, но дѣло это впередъ не подвинулось въ сеймѣ ни на одинъ шагъ. Между тѣмъ, послѣ того, какъ Пруссія закономъ 1818 г. улучшила свою обветшалую таможенную систему, за экономическое объединеніе Германіи высказались два видные экономиста, Фридрихъ Листъ и Небеніусъ [1]), но ихъ проповѣдь не имѣла успѣха.

Болѣе всего страдала отъ ненормальнаго порядка вещей Пруссія. Въ 1818 г. она уничтожила у себя внутреннія таможни. но положеніе ея отъ этого значительно не улучшалось. Прирейнскія владѣнія Пруссіи отдѣлялись отъ главной части монархіи Ганноверомъ, Гессенъ-Дармштадтомъ, Франкфуртомъ-на-Майнѣ, а кромѣ того, въ ея владѣнія врѣзывались Ольденбургъ, ангальтскія герцогства и т. п. Недовольныя закономъ 1818 г. сосѣднія съ Пруссіей государства (особенно Гессенъ-Кассель) вступили съ нею въ таможенную войну. Всѣ, однако, болѣе или менѣе страдали отъ такого положенія и должны были искать изъ него выхода. Въ 1819—1821 гг. Пруссія и Саксонія вели переговоры относительно торговаго плаванія по Эльбѣ, приведшіе къ уменьшенію пошлинъ. Въ то же время (1820) южно-германскія и нѣкоторыя среднегерманскія государства вступили между собою въ переговоры по таможенному вопросу, не имѣвшіе, однако, никакого успѣха, и только между Баденомъ и Гессенъ-Дармштадтомъ состоялось — да и то на короткое время — нѣкоторое соглашеніе въ 1824 г., за которымъ въ 1828 г. послѣдовалъ договоръ между Баваріей и Вюртембергомъ. Но это были все-таки исключительные союзы, даже весьма ревниво относившіеся одинъ къ другому. Болѣе важное значеніе подобныя попытки получили позднѣе, когда дѣло попало въ руки главнымъ образомъ Пруссіи. Еще въ 1819 г. она заключила таможенный союзъ съ Зондерсгаузеномъ. Съ 1822 г. къ ней уже примыкали Рудольштадтъ и Бернбургъ съ нѣкоторыми веймарскими частями, а въ 1828 г. въ составъ союза вступили Гессенъ-Дармштадтъ (на шесть лѣтъ), Ангальтъ-Дессау и Ангальтъ-Кётенъ, къ великому неудовольствію Баваріи съ ея южнымъ союзомъ. Тогда между прусскимъ и баварскимъ союзами образовался еще третій, къ которому примкнули Саксонія, Гессенъ-Кассель, Ганноверъ, Франкфуртъ, Бременъ и др. Такъ какъ этотъ союзъ былъ направленъ и противъ прусскаго, и противъ баварскаго, то въ слѣдующемъ, 1829 году Пруссія и Гессенъ-Дармштадтъ, съ одной стороны, и Баварія съ другой, такъ сказать, протянули другъ другу руки черезъ третій союзъ и заключили между собой особый договоръ на 12 лѣтъ. Связующимъ звеномъ между восточнымъ и западнымъ союзами явились Саксенъ-Мейнингенъ, Сак-

[1]) О Листѣ см. статью *Häusser'a* въ изд. соч. Листа (1850), а также Fr *Goldschmidt'a*. Fr. List, Deutschlands grosser Volkswirth. 1879. Его взгляды разсматриваются въ XVI главѣ 5 тома „Ист. Зап. Евр.“; о Небеніусѣ соч. *Beck'a* (1886).

сенъ-Гота и Мекленбургъ, примкнувшіе къ Пруссіи и Баваріи и даже начавшіе строить у себя новыя дороги для товарнаго движенія. Это сильно повредило среднегерманскимъ государствамъ, союзъ ихъ распался, и въ 1831 г. Гессенъ-Кассель перешелъ на сторону Пруссіи почти одновременно съ Вюртембергомъ, который раньше не соглашался къ нему примкнуть. Окончательно, однако, таможенный союзъ (Zollverein) организовался лишь въ слѣдующемъ періодѣ, сдѣлавшись первообразомъ и политическаго объединенія Германіи, совершоннаго Пруссіей въ 1866 и 1871 гг.

Хотя въ 1815 г. въ Германіи и одержалъ побѣду сепаратизмъ, тѣмъ не менѣе мысль о политическомъ объединеніи нѣмецкой націи была заявлена, стала входить въ сознаніе общества, и политическое объединеніе Германіи уже начинало подготовляться на почвѣ общей національной культуры и экономическихъ интересовъ.

Съ вопросомъ объ объединеніи Германіи былъ тѣсно связанъ вопросъ о представительныхъ учрежденіяхъ. Знакомясь съ разными дипломатическими и публицистическими проектами устройства Германіи въ эпоху вѣнскаго конгресса, мы постоянно встрѣчаемся съ мыслью о необходимости народнаго представительства. Прусскій проектъ (Гарденберга съ дополненіями Штейна) въ пятичленной коммиссіи вѣнскаго конгресса заключалъ въ себѣ мысль объ организаціи для всей Германіи общаго законодательнаго собранія изъ владѣтельныхъ князей, имперскихъ чиновъ. представителей вольныхъ и медіатизированныхъ городовъ и даже, какъ хотѣлъ Штейнъ, земскихъ чиновъ; въ отдѣльныхъ же государствахъ предполагалось ввести земскіе чины съ правомъ участія въ законодательствѣ и вотированія налоговъ; за подданными при этомъ должны были быть обезпечены личная свобода, свобода переселенія изъ государства въ государство, свобода собственности, общее гражданское и уголовное право, свобода печати, свобода преподаванія и т. п. Меттернихъ былъ недоволенъ либерализмомъ этого проекта, и Гарденбергъ, желая угодить вліятельному дипломату, не настаивалъ на подробностяхъ своего плана. Представители другихъ королевствъ тоже возражали противъ статей о земскихъ чинахъ; одинъ только ганноверскій уполномоченный, говорившій противъ „султанизма" государей Рейнскаго союза, еще кое-какъ защищалъ земскіе чины. На ихъ сторону, повидимому, готовы были стать и мелкіе государи, протестовавшіе противъ пятичленной коммиссіи. Въ началѣ 1815 г. Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ представилъ на разсмотрѣніе членовъ конгресса новый проектъ, въ которомъ тоже предлагалось участіе представительства въ дѣлахъ правленія, но Меттернихъ внесъ свой контръ-проектъ, лишь мимоходомъ упоминавшій о земскихъ чинахъ, сильно стѣснявшій права подданныхъ. Когда, наконецъ, былъ выра-

ботанъ союзный актъ, въ него была внесена коротенькая статья (§ 13) о земскихъ чинахъ. Первоначально она была редактирована такимъ образомъ, что „во всѣхъ странахъ союза должно быть введено земское представительство“, окончательно же явилась въ такой редакціи, что это представительство во всѣхъ странахъ союза „будетъ существовать“ [1]). Благодаря замѣнѣ слова „должно“ словомъ „будетъ“, статья утрачивала характеръ обязательности. Нужно замѣтить, что самое выраженіе „landesständische Verfassung“ могло быть истолковано различно по своей недостаточной опредѣлительности: оно могло значить и введеніе конституціи въ новомъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ народнаго представительства, могло значить и возстановленіе старыхъ земскихъ чиновъ, т.-е. представительства сословнаго, и могло, наконецъ, значить только простое установленіе областного представительнаго самоуправленія,—какъ кому было угодно понимать слишкомъ неясно выраженное обѣщаніе § 13 союзнаго акта. Изъ 34 (съ 1817 г. изъ 35) монархическихъ государствъ Германіи двадцать — и между ними Австрія, Пруссія и Саксонія — не ввели у себя представительства, а изъ остальныхъ пятнадцати, исполнившихъ обѣщаніе указаннаго параграфа, больше половины ограничилось возстановленіемъ старыхъ земскихъ чиновъ, которые пришли въ совершеннѣйшій упадокъ еще въ эпоху тридцатилѣтней войны. Притомъ парламентарныя и сословныя конституціи вводились въ этихъ пятнадцати государствахъ въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ (1814 — 1824), послѣ чего наступилъ перерывъ въ шесть-семь лѣтъ (1824—1831) до взрыва іюльской революціи въ Парижѣ, которая, какъ извѣстно, не прошла совсѣмъ безслѣдно и для Германіи. Въ томъ, что не всѣ государства сдерживали обѣщаніе относительно landesständische Verfassung, что правительства, исполнившія его, большею частью разрѣшили вопросъ далеко не въ либеральномъ смыслѣ, и что, наконецъ, въ двадцатыхъ годахъ почти совсѣмъ прекратилось введеніе конституцій, нельзя, конечно, не видѣть одного изъ признаковъ побѣды въ Германіи реакціонныхъ стремленій австрійской политики [2]).

---

[1]) In allen Bundesstaaten wird es landesständische Verfassung stattfinden.

[2]) Помѣщаемъ въ двухъ столбцахъ списокъ конституцій, введенныхъ въ Германіи до 1830 года, причемъ въ первомъ столбцѣ перечислены государства съ старымъ сословнымъ представительствомъ, во второмъ—государства съ представительными учрежденіями новаго типа. Всего 15 государствъ изъ 38 получили конституціи, причемъ старыя введены были въ 8 государствахъ, новыя въ—7.

1814.	Нассау.	
1816.	Шаумбургъ-Липпе.	Саксенъ-Веймаръ.
—	Вальдекъ.	
1818.	Гильбурггаузенъ.	Баварія.
—	Лихтенштейнъ.	Баденъ.

Замѣчательно, что конституціи въ новомъ смыслѣ были введены главнымъ образомъ въ юго-западной Германіи. Баварія, Вюртембергъ, Баденъ и Гессенъ-Дармштадтъ (между прочимъ, попарно вступавшіе между собой въ таможенные союзы въ двадцатыхъ годахъ) составили изъ себя компактную территорію съ конституціоннымъ устройствомъ, по сосѣдству съ Франціей (на западѣ) и Швейцаріей (на югѣ), тогда какъ на востокъ и на сѣверъ отъ этой территоріи продолжалъ господствовать абсолютизмъ. Притомъ въ этихъ четырехъ нѣмецкихъ государствахъ конституціи были введены почти одновременно въ какіе-нибудь два-три года (1818—1820), и внѣ указанной территоріи новое устройство получили лишь три небольшихъ саксонскихъ герцогства (Саксенъ-Веймаръ, Саксенъ-Кобургъ и Саксенъ-Мейнингенъ), не могшія, конечно, играть значительной роли въ союзѣ. Оставляя въ сторонѣ эти три владѣнія, мы должны объяснить, почему именно юго-западная Германія ранѣе всего выступила на путь конституціоннаго развитія. Эти государства, находясь по сосѣдству съ Франціей, подвергались всегда болѣе или менѣе ея вліянію, первыми вошли въ составъ Рейнскаго союза и произвели у себя полнѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Германіи, внутреннія преобразованія въ духѣ французскихъ учрежденій. На вѣнскомъ конгрессѣ болѣе, нежели другія государства, Баварія и Вюртембергъ отстаивали неприкосновенность суверенитета отдѣльныхъ нѣмецкихъ государей, противясь въ то же время обязательному введенію земскихъ чиновъ, такъ какъ предпочитали рѣшить потомъ этотъ вопросъ, хотя бы и въ болѣе либеральномъ смыслѣ, но только по собственной иниціативѣ. Оберегая свою самостоятельность, ради уже простого противодѣйствія объединительнымъ стремленіямъ южно-германскія правительства захотѣли выдѣлиться изъ остальной Германіи и противопоставить Австріи и Пруссіи съ ихъ абсолютизмомъ свои конституціонныя учрежденія, чтобы заставить своихъ подданныхъ еще болѣе дорожить мѣстною независимостью. Съ другой стороны, не приходилось возстановлять старые земскіе чины по той простой причинѣ, что они находились бы въ полномъ противорѣчіи съ тѣми преобразованіями, какія въ этихъ государствахъ были произведены въ эпоху Рейнскаго союза. Земскіе чины представляли

1819.	Ганноверъ.	Вюртембергъ.
1820.	Брауншвейгъ.	Гессенъ-Дармштадтъ.
1821.	Кургессенъ.	Саксенъ-Кобургъ.
—		Саксенъ-Мейнингенъ.

Кромѣ того, въ 1829 г. былъ изданъ общій основной законъ для Гильбургаузена и Саксенъ-Мейнингена, соединившихся еще въ 1826 г.

Конституціи большей части государствъ см. у *Дюфо*, *Дювержье и Гаде*, у *Пёлитца* и др. Выдержки помѣщены въ сборникѣ *Іегера* и *Мольденгауера*.

собою феодализмъ и областной партикуляризмъ, а въ южно-германскихъ государствахъ въ 1807—1813 гг. по образцу Франціи нанесенъ былъ ударъ аристократическимъ притязаніямъ и введена была строгая централизація, что не допускало возвращенія къ старымъ чинамъ, съ которыми сами же эти правительства находились прежде въ борьбѣ. Государи юго-западной Германіи, расширившіе свои владѣнія и повысившіеся въ рангѣ, благодаря Наполеону, вообще не могли сочувствовать реставраціи старины, такъ какъ послѣдняя была бы равносильна для нихъ отказу отъ сдѣланныхъ пріобрѣтеній на счетъ всѣхъ медіатизированныхъ имперскихъ чиновъ, и лучшимъ средствомъ противъ всякихъ притязаній съ ихъ стороны казалось этимъ государямъ опереться на народное представительство, котораго требовало притомъ и болѣе развитое общественное мнѣніе юго-западной Германіи. Совсѣмъ другое представлялъ собою сѣверъ Германіи. Большинство тамошнихъ князей при Наполеонѣ было лишено своихъ владѣній, часть которыхъ была непосредственно присоединена къ Франціи, а другая вошла въ составъ королевства Вестфальскаго. На сѣверѣ Германіи въ 1814—1815 гг. поэтому производилась реставрація, которой не было на югѣ, и весьма естественно, что сѣверно-нѣмецкія правительства должны были относиться совершенно иначе ко всѣмъ происшедшимъ перемѣнамъ и новымъ идеямъ, нежели то было на югѣ. Государи, вернувшіеся въ свои владѣнія, сочли первою своею задачею уничтожить все, что было сдѣлано во время ихъ отсутствія французскими правителями. Они возстановляли старыя формы абсолютизма и привилегіи дворянства, а если и вводили landesständische Verfassungen, то возстановляли при этомъ средневѣковое представительство привилегированныхъ сословій и корпорацій съ ихъ консервативными интересами и прямо реакціонными стремленіями. Если выключить великія державы, входившія въ составъ Германскаго союза, т.-е. Австрію и Пруссію, о которыхъ рѣчь будетъ идти особо, то вся Германія представится намъ рѣзко раздѣленною на двѣ части: на югѣ сохранились перемѣны, совершонныя подъ вліяніемъ Франціи, и были введены новыя конституціи, на сѣверѣ произошла реакція, и возстановленъ былъ абсолютизмъ. При поддержкѣ Австріи и Пруссіи, конечно, сѣверная Германія должна была получить перевѣсъ надъ южною, и конституціонныя учрежденія, введенныя въ послѣдней, не получили поэтому надлежащаго развитія.

Баварская конституція, введенная въ 1818 г., дѣйствуетъ съ нѣкоторыми измѣненіями и въ настоящее время. Она объявляла свободу совѣсти съ точнымъ разграниченіемъ сферъ вѣдѣнія государства и церкви, свободу мнѣній съ закономѣрными ограниченіями возможныхъ злоупотребленій ею, равноправность всѣхъ подданныхъ по отно-

шенію къ занятію государственныхъ должностей, всеобщую воинскую повинность, равенство всѣхъ передъ закономъ, безпристрастіе и скорость судопроизводства, равномѣрность въ платежѣ налоговъ, возстановленіе общиннаго самоуправленія, представительство всѣхъ классовъ гражданъ (eine Standschaft hervorgehend aus allen Klassen der im Staate ansässigen Staatsbürger) съ правомъ участія въ законодательствѣ и вотированія налоговъ (mit den Rechten des Beirats, der Zustimmung, der Willigung uud der Beschwerdeführung etc.) и, наконецъ, гарантію конституціи противъ произвольныхъ измѣненій, хотя съ возможностью внесенія въ нее улучшеній. Конституція эта устанавливала въ Баваріи собраніе государственныхъ чиновъ (die allgemeine Versammlung der Stände), состоящее изъ палаты государственныхъ совѣтниковъ (die Kammer der Reichsräte) и палаты депутатовъ (die Kammer der Abgeordneten). Въ составъ первой входили достигшіе совершеннолѣтія принцы, высшіе сановники, два архіепископа, главы княжескихъ и графскихъ фамилій, бывшихъ прежде имперскими, одинъ епископъ, назначенный королемъ, президентъ протестантской генеральной консисторіи и другіе наслѣдственно или пожизненно назначенные королемъ члены, членами же второй палаты должны были быть землевладѣльцы съ вотчинной юстиціей (gutsherrliche Gerichtsbarkeit) и депутаты отъ университетовъ, отъ католическаго духовенства, отъ городовъ и мѣстечекъ и землевладѣльцевъ по одному депутату на 700 семействъ. Король обязывался созывать собранія государственныхъ чиновъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ три года, въ случаѣ же роспуска собранія долженъ былъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ назначить новые выборы.

Аналогичную конституцію получилъ и Вюртембергъ. Король вюртембергскій Фридрихъ I въ эпоху Рейнскаго союза отличался крайнимъ деспотизмомъ и послѣ низложенія Наполеона примкнулъ съ большою неохотою и позже другихъ къ Германскому союзу. Теперь у него уже не было той могущественной поддержки, какую онъ имѣлъ въ Наполеонѣ, и, чувствуя, что недовольство подданыхъ противъ него все возрастаетъ, онъ еще въ январѣ 1815 г. издалъ манифестъ, заключавшій обѣщаніе въ скоромъ времени дать странѣ представительную конституцію (eine Verfassung und ständische Repräsentation), о введеніи которой онъ будто бы думалъ еще съ 1806 г. Она была уже готова къ марту. Несмотря на то, что эта конституція была довольно либеральна (особенно принимая въ расчетъ деспотическій нравъ короля), старые земскіе чины ее отвергли, требуя возстановленія прежняго устройства. Тогда Фридрихъ I въ августѣ того же 1815 г. составилъ второй проектъ конституціи, еще болѣе либеральный, но такъ до самой своей смерти (въ 1816 г.) ему и не удалось придти къ соглашенію со своими подданными, и лишь при его сынѣ, Виль-

гельмѣ, введена была (1819) новая конституція. Она устанавливала двѣ палаты—господъ (Kammer der Standesherren) и депутатовъ съ составомъ, довольно близкимъ къ составу палатъ баварскихъ.

Самою либеральною была конституція баденская, октроированная въ 1818 г. Между Баваріей и Баденомъ было не мало счетовъ, и великій герцогъ Карлъ, не желая оставаться позади сосѣда, далъ своимъ подданнымъ конституцію, составленную вполнѣ по образцу хартіи Людовика XVIII. Она провозглашала принципы личной свободы и гражданскаго равенства и давала сравнительно широкія права представительству, организованному по двухпалатной системѣ. Въ первой палатѣ должны были засѣдать, кромѣ принцевъ и главъ аристократическихъ фамилій (standesherrlichen Familien), католическій епископъ, одно протестантское духовное лицо, восемь выборныхъ депутатовъ дворянства, два депутата университетскихъ и лица, приглашенныя великимъ герцогомъ, а вторую палату должны были составлять депутаты городовъ и округовъ. Для выборовъ депутатовъ устанавливалась двухстепенная система. Право избранія — активное и пассивное для выборщиковъ въ депутаты было предоставлено всѣмъ баденцамъ, достигшимъ двадцатипятилѣтняго возраста, значащимся въ числѣ гражданъ и занимающимъ какую-либо должность въ избирательномъ округѣ; но для того, чтобы быть выбраннымъ въ депутаты, требовался отъ избираемаго извѣстный цензъ. Въ Гессенъ-Дармштадтѣ конституція была результатомъ народнаго требованія, хотя по формѣ и вводилась какъ бы по собственному изволенію великаго герцога. Двухпалатное представительство было введено и здѣсь, но дармштадтская вторая палата состояла лишь изъ представителей дворянства и шести наиболѣе важныхъ городовъ. Очень либеральную конституцію получилъ и маленькій Саксенъ-Веймаръ.

Несмотря, однако, на введеніе въ южно-германскихъ государствахъ конституціонныхъ учрежденій, и здѣсь нельзя не отмѣтить существованія множества реакціонныхъ явленій. Баварскій конкордатъ съ римской куріей (1817) предоставлялъ католическому духовенству громадныя права и вліяніе, находившіяся въ полномъ противорѣчіи съ духомъ новаго времени. Съ другой стороны, едва только баварскій сеймъ началъ обнаруживать признаки самостоятельности, какъ самъ король Максимиліанъ-Іосифъ сталъ тормазить его дѣятельность, пользуясь раздоромъ, возникшимъ между отдѣльными сословіями. Его преемникъ (съ 1825) Людвигъ I, романтическій любитель, знатокъ и покровитель изящныхъ искусствъ, въ качествѣ наслѣднаго принца высказывалъ либеральныя мысли по политическимъ вопросамъ, но въ то же время отличался особою приверженностью къ католицизму. Исполненный противорѣчій, онъ въ началѣ своего царствованія даже пред-

принялъ нѣкоторыя либеральныя реформы и въ то же время сталъ помогать церковной реакціи, руководимой романтикомъ и ретроградомъ фонъ-Шенкомъ. Все правленіе Фридриха I Вюртембергскаго, умершаго въ 1816 г., было временемъ очень страннымъ въ томъ отношеніи, что либеральная конституція, составленная этимъ деспотическимъ королемъ, какъ было сказано, встрѣтила оппозицію во имя историческаго права со стороны старыхъ земскихъ чиновъ, существовавшихъ въ странѣ до 1805 г. Та же консервативная оппозиція продолжалась и въ началѣ царствованія либеральнаго Вильгельма I, и сама конституція, которая, наконецъ, была введена въ 1819 г., имѣла гораздо менѣе либеральный характеръ, нежели проекты Фридриха I и его сына. Въ Баденѣ великому герцогу Карлу наслѣдовалъ (съ 1818 г.) его дядя, большой поклонникъ Меттерниха, служившій прежде въ прусской арміи и пристрастившійся на этой службѣ къ солдатчинѣ. Новое правительство вступило въ борьбу съ конституціонными учрежденіями и стало на сеймахъ двадцатыхъ годовъ заявлять, что органическіе законы могутъ быть издаваемы безъ участія сейма, что утвержденіе бюджета сеймомъ не есть еще законъ для правительства, что сеймъ не имѣетъ права опредѣлять расходы на армію и т. п. Мало того: великій герцогъ жаловался въ Вѣнѣ на баденскіе чины и просилъ Меттерниха защитить его отъ ихъ „нахальства". Путемъ страшнаго давленія на выборы въ 1825 г. Людвигу I удалось добиться вполнѣ покорной палаты, которая произвела въ конституціи нѣсколько реакціонныхъ измѣненій. Въ Гессенъ-Дармштадтѣ правительство также вмѣшивалось въ выборы и преслѣдовало либеральныхъ депутатовъ.

Еще болѣе полную картину реакціи представляетъ намъ сѣверная Германія. Саксонія продолжала сохранять въ своемъ государственномъ быту дореволюціонные порядки, такъ какъ возведеніе ея Наполеономъ на степень королевства и присоединеніе къ Рейнскому союзу не сопровождались никакими внутренними перемѣнами. Фридрихъ-Августъ и послѣ 1815 г. придерживался той системы управленія, которая существовала еще при его вступленіи на престолъ въ 1768 г., а его преемникъ (съ 1827 г.) Антонъ I даже допустилъ іезуитовъ въ Саксонію и вообще сильно покровительствовалъ католической пропагандѣ въ этой протестантской странѣ [1]). Реставрація старой династіи въ Ганноверѣ сопровождалась отмѣною всѣхъ новыхъ порядковъ: французскіе учрежденія и законы были замѣнены прежними съ возобновленіемъ негласнаго судопроизводства, пытки и т. п.; дворянскія привилегіи были возстановлены; законы въ пользу крестьянъ объявлялись недѣй-

[1]) Извѣстно, что династія, царствующая въ Саксоніи, приняла католицизмъ еще въ концѣ XVII в.

ствительными; снова были введены таможни между отдѣльными провинціями и т. п. Правда, Ганноверъ получилъ (1819 г.) конституцію, но она была составлена въ старомъ феодальномъ духѣ и, выдвигая впередъ дворянство, нисколько въ то же время не ограничивала чисто бюрократическаго управленія страною. Въ Брауншвейгѣ при малолѣтнемъ герцогѣ опекунское правленіе англійскаго принца-регента еще сдерживало нѣсколько реакцію (хотя тоже отмѣнило введенныя французами реформы), но едва герцогъ достигъ совершеннолѣтія (1823), какъ началось и здѣсь чисто тиранническое управленіе, вызвавшее рѣзкое столкновеніе между государемъ и земскими чинами и даже вмѣшательство союзнаго сейма. Въ Гессенъ-Касселѣ престарѣлый курфюрстъ Вильгельмъ I, отличавшійся деспотизмомъ, скупостью и мелочностью, ввелъ даже снова парики и косы, которые вышли изъ употребленія, призналъ недѣйствительнымъ все, что случилось послѣ его удаленія изъ страны, лишилъ новопріобрѣтенныхъ правъ и должностей всѣхъ лицъ, которыя служили вестфальскому режиму, и возстановилъ всѣ старые порядки, какіе господствовали до 1806 г., начавъ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми правдами и неправдами выжимать деньги изъ своихъ подданныхъ. Обязавшись по договору 1813 г. возвратить прежнія права земскимъ чинамъ, онъ вынужденъ былъ собрать ихъ, но рассорился съ ними (1815—1816) и, распустивъ собраніе, правилъ потомъ самовластно. Хотя его сынъ Вильгельмъ II (съ 1821) и возстановилъ сеймъ, но прежняя система не подверглась никакому существенному измѣненію. Мекленбургъ, бывшій въ XVIII вѣкѣ страною наибольшаго развитія феодализма, въ эпоху реставраціи сохранялъ свой прежній видъ, и, быть можетъ, нигдѣ такъ тяжело не приходилось крестьянству отъ реакціи, какъ именно въ Мекленбургѣ, гдѣ вся власть находилась въ рукахъ заносчиваго и корыстолюбиваго дворянства. Отмѣна французскихъ законовъ и возстановленіе абсолютизма съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ патріархальности совершены были и въ реставрированномъ Ольденбургѣ. Что касается до Нассау, составившагося болѣе чѣмъ изъ 25 владѣній, которыя были самостоятельными въ концѣ XVIII в., то здѣсь введены были земскіе чины еще въ 1814 г., но болѣе точное опредѣленіе ихъ правъ и дѣятельности было отложено до другого времени; правительство воспользовалось этимъ, чтобы собрать сеймъ лишь въ 1818 г. и то лишь больше для формы, такъ какъ всѣ важнѣйшія дѣла герцогское правительство рѣшало безъ всякаго участія сейма. Наконецъ, даже въ вольныхъ городахъ (за исключеніемъ одного Франкфурта-на-Майнѣ) были возстановлены устарѣлыя учрежденія временъ Священной Римской имперіи.

Этихъ наиболѣе важныхъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться, какъ сравнительно мало осталось въ учрежденіяхъ и законахъ отдѣль-

ныхъ германскихъ государствъ—слѣдовъ тѣхъ переворотовъ, которымъ Германія подверглась въ эпоху французскаго владычества, если, конечно, не считать перемѣнъ, произведенныхъ во всей Германіи, какъ единомъ цѣломъ (уничтоженіе Священной Римской имперіи, духовныхъ владѣній, громаднаго большинства мелкихъ княжествъ, почти всѣхъ имперскихъ городовъ и всего имперскаго рыцарства).

Общій тонъ этой реакціонной политикѣ задавали великія державы, Австрія и Пруссія, изъ которыхъ первой принадлежало притомъ предсѣдательство въ союзномъ сеймѣ.

Австрія вышла побѣдительницей изъ всѣхъ потрясеній конца XVIII и начала XIX в. Четыре раза она должна была заключать унизительные мирные договоры; два раза ея столица сдавалась побѣдителю; у нея отнимались громадныя провинціи; ея государь вынужденъ былъ сложить съ себя корону Священной Римской имперіи,—и тѣмъ не менѣе, благодаря военнымъ и дипломатическимъ усиліямъ, монархія Габсбурговъ въ 1815 г. была въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ прежде. Черезполосица ея владѣній была уничтожена, и государственная территорія ея округлилась. Въ 1792 г. Австрія владѣла 640 кв. километрами съ 24 милліонами населенія, а въ 1815 г. территорію ея составляли почти 670 кв. километровъ, населеніе же доходило до 28 милліоновъ. Мы уже видѣли, какое положеніе заняла Австрія въ Италіи, гдѣ ей отдано было королевство Ломбардо-Венеціанское, а на престолахъ Тосканы, Модены и Пармы сѣли члены Габсбургской династіи. Послѣ подавленія неаполитанской и піемонтской революцій и остальныя области Италіи попали подъ опеку вѣнскаго двора. Австрія заняла, кромѣ того, первенствующее положеніе и въ Германскомъ союзѣ, какъ самое населенное нѣмецкое государство, хотя въ составъ союза вошли и земли съ преобладающимъ славянскимъ элементомъ, подвергшемся, впрочемъ, усиленной германизаціи [1]). Все это дѣлало Австрію одною изъ первенствующихъ державъ въ международной политикѣ Европы, чему немало содѣйствовало и то, что за двадцатилѣтній періодъ войнъ вѣнское правительство создало сильную армію. Причины чисто консервативнаго направленія австрійской политики послѣ 1815 г. нами были уже указаны, когда шла рѣчь о возникновеніи общеевропейской реакціи, въ которой Австріи пришлось играть руководящую роль по части изобрѣтенія репрессивныхъ мѣръ. Для вѣнскаго правительства было важно, чтобы и нѣмцы, и итальянцы, и поляки, жившіе за границами Австріи, сидѣли смирно и не смущали ея нѣмецкихъ, итальянскихъ и польскихъ подданныхъ. Если разнокалиберный составъ населенія монархія и представлялъ своего рода не-

[1]) О славянскихъ отношеніяхъ въ Австріи см. въ V томѣ.

удобство, то въ немъ же была для правительства и выгодная сторона. „Мои народы, говорилъ Францъ I французскому посланнику, чужды другъ другу, но тѣмъ лучше. Они не подвергаются одновременно одной и той же болѣзни. Когда во Франціи начинается горячка, она овладѣваетъ всѣми. Я посылаю венгровъ въ Италію, а итальянцевъ въ Венгрію. Каждый стережетъ своего сосѣда. Они не понимаютъ другъ друга и другъ друга ненавидятъ. Изъ ихъ антипатіи другъ къ другу рождается порядокъ, и ихъ взаимная ненависть служитъ основаніемъ общаго мира“.

Мы познакомились уже и съ самимъ монархомъ, и съ его главнымъ министромъ и можемъ легко представить себѣ, какой порядокъ завели они въ Австріи послѣ 1815 г. Францъ I любилъ придавать своему абсолютизму оттѣнокъ патріархальности, что̀ умиляло простаковъ и было поводомъ славословій для льстецовъ. На самомъ дѣлѣ подъ внѣшнимъ видомъ патріархальности скрывались подозрительность, страсть къ наушничеству, жестокость, соединенныя съ презрѣніемъ къ отдѣльнымъ народностямъ имперіи и съ ненавистью къ просвѣщенію, къ наукѣ, къ литературѣ. Въ Австрію были выписаны Фридрихъ Шлегель, Адамъ Мюллеръ и другіе люди того же направленія, и это были наиболѣе замѣтныя умственныя силы габсбургской столицы. Полиція и цензура наблюдали за тѣмъ, чтобы въ страну не ввозились „вредныя“ книги и даже „опасныя“ частныя письма. Свой взглядъ на образованіе Францъ I высказалъ коротко и ясно преподавателямъ лайбахской гимназіи въ 1821 г.: „держитесь старины, потому что только она одна и хороша. Если нашимъ предкамъ съ ней было недурно, зачѣмъ намъ поступать иначе? Теперь въ ходу новыя идеи, но я ихъ не одобряю и никогда не одобрю. Ученыхъ мнѣ не нужно, мнѣ нужны только вѣрные подданные. Приготовлять ихъ—вотъ въ чемъ вся ваша обязанность. Кто мнѣ служитъ, тотъ долженъ понимать, что̀ я приказываю. Кому это не по силамъ или у кого новыя идеи, пусть лучше убирается, иначе я самъ его прогоню“. Потому онъ запрещалъ австрійскимъ подданнымъ ѣздить учиться за границу, читать книги, изданныя за границей или до присоединенія Ломбардо-Венеціанскаго королевства. Въ собственныхъ учебныхъ заведеніяхъ правительство всячески стѣсняло преподаваніе философіи и исторіи и поощряло лишь такія науки, въ которыхъ не было и быть не могло никакихъ „опасныхъ“ идей. Оно главнымъ образомъ поддерживало замкнутыя дворянскія и военныя школы или чисто спеціальныя и профессіональныя училища, съ подозрѣніемъ относясь къ университетамъ. Низшая школа была вполнѣ предоставлена нетерпимому и мало образованному католическому духовенству. Вмѣстѣ съ этимъ правительство вообще оказывало всевозможное покровительство духовенству, іезуитамъ, монахамъ всякихъ

орденовъ, поскольку они стремились господствовать надъ свѣтскимъ обществомъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ правительство не только ревниво оберегало себя отъ какихъ бы то ни было притязаній церкви на господство надъ государствомъ, но стремилось во всемъ подчинить ее себѣ и своимъ агентамъ. Ультрамонтаны даже жаловались, что правительство все еще держится деспотической системы Іосифа II, и это было вѣрно. И съ дворянствомъ государственная власть держалась такой же политики, т.-е. всячески охраняла привилегіи этого сословія и власть его надъ крестьянами, но ревниво слѣдила за тѣмъ, чтобы дворянство не пользовалось никакимъ политическимъ значеніемъ, какъ цѣлое сословіе. Объ общемъ представительствѣ, хотя бы даже въ старой сословной формѣ, въ Австріи и рѣчи не заходило, но если правительство и сохранило или возстановило въ отдѣльныхъ провинціяхъ земскіе чины—съ преобладаніемъ на нихъ представителей духовенства и дворянства и съ исключеніемъ изъ представительства народной массы, кромѣ горожанъ,—то въ сущности эти мѣстные сеймы (Postulatenlandtage) не имѣли никакого значенія даже въ областной жизни, такъ какъ все управленіе находилось въ рукахъ бюрократіи. Несмотря, однако, на механическую централизацію, которой были подчинены самыя несходныя между собою провинціи имперіи, между ними существовали пограничныя линіи съ заставами и таможнями; онѣ стали уничтожаться лишь въ 1825 г., да и то не для Венгріи, остававшейся отдѣленною отъ другихъ частей монархіи и впослѣдствіи [1]). Однимъ словомъ, Австрія сохраняла въ полной неприкосновенности основныя черты „стараго порядка“. На его поддержку и въ остальной Германіи она также употребляла всѣ свои усилія, и старанія ея увѣнчались полнымъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что если отдѣльныя нѣмецкія правительства и отстаивали себя отъ всякихъ поползновеній Австріи вмѣшиваться въ ихъ внутреннія дѣла, то это отнюдь не препятствовало имъ дѣйствовать за-одно съ вѣнскимъ правительствомъ каждый разъ, когда дѣло шло о поддержкѣ или усиленіи культурной, соціальной и политической реакціи.

Въ исходѣ второго десятилѣтія XIX в. либеральное движеніе въ Германіи приняло довольно своеобразный характеръ и, выразившись главнымъ образомъ въ стремленіяхъ университетской молодежи, вызвало цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ, главнымъ иниціаторомъ которыхъ всегда являлся Меттернихъ [2]).

[1]) О борьбѣ венгерскаго сейма съ австрійскимъ правительствомъ въ эту эпоху см. въ V томѣ.

[2]) Для послѣдующаго см. *Pröhle-Euler*. Jahns Leben und Wirken. 1881.—*Keil*. Geschichte des jenaischen Studentenlebens. 1858.—*Его же*. Die Gründung der deutschen Burschenschaft in Jena.—*Schmidt*. Das Wesen der Burschenschaft. 1880.—

Нѣмецкіе патріоты были страшно разочарованы и огорчены исходомъ вѣнскаго конгресса и началомъ почти повсемѣстной реакціи. Недовольство общимъ направленіемъ правительственной политики проникло въ учащуюся молодежь, которая была сильно взволнована всѣми событіями этой эпохи, начиная съ войны за освобожденіе. Еще въ 1811 г. въ Берлинѣ нѣкто Янъ (Jahn) открылъ для молодыхъ людей гимнастическое заведеніе, исходя изъ той идеи, что здоровый духъ можетъ быть лишь въ здоровомъ тѣлѣ, и что, только развивъ въ себѣ духъ и тѣло, нѣмецкая нація въ состояніи будетъ сбросить съ себя иноземное иго. Въ то же время онъ выступилъ и какъ публицистъ, поставившій своею задачею обновить въ молодомъ поколѣніи національный патріотизмъ, хотя въ этой проповѣди Яна было гораздо больше громкихъ фразъ и нелѣпыхъ порывовъ, чѣмъ опредѣленныхъ идей. Его „тевтонизмъ" нерѣдко впадалъ въ каррикатурность: недаромъ по окончаніи войны онъ совѣтовалъ оставить между Франціей и Германіей полосу земли для разведенія на ней дремучаго лѣса, въ которомъ жили бы одни лишь дикіе звѣри, чтобы такимъ образомъ оградить нѣмцевъ отъ тлетворнаго французскаго вліянія. Какъ „отецъ гимнастики" (Turnvater) и ненавистникъ французовъ, Янъ имѣлъ успѣхъ среди молодежи, понимавшей тевтонизмъ именно въ смыслѣ внѣшней грубости и крайняго національзма. Въ войнѣ 1813 г. Янъ принялъ очень дѣятельное участіе, а въ 1817 и 1818 гг. читалъ въ Берлинѣ съ большимъ успѣхомъ лекціи о нѣмецкой народности. Культурное реакціонерство, заключавшееся въ проповѣди Яна, заставило нѣкоторыхъ ученыхъ вооружиться противъ односторонности его направленія, и по этому случаю произошла полемика, задѣвшая попутно и политическіе вопросы. Это сильно затронуло гимнастическія общества молодежи, къ тому времени распространившіяся изъ Берлина и въ другія мѣста. Правительства, съ неудовольствіемъ смотрѣвшія на все, что только могло нарушить сонный покой, въ какомъ они хотѣли держать націю, закрыли всѣ гимнастическія заведенія. Самъ Янъ, какъ „демагогъ", былъ посаженъ въ тюрьму, въ которой провелъ около шести лѣтъ (1819—1825), а когда его выпустили, то лишили права жить въ Берлинѣ и въ тѣхъ вообще городахъ, гдѣ были университеты и гимназіи. Повидимому, Янъ участвовалъ

Rabany. Kotzebue, sa vie et son temps. 1893.—*Ilse*. Geschichte der politischen Untersuchungen.—*Его же*. Protokolle der deutschen Ministerialkonferenzen zu Wien. 1860.—*Lerchenfeld*. Die bayerische Verfassung und die Karlsbader Beschlüsse. 1883.—*Weech*. Zur Geschichte der Ministerialkonferenzen von Karlsbad und Wien. 1865.—*Aegidi*. Aus dem Jahre 1819—1861.—*Его же*. Die Schlussakte der Wiener Ministerialkonferenzen. 1860.—*F. Münch*. Erinnerungen aus Deutschlands trübsten Zeit. 1873.

въ образованіи и іенскаго бурсачества (Burschenschaft), которое во всякомъ случаѣ находилось въ связи съ гимнастическими союзами, вызванными къ жизни Яномъ.

Основана была эта Burschenschaft въ 1815 г. нѣсколькими іенскими студентами, принимавшими участіе въ войнѣ за освобожденіе въ одномъ отрядѣ съ Яномъ. Цѣлью ихъ союза было противодѣйствовать партикуляристическимъ стремленіямъ отдѣльныхъ землячествъ (Landmannschaften) во имя общегерманскаго патріотизма и придать студенческой жизни болѣе серьезный характеръ, замѣнивъ кутежи и буйства интересами научными, нравственными и религіозными. Въ то самое время, какъ нѣмецкіе либералы старшихъ поколѣній являлись поклонниками англійскихъ и французскихъ политическихъ учрежденій, университетская молодежь—подъ вліяніемъ романтической литературы и патріотической лирики—была теперь проникнута особымъ уваженіемъ ко всему нѣмецкому и въ особенности къ родной старинѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она отличалась религіозностью, принимавшею иногда характеръ настоящей восторженности. Лозунгами студенческаго союза, охватившаго собой всѣ протестантскіе университеты и получившаго правильную организацію, были „свобода, честь, отечество", и на первыхъ порахъ въ этомъ союзѣ патріотически и романтически настроенной молодежи не было рѣшительно ничего „политическаго", въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Центромъ движенія была Іена, находившаяся во владѣніяхъ великаго герцога саксенъ-веймарскаго, который далъ своимъ подданнымъ либеральную конституцію съ довольно значительною свободою печати. Въ Іенѣ, равно какъ въ самомъ Веймарѣ, выходило нѣсколько газетъ съ оппозиціоннымъ направленіемъ: „Oppositionsblatt" Линднера, „Немезида" и „Staatsverfassungsarchiv" Людена, „Изида" Океня, „Другъ народа" (впослѣдствіи „Патріотъ") Людвига Виланда и др. Нѣмецкія правительства были недовольны такимъ направленіемъ веймарской прессы, и скоро представился поводъ принять противъ нея и университетовъ самыя репрессивныя мѣры.

Въ 1817 г. протестантская Германія должна была отпраздновать трехсотлѣтній юбилей реформаціи. Іенское студенчество пригласило пріѣхать въ Вартбургъ на 18 октября (день лейпцигской битвы 1813 г.) товарищей изъ всѣхъ протестантскихъ университетовъ для того, чтобы вмѣстѣ отпраздновать юбилей реформаціи и годовщину лейпцигскаго сраженія и устроить товарищеское вѣче. На торжество собралось 468 студентовъ изъ 12 университетовъ, и въ собраніи приняли участіе нѣкоторые профессора. Въ самомъ началѣ праздника было сдѣлано предложеніе о сожженіи реакціонныхъ книгъ, но оно было отклонено. Характеръ собранія былъ религіозно-патріотическій:

молились, пѣли священные гимны, произносили рѣчи, которыя были больше похожи на церковныя проповѣди, и т. п. Но въ праздникѣ, несомнѣнно, была и политическая сторона, хотя не ей все-таки принадлежало преобладаніе. Одинъ студентъ по фамиліи Риманъ произнесъ длинную рѣчь, въ которой говорилъ объ обманутыхъ надеждахъ народа и благодарилъ Карла-Августа Саксенъ-Веймарскаго, какъ единственнаго государя, сдержавшаго свое обѣщаніе. Кромѣ того, было пропѣто нѣсколько либеральныхъ пѣсенъ, а извѣстнымъ реакціонерамъ провозглашено было „pereat". Только уже по окончаніи праздника нѣкоторые изъ его участниковъ устроили костеръ, въ который стали бросать макулатуру, выкрикивая при этомъ названія разныхъ реакціонныхъ сочиненій, какъ-то: „Souveränität und Staatsverfassung" Ансильона, „13 статья союзнаго акта" Дабелова, „Возстановленіе государственныхъ наукъ" Галлера, „Исторія германской имперіи" Коцебу, „Германоманія" Саула Ашера и т. п., а потомъ полетѣли въ костеръ капральская палка и фальшивыя солдатскія косы, какъ эмблемы стараго деспотизма. На другой день студенты совѣщались объ организаціи всеобщаго нѣмецкаго бурсачества и объ основаніи студенческой газеты, но совѣщанія эти не имѣли уже политическаго характера. Реакціонная печать забила, однако, въ набатъ по поводу вартбургскаго праздника, и вѣнскій дворъ послалъ великому герцогу представленіе по поводу всего происшедшаго. Мало того: это происшествіе сдѣлалось даже предметомъ совѣщаній на ахенскомъ конгрессѣ, которому молдавскій уроженецъ Стурдза, состоявшій на русской службѣ, представилъ особый мемуаръ о состояніи Германіи (Memoire sur l'état actuel de l'Allemagne par M. de S., conseiller d'état de S. M. de toutes les Russie). Германія, находящаяся въ сердцѣ Европы, изображалась здѣсь, какъ охваченная революціоннымъ движеніемъ, и указывались причины этого движенія: 1) „всеобщее перемѣщеніе лицъ и цѣлыхъ классовъ, какъ прямой результатъ французской революціи; 2) туманность (le vague) и дезорганизація революціонныхъ идей, сдѣлавшихся первою потребностью страждущаго человѣчества и ставшихъ вслѣдствіе этого главнымъ орудіемъ страсти и заблужденія; 3) постоянно возрастающіе недостатки народнаго просвѣщенія, дошедшіе до послѣдней крайности, вслѣдствіе чего даже самая современная система законодательства и администраціи совершенно противъ нихъ безсильна". Главное зло поэтому въ нѣмецкихъ университетахъ, этихъ „готическихъ обломкахъ средневѣковой эпохи, не соотвѣтствующихъ учрежденіямъ и потребностямъ нашего вѣка", этихъ „хранилищахъ (répertoires) всѣхъ заблужденій", и т. п. Выводъ изъ всего этого дѣлался одинъ: нужно уничтожить всѣ академическія привилегіи и подчинить университеты строжайшей

регламентаціи и самому бдительному надзору. На Карла-Августа, котораго Меттернихъ называлъ „старымъ буршемъ“, европейская дипломатія произвела настолько сильное давленіе, что онъ вынужденъ былъ въ своемъ маленькомъ владѣніи ограничить свободу прессы.

Нападки реакціонной прессы на „тевтонскихъ якобинцевъ“ и репрессивныя мѣры, послѣдовавшія за вартбургскимъ праздникомъ, все болѣе и болѣе раздражали молодежь, и тогда въ ея средѣ возникло на самомъ дѣлѣ революціонное броженіе. Въ числѣ патріотовъ, сражавшихся во время войны за освобожденіе и прославившихся своими воинственными пѣснями, были два брата Фоллены, изъ которыхъ одинъ (Карлъ) въ 1818 г. сдѣлался приватъ-доцентомъ въ Гиссенѣ, откуда переселился потомъ въ Іену. Здѣсь около него сгруппировался кружокъ такъ называемыхъ „безусловныхъ“ (Unbedingten), мечтавшихъ о нѣмецкой республикѣ, прославлявшихъ убійство тиранновъ и находившихъ нужными „подвиги“ и „жертвы“ для достиженія великой цѣли. Подъ вліяніемъ идей и стремленій этого кружка одинъ студентъ, Карлъ Зандъ, отличавшійся крайнею патріотической экзальтаціей и большимъ тщеславіемъ, задумалъ совершить какой-либо подвигъ, требовавшійся, по его мнѣнію, для блага родины. Своею жертвою онъ выбралъ состоявшаго на русской службѣ нѣмецкаго писателя Коцебу, нападавшаго на молодежь въ своемъ изданіи (Litterarische Wochenblatt) и проповѣдовавшаго вообще обскурантизмъ и реакцію, вмѣстѣ съ тѣмъ заподозрѣннаго въ шпіонствѣ. 23 марта 1819 г. Зандъ напалъ на Коцебу и закололъ его кинжаломъ, немедленно затѣмъ сдѣлалъ попытку самоубійства, но былъ схваченъ и въ слѣдующемъ году казненъ. Коцебу былъ крайне непопуляренъ въ нѣмецкомъ обществѣ, и общественное мнѣніе сложилось въ пользу Занда, въ которомъ стали видѣть мученика за національное дѣло. (Около того же времени одинъ аптекарскій ученикъ, Лёнингъ, сдѣлалъ, впрочемъ, неудавшееся покушеніе на жизнь Ибелля, президента нассаускаго правленія, и покончилъ съ собою самоубійствомъ въ тюрьмѣ).

Все это усиливало реакцію. Меттернихъ предложилъ нѣмецкимъ правительствамъ принять общія мѣры для борьбы съ революціей, якобы уже охватившею чуть не всѣ части Германіи [1]). Въ іюлѣ 1819 г. онъ имѣлъ свиданіе съ прусскимъ королемъ въ Теплицѣ и совершенно перетянулъ его на свою сторону; находившійся тутъ же Гарденбергъ не оказалъ достаточной энергіи. Здѣсь между Австріей и Пруссіей состоялся договоръ, или „пунктуація“, имѣвшая своимъ предметомъ обу-

---

[1]) Въ дѣйствительности въ это время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ происходили антиеврейскіе безпорядки.

зданіе печати и университетовъ. Великія нѣмецкія державы не довѣряли союзному сейму, находя его даже либеральнымъ, а потому задуманное дѣло было поручено министерской конференціи, собравшейся въ августѣ и сентябрѣ того же года въ Карлсбадѣ и состоявшей изъ представителей Австріи, Пруссіи, Ганновера, Саксоніи, Мекленбурга, Баваріи, Бадена, Нассау и Вюртемберга; секретаремъ ея былъ „правая рука“ Меттерниха, Генцъ. И Меттернихъ, и Генцъ воспользовались этимъ собраніемъ, дабы истолковать § 13 союзнаго акта въ томъ смыслѣ, что подъ landesständische Verfassung нужно разумѣть не представительныя учрежденія французскаго образца, какъ иноземныя, демократическія, революціонныя по своему происхожденію и характеру, а родные, чисто германскіе, сословные, исторически сложившіеся земскіе чины. Вюртембергъ протестовалъ противъ этого, и рѣшеніе дѣла было отложено до новой министерской конференціи въ Вѣнѣ. Зато въ Карлсбадѣ были приняты (20 сентября) знаменитыя постановленія (Karlsbader Beschlüsse), которыми предписывалось учредить строгій надзоръ надъ университетами и надъ преподаваніемъ профессоровъ съ увольненіемъ и непринятіемъ вновь на службу тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ читать лекціи, несогласныя съ общимъ характеромъ этихъ постановленій, а также устроить надзоръ и надъ поведеніемъ студентовъ, надъ ихъ собраніями и т. п.; кромѣ того, повсемѣстно вводилась цензура, особенно для газетъ и брошюръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для разслѣдованія революціонныхъ происковъ была учреждена въ Майнцѣ особая центральная слѣдственная коммиссія (Centraluntersuchungskommission) изъ представителей Австріи, Пруссіи, Баваріи, Ганновера, Бадена, Нассау и Дармштадта. Такимъ образомъ для реакціонныхъ цѣлей въ Германскомъ союзѣ создавалась теперь новая власть. Баварія приняла карлсбадскія постановленія съ оговоркой относительно своихъ суверенитета, конституціи и законовъ, но эта оговорка не могла имѣть никакого значенія, разъ Австрія и Пруссія дѣйствовали солидарно. Вюртембергъ пошелъ даже дальше: не желая подчиниться постановленіямъ, уменьшавшимъ его независимость, онъ искалъ поддержки у русскаго императора, но Александръ I, связанный съ Австріей и Пруссіей Священнымъ союзомъ, одобрилъ политику Меттерниха и въ этомъ дѣлѣ. Майнцская центральная слѣдственная коммиссія дѣйствовала десять лѣтъ совершенно независимо отъ союзнаго сейма, утвердившаго ея существованіе. Направленіе коммиссіи было прямо ретроградное: она ставила въ вину даже принадлежность къ тугендбунду, начавъ свои изслѣдованія съ 1806 г., студенческіе кружки отождествлялись ею съ карбонарскими заговорами; члены коммиссіи прямо держались такихъ правилъ, что разслѣдовать нужно не только дѣйствія, но и помыслы, и что нечего осно-

вывать заключенія на фактахъ и уликахъ, когда можно приходить къ истинѣ и путемъ внутренняго убѣжденія или исторической вѣроятности; былъ даже сочиненъ никогда не существовавшій Männerbund, основанный будто бы для ниспроверженія всѣхъ существующихъ порядковъ. Понятно, что обыскамъ, арестамъ, тюремнымъ заключеніямъ и т. п. почти не было конца, и многіе нѣмцы тогда стали уѣзжать за границу, во Францію, въ Швейцарію, даже въ Америку. Но эта реакція только усиливала въ либералахъ республиканскія и французскія симпатіи, въ то же время все сильнѣе и сильнѣе отвращая южную Германію отъ Пруссіи, игравшей довольно видную роль въ этой репрессіи духовной свободы націи. До чего доходила реакція, можно видѣть изъ запрещенія, напр., „Рѣчей къ нѣмецкой націи“ Фихте.

Дѣло еще не окончилось примѣненіемъ карлсбадскихъ постановленій. 25 ноября 1819 г. Меттернихъ собралъ новую министерскую конференцію въ Вѣнѣ изъ представителей всѣхъ нѣмецкихъ государствъ въ составѣ тѣснаго совѣта сейма, и къ 24 мая 1820 г. ею были выработаны новыя постановленія, которыя были приняты полнымъ составомъ сейма 8 іюля подъ названіемъ „вѣнскаго заключительнаго акта“ (Wiener Schlussakte), получившаго обязательную силу наравнѣ съ союзнымъ актомъ 1815 г. Меттернихъ хотѣлъ въ этомъ документѣ провести принципъ строгаго абсолютизма, но сдѣлать ему это не удалось, такъ какъ даже абсолютистическія правительства центральной Германіи возстали противъ вмѣшательства Австріи и Пруссіи во внутреннія дѣла другихъ нѣмецкихъ государствъ. Основная тенденція вѣнскаго заключительнаго акта, въ которомъ, однако, было не мало противорѣчиваго, заключалась въ томъ, чтобы отстоять неограниченную власть правительствъ и усилить дѣйствіе центральной власти лишь ради помощи мѣстнымъ правительствамъ въ борьбѣ съ либерализмомъ. Несмотря на реакціонный характеръ акта, онъ предписывалъ, чтобы ни въ одномъ государствѣ не остался неисполненнымъ параграфъ 1815 г., говорящій о landesständische Verfassungen (§ 54). Но вмѣстѣ съ тѣмъ другіе два параграфа (57 и 58) акта гласили слѣдующее: такъ какъ германскій союзъ состоитъ, за исключеніемъ вольныхъ городовъ, изъ суверенныхъ государей, то вся государственная власть должна быть сосредоточена въ рукахъ главы государства, и потому суверенъ мѣстною конституціей (landständische Verfassung) можетъ быть обязанъ прибѣгать къ содѣйствію чиновъ лишь при пользованіи извѣстными правами своей власти. Суверенные государи, сказано далѣе, соединенные въ союзѣ, никоимъ образомъ не могутъ быть препятствуемы или ограничиваемы въ исполненіи своихъ обязанностей по отношенію къ союзу“. Наконецъ, въ заключительномъ актѣ провозглашался и тотъ принципъ, что въ случаѣ просьбы о по-

мощи у союза со стороны кого-либо изъ государей, встрѣтившаго опасное для внутренняго спокойствія сопротивленіе со стороны подданныхъ, союзъ долженъ, какъ можно скорѣе, помогать возстановленію порядка.

Для полнаго торжества реакціи въ Германіи Меттерниху послѣ карлсбадскихъ постановленій и вѣнскаго заключительнаго акта оставалось только произвести перемѣны въ личномъ составѣ союзнаго сейма. Въ немъ представители Вюртемберга, Баваріи, Гессенъ-Касселя, Гессенъ-Дармштадта, Бремена и нѣкоторые другіе противодѣйствовали австрійской и прусской политикѣ, отстаивая мѣстную независимость, даже противополагая великимъ, но лишь полунѣмецкимъ Австріи и Пруссіи свою настоящую, или чистую Германію [1]). Душой этой оппозиціи былъ вюртембергскій уполномоченный Вагенгеймъ, противъ котораго Меттернихъ и направилъ главнымъ образомъ подготовленное имъ „очищеніе“ сейма. Вернувшись съ веронскаго конгресса, онъ въ январѣ 1823 г. пригласилъ въ Вѣну нѣсколькихъ государственныхъ людей одинаковаго съ нимъ образа мыслей и предложилъ имъ разсмотрѣть общее положеніе дѣлъ Германіи. По его представленію, отъ либерализма и демократизма южной Германіи грозила опасность и другимъ нѣмецкимъ государствамъ, тѣмъ болѣе, что уже и въ самый союзный сеймъ проникла оппозиція; все это онъ предложилъ уничтожить. Вюртембергскій король думалъ-было отстоять своего уполномоченнаго, но великія державы отозвали изъ Штуттгарта своихъ представителей, и король, противъ котораго высказалась и Россія, долженъ былъ уступить; за нимъ пошли и другіе государи, уполномоченные которыхъ обнаруживали самостоятельность на сеймѣ. Съ 1823 г., благодаря новымъ назначеніямъ въ духѣ меттерниховской политики, союзный сеймъ сдѣлался послушнымъ орудіемъ вѣнскаго правительства. Вмѣстѣ они продолжили въ 1824 г. дѣйствіе карлсбадскихъ постановленій, которыя сначала были объявлены лишь временными, и самый сеймъ превратился въ учрежденіе высшаго полицейскаго надзора.

Этой общей реакціи подверглась и Пруссія [2]). Въ эпоху реформъ Штейна и Гарденберга и войны за освобожденіе нѣмецкіе патріоты возлагали всѣ свои надежды на Пруссію, и даже еще во время вѣнскаго конгресса надежды эти не были поколеблены. Чѣмъ болѣе,

---

[1]) Цѣли этой оппозиціи были выражены въ составленной по порученію самого вюртембергскаго короля публикаціи подъ заглавіемъ „Manuskript aus Süd-Deutschland“ (1820).

[2]) Для послѣдующаго см., между прочимъ: *A. Stern*. Die preussische Verfassungsfrage und Altenstein's Reise im Jahre 1817. 1893.—*Sailer*. Der preussische Staatsrath und seine Reactivirung. 1884.

однако, прусское правительство подчинялось политикѣ Меттерниха, тѣмъ все болѣе и болѣе начинала рости къ нему ненависть въ другихъ нѣмецкихъ земляхъ, особенно на югѣ Германіи, гдѣ явилась даже мысль объ исключеніи Пруссіи вмѣстѣ съ Австріей изъ союза, въ которомъ должны были остаться лишь „настоящія" и „конституціонныя" нѣмецкія страны. Конечно, участвуя въ Священномъ союзѣ, выступая за одно съ Австріей и Россіей на конгрессахъ по обще-европейскимъ дѣламъ, поддерживая реакціонную политику Меттерниха въ Германіи, Пруссія не могла въ своей внутренней жизни слѣдовать какимъ-либо инымъ принципамъ, нежели тѣ, которыми руководились Священный союзъ и Меттернихъ. Притомъ недостатка во внутреннихъ элементахъ для реакціи въ Пруссіи, конечно, не было. На этотъ путь толкали правительство преимущественно дворяне, которые уже оказывали раньше консервативную оппозицію реформамъ и планамъ Штейна и Гарденберга. Затронутые въ своихъ интересахъ, они сплотились теперь для борьбы и нашли поддержку въ тѣхъ бюргерахъ, которые, благодаря новымъ законамъ, понакупили себѣ бывшихъ рыцарскихъ имѣній и весьма скоро заразились предразсудками и стремленіями землевладѣльческаго класса. Съ другой стороны, починка старой, пришедшей въ негодность правительственной машины, произведенная Штейномъ и Гарденбергомъ, лишь усилила дѣйствіе бюрократическаго элемента въ Пруссіи и дозволила ему тоже играть видную роль въ реакціи. Въ то же самое время другія реформы, расчитанныя на то, чтобы вызвать къ жизни народныя силы и создать въ Пруссіи общесословное мѣстное самоуправленіе, или совсѣмъ не были приведены въ исполненіе, или были остановлены на полдорогѣ, благодаря чему дворянско-чиновничья реакція въ Пруссіи и не могла встрѣтить никакого отпора со стороны другихъ общественныхъ силъ. Самъ Фридрихъ-Вильгельмъ III по складу своего ума, по своему характеру, по традиціямъ своей династіи былъ болѣе всего склоненъ къ консерватизму, а потому общій духъ реакціи не могъ, конечно, не отозваться и на немъ. Крайне мнительный и нерѣшительный, онъ понималъ представительныя собранія не иначе, какъ нѣчто въ сущности весьма опасное и даже революціонное. Послѣ вѣнскаго конгресса въ Пруссіи по всѣмъ этимъ причинамъ дѣло реформъ было брошено, и начался поворотъ назадъ. Правда, Гарденбергъ продолжалъ представлять собою въ высшихъ сферахъ Берлина попрежнему либеральныя идеи, но у него не было достаточной энергіи для того, чтобы проводить эти идеи въ жизнь. Его характеръ былъ вообще покладистый, и вдобавокъ еще онъ думалъ, что время реакціи будетъ непродолжительно, и что скоро наступитъ болѣе благопріятный моментъ для проведенія реформъ. Впослѣдствіи вся задача Гарденберга ограничивалась лишь

тѣмъ, чтобы не допустить полной отмѣны реформъ, произведенныхъ въ 1807—1811 гг. Во внѣшней политикѣ Гарденбергъ послѣ ахенскаго конгресса подчинился вліянію меттерниховской системы, особенно благодаря тому, что поставленный имъ въ министры иностранныхъ дѣлъ графъ Бернсдорфъ оказался человѣкомъ малоспособнымъ и склоннымъ къ реакціи.

Главнымъ внутреннимъ вопросомъ въ Пруссіи, какъ и въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ того времени, сдѣлался вопросъ о конституціи. Фридрихъ-Вильгельмъ III въ эпоху борьбы съ Наполеономъ неразъ высказывалъ намѣреніе дать своему народу представительство, и мысль о необходимости конституціоннаго правленія поддерживалась на вѣнскомъ конгрессѣ и Гарденбергомъ, и Штейномъ, который хотя и не имѣлъ оффиціальнаго положенія на конгрессѣ, тѣмъ не менѣе пользовался все-таки извѣстнымъ вліяніемъ. 22 мая 1815 г. прусскій король, желая утвердить взаимное согласіе королевской власти и народа и „дать прусской націи залогъ своего довѣрія", даже издалъ декретъ, въ которомъ обѣщалъ народу конституціонную хартію (eine schriftliche Urkunde als Verfassung des preussischen Reiches). Сущность этого декрета сводилась къ слѣдующему: § 1. „Должно быть образовано представительство народа". § 2. Съ этою цѣлью должны быть возстановлены или вновь введены сообразно съ потребностями времени провинціальные чины (Provinzialstände). § 3. „Изъ провинціальныхъ чиновъ выбирается собраніе палаты представителей (Die Versammlung der Repräsentantenkammer), мѣстопребываніе которой должно быть въ Берлинѣ". § 4. Дѣятельность представителей страны (Landesrepräsentanten) распространяется на совѣщанія по предметамъ законодательства, касающимся личныхъ и имущественныхъ правъ гражданъ со включеніемъ обложенія. Параграфъ 5 предписывалъ немедленно образовать правительственную коммиссію, которая по § 6 должна была заняться организаціей провинціальнаго и общегосударственнаго представительства и выработкой конституціонной хартіи (Verfassungsurkunde). Приведеніе въ исполненіе этого декрета возлагалось на государственнаго канцлера Гарденберга, который и долженъ былъ предсѣдательствовать въ означенной коммиссіи, имѣвшей собраться 1 сентября 1815 г. [1]). На самомъ дѣлѣ, однако, коммиссія собралась только 7 іюля 1817 г. Гарденбергъ еще разъ заявилъ тогда о намѣреніи короля даровать Пруссіи представительство съ совѣщательнымъ голосомъ, а для того, чтобы узнать мнѣніе отдѣльныхъ провинцій и познакомиться съ мѣстными учрежденіями, нѣсколько

[1]) Интеримистическое національное представительство, о которомъ сказано въ главѣ X, было распущено лѣтомъ 1815 г. Оно тоже просило короля о скорѣйшемъ введеніи земскихъ и государственныхъ чиновъ.

государственныхъ людей было послано объѣхать разныя части прусской монархіи. Свѣдѣнія, собранныя такимъ путемъ, оказались не особенно важными и, кромѣ того, противорѣчивыми. Самъ Гарденбергъ въ началѣ 1818 г. посѣтилъ Прирейнскую Пруссію, гдѣ мѣстное дворянство вручило ему адресъ, направленный противъ введенія конституціи и очень понравившійся кронпринцу, но въ то же время поданъ былъ и другой адресъ съ содержаніемъ, діаметрально противоположнымъ. Пока дѣло шло такимъ образомъ, Фридрихъ-Вильгельмъ III все болѣе и болѣе колебался, особенно подъ вліяніемъ извѣстій о внутренней борьбѣ, происходившей въ южно-германскихъ государствахъ, а вартбургскій праздникъ и совсѣмъ напугалъ короля. Такимъ его настроеніемъ съ успѣхомъ пользовалась сильная придворная партія, стремившаяся во что бы то ни стало помѣшать введенію представительства. Она указывала на то, что въ 1814 г. Пруссія получила $5^1/_2$ милліоновъ подданныхъ, отъ которыхъ нельзя ожидать прусскаго патріотизма,—и успокоивала короля, не желавшаго нарушить данное слово, ссылкою на то, что, какъ отецъ, любящій своихъ дѣтей, онъ долженъ исполнять лишь тѣ обѣщанія, которыя могутъ послужить къ ихъ благу. Главными дѣятелями этой партіи были: министръ полиціи (впослѣдствіи министръ двора) князь Виттгенштейнъ, шуринъ короля принцъ Карлъ-Мекленбургъ-Стрелицкій, совѣтникъ министерства иностранныхъ дѣлъ Ансильонъ, бывшій воспитатель кронпринца и авторъ нѣсколькихъ сочиненій, написанныхъ въ весьма консервативномъ духѣ [1]), самъ примыкавшій къ исторической школѣ, и др. Замѣтимъ, что виднымъ противникомъ представительства былъ и самъ глава исторической школы Савиньи. Еще рѣзче высказывался противъ конституціи и великій историкъ Нибуръ [2]). Меттернихъ поддерживалъ эту партію, и когда видѣлся съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III на ахенскомъ конгрессѣ, то отговаривалъ его отъ введенія въ Пруссіи центральнаго представительства. Съ другой стороны, сторонники государственной реформы не были согласны между собою, отстаивая одни—сословное начало, другіе (и въ ихъ числѣ Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ)—представительство въ новомъ смыслѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ III, благодаря этому, постоянно колебался и, не переставая при каждомъ удобномъ случаѣ заявлять о своемъ намѣреніи ввести представительство, въ сущности все болѣе и болѣе подчинялся реакціи. 2 января 1819 г. появился королевскій указъ, въ которомъ, съ одной стороны, повторялись заявленія о представительствѣ и за-

---

[1]) Кромѣ того, въ числѣ реакціонныхъ писателей прославился въ это время Шмальцъ, имя котораго фигурировало на вартбургскомъ праздникѣ, какъ одного изъ самыхъ завзятыхъ враговъ свободы.

[2]) Во Франціи историческая школа служила, наоборотъ, либерализму.

щищались произведенныя уже реформы отъ обвиненія ихъ въ томъ, будто онѣ были созданы простою страстью къ новизнѣ и революціонными стремленіями, а съ другой, говорилось о необходимости чрезвычайныхъ мѣръ для прекращенія смуты, о строгомъ надзорѣ за преподаваніемъ, объ упорядоченіи прессы и т. п. Двойственному характеру этого указа соотвѣтствовала вообще вся противорѣчивая политика короля: въ то самое время, какъ внутри страны прусское правительство запрещало либеральныя книги, стѣсняло свободу печати, преслѣдовало людей съ независимымъ образомъ мыслей, поддерживало всѣ австрійскія предложенія и т. п., въ это же самое время въ число министровъ (для земскихъ и общинныхъ дѣлъ) вступилъ Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, рѣшительный сторонникъ конституціи, и коммиссія по выработкѣ новаго государственнаго устройства попрежнему продолжала свои занятія. Правда, въ самой этой коммиссіи весьма скоро возникла борьба между государственнымъ канцлеромъ Гарденбергомъ и Вильгельмомъ фонъ-Гумбольдтомъ, —между прочимъ, сильно вооружившимся противъ карлсбадскихъ постановленій,—и Гумбольдтъ былъ вынужденъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими единомышленниками выйти изъ министерства, но вопросъ о введеніи конституціи съ очереди всетаки не снимался. Гарденбергъ не покидалъ мысли о введеніи провинціальныхъ и государственныхъ чиновъ; по его плану члены общаго сейма должны были выбираться на провинціальныхъ сеймахъ, и компетенція сейма съ чисто совѣщательнымъ значеніемъ должна была ограничиваться только нѣкоторыми предметами (тогда какъ Гумбольдтъ стоялъ за непосредственные выборы, за рѣшающій голосъ и за болѣе широкую компетенцію). Вскорѣ послѣ отставки Гумбольдта 17 января 1820 г. Фридрихъ-Вильгельмъ III издалъ декретъ о государственномъ долгѣ Пруссіи, въ которомъ опять подавалась надежда на введеніе представительства. Объявляя о томъ, что правительство не намѣрено дѣлать новыхъ долговъ, декретъ заключалъ въ себѣ одну весьма важную оговорку: „буде же государство впредь ради собственныхъ надобностей или для удовлетворенія потребностей общаго блага будетъ поставлено въ необходимость обратиться къ новому займу, то произойти это можетъ не иначе, какъ лишь при участіи и гарантіи со стороны будущаго представительнаго собранія“ (nur mit Zuziehung und unter Mitgarantie der künftigen reichsständischen Versammlung). События 1820 г. на Пиренейскомъ и Апеннинскомъ полуостровахъ снова подѣйствовали на Фридриха-Вильгельма III въ самомъ неблагопріятномъ для введенія представительства смыслѣ. На конгрессѣ въ Троппау Меттернихъ опять уговаривалъ прусскаго короля отказаться отъ своихъ плановъ, и, вернувшись въ Берлинъ, Фридрихъ-Вильгельмъ III образовалъ новую коммиссію для пересмотра всего

вопроса, назначивъ въ нее противниковъ Гарденберга и поставивъ во главѣ всего этого дѣла кронпринца, который, будучи поклонникомъ романтики и реакціоннаго ученія Галлера, находилъ самымъ лучшимъ возстановить провинціальные земскіе чины съ преобладаніемъ дворянства. Пока Гарденбергъ оставался еще въ Италіи, эта коммиссія пришла къ тому заключенію, что въ общемъ представительствѣ Пруссія пока не нуждается, и поэтому обратилась къ королю съ просьбою созвать новую коммиссію съ участіемъ свѣдущихъ людей изъ провинцій для обсужденія вопроса о провинціальныхъ чинахъ. Несмотря на протестъ Гарденберга (вскорѣ послѣ этого скончавшагося въ 1822 г.), король согласился на это предложеніе, и вновь составленная подъ предсѣдательствомъ кронпринца коммиссія съ провинціальными свѣдущими людьми (mit erfahrenen Männern aus jeder Provinz) выработала наконецъ законъ 5 іюня 1823 г. о провинціальныхъ чинахъ. Въ этомъ законѣ уже прямо говорилось, что вводимыя учрежденія задуманы „въ духѣ стариннаго нѣмецкаго устройства" (im Geiste der älteren Verfassungen), и именно въ этихъ-то самыхъ провинціальныхъ чинахъ нація и приглашалась видѣть тотъ „залогъ довѣрія", о которомъ говорилось раньше при обѣщаніи общегосударственнаго представительства. Каждая провинція получала свои особые чины съ совѣщательнымъ, а по нѣкоторымъ вопросамъ и рѣшающимъ— при королевскомъ утвержденіи—голосомъ, состоять же собранія чиновъ должны были изъ представителей строго разграниченныхъ сословій съ самымъ очевиднымъ преобладаніемъ дворянства надъ горожанами и крестьянами. Во всѣхъ восьми провинціяхъ, получившихъ наконецъ мѣстныя сословно-представительныя собранія въ 1823 и 1824 гг., насчитывалось около 625 членовъ, изъ которыхъ на долю дворянства приходилось до 300, на долю горожанъ приблизительно двѣсти, а на долю сельскаго населенія—124.

Таковъ былъ исходъ конституціоннаго движенія въ Пруссіи въ 1815—1823 годахъ. Послѣ 1823 г. въ Пруссіи наступила „классическая пора бюрократизма", и дальнѣйшая внутренняя исторія этого государства въ разсматриваемый періодъ ничѣмъ существенно не отличалась отъ исторіи другихъ нѣмецкихъ государствъ, въ которыхъ одержала побѣду реакція.

Въ Пруссіи вообще не было недостатка и въ теоретикахъ реакціонныхъ и консервативныхъ идей. Нигдѣ идеи прусской реставраціи не нашли такого полнаго выраженія, какъ въ философіи Гегеля [1]).

[1]) Литература о Гегелѣ громадная. Отмѣтимъ здѣсь только нѣкоторыя сочиненія. *Haym*. Hegel und seine Zeit. 1857 (есть сокращенный русскій переводъ Солянникова, 1861).—*K. Rosenkranz*. Hegel als deutscher Nationalphilosoph. 1870.—*K. Köstlin*. Hegel in philosophischer, politischer und nationaler Beziehung. 1870.—А. Градовскій. Политическая философія Гегеля (въ собраніи сочиненій).

Конечно, опредѣленіемъ системы Гегеля, какъ „наукообразной хранительницы духа прусской реставраціи“, нельзя охватить всю философію этого знаменитаго мыслителя и выразить ея громадное значеніе въ исторіи философскихъ и научныхъ идей XIX вѣка [1]); тѣмъ не менѣе, становясь лишь на точку зрѣнія отношенія Гегеля къ общественнымъ вопросамъ эпохи, мы можемъ признать, что его философія, дѣйствительно, имѣла именно указанный смыслъ.—Гегель по происхожденію не былъ пруссакомъ. Онъ родился (въ 1770 г.) въ Штуттгартѣ и учился въ тюбингенскомъ университетѣ. Въ Берлинъ онъ переѣхалъ, чтобы занять каѳедру въ тамошнемъ университетѣ, лишь сорока-восьми лѣтъ, въ самомъ началѣ реставраціи (1818), и здѣсь только сдѣлался поклонникомъ прусскихъ порядковъ. Въ немъ вообще была довольно сильна способность приспособленія къ окружающимъ условіямъ, своего рода оппортунизмъ. Въ свое время онъ преклонялся предъ Наполеономъ; въ бытность директоромъ нюрнбергской гимназіи (1808—1816), онъ усиленно внѣдрялъ въ молодые умы своихъ воспитанниковъ баварскій патріотизмъ; въ 1817 г., занимая каѳедру въ Гейдельбергѣ, онъ написалъ сочиненіе въ защиту либеральныхъ реформъ тамошняго правительства, довольно благосклонно и вообще относясь къ стремленіямъ и „вюртембергскаго государства“. Переѣхавъ въ Берлинъ, онъ уже во вступительной лекціи, прочитанной въ университетѣ, сдѣлалъ намекъ на то, что существуетъ сродство и внутреннее согласіе между его философіей и прусскимъ государствомъ. Гегелю было около двадцати лѣтъ, когда вспыхнула французская революція; сначала онъ ею увлекся, но въ немъ мало-по-малу утвердился взглядъ на вещи, діаметрально противоположный какимъ бы то ни было стремленіямъ улучшать общественную жизнь путемъ осуществленія тѣхъ или другихъ отвлеченныхъ идей. Въ 1881 г. онъ опредѣленно высказывалъ уже слѣдующее: „мысли, содержащіяся въ этомъ сочиненіи, могутъ при ихъ обнародованіи имѣть только одну цѣль и дѣйствіе—пониманіе того, что̀ есть, а вмѣстѣ съ тѣмъ, служа орудіемъ для образованія болѣе спокойнаго взгляда на вещи, дать возможность съ бо̀льшимъ терпѣніемъ переносить соприкосновеніе съ этимъ пониманіемъ. Не оттого мы страдаемъ и волнуемся, что есть то, что̀ есть, но потому, что оно не таково, какимъ бы должно было быть. Но когда мы понимаемъ, что оно именно таково, какимъ быть должно, т.-е. не есть произведеніе случая и произвола, то признаемъ, что оно какъ-разъ таково, какимъ и должно быть“. Эти строки могутъ служить хорошимъ комментаріемъ къ знаменитому положенію: „что̀ разумно, то дѣйствительно, а что̀ дѣйствительно, то и разумно“.

[1]) Объ этомъ см. въ V томѣ.

„Философія, писалъ Гегель въ другомъ мѣстѣ, есть изслѣдованіе разумнаго, а слѣдовательно есть вмѣстѣ съ тѣмъ пониманіе современнаго и дѣйствительнаго, а не поставленіе несуществующаго и выходящаго за предѣлы міра и имѣющаго мѣсто лишь въ мечтахъ пустого разглагольствованія. Цѣль философіи заключается не въ томъ, чтобы построить государство, какимъ оно должно быть, но въ томъ, чтобы понять государство, какъ оно есть“. Немудрено поэтому, что, издавая въ 1821 г. свою „Философію права“, Гегель нашелъ возможнымъ сказать въ предисловіи нѣчто и въ оправданіе карлсбадскихъ постановленій, направленныхъ прямо противъ свободнаго изложенія результатовъ свободнаго изслѣдованія въ печати и въ преподаваніи. Съ этой же точки зрѣнія мы поймемъ и общій смыслъ его философіи исторіи, лекціи по которой онъ читалъ въ берлинскомъ университетѣ въ двадцатыхъ годахъ. Гегель изображаетъ все прошлое человѣчества съ самой оптимистической точки зрѣнія и произноситъ похвалы настоящему, какъ завершенію всемірно-историческаго процесса; настоящее же это воплощается для него въ германскомъ мірѣ вообще, а въ частности въ протестантизмѣ и прусскомъ государствѣ.

Философія Гегеля въ берлинскій періодъ его жизни сдѣлалась модною и заслужила особое покровительство со стороны правительства. „Безъ сомнѣнія, говоритъ одинъ изъ біографовъ Гегеля [1]),—многимъ изъ живущихъ (писано въ 1857 г.) памятно то время, когда всѣ знанія питались отъ роскошно убраннаго стола гегелевской мудрости, когда всѣ факультеты толпились въ передней философскаго факультета съ цѣлью хотя бы что-нибудь усвоить себѣ изъ возвышеннаго разсмотрѣнія абсолютнаго бытія и изъ неуловимой гибкости прославленной гегелевской діалектики; когда всякій былъ или гегелевымъ послѣдователемъ, или варваромъ, идіотомъ, отсталымъ человѣкомъ, презрѣннымъ эмпирикомъ; когда, наконецъ, само государство считало себя безопаснымъ и прочнымъ оттого, что старикъ Гегель построилъ его на началахъ разумности и необходимости... Должно со всею живостью представить себѣ восторженность и увѣренность гегельянцевъ 1830 г., которые съ глубокою серьезностью предлагали вопросъ: что будетъ составлять дальнѣйшее содержаніе всемірной исторіи, послѣ того какъ всемірный духъ (Weltgeist) достигъ въ гегелевской философіи своей послѣдней цѣли—познанія самого себя“? Понятно, что при такой тенденціи философіи Гегеля прусское правительство должно было особенно хлопотать о ея распространеніи, а съ своей стороны и Гегель полемизировалъ противъ тѣхъ, которые находили не все бла-

---

[1]) Гаймъ.

гополучнымъ въ „образцовомъ государствѣ интеллигенціи", какимъ онъ объявилъ Пруссію.

Между прусскою государственностью и гегелевской философіей, дѣйствительно, было извѣстнаго рода внутреннее родство. Гегель преклонялся передъ античной идеей государства, поглощающаго личность, и передъ проявленіями сильной власти, господствующей надъ обществомъ. Наполеонъ былъ для него довольно долго чуть не воплощеніемъ „всемірнаго духа", пока этимъ воплощеніемъ не сдѣлалась Пруссія. И наполеоновская имперія, и реставраціонная Пруссія были для него, дѣйствительно, высшими формами государства, этого „земного бога его философіи". Онъ не находилъ, съ чѣмъ только сравнивать Пруссію, дабы возвеличить ее своими похвалами. Онъ уподоблялъ ее государству Платона, въ которомъ властвуютъ наилучшіе и наиболѣе знающіе: роль такихъ „философовъ", правящихъ государствомъ, у него играли чиновники, какъ люди, имѣющіе требуемыя для своего дѣла знанія. Прусскіе полицейскіе порядки онъ сближалъ съ тою величественною силою, при помощи которой римское государство подчиняло себѣ гражданъ, дабы сдѣлать ихъ свободными. Гегелю пришлось высказываться по политическимъ вопросамъ въ то самое время, когда шли толки о прусской конституціи, и въ виду возможности представительства онъ не могъ не дать и ему мѣста въ своей политической теоріи. Но онъ весьма своеобразно понималъ значеніе этой политической формы. Другіе говорили, что представители народа лучше, нежели правительство, понимаютъ общіе интересы и потребности, но, по мнѣнію Гегеля, народъ-то какъ-разъ и есть именно та часть государства, которая не знаетъ, чего хочетъ. Значеніе представительства съ публичностью преній онъ уподоблялъ государственной газетѣ, служащей въ качествѣ исправительницы общественнаго мнѣнія, убѣжденію народа въ томъ, что имъ хорошо правятъ. Притомъ чины должны представлять не народъ, какъ совокупность единицъ, а великіе интересы промышленности, торговли, сельскаго хозяйства и лишь подъ условіемъ чисто совѣщательнаго голоса. Или вотъ какъ толковалъ Гегель значеніе суда присяжныхъ: въ дѣлѣ правосудія важно сознаніе обвиняемаго, но когда преступникъ запирается, за него могутъ сознаться присяжные; въ этомъ и заключается ихъ настоящее значеніе, а вовсе не въ томъ, чтобы народъ могъ создавать право изъ собственнаго чувства и сужденія.

Въ то самое время, какъ Гегель до самой своей смерти (1831) былъ любимцемъ правительства, люди иного образа мыслей оставались не у дѣлъ. Штейнъ, скончавшійся въ одномъ году съ Гегелемъ, жилъ частнымъ человѣкомъ, хотя и продолжалъ интересоваться обще-

ственными дѣлами и изученіемъ исторіи [1]). Во время преслѣдованія демагоговъ была даже заподозрѣна его благонамѣренность. Въ совершенномъ отстраненіи отъ дѣлъ почти всѣ послѣднія 16 лѣтъ своей жизни (1819—1835) провелъ и Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, послѣ того, какъ вынужденъ былъ оставить министерство [2]). Гёрресъ, во время войны за независимость проявившій большую энергію и патріотизмъ, долженъ былъ прекратить изданіе своей газеты „Рейнскій Меркурій“, отстаивавшей конституцію и свободу печати, а потомъ за свое сочиненіе „Германія и революція“ вынужденъ былъ покинуть родину.

XVII. Реставрація и установленіе конституціонной монархіи во Франціи [3]).

Международное положеніе Франціи при реставраціи.—Значеніе эпохи реставраціи во внутренней жизни Франціи.—Борьба старой и новой Франціи въ 1814—1830 гг.—Взаимныя отношенія аристократіи, буржуазіи и народа въ эту эпоху.—Возобновленіе стремленія къ политической свободѣ.—Проектъ сенаторской конституціи.—Хартія 4 іюня 1814 г.—Общія условія общественной свободы во Франціи въ эпоху реставраціи.—Судьба конституціонной монархіи во Франціи.—Сравненіе французской революціи съ англійской, дѣлавшееся въ эпоху реставраціи.—Отношеніе французской конституціи къ англійской.

Историческое движеніе, потрясшее всю Западную Европу въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., вышло изъ Франціи, и Франція играла

---

[1]) *Meyer*. Der Freiherr von Stein und die Monumenta Germaniae historica. 1875. Дѣло идетъ объ основаніи общества для изученія древнѣйшей исторіи Германіи и о названномъ изданіи.

[2]) Въ 1830 г. онъ былъ сдѣланъ членомъ государственнаго совѣта, учрежденнаго въ 1817 г.

[3]) Въ видѣ сжатыхъ пособій по исторіи эпохи реставраціи во Франціи (притомъ въ русск. перев.) можно рекомендовать соч. *Рохау* и *Эрнеста Доде* (Очеркъ исторіи реставраціи, предпосланный „Исторіи Франціи въ XIX в.“ *Л. Грегуара* въ русск. пер. *М. В. Лучицкой*). Вообще литература по исторіи реставраціи весьма обширна, но многое въ ней устарѣло (*Capefigue*, *Dareste*, *Lacretelle*, *Lamartine*, *Lubis*, *Wachsmuth* и др.)—*Nettement*. Histoire de la restauration. 1860—1868.—*Hamel*. Histoire de la restauration. 1887.—*Vaulabelle*. Hist. des deux restaurations. 1847 и слѣд.—*Viel-Castel*. Histoire de la restauration. 1860—1878.—*Duvergier de Hauranne*. Hist. du gouvernement parlementaire en France. 1862 и сл.—Houssaye. **1814** и **1815**.—*E. Daudet*. La terreur blanche. Episodes et souvenirs de la réaction dans le Midi en 1815. 1878.—*Thureau-Dangin*. La parti libéral sous la restauration. 1888 (2 изд.)—*Его же*. Royalistes et républicains. 1888 (2 изд.). Въ этой книгѣ см. отдѣлъ подъ заглавіемъ: L'extrême droite et les royalistes sous la restauration.—*Bardoux*. La bourgeoisie française (1789—1848). 1888.—*Challa-*

главную роль во всѣхъ тѣхъ переворотахъ, которымъ подверглись въ это время западно-европейскія государства, кромѣ Англіи. Коалиція, низвергшая Наполеона, продолжала относиться къ Франціи подозрительно и въ началѣ реставраціи. При территоріальныхъ распредѣленіяхъ на вѣнскомъ конгрессѣ имѣлось въ виду оградить Европу отъ новыхъ опасностей со стороны безпокойной націи усиленіемъ на ея границахъ второстепенныхъ государствъ. Договоромъ 20 ноября 1815 г. четыре великія державы (Австрія, Великобританія, Пруссія и Россія) обязались наблюдать за внутреннимъ спокойствіемъ во Франціи, въ которой были даже размѣщены союзныя войска, остававшіяся здѣсь до 1818 года, когда ахенскій конгрессъ освободилъ Францію отъ иностранной оккупаціи. Лишь на ахенскомъ конгрессѣ Франція была принята въ число полноправныхъ членовъ европейскаго союза, но и послѣ этого отношеніе французскаго правительства къ заявленному Австріей, Пруссіей и Россіей принципу вмѣшательства давало поводъ главнымъ державамъ Священнаго союза относиться къ ея поведенію съ недовѣріемъ. На веронскомъ конгрессѣ Австрія, Пруссія и Россія даже произвели на Францію давленіе, чтобы заставить ее произвести экзекуцію въ Испаніи. При этомъ, однако, они сдѣлали одну уступку французскому правительству: оно желало, чтобы, по крайней мѣрѣ, для видимости оно могло дѣйствовать какъ-бы по собственной инициативѣ, а не по приказанію конгресса, и на это ему дано было согласіе. Въ 1823 г. Франція, которая считала въ концѣ XVIII в. своимъ призваніемъ освобождать народы, посылала, наоборотъ, армію для возстановленія клерикально-аристократическаго абсолютизма въ сосѣднемъ государствѣ. Въ этомъ фактѣ выразилась побѣда международной реакціи и надъ Франціей. Но, съ другой стороны, изъ всѣхъ народовъ материка одни лишь французы въ эту эпоху, несмотря и на внутреннюю реакцію, пользовались политической свободой, и лишь во Франціи въ двадцатыхъ годахъ либерализмъ получилъ наиболѣе полное развитіе [1]). Внутри Франціи реакція не могла одержать такой побѣды, какъ въ другихъ странахъ континента, а это обстоятельство имѣло не только значеніе для самой Франціи, но и оказы-

---

mel. Histoire de la liberté en France depuis 1789.—*Cronier.* Hist. du droit municipal depuis la Restauration. — *Nettement.* Hist. de la litérature française sous la Restauration.—*Karl Hillebrand.* Die Julirevolution und ihre Vorgeschichte. 1881.—*Dulaure et Auguis.* Histoire de la révolution depuis 1814 jusqu'à 1830 (для исторіи заговоровъ). — *De Grandmaison.* La congrégation de 1801 à 1830. 1889.—*Weil.* Les élections législatives depuis 1789. 1895.—*Его же.* Histoire du parti républicain en France. 1900.—Литературу по соціальной и экономической исторіи см. въ послѣднемъ отдѣлѣ этого тома.

[1]) Поэтому-то, дѣлая общую характеристику либерализма въ главѣ XIV, мы имѣли въ виду главнымъ образомъ Францію.

вало свое вліяніе на сосѣднія государства. Если реакціонныя правительства продолжали съ опасеніемъ смотрѣть на успѣхи французскаго либерализма, то, наоборотъ, оппозиціонные элементы общества въ разныхъ странахъ главнымъ образомъ именно во французскихъ учрежденіяхъ и идеяхъ искали руководства и возлагали чуть не всѣ свои надежды на парижскихъ либераловъ. Немудрено поэтому, что когда борьба реакціи и либерализма, повсемѣстно кончившаяся побѣдою реакціи, во Франціи разрѣшилась въ 1830 г. новой революціей, то революція эта немедленно же нашла откликъ почти вездѣ, гдѣ только существовало особенно сильное недовольство установленнымъ порядкомъ вещей.

Независимо отъ общеевропейскаго значенія борьбы между реакціей и либерализмомъ во Франціи, внутренняя исторія этой страны представляетъ и самостоятельный интересъ. Во-первыхъ, здѣсь въ 1814 г., благодаря реставраціи Бурбоновъ и возвращенію эмигрантовъ, встрѣтились лицомъ къ лицу два общества: новое, пережившее революцію и имперію, и старое, въ теченіе цѣлой четверти вѣка находившееся въ отсутствіи и явившееся теперь на родину съ намѣреніемъ возстановить прежніе политическіе и общественные порядки въ націи, которая не желала вернуться къ этимъ порядкамъ. Во-вторыхъ, Франція въ 1814 г. получила хартію, превратившую ее въ конституціонную монархію. Первая попытка установленія во Франціи конституціонной монархіи окончилась неудачею. Неудача постигла и попытку превращенія Франціи въ республику. Затѣмъ на полтора десятка лѣтъ страна лишилась какой-бы то ни было свободы, и лишь послѣ паденія имперіи представилась возможность установить опять настоящій конституціонный режимъ. Въ общемъ новая попытка была довольно удачная. Хартія 1814 г. съ нѣкоторыми измѣненіями, произведенными въ ней въ 1830 г., просуществовала тридцать-четыре года, т.-е. такой большой срокъ, какого не выдержалъ ни одинъ другой режимъ во Франціи [1]). Въ этомъ смыслѣ установленіе здѣсь конституціонной монархіи было первымъ удавшимся опытомъ перенесенія на континентъ англійскаго государственнаго устройства. Въ-третьихъ, благодаря тому, что въ конституціи 1814 г. (и ея видоизмѣненіи 1830 г.) выразилось недовѣріе къ демократическимъ идеямъ предыдущей эпохи, періодъ

[1]) Конституція 1791 г. существовала менѣе года, конституція 1793 г. совсѣмъ не дѣйствовала, конституція III года—около 5 лѣтъ, наполеоновскія конституціи — 14 лѣтъ, вторая республика (1848 — 1852)—четыре года, вторая имперія (1852 — 1870) — 18 лѣтъ, третья республика (получившая конституцію въ 1875 г.) существуетъ теперь (въ 1907 г.) тридцать седьмой годъ (1870 г.), такъ что уже около трехъ лѣтъ тому назадъ достигла того возраста, какой имѣла конституціонная монархія въ моментъ своего крушенія въ 1848 г.

реставраціи (а также и іюльской монархіи) былъ временемъ устраненія народныхъ массъ отъ участія въ политической жизни. На сцену выдвигаются теперь одни имущіе классы, и между ними-то главнымъ образомъ и происходитъ борьба: землевладѣльческая аристократія представляетъ собой реакцію, промышленная и торговая буржуазія является представительницей либерализма, который, благодаря этому, и самъ принимаетъ буржуазный характеръ. Въ этой борьбѣ интересы народной массы отходятъ на задній планъ, но зато въ эту же эпоху зарождается новое направленіе, которое, отдѣляя себя отъ либерализма, именно эти интересы и выдвигаетъ на первый планъ [1]). Въ 1830 г. буржуазія при помощи народа одержала побѣду надъ клерикально-аристократической реакціей, и послѣдняя потомъ уже не могла играть такой роли во внутренней жизни страны, какъ въ періодъ между 1814 и 1830 гг.

Уже въ XVIII в. стояли другъ противъ друга во Франціи—Франція „стараго порядка", т.-е. абсолютной монархіи, католической реакціи и соціальныхъ привилегій, и Франція новыхъ идей, имѣвшихъ своимъ содержаніемъ политическую свободу, культурный прогрессъ и гражданское равенство. Въ 1789 г. между двумя этими Франціями—старою и новою—началась борьба, изъ которой побѣдительницею вышла Франція новая. Хотя послѣдняя не достигла всего того, къ чему стремилась въ 1789 г., а въ 1799 г. въ ней были даже возстановлены многія черты дореволюціоннаго строя, тѣмъ не менѣе старая Франція была сокрушена, и побѣда новой выразилась въ томъ, что многіе представители старыхъ началъ жизни признали власть человѣка, бывшаго въ глазахъ наиболѣе непримиримыхъ враговъ новаго порядка только революціоннымъ узурпаторомъ. Съ другой стороны, уже въ XVIII в. положеніе правительства во Франціи между двумя противоположными оппозиціями — консервативною и либеральною — было въ высшей степени затруднительнымъ, и нужно было проявить величайшую государственную мудрость, чтобы удержаться на извѣстной высотѣ надъ противоборствующими теченіями общественной жизни. Революція раздѣлила общества на двѣ совершенно непримиримыя части, и, лишь благодаря какъ эмиграціи непримиримыхъ сторонниковъ „стараго порядка", такъ и паденію наиболѣе крайнихъ представителей революціи, якобинцевъ, сдѣлались возможными попытки соединенія и примиренія старой и новой Франціи. Первыя попытки въ этомъ направленіи сдѣланы были еще въ эпоху директоріи, но онѣ не могли состояться; затѣмъ Наполеонъ также поставилъ своею задачею, отворивъ предъ эмигрантами дверь на родину, примирить ихъ съ новымъ порядкомъ

---

[1]) См. главу XXVII этого тома.

вещей, и это до извѣстной степени ему удалось. Но это было лишь временнымъ перемиріемъ, вынужденнымъ обстоятельствами.

Борьба, о которой идетъ рѣчь, была въ сущности борьбою между аристократіей и буржуазіей. Такъ понимали ея смыслъ сами современники и между ними особенно историки, въ лицѣ Огюстена Тьерри и Гизо, сильно интересовавшіеся прошлымъ третьяго сословія. „Нашими предками, говоритъ изъ нихъ одинъ въ 1817 г., были тѣ ремесленники, которые основали городскія общины и создали первое представленіе о новой свободѣ". — „Мы, писалъ онъ въ другой разъ (1820), мы — сыны третьяго сословія; третье сословіе вышло изъ городскихъ общинъ; городскія общины были убѣжищемъ сервовъ; сервы были побѣжденные во время завоеванія" (т.-е. завоеванія Галліи франками).—„Въ теченіе тринадцати вѣковъ, писалъ также Гизо въ „Du gouvernement de la France depuis la restauration" (1820),—Франція заключала въ себѣ два народа, народъ побѣдителей и народъ побѣжденныхъ. Въ теченіе тринадцати вѣковъ народъ побѣжденныхъ боролся, чтобы сбросить съ себя иго народа побѣдителей. Наша исторія есть исторія борьбы. Въ наши дни была дана рѣшительная битва. Она называется революціей. Результатъ революціи не подлежитъ сомнѣнію: прежній побѣжденный народъ сдѣлался народомъ-побѣдителемъ. Въ свою очередь онъ покорилъ Францію... Но, продолжаетъ Гизо, можно было предвидѣть, что народъ, побѣжденный во время революціи, не примирится со своимъ пораженіемъ и не потому, чтобы пораженіе это заставляло его самого подчиниться положенію, которое онъ нѣкогда навязалъ побѣжденнымъ. Теряя привилегіи, онъ находилъ право и, лишаясь господства, могъ найти вознагражденіе въ равенствѣ. Но большимъ массамъ людей не дано такимъ образомъ отказываться отъ людской слабости, и ихъ мысль всегда на очень далекое разстояніе отстаетъ отъ необходимости. Все, что сохраняло или возвращало прежнимъ обладателямъ привилегій лучъ надежды, должно было толкать ихъ къ попыткѣ возвращенія себѣ этихъ привилегій. Реставрація не могла не произвести такого дѣйствія. Старыя привилегіи въ паденіи своемъ увлекли и тронъ, и вотъ явилась мысль, что возстановленный тронъ подниметъ вмѣстѣ съ собой и привилегіи. Этотъ народъ привилегій существуетъ между нами; онъ живетъ, говоритъ, движется, дѣйствуетъ, оказываетъ вліяніе отъ одного конца Франціи до другого. Сильно уменьшенный и разсѣянный конвентомъ, то обольщаемый, то сдерживаемый Наполеономъ, лишь только прекращается терроръ или деспотизмъ, онъ снова появляется на сцену, занимаетъ свое мѣсто и начинаетъ работать надъ возвращеніемъ себѣ всего, что было имъ потеряно... Мы, замѣчаетъ еще Гизо, побѣдили старый порядокъ, и побѣда всегда будетъ на нашей сторонѣ, но намъ

еще долго придется вести борьбу. Кто желаетъ во Франціи конституціоннаго порядка, выборовъ, палатъ, публичной трибуны, свободы печати, всѣхъ видовъ общественной свободы, долженъ отказаться отъ мысли, будто въ этомъ безпрерывномъ и столь оживленномъ проявленіи всего общества контръ-революція можетъ остаться нѣмой и бездѣйствовать". Такъ понялъ—и совершенно вѣрно понялъ—положеніе, созданное во Франціи реставраціей, одинъ изъ наиболѣе видныхъ французскихъ историковъ и политическихъ дѣятелей первой половины XIX в. Между старою Франціею, представленною главнымъ образомъ эмигрантами, и Франціею новою, которая сосредоточивалась преимущественно въ буржуазіи, болѣе всего выигравшей отъ революціи, сдѣлки быть не могло. Эмигранты „ничему не научились и ничего не позабыли"; въ возстановленіи легитимной монархіи они естественно видѣли торжество своего дѣла, желая, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ получить отъ своей побѣды и осязательные результаты; они требовали награды за свою вѣрность старой династіи и находили вполнѣ естественнымъ, чтобы люди, измѣнившіе вѣрноподданническому долгу, были за это наказаны. Этого представители старой Франціи думали сначала достигнуть посредствомъ возстановленія абсолютизма. „Оппоненты французской революціи 1789 г., писала въ 1817 г. г-жа Сталь въ своихъ „Considérations sur la révolution française", — дворяне, духовные, магистратура не уставали твердить, что не нужно было никакого измѣненія въ правительствѣ, ибо существовавшія тогда посредствующія корпораціи хорошо исполняли свою роль, не допуская деспотизма, а теперь они за деспотизмъ, какъ за возстановленіе будто бы стараго порядка. Эта непослѣдовательность въ принципахъ есть послѣдовательность въ интересахъ. Когда, — объясняетъ г-жа Сталь свою мысль, — когда привилегированные ограничивали королевскую власть, они были противъ произвольной власти короны, но когда нація съумѣла занять мѣсто привилегированныхъ, они соединились съ королевскою прерогативою и выставляютъ всякую конституціонную оппозицію, всякую политическую свободу въ видѣ какого-то бунта". Знаменитая писательница очень вѣрно подмѣтила стремленія, существовавшія въ реакціонной партіи въ первые годы реставраціи, но въ сущности весьма скоро и роялисты увидѣли, какую силу они будутъ имѣть, благодаря конституціи, если только палаты, а чрезъ нихъ и правительство будутъ въ ихъ рукахъ. Напр., одинъ изъ видныхъ дѣятелей эпохи реставраціи, Виллель [1]), жившій во время революціи внѣ Франціи, а по возвращеніи на родину въ 1803 г. не желавшій служить имперіи и потому все время до ея паденія остававшійся

[1]) Онъ былъ министромъ въ 1822—1827 гг.

частнымъ человѣкомъ, въ 1814 г. написалъ по поводу обѣщанія Людовика XVIII дать конституцію очень рѣзкую по своему тону брошюру, въ которой доказывалъ необходимость возстановленія абсолютной монархіи. Попавъ въ 1815 г. въ палату депутатовъ, онъ, однако, съ самаго же начала очень хорошо понялъ, что при помощи конституціи можно будетъ еще лучше достигнуть цѣлей своей партіи, а потому и сдѣлался однимъ изъ приверженцевъ конституціоннаго режима, какъ отличнаго орудія въ политической борьбѣ. Мы увидимъ, что, добиваясь власти, реакціонеры пользовались какъ-разъ тою самою хартіей, въ которой видѣли сначала опасную уступку революціоннымъ началамъ,—и что нерѣдко они даже становились въ прямую оппозицію къ королевской власти, если она не раздѣляла ихъ стремленій. Занятіе такой позиціи реакціонною партіею заставляло и либераловъ также главнымъ образомъ стремиться къ захвату власти путемъ парламентскихъ выборовъ (хотя въ первые годы реставраціи не отвергались и революціонные пути). Вотъ почему парламентская борьба получила во Франціи въ эту эпоху весьма важное значеніе. Но такъ какъ при весьма высокомъ цензѣ для избирателей и еще болѣе высокаго для депутатовъ въ палату могли попадать лишь самые богатые люди, крупные землевладѣльцы и капиталисты, то вся эта парламентская борьба была лишь отраженіемъ того антагонизма, который существовалъ въ жизни между аристократіей и буржуазіей. Либеральные публицисты и историки такъ и понимали происходившую тогда борьбу. „Въ теченіе тринадцати вѣковъ, писалъ еще Гизо, во Франціи существовало всегда два положенія, два общественныхъ класса, глубоко различные и неодинаковые, которые никогда не смѣшивались между собою и никогда не находились другъ съ другомъ въ состояніи единства (union) и мира, которые, наконецъ, никогда не прекращали своей борьбы, одинъ—для завоеванія правъ, другой — для удержанія за собою привилегій“. Совершенно въ томъ же смыслѣ Огюстенъ Тьерри говорилъ, что во Франціи существуютъ два класса людей: „люди пергаменовъ“ и „люди индустріи“.

Намъ уже выше пришлось указать на буржуазность французскаго либерализма въ эпоху реставраціи. Буржуазія вовсе не стремилась къ тому, чтобы понизить высокій избирательный цензъ, и вся политическая борьба по вопросу о цензѣ въ эту эпоху сводилась къ желанію реакціонной партіи дать преобладаніе землевладѣнію надъ промышленностью и торговлею. Противополагая себя аристократіи, буржуазія въ то же время отдѣляла себя и отъ народа. Одинъ изъ видныхъ представителей либерализма двадцатыхъ годовъ, Арманъ Каррель [1]), упрекалъ крайнюю правую за то, что она „ищетъ какую-то

[1]) См. статью о немъ въ началѣ русскаго перевода его „Исторіи контръ-революціи въ Англіи“.

націю помимо той, которая читаетъ газеты, возбуждается парламентскими дебатами, владѣетъ капиталами, управляетъ промышленностью, имѣетъ въ своихъ рукахъ землю“, и самъ онъ этой „націи“ противополагалъ массу, „которая мало что смыслитъ“. За нѣсколько дней до іюльской революціи другой либералъ, Одиллонъ Барро, говорилъ своимъ политическимъ единомышленникамъ, что если они будутъ побѣждены, то народъ не воспрепятствуетъ ихъ казни. Предсказаніе это оказалось невѣрнымъ, такъ какъ народъ-то и помѣшалъ побѣдѣ реакціи надъ либерализмомъ въ 1830 г. Если по самой сущности своихъ стремленій либерализмъ эпохи реставраціи былъ, такъ сказать, расчитанъ на удовлетвореніе людей съ независимыми матеріальными средствами и развитыми умственными потребностями, а реакція грозила и экономическимъ, и духовнымъ интересамъ этихъ людей, то и народная масса тоже имѣла свои причины относиться съ непріязнью къ реакціи, поскольку опасалась возстановленія феодальныхъ правъ, десятинъ и вообще стараго неравенства. Успѣхъ Наполеона послѣ его бѣгства съ Эльбы объясняется, какъ въ своемъ мѣстѣ было уже сказано, главнымъ образомъ тѣмъ, что народная масса видѣла въ возвратившемся императорѣ спасителя тѣхъ пріобрѣтеній революціи, которыя націи особенно были дороги. Поэтому можно сказать, что не одна только буржуазія, но и народъ являлись одинаково противниками соціальной реакціи, бывшей главною цѣлью стремленій эмигрантовъ, хотя бы представители этой реакціи и стояли вмѣстѣ съ буржуазіей на одной и той же политической почвѣ конституціонализма, а вмѣстѣ съ народными массами, особенно въ провинціи—на одной и той же почвѣ культурной реакціи, выразившейся въ успѣхахъ, какіе сдѣлали въ эпоху реставраціи клерикализмъ и католическая нетерпимость.

Имперія имѣла въ своей основѣ демократическій принципъ всенароднаго избранія. Наполеонъ сдѣлался первымъ консуломъ сначала на десять лѣтъ, а потомъ и пожизненно получилъ императорскій титулъ въ силу народныхъ голосованій, или такъ называемыхъ плебисцитовъ. Возвратившись съ Эльбы, онъ прибѣгъ къ такому же средству, чтобы санкціонировать новыя учрежденія, которыя должна была получить Франція. Организація политической свободы на демократическихъ началахъ, задуманная въ 1789 г., не удалась, и сама политическая свобода въ 1799 г. была принесена буржуазіей, сначала болѣе всего къ ней стремившейся, въ жертву соображеніямъ иного порядка. Къ концу имперіи, однако, какъ мы уже видѣли, во французскомъ обществѣ снова зародилось стремленіе къ политической свободѣ, выразившееся въ возникновеніи либеральной оппозиціи, съ которою Наполеонъ не могъ не считаться послѣ возвращенія своего съ Эльбы. Низложеніе Наполеона въ 1814 г. сенатомъ и законодатель-

нымъ корпусомъ прямо мотивировалось тѣмъ, что онъ нарушалъ свободу французскаго народа и „конституціонный договоръ“. Временное правительство, образовавшееся послѣ перваго низложенія Наполеона, само выработало новую монархическую конституцію, которая 6 апрѣля 1814 г. была принята и обнародована наполеоновскимъ сенатомъ, желавшимъ, чтобы Людовикъ XVIII, „свободно призываемый на тронъ Франціи“, былъ тѣмъ самымъ вынужденъ признать новыя учрежденія. Отдавая исполнительную власть въ руки короля, эта конституція постановляла, что законы будутъ издаваться съ общаго согласія короля, сената и законодательнаго корпуса, причемъ члены сената должны были сдѣлаться несмѣняемыми и наслѣдственными, сохранивъ за собой прежнія дотаціи и сенаторіи, а законодательный корпусъ долженъ былъ впредь ежегодно собираться самъ собою (de droit) 1 октября, хотя и съ возможностью быть распускаемымъ подъ условіемъ, однако, назначенія новыхъ выборовъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Далѣе эта конституція гарантировала неприкосновенность сенаторовъ и членовъ законодательнаго корпуса и независимость судебной власти и разрѣшала членамъ обѣихъ палатъ дѣлаться министрами. Объявляя особу короля священной и неприкосновенной, проектъ требовалъ далѣе, чтобы всѣ правительственные акты подписывались министромъ, который и отвѣчалъ бы за всякое посягательство на законы, на общественную и индивидуальную свободу, равно какъ на права отдѣльныхъ гражданъ. Въ особыхъ статьяхъ гарантировались свобода культовъ и свобода совѣсти, полная свобода печати, спокойное обладаніе національными имуществами, право личныхъ петицій къ властямъ, одинаковый для всѣхъ доступъ къ разнымъ гражданскимъ и военнымъ должностямъ. Наконецъ, предполагалось, что эта конституція будетъ подвергнута народному принятію: лишь послѣ этого Людовикъ XVIII долженъ былъ бы объявить, что и онъ принимаетъ конституцію, принести ей присягу въ вѣрности и быть провозглашеннымъ королемъ французовъ. Эта сенаторская конституція, — посредствомъ которой члены наполеоновскаго сената хотѣли, конечно, обезпечить за собою и даже за своими потомками свои мѣста и доходы,—была тоже выраженіемъ либеральныхъ стремленій, обнаружившихся во французскомъ обществѣ въ эпоху паденія имперіи. Хотя Людовикъ XVIII отвергъ мысль о призваніи его на престолъ свободнымъ актомъ французскаго народа подъ условіемъ принятія конституціи, тѣмъ не менѣе и самъ онъ вынужденъ былъ дать конституціонную хартію (4 іюня 1814 г.). Въ ней онъ постарался всячески сгладить революціонное происхожденіе ея принциповъ, но все-таки данная имъ конституція въ сущности очень мало отличалась отъ той, которая была обнародована сенатомъ. Людовикъ XVIII не принялъ въ свою конституцію лишь де-

мократическихъ принциповъ, сохраненныхъ конституціей сената въ заявленіяхъ о призваніи короля на престолъ національною волею и объ утвержденіи конституціи народомъ, какъ принялъ и избраніе членовъ законодательнаго корпуса наполеоновскими избирательными коллегіями. Во всемъ остальномъ Людовикъ XVIII сохранялъ въ своей хартіи главныя постановленія сенаторской конституціи.

Познакомимся теперь ближе съ содержаніемъ этой конституціи, которою Франція управлялась до 1830 г.

Въ своей хартіи „Людовикъ, Божіею милостію король Франціи и Наварры", объявлялъ, что „Божественное провидѣніе, призвавъ его снова въ его владѣнія послѣ долгаго отсутствія, возложило на него великія обязательства". „Конституціонная хартія, сказано было Людовикомъ XVIII далѣе, требовалась современнымъ состояніемъ государства; мы ее обѣщали и теперь публикуемъ. Мы принимали во вниманіе, что хотя во Франціи вся власть вполнѣ заключалась въ особѣ короля (bien que l'autorité tout entière résidât en France dans la personne du Roi), наши предшественники никогда не отказывались вносить измѣненія въ пользованіе ею (en modifier l'exercice), смотря по мѣнявшимся обстоятельствамъ",—и вотъ въ доказательство этой мысли въ хартіи сдѣланы были историческія ссылки на разныя учрежденія прежнихъ королей, не имѣвшія сами по себѣ конституціоннаго значенія, между прочимъ и на ордоннансы Людовика XIV, „мудрость коихъ ничто еще не могло превзойти". Такимъ образомъ Людовикъ XVIII связывалъ свою хартію не съ конституціонными законами, ведущими свое начало изъ революціи, а съ разными старинными учрежденіями, съ которыми на дѣлѣ хартія не имѣла ничего общаго. „Мы, прямо заявлялъ Людовикъ XVIII, искали принциповъ конституціонной хартіи во французскомъ характерѣ и въ достопочтенныхъ памятникахъ вѣковъ минувшихъ. Такъ мы увидѣли въ возобновленіи пэріи учрежденіе истинно національное, которое должно быть посредствующимъ звеномъ между всѣми воспоминаніями и всѣми упованіями, служа связью между старыми и новыми временами. Мы замѣнили палатою депутатовъ прежнія мартовскія и майскія поля и палаты третьяго сословія. Стремясь такимъ образомъ снова соединить звенья цѣпи временъ, разорванной вслѣдствіе печальныхъ уклоненій, мы изгладили изъ нашей памяти, — какъ хотѣли бы, чтобы можно было изгладить и изъ исторіи — всѣ бѣдствія, удручавшія наше отечество во время нашего отсутствія". На самомъ дѣлѣ, конечно, хартія 1814 г. являлась продуктомъ именно тѣхъ самыхъ событій, изгладить которыя изъ своей памяти такъ желалъ бы Людовикъ XVIII, но никакъ не была естественнымъ продолженіемъ ордоннансовъ Людовика XIV. Съ другой стороны, въ хартіи подчеркивалось, что давалась она

„добровольно и въ силу свободнаго проявленія королевской власти". Что хартія 1814 г. имѣла содержаніемъ своимъ развитіе принциповъ, дѣйствовавшихъ во время революціи, это можно видѣть уже изъ первыхъ же ея параграфовъ, которыми признавались во Франціи гражданское равенство, индивидуальная свобода съ свободой совѣсти и печати, равно какъ законность владѣнія бывшими національными имуществами и запрещалось преслѣдовать кого бы то ни было за все, что онъ ни высказывалъ или голосовалъ до реставраціи. Въ этихъ первыхъ двѣнадцати статьяхъ, названныхъ изложеніемъ „публичнаго права французовъ", въ сущности были провозлашены главныя начала гражданскаго равенства и личной свободы, установленныя еще учредительнымъ собраніемъ 1789—1791 гг.

Хартія 1814 г. учреждала во Франціи конституціонную монархію по образцу англійской [1]). Въ сравненіи съ конституціей 1791 г. хартія Людовика XVIII является гораздо болѣе монархической [2]). „Особа короля священна и неприкосновенна. Его министры отвѣтственны. Королю одному принадлежитъ исполнительная власть. Король есть верховный глава государства, начальствуетъ сухопутными и морскими силами, объявляетъ войну, заключаетъ мирные, союзные и торговые договоры, назначаетъ на всѣ должности государственнаго управленія и издаетъ регламенты и ордоннансы для исполненія законовъ и безопасности государства. Законодательная власть отправляется совмѣстно королемъ, палатой пэровъ и палатой депутатовъ отъ департаментовъ. Король одинъ предлагаетъ законы"; но и „палаты имѣютъ право просить короля предложить законъ". „Король одинъ санкціонируетъ и обнародываетъ законы. Назначеніе пэровъ Франціи принадлежитъ королю. Ихъ число неограниченно: онъ можетъ измѣнять ихъ званія, назначать ихъ пожизненно или наслѣдственно по своему усмотрѣнію", причемъ по праву своего рожденія члены королевской фамиліи и принцы крови суть непремѣнно пэры. Пренія въ палатѣ пэровъ не публичны. Хартія 1814 г. предоставляла лишь будущему закону опредѣлить организацію выборовъ въ палату депутатовъ, но установляла срокъ полномочій въ пять лѣтъ съ обновленіемъ состава палаты каждый годъ посредствомъ выхода изъ нея одной пятой части членовъ. Отъ депутата требовалось два условія: по крайней мѣрѣ сорокалѣтній возрастъ и платежъ прямого налога въ размѣрѣ тысячи франковъ. „Если бы, говорится далѣе, въ департаментѣ не нашлось пятидесяти лицъ означеннаго возраста и платящихъ, по крайней мѣрѣ, по ты-

---

[1]) Ср. послѣдующее съ конституціонной теоріей Бенжамена Констана, изложенной въ главѣ XIV.

[2]) Ср. изложеніе конституціи 1791 г. въ III томѣ и изложеніе испанской конституціи 1812 г., данное выше (въ главѣ IX).

сячѣ франковъ прямыхъ налоговъ, то это число будетъ дополнено наиболѣе обложенными лицами (les plus imposés), хотя бы и ниже указанной нормы, и они будутъ имѣть право быть избираемыми наравнѣ съ первыми". Этотъ депутатскій цензъ былъ такъ высокъ, что во всей Франціи было лишь около 15 тысячъ человѣкъ, удовлетворявшихъ этому требованію, и вмѣстѣ съ тѣмъ лишь около 90 тысячъ человѣкъ, которые могли быть избирателями, такъ какъ хартія 1814 г. давала избирательное право только такимъ лицамъ, которыя достигли тридцатилѣтняго возраста и платили, по крайней мѣрѣ, триста франковъ въ видѣ прямыхъ налоговъ. (Прибавимъ, что законъ 1820 г. установилъ двойное голосованіе, le double vote, бывшее особенно выгоднымъ для наиболѣе богатыхъ: окружныя коллегіи выбирали 258 депутатовъ, а затѣмъ коллегіи департаментскія, состоявшія изъ четвертой части всѣхъ избирателей, платившихъ наивысшія подати, выбирали еще 172 депутата. Такъ какъ по тому же закону 1820 г. депутаты должны были безвозмездно исполнять свои обязанности, то участіе въ законодательствѣ сдѣлалось настоящею монополіей богатства). Предсѣдатели избирательныхъ коллегій назначались королемъ. По меньшей мѣрѣ половина депутатовъ должна была быть изъ мѣстныхъ жителей департамента. „Засѣданія палаты депутатовъ, говорилось далѣе въ хартіи, публичны, но достаточно желанія пяти членовъ, чтобы палата превратилась въ секретный комитетъ. Ни одинъ налогъ не можетъ быть установленъ или взимаемъ, если на него не было дано согласія обѣихъ палатъ и королевской санкціи. Король ежегодно созываетъ обѣ палаты; онъ ихъ отсрочиваетъ и можетъ распустить палату депутатовъ отъ департаментовъ, но въ такомъ случаѣ онъ долженъ созвать новую въ теченіе трехъ мѣсяцевъ". Министры могли быть членами какъ палаты пэровъ, такъ и палаты депутатовъ. Палата депутатовъ имѣла право обвинять министровъ передъ палатою пэровъ, которая имѣла право ихъ судить. Особый отдѣлъ конституціи былъ посвященъ судебному вѣдомству, которое сохранялось въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало въ 1814 г., причемъ хартія сохранила судъ присяжныхъ и гражданскій кодексъ и объявляла несмѣняемость судей, назначенныхъ королемъ. Наконецъ, въ отдѣлѣ хартіи „объ особыхъ правахъ, гарантированныхъ государствомъ", обращаютъ на себя вниманіе статьи о томъ, что военные, находящіеся на службѣ и въ отставкѣ, сохранятъ свои чины и содержаніе, что прежнему дворянству возвращаются, а за новымъ (т.-е. наполеоновскимъ) сохраняются титулы безъ всякихъ, однако, привилегій и что орденъ почетнаго легіона также будетъ удержанъ. Первая палата депутатовъ должна была состоять изъ членовъ послѣдняго законода-

тельнаго корпуса. Хартія оканчивалась словами: „дано въ лѣто Благодати 1814, нашего же царствованія въ девятнадцатое“.

Въ сравненіи съ конституціями имперіи эта пожалованная королемъ, или октроированная (octroyée) хартія была серьезной гарантіей общественной свободы и общественнаго контроля. Благодаря своей наслѣдственности, члены палаты пэровъ могли пользоваться независимостью по отношенію къ королевской власти. Хотя хартія говорила еще о пожизненныхъ пэрахъ, но впослѣдствіи ордоннансъ 19 августа 1815 г. установилъ наслѣдственность пэріи, какъ общій законъ для этого учрежденія. Палата депутатовъ состояла изъ выборныхъ представителей націи, тогда какъ члены наполеоновскаго законодательнаго корпуса назначались правительствомъ. Правда, впослѣдствіи правительство нашло, что ежегодные выборы пятой части депутатовъ слишкомъ волнуютъ страну, и принятый въ 1824 г. палатами законъ установилъ семилѣтній срокъ для депутатскихъ полномочій съ полнымъ обновленіемъ всей палаты черезъ каждыя семь лѣтъ, но это ничуть не уменьшило ея независимости по отношенію къ королевской власти. Притомъ, нужно замѣтить еще, и пэры, и депутаты могли подвергаться судебному преслѣдованію лишь съ согласія соотвѣтственной палаты. Наконецъ, хартія установила отвѣтственность министровъ и вотированіе налоговъ и законовъ палатами. Когда въ 1815 г. Наполеонъ по возвращеніи съ Эльбы нашелъ нужнымъ передѣлать конституціи имперіи, то новая конституція, составившая содержаніе такъ называемаго „дополнительнаго акта“, была въ сущности не чѣмъ инымъ, какъ только воспроизведеніемъ главныхъ установленій хартіи 1814 г. — наслѣдственной палаты пэровъ, избирательной палаты депутатовъ и отвѣтственнаго министерства. Вообще такимъ образомъ конституція Людовика XVIII была вполнѣ либеральною по сравненію съ наполеоновскимъ режимомъ и обезпечивала дѣйствительнымъ образомъ общественную свободу. Правда, уничтоженное при Наполеонѣ право ассоціацій и собраній не было возстановлено, но хартія 1814 г. возстановляла право петицій (которыя по 53 статьѣ хартіи могли быть подаваемы и обѣимъ палатамъ). Далѣе, хартія 1814 г. провозглашала свободу печати, хотя на самомъ дѣлѣ по временамъ (1814, 1817, 1820, 1823 гг.) палаты и возстановляли цензуру, впрочемъ, большею частью только на годъ, въ промежуточные же періоды печать пользовалась свободою. Въ эпоху реставраціи иногда даже издавались законы, бывшіе весьма благопріятными для ея свободы. Самымъ либеральнымъ изъ такихъ законовъ былъ законъ 17 мая 1819 г.: онъ уничтожалъ цензуру и предварительное разрѣшеніе на изданіе газетъ, подчинялъ преступленія по дѣламъ печати суду присяжныхъ, разрѣшалъ журналистамъ доказывать фактами и тоже передъ судомъ присяжныхъ спра-

ведливость обвиненій, которымъ подверглись бы въ печати оффиціальныя лица и т. п. Во всякомъ случаѣ по сравненію съ наполеоновскимъ режимомъ періодическая пресса во Франціи въ эпоху реставраціи была поставлена въ весьма выгодныя условія, благодаря чему, журналистика достигла при Людовикѣ XVIII цвѣтущаго состоянія и получила большое вліяніе [1]). Главный недостатокъ тогдашней періодической печати заключался въ томъ, что она, такъ сказать, существовала только для богатыхъ: розничной продажи газетъ не было, а подписка стоила очень дорого. Кромѣ того, палаты, состоявшія изъ богачей, прямо даже содѣйствовали дороговизнѣ газетъ закономъ о залогѣ и о штемпелѣ, въ силу чего предпринять изданіе газеты могъ только человѣкъ, обладавшій большими средствами для внесенія залога, а цѣна каждаго экземпляра газеты увеличивалась отъ оплаты его штемпельнымъ сборомъ. Это вполнѣ, однако, гармонировало съ буржуазнымъ характеромъ свободы, установившейся во Франціи въ 1814 г. Далѣе, необходимо отмѣтить и то, что благодаря несмѣняемости судей, провозглашенной конституціей, французская магистратура весьма скоро возвратилась къ своимъ старымъ традиціямъ борьбы противъ ультрамонтанства и сопротивленія административному произволу. Реставрація сохранила судебную организацію и кодексы Наполеона, опиравшіеся на законы революціи, но возвратила судьямъ независимость положенія, что̀ было одной изъ важныхъ гарантій общественной свободы. Сама же конституція запрещала вдобавокъ установленіе чрезвычайныхъ судовъ и конфискацію имуществъ. Хотя въ области религіозной и сдѣланы были попытки возвращенія къ старымъ строгостямъ, но онѣ не имѣли ни малѣйшаго успѣха. Такимъ образомъ въ общемъ реставрація должна была признать многое изъ того, что̀ впервые было намѣчено или создано революціей [2]).

Благодаря хартіи 1814 г., Франція въ эпоху реставраціи сдѣлалась самымъ свободнымъ государствомъ на материкѣ Европы; но въ олигархическомъ характерѣ этой свободы заключалась причина непрочности парламентарной монархіи, установленной ею во Франціи. Если бы даже и не произошло революціи 1830 г., сопровождавшейся перемѣною династіи и нѣкоторыми измѣненіями въ самой хартіи, но въ то же время только усилившей политическое значеніе буржуазіи,

---

[1]) *Hatin*. Histoire de la presse en France.—*Nettement*. Histoire du „Journal des Débats". Оживленію прессы много содѣйствовали и техническія усовершенствованія въ типографскомъ дѣлѣ.

[2]) Наполеоновскій конкордатъ оставался въ силѣ, хотя въ 1817 г. сдѣлана была попытка замѣнить его новымъ: уже состоялось соглашеніе съ папой, но правительство не рѣшалось подвергнуть новый конкордатъ обсужденію въ палатахъ. Вся наполеоновская административная система тоже была удержана.

то все-таки монархія, какую устанавливала во Франціи эта хартія, должна была сдѣлаться предметомъ демократической оппозиціи. Французской демократіи въ эту эпоху можно было заимствовать свои принципы изъ революціонной и наполеоновской традиціи, а потому она естественно и необходимо получала характеръ или республиканскій, или бонапартистскій. При реставраціи движенія, имѣвшія такой характеръ, были еще очень слабы, тѣмъ болѣе, что республиканцы уже давно потерпѣли пораженіе, отъ котораго никакъ не могли поправиться, а наполеонисты, особенно послѣ 1815 г., тоже не могли имѣть большого успѣха. Эти движенія усилились только въ слѣдующемъ періодѣ. Оппозицію реакціи между 1815 и 1830 гг. составляла главнымъ образомъ буржуазія, которая была поставлена хартіей 1814 г. въ весьма выгодное положеніе и которой бороться приходилось лишь за существованіе этой самой хартіи и гарантированныхъ ею культурныхъ, соціальныхъ и политическихъ отношеній. Мы уже не разъ упоминали, что съ конца XVIII в. французская буржуазія боялась преимущественно двухъ вещей — возвращенія стараго порядка и возобновленія демократическаго режима, но послѣдняго опасаться въ 1815—1830 гг. ей не приходилось, такъ какъ оно почти ничѣмъ не давало себя знать, и буржуазіи такимъ образомъ оставалось бороться только съ представителями стараго порядка. Подобно тому, какъ крайности реакціи въ Испаніи и Италіи вызвали революціонныя движенія двадцатыхъ годовъ, такъ и во Франціи новая революція сдѣлалась возможною лишь вслѣдствіе того, что реакція захотѣла идти напроломъ. Но эта новая революція въ глазахъ вождей французскаго либерализма эпохи реставраціи должна была быть повтореніемъ не первой французской революціи, а второй англійской. Такъ оно и случилось, потому что іюльскій переворотъ лишь упрочилъ во Франціи дѣйствіе принциповъ конституціонной хартіи 1814 г., не измѣнивъ ни организаціи государственной власти, ни взаимнаго отношенія между общественными классами.

Въ эпоху реставраціи французы, дѣйствительно, очень часто сравнивали свою революцію съ англійской, такъ какъ внѣшнее сходство между обѣими само собою бросалось въ глаза. И въ Англіи, и во Франціи была совершена казнь короля (1649 и 1793); и тамъ, и здѣсь устанавливалась на время республика; и тамъ, и здѣсь, однако, власть захватывалась полководцами (Кромвелемъ и Наполеономъ), и вводился военный деспотизмъ; и тамъ, и здѣсь, наконецъ, происходили реставраціи. Либералы и буржуазія, довольные хартіей 1814 г., думали сначала, что французская реставрація должна содержать въ себѣ тѣ выгоды, которыя Англіи доставлены были реставраціей Стюартовъ въ 1660 г. и революціей 1689 г., т.-е. возвращеніе законнаго

порядка и упроченіе политической свободы, но послѣ того, какъ Бурбоны показали, что они „ничему не научились и ничего не позабыли“, аналогію между англійской и французской исторіей стали проводить и дальше: англійскую конституцію упрочила лишь вторая революція, имѣвшая своимъ послѣдствіемъ перемѣну династіи, и того же самаго стали ожидать и желать для Франціи. „Мы, признается, напр., Гизо, самъ изучавшій исторію англійской революціи,—мы только и думали о революціи 1688 г., объ ея успѣхѣ, о прекрасномъ и свободномъ правительствѣ, которое она основала“. Несомнѣнно, въ виду современныхъ отношеній и Арманнъ Каррель написалъ въ 1827 г. свою „Исторію контръ-революціи въ Англіи“. Онъ тоже прославлялъ переворотъ 1688 г. и оправдывалъ его тою именно „контръ-революціей“, которая началась въ Англіи съ реставраціей Стюартовъ, и съ которою реакція во Франціи представляла много родственныхъ чертъ. Вообще Англія, какъ страна, политическія учрежденія которой доказали свою пригодность на вѣковомъ опытѣ, оказывала большое вліяніе на политическую жизнь Франціи въ первой половинѣ XIX в. Мы видѣли, что конституціонная теорія Бенжамена Констана была не чѣмъ инымъ, какъ зеркаломъ фактическихъ отношеній, господствовавшихъ въ государственномъ строѣ Англіи, и что англійская же конституція послужила образцомъ и для сенаторской конституціи 1814 г., и для хартіи Людовика XVIII, и для „дополнительнаго акта“ Наполеона. Тѣмъ же объясняется и интересъ французскихъ либеральныхъ историковъ къ исторіи Англіи вообще и въ частности къ исторіи ея парламента. Нужно, однако, прибавить, что среди либераловъ образовалась небольшая фракція такъ называемыхъ „доктринеровъ“ (Ройе-Колларъ, Гизо и др.), которые, сравнивая французскую конституцію съ англійской, отдавали предпочтеніе своей. Напр., Ройе-Колларъ [1]) думалъ, что правительственная власть во Франціи сосредоточивается въ рукахъ короля и что установленіе министерства, которое было бы отвѣтственно передъ большинствомъ палаты, было бы равносильно упраздненію монархическаго принципа.

Въ слѣдующихъ двухъ главахъ мы разсмотримъ, въ чемъ выразились во Франціи реакціонныя стремленія и какъ происходила здѣсь борьба между реакціей и либерализмомъ—въ связи со взаимными отношеніями парламентскихъ партій.

---

[1]) Ср. также ученіе Бенжамена Констана о королевской власти, изложенное въ главѣ XIV.

XVIII. Реакціонная политика во Франціи при Людовикѣ XVIII.

Какъ произошла первая реставрація Бурбоновъ?—Людовикъ XVIII и принцы.—Общій характеръ первой реставраціи.—Какъ совершилась вторая реставрація?—Выборы 1815 г.—Бѣлый терроръ.—Слабость либеральной партіи въ палатѣ депутатовъ при Людовикѣ XVIII.—Поведеніе и стремленія ультра-роялистовъ при министерствахъ Деказа, Ришелье (второмъ) и Виллеля.—Предметы политической борьбы въ палатахъ.

Когда союзники окончательно постановили низложить Наполеона, у нихъ еще не было опредѣленнаго рѣшенія вопроса о томъ, кѣмъ замѣнить его на престолѣ Франціи, а глава коалиціи, Александръ I, не разъ даже прямо высказывался въ томъ смыслѣ, что Франція сама должна распорядиться своей будущей судьбой. Говорить это было, конечно, легко, но трудно было, чтобы среди тогдашнихъ обстоятельствъ нація могла, дѣйствительно, свободно и единодушно высказать свой взглядъ на этотъ вопросъ. Побѣжденная Франція была въ рукахъ завоевателей, которые, конечно, не могли дать ей полной свободы, наприм., совершенно устранивъ вопросъ о продолженіи имперіи съ сыномъ Наполеона. Затѣмъ и политическіе люди Франціи были раздѣлены на партіи, изъ которыхъ ни одна не была достаточно сильна, чтобы явиться выразительницей мнѣнія всей страны или, по крайней мѣрѣ, большинства націи. Болѣе всего шансовъ имѣли Бурбоны, потому что за нихъ былъ все-таки принципъ историческаго права, но первоначально Александръ I былъ очень нерасположенъ къ Бурбонамъ. Оба брата послѣдняго короля Франціи, гр. Провансвій, именовавшійся Людовикомъ XVIII по смерти своего маленькаго племянника, и гр. д'Артуа, будущій Карлъ X, не разъ и прежде обращались къ русскому императору съ предложеніями своихъ услугъ въ борьбѣ съ Наполеономъ (въ 1805—1807 и 1812—1813 гг.), но Александръ I отклонилъ ихъ предложенія, полагая, что союзъ съ Бурбонами скорѣе повредитъ, чѣмъ поможетъ его дѣлу, въ виду той ненависти, которая существовала къ павшей династіи во Франціи. Въ 1814 г. французскимъ роялистамъ, желавшимъ реставраціи Бурбоновъ, нужно было поэтому прежде всего уговорить Александра I, представивъ ему, что вся нація желаетъ возстановленія законной династіи, и у нихъ теперь нашелся союзникъ въ лицѣ Талейрана, давно уже видѣвшаго, что имперія не устоитъ, и что нужно подумать о будущемъ—да и о себѣ также, устраивая это будущее. Талейранъ воспользовался слухомъ, будто подъ Елисейскій дворецъ, гдѣ въ 1814 г. долженъ былъ остановиться Александръ I, подведена была мина, и

предложилъ для жительства русскому императору свой домъ. Здѣсь-то и было рѣшено возстановить Бурбоновъ, потому что, какъ говорилъ Талейранъ, одни они были принципомъ, а все остальное могло быть только интригой. Когда наполеоновскіе маршалы явились къ Александру и стали настаивать на томъ, чтобы провозгласить императоромъ „короля римскаго“ подъ регентствомъ его матери, пришло извѣстіе о переходѣ французской арміи на сторону союзниковъ, и русскій императоръ могъ уже рѣшительно заявить пришедшимъ къ нему маршаламъ, что одни только Бурбоны соотвѣтствуютъ интересамъ Франціи и видамъ Европы. Затѣмъ наполеоновскій сенатъ рѣшилъ призвать „свободною волею французскаго народа“ Людовика XVIII на престолъ Франціи, обязавъ его принять конституцію, и Александръ I съ своей стороны поддержалъ сенатъ въ его рѣшеніи установить во Франціи конституціонную монархію. Онъ даже поѣхалъ на встрѣчу къ Людовику XVIII въ Компьенъ, чтобы лично уговорить его согласиться на требованіе сената, но законодательный корпусъ поторопился самъ отправиться на поклонъ къ Людовику XVIII, какъ законному королю Франціи, и послѣ этого шага уже не могло быть рѣчи о принятіи условій сената.

Такъ была совершена реставрація Бурбоновъ при полномъ молчаніи націи, если не считать нѣсколькихъ роялистическихъ манифестацій, которыя выставлялись передъ Александромъ I, какъ выраженіе общественнаго мнѣнія и воли націи въ томъ смыслѣ, будто бы „вся Франція желаетъ Бурбоновъ“. На самомъ дѣлѣ они были до такой степени чужды странѣ, какъ если бы въ ней никогда не царствовали (слова Веллингтона), и ихъ такъ мало знало новое поколѣніе, какъ если бы они были, по выраженію Шатобріана, дѣтьми китайскаго императора. Едва одна десятая часть населенія искренне привѣтствовала Бурбоновъ, три десятыхъ признали реставрацію изъ одного расчета, а остальное населеніе, т.-е. болѣе половины, смотрѣло на возвращеніе старой династіи съ недовѣріемъ и даже съ враждебностью, которыя были особенно замѣтны въ народныхъ массахъ и, пожалуй, въ деревняхъ еще болѣе, чѣмъ въ городахъ. Сильно тревожились между прочимъ и владѣльцы національныхъ имуществъ, а ихъ было все-таки около трехъ милліоновъ. Сторонниками Бурбоновъ по расчету явились главнымъ образомъ политическіе дѣятели, финансисты, литераторы, коммерсанты, промышленники, военные и чиновники, сохранившіе свои мѣста и содержаніе и т. п., хотя многіе изъ этихъ людей и были недовольны тѣмъ, что конституціонная хартія была не принята, а октроирована.

Въ 1814 г. Людовику XVIII было уже шестьдесятъ лѣтъ, и бо-

лѣе третьей части своей жизни онъ провелъ въ изгнаніи [1]), во время владычества Наполеона не смѣя даже выбирать себѣ мѣсто жительства; только одна Англія въ концѣ концовъ давала ему безопасный пріютъ. Въ теченіе цѣлыхъ девятнадцати лѣтъ, протекшихъ со дня смерти его несчастнаго племянника, носившаго у эмигрантовъ имя Людовика XVII, онъ ни на одну минуту не сомнѣвался въ своемъ правѣ на престолъ Франціи и не разъ думалъ, что вотъ-вотъ скоро наступитъ моментъ, когда это право будетъ осуществлено. Время это, наконецъ, пришло на самомъ дѣлѣ, и Людовикъ XVIII возвратился на родину съ похвальнымъ намѣреніемъ умиротворить несчастную страну установленіемъ въ ней либеральнаго режима въ родѣ англійской конституціи, съ которою онъ познакомился во время своего долговременнаго пребыванія въ Англіи. Новый государь Франціи вовсе не былъ фанатикомъ стараго порядка, но онъ гордился своимъ королевскимъ саномъ и иначе не хотѣлъ царствовать, какъ только въ силу своего династическаго права. Человѣкъ глубоко эгоистичный, онъ думалъ только о томъ, чтобы спокойно дожить послѣдніе свои годы въ почетѣ, который онъ въ высшей степени ревниво оберегалъ, и будучи уже дряхлымъ и болѣзненнымъ, онъ, быть можетъ, потому и находилъ хорошимъ англійскій режимъ, что при немъ всѣ хлопоты и непріятности, соединенныя съ пользованіемъ властью, падаютъ на министровъ, самыя жестокія нападки на которыхъ отнюдь не задѣваютъ особы самого монарха. Основною мыслью Людовика XVIII было примирить старую и новую Францію, но у него не было для этого надлежащихъ условій—ни въ его собственномъ характерѣ, не отличавшемся настойчивостью, ни въ условіяхъ ближайшей среды, которая его окружала. Онъ всегда обнаруживалъ извѣстную уступчивость по существу дѣла, стараясь лишь о томъ, чтобы при этомъ были соблюдены внѣшнія формы, среда же, его окружавшая, отличалась, наоборотъ, крайнимъ упорствомъ и постоянно производила на него давленіе въ пользу возстановленія стараго порядка. Людовикъ XVIII былъ бездѣтенъ, и наслѣдникомъ престола считался его братъ, гр. д'Артуа, отецъ двухъ сыновей—герцога Ангулемскаго, женатаго на своей кузинѣ, дочери Людовика XVI, страстной и фанатической ненавистницѣ революціи, и герцога Беррійскаго, который впослѣдствіи тоже женился на неаполитанской принцессѣ, равнымъ образомъ отличавшейся духомъ крайняго легитимизма. Гр. д'Артуа эмигрировалъ еще въ 1789 г. и былъ настоящимъ главой непримиримыхъ эмигрантовъ, наиболѣе дѣятельнымъ участникомъ всѣхъ комбинацій, направлявшихся противъ революціоннаго правительства или противъ Наполеона. Это былъ на-

[1]) Онъ эмигрировалъ изъ Франціи въ 1791 г.

стоящій фанатикъ контръ-революціи, съ первыхъ же дней реставраціи организовавшій въ своемъ pavillion de Marsan будущую ультрароялистическую партію, которая была недовольна уступчивостью короля. Абсолютистъ, клерикалъ, другъ эмигрантовъ, мечтавшихъ о возвращеніи привилегій, гр. д'Артуа нерѣдко самымъ рѣзкимъ образомъ нападалъ на брата; одинъ разъ разсерженный Людовикъ XVIII пригрозилъ ему даже, что поставитъ бюстъ Наполеона на каминѣ своего кабинета. Наслѣдникъ престола въ 1814 г. прямо отказался присутствовать въ засѣданіи, гдѣ была провозглашена хартія. Своимъ приближеннымъ и депутаціямъ, къ нему явившимся, онъ давалъ самыя неосторожныя обѣщанія: „будемъ пока довольствоваться тѣмъ, что̀ есть, а за будущее уже я вамъ ручаюсь". Онъ скоро сдѣлался надеждою духовенства и вообще клерикаловъ, такъ какъ былъ строгимъ католикомъ и даже сдѣлался душою такъ называемой „конгрегаціи", организаціи, въ составъ которой вошли всѣ клерикальные элементы высшихъ классовъ общества и въ которой стали играть особенно видную роль іезуиты. Если старшій сынъ наслѣдника престола отличался при недалекомъ умѣ только вспыльчивостью и грубостью, то невѣстка гр. д'Артуа, герцогиня Ангулемская, была совершенно подстать своему свекру. Что касается до герцога Беррійскаго, то этотъ молодой принцъ, бойкій и развязный, думалъ только объ удовольствіяхъ и очень радовался, что можетъ командовать въ арміи. Хотя и онъ вообще больше былъ расположенъ къ реакціонерамъ, но мирился съ положеніемъ и, желая снискать популярность у солдатъ, въ буквальномъ смыслѣ слова „обезьяничалъ", какъ они выражались, съ „маленькаго капрала". Принцы были вообще очень непопулярны въ Парижѣ. Между прочимъ они задумали совершить объѣздъ разныхъ частей Франціи, во время котораго надѣлали массу безтактностей. Напр., гр. д'Артуа спрашивалъ у префектовъ и мэровъ, что̀ думаютъ они о возвращеніи національныхъ имуществъ ихъ законнымъ владѣльцамъ. Поэтому и въ департаментахъ принцы весьма скоро снискали одно только крайнее къ себѣ нерасположеніе. Кромѣ короля и гр. д'Артуа съ его семьей, вернулись во Францію и другіе принцы: принцъ Конде и герцогъ Бурбонскій (дѣдъ и отецъ герцога Ангьенскаго), настоящіе обломки стараго порядка; вернулся и герцогъ Орлеанскій, сынъ „гражданина Филиппа Эгалите", самъ когда-то членъ якобинскаго клуба, сражавшійся за революцію при Вальми и Жемаппѣ. Уже раньше въ эпоху республики имя этого принца произносилось, какъ имя возможнаго кандидата на престолъ, и потому въ 1814 г. онъ былъ для Бурбоновъ человѣкомъ подозрительнымъ, несмотря на то, что держалъ себя крайне осторожно; надъ нимъ былъ даже установленъ своего рода тайный надзоръ. Зато хотя герцогъ Орлеанскій старался не выдви-

XVIII. Реакціонная политика во Франціи при Людовикѣ XVIII.

Какъ произошла первая реставрація Бурбоновъ?—Людовикъ XVIII и принцы.—Общій характеръ первой реставраціи.—Какъ совершилась вторая реставрація?—Выборы 1815 г.—Бѣлый терроръ.—Слабость либеральной партіи въ палатѣ депутатовъ при Людовикѣ XVIII.—Поведеніе и стремленія ультра-роялистовъ при министерствахъ Деказа, Ришелье (второмъ) и Виллеля.—Предметы политической борьбы въ палатахъ.

Когда союзники окончательно постановили низложить Наполеона, у нихъ еще не было опредѣленнаго рѣшенія вопроса о томъ, кѣмъ замѣнить его на престолѣ Франціи, а глава коалиціи, Александръ I, не разъ даже прямо высказывался въ томъ смыслѣ, что Франція сама должна распорядиться своей будущей судьбой. Говорить это было, конечно, легко, но трудно было, чтобы среди тогдашнихъ обстоятельствъ нація могла, дѣйствительно, свободно и единодушно высказать свой взглядъ на этотъ вопросъ. Побѣжденная Франція была въ рукахъ завоевателей, которые, конечно, не могли дать ей полной свободы, наприм., совершенно устранивъ вопросъ о продолженіи имперіи съ сыномъ Наполеона. Затѣмъ и политическіе люди Франціи были раздѣлены на партіи, изъ которыхъ ни одна не была достаточно сильна, чтобы явиться выразительницей мнѣнія всей страны или, по крайней мѣрѣ, большинства націи. Болѣе всего шансовъ имѣли Бурбоны, потому что за нихъ былъ все-таки принципъ историческаго права, но первоначально Александръ I былъ очень нерасположенъ къ Бурбонамъ. Оба брата послѣдняго короля Франціи, гр. Прованскій, именовавшійся Людовикомъ XVIII по смерти своего маленькаго племянника, и гр. д'Артуа, будущій Карлъ X, не разъ и прежде обращались къ русскому императору съ предложеніями своихъ услугъ въ борьбѣ съ Наполеономъ (въ 1805—1807 и 1812—1813 гг.), но Александръ I отклонялъ ихъ предложенія, полагая, что союзъ съ Бурбонами скорѣе повредитъ, чѣмъ поможетъ его дѣлу, въ виду той ненависти, которая существовала къ падшей династіи во Франціи. Въ 1814 г. французскимъ роялистамъ, желавшимъ реставраціи Бурбоновъ, нужно было поэтому прежде всего уговорить Александра I, представивъ ему, что вся нація желаетъ возстановленія законной династіи, и у нихъ теперь нашелся союзникъ въ лицѣ Талейрана, давно уже видѣвшаго, что имперія не устоитъ, и что нужно подумать о будущемъ—да и о себѣ также, устраивая это будущее. Талейранъ воспользовался слухомъ, будто подъ Елисейскій дворецъ, гдѣ въ 1814 г. долженъ былъ остановиться Александръ I, подведена была мина, и

предложилъ для жительства русскому императору свой домъ. Здѣсь-то и было рѣшено возстановить Бурбоновъ, потому что, какъ говорилъ Талейранъ, одни они были принципомъ, а все остальное могло быть только интригой. Когда наполеоновскіе маршалы явились къ Александру и стали настаивать на томъ, чтобы провозгласить императоромъ „короля римскаго“ подъ регентствомъ его матери, пришло извѣстіе о переходѣ французской арміи на сторону союзниковъ, и русскій императоръ могъ уже рѣшительно заявить пришедшимъ къ нему маршаламъ, что одни только Бурбоны соотвѣтствуютъ интересамъ Франціи и видамъ Европы. Затѣмъ наполеоновскій сенатъ рѣшилъ призвать „свободною волею французскаго народа“ Людовика XVIII на престолъ Франціи, обязавъ его принять конституцію, и Александръ I съ своей стороны поддержалъ сенатъ въ его рѣшеніи установить во Франціи конституціонную монархію. Онъ даже поѣхалъ на встрѣчу къ Людовику XVIII въ Компьень, чтобы лично уговорить его согласиться на требованіе сената, но законодательный корпусъ поторопился самъ отправиться на поклонъ къ Людовику XVIII, какъ законному королю Франціи, и послѣ этого шага уже не могло быть рѣчи о принятіи условій сената.

Такъ была совершена реставрація Бурбоновъ при полномъ молчаніи націи, если не считать нѣсколькихъ роялистическихъ манифестацій, которыя выставлялись передъ Александромъ I, какъ выраженіе общественнаго мнѣнія и воли націи въ томъ смыслѣ, будто бы „вся Франція желаетъ Бурбоновъ“. На самомъ дѣлѣ они были до такой степени чужды странѣ, какъ если бы въ ней никогда не царствовали (слова Веллингтона), и ихъ такъ мало знало новое поколѣніе, какъ если бы они были, по выраженію Шатобріана, дѣтьми китайскаго императора. Едва одна десятая часть населенія искренне привѣтствовала Бурбоновъ, три десятыхъ признали реставрацію изъ одного расчета, а остальное населеніе, т.-е. болѣе половины, смотрѣло на возвращеніе старой династіи съ недовѣріемъ и даже съ враждебностью, которыя были особенно замѣтны въ народныхъ массахъ и, пожалуй, въ деревняхъ еще болѣе, чѣмъ въ городахъ. Сильно тревожились между прочимъ и владѣльцы національныхъ имуществъ, а ихъ было все-таки около трехъ милліоновъ. Сторонниками Бурбоновъ по расчету явились главнымъ образомъ политическіе дѣятели, финансисты, литераторы, коммерсанты, промышленники, военные и чиновники, сохранившіе свои мѣста и содержаніе и т. п., хотя многіе изъ этихъ людей и были недовольны тѣмъ, что конституціонная хартія была не принята, а октроирована.

Въ 1814 г. Людовику XVIII было уже шестьдесятъ лѣтъ, и бо-

лѣе третьей части своей жизни онъ провелъ въ изгнаніи [1]), во время владычества Наполеона не смѣя даже выбирать себѣ мѣсто жительства; только одна Англія въ концѣ концовъ давала ему безопасный пріютъ. Въ теченіе цѣлыхъ девятнадцати лѣтъ, протекшихъ со дня смерти его несчастнаго племянника, носившаго у эмигрантовъ имя Людовика XVII, онъ ни на одну минуту не сомнѣвался въ своемъ правѣ на престолъ Франціи и не разъ думалъ, что вотъ-вотъ скоро наступитъ моментъ, когда это право будетъ осуществлено. Время это, наконецъ, пришло на самомъ дѣлѣ, и Людовикъ XVIII возвратился на родину съ похвальнымъ намѣреніемъ умиротворить несчастную страну установленіемъ въ ней либеральнаго режима въ родѣ англійской конституціи, съ которою онъ познакомился во время своего долговременнаго пребыванія въ Англіи. Новый государь Франціи вовсе не былъ фанатикомъ стараго порядка, но онъ гордился своимъ королевскимъ саномъ и иначе не хотѣлъ царствовать, какъ только въ силу своего династическаго права. Человѣкъ глубоко эгоистичный, онъ думалъ только о томъ, чтобы спокойно дожить послѣдніе свои годы въ почетѣ, который онъ въ высшей степени ревниво оберегалъ, и будучи уже дряхлымъ и болѣзненнымъ, онъ, быть можетъ, потому и находилъ хорошимъ англійскій режимъ, что при немъ всѣ хлопоты и непріятности, соединенныя съ пользованіемъ властью, падаютъ на министровъ, самыя жестокія нападки на которыхъ отнюдь не задѣваютъ особы самого монарха. Основною мыслью Людовика XVIII было примирить старую и новую Францію, но у него не было для этого надлежащихъ условій—ни въ его собственномъ характерѣ, не отличавшемся настойчивостью, ни въ условіяхъ ближайшей среды, которая его окружала. Онъ всегда обнаруживалъ извѣстную уступчивость по существу дѣла, стараясь лишь о томъ, чтобы при этомъ были соблюдены внѣшнія формы, среда же, его окружавшая, отличалась, наоборотъ, крайнимъ упорствомъ и постоянно производила на него давленіе въ пользу возстановленія стараго порядка. Людовикъ XVIII былъ бездѣтенъ, и наслѣдникомъ престола считался его братъ, гр. д'Артуа, отецъ двухъ сыновей—герцога Ангулемскаго, женатаго на своей кузинѣ, дочери Людовика XVI, страстной и фанатической ненавистницѣ революціи, и герцога Беррійскаго, который впослѣдствіи тоже женился на неаполитанской принцессѣ, равнымъ образомъ отличавшейся духомъ крайняго легитимизма. Гр. д'Артуа эмигрировалъ еще въ 1789 г. и былъ настоящимъ главой непримиримыхъ эмигрантовъ, наиболѣе дѣятельнымъ участникомъ всѣхъ комбинацій, направлявшихся противъ революціоннаго правительства или противъ Наполеона. Это былъ на-

[1]) Онъ эмигрировалъ изъ Франціи въ 1791 г.

стоящій фанатикъ контръ-революціи, съ первыхъ же дней реставраціи организовавшій въ своемъ pavillion de Marsan будущую ультрароялистическую партію, которая была недовольна уступчивостью короля. Абсолютистъ, клерикалъ, другъ эмигрантовъ, мечтавшихъ о возвращеніи привилегій, гр. д'Артуа нерѣдко самымъ рѣзкимъ образомъ нападалъ на брата; одинъ разъ разсерженный Людовикъ XVIII пригрозилъ ему даже, что поставитъ бюстъ Наполеона на каминѣ своего кабинета. Наслѣдникъ престола въ 1814 г. прямо отказался присутствовать въ засѣданіи, гдѣ была провозглашена хартія. Своимъ приближеннымъ и депутаціямъ, къ нему являвшимся, онъ давалъ самыя неосторожныя обѣщанія: „будемъ пока довольствоваться тѣмъ, что есть, а за будущее уже я вамъ ручаюсь“. Онъ скоро сдѣлался надеждою духовенства и вообще клерикаловъ, такъ какъ былъ строгимъ католикомъ и даже сдѣлался душою такъ называемой „конгрегаціи“, организаціи, въ составъ которой вошли всѣ клерикальные элементы высшихъ классовъ общества и въ которой стали играть особенно видную роль іезуиты. Если старшій сынъ наслѣдника престола отличался при недалекомъ умѣ только вспыльчивостью и грубостью, то невѣстка гр. д'Артуа, герцогиня Ангулемская, была совершенно подстать своему свекру. Что касается до герцога Беррійскаго, то этотъ молодой принцъ, бойкій и развязный, думалъ только объ удовольствіяхъ и очень радовался, что можетъ командовать въ арміи. Хотя и онъ вообще больше былъ расположенъ къ реакціонерамъ, но мирился съ положеніемъ и, желая снискать популярность у солдатъ, въ буквальномъ смыслѣ слова „обезьяничалъ“, какъ они выражались, съ „маленькаго капрала“. Принцы были вообще очень непопулярны въ Парижѣ. Между прочимъ они задумали совершить объѣздъ разныхъ частей Франціи, во время котораго надѣлали массу безтактностей. Напр., гр. д'Артуа спрашивалъ у префектовъ и мэровъ, что думаютъ они о возвращеніи національныхъ имуществъ ихъ законнымъ владѣльцамъ. Поэтому и въ департаментахъ принцы весьма скоро снискали одно только крайнее къ себѣ нерасположеніе. Кромѣ короля и гр. д'Артуа съ его семьей, вернулись во Францію и другіе принцы: принцъ Конде и герцогъ Бурбонскій (дѣдъ и отецъ герцога Ангьенскаго), настоящіе обломки стараго порядка; вернулся и герцогъ Орлеанскій, сынъ „гражданина Филиппа Эгалите“, самъ когда-то членъ якобинскаго клуба, сражавшійся за революцію при Вальми и Жемаппѣ. Уже раньше въ эпоху республики имя этого принца произносилось, какъ имя возможнаго кандидата на престолъ, и потому въ 1814 г. онъ былъ для Бурбоновъ человѣкомъ подозрительнымъ, несмотря на то, что держалъ себя крайне осторожно; надъ нимъ былъ даже установленъ своего рода тайный надзоръ. Зато хотя герцогъ Орлеанскій старался не выдви-

гаться, онъ сдѣлался весьма популярнымъ среди буржуазіи и либераловъ, и когда противъ Бурбоновъ стали составляться заговоры, многіе изъ нихъ задумывались прямо въ его пользу.

Вернулись съ Бурбонами и наиболѣе непримиримые изъ эмигрантовъ, которые не хотѣли воспользоваться милостью Наполеона. Этихъ эмигрантовъ было тысячи три или четыре, но съ ними заодно стали дѣйствовать и ранѣе возвратившіеся во Францію эмигранты, и дворяне, не покидавшіе родины въ эпоху революціи. Правда, и среди роялистовъ встрѣчались сторонники конституціоннаго режима,—и ихъ потомъ главнымъ образомъ поддерживало правительство Людовика XVIII,—но громче всѣхъ говорили, требовательнѣе всѣхъ были и болѣе всего заставляли себя бояться тѣ изъ нихъ, которымъ впослѣдствіи было присвоено названіе ультра-роялистовъ (les ultras). Они ненавидѣли хартію, лишавшую ихъ прежнихъ привилегій, желали возстановленія старыхъ порядковъ, заявляли самыя клерикальныя требованія, особенно же добивались возвращенія конфискованныхъ у нихъ и перешедшихъ въ другія руки имѣній. Сначала они ожидали также, что всѣ важнѣйшія гражданскія и военныя должности будутъ переданы имъ, и что люди, служившіе революціи и узурпатору, съ позоромъ будутъ прогнаны. Людовикъ XVIII не желалъ, однако, идти такъ далеко; кромѣ того, и внѣшнія обстоятельства принудили его составить министерство изъ государственныхъ людей, выдвинувшихся въ эпоху революціи и при имперіи. Первое министерство Людовика XVIII было образовано изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, начиная съ Талейрана и кончая людьми, видѣвшими въ парламентарномъ строѣ лишь переходъ отъ имперіи къ возстановленію абсолютной монархіи, настоящимъ же вліяніемъ на короля пользовался одинъ только его любимецъ Блака̀, старавшійся лишь о томъ, чтобы не потерять королевской милости. Между министрами не могло быть настоящей солидарности, и потому недаромъ новый режимъ получилъ названіе „отеческой анархіи“ (anarchie paternelle). Эмигранты съ гр. д'Артуа во главѣ и нѣкоторые министры Людовика ничего не сдѣлали для того, чтобы расположить народъ и армію въ пользу реставраціи. Напротивъ, они какъ-бы нарочно дѣлали все, чѣмъ только могли раздражить и вооружить противъ себя и народную массу, и солдатъ, и буржуазію, и низшихъ и высшихъ офицеровъ арміи. Въ нѣсколько мѣсяцевъ 1814—1815 гг. Бурбоны съумѣли добиться одного—вызвать въ странѣ сожалѣніе о Наполеонѣ и тѣмъ подготовить ему восторженный пріемъ при возвращеніи его съ острова Эльбы.

Въ самомъ началѣ реставраціи (7 іюня) новый начальникъ полиціи Беньо—по желанію двора, но безъ вѣдома министерства—издалъ распоряженіе о празднованіи воскреснаго дня, запрещавшее всякую

работу, торговлю и перевозку тяжестей въ теченіе всего дня, а также предписывавшее закрывать рестораны и кафе во время богослуженія подъ страхомъ штрафовъ отъ 100 до 500 франковъ. Другимъ распоряженіемъ (10 іюня) онъ запретилъ въ праздникъ Тѣла Господня съ 8 ч. утра до 3 ч. пополудни движеніе по улицамъ экипажей въ виду церковныхъ процессій, которыя рѣшено было возстановить на улицахъ столицы. Населеніе Парижа, отвыкшее отъ подобныхъ стѣсненій, увидѣло въ этомъ нарушеніе религіозной свободы, и потому примѣненіе распоряженій Беньо встрѣтило сопротивленіе со стороны многихъ рабочихъ, ремесленниковъ, лавочниковъ и т. п. Около того же времени отдѣльныя бюро муниципальной благотворительности стали требовать отъ своихъ кліентовъ свидѣтельствъ о говѣніи. Съ своей стороны, духовенство начало придавать слишкомъ политическую окраску заупокойнымъ обѣднямъ, которыя были отслужены по Людовикѣ XVI и Маріи-Антуанетѣ во всѣхъ городахъ Франціи, такъ какъ при этомъ произнесены были проповѣди съ проклятіями противъ всѣхъ, кто только принималъ участіе въ революціи, покупалъ бывшія церковныя имущества и т. п. (И впослѣдствіи своими постоянными проповѣдями на эту же тему духовенство держало въ вѣчной тревогѣ покупщиковъ національныхъ имуществъ; нерѣдко бывало и такъ, что имъ священники прямо отказывали въ таинствѣ причащенія даже на смертномъ одрѣ). Была также масса недовольныхъ и мѣрами, вызванными простою необходимостью, вродѣ сокращенія штатовъ разныхъ министерствъ, уменьшенія численности арміи и т. д., вынужденныхъ печальнымъ положеніемъ финансовъ. Особенными врагами реставраціи сдѣлались отставные офицеры и офицеры на половинномъ содержаніи (à la demi-solde), тѣмъ болѣе, что удаленіе ихъ со службы или уменьшеніе имъ жалованья не помѣшали Людовику XVIII возстановить старую королевскую гвардію (la Maison militaire du roi), на содержаніе которой было ассигновано 20 милліоновъ франковъ и доступъ въ которую былъ открытъ исключительно роялистамъ. Такое начало очень тревожило громадное большинство націи, тѣмъ болѣе, что эмигранты и вообще дворяне повсемѣстно держали себя въ высшей степени надменно, проповѣдовали о необходимости возвращенія національныхъ имуществъ ихъ прежнимъ владѣльцамъ и грозили всѣмъ, кто не держался ихъ образа мыслей. Роялистическая пресса—газеты и брошюры—дѣйствовала въ томъ же направленіи. И самъ король, и гр. д'Артуа, и герцогиня Ангулемская получали даже петиціи о возвращеніи національныхъ имуществъ, и потребовалось особое постановленіе палаты депутатовъ (образовавшейся изъ членовъ послѣдняго законодательнаго корпуса), чтобы успокоить владѣльцевъ національныхъ имуществъ ссылкою на то, что распродажа этихъ имуществъ была санкціонирована консти-

туціями III и VIII года и новой конституціонной хартіей. И въ слѣдующіе мѣсяцы правительство продолжало совершать одну безтактность за другою, унижая орденъ почетнаго легіона раздачей его за самыя ничтожныя услуги людямъ сомнительной репутаціи, поручая караулы у Тюльерійскаго дворца наемнымъ швейцарамъ и т. п.

Положеніе Людовика XVIII становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ, а тутъ еще и сами эмигранты начали на него нападать за то, что онъ не осуществлялъ всѣхъ ихъ надеждъ; они прямо называли его „королемъ якобинцевъ", въ то самое время, какъ либералы (напр., Бенжаменъ Констанъ, Лафайетъ и др.) объявляли, что свободѣ грозитъ опасность, и цѣлый рядъ либеральныхъ газетъ переходилъ въ прямую оппозицію правительству. Между новой и старой Франціей такимъ образомъ шла борьба, правительство же далеко не стояло на высотѣ своей задачи. Напр., въ вопросѣ о возвращеніи эмигрантамъ нераспроданныхъ еще имѣній оно держало себя не такъ, какъ Наполеонъ, видѣвшій въ этомъ лишь средство умиротворенія, а подчеркивало другую сторону дѣла—вознагражденіе за непоколебимую вѣрность, что̀ вызывало въ палатахъ страстныя пренія партій. Людовикъ XVIII, боявшійся оппозиціи пуще огня, тотчасъ же отмѣнялъ нѣкоторыя распоряженія или бралъ назадъ предложенія своихъ министровъ, разъ замѣчалъ, что они вызываютъ въ палатахъ неудовольствіе. Что̀ было еще хуже для Людовика XVIII, такъ это разные слухи о возможности чуть-ли не новой варѳоломеевской ночи, которую замышляло будто бы правительство въ годовщину смерти Людовика XVI. При такомъ настроеніи парижскаго населенія самыя незначительныя происшествія получали иногда значеніе чуть-ли не событій первостепенной важности. Напр., отказъ духовенства хоронить одну популярную актрису повелъ къ серьезнымъ уличнымъ безпорядкамъ, и многіе потомъ были убѣждены, что только эти безпорядки, показавшіе силу народа, заставили его недруговъ отказаться отъ новой варѳоломеевской ночи. Нужно, однако, замѣтить, что въ основѣ этихъ слуховъ все-таки кое-что было, такъ какъ между роялистами встрѣчались настоящіе фанатики, которые были бы не прочь устроить что-либо въ этомъ родѣ. Приверженцы гр. д'Артуа составляли даже заговоры съ цѣлью потребовать у короля отмѣны хартіи и созванія старыхъ парламентовъ, а въ случаѣ его отказа — заключить его въ тюрьму, вынудивъ у него отреченіе въ пользу брата. Но въ то же время составлялись заговоры и въ противоположномъ смыслѣ. Одинъ изъ нихъ былъ устроенъ бывшимъ наполеоновскимъ министромъ Фуше. Будучи отвергнутъ Бурбонами, которымъ онъ нѣсколько разъ предлагалъ свои услуги, онъ задумалъ совершить ихъ низложеніе и привлекъ на свою

сторону Талейрана. Сначала обратились къ герцогу Орлеанскому, а послѣ его отказа стали думать о провозглашеніи Наполеона II.

Первая реставрація продолжалась менѣе года. Наступило второе, „стодневное“ владычество Наполеона. Но и возстановленіе имперіи было непрочно. Созванныя Наполеономъ палаты послѣ Ватерлоо вынудили у него отреченіе и образовали временное правительство (въ составъ котораго вошли Карно и Фуше), возбудивъ вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о престолонаслѣдіи. Бурбоновъ теперь почти уже никто не хотѣлъ, кромѣ ихъ приверженцевъ; либеральная партія выставила-было герцога Орлеанскаго, и только то соображеніе, что онъ непремѣнно откажется отъ короны, заставило палаты признать императоромъ Наполеона II. Но побѣдители на этотъ разъ не хотѣли вступать въ какія-либо соглашенія ни въ пользу герцога Орлеанскаго, ни въ пользу Наполеона II, ни въ пользу другихъ кандидатовъ, которыхъ тогда называли, и не взирая на то, что палата депутатовъ занялась (въ началѣ августа 1815 г.) выработкой новой конституціи, вторично возстановили Людовика XVIII на престолѣ подъ охраною штыковъ союзной арміи, чѣмъ крайне оскорбили національное чувство французовъ. Съ другой стороны, за два дня до своего возвращенія въ Парижъ Людовикъ XVIII вынужденъ былъ дать аудіенцію „цареубійцѣ“ Фуше, который разыгрывалъ тогда роль главы временнаго правительства и старался увѣрить короля, что своими дѣйствіями много способствовалъ возстановленію Бурбоновъ. Мало того: когда Людовикъ XVIII по возвращеніи своемъ въ Парижъ занялся составленіемъ министерства, то въ составъ послѣдняго вмѣстѣ съ Талейраномъ, которому было возвращено завѣдованіе иностранными дѣлами, вошелъ и Фуше, въ качествѣ министра полиціи—къ великому, конечно, негодованію роялистовъ. Впрочемъ, оба они ненадолго удержались во главѣ правительства, такъ какъ выборы, произведенные для возобновленія палаты депутатовъ, дали ультра-роялистическое большинство, и черезъ нѣсколько времени Фуше, отправленный въ Дрезденъ въ званіи французскаго посланника, былъ осужденъ въ качествѣ „цареубійцы“ на вѣчное изгнаніе. Во главѣ министерства былъ поставленъ знаменитый герцогъ („дюкъ“, какъ у насъ его звали) Ришелье, въ эпоху имперіи жившій въ Россіи и находившійся на русской службѣ въ должности генералъ-губернатора Новороссійскаго края [3]).

„Сто дней“ показали Людовику XVIII, что̀ значило не давать отпора притязаніямъ ультра-роялистовъ. Въ манифестѣ, съ которымъ теперь онъ обратился къ націи, онъ долженъ былъ признаться, что его пра-

[1]) По дополнительному акту.

[2]) Принца Оранскаго и даже короля Саксонскаго.

[3]) *Raoul de Cisternes*. Le duc de Richelieu (1818—1821). 1898.

вительство могло дѣлать ошибки и дѣлало ихъ на самомъ дѣлѣ, и въ оправданіе свое приводилъ то соображеніе, что бываютъ времена, когда самыя чистыя намѣренія оказываются недостаточными для надлежащаго направленія политики. „Одинъ опытъ, говорилось далѣе въ королевскомъ воззваніи,—могъ научить, но онъ не потерянъ. Я намѣренъ, продолжалъ Людовикъ XVIII, дать хартіи всѣ гарантіи, какія только могутъ обезпечить ея благодѣянія. За послѣднее время говорили о возстановленіи десятинъ и феодальныхъ правъ. Нечего опровергать эту басню. Если покупщики національныхъ имуществъ тревожились, довольно было хартіи, чтобы ихъ успокоить". Кромѣ того, Людовикъ XVIII обѣщалъ амнистію за все, что̀ случилось въ то время, когда онъ вторично долженъ былъ покинуть отечество. Но если самъ король считалъ нужнымъ соблюдать умѣренность, и его въ этомъ намѣреніи поддерживали министры, то ультра-роялисты думали иначе, и ихъ мстительныя чувства получили тѣмъ большее значеніе, что и побѣду на выборахъ въ палату почти повсемѣстно одержали самые рьяные представители клерикально-аристократической реакціи. Вторичное нашествіе иностранцевъ, вызванное возстановленіемъ имперіи, унизительный миръ, которому должна была подвергнуться Франція, произвели страшное озлобленіе противъ наполеонистовъ, и избиратели 1815 года подъ вліяніемъ этого чувства посылали въ палату главнымъ образомъ людей, которые рѣзче другихъ выражали свое негодованіе противъ имперіи. Когда Людовикъ XVIII потребовалъ отъ обѣихъ палатъ присяги на вѣрность хартіи, нѣкоторые пэры даже воспротивились этому требованію.

Людовикъ XVIII не исполнилъ, однако, своего обѣщанія относительно забвенія прошлаго; между прочимъ, не безъ вліянія иностранныхъ державъ еще министерство Талейрана-Фуше составило списокъ лицъ, которыя должны были подлежать суду за измѣну и, смотря по винѣ, подвергнуться казни или изгнанію. Начались политическіе процессы, изъ которыхъ особенно много шума надѣлалъ процессъ маршала Нея, приговореннаго къ смертной казни и разстрѣляннаго, несмотря на выраженное раскаяніе [1]). Въ разныхъ частяхъ Франціи происходили казни, составлялись приговоры объ изгнаніи, ссылкѣ, заключеніи въ тюрьму и т. п. Ультра-роялистическая палата и родственные ей элементы общества дѣлали все, что̀ отъ нихъ зависѣло, чтобы придать второй реставраціи характеръ самой жестокой и мстительной репрессіи, правительство же не обнаружило достаточной силы, чтобы не дозволить реакціи принять крайніе размѣры. Палата весьма охотно вотировала законы, уничтожавшіе гарантіи личной свободы въ

---

[1]) См. объ этомъ сочиненіе *Welschinger'a*.

пользу полицейскаго произвола, налагавшіе строгія наказанія за мятежные возгласы, установлявшіе въ каждомъ департаментѣ чрезвычайныя коммиссіи, или превотальные суды, которые судили въ послѣдней инстанціи всѣ политическія преступленія и немедленно приводили свои приговоры въ исполненіе. Одновременно во многихъ мѣстахъ ультра-роялисты организовали особые комитеты для того, чтобы повсюду захватить власть въ свои руки. Префекты и другія мѣстныя власти арестовывали, ссылали, предавали суду, лишали должностей и т. п. цѣлые десятки тысячъ „неблагонамѣренныхъ", издавали разныя деспотическія распоряженія, относились снисходительно къ народнымъ безпорядкамъ, когда послѣдніе направлялись противъ наполеонистовъ, либераловъ и т. п. Духовенство громило съ каѳедръ покупщиковъ національныхъ имуществъ и протестантовъ. Роялистическіе волонтеры, составлявшіе отряды для борьбы съ Наполеономъ, легитимистическіе комитеты, образовывавшіеся для захвата въ свои руки всѣхъ мѣстныхъ дѣлъ, простыя грабительскія шайки и случайныя толпы нафанатизированной черни въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ 1815—1816 гг. господствовали надъ мирнымъ и беззащитнымъ населеніемъ, убивая и грабя наполеонистовъ и либераловъ, протестантовъ и мусульманъ (въ Марсели) и совершая другія насилія надъ всѣми подозрительными—съ точки зрѣнія крайней реакціи—людьми. Всѣ эти факты, напоминающіе собою революціонные ужасы 1793—94 гг., получали въ исторіи названіе „бѣлаго террора" (la terreur blanche), такъ какъ совершались подъ бѣлымъ знаменемъ Бурбоновъ. Правительство оказывалось безсильнымъ противъ этого реакціоннаго террора, тѣмъ болѣе, что многіе его участники даже думали, будто, дѣйствуя въ духѣ крайней реакціи, они лишь исполняютъ волю короля и его министровъ. Такъ какъ само правительство возбудило не мало политическихъ процессовъ и внесло въ палаты нѣсколько репрессивныхъ предложеній, то весьма легко могло показаться, что оно должно было одобрять и этотъ взрывъ роялистическаго фанатизма, особенно въ виду того, что многіе префекты—кто по убѣжденію, а кто подъ давленіемъ ультра-роялистическихъ комитетовъ или изъ желанія угодить предполагаемымъ видамъ правительства—сами содѣйствовали этой насильственной реакціи. Такъ же точно поступали и многіе судьи. Хотя хартія и установляла несмѣняемость судей, гарантировавшую ихъ независимость, этотъ принципъ получилъ такое толкованіе, что правомъ несмѣняемости должны пользоваться лишь судьи, назначенные королемъ или утвержденные имъ въ своей должности, а между тѣмъ съ утвержденіемъ правительство нарочно медлило и понемногу смѣщало наиболѣе неподатливыхъ. Министры, не будучи въ состояніи прекратить терроръ, думали-было выйти въ отставку, но Людовикъ XVIII просилъ

ихъ остаться, указывая на то, что если бы ему пришлось замѣнить ихъ вождями большинства палаты депутатовъ, то число жертвъ этого террора было бы во много разъ еще больше. Ультра-роялистическая палата, дѣйствительно, находила Ришелье и его товарищей слишкомъ умѣренными, а въ самомъ королѣ видѣла даже прямо „коронованнаго якобинца“. Если мѣстные реакціонные элементы, произведшіе „бѣлый терроръ“, и дѣйствовали, какъ многіе думали, въ согласіи съ центральною властью, то никакъ не съ королемъ или министромъ Ришелье, а именно съ ультра-роялистической палатою 1815—1816 г., извѣстной въ исторіи подъ названіемъ „безподобной“ (la chambre introuvable).

Это названіе палаты 1815—1816 г. далъ ей самъ Людовикъ XVIII, когда она на первыхъ порахъ во всемъ шла на встрѣчу желаніямъ правительства. Но скоро между министерствомъ и ультра-роялистическимъ большинствомъ палаты произошелъ конфликтъ. Вожди большинства составили проектъ закона, въ силу котораго масса лицъ должна была поплатиться жизнью или свободой за свои политическія убѣжденія или прежнія дѣйствія, правительство же, наоборотъ, внесло въ палату законъ объ амнистіи, обѣщанной въ королевскомъ манифестѣ (хотя обѣщаніе это было уже нарушено). Съ великимъ трудомъ удалось министерству провести этотъ законъ, чтобы положить конецъ казнямъ, изгнаніямъ и тюремнымъ заключеніямъ, но ультра-роялисты, съ неудовольствіемъ подчинившіеся необходимости такого закона, все-таки настояли на томъ, чтобы всѣ „цареубійцы“, приставшіе къ Наполеону послѣ его бѣгства съ острова Эльбы, были приговорены къ вѣчному изгнанію. Безподобная палата вообще считала своею задачею „возстановить все то, что было низвергнуто учредительнымъ собраніемъ“, и въ частности ея клерикальное направленіе выразилось въ уничтоженіи введеннаго революціей и удержаннаго кодексомъ Наполеона развода, въ возвращеніи духовенству веденія метрическихъ книгъ, въ возстановленіи церковнаго землевладѣнія и т. п.

Первая сессія безподобной палаты, открывшаяся въ началѣ октября 1815 г., продолжалась болѣе полугода — до конца апрѣля 1816 г. Во время парламентскихъ вакацій изъ министерства былъ устраненъ министръ внутреннихъ дѣлъ Воблан, который принадлежалъ къ числу политическихъ единомышленниковъ гр. д'Артуа и большинства палаты. Хотя правительство въ слѣдующіе мѣсяцы продолжало еще дѣйствовать съ извѣстною строгостью, но и это не удовлетворяло вполнѣ ультра-роялистовъ. Особенно ихъ раздражала отставка, данная Воблану, человѣку ихъ партіи, и вся ихъ ненависть обрушилась на министра полиціи Деказа, который все болѣе и болѣе подчинялъ Людовика XVIII своему личному вліянію, хотя если кто изъ министровъ и принималъ мѣры противъ „враговъ государства“, бывшія на руку бѣлому тер-

рору, такъ именно Деказъ. Одно уже то, что онъ раньше занималъ мѣсто секретаря у матери Наполеона, никакъ не могло быть ему прощено ультра-роялистами, и онъ это хорошо зналъ. Ришелье и его товарищи предвидѣли, что едва возобновится сессія палаты, какъ начнется кампанія противъ министерства, но Ришелье не рѣшался на распущеніе палаты, котораго, наоборотъ, требовалъ Деказъ. Иностранная дипломатія не безъ тревоги смотрѣла на готовившійся конфликтъ и совѣтовала Людовику XVIII поддерживать свое министерство противъ палаты, которая своими крайностями могла бы снова скромпрометировать положеніе. Иностранные дворы вели даже переговоры о необходимости распущенія палаты, но это вмѣшательство во внутреннія дѣла Франціи только оскорбляло короля, относившагося вообще крайне щепетильно къ своей независимости, хотя и самъ онъ чувствовалъ неудобство своего положенія при такой палатѣ и не могъ не знать, что ея реакціонное направленіе сильно возмущало общественное мнѣніе страны. Между прочимъ Людовикъ XVIII боялся поссориться съ своимъ братомъ, который былъ весьма доволенъ общимъ духомъ палаты. Тѣмъ не менѣе Деказу въ концѣ концовъ удалось убѣдить и Ришелье, и самого короля въ необходимости выбирать между эмигрантами, все болѣе и болѣе дѣлавшимися опасными своимъ ненасытнымъ властолюбіемъ, и остальною Франціею, которая все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ недовѣріемъ взирала на будущее. Король и министры держали, однако, свое рѣшеніе въ тайнѣ до того самаго момента, когда былъ наконецъ подписанъ приказъ о распущеніи палаты. Вечеромъ 5 сентября у гр. д'Артуа собрались его приверженцы и разсуждали объ имѣвшей черезъ мѣсяцъ открыться сессіи палатъ, которая передастъ власть уже въ ихъ руки, когда къ нимъ явился Ришелье и объявилъ о только-что подписанномъ распущеніи палаты. Гр. д'Артуа сначала не хотѣлъ-было вѣрить, чтобы такое важное рѣшеніе было принято безъ его вѣдома, и немедленно отправился къ королю, чтобы настоять на отмѣнѣ рѣшенія, но не былъ принятъ, такъ какъ Людовикъ XVIII нарочно легъ раньше спать и не велѣлъ никого къ себѣ пускать. На другой день королевское распоряженіе было опубликовано, и его съ радостью встрѣтило громадное большинство націи, не исключая и умѣренныхъ роялистовъ. Распущеніе безподобной палаты было принято, какъ признакъ того, что правительство рѣшилось вступить на путь мирнаго и свободнаго развитія. Одни ультра-роялисты негодовали: многіе изъ нихъ—и съ ними сами принцы—сгоряча грозили уѣхать въ Англію, оставивъ короля на произволъ судьбы; одна дама велѣла убрать бюстъ Людовика XVIII изъ своего салона на чердакъ; Шатобріанъ написалъ въ защиту распущенной палаты „Монархію по хартіи", гдѣ доказывалъ, что лишь то

направленіе, котораго держалась эта палата, соотвѣтствовало интересамъ королевской власти; въ публику былъ нарочно пущенъ слухъ, что король подписалъ распущеніе палаты подъ давленіемъ иностранныхъ дворовъ и т. п.

Такова въ общихъ чертахъ внутренняя исторія первыхъ двухъ лѣтъ реставраціи. Въ эти годы вполнѣ обрисовались стремленія реакціонной партіи; въ особенности то, что было сдѣлано въ эпоху бѣлаго террора и безподобной палаты, на долгое время наносило ударъ либераламъ. Вторая реставрація, произведенная иностранными державами, вообще была побѣдой легитимизма надъ либеральными стремленіями. Подъ вліяніемъ поднявшаго снова голову роялизма въ 1815 г. назначены были на мѣста префектовъ люди, принадлежавшіе большею частью къ реакціонерамъ, а извѣстно, какую силу давала правительству наполеоновская административная централизація, съ которою реставрація, конечно, не захотѣла разставаться. Съ другой стороны, событія „ста дней" были такъ живы въ памяти Людовика XVIII и его министровъ, что имъ, дѣйствительно, приходилось задуматься надъ вопросомъ, не требуютъ ли сами интересы монархіи, чтобы реакціи былъ положенъ конецъ. Деказъ, игравшій наиболѣе видную роль въ распущеніи палаты, сдѣлался героемъ дня въ общественномъ мнѣніи, но тѣмъ съ большею ненавистью стали къ нему относиться ультрароялисты.

Послѣ того, какъ вошла въ дѣйствіе конституція 1814 г., безподобная палата была уже третьей палатой, считая, во-первыхъ, наполеоновскій законодательный корпусъ, превратившійся по хартіи въ палату депутатовъ, а во-вторыхъ, палату депутатовъ по дополнительному акту, распущенную Людовикомъ XVIII въ 1815 г. Новые выборы, произведенные черезъ нѣсколько недѣль послѣ распущенія безподобной палаты, дали министерству умѣренное большинство на шестьдесятъ голосовъ. По хартіи палата должна была обновляться каждый годъ посредствомъ выхода одной пятой части членовъ и замѣщенія ихъ новыми. Въ первый разъ такое обновленіе палаты произошло послѣ выборовъ въ сентябрѣ 1817 г., на которыхъ ультра-роялисты потеряли 11 мѣстъ, а либералы пріобрѣли 13, но и послѣ этого либеральная партія насчитывала въ своемъ составѣ лишь 25 депутатовъ, которымъ волею-неволею нельзя было вести собственную политику и оставалось только поддерживать сравнительно умѣренное министерство Ришелье. На частныхъ выборахъ 1818 г. либералы пріобрѣли еще двадцать новыхъ депутатовъ, между которыми были Лафайетъ, генералъ Греньe, бывшій членомъ послѣдняго временнаго правительства, и Манюэль, засѣдавшій въ палатѣ ста дней и ратовавшій тамъ послѣ отреченія императора за его сына Наполеона II; эти выборы даже встревожили

монарховъ и дипломатовъ, собравшихся на ахенскій конгрессъ. Выборы 1819 г. происходили подъ вліяніемъ извѣстія о карлсбадскихъ постановленіяхъ, и либералы пріобрѣли опять нѣсколько новыхъ голосовъ, хотя и послѣ этого ихъ число въ палатѣ не было достаточно сильнымъ (90 изъ 257). Особенно большое впечатлѣніе было тогда произведено избраніемъ знаменитаго аб. Грегуара, одного изъ первыхъ конституціонныхъ епископовъ и члена конвента, подавшаго голосъ за казнь Людовика XVI. Въ 1820 г. былъ введенъ новый избирательный законъ, дававшій наиболѣе богатымъ избирателямъ право присылать еще лишнихъ 172 депутата сверхъ 258, выбиравшихся обыкновеннымъ порядкомъ, причемъ, по крайней мѣрѣ, половина налога, опредѣлявшаго избирательный цензъ, должна была уплачиваться въ видѣ поземельной подати. Результатомъ этого было то, что частные выборы, происходившіе въ октябрѣ того же года, доставили рѣшительный перевѣсъ ультра-роялистамъ, засѣдавшимъ въ палатѣ 1815 г., а либералы имѣли теперь лишь около 80 мѣстъ (изъ 430). Съ этого момента ультра-роялистамъ принадлежало рѣшительное преобладаніе въ палатѣ. Осенніе выборы 1821 г. были также очень благопріятны для этой партіи, и изъ 88 новыхъ депутатовъ около 60 принадлежало къ крайней правой. Но особенно была значительна побѣда ультра-роялистовъ на выборахъ 1822 г. Въ мартѣ 1823 г. они рѣшились даже исключить изъ палаты Манюэля, возражавшаго противъ испанской экспедиціи, силою вывели его изъ залы засѣданій и не допустили чтенія протеста, подписаннаго 62 депутатами, которые послѣ этого всѣ удалились изъ засѣданія и болѣе не являлись въ палату во все продолженіе сессіи. Палата эта была распущена 24 декабря 1823 г. въ виду задуманной реформы избирательнаго закона, по которой срокъ депутатскихъ полномочій предполагалось продлить до семи лѣтъ и уничтожить ежегодные частичные выборы для обновленія палаты. Выборы въ палату 1824 г. происходили подъ сильнымъ административнымъ давленіемъ и съ прямыми правонарушеніями: многихъ либераловъ произвольно вычеркивали изъ списковъ и, наоборотъ, заносили въ списки роялистовъ, не имѣвшихъ никакого на это права. Поэтому въ палатѣ 1824 г. либераловъ было только 18 человѣкъ, а средняя партія, или такъ называемый центръ, состояла лишь изъ четырехъ депутатовъ. Эта палата была распущена до срока 5 ноября 1827 г., причемъ для новыхъ выборовъ былъ назначенъ самый короткій срокъ, дабы оппозиція противъ правительства не могла приготовиться къ избирательной борьбѣ, хотя этотъ расчетъ министерства, какъ мы еще увидимъ, не оправдался.

Не нужно, однако, думать, что во весь этотъ періодъ преобладанія ультра-роялистовъ въ палатахъ ихъ партія поддерживала пра-

вительство. Наоборотъ, большею частью она находилась къ нему въ самой рѣзкой оппозиціи, тогда какъ либералы нерѣдко, напротивъ того, оказывались въ числѣ сторонниковъ правительства. Либералы или, какъ ихъ тогда чаще звали, индепенденты, особенно поддерживали Ришелье. Этотъ министръ далъ между тѣмъ ахенскому конгрессу обѣщаніе сблизиться съ ультра-роялистами, которымъ и рѣшилъ пожертвовать Деказомъ, но когда послѣдній вышелъ изъ министерства, и съ нимъ удалились и нѣкоторые другіе его члены, а Ришелье обратился къ вождямъ ультра-роялистовъ съ предложеніемъ войти въ составъ министерства, они поставили ему самыя невыполнимыя условія, такъ что онъ вынужденъ былъ отказаться отъ составленія новаго министерства и выйти въ отставку. Въ виду услугъ, оказанныхъ Франціи этимъ министромъ, въ обѣихъ палатахъ сдѣлано было предложеніе дать ему отъ имени націи денежную награду, но ультра-роялисты встрѣтили это предложеніе такими обидными возраженіями, что хотя національная награда герцогу и была вотирована въ размѣрѣ 50 т. ежегодной ренты, онъ отказался отъ нея, пожертвовавъ всю ее цѣликомъ на благотворительныя учрежденія. Преемникомъ Ришелье сдѣлался Деказъ, но уже съ самаго начала и къ нему ультра-роялисты стали въ самую рѣзкую оппозицію. Первый министръ посовѣтовалъ королю назначить 61 новаго пэра для того, чтобы ослабить постоянную оппозицію палаты пэровъ; въ новые члены этой палаты большею частью были назначены прежніе наполеоновскіе маршалы, генералы и гражданскіе сановники (мартъ 1819 г.), но недовольные этимъ ультра-роялисты стали говорить о преданіи министерства суду, хотя оно ничѣмъ не нарушило конституціи и законовъ. На частныхъ выборахъ 1819 г. около сотни гренобльскихъ ультра-роялистовъ, видя провалъ своего кандидата, даже подавали голосъ за „цареубійцу“ Грегуара, говоря, что скорѣе будутъ вотировать за якобинца, чѣмъ за министерскаго кандидата. Избраніе Грегуара, не утвержденное, впрочемъ, палатой, заставило самого Деказа искать сближенія съ ультра-роялистами, но эта партія требовала отъ министра полнаго себѣ подчиненія. Ненависть крайней правой къ Деказу выразилась во всей своей силѣ по поводу убіенія герцога Беррійскаго, племянника Людовика XVIII. 13 февраля 1820 г. одинъ фанатическій ремесленникъ, по имени Лувель, зарѣзалъ молодого принца при входѣ въ оперный театръ, думая этимъ сдѣлать невозможнымъ продолженіе династіи Бурбоновъ, въ которой только отъ этого, младшаго сына графа д'Артуа и ожидали потомства [1]). Со стороны многихъ

[1]) Жена герц. Беррійскаго въ то время была уже беременна и вскорѣ родила сына, которому былъ данъ титулъ герцога Бордоскаго. Лувель былъ казненъ. На судѣ выяснилось, что онъ дѣйствовалъ на собственный страхъ.

ультра-роялистовъ это преступленіе встрѣчено было злорадствомъ, и на другой же день одинъ изъ членовъ палаты депутатовъ сдѣлалъ предложеніе обвинить Деказа въ соучастіи въ преступленіи Лувеля. Между тѣмъ Деказъ поторопился внести проектъ уже извѣстнаго намъ избирательнаго закона (о двойномъ голосованіи), а съ нимъ проекты двухъ законовъ, изъ которыхъ одинъ разрѣшалъ министерству безъ суда сажать въ тюрьму лицъ, заподозрѣнныхъ въ злоумышленіяхъ противъ членовъ королевской фамиліи или противъ государственной безопасности, а другой устанавливалъ надъ газетами цензуру и вводилъ требованіе предварительнаго разрѣшенія на изданіе каждой газеты. Эти мѣры должны были удовлетворить сторонниковъ реакціи, но графъ д'Артуа и герцогиня Ангулемская тѣмъ не менѣе вынудили у Людовика XVIII отставку Деказа. (Онъ получилъ послѣ титулъ герцога и постъ посланника въ Лондонѣ).

Послѣ отставки Деказа первымъ министромъ опять сдѣлался Ришелье, который и провелъ въ палатахъ законы, предложенные его предшественникомъ. Послѣ побѣды ультра-роялистовъ на выборахъ 1820 г. въ составъ правительства вошли въ качествѣ министровъ безъ портфелей три члена этой партіи и между ними извѣстный Виллель, но такъ какъ они не могли проводить стремленій своей партіи, благодаря сравнительной умѣренности Ришелье, то вышли въ отставку передъ самымъ открытіемъ сессіи палаты (1821—1822 гг.). Это страшно вооружило ультра-роялистовъ противъ правительства, и они тотчасъ же по открытіи палатъ начали дѣйствовать противъ министерства, задѣвъ при этомъ и лично самого короля. Именно въ своей тронной рѣчи Людовикъ XVIII заявилъ, что между Франціей и другими государствами царствуетъ доброе согласіе, палата же въ своемъ отвѣтномъ адресѣ выразила надежду на то, что это согласіе „не куплено на счетъ чести націи и достоинства короны“. Въ данномъ случаѣ противъ министерства соединились и роялисты, негодовавшіе на то, что честь подавленія революцій въ Неаполѣ и Пьемонтѣ выпала не на долю Франціи, и либералы, которые были недовольны пассивностью французскаго правительства, дозволившаго Австріи вмѣшаться въ итальянскія дѣла. Людовикъ XVIII былъ страшно оскорбленъ, узнавъ о содержаніи адреса, и долгое время колебался, принять ли ему этотъ адресъ, но наконецъ принялъ, хотя и сказалъ при этомъ депутаціи палаты нѣсколько горькихъ словъ. Многіе даже думали, что палата будетъ распущена, но король этого не сдѣлалъ. Наоборотъ, сама ультра-роялистическая палата довела наконецъ Ришелье и его товарищей до необходимости подать въ отставку. По указанію гр. д'Артуа Людовикъ XVIII назначилъ (15 дек. 1821 г.) въ преемники имъ ультра-роялистовъ, поставивъ теперь во главѣ новаго министерства Вил-

леля, который уже давно былъ парламентскимъ вождемъ партіи. Въ сессію 1822 г. палата устранила предложенное еще Ришелье установленіе цензуры на пять лѣтъ, но согласилась на то, чтобы на изданіе газетъ требовалось королевское дозволеніе, чтобы больше не разрѣшалось на судѣ доказывать справедливость обвиненій и обличеній оффиціальныхъ лицъ, чтобы строжайшимъ образомъ запрещены были нападенія на религію и церковь, и т. п.

Такимъ образомъ министерство Виллеля ознаменовало себя съ самаго начала проведеніемъ реакціоннаго закона о печати. Во внѣшней политикѣ оно стало въ самое рѣзкое отношеніе къ испанской революціи. Конечно, и Ришелье не сочувствовалъ этой революціи, но онъ совѣтовалъ Фердинанду VII подчиниться совершившимся фактамъ, лишь измѣнивъ конституцію 1812 г. въ духѣ французской хартіи. Товарищемъ Виллеля по иностраннымъ дѣламъ былъ Монморанси, когда-то сражавшійся вмѣстѣ съ Лафайетомъ въ Америкѣ, дѣйствовавшій заодно съ Мирабо и Сіэсомъ въ учредительномъ собраніи, принимавшій участіе въ знаменитомъ ночномъ засѣданіи 4 августа 1789 г., но впослѣдствіи эмигрировавшій за границу. Теперь онъ находился въ лагерѣ самыхъ непримиримыхъ враговъ революціи и оказывалъ поддержку врагамъ испанской конституціи.

Французское правительство отправило на веронскій конгрессъ самого Монморанси и съ нимъ Шатобріана, смѣнившаго Деказа на посту французскаго посланника въ Лондонѣ. Оба они были сторонниками насильственнаго подавленія испанской революціи, но Виллель, считавшій нужнымъ соблюдать строжайшую экономію въ финансахъ и приберегать армію на случай обостренія восточныхъ дѣлъ (въ виду греческаго возстанія) былъ противъ вооруженнаго вмѣшательства, опасаясь еще, что со стороны испанцевъ можно будетъ встрѣтить сильное сопротивленіе, какъ при нашествіи Наполеона. Онъ думалъ, что внутренняя реакція въ Испаніи сама сдѣлаетъ свое дѣло. Французскимъ уполномоченнымъ поэтому дана была инструкція дѣйствовать съ величайшею осторожностью, и самъ Людовикъ XVIII стоялъ за то же, но Монморанси и Шатобріанъ своими дѣйствіями на конгрессѣ сильно скомпрометировали независимое положеніе Франціи въ этомъ вопросѣ, хотя Шатобріанъ и старался представить Виллелю дѣло такъ, будто онъ самъ всячески хлопочетъ противъ войны. Результатомъ этого была отставка Монморанси и порученіе министерства иностранныхъ дѣлъ Шатобріану. Ультра-роялисты давно уже были недовольны тѣмъ, что Виллель дѣйствуетъ недостаточно энергично въ испанскомъ дѣлѣ, а теперь, послѣ отставки Монморанси, пришли въ страшное негодованіе. Многіе изъ нихъ накупили себѣ билетовъ на заемъ въ 80 милліоновъ франковъ, заключенный регентствомъ въ Сеу-де-Ургелѣ,

и не желали, чтобы вслѣдствіе окончательной побѣды конституціонной партіи ихъ деньги пропали даромъ. Между тѣмъ Франція по примѣру другихъ державъ отозвала своего посланника изъ Мадрида, послѣ того, какъ тамъ не согласились на потребованныя державами измѣненія въ конституціи, но въ сущности Виллель искалъ какого бы то ни было повода объявить Францію вполнѣ удовлетворенною, лишь бы не вести войны. Ультра-роялисты рѣшили тогда низвергнуть Виллеля, какъ измѣнника, и тогда, чтобъ удержаться у власти, Виллель потребовалъ у палаты депутатовъ чрезвычайнаго кредита въ сто милліоновъ франковъ для войны съ Испаніей и разрѣшенія призвать резервы. Такимъ образомъ антиреволюціонная экзекуція въ Испаніи была дѣломъ ультра-роялистической партіи противъ правительства, не желавшаго войны. Страсти ультра-роялистовъ до такой степени въ это время разгорѣлись, что они рѣшились исключить изъ палаты депутата Манюэля, осмѣлившагося говорить противъ войны, несмотря на то, что на такой шагъ палата не имѣла ни малѣйшаго права. Побѣда французской арміи надъ испанскими революціонерами совершенно опьянила ультра-роялистовъ чувствомъ достигнутаго успѣха. Виллель не имѣлъ уже болѣе силы имъ сопротивляться, и онъ сталъ подумывать о томъ, какъ бы лишь отдѣлаться отъ самой опасной фракціи ультра-роялистовъ. Съ этою цѣлью въ концѣ 1823 г. онъ распустилъ палату, назначивъ новые выборы, которые, въ началѣ слѣдующаго года, какъ мы видѣли, были произведены—при помощи префектовъ—въ смыслѣ благопріятномъ для министерства. Въ новой палатѣ сначала не было ультра-роялистической оппозиціи, но она мало-по-малу снова организовалась, и были случаи, когда Виллель находилъ особую поддержку у немногочисленныхъ либераловъ палаты. Въ общемъ и теперь ультра-роялисты стояли на сторонѣ министерства лишь тогда, когда оно проводило реакціонные законы. Выборами 1827 г., давшими побѣду (хоть и неполную) либераламъ, окончилось господство ультра-роялистической партіи, стоявшей большею частью въ оппозиціи къ правительству.

Когда Виллеля въ началѣ 1828 г. смѣнилъ Мартиньякъ, ранѣе самъ отличившійся въ качествѣ ультра-роялиста, и отказался въ виду побѣды либераловъ и оппозиціоннаго настроенія страны отъ реакціонной политики своего предшественника, ультра-роялисты опять очутились въ оппозиціи, но и на этотъ разъ правительство нашло, наоборотъ, сочувствіе у либераловъ. Ультра-роялистическая партія только и думала о томъ, какъ бы низвергнуть и этого министра.

Изъ этого краткаго очерка исторіи отношеній, въ какихъ находилась реакціонная партія къ правительству почти за все время реставраціи, можно видѣть, что роялисты вовсе не были партіей гу-

вернаментальной, во что бы то ни стало отстаивавшей правительство, равно какъ либералы вовсе не были постоянными оппонентами власти. Обѣ партіи въ концѣ концовъ стояли на почвѣ конституціи и одинаково видѣли въ политической свободѣ средство для проведенія въ жизнь своихъ политическихъ принциповъ и защиты классовыхъ интересовъ. Онѣ обѣ сталкивались между собою по разнымъ вопросамъ, между которыми, какъ намъ уже приходилось видѣть, играли роль вопросы о свободѣ прессы и объ избирательномъ законѣ. Но борьба шла и изъ-за другихъ предметовъ. Въ 1817 г. ультра-роялисты добивались возвращенія духовенству оставшихся непроданными прежнихъ церковныхъ и монастырскихъ имуществъ. Въ 1818 г. они очень волновались по поводу реорганизаціи арміи, при которой военный министръ принялъ на службу до тысячи бывшихъ наполеоновскихъ солдатъ и уволилъ многихъ офицеровъ изъ эмигрантовъ по ихъ неспособности къ службѣ. Въ 1820 г. между ультра-роялистами и либералами происходили споры изъ-за увеличенія пенсій, которое правительство хотѣло сдѣлать изъ особаго фонда, для разныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ были люди, служившіе, съ одной стороны, революціи и Наполеону, съ другой—дѣлу Бурбоновъ въ Вандеѣ и въ эмиграціи. Когда крайняя правая достигла торжества при Виллелѣ, она поставила себѣ задачей отдать народное образованіе въ руки духовенства; городскія и сельскія школы по ея настояніямъ были переданы въ руки монаховъ (frères de l'école chrétienne или frères-ignorantins). Знаменитый оріенталистъ Сильверстъ-де-Саси, самъ благочестивый роялистъ, лишился даже своего мѣста въ главномъ совѣтѣ учебнаго вѣдомства за то, что не соглашался на передачу всего образованія духовенству [1]). Великимъ магистромъ университета сдѣлано было одно духовное лицо. Въ то же время устранялись „неблагонамѣренные" преподаватели и замѣнялись новыми. Составлялись и новые учебники въ духѣ реакціи: извѣстно, напр., руководство по исторіи патера Лорике, въ которомъ Наполеонъ превращался въ генерала Бонапарта, главнокомандующаго войсками Людовика XVIII. Ройе-Коллару и Гизо было запрещено чтеніе лекцій. Въ Греноблѣ за либерализмъ былъ закрытъ юридическій факультетъ, и та же судьба временно постигала медицинскій факультетъ и высшую нормальную школу въ самомъ Парижѣ. Въ то время либеральная оппозиція была безсильна что-либо сдѣлать. Этимъ же крайне реакціоннымъ направленіемъ отличалась внутренняя жизнь Франціи и въ началѣ царствованія Карла X, который самъ принималъ живѣйшее участіе въ дѣлахъ ультра-роялистической партіи.

---

[1]) *A. Chevalier*. Les frères des écoles chrétiennes et l'enseignement primaire après la révolution (1797—1830).

XIX. Борьба французскаго либерализма противъ реакціи.

Реакціонныя стремленія Карла X. — Расколъ среди реакціонеровъ. — Ослабленіе реакціи при Мартиньякѣ. — Паденіе министерства Мартиньяка и назначеніе Полиньяка. — Два періода въ исторіи либеральной партіи въ эпоху реставраціи. — Заговоры перваго періода. — Конституціонные либералы. — Либерализмъ въ литературѣ и въ періодической прессѣ. — Симптомы оппозиціоннаго общественнаго настроенія при Карлѣ X. — Конфликтъ 1830 года.

Мы познакомились съ главными событіями царствованія Людовика XVIII, за исключеніемъ ряда фактовъ, относящихся къ исторіи антибурбонской агитаціи, которые будутъ разсмотрѣны дальше въ другой связи. Въ 1824 г. Людовикъ XVIII умеръ и ему наслѣдовалъ его братъ. Въ лицѣ Карла X ультра-реакціонная партія имѣла теперь своего короля, но, съ другой стороны, и либерализмъ въ эту эпоху сдѣлалъ большіе успѣхи. Крайняя реакція, представителемъ которой былъ Карлъ X, отвратила отъ него часть умѣренныхъ роялистовъ, да и среди самихъ ультра-роялистовъ начался расколъ, вызванный чрезмѣрными притязаніями клерикаловъ, которые въ новомъ королѣ видѣли прямо своего вождя. Все это только содѣйствовало вступленію въ палату болѣе умѣренныхъ элементовъ и усиленію либеральнаго меньшинства. Съ другой стороны, либералы, дѣйствуя посредствомъ печатнаго слова, все болѣе и болѣе овладѣвали общественнымъ мнѣніемъ страны. Если оппозиціонные элементы въ царствованіе Карла X, какъ мы увидимъ, и оставили политику конспиративныхъ приключеній, то это отнюдь не мѣшало происходить довольно частымъ и внушительнымъ манифестаціямъ, изъ которыхъ правительство могло бы хорошо видѣть, что реакція, наступившая послѣ убіенія герцога Беррійскаго, содѣйствовала только оживленію общественнаго сочувствія къ либерализму. Если въ царствованіе менѣе реакціоннаго Людовика XVIII французскій либерализмъ долженъ былъ оставить поле борьбы за своими врагами, то, наоборотъ, при настроенномъ въ духѣ крайней реакціи Карлѣ X либерализмъ, такъ сказать, оправился отъ всѣхъ нанесенныхъ ему пораженій и сдѣлался весьма значительною политическою силою. Въ этой главѣ мы и будемъ имѣть въ виду преимущественно ту роль, какую игралъ либерализмъ въ исторіи реставраціонной эпохи. Поэтому хотя намъ и предстоитъ теперь излагать исторію царствованія Карла X, мы должны будемъ возвращаться къ нѣкоторымъ фактамъ и изъ исторіи предыдущаго десятилѣтія.

Карлу X было уже 67 лѣтъ, когда онъ вступилъ на престолъ. Принимая поздравленія отъ обѣихъ палатъ, онъ заявилъ, что употре-

бить всю свою власть для утвержденія конституціи, и это произвело довольно хорошее впечатлѣніе на общество, хотя приверженность новаго короля къ старымъ формамъ все-таки внушала либераламъ извѣстныя опасенія. Уже раньше министерство Виллеля задумало возбудить законодательнымъ порядкомъ два вопроса въ пользу церковной партіи, идеи которой раздѣлялъ Карлъ X. Законъ, уничтожавшій во Франціи монастыри, не былъ отмѣненъ, а между тѣмъ за десять лѣтъ реставраціи ихъ открылось не малое число вмѣстѣ съ іезуитскими учрежденіями, которымъ тоже не полагалось по закону существовать во Франціи. Министерство сдѣлало теперь предложеніе, чтобы женскіе монастыри, которые могли быть открываемы каждый разъ лишь въ силу спеціальнаго закона, дозволено было открывать только по одному королевскому повелѣнію. Это предложеніе не прошло, но зато прошелъ, хотя и съ большимъ трудомъ, суровый законъ о святотатствѣ, въ защиту котораго Бональдъ говорилъ, что предавать святотатцевъ смертной казни значитъ только отсылать ихъ къ ихъ естественному судьѣ, т.-е. къ самому Богу. Этотъ законъ, ни разу, впрочемъ, не примѣнявшійся на практикѣ, возбудилъ сильное негодованіе въ публикѣ. Въ то же время Карлъ X особенно хлопоталъ о вознагражденіи эмигрантовъ за конфискованныя во время революціи имѣнія, которыя были распроданы и потому не могли быть возвращены своимъ прежнимъ владѣльцамъ. Ультра-роялисты ссылались въ спорѣ съ либералами по этому вопросу на ихъ собственный принципъ, запрещавшій конфискацію имуществъ, и указывали, что вознагражденіе эмигрантовъ за отобранныя у нихъ имѣнія лишь упрочитъ владѣніе новыхъ собственниковъ. Въ свою очередь либералы спрашивали, почему же не распространить право полученія вознагражденія и на потомковъ протестантовъ, имѣнія которыхъ конфисковались послѣ уничтоженія нантскаго эдикта,—и прибавляли, что большая часть имѣній, конфискованныхъ въ революцію, сама составилась изъ болѣе раннихъ конфискацій. Во время революціи, возражали либералы, пострадали не одни эмигранты, а они притомъ вознаграждены уже достаточно тѣмъ, что сдѣлано было для нихъ не только правительствомъ реставраціи, но и Наполеономъ. Самые рьяные изъ ультра-роялистовъ были недовольны министерскимъ проектомъ о денежномъ вознагражденіи въ тысячу милліоновъ франковъ,—съ каковою цѣлью должны быть выпущены на эту сумму государственныя облигаціи,—и требовали, чтобы эмигрантамъ отданы были обратно самыя имѣнія, у нихъ конфискованныя. Послѣ долгихъ и бурныхъ преній министерскій проектъ былъ принятъ палатами и утвержденъ королемъ (1825). Въ томъ же самомъ году Карлъ X торжественно короновался въ Реймсѣ, возобновивъ при этомъ всѣ средневѣковыя церемоніи вплоть до возложенія своихъ рукъ на золотуш-

ныхъ больныхъ для ихъ исцѣленія. Въ то самое время, какъ Викторъ Гюго воспѣвалъ королевскую коронацію, популярный народный поэтъ тогдашней Франціи, Беранже, писалъ „Le sacre de Charles-le-Simple“, въ которомъ осмѣивалъ всю эту церемонію. Въ народѣ вообще на Карла X смотрѣли крайне неблагопріятно за его связи съ духовенствомъ и „конгрегаціей“, и даже составилась легенда, будто король—самъ іезуитъ и по временамъ, надѣвая монашескій капюшонъ, даетъ отчетъ своему духовному начальству о томъ, какъ пользуется своею властью во славу и на благо ордена. Вліяніе духовенства и іезуитовъ на Карла X было и на самомъ дѣлѣ весьма значительно. Чувствуя свою силу, клерикалы теперь подняли голову и начали дѣйствовать съ крайнею нетерпимостью. Духовенство отказывало актерамъ въ христіанскомъ погребеніи, не хотѣло благословлять браковъ съ протестантами, обращало насильно въ католицизмъ протестантскихъ дѣтей и т. п. Торжественное празднованіе юбилейнаго года католической церкви тоже дало поводъ для многихъ проявленій религіознаго фанатизма. Для характеристики тогдашняго настроенія любопытно еще и то, что когда Карлъ X задумалъ провести аристократическій законъ о майоратѣ, противорѣчившій принципу равенства дѣтей однихъ и тѣхъ же родителей, то сами пэры отвергли составленный въ этомъ смыслѣ законопроектъ, и Парижъ, а за нимъ и провинціальные города отпраздновали это событіе иллюминаціей.

Клерикальный характеръ, какой приняла реакція при Карлѣ X, встрѣтилъ оппозицію даже среди самихъ ультра-роялистовъ. Въ господствующей партіи возникъ глубокій расколъ между ея клерикальной и свѣтской фракціями. Между ними даже началась борьба, отъ которой могъ выиграть только либерализмъ. И дѣйствительно, какъ въ парламентскихъ преніяхъ, такъ и въ печати стали заодно выступать и консервативные оппоненты клерикализма, и либералы, видѣвшіе въ усиленіи культурной реакціи новую опасность, съ которой передъ этимъ имъ еще не приходилось встрѣчаться. Въ 1826 году вышла въ свѣтъ „Записка о религіозной и политической системѣ, которая приведетъ къ разрушенію религіи, общества и трона“, написанная гр. Монлозье. Авторъ этой брошюры былъ семидесятилѣтній старикъ, въ эпоху революціи прославившійся своею оппозиціею противъ конфискаціи церковной собственности и противъ гражданскаго устройства духовенства, эмигрировавшій потомъ за границу, а въ эпоху реставраціи выступившій, какъ отчаянный феодалъ. Въ названной запискѣ онъ напалъ на клерикаловъ, назвавъ ихъ „все захватывающею и властолюбивою партіей, ползущею во мракѣ по указаніямъ іезуитовъ, незаконной и безыменной конгрегаціей, вторгающейся во всѣ части свѣтскаго правительства, поддѣлывающейся къ магистратурѣ, подчиняющей

себѣ министровъ, присвоивающей себѣ и отъ себя распредѣляющей всѣ милости, продающей въ Римѣ традиціонныя вольности галликанской церкви, готовой, наконецъ, посредствомъ приверженцевъ своихъ, находящихся во всѣхъ сферахъ правительственной власти, поработить даже королевскую власть, чтобы возвратить подъ опеку мрачной и нетерпимой церкви народъ, утратившій религію, но вмѣстѣ съ тѣмъ доведенный до самаго грубаго суевѣрія". Эта партія, говоритъ еще Монлозье въ своей запискѣ, вноситъ всюду развращеніе. Шпіонство, бывшее прежде денежнымъ ремесломъ низкихъ людей, прославляется, какъ добродѣтель и награждается даже дворянствомъ; конгрегація завладѣла ремесленниками и занялась пріисканіемъ лакеевъ и горничныхъ, которымъ стала выдавать свои одобренія. Она завела даже кабаки, гдѣ вино продается по дешевой цѣнѣ, и упившихся гостей наставляютъ въ благочестіи и т. п. Памфлетъ Монлозье имѣлъ громадный успѣхъ, выдержавъ нѣсколько изданій и сдѣлавшись справочною книгою для членовъ обѣихъ палатъ, которые вели борьбу съ клерикализмомъ. У министра духовныхъ дѣлъ вынуждено было признаніе, что правительство, дѣйствительно, терпитъ существованіе противозаконнаго общества. Королевскій верховный судъ на формальное донесеніе Монлозье о существованіи во Франціи іезуитовъ, прямо отвѣтилъ постановленіемъ о полной противозаконности этого ордена. Двѣ либеральныя газеты были привлечены къ суду за антицерковное направленіе, но судъ ихъ оправдалъ. Зато духовенство, негодовавшее на свободу печати и на независимую юстицію, было утѣшено тѣмъ, что три профессора антиклерикальнаго направленія (между ними Вильменъ и роялистъ Мишо) лишились своихъ мѣстъ, и что епископъ страсбургскій Таренъ, написавшій по примѣру другихъ епископовъ пастырское посланіе, наполненное яростною бранью противъ либераловъ, былъ назначенъ воспитателемъ маленькаго внука короля. Подъ вліяніемъ всей этой исторіи министерство Виллеля выработало проектъ весьма суроваго закона противъ свободы прессы, который, будучи принятъ палатой депутатовъ, встрѣтилъ, однако, сопротивленіе въ палатѣ пэровъ и былъ взятъ правительствомъ обратно.

После выборовъ 1827 г., бывшихъ первымъ успѣхомъ либераловъ, и послѣ перехода министерства отъ Виллеля къ Мартиньяку [1]), началось ослабленіе этой реакціи, и нѣкоторыя мѣры, принятыя въ реакціонный періодъ середины двадцатыхъ годовъ, были даже отмѣнены. По хартіи 1814 президентъ палаты депутатовъ назначался королемъ изъ пяти кандидатовъ, представлявшихся самою палатою. Въ 1827 г. изъ пяти кандидатовъ двое были либералы, и одинъ изъ нихъ, именно

[1]) *E. Daudet*. Le ministère de Martignac. 1875.

Ройе-Колларъ, по представленію министерства, желавшаго расположить въ свою пользу общественное мнѣніе, былъ назначенъ президентомъ. Затѣмъ Мартиньякъ настоялъ на томъ, чтобы въ тронной рѣчи были обѣщаны уступки. Карлъ X все это дѣлалъ очень неохотно и не безъ нѣкотораго сопротивленія. Уже въ первомъ засѣданіи новыхъ министровъ король имъ заявилъ, что разстался съ Виллелемъ съ крайнимъ сожалѣніемъ, прибавивъ къ этому, что общественное мнѣніе, очевидно, обмanулось на счетъ этого министра: „его система, сказалъ король, есть моя система". Между тѣмъ Мартиньякъ именно и не хотѣлъ держаться этой системы, осужденной общественнымъ мнѣніемъ. Если тѣмъ не менѣе Мартиньяку удавалось склонять Карла X къ принятію тѣхъ или другихъ непріятныхъ ему рѣшеній, то лишь посредствомъ угрозы выхода въ отставку. Сама новая палата въ отвѣтномъ адресѣ осудила министерство Виллеля, включивъ въ адресъ по поводу обѣщанныхъ уступокъ слѣдующія строки: „Франція съ глубокимъ вниманіемъ прислушивалась къ памятнымъ словамъ. Она требуетъ отъ исполнителей вашей воли только одного, именно, чтобы благодѣянія ваши дѣйствительно приводились въ исполненіе. Въ своихъ жалобахъ она обвиняетъ прискорбную систему, превращающую ихъ часто въ иллюзію". Карлъ X былъ этимъ крайне раздраженъ, и министрамъ стоило великаго труда отговорить его отъ распущенія палаты. Сами ультра-роялисты, окружавшіе короля, совѣтовали ему теперь до поры до времени вооружиться терпѣніемъ. Благодаря этому, Мартиньяку сдѣлалось возможнымъ провести нѣсколько законовъ, нашедшихъ сочувствіе въ общественномъ мнѣніи, но встрѣченныхъ враждебно ультра-роялистами. И на этотъ разъ опять на сторонѣ министерства, состоявшаго изъ умѣренныхъ роялистовъ, были либералы, а ультра-роялисты снова становились къ правительству въ оппозицію. Пользуясь поддержкой либераловъ и умѣренныхъ консерваторовъ, Мартиньякъ провелъ законы, изъ которыхъ одинъ обезпечивалъ свободу выборовъ отъ административнаго вмѣшательства, другой облегчалъ положеніе печати посредствомъ отмѣны королевскаго дозволенія на изданіе газетъ и права правительства вводить въ случаѣ надобности цензуру путемъ королевскихъ повелѣній, а третій уничтожалъ „черный кабинетъ", гдѣ производилась перлюстрація частной переписки. Кромѣ того, Мартиньяку удалось настоять еще на одномъ важномъ дѣлѣ. Вопросъ о духовныхъ школахъ (petits seminaires) и іезуитахъ, давно служившій предметомъ спора въ палатахъ и въ печати, требовалъ рѣшенія, а между тѣмъ Карлъ X, несмотря даже на желаніе Виллеля подвергнуть разслѣдованію это дѣло, не давалъ на то своего согласія. Мартиньякъ, устранивъ религіозную и политическую сторону вопроса, поручилъ изслѣдовать его съ чисто юридической точки зрѣ-

нія особой коммиссіи изъ членовъ обѣихъ палатъ. Коммиссія нашла, что многія изъ духовныхъ училищъ были основаны безъ разрѣшенія властей и даже вопреки законамъ, и что нѣкоторыя изъ нихъ, гдѣ притомъ учились молодые люди, вовсе не готовившіеся къ принятію духовнаго сана, были содержимы іезуитами. Тогда министерство вынудило у Карла X два ордоннанса, подчинявшіе іезуитскія школы государственному надзору, подъ условіемъ непринадлежности ихъ преподавателей къ какой бы то ни было неразрѣшенной конгрегаціи, и запрещавшіе во всѣхъ церковныхъ школахъ вообще имѣть болѣе двадцати тысячъ воспитанниковъ; директоры этихъ училищъ, назначаемые епископами, должны были утверждаться королемъ, а въ воспитанники могли приниматься только юноши, прямо готовящіеся къ духовному званію. Эти ордоннансы встрѣчены были со стороны духовенства самыми ярыми нападками; въ числѣ порицавшихъ новые законы былъ Ламеннэ, который, какъ уже пришлось упомянуть, сталъ по этому поводу на точку зрѣнія либерализма, объявивъ его „возстаніемъ христіанскаго духа свободы противъ деспотизма свѣтской власти, опирающейся на силу“. И другіе клерикалы и многіе ультра-роялисты стали указывать на то, что ордоннансы противорѣчатъ конституціи, обезпечивающей свободу вѣроисповѣданія и доступъ для всѣхъ французовъ ко всякимъ должностямъ, а потому начали теперь требовать безусловной свободы обученія. Большая часть оппонентовъ обвиняла правительство, впрочемъ, въ томъ, что оно вступило въ союзъ съ безбожіемъ и съ революціей, хотя все дѣло сводилось въ сущности къ установленію правительственнаго контроля надъ школами духовенства и къ принятію мѣръ противъ конкурренціи этихъ школъ съ государственными въ дѣлѣ приготовленія воспитанниковъ къ свѣтскимъ профессіямъ. Клерикальные реакціонеры даже сравнивали самого Карла X съ гонителемъ церкви Діоклетіаномъ. Епископы протестовали—и въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ, что сынъ короля, герцогъ Ангулемскій, жалѣлъ, что онъ не былъ королемъ, когда читалъ протестъ архіепископа парижскаго, въ противномъ случаѣ сидѣть бы архіепископу въ Венсенскомъ замкѣ. Іезуиты, не пожелавшіе подчиниться государству, закрыли свои школы и покинули Францію. Правительство, однако, выхлопотало у папы Льва XII оффиціальное заявленіе о томъ, что ордоннансы не затрогивали духовной власти.

Этотъ эпизодъ указываетъ на то, что клерикалы и ультра-роялисты готовы были на самую рѣзкую оппозицію противъ власти, разъ послѣдняя не шла съ ними рука объ руку. Въ эпоху реставраціи такимъ образомъ повторялось то, что случалось еще и при старой монархіи. Ультра-роялизмъ былъ въ сущности не чѣмъ инымъ, какъ возрожденіемъ консервативной оппозиціи, какую въ XVIII в. встрѣчало

правительство со стороны духовенства и дворянства, каждый разъ, какъ отказывалось быть орудіемъ ихъ сословныхъ интересовъ. Зато оно въ большинствѣ случаевъ находило поддержку въ либералахъ, когда противъ него возставали ультра-роялисты. Скоро, однако, случилось обстоятельство, которое повело къ временному торжеству ультра-роялистовъ. Реставрація оставила въ силѣ наполеоновскую систему назначенія членовъ генеральныхъ совѣтовъ по предложенію префекта министромъ, а муниципальныхъ совѣтниковъ—самимъ префектомъ. Мартиньякъ задумалъ замѣнить эту систему выборами всѣхъ этихъ совѣтниковъ обществомъ, и объ этомъ проектѣ возвѣстила страну тронная рѣчь, которою была открыта сессія палатъ въ началѣ 1829 г. Либералы привѣтствовали восторгомъ эту рѣчь, но роялисты отнеслись къ ней очень враждебно, усмотрѣвъ въ ней новую уступку гибельному духу революціи. Узнавъ, что самъ король совершенно несогласенъ съ содержаніемъ тронной рѣчи, правая воздержалась даже отъ голосованія отвѣтнаго адреса и рѣшила отвергнуть проектъ Мартиньяка. Карлъ X былъ какъ бы въ заговорѣ противъ своего министерства, подбивая роялистовъ не давать согласія на новые законы о муниципальномъ и департаментскомъ самоуправленіи. Тѣмъ болѣе Мартиньяку нужно было теперь искать поддержки у либераловъ, но послѣдніе сдѣлали большую политическую ошибку, не поддержавъ въ данномъ случаѣ министерство. Въ этомъ вопросѣ самымъ страннымъ образомъ перепутались принципы и интересы. Хотя министерскимъ проектомъ мѣстное избирательное право отдавалось лишь самому небольшому числу лицъ, наиболѣе обложенныхъ, и потому должно было быть весьма выгоднымъ крупнымъ землевладѣльцамъ, такъ какъ расширило бы ихъ вліяніе на мѣстную жизнь, тѣмъ не менѣе роялисты видѣли въ возстановленіи мѣстныхъ выборовъ примѣненіе революціоннаго принципа, несогласнаго съ монархическимъ порядкомъ. Съ другой стороны, либералы, которымъ въ силу самаго принципа свободы нужно было бы хлопотать о введеніи самоуправленія, стояли, наоборотъ, на точкѣ зрѣнія централизаціи, отчасти не довѣряя мѣстнымъ силамъ общества, находившимся подъ вліяніемъ представителей крупнаго землевладѣнія, отчасти вслѣдствіе убѣжденія въ спасительности наполеоновской централизаціи. Между прочимъ либералы не только не думали добиваться какого бы то ни было расширенія круга дѣятельности генеральныхъ совѣтовъ, но даже считали необходимымъ совсѣмъ уничтожить это учрежденіе, какъ совершенно будто бы лишнее въ общей системѣ администраціи. Вмѣстѣ съ другими поправками къ законопроекту Мартиньяка коммиссія, его разсматривавшая, внесла и такое предложеніе, но министерство на это не соглашалось и по принципу, и въ виду того, что король не пошелъ бы ни на

какія измѣненія въ законѣ, лишь бы только этимъ затруднить его принятіе. Такъ какъ за поправку тѣмъ не менѣе высказалось большинство, составившееся изъ либераловъ и роялистовъ, то Мартиньякъ, по желанію Карла X, взялъ свои проекты назадъ. Либералы тотчасъ же стали раскаяваться въ томъ, что сыграли въ руку королю и реакціонерамъ, но дѣло было уже непоправимо. Роялисты ликовали, и Карлъ X былъ тоже очень радъ пораженію Мартиньяка. Въ глубинѣ души онъ всегда былъ противъ этого министерства, но считалъ себя вынужденнымъ его терпѣть, такъ какъ оно, по его мнѣнію, оправдывалось составомъ палаты, теперь же, послѣ пораженія Мартиньяка, представилась возможность дать ему отставку. Въ продолженіе нѣкотораго времени король еще держалъ его у власти, хотя отставки его настойчиво требовала вся ультра-роялистическая пресса, и въ обѣихъ палатахъ ультра-роялисты не переставали буквально его травить при каждомъ удобномъ случаѣ. Пораженіе министерства совершилось 8 апрѣля, сессія палатъ была закрыта 31 іюля, и лишь 8 августа „Монитёръ" объявилъ о назначеніи новаго министерства. Мартиньякъ и его товарищи узнали изъ городскихъ слуховъ о готовившейся имъ отставкѣ только тогда, когда новый кабинетъ былъ уже сформированъ. Старые министры одинъ за другимъ отправлялись къ королю и говорили ему объ опасности той политики, которой онъ намѣревался слѣдовать, но имъ всѣмъ была дана отставка, и при прощаніи ихъ даже не поблагодарили.

Во главѣ новаго министерства, менѣе чѣмъ въ одинъ годъ доведшаго Бурбоновъ до потери престола, былъ князь Юлій Полиньякъ. Онъ вмѣстѣ съ будущимъ Карломъ X участвовалъ въ эмиграціи, былъ замѣшанъ въ заговорѣ Жоржа Кадудаля, а въ началѣ второй реставраціи выдвинулся, какъ самый рьяный ультра-роялистъ, отказавшись даже принести присягу хартіи. Карлъ X пытался, но безуспѣшно ввести его въ составъ кабинета Мартиньяка, такъ какъ послѣдній и слышать не хотѣлъ о такомъ товарищѣ. Въ обществѣ смотрѣли на Полиньяка, какъ на человѣка умственно ограниченнаго и малоспособнаго, преданнаго друга іезуитовъ и сторонника абсолютизма. Въ новомъ министерствѣ Полиньякъ получилъ портфель иностранныхъ дѣлъ, но не былъ сдѣланъ президентомъ совѣта министровъ въ виду того, что въ составъ кабинета вошелъ — въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ глава ультра-роялистовъ въ палатѣ депутатовъ Лабурдоннэ, бывшій грозою всѣхъ министерствъ, которыя не шли по дорогѣ крайней реакціи. Незадолго передъ этимъ Полиньякъ, желая защитить себя отъ обвиненія въ абсолютистическомъ образѣ мыслей, заявлялъ въ палатѣ пэровъ о своей преданности хартіи, да и Карлъ X не думалъ о ниспроверженіи конституціи, расчитывая управлять впредь при помощи

ультра-роялистическаго министерства, которое опиралось бы на сочувственное большинство въ палатахъ. Тѣмъ не менѣе возможность рѣзкаго столкновенія королевской власти съ представительствомъ принималась въ расчетъ и самимъ Карломъ X, и новыми министрами. Однажды король даже спросилъ новаго министра Бурмона, человѣка бывшаго весьма непопулярнымъ за свою измѣну Наполеону при Ватерлоо, можно ли будетъ положиться на войско въ случаѣ какихъ-либо затрудненій со стороны палаты. Отвѣтъ Бурмона былъ утвердительный, и Карлу X не понравилась только его оговорка, что войско пойдетъ за правительствомъ ради всякой цѣли, согласной съ хартіей. Король замѣтилъ на эти слова, что какъ ни дурна эта хартія, онъ не намѣренъ ее нарушать. Мы увидимъ еще, какое впечатлѣніе произвело на Францію назначеніе новаго министерства. Многіе прямо ждали государственнаго переворота, и лишь тогда, когда увидѣли, что Полиньякъ ничего не предпринимаетъ, нѣсколько стали успокоиваться. „Г. де-Полиньякъ,—писала въ это время одна газета—человѣкъ, у котораго есть увѣренность и храбрость. Лично онъ даже давно рѣшился, но онъ не знаетъ только — на что. Онъ готовъ сдѣлать все, но онъ ищетъ, что̀ же ему нужно сдѣлать“.

До назначенія Полиньяка ультра-роялисты были въ постоянной оппозиціи правительству, теперь правительство попадало прямо въ ихъ руки, и оно довело Францію до новой революціи. Излагая исторію парламентской борьбы между реакціей и либерализмомъ до 1829 г., мы имѣли въ виду главнымъ образомъ отмѣтить тотъ общій фактъ, что вплоть до паденія министерства Мартиньяка ультра-роялизмъ имѣлъ характеръ не абсолютистической реакціи, а консервативной клерикально-аристократической оппозиціи противъ всѣхъ министерствъ, которыя не желали идти по пути крайнихъ требованій реакціи, чѣмъ, наоборотъ, либералы ставились въ необходимость поддерживать эти самыя министерства. Но либерализмъ боролся противъ реакціи и внѣ палатъ, и его борьба съ реакціей во всѣхъ ея проявленіяхъ имѣла внѣ палатъ характеръ гораздо болѣе рѣшительный, такъ какъ либералы никогда не имѣли большого количества голосовъ въ палатѣ депутатовъ и даже послѣ выборовъ 1827 г. могли играть нѣкоторую роль, лишь благодаря поддержкѣ со стороны умѣренныхъ роялистовъ (такъ называемыхъ „отпавшихъ“). Мы и перейдемъ теперь къ общей исторіи либеральной партіи въ эпоху реставраціи, потому что только дѣятельность либераловъ внѣ палаты депутатовъ и роль ихъ въ жизни общества и въ періодической прессѣ можетъ намъ объяснить подготовку переворота 1830 г.

Въ исторіи либеральной партіи послѣ второй реставраціи нужно вообще различать два періода — до и послѣ 1824 г., что̀ совпадаетъ

съ раздѣленіемъ всей эпохи между царствованіями Людовика XVIII и Карла X. Послѣ вторичнаго возвращенія старой династіи прежнее отношеніе къ ней либераловъ измѣнилось прямо во враждебное, и многіе изъ нихъ, проводя параллель между англійской и французской исторіей, стали даже говорить о неизбѣжности повторенія во Франціи англійской революціи 1689 г. Общій фонъ либеральнаго настроенія составляла ненависть къ возстановленной династіи. „По отношенію къ правительству Бурбоновъ, писалъ въ сентябрѣ 1830 г. („Пятнадцатилѣтняя комедія“) Арманъ Каррель, поклонникъ второй англійской революціи,—у всѣхъ независимыхъ людей было только одно поведеніе — враждебное. Вся политика, какъ для прессы, такъ и для оппозиціи въ палатѣ всегда состояла въ томъ, чтобы хотѣть того, чего правительство не желало, отвергать всякое предлагаемое имъ благодѣяніе, какъ нѣчто скрывающее измѣну, словомъ — сдѣлать для него невозможнымъ какое бы то ни было управленіе, дабы оно пало, и дѣйствительно такова была причина его паденія“. Хотя поведеніе либераловъ въ палатѣ рисуется въ этихъ словахъ не совсѣмъ точно, тѣмъ не менѣе слова эти въ общемъ довольно вѣрно передаютъ то чувство, какое внушали къ себѣ Бурбоны либерально настроеннымъ кругамъ общества. Лишь при такомъ настроеніи и возможны были тѣ заговоры и попытки возстаній, которыми полна исторія царствованія Людовика XVIII. Если при Карлѣ X революціонныя движенія прекращаются, уступивъ мѣсто чисто легальной борьбѣ во имя хартіи, то, съ другой стороны, значительно усиливаются разныя либеральныя демонстраціи, имѣющія для историка значеніе предвѣстій іюльской революціи. Мы еще увидимъ, чѣмъ собственно объясняется такая перемѣна въ исторіи французскаго либерализма той эпохи.

Между либералами образовалось съ самаго начала два оттѣнка: конституціонный и революціонный. Такъ какъ конституціонные либералы сами нерѣдко сознавали свое безсиліе, то не пренебрегали помощью либераловъ революціонныхъ, а эти послѣдніе, тоже не вполнѣ довѣряя своимъ собственнымъ силамъ, искали поддержки и у первыхъ. Вообще либеральныя газеты эпохи реставраціи постоянно проповѣдовали необходимость единенія всѣхъ антиреакціонныхъ группъ, между прочимъ, настаивая на томъ, чтобы лѣвый центръ и крайняя лѣвая держались заодно, и чтобы лѣвый центръ не отпадалъ къ правому центру, т.-е. къ умѣреннымъ консерваторамъ. Въ эпоху реставраціи либеральная партія въ палатѣ депутатовъ выдвинула не мало замѣчательныхъ дѣятелей, каковы Ройе-Колларъ, Бенжаменъ Констанъ, Лафайетъ и др., и нѣкоторые изъ либераловъ палаты (особенно Лафайетъ) даже лично принимали участіе въ тайныхъ обществахъ, ставившихъ себѣ цѣлью низверженіе Бурбоновъ. Заговоры, составлявшіеся

въ эту эпоху, весьма напоминаютъ намъ итальянскій карбонаризмъ, который даже прямо былъ перенесенъ во Францію [1]), и военныя революціи, бывшія вообще тогда въ ходу, такъ какъ въ этомъ политическомъ движеніи участвовало также не мало и недовольныхъ военныхъ наполеоновской эпохи. Сами революціонеры раздѣлялись еще на конституціонныхъ монархистовъ, желавшихъ только перемѣны династіи и измѣненій въ хартіи, на наполеонистовъ и на республиканцевъ. Нерѣдко, однако, они дѣйствовали сообща, лишь бы только добиться низверженія Бурбоновъ, не загадывая впередъ.

Первый такой заговоръ былъ организованъ въ Дофинэ гренобльскимъ адвокатомъ Дидье еще въ 1816 г. Отважный роялистъ въ эпоху революціи, примкнувшій потомъ къ имперіи, онъ въ 1814 г. сдѣлался горячимъ защитникомъ реставраціи, но очень скоро въ ней разочаровался. Пользуясь популярностью имени Наполеона среди солдатъ и крестьянъ, онъ составилъ тайное общество, увѣривъ многихъ, что Австрія будетъ поддерживать возведеніе на престолъ Наполеона II, настоящимъ же его кандидатомъ былъ герцогъ Орлеанскій. Дидье сдѣлалъ попытку овладѣть Греноблемъ, но мѣстныя власти во-время были предупреждены, и нападеніе заговорщиковъ было отбито. Многіе за это поплатились жизнью, и въ ихъ числѣ былъ самъ Дидье. Онъ успѣлъ-было спастись въ Савойю, но сардинское правительство выдало его Франціи. Въ числѣ казненныхъ за эту попытку находился одинъ десятилѣтній мальчикъ. Кромѣ того, въ 1816 — 1817 гг. было еще нѣсколько мелкихъ заговоровъ, изъ которыхъ иные, впрочемъ, чуть ли не были устроены самими шпіонами, такимъ способомъ открывшими неблагонамѣренныхъ людей. Въ Парижѣ возникла особая „Унія“ (Union), поставившая своею цѣлью распространять либеральныя сочиненія, поддерживать оппозиціонныя газеты и вліять на выборы; къ этому обществу примкнуло не мало людей изъ образованной и зажиточной буржуазіи. Около двухъ лѣтъ существовало рядомъ съ нимъ, преслѣдуя тѣ же цѣли, но совершенно явное „Общество друзей свободы печати“, въ составъ котораго входили герцогъ Броль, Лафайетъ, Манюэль и др., но оно скоро было закрыто правительствомъ. Нѣкоторые изъ его членовъ (главнымъ образомъ Лафайетъ) все-таки продолжали свою дѣятельность въ тайномъ „комитетѣ дѣйствія“ (comité d'action), поставившемъ своею цѣлью содѣйствовать перемѣнѣ династіи. Одно изъ предпріятій этого комитета заключалось въ слѣдующемъ. Въ 1817 г. жившіе въ Брюсселѣ враги реставраціи, въ числѣ которыхъ были и старые члены конвента, составили планъ

---

[1]) Во Францію карбонаризмъ проникъ около 1820 г., сохранивъ и свое названіе (charbonniers).

Парижскій революціонный комитетъ воспользовался этими обстоятельствами, чтобы возобновить свою дѣятельность. Начались новые заговоры, и, быть можетъ, они-то окончательно и заставили правительство —для предупрежденія новыхъ попытокъ возстанія—двинуть армію на Пиренейскій полуостровъ. На этотъ разъ заговоръ заключался въ томъ, чтобы армія отказалась идти на Испанію и направилась на Парижъ, какъ говорилось въ сдѣлавшейся весьма популярной среди солдатъ пѣсенкѣ Беранже съ припѣвомъ: „налѣво-кругомъ". Именно по ту сторону испанской границы французскую армію долженъ былъ встрѣтить отрядъ бѣглецовъ подъ начальствомъ полковника Фавье (Favier) съ императорскими орлами и съ трехцвѣтными знаменами и увлечь своимъ видомъ солдатъ, которые послѣ этого и должны были повернуть назадъ. Нѣкоторые генералы и офицеры, отправлявшіеся въ Испанію, были посвящены въ этотъ планъ и обѣщали свое содѣйствіе. Но и изъ этого тоже ничего не вышло. Французскій авангардъ прибылъ къ пограничной рѣкѣ Бидассоа раньше, чѣмъ Фавье успѣлъ сдѣлать всѣ приготовленія къ встрѣчѣ. Потерявъ затѣмъ нѣсколько человѣкъ убитыми пушечнымъ выстрѣломъ, пущеннымъ по приказанію одного генерала, Фавье долженъ былъ обратиться въ бѣгство. Легкіе успѣхи въ Испаніи покрыли французскую армію славою и подъ бѣлымъ знаменемъ Бурбоновъ. Армія теперь примирилась съ династіей, одинъ изъ членовъ которой, герцогъ Ангулемскій, притомъ командовалъ всѣми военными силами этой экспедиціи. Съ другой стороны, военные были недовольны тѣмъ, что во всѣхъ прежнихъ заговорахъ попадались въ качествѣ виновныхъ только ихъ товарищи, тогда какъ настоящіе зачинщики оставались безнаказанными.

Вскорѣ и сами революціонные либералы увидѣли, что ни одна изъ ихъ попытокъ ни къ чему не приводитъ, и отказались отъ дальнѣйшаго продолженія революціонной дѣятельности, тѣмъ болѣе, что не находили теперь сочувствія и поддержки со стороны конституціонныхъ либераловъ. Дѣйствительно, такіе люди, какъ Ройе-Колларъ или Бенжаменъ Констанъ, отказывались отъ участія въ какихъ бы то ни было нелегальныхъ дѣйствіяхъ, и ихъ взглядъ раздѣлялся другими либеральными дѣятелями. Гизо [1]), занимавшій въ эпоху реставраціи каѳедру исторіи въ Сорбоннѣ (съ перерывомъ въ эпоху министерства Виллеля), впослѣдствіи писалъ, что „ни дѣйствія правительства, ни его планы не нарушали правъ и интересовъ страны и не угрожали имъ въ столь сильной степени, чтобы оправдывать такое настойчивое стремленіе къ ниспроверженію существующаго политическаго строя.

[1]) О немъ см. *De Witt.* M. Guizot dans sa famille et avec ses amis. 1880.—*Jules Simon.* Thiers, Guizot, Rémusat. 1885.—*Bardoux.* Guizot (въ коллекціи Les grands écrivains français). 1894.

Всѣ великія учрежденія, прибавляетъ онъ, оставались неприкосновенными; общественныя вольности продолжали развиваться, несмотря на нападки на нихъ; законный порядокъ ни въ чемъ не былъ нарушенъ; страна благоденствовала и развивалась. Были, правда,—оговаривается онъ, однако,—были, правда, причины, вызывавшія правильную и открытую оппозицію, но не было ни одной, оправдывавшей заговоръ и революцію". Такъ смотрѣли на дѣло и многіе другіе конституціонные либералы. Какъ бы тамъ ни было, послѣ неудачи съ заговоромъ во время испанской войны путь революціи былъ оставленъ, и лозунгомъ всѣхъ либераловъ сдѣлалась легальная оппозиція въ палатахъ и въ прессѣ въ защиту хартіи 1814 г. и основывавшейся на ней свободы. Съ дѣятельностью либераловъ въ палатѣ мы отчасти познакомились. Прибавимъ, что имъ нерѣдко приходилось въ замѣчательныхъ рѣчахъ, къ которымъ прислушивалась вся Франція, отстаивать принципы личной и общественной свободы и протестовать противъ крайностей реакціи. Небольшая группа либераловъ, къ которой принадлежали герцогъ де-Броль и Ройе-Колларъ и примыкалъ Гизо, составила изъ себя особую партію доктринеровъ, стремившуюся примирить требованія свободы съ требованіями порядка и конституціонный режимъ—съ сильною правительственною властью; они представляли собою умѣренный либерализмъ, главнымъ проводникомъ идей котораго въ прессѣ и сдѣлался Гизо. Гораздо болѣе разнообразными и вліятельными были тѣ проявленія либерализма, которыя существовали въ тогдашней французской литературѣ.

Въ эпоху реставраціи, особенно въ двадцатыхъ годахъ, либеральная часть французскаго общества выдвинула цѣлый рядъ замѣчательныхъ писателей на разныхъ поприщахъ литературы, которые оказывали большое вліяніе на образованные общественные круги и въ числѣ которыхъ было нѣсколько человѣкъ, могущественно дѣйствовавшихъ на публику и живымъ словомъ въ качествѣ популярныхъ лекторовъ. Это было время эклектической философіи, основывавшей политическую свободу на моральномъ чувствѣ; время либеральной исторіографіи, занимавшейся средневѣковою борьбою горожанъ за свободу и ростомъ третьяго сословія, возникновеніемъ представительныхъ учрежденій и развитіемъ англійскаго парламента, изображеніемъ политической борьбы въ Англіи въ XVII в. и оправданіемъ французской революціи; время превращенія роялистическаго реакціоннаго романтизма въ романтизмъ либеральный и прогрессивный; время, когда въ политической литературѣ все болѣе и болѣе выяснялся принципъ свободы и, наконецъ, время, какъ мы еще увидимъ, возникновенія новыхъ соціальныхъ ученій,—словомъ, время очень живое, когда вся умственная дѣятельность націи имѣла глубоко обществен-

ный характеръ. Весьма видную роль играла въ эту эпоху и либеральная публицистика, находившаяся въ самомъ тѣсномъ сродствѣ съ политическими теоріями, философіей, исторіографіей и изящной литературой своего времени. Несмотря на неблагопріятныя условія, въ какія по временамъ реакція ставила періодическую прессу, послѣдняя дѣлала свое дѣло и пріобрѣтала все большее и большее вліяніе на умы, воспитывая общество въ идеяхъ свободы и законности. Правительство не могло не считаться съ тѣмъ значеніемъ, какое пріобрѣла пресса, и Виллель сдѣлалъ даже попытку скупить на государственный счетъ возможно большее количество оппозиціонныхъ (либеральныхъ и ультра-роялистическихъ) газетъ, для чего потребовалось нѣсколько милліоновъ, которые были взяты изъ секретнаго фонда и изъ средствъ министерства двора. Виллелю удалось такимъ путемъ пріобрѣсти нѣсколько изданій крайней правой, но въ одномъ случаѣ онъ встрѣтился съ прямымъ сопротивленіемъ. Ультра-роялистъ Мишо, главный собственникъ и редакторъ „Quotidienne", не согласился на предложенную ему сдѣлку и былъ насильственно изгнанъ изъ редакціи; онъ пожаловался въ судъ, и послѣдній возстановилъ его во всѣхъ его правахъ. Попытка создать правительственную прессу не была въ общемъ особенно удачной, и въ самый неудобный моментъ для оппозиціонной печати, именно при дѣйствіи закона 1822 г., у шести наиболѣе важныхъ правительственныхъ органовъ подписчиковъ было лишь 14 тысячъ, тогда какъ шесть наиболѣе видныхъ оппозиціонныхъ газетъ расходились путемъ подписки въ количествѣ, превышавшемъ 40 тысячъ экземпляровъ. Преслѣдуемыя передъ судомъ, оппозиціонныя газеты нерѣдко оправдывались; зато въ случаяхъ наложенія наказаній правительство иногда прибѣгало къ излишнимъ строгостямъ: извѣстенъ, напр., надѣлавшій много шуму поступокъ съ адвокатомъ Магаллономъ, редакторомъ „Альбома", который, будучи приговоренъ къ тюремному заключенію, при переводѣ изъ одной тюрьмы въ другую, былъ закованъ въ общія кандалы съ однимъ каторжникомъ.

Не имѣя возможности останавливаться на характеристикѣ хотя бы только наиболѣе видныхъ либеральныхъ газетъ эпохи, мы отмѣтимъ лишь два изданія, особенно важныя для характеристики стремленій тогдашняго либерализма. Въ 1824 г. сталъ выходить въ свѣтъ „Le Globe", сразу занявшій весьма вліятельное положеніе въ образованномъ обществѣ. Это было изданіе, въ которомъ участвовало главнымъ образомъ молодое поколѣніе, воспитавшееся уже въ духѣ новыхъ идей. Въ области философіи сотрудники „Le Globe" придерживались эклектическаго спиритуализма Кузена, въ области поэзіи и критики они были приверженцами романтизма, съ моральными же и эстетиче-

скими воззрѣніями обѣихъ школъ они соединяли либеральныя стремленія и то пониманіе французской революціи, представительницей котораго въ первые годы реставраціи была г-жа Сталь. Но особенно важенъ былъ „Le National“, основанный въ январѣ 1830 г. Тьеромъ, Минье и Армакомъ Каррелемъ. Двое первыхъ были авторами извѣстныхъ исторій французской революціи, третій написалъ „Исторію контръреволюціи въ Англіи“. Тьеръ послѣ окончанія своего труда задумалъ большую исторію цивилизаціи и для этой цѣли не только изучалъ разныя науки, но даже собирался предпринять кругосвѣтное плаваніе съ капитаномъ Лапласомъ, но когда Полиньякъ былъ сдѣланъ министромъ, онъ остался во Франціи, говоря, что теперь дѣло не въ томъ, чтобы заниматься наукой, а въ томъ, чтобы вести борьбу. Задачей новаго органа либеральной прессы было всячески содѣйствовать низверженію династіи Бурбоновъ, для передачи короны герцогу Орлеанскому. „Le National“ старался выводить изъ хартіи такія слѣдствія, при которыхъ легитимному правительству оставалось бы прибѣгнуть къ государственному перевороту. Это новое либеральное изданіе заняло совсѣмъ другое положеніе, чѣмъ „Le Globe“, не шедшій такъ далеко въ своихъ политическихъ стремленіяхъ, тѣмъ болѣе, что „Le Natonal“ былъ противникомъ и романтической школы. Извѣстно, какую роль эта газета и ея редакторъ Тьеръ съиграли въ переворотѣ 1830 г.

Общее значеніе либеральной печати заключалось въ томъ, что она поддерживала въ обществѣ недовѣріе къ Бурбонамъ. Ея характеръ былъ боевой. Такимъ же характеромъ въ эту эпоху отличалась еще дѣятельность двухъ весьма популярныхъ писателей—Беранже и Курье. Первый, настоящій народный поэтъ Франціи, въ своихъ пѣсенкахъ, быстро распространившихся въ самой разнообразной публикѣ, былъ живымъ воплощеніемъ недовольства легитимизмомъ и клерикализмомъ, которое онъ и подвергалъ своей остроумной, чисто вольтеровской насмѣшкѣ [1]). Два раза въ двадцатыхъ годахъ онъ по приговору суда за свои сборники пѣсенъ сидѣлъ въ тюрьмѣ (въ первый разъ три, во второй девять мѣсяцевъ) и заплатилъ болѣе 10 т. франковъ штрафа. Въ томъ же антибурбоновскомъ и антиреакціонномъ направленіи писалъ и замѣчательный памфлетистъ эпохи, Поль-Луи Курье. Это былъ въ молодости однимъ изъ воиновъ революціи, сражавшихся „за свободу народовъ“. Въ 1816 г. онъ выступилъ противъ реакціи, давшей себя, какъ извѣстно, уже хорошо знать около этого времени. „Авторитетъ, писалъ онъ тогда,—вотъ великое слово во Франціи. Въ другихъ мѣстахъ ссылаются на законъ, у насъ—на авторитетъ. Конечно, это не есть авторитетъ ни соборовъ, ни отцовъ церкви, ни того еще менѣе

---

[1]) О чемъ соч. *Arnould, Janin* и др.

юрисконсультовъ, но это авторитетъ жандармовъ, который почище всякаго другого". Онъ иронизировалъ (1819 г.) надъ хартіей по поводу произвола префектовъ: „когда васъ засадятъ, хартія васъ не вытащитъ (изъ тюрьмы). Тамъ вы вволю можете намечтаться объ индивидуальной свободѣ". Въ своихъ остроумныхъ памфлетахъ онъ нападалъ и на феодальные предразсудки и притязанія дворянства, и на нетерпимость и ханжество духовенства, на традиціи легитимизма и т. п., отзываясь одновременно и на разныя мелкія злобы дня. За свои смѣлыя выходки ему не разъ приходилось защищаться передъ судомъ и даже подвергаться, какъ и Беранже, наказанію. Послѣ его смерти (1825) его сочиненія были изданы въ Брюсселѣ (1826), а потомъ въ Парижѣ (1828), продолжая пользоваться громадною популярностью. Между прочимъ Курье при каждомъ удобномъ случаѣ показывалъ народу, какая еще у него остается надежда. Надеждою настоящей свободы и для Курье былъ герцогъ Орлеанскій, котораго онъ всегда изображалъ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ по сравненію со старшей линіей Бурбоновъ.

Либеральные публицисты двадцатыхъ годовъ вообще постоянно поддерживали недовольство Бурбонами, и такъ какъ почти вся либеральная пресса или наиболѣе, по крайней мѣрѣ, вліятельная ея часть стояла главнымъ образомъ на точкѣ зрѣнія конституціонной монархіи, то, понятно, идея о перемѣнѣ династіи была довольно распространенною въ обществѣ. При Людовикѣ XVIII дѣлались даже попытки осуществленія этой мысли путемъ революціонныхъ заговоровъ, но съ 1824 г., какъ мы видѣли, заговоры прекратились, тѣмъ болѣе, что либералы стали все болѣе и болѣе проникаться взглядомъ доктринеровъ, которые, высказываясь за „духъ, выросшій изъ революціи", были, однако, рѣшительными противниками „революціоннаго духа". Послѣ прекращенія заговоровъ съ цѣлью совершенія военнаго переворота наполеонисты перестали совсѣмъ играть роль въ политикѣ, да и республиканцы тоже стушевались, а у либеральныхъ монарховъ является новая тактика — при каждомъ удобномъ случаѣ показывать правительству, что хартія 1814 года имѣетъ массу защитниковъ, и что нація прежде всего требуетъ строгаго соблюденія конституціи. Во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ вообще довольно часто представлялись поводы для разныхъ либеральныхъ манифестацій. Осенью 1825 г. Парижъ съ особымъ почетомъ хоронилъ генерала Фуа, бывшаго однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей либеральной партіи въ палатѣ депутатовъ. Въ процессіи участвовала внушительная толпа народа, а въ пользу семьи покойнаго была открыта національная подписка, давшая цѣлый милліонъ. Когда палата пэровъ отвергла проектъ закона о майоратахъ, въ Парижѣ, какъ было уже упомянуто, это со-

бытіе отпраздновали иллюминаціей. Въ 1827 г. умеръ одинъ либеральный пэръ, восьмидесятилѣтній герцогъ Ларошфуко-Ліанкуръ, и опять рѣшено было устроить на его похоронахъ либеральную манифестацію. Полиція хотѣла помѣшать задуманной демонстраціи, и дѣло дошло до свалки, во время которой гробъ упалъ на мостовую, что привело въ негодованіе и все общество, и въ частности палату пэровъ. Въ это время Виллель проводилъ самые реакціонные законы противъ печати; боясь послѣ такого происшествія отверженія закона палатой пэровъ, министерство взяло назадъ свой проектъ, и это снова было отпраздновано въ Парижѣ и въ другихъ городахъ иллюминаціями, фейерверками, торжественными шествіями съ музыкой и пѣніемъ. Вскорѣ послѣ этого Карлъ X дѣлалъ смотръ національной гвардіи на Марсовомъ полѣ. Короля привѣтствовали съ восторгомъ за взятіе назадъ министерскаго проекта, но къ крикамъ: vive le roi! примѣшивалось не мало и криковъ: vive la charte! Когда одинъ національный гвардеецъ рѣшился чуть не въ лицо королю повторить послѣднія слова, Карлъ X нахмурился, что не прошло незамѣченнымъ для кричавшаго. „Развѣ васъ оскорбляетъ, что привѣтствуютъ конституцію?“ спросилъ онъ. „Я, отвѣчалъ ему на это король, пріѣхалъ сюда для того, чтобы выслушивать привѣтствія, а не наставленія“,—и вся національная гвардія единодушно закричала: „да здравствуетъ король!“ Карлъ X въ концѣ концовъ былъ такъ доволенъ смотромъ, что, вернувшись домой, приказалъ одному изъ приближенныхъ составить дневной приказъ съ выраженіемъ королевскаго благоволенія къ національной гвардіи. Тогда онъ не зналъ еще, что послѣ его отъѣзда двѣ принцессы (герцогини Ангулемская и Беррійская), присутствовавшія на смотру въ коляскѣ, были освистаны при крикахъ: „долой министерство! долой іезуитовъ!“ Съ тѣми же криками и съ крикомъ: „долой Виллеля!“ часть національной гвардіи прошла мимо отеля министра. Послѣ этого обѣ принцессы и особенно Виллель настояли на томъ, чтобы Карлъ X распустилъ національную гвардію. 30 апрѣля появился королевскій ордоннансъ, распускавшій національную гвардію, что послужило поводомъ для произнесенія въ палатѣ нѣсколькихъ рѣзкихъ рѣчей. Осенью того же 1827 г. и происходили общіе выборы въ палату депутатовъ, оказавшіеся весьма выгодными для либераловъ. Такой результатъ былъ достигнутъ, благодаря, между прочимъ, обществу „Aide-toi, le ciel t'aidera“, которое было основано прямо съ цѣлью оказывать вліяніе на выборы въ оппозиціонномъ смыслѣ. Когда въ Парижѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что въ самой столицѣ одержали побѣду всѣ оппозиціонные кандидаты, это было отпраздновано шумнымъ восторгомъ. Была устроена иллюминація, при чемъ народъ выбивалъ стекла во всѣхъ неосвѣщенныхъ окнахъ; потомъ дѣло до-

шло до попытокъ сооруженія баррикадъ и до уличныхъ схватокъ съ полиціей и войсками. Это обстоятельство указывало на революціонное настроеніе парижскаго населенія. Министерство Мартиньяка съумѣло нѣсколько успокоить страсти, но едва только министромъ былъ назначенъ Полиньякъ, какъ тотчасъ же не только въ Парижѣ, но и въ провинціи все болѣе и болѣе сталъ проявляться оппозиціонный духъ. Въ разныхъ городахъ стали основываться общества сопротивленія взиманію налоговъ на случай уничтоженія хартіи, а проѣздъ Лафайета черезъ нѣкоторыя мѣстности превратился въ настоящій тріумфъ: во время его чествованія говорились рѣчи и предлагались тосты, заключавшіе въ себѣ уже угрозы. Правительство начало рядъ процессовъ противъ общества сопротивленія, но суды большею частью оправдывали эти общества, не находя ихъ противными конституціи, или же налагали на нихъ самыя легкія наказанія за оскорбленіе правительства заподозрѣваніемъ его въ противоконституціонныхъ замыслахъ. Оправданъ былъ судомъ и „Journal des Débats" за статью по случаю назначенія Полиньяка, оканчивавшуюся восклицаніями: „Бѣдная Франція! Бѣдный король!"

Въ 1830 г. дѣло дошло наконецъ до конфликта между династіей и націей. Не излагая здѣсь исторіи этого конфликта, напомнимъ лишь главнѣйшіе факты. 2 марта Карлъ X открылъ сессію палатъ тронною рѣчью, въ которой заключалась несомнѣнная угроза представительству. Палата депутатовъ отвѣчала на нее адресомъ, содержавшимъ въ себѣ горькіе упреки и принятымъ, несмотря на свое содержаніе, 221 голосомъ противъ 181. Карлъ X на другой день послѣ представленія ему адреса (18 марта) объявилъ отсрочку засѣданій палатъ до 3 сентября, но черезъ два мѣсяца (16 мая) былъ обнародованъ королевскій ордоннансъ, распускавшій палату и назначавшій новые выборы, при чемъ самъ король обратился къ націи съ жалобой на распущенную палату. Большая часть 221 депутата тѣмъ не менѣе были переизбраны, и къ нимъ прибавилось еще нѣсколько оппозиціонныхъ депутатовъ. Карлъ X рѣшился тогда распустить и эту новую палату, прежде нежели она успѣла собраться, назначить новые выборы, своею властью измѣнивъ избирательный законъ въ пользу представителей крупнаго землевладѣнія, и уничтожить свободу печати. 26 іюля съ такимъ именно содержаніемъ были обнародованы королевскіе ордоннансы, вызвавшіе въ слѣдующіе дни (27, 28, 29 іюля) народное возстаніе, за которымъ послѣдовало паденіе легитимной монархіи и возведеніе на престолъ герцога Орлеанскаго подъ именемъ Людовика-Филиппа, короля французовъ [1]).

---

[1]) Подробное изложеніе іюльской революціи во 2 главѣ V тома.

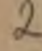
XX. Происхожденіе англійской реакціи конца XVIII и начала XIX вѣка [1]).

Англія и французская революція.—Особое положеніе Англіи въ Западной Европѣ въ новое время.—Революція 1789 г. и ея англійскіе прецеденты.—Господство олигархіи въ Англіи.—Составъ англійскаго парламента.—Подкупы при выборахъ въ члены парламента и необходимость парламентской реформы.—Общій взглядъ на исторію англійскихъ политическихъ партій.—Преобладаніе торійской партіи въ концѣ XVIII и началѣ XIX в.—Отношеніе англичанъ къ французской революціи.—«Размышленія о революціи во Франціи» Берка.—Внутренній застой въ Англіи подъ вліяніемъ французской революціи.—Очеркъ войны Англіи съ Франціей.—Вліяніе войны на взаимныя отношенія англійскихъ партій.

Въ исторіи той культурной и политической реакціи, которая была вызвана французской революціей, должна занять мѣсто и Англія, несмотря на то, что исторія этой страны въ общемъ, такъ сказать, разошлась съ исторіей континентальныхъ государствъ. Во внутренней жизни Англіи XVIII в. не существовало явленій, совокупность которыхъ составляетъ такъ называемый „старый порядокъ" въ другихъ странахъ Западной Европы, и потому революція, которая была направлена противъ явленій, въ Англіи не существовавшихъ, казалось бы, и не должна была бы вызывать противъ себя реакціи въ нѣдрахъ англійскаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, континентальный „старый порядокъ" былъ соединеніемъ политическаго абсолютизма съ соціальнымъ феодализмомъ, въ Англіи же не было ни того, ни другого. Можно даже сказать, что революція передѣлывала государство и общество на континентѣ именно въ томъ самомъ направленіи, которое должно было приблизить ихъ къ англійскому политическому и общественному строю, и тѣмъ пе менѣе реакція противъ французской революціи возникла и въ Англіи.

---

[1]) *Green.* History of the english people. 1880 (вторая половина IV тома; есть французскій и русскій переводы). *Pauli* (выше, стр. 10). — Reynald (выше, стр. 10). — *Martineau.* History of England (1816 — 1846). 1849. — *J. Ersquine May.* Constitutional history of England (изложеніе начинается съ 1760 и доходитъ до 1860; есть переводы французскій и нѣмецкій).—*Todd.* On parliamentary government in England (франц. пер. 1900 г.). — *Glasson.* Histoire gouvernementale de l'Angleterre jusqu'a 1830.—*Spencer-Walpole.* History of England from the conclusion of the great war in 1815. 1878—1890.—*Rémusat.* Etudes sur l'Angleterre au XVIII siècle (здѣсь есть довольно много о вліяніи французской революціи на Англію).— *A. Chervillon.* Sydney Smith et la renaissance des idées liberales en Angleterre au XIX siècle. 1894.—*Тэккерей.* Четыре Георга.—Кромѣ того, есть сочиненія по экономической и соціальной исторіи Англіи въ эту эпоху, которыя указываются въ своемъ мѣстѣ въ слѣдующемъ отдѣлѣ настоящаго тома (гл. XXII).

Французская революція, разрушавшая сословный строй общества и неограниченную королевскую власть въ государствѣ,—эти двѣ самыя основныя стороны „стараго порядка“, — въ концѣ концовъ осуществляла или стремилась осуществить то, что̀ въ Англіи давнымъ-давно составляло главный законъ соціальной и политической жизни. Англія не знала въ XVIII вѣкѣ „стараго порядка“ въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы употребляемъ это слово по отношенію къ другимъ странамъ Западной Европы. Въ предыдущіе періоды исторіи, начиная еще съ среднихъ вѣковъ, Англія не выработала у себя такого сословнаго строя, какой существовалъ на материкѣ, и гражданское равенство въ тѣсномъ значеніи слова—равенство передъ закономъ — установилось въ Англіи задолго до того времени, когда на материкѣ къ нему стало обнаруживаться сколько-нибудь сильное стремленіе. То безсословное гражданство, которое во Франціи основано было революціей, и отсюда, благодаря революціоннымъ войнамъ и владычеству Наполеона, стало распространяться и въ другихъ странахъ, въ сущности было не чѣмъ инымъ, какъ тѣмъ общественнымъ строемъ, какой былъ выработанъ въ Англіи всею ея предыдущею исторіей. На материкѣ Западной Европы въ соціальномъ смыслѣ мы различаемъ при „старомъ порядкѣ“, во-первыхъ, привилегированное дворянство, сильное, кромѣ сословныхъ правъ, своею поземельною собственностью; во-вторыхъ, средній

классъ общества (буржуазію), поставленный въ менѣе благопріятное положеніе, и, въ-третьихъ, народную массу, находившуюся въ прямой юридической зависимости отъ привилегированныхъ, которые обладали феодальными правами и даже пользовались властью господъ надъ крѣпостными. Для англійскаго общества въ XVIII в. пришлось бы установить нѣсколько иную классификацію, такъ какъ дворянства въ континентальномъ смыслѣ въ ней не существовало, буржуазія не была принижена передъ обладателями крупной поземельной собственности, а сельская народная масса была юридически вполнѣ свободна по отношенію къ крупнымъ землевладѣльцамъ. Благодаря отсутствію сословныхъ перегородокъ въ общественномъ быту еще въ исходѣ среднихъ вѣковъ и благодаря тому, что пользованіе политическими правами въ видѣ права избирать въ парламентъ представителей основано было на имущественномъ цензѣ, здѣсь представители крупнаго землевладѣнія, являвшіеся на материкѣ обладателями главныхъ соціальныхъ привилегій, и представители промышленности и торговли, занимавшіе на материкѣ подчиненное положеніе въ обществѣ, сливались въ одинъ правящій классъ, сильный экономически и политически господствующій, но въ то же время юридически ничѣмъ не отличавшійся отъ остальной народной массы, поскольку въ Англіи отсутствовало чисто сословное право, какое господствовало на материкѣ. Если

между двумя главными частями правящаго класса—землевладѣльцами и капиталистами—и существовало извѣстное соперничество, то оно не было соперничествомъ людей, обладавшихъ разными правами, соперничествомъ дворянина и плебея, а соперничествомъ людей съ разными экономическими интересами, т.-е. извлекавшихъ доходъ изъ разныхъ источниковъ, вслѣдствіе чего эти интересы во многихъ случаяхъ могли приходить въ столкновеніе между собою. Мало того: въ Англіи представители промышленности и торговли не только сравнялись съ представителями землевладѣнія, но даже стали получать надъ ними до извѣстной степени преобладаніе, и англійская буржуазія еще въ XVIII в. занимала уже то положеніе, котораго, напр., французская буржуазія стала добиваться лишь во время революціи. Итакъ, то, что̀ лишь революція начала производить въ соціальномъ отношеніи на материкѣ, въ Англіи уже было совершено предыдущимъ историческимъ развитіемъ ея общественнаго строя, и съ этой стороны принципамъ 1789 г. въ Англіи дѣлать было совершенно нечего. Если тѣмъ не менѣе и здѣсь революція вызвала большія опасенія, то, какъ мы это увидимъ дальше, основанія для нихъ были совсѣмъ иныя, нежели тѣ, которыя заставляли привилегированныхъ на материкѣ относиться съ ненавистью и страхомъ къ французскимъ событіямъ конца XVIII в.

И въ политическомъ отношеніи Англія занимала особое положеніе среди другихъ европейскихъ націй. Въ этомъ государствѣ не только не выработалось сословнаго строя, ликвидація котораго началась на материкѣ въ XVIII столѣтіи, но и не могъ установиться тотъ политическій абсолютизмъ, который одержалъ побѣду въ большей части континентальныхъ странъ и противъ котораго вмѣстѣ съ сословными привилегіями, съ нимъ сросшимися, направлено было революціонное движеніе эпохи. То, къ чему Франція въ политическомъ отношеніи стала стремиться передъ революціей и что̀ послѣдняя должна была въ ней осуществить, опять-таки было въ Англіи уже весьма прочнымъ пріобрѣтеніемъ государственной жизни. Чтобы отстоять свою политическую свободу отъ покушеній со стороны абсолютизма, въ XVII вѣкѣ торжествовавшаго почти повсемѣстно на материкѣ, англійскій народъ долженъ былъ на разстояніи одного полувѣка (1640—1689) пережить двѣ революціи, и изъ борьбы, возникшей на этой почвѣ, онъ вышелъ съ полною побѣдою. Въ XVIII столѣтіе Англія перешла, вполнѣ обезпечивъ на будущее время свою политическую свободу, а въ первой половинѣ этого вѣка и еще болѣе усовершенствовала свои политическія учрежденія. Въ эпоху совершенной дезорганизаціи законодательной власти въ континентальныхъ странахъ англійскій парламентъ, какъ учрежденіе законодательное, функціонировалъ совершенно правильно, несмотря на многіе свои недостатки, а благо-

даря возникновенію парламентарнаго министерства, установились въ Англіи и нормальныя отношенія между законодательною и исполнительною властями. Возведенная на степень закона отвѣтственность министровъ обезпечивала націю отъ возможности такого произвола, съ какимъ правительства другихъ странъ пользовались своею властью въ эпоху „стараго порядка“. Наконецъ, въ то самое время, когда на материкѣ были совершенно подавлены личная и общественная свобода, въ Англіи, благодаря господству права, сдѣлавшемуся основнымъ принципомъ ея государственной жизни, и отдѣльная личность, и все общество пользовались весьма широкою свободою. Извѣстно, какое значеніе получила поэтому Англія для французовъ XVIII вѣка, какъ страна индивидуальной и политической свободы; извѣстно, что и многія начала „просвѣщенія“ XVIII в. были ими заимствованы прямо изъ англійской литературы конца XVII и начала слѣдующаго столѣтій. Истинный родоначальникъ французскаго либерализма, Монтескье, былъ поклонникомъ англійской конституціи и сдѣлался первымъ пропагандистомъ ея принциповъ въ современномъ ему обществѣ. Среди дѣятелей революціи было также не мало сторонниковъ англійскаго государственнаго устройства, и, наприм., Мирабо особенно ясно понималъ хорошія стороны парламентарнаго министерства. Составители конституціи 1791 г., не подражая слѣпо тому, что̀ представлялъ изъ себя политическій строй Англіи, тѣмъ не менѣе хотѣли перенести во Францію многія начала, лежавшія въ основѣ именно этого самаго строя. Но особенно важное значеніе получила англійская конституція въ глазахъ либераловъ начала XIX вѣка. Достаточно указать на то, что по ея образцу были составлены въ 1814 и 1815 гг. три новыя французскія конституціи [1]), что вообще конституціонныя теоріи той эпохи основаны были почти исключительно на изученіи дѣйствующаго государственнаго права Англіи, какъ это можно видѣть изъ разсмотрѣнія политическаго ученія Бенжамена Констана, и что, наконецъ, либеральные историки двадцатыхъ годовъ съ особеннымъ усердіемъ занимались изслѣдованіемъ происхожденія и развитія англійскихъ государственныхъ учрежденій. Въ концѣ концовъ, слѣдовательно, французская революція,—поскольку она стремилась замѣнить абсолютизмъ, царившій на континентѣ, конституціонной монархіей, которая въ Англіи давнымъ-давно была уже общепризнаннымъ фактомъ,—не должна была бы въ этой странѣ вызывать никакой тревоги, а между тѣмъ, повторяемъ, и здѣсь революція породила большія опасенія, только, какъ увидимъ, не съ той точки зрѣнія, которая господствовала въ абсолютныхъ монархіяхъ материка.

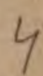
---

[1]) Сенаторскій проектъ, хартія Людовика XVIII и дополнительный актъ.

Благодаря тому, что въ Англіи XVIII в. мы не встрѣчаемъ существенныхъ и основныхъ чертъ континентальнаго „стараго порядка", и что потому французская революція не могла имѣть для ея общественнаго и государственнаго строя такого же значенія, какое она должна была получить по отношенію къ соціальнымъ и политическимъ порядкамъ материка, исторія Англіи во всю эту эпоху и стоитъ совершенно особнякомъ, не говоря уже о томъ, что островное положеніе королевства ограждало его отъ иноземнаго нашествія во время революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ. Англія не знала „просвѣщеннаго абсолютизма", характеризующаго континентальную исторію второй половины XVIII вѣка, такъ какъ тутъ онъ былъ невозможенъ, да и дѣлать ему, пожалуй, было бы нечего. Въ Англіи, далѣе, не произошло подъ вліяніемъ французской революціи и никакого переворота, подобнаго тѣмъ, какіе совершились въ нѣкоторыхъ странахъ материка. Сюда не являлись также революціонныя арміи или наполеоновскіе солдаты, чтобы низвергать старыя учрежденія и замѣнять ихъ новыми, какъ это дѣлалось во многихъ континентальныхъ государствахъ. Война съ Наполеономъ не имѣла, наконецъ, для англичанъ ни той цѣли, ни того характера, которые она должна была получить у народовъ, попавшихъ подъ французское иго на материкѣ, и англійскимъ правительству и правящему классу не приходилось ничего возстановлять послѣ паденія имперіи, такъ какъ въ странѣ уцѣлѣли въ это бурное, революціонное и военное время и царствовавшій королевскій домъ, и существовавшія въ ней учрежденія и отношенія, и всѣ принадлежавшія ей владѣнія. Вотъ почему до сихъ поръ, излагая исторію соціальныхъ и политическихъ перемѣнъ, совершавшихся на Западѣ въ эпохи „просвѣщеннаго абсолютизма", французской революціи и владычества Наполеона, мы совершенно могли обходить Англію молчаніемъ. Это не значитъ, конечно, чтобы за все указанное время внутренній бытъ Англіи не подвергался никакимъ перемѣнамъ. Мы еще увидимъ, что и здѣсь совершились весьма важныя общественныя измѣненія, но мы увидимъ также, что это были измѣненія иной категоріи, нежели тѣ, съ какими мы доселѣ имѣли дѣло, излагая исторію конца XVIII и начала XIX вѣка, именно измѣненія чисто экономическія, которыя отнюдь не зависѣли отъ новыхъ политическихъ и юридическихъ идей, положенныхъ въ основу новыхъ порядковъ „просвѣщеннаго абсолютизма", французской революціи и наполеоновской имперіи. Реакція во Франціи, въ Германіи, въ Италіи, въ Испаніи, съ исторіей которой мы имѣли дѣло до сихъ поръ, была, какъ мы старались показать, реакціей именно противъ всего того, что пережито было этими самыми странами, но чего Англія-то какъ-разъ, наоборотъ, и не переживала. Казалось бы, что въ виду всего сказаннаго

мы и не должны были бы встрѣтиться съ такимъ историческимъ фактомъ, какъ реакція въ Англіи, и тѣмъ не менѣе, повторяю, съ фактомъ этимъ мы встрѣчаемся. Дѣло заключается въ томъ, что во французской революціи, кромѣ только-что указанныхъ сторонъ, были и такія, которыя тоже грозили установившемуся въ Англіи соціально-политическому строю, и это, конечно, не могло не отразиться на отношеніи къ революціи со стороны общественныхъ элементовъ, подвергавшихся извѣстной опасности въ случаѣ побѣды новыхъ идей, тѣмъ болѣе, что въ странѣ и раньше существовало сильное консервативное теченіе, которое должно было только усилиться въ виду возможности какихъ бы то ни было потрясеній и переворотовъ подъ вліяніемъ и по примѣру французской революціи.

Революція 1789 г. началась во имя отвлеченныхъ принциповъ естественнаго права и сразу приняла рѣзко демократическій характеръ. Въ этомъ отношеніи она напоминаетъ намъ нѣкоторыя явленія первой англійской революціи, хотя, какъ извѣстно, послѣдняя начата была во имя старыхъ историческихъ правъ націи, нарушавшихся королевскою властью, и притомъ начата была тогдашними правящими классами, которые такимъ образомъ лишь отстаивали уже ранѣе существовавшія права, подвергавшіяся опасности со стороны абсолютизма, вовсе не думая о полной перестройкѣ государственнаго быта на основаніи какихъ бы то ни было абстрактныхъ теорій. Правда, во время первой англійской революціи произошло и чисто демократическое движеніе, и заявлены были политическіе принципы, основывавшіеся на совершенно отвлеченныхъ соображеніяхъ, но этому движенію не удалось удержаться, а новыя идеи или были осуществлены только внѣ Англіи, въ ея колоніяхъ, или получили лишь чисто теоретическое развитіе (между прочимъ повліявшее и на французскую политическую мысль XVIII вѣка). Реставрація 1660 г. возстановила въ Англіи ея прежнія соціально-политическія отношенія, далекія отъ какого бы то ни было демократизма, а вторая революція, окончательно обезпечивавшая въ Англіи торжество политической свободы, была въ сущности лишь перемѣною династіи, правда, сопровождавшеюся созданіемъ новыхъ гарантій свободы, но безъ какихъ бы то ни было измѣненій въ прежнемъ общественномъ и государственномъ строѣ. Изъ двухъ силъ, боровшихся между собою въ XVII в. за преобладаніе въ политической жизни страны, теперь окончательный перевѣсъ получилъ парламентъ, корона же должна была поступиться многими своими прежними правами, но тотъ государственный строй, который утвердился въ Англіи XVIII в., былъ вообще болѣе проникнутъ духомъ консервативной и, такъ сказать, аристократической революціи 1689 г., чѣмъ духомъ первой революціи съ ея субверсивными и демо-

кратическими стремленіями.) И въ Англіи послѣ первой революціи произошла реакція—реакція историческаго права противъ всякихъ нововведеній и реакція правящихъ классовъ противъ демократическихъ принциповъ, и подъ вліяніемъ этой реакціи вторая революція отнюдь поэтому не была въ какомъ бы то ни было смыслѣ возобновленіемъ революціоннаго движенія середины XVII в. Правящіе классы Англіи въ теченіе всего XVIII в. отличались большимъ консерватизмомъ, и вотъ по одному этому французская революція, объявлявшая войну всѣмъ историческимъ началамъ, не могла найти сочувствія въ наиболѣе вліятельныхъ слояхъ англійскаго общества, какъ, съ другой стороны, и антирелигіозный характеръ французской революціи тоже всего менѣе соотвѣтствовалъ духу всего англійскаго народа, у котораго и наиболѣе радикальная революція совершалась подъ религіознымъ знаменемъ. Но особенно непріятно долженъ былъ дѣйствовать на правящіе классы Англіи демократическій духъ французской революціи. Несмотря на политическую свободу, установившуюся въ странѣ, Англія XVIII в. была очень и очень далека отъ идеала равенства, провозглашеннаго философіей XVIII в. и французскою революціей. Правда, въ англійскомъ безсословномъ обществѣ, какъ мы сказали, не было привилегированнаго дворянства въ континентальномъ смыслѣ, но въ государственной жизни націи на первомъ планѣ все-таки стоялъ одинъ правящій классъ, бывшій въ сущности настоящею олигархіей.
Въ томъ великомъ цѣломъ, которое составляло изъ себя монархію, все было организовано къ выгодѣ незначительнаго меньшинства и къ невыгодѣ громаднаго большинства. Англія, Шотландія и Ирландія, вмѣстѣ взятыя, господствовали надъ колоніями, и эгоистическая политика метрополіи имѣла своимъ результатомъ даже отпаденіе отъ Англіи колоній въ Сѣверной Америкѣ, основавшихъ самостоятельную республику Соединенныхъ Штатовъ какъ-разъ на демократическихъ началахъ крайнихъ партій первой англійской революціи. Вдвоемъ Англія съ Шотландіею, слившеюся съ нею воедино въ началѣ XVIII столѣтія, угнетали Ирландію, которая въ концѣ этого вѣка сдѣлала-было попытку возстанія въ союзѣ съ революціонной Франціей, но была побѣждена и лишилась своего парламента (1800), послѣ чего ея представители—да и то изъ однихъ лишь протестантовъ—стали засѣдать въ лондонскомъ парламентѣ, продолжавшемъ попрежнему угнетать ирландское католическое населеніе. Наконецъ, внутри самой Англіи господствовала настоящая олигархія.

Англійскій парламентъ не былъ ни сословнымъ представительствомъ въ средневѣковомъ смыслѣ, ни представительствомъ національнымъ въ томъ значеніи, въ какомъ это слово было понятно въ эпоху французской революціи. Англійскій парламентъ сдѣлался, благодаря

составу обѣихъ своихъ палатъ, представительствомъ интересовъ лишь извѣстныхъ классовъ общества съ совершеннымъ устраненіемъ изъ этого права остальной народной массы. Онъ раздѣлялся еще съ XIV в., какъ извѣстно, на двѣ палаты, которыя въ теченіе всей англійской исторіи въ громадномъ большинствѣ случаевъ поступали совершенно солидарно. Съ одной стороны, это обстоятельство объясняетъ намъ отчасти, почему въ Англіи не побѣдилъ абсолютизмъ, повсюду извлекавшій выгоду изъ сословной розни, а съ другой и само это обстоятельство объясняется тѣмъ, что общественная жизнь Англіи не выработала рѣзкихъ сословныхъ рамокъ, а потому верхняя и нижняя палаты вовсе не были отдѣльными представительствами какихъ-либо враждебныхъ сословій. Палата лордовъ, наслѣдственные члены которой могли пополняться новыми назначеніями по волѣ короля, давно уже утратила характеръ учрежденія, представлявшаго собою одну землевладѣльческую аристократію, потомковъ феодальныхъ бароновъ, такъ какъ лордами часто дѣлались вообще знаменитые люди, отличившіеся на войнѣ и въ дипломатіи, въ судебной дѣятельности или въ нижней палатѣ, въ промышленности и торговлѣ. Притомъ палата лордовъ никогда не представляла изъ себя учрежденія замкнутаго, никогда не стояла внѣ связи съ тѣмъ, что̀ находилось внѣ ея. Младшіе сыновья и братья лордовъ—равно какъ ихъ сестры, которыя выходили замужъ не за однихъ же лордовъ,—были уже обыкновенными смертными, и благодаря этому верхняя палата была тѣсно связана съ благорожденной, но не титулованной джентри, съ людьми разныхъ выдающихся общественныхъ положеній, съ богатыми капиталистами, не говоря уже о томъ, что лорды имѣли въ обществѣ еще весьма значительную кліентелу въ видѣ юристовъ, медиковъ, зажиточныхъ фермеровъ и т. п. Такимъ образомъ верхняя палата была не только привилегированная корпорація,—съ которою притомъ никакъ нельзя сравнивать привилегированныя сословія материка,—но играла еще роль большого представительнаго учрежденія, настоящаго воплощенія аристократическаго вліянія и аристократическихъ интересовъ въ странѣ. Нижняя палата наполнялась представителями графствъ и городовъ. Въ графствахъ правомъ избранія пользовались фригольдеры, имѣвшіе сорокъ шиллинговъ дохода, что̀ создавало сравнительно съ городами довольно большое число избирателей, но они находились зато очень часто въ зависимости отъ лендлордовъ, въ городахъ же, менѣе зависѣвшихъ отъ лордовъ, число лицъ, пользовавшихся правомъ представительства, было самое незначительное, да и не всѣ города сверхъ того пользовались этимъ правомъ. Во-первыхъ, избирательные порядки установились въ Англіи еще въ средніе вѣка, когда многихъ позднѣйшихъ городовъ еще не было, тогда какъ другіе, наоборотъ, послѣ того пришли въ

упадокъ, и въ то самое время, какъ первые, иногда достигнувъ большого значенія, не посылали представителей въ парламентъ, вторые, напротивъ, продолжали пользоваться этимъ правомъ, хотя бы и не имѣли никакого значенія по своей малонаселенности и бѣдности. Уже въ серединѣ XVII в. на это несоотвѣтствіе было обращено вниманіе, и одинъ изъ революціонныхъ парламентовъ (такъ называемый бербонскій) произвелъ реформу, давъ право представительства болѣе значительнымъ городамъ, его не имѣвшимъ, и лишивъ его всѣ „гнилыя мѣстечки“ (rotten borough), но реставрація 1660 г. возстановила старыя права. Въ „гнилыхъ мѣстечкахъ“ избирателей было очень мало, и, конечно, они вполнѣ зависѣли отъ мѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Съ другой стороны, и въ большихъ городахъ право голоса при выборахъ въ члены парламента принадлежало очень незначительному числу жителей, хотя при этомъ существовало великое разнообразіе мѣстныхъ законовъ. Напр., въ Бёкингэмѣ и Бюдли этимъ правомъ пользовались бальифъ и 12 нотаблей, въ Батѣ—мэръ, 10 ольдерменовъ и 24 члена городского совѣта, въ Сольбёри—мэръ и корпорація изъ 56 лицъ. Если такое ограниченіе избирательнаго права не было установлено закономъ, то существовало фактически по той простой причинѣ, что нерѣдко въ городѣ вообще было мало лицъ, которыя удовлетворяли условіямъ избирательнаго ценза. Напр., въ Гаттонѣ это право принадлежало всѣмъ фригольдерамъ, платящимъ налоги, но ихъ было только семь человѣкъ, въ Тэвстонѣ—всѣмъ фригольдерамъ, которыхъ было, однако, только десять. Вотъ почему въ 1793 г. въ Англіи и Уэльсѣ 70 членовъ парламента представляли 35 мѣстностей, совсѣмъ почти не имѣвшихъ избирателей, 90 членовъ—46 мѣстностей, въ которыхъ было менѣе 50 избирателей въ каждой, 37 членовъ были изъ 19 мѣстностей, гдѣ цифры избирателей не доходили до 100. Въ этомъ же самомъ году въ нижней палатѣ у герцога Норфолька было 11 зависѣвшихъ отъ него членовъ, у лорда Лондсдэля—9, у лорда Дерлингтона — 7, у герцога Ретленда, маркиза Бекингэма и лорда Каррингтона—по 6. Гдѣ тотъ или другой мѣстный землевладѣлецъ не могъ оказать прямого давленія на выборахъ, тамъ пускался въ ходъ подкупъ избирателей, и этимъ средствомъ пользовались, чтобы попадать въ нижнюю палату преимущественно богатые коммерсанты, обогатившіеся колоніальною торговлею (набобы). Они платили громадныя деньги во время выборовъ и затѣмъ въ качествѣ членовъ парламента преслѣдовали уже исключительно личныя цѣли или служили своимъ классовымъ интересамъ. Между прочимъ депутаты сами торговали своими голосами, и у министровъ даже вошло въ обычай составлять въ свою пользу большинство посредствомъ подкуповъ. Избраніе въ члены парламента въ графствѣ Іоркъ стоило 150 тысячъ фун-

товъ стерлинговъ, въ Нортгэмптонѣ — 30 тысячъ, а корпорація Оксфорда продала однажды герцогу Мальборо и графу Абиндону представительство бурга Леджершоля за 9 тысячъ. Аналогичные порядки господствовали въ Шотландіи и въ Ирландіи. Напр., въ шотландской столицѣ, Эдинбургѣ, избирателей было только 33, а въ ирландскихъ городахъ Бельфастѣ, Карло, Вексфордѣ и Слиго—лишь по 12 нотаблей, пополнявшихъ свои коллегіи посредствомъ кооптаціи. Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ палата общинъ представляла собою лишь самое незначительное меньшинство. Въ 1780 г. цѣлая половина нижней палаты была послана въ парламентъ менѣе, чѣмъ шестью тысячами избирателей, а въ 1793 г. 157 членовъ было безусловно назначено 84 лицами, и около 150 было выбрано, благодаря покровительству 70 вліятельныхъ лицъ, такъ что болѣе 300 членовъ было послано въ палату 154 патронами, въ числѣ которыхъ было сорокъ пэровъ. Или вотъ данныя изъ начала XIX вѣка: въ 1816 г. изъ 658 членовъ нижней палаты независимыхъ было 171, а остальные 487 назначены были патронами; въ 1821 г. 350 членовъ получили свои мѣста въ палатѣ общинъ, благодаря вліянію и деньгамъ 180 лицъ. Дѣло дошло до того, что даже честнымъ людямъ, стремившимся къ парламентской дѣятельности, не оставалось иного средства, какъ покупать себѣ мѣста въ палатѣ. Извѣстный англійскій юристъ и парламентскій ораторъ, сэръ Самюэль Ромильи, ѣздившій въ 1789 г. въ Парижъ и познакомившійся тамъ съ Мирабо, которому онъ объяснялъ англійскую конституцію, однажды получилъ отъ принца Уэльскаго предложеніе парламентскаго мѣста, но отклонилъ его, прямо объявивъ принцу, что покупаетъ себѣ другое „изъ любви къ собственной независимости и для общаго блага". „Пока, писалъ Ромильи въ 1805 г., будетъ только два класса представителей бурговъ, такіе, которые покупаютъ себѣ мѣста, и такіе, которые отправляютъ свою священную должность по чужой прихоти и чуть не какъ слуги другихъ лицъ, конечно, не можетъ быть никакого сомнѣнія, къ какому классу слѣдуетъ принадлежать. Всякій, кто, считая себя способнымъ оказывать услуги странѣ, въ крайнемъ пуританизмѣ предпочелъ бы остаться вдали отъ парламента, тому, чтобы вступить въ него съ такимъ нарушеніемъ конституціонной теоріи, — былъ бы, такъ сказать, нравственно суевѣрнымъ человѣкомъ и совершенно неспособнымъ къ какимъ бы то ни было общественнымъ должностямъ". „Этотъ обычай покупать мѣста, писалъ онъ еще въ 1807 г., очень гнусенъ, и, однако, это единственный путь для такого человѣка, какъ я, чтобы вступить въ парламентъ, сохраняя свою независимость. Войти туда народнымъ избранникомъ нельзя при теперешнемъ состояніи представительства; войти при помощи какого-либо вельможи и вотировать по его прика-

занію значитъ сдѣлаться совсѣмъ зависимымъ человѣкомъ; остается, слѣдовательно, только занять свое мѣсто, пожертвовавъ частью своего достоянія. Правда, прибавляетъ онъ, большинство покупающихъ мѣста дѣлаютъ это, какъ денежную спекуляцію: для нихъ это — политическая торговля, потому что они покупаютъ себѣ мѣста и продаютъ свои голоса".

Весьма естественно, что лучшіе люди страны не могли не желать положить конецъ такому печальному состоянію общественной нравственности и такой дурной организаціи избирательнаго права. Съ 1770 г. въ теченіе двадцати семи лѣтъ семь разъ подымался въ парламентѣ вопросъ объ избирательной реформѣ, и каждый разъ проекты, предлагавшіе реформу, терпѣли пораженіе со стороны членовъ парламента, для которыхъ принять реформу значило наложить на самихъ себя руки. Въ 1770 г. предложеніе реформы сдѣлано было лордомъ Чатамомъ, въ 1777 г.—Вилькзомъ, въ 1780 г. герцогомъ Ричмондомъ, который даже требовалъ ежегодныхъ выборовъ, всеобщей подачи голосовъ и введенія избирательныхъ округовъ одинаковой величины; затѣмъ въ 1785 г. вопросъ былъ поднятъ опять Питтомъ, въ 1790 г.— Флудомъ (Flood) и, наконецъ, въ 1793 и 1797 гг. — Греемъ. Но послѣднія три предложенія реформы принадлежали уже тому времени, когда демократическая революція во Франціи настроила англійскіе правящіе классы крайне реакціонно, и потому только черезъ двѣнадцать лѣтъ, въ 1809 г., впервые было возобновлено Бердетомъ предложеніе парламентской реформы. Извѣстно, однако, что и послѣ этого Англіи пришлось ждать почти цѣлую четверть вѣка до осуществленія этихъ требованій, такъ какъ лишь въ 1832 г., да и то подъ вліяніемъ іюльской революціи, была произведена первая парламентская реформа.

Весьма естественно, что англійская олигархія, господствовавшая въ парламентѣ и противившаяся какимъ бы то ни было измѣненіямъ въ выгодной для нея системѣ, должна была отнестись съ крайнею враждою къ демократизму французской революціи, особенно послѣ того, какъ парижскіе демагоги задумали организовать господство столичной черни. Не забудемъ еще, что и въ мѣстномъ самоуправленіи, получившемъ въ Англіи такое широкое развитіе, господствовали опять-таки эти же олигархическіе элементы общества. Чтобы имѣть право быть назначеннымъ въ мировые судьи (justice of the peace), нужно было удовлетворять условію весьма высокаго ценза, а должность эта давала всякому въ нее избранному большія права не только судебнаго, но и полицейско-административнаго характера. Наконецъ, мы еще подробно будемъ разсматривать, какой важный переворотъ совершался въ эту эпоху въ экономической жизни Англіи и какимъ

народными бѣдствіями онъ сопровождался [1]). Правящіе классы не могли и въ этомъ отношеніи не обращать вниманія на признаки недовольства народныхъ массъ и не могли не бояться, какъ бы идеи демократической революціи въ сосѣднемъ государствѣ не проникли въ низшіе классы англійскаго народа и не произвели среди народныхъ массъ того же дѣйствія, какъ и во Франціи.

Уже въ этомъ одномъ заключалась возможность реакціоннаго отношенія англійскаго общества къ французской революціи. Еще болѣе сдѣлается намъ понятнымъ это отношеніе, когда мы обратимъ вниманіе на характеръ той партіи, которая была въ данную эпоху у власти, и познакомимся съ личными стремленіями королей, царствовавшихъ въ Англіи въ разсматриваемое время.

Начало двухъ великихъ партій, попеременно господствовавшихъ въ англійскомъ парламентѣ и чрезъ конституціонное министерство направлявшихъ внутреннюю и внѣшнюю политику страны, относится еще къ очень давнимъ временамъ. Въ разныя эпохи онѣ являются передъ нами съ разными наименованіями и съ не вполнѣ сходными изъ одной эпохи въ другую стремленіями, но то, что̀ ихъ раздѣляло, долгое время было въ сущности одно и то же—различное пониманіе королевской прерогативы и привилегіи парламента. Въ серединѣ XVII столѣтія въ долгомъ парламентѣ произошло раздѣленіе между кавалерами и круглоголовыми. Хотя обѣ партіи были на самомъ дѣлѣ одинаково конституціонно-монархическими и различались между собою главнымъ образомъ неодинаковымъ пониманіемъ взаимныхъ отношеній между королевской властью и народнымъ представительствомъ, тѣмъ не менѣе кавалеры могли незамѣтно переходить въ абсолютистовъ, отрицавшихъ за парламентомъ какія бы то ни было права, какъ, съ другой стороны, круглоголовые довольно близко примыкали къ республиканцамъ, совершенно отрицавшимъ королевскую власть. Это раздѣленіе, лишь наиболѣе рѣзкія формы котораго мы видимъ въ абсолютистическихъ стремленіяхъ Стюартовъ и республиканизмѣ индепендентовъ, это раздѣленіе между защитниками королевской прерогативы и привилегіи парламента возродилось въ эпоху реставраціи Стюартовъ въ новой формѣ, когда образовались партіи торіевъ и виговъ. Извѣстно, что первая изъ этихъ партій стояла на точкѣ зрѣнія божественнаго происхожденія королевской власти, супрематіи короны и пассивнаго повиновенія, тогда какъ другая признавала происхожденіе королевской власти изъ народной воли, отстаивала права парламента и допускала активное сопротивленіе въ случаѣ нарушенія правительствомъ законовъ страны. Ни торіи не были абсолютистами, ни виги

[1]) См. главы XXIV и XXV этого тома.

не были республиканцами, т.-е. обѣ партіи были опять-таки партіями монархическими, но несомнѣнно, что на общей почвѣ конституціонной монархіи одни являлись консерваторами, другіе, наоборотъ, представляли собою начала либеральныя. Переворотъ 1689 г., совершившійся въ духѣ принциповъ, выставленныхъ вигами, конечно, долженъ былъ дать перевѣсъ этой партіи, и дѣйствительно, ей принадлежало господство въ англійской политической жизни въ первой половинѣ XVIII в. Въ это время виги установили и ввели въ жизнь принципъ парламентарнаго министерства, въ силу котораго кабинетъ началъ представлять собою взгляды не короны, а большинства палаты общинъ, хотя бы часто и поддерживавшагося искусственнымъ образомъ. Во время господства виговъ торіи находились въ оппозиціи, но ведя борьбу съ господствующею партіею, они нерѣдко сами пользовались аргументами, заимствованными изъ идейнаго арсенала ихъ противниковъ, и мало-по-малу такимъ образомъ усвоили нѣкоторые принципы противоположнаго лагеря.

Преобладанію парламента въ первой половинѣ XVIII в. много способствовало то обстоятельство, что оба первые Георга не обнаруживали ни способности, ни склонности къ самостоятельному вмѣшательству въ государственныя дѣла. Въ 1760 г. на англійскій престолъ вступилъ Георгъ III, въ то время совсѣмъ еще молодой человѣкъ, воспитанный въ принципахъ строгаго торизма, мало образованный, разыгрывавшій роль короля добрыхъ патріархальныхъ временъ, и съ самаго же начала своего царствованія онъ поставилъ себѣ задачу сломить вигское правленіе, чтобы самому имѣть болѣе рѣшающее значеніе въ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики. Достигнуть этого ему удалось лишь въ 1770 г., когда по его желанію постъ перваго министра занялъ лордъ Нортъ, раздѣлявшій воззрѣнія торійскаго меньшинства палаты и сдѣлавшійся послушнымъ орудіемъ въ рукахъ короля. Это министерство, пускавшее въ ходъ чрезвычайныя мѣры и запугивавшее оппозицію, привело Англію къ потерѣ американскихъ колоній. Когда въ 1782 г. оно пало, король долженъ былъ снова править съ ненавистными ему вигами, пока новые выборы 1784 г. не доставили коронѣ полной побѣды надъ вигистской олигархіей и во главѣ министерства не сталъ Питтъ Младшій, чѣмъ открывается эпоха почти безпрерывнаго господства торіевъ вплоть до самаго 1830 г. Новая господствующая партія, однако, не отказалась отъ кабинетнаго правленія, введеннаго вигами. Паденіе виговъ объясняется, между прочимъ, той непопулярностью, которую они стяжали, благодаря деморализаціи, внесенной ими въ общественную жизнь развившеюся при нихъ системою подкуповъ. Потеря нравственнаго авторитета и политическое крушеніе виговъ повели къ внутреннему разложенію партіи, а тутъ еще вскорѣ

случились два событія, оказавшіяся тоже крайне неблагопріятными для виговъ. Въ 1788 г. Георгъ III заболѣлъ весьма серьезною душевною болѣзнью, и хотя скоро выздоровѣлъ, но болѣзнь стала къ нему возвращаться, пока онъ не впалъ (въ 1811 г.) уже въ безнадежное помѣшательство, заставившее парламентъ учредить регентство. Больной король не былъ болѣе страшенъ съ своимъ стремленіемъ къ усиленію вліянія короны, и торійскіе министры могли теперь съ бо̀льшею самостоятельностью вести свои дѣла, а принцъ-регентъ, впослѣдствіи (съ 1820 г.) король Георгъ IV, своимъ скандальнымъ поведеніемъ уже никоимъ образомъ не могъ, конечно, поднять королевскій авторитетъ въ глазахъ подданныхъ. Для парламента было, однако, важно, что Георгъ IV и регентомъ, и королемъ держался торійской политики. Другимъ событіемъ, еще болѣе неблагопріятнымъ для виговъ, была французская революція, заставившая массу англійскаго общества встать подъ охранительную власть торизма. Самъ Питтъ [1]), который до французской революціи думалъ объ управленіи страною въ духѣ внутренней свободы и даже предложилъ парламентскую реформу, чтобы сломить вигистскую олигархію, увлекся теперь идеей борьбы съ французской революціей и не только счелъ нужнымъ ввести внутри страны систему репрессивныхъ мѣръ, но даже сдѣлался врагомъ парламентской реформы, которая имъ же была предложена. Вмѣстѣ съ тѣмъ среди самихъ виговъ произошелъ расколъ. Въ то время, какъ одни изъ нихъ, имѣя во главѣ Фокса, относились къ революціи сочувственно, отождествляя ея дѣло съ дѣломъ свободы и просвѣщенія и въ самой Англіи, другіе (и ихъ было большинство) перешли на сторону Питта и поддерживали его и въ войнѣ съ революціей, и въ его внутренней политикѣ, принявшей прямо реакціонный характеръ. Благодаря этому, измѣнился и самый характеръ обѣихъ великихъ партій. Если до начала французской революціи торіи были защитниками прерогативы короны, а виги поддерживали принципіально права парламента, фактически же правящую олигархію, то съ французской революціи значительно обезсиленные виги сдѣлались преимущественно партіей реформъ, тогда какъ торіи превратились въ ярыхъ и непримиримыхъ защитниковъ существующаго порядка вещей. Страхъ предъ революціей сблизилъ скоро съ торіями громадное большинство правящаго класса, и все это придало внутренней политикѣ Англіи на долгое время характеръ реакціонный.

Лишь весьма незначительное меньшинство образованныхъ людей отнеслось въ Англіи сочувственно къ французской революціи. Въ той ненависти къ ней, которую проявило англійское общество, дѣйство-

---

[1]) О Питтѣ см. сочиненія лорда *Stanhope*'а, *Trauttwein von Belle* (1870), лорда *Rosebery* (1892) и др.

вало и національное соперничество, и стремленіе французовъ вмѣшаться во внутреннія дѣла Англіи, и антирелигіозный характеръ, какой приняла революція, и тѣ жестокости, которыми она сопровождалась, а когда между Англіей и республикой началась война, то парижскіе революціонеры сдѣлались предметомъ ненависти и въ качествѣ опаснаго внѣшняго врага. Это смѣшанное чувство на первыхъ же порахъ нашло свое выраженіе въ знаменитомъ памфлетѣ Бёрка (Burke) „Размышленія о революціи во Франціи" (Reflexions on the revolution in France), вышедшемъ въ свѣтъ въ 1790 г. и сразу сдѣлавшемся необычайно популярнымъ въ англійскомъ обществѣ. Авторъ этой книги [1]), человѣкъ, обладавшій недюжинными знаніями, большимъ литературнымъ талантомъ и необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, въ 1765 г. сдѣлался членомъ парламента, гдѣ явился защитникомъ американскихъ колонистовъ отъ произвольной власти метрополіи, доказывалъ необходимость полной свободы парламента отъ закулисныхъ вліяній, отстаивалъ свободу печати и вѣротерпимость, ратовалъ въ пользу уничтоженія торговыхъ стѣсненій, которымъ подвергалась Ирландія, и т. д. Тѣмъ удивительнѣе должно было бы показаться то ожесточеніе, съ какимъ Бёркъ нападалъ на революцію, если бы мы не знали, во-первыхъ, что онъ всегда ненавидѣлъ Францію, и что, во-вторыхъ, онъ былъ либераломъ лишь въ англійскомъ консервативно-аристократическомъ смыслѣ. Въ сущности онъ явился защитникомъ исторической традиціи и правъ прошлаго противъ чисто отвлеченнаго характера принциповъ 1789 г., и потому въ его критикѣ французской революціи мы находимъ, съ одной стороны, много вѣрнаго, съ другой, наоборотъ, массу взглядовъ, подсказанныхъ враждой и предразсудками. Своею цѣлью онъ поставилъ доказать соотечественникамъ, что тѣ изъ нихъ, которые болѣе или менѣе сочувствовали французской революціи, тѣмъ самымъ относились съ одобреніемъ къ идеямъ и поступкамъ, находившимся въ совершеннѣйшемъ противорѣчіи съ принципами „славной" революціи 1688 г., и этимъ способомъ онъ хотѣлъ возстановить англичанъ противъ увлеченія новизною. Бёркъ достигъ своей цѣли. Хотя противъ его книги было написано нѣсколько возраженій, изъ которыхъ нѣкоторыя отличались значительною силою [2]), тѣмъ не менѣе его „Размышленія" сдѣлались руководящею книгою не только для торіевъ, но и для многихъ виговъ; послѣдніе начали даже подъ ея вліяніемъ переходить на сторону торійской реакціи. Въ концѣ концовъ почти все англійское общество стало смотрѣть на французскую революцію глазами Бёрка, такъ что его взглядъ надолго утвердился въ англій-

[1]) *Macknight.* Life and times of Burke. 1861. — *Morley.* Edmund Burke. 1867 и др.

[2]) *Mackintosh.* Vindiciae Galliae (1791) — самое важное изъ этихъ сочиненій.

скихъ правящихъ классахъ. Съ этой точки зрѣнія его „Размышленія“ заслуживаютъ большого вниманія при выясненіи происхожденія англійской реакціи конца XVIII и начала XIX в.

Въ Англіи въ 1789 г. не было недостатка въ либералахъ, указывавшихъ на то, что и англійская конституція основывается на принципѣ народовластія, который тогда прилагался къ возрожденію Франціи, и Бёркъ съ особенною силою вооружился именно противъ такого мнѣнія. Самымъ соблазнительнымъ аргументомъ защитниковъ французской революціи была, далѣе, ссылка на вторую англійскую революцію, но Бёркъ старался отстранить эту ссылку, самъ, однако, отнюдь не опираясь на старо-торійскіе принципы божественнаго права королей и пассивнаго повиновенія. Пусть въ 1689 г. возведеніе на престолъ Вильгельма III было нарушеніемъ правильнаго порядка престолонаслѣдія, но это случайное уклоненіе (occasional deviation) не должно быть возводимо въ принципъ. Притомъ въ данномъ случаѣ измѣненіе правильнаго порядка было примѣнено лишь къ виновной сторонѣ (the peccant part) безъ какого бы то ни было переворота въ цѣломъ политическаго бытія Англіи—подъ предлогомъ созданія совершенно новаго порядка вещей изъ первичныхъ элементовъ общества. Признавая въ обществѣ дѣйствіе закона сохраненія (principle of conservation), Бёркъ допускалъ въ немъ существованіе и начала исправленія (correction), но лишь подъ условіемъ крайней необходимости и по возможности съ наименьшимъ отклоненіемъ отъ установленнаго порядка. Вѣдь въ 1689 г. въ Англіи на дѣло взглянули такъ, какъ будто за предполагаемымъ отреченіемъ Іакова II тронъ сдѣлался вакантнымъ и потому доступнымъ ближайшему наслѣднику, причемъ этотъ частный случай не былъ возведенъ въ общее правило. Самая мысль о созданіи (fabrication) новаго правительства наполняла Бёрка „отвращеніемъ и ужасомъ“, ибо все, чѣмъ народъ владѣетъ, есть достояніе его предковъ: вѣдь и основнымъ принципомъ англійской конституціи всегда было поддерживать свободу, завѣщанную предками, дабы передавать ее потомству вмѣстѣ съ жизнью и собственностью. Лишь это уваженіе къ предкамъ умѣряетъ пользованіе свободою, которая сама по себѣ всегда стремится выйти изъ законныхъ своихъ границъ, и лишь оно охраняетъ пользующихся ею отъ наглости выскочекъ, сдѣлавшихся свободными лишь со вчерашняго дня; такимъ образомъ, прибавляетъ Бёркъ, англійская свобода становится настоящимъ благородствомъ (a noble freedom). Французы тѣмъ и виноваты, что отказались отъ благороднаго наслѣдія предковъ. Бёркъ, впрочемъ, сознается, что государственное устройство (constitution) Франціи находилось въ упадкѣ, не разрушать его было нужно, а лишь произвести починку этого стариннаго и почтеннаго зданія, тогда какъ, вмѣсто этого, французы

стали строить зданіе совершенно новое—на началахъ метафизической и отвлеченной свободы, дѣлающей невозможнымъ какое бы то ни было общество. „Мы, говоритъ Бёркъ, требуемъ своихъ вольностей, не какъ правъ людей вообще, а какъ правъ людей Англіи. Мы рѣшились беречь установленную церковь, установленную монархію, установленную аристократію, установленную демократію, каждую въ той степени, въ какой она существуетъ, но отнюдь не въ большей“. Франція вступила на совершенно иную дорогу, и вотъ, лицемѣрно оплакивая могущество старой монархіи, которую онъ въ сущности ненавидѣлъ, Бёркъ пророчитъ Франціи печальное будущее: „я, восклицаетъ онъ, мысленно пробѣгаю карту Европы и нахожу на ней большое пространство, ничѣмъ не занятое,—это какъ-разъ то мѣсто, гдѣ когда-то была Франція!“ Но французская революція казалась Бёрку опасною не для одной только своей родины. Она, по его словамъ, подводила мину подъ всѣ правительства, чтобы и ихъ взорвать, а мина эта называется „правами человѣка“. Нападая на знаменитую „декларацію“, какъ на построеніе „профессоровъ метафизики“, быть можетъ, „метафизически и вѣрное, но ложное морально и политически“, критикъ французской революціи даетъ, однако, и самъ перечисленіе правъ, принадлежащихъ, по его мнѣнію, всѣмъ людямъ, и по существу дѣла вся его формулировка отличается отъ знаменитой „деклараціи лишь тѣмъ, что онъ не признаетъ верховенства націи. Въ своемъ памфлетѣ Бёркъ является, наконецъ, не только сторонникомъ политической реакціи противъ французской революціи, но и выразителемъ мнѣній реакціоннаго характера равнымъ образомъ и въ культурномъ отношеніи, такъ какъ онъ вдобавокъ ополчился и противъ вѣры XVIII в. въ силы индивидуальнаго разума. „Доля разума, говоритъ онъ, отпущенная на каждаго отдѣльнаго человѣка, весьма ничтожна, и каждый сдѣлалъ бы лучше, если бы сталъ черпать изъ общей сокровищницы, изъ достоянія, накоплявшагося вѣками. Многіе изъ нашихъ философовъ, вмѣсто того, чтобы разрушить предразсудки толпы, стараются постигнуть мудрость предразсудковъ, въ нихъ заключающуюся. Разъ они ее открываютъ, они считаютъ болѣе благоразумнымъ сохранить предразсудокъ вмѣстѣ съ истиною, въ немъ скрытою, нежели отбросить въ сторону скорлупу предразсудка для того, чтобы оставить при себѣ только чистую истину“. По мнѣнію Бёрка, предразсудокъ можетъ дѣйствовать на волю, тогда какъ абстрактная идея будто бы безсильна по отношенію къ волѣ.

Книга Бёрка, какъ сознавались сами французы, надѣлала имъ много вреда въ общественномъ мнѣніи англичанъ. Въ ней, дѣйствительно, отразились всѣ національные предразсудки англичанъ, такъ какъ для многихъ изъ нихъ почти не было никакого различія между францу-

зами, папистами, іезуитами и якобинцами: все это были одинаково природные враги Англіи. Но болѣе всего правительство и правящіе классы были враждебно настроены противъ революціи, конечно, вслѣдствіе ея демократическаго характера. Результатомъ такого настроенія было то, что на очень долгое время въ Англіи сдѣлалось невозможнымъ какое бы то ни было движеніе впередъ въ области политики. Черезъ двадцать почти лѣтъ послѣ начала революціи Ромильи, на котораго намъ уже приходилось ссылаться, писалъ, напр., слѣдующее въ своемъ дневникѣ (1808): „если кто-либо желаетъ составить себѣ настоящее понятіе о несчастныхъ послѣдствіяхъ, которыя имѣли для нашей страны французская революція и послѣдовавшіе за нею ужасы, то пусть попытается провести какую-нибудь законодательную реформу на либеральныхъ и гуманныхъ началахъ. Онъ увидитъ именно не только, какая безсмысленная боязнь передъ перемѣнами овладѣла громаднымъ большинствомъ его соотечественниковъ, но и какой жестокій духъ въ нихъ господствуетъ". Любопытна также характеристика англійскаго общества въ началѣ XIX в., сдѣланная впослѣдствіи (1839) Сиднеемъ Смитомъ, занимавшимъ высокія должности въ англиканской церкви. „Это время, вспоминаетъ онъ, было ужасно для всѣхъ, которые, имѣя несчастье раздѣлять либеральныя идеи, были достаточно честны, чтобы не измѣнять имъ ради высокихъ судейскихъ или духовныхъ должностей. Карьера безъ выхода; каноники, деканы, епископы, всѣ эти достопочтенные ренегаты, перешагнувшіе черезъ васъ, чтобы занять наиболѣе видныя церковныя мѣста и помогать ковать цѣпи для католиковъ и диссидентовъ, и такая же надежда на вигистское правительство, какая можетъ быть относительно оттепели на Новой Землѣ,—вотъ какія наказанія есть для либеральныхъ мнѣній. Въ Англіи всегда называли нахаломъ человѣка, который, не имѣя пятидесяти или шестидесяти фунтовъ дохода, смѣетъ имѣть собственное сужденіе о важныхъ предметахъ. Въ это время на его голову сыпались всѣ клички, которыя были придуманы по поводу французской революціи: якобинецъ, левеллеръ, атеистъ, социніанинъ, поджигатель, цареубійца, это были еще изъ наиболѣе любезныхъ. Сказать что-либо о ханжествѣ обоихъ Георговъ (III и IV) или объ ужасной тиранніи, подъ игомъ которой стонала католическая Ирландія, значило прямо сдѣлаться паріей, подвергнуться общественной опалѣ. Говорить противъ скандальной медленности судопроизводства, противъ жестокости законовъ объ охотѣ, противъ деспотизма богачей и страданій бѣдныхъ, это было измѣной противъ плутократіи, и за это жестоко можно было поплатиться". Понятно, что при такомъ общественномъ настроеніи главный политическій вопросъ, поставленный предъидущей эпохой, вопросъ о парламентской реформѣ не могъ двигаться

впередъ, и кличка „якобинецъ" очень легко примѣнялась ко всякому, кто осмѣливался заявлять о негодности существовавшей тогда избирательной системы.

Разсматривая внутреннюю исторію Англіи въ эпоху французской революціи и наполеоновскаго владычества, нельзя, далѣе, упускать изъ виду, что за все это время Англія находилась въ войнѣ съ Франціей. Это обстоятельство имѣло весьма важное значеніе, и въ общемъ послѣдствія войны были крайне неблагопріятны для политическаго развитія страны. Борьба съ внѣшнимъ врагомъ, во-первыхъ, отвлекала вниманіе общества отъ внутреннихъ дѣлъ и на первый планъ выдвигала людей, которые прежде всего стремились оградить національные интересы Англіи, во внутреннихъ дѣлахъ страны совпадавшіе съ интересами правящихъ классовъ. Поэтому война точно такъ же, какъ и страхъ передъ революціей, задерживала общественное развитіе и консолидировала господство правящихъ классовъ, стоявшихъ во главѣ этой борьбы за національное существованіе. Во-вторыхъ, война вела къ повышенію налоговъ, къ увеличенію государственнаго долга Англіи, къ вздорожанію жизненныхъ припасовъ и т. д., что̀ очень печально отзывалось на положеніи низшихъ классовъ общества, вообще въ то время переживавшихъ тяжелый экономическій кризисъ [1]), народныя же волненія, бывшія необходимымъ результатомъ экономическихъ невзгодъ, въ свою очередь лишь вызывали со стороны правительства репрессію, которая, разумѣется, задерживала развитіе въ странѣ свободы и благосостоянія. Конечно, война доставила Англіи и большія выгоды, такъ какъ въ концѣ концовъ страна вышла изъ этой войны побѣдительницей, но это не были выгоды въ смыслѣ культурнаго и соціальнаго прогресса. Можно даже сказать, что утвержденіе господства Англіи на моряхъ, территоріальныя пріобрѣтенія, ею сдѣланныя, и т. п. не только не мѣшали внутренней реакціи, но даже скорѣе ее поддерживали, такъ какъ льстили національной гордости англичанъ и усиливали значеніе торійскаго министерства и господствующихъ классовъ не только въ виду достигнутыхъ ими успѣховъ, но и благодаря тому, что увеличивали ихъ матеріальное могущество.

Отдѣливъ изложеніе внутренней исторіи Англіи отъ изложенія исторіи континентальныхъ странъ, мы сдѣлаемъ теперь то же самое и по отношенію къ внѣшней политикѣ Англіи въ эпоху революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ и окончимъ эту главу, посвященную происхожденію англійской реакціи, общимъ очеркомъ внѣшней политики Англіи въ XVIII и въ началѣ XIX вѣка.

Почти съ начала революціонныхъ войнъ до самаго паденія импе-

---

[1]) Объ этомъ подробнѣе будетъ сказано ниже (см. гл. XXV).

ріи Англія находилась въ борьбѣ съ Франціей, что̀ составляетъ двадцать два года войны, если не считать кратковременнаго замиренія въ 1802—1803 гг. послѣ амьенскаго договора. Кромѣ того страха, какой англійскому правительству и господствующему классу внушала революція, въ этой борьбѣ со стороны Англіи играло большую роль опасеніе за тѣ интересы, которымъ могла вредить завоевательная политика Франціи. Питтъ, собственно говоря, съ большою неохотою смотрѣлъ сначала на возможность войны съ Франціей, но потомъ былъ увлеченъ общей паникой и даже видѣлъ въ войнѣ лучшее средство остановить въ самой Англіи распространеніе французскихъ принциповъ. Между прочимъ, для Англіи было крайне невыгодно завоеваніе французами Голландіи, о нейтралитетѣ которой Питтъ особенно настойчиво хлопоталъ еще до начала войны. Разъ, однако, война возгорѣлась, конецъ ея предвидѣть было довольно трудно, тѣмъ болѣе, что въ отношенія между обѣими враждующими сторонами впутаны были первостепенные колоніальные и торговые интересы. Мало-по-малу въ борьбѣ между Англіей и Франціей эти интересы выступили даже на первый планъ. Благодаря превращенію Голландіи въ Батавскую республику, которая вступила въ тѣсный союзъ съ Франціей, Англія имѣла возможность напасть на богатыя голландскія колоніи и захватить ихъ въ свои руки (мысъ Доброй Надежды, островъ Цейлонъ, Яву, нѣкоторые Молукскіе острова), но въ то же время она была должна поддерживать своими субсидіями континентальныя европейскія государства, находившіяся въ борьбѣ съ Франціей, и это странѣ обходилось очень дорого. Налоги въ ней страшно увеличились, государственный долгъ сильно возросъ, и вмѣстѣ съ этимъ приняла угрожающіе размѣры народная нищета отъ дороговизны хлѣба, ввозившагося въ Англію извнѣ въ большомъ количествѣ (хотя, конечно, нельзя признать вѣрнымъ мнѣніе, будто на эту войну нужно возложить отвѣтственность за фатальную борьбу классовъ, составляющую одно изъ наиболѣе важныхъ затрудненій теперешней англійской внутренней политики, т.-е. за антагонизмъ между рабочими и предпринимателями [1]). Англіи, далѣе, приходилось не только противодѣйствовать революціи, но и спасать самоё себя. Попытка французовъ возмутить Ирландію противъ Англіи представляла для послѣдней весьма значительную

[1]) Мнѣніе, между прочимъ, *Green'a*: The war enriched the landowner, the farmer, the merchant, the manufacturer; but it impoverished the poor. It is indeed from these fatal years that we must date that war of classes, that social severance between employers and employed, which still forms the main difficulty of english politics. History of the english people, IV, 377 (изд. 1880 г.). Вотъ образчикъ взглядовъ на причины важныхъ соціальныхъ явленій,—взглядовъ, еще не такъ давно высказывавшихся въ исторической литературѣ.

опасность, тѣмъ болѣе, что кампо-формійскій миръ совершенно изолировалъ Англію, лишивъ ее послѣдняго союзника на материкѣ—Австріи, ведшей войну на англійскія деньги. Имѣя свой собственный флотъ и распоряжаясь флотами Батавской республики и Испаніи, Франція при поддержкѣ со стороны ирландскаго возстанія, дѣйствительно, была для Англіи очень страшна, и англичанамъ нужно было напрячь всѣ свои силы, чтобы предотвратить опасность вторженія. Когда ирландское возстаніе было подавлено, Франція задумала нанести вредъ Англіи и въ Индіи, съ каковою цѣлью и была снаряжена египетская экспедиція Наполеона. Изъ всѣхъ этихъ затрудненій англичане вышли съ большимъ успѣхомъ. Они въ это время сокрушили батавскій флотъ, предназначенный помогать ирландскому возстанію, что упрочило ихъ господство надъ голландскими колоніями; попытка же Наполеона создать Англіи затрудненіе въ самой Индіи, гдѣ противъ англійскаго владычества возстала мусульманская Мисорская держава, точно такъ же не удалась, давъ лишь англичанамъ подходящій поводъ сокрушить и эту враждебную ей силу. Такимъ образомъ англо-французская война захватила и самыя отдаленныя страны—европейскія колоніи въ Африкѣ и на островахъ Тихаго океана, Индостанъ, а потомъ, какъ мы еще увидимъ, и Америку. Морское и колоніальное могущество Англіи къ концу XVIII в. только возросло; англійская міровая торговля отъ этого необычайно выиграла, и это въ свою очередь давало британскому правительству возможность поддерживать своими денежными средствами разныхъ враговъ Франціи на материкѣ Европы. Уже въ самомъ началѣ консульства Наполеонъ думалъ о томъ, чтобы сокрушить Англію, нанося удары ея торговлѣ. Въ эпоху люневильскаго договора торговля съ Англіей была уже воспрещена, кромѣ самой Франціи, и въ Голландіи, и въ Италіи, и въ Испаніи, а эта послѣдняя принудила и Португалію прервать торговыя сношенія съ Англіей, т.-е. уже около 1801 г. намѣчалась будущая континентальная система. Когда англичане овладѣли островомъ Мальтой, захваченнымъ-было французами, и сдѣлались властителями Средиземнаго моря, Наполеонъ, желая выиграть время и приготовиться къ новой войнѣ съ главнымъ своимъ врагомъ, предложилъ ему миръ, и англійское правительство охотно приняло это предложеніе (амьенскій миръ 1802 г.), чтобы спокойно выждать болѣе благопріятной международной комбинаціи на материкѣ и снова начать борьбу, какъ только можно будетъ найти надежныхъ союзниковъ. Обѣ стороны сдѣлали уступки, причемъ Англія возвратила Франціи и ея союзникамъ бо̀льшую часть захваченныхъ колоній. Но этотъ миръ былъ непродолжителенъ, и черезъ годъ война возобновилась, чтобы не прекращаться уже до паденія имперіи. Передъ Англіей опять возникала опасность французскаго вторженія.

когда Наполеонъ устроилъ въ Булони лагерь на стотысячную армію и сталъ приготовляться къ высадкѣ въ Англію. Британское правительство съ Циттомъ во главѣ сдѣлало новую попытку занять Наполеона войной на континентѣ, и эта попытка удалась: благодаря новымъ англійскимъ субсидіямъ, образовался австро-русскій союзъ противъ Наполеона, и почти въ одно и то же время, какъ Наполеонъ побилъ Австрію и Россію при Аустерлицѣ, Англія при Трафальгарѣ уничтожила весь французскій флотъ, послѣ чего могла уже безспорно владычествовать на морѣ.

Мы видѣли раньше, какъ возникла континентальная система, посредствомъ которой Наполеонъ думалъ сокрушить торговую силу Англіи. Собственно говоря, берлинскому ноябрьскому декрету 1806 г. предшествовало со стороны самой Англіи объявленіе всѣхъ береговъ, принадлежавшихъ Франціи и ея союзникамъ, въ состояніи блокады. Намъ извѣстно также и то, какъ печально отразилась континентальная система на малыхъ нейтральныхъ государствахъ; между прочимъ, Англія потребовала у Даніи передачи ей на время войны всего флота, и когда Данія отказала, англичане бомбардировали Копенгагенъ и захватили всѣ датскіе корабли со всѣми запасами. Англійская торговля отъ континентальной системы, конечно, весьма страдала; и вся выгода отъ системы стала переходить на сторону Америки, какъ нейтральнаго государства, къ крайнему неудовольствію торговаго класса Англіи. Не желая допустить, чтобы Америка вытѣснила англійскую торговлю, британское правительство объявило, что будетъ захватывать всѣ корабли, идущіе въ порты континентальныхъ государствъ, разъ они не будутъ заходить въ англійскіе порты, на что Наполеонъ отвѣтилъ аналогичнымъ же декретомъ по отношенію ко всѣмъ кораблямъ, шедшимъ изъ Англіи или въ Англію и ея колоніи (1807). Хотя Сѣверо-Американскіе Штаты, получавшіе изъ Англіи массу товаровъ, тоже запретили всякую торговлю съ Европою въ своихъ портахъ, но скоро (1809) должны были ограничить это запрещеніе лишь Англіей и Франціей, а затѣмъ черезъ годъ объявили, что если одна изъ этихъ двухъ державъ отмѣнитъ свое запрещеніе, то американское правительство воспретитъ торговлю только съ другою стороною. Первый воспользовался этимъ предложеніемъ Наполеонъ, чтобы привлечь и Соединенные Штаты на свою сторону (1811), и въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ успѣхъ, потому что американское правительство весною 1812 г. захватило всѣ англійскіе корабли, находившіеся въ американскихъ портахъ, а лѣтомъ того же года даже объявило Англіи войну, которая окончилась лишь съ прекращеніемъ вообще „великой войны“ (the great war), какъ названа была въ Англіи эта дѣйствительно гигантская борьба ея противъ Франціи и союзниковъ послѣдней.

Наполеонъ желалъ завладѣть Испаніей и Португаліей, между прочимъ, имѣя въ виду захватить ихъ обширныя колоніальныя владѣнія, потому что, опираясь на нихъ, легче было побивать Англію и на морѣ. Британское правительство рѣшилось тогда дѣйствовать противъ Наполеона на самомъ материкѣ, пославъ на помощь испанскимъ инсургентамъ военные отряды, одинъ изъ которыхъ былъ подъ начальствомъ Веллеслея (позднѣе герцогъ Веллингтонъ). На Пиренейскомъ полуостровѣ въ 1808 и слѣдующихъ годахъ англичане наносили французской арміи не мало пораженій, пока не очистили наконецъ отъ французовъ сперва Португалію, потомъ и самую Испанію. Въ 1814 г. Веллингтонъ переходилъ даже черезъ Пиренеи и доходилъ до самой Тулузы, когда за отреченіемъ Наполеона война пришла къ концу. Послѣ того какъ въ 1815 г. Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы, опять-таки Англія помогла большой суммой денегъ новой коалиціи противъ воцарившагося вновь „корсиканца", и при Ватерлоо окончательно побѣдило Наполеона союзное англо-прусское войско подъ начальствомъ Веллингтона и Блюхера.

Изъ своей борьбы съ Наполеономъ Англія вышла съ страшно возросшимъ государственнымъ долгомъ, но и съ весьма большими пріобрѣтеніями. Давно уже владѣя Гибралтаромъ, а на вѣнскомъ конгрессѣ получивъ Мальту и протекторатъ надъ Іоническими островами (которымъ дана была весьма либеральная конституція), Англія упрочила свое положеніе на Средиземномъ морѣ. Съ другой стороны, было упрочено ея вліяніе и на Нѣмецкомъ морѣ, благодаря пріобрѣтенію Гельголанда, потерѣ Пруссіей своихъ владѣній на берегахъ этого моря, и соединенію съ Англіей Ганновера снова подъ однимъ и тѣмъ же скипетромъ. Наконецъ, Англія удержала въ своихъ рукахъ многія французскія и голландскія колоніи, которыми она завладѣла во время войны съ Наполеономъ. Все это только увеличивало морское, колоніальное и торговое значеніе Соединеннаго королевства, что̀, конечно, не могло не отразиться и на его внутреннемъ бытѣ.

Отношенія войны и мира отражались и на положеніи политическихъ партій въ самой Англіи. Съ самаго начала борьбы монархической Европы съ французской революціей главными сторонниками войны были торіи и тѣ изъ виговъ, которые съ Бёркомъ во главѣ примкнули къ этой партіи. Бёркъ еще раньше вошелъ въ сношенія съ французскими эмигрантами въ Кобленцѣ, подбивалъ ихъ поскорѣй начать войну и даже отправилъ къ нимъ собственнаго сына, да и впослѣдствіи постоянно поддерживалъ партію войны, увлекая за собою общественное мнѣніе. Когда, напр., Питтъ въ эпоху директоріи сталъ склоняться къ миру, Бёркъ издалъ противъ намѣренія министерства прекратить борьбу съ революціей страстный памфлетъ подъ

заглавіемъ „Писемъ о мирѣ съ цареубійцами“, который имѣлъ очень значительный успѣхъ въ англійскомъ обществѣ второй половины девятидесятыхъ годовъ. Самъ Питтъ, однако, долженъ былъ отказаться отъ миролюбивыхъ плановъ, когда французы задумали возмутить противъ Англіи Ирландію и Индію, и такъ какъ послѣ этого онъ обнаружилъ величайшую энергію въ борьбѣ съ Франціей, то англійская нація безъ различія партій поддерживала потомъ своего знаменитаго министра. Одинъ изъ вопросовъ внутренней политики, какъ мы еще увидимъ, заставилъ Питта выйти въ отставку въ 1801 г., что̀ повлекло за собою переходъ болѣе консервативныхъ виговъ на сторону виговъ либеральныхъ и такимъ образомъ содѣйствовало возстановленію этой партіи въ ея прежнемъ составѣ. Между тѣмъ новое министерство (Аддингтона) заключило съ Наполеономъ миръ, но едва только война опять возгорѣлась, какъ Питтъ снова сталъ во главѣ правленія, причемъ нашелъ теперь поддержку и въ лицѣ либеральныхъ виговъ съ Фоксомъ во главѣ [1]). Пока существовала опасность вторженія французовъ, обѣ партіи дѣйствовали совершенно солидарно, но послѣ уничтоженія булонскаго лагеря и пораженія французскаго флота при Трафальгарѣ всякая опасность миновала, и тогда снова въ Англіи обнаружилось раздвоеніе между партіями, изъ которыхъ одна настаивала на необходимости прогрессивныхъ мѣръ, а другая всячески имъ противилась, имѣя попрежнему за себя громадное большинство правящаго класса Англіи. До самаго окончанія войны затѣмъ власть находилась въ рукахъ торіевъ, которые дѣлали всѣ усилія, чтобы тормазить всякое общественное движеніе, происходившее въ странѣ. Съ окончаніемъ внѣшней войны и внутренняя исторія Англіи должна была вступить въ новый періодъ, но реакція, которая, какъ мы видѣли, имѣла столь глубокіе корни въ англійскомъ соціальномъ и политическомъ быту, съ окончаніемъ войны тѣмъ не менѣе не прекратилась. Наконецъ, и общій духъ политики Священнаго союза тоже не могъ не отразиться на реакціонныхъ элементахъ англійскаго правительства и общества.

---

[1]) Вскорѣ послѣ этого (1806) Питтъ умеръ.

XXI. Реакція и борьба въ Англіи до 1830 года.

Англійское правительство въ эпоху реставраціи.—Его отношеніе къ Священному союзу и къ вопросамъ внѣшней политики.—Общее значеніе министерства Каннинга.—Ослабленіе торійской партіи.—Внутренняя политика 1815—1830 гг. и ея связь съ предыдущей эпохой.—На чемъ покоится англійская свобода?—Вопросъ о парламентской реформѣ и демократическая партія.—Борьба за свободу печати и за свободу митинговъ съ конца XVIII в.—Коббетъ и Бентамъ.—Эманципація католиковъ.—Вопросъ о другихъ диссидентахъ.—Оппозиціонный характеръ поэзіи Байрона.

Въ исторіи Англіи эпоха между 1815 и 1830 гг. характеризуется продолженіемъ, съ одной стороны, реакціи, вызванной главнымъ образомъ французской революціей, съ другой — борьбою за свободу, возникшею подъ вліяніемъ этой самой реакціи. Въ послѣдніе годы (1811 г.) своей жизни Георгъ III находился въ состояніи самаго безнадежнаго помѣшательства, и представителемъ королевской власти до самой смерти этого государя, послѣдовавшей въ 1820 г., былъ въ качествѣ регента его сынъ, который царствовалъ затѣмъ до 1830 г. подъ именемъ Георга IV. Это былъ человѣкъ необузданный и распутный, вслѣдствіе чего пользовался самою дурною репутаціей. Въ послѣдніе годы XVIII в. онъ старался сблизиться съ вигами, расчитывая на то, что они помогутъ ему выпутаться изъ затруднительнаго положенія—массы долговъ, сдѣланныхъ имъ на кутежи, да и затѣмъ онъ постоянно держался, повидимому, союза съ ними, но въ 1811 г., ставши регентомъ, онъ измѣнилъ вигамъ и началъ покровительствовать торіямъ, которые затѣмъ оставались у власти и послѣ принятія имъ регентства. Еще въ 1795 г. будущій Георгъ IV женился на принцессѣ брауншвейгской Каролинѣ, выбранной ему въ невѣсты отцомъ, причемъ парламентъ, желавшій этого брака, заплатилъ громадные долги жениха, но принцъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы разошелся съ женой, уѣхавшей вслѣдъ затѣмъ на материкъ, и предался своему прежнему образу жизни кутилы самаго послѣдняго разряда. Такое прошлое сдѣлало принца-регента весьма непопулярнымъ, и народная ненависть проявлялась къ нему иногда самымъ рѣзкимъ образовъ. Наприм., однажды (дѣло было въ 1817 г.) противъ него была сдѣлана народомъ на улицахъ Лондона враждебная демонстрація, вызвавшая потомъ репрессивныя мѣры со стороны парламента, что только увеличило общую ненависть къ принцу-регенту. Вступивъ на престолъ, Георгъ IV началъ скандальный процессъ о разводѣ съ женой, которую онъ обвинялъ въ нарушеніи супружеской вѣрности,

прибѣгнувъ при этомъ къ самымъ недостойнымъ способамъ доказательства ея вины. Каролина съ 1814 г. жила постоянно на материкѣ, но въ 1820 г. она вернулась въ Англію, гдѣ народъ устраивалъ ей повсемѣстно торжественныя встрѣчи. Во время процесса по обвиненію, возбужденному противъ нея королемъ, ея адвокатъ Брумъ (впослѣдствіи лордъ) еще болѣе расположилъ въ ея пользу общественное мнѣніе, доказавъ, что истецъ пользовался подкупленными свидѣтелями; это произвело такое сильное впечатлѣніе въ странѣ, что Георгъ IV вынужденъ былъ взять свое обвиненіе назадъ изъ опасенія народныхъ волненій. Тѣмъ не менѣе, когда королева пожелала участвовать въ коронаціи своего мужа, Георгъ IV, не хотѣвшій и слышать объ этомъ, велѣлъ силою удалить ее изъ Вестминстерскаго аббатства. Вскорѣ послѣ этого (1821) Каролина умерла, и король принялъ всѣ мѣры, чтобы предупредить враждебную ему демонстрацію на ея похоронахъ, но это не помѣшало погребенію королевы сдѣлаться поводомъ для новаго народнаго волненія, которое не обошлось даже безъ кровопролитія.

Такой человѣкъ, какъ Георгъ IV, совершенно соотвѣтствовалъ общему направленію реакціи. Во все время его царствованія у власти находились торіи, и лишь къ концу двадцатыхъ годовъ въ Англіи обнаружилось нѣкоторое общее движеніе къ возврату на сторону виговъ. Въ первые годы реставраціи самымъ вліятельнымъ лицомъ въ правительствѣ былъ лордъ Кэстльри [1]), долгое время бывшій другомъ Георга IV, человѣкъ крайнихъ торійскихъ убѣжденій и врагъ либерализма, гдѣ бы онъ ни проявлялся. Въ 1815 г. Александръ I предложилъ ему примкнуть къ Священному союзу, но онъ, подобно Меттерниху, сначала не сочувствовалъ этому акту и отклонилъ присоединеніе Англіи къ союзу, не желая брать на себя отвѣтственности передъ парламентомъ. Тѣмъ не менѣе принцъ-регентъ написалъ Александру I письмо, удостовѣрявшее, что и его идеи вполнѣ совпадаютъ съ принципами Священнаго союза. Дѣйствительно, въ первые годы реставраціи англійская внѣшняя политика почти вполнѣ совпадала съ стремленіями общеевропейской реакціи. Правда, Кэстльри высказывался противъ крайностей, которымъ предавались реакціонныя партіи во многихъ странахъ материка, но гораздо болѣе были ему не по душѣ тѣ попытки завоеванія политической свободы, какія дѣлались въ то время въ нѣкоторыхъ континентальныхъ странахъ, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ со многими своими соотечественниками онъ думалъ, что, кромѣ англичанъ, никто болѣе неспособенъ пользоваться

[1]) *Alison*. Lives of lord Castlereagh and Sir Ch. Stevart. 1862. Это — попытка реабилитаціи Кэстльри, которую мы находимъ отчасти въ исторіи XIX в. *Файфа*.

политической свободой. Поэтому, напр., Кэстльри, раньше самъ стоявшій на точкѣ зрѣнія вмѣшательства въ дѣла другихъ государствъ, вдругъ перемѣнилъ свой взглядъ, когда Фердинандъ I вздумалъ уничтожить сицилійскую конституцію, хотя она, какъ извѣстно, сама была плодомъ англійскаго вмѣшательства. Совершенно такъ же вела себя Англія и въ Испаніи, когда въ ней была отмѣнена конституція 1812 г. Правда, Кэстльри протестовалъ противъ предложенія Россіи вмѣшаться въ дѣла Испаніи когда тамъ, въ 1820 г., вспыхнула революція, но и въ данномъ случаѣ онъ вовсе не былъ защитникомъ политической свободы или права испанской націи по собственному усмотрѣнію устраивать свои внутреннія дѣла. Такого поведенія на этотъ разъ требовали отъ Кэстльри политическіе интересы Англіи, но это не помѣшало тому же Кэстльри найти совершенно естественнымъ и справедливымъ, чтобы Австрія подавила — лишь бы только она это сдѣлала отъ своего имени, а не по уполномоченію всей Европы — революцію въ Неаполѣ, такъ какъ договоръ Австріи съ Фердинандомъ I, въ силу котораго послѣдній обязывался поддерживать въ своемъ королевствѣ абсолютизмъ, былъ-де предъявленъ великобританскому послу и получилъ съ его стороны полное одобреніе. Даже тогда, когда на троппау-лайбахскомъ конгрессѣ Австрія, Пруссія и Россія приняли извѣстное рѣшеніе о правѣ коллективнаго вмѣшательства, и когда въ силу этого рѣшенія Австрія была уполномочена державами возстановить порядокъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ, Англія ограничилась лишь однимъ протестомъ и, взявъ назадъ у Австріи данное раньше обѣщаніе относительно нравственной поддержки, заявила только о строгомъ своемъ нейтралитетѣ во всемъ этомъ дѣлѣ, что опять-таки въ концѣ концовъ не могло не быть благопріятнымъ для политики Меттерниха. И послѣ подавленія неаполитанской революціи Кэстльри держался того взгляда, что испанскія дѣла нужно было предоставить ихъ собственному теченію, и даже самъ собирался ѣхать на конгрессъ въ Веронѣ, чтобы убѣдить въ этомъ другія державы и вмѣстѣ съ тѣмъ посовѣтовать имъ послать своихъ дипломатическихъ агентовъ въ американскія колоніи Испаніи, въ то время боровшіяся съ своею метрополіей. Но сдѣлать это Кэстльри уже не было суждено, такъ какъ въ томъ же 1822 г. въ припадкѣ умопомѣшательства, выразившагося въ бредѣ преслѣдованія, онъ окончилъ свою жизнь самоубійствомъ [1]).

Эта смерть произвела на Георга IV весьма тягостное впечатлѣніе; послѣ 1822 года онъ сталъ избѣгать общества и впалъ въ очень мрачное настроеніе.

Преемникомъ Кэстльри былъ знаменитый Джорджъ Каннингъ,

[1]) Онъ перерѣзалъ себѣ горло простымъ перочиннымъ ножикомъ.

при которомъ внѣшняя и внутренняя политика Англіи получила болѣе либеральное направленіе, благодаря чему англійское правительство перестало идти въ иностранныхъ дѣлахъ на буксирѣ политики Меттерниха и Священнаго союза, а въ дѣлахъ внутреннихъ стало постепенно ослаблять прежнюю реакцію [1]. Каннингъ началъ свою политическую дѣятельность въ 1793 г., двадцати-трехъ лѣтъ отъ роду, сдѣлавшись членомъ нижней палаты и весьма скоро заявивъ въ ней свои недюжинныя способности оратора и государственнаго человѣка. Въ 1796 г. онъ въ первый разъ занялъ постъ помощника государственнаго секретаря по иностраннымъ дѣламъ въ министерствѣ Питта, но въ 1801 г. вмѣстѣ съ нимъ вышелъ въ отставку, получилъ потомъ опять постъ въ послѣднемъ министерствѣ Питта, а въ 1807 г. (въ министерствѣ Портлэнда) сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ. Впрочемъ, вскорѣ онъ опять вышелъ въ отставку послѣ ссоры съ Кэстльри, доведшей его до дуэли съ нимъ на пистолетахъ. Въ 1816 г. Каннингъ былъ снова выбранъ въ парламентъ и черезъ годъ возвратился въ министерство, но и на этотъ разъ не сошелся съ номинальнымъ его главою, лордомъ Ливерпулемъ, главнымъ образомъ по нѣкоторымъ вопросамъ внутренней политики (между прочимъ по вопросу о разводѣ короля) и снова вышелъ изъ министерства. По смерти Кэстльри онъ опять сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ, а черезъ пять лѣтъ и первымъ министромъ. Программою внѣшней политики Каннинга была поддержка „разумной свободы для всѣхъ народовъ", вслѣдствіе чего онъ первый призналъ независимость американскихъ колоній Испаніи, организовавшихся въ самостоятельныя республики, и соединился съ Россіей и Франціею для коллективнаго вмѣшательства въ защиту грековъ, боровшихся за свое національное существованіе. Во внутренней политикѣ Каннингъ стоялъ за болѣе либеральное направленіе и искалъ сближенія съ вигами, хотя и противился парламентской реформѣ въ томъ видѣ, какъ ея требовали въ двадцатыхъ годахъ. Каннингъ умеръ вскорѣ послѣ того, какъ сталъ первымъ министромъ, но герцогъ Веллингтонъ, сдѣлавшійся его преемникомъ, несмотря на свои чисто торійскія воззрѣнія, раздѣлявшіяся и другими членами кабинета, въ сущности продолжалъ держаться той политики, программа которой была начертана покойнымъ министромъ. Вообще послѣ смерти Кэстльри англійское правительство сошло съ пути реакціи, и это имѣло важное значеніе въ исторіи борьбы за свободу, которую пришлось тогда вести передовымъ элементамъ англійской націи.

---

[1]) *Stapleton.* Kanning and his times. 1859. Въ первой главѣ V тома нашего труда разсматривается вообще постепенное разложеніе реакціонной политики Священнаго союза и указывается на значеніе Каннинга какъ вообще въ этомъ дѣлѣ, такъ въ частности и въ греческомъ вопросѣ.

Дѣло въ томъ, что къ концу царствованія Георга IV партія торіевъ все больше и больше сама приходила въ упадокъ. Съ одной стороны, совершалось измѣненіе въ составѣ и настроеніи правящаго класса, съ другой—начинали выступать на сцену новыя общественныя силы. Торіи всегда имѣли поддержку въ земледѣльческомъ классѣ (сквайры, country gentlemen), но въ составъ этого класса вошло много денежныхъ людей, обогатившихся промышленностью, торговлею, биржевыми операціями, военными поставками, накупившихъ себѣ имѣній, но при всемъ этомъ удержавшихъ свои вигистскія воззрѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ выступило на сцену и молодое поколѣніе сквайровъ, уже не такъ крѣпко державшееся торійскихъ убѣжденій своихъ отцовъ. Съ другой стороны, благодаря небывалому развитію промышленности и торговли, города все болѣе и болѣе начинали преобладать надъ графствами, и въ большихъ центрахъ обнаруживалось даже и чисто демократическое движеніе. Въ самомъ торійскомъ министерствѣ Ливерпуля не существовало полной солидарности во взглядахъ, и если, напр., самъ этотъ министръ былъ представителемъ идей поколѣнія, сходившаго со сцены, имѣя за себя большинство своихъ товарищей, то Каннингъ, наиболѣе видный членъ министерства, наоборотъ, стоялъ за болѣе либеральную политику. Поэтому-то едва Каннингъ сдѣлался первымъ министромъ, какъ изъ кабинета вышли наиболѣе рьяные торіи, въ числѣ которыхъ былъ, напр., герцогъ Веллингтонъ. Либеральное направленіе Каннинга и его разладъ съ собственными товарищами, упорствовавшими въ реакціонной политикѣ, снискали ему расположеніе и поддержку виговъ, хотя сами они и не раздѣляли его воззрѣній по нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ внутренней политики, каковъ былъ, напр., вопросъ о парламентской реформѣ. Мало того: въ министерство Каннинга вошло три члена изъ партіи виговъ, чѣмъ положено было начало союзу либеральныхъ торіевъ съ вигами. Смерть Каннинга помѣшала развитію этого союза, но хотя герцогъ Веллингтонъ и составилъ чисто торійскій кабинетъ, изъ котораго удалились всѣ либеральные члены, но возвратиться вполнѣ къ старой политикѣ оказалось уже невозможнымъ. Дѣло дошло до того, что консерваторы стали даже во враждебное отношеніе къ торійскому министерству Веллингтона, которое, наоборотъ, находило поддержку у виговъ, во всѣхъ случаяхъ, когда оно уступало необходимости и голосу общественнаго мнѣнія. Это внутреннее разложеніе торійской партіи расчищало вигамъ дорогу къ власти, и когда по смерти Георга IV (въ 1830 г.) произведены были новые парламентскіе выборы, виги одержали на нихъ побѣду, и съ новымъ царствованіемъ начался новый періодъ въ исторіи Англіи, — періодъ совершеннаго прекращенія реакціи.

Переходя къ болѣе детальному изображенію реакціи, происхо-

дившей въ Англіи въ эпоху реставраціи, и той борьбы за свободу, которую эта реакція вызывала, мы должны прежде всего выяснить два пункта. Во-первыхъ, намъ нужно показать, что реакція, совершавшаяся въ Англіи одновременно съ реакціей на континентѣ, была въ сущности лишь продолженіемъ реакціи, вызванной въ англійскомъ обществѣ французской революціей, а во-вторыхъ, намъ слѣдуетъ еще отвѣтить и на вопросъ, какимъ же образомъ въ Англіи могла происходить борьба за свободу, разъ именно въ эту самую эпоху Англія являлась въ глазахъ либераловъ всѣхъ странъ настоящею родиною всевозможныхъ гражданскихъ вольностей, и почему англійская реакція, несмотря на всю свою суровость, не въ состояніи была поколебать устои конституціи, бывшей идеаломъ тогдашняго континентальнаго либерализма.

По первому пункту особенно много нечего распространяться. Исторія континентальныхъ странъ Западной Европы въ первыя три десятилѣтія XIX в. дѣлится на два періода—до и послѣ низложенія Наполеона, потому что въ первыя полтора десятилѣтія внутренняя жизнь народовъ западно-европейскаго материка, какъ бы тамъ ни было, испытывала на себѣ вліяніе французской революціи, а въ слѣдующія полтора десятилѣтія, наоборотъ, она находилась подъ вліяніемъ реакціи, направленной къ тому, чтобы по возможности устранить всѣ слѣды этой революціи. Такого перелома во внутренней жизни Англіи съ паденіемъ Наполеона не только не произошло, но и не могло произойти, такъ какъ во всю эту эпоху исторія Англіи стоитъ, такъ сказать, особнякомъ. Въ Англіи не произошло никакого политическаго переворота, и потому для нея паденіе имперіи Наполеона не могло имѣть такого рѣшающаго значенія, какое оно имѣло для Франціи, для Германіи, для Италіи, для Испаніи и т. п. Въ названныхъ странахъ реакція 1815—1830 годовъ была не чѣмъ инымъ, какъ проявленіемъ общаго стремленія по возможности уничтожить совершившіеся факты, вычеркнуть изъ исторіи цѣлую четверть вѣка —отъ 1789 по 1814 годъ. Англійской реакціи, какъ уже было сказано выше, не приходилось ничего уничтожать, и вся ея тенденція заключалась, напротивъ, въ томъ, чтобы не дать совершиться извѣстнымъ фактамъ; съ этой точки зрѣнія она скорѣе заслуживаетъ названіе консервативной оппозиціи, хотя и не противъ начинаній государственной власти, какъ то было въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма“ на материкѣ, а противъ народныхъ требованій, шедшихъ гораздо дальше того, что давала націи существующая конституція. Правящіе классы Англіи, напуганные французской революціей и демократическимъ движеніемъ въ самой странѣ, готовы были, подобно французской буржуазіи, до извѣстной степени поступиться свободою, лишь бы удержать за собою свое господствующее положеніе. Каждый разъ, какъ они усматривали опасность для себя отъ усиленія движенія,

тотчасъ же въ нихъ обнаруживалась сильная реакція, и почти неизмѣнно власть попадала въ руки торіевъ. Тогда правительство предлагало, а парламентъ принималъ разныя репрессивныя мѣры, направлявшіяся преимущественно противъ свободнаго выраженія общественнаго мнѣнія путемъ печати и народныхъ сходокъ. Въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой разницы, наприм., между девятидесятыми годами XVIII вѣка, когда такія мѣры принимались подъ вліяніемъ страха, вызваннаго французской революціей, — и первыми годами эпохи реставраціи, когда этого страха уже не было, но зато въ самой Англіи происходило сильное народное движеніе въ пользу парламентской реформы. Вотъ почему въ послѣдующемъ намъ придется не отдѣлять фактовъ реакціи и борьбы за свободу въ эпоху реставраціи отъ однородныхъ имъ фактовъ болѣе ранняго періода.

Но, спрашивается, въ чемъ же могла заключаться въ Англіи борьба за свободу, разъ англійскія политическія учрежденія считались на материкѣ—и, прибавимъ, считались справедливо—самыми свободными, какія только въ то время существовали, за исключеніемъ развѣ однихъ сѣверо-американскихъ порядковъ, которые въ разсматриваемое время мало еще привлекали къ себѣ вниманіе либераловъ? И если, съ другой стороны, тѣмъ не менѣе и въ Англіи, этой родинѣ свободныхъ учрежденій, реакція вызывала борьбу за свободу, то почему,—можно еще спросить,—эти учрежденія выдержали здѣсь удары реакціи, не потерпѣвъ при этомъ въ сущности ни малѣйшаго ущерба? Эти два вопроса тѣсно связаны между собою и потому должны разсматриваться вмѣстѣ.

Реакціонныя мѣры, характеризующія внутреннюю англійскую политику въ исходѣ XVIII и началѣ XIX в., при существовавшемъ въ Англіи государственномъ строѣ, могли исходить только отъ парламента, т.-е. отъ парламентскаго большинства и правительства, которое, благодаря возникновенію въ началѣ XVIII в. конституціоннаго министерства, было не чѣмъ инымъ, какъ органомъ этого большинства. Понятно, что при такомъ положеніи дѣла какія бы то ни было реакціонныя мѣропріятія не могли быть направлены ни противъ самого парламента, ни противъ парламентарнаго министерства. Вѣковой споръ о взаимныхъ отношеніяхъ между короной и представительствомъ страны былъ окончательно и безповоротно рѣшенъ въ пользу парламента еще за сто лѣтъ до французской революціи. Прямое нападеніе на права парламента со стороны королевской власти сдѣлалось прямо невозможнымъ. Далѣе, при первыхъ двухъ короляхъ изъ Ганноверской династіи, когда господство принадлежало партіи виговъ, возникло парламентарное министерство, и торіи, которые при Георгѣ III смѣнили виговъ у власти, удержали этотъ институтъ. Попытка названнаго короля поставить министерство въ бо́льшую зависимость отъ ко-

роны не удалась и прежде всего потому, что нигдѣ не могла найти достаточной поддержки—ни у виговъ, конечно, которые выработали учрежденіе, ни у торіевъ, которые, достигнувъ господства, не хотѣли выпускать изъ своихъ рукъ такое важное орудіе, какъ зависимый отъ парламентскаго большинства кабинетъ. Съ этой стороны англійская конституція стояла очень прочно и, дѣйствительно, могла являться образцомъ свободнаго государственнаго устройства. Французскіе либералы изъ школы доктринеровъ находили даже нужнымъ нѣсколько усилить въ конституціи монархическій элементъ сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ королевская власть находилась въ Англіи. Реакція, происходившая въ Англіи, такимъ образомъ вовсе не имѣла своею цѣлью и не могла имѣть результатомъ какое бы то ни было ограниченіе правъ парламента. Уже въ XVIII столѣтіи власть парламента опредѣлялась, какъ „деспотическая“, и эту, дѣйствительно, по существу дѣла вполнѣ неограниченную власть парламентъ сохранилъ и въ XIX столѣтіи [1]). Парламенту принадлежитъ настоящее верховенство, потому что въ Англіи нѣтъ закона, котораго парламентъ не могъ бы измѣнить, т.-е. не существуетъ никакого различія между конституціонными и обыкновенными законами, устанавливавшагося разными континентальными конституціями, начиная съ французской 1791 г. Послѣднія даже ставились обыкновенно выше представительныхъ учрежденій и заключали въ себѣ гарантіи противъ несогласнаго съ конституціей законодательства, чего опять-таки нѣтъ въ Англіи, гдѣ вся верховная власть (и, слѣдовательно, власть учредительная), на континентѣ отдававшаяся, напр., народу, принадлежитъ одному парламенту. Но именно это-то самое обстоятельство и давало англійскому парламенту возможность издавать законы, которыми ограничивалась и стѣснялась свобода гражданъ. Будучи самъ законодательнымъ органомъ правящихъ классовъ и состоя изъ реакціоннаго большинства, парламентъ дѣлалъ постановленія, направленныя противъ общественной свободы, поскольку такія движенія, какъ, напр., движеніе въ пользу парламентскй реформы, казались опасными для интересовъ правящихъ классовъ.

Но рядомъ съ верховенствомъ парламента англійская политическая жизнь выработала еще принципъ законности, нашедшій свое выраженіе въ безусловномъ господствѣ права, всегда удивлявшемъ иностранныхъ наблюдателей. Это господство права состоитъ не только въ отсутствіи произвольной власти у какихъ бы то ни было правительственныхъ лицъ, но и въ томъ, что въ Англіи всякій человѣкъ подчиняется обыкновеннымъ законамъ государства и подлежитъ юрис-

[1]) См. *Дайси.* Основы государственнаго права Англіи. 1891.

дикціи обыкновенныхъ судовъ, каково бы ни было его званіе или положеніе, и что въ силу этого всѣ должностныя лица, начиная съ перваго министра и кончая какимъ-нибудь полисменомъ или сборщикомъ податей, подлежатъ такой же отвѣтственности, какъ и простые граждане, за всѣ поступки, не оправдываемые закономъ. Собственно говоря, господство права является даже настоящей основой англійской конституціи, такъ какъ то, что въ континентальныхъ конституціяхъ гражданамъ гарантируется въ качествѣ общихъ правъ личности, въ Англіи является не чѣмъ инымъ, какъ результатомъ дѣятельности судовъ, безъ рѣшенія которыхъ никто не можетъ быть лишенъ свободы, подвергнуться какому-либо наказанію или поплатиться хотя бы малѣйшею долею своего достоянія. Личныя права англійскихъ гражданъ вытекаютъ не изъ конституціи, какъ на материкѣ, гдѣ тотчасъ же эти права лишаются защиты, едва только пріостанавливается дѣйствіе конституціи, а именно изъ общаго права страны. Личная неприкосновенность въ Англіи гарантируется главнымъ образомъ habeas-corpus-act'омъ, изданнымъ въ эпоху реставраціи Стюартовъ, но и временная пріостановка дѣйствія habeas-corpus-act'а, къ которой такъ охотно прибѣгалъ англійскій парламентъ въ періоды обостренія реакціи, а именно въ 1794—1801 и 1817 гг., далеко не была равносильна тому, что въ другихъ государствахъ называется пріостановкой конституціонныхъ гарантій или объявленіемъ страны въ осадномъ положеніи. Не говоря уже о томъ, что акты объ отмѣнѣ habeas-corpus издавались только на одинъ годъ, въ сущности они давали министру право лишь откладывать судъ надъ лицами, заключенными по обвиненію въ измѣнѣ, въ теченіе всего періода, когда актъ о пріостановкѣ находился въ силѣ. Но этотъ актъ все-таки никого не освобождалъ ни отъ гражданской, ни отъ уголовной отвѣтственности за нарушеніе закона, такъ что министерство и дѣйствовавшіе по его предписанію агенты власти должны были по возобновленіи силы habeas-corpus-act'a отвѣчать за всѣ незаконные поступки, какіе были бы ими совершены во время пріостановки этой гарантіи. Правда, парламентъ по истеченіи срока всегда издавалъ такъ называемый act of indemnity, снимавшій отвѣтственность съ должностныхъ лицъ за совершонныя ими дѣянія; но, во-первыхъ, должностныя лица могли въ теченіе всего этого времени и не быть увѣренными въ томъ, что получатъ такую амнистію, а во-вторыхъ, и амнистія эта не была безусловной; напр., она не покрывала преслѣдованій, вытекавшихъ изъ личной злобы, и отнюдь не освобождала отъ отвѣтственности за жестокое обращеніе съ политическими узниками или за произвольныя наказанія, какимъ эти узники могли бы быть подвергнуты.

Верховенство парламента и господство права въ Англіи тѣсно

связаны между собою и одно другое обусловливаютъ. Воля парламента, для которой нужно взаимное согласіе короля, палаты лордовъ и палаты общинъ, можетъ быть выражена не иначе, какъ въ формѣ закона, который тотчасъ же поступаетъ подъ охрану независимаго суда, не допускающаго ни отступленій отъ него, ни произвольныхъ его толкованій; съ другой же стороны, суды не допускаютъ никакого правительственнаго произвола во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о свободѣ личности, а потому дискреціонная власть дается правительству при пріостановкѣ дѣйствія habeas-corpus-act'а не иначе, какъ въ силу опять-таки особаго закона, въ которомъ парламентъ проявляетъ свою верховную власть. Благодаря этимъ двумъ своимъ особенностямъ, англійская конституція вышла безъ всякаго ущерба изъ періода реакціи, но такъ какъ парламентъ издавалъ въ эту эпоху репрессивные законы, дѣйствительно умалявшіе свободу гражданъ и даже противорѣчившіе общему духу конституціи, то должна была возникнуть борьба за свободу со стороны отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ общественныхъ группъ, бывшихъ недовольными способомъ образованія палаты депутатовъ и добивавшихся возможности легальнымъ путемъ содѣйствовать парламентской реформѣ.

Выше мы уже упомянули, что въ послѣдней трети XVIII в. нѣсколько разъ въ самомъ парламентѣ возникалъ вопросъ о парламентской реформѣ, но каждый разъ безуспѣшно. Взрывъ французской революціи особенно затормазилъ это дѣло, тѣмъ болѣе, что сами парламентскіе сторонники реформы были очень далеки отъ тѣхъ идей, которыя господствовали въ демократическихъ клубахъ (въ родѣ знаменитыхъ Hampden clubs), состоявшихъ изъ рабочихъ и требовавшихъ всеобщаго голосованія и ежегодныхъ выборовъ въ парламентъ. Въ теченіе почти тринадцати лѣтъ, между 1797 и 1809 г., вопросъ о парламентской реформѣ ни разу не поднимался въ парламентѣ, пока въ 1809 г. его не возобновилъ Бердетъ, нашедшій, однако, во всей тогдашней палатѣ общинъ лишь полтора десятка единомышленниковъ. Въ слѣдующемъ году дѣлу думали дать ходъ въ палатѣ общинъ Брандъ, въ палатѣ пэровъ—лордъ Грей, уже раньше не разъ высказывавшійся за реформу, но и они не имѣли никакого успѣха. Затѣмъ въ 1818 и 1819 гг. опять были сдѣланы предложенія о реформѣ со стороны Бердета, и опять ихъ постигла та же самая судьба. Черезъ годъ съ предложеніемъ о реформѣ выступилъ въ парламентѣ лордъ Джонъ Россель, который возобновилъ вопросъ и въ 1821 г. одновременно съ Ламбтономъ; предложенія обоихъ снова были отвергнуты большинствомъ голосовъ. Россель оказался человѣкомъ весьма упорнымъ и поднималъ еще вопросъ о реформѣ въ 1822, 1823, 1826 и 1830 гг., хотя каждый разъ противъ него высказывалось значительное большин-

ство голосовъ. Кромѣ того, въ 1729 г. съ планомъ реформы выступалъ и лордъ Бландфордъ и столь же безрезультатно, какъ и другіе. Между тѣмъ представительство отъ „гнилыхъ мѣстечекъ“ дошло до послѣднихъ предѣловъ безобразія. и потому рядомъ съ общими предположеніями о реформѣ являлись планы объ отнятіи избирательнаго права только у нѣкоторыхъ изъ гнилыхъ мѣстечекъ и передачи его лишь наиболѣе важнымъ изъ большихъ городовъ, его не имѣвшихъ, каковы Лидсъ, Бирмингамъ и Манчестеръ, но большинство парламента не соглашалось и на частныя уступки, указывая на то, что предоставленіе избирательныхъ правъ Лидсу, Бирмингаму и Манчестеру можетъ разохотить и другіе города получить то же право, но тогда гдѣ остановились бы уступки? Между тѣмъ вопросъ о парламентской реформѣ началъ сильно занимать общественное мнѣніе, и требованіе реформы выборовъ въ демократическомъ направленіи сдѣлалось главнымъ лозунгомъ такъ называемой демократической партіи.

Важнымъ событіемъ во внутренней исторіи Англіи было то, что рядомъ съ двумя большими политическими партіями, боровшимися между собой за власть, мало-по-малу образовалась еще одна небольшая политическая группа, получившая названіе демократической партіи и начавшая оказывать вліяніе на взаимныя отношенія торіевъ и виговъ. Возникновеніе этой партіи относится ко времени сѣвероамериканской войны за независимость, но видную роль она стала играть лишь послѣ паденія Наполеона, когда, съ одной стороны, господство торіевъ заставило виговъ усилить свою оппозицію и искать для себя новыхъ союзниковъ, а съ другой, народныя бѣдствія, вытекавшія изъ дурныхъ экономическихъ условій, вообще оживили демократическія стремленія. Около этого времени (1819) одинъ изъ вождей демократовъ, Гёнтъ (Hunt), и его послѣдователи впервые приняли названіе „радикальныхъ реформаторовъ“, стараясь всячески отдѣлить себя отъ виговъ, которыхъ они обвиняли въ умѣренности и въ погонѣ за теплыми мѣстами. Между вигами и новой партіей отношенія поэтому постоянно колебались: по временамъ происходило сближеніе между ними, по временамъ, наоборотъ, они расходились. Демократическая партія должна была дѣлать въ это время еще тѣмъ бо̀льшіе успѣхи, что, съ одной стороны, въ народныхъ массахъ шло броженіе, хотя и вызывавшееся главнымъ образомъ экономическими причинами, но ставившее себѣ чисто политическія цѣли, а съ другой, одновременно съ этимъ совершалось распространеніе просвѣщенія въ такихъ слояхъ общества, которымъ ранѣе оно было совершенно недоступно. Демократическія идеи пропагандировались путемъ печати и народныхъ собраній, получившихъ въ это время небывалое дотолѣ развитіе,

но по этой-то причинѣ и репрессивныя мѣры парламента стали направляться главнымъ образомъ противъ свободнаго проявленія общественнаго мнѣнія, когда оно оказывалось неблагопріятнымъ для существующаго строя.

Французская „декларація правъ человѣка и гражданина" объявила свободное выраженіе мыслей и мнѣній на словахъ, на письмѣ и въ печати однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ человѣка, но англійское государственное право, собственно говоря, совсѣмъ не знало такого спеціальнаго права личности, какъ свобода печати. Въ Англіи дѣйствовалъ даже особый законъ о пасквиляхъ (libels) на частныхъ лицъ и на правительство, налагавшій,—но не иначе, конечно, какъ по суду, — серьезныя ограниченія на свободу прессы, и рядомъ съ нимъ еще существовалъ особый законъ о пасквиляхъ богохульственнаго содержанія. Такъ какъ, однако, наказаніе за написаніе, обнародованіе и распространеніе пасквиля налагается не иначе, какъ судомъ присяжныхъ, то въ концѣ концовъ степень свободы выраженія мыслей и мнѣній зависѣла въ Англіи за послѣдніе два вѣка отъ общественнаго настроенія въ тотъ или другой періодъ времени, такъ какъ лишь отъ присяжныхъ, представляющихъ собою общественную совѣсть, зависѣло признавать или не признавать въ данномъ сочиненіи злонамѣренный пасквиль на то или другое частное лицо, на правительство или на религію. Далѣе, англійская конституція не устанавливаетъ также и спеціальнаго права сходокъ, и если оно тѣмъ не менѣе существуетъ, то лишь въ силу признаваемой англійскими судами за каждымъ гражданиномъ свободы встрѣчаться гдѣ угодно и съ кѣмъ угодно и говорить при этомъ что̀ угодно, если только на сходкѣ не будетъ нарушенъ какой-либо законъ, карающій то или другое запрещаемое закономъ же дѣйствіе, въ родѣ клеветы, призыва къ мятежу или прямого насилія. На этомъ основаніи англійскіе граждане получили возможность безъ особаго разрѣшенія со стороны спеціальнаго закона собираться для обсужденія общихъ дѣлъ, и безъ особаго закона, изданнаго парламентомъ, правительство поэтому также не могло сдѣлать собраніе незаконнымъ, объявивъ, что считаетъ ту или другую сходку опасною. Вотъ эти-то два права англійскаго гражданина — свобода слова и свобода сходокъ — и стали ограничиваться и стѣсняться въ эпоху реакціи, а это вызывало противодѣйствіе со стороны общественнаго мнѣнія, которое теперь все болѣе и болѣе начало высказываться принципіально за свободу прессы и за свободу митинговъ. Какъ, однако, парламентъ въ эпоху реакціи ни стѣснялъ обѣ эти свободы, никогда онъ, во-первыхъ, не доходилъ до установленія цензуры, какъ это дѣлалось, напр., во Франціи въ эпоху реставраціи, когда постоянно мѣнялись законы о печати и цензура то отмѣнялась,

то опять возстановлялась, а во-вторыхъ, ни единаго раза не прибѣгалъ къ пріостановкѣ конституціи, допускавшейся, напр., во Франціи самою же конституціею въ случаѣ мятежей, немыслимыхъ, конечно, безъ народныхъ сборищъ. Правящіе классы Англіи, несомнѣнно, были весьма нерасположены къ свободной прессѣ и къ митингамъ, но въ своихъ реакціонныхъ мѣрахъ никогда не заходили такъ далеко, какъ дѣлали французскіе ультра-роялисты. Тѣмъ не менѣе, свободѣ печати и свободѣ сходокъ пришлось пережить весьма тяжелый кризисъ. Въ концѣ концовъ англійская нація отвоевала и для прессы, и для митинговъ такую свободу, какой раньше никогда не пользовалась.

Цензура въ Англіи, какъ извѣстно, исчезла еще въ концѣ XVII в., послѣ чего всякое произведеніе печати могло свободно обращаться въ публикѣ подъ условіемъ подчиненія довольно строгимъ и неопредѣленнымъ законамъ о пасквилѣ. Благодаря этимъ законамъ и вслѣдствіе того, что дѣла по пасквилямъ изъимались прежде изъ компетенціи суда присяжныхъ, прессѣ пришлось завоевывать для своей свободы признаніе со стороны правительства и парламента шагъ за шагомъ, и лишь въ 1792 г. былъ послѣ нѣкоторой борьбы принятъ законъ, по которому преступленія по дѣламъ печати должны были всегда подлежать вѣдѣнію суда присяжныхъ. Особенно важно было то, что въ началѣ царствованія Георга III газеты добились права оглашать содержаніе парламентскихъ преній (хотя и до сихъ поръ это право остается безъ утвержденія посредствомъ какого-либо законодательнаго акта). Съ другой стороны, вмѣстѣ съ печатью, которая сдѣлалась могущественною общественною силою, большое политическое вліяніе стали оказывать народныя собранія (митинги) по тѣмъ или другимъ жгучимъ вопросамъ дня или болѣе постоянныя ассоціаціи, ставившія себѣ какую-либо опредѣленную политическую цѣль [1]). Митинги явились не только новой формой выраженія общественнаго мнѣнія, но и новымъ его источникомъ. Между прочимъ, митинги, а съ ними и ассоціаціи получили весьма важное значеніе въ дѣлѣ агитаціи за парламентскую реформу, особенно послѣ того, какъ во Франціи вспыхнула революція.

Еще въ 1780 г. возникла въ Англіи большая ассоціація, которая получила названіе „Society for promoting Constitutional information“ и поставила своею цѣлью распространеніе въ народѣ политическаго образованія посредствомъ изданія соотвѣтствующихъ этой цѣли книгъ и брошюръ, въ которыхъ уже проводились идеи всеобщаго голосованія, закрытой подачи голосовъ и т. п. Въ 1791 г. для дости-

---

[1]) *Henry Jephson*. The platform, its rise and progress. 1892. Сочиненіе *Джефсона* въ настоящее время вышло и въ русскомъ переводѣ подъ ред. *В. Ѳ. Дерюжинскаго* (1901).

женія парламентской реформы въ смыслѣ равномѣрности представительства образовалось въ Лондонѣ и въ другихъ городахъ нѣсколько обществъ, изъ которыхъ особенно дѣятельнымъ было лондонское „Corresponding Society", а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (1792) возникло еще „Общество друзей народа" (Society, of the friends of the people) съ вигами во главѣ (въ томъ числѣ нѣкоторыми членами парламента), поставившими своею задачею добиваться мирными путямм парламентской реформы и тѣмъ самымъ противодѣйствовать революціоннымъ проискамъ. Такъ какъ старѣйшее изъ этихъ обществъ однажды рѣшило послать адресъ якобинскому клубу въ Парижѣ, то правительство весьма встревожилось и издало „прокламацію" о необходимости строгаго подавленія всѣхъ попытокъ распространять вредныя и мятежническія сочиненія. Тѣмъ не менѣе всѣ три ассоціаціи продолжали агитировать въ пользу реформы, составляя въ этомъ смыслѣ петиціи, собирая подъ ними подписи и вообще всякими средствами стараясь поддерживать общественный интересъ къ этому вопросу и показывать правительству и большинству парламента, что движеніе въ пользу реформы имѣетъ серьезное значеніе и очень популярно въ странѣ. Однимъ изъ наиболѣе рьяныхъ дѣятелей въ этой пропагандѣ реформы выборовъ былъ членъ парламента Чарльзъ Грей, внесшій въ этомъ смыслѣ предложеніе въ палату депутатовъ (1793). Когда оно было отвергнуто, первыя два изъ названныхъ обществъ совокупными силами устроили въ 1793 въ Лондонѣ первые два публичные митинга подъ открытымъ небомъ. Примѣру столицы послѣдовали и другіе города. Хотя на этихъ собраніяхъ порядокъ ни разу не былъ нарушенъ, тѣмъ не менѣе рѣчи, произносившіяся на нихъ, не могли не обезпокоить правительство, шедшее въ это время все болѣе и болѣе по пути реакціи. Напр., на одномъ митингѣ было постановлено, что народъ можетъ требовать всеобщей подачи голосовъ, какъ своего права, и что поэтому нѣтъ надобности о немъ просить, какъ о какой-то милости; нѣкоторые же ораторы, увлеченные примѣромъ французской революціи, прямо настаивали на томъ, чтобы созванъ былъ національный конвентъ, который и произвелъ бы парламентскую реформу. На такого рода заявленія правительство взглянуло, какъ на призывъ къ революціи и какъ на образованіе заговора противъ существующаго порядка, и въ 1794 г., по предложенію Питта, было на годъ пріостановлено дѣйствіе habeas-corpus-act'а. Правда, по окончаніи этого срока министры должны были дать отчетъ парламенту по всѣмъ своимъ дѣйствіямъ, касавшимся личной свободы гражданъ, но парламентъ потомъ посредствомъ особаго акта (bill of indemnity) снялъ съ нихъ отвѣтственность за все ими совершонное въ это время, и такъ дѣло продолжалось въ теченіе восьми лѣтъ (до конца 1801 г.),

потому что парламентъ изъ года въ годъ вотировалъ временную прiостановку habeas-corpus-act'a. Въ новѣйшей исторiи Англiи это самый длинный перiодъ, когда принималась такая исключительная мѣра, лишавшая гражданъ одной изъ важнѣйшихъ гарантiй ихъ личной неприкосновенности.

Подъ влiянiемъ страха революцiи съ этого времени умножаются и процессы по дѣламъ о пасквиляхъ и по поводу „мятежныхъ" словъ. Ужъ въ 1792 г. былъ подвергнутъ суду и осужденъ присяжными Томасъ Пэнъ за свое сочиненiе о правахъ человѣка, а затѣмъ процессы подобнаго рода быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ, причемъ присяжными, зараженными общей паникой, выносились обыкновенно обвинительные приговоры, и подсудимые приговаривались къ тюремному заключенiю и большимъ штрафамъ. Мало того: въ Лондонѣ и во всей Англiи стали образовываться добровольческiя общества въ помощь правительству для разыскиванiя и наказанiя мятежныхъ сочиненiй и разговоровъ. Первая изъ этихъ ассоцiацiй назвала себя „Обществомъ для покровительства свободы и собственности противъ республиканцевъ и уравнителей". Публика по подпискѣ собирала деньги, нанимала шпiоновъ, сама шпiонила и доносила, куда слѣдуетъ, нерѣдко пользуясь анонимными письмами для этой цѣли; въ такихъ обществахъ принимали участiе даже сами судьи, и особенно часто дѣятельные члены этихъ ассоцiацiй являлись на судѣ въ качествѣ присяжныхъ [1]). Нѣкоторые члены парламента подняли-было вопросъ о неправильностяхъ судопроизводства и о чрезмѣрно строгихъ приговорахъ по дѣламъ этого рода, но громадное большинство въ обѣихъ палатахъ давало молчаливое одобренiе всему, что дѣлали суды по процессамъ о мятежныхъ словахъ и сочиненiяхъ. За этими процессами послѣдовали новые—о заговорахъ и политическихъ обществахъ. Въ 1794 г., напр., преданы были суду Томасъ Гарди, Горнъ Тукъ и еще нѣсколько лицъ, все члены разныхъ либеральныхъ ассоцiацiй, по обвиненiю въ государственной измѣнѣ и революцiонномъ заговорѣ. Томасъ Гарди былъ простой ремесленникъ и состоялъ секретаремъ „London Corresponding Society", и ему были поставлены въ вину чуть не всѣ слова, какiя произносились гдѣ-либо и когда-либо членами этой ассоцiацiи, исходя при этомъ изъ того еще предположенiя, что настоящiя цѣли общества были не тѣ, какiя были показаны въ его программѣ. Однако, несмотря на всю предубѣжденность присяжныхъ, Томасъ Гарди оказался совершенно невиннымъ. Горнъ Тукъ былъ также оправданъ, но изъ процесса публика узнала, до какой степени у страха были велики глаза. Въ числѣ документовъ, читавшихся на

---

[1]) Подробностей много собрано въ книгѣ *Erskine May*, названной выше.

судѣ, было, напр., письмо, гдѣ одна весьма простая фраза: „можете ли вы быть готовы къ четвергу?—истолковывалась обвинителемъ въ смыслѣ намека на подготовку какого-либо бунта или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Другимъ доказательствомъ опаснаго поведенія Тука были его слова, произнесенныя въ засѣданіи „Society for constitutional information“: увидѣвъ въ залѣ Гея, извѣстнаго въ то время своею предпріимчивостью въ дѣлѣ отдаленныхъ путешествій, онъ сказалъ, что „вотъ человѣкъ, который пойдетъ гораздо дальше, нежели каждый изъ насъ согласился бы за нимъ слѣдовать“, шпіонъ же, донесшій объ этихъ словахъ, истолковалъ ихъ въ смыслѣ разговора о рѣшимости далеко идти въ дѣлѣ политическаго переустройства Англіи. Другіе обвиняемые равнымъ образомъ были оправданы. Все это дало вигамъ поводъ снова поднять въ парламентѣ вопросъ о томъ, да существуютъ ли въ дѣйствительности какіе-либо поводы для пріостановки дѣйствія habeas-corpus-act'а. Фоксъ былъ постоянно въ числѣ наиболѣе рьяныхъ противниковъ этой реакціи, грозившей личной и общественной свободѣ.

1795 годъ въ Англіи былъ однимъ изъ наиболѣе безпокойныхъ, что заставляло и правительство, и правящіе классы общества, и добровольческихъ ревнителей порядка напрягать всѣ свои усилія для борьбы съ признакомъ революціи. Урожай былъ плохой, война разстроила промышленныя предпріятія, въ народѣ стала развиваться нищета и съ нею наклонность къ безпорядкамъ, а тутъ еще, лишь только истекъ срокъ пріостановки дѣйствія habeas-corpus-act'а, возобновилась и агитація въ пользу парламентской реформы. Начались опять митинги подъ открытымъ небомъ, и одинъ изъ нихъ даже получилъ особенно грандіозные размѣры (говорили, что на немъ присутствовало полтораста тысячъ человѣкъ). На этихъ сходкахъ вотировались воззванія къ народу съ приглашеніемъ добиваться всѣми легальными и конституціонными средствами обезпеченія за націей ея естественныхъ и неоспоримыхъ правъ — всеобщаго голосованія и ежегодныхъ выборовъ въ парламентъ, и вотировались адресы къ королю въ томъ же смыслѣ. Когда вскорѣ послѣ большого митинга Георгъ III ѣхалъ на открытіе сессіи парламента, его окружила большая толпа народа, изъ которой сначала раздавались крики: „Долой Питта!“—„Не нужно войны!“—„Миръ! миръ!“—„Дайте намъ хлѣба!“—„Прочь голодъ!“,—а затѣмъ полетѣлъ въ королевскую карету камень, выбившій въ ней оконное стекло. На обратномъ пути короля повторились такіе же крики, и едва онъ скрылся во дворцѣ, какъ народъ бросился на карету и чуть не изломалъ ее въ куски. Это происшествіе было поводомъ для изданія парламентомъ крайне репрессивныхъ законовъ, которые, имѣя своею цѣлью охрану особы короля отъ какихъ бы то ни было поку-

шеній и оскорбленій, могли въ то же время быть прилагаемы ко всѣмъ сторонникамъ парламентской реформы, въ рѣчахъ или печатно пропагандировавшимъ ея необходимость, такъ какъ подлежали судебному преслѣдованію всѣ книги, статьи, рѣчи и предложенія съ неблагонамѣреннымъ содержаніемъ, направленнымъ противъ короля или его правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ запрещались и всякія мятежническія скопища и какія бы то ни было публичныя собранія (за исключеніемъ установленныхъ закономъ), разъ на нихъ присутствовало болѣе пятидесяти человѣкъ. Эти законы были приняты не безъ ожесточенной борьбы, потому что вигская оппозиція, имѣя во главѣ Фокса, указывала на то, что подобныя мѣропріятія противорѣчатъ всему духу англійской конституціи. Однажды виги въ негодованіи даже покинули залу засѣданій. „Мы,—сказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей по этому поводу Фоксъ,—мы видѣли революціи въ другихъ государствахъ, мы слышали о томъ, какъ онѣ происходятъ! Развѣ онѣ были вызваны свободой выраженія общественнаго мнѣнія? Развѣ ихъ производила свобода народныхъ собраній? Нѣтъ, онѣ обязаны были своимъ происхожденіемъ совершенно иной политикѣ, и вотъ я прямо говорю: если мы только желаемъ избѣжать опасности подобныхъ революцій, мы должны по возможности поставить себя въ положеніе, наиболѣе несходное съ положеніемъ нашихъ сосѣдей“. Протестовали противъ новыхъ биллей, впрочемъ, не одни парламентскіе виги. Въ столицѣ государства и во всей странѣ шла сильная агитація противъ стѣсненій свободы общественнаго мнѣнія и его проявленій путемъ печати и народныхъ сходокъ, и любопытно, что сами министры и сторонники ограничительныхъ мѣръ тоже прибѣгали къ организаціи митинговъ, на которыхъ принимались резолюціи въ смыслѣ необходимости репрессіи для поддержанія порядка. Шесть недѣль шла эта борьба въ парламентѣ и въ обществѣ, въ столицѣ и во всей странѣ; однѣхъ петицій противъ биллей было представлено около сотни съ ста тридцатью тысячами подписей. Реакціонное большинство въ парламентѣ было, однако, столь значительно и такъ крѣпко сплочено, что оппозиція не могла имѣть успѣха, и реакціонные билли прошли всѣ законодательныя инстанціи. Срокъ дѣйствія для новаго закона о народныхъ собраніяхъ, какъ мѣры исключительной, былъ опредѣленъ трехлѣтній, но уже въ 1797 г. Фоксъ началъ настаивать въ парламентѣ на необходимости немедленнаго возвращенія народу его права собираться и обсуждать общія дѣла, краснорѣчиво защищая принципъ свободы выраженія общественнаго мнѣнія. „Чѣмъ свободнѣе, говорилъ онъ между прочимъ, могутъ выражаться мнѣнія, тѣмъ менѣе они могутъ представлять опасности. Лишь тогда мнѣнія становятся опасными для государства, когда преслѣдованія вынуждаютъ его жителей

высказывать свои мысли подъ величайшею тайною. Что за насмѣшка — говорить народу: вы имѣете право рукоплескать, право радоваться и веселиться, право собираться, когда чувствуете себя счастливыми, но у васъ нѣтъ права порицать, нѣтъ права жаловаться на свои бѣдствія, нѣтъ права указывать на средства для устраненія зла!" Оппозиція Фокса не имѣла успѣха, и правительство съ парламентомъ продолжали придумывать новыя и новыя мѣры противъ свободныхъ проявленій общественной жизни, поскольку онѣ казались опасными въ смыслѣ развитія и распространенія демократическихъ идей. Напр., на газеты былъ наложенъ высокій штемпельный налогъ съ цѣлью воспрепятствовать успѣхамъ дешевой политической прессы, расчитанной на читателей изъ низшихъ классовъ общества. Съ другой стороны, законы 1795 г., совершенно стѣснивъ дѣятельность прежнихъ политическихъ обществъ, превратили ихъ членовъ въ отъявленныхъ враговъ Питта и его товарищей. Многія изъ нихъ стали основывать тайныя ассоціаціи и комитеты („Соединенные англичане", „Соединенные шотландцы", „Соединенные ирландцы"), сами превращались въ тайныхъ агентовъ, поддерживавшихъ между этими новыми организаціями постоянныя сношенія, и даже начали обращаться къ Франціи, какъ это сдѣлали „Соединенные ирландцы", или сѣять недовольство въ народѣ, въ арміи, во флотѣ, желая вызвать съ ихъ стороны прямое сопротивленіе властямъ. Все это привело къ новому репрессивному биллю, въ силу котораго одни общества (каковы только-что поименованныя ассоціаціи и „London corresponding society") закрывались, и вводились новыя ограниченія свободы собраній и печати. Парламентская оппозиція чувствовала себя до такой степени слабой, что не рѣшалась даже противодѣйствовать новымъ стѣсненіямъ свободы, тѣмъ болѣе, что на ея взглядъ часть прессы сама компрометировала свое дѣло черезчуръ рѣзкими выходками противъ существующаго порядка. Въ одномъ только отношеніи правительство продолжало попрежнему уважать свободу печати, а именно, когда предметомъ обсужденія дѣлались дѣла въ иностранныхъ государствахъ, такъ что, напр., Наполеонъ послѣ амьенскаго мира совершенно напрасно требовалъ у англійскаго правительства, чтобы оно обуздало враждебныя ему газеты. Въ своемъ отвѣтѣ Наполеону оно даже прямо сослалось на то, что свобода печати, обезпеченная конституціей, дорога каждому британскому подданному. „Конституція, говорилось въ этомъ отвѣтѣ, не допускаетъ никакой предупредительной мѣры по отношенію къ какимъ бы то ни было публикаціямъ, но существуютъ суды, совершенно независимые отъ исполнительной власти, вѣдающіе изданія, которыя считаются по закону преступными, и облеченные властью налагать наказанія за нарушенія закона".

И пріостановка дѣйствія habeas-corpus-act'а, и репрессивныя мѣры противъ политическихъ обществъ и противъ печати, какъ постановленія чисто временныя, сдѣланныя на опредѣленный срокъ и при этомъ въ виду обстоятельствъ, признававшихся исключительными, въ теоріи не должны были нарушать основныхъ принциповъ конституціи, но на практикѣ правительство весьма охотно предлагало, а парламентъ не менѣе охотно принималъ возобновленіе этихъ мѣръ по истеченіи срока, на который онѣ вотировались. Мы уже упоминали, что habeas-corpus-act не дѣйствовалъ до 1801 г. вслѣдствіе новыхъ и новыхъ отсрочекъ, и въ томъ же 1801 г., когда правительство замѣтило оживленіе митинговъ, были опять введены въ дѣйствіе ограничительные законы 1795 г. Какъ бы тамъ ни было, въ самомъ концѣ XVIII в. и началѣ XIX столѣтія реакція достигла своей непосредственной цѣли, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ общественной жизни Англіи господствовало почти полное затишье. Въ эти годы среди многихъ англичанъ возобладало мнѣніе, въ силу котораго свобода печати казалась имъ даже чѣмъ-то опаснымъ. „Говорятъ, заявлялъ одинъ судья, разбиравшій одно изъ многочисленныхъ дѣлъ о пасквиляхъ,—говорятъ, будто мы имѣемъ право обсуждать акты нашего законодательства, но такое позволеніе завело бы насъ слишкомъ далеко. Неужели народъ имѣетъ право становиться поперекъ актамъ парламента? Неужели пасквилянтъ можетъ сѣять неудовольствіе среди народа противъ правительства, подъ властью котораго народъ живетъ? Нѣтъ, этого никому нельзя дозволить, ибо это противно конституціи и приводитъ къ мятежу".

Несмотря, однако, на всѣ неблагопріятныя условія эпохи, періодическая пресса въ Англіи въ началѣ XIX в. сдѣлала громадные успѣхи, благодаря свѣжести и обстоятельности доставлявшихся ею военныхъ и политическихъ извѣстій, и благодаря основательности, съ какою газеты обсуждали внутреннюю и внѣшнюю политику, хотя, какъ это случается нерѣдко, когда пресса только-что освобождается отъ внѣшняго гнета или бываетъ вынуждена съ нимъ бороться, значительное число статей отличалось неприличнымъ тономъ или прямо клеветническими замашками, особенно въ подпольныхъ листкахъ, въ большомъ количествѣ тогда расплодившихся въ обходъ закона о штемпельномъ налогѣ. Хотя въ правящемъ классѣ Англіи и возникло презрительное отношеніе къ профессіональнымъ журналистамъ, пишущимъ статьи въ газетахъ за деньги, тѣмъ не менѣе всѣ классы общества и всѣ его партіи пришли одинаково къ сознанію громадной важности печатнаго слова. Это убѣжденіе прекрасно выразилъ (въ 1810 г.) одинъ изъ видныхъ парламентскихъ дѣятелей эпохи: „дайте мнѣ только одну свободу печати, и я готовъ предоставить въ распо-

ряженіе министерства продажную палату пэровъ, раболѣпную и подкупленную палату общинъ, свободное распоряженіе должностями, всѣ средства, какими могутъ располагать высокопоставленныя лица, чтобы купить полную покорность и сломить всякое сопротивленіе. Вооруженный свободою печати, я смѣло пойду ему навстрѣчу; я сдѣлаю нападеніе на воздвигнутую имъ твердыню, я начну колебать порочную основу его могущества, — и я заставлю его пасть и погибнуть подъ обломками того зла, которое должна была охранять эта твердыня".

Въ первые годы XIX в. общественное мнѣніе лишь изрѣдка и въ исключительныхъ только случаяхъ выражалось въ формѣ митинговъ, когда дѣлались какія-либо разоблаченія правительственныхъ злоупотребленій, служившія всегда однимъ изъ аргументовъ со стороны защитниковъ парламентской реформы. Въ эпоху регентства надъ душевно-больнымъ Георгомъ III, т.-е. въ теченіе почти всего второго десятилѣтія XIX вѣка, въ Англіи опять было сильное общественное возбужденіе, причины котораго заключались въ дурномъ экономическомъ состояніи народа и которое выражалось въ частыхъ безпорядкахъ и мятежахъ. Въ другой связи намъ придется еще говорить о движеніяхъ, вызванныхъ въ это время среди рабочихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Англіи введеніемъ машинъ или дороговизною хлѣба, но въ этихъ движеніяхъ не было ничего политическаго, демократическая пропаганда была тутъ ни при чемъ, но правящій классъ и въ этихъ вспышкахъ народнаго неудовольствія видѣлъ дѣйствіе либеральныхъ идей и потому продолжалъ поддерживать репрессивныя мѣры. Около того же времени, впрочемъ, оживилась и агитація въ пользу парламентской реформы, и въ этомъ смыслѣ, напр., въ 1816 г. парламенту было подано множество петицій, подъ которыми въ общей сложности было до 500 т. подписей. Въ 1817 г. народное неудовольствіе выразилось и въ болѣе рѣзкой формѣ. Когда въ этомъ году принцъ-регентъ возвращался съ открытія парламента, собравшійся на улицахъ народъ сталъ бросать въ его карету камни и разные другіе предметы (28 янв. 1817 г.). Это происшествіе, какъ и то, которое случилось за двадцать-два года передъ тѣмъ, послужило поводомъ къ новому походу противъ политическихъ клубовъ, митинговъ, петицій и печати. Прискорбное поведеніе уличной толпы было обобщено, и чуть не вся нація или ея громадное большинство были заподозрѣны въ мятежныхъ замыслахъ, бороться съ которыми и правительство, и парламентъ считали возможнымъ лишь посредствомъ возвращенія къ репрессивнымъ мѣрамъ 1795 г. Напрасно оппозиція доказывала въ парламентѣ, что опасенія алармистовъ преувеличены, что существующихъ законовъ вполнѣ достаточно для подавленія мятежей, что не слѣ-

дуетъ ограничивать свободу всѣхъ для наказанія небольшой кучки людей, производящихъ безпорядки,—и на этотъ разъ реакціонное настроеніе парламентскаго большинства было настолько сильно, что весьма быстро были вотированы предложенныя правительствомъ чрезвычайныя мѣропріятія. Опять закрыты были разные общества и клубы, запрещены собранія свыше пятидесяти лицъ и пріостановлено дѣйствіе habeas-corpus-act'а въ продолженіе цѣлаго года. Кромѣ того, въ мартѣ 1817 г. министерство разослало циркуляръ, въ которомъ указывало на то, что мировые судьи имѣютъ право издавать приказы объ арестѣ всякаго, обвиняемаго подъ присягою въ изданіи какого-либо мятежнаго или богохульнаго пасквиля, и требовать отъ него залога въ обезпеченіе явки на судъ, и что продавцы книгъ и брошюръ должны подчиняться закону о торговцахъ въ разносъ и о ярмарочныхъ купцахъ и подлежать наказанію, если распространяютъ свой товаръ безъ надлежащаго разрѣшенія. Въ обѣихъ палатахъ оппозиція вздумала-было оспаривать правильность взглядовъ, изложенныхъ въ циркулярѣ, но успѣха не имѣла, хотя аргументы, приведенные лордомъ Греемъ и Ромильи, все-таки поставили министерству на видъ, что принципъ англійской свободы не позволяетъ превращать независимаго мирового судью въ какого-то полицейскаго коммиссара. Послѣ реакціонныхъ биллей 1817 г. опять такимъ образомъ началась репрессія печати и со стороны правительства, и со стороны судей, и со стороны присяжныхъ, отражавшихъ на себѣ реакціонное недовѣріе извѣстной части общества къ свободной прессѣ. Но и опять, несмотря на всѣ мѣры, принятыя для остановки реформистскаго движенія, оно не прекращалось; только вмѣсто многолюдныхъ митинговъ назначались собранія человѣкъ по двадцати, и здѣсь подписывались петиціи о парламентской реформѣ.

Когда срокъ дѣйствія исключительныхъ законовъ и пріостановки habeas-corpus-act'а истекъ, общественное движеніе снова вошло въ свою прежнюю колею. Въ 1819 г. было особенно много митинговъ въ Лондонѣ и въ другихъ городахъ. Бѣдственное экономическое положеніе рабочаго класса заставляло его вождей собирать большія народныя сходки для обсужденія мѣръ, которыя могли бы вывести его изъ печальнаго состоянія, и нѣкоторые сторонники парламентской реформы стали пропагандировать среди рабочихъ ту мысль, что самымъ лучшимъ средствомъ для улучшенія ихъ быта было бы введеніе всеобщаго голосованія и ежегодныхъ выборовъ въ парламентъ. Въ Бирмингамѣ, не имѣвшемъ представительства въ палатѣ общинъ, народный митингъ изъ 25 тысячъ человѣкъ даже выбралъ представителя въ парламентъ на случай признанія права за всѣми городами посылать депутатовъ въ палату общинъ, а если бы это право не было признано,

такъ на парламентъ нечего было бы и смотрѣть. Въ Лондонѣ тоже состоялся грандіозный митингъ, въ которомъ участвовало около семидесяти тысячъ человѣкъ. Такъ какъ рѣчи, произносившiяся на такихъ народныхъ сходкахъ, получали иногда очень бурный характеръ,— что, впрочемъ, ни разу не повлекло за собою какого бы то ни было нарушенія внѣшняго порядка,—то правительство опять сильно встревожилось. Въ концѣ іюля 1819 г. отъ имени принца-регента была обнародована „прокламація", въ которой мѣстныя власти приглашались между прочимъ преслѣдовать въ судахъ всякаго, кто только окажется виновнымъ въ произнесеніи мятежныхъ рѣчей. Но „прокламація" принца-регента не могла имѣть силы закона, и митинги безпрепятственно продолжались. Примѣру Бирмингама послѣдовалъ Манчестеръ, тоже не имѣвшій права посылать представителей въ парламентъ. Собраніе было назначено на 16 августа, но уже наканунѣ толпы рабочихъ изъ самаго города и изъ ближайшихъ мѣстъ упражнялись въ военномъ строѣ, чтобы въ надлежащемъ порядкѣ двинуться къ назначенному мѣсту. Власти, заранѣе объявившія, что избраніе митингомъ представителя въ парламентъ было бы дѣломъ незаконнымъ, теперь стали опасаться возстанія и рѣшились вообще помѣшать собранію. Современники различно показываютъ число людей, явившихся на манчестерскій митингъ (отъ 20 до 60 тысячъ человѣкъ), на самомъ же дѣлѣ ихъ было тысячъ около сорока. Всѣ эти люди въ величайшемъ порядкѣ и въ самомъ мирномъ настроеніи явились на Saint-Peter's Field со знаменами, на которыхъ красовались надписи: „всеобщая подача голосовъ", „равное представительство или смерть", „долой хлѣбные законы!" Едва одинъ изъ организаторовъ митинга, Гентъ началъ свою рѣчь, какъ въ безоружную толпу ворвался отрядъ кавалеріи съ саблями наголо: произошла невообразимая свалка, а въ результатѣ было одиннадцать убитыхъ и до пятисотъ раненыхъ. Въ какія-нибудь десять минутъ митингъ былъ разогнанъ, а вожди арестованы. Правительство одобрило энергію, съ которою власти сдѣлали это дѣло, но общественное мнѣніе отнеслось съ негодованіемъ къ такому нарушенію свободы сходокъ, тѣмъ болѣе, что на толпу нападеніе сдѣлано было внезапно и безъ предварительнаго чтенія такъ называемаго riot-act'а, какъ того требовалъ законъ о подавленіи мятежей. По всей странѣ стали собираться митинги негодованія, и замѣчательно, что вездѣ они прошли съ совершеннымъ спокойствіемъ и безъ нарушенія порядка. Повсюду требовали назначенія слѣдствія о „манчестерской бойнѣ", какъ стали называть происшествіе 16 августа. Между прочимъ, подъ вліяніемъ этого событія многіе виги, не одобрявшіе агитаціи радикальныхъ реформистовъ, стали переходить на ихъ сторону. На митингахъ начали даже появляться лица изъ выс-

шаго общества, какъ это было на митингѣ въ Іоркѣ, гдѣ выступили графъ Фицвильямъ, герцогъ Норфолькъ и др. важные господа. На іоркскомъ собраніи была даже принята резолюція, формулированная герцогомъ Норфолькомъ въ томъ смыслѣ, что право собираться на митинги для обсужденія общественныхъ дѣлъ есть право народа и что военное насиліе надъ мирнымъ собраніемъ народа есть посягательство на его свободу, а потому іоркскій митингъ и счелъ нужнымъ выразить сожалѣніе, что принцъ-регентъ, по совѣту министровъ, одобрилъ вооруженное нападеніе на манчестерскій митингъ; вмѣстѣ съ этимъ была выражена просьба, чтобы парламентъ произвелъ разслѣдованіе о столь прискорбномъ и тревожномъ событіи.

23 ноября открыта была сессія парламента. Въ тронной рѣчи, прочитанной въ этотъ день, говорилось о новыхъ проявленіяхъ мятежнаго духа и о необходимости изысканія мѣръ для борьбы съ замыслами, клонящимися къ ниспроверженію конституціи и всего общественнаго строя. Большинство парламента какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало общему направленію этой рѣчи, поэтому съ его стороны не только послѣдовалъ отказъ на многочисленныя петиціи, поддержанныя оппозиціей въ самомъ парламентѣ, о формальномъ разслѣдованіи обстоятельствъ „манчестерской бойни“, но даже было рѣшено всякими мѣрами подавить возобновившееся общественное движеніе. На этотъ разъ правительство внесло въ парламентъ, и обѣ палаты приняли — уже не два репрессивныхъ билля, какъ въ 1795 г., и не четыре, какъ въ 1817 г., а цѣлыхъ шесть. Министерство даже требовало, чтобы эти билли получили значеніе постоянныхъ законовъ, и лишь послѣ долгихъ преній дѣйствіе одного изъ нихъ (четвертаго), который былъ названъ „актомъ о предупрежденіи мятежныхъ митинговъ и сборищъ“, должно было ограничиться пятилѣтнимъ срокомъ. Первый изъ этихъ „шести актовъ“, какъ ихъ стали называть, отнималъ у обвиняемыхъ право въ случаѣ преступленія (misdemeanour), переносить свое дѣло на другую сессію (right of traversing). Вторымъ актомъ разрѣшалось, въ случаѣ обвиненія издателя какого-либо мятежнаго сочиненія, отбирать у него всѣ экземпляры этого сочиненія, а при повтореніи преступленія наказывать штрафомъ, тюрьмой и ссылкой или изгнаніемъ. Третій актъ распространялъ газетный штемпельный налогъ и на брошюры, касавшіяся общественныхъ дѣлъ, въ обезпеченіе же штрафа издатели газетъ и брошюръ должны были вносить извѣстный денежный залогъ. По четвертому акту о всякомъ собраніи свыше пятидесяти человѣкъ нужно было давать знать за шесть дней мѣстному мировому судьѣ, которому предоставлялось право перемѣнять мѣсто и время митинга; при этомъ было обязательно, чтобы судью извѣщали семь домовладѣльцевъ, а присутствовать могли лишь мѣстные жители

подъ страхомъ штрафа или тюремнаго заключенія за нарушеніе послѣдняго ограниченія. Если бы, далѣе, на митингѣ стали говорить что-либо противъ правительства или государственнаго устройства, то властямъ вмѣнялось въ обязанность разгонять такія собранія и арестовывать ораторовъ, а буде кто-нибудь изъ толпы при этомъ оказался бы убитымъ или раненымъ, никто за это не долженъ былъ привлекаться къ отвѣтственности. Наконецъ, полагалось двухлѣтнее тюремное заключеніе за появленіе на митингѣ съ оружіемъ или со знаменемъ, даже вообще съ какою бы то ни было эмблемою. Кабинеты для чтенія и залы для преній этимъ актомъ подвергались особымъ правиламъ, въ основѣ которыхъ лежали предварительное разрѣшеніе со стороны властей и правительственный надзоръ. Пятымъ и шестымъ актами запрещались упражненія съ оружіемъ, и дозволялось властямъ въ тѣхъ графствахъ, гдѣ возникли бы безпорядки, разыскивать и отнимать у частныхъ лицъ оружіе. Въ преніяхъ по этимъ биллямъ все еще дѣлались ссылки на французскую революцію, хотя уже прежде многіе доказывали, что для Англіи Франція не примѣръ; „въ Англіи, еще раньше, напр., говорилъ лордъ Брумъ,—даже очень большой шумъ приноситъ пользу, тогда какъ во Франціи бываетъ прямо гибеленъ едва слышный ропотъ". Какъ бы то ни было, въ силу новыхъ актовъ опять начались политическіе процессы съ цѣлью подавленія свободы общественнаго мнѣнія и почина. Въ 1821 г. образовалось даже новое добровольческое общество для доносовъ по дѣламъ печати, принявъ не совсѣмъ подходящее къ дѣлу названіе „конституціоннаго". Георгъ IV, вступившій на престолъ за годъ передъ этимъ, кромѣ того, внесъ въ дѣло преслѣдованія свободной прессы и особый личный интересъ.

Въ двадцатыхъ годахъ правительству пришлось еще бороться противъ католической ассоціаціи, поставившей своею цѣлью добиться эмансипаціи католиковъ и съ этою цѣлью тоже устраивавшей митинги, но въ концѣ концовъ правительство вынуждено было на уступку требованіямъ католиковъ. Вообще въ короткое царствованіе Георга IV общественное мнѣніе сдѣлало въ Англіи весьма значительные успѣхи. „Актъ о предупрежденіи мятежныхъ митинговъ и сборищъ", дѣйствіе котораго кончилось въ началѣ 1825 г., былъ послѣднею попыткою ограничить въ Англіи право сходокъ, послѣ этого уже не подвергавшееся болѣе никакимъ существеннымъ стѣсненіямъ, а съ начала царствованія Вильгельма IV (1830) прекратились и конфликты между государственною властью и печатью, которая стала теперь пользоваться самою широкою свободою.

Оппозиціонная печать и митинги этой эпохи служили въ Англіи главнымъ образомъ дѣлу демократической партіи, которая нашла

двухъ наиболѣе видныхъ вождей своихъ въ Коббетѣ и Бентамѣ. Первый изъ нихъ былъ главнымъ образомъ практическимъ дѣятелемъ партіи, второй—самымъ виднымъ ея теоретикомъ.

Вильямъ Коббетъ, сынъ незначительнаго землевладѣльца, началъ свою публицистическую дѣятельность въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, гдѣ прожилъ съ 1792 по 1801 г. Въ Америкѣ онъ шокировалъ республиканскія чувства населенія своимъ „роялизмомъ", но въ Англіи онъ показался, наоборотъ, слишкомъ радикальнымъ—въ глазахъ, конечно, правящаго класса, который былъ очень недоволенъ популярностью издававшагося имъ „Political Register". Такъ какъ рѣзкимъ тономъ своихъ статей Коббетъ подавалъ поводъ примѣнять къ себѣ законъ о пасквиляхъ, то ему неоднократно приходилось подвергаться за нихъ судебному преслѣдованію. Въ 1804 г. онъ былъ присужденъ заплатить большой штрафъ за напечатаніе письма одного ирландскаго судьи съ насмѣшками надъ исполнительною властью въ Ирландіи. Въ 1809 г. Коббета постигла еще худшая судьба. Узнавъ о наказаніи плетьми нѣсколькихъ англійскихъ милиціонеровъ, произведенномъ нѣмецкимъ наемнымъ отрядомъ, онъ написалъ статью противъ употребленія въ арміи тѣлесныхъ наказаній, за что̀ былъ обвиненъ въ пасквилѣ на нѣмецкій отрядъ и приговоренъ къ двухлѣтнему тюремному заключенію, къ штрафу въ тысячу фунтовъ стерлинговъ и къ подписанію обязательства, обезпеченнаго залогомъ въ три тысячи фунтовъ, не нарушать мира въ теченіе семи лѣтъ. Когда въ 1817 г. были изданы извѣстные уже намъ реакціонные законы и на годъ было пріостановлено дѣйствіе habeas-corpus-act'a, Коббетъ прекратилъ изданіе своего „Политическаго Регистра" и уѣхалъ на все это время въ Америку: „Я знаю, писалъ онъ тогда, что̀ такое спеціальные присяжные, но и на это я не обратилъ бы вниманія. А вотъ противъ безусловной власти бросать на неопредѣленное время въ любую тюрьму королевства несчастнаго, котораго даже не допросили, и оставлять его безъ перьевъ, безъ чернилъ и безъ возможности свиданій хотя бы съ одною живою душою, кромѣ тюремщика, — начинать борьбу противъ такой власти болѣе, нежели безумно!" Въ Америкѣ онъ написалъ памфлетъ подъ заглавіемъ „Исторія послѣднихъ дней англійской свободы". Въ 1818 г. Коббетъ возвратился на родину и посредствомъ статей, рѣчей на митингахъ и публичныхъ лекцій опять началъ пропагандировать идею парламентской реформы. Когда она наконецъ совершилась въ 1832 г., онъ самъ былъ избранъ въ палату общинъ, какъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей этой реформы.

Бентамъ (1748—1832) прославился, главнымъ образомъ, какъ юристъ и какъ творецъ этической теоріи утилитаризма, но мы здѣсь будемъ разсматривать его только съ точки зрѣнія его политическихъ

воззрѣній [1]). Въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв. Бентамъ занималъ весьма видное положеніе въ качествѣ писателя, оказывавшаго большое вліяніе на законодательныя начинанія даже на континентѣ. Выступивъ на литературное поприще еще въ 1776 г. съ анонимнымъ сочиненіемъ (Fragment of government), въ которомъ подвергалось довольно ѣдкой критикѣ сочиненіе Блэкстона о „счастливой конституціи" Англіи, и уже въ 1780 г. изложивъ основы своего юридическаго и моральнаго міросозерцанія въ „Introduction to the principles of moral and legislation", онъ сдѣлался извѣстнымъ на материкѣ Европы, главнымъ образомъ, благодаря тому, что нашелъ въ лицѣ своего французскаго друга Дюмона прекраснаго популяризатора своихъ воззрѣній. Такъ, напр., только-что названный трактатъ появился въ свѣтъ въ 1789 г. во французской обработкѣ Дюмона подъ заглавіемъ „Principes de legislation"; да и съ послѣдующими трудами Бентама европейская публика знакомилась большею частью по французскимъ обработкамъ того же Дюмона. Французская революція заставила англійскаго мыслителя поднять множество вопросовъ, и въ первые же годы онъ написалъ „Essay on political tactics" (Дюмонъ: Essai sur la tactique des assemblées legislatives) и „On the cod for the organisation of the judicial establishment of France" (появившееся сначала въ Courrier de Provence), за что законодательное собраніе декретомъ 26 авг. 1792 г. дало ему вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими выдающимися современниками право французскаго гражданства. Когда Бентамъ посѣтилъ Францію въ эпоху амьенскаго мира, то былъ избранъ въ члены Института. И позднѣе во Франціи Бентамъ пользовался такою извѣстностью, что въ 1829 г было даже основано особое періодическое изданіе для пропаганды его идей (L'Utilitaire). Большою популярностью пользовалось имя Бентама и въ русскомъ обществѣ начала XIX в., когда Александръ I съ кружкомъ своихъ друзей мечталъ о широкихъ законодательныхъ реформахъ и по этому случаю вступилъ въ личныя сношенія съ знаменитымъ англійскимъ юристомъ [2]). Многочисленныхъ поклонниковъ имѣлъ Бентамъ и по ту сторону Атлантическаго океана. Законодательство нѣкоторыхъ штатовъ Сѣверной Америки прямо сложилось подъ несомнѣннымъ вліяніемъ его идей, а испанскія колоніи, освободившіяся отъ метрополіи, равнымъ образомъ пользовались его совѣтами и указаніями. Наконецъ, къ нему же съ просьбою о заступничествѣ

---

[1]) О немъ см. *Robert von Mohl.* Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften, т. III. — *Проф. Ярошъ.* Іеремія Бентамъ и его отношеніе къ ученію естественнаго права. 1889.

[2]) *А. Н. Пыпинъ.* Русскія отношенія Бентама. Вѣстн. Евр. 1869. — *Проф. Иконниковъ.* Гр. Мордвиновъ и его время. 1873.—См. также литературу о Сперанскомъ.

обращалось въ началѣ двадцатыхъ годовъ и греческое революціонное правительство. Но Бентамъ не былъ пророкомъ въ своемъ отечествѣ, такъ какъ его критика существующихъ порядковъ совсѣмъ не приходилась по вкусу реакціонному настроенію общества и слишкомъ противорѣчила общей англійской привычкѣ относиться съ уваженіемъ къ историческимъ традиціямъ своей родины. Лишь мало-по-малу завоевалъ себѣ Бентамъ почетное положеніе и въ англійскомъ обществѣ, именно, когда движеніе въ пользу парламентской реформы, за которую онъ стоялъ, начало достигать своей цѣли.

Бентамъ въ своей политической теоріи исходилъ, какъ и писатели XVIII в., не изъ историческихъ, а изъ раціоналистическихъ положеній; только идеалистическую идею естественнаго права онъ замѣнилъ при этомъ реалистическимъ принципомъ пользы. Въ послѣднемъ отношеніи онъ былъ, какъ и самъ въ томъ признавался, послѣдователемъ Гельвеція, который сводилъ всю нравственность и все законодательство къ принципу общей пользы, т.-е. пользы наибольшаго числа людей. У Бентама было даже прямое отвращеніе вообще къ метафизикѣ, лежавшей въ основѣ естественнаго права. „Въ то время, говорилъ онъ, напр., какъ Ксенофонтъ писалъ свою исторію, а Эвклидъ создавалъ геометрію, Сократъ и Платонъ писали пустяки подъ предлогомъ преподаванія мудрости и нравственности“. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ прямо назвалъ Платона верховнымъ мастеромъ къ произведеніи безсмыслицы. У французскихъ матеріалистовъ XVIII в. Бентамъ заимствовалъ идею, по которой руководящіе мотивы всей человѣческой дѣятельности слѣдуетъ искать въ удовольствіи и страданіи. Этотъ принципъ онъ считалъ уже не требующимъ доказательства, потому что послѣднее и невозможно, и безполезно; вѣдь нужно же принять какой-либо исходный пунктъ для цѣпи положеній, вытекающихъ одно изъ другого, но предполагающихъ первое положеніе, которое уже само не можетъ быть ничѣмъ доказано. Разъ, однако, разсуждаетъ далѣе Бентамъ, принятое начало истинно, всѣ другія начала, конечно, должны считаться ложными. „Природа—такъ формулируетъ онъ свой основной взглядъ на мораль,—природа поставила человѣка подъ власть удовольствія и страданія. Имъ мы обязаны всѣми нашими понятіями; къ нимъ мы относимъ всѣ наши сужденія, всѣ дѣйствія нашей жизни. Тотъ, кто думаетъ освободиться отъ этого подчиненія, не знаетъ самъ, что̀ говоритъ. Единственная его цѣль—искать удовольствія и избѣгать страданія въ ту самую минуту, когда онъ отрекается отъ величайшихъ удовольствій и идетъ навстрѣчу самымъ жестокимъ страданіямъ. Эти вѣчныя и неодолимыя чувства должны быть главнымъ предметомъ моралиста и законодателя. Начало пользы все подчиняетъ этимъ двумъ побужденіямъ“. Не ка-

саясь здѣсь вопроса о томъ, насколько утилитаризмъ можетъ считаться удовлетворительнымъ, какъ теорія, объясняющая генезисъ нравственности, мы остановимся лишь на практическомъ выводѣ, который Бентамъ дѣлалъ изъ своихъ теоретическихъ воззрѣній, хотя бы и этотъ выводъ нельзя было признать достаточно логичнымъ, если разбирать всю доктрину съ философской точки зрѣнія. „Общее счастье, говоритъ Бентамъ, должно быть цѣлью законодателя; общая польза должна быть основаніемъ сужденій о законодательствѣ. Основаніемъ деонтологіи [1]) будетъ такимъ образомъ начало пользы, или, другими словами, то, что дѣйствіе считается добрымъ или дурнымъ, что оно заслуживаетъ похвалы или порицанія соразмѣрно съ его стремленіемъ увеличить или уменьшить сумму общественнаго счастья". Впослѣдствіи Бентамъ замѣтилъ, что общее благо—выраженіе слишкомъ растяжимое, такъ какъ понимаемое въ смыслѣ суммы интересовъ частныхъ лицъ, оно можетъ заключать въ себѣ стремленія, осуществимыя лишь на счетъ чужого блага, а потому и замѣнилъ принципъ общей пользы принципомъ „наибольшаго счастья наибольшаго количества людей". Въ концѣ, однако, и эта формула его не удовлетворяла, поскольку изъ нея должно вытекать требованіе принесенія счастья меньшинства въ жертву счастью большинства: тогда онъ выразилъ свой основной принципъ, какъ максимацію счастья въ смыслѣ доведенія его до высшей степени, гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было.

Утилитаризмъ Бентама впослѣдствіи сдѣлался основаніемъ демократическихъ требованій, замѣнивъ собою отвлеченное естественное право Руссо и, между прочимъ, получивъ примѣненіе къ вопросамъ чисто соціальнаго характера. Принципъ „наибольшаго счастья наибольшаго количества людей" въ существѣ дѣла глубоко демократиченъ, и именно подъ вліяніемъ этой своей идеи самъ Бентамъ мало-по-малу перешелъ на демократическую точку зрѣнія. Когда въ началѣ французской революціи издана была знаменитая „декларація правъ человѣка и гражданина", основанная на идеѣ естественнаго права, Бентамъ подвергъ ее острой критикѣ въ своихъ „Анархическихъ софизмахъ", доказывая, что никогда не существовало никакихъ естественныхъ, неотчуждаемыхъ и священныхъ правъ, что признаніе ихъ могло бы только сбить съ толку законодательную и исполнительную власть, что они несовмѣстимы ни съ какимъ государственнымъ устройствомъ, и что, требуя этихъ правъ, граждане обнаруживали бы въ сущности лишь чисто анархическія стремленія. Въ своихъ нападкахъ на декларацію правъ Бентамъ, конечно, исходилъ не изъ того кон-

[1]) Ученіе о должномъ. Подъ заглавіемъ „Деонтологіи" вышло въ свѣтъ одно изъ позднѣйшихъ сочиненій Бентама.

серватизма, которымъ отличается вся полемика Берка, потому что всѣ ссылки на историческія традиціи онъ согласно съ общимъ духомъ своей философіи называлъ доказательствами на китайскій манеръ, но его собственный принципъ общей пользы долженъ былъ привести его все-таки къ демократическому выводу. Въ своихъ „Руководящихъ началахъ для конституціоннаго кодекса, приложимаго ко всякому государству“ (1822), онъ весьма ясно выразилъ основную мысль этого своего кодекса: „числительный алфавитъ, говоритъ онъ, служилъ мнѣ руководителемъ, и имъ я измѣрялъ ту степень покровительства, которую мой кодексъ оказываетъ людямъ. Мнѣ показалось, что два человѣка имѣютъ вдвое болѣе права на это покровительство, чѣмъ одинъ, три—втрое, четыре—вчетверо и т. д. Отсюда я заключилъ, что главнымъ предметомъ моей заботы должны быть масса гражданъ и безопасность и благосостояніе цѣлаго народа“. Отсюда Бентамъ самъ еще не дѣлалъ соціалистическихъ выводовъ, ибо подобно другимъ либераламъ эпохи отрицалъ государственное вмѣшательство въ экономическую жизнь, полагая, что личный интересъ лучше всего можетъ регулировать всѣ отношенія экономическаго характера,—и вмѣстѣ съ тѣмъ защищалъ полную свободу и неприкосновенность частной собственности [1]). Мало того: при всемъ своемъ человѣколюбіи, составляющемъ одну изъ наиболѣе привлекательныхъ чертъ дѣятельности Бентама [2]), онъ вооружался противъ благотворительныхъ мѣропріятій, невозможныхъ, по его словамъ, безъ обложенія труда въ пользу лѣни. Но зато въ сферѣ чисто политической онъ явился настоящимъ теоретикомъ и проповѣдникомъ демократіи. Правители, думалъ Бентамъ, вообще склонны болѣе всего заботиться о себѣ, и потому каждый монархъ являлся въ его представленіи какъ бы рабовладѣльцемъ—только въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Онъ вооружался и противъ двухпалатной системы представительства, находя, что собраніе, выбираемое и смѣняемое большинствомъ гражданъ, не должно встрѣчать помѣхи со стороны собранія, не зависящаго отъ этого большинства. Все его сочувствіе было на сторонѣ представительной демократіи. „Вездѣ, говоритъ онъ, за исключеніемъ хорошо устроенной представительной демократіи, немногіе правящіе и имѣющіе вліяніе суть враги многихъ, состоящихъ въ подчиненіи, враги въ мысляхъ такъ же, какъ и въ дѣйствіи. И по самой природѣ человѣка, пока правительство, каково бы оно ни было, не уступитъ мѣста представительной демократіи, они останутся вѣчными и непримиримыми врагами“. Черезъ все идеальное государственное устройство Бентама проводится принципъ все-

---

[1]) См. ниже въ главѣ XXVI.

[2]) Онъ ратовалъ между прочимъ и за отмѣну смертной казни.

держку среди мѣстныхъ католиковъ и либераловъ. Эманципаціонное движеніе начало проявляться съ особою силою, когда за дѣло взялся ирландскій адвокатъ Даніэль О'Коннель, человѣкъ, отличавшійся пламеннымъ патріотизмомъ, замѣчательнымъ краснорѣчіемъ и выдающимся организаторскимъ талантомъ [1]). Въ первый разъ онъ выступилъ въ роли устроителя митинговъ при помощи особаго католическаго комитета въ 1809 г. Уже тогда агитація О'Коннеля имѣла громадный успѣхъ въ Ирландіи и нашла сочувственный откликъ въ общественномъ мнѣніи самой Англіи; но парламентъ продолжалъ упорно отвергать билли объ эманципаціи католиковъ. Особенно широкіе размѣры приняло это движеніе съ О'Коннелемъ во главѣ съ 1823 г., когда для объединенія всѣхъ католиковъ была основана католическая ассоціація (Catholic association) съ центральнымъ комитетомъ (Central association) въ Дублинѣ, руководившимъ дѣйствіями многочисленныхъ филіальныхъ отдѣленій во всей странѣ и даже взимавшимъ особый ежемѣсячный сборъ (Catholic rent) въ пользу агитаціи. Англійскій парламентъ, встревоженный успѣхомъ этой ассоціаціи, въ 1825 г. закрылъ ее на три года. О'Коннель посовѣтовалъ тогда своимъ приверженцамъ самимъ распустить ассоціацію, но вмѣсто нея была основана новая, поставившая своею цѣлью организовать благотворительность и просвѣщать народныя массы. По истеченіи указаннаго срока католическая ассоціація немедленно возродилась въ прежнемъ своемъ видѣ и повела еще болѣе энергичную, чѣмъ прежде, агитацію. Въ 1828 г. она была уже весьма грозною политическою силою, съ которою нельзя было не считаться и парламенту, такъ какъ за нее было поголовно все населеніе Ирландіи. Самъ О'Коннель былъ выбранъ въ члены палаты общинъ, несмотря на то, что былъ католикомъ. На правительство это избраніе произвело особенно сильное впечатлѣніе. Торійское министерство Веллингтона вынуждено было пойти на уступки, чтобы избѣжать грозившаго странѣ междоусобія, и тронная рѣчь 1829 г. уже прямо возвѣщала о необходимости пересмотра законовъ о правахъ католиковъ, причемъ, однако, возвѣщался и другой билль—о разрѣшеніи лорду-намѣстнику Ирландіи закрывать всякія общества и собранія, которыя онъ найдетъ опасными. Въ виду близкаго рѣшенія вопроса въ благопріятномъ для себя смыслѣ католическая ассоціація закрылась по собственной инициативѣ, показавъ англійскому народу, какими путями и онъ долженъ былъ добиваться своей политической эманципаціи. Съ большими затрудненіями только (между прочимъ и со стороны Георга IV) прошелъ, наконецъ, билль 1829 г. объ эманципаціи

---

[1]) *John O'Connel.* Life and speeches of Daniel O'Connel. 1846—1847.—*Cusack.* The liberator, his life and times. 1872.

католиковъ, сопровождавшейся нѣкоторыми измѣненіями избирательнаго права въ Ирландіи [1]). Мѣра эта, на которую ирландскіе патріоты возлагали всѣ свои надежды, и съ которою англійскіе консерваторы и реакціонеры связывали разныя опасенія относительно государственнаго строя и установленной церкви Англіи, въ сущности не оправдала ни этихъ ожиданій, ни этихъ страховъ.

Результатами этой побѣды принципа религіозной свободы надъ традиціонной политикой англійской государственной церкви должны были воспользоваться и другіе диссиденты. Хотя они (за исключеніемъ унитарскихъ сектъ) пользовались свободою еще съ конца XVII в., тѣмъ не менѣе ихъ правоспособность была значительно стѣснена test-act'омъ и другими аналогичными законами. Въ сущности походъ противъ test-act'a начался еще гораздо раньше и не въ пользу однихъ католиковъ, но и въ пользу диссидентовъ вообще. Въ этомъ смыслѣ его отмѣны требовали еще въ 1787, 1789, 1790 (предложеніе Фокса) гг.; затѣмъ требовали смягченія и нѣкоторыхъ другихъ законовъ, стѣснительныхъ для диссидентовъ. Напр., въ 1792 г. Фоксъ добивался религіозной свободы для унитаріевъ, но потерпѣлъ пораженіе. Парламентское голосованіе, отвергшее его предложеніе, даже прямо получило значеніе закона, по которому можно было наказывать унитаріевъ за ихъ религіозныя мнѣнія. Лишь въ 1813 г. парламентъ согласился на мѣру, предлагавшуюся двадцатью годами раньше, но даже и въ двадцатыхъ годахъ билли о признаніи законности унитарскихъ браковъ не имѣли никакого успѣха. Далѣе, въ 1796 и 1797 г. въ парламентъ обращались квакеры съ просьбой освободить ихъ отъ противныхъ ихъ совѣсти платежа десятины въ пользу англиканской церкви и обязанности давать подъ присягою свидѣтельскія показанія на судѣ; но билли, внесенные въ парламентъ въ этомъ смыслѣ, точно также были отвергнуты громаднымъ большинствомъ. Уничтоженіе test-act'a не устраняло требованія отъ лицъ, занимавшихъ государственныя и общественныя должности, общей присяги на вѣрность; но нѣкоторыя секты не признавали вообще никакой присяги. Лишь въ 1833 г. парламентъ допустилъ засѣдать въ палатѣ общинъ квакера Пиза (Pease) подъ условіемъ простого обѣщанія и издалъ общее постановленіе, въ силу котораго квакеры, моравскіе братья и репаратисты во всѣхъ случаяхъ могутъ замѣнять клятвенное обѣщаніе простымъ утвержденіемъ. Въ 1830 г. было сдѣлано, наконецъ, первое предложеніе въ парламентѣ объ уравненіи въ правахъ и евреевъ, но ихъ „эманципація" совершилась лишь тридцатью годами позже эманципаціи католиковъ [2]).

[1]) Объ этомъ см. въ исторіи парламентской реформы въ т. V.

[2]) См. сочиненія по исторіи евреевъ въ Англіи *Goldschmidt'a* (1886) и *Schaible* (1890).

Нашъ очеркъ исторіи Англіи въ первыя десятилѣтія XIX вѣка былъ бы неполонъ, если бы въ немъ не нашелъ мѣста великій поэтъ эпохи, лордъ Байронъ [1]), который въ своей поэзіи выразилъ между прочимъ одну изъ главныхъ идей своего времени—идею духовной и политической свободы. Байронъ родился всего за годъ до начала французской революціи (1788) и сдѣлался пэромъ Англіи, будучи еще десятилѣтнимъ мальчикомъ. Въ первый разъ онъ выступилъ на литературное поприще съ сборникомъ стихотвореній въ 1807 г., девятнадцати лѣтъ отъ роду. Сначала его совсѣмъ не интересовали событія внутренней и внѣшней исторіи Англіи въ эту бурную эпоху, но обстоятельства его личной жизни уже и тогда настраивали его оппозиціонно противъ высшаго англійскаго общества. Въ 1809 г., когда Байронъ достигъ совершеннолѣтія, онъ явился въ палату лордовъ, чтобы занять свое мѣсто, но только посидѣлъ на одной изъ скамей оппозиціи, показавъ этимъ, къ какой партіи онъ будетъ принадлежать. Въ томъ же самомъ году онъ отправился путешествовать и прежде всего посѣтилъ Португалію и Испанію, гдѣ въ то время велась война съ французами, причемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ принималъ участіе и англійскій отрядъ. Тутъ впервые началъ Байронъ особенно интересоваться политикой, но въ смыслѣ весьма неблагопріятномъ для своей родины, главнаго врага которой, Наполеона, онъ даже осмѣлился назвать своимъ героемъ (въ „Чайльдъ-Гарольдѣ"). Въ дальнѣйшихъ своихъ странствованіяхъ (Мальта, Албанія, Греція, Турція) Байронъ все болѣе и болѣе захватывался вопросами современности, что̀ отражалось и на его поэзіи, сообщая ей совершенно новый духъ. По возвращеніи на родину онъ скоро сдѣлался литературною знаменитостью, благодаря своему „Чайльдъ-Гарольду", который сталъ выходить въ 1812 г. Въ томъ же году онъ сказалъ въ парламентѣ двѣ рѣчи оппозиціоннаго характера. Первая была произнесена въ защиту бѣдныхъ коттингемскихъ рабочихъ, разрушившихъ ткацкія машины и тѣмъ вызвавшихъ противъ себя репрессивныя мѣры. Байронъ доказывалъ въ своей рѣчи, что если бы англичане не пожалѣли дать несчастнымъ и голоднымъ рабочимъ хотя бы десятую часть тѣхъ денегъ, какія они посылаютъ португальцамъ для веденія войны съ Наполеономъ, то и не было бы той нужды, которую они хотятъ исцѣлять

---

[1]) *Moore.* Letters and Journal of lord Byron.—Lord Byron jugé par les temoins de sa vie. 1868.—*Jeafferson.* The lord Byron. 1883.—*Elze.* Lord Byron. 1880 (есть русск. пер.).—*Георгъ Брандесъ.* Байронъ и его произведенія. 1889 (переводъ изъ его Hauptströmungen). Въ „Вѣстникѣ Европы" съ 1900 г. напечатанъ о Байронѣ рядъ статьей *Алексѣя Н. Веселовскаго*, составившихъ вмѣстѣ цѣлую книгу.

тюрьмою и казнями. Другая рѣчь Байрона была произнесена въ защиту эмансипаціи католиковъ. Но на родинѣ Байронъ долго не ужился и въ 1816 г. навсегда покинулъ Англію, крайне раздраженный противъ реакціоннаго направленія, господствовавшаго въ англійскомъ обществѣ. Однимъ изъ главныхъ мотивовъ его поэзіи въ это время сдѣлалась любовь къ свободѣ во всѣхъ ея проявленіяхъ, начиная свободою мысли. „Все-жъ, говоритъ онъ въ „Чайльдъ-Гарольдѣ",—все-жъ будемъ размышлять мы смѣло. — Безчестно отступать отъ правъ:— Мысль наше право, наше дѣло,—И я храню ея уставъ.—Хоть съ дня рожденья мысль въ насъ гнали,—Водили къ пыткамъ и на казнь,— Терзали, жгли и оскорбляли;—Хотя завистливо боязнь—Ее во мракѣ содержала.—Чтобъ съ свѣтомъ не жилъ человѣкъ,—Но все-жъ порою видѣлъ вѣкъ,—Что мысль лучемъ своимъ сіяла,—И мы узнали наконецъ,—Что прозрѣваетъ и слѣпецъ". Съ точки зрѣнія свободы смотрѣлъ онъ на людей и на событія своего времени. Напр., для Байрона Георгъ III былъ прежде всего государемъ, который „не будучи тиранномъ, самъ покровительствовалъ тираннамъ". „Онъ умеръ, говоритъ о немъ Байронъ, оставивъ послѣ себя подданныхъ — половину такую же безумную, какъ онъ, а другую—не менѣе его слѣпую".— „Постоянно, говоритъ онъ еще о Георгѣ III, шелъ онъ войной на свободу и на свободныхъ людей: народы и отдѣльныя лица, его подданные и иностранцы, чуть произносили слово „свобода", тотчасъ же непремѣнно находили въ Георгѣ III своего перваго врага. Гдѣ государь, исторія котораго запятналась бы столькими бѣдствіями національными и частными?" Съ свободолюбивой точки зрѣнія смотрѣлъ Байронъ и на французскую революцію. Хотя Франція и совершила великое множество преступленій и на развалинахъ стараго воздвигла такія же зданія безправія и гнета, какія только-что были разрушены, тѣмъ не менѣе Байронъ вѣритъ, что „не будетъ длиться это долго": „но все же ты жива, свобода!—Твой стягъ, изорванный кругомъ,— Стоитъ святыней у народа;—Твой голосъ, слышный словно громъ,— Теперь усталый, грянетъ снова" и т. д. Въ одѣ „Ватерлоо" (1815) Байронъ предсказывалъ побѣду богодарованной свободы и образованіе союза человѣчества, которому ничто не будетъ въ состояніи противостоять. Байронъ одно время сильно увлекался Наполеономъ, но въ концѣ концовъ сталъ порицать Наполеона за подавленіе свободы. „О, небо, восклицаетъ, напр., Байронъ (въ Age of bronze, 1823 г.),—о, небо, котораго могущество онъ представлялъ собою! О, земля, имѣвшая его однимъ изъ своихъ благороднѣйшихъ созданій... Увы! зачѣмъ перешелъ онъ Рубиконъ—Рубиконъ правъ, снова завоеванныхъ человѣкомъ, чтобы смѣшаться съ толпою королей и паразитовъ?.. Одинъ

шагъ на хорошемъ пути сдѣлалъ бы изъ этого человѣка Вашингтона угнетеннаго міра; одинъ шагъ на пути ложномъ отдалъ его всѣмъ вѣтрамъ небеснымъ... Онъ былъ поочередно тростникомъ фортуны и розгою королей, Молохомъ и полубогомъ славы, Цезаремъ своей страны, Аннибаломъ Европы, не сохранивъ въ своемъ паденіи ихъ приличнаго достоинства. А между тѣмъ само тщеславіе могло бы указать ему путь къ славѣ, болѣе надежный избраннаго имъ, показавъ ему въ лѣтописяхъ исторіи тысячу побѣдителей на одного мудреца". Надежды на то, что паденіе властелина повлечетъ за собой возстановленіе свободы, не оправдались, и вотъ какъ Байронъ въ „Чайльдъ-Гарольдѣ" изобразилъ результаты низверженія Наполеона. „Погибла власть съ громадной славой,—Герой раздавленъ былъ судьбой—И потащилъ онъ за собой—Обрывки цѣпи той кровавой,—Которой міръ онъ обвивалъ—И въ рабствѣ націи держалъ.—Правдивый судъ! Пусть галлъ кусаетъ—Свои стальныя удила—И пѣной цѣпи покрываетъ.—Но гдѣ-жъ свобода? Чтò дала—Побѣда надъ *однимъ* владыкой?—Иль снова рабство воскрешать—И вновь въ лохмотья наряжать—Тотъ идолъ, нѣкогда великій?—Затѣмъ ли свергнули мы льва,—Чтобъ предъ волками преклоняться,—Шептать ли робости слова—И въ новомъ рабствѣ унижаться?—Такъ не сплетайте же вѣнковъ:—Побѣда ваша стыдъ вѣковъ". Легитимизмъ, Священный союзъ и реакціонная политика Кэстльри нашли въ Байронѣ одного изъ наиболѣе рѣзкихъ своихъ противниковъ. Живя въ той части Италіи, которая по вѣнскому трактату досталась Австріи, онъ хорошо могъ видѣть, какой гнетъ наложила меттерниховская реакція на итальянскую націю, и въ своихъ двухъ венеціанскихъ драмахъ „Марино Фальери" и „Двое Фоскари" онъ въ сущности хотѣлъ создать призывъ къ итальянскому патріотизму для борьбы съ притѣснителями націи. Свободу и обманутыя надежды онъ оплакивалъ еще въ „Одѣ къ Венеціи" (1819): „Нѣтъ болѣе надеждъ для націй: все почило.—Взгляни на сонмъ страницъ промчавшихся вѣковъ:—Одно и то же все, одинъ приливъ часовъ—И ихъ отливъ, что много разъ ужъ было—И что насъ ничему почти не научило... Скажите мнѣ вы, кровь за вашихъ королей—Пролившіе въ бояхъ и спящіе спокойно,—Что сдѣлали они для вашихъ сыновей?—Обременили ихъ тяжелыми цѣпями,—Воздвигли стѣны вкругъ и сдѣлали рабами... Республика главу склонила въ трехъ частяхъ—Стенящей вкругъ земли: Венеція во прахъ—Затоптана врагомъ, Голландія склонилась—Предъ скиптромъ золотымъ и въ пурпуръ облачилась.—И если между горъ Гельвеція одна—Красуется еще, какъ вольная страна,—То не надолго" и т. д.

При такомъ общемъ настроеніи не мудрено, что Байронъ сталъ

ощущать въ себѣ своего рода революціонный задоръ и кончилъ тѣмъ, что сталъ работать для свободы не одною своею поэзіей. Свое политическое credo онъ очень хорошо выразилъ въ слѣдующихъ стихахъ „Донъ-Жуана“: „Теперь однимъ желаньемъ я сгораю—Вести войну, хоть на словахъ пока,—Бой противъ всѣхъ, кто нашу мысль стѣсняетъ!—Тиранны и льстецы! моя рука—Мишенью для себя васъ избираетъ.—Кто побѣдитъ? Не знаю, но всегда,—Не уставая долгіе года,—Я ненавидѣть буду безконечно—Всѣхъ, кто народомъ правитъ безсердечно.—Но пусть хранитъ всѣхъ сильныхъ рокъ!—Вѣдь имъ не ждать охраны отъ народа.—Я словно пѣнье птички подстерегъ:—Она поетъ, что въ міръ идетъ свобода.—И кляча принимается лягать,—Когда хомутъ начнетъ ей шею жать;—И Іова терпѣнье, вѣроятно,—Не долго людямъ будетъ такъ пріятно.—Толпа ворчитъ сначала; Какъ Давидъ,—Потомъ бросаетъ камни въ великана—И наконецъ съ оружіемъ бѣжитъ.—Ожившая отъ гнѣва и обмана.—И тутъ начнется бой, заблещетъ сталь.—При этомъ могъ воскликнуть я: какъ жаль,—Но убѣжденъ, что общее движенье—Спасетъ весь шаръ земной отъ оскверненья“. Самъ Байронъ признавался въ 1813 г. въ томъ, что „чрезвычайно упростилъ свою политическую теорію: теперь, утверждалъ онъ тогда, она состоитъ въ томъ, чтобы смертельно ненавидѣть всѣ существующія правительства“. Около того времени, когда вспыхнула итальянская революція, онъ писалъ: „они (карбонары) намѣрены организовать возстаніе и должны почтить меня приглашеніемъ. Конечно, я не откажусь, хотя по совѣсти считаю ихъ слишкомъ ничтожными числомъ и мужествомъ, чтобы ожидать отъ нихъ многаго. Но впередъ! Что такое я? Одинъ человѣкъ или милліонъ людей—это все равно: самое важное тутъ—распространеніе духа свободы. Въ подобныхъ случаяхъ личные расчеты должны отходить на второй планъ и ужъ, разумѣется, не меня можно будетъ заподозрить въ подобномъ поползновеніи“. Въ Италіи Байронъ довольно рано сошелся со многими карбонарами и началъ даже играть между ними нѣкоторую роль, а когда вспыхнула революція въ Неаполѣ, то онъ послалъ революціонному правительству тысячу луидоровъ для борьбы съ Священнымъ союзомъ. Пользуясь положеніемъ англійскаго пэра, у котораго полиція, какъ онъ думалъ, никогда не осмѣлилась бы сдѣлать обыска, онъ прямо устроилъ у себя въ домѣ (въ Равеннѣ) складъ революціонныхъ прокламацій и оружія, хотя въ концѣ концовъ и ему пришлось переселяться изъ одного итальянскаго государства въ другое.

Однимъ изъ послѣднихъ произведеній музы Байрона съ политическимъ содержаніемъ былъ его „Бронзовый вѣкъ“, въ которомъ онъ, какъ и въ „Донъ-Жуанѣ“, выступилъ борцомъ за всѣхъ страждු-

щихъ — за негровъ невольниковъ, за несчастныхъ ирландцевъ, за итальянскихъ патріотовъ—и бичевалъ англійскую политику за то, что она шла на привязи легитимизма и Священнаго союза. Въ политикѣ Байронъ кончилъ совершеннымъ переходомъ къ радикальной оппозиціи. Нужно, однако, замѣтить, что въ его политическихъ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ было гораздо больше чувства и порывовъ, чѣмъ сознательной мысли и упорства. Въ качествѣ лорда онъ имѣлъ полную возможность развить широко свою политическую дѣятельность, но онъ этимъ пренебрегъ, какъ дѣломъ, слишкомъ прозаическимъ, оказавъ, наоборотъ, предпочтеніе итальянскому карбонаризму, въ которомъ, по его же собственному выраженію, политика превращалась въ поэзію. „Моя политика, писалъ онъ однажды, подобна молодой возлюбленной старика: чѣмъ она неприступнѣе, тѣмъ болѣе я въ нее влюбленъ. Въ этомъ дѣлѣ я менѣе всего забочусь о послѣдствіяхъ". Отсюда тѣ противорѣчія, въ какія онъ впадалъ, громя, напр., деспотизмъ и въ то же время съ любовью останавливаясь въ своей поэзіи на деспотическихъ характерахъ. Байронъ могъ поэтому одновременно поклоняться столь несходнымъ дѣятелямъ исторіи, какъ Наполеонъ и Вашингтонъ, да и отношеніе его къ Наполеону было чисто поэтическое. Послѣ его паденія Байронъ ставилъ въ укоръ ему главнымъ образомъ то, что онъ не съумѣлъ во-время умереть и не обнаружилъ величія духа при отреченіи отъ престола. Въ войнѣ Наполеона съ союзниками сочувствіе поэта было не на ихъ сторонѣ, и хотя „левъ" былъ не меньшимъ деспотомъ, чѣмъ „волки", пришедшіе къ нему на смѣну, Байронъ никогда не громилъ такъ его деспотизмъ, какъ дѣлалъ это по отношенію къ Священному союзу. Конечно, Наполеонъ сильнѣе дѣйствовалъ на воображеніе, чѣмъ три государя, заключившіе между собою союзъ, „дабы замѣнить одного Наполеона", и въ этомъ отношеніи не одинъ Байронъ относился къ „великому императору" съ поэтической точки зрѣнія, передъ которою политическія соображенія отступали на задній планъ. Въ 1823 г. Байронъ, какъ извѣстно, уѣхалъ въ Грецію, чтобы лично участвовать въ ея борьбѣ за свободу, но нашелъ преждевременную кончину (1824). Вотъ въ это время онъ самъ уже начиналъ указывать другимъ вождямъ возстанія на необходимость считаться съ желаніями того самаго Священнаго союза, который прежде, напротивъ, всячески осмѣивалъ и бранилъ,— и даже питалъ теперь надежду на то, что Европа окажетъ грекамъ помощь. Въ самомъ этомъ участіи Байрона въ греческомъ возстаніи большую роль играла жажда сильныхъ ощущеній и честолюбивыя мечты. Такой человѣкъ, конечно, не могъ стать настоящимъ политическимъ дѣятелемъ, но зато его поэзія, проникнутая духомъ свободы

и протестомъ противъ реакціонной тиранніи, сама-по-себѣ получила громадное историческое значеніе, оказавъ вліяніе на современниковъ и на ближайшее потомство въ смыслѣ культа свободы, которую онъ прославлялъ въ своихъ стихахъ. Нужно прибавить, однако, что это вліяніе сказалось гораздо сильнѣе на материкѣ, чѣмъ въ самой Англіи.

СОЦІАЛЬНАЯ ИСТОРІЯ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВѢКА.

XXII. Существенное содержаніе соціальной исторіи XIX в. и ея изученіе.

Происхожденіе и характеръ соціальнаго строя новѣйшаго времени.—Вліяніе на него французской революціи.—Общее значеніе экономическаго переворота конца XVIII и начала XIX в.—Крестьянскій и рабочій вопросы въ XIX вѣкѣ.—Политическая экономія въ ея отношеніяхъ къ буржуазіи и либерализму.—Оппоненты политической экономіи.—Зарожденіе утопическаго соціализма.—Содержаніе слѣдующихъ главъ.—Важнѣйшіе труды по соціальной исторіи XIX в. вообще и первой его трети въ особенности.—Общій взглядъ на соціальную исторію въ XIX вѣкѣ.

Въ предыдущихъ отдѣлахъ настоящаго тома мы разсмотрѣли политическую и культурную исторію Западной Европы съ исхода XVIII в. до конца двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія, поставивъ главною своею задачею прослѣдить судьбу новыхъ началъ духовной и государственной жизни, провозглашенныхъ „просвѣщеніемъ“ XVIII в. и французской революціей, но встрѣтившихъ сильное противодѣйствіе со стороны старыхъ традицій, интересовъ и привычекъ. Намъ приходилось при этомъ касаться отчасти и соціальной исторіи за указанный періодъ времени, поскольку это было необходимо для пониманія культурной и политической борьбы, бывшей главнымъ предметомъ предыдущихъ отдѣловъ этого тома. Теперь мы переходимъ къ разсмотрѣнію соціальной исторіи самой по себѣ за тотъ же періодъ времени, причемъ на первый планъ выдвигаемъ уже чисто экономическую сторону этой исторіи—какъ въ области фактовъ, характеризующихъ эпоху, такъ и въ области идей, на которыя эти факты наводили мыслителей и дѣятелей эпохи. Мы уже знаемъ, что борьба

между новыми и старыми началами культурной и политической жизни, т.-е. борьба между либерализмомъ и реакціей совпадала до извѣстной степени съ тою, которую вели между собою два наиболѣе обезпеченныхъ и образованныхъ общественныхъ класса—буржуазія и аристократія съ ихъ разными культурно-политическими стремленіями, унаслѣдованными еще изъ весьма давней старины, и съ ихъ неодинаковыми соціально-экономическими интересами, имѣвшими свою основу—у однихъ въ обладаніи капиталами, у другихъ въ землевладѣніи. Мы видѣли, далѣе, что цѣлью стремленій аристократіи было возстановленіе или сохраненіе старыхъ принциповъ политическаго и юридическаго неравенства, тогда какъ буржуазія, наоборотъ, стремилась къ уничтоженію какихъ бы то ни было сословныхъ привилегій. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи интересы буржуазіи совпадали съ интересами народа, поскольку все, что страдало отъ существованія аристократическихъ привилегій, должно было выиграть при установленіи равенства всѣхъ гражданъ государства передъ закономъ. Для крестьянской массы замѣна стараго сословнаго строя безсословнымъ гражданствомъ сопровождалась личнымъ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости и снятіемъ съ земли лежавшихъ на ней феодальныхъ повинностей. И то, и другое входило въ программу какъ революціонной пропаганды, удержанную и Наполеономъ, такъ и въ программу либерализма реставраціонной эпохи, тогда какъ реакція, наоборотъ, отличалась крѣпостническими и феодальными стремленіями. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ у буржуазіи были, далѣе, общіе интересы и съ низшими классами городского населенія, поскольку всѣ вообще непривилегированные страдали отъ однѣхъ и тѣхъ же несправедливостей „стараго порядка“. Но когда старыя соціальныя отношенія рушились, тогда обнаружилось, такъ сказать, самое простое дѣленіе общества на имущихъ и неимущихъ, разъ не существовало болѣе уже никакихъ сословныхъ перегородокъ и оставалось только одно имущественное неравенство. Ранѣе всего въ Англіи, въ которой вообще сословный бытъ не получилъ развитія, произошло сліяніе въ одномъ правящемъ классѣ землевладѣльческихъ и капиталистическихъ элементовъ, оградившихъ себя отъ остальной массы населенія высокимъ избирательнымъ цензомъ. Французская буржуазія, выступившая въ 1789 г. подъ знаменемъ демократическихъ идей, въ эпоху реставраціи равнымъ образомъ составляла, благодаря тому же высокому избирательному цензу, особый общественный классъ, къ которому отнынѣ принадлежало и землевладѣльческое дворянство. По мѣрѣ того, какъ падали старыя основы соціальнаго могущества дворянства, а дворянскія земли переходили, кромѣ того, въ руки буржуазіи, самый этотъ правящій классъ все болѣе и болѣе получалъ чисто буржуазный характеръ, пока, на-

конецъ, подъ буржуазіей не стали разумѣть вообще извѣстный общественный слой, какого бы происхожденія — аристократическаго или плебейскаго—ни были отдѣльные его члены, въ чемъ бы ни заключалась экономическая основа его соціальнаго значенія, т.-е. въ землѣ или въ капиталѣ, сельскомъ ли хозяйствѣ или въ обрабатывающей промышленности, въ торговлѣ, въ денежныхъ спекуляціяхъ и т. п. Поэтому, только благодаря отмѣнѣ юридическихъ привилегій, могло выработаться то понятіе о буржуазіи, которое сдѣлалось ходячимъ во второй половинѣ XIX в., и слово „буржуа“ стало обозначать не горожанина въ противоположность къ деревенскому жителю и не плебея въ отличіе отъ благороднаго, а человѣка, принадлежащаго къ извѣстному общественному классу, выдѣляемому изъ народной массы на основаніи чисто экономическаго принципа. „Буржуазія, писалъ въ сороковыхъ годахъ Луи Бланъ, — буржуазія есть совокупность гражданъ, которые, владѣя орудіями труда или капиталомъ, могутъ, не порабощаясь, развивать свои способности и зависятъ отъ другихъ людей только въ извѣстной степени. Народъ, продолжаетъ онъ, есть совокупность гражданъ, которые, не владѣя орудіями труда, не находятъ въ себѣ самихъ средствъ развитія и зависятъ отъ другихъ въ томъ, что̀ относится къ первымъ надобностямъ жизни“. Въ этомъ различеніи, сдѣланномъ однимъ изъ первыхъ писателей, который сталъ такимъ образомъ противополагать буржуазію и народъ въ политической и исторической литературѣ, все дѣло именно въ „орудіяхъ труда и капиталѣ“, которые одни въ безсословномъ гражданствѣ, созданномъ на материкѣ Европы французской революціей, и являются основою соціальнаго неравенства, сдѣлавшагося, благодаря избирательному цензу, и основаніемъ политическаго господства буржуазіи. Въ этомъ смыслѣ хорошее дополненіе къ опредѣленію буржуазіи, данному Луи Бланомъ, мы находимъ въ слѣдующихъ словахъ Лассаля: „но и крупный промышленникъ, обладая капиталомъ и извлекая изъ него прибыль, еще не буржуа. Но когда онъ, не довольствуясь фактическими выгодами крупной собственности, стремится еще сдѣлать изъ своего владѣнія, изъ капитала—условіе участія во власти надъ государствомъ, въ направленіи государственной дѣятельности, тогда только становится онъ буржуа, изъ факта владѣнія дѣлаетъ онъ правовую основу политическаго владычества, выставляетъ себя, какъ члена новаго привилегированнаго класса въ народѣ, который хочетъ основать общественныя учрежденія на своей привилегіи обладанія капиталомъ, какъ въ средніе вѣка дворянство основывало ихъ на привилегіи крупнаго землевладѣнія“. Прежде всего организовалось участіе буржуазіи въ политическомъ господствѣ въ Англіи, гдѣ ему благопріятствовало раннее исчезновеніе такой сословности, какая раз-

вилась на материкѣ, а что правящій классъ Англіи основывалъ свою власть именно на своемъ имущественномъ значеніи, это лучше всего доказывается тѣмъ страхомъ, какой внушали ему всѣ демократическія стремленія и движенія эпохи. Французская буржуазія, сбросившая съ себя въ 1789 г. иго аристократическихъ привилегій, пошла по тому же самому пути, который въ сущности сдѣлался вообще путемъ буржуазіи всюду, гдѣ только падали старыя сословныя перегородки.

Разсматривая соціальный строй новѣйшаго времени на материкѣ Западной Европы, мы не должны забывать, что во многихъ отношеніяхъ онъ является созданіемъ французской революціи. Уничтоживъ аристократическія привилегіи, революція содѣйствовала возвышенію буржуазіи, заставивъ съ теченіемъ времени само дворянство стать въ ея собственные ряды, поскольку основою господствующаго положенія въ обществѣ сдѣлалось теперь не благородство происхожденія, а обладаніе собственностью. Упразднивъ крѣпостничество и феодальныя права, буржуазія сокрушила прежнее значеніе землевладѣльческой аристократіи, основывавшееся на извѣстной совокупности особыхъ правъ надъ сельскими жителями и ихъ землею, превративъ дворянъ въ простыхъ собственниковъ, пользующихся совершенно такимъ же положеніемъ, какое заняли въ безсословномъ гражданствѣ крупные землевладѣльцы изъ самой буржуазіи. Наконецъ, отмѣнивъ всѣ стѣсненія, какія „старый порядокъ“ налагалъ на промышленность и трудъ, революція содѣйствовала развитію въ новую сторону, и притомъ въ сторону, выгодную опять-таки для буржуазіи, — и тѣхъ отношеній, какія существовали раньше между различными классами городского населенія. Однимъ словомъ, своими политическими и юридическими преобразованіями революція оказала могущественное дѣйствіе на соціальную трансформацію Западной Европы, снявъ съ экономическихъ отношеній между отдѣльными личностями и цѣлыми общественными классами тѣ государственныя и правовыя ограниченія, которыя препятствовали свободной борьбѣ самихъ экономическихъ силъ и интересовъ. Но это одно дѣйствіе новой политики, въ свою очередь вытекавшей изъ новыхъ интересовъ, стремленій и идей, не можетъ еще объяснить намъ всей соціальной исторіи новѣйшаго времени. Новая политика осуществляла принципы равенства и свободы и тѣмъ самымъ ставила старые соціальные классы въ новыя взаимоотношенія и создавала новыя условія для той борьбы, какая велась между этими классами на почвѣ экономическихъ интересовъ, главнымъ образомъ устраняя все то, что препятствовало свободѣ этихъ взаимоотношеній и этой борьбы.

Кромѣ указанной соціально-политической революціи, имѣвшей значеніе лишь на материкѣ Западной Европы, одновременно съ нею

совершалась—и именно въ Англіи—другая революція уже чисто экономическаго свойства, заключавшаяся въ замѣнѣ мелкаго производства крупнымъ, благодаря чему буржуазія, стоявшая во главѣ большихъ промышленныхъ предпріятій, все болѣе и болѣе обогащалась, тогда какъ рабочій людъ, превратившійся въ бездомный пролетаріатъ, наоборотъ, все болѣе и болѣе попадалъ въ экономическую зависимость отъ буржуазіи. Мы уже знаемъ, что въ Англіи въ XVIII в. политико-соціальныя отношенія были приблизительно такія, какія на материкѣ стали устанавливаться лишь послѣ французской революціи, но помимо всѣхъ причинъ, которыя и ранѣе содѣйствовали развитію въ Англіи капиталистической буржуазіи, особенно важное вліяніе на совершившуюся здѣсь экономическую революцію оказало введеніе машиннаго производства, радикальнымъ образомъ измѣнившее прежнія условія промышленнаго труда. Въ то самое время, какъ на материкѣ Европы подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ французской революціи началась ликвидація стараго феодальнаго строя, тяготѣвшаго надъ сельскою массою, въ Англіи создавались — для того, чтобы вскорѣ перейти и на материкъ,—совершенно новыя экономическія отношенія, наиболѣе характерныя для соціальной исторіи новѣйшаго времени. Обезземеленіе крестьянства, замѣна мелкаго хозяйства крупнымъ, образованіе городского пролетаріата, паденіе цехового устройства, введеніе машинъ, замѣнившихъ ручной трудъ, возникновеніе громадныхъ фабрикъ и т. п.,—вотъ главнѣйшія изъ этихъ явленій, стоящихъ въ самой тѣсной связи съ рѣзкимъ раздѣленіемъ общества на два класса—капиталистовъ и пролетаріевъ. Нигдѣ именно эти явленія не выразились столь ясно и полно, какъ въ Англіи, вслѣдствіе чего англійская соціальная исторія и отличается особою поучительностью. На материкѣ Европы тѣ же самыя явленія обнаруживаются и позднѣе, и не такъ рѣзко, и не въ такой полнотѣ, такъ что во многихъ отношеніяхъ остальныя страны Западной Европы впослѣдствіи только повторяли то, что было уже раньше совершено Англіей въ ея экономической эволюціи. По той же причинѣ и лучше всего разработана въ наукѣ соціальная исторія Англіи, на примѣрѣ которой можно такимъ образомъ познакомиться полнѣе, чѣмъ на какомъ бы то ни было другомъ примѣрѣ, съ главными явленіями новѣйшаго соціально-экономическаго строя.

Посвящая послѣдній отдѣлъ настоящаго тома соціальной исторіи Западной Европы съ исхода XVIII в. до конца двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія и выдвигая при этомъ на первый планъ не политическую, а экономическую точку зрѣнія, мы должны обратить вниманіе главнымъ образомъ на народныя массы, которыя особенно сильно испытали на себѣ вліяніе политическихъ и экономическихъ измѣненій

эпохи. И на крестьянствѣ, и на городскомъ рабочемъ классѣ вообще весьма сильно отразились перемѣны, совершившіяся въ государственномъ и хозяйственномъ быту отдѣльныхъ странъ. Французская революція со всѣмъ тѣмъ, на что̀ можно смотрѣть, какъ на ея продолженіе или на ея слѣдствія, значительно подвинула впередъ рѣшеніе поставленнаго XVIII вѣкомъ крестьянскаго вопроса, который мыслился главнымъ образомъ, какъ вопросъ объ освобожденіи личности и земли крестьянина отъ помѣщичьей власти. Реакція, наступившая послѣ паденія имперіи Наполеона, была крайне неблагопріятна для дальнѣйшей эманципаціи крестьянъ, начатой французскою революціей, и только новыя революціонныя бури 1830 и 1848 гг. привели эту эманципацію къ концу. Но прежде нежели рѣшился крестьянскій вопросъ, въ смыслѣ отмѣны крѣпостного состоянія и феодальныхъ повинностей, бывшій главнымъ соціальнымъ вопросомъ дореволюціонной эпохи, народился другой важный соціальный вопросъ, сдѣлавшійся даже основнымъ соціальнымъ вопросомъ XIX вѣка,—вопросъ рабочій. Въ обоихъ случаяхъ, т.-е. и при возникновеніи вопроса крестьянскаго еще въ XVIII в. и при постановкѣ вопроса рабочаго въ XIX столѣтіи дѣйствовали однѣ и тѣ же причины; а именно, съ одной стороны, обостреніе зла, вытекавшаго изъ ненормальныхъ соціальныхъ отношеній, народная нищета и народное недовольство, къ которымъ не могли оставаться равнодушными ни правительства, ни господствующіе классы, такъ или иначе сами страдавшіе отъ этого зла; съ другой же стороны—возникновеніе въ обществѣ и въ литературѣ гуманнаго отношенія къ труждающимся и обремененнымъ, альтруистическое распространеніе на народныя массы идей равенства, свободы, уваженія къ человѣческой личности и т. д. То народолюбіе, какимъ была уже проникнута просвѣтительная литература философскаго вѣка, одинаково участвовало и въ возникновеніи крестьянскаго вопроса въ XVIII в., и въ возникновеніи вопроса рабочаго въ XIX столѣтіи. Но кромѣ той жалости, какую въ благородныхъ душахъ возбуждало зрѣлище народныхъ страданій, и чисто практическія соображенія заставляли и государственныхъ людей, и публицистовъ обращать вниманіе на экономическія неустройства, отражавшіяся на народной жизни голодовками, нищетой, наклонностью къ безпорядкамъ и т. п. Вся разница заключалась въ томъ, что крестьянскій вопросъ представлялся въ видѣ ликвидаціи старыхъ феодальныхъ отношеній, тогда какъ вопросъ рабочій, наоборотъ, возникалъ на почвѣ совершенно новыхъ отношеній, бывшихъ преимущественно результатомъ перемѣнъ въ экономическомъ и политическомъ быту на рубежѣ XVIII и XIX вв. Вотъ почему намъ придется въ дальнѣйшемъ посвятить гораздо больше мѣста рабочему вопросу сравнительно съ вопросомъ крестьянскимъ, такъ какъ намъ

предстоитъ выяснить еще тѣ новыя соціально-экономическія явленія, которыя породили рабочій вопросъ XIX вѣка. Весьма важно и то обстоятельство, что, начиная съ французской революціи, сами рабочіе все болѣе и болѣе стали напоминать имущимъ классамъ о своемъ существованіи и предъявлять государству и обществу требованія, въ концѣ концовъ вытекавшія изъ того же самаго „естественнаго права", на основахъ котораго созидались новые политическіе порядки. Въ сознаніе самого рабочаго класса все болѣе и болѣе стало проникать сомнѣніе относительно совершенства того общественнаго устройства, въ которомъ этому классу приходится жить и трудиться; особенно же рѣзко долженъ былъ бросаться въ глаза контрастъ между новымъ политическимъ строемъ, стремящимся, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, осуществить идеалы свободы и равенства, и строемъ экономическимъ, въ которомъ, наоборотъ, примѣненіе того же принципа свободы и равенства приводило къ совершенно инымъ результатамъ. Политическій демократизмъ, провозглашенный французской революціей, и то участіе, какое народныя массы на самомъ дѣлѣ начали тогда принимать въ политическихъ событіяхъ, не могли, конечно, не поставить на первый планъ вопросъ объ экономическомъ обезпеченіи этихъ самыхъ массъ, но такъ какъ менѣе всего былъ обезпеченъ въ своемъ существованіи именно городской пролетаріатъ, въ то же время сравнительно и болѣе скученный, и болѣе развитой, и болѣе доступный политической агитаціи, то рабочій вопросъ и получилъ гораздо болѣе важное значеніе, нежели вопросъ крестьянскій, тѣмъ болѣе, что во многихъ случаяхъ обезземеленіе сельскаго населенія и замѣна мелкаго хозяйства крупнымъ ставили значительную часть и земледѣльцевъ въ совершенно такое же положеніе, въ какомъ находились городскіе рабочіе, добывавшіе средства къ существованію на фабрикахъ и заводахъ.

Оба вопроса, т.-е. и крестьянскій, и рабочій, получили весьма важное практическое значеніе въ исторіи XIX в., но кромѣ того, основная суть этихъ вопросовъ сдѣлалась также предметомъ и теоретическаго изученія. Во второй половинѣ XVIII в. возникла даже особая наука, поставившая своими задачами изслѣдованіе естественныхъ законовъ, которыми управляется экономическая жизнь народовъ, и изысканіе средствъ и способовъ созиданія народнаго благосостоянія. Начало этой наукѣ, т.-е. политической экономіи было положено французскими физіократами еще въ серединѣ XVIII в., но истинными ея основателями явились англичане Адамъ Смитъ, Мальтусъ и Рикардо, на ученіяхъ которыхъ отразился весь новѣйшій индустріальный бытъ ихъ родины. Изучая фактическую сторону соціальной исторіи XIX в., мы, конечно, не можемъ не имѣть въ виду и ея стороны идейной, тѣмъ болѣе, что новая наука, исходившая изъ идеи неизмѣнныхъ

естественныхъ законовъ хозяйственной жизни, сразу завоевала себѣ почти всеобщее признаніе и съ особымъ усердіемъ принята была буржуазіей, увидѣвшей въ основныхъ положеніяхъ тогдашней политической экономіи прямое теоретическое оправданіе существующаго и для нея, буржуазіи, выгоднаго экономическаго строя. Въ сущности, ученіе Адама Смита и его школы сложилось подъ вліяніемъ того, что и самъ онъ, и его послѣдователи наблюдали въ Англіи, гдѣ къ концу XVIII в. общество рѣзко раздѣлилось на землевладѣльцевъ и капиталистовъ, съ одной стороны, и рабочій пролетаріатъ съ другой. Новая наука возвела это раздѣленіе въ принципъ, представивъ его, какъ нѣчто, вытекающее изъ самой сущности экономической жизни, обосновала теоретически неизбѣжность такого раздѣленія и провозгласила невмѣшательство государства въ сферу хозяйственныхъ интересовъ общества какъ самое лучшее средство для созданія всеобщаго благополучія. Дѣйствительная жизнь не оправдала, однако, тѣхъ оптимистическихъ ожиданій, какія были порождены ученіемъ объ экономической свободѣ, провозглашеннымъ физіократами и Адамомъ Смитомъ, но это еще не могло сразу поколебать доктрины, доказавшей свою несостоятельность, потому что интересы буржуазіи именно и требовали, чтобы государство не вмѣшивалось въ ея отношенія къ рабочему классу, какъ раньше въ интересы феодальной аристократіи тоже входило, чтобы правительство не касалось ея отношеній къ крестьянамъ. Съ другой стороны, политическіе писатели либеральнаго лагеря, не вдумывавшіеся въ явленія народнаго хозяйства, распространяли принципъ свободы, которой требовали для всѣхъ проявленій культурной жизни, равнымъ образомъ и на жизнь экономическую, ставя рядомъ свободу совѣсти, мысли, слова, печати со свободою собственности и промышленности.

Мало-по-малу создался даже особый оттѣнокъ либерализма—либерализмъ экономическій, повидимому, отстаивавшій принципъ индивидуальной свободы, но на самомъ дѣлѣ защищавшій интересы буржуазіи, для которой экономическая свобода была, дѣйствительно, очень выгодна. Какъ бы тамъ ни было, свобода промышленности сдѣлалась одною изъ важныхъ статей либеральной программы разсматриваемаго періода. Если культурныя и политическія стремленія буржуазіи наиболѣе рельефно выразились въ либерализмѣ эпохи, принимавшемъ, какъ мы уже это видѣли въ своемъ мѣстѣ[1]), прямо буржуазный характеръ, то матеріальные ея интересы лучше всего въ ея глазахъ охранялись съ теоретической точки зрѣнія именно политическою экономіею, возводившею въ принципъ существующій экономическій бытъ. Отсюда,

[1]) См. главнымъ образомъ главу XIV.

конечно не слѣдуетъ, чтобы политическій либерализмъ и экономическая наука эпохи были порожденіемъ исключительно классовыхъ интересовъ буржуазіи, тѣмъ не менѣе и относительно либеральной теоріи государства, и относительно политической экономіи того времени можно сказать, что обѣ онѣ, исходя изъ одного и того же принципа свободы, слишкомъ мало обращали вниманія на то, могла ли народная масса довольствоваться одною тою свободою, которая удовлетворяла людей съ независимыми матеріальными средствами и развитыми умственными потребностями, и не становилась ли эта свобода, перенесенная въ область экономическихъ отношеній, лишь условіемъ, благопріятствовавшимъ капиталисту держать рабочихъ въ наибольшей, какая только возможна, отъ себя зависимости. Конечно, самъ по себѣ либерализмъ, какъ совокупность культурныхъ и политическихъ требованій, выработанныхъ длиннымъ процессомъ историческаго развитія, имѣетъ въ жизни цивилизованныхъ обществъ гораздо болѣе широкое значеніе, нежели то, какое онъ могъ получать подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ классовыхъ интересовъ, но въ сущности то же самое должно сказать и о политической экономіи, поскольку послѣдняя была порождена научнымъ духомъ вѣка и поскольку она стремилась открыть объективную истину относительно факторовъ и законовъ „народнаго богатства", не заботясь исключительно объ одномъ какомъ-либо общественномъ классѣ. И либерализмъ, и политическая экономія могли въ тѣхъ или другихъ пунктахъ ошибаться, и потому жизни предстояло вносить не мало поправокъ въ передовыя политическія и экономическія ученія эпохи. Лишь въ тѣхъ случаяхъ политическій и экономическій либерализмъ дѣлались прямо и сознательно доктринами чисто буржуазными, когда для нихъ безслѣдно проходилъ опытъ жизни; когда они не обращали ни малѣйшаго вниманія на самую основательную критику ихъ принциповъ, и когда ученія, вполнѣ опровергнутыя, продолжали тѣмъ не менѣе находить попрежнему послѣдователей среди общественнаго класса, которому они были болѣе всего выгодными въ моментъ своего возникновенія.

Политическая экономія явилась, какъ научная теорія новаго соціальнаго строя, и въ качествѣ таковой естественно и необходимо должна была быть встрѣчена недружелюбно со стороны реакціонеровъ и консерваторовъ, которые въ основныхъ положеніяхъ и конечныхъ стремленіяхъ новой науки, отрицавшей всѣ средневѣковыя начала государственнаго и общественнаго быта, усматривали одно изъ проявленій все того же ненавистнаго или опаснаго революціоннаго духа. Политическіе писатели реакціонной школы—и между ними особенно Бональдъ—были вообще врагами политической экономіи, не признававшей ни сословной организаціи общества, ни „патріархальныхъ"

отношеній крѣпостничества, ни корпоративныхъ привилегій, ни другихъ установленій, регулировавшихъ раньше экономическую жизнь. На той же точкѣ зрѣнія по отношенію къ ученію Адама Смита стоялъ между прочимъ и баронъ Штейнъ, находившій, что новая экономическая теорія разрушаетъ многія вещи, достойныя быть сохраненными для народнаго блага. Рядомъ съ этой, такъ сказать, консервативною критикою новаго экономическаго ученія, не имѣвшею, впрочемъ, большого значенія ни въ практическомъ, ни въ теоретическомъ смыслѣ, зарождалась и иного рода критика, которая, исходя изъ новыхъ же идей, съ ихъ же, однако, и точки зрѣнія обнаруживала недостатки какъ самаго этого ученія, такъ и санкціонированнаго имъ строя фактическихъ отношеній. Эта критика вскрыла прежде всего то противорѣчіе, которое возникло между политическимъ и экономическимъ порядками новаго общества, указавъ на то, что принципъ равенства и свободы является въ одномъ изъ этихъ порядковъ (т.-е. въ обществѣ, взятомъ съ политической точки зрѣнія) средствомъ, соотвѣтствующимъ своей цѣли—высшему развитію всѣхъ гражданъ, тогда какъ въ другомъ порядкѣ (т.-е. въ обществѣ, взятомъ съ экономической точки зрѣнія) то же самое средство ведетъ къ совершенно противоположному результату — къ экономической несвободѣ и неравенству. Такая постановка вопроса объ обществѣ была весьма важнымъ шагомъ впередъ. Въ XVIII в. впервые произошло отдѣленіе политической экономіи отъ политики; результатомъ этого было то, что каждая изъ обѣихъ наукъ стала смотрѣть на человѣка лишь съ одной какой-либо стороны, но въ началѣ XIX в., когда уже можно было начать подведеніе итоговъ подъ политическою и экономическою революціями конца XVIII столѣтія, явилась потребность въ посредствующей наукѣ, которая взглянула бы на человѣка, какъ на члена одновременно и политическаго, и экономическаго общества, и разсмотрѣла бы отношеніе одного общества къ другому. Разъ, однако, такая задача была поставлена, противорѣчіе между политическимъ и экономическимъ порядками новаго общества не могло уже остаться незамѣченнымъ и неотмѣченнымъ, что въ свою очередь не могло пройти безслѣднымъ для всего дальнѣйшаго развитія соціальныхъ, политическихъ и экономическихъ идей.

Основныя стремленія политической экономіи были однимъ изъ порожденій индивидуализма XVIII вѣка. Противъ экономическаго индивидуализма, который проповѣдовался новою наукою и осуществлялся революціоннымъ законодательствомъ, возставали и представители отживавшихъ общественныхъ и хозяйственныхъ формъ, вродѣ Штейна, и родоначальники соціализма XIX вѣка, поставившаго своею задачею найти и осуществить еще нигдѣ и никогда небывалое со-

ціально-экономическое устройство,—одни возставали во имя историческихъ правъ старины, другіе — во имя идеаловъ лучшаго будущаго. Въ область соціальной исторіи, которой мы посвящаемъ всѣ послѣднія главы этого тома, несомнѣнно должны поэтому войти рядомъ съ политико-экономическими теоріями, представляющими изъ себя попытки понять объективную сущность народнаго хозяйства и чисто субъективныя построенія общественныхъ идеаловъ, какія мы видимъ въ соціальныхъ утопіяхъ Сенъ-Симона, Фурье и Оуэна. Экономическій переворотъ, совершившійся въ концѣ XVIII в., породилъ рабочій вопросъ, на почвѣ же именно рабочаго вопроса главнымъ образомъ и развился современный соціализмъ, играющій столь видную роль въ западно-европейской исторіи XIX в. Мы увидимъ, что соціальныя ученія первой трети этого столѣтія возникли, такъ сказать, внѣ политическаго либерализма и новой экономической науки, скорѣе даже въ направленіи, прямо враждебномъ тѣмъ стремленіямъ, которыя воплотились въ либерализмѣ и въ политической экономіи, поскольку именно политическія и экономическія теоріи эпохи игнорировали интересы и судьбу рабочаго класса и вслѣдствіе этого принимали болѣе или менѣе буржуазный характеръ.

Таковы главныя явленія соціальной исторіи за разсматриваемый нами періодъ времени. Всѣмъ доселѣ сказаннымъ опредѣляется и содержаніе послѣдующихъ главъ этого тома. Прежде всего именно мы разсмотримъ исторію отмѣны крѣпостничества до 1830 года, остановившись главнымъ образомъ на Германіи, гдѣ еще въ XVIII в. сдѣланы были первыя попытки рѣшенія крестьянскаго вопроса. Затѣмъ мы перейдемъ къ исторіи образованія промышленнаго пролетаріата въ связи съ политическими и экономическими перемѣнами, совершившимися въ эту эпоху главнымъ образомъ во Франціи и въ Англіи. Послѣ этого намъ нужно будетъ познакомиться съ экономическими ученіями, пользовавшимися популярностью въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв., причемъ на первый планъ и тутъ придется выдвинуть Англію, бывшую настоящей родиной не только новѣйшаго промышленнаго развитія, но и политической экономіи. Наконецъ, мы остановимся и на раннемъ соціализмѣ, получившемъ свое начало во Франціи, гдѣ у него уже въ XVIII в. были предшественники въ лицѣ Мабли, Морелле и др. При этомъ мы будемъ по мѣрѣ надобности и возможности связывать и сопоставлять факты и идеи соціальной исторіи съ фактами и идеями исторіи культурной и политической.

Соціальная исторія на экономической подкладкѣ стала весьма дѣятельно разрабатываться за послѣднія десятилѣтія въ виду той важности, какую получилъ соціальный вопросъ въ самой жизни. Тѣмъ не менѣе многія стороны этой исторіи еще недостаточно изслѣдованы,

вслѣдствіе чего и не могутъ быть изображены съ достаточною ясностью и полнотою. Въ дальнѣйшемъ мы укажемъ на наиболѣе важные труды, относящіеся къ тѣмъ предметамъ, которымъ посвящается весь настоящій отдѣлъ тома.

Единственнымъ общимъ трудомъ по крестьянскому вопросу въ Западной Европѣ остается изданная еще въ 1861 г. книга *Зугенгейма* „Исторія уничтоженія крѣпостного состоянія и зависимости въ Европѣ до середины XIX столѣтія“ [1]). Въ этомъ обширномъ трудѣ, подводящемъ итоги подъ цѣлою массою спеціальныхъ изслѣдованій, разсмотрѣна исторія крестьянскихъ отношеній съ исхода среднихъ вѣковъ въ Испаніи съ Португаліей, во Франціи, въ Италіи, въ Великобританіи съ Ирландіей, въ Германіи, включая въ нее Австрію и Пруссію съ ихъ ненѣмецкими областями, въ Скандинавіи, Швейцаріи, Голландіи и Бельгіи. Трудъ Зугенгейма получилъ премію отъ петербургской Академіи Наукъ. Важнымъ дополненіемъ къ этой книгѣ можетъ служить сочиненіе *Лоренца Штейна*, разсматривающее освобожденіе земли отъ феодальныхъ повинностей въ Англіи, Франціи и Германіи [2]), что̀ составляетъ одну изъ существенныхъ сторонъ рѣшенія крестьянскаго вопроса. Во французской литературѣ тѣмъ же вопросамъ, которые разсматриваются въ трудахъ Зугенгейма и Лоренца Штейна, посвящена книга *Доніоля* „Французская революція и феодализмъ“ [3]). Какъ показываетъ самое ея заглавіе, въ ней разсматривается вліяніе французской революціи на остатки феодальнаго строя, а такъ какъ эта ре олюція имѣла не только мѣстное, но и общеевропейское значеніе, то авторъ не ограничился исторіей разрушенія феодализма въ одной Франціи, посвятивъ отдѣльныя главы своей книги и другимъ странамъ. Уже послѣ названныхъ сочиненій была предпринята проф. *И. В. Лучицкимъ* обширная „Исторія крестьянской реформы въ Западной Европѣ съ 1789 г.“, но пока она остается, къ сожалѣнію, неоконченной. Послѣ первой ея части, посвященной еще XVIII вѣку [4]), въ печати появилось только нѣсколько отдѣльныхъ статей автора по исторіи крестьянъ въ немногихъ второстепенныхъ странахъ [5]). Кромѣ

[1]) *Samuel Sugenheim*. Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa bis um die Mitte des neunzehnten Jahrhunderts. 1861.

[2]) *L. Stein*. Die Entwährung in England, Frankreich und Deutschland. 1868.

[3]) *Doniol*. La révolution française et la féodalité. 1874. Англійское соч., отчасти посвященное вопросу, *Brownlow*. Slavery and serfdom in Europe. 1892. Уже послѣ перваго изданія этого тома въ изд. *М. И. Водовозовой* появился въ свѣтъ переводъ статей изъ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“ подъ общимъ заглавіемъ „Освобожденіе крестьянъ на Западѣ и исторія поземельныхъ отношеній въ Германіи“ (1897).

[4]) Кіевскія „Университетскія Извѣстія“ 1878—1879 г.

[5]) Печатались въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“. Уже послѣ выхода въ свѣтъ пер-

этой общей литературы, можно указать на историческія работы относительно крестьянства въ отдѣльныхъ странахъ. Во Франціи лучше всего изучена исторія крестьянъ при „старомъ порядкѣ“ и во время революціи, но зато сравнительно мало разработана исторія французскаго крестьянства послѣ революціи, хотя все-таки и тутъ можно назвать нѣсколько трудовъ прямо или косвенно освѣщающихъ эту исторію [1]). Гораздо болѣе сдѣлано для исторіи крестьянства въ Германіи, но не для всѣхъ ея частей одинаково много. Уже Зугенгеймъ въ своей большой книгѣ могъ опираться на довольно значительную литературу, да и послѣ его труда работа продолжалась съ большою энергіею. Въ одинъ годъ съ его трудомъ вышла въ свѣтъ—и равнымъ образомъ была увѣнчана петербургской Академіей Наукъ—небольшая книжка *Георга Гансена* объ уничтоженіи крѣпостничества и вообще о реформѣ крестьянско-помѣщичьихъ отношеній въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ [2]). Затѣмъ появился цѣлый рядъ другихъ подобныхъ работъ. Особенно оживилась научная дѣятельность по изслѣдованію крестьянскихъ и аграрныхъ отношеній въ Германіи за послѣдніе годы. Здѣсь нужно поставить на первый планъ извѣстный трудъ *Кнаппа* „Освобожденіе крестьянъ и происхожденіе сельскихъ рабочихъ въ старыхъ частяхъ Пруссіи“ [3]). Можно сказать вообще, что изъ всѣхъ германскихъ государствъ лучше всего въ этомъ отношеніи изслѣдована, по крайней мѣрѣ, съ исторической точки зрѣнія, Пруссія [4]), тѣмъ болѣе, что на крестьянскую реформу въ этомъ государствѣ обратили большое вниманіе и общіе историки эпохи [5]). Между прочимъ, и въ русской литературѣ о крестьянской реформѣ въ Пруссіи есть

ваго изданія настоящаго тома проф. *Лучицкій* напечаталъ о томъ же предметѣ большую статью въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза-Ефрона (32 полутомъ). Кромѣ того, въ русской литературѣ можно указать на труды *Вольскаго* (О значеніи обработки земли крестьянами-собственниками) и *кн. Васильчикова* (О землевладѣніи и земледѣліи въ главныхъ странахъ Европы), гдѣ собрано не мало историческаго матеріала. См. также историческіе очерки въ соч. проф. *Ходскаго* (Земля и земледѣлецъ) и *С. Булгакова* (Капитализмъ и земледѣліе. 1900).

[1]) Кромѣ общихъ исторій крестьянства во Франціи, имѣемъ въ виду такіе труды, какъ *L. de Lavergne*. Économie rurale de la France depuis 1789. 1870.— *Mauguin*. Etudes historiques sur l'administration de l'agriculture en France. 1876—77 и др. См. только-что названное соч. *Булгакова*.

[2]) *G. Hanssen*. Die Aufgebung der Leibeigenschaft und die Umgestaltung der gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisse überhaupt in den Herzogthümer Schleswig und Holstein. 1861.

[3]) *Georg Friedrich Knapp*. Die Bauern-Befreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den älteren Theilen Preussens. 1887. Есть русскій переводъ.

[4]) См. библіографическій указатель въ концѣ перваго тома соч. Кнаппа.

[5]) Ср. выше въ главѣ X. Изъ новѣйшихъ трудовъ см. книгу *Cavaignac'a* „La formation de la Prusse contemporaine“.

большая работа *Юрія Самарина*, написанная въ эпоху освобожденія крестьянъ въ Россіи [1]). Названная книга Кнаппа представляетъ изъ себя вообще одно изъ лучшихъ изслѣдованій по данному предмету, причемъ авторъ поставилъ крестьянскій вопросъ въ связь съ вопросомъ рабочимъ. Дополненіемъ къ этой книгѣ можетъ служить еще его небольшая работа о „Сельскихъ рабочихъ въ рабскомъ и свободномъ состояніяхъ" [2]). Кромѣ того, Кнаппъ (вмѣстѣ съ Брентано) стоитъ во главѣ „семинарія по государствовѣдѣнію" при страссбургскомъ университетѣ и редактируетъ труды этого семинарія, посвященные преимущественно историческимъ изслѣдованіямъ въ области крестьянскихъ и аграрныхъ отношеній въ Германіи [3]). Одною изъ послѣднихъ работъ, появившихся въ этомъ изданіи, является небольшая книжка *С. Гаусмана* объ освобожденіи земли въ Баваріи, написанная какъ отвѣтъ на тему, предложенную политико-юридическимъ факультетомъ страссбургскаго университета [4]). То, что Кнаппъ сдѣлалъ для старыхъ частей Пруссіи, предпринято было недавно для одной части габсбургской монархіи (Чехіи, Моравіи и Силезіи) *Карломъ Грюнбергомъ* въ сочиненіи, даже по внѣшнему расположенію матеріала напоминающемъ трудъ Кнаппа [5]). Что касается до Англіи, то въ ней крестьянство давно превратилось въ классъ сельскихъ рабочихъ, а ихъ исторія сливается съ исторіей пролетаріата вообще [6]).

Вторую категорію трудовъ по соціальной исторіи начала XIX вѣка составляютъ сочиненія, изображающія экономическій переворотъ конца XVIII в. и его непосредственныя слѣдствія. Эта сторона соціальной исторіи лучше всего изслѣдована по отношенію къ Англіи. Ранѣе всего сдѣлано это было въ извѣстномъ сочиненіи *Энгельса* „Положеніе трудящихся классовъ въ Англіи", вышедшемъ въ свѣтъ

[1]) Помѣщена во II томѣ Собранія его сочиненій.

[2]) *Knapp.* Die Landarbeiter in Knechtschaft und in Freiheit. 1891.

[3]) Abhandlungen aus dem staatswissenschaftlichen Seminar zu Strassburg. Приводимъ названіе отдѣльныхъ работъ: *A. Herzog.* Die bäuerlichen Verhältnisse im Elsass. 1886. — *C. J. Fuchs.* Der Untergang des Bauernstandes und das Aufkommen der Gutsherrschaften, nach archivalischen Quellen aus Neuvorpommern und Rügen. 1888.—*Astaf von Fransehe-Roseneck.* Gutsherr und Bauer in Livland im XVII und XVIII Jahrhundert. 1890.—*A. Hugenberg.* Innere Kolonisation im Nordwesten Deutschlands. 1891.—*F. J. Haun.* Bauer und Gutsherr in Kursachsen im XVI—XVIII Jahrh. 1891 и др.

[4]) *Seb. Hausmann.* Die Grund-Entlastung in Bayern. 1892.

[5]) *K. Grünberg.* Die Befreiung und die Auflösung des gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisses in Böhmen, Mähren und Schlesien.

[6]) *Н. Каблуковъ.* Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. 1884.—Нашею цѣлью не было указывать здѣсь на всю литературу по крестьянскому вопросу. За болѣе подробными указаніями отсылаемъ къ главамъ XIII и XIV перваго тома и къ главѣ VIII третьяго тома.

1845 г. и недавно переизданномъ [1]). Затѣмъ нужно назвать историческія иллюстраціи „Капитала“ *Карла Маркса*, а за послѣдніе годы нѣсколько важныхъ трудовъ по исторіи промышленности, торговли и соціальныхъ отношеній Англіи. Таковы „Двѣ книги по соціальной исторіи Англіи“ *Адольфа Гельда* [2]), „Чтенія о промышленномъ переворотѣ въ Англіи“ *Арнольда Тойнби* [3]), „Индустріальная исторія Англіи“ *Гиббинса* [4]), многочисленные труды *Роджерса* [5]), книга *Гергарта фонъ-Шульце-Геверница* „Zum socialen Frieden“ [6]), „Промышленные кризисы въ современной Англіи“ *М. И. Туганъ-Барановскаго* [7]) и многіе другіе [8]). Во всѣхъ этихъ трудахъ въ общемъ довольно равномѣрно изслѣдована и фактическая (экономическая) и идейная (культурная) сторона соціальной исторіи Англіи. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы такою же равномѣрностью отличалась литература по соціальной исторіи другой страны, въ которой совершались аналогичныя явленія, именно Франціи. Если, напр., можно назвать нѣсколько сочиненій, въ которыхъ выдвинуто на первый планъ развитіе во Франціи соціальныхъ идей, то въ области исторіи экономическихъ отношеній остается желать еще весьма и весьма многаго. Въ послѣднемъ смыслѣ, пожалуй, дореволюціонная Франція, благодаря множе-

---

[1]) *Engels*. Die Lage der arbeitenden Klassen in England. Новое изданіе 1892 г.

[2]) *A. Held*. Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands. 1881.

[3]) *A. Toynbee*. Lectures on the industrial revolution in England. 1884. (Есть русск. переводъ).

[4]) *Gibbins*. The industrial history of England. 1898.

[5]) Между ними см. The economic interpretation of history. (Есть и во франц. пер. 1892 г.).

[6]) *G. von Schulze-Gaevernitz*. Zum socialen Frieden. Eine Darstellung der socialpolitischen Erziehung des englischen Volkes im neunzehnten Jahrhundert. 1890. Сравни книжку *А. С. Гольденвейзера* „Соціальныя теченія и реформы XIX столѣтія въ Англіи“ (1891), представляющую собою изложеніе указаннаго труда.

[7]) *М. И. Туганъ-Барановскій*. Промышленные кризисы въ современной Англіи, ихъ причины и вліяніе на народную жизнь. 1894. Въ этой книгѣ можно найти и болѣе спеціальныя указанія на литературу по экономической исторіи Англіи. Особенно указываемъ на второе изданіе этой книги, въ которомъ исторической части дано новое развитіе. Ср. *Марксъ Виртъ*. Исторія торговыхъ кризисовъ въ Европѣ и Америкѣ. 1876.

[8]) *Nadaud*. Histoire des classes ouvrières en Angleterre. 1872.—*Lujo Brentano*. Die Arbeitergilden der Gegenwart.—*Leone Levi*. The history of the commerce and of the economic progress of the british nation (1763—1878). 1880—*W. Cunningham*. The growth of english industry and commerce in modern time. 1891.—*S. and B. Webb*. The history of trade unionism. 1894.—*Baernreither*. Die englischen Arbeiterverbände. 1886.—*Гобсонъ*. Эволюція современнаго капитализма. 1898.—См. книжку проф. *А. С. Окольскаго*. Ѳома Карлейль и англійское общество въ XIX столѣтіи. 1893. Для исторіи англійскихъ финансовъ *И. И. Кауфманъ*. Государственный долгъ Англіи съ 1688 по 1890 г.

ству трудовъ, посвященныхъ изображенію „стараго порядка“, извѣстна гораздо лучше, нежели Франція, вышедшая изъ революціи,—по крайней мѣрѣ, за первую треть XIX вѣка [1]). Французскія исторіи буржуазіи, въ родѣ книги *Барду* [2]), имѣютъ въ виду исключительно политическую сторону исторіи этого общественнаго класса. Только спеціальная исторія рабочаго класса вводитъ насъ въ чисто соціальную исторію Франціи. Въ этомъ отношеніи до сихъ поръ остается ничѣмъ незамѣнимый двухтомный трудъ *Левассера* по исторіи рабочихъ во Франціи съ 1789 г. до середины шестидесятыхъ годовъ, когда вышла въ свѣтъ эта книга [3]), являющаяся продолженіемъ труда того же автора по исторіи рабочаго класса до 1789 г. [4]). Если, однако, въ общемъ мало изслѣдованы фактическія отношенія французской экономической жизни, то богатая идейная сторона соціальной исторіи Франціи послѣ революціи, наоборотъ, была предметомъ довольно тщательнаго изученія. Въ послѣднемъ отношеніи весьма многое для пониманія внутренней жизни Франціи въ первой половинѣ XIX в. дали извѣстные труды *Лоренца Штейна* [5]). Кромѣ того, здѣсь умѣстно будетъ указать еще на существованіе сочиненій, служащихъ вообще къ уясненію соціальнаго или рабочаго вопроса въ XIX вѣкѣ [6]).

Исторія экономическихъ ученій равнымъ образомъ имѣетъ свою литературу, состоящую или изъ цѣльныхъ обзоровъ всего развитія политической экономіи или изъ монографій по исторіи отдѣльныхъ

---

[1]) Въ бѣдности этой литературы легко убѣдиться, заглянувъ въ библіографію соотвѣтственнаго отдѣла „Всеобщей исторіи“ *Лависса* и *Рамбо*.

[2]) *Bardoux*. La bourgeoisie française.

[3]) *Levasseur*, Histoire des classes ouvrières en France depuis 1789 jusqu'à nos jours. 1867.

[4]) Ср. еще *E. Chevalier*. Les salaires au XIX siècle. Avec une préface de M. E. Levasseur. 1887.—*Monteil*. Histoire de l'industrie française.—Укажемъ еще на книгу *А. Михайлова*. „Пролетаріатъ во Франціи“. 1869.

[5]) *L. Stein*. Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs. 1842.—Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage. 1850.—О значеніи этихъ трудовъ см. въ главѣ XVI пятаго тома.

[6]) *Ф. А. Ланге*. Рабочій вопросъ. Его значеніе въ настоящемъ и будущемъ.—*Scheel*. Die Theorie der socialen Frage. 1881.—*P. Meyer*. Der Emancipationskampf des vierten Standes. 1874 и слѣд. Особое мѣсто занимаютъ въ этой литературѣ сочиненія по исторіи паденія старыхъ цеховъ и возникновенія новыхъ рабочихъ союзовъ. См. соч. *Lujo Brentano*, *Gierke* и др. Указываемъ еще на книгу *Н. В. Молчановскаго* „Цеховая система въ Пруссіи XVIII вѣка и реформа цеховъ при Штейнѣ и Гарденбергѣ“. 1887.—*А. Исаевъ*. Промышленныя товарищества во Франціи и Англіи. 1879. Послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія этого тома нашей „Исторіи“ появилось еще нѣсколько трудовъ по соціальной исторіи XIX в., отмѣченныхъ въ V томѣ. См. еще слова: рабочій вопросъ, соціализмъ, соціальная демократія и соціальный вопросъ въ „Энц. Слов.“ *Брокгауза-Ефрона*.

премѣнно въ той или другой формѣ экономическіе вопросы, а за ними и вопросъ о лучшемъ, болѣе справедливомъ устройствѣ общества. И раньше въ бурныя эпохи національной жизни происходили народныя движенія съ соціальнымъ характеромъ, но экономическая ихъ сторона обыкновенно была скрыта за религіозными или политическими стремленіями. Впервые только теперь эта экономическая сторона, такъ сказать, обнажилась и выдѣлила чисто соціальныя движенія. Произошло послѣднее по двумъ главнымъ причинамъ. Съ одной стороны, предъидущее историческое развитіе уничтожило много такихъ сторонъ государственнаго и церковнаго быта, которыя сами по себѣ, т.-е. безъ содѣйствія экономическаго фактора, вызывали протесты со стороны народныхъ массъ, и это имѣло своимъ результатомъ то, что дѣйствіе экономическаго фактора должно было усилиться; съ другой же стороны, къ тому же самому результату необходимо приводило и то обстоятельство, что въ началѣ XIX в. сталъ завершаться процессъ разлученія труда съ его орудіями, имѣвшій своимъ слѣдствіемъ обостреніе экономическаго зла. Параллельно съ этимъ выступленіемъ на сцену народныхъ массъ, съ этимъ обнаженіемъ экономическихъ устоевъ общественной жизни и обостреніемъ экономическаго антагонизма между соціальными классами развивается обособившаяся въ ряду другихъ общественныхъ наукъ политическая экономія, которая взглянула на общество съ точки зрѣнія, бывшей чуждою теоретической политикѣ или юриспруденціи прежняго времени, съ точки зрѣнія, по крайней мѣрѣ, имѣвшей для государствовѣдовъ и правовѣдовъ второстепенное значеніе. Подъ вліяніемъ всего этого составился даже взглядъ, будто вся исторія сводится въ послѣднемъ анализѣ къ исключительно экономической основѣ [1]), причемъ было забыто даже, какую великую роль играютъ въ исторіи идеи и вообще вся культурная сторона жизни народовъ. Соціальныя идеи, получившія въ XIX в. главнымъ образомъ экономическое содержаніе, сами являются съ исторической точки зрѣнія не чѣмъ инымъ, какъ перенесеніемъ въ область какъ матеріальныхъ интересовъ личности, такъ и хозяйственной жизни всего общества, тѣхъ принциповъ, которые предыдущее культурное и политическое развитіе вырабатывало въ сферахъ духовной и государственной жизни, т.-е. въ религіи и морали, въ философіи и наукѣ, въ публичномъ и частномъ правѣ. Чисто экономическая эволюція поставила для разрѣшенія рядъ вопросовъ, но за самое ихъ разрѣшеніе взялась культурная мысль, всѣмъ предыдущимъ развитіемъ своимъ подготовленная къ тому, чтобы научно понимать дѣйствительную жизнь по категоріи истины и указывать на пути къ ея улучшенію

---

[1]) См. мои „Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ“. 1896.

во имя справедливости. Въ томъ, что мысль XIX вѣка яснѣе, чѣмъ когда-либо, представляетъ себѣ соціальную справедливость, нужно видѣть результатъ именно духовнаго, культурнаго развитія. Экономическія бѣдствія, рабство и нищета существовали всегда, но только на болѣе высокихъ ступеняхъ культурнаго развитія, для борьбы съ невзгодами и несовершенствами жизни стало приходить къ человѣку на помощь научное знаніе съ протестомъ противъ несправедливости и стремленіемъ устранить нищету. Впервые XVIII вѣкъ поставилъ такую задачу, и ея разрѣшеніе сдѣлалось одною изъ самыхъ интересныхъ сторонъ культурно-соціальной исторіи XIX столѣтія.

XXIII. Крестьянскій вопросъ въ первой трети XIX вѣка.

Французская революція и XIX вѣкъ въ исторіи крестьянскаго вопроса. — Связь крестьянской реформы съ культурно-политической исторіей.—Теоретическая разработка крестьянскаго вопроса въ Германіи.—Застой крестьянскаго дѣла въ Австріи.—Особый интересъ крестьянской реформы въ Пруссіи.—Политика прусскаго правительства по отношенію къ крестьянамъ въ XVIII вѣкѣ.—Вопросъ объ уничтоженіи крѣпостничества въ Пруссіи въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. — Прусская крестьянская реформа 1807 и слѣд. годовъ. — Приговоръ Кнаппа объ общемъ значеніи прусской крестьянской реформы. — Крестьянскій вопросъ въ другихъ государствахъ Германіи до 1830 г.— Мекленбургскія аграрныя отношенія.— Крайняя пестрота крестьянскихъ отношеній и правительственныхъ мѣръ по крестьянскому вопросу въ Германіи.—Общій взглядъ на положеніе крестьянъ и законодательныя мѣры, касающіяся крестьянства, въ другихъ странахъ континента.—Нѣсколько общихъ выводовъ.

Въ исторіи крестьянскаго вопроса на западѣ Европы французской революціи принадлежитъ въ высшей степени важное значеніе. XVIII вѣкъ впервые поставилъ крестьянскій вопросъ, какъ вопросъ объ освобожденіи личности и имущества земледѣльца отъ крѣпостной зависимости и отъ феодальныхъ повинностей, но рѣшеніе этого вопроса XVIII в. завѣщалъ лишь XIX вѣку, указавъ на примѣрѣ французскаго революціоннаго законодательства, что государственная власть имѣетъ право безвозмездно освободить личность крестьянина отъ крѣпостной зависимости и снять въ силу общаго закона ту тяготу, которая лежала на его землѣ. Законодательство конституанты, легислативы и въ особенности конвента весьма радикальнымъ образомъ рѣшило юридическую сторону крестьянскаго вопроса во Франціи, освободивъ личность и землю крестьянина отъ феодальнаго режима, превративъ массу сельскаго населенія въ свободныхъ и полноправныхъ гражданъ и замѣнивъ средневѣковое условное землевладѣніе ни отъ кого независимою собственностью. Правда, первоначально предпола-

галось, что крестьяне будутъ выкупать повинности, лежавшія на ихъ земельныхъ участкахъ, и въ этомъ смыслѣ даже изданы были спеціальные законы, оказавшіеся, впрочемъ, крайне неудовлетворительными, но политическія обстоятельства эпохи заставили конвентъ въ 1793 г. отмѣнить безвозмездно и эти повинности. Наступившая затѣмъ эпоха не послѣдовала, однако, примѣру конвента, и вопросъ о выкупѣ крестьянскихъ повинностей долженъ былъ сдѣлаться поэтому однимъ изъ наиболѣе важныхъ въ общемъ вопросѣ объ отмѣнѣ феодальныхъ правъ. Но у крестьянской реформы, кромѣ юридической, была еще и экономическая сторона, потому что дѣло заключалось не только въ томъ, чтобы освободить личность и имущество крестьянина отъ феодальныхъ правъ, но и въ томъ, чтобы обезпечить его матеріальный бытъ, поставивъ его въ наиболѣе выгодное отношеніе къ землѣ. Въ XVIII в. вообще и въ частности въ эпоху французской революціи эта сторона вопроса отодвигалась на задній планъ. Въ то время предполагалось, что все зло въ жизни сельскаго населенія заключается въ несвободѣ или неполноправности самихъ крестьянъ и въ обремененіи или стѣсненіи крестьянскаго землевладѣнія всякаго рода феодальными поборами и повинностями. Мало того: физіократы, подъ вліяніемъ которыхъ складывались экономическія воззрѣнія общества и правительствъ, были противниками мелкаго крестьянскаго хозяйства, какую бы форму оно ни имѣло, рекомендуя англійскую систему крупныхъ фермъ съ веденіемъ хозяйства при помощи безземельныхъ сельскихъ рабочихъ,—порядокъ вещей, отразившійся и на экономическихъ воззрѣніяхъ школы Адама Смита. Какъ бы тамъ ни было, французская революція не предприняла ничего для земельнаго обезпеченія крестьянской массы, хотя въ распоряженіи государства была тогда громадная масса такъ называемыхъ національныхъ имуществъ, образовавшихся изъ прежнихъ доменовъ, изъ секуляризованной собственности церкви и монастырей и изъ конфискованныхъ имѣній эмигрировавшаго дворянства.

После французской революціи дѣло крестьянской реформы пошло быстрѣе и въ другихъ государствахъ. Мы уже видѣли это, обозрѣвая вообще тѣ перемѣны, которыя французское владычество произвело или вызвало въ другихъ странахъ въ эпоху революціи, консульства и имперіи [1]), но процессъ продолжался и въ слѣдующіе періоды, то замедляясь, то ускоряясь, какъ то было до и послѣ революцій 1830 и 1848 гг. Во все это время принципъ права крестьянина на личную свободу и права государства осуществлять эту свободу путемъ безвозмездной отмѣны крѣпостничества стоялъ довольно твердо

---

[1]) См. главу IX.

въ общественномъ сознаніи, хотя наступившая въ 1815 г. реакція и оказалась крайне неблагопріятною для проведенія этого принципа въ жизнь. Съ другой стороны, законодательство XIX в. въ вопросѣ объ отмѣнѣ поземельныхъ повинностей крестьянъ стояло на точкѣ зрѣнія учредительнаго собранія 1789—91 гг., т.-е. разсматривало ихъ, какъ подлежащія выкупу, и только съ теченіемъ времени выработался взглядъ, въ силу котораго государство должно было приходить на помощь къ крестьянамъ въ дѣлѣ выкупа повинностей. Развитіе ученія о государственной помощи и соотвѣтственное законодательство составляютъ вообще одну изъ важнѣйшихъ сторонъ исторіи рѣшенія крестьянскаго вопроса въ XIX столѣтіи. Другую не менѣе важную сторону этой исторіи составляетъ развитіе сознанія о необходимости земельнаго обезпеченія крестьянъ, о которомъ еще такъ мало думали во время французской революціи.

Извѣстно, что освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости на западѣ Европы вообще сопровождалось, такъ сказать, ихъ открѣпленіемъ отъ земли—процессъ, который ранѣе всего и полнѣе всего совершился въ Англіи. Но то же самое дѣлалось по мѣстамъ и въ началѣ XIX в. Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ примѣровъ этого является освобожденіе крѣпостныхъ въ великомъ герцогствѣ Варшавскомъ, произведенное Наполеономъ I въ 1807 г. Польскіе „хлопы" въ силу императорскаго декрета дѣлались свободными, но земля, на которой они сидѣли, объявлялась полною собственностью помѣщика, что ставило крестьянъ въ положеніе людей, снимающихъ землю у помѣщиковъ на основаніи свободнаго договора. Эта реформа, по остроумному замѣчанію одного польскаго государственнаго человѣка, сняла съ ногъ хлоповъ кандалы, но вмѣстѣ съ тѣмъ стащила съ нихъ и сапоги, и впослѣдствіи императоръ Николай I, обративъ вниманіе на начавшееся въ Царствѣ Польскомъ обезземеленіе крестьянъ, принялъ особыя мѣры для его прекращенія. Съ теченіемъ времени взглядъ на освобожденіе крестьянъ „безъ земли" или „съ землею" существеннымъ образомъ измѣнился къ выгодѣ крестьянской массы. Подводя итоги подъ всѣмъ сказаннымъ, мы можемъ признать что двумя самыми важными сторонами крестьянскаго вопроса въ XIX в. были вопросъ о выкупѣ крестьянскихъ повинностей и вопросъ объ устройствѣ поземельнаго быта крестьянъ.

Главное сопротивленіе встрѣчали и въ XVIII, и въ XIX вв. правительство и самъ народъ въ дѣлѣ крестьянской реформы со стороны дворянства, которое въ отмѣнѣ крѣпостного права, въ уничтоженіи крестьянскихъ повинностей и въ надѣленіи крестьянъ землею видѣло нарушеніе своихъ законныхъ правъ. Одною изъ задачъ, какія въ XVIII в. ставила себѣ консервативная оппозиція противъ прави-

тельственныхъ начинаній въ области крестьянскаго вопроса, было именно сохраненіе тѣхъ отношеній, въ какихъ крестьяне находились къ дворянству болѣе или менѣе повсемѣстно. Въ этомъ смыслѣ дворянство во всѣхъ государствахъ дѣйствовало очень единодушно, какъ въ XVIII в., такъ и въ XIX столѣтіи, когда послѣ революціи прежняя консервативная оппозиція перешла въ аристократическую реакцію. Съ паденіемъ имперіи Наполеона I, благопріятствовавшей освобожденію сельской массы, наступило время, когда въ области общественной мысли и жизни стали съ особою силою оживать средневѣковыя традиціи. Реакціонные писатели эпохи общимъ духомъ своихъ ученій подновили тѣ воззрѣнія, которыми въ былое время оправдывалось существованіе „патріархальныхъ“ отношеній между господами и жившими на ихъ земляхъ крестьянами. Возобновленіемъ союза королевской власти съ привилегированными, характеризующимъ эпоху реставраціи, создавалось и политическое положеніе, бывшее крайне неблагопріятнымъ для рѣшенія крестьянскаго вопроса. Вообще каждый разъ, какъ вліяніе новыхъ культурныхъ и политическихъ началъ приходило въ упадокъ, это выражалось непремѣнно въ замедленіи и даже прямо въ прекращеніи процесса особожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и вообще всѣхъ реформъ въ сельскомъ быту, которыхъ требовало болѣе развитое общественное сознаніе. Наоборотъ, всякій новый успѣхъ культурныхъ и политическихъ началъ, ведущихъ свое происхожденіе изъ „просвѣщенія“ XVIII в., имѣлъ непосредственнымъ своимъ слѣдствіемъ какія-либо важныя перемѣны въ жизни этой самой крестьянской массы. Не даромъ, напр., въ исторіи крестьянскихъ реформъ, совершившихся въ XIX в. въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ, такое важное значеніе принадлежитъ движеніямъ 1830 и 1848 гг.

Другимъ имѣющимъ значеніе обстоятельствомъ, которое нужно принимать въ расчетъ при разсмотрѣніи крестьянской реформы въ XIX вѣкѣ, является теоретическая разработка этого вопроса въ литературѣ. Франція въ 1789 г. должна была рѣшать свой крестьянскій вопросъ безъ достаточной подготовки, т.-е. безъ хорошаго знанія фактическихъ отношеній, господствовавшихъ въ сельскомъ быту, и безъ предварительнаго изученія принципіальной стороны дѣла съ исторической, политической, юридической и экономической точекъ зрѣнія. Германія въ этомъ отношеніи была поставлена въ иныя условія, такъ какъ здѣсь крестьянскій вопросъ рѣшался постепенно,—въ однихъ государствахъ раньше, въ другихъ позже и притомъ какъ въ разныхъ государствахъ, такъ въ однихъ и тѣхъ же въ разное время очень неодинаковымъ образомъ, а потому было достаточно времени и для теоретической разработки вопроса, начавшейся еще въ XVIII в.

Впервые въ нѣмецкой литературѣ стали раздаваться голоса въ пользу отмѣны крѣпостничества и уничтоженія барщины, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ физіократіи, нашедшей въ тогдашней Германіи немало приверженцевъ. Нѣмецкіе послѣдователи этой школы учили, что трудъ долженъ быть свободенъ, ибо только свободный трудъ производителенъ, и отсюда дѣлали тотъ выводъ, что крѣпостничество и барщины противорѣчатъ истиннымъ интересамъ общества и государства, очень много теряющимъ отъ несвободы труда. Съ другой стороны, въ Германіи XVIII в. не было недостатка въ писателяхъ, ставившихъ крестьянскій вопросъ и на морально-политическую точку зрѣнія. „Свобода гражданина и всѣхъ членовъ государства, писалъ, напр., въ серединѣ XVIII в. извѣстный ученый и публицистъ Юсти, есть первое существенное свойство истиннаго гражданскаго общежитія. Государства, гдѣ одно сословіе или классъ народа находится въ подданствѣ или зависимости отъ другого, имѣютъ столь чудовищное устройство, которое могло существовать только въ самыя варварскія времена, но съ которымъ нельзя существовать въ просвѣщенное время“. Изъ этого своего положенія Юсти дѣлалъ не только тотъ выводъ, что крестьяне должны быть свободны, но и тотъ, что имъ слѣдуетъ предоставить на правахъ собственности земли, на которыхъ они живутъ. Впрочемъ, большинство писателей, высказывавшихъ свои взгляды по этому предмету въ XVIII столѣтіи, такъ далеко впередъ не уходило и ограничивалось проповѣдью лишь противъ неумѣреннаго барщиннаго труда [1]). Сочиненія, подобныя анонимной „Запискѣ о вопросѣ, какъ даровать крестьянамъ свободу и собственность тамъ, гдѣ они не имѣютъ ни той, ни другой“, были рѣдки, потому что общественное сознаніе еще не возвысилось до той точки зрѣнія, съ которой крестьянскій вопросъ заключался не только въ освобожденіи личности крестьянина, но и въ обезпеченіи его землей.

Такъ какъ уже въ XVIII в. отдѣльныя нѣмецкія правительства обратили вниманіе на улучшеніе крестьянскаго быта, а затѣмъ подъ вліяніемъ французской революціи и имперіи Наполеона началась въ отдѣльныхъ частяхъ Германіи и дѣйствительная отмѣна крѣпостничества, то съ первыхъ же годовъ XIX в. стали появляться и умножаться брошюры и статьи по крестьянскому вопросу, имѣвшія, впрочемъ, большею частью въ виду какія-либо мѣстныя (напр., прусскія) отношенія. Правда, нерѣдко эта публицистика принимала консервативный оттѣнокъ, особенно подъ вліяніемъ реакціоннаго теченія въ политической литературѣ, и даже появлялись такія произведенія, какъ, напр., брошюра Аретина (1819) „Господскія права въ Баваріи, какъ

[1]) Напр., *Möser* въ „Patriotische Phantasien“.

главная основа общественнаго благостоянія" (Die grundherrlichen Rechte in Bayern, eine Hauptstütze des öffentlichen Wohlstandes). Въ то самое время, когда, напр., консерваторы даже въ тѣхъ нѣмецкихъ государствахъ, гдѣ были введены конституціонныя учрежденія, доказывали, что каждый помѣщикъ есть отецъ, другъ, опекунъ, воспитатель и защитникъ своихъ крестьянъ, имъ вторили реакціонные писатели вродѣ Адама Мюллера, говорившаго, что феодальное сельское хозяйство есть „палладіумъ національнаго существованія", или вродѣ Генца, писавшаго, что крестьянство не имѣетъ права считаться сословіемъ на ряду съ другими (ihr Bauernstand ist kein Stand und darf keiner sein). Но время дѣлало свое, и дни допотопныхъ теорій были сочтены; даже такимъ писателямъ, которые не особенно были расположены къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, приходилось считаться или съ совершившимися фактами, или съ неизбѣжностью подобныхъ фактовъ въ будущемъ. Если даже на писателей эпохи реставраціи и не особенно сильно дѣйствовали морально-политическія соображенія, вытекавшія изъ ученія объ естественномъ правѣ, то всѣ они, за исключеніемъ крайнихъ реакціонеровъ, хорошо понимали, что отмѣны господскихъ правъ требуетъ экономическій интересъ общества и государства, зависящій отъ успѣховъ сельскаго хозяйства, которые были невозможными при существованіи барщины и крѣпостничества. Тотъ аргументъ, что несвободный трудъ есть самый непроизводительный и что крѣпостное право является главною помѣхою въ дѣлѣ раціональной агрономіи, оказался, собственно говоря, пожалуй, наиболѣе убѣдительнымъ для всѣхъ правительствъ, выступавшихъ на путь крестьянскихъ реформъ. При этомъ правительствамъ, ставившимъ себѣ задачу освобожденіе крестьянъ, предстояло рѣшить два вопроса, а именно вопросъ о томъ, какимъ путемъ должны быть вознаграждены помѣщики за отмѣну своихъ господскихъ правъ, и въ какія отношенія къ землѣ долженъ быть поставленъ освобожденный земледѣлецъ, а потому оба эти вопроса и сдѣлались главнымъ предметомъ публицистическаго обсужденія. По первому изъ нихъ установился принципъ (формулированный Молемъ), что разъ существуетъ настоятельная потребность отмѣнить господскія права, то произойти это можетъ не иначе, какъ за соотвѣтственное вознагражденіе помѣщиковъ, ибо такая отмѣна въ существѣ дѣла есть вторженіе въ частную собственность, оправдываемое лишь съ точки зрѣнія высшихъ интересовъ. Это былъ общій принципъ, но надлежало еще выработать и частные способы его примѣненія, которые могли быть весьма различны, какъ это и показала не только теоретическая разработка вопроса въ публицистикѣ, но и сама законодательная практика. Въ самомъ концѣ разсматриваемаго періода (1829) была издана въ высшей

степени важная книжка Штюфе (Stüve) „О повинностяхъ, лежащихъ на поземельной собственности“ (Ueber die Lasten des Grundeigenthums), и въ ней была развита та мысль, что вознагражденіе помѣщиковъ должно быть произведено по извѣстному процентному вычисленію, и что, кромѣ того, необходимо организовать для выкупной операціи особый кредитъ съ дозволеніемъ крестьянамъ выплачивать выкупную сумму по частямъ. Изъ этой мысли Штюфе въ слѣдующихъ періодахъ (послѣ 1830 и 1848 гг.) развилась цѣлая литература, разрабатывавшая вопросъ о правительственной помощи крестьянамъ въ дѣлѣ выкупной операціи, и возникло особое законодательство, въ основѣ своей имѣвшее именно этотъ самый принципъ.

Мы еще увидимъ, что раньше вопросъ о выкупѣ господскихъ правъ и теоретически, и практически рѣшался большею частью въ томъ смыслѣ, что въ видѣ вознагражденія за отмѣну господскихъ правъ крестьянинъ долженъ былъ отдавать помѣщику часть—и иногда очень значительную часть—своей земли. Отъ этого, конечно, уменьшалась площадь крестьянскаго землевладѣнія, но если одни публицисты и государственные люди эпохи считали важнымъ сохраненіе экономически обезпеченнаго крестьянскаго сословія и въ состояніи свободы, то были, наоборотъ, и такіе писатели и дѣятели по крестьянскому вопросу, которые въ самой отмѣнѣ старыхъ отношеній видѣли лишь средство перейти къ новой формѣ хозяйства, т.-е. къ крупнымъ фермамъ съ наемными рабочими. Такая форма уже господствовала въ Англіи, а во Франціи еще въ XVIII в. была предметомъ мечтаній физіократовъ и агрономовъ; въ XIX в. и нѣмецкіе послѣдователи англійской политической экономіи точно также стали помышлять о необходимости введенія крупныхъ сельскохозяйственныхъ предпріятій, для чего, разумѣется, требовалось образованіе особаго класса сельскихъ рабочихъ. Въ этомъ смыслѣ многими и понималась сама крестьянская реформа, какъ средство развязаться съ мелкимъ хозяйствомъ въ пользу крупнаго. Впослѣдствіи, однако, эта точка зрѣнія была постепенно оставлена, и въ общее сознаніе все болѣе и болѣе стала проникать мысль о необходимости земельнаго обезпеченія для крестьянъ, хотя, конечно, землевладѣльцы, наоборотъ, находили мысль о сосредоточеніи въ ихъ рукахъ крестьянскихъ земель и объ образованіи особаго класса наемныхъ рабочихъ для себя и выгодною, и пріятною. Замѣчательно еще, что во всей литературѣ по крестьянскому вопросу въ Германіи каждый разъ, когда высказывалась заботливость о народныхъ интересахъ, имѣлись въ виду лишь самостоятельные хозяева изъ крестьянъ, а не тѣ бобыли, или батраки, которые должны были прибѣгать къ работѣ въ чужихъ хозяйствахъ.

Вопросъ о безземельныхъ сельскихъ рабочихъ, составляющій

лишь часть общаго рабочаго вопроса XIX в., совсѣмъ еще не ставился (какъ, впрочемъ, многими не ставился еще и вообще рабочій вопросъ) въ ту эпоху, когда впервые было приступлено къ реформамъ въ крестьянскомъ быту, тѣмъ болѣе, что господствовавшая въ это время экономическая теорія была именно основана на признаніи нормальности существованія рабочаго класса, оторваннаго отъ земли и орудій производства. Вотъ почему въ началѣ XIX в. раскрѣпощеніе крестьянской массы все еще сопровождалось открѣпленіемъ множества крестьянъ отъ земли, потому что лица, рѣшавшія теоретически и практически вопросъ крестьянскій, какъ его понимали въ XVIII в., въ большинствѣ случаевъ не прозрѣвали еще существованія вопроса рабочаго, какъ онъ былъ поставленъ лишь въ XIX столѣтіи, да и то раньше всего внѣ самой Германіи [1]). Можно вообще сказать, что тѣмъ лучше въ смыслѣ справедливости и интересовъ общества рѣшался крестьянскій вопросъ, чѣмъ позднѣе онъ рѣшался, такъ какъ чужой опытъ и теоретическая разработка вопроса вносили все новыя и новыя поправки и вмѣстѣ съ тѣмъ новыя точки зрѣнія въ его рѣшеніе. Между прочимъ и возникновеніе рабочаго вопроса въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ былъ поставленъ экономическимъ и культурнымъ движеніемъ XIX в., не могло не отразиться на расширеніи самого крестьянскаго вопроса.

Что реакціонная политика вообще отзывалась крайне вреднымъ образомъ на крестьянствѣ, доказательствомъ этому лучше всего можетъ служить Австрія въ концѣ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Въ этомъ государствѣ во второй половинѣ XVIII в., при Маріи-Терезіи, были уже предприняты кое-какія реформы въ цѣляхъ облегченія участи крестьянъ, а въ восьмидесятыхъ годахъ Іосифъ II предпринялъ даже полную отмѣну крѣпостничества въ тѣхъ частяхъ монархіи, гдѣ оно еще существовало. Извѣстно, что начинанія Іосифа II въ этомъ отношеніи встрѣтили сильную оппозицію со стороны дворянства, и что по его смерти реакція противъ его реформъ воспользовалась крестьянскими бунтами (1790—1792) въ нѣкоторыхъ габсбург-

[1]) Сама литература по исторіи крестьянскаго вопроса стала обращать особое вниманіе на эту сторону дѣла сравнительно поздно. Въ этомъ отношеніи особенно важно сочиненіе Кнаппа, посвященное исторіи не только освобожденія крестьянъ, но и образованія сельскихъ рабочихъ въ Пруссіи. Вполнѣ можно согласиться съ первыми же строками этого труда: „Die Geschichte der Bauernbefreiung ist die Geschichte der socialen Frage des 18 Jahrhundert. Die sociale Frage des 19 Jahrhundert hat es weniger mit den Bauern zu thun als mit den Arbeitern und zwar... mit den Landarbeitern“. Своей задачей Кнаппъ и поставилъ den Zusammenhang beider Fragen klarzustellen; говоря объ отношеніи прусской крестьянской реформы начала XIX в. къ сельскимъ рабочимъ, онъ совершенно вѣрно замѣчаетъ: „eine Bauernfrage gab es längst, aber eine Arbeiterfrage gab es nicht“.

скихъ владѣніяхъ (въ эрцгерцогствѣ Австріи, въ Чехіи, въ Моравіи), чтобы вынудить у преемника Іосифа II, Леопольда II, отмѣну ненавистныхъ распоряженій покойнаго императора. Въ теченіе болѣе, нежели полустолѣтія, протекшаго со смерти Леопольда II до бурнаго 1848 г., въ положеніи сельскаго населенія Австріи не произошло затѣмъ ни малѣйшихъ перемѣнъ, которыя стоило бы здѣсь отмѣтить. Какимъ въ общемъ было положеніе крестьянъ въ монархіи въ концѣ XVIII в., такимъ оставалось оно и въ теченіе всей первой половины XIX в., когда внутри Австріи царила самая мрачная реакція. Лишь самая незначительная часть тамошняго сельскаго населенія (преимущественно въ Тиролѣ и Форарльбергѣ) находилась въ состояніи свободныхъ собственниковъ, пользовавшихся полными правами гражданства, да въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ съ частью Истріи крестьянство было свободно, пользуясь землею, однако, лишь въ качествѣ срочныхъ или наслѣдственныхъ арендаторовъ. Зато въ эрцгерцогствѣ Австріи, въ Штиріи, въ Каринтіи, въ Крайнѣ, въ Чехіи, въ Моравіи, въ австрійской Силезіи и въ Галиціи съ другою частью Истріи крестьяне лишь въ теоріи обладали личною свободою, на самомъ дѣлѣ находились въ такъ называемомъ наслѣдственномъ подданствѣ (Erbunterthänigkeit), замѣнившемъ только на словахъ прежнее крѣпостничество (Leibeigenschaft), не имѣя притомъ въ большей части этихъ областей права владѣть поземельною собственностью и подчиняясь еще суду своихъ господъ. Но особенно печально было положеніе крестьянъ въ Венгріи и Трансильваніи, гдѣ они фактически оставались прикрѣпленными къ землѣ и подчиненными патримоніальному суду помѣщиковъ. Даже тѣ законы, которые были изданы для огражденія крестьянъ отъ помѣщичьяго произвола во второй половинѣ XVIII в., оставались большею частью мертвою буквою. Вмѣстѣ съ этимъ, благодаря не только общей культурно-политической реакціи, господствовавшей въ Австріи при Меттернихѣ, но и вслѣдствіе сохраненія старыхъ крѣпостническихъ порядковъ, большая часть провинцій монархіи находилась въ крайнемъ матеріальномъ упадкѣ, и ея экономическая жизнь носила на себѣ всѣ признаки отсталости.

Судьба крестьянскаго вопроса въ Пруссіи, имѣвшей свои годы прогресса въ эпоху реформъ Штейна и Гарденберга и войны за освобожденіе, и свои годы реакціи послѣ вѣнскаго конгресса, тоже можетъ служить примѣромъ того, какъ дурно отражалась общая внутренняя реакція на положеніи народныхъ массъ. Но исторія крестьянской реформы въ Пруссіи заслуживаетъ особаго вниманія и съ другихъ точекъ зрѣнія. Въ виду того, что сказано было выше о теоретической постановкѣ вопроса въ началѣ XIX вѣка, прусская крестьянская реформа представляетъ большой интересъ именно въ смыслѣ

постановки вопросовъ о выкупѣ господскихъ правъ и о ея отношеніи къ земельному обезпеченію крестьянъ. Не нужно забывать еще, что крестьянская реформа въ Пруссіи была предпринята въ связи съ другими государственными и общественными преобразованіями, придающими вообще большой интересъ прусской исторіи начала XIX вѣка. Наконецъ, изъ всѣхъ нѣмецкихъ государствъ, приступившихъ къ рѣшенію крестьянскаго вопроса еще въ первой трети XIX в., Пруссія является самою крупною державою, и ея примѣръ не могъ не повліять на другія страны Германіи.

Изъ всѣхъ государей Западной Европы прусскіе короли чуть ли не одни изъ первыхъ —при общемъ хозяйственномъ направленіи своей внутренней политики—обратили вниманіе на крестьянскія отношенія въ своихъ владѣніяхъ. Но ихъ дѣятельность была совершенно различною, смотря по тому, имѣли ли они дѣло съ крестьянами, жившими въ королевскихъ доменахъ, или съ крестьянами частныхъ владѣльцевъ. При Фридрихѣ-Вильгельмѣ I, Фридрихѣ II и Фридрихѣ-Вильгельмѣ III доманіальные крестьяне получили личную свободу, освободились отъ барщинныхъ повинностей и пріобрѣли въ собственность свои земельные участки, такъ что къ началу XIX в. преобразованія, совершонныя въ быту этой категоріи крестьянъ, могли бы служить образцомъ для устройства быта и крестьянъ помѣщичьихъ. Зато въ XVIII в. прусскимъ правительствомъ не сдѣлано было почти ничего для уничтоженія крѣпостничества и барщины въ частныхъ имѣніяхъ. Изъ эпохи „просвѣщеннаго абсолютизма“ Пруссія вышла со всѣми характерными чертами государства, сельскія отношенія коего были построены на началахъ чисто средневѣкового феодальнаго быта. Правда, „Общее земское право“ прусской монархіи, обнародованное въ 1794 г., уже не знаетъ крѣпостничества (Leibeigenschaft) и даже прямо заявляетъ, что его въ смыслѣ „личнаго рабства“ болѣе въ странѣ не существуетъ, но на самомъ дѣлѣ если прежнія отношенія и не назывались уже этимъ именемъ, а обозначались, какъ „Erbunterthänigkeit“, то существо дѣла отъ этого измѣнялось очень мало. Впрочемъ, въ политикѣ прусскихъ королей по отношенію къ крестьянамъ частныхъ владѣльцевъ была въ XVIII в. и одна весьма благодѣтельная сторона. Дѣло въ томъ, что прусское дворянство весьма нерѣдко посредствомъ такъ называемаго Legen'а или Bauernlegen'а присоединяло къ своимъ непосредственнымъ имѣніямъ крестьянскіе участки, вслѣдствіе чего происходило увеличеніе площади помѣщичьей (фольварочной) и уменьшеніе площади крестьянской земли. Въ XVIII столѣтіи, особенно во второй его половинѣ прусское правительство вооружилось противъ Legen'а законодательными мѣрами, взявъ подъ свою защиту крестьянскіе дворы и тѣмъ нѣсколько задержавъ

процессъ обезземеленія сельской массы. Такъ дѣло продолжалось вплоть до начала XIX в., но когда обстоятельства времени вынудили прусское правительство произвести освобожденіе крестьянъ и въ частныхъ имѣніяхъ, безусловная охрана крестьянъ (Bauernschutz) прежняго времени была оставлена, и правительство въ этомъ вопросѣ вступило на совершенно иной путь. Такимъ образомъ если въ XVIII столѣтіи королевская власть въ Пруссіи, не отмѣняя юридической несвободы крестьянъ, заботилась, однако, о ихъ экономическомъ обезпеченіи, то въ началѣ XIX в., совершивъ юридическое освобожденіе сельской массы, оно уже перестало заботиться въ такой степени, какъ прежде, о ея экономической самостоятельности. Произошло это отчасти потому, что по обстоятельствамъ времени государственной власти нужно было считаться съ желаніями и стремленіями дворянства, которое требовало вознагражденія за потерю господскихъ правъ, отчасти же и потому, что нѣкоторые дѣятели реформы стояли на „политико-экономической" точкѣ зрѣнія—превосходства крупнаго хозяйства съ помощью вольнонаемныхъ рабочихъ.

Мы уже видѣли въ своемъ мѣстѣ, что едва только Штейнъ, вторично призванный Фридрихомъ-Вильгельмомъ III на министерскій постъ, принялъ на себя трудную задачу управленія въ конецъ разстроеннымъ государствомъ, какъ издалъ знаменитый эдиктъ 9 октября 1807 г., отмѣнявшій въ Пруссіи крѣпостное состояніе крестьянъ. Штейнъ вовсе не былъ, однако, иниціаторомъ этой мѣры, подготовленной гораздо еще ранѣе особою коммиссіей. Уже въ 1798 г. король, будучи въ Кёнигсбергѣ, получилъ множество жалобъ отъ помѣщичьихъ крестьянъ и поручилъ министру провинціи фонъ-Шрёттеру представить ему докладъ по вопросу о „наслѣдственномъ подданствѣ" крестьянъ. Когда фонъ Шрёттеръ доложилъ ему, что отъ этого состоянія крестьянство страдаетъ и въ матеріальномъ, и въ моральномъ отношеніяхъ, Фридрихъ-Вильгельмъ III, ссылаясь на примѣръ другихъ государствъ, выразилъ желаніе, чтобы генеральная директорія выработала и изыскала средства и планъ для отмѣны крѣпостной зависимости во всѣхъ владѣніяхъ монархіи. Тогда, однако, сдѣлано въ этомъ направленіи ничего не было, и дѣло на нѣсколько лѣтъ заглохло. Между тѣмъ уже въ девятидесятыхъ годахъ во многихъ мѣстахъ королевства крестьяне прямо волновались, со вступленія же на престолъ Фридриха-Вильгельма III умножились подававшіяся въ видѣ прошеній самому королю крестьянскія жалобы на угнетеніе, между тѣмъ какъ и помѣщики съ своей стороны все чаще и чаще жаловались на то, что крестьяне выходятъ у нихъ изъ повиновенія. Когда въ крестьянскую среду проникли слухи, что король подумываетъ объ уничтоженіи крѣпостничества, число прошеній, подававшихся на его

имя, быстро возросло, и въ деревняхъ возникла даже особая профессія составленія такихъ прошеній, такъ какъ этимъ стали заниматься, напр., народные учителя, старые инвалиды, мелкіе чиновники и т. п. Это броженіе, конечно, не укрывалось отъ взоровъ администраціи и дворянства, въ немъ они видѣли даже аргументъ противъ какихъ бы то ни было реформъ въ крестьянскомъ быту, потому что уступки, на ихъ взглядъ, могли бы только повести къ безпорядкамъ и бунтамъ, хотя другіе, наоборотъ, находили, что именно бѣдственное положеніе крестьянъ и представляетъ изъ себя почву, наиболѣе удобную для революціонной агитаціи. Въ прусскія деревни, дѣйствительно, проникали отголоски великихъ событій эпохи, связанныхъ съ принципами равенства и свободы.

Когда послѣ тильзитскаго мира Фридрихъ-Вильгельмъ III долженъ былъ дать отставку Гарденбергу, то, по его же совѣту, назначилъ особую „непосредственную коммиссію“ (Immediat-Kommission), въ составъ которой вошли нѣсколько людей прогрессивнаго направленія. Въ числѣ ихъ довольно видную роль по отношенію къ крестьянскому вопросу игралъ Шёнъ, ученикъ Канта, содрогавшагося каждый разъ при мысли о крѣпостномъ правѣ, сторонникъ ученія объ естественныхъ и неотчуждаемыхъ правахъ человѣка и большой поклонникъ политической экономіи Адама Смита. Между тѣмъ Наполеонъ уничтожилъ крѣпостное право въ великомъ герцогствѣ Варшавскомъ, и въ сосѣдней съ новымъ государствомъ Пруссіи возникло опасеніе, какъ бы ея собственные крѣпостные не стали уходить изъ нея въ великое герцогство. Съ другой стороны, правительство видѣло необходимость залѣчить тѣ раны, которыя война нанесла благосостоянію сельскаго населенія; въ этомъ смыслѣ въ „непосредственной коммиссіи“ и стали дѣлаться разнаго рода предположенія объ обезпеченіи участи крестьянъ. Всѣмъ этимъ воспользовался Шёнъ для того, чтобы возбудить въ коммиссіи вопросъ о необходимости соціальныхъ реформъ и прежде всего отмѣны „наслѣдственнаго подданства“, и въ томъ же самомъ смыслѣ и въ то же самое время подобное предложеніе сдѣлалъ и фонъ-Шрёттеръ. Оба, кромѣ отмѣны личной зависимости крестьянъ, требовали и освобожденія поземельной собственности отъ всѣхъ тѣхъ стѣсненій, какимъ ее подчиняло старое законодательство, хотя ни тотъ, ни другой не касались вопроса о поземельномъ устройствѣ крестьянъ послѣ того, какъ послѣдніе лично сдѣлаются свободными и земля превратится въ предметъ совершенно свободнаго обмѣна. Король въ общемъ одобрилъ эти предложенія и объявилъ это въ собственноручномъ указѣ 23 августа 1807 г., въ которомъ упомянулъ, что отмѣна „наслѣдственнаго подданства“ была цѣлью его стремленій съ самаго вступленія его на престолъ. Это заявленіе Фридриха-Виль-

гельма III сильно встревожило дворянство, и менѣе, нежели черезъ недѣлю (29 авг.), нѣсколько крупныхъ землевладѣльцевъ подали королю адресъ, гдѣ выражали свое согласіе на предположенную мѣру лишь подъ двумя условіями. Во-первыхъ, они просили, чтобы въ теченіе пяти лѣтъ крестьяне оставались прикрѣпленными къ землѣ съ обязательностью барщины въ пользу помѣщика и чтобы лишь послѣ этого срока получили полную свободу передвиженія, а во-вторыхъ, они выражали желаніе, чтобы „каждому помѣщику была предоставлена свобода распоряженія его крестьянскими участками или дворами“ (die freie Disposition über seine Bauernhüben). Такимъ образомъ дворянство готово было отказаться отъ крѣпостного права, если правительство въ свою очередь откажется отъ охраны крестьянскаго землевладѣнія, т.-е. помѣщики возвратятъ крестьянамъ свободу, но пусть государство отдастъ помѣщикамъ землю; крестьянинъ уйдетъ, куда ему будетъ угодно, но земля его останется, и эта земля будетъ помѣщичьею. Составители адреса, предвидя, что правительство побоится, пожалуй, какъ бы отъ этого не уменьшилось народонаселеніе, прибавляли къ указанной просьбѣ и обязательство съ своей стороны—замѣнить каждаго ушедшаго крестьянина, по крайней мѣрѣ, одной семьей, которой будетъ данъ клочокъ земли и которая будетъ работать за плату въ помѣщичьемъ хозяйствѣ. Король въ общемъ былъ доволенъ такимъ заявленіемъ дворянства, самъ находя справедливымъ, чтобы помѣщики были вознаграждены за отмѣну крѣпостного права возможностью „болѣе свободнаго, какъ было сказано въ кабинетскомъ указѣ 3 сентября 1807 г., распоряженія своими имѣніями и крестьянскими дворами“, хотя къ этому и было еще прибавлено: „насколько послѣднее можетъ происходить безъ ущерба для обработки земли и для населенія“. Въ правительственныхъ сферахъ эта точка зрѣнія также нашла сочувствіе. Шёнъ прямо говорилъ, что, смотря на дѣло „экономически“ (staatswirthschaftlich), т.-е. принимая въ расчетъ теорію свободнаго проявленія экономическихъ интересовъ, нельзя придумать никакихъ основаній для того, чтобы навязывать помѣщикамъ тотъ или иной способъ хозяйства на своей землѣ — хозяйство фольварочное или крестьянское. Къ этому онъ прибавлялъ, что слѣдовало бы еще предоставить время и облегченіе помѣщикамъ совершить постепенную замѣну въ своихъ имѣніяхъ большого числа слишкомъ мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ небольшимъ количествомъ болѣе крупныхъ—на правахъ срочной аренды. Въ данномъ случаѣ Шёнъ былъ представителемъ экономическихъ идей своего времени, и у него, кромѣ того, передъ глазами былъ примѣръ Передней Помераніи и Мекленбурга, гдѣ господствовала такая именно система. Онъ даже предполагалъ, что согласія сгоняемыхъ съ земли крестьянъ при

этомъ спрашивать не нужно, хотя ихъ все-таки придется вознаградить, причемъ однимъ изъ возмѣщеній его потерь будетъ дарованіе ему личной свободы. Эти взгляды Шёна въ высшей степени характерны для того, чтобы опредѣлить, съ какой точки зрѣнія смотрѣли на вопросъ представители тогдашней экономической теоріи. Шёна не тревожила перспектива развитія сельскаго пролетаріата, и въ сущности весь его планъ, безъ его собственнаго вѣдома, былъ составленъ, съ одной стороны, въ пользу помѣщиковъ, которымъ предоставлялось свободно распоряжаться крестьянскою землею, съ другой—въ пользу немногихъ крестьянъ-хозяевъ, долженствовавшихъ образовать классъ фермеровъ.

Въ такомъ положеніи былъ вопросъ, когда въ Мемель, гдѣ тогда находился прусскій дворъ, прибылъ Штейнъ. Все дѣло крестьянской реформы, которая начата была его эдиктомъ 9 октября 1807 г., было уже подготовлено, слѣдовательно, до него, хотя долгое время потомъ всю честь почина и приписывали исключительно ему. Штейнъ передъ этимъ былъ заинтересованъ преимущественно лишь вопросомъ о реформѣ центральнаго правительства и администраціи. Притомъ его собственныя воззрѣнія въ экономическихъ вопросахъ были діаметрально противоположны тѣмъ идеямъ, которыми увлекался Шёнъ. Въ коммиссіи, вырабатывавшей вопросъ, думали сначала распространить мѣру лишь на одну Восточную Пруссію, но Штейнъ настоялъ на томъ, чтобы мѣра, какъ чисто политическое средство поднять упавшій духъ населенія, была примѣнена ко всей монархіи. Участіе Штейна во всемъ дѣлѣ выразилось именно въ той рѣшительности, съ какою онъ провелъ законъ, бывшій до того времени предметомъ однихъ безплодныхъ обсужденій. Кромѣ того, и въ вопросѣ объ охранѣ государствомъ крестьянской собственности Штейнъ проявилъ гораздо болѣе энергіи, чѣмъ другія правительственныя лица, колебавшіяся между противоположными взглядами. Въ эдиктѣ 9 октября 1807 г., которымъ въ Пруссіи отмѣнялось крѣпостничество, дозволялось помѣщикамъ присоединить къ своимъ землямъ лишь тѣ крестьянскіе дворы, которые, будучи разорены послѣднею войною, не могли бы быть возстановлены по недостатку къ тому средствъ у помѣщика или у крестьянъ, но не иначе, какъ по опредѣленію правительства и подъ условіемъ извѣстнаго вознагражденія крестьянъ [1]). Далѣе, Штейнъ удержалъ въ эдиктѣ мысль Шёна о соединеніи нѣсколькихъ хозяйствъ въ одну болѣе крупную, но крестьянскую же аренду, поскольку при этомъ крестьянская земля оставалась бы все-таки въ рукахъ крестьянъ же. Въ остальномъ, гласилъ эдиктъ, „должно остаться въ силѣ ограниченіе зако-

[1]) Въ сущности, однако, это не было идеей самого Штейна.

номъ свободнаго распоряженія собственностью (eine gesetzliche Einschränkung der freien Disposition über das Eigenthum), такое именно, которое поставило бы предѣлы своекорыстію болѣе богатыхъ и образованныхъ людей и препятствовало бы превращенію крестьянской земли въ фольварочную" (Vorwerksland), тѣмъ болѣе, что „возвышеніе цѣны на землю стало бы все болѣе привлекать новыхъ владѣльцевъ перспективою наживы". Можно сказать, что одинъ Штейнъ—съ своей консервативной точки зрѣнія въ экономическихъ вопросахъ—поддержалъ принципъ охраны государствомъ крестьянскаго землевладѣнія, тогда какъ всѣ остальные члены „непосредственной коммиссіи" въ глубинѣ души были убѣждены въ несвоевременности сохраненія этого принципа. Но однимъ дѣломъ было провозгласить принципъ, другимъ дѣломъ выразить его въ опредѣленномъ законодательствѣ, а послѣдняго-то и не было сдѣлано въ эдиктѣ 9 октября 1807 г.: выработка подробностей была предоставлена будущему.

Что касается до дарованія крестьянамъ личной свободы по эдикту 9 октября 1807 г. [1]), то вотъ существенное мѣсто, касающееся этого пункта: „съ обнародованіемъ настоящаго распоряженія совершенно прекращается существовавшее доселѣ отношеніе подданства (Unterthänigkeits-Verhältniss) тѣхъ подданныхъ, ихъ женъ и дѣтей, которые наслѣдственно владѣютъ своими крестьянскими участками (Bauerngüter) въ качествѣ или собственниковъ, или чиншевиковъ, или арендаторовъ (oder eigenthümlich, oder erbzinsweise, oder erbpächtlich). Съ Мартынова дня [2]) 1810 г. совершенно прекращается всякое подданство помѣщикамъ (Gutsunterthänigkeit) во всѣхъ нашихъ владѣніяхъ. Послѣ Мартынова дня 1810 г. будутъ существовать только свободные люди, у которыхъ, однако, само собою разумѣется, останутся въ полной силѣ всѣ обязательства (Verbindlichkeiten), какія только у нихъ въ качествѣ свободныхъ людей могутъ быть въ силу владѣнія поземельною собственностью или въ силу особаго договора". Этотъ эдиктъ былъ дополненъ рядомъ другихъ распоряженій (28 окт. 1807 г., 27 іюля 1808 г. и 16 марта 1811 г.), которыми устраивался бытъ доманіальныхъ крестьянъ на выгодныхъ для нихъ условіяхъ безвозмездной отмѣны крѣпостничества, гдѣ оно еще оставалось, безвозмезднаго же укрѣпленія за крестьянами права собственности на землю и выкупа барщинъ и другихъ повинностей посредствомъ единовременнаго взноса увеличенной въ 25 разъ ихъ стоимости или уплаты четырехпроцентной съ этой суммы ежегодной ренты.

---

[1]) Полное его названіе было таково: „Edict den erleichterten Besitz und den freien Gebrauch des Grundeigenthums, so wie die persönnlichen Verhältnisse der Landbewohner betraffend".

[2]) 11 ноября.

Но весь вопросъ былъ все-таки въ дальнѣйшемъ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Эдиктъ 9 октября 1807 г. немедленно освобождалъ отъ зависимости лишь такихъ крестьянъ, которые наслѣдственно владѣли своими участками, но такіе были въ меньшинствѣ; для всѣхъ же остальныхъ свобода должна была придти лишь черезъ два года и одинъ мѣсяцъ. Затѣмъ эдиктъ этотъ оставлялъ открытымъ весь земельный вопросъ, который, однако, настоятельно требовалъ своего рѣшенія. Понятно, что около вопроса должны были столкнуться разные интересы и разные взгляды—и въ публицистикѣ, и въ правительственныхъ сферахъ, и въ самой общественной средѣ. Вскорѣ послѣ эдикта 1807 г. извѣстный Шмальцъ выпустилъ въ свѣтъ брошюру „Ueber Erbunterthänigkeit" (1808), въ которой, становясь на точку зрѣнія экономической свободы, доказывалъ, что государство не можетъ идти далѣе сдѣланнаго шага, не можетъ превратить крестьянскія земли въ собственность или наслѣдственно-чиншевыя владѣнія крестьянъ, но должно предоставить собственникамъ (т.-е. помѣщикамъ) право устраивать свои частныя дѣла путемъ свободныхъ договоровъ. Это была точка зрѣнія и помѣщиковъ. На ту же самую точку зрѣнія становились и администрація, тянувшая сторону дворянства, и теоретики вродѣ Шёна, который при всемъ своемъ, совершенно искреннемъ, антидворянскомъ направленіи, въ сущности дѣйствовалъ на руку помѣщичьей партіи. Не только Шмальцъ, защищавшій интересы дворянства, доказывалъ, что въ Передней Помераніи и Мекленбургѣ господствуютъ превосходные порядки,—именно и пугавшіе Штейна,— и говорилъ, что наемные сельскіе рабочіе находятся въ болѣе счастливомъ положеніи, чѣмъ крѣпостные, владѣющіе своими участками; но на подобную же точку зрѣнія становились и защитники народныхъ интересовъ. Напр., одинъ померанскій ландратъ (von Dewitz), повидимому, совершенно искренне доказывалъ, что Померанія отстала въ сельскомъ хозяйствѣ и въ благосостояніи отъ сосѣдняго Мекленбурга потому, что прусское правительство своею охраною крестьянскаго землевладѣнія только мѣшало свободному пользованію землей, которое выгоднѣе и для успѣховъ сельскаго хозяйства, и для благосостоянія самихъ же землевладѣльцевъ. Несомнѣнными друзьями народа были, напр., оберъ-президентъ Закъ и агрономическій писатель Тэръ, но и они становились на ту точку зрѣнія, что нужно отдать предпочтеніе прилежнымъ наемнымъ рабочимъ передъ нерадивыми хозяевами, и въ этомъ случаѣ допускали Bauernlegen. Примѣръ Англіи, гдѣ фермерская система достигла большого процвѣтанія, соблазнялъ немалое количество людей, интересовавшихся вопросами народнаго хозяйства. Были, однако, и такіе публицисты (Зебальдъ въ „Aufhebung der

Spanndienste", 1803, и проф. Фр. Бен. Веберъ въ „Ueber den Zustand der Landwirthschaft in den preussischen Staaten und ihre Reformen" 1808), которые ставили устройство быта крестьянъ въ королевскихъ доменахъ за образецъ и для помѣщичьихъ крестьянъ. Особенно замѣчательна въ смыслѣ защиты крестьянскихъ интересовъ написанная въ формѣ открытаго письма „къ министру" брошюра фонъ-Эггерса „Возрожденіе Пруссіи" (Preussens Regeneration), гдѣ проводилась такая мысль: правительство должно позаботиться о томъ, чтобы не нарушить прежняго образа жизни освобожденныхъ крестьянъ; возвращая имъ свободу, нужно обезпечить имъ и кусокъ хлѣба; слѣдуетъ постараться, чтобы они остались землевладѣльцами, а не превратились въ поденщиковъ. Далѣе Эггерсъ доказывалъ, что уничтоженіе крѣпостничества должно повлечь за собою законодательное регулированіе барщинныхъ повинностей, ибо какая была бы безъ этого личная свобода? Эти повинности ни въ какомъ случаѣ не должны мѣшать крестьянину работать на своемъ собственномъ полѣ. Даже собственная его воля не должна его обязывать нести эти повинности. Правительство—естественный опекунъ всѣхъ несовершеннолѣтнихъ, а въ положеніи таковыхъ граждански находятся и освобожденные крестьяне. Эггерсъ, наконецъ, шелъ еще дальше и требовалъ отмѣны вотчинныхъ суда и полиціи, которыхъ совсѣмъ не коснулась прусская крестьянская реформа начала XIX вѣка.

Таковы были противоположныя воззрѣнія, высказывавшіяся въ публицистикѣ по поводу крестьянской реформы въ Пруссіи. Штейнъ держался въ аграрномъ вопросѣ консервативной точки зрѣнія, но онъ оставался у власти недолго, а другія правительственныя лица или раздѣляли дворянскія стремленія, или были сторонниками полной экономической свободы и новой формы сельскаго хозяйства. Притомъ самому правительству приходилось считаться съ дворянскими требованіями, а впослѣдствіи оно въ весьма значительной мѣрѣ имъ и подчинялось. Все это не могло не отразиться на дальнѣйшемъ ходѣ крестьянской реформы въ Пруссіи. Въ дополненіе къ эдикту 1807 г. одно за другимъ (14 февраля 1808 г. для Пруссіи, 27 марта 1809 г. для Силезіи и 9 января 1810 г. для Помераніи и Бранденбурга) было издано три распоряженія, первое изъ которыхъ было составлено при Штейнѣ и послужило образцомъ для двухъ другихъ. Въ законѣ 14 февраля 1808 г. нельзя не видѣть компромисса между взглядами Штейна, вынужденнаго сдѣлать уступки, и Шёна, нѣсколько поколебавшагося въ своихъ прежнихъ воззрѣніяхъ. Именно всѣ крестьянскіе участки въ Восточной и Западной Пруссіи были раздѣлены на двѣ категоріи—на старые и новые; послѣдніе отдавались на полный произволъ помѣщиковъ, а первые помѣщикъ могъ присоединять къ фоль-

варочной землѣ подъ условіемъ предоставленія крестьянамъ права полной собственности на количество земли, равное тому, какое было присоединено къ помѣщичьему владѣнію, причемъ разрѣшалось соединеніе очень мелкихъ участковъ въ болѣе крупные. Старая политика безусловной охраны крестьянскаго землевладѣнія была оставлена, и началось обезземеленіе крестьянъ, которое замедлялось лишь отсутствіемъ у помѣщиковъ необходимыхъ капиталовъ, чтобы быстро совершить обѣ операціи—присоединеніе крестьянскихъ участковъ къ фольваркамъ и образованіе изъ мелкихъ участковъ болѣе крупныхъ крестьянскихъ фермъ. Одна анонимная брошюра 1812 г., указывая на это обстоятельство, пророчила, однако, что скоро возникнутъ громадныя помѣстья и исчезнетъ „почтенный классъ мелкихъ земледѣльцевъ“ [1]).

Послѣ отставки Штейна дѣло крестьянской реформы тѣмъ не менѣе продолжалось. Въ 1810 г. совѣтникамъ фонъ-Раумеру и Гейнзіусу было поручено выработать планъ превращенія крестьянскихъ участковъ на помѣщичьихъ земляхъ въ свободную отъ всякихъ повинностей собственность, и когда проектъ былъ изготовленъ, то былъ отданъ на разсмотрѣніе тогдашняго временнаго представительства, мнѣніе котораго и было принято въ расчетъ въ такъ называемомъ Regulirungsedict'ѣ 14 сентября 1811 года. Проектъ Раумера раздѣлялъ крестьянъ на двѣ категоріи—на наслѣдственныхъ или пожизненныхъ владѣльцевъ и на срочныхъ арендаторовъ. Первые должны быть превращены въ настоящихъ собственниковъ путемъ отобранія у нихъ въ пользу помѣщика части земли либо путемъ уплаты ренты деньгами или натурою, послѣ чего крестьянскій участокъ дѣлался вполнѣ свободною собственностью, которую крестьянинъ могъ бы беспрепятственно отчуждать; что же касается временныхъ арендъ, то онѣ должны были оставаться въ прежнемъ положеніи и отдаваться крестьянамъ же; но если бы помѣщикъ отдалъ крестьянину въ полную собственность такую землю, то могъ бы половину участка присоединить къ своимъ непосредственнымъ владѣніямъ или вымѣнять на другой участокъ. По этому проекту впервые государство обязывало помѣщика къ выкупу господскихъ правъ, лежавшихъ на наслѣдственныхъ крестьянскихъ земляхъ, тогда какъ раньше выкупъ ставился въ зависимость отъ доброй воли помѣщика. Послѣ обсужденія проекта въ коммиссіи депутатовъ, гдѣ большинство составляли помѣщики, пожизненные владѣльцы были переведены эдиктомъ 14 сентября 1811 г. изъ первой категоріи во вторую, а между тѣмъ именно эти-то

---

[1]) Verlieren oder gewinnen die Gutsbesitzer des preussischen Staates durch die Edicte vom 14 September 1811? Berlin, 1812.

крестьяне и составляли главную массу населенія очень значительной части монархіи. Притомъ крестьяне первой категоріи могли превратить свои участки въ наслѣдственную собственность, уступивъ треть своего владѣнія помѣщику, тогда какъ для второй категоріи въ подобномъ случаѣ полагалась уступка цѣлой половины. Само правительство устами одного изъ дѣятелей по выработкѣ этого закона такъ истолковало его значеніе собранію депутатовъ: помѣщики получатъ болѣе, чѣмъ имъ слѣдовало бы получить по строгому праву; весь убытокъ будетъ на сторонѣ государства, такъ какъ податныя силы крестьянъ несомнѣнно уменьшатся, особенно податная способность тѣхъ крестьянъ, которые лишатся цѣлой половины своей земли. Далѣе, законъ предоставлялъ въ распоряженіе помѣщиковъ и крестьянъ двухгодичный срокъ, въ который они могли совершить всю операцію посредствомъ добровольныхъ сдѣлокъ, послѣ чего сдѣлки должны были быть произведены уже путемъ государственнаго вмѣшательства. Правительство видимо торопилось привести дѣло къ скорѣйшему концу, и этимъ объясняется, что за норму вознагражденія помѣщиковъ оно приняло отдачу имъ трети или половины крестьянской земли. Несмотря на тяжесть такого условія, крестьяне спѣшили сдѣлаться собственниками своихъ участковъ, но дворянство роптало на этотъ законъ: говорили, что впредь для дворянъ непріятно будетъ жить въ деревнѣ, что на каждомъ шагу имъ придется натыкаться на чужую собственность, что послѣ этого ихъ имѣнія станутъ для нихъ настоящимъ адомъ. Со стороны помѣщиковъ поднимался и юридическій вопросъ: имѣло ли правительство право такъ распоряжаться чужою собственностью? [1]). Они говорили еще, что и въ экономическомъ отношеніи мѣра эта принесетъ лишь вредъ: крестьяне-де не доросли до того, чтобы стать земельными собственниками; они станутъ бросать свои земли, которыя будутъ пустовать, сами же крестьяне превратятся въ нищихъ. Послѣ 1814 г. дворянская партія начала пускать въ ходъ еще одинъ аргументъ противъ эдикта 1811 г. Въ это время уже начинала давать себя чувствовать общая реакція, и вотъ королю стали твердить, что эдиктъ 1811 г. былъ составленъ подъ „ядовитымъ вліяніемъ французскаго законодательства“ Гарденберга, а къ чему ведутъ французскія начала, король это можетъ хорошо видѣть, посмотрѣвъ на то, что сдѣлалось съ Франціей; Пруссія лишь дотолѣ будетъ сильна, пока будетъ держаться старыхъ своихъ основъ. Все это подѣйствовало на Фридриха-Вильгельма III, и онъ предписалъ

---

[1]) Писатель Bülow-Cummerow, стоявшій близко къ помѣщичьей средѣ, напр., прямо смотритъ на крестьянскую реформу, какъ на отнятіе у помѣщиковъ собственности, которую-де государство въ сущности крестьянамъ подарило. См. его Mittel zur Erhaltung der Grundbesitzer. 1814.

пересмотръ закона о регулированіи. Временное представительство воспользовалось этимъ, чтобы выработать совершенно новый проектъ. Во главѣ правленія стоялъ тогда Гарденбергъ, котораго особенно сильно занимали международныя отношенія и политическіе вопросы, но который мало понималъ подробности крестьянской реформы. 29 мая 1816 г. Фридрихъ-Вильгельмъ III обнародовалъ подъ видомъ простой деклараціи въ сущности совершенно новый законъ, дѣйствовавшій потомъ въ Пруссіи до 1850 г., и по этому закону совершилось наибольшее количество сдѣлокъ между крестьянами и помѣщиками. По деклараціи 1816 г. регулированію подлежали лишь участки, удовлетворявшіе извѣстнымъ условіямъ [1]), вслѣдствіе чего число такихъ участковъ оказалось весьма незначительнымъ, и притомъ новый законъ рекомендовалъ преимущественно выкупъ собственности посредствомъ ренты. Дворянская партія одержала побѣду, и поэтому-то 1848 годъ засталъ Пруссію еще съ весьма значительными остатками старыхъ крестьянскихъ отношеній—безъ той только охраны крестьянскаго землевладѣнія, которая существовала раньше, но исчезла въ 1816 году.

Регулизаціонные законы 1816 г. касались лишь крестьянъ, не имѣвшихъ наслѣдственныхъ правъ на землю, но въ эдиктѣ было сказано, что и повинности наслѣдственныхъ чиншевиковъ и арендаторовъ будутъ подлежать выкупу по особому закону. Обѣщаніе это было приведено въ исполненіе лишь распоряженіемъ о выкупѣ (Ablösungs-Ordnung) 7 іюня 1821 г. Это былъ довольно сложный законъ, въ сущности допускавшій выкупъ повинностей лишь для наиболѣе состоятельныхъ крестьянъ. Они одни только и были теперь предметомъ нѣкоторой заботливости со стороны правительства, тогда какъ, наоборотъ, малоземельные были оставлены совсѣмъ на произволъ судьбы. Что касается до помѣщиковъ, то они прямо стремились къ тому, чтобы люди, вынужденные жить работою по найму, имѣли земли лишь настолько, чтобы было мѣсто для жилища и огорода, а „иначе они, пожалуй, захотѣли бы жить землею, а не работою“. Такъ какъ законодательство отказалось отъ принципа охраны крестьянскаго землевладѣнія и вмѣстѣ съ этимъ совершенно оставило безъ вниманія бѣднѣйшую часть крестьянства, не имѣвшую прочныхъ отношеній къ землѣ и вынужденную работать въ чужихъ хозяйствахъ, то помѣщики мало-по-малу превратили ихъ въ классъ рабочихъ, нанимавшихся на короткіе сроки и получавшихъ маленькіе клочки земли. Между тѣмъ, эта несчастная масса въ эпоху законовъ о регуляціи жила надеждами, что и къ ней правительство придетъ на помощь.

---

[1]) Мы не имѣемъ возможности воспроизвести здѣсь этотъ сложный законъ.

Она представляла себѣ дѣло такимъ образомъ, что вотъ другая категорія крестьянъ получила же въ видѣ дара то, что ей вовсе не принадлежало, а потому и имъ, бобылямъ и батракамъ, тоже даромъ нужно нарѣзать земли.

Новѣйшій историкъ крестьянской реформы въ Пруссіи, указавшій на всѣ ея недостатки, совершенно вѣрно говоритъ, что критиковать реформу крестьянскихъ отношеній на помѣщичьихъ земляхъ въ Пруссіи можно не только на основаніи позднѣйшаго опыта,—это сняло бы значительную часть вины съ дѣятелей реформы,—но главнымъ образомъ и сравнивая эту реформу съ тѣмъ, что само же прусское правительство нашло нужнымъ сдѣлать и дѣйствительно сдѣлало для крестьянъ въ королевскихъ доменахъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ основательно указываетъ и на то, что законъ 1811 г. и еще въ большей мѣрѣ законъ 1816 г. задержали вплоть до 1848 г. завершеніе той части процесса освобожденія, которая была выгодна для крестьянъ. Въ выигрышѣ оказались въ концѣ концовъ одни помѣщики и отчасти сравнительно немногіе крестьяне. „Помѣщичье имѣніе, говоритъ Кнаппъ, подводя итоги, вступило въ новую фазу своего существованія. Не стѣсняемый болѣе охраною крестьянскаго землевладѣнія, увеличивъ свои владѣнія вслѣдствіе уступки крестьянами части земли въ видѣ вознагражденія за свое освобожденіе, помѣщикъ можетъ по мѣрѣ надобности скупать сдѣлавшіеся независимыми крестьянскіе дворы и вдобавокъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи классъ сельскихъ рабочихъ, которые уже не представляютъ изъ себя мелкихъ хозяевъ, но являются именно просто рабочими и живутъ однимъ лишь заработкомъ, не будучи связаны съ имѣніемъ никакими сколько-нибудь прочными узами... И въ быту крестьянъ, продолжаетъ Кнаппъ, произошла перемѣна: у нихъ къ прежнему помѣщику, какъ таковому, уже не существуетъ болѣе никакихъ отношеній; они лично и имущественно совсѣмъ свободны; участокъ отдѣльнаго крестьянина сдѣлался меньшимъ, чѣмъ былъ прежде, или его доходы сократились вслѣдствіе необходимости уплачивать выкупную ренту; но зато онъ можетъ посвятить всего себя своему собственному хозяйству, которое, благодаря техническимъ усовершенствованіямъ всякаго рода, становится все болѣе прибыльнымъ. Сельскіе рабочіе, прибавляетъ Кнаппъ, совершенно такъ же, какъ и крестьяне, сдѣлались вполнѣ свободными, но сверхъ того они ничего не получили, если только не потеряли кое-какихъ выгодъ, которыми располагали раньше". Кнаппъ забылъ къ этому прибавить, что за прусскимъ „юнкерствомъ" оставлены были вотчинная юстиція и полиція, конечно, дававшія помѣщикамъ значительныя права надъ сельскимъ населеніемъ.

Въ другомъ мѣстѣ мы уже видѣли, какъ въ разныхъ частяхъ

Германіи совершена была отмѣна крѣпостничества въ эпоху Рейнскаго союза и большею частью подъ прямымъ вліяніемъ Наполеона [1]). Законодательство отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ по этому вопросу отличалось вообще поспѣшностью, малою обдуманностью, очень часто крайней неопредѣленностью и нерѣдко значительными колебаніями въ разныя стороны по наиболѣе капитальнымъ пунктамъ реформы. При кратковременности французскаго владычества и крайнемъ несовершенствѣ законовъ о выкупѣ имущественныхъ повинностей, все, что было сдѣлано въ эти года для крестьянъ, должно было остаться въ сущности мертвою буквою. При томъ, когда началась реакція противъ французскихъ новшествъ, дворянство только о томъ и думало, чтобы возстановить во всей неприкосновенности старыя отношенія; оно даже хлопотало объ этомъ на вѣнскомъ конгрессѣ. То обстоятельство, что Пруссія по собственной своей инціативѣ произвела крестьянскую реформу, должно было отразиться на остальной Германіи, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что отмѣна крѣпостничества не могла выставляться, какъ чисто французская затѣя. Общее движеніе эпохи вообще совершенно не коснулось внутреннихъ отношеній Саксоніи, и въ этомъ королевствѣ поэтому положеніе крестьянъ оставалось прежнимъ вплоть до тридцатыхъ годовъ, когда здѣсь приступили къ крестьянской реформѣ лишь подъ вліяніемъ революціоннаго броженія. Въ королевствѣ Ганноверскомъ и курфюршествѣ Гессенъ-Кассельскомъ были возстановлены всѣ порядки, существовавшіе до французскаго владычества, такъ что въ Ганноверѣ, напр., всѣ распоряженія короля Іеронима были отмѣнены, и были объявлены недѣйствительными всѣ заключенные на основаніи новыхъ законовъ договоры. Лишь въ тридцатыхъ тоже годахъ и въ этихъ двухъ государствахъ было приступлено къ крестьянской реформѣ. Лучше всего удержались несовершенныя, но большею частью не доведенныя до конца крестьянскія реформы въ тѣхъ самыхъ южногерманскихъ государствахъ, которыя и въ политическомъ отношеніи выдѣлялись своими конституціями изъ остальной Германіи. Баварская конституція 1808 г. подтверждала вновь объявленное еще въ органическомъ эдиктѣ 1808 г. уничтоженіе крѣпостничества и ограниченіе барщинныхъ повинностей, которыя притомъ разрѣшалось выкупать. Впрочемъ, баварскому дворянству удалось добиться, что такъ-таки во весь разсматриваемый періодъ и не было издано никакого закона относительно самаго способа выкупа барщинъ [2]). Равнымъ

[1]) См. главу IX.

[2]) *Sebastian Hausmann* въ трудѣ объ освобожденіи почвы въ Баваріи (см. выше, стр. 501) прекрасно показалъ, что въ Баваріи, собственно говоря, временемъ, когда было сильное стремленіе къ рѣшенію крестьянскаго вопроса, нужно считать 1799—

образомъ въ конституціи Бадена, Вюртемберга и Гессенъ-Дармштадта были включены статьи, объявлявшія всеобщую свободу населенія этихъ государствъ. Въ Вюртембергѣ, однако, совершенно такъ же, какъ и въ Баваріи, совсѣмъ не было издано въ разсматриваемую эпоху закона, который регулировалъ бы выкупъ барщинъ. Хотя въ Баденѣ такой законъ и былъ изданъ въ 1820 г., но онъ страдалъ такими недостатками, что въ сущности до 1830 г. было очень мало случаевъ, когда крестьяне пользовались этимъ закономъ для выкупа своихъ повинностей. Впрочемъ, это было, такъ сказать, общимъ правиломъ для всѣхъ государствъ, гдѣ только издавались въ эту эпоху законы о выкупѣ, такъ какъ уже по одному тому крестьяне не могли ими воспользоваться, что не имѣли денежныхъ средствъ для выкупа сразу своихъ повинностей, особенно при весьма высокой ихъ оцѣнкѣ. Еще, пожалуй, болѣе всего сдѣлано было въ этомъ отношеніи въ Гессенъ-Дармштадтѣ, гдѣ законъ о выкупѣ барщинъ былъ изданъ въ 1719 г., а позднѣе правительство даже думало придти къ крестьянамъ на помощь, но и тутъ эта операція встрѣчала препятствіе въ нежеланіи дворянства покончить съ барщинными отношеніями,—обстоятельство, сильно тормазившее дѣло и въ другихъ государствахъ, гдѣ только существовали законы о выкупѣ. Въ мелкихъ княжествахъ дѣлалось въ сущности то же самое. Напр., въ саксенъ-кобургской конституціи 1821 г. была объявлена возможность выкупа всѣхъ повинностей и обѣщанъ былъ въ ближайшемъ будущемъ спеціальный законъ въ этомъ смыслѣ (nach einem darüber des nächsten erfolgenden allgemeinen Gesetz), но законъ этотъ вышелъ въ свѣтъ лишь въ январѣ 1849 г., да и то подъ вліяніемъ событій 1848 г. Саксенъ-веймарскій законъ 1821 г. о выкупѣ былъ до такой степени запутанъ и недостаточенъ, что впослѣдствіи его пришлось замѣнить другимъ (1848 г.), а вотчинный судъ уничтоженъ былъ въ Саксенъ-Веймарѣ только въ 1850 году. Вообще рѣшеніе вопроса о выкупѣ повинностей было совершено лишь въ слѣдующихъ періодахъ, т.-е. послѣ 1830 и 1848 гг.

Говоря о судьбѣ крестьянскаго вопроса въ среднихъ и мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ вообще, мы должны выдѣлить изъ всѣхъ нихъ Мекленбургъ—въ виду совершенно особаго положенія его среди остальной Германіи по отношенію къ устройству крестьянскаго быта. Вслѣдствіе особыхъ условій, о которыхъ здѣсь говорить было бы слишкомъ долго, Мекленбургъ сдѣлался, такъ сказать, классическою страною

1807 гг., и что, наоборотъ, съ 1808 г. началась реакція. Что же касается до времени послѣ введенія конституціи 1818 г., то оно характеризуется общимъ признаніемъ необходимости сельскохозяйственныхъ реформъ, которыя были, однако, немыслимы при сохраненіи господскихъ правъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ разъ отсутствіемъ всякой рѣшимости приступить къ отмѣнѣ этихъ правъ.

Германіи совершена была отмѣна крѣпостничества въ эпоху Рейнскаго союза и большею частью подъ прямымъ вліяніемъ Наполеона [1]). Законодательство отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ по этому вопросу отличалось вообще поспѣшностью, малою обдуманностью, очень часто крайней неопредѣленностью и нерѣдко значительными колебаніями въ разныя стороны по наиболѣе капитальнымъ пунктамъ реформы. При кратковременности французскаго владычества и крайнемъ несовершенствѣ законовъ о выкупѣ имущественныхъ повинностей, все, что было сдѣлано въ эти года для крестьянъ, должно было остаться въ сущности мертвою буквою. При томъ, когда началась реакція противъ французскихъ новшествъ, дворянство только о томъ и думало, чтобы возстановить во всей неприкосновенности старыя отношенія; оно даже хлопотало объ этомъ на вѣнскомъ конгрессѣ. То обстоятельство, что Пруссія по собственной своей иниціативѣ произвела крестьянскую реформу, должно было отразиться на остальной Германіи, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что отмѣна крѣпостничества не могла выставляться, какъ чисто французская затѣя. Общее движеніе эпохи вообще совершенно не коснулось внутреннихъ отношеній Саксоніи, и въ этомъ королевствѣ поэтому положеніе крестьянъ оставалось прежнимъ вплоть до тридцатыхъ годовъ, когда здѣсь приступили къ крестьянской реформѣ лишь подъ вліяніемъ революціоннаго броженія. Въ королевствѣ Ганноверскомъ и курфюршествѣ Гессенъ-Кассельскомъ были возстановлены всѣ порядки, существовавшіе до французскаго владычества, такъ что въ Ганноверѣ, напр., всѣ распоряженія короля Іеронима были отмѣнены, и были объявлены недѣйствительными всѣ заключенные на основаніи новыхъ законовъ договоры. Лишь въ тридцатыхъ тоже годахъ и въ этихъ двухъ государствахъ было приступлено къ крестьянской реформѣ. Лучше всего удержались несовершенныя, но большею частью не доведенныя до конца крестьянскія реформы въ тѣхъ самыхъ южногерманскихъ государствахъ, которыя и въ политическомъ отношеніи выдѣлялись своими конституціями изъ остальной Германіи. Баварская конституція 1808 г. подтверждала вновь объявленное еще въ органическомъ эдиктѣ 1808 г. уничтоженіе крѣпостничества и ограниченіе барщинныхъ повинностей, которыя притомъ разрѣшалось выкупать. Впрочемъ, баварскому дворянству удалось добиться, что такъ-таки во весь разсматриваемый періодъ и не было издано никакого закона относительно самаго способа выкупа барщинъ [2]). Равнымъ

[1]) См. главу IX.

[2]) *Sebastian Hausmann* въ трудѣ объ освобожденіи почвы въ Баваріи (см. выше, стр. 501) прекрасно показалъ, что въ Баваріи, собственно говоря, временемъ, когда было сильное стремленіе къ рѣшенію крестьянскаго вопроса, нужно считать 1799—

образомъ въ конституціи Бадена, Вюртемберга и Гессенъ-Дармштадта были включены статьи, объявлявшія всеобщую свободу населенія этихъ государствъ. Въ Вюртембергѣ, однако, совершенно такъ же, какъ и въ Баваріи, совсѣмъ не было издано въ разсматриваемую эпоху закона, который регулировалъ бы выкупъ барщинъ. Хотя въ Баденѣ такой законъ и былъ изданъ въ 1820 г., но онъ страдалъ такими недостатками, что въ сущности до 1830 г. было очень мало случаевъ, когда крестьяне пользовались этимъ закономъ для выкупа своихъ повинностей. Впрочемъ, это было, такъ сказать, общимъ правиломъ для всѣхъ государствъ, гдѣ только издавались въ эту эпоху законы о выкупѣ, такъ какъ уже по одному тому крестьяне не могли ими воспользоваться, что не имѣли денежныхъ средствъ для выкупа сразу своихъ повинностей, особенно при весьма высокой ихъ оцѣнкѣ. Еще, пожалуй, болѣе всего сдѣлано было въ этомъ отношеніи въ Гессенъ-Дармштадтѣ, гдѣ законъ о выкупѣ барщинъ былъ изданъ въ 1719 г., а позднѣе правительство даже думало придти къ крестьянамъ на помощь, но и тутъ эта операція встрѣчала препятствіе въ нежеланіи дворянства покончить съ барщинными отношеніями,—обстоятельство, сильно тормазившее дѣло и въ другихъ государствахъ, гдѣ только существовали законы о выкупѣ. Въ мелкихъ княжествахъ дѣлалось въ сущности то же самое. Напр., въ саксенъ-кобургской конституціи 1821 г. была объявлена возможность выкупа всѣхъ повинностей и обѣщанъ былъ въ ближайшемъ будущемъ спеціальный законъ въ этомъ смыслѣ (nach einem darüber des nächsten erfolgenden allgemeinen Gesetz), но законъ этотъ вышелъ въ свѣтъ лишь въ январѣ 1849 г., да и то подъ вліяніемъ событій 1848 г. Саксенъ-веймарскій законъ 1821 г. о выкупѣ былъ до такой степени запутанъ и недостаточенъ, что впослѣдствіи его пришлось замѣнить другимъ (1848 г.), а вотчинный судъ уничтоженъ былъ въ Саксенъ-Веймарѣ только въ 1850 году. Вообще рѣшеніе вопроса о выкупѣ повинностей было совершено лишь въ слѣдующихъ періодахъ, т.-е. послѣ 1830 и 1848 гг.

Говоря о судьбѣ крестьянскаго вопроса въ среднихъ и мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ вообще, мы должны выдѣлить изъ всѣхъ нихъ Мекленбургъ—въ виду совершенно особаго положенія его среди остальной Германіи по отношенію къ устройству крестьянскаго быта. Вслѣдствіе особыхъ условій, о которыхъ здѣсь говорить было бы слишкомъ долго, Мекленбургъ сдѣлался, такъ сказать, классическою страною

1807 гг., и что, наоборотъ, съ 1808 г. началась реакція. Что же касается до времени послѣ введенія конституціи 1818 г., то оно характеризуется общимъ признаніемъ необходимости сельскохозяйственныхъ реформъ, которыя были, однако, немыслимы при сохраненіи господскихъ правъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ разъ отсутствіемъ всякой рѣшимости приступить къ отмѣнѣ этихъ правъ.

крѣпостничества, въ которой крестьянъ продавали, какъ рабовъ. Власть господъ была здѣсь совершенно произвольная: угнетеніе крестьянъ барщинами и поборами доходило до послѣдней крайности; но ничего такъ не боялся мекленбургскій крестьянинъ, какъ Legen'a, т.-е. права помѣщика переводить его съ одного участка на другой, обыкновенно худшій (das Umlegen) или вовсе лишать земли, чтобы превратить его въ поденщика или батрака (das Niederlegen). Весьма еще рѣдкіе въ серединѣ XVI в. случаи Legen'a стали постепенно учащаться, особенно въ XVIII столѣтіи, такъ что къ серединѣ этого вѣка уже очень многіе крестьяне были обезземелены, но процессъ этотъ продолжался и впослѣдствіи. Въ эпоху тридцатилѣтней войны въ Мекленбургѣ насчитывалось 12.545 крестьянскихъ участковъ на помѣщичьихъ земляхъ, а въ 1849 г. ихъ было лишь 1.213! Уже въ 1808 г. великій герцогъ Францъ I думалъ объ уничтоженіи крѣпостничества въ своихъ владѣніяхъ, но только въ 1820 г. ему удалось добиться согласія на это со стороны мѣстнаго дворянства. Изданный въ этомъ году эдиктъ объявлялъ, что ежегодно въ теченіе четырехъ лѣтъ (1821—1824) четвертая часть крестьянъ каждаго помѣстья должна получать право свободнаго перехода, но при этомъ и рѣчи не было о превращеніи крестьянъ въ наслѣдственныхъ или хотя бы только пожизненныхъ чиншевиковъ. Лишь въ велико-герцогскихъ доменахъ, составлявшихъ болѣе половины территоріи Мекленбурга, въ 1820 г. было предпринято превращеніе крестьянъ изъ временныхъ арендаторовъ въ наслѣдственныхъ, но это дѣло шло крайне медленно и неуспѣшно. Въ сущности положеніе мекленбургскихъ помѣщичьихъ крестьянъ только ухудшилось. По новому закону крестьянинъ, котораго помѣщикъ прогонялъ отъ себя, и который не находилъ себѣ новаго мѣста жительства у другого помѣщика, долженъ былъ разсматриваться, какъ бродяга, и сажаться въ рабочій домъ. Каждый крестьянинъ, принимавшійся помѣщикомъ, обязывался работать на него шесть дней въ недѣлю за самую незначительную плату и не имѣлъ права безъ позволенія господина искать себѣ работы въ иномъ мѣстѣ. Съ другой стороны, помѣщики теперь уже не были обязаны, какъ во времена крѣпостного права, давать содержаніе престарѣлымъ, больнымъ и неспособнымъ къ труду рабочимъ, сохранивъ, однако, вотчинную юстицію надъ населеніемъ своихъ имѣній.

Какъ нарочно по сосѣдству съ Мекленбургомъ въ Ольденбургѣ существовало зажиточное крестьянство. Освобожденные отъ крѣпостной зависимости Наполеономъ I, когда великое герцогство (въ 1811 г.) было присоединено къ Франціи, здѣшніе крестьяне сохранили личную свободу и послѣ реставраціи (въ 1813 г.) Петра-Фридриха-Людвига,

который даже утвердилъ совершонную Наполеономъ эмансипацію, хотя и возстановилъ вотчинную юстицію дворянства. Въ 1820 г. въ Ольденбургѣ былъ изданъ законъ о вознагражденіи помѣщиковъ за потерю ими господскихъ правъ, который мало-по-малу освободилъ крестьянскую землю отъ лежавшей на ней тяготы, но и не лишилъ при этомъ крестьянъ ихъ участковъ. Въ то самое время, какъ изъ Мекленбурга началась еще въ XVIII в. крестьянская эмиграція (между прочимъ, въ Россію), ольденбургскіе крестьяне почти никогда не покидали родины, несмотря на естественный приростъ населенія. Между тѣмъ именно мекленбургскія аграрныя отношенія и казались наиболѣе желательными нѣкоторымъ публицистамъ и особенно землевладѣльцамъ въ Пруссіи, гдѣ, какъ мы видѣли, послѣ 1816 г. процессъ обезземеленія пошелъ также довольно быстро. Весьма любопытно и то, что какъ-разъ въ это самое время въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, гдѣ крѣпостничество было отмѣнено въ 1804 г., правительство приняло мѣры, чтобы площадь крестьянской собственности никоимъ образомъ не уменьшалась, и даже достигнутъ былъ тотъ результатъ, что со времени освобожденія крестьянское землевладѣніе значительно возросло.

Изъ всего этого, между прочимъ, видно, какъ неодинаково было и юридическое, и экономическое положеніе нѣмецкихъ крестьянъ въ разсматриваемую эпоху, и какъ несходно рѣшался крестьянскій вопросъ въ отдѣльныхъ государствахъ Германіи. Все это дѣлаетъ въ высшей степени труднымъ, даже невозможнымъ дать общую характеристику исторіи крестьянъ въ Германіи въ XIX в., но зато, съ другой стороны, на примѣрѣ одной Германіи,—гдѣ мы встрѣчаемся съ самыми разнообразными положеніями крестьянъ, начиная съ австрійскихъ или саксонскихъ крѣпостныхъ и кончая мекленбургскимъ сельскимъ пролетаріатомъ, и гдѣ столь несходны были и пріемы крестьянской реформы,—мы можемъ познакомить съ разными сторонами крестьянскаго вопроса, мѣстами уже начавшаго переходить въ вопросъ рабочій. Замѣтимъ еще, что аграрныя отношенія и ихъ реформа привлекали къ себѣ вниманіе публицистовъ не въ одной Пруссіи, и что столкновеніе разныхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ отдѣльныя лица смотрѣли на дѣло, немало способствовало уясненію вопроса и вело къ лучшей его теоретической разработкѣ, что̀ не могло впослѣдствіи не отразиться на болѣе совершенномъ, нежели прежде, его рѣшеніи. Хотя у нѣкоторой части дворянства мы наблюдаемъ въ эту эпоху стремленіе къ обезземеленію крестьянъ, и хотя вмѣстѣ съ тѣмъ высказывались въ пользу введенія хозяйства съ наемными рабочими и нѣкоторые теоретики, однако, правительства и многіе публицисты не такъ-то легко поддавались политикѣ, результатомъ которой могла бы

быть лишь экспропріація народной массы. Наконецъ, и прямо раздавались голоса и за сохраненіе крестьянскаго землевладѣнія. При всемъ томъ у громаднаго большинства германскихъ правительствъ эпохи мы не видимъ, однако, ни достаточной послѣдовательности, ни достаточной твердости, да притомъ въ общемъ дворянская реакція, наступившая въ 1815 г., была крайне неблагопріятна какъ для освобожденія крестьянъ, гдѣ оно не было еще начато, такъ и для выкупа ими феодальныхъ повинностей, гдѣ послѣднее было уже въ принципѣ разрѣшено, и для охраны государствомъ крестьянскаго землевладѣнія, гдѣ эта охрана существовала раньше. Къ 1830 году крестьянскій вопросъ въ Германіи такимъ образомъ далеко еще не былъ рѣшенъ.

Въ составъ крестьянскаго вопроса въ Германіи существеннымъ образомъ входилъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного состоянія. Въ другихъ западно-европейскихъ странахъ большею частью крестьяне уже гораздо раньше пользовались личною свободою, и потому для этихъ странъ крестьянскаго вопроса въ такой формѣ уже не существовало. Крѣпостничество въ нихъ или исчезло сравнительно очень рано, какъ то было въ Англіи, или совсѣмъ не получало развитія, что̀ можно сказать, напр., о Швеціи. Въ видѣ исключенія пришлось бы назвать лишь очень немногія страны. Крестьянская несвобода, напр., господствовала въ Даніи, гдѣ дворянская олигархія одно время достигла полнаго преобладанія. И здѣсь впервые поколеблено было крѣпостное право только въ XVIII столѣтіи, когда въ 1702 г. Фридрихъ IV уничтожилъ въ своихъ доменахъ во всей Даніи личную крѣпостную зависимость крестьянъ и прикрѣпленіе ихъ къ землѣ. Но и тутъ попытки улучшенія положенія помѣщичьихъ крестьянъ ни къ чему не приводили, и все дѣло ограничивалось лишь частными мѣрами да перемѣною въ названіи, какое носилось крѣпостнымъ состояніемъ. Лишь Фридрихъ VI эдиктомъ 20 іюня 1788 г. отмѣнилъ прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, освободивъ сразу всѣхъ крестьянъ, которымъ было болѣе 36 и менѣе 14 лѣтъ, а остальнымъ предоставивъ свободу съ 1 января 1800 г., хотя тѣмъ не менѣе крестьяне и послѣ этого не могли покидать мѣстъ своего жительства въ виду отбыванія воинской повинности. Затѣмъ въ 1791—1799 гг. въ Даніи были изданы законы, имѣвшіе своею цѣлью выкупъ барщинъ и десятинъ, огражденіе крестьянскаго землевладѣнія отъ захватовъ со стороны дворянства [1]) и превращеніе поселянъ въ мелкихъ собственниковъ или наслѣдственныхъ чиншевиковъ. Эти законы имѣли

---

[1]) Аналогичные законы потомъ и были изданы датскимъ правительствомъ въ Шлезвигъ-Голштейнѣ.

своимъ дѣйствіемъ постепенное развитіе въ Даніи мелкой крестьянской собственности на счетъ срочной или пожизненной аренды.

Въ ту же эпоху, какъ и въ Даніи, совершилась отмѣна крѣпостничества и въ тѣхъ кантонахъ Швейцаріи, гдѣ оно еще существовало. Его, напр., не было въ кантонахъ Бернскомъ и Цюрихскомъ еще съ XVI в., но зато оно прочно держалось въ Солотурнѣ и Базелѣ до конца XVIII в. (1785 и 1790 гг.), когда въ Швейцаріи происходили крестьянскія волненія, особенно усилившіяся послѣ французской революціи и облегчившія французамъ завоеваніе Швейцаріи. Когда послѣдняя была превращена въ Гельветическую республику, первымъ дѣломъ новаго правительства было повсемѣстное уничтоженіе крѣпостного состоянія (4 мая 1798 г.), вслѣдъ затѣмъ въ томъ же году послѣдовалъ законъ объ освобожденіи и земли отъ феодальныхъ повинностей. Но вопросъ о томъ, какимъ путемъ это сдѣлать, и въ Швейцаріи не могъ быть рѣшенъ сразу. Здѣсь собственникомъ большей части феодальныхъ повинностей (напр., 75% „десятины"), лежавшихъ на землѣ, было само государство, и, конечно, безвозмездное уничтоженіе этихъ повинностей, вытекавшее изъ тогдашней французской политики, поставило бы казну въ совершенно невозможное положеніе. Послѣ того, какъ Наполеонъ своимъ посредническимъ актомъ 1803 г. возвратилъ швейцарскимъ кантонамъ автономію, отдѣльныя правительства стали издавать законы, которые должны были регулировать выкупъ лежавшихъ на землѣ повинностей, и этотъ выкупъ затянулся на весьма продолжительное время. Лишь въ одномъ Ваадтѣ операція была окончена къ январю 1812 г., но для этого потребовалась продажа государственныхъ имуществъ, чтобы на вырученныя деньги помочь крестьянамъ снять лежавшую на нихъ тяготу. Что касается до Бельгіи и Голландіи, то въ нихъ остатки крѣпостничества были уничтожены, когда первая была присоединена къ Франціи, а вторая превращена въ республику Батавскую. То же должно сказать и о Савойѣ, въ которой освобожденіе крестьянъ было уже предпринято, но не было еще завершено до начала французской революціи.

Французское завоеваніе Италіи не осталось безъ важнаго вліянія на перемѣну и въ этой странѣ крестьянскихъ и аграрныхъ отношеній. Хотя крѣпостного состоянія въ Италіи уже не существовало съ давняго времени, положеніе крестьянской массы и здѣсь было весьма печальное. Успѣхи французовъ уже въ 1797 г. заставили сардинскаго короля Карла Эммануила IV, отличавшагося въ сущности крайнею приверженностью къ „старому порядку", положить конецъ всѣмъ феодальнымъ отношеніямъ посредствомъ запрещенія устраивать новые майораты и ограниченія дѣйствія старыхъ лишь двумя поко-

лѣніями, превращенія всѣхъ зависимыхъ поземельныхъ участковъ въ свободную (аллодіальную) собственность и установленія выкупа для лежавшихъ на нихъ повинностей и сервитутовъ. Въ другихъ частяхъ Италіи аналогичныя реформы были произведены самими французами, и реакція, наступившая въ 1815 г., уже не была въ состояніи возстановить здѣсь все то, что было разрушено французами. Впрочемъ, перемѣны, произведенныя въ Италіи въ эпоху революціонныхъ войнъ и владычества Наполеона, не коснулись самаго главнаго въ быту тамошняго сельскаго населенія. Крестьянинъ лично былъ свободенъ уже давно, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и давно былъ обезземеленъ. Въ общемъ крестьянская собственность въ Италіи была явленіемъ крайне рѣдкимъ, да и наслѣдственные чиншевики попадались не особенно часто. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ отношеніе крестьянина къ землѣ заключалось въ краткосрочной арендѣ (очень часто половнической, особенно въ Ломбардіи), ставившей его въ полную зависимость отъ собственника, или же, какъ это особенно развилось въ Сициліи [1]), земля, раздѣленная на большія фермы, обрабатывалась наемными рабочими, часто поденщиками, мѣстомъ жительства которыхъ были города (этотъ порядокъ вещей существуетъ въ Сициліи и по сей день). Въ Италіи въ началѣ XIX в. уже были всѣ признаки весьма обостреннаго аграрнаго вопроса, такъ какъ „колонны" (половники) и полевые рабочіе страшно бѣдствовали и сельское хозяйство не всегда велось успѣшно; вслѣдствіе этого бывали голодные годы даже въ такой благословенной природою странѣ, какъ Ломбардія (1816—1817). Реакціонныя правительства и землевладѣльческіе классы, однако, ничего не предпринимали для улучшенія быта сельскаго населенія, и все въ Италіи оставалось по старому въ сферѣ аграрныхъ и крестьянскихъ отношеній.

Въ Испаніи, гдѣ крѣпостное состояніе исчезло еще къ концу среднихъ вѣковъ, крестьянство состояло при переходѣ въ новое время изъ наслѣдственныхъ чиншевиковъ и даже отчасти изъ настоящихъ собственниковъ. Но съ XVI в. положеніе крестьянъ и здѣсь стало ухудшаться. Въ началѣ XVI столѣтія былъ изданъ законъ, дозволявшій дворянамъ превращать свои имѣнія въ майораты, и съ этого времени дворянство усиленно начинаетъ увеличивать свои земли, между прочимъ, скупая — большею частью за ничтожную плату — участки крестьянъ, разорившихся отъ тяжести налоговъ. Съ другой стороны, въ Испаніи сильно развилось овцеводство, въ интересахъ котораго собственники большихъ стадъ покупали особыя права надъ

---

[1]) *Sonnino*. I contadini in Sicilia. 1878. См. мою статью объ этой книгѣ въ „Критическомъ Обозрѣніи" за 1879 г.

землями крестьянъ (такъ называемая mesta), и послѣднимъ просто приходилось бросать хозяйство. Общимъ результатомъ этого было постепенное обезземеленіе крестьянъ и превращеніе ихъ въ краткосрочныхъ арендаторовъ. Въ XVIII в. испанскіе Бурбоны дѣлали попытки поднять сельское хозяйство и крестьянское благосостояніе въ странѣ, но успѣха не имѣли, и только завоеваніе Испаніи Наполеономъ, съ одной стороны, и образованіе либеральнаго правительства кортесовъ, съ другой, положили начало уничтоженію главнѣйшихъ золъ, отъ которыхъ страдало сельское населеніе Испаніи. Уже Наполеонъ въ 1808 г. отмѣнилъ въ странѣ майораты, и это было подтверждено двумя декретами революціонныхъ кортесовъ въ 1820 и 1821 г. Далѣе, кадикскіе кортесы въ 1811 и 1813 г. уничтожили патримоніальную юстицію и всѣ феодальныя права, какія еще существовали въ Испаніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1813 г. былъ изданъ декретъ о прекращеніи „месты", не дозволявшей въ интересахъ овцеводства мелкимъ хозяевамъ ограждать свои поля и луга. Тогда же еще были изданы постановленія, обезпечивавшія крестьянское пользованіе землею. Во-первыхъ, было предписано, чтобы всѣ договоры о наймѣ земли были обязательны и для наслѣдниковъ договаривающихся сторонъ, а во-вторыхъ, запрещено было отказывать отъ аренды неаккуратнымъ плательщикамъ не предупредивъ ихъ объ этомъ за годъ (въ нѣкоторыхъ же провинціяхъ за два года). Все это было дѣломъ знаменитыхъ кортесовъ, создававшихъ демократическую конституцію 1812 года, которая возвращала также сельскимъ общинамъ существовавшее у нихъ въ средніе вѣка право избирать мѣстную администрацію. Кромѣ того, кортесы занялись отчужденіемъ въ частныя руки всѣхъ запущенныхъ коронныхъ доменовъ и городскихъ земель, постановивъ, что съемщики вновь раздѣланныхъ подъ хозяйство участковъ будутъ освобождены отъ налоговъ въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ. Реакція, наступившая въ 1814 г., уничтожила многое изъ того, что было узаконено кортесами 1810 — 1813 гг., пока революція 1820 г. не сдѣлала возможнымъ возвращеніе къ этой демократической политикѣ. Въ 1820—1823 гг. кортесы начали распродавать по мелкимъ участкамъ церковныя имущества, что́ должно было повести за собою увеличеніе класса мелкихъ собственниковъ, но когда въ 1823 г. и въ Испаніи снова водворился абсолютизмъ, всѣ заключенныя въ этомъ смыслѣ сдѣлки были объявлены недѣйствительными, и у новыхъ владѣльцевъ были отняты ихъ пріобрѣтенія безъ всякаго вознагражденія.

Подводя итоги подъ всѣмъ сказаннымъ и оставляя при этомъ въ сторонѣ великое разнообразіе отношеній, какія мы наблюдаемъ въ крестьянской жизни отдѣльныхъ странъ Западной Европы, нельзя не

замѣтить вообще, что если первыя заботы государственной власти о переустройствѣ крестьянскаго быта относятся еще къ XVIII столѣтію и дѣлаются все замѣтнѣе къ его концу, то лишь французская революція рѣзко поставила, по крайней мѣрѣ, вопросъ о личной свободѣ сельскаго населенія. Далѣе, можно сказать еще, что въ разсматриваемый періодъ въ общемъ для крестьянъ сдѣлано было очень мало такого, что̀ существеннымъ образомъ улучшало бы ихъ положеніе, да и многое изъ того, что должно было приносить крестьянству выгоду, нерѣдко потомъ отмѣнялось въ эпоху общей реакціи. Были, кромѣ того, и такія страны, для которыхъ совершенно безслѣдно прошли въ этомъ отношеніи великія событія, переживавшіяся всею Западною Европою въ 1789—1815 годахъ. Наконецъ, и въ тѣхъ даже случаяхъ, когда реформы были совершены и потомъ не отмѣнялись, можно обнаружить не мало недостатковъ въ соотвѣтственномъ законодательствѣ. Однимъ изъ самыхъ слабыхъ его пунктовъ, какъ мы видѣли, былъ вообще вопросъ о выкупѣ феодальныхъ повинностей, лежавшихъ на крестьянской землѣ. Это былъ слабый пунктъ законодательства французской революціи (до провозглашенія конвентомъ безвозмезднаго уничтоженія всѣхъ повинностей, чѣмъ гордіевъ узелъ вопроса не развязывался, а разсѣкался), но не далеко ушли отъ нея въ этомъ отношеніи и законы первой трети XIX в., разрѣшавшіе и даже предписывавшіе выкупъ, но не создававшіе такихъ условій, которыя дѣлали бы его возможнымъ (если только дѣло не шло объ уступкѣ части выкупаемой земли, какъ это было въ Пруссіи). Вмѣстѣ съ этимъ не вездѣ принимались мѣры къ тому, чтобы раскрѣпощеніе не сопровождалось обезземеленіемъ крестьянъ, хотя въ то же самое время въ нѣкоторымъ мѣстахъ довольно замѣтно выступало стремленіе правительствъ сохранить за крестьянами ту землю, которою они пользовались, и даже укрѣпить ее за ними болѣе прочнымъ образомъ. Во всякомъ случаѣ, однако, заботливость государственной власти привлекали къ себѣ въ подобныхъ случаяхъ лишь крестьяне, имѣвшіе свое хозяйство, тогда какъ нарождавшійся сельскій пролетаріатъ, наоборотъ, вполнѣ предоставлялся на произволъ землевладѣльцевъ. Возбужденію крестьянскаго вопроса и проведенію реформъ всюду притомъ мѣшала дворянская оппозиція, особенно усилившаяся въ эпоху общей реакціи, и нерѣдко заставлявшая правительства не только дѣлать помѣщикамъ вынужденныя уступки, но и прямо входить въ ихъ ретроградные виды. Реакціонные писатели поддерживали стремленія дворянства, восхваляя средневѣковую старину, время „добрыхъ", „патріархальныхъ" отношеній между господами и поселянами и нападая на новыя экономическія теоріи. Въ послѣднихъ тоже, однако, были стороны, не особенно благопріятныя для крестьянъ. Ученіе о невмѣ-

шательствѣ государства въ экономическую жизнь въ сущности стремилось къ тому, чтобы уничтожить всѣ законы, которыми, напр., государство думало охранять существованіе крестьянскаго землевладѣнія, а многихъ теоретиковъ, сверхъ того, соблазнялъ примѣръ Англіи (и даже Мекленбурга) съ ея развитымъ фермерскимъ хозяйствомъ, ведущимся при помощи наемнаго труда. Въ концѣ концовъ въ дѣлѣ крестьянской реформы въ двадцатыхъ годахъ замѣчается нѣкоторый застой, объясняющійся общей реакціей этой эпохи. Должно было пройти еще два-три десятилѣтія, прежде чѣмъ могла совершиться полная ликвидація отношеній, имѣвшихъ свою основу въ средневѣковомъ феодализмѣ, но въ то самое время, какъ подходило къ концу рѣшеніе крестьянскаго вопроса въ смыслѣ личнаго и имущественнаго освобожденія крестьянъ отъ феодальной зависимости, жизнь начинала ставить другой соціальный вопросъ—вопросъ рабочій, который хотя и возникъ на почвѣ новыхъ отношеній въ обрабатывающей промышленности, явившихся результатомъ цѣлой экономической революціи въ этой области въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., тѣмъ не менѣе долженъ былъ коснуться и сельскаго пролетаріата, развившагося въ нѣкоторыхъ странахъ Европы (особенно, какъ было сказано, въ Англіи, въ Сициліи, въ Мекленбургѣ, гдѣ въ это положеніе попало большинство земледѣльцевъ).

XXIV. Перемѣны въ промышленномъ быту Западной Европы въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка.

Содержаніе настоящей главы.—Двѣ стороны въ процессѣ обезземеленія крестьянъ.—Образованіе пролетаріата.—Обезземеленіе въ Англіи.—Агрономическіе успѣхи Англіи.—Усиленіе англійской буржуазіи.—Паденіе и уничтоженіе цеховыхъ учрежденій — Запрещеніе рабочихъ союзовъ.—Реформа цеховъ въ Пруссіи.—Отмѣна цеховыхъ стѣсненій въ Англіи.—Факторы замѣны мелкой промышленности крупною.—Изобрѣтеніе машинъ и введеніе ихъ въ промышленность.—Непосредственныя слѣдствія введенія машинъ.—Искусственные пути сообщенія.—Общій выводъ.

Въ настоящей главѣ мы сдѣлаемъ общій очеркъ экономическаго переворота, совершившагося въ Западной Европѣ въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. и состоящаго въ возникновеніи крупной промышленности на капиталистическихъ началахъ. При этомъ мы будемъ имѣть въ виду преимущественно Англію, гдѣ переворотъ произошелъ раньше и выразился рѣзче, нежели въ какой-либо странѣ континента. Три общіе факта, имѣющіе первостепенное значеніе въ исторіи этого переворота и тѣсно связанные между собой, должны обратить на себя

особое наше вниманіе при разсмотрѣніи его причинъ, хода и послѣдствій. Хотя всѣ они и находятся между собой во взаимодѣйствіи, вліяя одинъ на другой въ произведеніи общаго результата, мы разсмотримъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности. Во-первыхъ, крупная промышленность сдѣлалась возможною лишь вслѣдствіе появленія пролетаріата и освобожденія отъ земледѣльческихъ работъ массы рукъ, благодаря чему возросло предложеніе свободнаго труда и явилась возможность дешевой его покупки. Вторымъ фактомъ являются упадокъ и отмѣна цеховъ, стѣснявшихъ развитіе крупной промышленности, и вообще уничтоженіе всѣхъ ограниченій, которымъ подвергалась промышленность въ старомъ „полицейскомъ" государствѣ. Наконецъ, третій фактъ представляетъ собою введеніе машинъ, совершившее настоящій переворотъ въ производствѣ продуктовъ, ранѣе выдѣлывавшихся ручнымъ трудомъ. Въ чемъ заключается взаимодѣйствіе между этими тремя фактами, можетъ быть понято лишь послѣ разсмотрѣнія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности.

Начнемъ съ обезземеленія крестьянской массы. Процессъ обезземеленія играетъ весьма видную роль въ соціальной исторіи Западной Европы, выражаясь въ двухъ отличныхъ одинъ отъ другого процессахъ. Съ одной стороны, онъ состоялъ именно въ исчезновеніи мелкой собственности, результатомъ чего было увеличеніе крупнаго землевладѣнія, которое, однако, могло соединяться попрежнему съ мелкимъ хозяйствомъ, какъ это и было въ эпоху господства феодальныхъ аграрныхъ отношеній, когда земля дѣлалась собственностью сеньеровъ, крестьяне же превращались въ зависимыхъ фермеровъ, пользовавшихся этою землею на весьма различныхъ условіяхъ, но все-таки продолжавшихъ вести на ней мелкое хозяйство. Этотъ процессъ можно обозначить, какъ образованіе крупнаго землевладѣнія на счетъ мелкаго, что́ само по себѣ, конечно, еще не влекло соотвѣтственной перемѣны въ формѣ сельскаго хозяйства, т.-е. замѣны мелкаго хозяйства крупнымъ. Другую сторону процесса представляетъ изъ себя именно эта самая замѣна, когда нѣсколько мелкихъ хозяйствъ стали соединяться въ одно крупное, во главѣ котораго стоялъ или самъ землевладѣлецъ, или снимавшій у него землю богатый фермеръ. Это уже процессъ возникновенія крупнаго хозяйства на счетъ мелкаго, сопровождавшійся превращеніемъ самостоятельныхъ крестьянъ-хозяевъ,—каково бы ни было ихъ юридическое положеніе, какъ одного изъ классовъ населенія, и каково бы ни было ихъ юридическое отношеніе къ землѣ,—въ безземельныхъ земледѣльцевъ, работающихъ въ чужомъ хозяйствѣ, причемъ, наконецъ, и они могли быть или въ крѣпости у своихъ землевладѣльцевъ, какъ то было, напр., въ Мекленбургѣ, или же, наоборотъ, быть совершенно свободными, что на-

блюдается, напр., въ Сициліи. Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ юридической свободѣ или несвободѣ крестьянъ и объ юридическихъ основаніяхъ, на которыхъ они могли пользоваться землею, и имѣя въ виду лишь одно экономическое ихъ положеніе, мы можемъ поэтому различать въ быту земледѣльческаго класса два состоянія—состояніе мелкихъ хозяевъ, работающихъ на своихъ земельныхъ участкахъ, и состояніе земледѣльческихъ рабочихъ, находящихся въ услуженіи у крупныхъ хозяевъ съ разными переходными ступенями изъ одного положенія въ другое. Средніе вѣка характеризуются въ общемъ преобладаніемъ мелкаго хозяйства, и лишь въ новое время стало дѣлать успѣхи хозяйство крупное. Понятно, что въ одно и то же время на одной и той же территоріи можно встрѣчать въ исторіи крестьянскаго сословія самыя разнообразныя отношенія его къ землѣ—мелкую собственность, наслѣдственную чиншевую аренду (цензиву), половничество на весьма разнообразныхъ условіяхъ, аренду краткосрочную и, наконецъ, самые прекарные способы пользованія землею, а рядомъ со всѣмъ этимъ наемничество въ поденные или годовые рабочіе въ чужихъ хозяйствахъ, не исключая и мелкихъ, разъ послѣднія не въ состояніи были справляться средствами одной семьи съ находившимся въ ея распоряженіи участкомъ. Напр., во Франціи въ XVIII в. мы встрѣчаемся съ весьма разнообразными формами въ этомъ отношеніи, съ самыми архаическими и, наоборотъ, съ такими, которыя стали возникать лишь въ болѣе позднее время. Поэтому обезземеленною— и въ юридическомъ, и въ экономическомъ смыслѣ—могла быть лишь бо́льшая или меньшая часть крестьянства, и смотря по тому, какъ быстро увеличивалась эта часть и насколько она начинала превышать другую часть, сохранявшую свою связь съ землею, мы можемъ говорить о большей или меньшей скорости и полнотѣ обезземеленія.

Оба указанные процесса находятся въ тѣсной связи между собою, и первый даже представляетъ собою необходимое условіе второго. Образованіе крупнаго землевладѣнія путемъ ли скупки мелкихъ участковъ, или присоединенія къ непосредственному владѣнію помѣщика земли, находившейся въ наслѣдственномъ (или даже только срочномъ) пользованіи крестьянъ, по времени всегда предшествуетъ возникновенію крупнаго хозяйства путемъ уничтоженія мелкихъ хозяйствъ, каковы бы раньше ни были юридическія основанія, на которыхъ мелкія хозяйства пользовались землею. И въ дѣйствительной исторіи сельскаго хозяева на западѣ Европы первый процессъ предшествовалъ второму. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, начавшееся еще во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, сопровождалось разрывомъ той крѣпкой связи, въ какой находились между со-

бою крестьянинъ и его земля, но эта юридическая перемѣна не касалась экономической стороны дѣла. Свободный крестьянинъ могъ оставаться и, дѣйствительно, оставался сидѣть на своемъ участкѣ, попрежнему ведя на немъ свое хозяйство, но уже не связанный съ нимъ прежними крѣпкими узами. Это расторженіе старой юридической связи—рядомъ со скупкою мелкихъ участковъ и всякаго рода насиліями и беззаконіями со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ—подготовляло почву и для расторженія связи экономической, когда землевладѣлецъ присоединялъ участки, отдававшіеся имъ крестьянамъ, къ своему непосредственному помѣстью, на которомъ, напр., онъ самъ велъ хозяйство, или когда соединялъ нѣсколько такихъ участковъ въ одну бо́льшихъ размѣровъ ферму, чтобы отдать ее на болѣе выгодныхъ для себя условіяхъ въ аренду богатому предпринимателю. Такая перемѣна влекла за собою разстройство въ быту крестьянъ, и многіе изъ нихъ, будучи выбиты изъ колеи, превращались въ бродягъ эмигрировали въ другія страны, уѣзжали въ колоніи или переселялись въ города, чтобы искать тамъ заработка въ обрабатывающей промышленности. Каковы бы ни были условія самого городского быта, которыя тоже могли создавать пролетаріатъ, наибольшаго своего развитія послѣдній могъ достигнуть лишь вслѣдствіе переселенія въ города обезземеленныхъ крестьянъ. Поглощеніе образовавшагося въ деревняхъ пролетаріата обрабатывающею промышленностью, гдѣ для послѣдней существовали благопріятныя условія, началось весьма рано, и каждый разъ, какъ процессъ обезземеленія усиливался, увеличивался и притокъ свободныхъ рукъ къ обрабатывающей промышленности. Такъ какъ нерѣдко предложеніе труда превышало спросъ на него, то это влекло за собой или пониженіе рабочей платы, или ухудшеніе вообще тѣхъ условій, на которыхъ пролетарій соглашался работать у того или другого предпринимателя (напр., удлиненіе рабочаго дня).

Описанный процессъ совершался въ большей или меньшей степени повсемѣстно, но нигдѣ онъ не имѣлъ такой быстроты и не выразился съ такою полнотою, какъ въ Англіи. Окончательно процессъ обезземеленія крестьянъ—и въ смыслѣ исчезновенія мелкой собственности, и въ смыслѣ полнаго паденія мелкаго хозяйства—завершился къ концу XVIII и началу XIX в. Факторы, дѣйствовавшіе въ этомъ процессѣ, существовали гораздо раньше, но только именно въ разсматриваемое нами время они стали дѣйствовать особенно интенсивнымъ образомъ. Еще въ эпоху второй революціи и въ началѣ XVIII столѣтія Англія была страною земледѣльческою. Въ эту эпоху приходилось въ странѣ на сельское хозяйство около двухъ милліоновъ рабочихъ, тогда какъ торговля поглощала менѣе четверти мил-

ліона рабочихъ, а промышленность—даже еще менѣе, нежели торговля. Но въ XVIII в. начинается въ Англіи необычный приростъ городского населенія. Въ то самое время, какъ во Франціи передъ революціей лишь одна четверть населенія (6 милліоновъ изъ 24) жила въ городахъ, въ Англіи уже въ семидесятыхъ годахъ XVIII в. городское населеніе равнялось половинѣ всего числа жителей въ странѣ. Этотъ процессъ увеличенія населенности городовъ совершался съ поразительною быстротою и въ первой трети XIX вѣка. Напр., вычислено, что съ 1801 по 1831 г. число жителей въ Англіи увеличилось вообще на 50%, а между тѣмъ населеніе многихъ городовъ за тотъ же промежутокъ времени увеличивалось на 150% (въ Ливерпулѣ на 138%, въ Манчестерѣ на 151%, въ Глазго на 161% и т. п.). Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что въ сельской жизни Англіи происходилъ весьма глубокій переворотъ, и такое заключеніе, дѣйствительно, подтверждается массою другихъ указаній. Однимъ изъ факторовъ обезземеленія крестьянъ въ Англіи были такъ называемые акты объ огораживаніи (inclosure acts), посредствомъ которыхъ парламентъ изымалъ въ пользу лендлордовъ общинныя земли, раньше находившіяся въ пользованіи сельскихъ жителей. Въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. этотъ процессъ совершался особенно быстро, на что прежде всего указываетъ одно количество парламентскихъ актовъ, изданныхъ для отдѣльныхъ случаевъ огораживанія со вступленія на престолъ Георга III до первой парламентской реформы, т.-е. съ 1760 по 1832 г., въ теченіе, значитъ, семидесяти-двухъ лѣтъ. Именно оно превышало три съ половиной тысячи (3635), такъ что на каждый годъ среднимъ числомъ приходилось около пятидесяти актовъ этого рода. Со времени королевы Анны, т.-е. съ начала XVIII в. по 1805 г., т.-е. за цѣлое столѣтіе огорожено было въ Соединенномъ королевствѣ немного болѣе четырехъ милліоновъ (4.186.056) акровъ общинной земли, а за одну первую треть XIX столѣтія (1801—1831)—уже болѣе трехъ съ половиною милліоновъ (3.511.770), изъ которыхъ болѣе трехъ милліоновъ приходится на первыя два десятилѣтія, когда огораживанія производились особенно дѣятельно: именно въ 1780—1789 гг. было огорожено (въ круглыхъ цифрахъ)—450 т. акровъ, въ 1790—1799 гг.—около 860 акровъ, въ 1800—1809 гг. уже 1.550.000, въ 1810—1819 гг.—1.560.000, а въ слѣдующія десятилѣтія эта цифра падаетъ опять до 375 т. и 350 т. акровъ. Высчитано, что за указанный выше семидесятидвухлѣтній періодъ времени землевладѣльцы пріобрѣли чуть не полные семь милліоновъ акровъ (6.840.540). Эти цифры будутъ говорить еще краснорѣчивѣе, если мы примемъ въ расчетъ, что въ четыре десятка лѣтъ до 1760 г. было огорожено лишь около 550 т. акровъ. Рядомъ съ этимъ совершался процессъ

такъ называемой „очистки“ (clearing) имѣній, заключавшійся въ томъ, что у фермеровъ по окончаніи срока аренды отнимались земли, находившіяся въ ихъ обработкѣ, а затѣмъ или соединялись въ болѣе крупныя хозяйственныя единицы, или обращались въ пастбища для овецъ и въ искусственные луга, благодаря чему бывшіе мелкіе арендаторы не могли даже сдѣлаться сельскохозяйственными рабочими, разъ „очистка“ имѣній сопровождалась уменьшеніемъ площади запашки. Въ послѣднемъ отношеніи, такъ сказать, классическимъ примѣромъ сдѣлалась перемѣна, совершившаяся въ самое короткое время въ помѣстьѣ графини Соутерлэндъ: въ 1814 г. на ея земляхъ прокармливалось 15 тысячъ человѣкъ, а въ 1825 паслось уже 131 тысяча овецъ, т.-е. всѣ мелкія фермы были за этотъ промежутокъ времени уничтожены и превращены въ пастбища для овецъ, шерсть которыхъ имѣла хорошій сбытъ на фабрики. Поводами къ огораживанію были въ эту эпоху большею частью соображенія агрономическаго свойства, такъ какъ при искусственномъ разведеніи клевера и турнепса, которое началось еще въ серединѣ XVII в., старый способъ пользованія общинными угодьями оказывался крайне невыгоднымъ: это были большею частью самыя плохія пастбища и луга, дозволявшіе сельскому населенію имѣть кое-какой скотъ, но не дававшіе хорошаго дохода. Огораживанія подняли производительность земли, къ которой стало теперь возможнымъ примѣнять улучшенные способы земледѣлія, но интересы мелкихъ хозяевъ и вообще сельскаго населенія отъ этого страдали. Во-первыхъ, сокращалось количество коровъ и мелкаго скота, принадлежавшаго крестьянамъ. Во-вторыхъ, послѣ этой разверстки и вести хозяйство было трудно, такъ какъ мелкія фермы со своимъ исключительно зерновымъ производствомъ не могли соперничать съ новымъ крупнымъ хозяйствомъ и его плодоперемѣнною системою, и при существовавшихъ тогда цѣнахъ на продукты, издержки на веденіе мелкаго хозяйства просто-на-просто не окупались изъ получаемаго дохода. Къ тому же, какъ мы увидимъ, около этого времени земледѣльцы стали терять дополнительные заработки въ видѣ пряжи, тканья и т. п. кустарнымъ образомъ; и это также ухудшало ихъ положеніе. Мелкимъ хозяевамъ приходилось въ трудныя минуты дѣлать долги, въ которыхъ они потомъ все болѣе и болѣе и запутывались, а тутъ еще лендлорды, прибирая къ рукамъ землю всякими правдами и неправдами, возбуждали разорительные процессы, охотно ссужали деньги или предлагали неслыханныя раньше цѣны за участки, которые имъ особенно сподручно было прикупить къ своимъ землямъ. Тѣ же мотивы извлеченія наибольшаго дохода изъ земли путемъ улучшеннаго хозяйства заставляли лендлордовъ и соединять фермы. Въ XVIII в. въ Англіи преобладали фермы въ 40—100 акровъ, но въ началѣ XIX в.

уже начинаютъ господствовать фермы въ пять разъ большія, а во главѣ каждой стоитъ уже предприниматель, который затрачиваетъ капиталъ, чтобы улучшить почву (осушка, удобреніе), возвести хорошія сельскохозяйственныя постройки, пріобрѣсти улучшенныя породы скота, купить усовершенствованныя орудія. Все это, дѣйствительно, поднимало доходность земли, и, напр., англійскій экономистъ и агрономъ Артуръ Юнгъ, путешествовавшій по Франціи въ эпоху революціи, въ своемъ описаніи этого путешествія то и дѣло отмѣчаетъ превосходство англійской системы крупныхъ фермъ надъ французскимъ крестьянскимъ хозяйствомъ. Физіократы и послѣдователи школы Адама Смита на материкѣ тоже были поклонниками англійскаго фермерскаго хозяйства.

Техническій прогрессъ Англіи въ эту эпоху, дѣйствительно, долженъ былъ всѣмъ бросаться въ глаза и могъ ослѣплять своими результатами, особенно по сравненію съ жалкимъ хозяйствомъ крѣпостныхъ крестьянъ или половниковъ. Въ эпоху континентальной системы англійскіе землевладѣльцы должны были еще болѣе положить денегъ и труда для улучшенія сельскаго хозяйства—въ виду того, что въ эти годы доставка иностраннаго хлѣба въ Англію до-нельзя была затруднена. Но у этого агрономическаго прогресса была и обратная сторона: онъ сопровождался самымъ несомнѣннымъ ухудшеніемъ быта хозяйственныхъ крестьянъ, которые или переходили въ положеніе наемныхъ рабочихъ на фермахъ, или выселялись въ города. Весьма любопытно, что въ XVIII в. самыми населенными графствами были южныя, сельскохозяйственныя, но въ началѣ XIX столѣтія преобладаніе въ смыслѣ населенности стало переходить къ сѣвернымъ, промышленнымъ графствамъ. Несмотря на общій приростъ населенія Англіи, число семействъ, занятыхъ земледѣліемъ, въ ней постепенно уменьшалось: напр., въ 1821 г. ихъ считалось безъ малаго 980 т., а въ 1831 г.—только 960 т. съ небольшимъ. Особенно ужасны были слѣдствія такого обезземеленія въ Ирландіи, настоящей странѣ аграрныхъ угнетеній, голода и эмиграціи.

Такъ создалась въ Англіи крупная поземельная собственность съ крупнымъ же хозяйствомъ, причемъ поддержанію нераздѣльности большихъ помѣстій сильно содѣйствовалъ принципъ заповѣдныхъ имѣній, въ силу котораго землевладѣлецъ имѣетъ лишь пожизненное право на свое помѣстье съ обязательствомъ передачи такого же пожизненнаго права и своему наслѣднику. Въ данную минуту четыре пятыхъ всей земли въ Соединенномъ королевствѣ принадлежитъ лишь семи тысячамъ владѣльцамъ крупныхъ помѣстій, число которыхъ доходитъ до 11 тысячъ, причемъ въ каждомъ помѣстьѣ земли болѣе тысячи акровъ. Цѣлая половина Англіи принадлежитъ 150 лицамъ,

половина Шотландіи—75, половина Ирландіи—35. Одни англійскіе лорды владѣютъ цѣлою четвертью территоріи Англіи, а въ Шотландіи такимъ же количествомъ земли—лишь пять лордовъ. При такомъ распредѣленіи поземельной собственности и при развитіи крупнаго хозяйства экономическій строй Англіи получилъ своеобразный характеръ. Если въ старину въ лицѣ крестьянина-хозяина соединялись землевладѣлецъ, капиталистъ (въ смыслѣ обладателя скота, орудій и запасовъ) и рабочій, то теперь явилось три совершенно различныхъ класса, а именно: лендлорды, получающіе за свою землю ренту, если и ведущіе сами хозяйство, то лишь въ видѣ пріятнаго и здороваго занятія; фермеры-капиталисты, снимающіе землю у первыхъ для полученія изъ нея прибыли на свой капиталъ, и, наконецъ, наемные рабочіе, трудомъ которыхъ, по указанію фермеровъ и подъ ихъ надзоромъ, ведется все хозяйство страны. Эту экономическую организацію дополняла политическая, отдававшая власть въ руки только однихъ богатыхъ классовъ общества, благодаря чему, напр., въ XVIII в. число избирателей въ парламентъ едва ли превышало 200 т.

Сначала въ Англіи соціальное могущество было основано на одномъ землевладѣніи, но еще съ начала XVIII в. богатые коммерсанты, нажившіеся крупною торговлею или мануфактурами, стали энергично скупать земли, усиливая тѣмъ самымъ старую землевладѣльческую аристократію, но вмѣстѣ съ тѣмъ они же начали вносить въ область сельскаго хозяйства коммерческіе расчеты, которые составляли сущность ихъ торговыхъ и промышленныхъ занятій. Англійское земледѣліе получило чисто капиталистическій характеръ, и буржуазія превратилась въ господствующій классъ общества.

Одною изъ главнѣйшихъ основъ экономическаго значенія новѣйшей буржуазіи сдѣлалась обрабатывающая промышленность. Извѣстно, что первыми капиталистами—еще въ средніе вѣка—были крупные купцы, которые только впослѣдствіи стали являться предпринимателями и въ области промышленности. Послѣдняя не могла получать крупныхъ размѣровъ, пока были въ силѣ цеховыя учрежденія, которыми между прочимъ обезпечивалось болѣе или менѣе равномѣрное распредѣленіе ремесленнаго заработка между всѣми работниками одной и той же спеціальности, и которыя, кромѣ того, представляли изъ себя самостоятельныя организаціи ремесленниковъ (имѣвшія нерѣдко и политическое значеніе). Настоящею эпохою процвѣтанія цеховъ была вторая половина среднихъ вѣковъ, но въ новое время они стали приходить въ упадокъ и даже прямо вырождаться въ олигархическія ассоціаціи мастеровъ, не служа болѣе своей первоначальной цѣли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и стѣсняя личную свободу и тормазя техническіе успѣхи производства. Въ числѣ требованій, предъявлявшихся физіо-

кратами, отмѣна цеховъ занимала довольно видное мѣсто, и когда французскій министръ-реформаторъ изъ физіократовъ, Тюрго, задумалъ осчастливить Францію преобразованіями въ духѣ своей экономической теоріи, то однимъ изъ первыхъ его шаговъ въ этомъ направленіи было какъ-разъ уничтоженіе цеховъ. Физіократы были вообще сторонниками экономической свободы, и на этой же точкѣ зрѣнія стоялъ Адамъ Смитъ, тоже доказывавшій, что цеховыя привилегіи нарушаютъ самыя священныя права личности. Равнымъ образомъ на эту же самую точку зрѣнія стало и законодательство французской революціи, уничтожившее цехи и провозгласившее свободу труда. Учредительное собраніе своимъ декретомъ 14 іюня 1791 г. даже запретило „возстановлять всякаго рода корпораціи гражданъ одного и того же состоянія или профессіи подъ какимъ бы то ни было предлогомъ и подъ какимъ бы то ни было видомъ", находя, что всѣ такія корпораціи представляютъ собою посягательство на индивидуальную свободу, въ силу чего, какъ гласилъ декретъ, „если граждане одного и того же ремесла или занятія примутъ рѣшеніе или сдѣлаютъ между собою договоръ отказаться сообща или согласиться только по опредѣленной цѣнѣ содѣйствовать своимъ ремесломъ или своими работами, то означенные рѣшенія и договоры будутъ объявлены противоконституціонными". Такое запрещеніе получило въ высшей степени важное значеніе въ экономической исторіи первыхъ періодовъ XIX в., не дозволяя ни временныхъ, ни постоянныхъ соглашеній между рабочими. Законъ 1791 г. ставилъ рабочаго лицомъ къ лицу съ предпринимателемъ, экономическое превосходство котораго надъ работникомъ, продающимъ лишь свой трудъ, было настолько велико, что, конечно, говорить о равенствѣ условій при заключеніи свободнаго договора въ данномъ случаѣ не приходилось. Позднѣе было сознано, что лишь союзная организація доставляетъ рабочему классу извѣстную равноправность въ предложеніи своего труда предпринимателю, но было время, когда вѣрили въ единую спасающую силу свободной конкурренціи между индивидуальными интересами, хотя бы на одной сторонѣ была вся мощь капитала, а на другой—вся слабость нищеты. Французское законодательство и впослѣдствіи принимало мѣры противъ стачекъ между рабочими, опираясь всегда на одинъ и тотъ же мотивъ—охрану индивидуальной свободы. Совершенно такъ, напр., мотивировалъ запрещеніе стачекъ и союзовъ между рабочими и уголовный кодексъ Наполеона I. Конечно, буржуазія не могла не увидѣть, какую выгоду представляло для нея запрещеніе рабочихъ союзовъ, въ которыхъ, наоборотъ, пролетаріатъ усматривалъ одно изъ средствъ экономической борьбы.

Въ Англіи также рабочіе союзы или коалиціи были строжай-

шимъ образомъ и подъ страхомъ наказанія запрещены закономъ 1800 г., разъ эти соединенія имѣли своею цѣлью совокупное дѣйствіе, клонившееся или къ повышенію платы, или къ уменьшенію рабочаго дня, и принужденіе къ оставленію работы. Этимъ закономъ завершался цѣлый рядъ другихъ подобныхъ же „combinations law“, издававшихся по инціативѣ работодателей и вполнѣ соотвѣтствовавшихъ тогдашней экономической доктринѣ, что одна ничѣмъ не стѣсняемая свобода отдѣльной личности можетъ осуществить матеріальное благополучіе страны. Англійскіе рабочіе, однако, не обращали большого вниманія на запрещенія и, не будучи въ состояніи основывать открытыя ассоціаціи, вступали между собою въ тайныя соглашенія. Въ 1824 г. парламентъ отмѣнилъ наиболѣе стѣснительные изъ всѣхъ этихъ запрещеній, разрѣшивъ рабочимъ основывать союзы для регулированія рабочей платы и продолжительности дневного труда, но такъ какъ въ томъ же году во многихъ мѣстностяхъ произошли среди рабочихъ безпорядки, то уже въ слѣдующемъ году парламентъ внесъ въ данное имъ разрѣшеніе нѣкоторыя ограниченія. Дозволяя именно вступать рабочимъ между собой въ союзы для соглашеній, касающихся платы, законъ 1825 г. налагалъ строгія наказанія за всякія дѣйствія, которыя имѣли бы своею цѣлью принудить кого-либо изъ рабочихъ присоединиться къ придуманнымъ большинствомъ мѣрамъ, причемъ соглашенія подобнаго рода вообще не считались преступными лишь въ томъ случаѣ, если касались только рабочихъ, лично принимавшихъ участіе въ постановленіи извѣстныхъ рѣшеній. Самая редакція закона была такова, однако, что за всякое участіе въ союзѣ можно было рисковать быть отданнымъ подъ судъ. Если обезземеленіе сельской массы создавало для предпринимателей большое предложеніе труда, который можно было—въ силу конкурренціи между самими же рабочими—покупать по дешевой цѣнѣ, то недозволеніе рабочимъ вступать между собой въ соглашенія давало предпринимателямъ возможность имѣть дѣло не съ сильными своею солидарностью ассоціаціями, а съ единичными рабочими, совершенно безсильными передъ мощью капитала.

Новые союзы запрещались, а старые отмѣнялись. Мы только-что упоминали о томъ, что во Франціи цехи пали въ силу декрета національнаго собранія. Въ началѣ XIX столѣтія новый взглядъ на цехи коснулся также и Пруссіи, гдѣ въ XVIII в. дѣйствовало весьма развитое и даже очень мелочное цеховое законодательство, вытекавшее изъ старыхъ основаній моральнаго характера и меркантилистическихъ стремленій полицейскаго государства. Въ концѣ XVIII в. враждебное цехамъ ученіе Адама Смита стало вообще проникать въ Германію, гдѣ скоро необходимость цеховъ была также поставлена подъ

сомнѣніе. Въ первыхъ годахъ XIX в. противъ цеховъ здѣсь былъ даже начатъ настоящій походъ. Въ 1803 г. Іоганнъ Гофманъ, впослѣдствіи знаменитый берлинскій статистикъ, издалъ анонимно брошюру подъ заглавіемъ „Интересъ человѣка и гражданина въ существованіи цехового устройства“ (Interesse des Menschen und Bürgers an der bestehenden Zunftverfassung), о которой впослѣдствіи (1841 г.) самъ же писалъ слѣдующее: „въ моментъ изданія моего труда живо обсуждался вопросъ, слѣдуетъ ли только очистить цехи отъ злоупотребленій или совершенно отмѣнить; но попытки реформъ, начатыя съ давнихъ поръ, имѣли столь малый успѣхъ, что злоупотребленія казались нераздѣльно слитыми съ цеховой системой, и потому оставалось, повидимому, или оставить цехи неприкосновенными, или вовсе ихъ отмѣнить. Перваго никто не желалъ; даже самые горячіе защитники цеховъ требовали исправленія признанныхъ злоупотребленій. Кто такое исправленіе считалъ невозможнымъ, тому оставалось подать голосъ за отмѣну цеховъ“. Это признаніе человѣка, который черезъ сорокъ лѣтъ смотрѣлъ на дѣло нѣсколько другими глазами, въ высшей степени характерно для того времени, хотя нельзя не отмѣтить, что и число защитниковъ цеховой организаціи въ Пруссіи было немалое. Наконецъ, вопросъ о цехахъ въ Пруссіи былъ поставленъ и на практическую почву—въ знаменитую эпоху реформъ. Штейнъ, какъ извѣстно, до своего переѣзда въ Берлинъ занималъ на прусской государственной службѣ должности, которыя между прочимъ заставили его ознакомиться съ фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣломъ, а кромѣ того, онъ ѣздилъ въ Англію, гдѣ изучалъ новѣйшія техническія усовершенствованія и машины. Экономическіе взгляды Штейна опредѣлялись не какими-либо теоріями, до которыхъ онъ вообще не былъ охотникъ, а старою меркантилистическою рутиною и практическими соображеніями реальнаго государственнаго интереса. На цехи, какъ и на многое другое въ общественной жизни, Штейнъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія, противоположной идеямъ французской революціи и экономической школы Адама Смита. „Вопросъ о значеніи цеховъ, писалъ онъ, напр., обсуждаютъ односторонне съ точки зрѣнія государственнаго хозяйства и спрашиваютъ только, поощряютъ ли цехи промышленную дѣятельность. Безъ сомнѣнія, соглашался онъ, въ цеховыхъ учрежденіяхъ есть подробности, направленныя къ ограниченію свободной игры производительныхъ силъ, но эта сторона можетъ быть отчасти смягчена и устранена; при томъ же и неограниченная промышленная свобода имѣетъ свои недостатки: несоотвѣтствіе производства съ потребленіемъ, чрезмѣрное развитіе эгоистическихъ стремленій. Между тѣмъ государство не есть земледѣльческое или фабричное учрежденіе; цѣль его—религіозно-нравственное, умственное и фи-

зическое развитіе гражданъ; путемъ своихъ установленій государство должно создать сильное, смѣлое, нравственное и интеллигентное поколѣніе, а не только поколѣніе искусное и производящее". Поэтому Штейнъ смотрѣлъ на цехи, какъ на весьма хорошее орудіе для достиженія моральныхъ цѣлей государства, и, думая о городскомъ самоуправленіи, хотѣлъ удержать раздѣленіе городскихъ жителей на цехи, такъ какъ безъ этой организаціи не было бы никакой связи между отдѣльными лицами. Многіе взгляды Штейна по цеховому вопросу раздѣлялъ и Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, впослѣдствіи ихъ, однако, измѣнившій, а изъ сотрудниковъ Штейна развѣ одинъ только Шёнъ, какъ поклонникъ наибольшей экономической свободы, являлся противникомъ этого учрежденія. Иначе, чѣмъ Штейнъ, думалъ о цехахъ Гарденбергъ, но его программа была очень проста, тѣмъ болѣе, что онъ не входилъ въ сколько-нибудь глубокое обсужденіе вопроса и мало вообще понималъ экономическіе вопросы, мало ими даже и интересовался. Нужно замѣтить, что въ эту эпоху съ цеховымъ ремесломъ въ Пруссіи еще не вступало въ соперничество фабричное производство, такъ что даже черезъ полвѣка (1861 г.) здѣсь число ремесленниковъ превышало въ значительной мѣрѣ число фабричныхъ рабочихъ (первыхъ въ старыхъ провинціяхъ Пруссіи было около 6%, тогда какъ вторыхъ—немногимъ болѣе 4% общей цифры населенія).

Мы не станемъ здѣсь слѣдить за тѣмъ, какія мѣры принимались правительствомъ при Штейнѣ и въ министерство Дона-Альтенштейна для регулированія ремесленныхъ отношеній, тѣмъ болѣе, что вопросъ этотъ находился въ самой тѣсной связи съ подробностями прусской податной системы, разсматривать которыя здѣсь было бы и неумѣстно. Только Гарденбергъ, вернувшійся къ власти въ 1810 г., издалъ общія распоряженія, касавшіяся цеховъ и устанавливавшія въ Пруссіи промышленную свободу. Мѣра эта, впослѣдствіи многими порицавшаяся, была вызвана фискальными потребностями разореннаго и обложеннаго тяжелою военною контрибуціею государства. 2 ноября 1810 г. вышло въ свѣтъ королевское распоряженіе о введеніи всеобщаго промысловаго налога, въ силу котораго всѣ желающіе продолжать ремесло, торговлю или другое промышленное занятіе,—все равно, въ городахъ ли, въ селахъ ли,—обязаны были покупать особые патенты, отъ чего не могли освободить никакія цеховыя привилегіи, и разъ кто получалъ такой патентъ, тому можно было свободно заниматься своимъ промысломъ на всемъ пространствѣ прусской монархіи безъ какой бы то ни было помѣхи со стороны какихъ бы то ни было корпорацій. Послѣднее значило, что такъ называемый Zunftzwang, т.-е. монополія цеховъ, въ силу которой заниматься извѣстнымъ ремесломъ въ извѣстной мѣстности могли лишь лица, входившія въ данную цеховую орга-

низацію, былъ отмѣненъ, и такимъ образомъ была уничтожена одна изъ главнѣйшихъ особенностей цехового устройства, хотя законъ прямымъ образомъ послѣдняго и не касался. Между тѣмъ особая коммиссія еще съ 1808 г. работала надъ вопросомъ, что дѣлать съ цехами, и уже въ началѣ 1810 г. въ ней пришли къ тому рѣшенію, что цехи нужно уничтожить: въ пользу такого рѣшенія ссылались на право человѣка свободно распоряжаться своимъ трудомъ, на выгоды, которыя свободная конкурренція приноситъ публикѣ, на экономическую теорію и на примѣръ французовъ, отмѣнившихъ цехи въ Вестфаліи, куда, пожалуй, говорили нѣкоторые, станутъ выселяться поэтому прусскіе ремесленники. При этомъ коммиссія вовсе не находила нужнымъ подвергнуть изслѣдованію состояніе прусской ремесленной промышленности, хотя и были отдѣльныя лица, совѣтовавшія, по крайней мѣрѣ, осторожность въ такомъ важномъ дѣлѣ. Но Гарденбергъ, стремившійся въ сущности только къ тому, чтобы найти новые источники доходовъ вродѣ промысловаго налога, стоялъ на своемъ, не входя въ подробности сложнаго дѣла цеховой организаціи, тѣмъ болѣе, что у него передъ глазами было весьма простое рѣшеніе вопроса—уничтоженіе цеховъ во Франціи и отмѣна ихъ французами въ Вестфальскомъ королевствѣ. 7-го сентября 1811 г. вышелъ въ свѣтъ королевскій указъ „о полицейскихъ отношеніяхъ промысловъ въ дополненіе къ распоряженію 2 ноября 1810 г. о введеніи всеобщаго промысловаго налога". Въ силу этого закона принадлежность къ цеху ничего не измѣняла въ положеніи ремесленника, и многія права цеховъ отходили къ полицейской власти. Члены цеховъ могли свободно ихъ покидать, хотя и не избавляясь отъ принятыхъ раньше по отношенію къ цеху обязательствъ, да и самые цехи могли прекращать свое существованіе, разъ въ пользу этого высказалось бы большинство участниковъ. Цеховые подмастерья получили право работать у нецеховыхъ ремесленниковъ. Интереснѣе всего то, что, несмотря на провозглашенную свободу, полицейской власти предоставлялось по усмотрѣнію или закрывать цехи, или, наоборотъ, заставлять ремесленниковъ соединяться въ цехи: бюрократическія привычки были сильнѣе свободныхъ принциповъ. Таковъ былъ смыслъ закона 1811 г., низводившаго цехи на степень частныхъ союзовъ безъ тѣхъ правъ, которыя дѣлали ихъ посредниками во многихъ отношеніяхъ между отдѣльнымъ лицомъ и государствомъ, и это было результатомъ вообще вражды новыхъ идей къ корпоративному началу. Законы 2 ноября 1810 г. и 7 сентября 1811 г. легли въ основу дальнѣйшей прусской политики по отношенію къ занятію ремеслами [1].

[1]) *G. Schmoller*. Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe in XIX Jahrhundert. 1870.

Хотя мѣра Гарденберга и была продиктована ему фискальными соображеніями, но нельзя отрицать и того, что для ея оправданія были притянуты новыя политическія и экономическія идеи.

И французское законодательство 1791 г., и прусское 1810—1811 гг. относятся къ той же категоріи явленій, къ числу которыхъ принадлежитъ также паденіе старыхъ цеховыхъ стѣсненій промышленности и въ Англіи. Здѣсь имѣлъ весьма важное значеніе изданный еще при королевѣ Елизаветѣ въ 1562 г. общій законъ объ ученичествѣ, которымъ должны были управляться городскія ремесла. Сущность этого закона состояла въ томъ, что мастеромъ или подмастерьемъ въ каждомъ ремеслѣ можно было сдѣлаться лишь послѣ семилѣтняго ученичества; хозяинъ обязанъ былъ на каждыхъ трехъ учениковъ держать одного подмастерья; рабочій день долженъ былъ продолжаться въ лѣтніе мѣсяцы не болѣе 12 часовъ, а въ зимніе—пока свѣтитъ солнце; срокъ для найма на работу полагался не менѣе, какъ годовой; наконецъ, плату на каждый годъ должны были устанавливать мировые судьи и городскія власти съ тѣмъ расчетомъ, чтобы рабочій былъ обезпеченъ этою платою и въ хорошіе, и въ дурные годы. Мы еще увидимъ, что при развитіи фабричной промышленности этотъ законъ сталъ все чаще и чаще нарушаться. И мастера, и рабочіе, которымъ грозили конкурренція фабрикъ и ухудшеніе условій труда, стали жаловаться въ суды на то, что законъ объ ученичествѣ не соблюдается. Во многихъ случаяхъ суды считали доказанными нарушенія закона и выносили фабрикантамъ обвинительные приговоры. Крупнымъ предпринимателямъ оставалось теперь только хлопотать въ парламентѣ объ отмѣнѣ закона объ ученичествѣ. Въ 1803 г. они добились того, что дѣйствіе закона было пріостановлено на годъ для шерстяной промышленности, и затѣмъ эта пріостановка возобновлялась сряду нѣсколько лѣтъ, каждый разъ на одинъ годъ, пока въ 1809 г. не произошла окончательная отмѣна закона для упомянутой отрасли промышленности. Прошло еще пять лѣтъ, и въ 1814 г. послѣдовала полная отмѣна закона и по отношенію ко всѣмъ другимъ родамъ промышленности.

Это уничтоженіе стариннаго ремесленнаго закона стоитъ въ тѣсной связи съ замѣною прежняго мелкаго производства цеховыхъ ремесленниковъ новыми формами промышленности. Если исключить семейную промышленность [1]), которая имѣетъ въ виду не продажу продукта на рынкѣ, а потребленіе его самою семьею, то можно подвести всѣ остальныя формы промышленности подъ три категоріи съ переходами

---

[1]) Familienindustrie, по терминологіи Гельда въ книгѣ, названной въ главѣ XXII. Вся дальнѣйшая классификація принадлежитъ этому писателю.

отъ одной къ другой. Это суть именно промышленность ремесленная, промышленность домашняя и промышленность фабричная. Цеховое устройство было организаціей промышленности ремесленной, расчитанной на сбытъ выдѣлываемыхъ продуктовъ, причемъ въ работѣ непосредственно участвовалъ самъ хозяинъ производства, являвшійся вмѣстѣ съ тѣмъ собственникомъ какъ орудій производства, такъ и обрабатываемаго матеріала и работавшій при помощи наемныхъ рабочихъ или безъ такой помощи. Эта форма переходитъ въ промышленность домашнюю, которая отличается отъ ремесленной лишь тѣмъ, что предпринимателемъ является тутъ купецъ, который, во-первыхъ, самъ работаетъ, давая лишь работу другимъ, а во-вторыхъ, остается собственникомъ сырого матеріала и вырабатываемаго изъ него продукта, вознаграждая производителей платою за исполненіе заказа, выдѣлываемаго производителями въ домашней обстановкѣ. Въ фабричной промышленности хозяинъ, точно также самъ не работающій, нанимаетъ рабочихъ, которые приходятъ уже работать въ спеціально предназначенныя для того помѣщенія, принадлежащія предпринимателю. Исторія тѣхъ производствъ, которыя по существу могутъ быть совершаемы на фабрикахъ, состояла въ постепенной замѣнѣ ремесленнаго способа способомъ домашнимъ, а этого послѣдняго—фабричнымъ. Меркантилизмъ, заботившійся о возможно большемъ вывозѣ товаровъ за границу, сильно поощрялъ развитіе фабрикъ или, какъ ихъ называли во Франціи, „соединенныхъ мануфактуръ" (Manufactures reunies), прибѣгая ко всѣмъ средствамъ, какія только были въ распоряженіи государства, чтобы эти соединенныя мануфактуры процвѣтали, хотя бы этому приходилось жертвовать другими интересами. „Обращаютъ вниманіе,—писалъ, напр., Мирабо,—обращаютъ вниманіе на большія мануфактуры, гдѣ работаютъ сотни людей подъ управленіемъ одного директора, и которыя обыкновенно называются соединенными мануфактурами. Тѣ же производства, въ которыхъ занято тоже большое количество рабочихъ, но разъединенныхъ, и гдѣ каждый работаетъ за свой собственный счетъ, едва удостоиваются вниманія... Соединенная фабрика, продолжаетъ онъ, чрезвычайно обогащаетъ одного или двухъ предпринимателей; рабочіе же здѣсь только простые наймиты, получающіе болѣе или менѣе значительную плату, но вовсе не участвующіе въ выгодахъ предпринимателя. Въ раздѣленной же фабрикѣ, наоборотъ, никто не дѣлается богатымъ, но множество работниковъ пользуется благосостояніемъ". Въ XVII и XVIII вв. правительства, заботившіяся о развитіи крупной промышленности, поощряли заведеніе такихъ „соединенныхъ мануфактуръ" посредствомъ разнаго рода монополій, привилегій, льготъ и субсидій. „Зачѣмъ, спрашиваетъ Мирабо, ходить далеко за причиной блеска саксонскихъ мануфактуръ

передъ семилѣтнею войною? Объясняютъ его 180 милліоновъ государственнаго долга". Конечно, не одна поощрительная дѣятельность государства играла роль въ замѣнѣ мелкаго производства ремесленниковъ и кустарей производствомъ „соединенныхъ мануфактуръ". Здѣсь могущественно дѣйствовали прежде всего общія условія экономической эволюціи. При господствѣ цехового строя каждый городъ работалъ главнымъ образомъ только для своего внутренняго рынка, тѣмъ болѣе, что пути сообщенія были очень плохи, и перевозка значительнаго количества товаровъ изъ одного мѣста въ другое не могла поэтому получить большого развитія. Кромѣ того, дурное состояніе путей сообщенія препятствовало и перемѣщенію самихъ рабочихъ изъ одного города въ другой.

Огражденные отъ внѣшней конкурренціи, предприниматели и внутреннюю конкурренцію ограничивали цеховыми уставами, потому что послѣдніе имѣли въ виду равномѣрное распредѣленіе заработка между всѣми мастерами одного и того же ремесла,—а потому могли сообща устанавливать и нормальныя цѣны своихъ продуктовъ, включая въ число расходовъ производства не тотъ minimum рабочей платы, который не позволяетъ рабочему умереть съ голода, а то, что имъ, хозяевамъ, дѣйствительно стоило содержаніе подмастерьевъ и учениковъ, жившихъ съ ними, почти какъ члены ихъ семействъ. По мѣрѣ того, какъ развивалась торговля и производство стало расчитываться для сбыта продуктовъ на самыхъ отдаленныхъ рынкахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ за обладаніе одними и тѣми же рынками началось соперничество между отдѣльными промышленными націями, только-что изображенное положеніе дѣлъ стало измѣняться: начавъ работать на рынокъ гораздо бо̀льшихъ размѣровъ, чѣмъ прежде, и желая побѣдить соперниковъ бо̀льшею дешевизною товара, предприниматели, во-первыхъ, стали стремиться къ расширенію своего производства, для чего начали увеличивать число своихъ рабочихъ; а во-вторыхъ, стали уменьшать расходы производства, главнымъ образомъ посредствомъ пониженія рабочей платы. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, напр., въ Англіи ранѣе всего сталъ нарушаться упомянутый законъ объ ученичествѣ— и притомъ задолго до возникновенія крупныхъ фабрикъ—въ тѣхъ производствахъ, которыя имѣли сбытъ на внѣшнихъ рынкахъ. Рабочіе жаловались на частыя нарушенія закона, и судами, какъ мы видѣли, ихъ жалобы принимались, но предприниматели тогда стали обходить законъ весьма простымъ способомъ. Онъ былъ изданъ только для городскихъ промысловъ и, слѣдовательно, внѣ городовъ не имѣлъ силы, такъ что стоило лишь перевести производство въ деревню, и никто не могъ обвинить въ нарушеніи закона за какое угодно увеличеніе числа рабочихъ и за назначеніе имъ какой угодно платы. Благодаря

этому, въ новыхъ условіяхъ деревенскаго быта, не подчинявшагося цеховой регламентаціи, въ Англіи стало развиваться, напр., крупное суконное производство на совершенно новыхъ началахъ. До конца XVIII в. здѣсь дѣйствовалъ средневѣковой законъ, въ силу котораго лишь тотъ могъ доставить сукно для продажи въ особомъ для того предназначенномъ помѣщеніи, кто самъ пробылъ ученикомъ узаконенное число лѣтъ; но перемѣны, происшедшія въ суконномъ производствѣ, оказались настолько значительными, что этотъ законъ не соотвѣтствовалъ болѣе условіямъ дѣйствительности, и въ 1796 г. онъ былъ уже отмѣненъ, какъ вскорѣ отмѣненъ былъ для той же промышленности и законъ объ ученичествѣ. Въ началѣ XIX в. суконное производство находилось въ разныхъ мѣстностяхъ Англіи или въ рукахъ мелкихъ ремесленниковъ, или въ рукахъ крупныхъ предпринимателей, отдававшихъ сырой матеріалъ для домашней выдѣлки или выдѣлывавшихъ его въ собственныхъ заведеніяхъ, гдѣ иногда уже пользовались вновь изобрѣтенными машинами. Еще во многихъ мѣстностяхъ Англіи суконщики жили въ деревняхъ, не отрываясь отъ сельскаго хозяйства, и производили сукно при помощи немногихъ рабочихъ, помѣщавшихся и работавшихъ у нихъ, почти какъ члены ихъ семей. Что касается до большихъ фабрикъ, гдѣ введены были машины, то на нихъ уже работали и женщины, и дѣти, и старый законъ объ ученичествѣ совсѣмъ не соблюдался.

Въ 1802 г. кое-гдѣ введеніе машинъ встрѣчено было сопротивленіемъ рабочихъ, ссылавшихся на законы, которые были противъ этого, и обратившихся въ парламентъ съ просьбою поддержать всѣ старые статуты, изданные для огражденія интересовъ работниковъ. Съ своей стороны, и крупные предприниматели стали просить, чтобы парламентъ отмѣнилъ всѣ стѣсненія, препятствовавшія развитію фабричнаго производства. Для изслѣдованія этого вопроса парламентъ назначилъ особую коммиссію, которая весьма добросовѣстно отнеслась къ своей обязанности и разспрашивала обѣ заинтересованныя стороны (1806). Рабочіе въ своихъ показаніяхъ относительно условій фабричнаго труда сходились довольно единодушно на томъ, что фабрика не обезпечиваетъ постояннаго заработка. Когда спросъ на сукно былъ большой, фабриканты поднимали рабочую плату и переманивали къ себѣ рабочихъ отъ мастеровъ, но стоило лишь уменьшиться спросу на товаръ, какъ тотчасъ же фабриканты часть рабочихъ распускали и понижали плату за трудъ тѣхъ, которыхъ у себя оставляли. Затѣмъ рабочіе указывали на то, что и въ моральномъ отношеніи имъ лучше работать на мелкихъ мастеровъ, которые все-таки—свой братъ и заботятся о рабочемъ человѣкѣ, тогда какъ фабриканты только и думаютъ объ одномъ, какъ бы побольше выгадать. Наконецъ, рабочіе гово-

рили, что имъ гораздо пріятнѣе заниматься своимъ дѣломъ у себя дома или въ небольшихъ мастерскихъ, чѣмъ въ обычной обстановкѣ фабрикъ. Мы видѣли, однако, что парламентъ, отмѣнивъ законъ объ ученичествѣ, исполнилъ въ сущности желаніе фабрикантовъ. Ихъ стремленіямъ, подводившимся подъ общее понятіе экономической свободы, вполнѣ соотвѣтствовали и теоретическія воззрѣнія въ области народнаго хозяйства, господствовавшія въ ту эпоху. Соображеніями общаго блага, которое должно было получиться изъ свободной конкурренціи, фабриканты, часто сами выходившіе изъ класса мелкихъ торговцевъ или мастеровъ путемъ простого кулачества, старались оправдать свои эгоистическія поползновенія, имѣя въ виду лишь одно—создать такія условія, чтобы имъ ничто не мѣшало развивать свое крупное производство. Этотъ процессъ образованія крупной промышленности состоялъ, какъ было сказано, въ постепенномъ паденіи ремесленнаго производства, которое замѣнялось домашнимъ и переходило въ фабричное, такъ что сначала фабрика была лишь перемѣщеніемъ въ одно зданіе, напр., ткацкихъ станковъ, находившихся раньше въ жилищахъ самихъ рабочихъ. Напр., въ окрестностяхъ Манчестера было очень развито въ XVII в. изготовленіе бумажныхъ тканей мѣстными сельскими ремесленниками, у которыхъ этотъ товаръ скупался городскими торговцами. Уже въ началѣ XVIII в. послѣдніе начинаютъ сами раздавать пряжу ткачамъ, и одинъ такой предприниматель еще въ первой половинѣ XVIII столѣтія давалъ такимъ образомъ занятіе шести стамъ станковъ. Затѣмъ предприниматели, отъ которыхъ ткачи стали теперь уже болѣе зависѣть, нашли нужнымъ установить надзоръ за цѣлостью отпускаемаго ткачамъ матеріала и за добротою выдѣлываемой ткани, чего легче всего было достигнуть въ соединенныхъ мастерскихъ, и таковыя стали заводиться въ городѣ, иногда на нѣсколько десятковъ станковъ. Мало-по-малу въ такой соединенной мастерской установилось раздѣленіе труда, когда было найдено, что дѣло идетъ быстрѣе, успѣшнѣе и чище, если каждая подробность производства поручается одному какому-либо рабочему, тѣмъ болѣе, что для этого и не требовалось длинной выучки. Съ такими фабриками мелкимъ мастерамъ конкуррировать было уже трудно, и имъ предстояло погибнуть, превратившись въ наемныхъ рабочихъ. Напрасно они старались спасти себя, хлопоча о соблюденіи старыхъ законовъ цехового происхожденія, ограждавшихъ ихъ интересы,—законы эти оказались безсильными, а затѣмъ и вовсе были отмѣнены. Между тѣмъ фабриканты, наоборотъ, требовали расширенія промышленной свободы. Въ 1820 году лондонская Сити подала парламенту петицію о необходимости введенія свободной торговли, съ которой начинается агитація въ смыслѣ уничтоженія стѣсненій для ввоза иностранныхъ товаровъ.

Если обезземеленіе сельской массы создало рабочій пролетаріатъ, и паденіе цеховъ уничтожило послѣднія стѣсненія, которымъ подвергалось зародившееся крупное производство, то введеніе машинъ, совершившее настоящій переворотъ во всѣхъ областяхъ промышленнаго труда, окончательно утвердило господство капиталистическаго производства, создавъ новыя условія для рабочаго пролетаріата и завершивъ вытѣсненіе мелкихъ способовъ производства крупною промышленностью. Въ данномъ случаѣ намъ опять придется говорить объ Англіи, гдѣ было изобрѣтено наибольшее количество машинъ и гдѣ ранѣе всего онѣ были примѣнены къ производству.

Изобрѣтеніе машинъ, замѣняющихъ и облегчающихъ трудъ человѣка, было однимъ изъ величайшихъ факторовъ экономическаго прогресса, будучи въ то же самое время результатомъ прогресса культурнаго—развитія иниціативы, знаній, власти надъ силами природы. „Если бы, писалъ Аристотель въ своей „Политикѣ“,—если бы каждое орудіе по приказанію человѣка или по собственному предусмотрѣнію само могло исполнять свое дѣло, подобно тому, какъ разсказываютъ о произведеніяхъ Дедала и о треножникахъ Гефеста, которые сами собою катились въ сонмъ боговъ,—такъ если бы челноки сами ткали, а плектры сами играли на киѳарѣ, тогда бы мастерамъ не было никакой нужды въ слугахъ, а господамъ въ рабахъ“. Вотъ уже почему въ древности привѣтствовали изобрѣтеніе новыхъ машинъ. Когда, напр., въ первомъ вѣкѣ до Р. X. была изобрѣтена водяная мельница, поэтъ Антипаръ такъ привѣтствовалъ ея появленіе: „Поберегите свои руки, мельничихи, и спите спокойно. Пѣтуху уже нечего извѣщать васъ о наступленіи утра. Дэо поручила работу дѣвушекъ нимфамъ, и вотъ теперь онѣ прыгаютъ легко по колесамъ, такъ что завертѣвшіяся оси сами приводятъ въ движеніе жерновъ. А мы заживемъ теперь былою жизнью отцовъ и безъ труда будемъ пользоваться тѣми дарами, которые даетъ намъ богиня“. Между тѣмъ, какъ мы увидимъ, машины, которыя были изобрѣтены и введены въ употребленіе въ Англіи въ концѣ XVIII в., были встрѣчены рабочими далеко недружелюбно и на самомъ дѣлѣ не осуществили „жизни боговъ“, о которой говоритъ греческій поэтъ. Это произошло вслѣдствіе того, что при существовавшихъ въ Англіи соціальныхъ условіяхъ машины явились не помощницами рабочихъ, а ихъ конкуррентками и отнюдь не облегчили ихъ труда, наоборотъ, сдѣлавъ его даже еще болѣе тяжелымъ.

Если мы возьмемъ машину въ ея, такъ сказать, общей схемѣ, то различимъ въ ней три части, изъ которыхъ одну можно назвать двигательною машиною, другую рабочею машиною въ тѣсномъ смыслѣ, а третью—передаточнымъ механизмомъ, состоящимъ изъ колесъ, ва-

ловъ, ремней и т. п. Роль двигательной машины въ производствѣ могутъ играть люди, животныя или силы природы, напр., вода или вѣтеръ, какъ это мы видимъ въ водяныхъ или вѣтряныхъ мельницахъ. До изобрѣтенія паровой машины въ зарождавшемся фабричномъ производствѣ роль движущей силы играла вода, что заставляло предпринимателей строить свои мануфактуры по берегамъ рѣкъ, гдѣ они могли бы пользоваться этою даровою силою природы для того, чтобы приводить въ движеніе разныя машины. Паровая машина была изобрѣтена Джемсомъ Уаттомъ, взявшимъ на нее привилегію въ 1769 г. Первое ея примѣненіе было совершено въ горнозаводскомъ дѣлѣ, и лишь въ 1785 г. былъ сдѣланъ опытъ замѣны паромъ воды и на одной бумагопрядильной фабрикѣ; этотъ опытъ оказался настолько удачнымъ, что паровая машина стала весьма быстро распространиться, такъ какъ для всѣхъ было ясно преимущество пара передъ водою. Водяная сила, такъ сказать, прикована къ извѣстному мѣсту, зависитъ отъ атмосферическихъ условій, не можетъ быть увеличиваема по произволу, тогда какъ паровую машину можно поставить, гдѣ угодно, работаетъ она независимо отъ временъ года и отъ погоды и можетъ развить ту или другую силу по желанію человѣка. Если раньше крупные предприниматели устраивали свои заведенія въ деревняхъ, отчасти въ обходъ закона объ ученичествѣ, отчасти ища береговъ какой-либо рѣки, то теперь, особенно послѣ отмѣны упомянутаго закона, это сдѣлалось совсѣмъ ненужнымъ, и фабрики, на которыхъ движущею силою былъ паръ, стали переноситься въ города, гдѣ легче было достать и сосредоточить въ одномъ мѣстѣ рабочихъ. Далѣе, для паровой машины требовалось топливо, которое доставляли въ обильномъ количествѣ каменноугольныя копи, и введеніе паровой машины не только повлекло за собою развитіе каменноугольной промышленности, но и содѣйствовало перенесенію фабрикъ, а съ нимъ и переселенію рабочихъ въ сѣверныя графства Англіи, богатыя ископаемымъ топливомъ и желѣзомъ, въ которомъ тоже нуждались новыя фабрики, работавшія паровыми машинами. Вотъ почему, съ одной стороны, экономическая жизнь Англіи отхлынула съ юга на сѣверъ, а съ другой—такъ сильно возросло населеніе городовъ, причемъ возникли даже новые города, обязанные своимъ происхожденіемъ исключительно простому скопленію въ одномъ мѣстѣ рабочаго люда, связаннаго между собой лишь трудомъ на однѣхъ и тѣхъ же фабрикахъ.

Прежде нежели въ самомъ концѣ XVIII в. стали вводиться въ хлопчатобумажной, льняной и шерстяной промышленности новыя двигательныя машины, дѣйствовавшія паромъ, было изобрѣтено нѣсколько машинъ рабочихъ, которыя уже были примѣнены къ производству разныхъ предметовъ и продолжали изобрѣтаться и впослѣд-

ствіи. Въ промышленности мало одной движущей силы, нужны еще инструменты, имѣющіе непосредственное дѣло съ объектомъ труда. Сущность всякой рабочей машины заключается въ томъ, что она исполняетъ тѣ же самыя операціи, какія исполнялъ прежде рабочій при помощи инструментовъ подобнаго же рода. Все различіе заключается въ томъ, что рабочій можетъ дѣйствовать лишь однимъ инструментомъ, машина же—цѣлою массою инструментовъ, а иногда, кромѣ того, производить работу одновременно и инструментами разнаго рода. Это свойство рабочей машины, несомнѣнно, влечетъ за собою сокращеніе человѣческаго труда, и тамъ, гдѣ для полученія въ прежнее время извѣстнаго количества продукта нужно было очень большое число рабочихъ часовъ (напр., 27 тысячъ часовъ для превращенія 366 ф. хлопка въ пряжу), послѣ введенія прядильной машины требовалось уже очень немного времени (150 часовъ для произведенія только-что указанной работы, т.-е. въ сто восемьдесятъ шесть разъ меньше). Еще въ тридцатыхъ годахъ XVIII в. Уайеттъ (Wyatt) изобрѣлъ машину, „которая могла прясть безъ помощи пальцевъ“ (1735). Изобрѣтатель этой машины устроилъ въ 1741 г. бумагопрядильную фабрику, но она въ ходъ не пошла и была скоро закрыта. Въ 1769 г. прядильную машину усовершенствовалъ Аркрайтъ и взялъ на нее патентъ, назвавъ ее „ватерною“ (водяною), такъ какъ для приведенія ея въ движеніе требовалась сила, болѣе значительная, чѣмъ сила рукъ. Черезъ два года послѣ этого онъ устроилъ свою фабрику, которая стала давать ему большіе барыши. Около того же времени (1770) простой ткачъ Гаргривсъ изобрѣлъ ручную прядильную машину („Дженни“), заразъ дававшую восемь нитокъ, вмѣсто одной, и сталъ работать на этой прялкѣ въ своемъ домѣ. Въ 1779 г. Кромптонъ искусно комбинировалъ оба изобрѣтенія, чтобы создать новую машину, которая, благодаря позднѣйшимъ еще усовершенствованіямъ, сдѣлала возможнымъ то, что въ настоящее время достаточно одного человѣка для надзора за работой 12 тысячъ веретенъ. Это былъ цѣлый переворотъ въ прядильномъ дѣлѣ, но скоро была изобрѣтена и ткацкая машина. Ея изобрѣтатель Карткрайтъ взялъ на нее привилегію въ 1785 г., но его „механическій станокъ“ потребовалъ еще много усовершенствованій, такъ что получилъ свой окончательный видъ лишь въ 1813 г. Это были главныя машины, но рядомъ съ ними можно указать на нѣсколько менѣе важныхъ изобрѣтеній, каковы: машинное производство кружевъ (1777), набойка коленкора цилиндрами (1785), тонкопрядильная и чеканная машины (1788), механическое чесаніе шерсти (1790), стругальная машина (1791), машинная выдѣлка канатовъ (1793), молотильная машина (1798) и т. п.

Но если машины сокращаютъ трудъ, откуда же та противъ нихъ

оппозиція со стороны рабочихъ, съ которой мы встрѣчаемся въ началѣ XIX в.? Дѣло объясняется тѣмъ, что машины вступили въ конкурренцію съ ручнымъ трудомъ, и представители послѣдняго подверглись многимъ бѣдствіямъ, причины которыхъ лежали именно въ машинномъ производствѣ. Введеніе машинъ на фабрикахъ было равносильно тому, какъ если бы сразу явилась масса новыхъ рабочихъ, и они оставили бы старыхъ рабочихъ безъ обычнаго заработка: гдѣ прежде нужно было много рабочихъ, оказывалось нужнымъ теперь меньшее ихъ количество, и это отражалось пагубнымъ образомъ на всемъ классѣ. Мало того: прежде рабочая плата опредѣлялась потребностями семьи рабочаго, машины же сдѣлали возможнымъ широкое примѣненіе женскаго и дѣтскаго труда, вступившаго тоже въ конкурренцію съ трудомъ взрослыхъ мужчинъ, рабочая плата которыхъ и стала теперь опредѣляться однѣми личными ихъ потребностями. Раньше глава семейства работалъ одинъ для содержанія всей своей семьи, теперь для этого его рабочая плата была слишкомъ мала, и сдѣлалось нужнымъ прибѣгать къ труду женщинъ и дѣтей, къ которому охотно обратились и фабриканты, платившіе женщинамъ и дѣтямъ меньше, чѣмъ взрослымъ рабочимъ, и находившіе еще выгоду въ томъ, что эти новые рабочіе, будучи менѣе сильными, нерѣдко оказывались, однако, болѣе ловкими и добросовѣстными, а это въ машинномъ производствѣ имѣло иногда болѣе важное значеніе, чѣмъ физическая сила. Далѣе, въ рукахъ мелкаго производителя машина въ родѣ самопрялки была бы только средствомъ сокращенія или облегченія труда, но фабрикантъ смотрѣлъ на машину съ точки зрѣнія наживы. Машина обыкновенно стоила дорого, и ея владѣлецъ стремился къ тому, чтобы она поскорѣе себя окупила, а при новыхъ изобрѣтеніяхъ и усовершенствованіяхъ нужно было и вообще поскорѣе извлекать изъ старыхъ машинъ все, что̀ онѣ могли дать,—изнашиваясь притомъ не отъ одной работы, но и отъ времени,—такъ какъ только при этомъ условіи можно было безъ убытка или съ наибольшей прибылью замѣнить старую машину новою. Поэтому фабрикантъ заставлялъ ее дѣйствовать и день, и ночь, какъ своего рода perpetuum mobile, но достигнуть такого результата можно было лишь путемъ произвольнаго удлиненія рабочаго дня, что́ и случилось на самомъ дѣлѣ. Кромѣ того, работа на фабрикахъ, гдѣ скучены были массы народа, и монотонность самой работы при машинахъ тоже неблагопріятно дѣйствовали на рабочихъ и вызывали съ ихъ стороны протесты. Какое вліяніе оказали машины на удлиненіе рабочаго времени, можно видѣть изъ того, что если раньше законодательнымъ путемъ старались увеличить рабочій день, то въ XIX в., наоборотъ, хлопотали уже объ его уменьшеніи. Бывало, что прежде десять ча-

совъ въ сутки считалось maximum'омъ, а въ XIX в. случалось, что для дѣтскаго труда minimum полагался въ двѣнадцать часовъ. Въ 1770 г. въ англійскомъ рабочемъ домѣ заставляли работать по 12 ч. въ сутки, и это дало поводъ называть рабочій домъ домомъ ужаса, но въ 1833 г. парламентъ устанавливалъ 12 ч. въ сутки для подростковъ 13 — 18 лѣтъ. Притомъ и качественно работа не сдѣлалась болѣе легкою. Вотъ что̀, напр., говорилъ лордъ Ашлей въ парламентѣ въ 1844 г.: „трудъ, занятый въ настоящее время фабричными процессами, втрое болѣе того, который былъ при введеніи ихъ. Машина, безъ сомнѣнія, замѣнила мускулы милліоновъ людей, но она въ то же время изумительно увеличила трудъ рабочихъ, подчиненный ея ужасному движенію. Трудъ слѣдованія за двумя прядильными машинами для полученія пряжи № 40 требовалъ въ 1815 г. восемь миль ходьбы, а въ 1821 г. ходьба при пряденіи того же самаго нумера составляла въ теченіе 12 часовъ уже двадцать и болѣе миль". Чѣмъ болѣе улучшались машины, тѣмъ меньшаго количества рабочихъ онѣ требовали и тѣмъ болѣе ускоряли самый процессъ производства. Для того, чтобы слѣдить за дѣйствіемъ машины, отъ рабочаго стала требоваться прежде всего ловкость, сноровка, напряженное вниманіе, и чѣмъ больше развивалось фабричное раздѣленіе труда, тѣмъ болѣе детальные рабочіе превращались въ простыхъ слугъ машины, въ своего рода автоматы. Итакъ, машина явилась не помощницей рабочаго, а его конкурренткой,—не для того, чтобы облегчить его трудъ, а для того, чтобы привлечь къ этому труду его жену и дѣтей, и, наконецъ, вмѣсто того, чтобы сократить рабочее время и облегчить самый процессъ производства, удлинила рабочій день и сдѣлала самый трудъ болѣе утомительнымъ. Не мудрено, что противъ введенія машинъ стали высказываться не только рабочіе, но и нѣкоторые теоретики политической экономіи, и что такой экономистъ, какъ Милль, писалъ впослѣдствіи: „еще вопросъ, облегчили ли сдѣланныя до сихъ поръ механическія изобрѣтенія дневной трудъ хотя бы одного человѣческаго существа" (слѣдовало бы прибавить: „живущаго своимъ трудомъ").

Замѣтимъ еще, что одновременно съ введеніемъ машинъ происходило въ Англіи улучшеніе путей сообщенія, облегчавшее сбытъ фабрикатовъ. Съ семидесятыхъ годовъ XVIII в. стала развиваться сѣть водяныхъ сообщеній (каналовъ), которая связала вмѣстѣ всѣ промышленныя мѣстности Англіи, а въ двадцатыхъ годахъ усиленно строились въ Англіи шоссе, въ концѣ же разсматриваемаго періода (съ 1827 г.) появились и первыя желѣзныя дороги.

Таковы были главнѣйшія явленія, которыя произвели экономическій переворотъ конца XVIII и начала XIX в. Обезземеленіе создало пролетаріатъ, которымъ воспользовалась крупная промышлен-

ность, въ свою очередь повлiявшая на обезземеленiе. Во-первыхъ, въ дофабричный перiодъ мелкiй ремесленникъ былъ нерѣдко и земледѣльцемъ, но когда ремесло стало падать, это наносило ударъ и многимъ мелкимъ хозяйствамъ, которыя безъ помощи ремесла не могли прокармливать земледѣльцевъ-кустарей. Во-вторыхъ, образованiе фабрикъ въ деревняхъ и перенесенiе ихъ затѣмъ въ города отвлекало массу рукъ отъ земледѣлiя и содѣйствовало увеличенiю городского населенiя, благодаря переселенiю въ города сельскихъ жителей. Въ-третьихъ, принципы новаго капиталистическаго производства и машинный трудъ стали впослѣдствiи примѣняться и къ самому сельскому хозяйству; благодаря обезземеленiю, фабриканты могли дешево покупать рабочiя руки и тѣмъ наносить ударъ прежнему ремесленному и домашнему производству, которое не въ состоянiи было выдерживать конкурренцiи съ фабриками послѣ того, какъ въ нихъ были введены машины. Старыя цеховыя стѣсненiя, созданныя въ среднiе вѣка для городовъ, заставляли фабрикантовъ переносить свое производство въ деревни и добиваться отмѣны этихъ стѣсненiй. Провозглашенiе промышленной свободы,—во имя которой запрещены были однако, рабочiе союзы, какъ нарушающiе свободу отдѣльныхъ рабочихъ,—снимало съ капитала какiя бы то ни было юридическiя стѣсненiя и ставило лицомъ къ лицу предпринимателя и рабочаго, изъ которыхъ у второго не было ничего, кромѣ рукъ и желудка, тогда какъ первый распоряжался орудiями производства, матерiалами труда и возможностью посредствомъ заработка доставлять пропитанiе. Дорого стоющая машина дѣлала своего обладателя настоящимъ господиномъ положенiя и довершала процессъ образованiя капиталистическаго производства, которое стало теперь имѣть въ виду прямо всемiрный рынокъ и, въ свою очередь, отъ этого всемiрнаго рынка зависѣть. Описанная „индустрiальная революцiя", имѣвшая не менѣе важное значенiе, нежели революцiя политическая, одновременно съ ней начавшаяся, отразилась самымъ рѣзкимъ образомъ на всей экономической, а чрезъ нее и на соцiальной жизни странъ, подвергшихся этому промышленному перевороту.

Въ дальнѣйшемъ мы и познакомимся съ главнѣйшими слѣдствiями описаннаго переворота какъ въ области фактовъ, такъ и въ области идей. Первое, это—ухудшенiе положенiя рабочихъ и вызванный этимъ рабочiй вопросъ.

XXV. Капитализмъ, пролетаріатъ, пауперизмъ и начало рабочаго вопроса.

Ростъ національнаго богатства и промышленные кризисы въ XIX в. — Исторія кризиса 1825 г. — Вліяніе индустріальной революціи вообще и въ частности промышленныхъ кризисовъ на матеріальное положеніе рабочаго класса. — Ухудшеніе быта рабочихъ. — Развитіе пауперизма. — Вліяніе войнъ 1793—1815 гг. на экономическую исторію Англіи. — Сельское хозяйство въ этотъ періодъ и хлѣбные законы. — Общее значеніе континентальной системы для Англіи. — Недовольство рабочаго класса своимъ положеніемъ и народныя волненія. — Постановка рабочаго вопроса. — Рабочіе во Франціи при Наполеонѣ I. — Успѣхи промышленности во Франціи. — Состояніе промышленности и рабочаго вопроса во Франціи въ эпоху реставраціи. — Либерализмъ, демократизмъ и рабочій вопросъ.

Главный соціальный вопросъ XIX в., вопросъ рабочій, выросъ на экономической почвѣ, созданной только-что изображеннымъ процессомъ возникновенія капиталистическаго производства. Процессъ этотъ привѣтствовался многими, какъ великій прогрессъ, долженствовавшій осуществить небывалое матеріальное благосостояніе, да и вся наиболѣе популярная въ эту эпоху экономическая школа стояла на точкѣ зрѣнія, которая подсказывалась, такъ сказать, общимъ направленіемъ описаннаго процесса. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что развитіе капиталистическаго производства увеличило необычайнымъ образомъ производительность труда, создало небывалыя ранѣе богатства и ускорило наступленіе новыхъ промышленныхъ успѣховъ. До конца XVIII и начала XIX в. національное богатство возрастало вообще довольно медленно даже въ самыхъ передовыхъ странахъ Западной Европы, но въ XIX в. это богатство стало расти съ поражающею быстротою, благодаря никогда ранѣе небывалому прогрессу техническихъ усовершенствованій, увеличившихъ въ нѣсколько разъ производительность человѣческаго труда. Хотя вмѣстѣ съ другими улучшеніями, происшедшими въ жизни европейскихъ народовъ, все это и содѣйствовало весьма быстрому увеличенію европейскаго населенія, избытокъ котораго сталъ отливать въ колоніи всѣхъ частей свѣта, тѣмъ не менѣе одного явленія, происходившаго раньше, — ухудшенія національнаго благосостоянія вмѣстѣ съ ростомъ населенія не замѣчалось, и въ общемъ національное богатство въ смыслѣ суммы всѣхъ матеріальныхъ благъ, находящихся въ обладаніи извѣстной націи, развивалось гораздо быстрѣе, чѣмъ происходилъ приростъ народонаселенія. Наоборотъ, въ XIX столѣтіи стало обнаруживаться противоположное явленіе—не недостатокъ продуктовъ, необходимыхъ

для потребленія, а ихъ избытокъ; наготовлено бывало товаровъ много, а спроса на нихъ не было, что указывало на существованіе такъ называемаго перепроизводства. Въ связи съ этимъ явленіемъ стоятъ столь частые въ промышленной исторіи Западной Европы вообще и въ частности Англіи кризисы. Съ однимъ такимъ кризисомъ во Франціи, вызваннымъ континентальною системою, мы уже познакомились, и видѣли, какъ французскіе фабриканты, надѣясь на запретительную систему Наполеона, которая должна была убить англійскую промышленность, наготовили товаровъ гораздо больше, нежели могли продать, остались съ этими товарами на рукахъ и вынуждены были сократить свое производство, что отразилось на многихъ банкахъ, ссужавшихъ фабрикантовъ деньгами и въ срокъ обратно ихъ не получавшихъ, а еще болѣе на рабочихъ, которые, лишившись заработка, страшно бѣдствовали. Нѣчто подобное произошло и въ Англіи, гдѣ по окончаніи войны съ Наполеономъ наготовили массу товаровъ въ расчетѣ на сбытъ ихъ на континентальномъ рынкѣ: расчетъ не оправдался, и въ Англіи произошелъ промышленный кризисъ. „Мыльный пузырь лопнулъ, писалъ въ 1816 г. лордъ Брумъ. Англійскіе товары продавались въ Голландіи и на сѣверѣ Европы гораздо дешевле, чѣмъ въ Лондонѣ и Манчестерѣ; въ большинствѣ мѣстностей они лежали неподвижною массою и совсѣмъ не находили покупщиковъ; въ результатѣ съ нихъ или ровно ничего не получалось, или единицы фунтовъ стерлинговъ выручались тамъ, гдѣ были затрачены тысячи".

Не нужно думать, однако, что такіе кризисы могли быть результатомъ только однѣхъ случайныхъ и внѣшнихъ причинъ. Дѣло въ томъ, что вся промышленная исторія Англіи въ XIX в. слагается именно изъ чередующихся періодовъ процвѣтанія и застоя, а съ развитіемъ капитализма и въ другихъ странахъ, равно какъ во всемірномъ хозяйствѣ, такое явленіе происходитъ и на болѣе широкой сценѣ. „Въ одно и то же время, говоритъ новѣйшій изслѣдователь вопроса [1]), въ Европѣ и Америкѣ торговля оживаетъ, цѣны растутъ, рабочая плата повышается, довольство распространяется среди всѣхъ классовъ населенія, и затѣмъ слѣдуетъ кризисъ, банкротство торговыхъ фирмъ и банковъ, закрытіе фабрикъ, сокращеніе производства, пониженіе заработной платы и нищета тысячъ и милліоновъ рабочихъ, внезапно лишающихся обычнаго дохода". Вотъ небольшая справка, заимствованная изъ I тома „Капитала" Карла Маркса, о колебаніяхъ, напр., въ англійской хлопчато-бумажной промышленности за періодъ времени отъ 1815 по 1848 г.: въ 1815—1821 гг. застой; въ 1822—1823—процвѣтаніе; въ 1824—общее громадное развитіе фабрикъ; въ

[1]) *М. И. Туганъ-Барановскій въ соч.*, названномъ въ главѣ XXII.

1825 г. кризисъ, за которымъ слѣдуютъ въ 1826 г. ужасная нищета и волненія рабочихъ на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ; съ 1827 г. начинается небольшое улучшеніе, а въ 1828 г. происходитъ уже сильное увеличеніе паровыхъ ткацкихъ станковъ и вывоза, который въ 1829 г. превзошелъ (особенно въ Индію) вывозъ всѣхъ прежнихъ лѣтъ, но въ 1830 г. рынокъ опять былъ переполненъ и ощущалась большая нужда; это состояніе продолжается въ слѣдующіе годы до 1834 г., когда число фабрикъ и машинъ быстро возрастаетъ до такой степени, что ощущается недостатокъ въ рабочихъ рукахъ; достигаетъ это процвѣтаніе наивысшаго своего развитія въ 1835—1836 гг., чтобы снова уступить мѣсто стѣсненному положенію и кризису въ 1837 и 1838 гг.; въ 1839 г. было нѣкоторое оживленіе, въ 1840 г.—стѣсненное состояніе, вызвавшее волненія рабочихъ и вмѣшательство войска; въ слѣдующіе два года фабричные рабочіе страшно бѣдствовали, и въ 1843 г. ихъ нищета была ужасающею; въ 1844 г. началось снова оживленіе, перешедшее черезъ годъ въ полное процвѣтаніе, пока въ 1846 г. не стали обнаруживаться первые признаки приближенія новаго кризиса; послѣдній, дѣйствительно, наступилъ въ 1847 г., и въ 1848 г. стѣсненіе было настолько сильнымъ, что Манчестеръ, бывшій центромъ хлопчато-бумажной промышленности, долженъ былъ охраняться войсками. Высчитано, кромѣ того, что въ Англіи съ 1815 по 1863 г. на двадцать лѣтъ оживленія и процвѣтанія приходится 28 лѣтъ кризисовъ и застоя. Эти кризисы сдѣлались даже какъ бы существеннымъ признакомъ капиталистическаго строя, потому что болѣе ранніе кризисы обыкновенно находятъ себѣ объясненіе въ какихъ-либо внѣшнихъ обстоятельствахъ, большею частью въ событіяхъ политическаго характера (напр., войнахъ), тогда какъ, начиная съ двадцатыхъ годовъ XIX в., кризисы вызывались уже внутренними причинами, совершаясь притомъ среди глубокаго мира и съ такою, наконецъ, неожиданностью, что ихъ никто обыкновенно не предвидѣлъ.

Напр., исторія кризиса 1825 г. показываетъ, что, дѣйствительно, для такихъ колебаній нужно искать внутреннихъ причинъ. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ въ англійской промышленности и торговлѣ былъ застой. Въ это время была масса капиталовъ, искавшихъ выгоднаго помѣщенія, но не находившихъ его внутри самой страны. Вскорѣ, однако, капиталисты нашли, куда помѣщать свои капиталы. Когда Англія признала независимость американскихъ колоній Испаніи и Португаліи, составилось мнѣніе, что лучше всего будетъ помѣстить избытокъ капиталовъ въ займы, заключавшіеся новыми республиками, такъ какъ предполагалось, что освобожденіе колоній отъ деспотическаго правительства тотчасъ же оживитъ въ нихъ земледѣліе и промышленность. Одновременно съ этимъ было основано множество акціо-

перныхъ компаній вообще для разработки золотого дна, какимъ казались страны Южной и Центральной Америки. Началась страшная спекуляція на акціи этихъ компаній (1824—1825), напоминающая ажіотажъ во Франціи, бывшій за сто съ небольшимъ лѣтъ передъ тѣмъ, во времена Лоу. Спекуляція не ограничилась заморскими предпріятіями, но скоро обратилась и на предпріятія внутри страны, ради чего также стали основываться всевозможныя акціонерныя общества. Общее увлеченіе и стремленіе къ выгодному помѣщенію свободнаго капитала отразились и на промышленности. Въ два года (1824—1825) въ Манчестерѣ было построено много новыхъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ, большею частью на деньги, бравшіяся изъ банковъ подъ залогъ недвижимой собственности. Дѣло было еще въ томъ, что открытіе для англійской торговли южно-американскаго рынка увеличило вывозъ изъ Англіи хлопчатобумажныхъ продуктовъ, тѣмъ болѣе, что значительная часть уплаты по займамъ, заключеннымъ новыми республиками въ Лондонѣ, была произведена не золотомъ, а товарами. Вывозились преимущественно именно хлопчато-бумажныя ткани: въ 1824 г. ихъ было вывезено на полтора милліона фунтовъ стерлинговъ, а въ 1825 г. уже на три съ половиной милліона, въ то самое время, какъ экспортъ на континентъ Европы оставался прежнимъ. Такое увеличеніе спроса со стороны южно-американскаго рынка возбудило въ англійскихъ фабрикантахъ самыя радужныя надежды, хотя дѣло объяснялось не дѣйствительнымъ возрастаніемъ національнаго богатства въ новыхъ республикахъ, а просто-на-просто тѣмъ, что англійскіе товары покупались тамъ на англійскія же деньги, взятыя въ долгъ. Усиленное производство значительно уменьшило запасы сырья, находившагося въ Англіи, а тутъ еще явилось опасеніе, что, пожалуй, для потребностей будущаго производства не хватитъ даже всего урожая хлопка и разныхъ волокнистыхъ продуктовъ, ввозившихся въ страну. Вслѣдствіе этого спекуляція распространилась и на предметы ввоза, и вотъ поэтому цѣны на хлопокъ возрасли въ первой половинѣ 1825 г. сравнительно со второю половиною 1824 г. болѣе, чѣмъ вдвое (на 113%). Понятное дѣло, что такое увеличеніе цѣны хлопка (и общее увеличеніе всѣхъ цѣнъ среднимъ числомъ на 17%) должно было повлечь за собою увеличеніе ввоза этого продукта. Дѣйствительно, въ 1825 г. хлопка ввезено было въ Англію въ полтора раза (собственно на 53%) болѣе, чѣмъ въ 1824 г., а шерсти даже почти вдвое больше (на 96%). Этому сильному увеличенію ввоза не только не соотвѣтствовало общее увеличеніе вывоза, но послѣдній даже нѣсколько сократился, т.-е. торговый балансъ сдѣлался для Англіи неблагопріятнымъ, и золото стало уходить изъ страны. Когда лондонскій вексельный курсъ на Парижъ бываетъ ниже 25 фр. 10 сант., выгодно пере-

сылать золото изъ Лондона въ Парижъ и, наоборотъ, когда этотъ курсъ стоитъ выше 25 фр. 35 сант., выгоду представляетъ уже пересылка золота изъ Парижа въ Лондонъ. По состоянію вексельнаго курса въ началѣ 1824 г. золото приливало въ Англію; въ іюнѣ, однако, этотъ приливъ остановился, а въ концѣ года начался уже отливъ, и это съ возрастающею силою продолжалось до сентября 1825 г. Въ мартѣ 1824 металлическая наличность Англійскаго банка доходила почти до 14 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, а въ декабрѣ 1825 она едва превышала одинъ милліонъ, что было естественнымъ слѣдствіемъ образовавшагося перевѣса ввоза товаровъ надъ вывозомъ. Между тѣмъ высокія цѣны на привозные товары, стоявшія въ 1825 г., не могли оставаться въ одномъ и томъ же положеніи долгое время. Предложеніе этихъ товаровъ на лондонскомъ рынкѣ стало превышать спросъ на нихъ, такъ какъ англійскія фабрики не могли ни потребить всей навезенной массы, ни расширить своего производства въ виду того, что иностранные рынки и безъ того были переполнены ранѣе наготовленными продуктами англійскихъ же фабрикъ. Нужно еще прибавить, что общая спекуляція на товары охватила и такіе продукты, которые ввозились въ Англію для непосредственнаго потребленія: когда стали возрастать цѣны на табакъ, сахаръ и кофе (на 33%, 31% и 30%), и ихъ начали ввозить больше, чѣмъ ввозилось прежде, причемъ, напр., ввозъ табаку увеличился на 81%, хотя потребленіе и этихъ товаровъ не могло возрасти въ уровень съ ихъ привозомъ. Превышеніе предложенія надъ спросомъ отразилось на цѣнахъ только-что названныхъ товаровъ быстрымъ ихъ паденіемъ. Оно началось во второй половинѣ 1825 г. и достигло maximum'а въ первой половинѣ 1826 г.: уменьшеніе цѣны на хлопокъ выразилось 60%, сахара—23%, кофе—38%. То же самое произошло и съ британскимъ желѣзомъ: въ первой половинѣ 1825 г. сравнительно со второю половиною 1824 г. цѣна его возрасла-было на 83%, въ первой же половинѣ 1826 г. сравнительно съ первою половиною 1825 г. понизилась на 60%. Такое паденіе цѣнъ было равносильно разоренію спекулянтовъ, накупившихъ разныхъ товаровъ въ видахъ ихъ перепродажи съ барышомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно заставляло бояться и дальнѣйшаго еще пониженія цѣнъ. Надежды на выгоды отъ южно-американскихъ займовъ и отъ акціонерныхъ компаній для разработки естественныхъ богатствъ Южной Америки равнымъ образомъ оказались неосновательными, и эта спекуляція, увеличившая спросъ на англійскій ссудный капиталъ, привела въ концѣ концовъ къ паденію цѣнъ и на бумаги, которыми спекулировали на биржѣ. Все это случилось уже во второй половинѣ 1825 г., и скоро очередь дошла до банковъ, которые принимали большое участіе въ спекуляціяхъ того времени. Парламент-

скимъ актомъ 1852 г. частнымъ банкамъ было разрѣшено выпускать однофунтовые банковые билеты, между тѣмъ какъ сами банки помѣщали свои капиталы такъ, что реализировать ихъ сразу было нельзя. Теперь, понятно, подъ вліяніемъ разныхъ тревожныхъ слуховъ вкладчики и владѣльцы однофунтовыхъ билетовъ, народъ большею частью небогатый, легко поддававшійся и неумѣреннымъ надеждамъ на барыши, и чрезмѣрнымъ опасеніямъ убытковъ, стали брать назадъ свои вклады и требовать размѣна банковыхъ билетовъ на звонкую монету, почему уже въ октябрѣ 1825 г. произошло крушеніе пяти провинціальныхъ банковъ. Весьма естественно, что частные банки начали искать поддержки у Англійскаго банка, но послѣдній въ виду отлива золота изъ его кладовыхъ сталъ дѣлаться болѣе скупымъ на ссуды и прямо отказывалъ въ поддержкѣ провинціальнымъ банкамъ. Это лишь усилило панику, и у самого Англійскаго банка стали требовать обратно вклады, провинціальные же банки начали одинъ за другимъ прекращать платежи; въ декабрѣ число такихъ несостоятельныхъ банковъ дошло уже до семидесяти. Самъ Англійскій банкъ предполагалъ даже пріостановить размѣнъ своихъ билетовъ, но правительство до этого не допустило, и это заставило банкъ перемѣнить тактику—начать дисконтировать солидные коммерческіе векселя, отвергавшіеся частными банками изъ боязни передъ уменьшеніемъ своей наличности, и открыть широкій кредитъ частнымъ банкамъ, которые только можно было еще спасти. Между тѣмъ указанныя банкротства, бывшія нерѣдко простымъ слѣдствіемъ разоренія купцовъ и фабрикантовъ, пользовавшихся кредитомъ банковъ, въ свою очередь повлекли за собою разореніе многихъ коммерческихъ и индустріальныхъ предпріятій. Особенно разорялись торговыя фирмы, занятіе которыхъ состояло въ вывозѣ англійскихъ товаровъ за границу, такъ какъ, не будучи въ состояніи продать за границу весь закупленный товаръ, онѣ не могли уплачивать по своимъ векселямъ фабрикантамъ, у которыхъ забирали товаръ. Въ 1826 г. сравнительно съ 1824 г. бумажныхъ тканей вывезено было изъ Англіи на 21% менѣе, а вырученная за нихъ сумма оказывалась меньшею даже на 32%. Разумѣется, все это не могло не отразиться на производствѣ: оно тоже сильно сократилось, и послѣ этого англійская промышленность страдала еще три-четыре года—не отъ недостатка капиталовъ,—чего даже вовсе и не было,—а отъ общаго разстройства, произведеннаго кризисомъ во всемъ механизмѣ денежнаго и товарнаго обращенія. Такъ какъ именно сбытъ всѣхъ товаровъ сдѣлался затруднительнымъ вслѣдствіе того, что закуплено и наготовлено ихъ было больше, чѣмъ того требовалъ спросъ на нихъ, то оставалось сокращать производство, теряя при этомъ проценты на основномъ капиталѣ (фабричныхъ зданіяхъ, машинахъ и т. д.), оставав-

шемся теперь безъ употребленія. Въ свою очередь паденіе малосостоятельныхъ или слишкомъ зарвавшихся въ спекуляціяхъ предпріятій и сокращеніе производства на болѣе солидныхъ фабрикахъ мало-помалу должны были привести къ очищенію рынковъ отъ залежавшихся товаровъ, которые все-таки понемногу распродавались, и когда начался опять усиленный спросъ на товары, промышленность снова оживилась, но до новаго лишь кризиса.

Промышленные кризисы, подобные только-что описанному, сдѣлались на самомъ дѣлѣ принадлежностью новаго капиталистическаго хозяйства. Вообще экономическій переворотъ, о которомъ шла рѣчь въ предыдущей главѣ, и въ частности кризисы, ставшіе хроническимъ зломъ англійской промышленности, весьма гибельно отозвались на благосостояніи рабочаго класса. У мелкой промышленности, вытѣсненной крупнымъ производствомъ, было одно важное преимущество, на которое указывала уже парламентская коммиссія, учрежденная въ началѣ XIX в. по поводу противоположныхъ петицій, подававшихся въ парламентъ мелкими мастерами и рабочими, съ одной стороны, и крупными предпринимателями, съ другой. Преимущество это состояло въ томъ, что и производство было болѣе равномѣрнымъ, и заработокъ болѣе постояннымъ. Сами рабочіе показывали коммиссіи, что мелкіе мастера не обращаютъ вниманія на состояніе торговли, не прекращая производства въ трудное для сбыта время въ той надеждѣ, что это время минуетъ и сдѣланные запасы не пропадутъ; поэтому мелкіе мастера давали своимъ рабочимъ постоянное занятіе и при всякихъ условіяхъ рынка платили имъ одинаково. Крупное производство, дѣйствительно, положило конецъ прежней устойчивости производства и заработка, начавъ подвергать и первое, и послѣдній постояннымъ колебаніямъ, что не могло не отражаться весьма пагубнымъ образомъ на положеніи рабочихъ, когда, напр., сокращалось производство и многіе оставались безъ заработка, или когда уменьшалась плата за трудъ и существованіе семьи рабочаго вслѣдствіе этого тоже дѣлалось болѣе затруднительнымъ. Статистическія изслѣдованія неопровержимымъ образомъ доказываютъ, что въ годы кризисовъ въ промышленныхъ округахъ Англіи падаютъ цифры брачности и вкладовъ въ сберегательныя кассы и, наоборотъ, поднимаются цифры смертности и преступности, а также и вообще усиливается пауперизмъ, тогда какъ въ земледѣльческихъ округахъ Англіи, на которыхъ кризисы не отражались съ такою силою, подобныхъ рѣзкихъ колебаній въ указанныхъ цифрахъ не замѣчается. Кромѣ того, каждый кризисъ послѣ себя оставлялъ и такія явленія, которыя уже имѣли не преходящее значеніе. Во-первыхъ, въ той борьбѣ за сбытъ продуктовъ, какая начиналась тогда между предпринимателями, конечно, побѣда всегда была на сторонѣ

болѣе экономически сильныхъ, а таковыми являлись, разумѣется, капиталисты, которымъ легче было переживать трудныя времена, чѣмъ мелкимъ производителямъ, все болѣе и болѣе и исчезавшимъ съ лица земли. Во-вторыхъ, въ этой борьбѣ промышленники, въ силу простого чувства самосохраненія, всегда прилагали всѣ свои усилія къ тому, чтобы удешевить производство. Разъ цѣна на товары падаетъ, приходится иногда работать прямо себѣ въ убытокъ, и вотъ, чтобы удешевить производство, фабриканты набрасываются на техническія изобрѣтенія и усовершенствованія, не обращавшія на себя вниманія въ годы процвѣтанія производства, высокихъ цѣнъ и хорошаго сбыта. Напр., паровой ткацкій станокъ сталъ вводиться во всеобщее употребленіе на англійскихъ фабрикахъ послѣ кризиса 1825 г., когда и вообще замѣтна была тенденція фабрикантовъ искать способовъ удешевленія производства посредствомъ новыхъ техническихъ усовершенствованій. Дѣйствительно, по минованіи кризиса 1825 г. цѣна на хлопчато-бумажныя ткани уже не поднималась до прежней высоты. Среднія цѣны на эти ткани были въ 1820—1825 гг. въ шиллингахъ и пенсахъ такія: 15/9, 15/3, 14/6, 14, 14/6, 16/3, а въ 1826 и слѣд. годахъ—10/6, 10, 9/9, 9/9 и т. д., большею частью съ пониженіемъ (до 5 въ 1848 г.), а это указываетъ на то, что самая стоимость производства на самомъ дѣлѣ значительно удешевлялась. Но всякое техническое усовершенствованіе только усиливало то дѣйствіе, какое вообще оказывало введеніе машинъ. Въ-третьихъ, кризисъ сопровождался пониженіемъ рабочей платы, и оно оставалось не только во время застоя, но и потомъ, въ новую эпоху процвѣтанія, случалось, плата не поднималась до прежней нормы. Наконецъ, кризисъ всегда оставлялъ послѣ себя цѣлую массу пауперовъ и бродягъ, познакомившихся съ рабочимъ домомъ и тюрьмою, которые удерживали ихъ у себя до новаго оживленія промышленности, когда и ихъ руки снова привлекались къ фабричной работѣ. Такимъ образомъ кризисы, бывшіе результатомъ новой формы производства, не только вносили временное разстройство въ это производство и временно же понижали заработокъ и благосостояніе рабочаго класса, но оставляли послѣ себя и болѣе постоянные слѣды. При этомъ еще наблюдалось, что новыя эпохи процвѣтанія, наступающія послѣ кризисовъ, являются не простымъ возвращеніемъ къ прежнему положенію, а дальнѣйшими ступенями въ расширеніи капиталистическаго производства и въ увеличеніи національнаго богатства, хотя за послѣднее время вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается и другое явленіе—удлиненіе періодовъ застоя при меньшей рѣзкости и интенсивности кризисовъ и, наоборотъ, соотвѣтственное сокращеніе періодовъ процвѣтанія.

Успѣхи промышленной техники и страшное увеличеніе произ-

водства, сопровождавшееся общимъ удешевленіемъ продуктовъ, вообще громадное возрастаніе національнаго богатства Англіи, повидимому, должны были бы отразиться самымъ выгоднымъ образомъ на матеріальномъ благосостояніи рабочихъ, но вышло совсѣмъ наоборотъ. Одно время бѣдствія, которымъ подвергалось населеніе Англіи, еще можно было объяснять „великою войною“ съ Франціей, и дѣйствительно, эта война для англійскаго населенія не могла пройти безслѣдно, но въ 1815 г. былъ заключенъ миръ, а между тѣмъ бѣдствія продолжались. Значитъ, причина ихъ заключалась не въ одной войнѣ Разсматривая обезземеленіе сельской массы, уничтоженіе ремесленнаго и домашняго производства и введеніе машинъ, мы видѣли, какъ все это само по себѣ отразилось на матеріальномъ положеніи рабочаго люда. Однимъ изъ признаковъ его ухудшенія было то, что нужда стала заставлять рабочихъ посылать на фабрику своихъ женъ и дѣтей, которыхъ предприниматели брали очень охотно. Дѣтскій трудъ сталъ примѣняться и къ сельскому хозяйству. Образовался даже особый промыселъ найма подростковъ у родителей для того, чтобы потомъ этихъ еще не сформировавшихся, но очень дешевыхъ работниковъ цѣлыми партіями ставить на работу у фермеровъ: послѣдніе содержали ихъ очень дурно, напр., помѣщая въ сараяхъ, гдѣ всѣ спали вповалку безъ различія пола и возраста, и давая имъ плохую пищу, а вдобавокъ и обращались съ ними крайне сурово. На фабрикахъ такая эксплуатація труда несовершеннолѣтнихъ прямо была возведена въ систему. По англійскому законодательству о бѣдныхъ (poor law), относящемуся къ царствованію Елизаветы, приходскіе надсмотрщики за пауперами должны были, между прочимъ, заботиться о томъ, чтобы дѣти бѣдняковъ, содержимыхъ на счетъ прихода, были обучены какому-нибудь полезному дѣлу. Фабриканты въ своихъ поискахъ за дешевою рабочею силою начинаютъ теперь входить въ правильныя сношенія съ этими надсмотрщиками, которые и поставляютъ имъ дѣтей въ качествѣ „учениковъ“, но въ сущности какъ дешевую рабочую силу. Явились даже своего рода посредники, превратившіе поставку подростковъ на фабрики въ прибыльный для себя промыселъ: они входили въ соглашеніе съ надсмотрщиками пауперовъ, забирали у нихъ дѣтей, перевозили ихъ партіями въ промышленные районы, — весьма дурно ихъ содержа все время, пока не пристраивали къ тому или другому фабриканту,—и за это получали коммиссіонныя деньги. На фабрикѣ начиналась самая безпощадная эксплуатація дѣтскаго труда: несчастнымъ не полагалось платы, такъ какъ они числились учениками; помѣщали ихъ и кормили скверно; работать они должны были по 16 часовъ въ сутки, и даже праздничнаго отдыха имъ не полагалось, такъ какъ въ воскресные дни ихъ заставляли чистить ма-

цифра повысилась до 1.700.000, въ 1801 году—до 4.000.000, а въ 1818 г., когда населеніе Англіи равнялось уже почти 12 милліонамъ (11.876.000), она дошла почти до 8 милліоновъ (7.870.000), что составляло на душу уже 13 шиллинговъ 3 пенса. Потомъ эта цифра понизилась, но въ двадцатыхъ годахъ, благодаря кризису, опять повысилась: въ 1821—1825 гг. она была равна ежегодному расходу въ 6.123.000 фунтовъ, въ 1826—1830 гг.—въ 6.366.000, въ 1831—1833 гг.—въ 6.876.000. Дѣло дошло до того, что налогъ въ пользу бѣдныхъ въ иныхъ приходахъ сталъ равняться цѣлой половинѣ поземельной ренты, а иногда ее и превышать, въ одномъ же приходѣ графства Бёкингэмъ налогъ этотъ превысилъ даже весь доходъ съ земли. Въ самомъ дѣлѣ, могъ ли рабочій жить безъ доплаты изъ прихода или не посылать жену и дѣтей на фабрику, когда въ недѣлю взрослый мужчина (въ 1832 г.) зарабатывалъ среднимъ числомъ 12 шиллинговъ, содержаніе же семьи съ четырьмя дѣтьми стоило, по крайней мѣрѣ, 17 шиллинговъ, т.-е. почти въ полтора раза больше, и когда число взрослыхъ работниковъ на фабрикахъ сокращалось до того, что въ 1849 г. они составляли лишь 23% общаго числа лицъ, работавшихъ на фабрикахъ? Понятное дѣло, что земледѣльцы и вообще имущіе классы стали стремиться къ тому, чтобы сбросить съ себя повинность содержанія пауперовъ. Противъ законовъ о бѣдныхъ началась агитація, и въ этихъ законахъ съ точки зрѣнія тогдашней политической экономіи стали даже видѣть чуть ли не главную причину экономическихъ неурядицъ эпохи. Популярный экономистъ Сеніоръ писалъ, наприм., что цѣлью указаннаго законодательства было соединить несоединимое—преимущества свободы и рабства, такъ какъ при дѣйствіи этихъ законовъ рабочій свободенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не подвергается риску, связанному со всякою свободною дѣятельностью, и ему незачѣмъ быть предусмотрительнымъ и прилежнымъ, разъ онъ знаетъ, что не погибнетъ отъ нужды, но что приходъ дастъ ему недостающее на удовлетвореніе потребностей увеличивающейся семьи. Особая парламентская коммиссія, которой въ 1833 г. было поручено разслѣдованіе вопроса, пришла прямо къ тому заключенію, что пауперизмъ не уменьшится, пока положеніе людей, пользующихся общественною благотворительностью, не сдѣлается худшимъ, чѣмъ положеніе рабочихъ, а для этого наиболѣе подходящимъ средствомъ была признана угроза пауперамъ рабочими домами, которые вскорѣ послѣ введенія новаго закона (1834) получили у народа названіе Бастилій.

Это былъ самъ по себѣ весьма тягостный процессъ замѣны одного экономическаго строя другимъ, а онъ еще совпалъ по времени съ войною, которую Англія въ теченіе цѣлой почти четверти вѣка (1793—

1815) вела противъ Франціи, платя громадныя субсидіи коаліціямъ, при ея помощи создававшимся противъ ея политическаго врага. „Начавшійся въ 1793 г. періодъ войнъ, говоритъ новѣйшій историкъ государственнаго долга Англіи [1]), по величественности вызванныхъ имъ финансовыхъ оборотовъ, представляетъ явленіе одинокое не только въ англійской, но и во всемірной финансовой исторіи и практикѣ. Въ сравнительно короткій періодъ 24 лѣтъ, съ 1793 по 1816 г., отъ страны потребовалось столь значительное напряженіе силъ, что самые увлекающіеся сангвиники считали бы безуміемъ признать возможность подобнаго напряженія, прежде чѣмъ оно стало осуществившимся фактомъ". Въ сто пять лѣтъ, протекшія отъ второй англійской революціи до начала революціонныхъ войнъ (1688—1792), обыкновенные государственные доходы Великобританіи и Ирландіи составляли 877.396.826 фунтовъ стерлинговъ, а въ 24 года, съ 1793 по 1816— они доходили уже до 1.217.556.439 ф. ст., т.-е. были на 39% больше. Среднегодовая сумма жертвъ, требовавшаяся въ XVIII в. отъ страны въ размѣрѣ 8.356.160 фунт. стерл., должна была возрасти вдругъ до 50.731.519 ф. стерл., т.-е. увеличиться почти въ шесть разъ. Точно такъ же и расходы въ 1688—1792 г. едва превысили тысячу милліоновъ ф. ст., а въ 1793—1816 г. они составили уже болѣе полуторы тысячи милліоновъ. Если взять въ расчетъ все, что̀ Англія потратила на войны, какія она только вела за послѣднія двѣсти лѣтъ [2]), то окажется, что изъ потраченныхъ на эти войны суммъ свыше 60% придется только на однѣ войны 1793 — 1815 годовъ. При этомъ въ послѣдніе годы борьбы съ Наполеономъ расходы на нее были въ два съ половиной раза больше, нежели въ первые годы борьбы съ Французскою республикой. Однѣхъ субсидій союзникамъ въ это время Англія выдала на 57 милліоновъ, изъ которыхъ на долю Россіи пришлось болѣе 9 милліоновъ. Конечно, при этомъ Англія не въ состояніи была обойтись безъ новыхъ займовъ, и ея государственный долгъ дѣйствительно возросъ въ громадной мѣрѣ (болѣе чѣмъ на 400 м. ф. ст.), что̀ легло тяжелымъ бременемъ на бюджетъ и платежныя силы страны. Кромѣ того, эта „великая война", какъ и всякая другая война, должна была и въ иныхъ отношеніяхъ отразиться на экономической жизни Англіи, отвлекши массу рукъ отъ производительнаго труда, создавъ искусственный спросъ на одни товары и, наоборотъ, сокративъ спросъ на другіе, измѣнивъ распредѣленіе національнаго дохода и пр. и пр. Мы остановимся здѣсь, впрочемъ, лишь на двухъ фактахъ, относящихся къ вліянію войны 1793 — 1815 г. на экономическую жизнь

---

[1]) *И. Кауфманъ.* Государственный долгъ Англіи съ 1688 по 1890 г.

[2]) До 1890 г.; война съ бурами, начавшаяся въ 1900 г., въ расчетъ не принята.

Англіи, такъ какъ только эти два факта оставили прочные слѣды на послѣдующей эпохѣ. Это, во-первыхъ—вліяніе войны на развитіе англійскаго сельскаго хозяйства, а во-вторыхъ, вліяніе ея на исторію англійской торговли и промышленности, а то и другое не лишено было значенія и для того соціально-экономическаго процесса, который мы теперь разсматриваемъ.

Во время войны съ Наполеономъ въ Англіи сильно вздорожалъ хлѣбъ. Въ періодъ времени между 1801 и 1810 гг. средняя цѣна на пшеницу стояла выше на 80%, чѣмъ въ предыдущее десятилѣтіе, что заставило капиталистовъ наброситься на сельское хозяйство съ цѣлью получать большіе барыши посредствомъ интенсивной культуры земли, тогда какъ мелкіе сельскіе хозяева, которые еще въ сравнительно небольшомъ числѣ продолжали существовать въ Англіи, оказывались теперь совершенно несостоятельными въ виду постоянныхъ и очень рѣзкихъ колебаній цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ, а потому и вынуждались разставаться съ своими хозяйствами. Усовершенствованные способы земледѣлія сильно подняли земельную ренту. Когда война окончилась и вмѣстѣ съ тѣмъ открылся въ Англію свободный доступъ для болѣе дешеваго заграничнаго хлѣба, лендлорды не пожелали лишиться тѣхъ выгодъ, какія они извлекали изъ пріостановки ввоза хлѣба изъ-за границы, тѣмъ болѣе, что на улучшеніе сельскаго хозяйства ими были потрачены большія средства, вслѣдствіе чего и земледѣльческая промышленность стала перестраиваться на капиталистическихъ началахъ. Уже раньше въ тѣхъ случаяхъ, когда конкурренція привознаго хлѣба съ туземнымъ грозила уменьшеніемъ земельной ренты, парламентъ издавалъ такъ называемые хлѣбные законы (corn-law), сущность которыхъ заключалась въ запрещеніи привоза иностраннаго хлѣба, пока цѣна мѣстнаго не достигнетъ извѣстнаго maximum'а. Такъ, напр., въ 1773 г. лишь тогда позволялось ввозить въ Англію пшеницу, когда пшеница, производившаяся въ самой странѣ, начинала продаваться по 48 шиллинговъ за квартеръ. Въ 1791 г. если мѣстная пшеница продавалась дешевле 50 шиллинговъ за квартеръ, на привозную налагалась пошлина въ 24 шиллинга 3 пенса. Въ 1804 г. вернулись къ закону 1773 г., повысивъ только цѣну пшеницы съ 48 шиллинговъ до 63, а знаменитые хлѣбные законы 1815 г., продержавшіеся въ Англіи до 1846 г. и отмѣненные только послѣ самой упорной агитаціи, не допускали уже ввоза иностранной пшеницы, если производимая въ странѣ продавалась дешевле 80 шиллинговъ за квартеръ. Такимъ образомъ долговременная война и хлѣбные законы сильно содѣйствовали развитію англійскаго сельскаго хозяйства въ капиталистическомъ смыслѣ, и какъ-разъ въ это самое время фермеры, дешево покупавшіе трудъ подростковъ, прода-

вали дорого свои продукты потребителямъ, платя сами весьма высокую ренту лендлордамъ, которые сами же и провели, и поддерживали впослѣдствіи хлѣбные законы въ парламентѣ. Этимъ искусственно создавались тягости, съ которыми прежде во время войны волей-неволей приходилось мириться, теперь же, когда война кончилась, высокая цѣна на пшеницу уже не оправдывалась фактическою невозможностью ввоза. Понятно, что хлѣбные законы вызывали народное неудовольствіе, и во многихъ безпорядкахъ этой эпохи, рядомъ съ требованіемъ парламентской реформы, предъявлялось требованіе отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Народъ, дѣйствительно, бѣдствовалъ, тѣмъ болѣе, что прекращеніе войны оставило еще безъ заработка сотни тысячъ солдатъ и матросовъ, не считая еще того, что въ Англію стали прибывать цѣлыя толпы голодныхъ ирландцевъ. Въ агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ, получившей, впрочемъ, правильную организацію лишь въ 1839 г., приняли участіе и фабриканты, видѣвшіе въ дешевомъ хлѣбѣ одно изъ условій того общаго удешевленія производства, о которомъ они постоянно хлопотали.

Другимъ фактомъ, стоявшимъ въ связи съ великою войною и вліявшимъ на экономическую жизнь Англіи, была континентальная система. Вывозъ англійскихъ фабрикатовъ, опредѣлявшійся въ 1793 г. суммою въ 17 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, къ 1800 удвоился, т.-е. достигъ цифры 34 милліоновъ. Господство Англіи на европейскихъ рынкахъ и заставило Наполеона придумать знаменитую „систему“, которая, однако, принесла гораздо болѣе вреда самой Франціи и ея союзникамъ, чѣмъ Англіи. Континентальная система лишь задержала на время дальнѣйшій ростъ нѣкоторыхъ англійскихъ производствъ, напр., хлопчато-бумажнаго, но остановить промышленнаго развитія не могла. Англійскіе фабрикаты все-таки, хотя бы иногда и очень кружнымъ путемъ, напр., черезъ Турцію, попадали во Францію и Германію, и даже многіе предметы, которые были необходимы для обмундированія арміи Наполеона или солдатъ его союзниковъ, были англійскаго происхожденія. Рискъ, сопряженный съ доставкою англійскихъ товаровъ на континентъ, возвысилъ фрахты до такой степени, что иногда корабль за одинъ рейсъ изъ Англіи и обратно зарабатывалъ въ двадцать разъ болѣе своей собственной стоимости, а это, равно какъ необходимость отвозить товары на болѣе отдаленные рынки, остававшіеся еще открытыми для Англіи (напр., въ Америку), не говоря уже о перевозкѣ солдатъ и военныхъ припасовъ, содѣйствовало развитію морского судоходства. Но и послѣ окончанія войны континентальныя государства, боясь, что мѣстныя мануфактуры не въ состояніи будутъ выдержать конкурренціи съ англійскими, старались оградиться отъ ввоза изъ Англіи высокими таможенными пошлинами.

Англійская промышленность была, дѣйствительно, настолько сильна, что фабриканты совсѣмъ перестали бояться соперничества со стороны континента и даже начали добиваться свободы торговли, желая, съ одной стороны, удешевленія продуктовъ, ввозившихся въ Англію изъ-за границы, т.-е. главнымъ образомъ хлѣба и сырья, а съ другой — устраненія препятствій для расширенія производства, лежавшихъ въ континентальномъ протекціонизмѣ. Что касается до временнаго значенія фактовъ, о которыхъ сейчасъ было сказано, то о результатахъ войны съ Наполеономъ для массы населенія Англіи лучше всего говоритъ то, что въ 1801 г. содержаніе бѣдныхъ стоило въ ней (вмѣстѣ съ Уэльсомъ) немного менѣе 700.000 квартеровъ пшеницы, а въ 1814 г. превышало уже 1.740.900 квартеровъ,—доказательство несомнѣннаго обѣдненія населенія.

Весьма естественно, что ухудшеніе экономическаго положенія трудящейся массы должно было поселить въ ней глубокое неудовольствіе противъ порядка вещей, ее угнетавшаго, и противъ представителей этого порядка, въ частности противъ фабрикантовъ, которыхъ рабочіе прозвали „дѣтоубійцами". Съ особеннымъ негодованіемъ относились рабочіе къ „желѣзнымъ людямъ" (iron men), какъ называли они машины, ухудшавшія ихъ положеніе. Съ конца XVIII в. все чаще происходили случаи разрушенія машинъ рабочими, а въ 1812 г. это движеніе противъ машинъ приняло поистинѣ революціонный характеръ. Это обратило на недовольство рабочихъ вниманіе парламента, который даже издалъ законъ, грозившій смертною казнью за разрушеніе машинъ. Бывали случаи, что машины приходилось ставить буквально подъ охрану пушекъ. Въ 1816 г. произошло движеніе среди сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, сжигавшихъ въ отместку за хлѣбные законы цѣлыя скирды хлѣба. Въ обоихъ случаяхъ бунты усмирялись военною силою. Затѣмъ въ годы крайней нищеты, вызванной кризисомъ 1825 г., опять повторились сцены народнаго возстанія. Сильны были волненія среди сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и въ 1830 г. Наконецъ, можно указать на массу другихъ случаевъ, когда въ Англіи этой эпохи народное неудовольствіе выражалось съ особою силою. Реакціонное настроеніе правящихъ классовъ получаетъ въ такихъ фактахъ достаточное объясненіе. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ эти волненія стали даже играть весьма значительную политическую роль. Кромѣ репрессивныхъ мѣръ, къ которымъ прибѣгало правительство противъ народныхъ безпорядковъ, парламентъ не могъ не доискиваться причинъ бѣдственнаго положенія рабочихъ и назначалъ особыя коммиссіи для изслѣдованія разныхъ вопросовъ, связанныхъ съ бытомъ рабочаго класса. Намъ, напр., уже приходилось говорить о коммиссіи 1806 г., назначенной для изслѣдованія противо-

положныхъ жалобъ фабрикантовъ и рабочихъ. Въ 1820 г. образована была коммиссія для разсмотрѣнія петиціи о свободной торговлѣ, затрогивавшей интересы и рабочихъ. Для разсмотрѣнія вопроса о налогѣ въ пользу бѣдныхъ парламентъ тоже назначалъ особую коммиссію въ 1833 г. И непосредственно рабочій вопросъ долженъ былъ занимать парламентъ. Въ 1802 г. былъ уже вотированъ первый законъ, ограничивавшій работу учениковъ и подмастерьевъ на фабрикахъ двѣнадцатью часами въ сутки, но при этомъ не было создано органовъ надзора, вслѣдствіе чего этотъ законъ постоянно нарушался. Самый законъ 1802 г. былъ вызванъ не чувствомъ человѣколюбія, а боязнью высшихъ классовъ передъ сильными эпидеміями, начавшими около того времени свирѣпствовать на фабрикахъ, но, собственно говоря, законъ распространялся лишь на дѣтей, жившихъ въ самихъ же фабричныхъ помѣщеніяхъ, а не на приходившихъ только на фабрики для работы. Парламентъ въ первую треть вѣка вообще не разъ назначалъ коммиссіи для изслѣдованія положенія несовершеннолѣтнихъ на фабрикахъ, и эти коммиссіи постоянно дѣлали доклады о страшныхъ злоупотребленіяхъ работою дѣтей и подростковъ. Въ 1830 г. парламентъ образовалъ особую коммиссію для изысканія средствъ противъ постоянныхъ колебаній заработка, и она констатировала самый фактъ, иллюстрировавъ его многими примѣрами. При этомъ ею было предложено учредить сберегательныя кассы, куда рабочіе могли бы дѣлать вклады въ годы сравнительно высокихъ заработковъ съ ограниченіемъ права вкладчиковъ брать свои вклады обратно лишь извѣстными случаями. Такъ въ Англіи уже въ періодъ до парламентской реформы 1832 г. начиналъ ставиться рядомъ съ другими вопросами и вопросъ рабочій.

Аналогичныя измѣненія въ экономическомъ быту съ аналогичными же и послѣдствіями произошли также во Франціи — только не съ такою быстротою, какъ это было въ Англіи. Въ эпоху великой революціи во Франціи еще не существовало рабочаго вопроса въ той формѣ, въ какой онъ былъ поставленъ позднѣе, именно послѣ того, какъ и здѣсь было введено машинное производство, забившее прежній ручной трудъ и мелкую промышленность. Изъ этого, разумѣется, отнюдь еще не слѣдуетъ, чтобы во Франціи совсѣмъ не возникало вопроса о пауперизмѣ. Наоборотъ, при „старомъ порядкѣ" во всей странѣ существовала страшная нищета какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ, и вопросъ объ устраненіи нищеты занималъ очень многихъ публицистовъ и государственныхъ людей, которымъ англійское законодательство о бѣдныхъ казалось чуть не самымъ дѣйствительнымъ средствомъ устраненія нищеты. Конвентскія деклараціи правъ (жирондистская и якобинская) уже провозглашали прямую обязан-

ность общества доставлять своимъ членамъ возможность снискивать себѣ пропитаніе трудомъ, или такъ называемое „право на трудъ" (droit au travail). Продолжительность революціоннаго движенія и успѣхъ демократической пропаганды якобинизма среди городскихъ рабочихъ равнымъ образомъ объясняются крайнею нищетою, въ какой находилась народная масса во Франціи. Анархія сильно разстроила промышленную жизнь страны, а затѣмъ начались еще грандіозныя войны со всей Европой, отвлекавшія массу рабочихъ рукъ отъ производительнаго труда и направлявшія капиталистовъ къ выдѣлкѣ военныхъ припасовъ. Наполеонъ, чувствовавшій вообще страхъ передъ народными возстаніями, старался доставить работу незанятымъ рабочимъ, и въ то же время, вѣрный самому себѣ во всѣхъ вопросахъ внутренней политики, стремился дисциплинировать рабочую массу разнаго рода мѣропріятіями полицейскаго и уголовнаго свойства. Нѣкоторые промыслы получили при немъ отъ правительства новую организацію, главною цѣлью которой было облегченіе полицейскаго надзора. Въ 1803 г. былъ изданъ законъ, каравшій коалиціи рабочихъ, заключенныя съ цѣлью прекращенія работы, и совершенно молчавшій о коалиціяхъ хозяевъ, хотя въ 1810 г. этотъ законъ попалъ въ уголовный кодексъ лишь въ измѣненномъ видѣ: наказывались рабочія коалиціи, ставившія своею задачею принужденіе другихъ къ прекращенію работъ, и подвергались карѣ равнымъ образомъ и стачки хозяевъ. Далѣе, введена была рабочая книжка, сдѣлавшаяся своего рода паспортомъ, такъ какъ получивъ отъ администраціи этотъ документъ, рабочій долженъ былъ отдавать его своему хозяину и чрезъ то попадалъ отъ него въ нѣкоторую зависимость. Послѣдняя была тѣмъ болѣе тягостною, что гражданскій кодексъ заключалъ въ себѣ статью, въ силу которой въ случаѣ пререканій между рабочимъ и хозяиномъ изъ-за платы предписывалось вѣрить утвержденію хозяина. Вообще, кромѣ полицейскаго характера этого законодательства, мы замѣчаемъ въ немъ и буржуазныя тенденціи. Прежнія полицейскія и судебныя аттрибуціи цеховъ при Наполеонѣ вполнѣ перешли къ полиціи, которая пользовалась своею властью совершенно произвольно. Такъ какъ споры между хозяевами и рабочими должны были разбираться по революціонному законодательству мировыми судьями, предприниматели старались его измѣнить въ болѣе для нихъ выгодную сторону, и однажды, когда Наполеонъ проѣзжалъ черезъ Ліонъ, мѣстная торговая палата просила его замѣнить для дѣлъ данной категоріи мировой судъ „своего рода семейнымъ судомъ" (une espéce de tribunal de famille), подобнымъ тому, который существовалъ до революціи. Законъ 18 марта 1806 г. установилъ въ 26 городахъ Франціи такъ называемые conseils de prud'hommes, состоявшіе изъ делегатовъ отъ фабрикантовъ и мелкихъ предприни-

мателей, причемъ послѣдніе въ равномъ количествѣ съ первыми должны были представлять собою и самый классъ наемныхъ рабочихъ. Въ 1810 г. компетенція этихъ совѣтовъ была расширена, такъ какъ имъ было предоставлено право налагать исправительныя наказанія (до трехъ дней ареста) за все, что могло бы поколебать порядокъ въ промышленныхъ заведеніяхъ и дисциплину среди рабочихъ.

Наполеонъ стремился, кромѣ того, развить національную промышленность, и съ этою между прочимъ цѣлью онъ и ввелъ свою знаменитую континентальную систему, которая, какъ мы знаемъ, привела къ тяжелому промышленному кризису. Въ общемъ, однако, французская индустрія въ эпоху имперіи продолжала существовать еще при старыхъ формахъ. Англичане держали въ секретѣ отъ иностранцевъ свои техническія изобрѣтенія и усовершенствованія, и Франція не успѣла ими воспользоваться до революціи. Потомъ началась внутренняя анархія и война съ тою же самою Англіей. Понятно, что при такихъ условіяхъ заимствовать что-либо изъ Англіи было въ высшей степени трудно. Вотъ почему во Франціи всѣ открытія въ области промышленности были примѣнены къ дѣлу позднѣе, нежели въ Англіи. Тѣмъ не менѣе въ наполеоновскую эпоху и въ самой Франціи сдѣлано было не мало изобрѣтеній, оказавшихъ потомъ большое вліяніе на французскую промышленность и содѣйствовавшихъ развитію въ ней капитализма, крупнаго производства и пролетаріата. Это было вообще время приложенія къ промышленности научнаго знанія, и особенно много въ этомъ отношеніи сдѣлано было въ области примѣненія химіи къ техническимъ производствамъ, въ которыхъ Франція положительно опередила другія націи. Среди ученыхъ, прославившихся въ эту эпоху техническими открытіями въ области химіи, особенно извѣстенъ Шапталь, который, какъ мы видѣли въ другомъ мѣстѣ, занималъ и видные посты на государственной службѣ. Онъ не мало содѣйствовалъ усовершенствованію свеклосахарнаго производства, которое развилось во Франціи особенно подъ вліяніемъ континентальной системы: послѣ 1828 г. во Франціи возникло до 600 сахарныхъ заводовъ. Было сдѣлано также не мало и механическихъ изобрѣтеній, которыя могутъ быть поставлены рядомъ съ англійскими. Знаменитымъ изобрѣтателемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крупнымъ предпринимателемъ былъ Ришаръ, не мало содѣйствовавшій развитію хлопчатобумажной и льняной промышленности. Онъ воспользовался завоеваніемъ Неаполя, чтобы начать разводить тамъ хлопокъ, но такъ какъ запретительная система Наполеона мѣшала ввозу этого продукта, то Ришару дана была вознаградительная субсидія въ размѣрѣ полутора милліона франковъ. Ришаръ основалъ во Франціи около сорока бумаго- и льнопрядильныхъ фабрикъ и нажилъ 14 милліоновъ. Рядомъ съ нимъ слѣ-

дуетъ поставить Жирара, который изобрѣлъ нѣсколько новыхъ производствъ и сдѣлалъ разныя усовершенствованія въ прежнихъ машинахъ. Когда Наполеонъ, желавшій противопоставить англійской хлопчато-бумажной промышленности французскую льняную, декретомъ 11 мая 1810 г. назначилъ милліонную премію за наилучшую льнопрядильную машину, Жираръ взялся за это дѣло и черезъ два съ небольшимъ мѣсяца получилъ патентъ на свое изобрѣтеніе. Въ 1813 г. были уже основаны большія льнопрядильныя фабрики, но англичане впослѣдствіи воспользовались сами этимъ изобрѣтеніемъ. Около 1800 г. Жаккаръ изобрѣлъ ткацкій станокъ для выдѣлки самыхъ сложныхъ узорчатыхъ тканей, секретъ котораго онъ продалъ правительству за пожизненную ренту въ 3 т. франковъ. Его изобрѣтеніе стало скоро распространяться, но вызвало страшное неудовольствіе со стороны рабочихъ. Въ Ліонѣ произошли даже серьезные безпорядки, во время которыхъ самъ изобрѣтатель едва не погибъ. Однако, уже въ 1812 г. въ этомъ городѣ дѣйствовало 12 тысячъ станковъ Жаккара, а въ 1834 г. (годъ смерти изобрѣтателя) число ихъ возросло до 30 тысячъ. Подъ вліяніемъ этихъ изобрѣтеній и заимствованій изъ Англіи и французская промышленность стала мало-по-малу перестраиваться по новому образцу.

Въ эпоху имперіи машины во Франціи были еще рѣдки, и настоящимъ періодомъ введенія механическаго производства во Франціи была эпоха реставраціи. На промышленной выставкѣ 1819 г. жюри уже отмѣтило нѣкоторые успѣхи въ этомъ дѣлѣ, заявивъ, что въ извѣстныхъ производствахъ фабрики, работающія машинами, скоро вытѣснятъ рутинные способы выдѣлки товаровъ, и что новыя изобрѣтенія не только увеличатъ количество продукта, но вмѣстѣ съ тѣмъ и послужатъ къ освобожденію рабочихъ отъ ихъ нищеты. Но сами рабочіе думали иначе: во Франціи, какъ и въ Англіи, машины были встрѣчены ими крайне недружелюбно. Вскорѣ и здѣсь стали обнаруживаться тѣ же послѣдствія введенія машинъ, какъ и въ Англіи, до эксплуатаціи дѣтскаго труда включительно. Идея промышленной свободы все болѣе и болѣе оказывалась благопріятною для развитія капиталистическаго производства, и поэтому буржуазія защищала ее противъ ультра-роялистовъ, которые изъ ненависти ко всему, что̀ имѣло революціонное происхожденіе, наоборотъ, требовали возстановленія старыхъ цеховыхъ учрежденій. Въ такомъ именно смыслѣ уже въ безподобной палатѣ сдѣлано было предложеніе, которое возобновлялось и впослѣдствіи, тѣмъ болѣе, что въ его пользу велась агитація и во всей странѣ. Буржуазія, съ своей стороны, всячески противодѣйствовала возстановленію старой регламентаціи труда, но среди мелкихъ мастеровъ и рабочихъ идея возрожденія товариществъ была довольно

популярна. Среди представителей стараго порядка были люди, понимавшіе, что интересы рабочихъ, дѣйствительно, требуютъ введенія ассоціацій. Напр., гр. Вильневъ-Баржемонъ, бывшій за все время реставраціи префектомъ, въ своей „Христіанской политической экономіи“, — вышедшей въ свѣтъ, впрочемъ, уже послѣ іюльской революціи,—указывалъ на то, что „учрежденіе такихъ ассоціацій работниковъ, которыя, не стѣсняя промышленности и не сопровождаясь печальными послѣдствіями прежнихъ метризъ и жюрандъ, поддержали бы духъ общенія и взаимопомощи“ между рабочими, было бы въ высшей степени благодѣтельно. Сами рабочіе нѣкоторыхъ категорій просили введенія въ ихъ средѣ синдикатовъ, но палаты стояли на точкѣ зрѣнія необходимости поддерживать промышленную свободу. Буржуазія все болѣе и болѣе склонялась и къ принципу свободной торговли. Въ этомъ смыслѣ былъ, напр., составленъ адресъ палаты, вышедшей изъ выборовъ 1827 г. Мартиньякъ даже создалъ отдѣльное министерство торговли, а палата назначила особую коммиссію (1828) для изслѣдованія поднятаго въ адресѣ вопроса. Но рабочій вопросъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ уже начиналъ ставиться въ Англіи, едва только намѣчался во Франціи временъ реставраціи. Задачи, вытекавшія изъ положенія дѣлъ, были еще новыми, и „онѣ, какъ говоритъ историкъ рабочаго класса во Франціи [1]), еще не получали значенія угрозы, направленной противъ существующаго общественнаго строя. Просвѣщенный классъ общества совсѣмъ не интересовался этими вопросами. Самъ рабочій классъ еще не поднимался до образованія общихъ взглядовъ на свое положеніе и не составлялъ еще политической партіи. Правительство реставраціи сдѣлало мало для разрѣшенія этихъ вопросовъ и не только потому, что у людей, стоявшихъ во главѣ правленія, интересы были совсѣмъ иные, но и потому, что самые вопросы еще недостаточно назрѣли“. Притомъ эпоха реставраціи была еще временемъ сравнительнаго благосостоянія народныхъ массъ. Недовольство настоящимъ имѣло болѣе политическій, чѣмъ экономическій характеръ, не считая сравнительно немногихъ стачекъ съ цѣлью повышенія заработной платы. Но рабочій вопросъ въ его современной формѣ все-таки нарождался. Это прежде всего доказало знаменитое возстаніе рабочихъ въ Ліонѣ въ ноябрѣ 1831 года, вызванное застоемъ въ дѣлахъ и совершенно не имѣвшее политическаго характера, которымъ отличались всѣ прежнія волненія среди низшихъ классовъ городского населенія. Извѣстно, что боевымъ крикомъ ліонскаго пролетаріата, доведеннаго неуступчивостью фабрикантовъ до бунта, было:

---

[1]) *Levasseur*. Histoire des classes ouvrières en France depuis 1789 г.

„жить, трудясь, или погибать, сражаясь" (vivre en travaillant ou mourir en combattant!).

Въ слѣдующихъ періодахъ исторіи XIX в. рабочій вопросъ дѣлается однимъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ, получившихъ политическое значеніе. Односторонность либерализма эпохи реставраціи заключалась въ томъ, что онъ или совсѣмъ игнорировалъ экономическіе вопросы, или разрѣшалъ ихъ въ смыслѣ, выгодномъ лишь для одной буржуазіи. Демократическимъ стремленіямъ конца XVIII в. былъ вообще нанесенъ ударъ политическими неудачами революціи и деспотизмомъ Наполеона, опиравшагося на демократическій же принципъ всенароднаго избранія, да и сами демократическія идеи эпохи касались лишь области одной политики, не проникая въ сферу вопросовъ народнаго хозяйства. Буржуазный либерализмъ и политическій демократизмъ эпохи не могъ, однако, удовлетворить народныхъ массъ, и онѣ стали прислушиваться въ слѣдующемъ періодѣ къ ученіямъ иного рода, въ которыхъ свобода личности и участіе во власти уже не играли прежней роли. Мало того: эти новыя ученія нерѣдко представляли изъ себя даже реакцію противъ указанныхъ двухъ идей, заходившую такъ далеко, что ради экономическаго обезпеченія нерѣдко отвергались блага индивидуальной и общественной свободы, какъ будто бы благосостояніе и свобода были по существу дѣла вещами, между собой несовмѣстимыми.

XXVI. Экономическія теоріи эпохи въ связи съ моральными и политическими ученіями.

Связь политической экономіи съ фактическими отношеніями и господствующими идеями эпохи.—Двоякаго рода оппоненты политической экономіи.—Задача дальнѣйшаго изложенія. — Связь экономическихъ ученій съ политическимъ либерализмомъ и взгляды Бенжамена Констана и Бентама на промышленную свободу.—Утилитаризмъ и политическая экономія. — «Естественный порядокъ» физіократовъ и ученіе Адама Смита о промышленной свободѣ.—Популярность этого ученія въ буржуазіи.—Заботы политической экономіи о наибольшемъ производствѣ и предпочтеніе къ крупнымъ предпріятіямъ.—Разрушеніе взгляда на экономическую гармонію и теорія Мальтуса. — Взглядъ Рикардо на взаимныя отношенія прибыли и заработной платы.—Недостатокъ общаго взгляда Ж. Б. Сэя.—«Философія мануфактуръ» Эра.—Сисмонди, какъ критикъ школы Адама Смита.—Сближеніе теоріи Сисмонди съ соціализмомъ.

Отъ экономическихъ фактовъ мы переходимъ теперь къ экономическимъ идеямъ. Подобно тому, какъ политическія теоріи уясняются политическою жизнью, которая ихъ породила и на которую въ свою очередь онѣ оказали вліяніе, такъ точно и экономическія ученія

стоять въ очень тѣсной связи съ экономическою дѣйствительностью своего времени. Общественныя науки, къ числу которыхъ относится и политическая экономія, всегда отражають на себѣ ту культурно-соціальную среду, въ которой онѣ развиваются, и въ извѣстныхъ случаяхъ, кромѣ того, сами оказывають вліяніе на эту среду. Политическая экономія, какъ наука, совершенно обособившаяся отъ политики, зародилась лишь во второй половинѣ XVIII вѣка и стала развиваться какъ-разъ въ ту эпоху, когда началась та „индустріальная революція“, о которой только-что шла рѣчь. Эта одновременность возникновенія новыхъ формъ народнаго хозяйства и новой науки, поставившей своею задачею изученіе послѣдняго, имѣетъ весьма важное значеніе, указывая и на ту связь, въ какой находятся между собою факты и идеи въ исторіи общественной жизни. Хотя уже французская школа физіократовъ представляетъ изъ себя первое политико-экономическое направленіе, стремившееся дать полную теорію народнаго хозяйства, тѣмъ не менѣе настоящимъ родоначальникомъ политической экономіи былъ все-таки англичанинъ Адамъ Смитъ [1]), и ранѣе всего политическая экономія въ смыслѣ дѣйствительной науки, обнаружившей способность къ дальнѣйшему развитію, стала разрабатываться вообще именно въ Англіи, —откуда лишь въ началѣ XIX в. она перешла въ другія страны Европы, —въ той самой Англіи, гдѣ ранѣе всего совершился экономическій переворотъ, приведшій къ современному капиталистическому производству. При этомъ лишь рѣзкое раздѣленіе экономическаго общества на землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ, которое, какъ мы знаемъ, произошло въ Англіи, позволило Адаму Смиту совершить свой анализъ факторовъ, участвующихъ въ производствѣ (каковыми являются земля, капиталъ и трудъ). И вообще вся англійская школа политической экономіи, ведущая свое начало отъ Адама Смита, носитъ на себѣ слѣды возникновенія въ извѣстномъ общественномъ строѣ, который всею школою сталъ поэтому считаться нормальнымъ и даже образцовымъ. Въ смыслѣ, такъ сказать, расположенія къ отдѣленію труда отъ орудій производства, характеризующему англійскую политическую экономію, эта школа является непосредственнымъ продолженіемъ французской физіократіи, также проповѣдовавшей необходимость превращенія мелкихъ сельскихъ хозяевъ въ наемныхъ рабочихъ въ болѣе крупныхъ фермахъ. Дѣло въ томъ, что и физіократамъ, и послѣдователямъ Адама Смита бросалась въ глаза выгодная сторона крупнаго производства, какъ одного изъ наилучшихъ средствъ къ тому, чтобы

---

[1]) О немъ: *Oncken* (1874), *Inama-Sternegg* (1876), *Helferig* (1877), *Delatour* (1884), *Haldane* (1887), *Walcker* (1890), *John Rae* (1895), *Zeyss* (1899) *В. Яковенко* (1893) и др.

производить какъ можно болѣе и тѣмъ увеличивать національное богатство. Заботы объ этомъ возрастаніи производства будутъ намъ вполнѣ понятны, если мы примемъ въ расчетъ, что въ XVIII в. очень часто страдали отъ недостатка сельско-хозяйственныхъ и отчасти промышленныхъ продуктовъ, и что вопросъ объ увеличеніи производства былъ жгучимъ вопросомъ времени, особенно во Франціи въ эпоху развитія физіократической литературы.

Съ французской экономической школой англійская имѣетъ и другія точки соприкосновенія. Обѣ онѣ возникли въ ту эпоху, когда требованіе свободы было однимъ изъ главныхъ требованій, предъявлявшихся въ литературѣ по отношенію и къ государству, и къ церкви, и къ обществу, — свободы для отдѣльной личности въ вопросахъ совѣсти и мысли, въ дѣлѣ распоряженія своимъ достояніемъ и трудомъ, свободы и для цѣлаго общества въ его политической, культурной и экономической жизни. И физіократія, и англійская политическая экономія явились съ проповѣдью предоставленія индивидууму и обществу въ дѣлахъ, касающихся ихъ матеріальнаго благополучія, наибольшей свободы. Въ этомъ смыслѣ обѣ онѣ были реакціей противъ того поглощенія личности государствомъ и того правительственнаго вмѣшательства въ частную жизнь, которыя особенно характеризуютъ абсолютную монархію и „полицейское государство" XVII и XVIII вв. И физіократы, и Адамъ Смитъ въ теоріи признавали, что свобода является однимъ изъ самыхъ лучшихъ средствъ для уврачеванія всякихъ соціальныхъ золъ, и вѣрили, что и между отдѣльными лицами, и между общественными классами существуетъ гармонія интересовъ. Нужно только каждому предоставить свободу дѣйствовать въ своемъ собственномъ интересѣ, который, конечно, ему самому извѣстенъ лучше, чѣмъ кому бы то ни было другому, и изъ взаимодѣйствія индивидуальныхъ стремленій „естественный порядокъ" хозяйственной жизни (своего рода „естественное право" въ области экономики) создастъ гармонію интересовъ ко благу всѣхъ. Дѣйствительность скоро поколебала этотъ оптимистическій взглядъ, и уже ближайшіе преемники Адама Смита (Мальтусъ и Рикардо) формулировали теоріи, далеко расходившіяся съ такою концепціей, но нѣкоторое время указанный взглядъ на гармонію интересовъ казался неопровержимымъ. Та мысль, что каждый, осуществляя свой личный интересъ, въ то же время осуществляетъ и общее благо, кромѣ того, породила въ области этическихъ теорій такъ называемый утилитаризмъ, однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей котораго былъ Бентамъ.

У той жизни, которую научно стала изслѣдовать политическая экономія, была, однако, и обратная сторона, и эту обратную сторону новая наука бралась не разъ оправдывать — съ той или иной точки

зрѣнія. Поэтому ученія политической экономіи могли подвергнуться критикѣ, смотря по тому, отрицались ли данное положеніе и теорія, возводившая его въ принципъ, во имя прошедшаго и завѣщанныхъ имъ формъ, или же отрицались они во имя лучшаго будущаго, которое должно придти на смѣну неприглядному настоящему. Консерваторы и реакціонеры явились въ общемъ недоброжелателями и даже врагами политической экономіи, противопоставивъ ея принципамъ отживавшія традиціонныя начала. Они чувствовали и даже сознавали, что политическая экономія была сродни французской революціи, такъ какъ обѣ онѣ провозглашали верховное право личности, такъ какъ обѣ разрушали старыя корпоративныя начала. Но указанія на такія стороны новыхъ отношеній и новыхъ ученій, которыя дѣйствительно оказывались вредными для народной массы (напр., превращеніе крестьянъ-хозяевъ въ наемныхъ рабочихъ, уничтоженіе рабочихъ ассоціацій и т. п.), въ этомъ лагерѣ обыкновенно шли подъ знаменемъ культурнаго и политическаго ретроградства и соединялись очень часто съ соціальною реакціею землевладѣльческой аристократіи противъ капиталистической буржуазіи, что̀ лишало силы ту долю истины, какая заключалась въ ихъ оппозиціи противъ политической экономіи. Но подобная же оппозиція шла и съ другой стороны. Политическая экономія прежде всего стремилась понять сущность народнаго хозяйства, относясь съ положительной точки зрѣнія къ даннымъ въ дѣйствительности отношеніямъ, но въ жизни, ею изучавшейся, было не мало и отрицательныхъ сторонъ, противъ которыхъ можно было многое сказать и съ точки зрѣнія гуманныхъ идей и высокаго пониманія задачъ общества и государства, характеризующихъ общественную литературу XVIII в. Противорѣчія между тѣми положеніями, какія личность стала занимать, съ одной стороны, въ государствѣ, благодаря признанію „правъ человѣка и гражданина", а съ другой—въ экономическомъ строѣ общества вслѣдствіе „индустріальной революціи"; несоотвѣтствіе между результатами промышленной свободы, приводившей къ свободѣ „умирать отъ голода", и надеждами, возлагавшимися на эту самую свободу; рѣзкое раздѣленіе общества на богатыхъ предпринимателей и нищихъ рабочихъ въ эпоху, наступившую за величайшею демократической революціей, какихъ раньше никогда не бывало; угнетеніе труда капиталомъ послѣ того, какъ свобода личности была объявлена самымъ священнымъ ея правомъ; наконецъ, ростъ пауперизма въ то самое время, какъ возрастало и возрастало быстрѣе, чѣмъ когда бы то ни было, національное богатство, — все это породило рядомъ съ политическою экономіей цѣлый рядъ ученій, отрицавшихъ положенія этой науки, чтобы замѣнить ихъ новыми, въ основу которыхъ клалось, однако, на первыхъ порахъ не научное изслѣдованіе дѣйствительности,

составляющее силу политической экономіи, а соціально-этическое творчество идеаловъ, породившее такъ называемый утопическій соціализмъ первой трети XIX вѣка.

Конецъ этого тома мы и посвящаемъ исторіи экономическихъ и соціальныхъ ученій эпохи, въ немъ разсматриваемой. Конечно, нашей задачей въ этомъ общемъ трудѣ не должно быть то, что̀ могло бы составить содержаніе только спеціальнаго труда по исторіи политической экономіи и соціализма, и мы не станемъ излагать, какъ же вырабатывалось все, что̀ только составляетъ сущность самой экономической науки. Для насъ на первомъ планѣ должны стоять вопросы о томъ, какъ, во-первыхъ, сказались на экономическихъ и соціальныхъ ученіяхъ условія времени ихъ возникновенія, и съ какой точки зрѣнія, во-вторыхъ, эти ученія отнеслись къ современности, которую должны были объяснить для того, чтобы быть въ состояніи ею управлять. Кромѣ того, мы должны познакомиться и съ тѣмъ, какими экономическими идеями жила буржуазія въ эпоху, когда начиналось ея позднѣйшее могущество, и, наоборотъ, какъ зарождались тѣ ученія, которымъ потомъ, т.-е. въ слѣдующіе періоды новѣйшей исторіи, суждено было сдѣлаться особенно популярными среди рабочаго класса Западной Европы.

Остановимся прежде всего на той связи, какая установилась между экономическими ученіями и политическими стремленіями начала XIX вѣка. Французская физіократія, несмотря на проповѣдь экономической свободы, въ политическомъ отношеніи не можетъ быть причислена къ либеральному направленію. Физіократы мечтали о такой „экономической монархіи“, которою осуществлялся бы ихъ принципъ „легальнаго деспотизма“, т.-е. стояли на точкѣ зрѣнія просвѣщеннаго абсолютизма. Англійская политическая экономія возникла и развилась въ странѣ конституціонной свободы и стала распространяться на континентѣ какъ-разъ въ эпоху зарожденія либерализма. Представители послѣдняго проповѣдовали „свободу во всемъ“, какъ выразился Бенжаменъ Констанъ, и между прочимъ свободу въ области промышленности, такъ что и политическія, и экономическія стремленія эпохи объединялись на почвѣ однихъ и тѣхъ же принциповъ—индивидуальной свободы во всѣхъ сферахъ личной жизни и государственнаго невмѣшательства въ эту самую жизнь. Съ другой стороны, и политическія, и экономическія воззрѣнія эпохи благопріятствовали главнымъ образомъ одному общественному классу — „третьему сословію“, т.-е. буржуазіи, которая, побѣдивъ аристократію, еще не имѣла противъ себя сплоченнаго рабочаго класса, этого „четвертаго сословія“ новѣйшей исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ интересахъ самой политической свободы, благими результатами которой de jure должны были одинаково

пользоваться всѣ классы общества, но которую оказывалось опаснымъ поручать охранѣ непосредственно ею не дорожившихъ народныхъ массъ, либерализмъ разсматриваемой эпохи ограничивалъ политическія права всей націи въ пользу наиболѣе зажиточнаго и просвѣщеннаго класса, забывая, однако, при этомъ, что тотъ классъ, въ руки котораго переходила политическая власть, можетъ направлять внутреннюю политику въ виду исключительно своихъ интересовъ и даже прямо выступать на путь политической реакціи для противодѣйствія демократическимъ стремленіямъ. Какъ бы тамъ ни было, либералы, искренно вѣрившіе въ то, что свобода несетъ съ собою благо всему народу, въ интересахъ этой самой свободы ограничивали пользованіе политическими правами лишь имущими классами общества. Совершенно такъ же экономисты, вѣрившіе, что увеличеніе производства и ростъ національнаго богатства создадутъ благосостояніе всѣхъ классовъ общества, прославляли въ интересахъ этого самаго производства и національнаго богатства крупную промышленность, находившуюся въ рукахъ буржуазіи, не принимая въ расчетъ, что послѣдняя станетъ отожествлять интересы производства и національное богатство со своими классовыми интересами и съ богатствомъ своего класса, въ силу чего народное благо можетъ оказаться и не въ выигрышѣ. Не нужно, однако, думать, чтобы теоретики свободы въ данномъ случаѣ кривили душой и сознательно игнорировали опасность предоставленія всей политической свободы и всего экономическаго могущества, т.-е. права распоряженія государственною и хозяйственною жизнью — одному только общественному классу; но зато самъ этотъ классъ, дѣйствительно, понималъ свою выгоду и потому былъ весьма расположенъ къ либеральнымъ политическимъ и экономическимъ теоріямъ. Поставить въ упрекъ политическимъ либераламъ эпохи можно не недобросовѣстность, а недостаточную вдумчивость въ соціальныя отношенія. Если, напр., Бенжаменъ Констанъ, съ политической теоріей котораго мы уже знакомы [1]), требовалъ полной промышленной свободы, то вытекало это у него изъ общаго принципа, провозглашеннаго имъ въ безусловной чистотѣ, а никакъ не изъ желанія защищать интересы извѣстнаго общественнаго класса, хотя на самомъ дѣлѣ такая защита въ результатѣ и получалась. Въ виду того, что историки экономическихъ ученій обыкновенно не обращаютъ вниманія на то, какую постановку получали тѣ же самые вопросы, которыми занимались экономисты, у политическихъ писателей, касавшихся собственности, промышленности, труда и т. п., мы и остановимся здѣсь на воззрѣніяхъ характернѣйшаго либеральнаго писателя эпохи — Бенжамена

---

[1]) См. главу XIV.

Констана, чтобы показать, въ чемъ въ сущности заключалось ученіе политическаго либерализма въ примѣненіи къ экономическимъ вопросамъ, о которыхъ, прибавимъ, политическіе писатели, однако, думали сами слишкомъ мало.

„Такъ какъ, — говоритъ Бенжаменъ Констанъ, — общество не имѣетъ иныхъ правъ надъ индивидуумами, кромѣ права препятствовать имъ вредить другъ другу, то оно можетъ имѣть право вмѣшательства (juridiction) въ промышленность лишь въ предположеніи происходящаго отъ нея вреда. Но промышленность отдѣльнаго лица не можетъ вредить его ближнимъ до тѣхъ поръ, пока это лицо не призываетъ на помощь своему предпріятію и во вредъ предпріятіямъ чужимъ постороннія силы. Сущность индустріи—въ борьбѣ съ соперниками путемъ совершенно свободной конкурренціи и при помощи усилій добиться внутренняго превосходства. Всѣ средства иного рода, къ которымъ стали бы тутъ прибѣгать, представляли бы собою уже не промышленность, но или угнетеніе, или обманъ. Общество должно было бы имѣть право и даже обязанность подавлять такія средства, но изъ этого права общества вытекаетъ, что у него нѣтъ права употреблять въ пользу промышленныхъ интересовъ одного и во вредъ промышленнымъ интересамъ другихъ—такія средства, пользованіе которыми оно всѣмъ должно запрещать“. Съ этой точки зрѣнія Бенжаменъ Констанъ возставалъ противъ всякихъ запрещеній и монополій и также противъ всякихъ поощреній. Между прочимъ онъ вооружался и противъ старыхъ цеховыхъ установленій, находя ихъ несправедливыми и нелѣпыми, такъ какъ они лишали человѣка, нуждающагося въ трудѣ, возможности работать и подъ предлогомъ усовершенствованія ремеслъ создавали препятствія для свободной конкурренціи, этого наиболѣе дѣйствительнаго средства совершенствованія всѣхъ производствъ. Вмѣстѣ съ этимъ Бенжаменъ Констанъ высказывался противъ регламентаціи заработной платы, въ данномъ случаѣ уже прямо защищая интересы рабочаго. Бѣднякъ, нуждающійся въ трудѣ, чтобы не умереть съ голоду и не уморить свою семью, и безъ того находится во власти богача, могущаго отказать ему въ работѣ, а тутъ противъ бѣдняка были бы еще законы, устанавливающіе размѣръ платы безъ всякаго вниманія къ обстоятельствамъ, къ ловкости или усердію рабочаго. „Не думайте, будто установленіе заработной платы нужно для того, чтобы подавлять чрезмѣрную требовательность работниковъ и вздорожаніе рабочихъ рукъ. Бѣдность имѣетъ очень скромныя желанія. Развѣ простой голодъ не заставляетъ рабочаго, оставивъ въ сторонѣ всякія разсужденія о своихъ правахъ, продавать свое время и свои силы ниже дѣйствительной ихъ стоимости? Къ чему регламентація, когда сама природа вещей устанавливаетъ законъ безъ какихъ

бы то ни было прижимокъ и насилія?“ Съ точки зрѣнія интересовъ потребителей она тоже ненужна: „между публикой и рабочимъ существуетъ безжалостный классъ хозяевъ (maitres). Сколько лишь возможно, онъ даетъ наименьшую плату и стремится получать какъ можно больше, извлекая одновременно выгоду и изъ нуждъ рабочаго класса, и изъ потребностей зажиточной части общества. Есть вѣчная причина равновѣсія между цѣною и стоимостью труда, причина, дѣйствующая безъ принужденія и такъ, чтобы всѣ расчеты были благоразумны и всѣ интересы удовлетворены. Эта причина заключается въ конкурренціи, а ее-то и отвергаютъ“. Въ числѣ аргументовъ противъ поощреній Бенжаменъ Констанъ указывалъ на то, что они убиваютъ предпріимчивость населенія и заставляютъ его слишкомъ полагаться на правительственную помощь. „Въ государствахъ со свободными учрежденіями, говоритъ еще Бенжаменъ Констанъ, вопросъ о поощреніяхъ и воспособленіяхъ можетъ быть разсматриваемъ и съ особой точки зрѣнія. Хорошо ли, чтобы правительство привязывало къ себѣ извѣстные классы управляемыхъ посредствомъ щедротъ, по существу своему произвольныхъ, хотя бы распредѣлялись онѣ вполнѣ разумно? Развѣ нельзя опасаться, что эти классы, соблазненные непосредственною и положительною выгодой, могутъ сдѣлаться равнодушными къ нарушеніямъ индивидуальной свободы или справедливости?“ Каждый лучше другихъ знаетъ собственный свой интересъ. „Истинное поощреніе для всѣхъ родовъ труда заключается въ потребности, какую въ немъ чувствуютъ. Достаточно одной свободы, чтобы поддерживать ихъ всѣ въ спасительной и надлежащей пропорціи“. По мнѣнію Бенжамена Констана, писатели, указывавшіе на бѣдственное положеніе трудящихся классовъ общества при произвольныхъ правительствахъ, напрасно думали, что прямымъ дѣйствіемъ власти можно было бы облегчить ихъ положеніе: причина бѣдствія — въ дурномъ политическомъ устройствѣ, лѣкарство - только въ свободѣ и справедливости.

Къ этой передачѣ экономическихъ воззрѣній Бенжамена Констана нужно прибавить нѣсколько комментаріевъ. Во-первыхъ, представляемый имъ либерализмъ отнюдь не отрицалъ права государственнаго вмѣшательства въ промышленность, разъ отъ послѣдней происходитъ вредъ. Во-вторыхъ, этотъ либерализмъ высказывался противъ какой бы то ни было искусственной помощи промышленности со стороны какихъ бы то ни было постороннихъ силъ, а въ сущности вѣдь такою постороннею помощью промышленнымъ предпринимателямъ и было запрещеніе рабочихъ коалицій. Въ-третьихъ, высказываясь противъ регламентаціи рабочей платы, онъ защищалъ интересы не фабрикантовъ, а рабочихъ, такъ какъ раньше обыкновенно эта регламентація имѣла именно характеръ правительственнаго вмѣша-

тельства въ пользу предпринимателей, хотя, конечно, у этого предмета есть и другая сторона, почему-то не приходившая въ голову Бенжамена Констана: онъ совсѣмъ не разбираетъ вопроса о регламентаціи труда въ пользу рабочаго. Въ-четвертыхъ, самъ Бенжаменъ Констанъ называетъ классъ хозяевъ „безжалостнымъ", чего, разумѣется, онъ не сталъ бы говорить, если бы защита имъ промышленной свободы была внушена ему интересами этого класса. Въ-пятыхъ, Бенжаменъ Констанъ вполнѣ раздѣляетъ оптимистическую вѣру многихъ людей своей эпохи, что свободная конкурренція заключаетъ въ себѣ наилучшее средство къ устраненію всѣхъ несовершенствъ жизни. Наконецъ, онъ прямо вооружается противъ того, чтобы поощряемые государственною властью промышленные классы жертвовали свободою и справедливостью ради поддержки такого правительства, которое служитъ лишь ихъ матеріальнымъ интересамъ. Въ общемъ, значитъ, Бенжаменъ Констанъ защищалъ промышленную свободу bona fide, вѣря въ дѣйствительную ея спасительность въ интересахъ самой же народной массы.

Возьмемъ теперь другого политическаго писателя эпохи — Бентама. Онъ тоже принадлежалъ къ числу передовыхъ либераловъ эпохи, и въ то же время его политическая теорія была вполнѣ демократическою [1]), такъ что заподозрить его стремленія въ особой „буржуазности" нѣтъ никакихъ основаній. Мы видѣли, что въ его теоріи верховнымъ принципомъ нравственности, законодательства и управленія государствомъ было наибольшее счастье наибольшаго числа людей, но это и Бентаму не мѣшало быть однимъ изъ ревностныхъ проповѣдниковъ государственнаго невмѣшательства въ экономическую жизнь. Его моральная философія и экономическія воззрѣнія оказали вообще значительное вліяніе на политическую экономію въ Англіи. Онъ самъ считалъ себя „духовнымъ дѣдомъ" экономиста Рикардо, „духовнаго сына" Джемса Милля, для котораго Бентамъ былъ въ собственныхъ глазахъ „духовнымъ отцомъ". Въ частности, напр., извѣстно, что Бентамъ въ своемъ сочиненіи „Защита денежнаго роста" (Defence of usury) возставалъ противъ законовъ, ограничивавшихъ процентныя операціи, чѣмъ не мало способствовалъ отмѣнѣ ихъ и на родинѣ, и въ другихъ европейскихъ странахъ. Въ основѣ всѣхъ соціологическихъ воззрѣній Бентама лежала его этическая доктрина—утилитаризмъ [2]). Каждый человѣкъ стремится къ личному счастью, и потому главный предметъ его заботы, это—онъ самъ, вслѣдствіе чего собственный интересъ для него важнѣе ка-

[1]) См. въ главѣ XXI.

[2]) Представителемъ утилитаризма былъ и видный экономистъ середины XIX в. Джонъ Стюартъ Милль.

кихъ бы то ни было другихъ интересовъ. Это, думаетъ Бентамъ, отнюдь не можетъ препятствовать добродѣтели, ибо что̀ такое общее благо, какъ не простая сумма индивидуальныхъ благъ? Съ этой точки зрѣнія идею долга, во имя котораго моралисты требуютъ отказа отъ собственнаго интереса, Бентамъ называлъ звучнымъ, но въ сущности совершенно пустымъ словомъ. Человѣкъ служитъ другому человѣку лишь постольку, поскольку находитъ въ этомъ выгоду, и есть масса случаевъ, гдѣ людская солидарность и сама представляетъ изъ себя выгоду для всѣхъ. Къ сожалѣнію, люди, стремясь къ счастью, не всегда понимаютъ, какими способами его достигать, такъ что если бы люди на этомъ пути никогда не дѣлали ложныхъ шаговъ, т.-е. если бы производили всегда вѣрный расчетъ, то этимъ самымъ осуществилось бы общее благополучіе. Тѣмъ не менѣе единственнымъ компетентнымъ судьей своей собственной пользы можетъ быть только самъ человѣкъ, а потому слѣдуетъ человѣку, достигшему извѣстнаго возраста и находящемуся въ здравомъ умѣ, предоставить свободу сужденія и дѣйствія во всѣхъ вопросахъ, касающихся его собственной пользы. Эти взгляды Бентама имѣютъ несомнѣнное сродство съ тою посылкою, которую Адамъ Смитъ положилъ въ основу своей политической экономіи, такъ какъ для цѣлей научнаго анализа ему какъ-разъ нужно было сдѣлать предположеніе, что въ хозяйственной дѣятельности человѣкъ прежде всего руководится собственнымъ матеріальнымъ интересомъ, и этому, по его мнѣнію, отнюдь и не слѣдуетъ препятствовать, такъ какъ, стремясь къ личной выгодѣ, люди тѣмъ самымъ достигаютъ и общей пользы. Хотя Адамъ Смитъ въ своей экономической теоріи и взялъ человѣка подъ угломъ зрѣнія утилитаризма, самъ онъ, какъ извѣстно, вовсе не былъ представителемъ этой доктрины. Онъ состоялъ профессоромъ морали въ Глазго, и его курсъ обнималъ собою естественное богословіе, этику, право и экономику, причемъ ранѣе своего „Богатства народовъ“ (1776), съ котораго начинается развитіе политической экономіи, онъ издалъ первыя части своего курса подъ заглавіемъ „Теоріи нравственныхъ чувствъ“ (1759), гдѣ развивалъ ученіе о происхожденіи нравственности изъ симпатіи, т.-е. любви къ ближнему, изъ начала, противоположнаго эгоизму.

Чтобы понять исходную точку зрѣнія новой политической экономіи на мотивы хозяйственной дѣятельности человѣка, которой должна была быть предоставлена наибольшая свобода, нужно прежде всего принять во вниманіе, что Адамъ Смитъ, учившій самъ о симпатіи, какъ объ истинной основѣ морали, находилъ нужнымъ для цѣлей своего экономическаго изслѣдованія стать, наоборотъ, на точку зрѣнія утилитаризма, такъ какъ хозяйственная дѣятельность человѣка, дѣйствительно, прежде всего опредѣляется стремленіемъ къ матеріальному благо-

состоянію личности. Съ другой стороны Адамъ Смитъ усвоилъ себѣ физіократическое ученіе объ „естественномъ порядкѣ" экономической жизни, устанавливаемомъ „властью природы" безъ искусственнаго вмѣшательства со стороны человѣка, которое-де, наоборотъ, въ этомъ дѣлѣ можетъ только напортить, и о томъ, что этотъ „естественный порядокъ" силою „естественнаго закона" заключается въ гармоніи интересовъ. На Адамѣ Смитѣ, который въ 1765 г. ѣздилъ въ Парижъ и сошелся тамъ очень близко съ физіократами, съ большою силою сказалось вліяніе философскихъ воззрѣній этой школы. Физіократы были врагами государственной опеки и правительственнаго произвола, царившихъ въ XVIII в., Адамъ Смитъ—тоже, и жили они и писали еще въ ту эпоху, когда всѣ, какія только существовали, стѣсненія и ограниченія промышленной свободы или являлись чѣмъ-то, утратившимъ прежнія основанія своего существованія, или были прямо одними лишь препятствіями для дальнѣйшаго экономическаго развитія. Самъ Адамъ Смитъ высоко ставилъ родоначальника физіократіи Кенэ и говорилъ, что не умри послѣдній раньше, онъ ему именно и посвятилъ бы свое „Богатство народовъ". Въ свою очередь раціоналистическое представленіе объ „естественномъ порядкѣ",—который, какъ не разъ выражается самъ Адамъ Смитъ, направляется „невидимою рукою",—было видоизмѣненною формою вѣры въ мудрое божественное міроправленіе, устраивающее вездѣ гармонію. XVIII вѣкъ вообще весьма оптимистически смотрѣлъ на „природу", на „естественные законы", отожествляя ихъ съ идеалами разума и противополагая имъ неприглядную дѣйствительность, созданную искусственнымъ вмѣшательствомъ человѣка въ прекрасный „естественный порядокъ". Физіократы перенесли представленіе о такомъ порядкѣ въ область экономическихъ отношеній, и Адамъ Смитъ, читавшій курсы по естественному богословію, усвоилъ это воззрѣніе. Весь міръ народнаго хозяйства ему представлялся, какъ основанный на нѣкоторомъ внутреннемъ порядкѣ, который самъ-собою, безъ вмѣшательства государственной власти создаетъ гармонію между усиліями отдѣльныхъ лицъ, разъ имъ предоставлена свобода безпрепятственно проявлять свои стремленія и достигать своихъ цѣлей. Адамъ Смитъ писалъ еще тогда, когда „индустріальная революція" только что начиналась, и онъ не могъ, конечно, предвидѣть ея послѣдствій вродѣ эксплуатаціи капитала трудомъ или промышленныхъ кризисовъ и другихъ подобныхъ явленій, прямо противорѣчащихъ гармоніи естественнаго порядка; потому-то онъ, чистѣйшій альтруистъ въ своей моральной философіи, безъ всякой боязни и развивалъ утилитаристическую точку зрѣнія, лучше всего объясняющую хозяйственную дѣятельность человѣка. По его представленію, мудрая природа въ каждое человѣческое существо вкладываетъ

стремленіе къ улучшенію собственнаго матеріальнаго быта, вслѣдствіе чего люди въ своей хозяйственной жизни добиваются прежде всего получить ту или другую выгоду, стараясь притомъ достигнуть ея при наименьшей затратѣ труда и средствъ: это есть то, что̀ называется хозяйственнымъ расчетомъ. Къ чему влечетъ человѣка этотъ могучій мотивъ его хозяйственной дѣятельности? Къ тому, конечно, чтобы производить какъ можно больше при наименьшемъ затрачиваніи усилій, чтобы, кромѣ того, въ случаѣ обмѣна продуктовъ дорого продавать свои продукты и, наоборотъ, покупать чужіе дешево, чтобы, далѣе, пользоваться чужой землей, чужимъ капиталомъ, чужимъ трудомъ за возможно сходную цѣну, но свою землю отдавать въ наемъ, ссужать свои деньги и самому наниматься на работу, напротивъ, за самую высокую, какую только можно взять, цѣну. Человѣкъ въ экономической теоріи Адама Смита является такимъ же, какимъ Бентамъ его выставляетъ въ своей этической доктринѣ: самъ человѣкъ—единственный компетентный судья собственной выгоды, а потому какая бы то ни было опека надъ нимъ излишня. Адамъ Смитъ думаетъ, кромѣ того, что поведеніе человѣка, руководимое хозяйственнымъ расчетомъ, оказывается выгоднымъ и для всего общества, ибо таковъ естественный порядокъ вещей, устанавливаемый „невидимою рукою". Отсюда-то и выводилось у Адама Смита требованіе свободы для каждаго индивидуума въ области его хозяйства, т.-е. экономическая свобода являлась выводомъ изъ того предположенія, что природа въ своей мудрости наилучшимъ образомъ согласовываетъ между собою интересы отдѣльныхъ лицъ и изъ видимой борьбы этихъ интересовъ создаетъ дѣйствительную ихъ гармонію. Каждый человѣкъ лучше всякаго законодателя знаетъ, что̀ ему выгоднѣе, тогда какъ государственное вмѣшательство оказывается или безполезнымъ, или прямо вреднымъ. Изъ этого ученія многіе послѣдователи Адама Смита вывели два положенія, которымъ даже придали безусловное значеніе, какого у основателя политической экономіи эти положенія не имѣли,—будто хозяйственный интересъ есть единственный и исключительный мотивъ человѣческой дѣятельности, и будто самая безграничная хозяйственная свобода индивидуума есть единственное и исключительное средство для борьбы съ бѣдствіями, удручающими человѣчество въ его матеріальной жизни. Въ своей практической экономикѣ Адамъ Смитъ принималъ въ расчетъ интересы морали, воспитанія, политики и т. п., которымъ тоже должно принадлежать важное значеніе въ жизни народовъ. Возставая противъ цеховыхъ учрежденій съ ихъ устарѣлыми стѣсненіями, онъ защищалъ интересы самихъ рабочихъ, такъ какъ эти стѣсненія лишали ихъ самой священной ихъ собственности, составляющей основу всякой собственности, лишали именно права сво-

бодно распоряжаться своимъ трудомъ, своею силою и ловкостью своихъ рукъ.

Это ученіе о хозяйственномъ интересѣ, заставляющемъ получать какъ можно больше, давая, наоборотъ, какъ можно меньше, это ученіе о томъ, что никто не долженъ препятствовать отдѣльному лицу осуществлять свой интересъ, какъ оно само знаетъ, это ученіе о необходимости промышленной свободы сдѣлалось весьма популярнымъ въ классѣ крупныхъ промышленниковъ, и они весьма охотно ссылались на него, чтобы оправдывать свое поведеніе и свои требованія отъ государства. По отношенію къ рабочимъ фабриканты стали дѣйствовать именно такъ, какъ имъ подсказывалъ ихъ хозяйственный расчетъ, но онъ подсказывалъ имъ также и то, что для нихъ гораздо выгоднѣе будетъ, если государство не станетъ вмѣшиваться въ отношенія между капиталомъ и трудомъ, потому что само экономическое превосходство капитала создаетъ наиболѣе выгодныя для производства условія пользованія трудомъ рабочихъ. Вѣдь трудъ—тотъ же товаръ, одними покупаемый, другими продаваемый на основаніи совершенно свободнаго договора, а цѣна товара—въ данномъ случаѣ заработная плата—находится въ зависимости лишь отъ естественнаго закона, которымъ управляется отношеніе между спросомъ и предложеніемъ. Если рабочіе искусственными мѣрами, напр., стачками, союзами и т. п. думаютъ поднять заработную плату, они совершаютъ безсмысленный и вредный поступокъ,—безсмысленный потому, что идутъ противъ естественнаго закона, которымъ устанавливается рабочая плата, хотя бы она и оказывалась слишкомъ недостаточною для содержанія рабочихъ, а вредный потому, что этимъ нарушается промышленная свобода. Впослѣдствіи эти эгоистическія стремленія промышленной буржуазіи взяла подъ свою охрану такъ называемая манчестерская школа, устранившая изъ политической экономіи всякія соображенія нравственнаго свойства, чего никакъ нельзя ставить въ вину самому основателю политической экономіи. Формула Гурнэ: laissez faire, laissez passer лучше всего стала выражать мысль этой школы и такъ называемыхъ фритредеровъ [1]).

Возвращаемся къ изложенію основныхъ стремленій экономистовъ. И физіократы, и Адамъ Смитъ полагали, что послѣ уничтоженія всѣхъ тѣхъ помѣхъ, которыя заключались въ старой регламентаціи промышленности, производство возрастетъ, и отсюда произойдетъ общее благополучіе. Поэтому экономисты привѣтствовали все, что́ только способствовало накопленію капиталовъ, и сама политическая экономія приняла такой характеръ, будто, какъ давно уже выразился одинъ

---

1) Объ этомъ см. въ V томѣ.

писатель [1]), не богатство существуетъ для человѣка, а человѣкъ для богатства. Накопленіе, дѣйствительно, представляетъ собою одну изъ важнѣйшихъ необходимостей, но у экономистовъ произошло нѣкоторое смѣшеніе понятій, а именно, накопленіе капиталовъ стало пониматься въ смыслѣ образованія, развитія и обогащенія того общественнаго класса, который владѣетъ капиталами. Уже физіократы смѣшивали интересы сельскаго хозяйства вообще съ частными интересами земельныхъ собственниковъ и зажиточныхъ фермеровъ. Конечно, Адамъ Смитъ гораздо вѣрнѣе и полнѣе, нежели физіократы, понялъ, въ чемъ заключается національное богатство и какіе факторы участвуютъ въ его созданіи, указавъ на то, что это богатство состоитъ не въ одной землѣ, какъ думали физіократы, и не въ однѣхъ деньгахъ, какъ представляли себѣ это меркантилисты, а во всѣхъ предметахъ, служащихъ для удовлетворенія нашихъ потребностей и умноженія наслажденій, доставляемыхъ жизнью, и что факторами производства являются земля (вообще всѣ силы природы), капиталъ (сбереженные запасы, необходимые для полученія дохода) и трудъ человѣка, который у Смита является даже самымъ основнымъ факторомъ экономической жизни; но, говоря о землѣ, капиталѣ и трудѣ, какъ таковыхъ, Адамъ Смитъ весьма часто думалъ при этомъ въ сущности о землевладѣльцахъ, капиталистахъ и рабочихъ, не представляя себѣ другихъ отношеній между землею, капиталомъ и трудомъ, какъ тѣ, которыя существовали въ Англіи, гдѣ эти три фактора производства были представлены тремя различными общественными классами, тогда какъ возможно — и въ теоріи, и на практикѣ—соединеніе въ одномъ лицѣ и землевладѣльца, и капиталиста (въ смыслѣ обладателя орудій производства и запасовъ, необходимыхъ для производства), и рабочаго. Одною изъ важнѣйшихъ научныхъ заслугъ Адама Смита были сдѣланныя имъ опредѣленіе и анализъ понятія капитала, но у него нерѣдко созданіе новыхъ капиталовъ являлось равносильнымъ одностороннему обогащенію капиталистовъ. Общій интересъ, по мнѣнію Адама Смита, долженъ стремиться къ накопленію капиталовъ, потому что отъ этого, съ одной стороны, произойдетъ удешевленіе продуктовъ вслѣдствіе увеличенія ихъ предложенія на рынкѣ, а во-вторыхъ, будетъ больше фондовъ для потребленія рабочихъ, которые пользуются въ видѣ платы за трудъ частью капитала, предназначенною на воспроизведеніе потребленныхъ продуктовъ. Уже физіократы говорили о томъ, что мелкій сельскій хозяинъ не въ состояніи дать работы и, слѣдовательно, пропитанія другимъ, тогда какъ одинъ крупный фермеръ можетъ занять многихъ рабочихъ, причемъ и уму физіократовъ не представлялся

---

[1]) *Droz.*

такой порядокъ вещей, при которомъ всякій земледѣльческій рабочій былъ бы занятъ на своемъ собственномъ хозяйствѣ и не нуждался бы какъ въ томъ, чтобы нанимать къ себѣ на работу другихъ. такъ и въ томъ, чтобы самому у другихъ наниматься на работу. „Обыкновенно, писалъ аб. Бодо, смѣшиваютъ крупныхъ фермеровъ съ классомъ землевладѣльцевъ и классомъ земледѣльческихъ рабочихъ, между которыми въ истинно цивилизованныхъ обществахъ они являются только посредниками. Это смѣшеніе очень часто и на самомъ дѣлѣ достигаетъ слишкомъ большихъ размѣровъ, такъ что многіе мыслители и писатели считаютъ его весьма естественнымъ, а нѣкоторые даже становятся на такую точку зрѣнія, съ которой экономическое различіе между крупнымъ фермеромъ и двумя другими классами является какимъ-то недостаткомъ. Въ самомъ дѣлѣ, продолжаетъ онъ, во многихъ государствахъ и во многихъ провинціяхъ не существуетъ или почти не существуетъ крупныхъ фермеровъ, этого драгоцѣннаго класса истинныхъ земледѣльцевъ (laboureurs-сельскихъ хозяевъ), которые умѣютъ, которые могутъ, которые имѣютъ охоту брать на себя и вести на свой счетъ и на свой страхъ большія производительныя предпріятія... Въ обществѣ истинно благоустроенномъ на основахъ экономическихъ принциповъ, писалъ аб. Бодо въ другомъ мѣстѣ, простые земледѣльческіе рабочіе должны быть людьми свободными, ничѣмъ не стѣсненными, безусловными господами своего труда и движимаго имущества, пріобрѣтеннаго этимъ трудомъ“. Адамъ Смитъ смотрѣлъ на дѣло не иначе—по отношенію къ обрабатывающей промышленности и, такъ сказать, не представлялъ себѣ накопленія капитала безъ односторонняго обогащенія капиталиста. Разъ накопленіе объявлялось цѣлью народнаго хозяйства, въ этомъ дѣлѣ прежде всего слѣдовало заинтересовать предпринимателей, ускоривъ процессы производства, удешевивъ расходы по производству и снявъ съ него всѣ стѣсненія, какимъ только оно подчинялось. Ускореніе достигалось машинами, а промышленная свобода вела къ выгодной для производства конкурренціи, посредствомъ которой должно было достигаться общее его усовершенствованіе, но вѣдь въ понятіе удешевленія расходовъ могли входить и уменьшеніе рабочей платы до того minimum'а, при которомъ человѣкъ не умираетъ съ голода, и широкое пользованіе дѣтскимъ трудомъ, и удлиненіе рабочаго дня и т. п. Адамъ Смитъ замѣчательно разработалъ теорію производства, указавъ на преимущества крупной промышленности передъ мелкою въ смыслѣ общаго увеличенія дохода страны. но нельзя сказать, чтобы то же самое сдѣлано было имъ по отношенію къ распредѣленію и потребленію продуктовъ. Съ этой точки зрѣнія Адамъ Смитъ видитъ въ человѣкѣ лишь частицу великаго хозяйственнаго меха-

низма цѣлой націи, лишь силу, создающую новыя цѣнности. Онъ уже имѣлъ возможность наблюдать, какое громадное значеніе замѣна мелкаго производства крупнымъ имѣла для возрастанія производительности труда и для накопленія богатства, благодаря дѣйствію капитала, раздѣленію занятій, возможному лишь при крупномъ производствѣ, и введенію машинъ, которое тогда уже начиналось.

„Богатство народовъ" сдѣлалось въ концѣ XVIII в. однимъ изъ наиболѣе популярныхъ сочиненій по общественнымъ наукамъ въ Англіи, а въ началѣ XIX в. и на континентѣ Европы, гдѣ около этого времени начинается и популяризація идей Адама Смита. Начало политической экономіи, какъ науки, изслѣдующей законы народнаго хозяйства, было положено, но дѣйствительная жизнь весьма скоро указала на многія ошибочныя стороны въ новомъ экономическомъ ученіи. Переходъ отъ XVIII къ XIX в. въ исторіи политической экономіи былъ ознаменованъ появленіемъ труда, нанесшаго тяжелый ударъ теоріи объ экономической гармоніи, какъ ее понимали и физіократы, и Адамъ Смитъ, примѣняя идею „естественнаго права" къ фактамъ народнаго хозяйства.

Нельзя, впрочемъ, утверждать, чтобы и въ XVIII в. вѣра въ эту гармонію была всеобщею. Ученіе физіократовъ подвергалось критикѣ, имъ предъявляли „сомнѣнія относительно естественнаго порядка" [1]). Напр., за годъ до появленія въ свѣтъ „Богатства народовъ" будущій министръ Людовика XVI, Неккеръ, писалъ въ своемъ сочиненіи „Sur la législation et le commerce des grains" слѣдующія строки: „Было бы достойнымъ удивленія, если бы въ то самое время, какъ государь черезъ свои суды наблюдаетъ за малѣйшими столкновеніями интересовъ между гражданами, перестали считать въ числѣ его обязанностей важнѣйшій изъ всѣхъ надзоровъ—заботу держать въ гармоніи оба класса, на которые раздѣляется общество, и священную охрану вѣчныхъ правъ человѣчества, тѣхъ самыхъ, которыя часто оскорбляются преувеличенными притязаніями собственниковъ и возстановленія которыхъ требуетъ народъ, когда онъ хочетъ жить и за это предлагаетъ въ обмѣнъ свой трудъ и свою силу". Въ этихъ словахъ нѣтъ и признака вѣры въ существованіе естественной гармоніи между „обоими классами, на которые раздѣляется общество", и, наоборотъ, говорится, что такую гармонію должно было бы устанавливать государство. Съ другой стороны, Мабли, допускавшій, что основу морали составляетъ личный интересъ, находилъ, что лишь въ томъ случаѣ можетъ существовать гармонія личныхъ интересовъ, если будетъ уни-

---

[1]) Названіе одного изъ сочиненій Мабли: Doutes proposées aux philosophes-économistes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés.

чтожена частная собственность, какъ источникъ любостяжанія, неравенства и угнетенія. Адамъ Смитъ, наоборотъ, на этомъ самомъ „любостяжаніи" думалъ какъ-разъ и основать естественную гармонію интересовъ. По его ученію должно было бы выходить, что съ увеличеніемъ производства началось бы настоящее благосостояніе народныхъ массъ, но на самомъ дѣлѣ въ первую же четверть вѣка, послѣдовавшую за выходомъ въ свѣтъ „Богатства народовъ", бѣдность въ Англіи сдѣлала поражающіе успѣхи, что̀ прямо бросалось всѣмъ въ глаза и представляло изъ себя вопросъ, требовавшій разрѣшенія. Въ 1793 г. вышло въ свѣтъ „Изслѣдованіе о политической справедливости" (Inquiry concerning political justice), авторъ котораго, Вильямъ Годвинъ, послѣдователь теорій Руссо и ученія Кондорсе о прогрессѣ, развивалъ ту мысль, что вина всѣхъ общественныхъ бѣдствій лежитъ въ несовершенствѣ человѣческихъ учрежденій, подлежащихъ, однако, совершенствованію. Дѣло именно въ томъ, что матеріальныхъ благъ, существующихъ въ мірѣ, вполнѣ хватило бы на всѣхъ, если бы только эти блага были равномѣрно распредѣлены, въ дѣйствительности же одинъ имѣетъ слишкомъ много, а другой, наоборотъ, имѣетъ слишкомъ мало, а не то—и совсѣмъ ничего не имѣетъ. Стоитъ только распредѣлить богатство съ такою же равномѣрностью, съ какою распредѣленъ трудъ, безъ котораго не было бы и богатства, и тогда всякій безъ особенно большихъ усилій будетъ имѣть все, что̀ нужно для жизни, конечно, для жизни очень простой, и у него останется еще досугъ для духовнаго совершенствованія, благодаря чему разумъ вообще восторжествуетъ въ жизни. Сочиненіе это и другое (1797 г.), въ которомъ Годвинъ повторилъ свои взгляды, вызвало возраженіе со стороны Мальтуса, уже ранѣе обращавшаго вниманіе на вопросъ о причинахъ бѣдности. Отецъ Мальтуса самъ былъ поклонникомъ идей Руссо и Кондорсе и очень увлекался взглядами Годвина, но сынъ [1]), настроенный консервативно, оспаривалъ доводы своего отца, и вотъ изъ ихъ спора на тему о причинахъ бѣдности возникло сочиненіе Мальтуса подъ заглавіемъ „Опытъ о законѣ народонаселенія съ замѣчаніями на воззрѣнія Годвина, Кондорсе и другихъ писателей", вышедшее въ свѣтъ въ 1798 г. и повторенное въ сильно переработанномъ видѣ въ 1803 г. подъ названіемъ—„Опытъ о законѣ населенія, или взглядъ на его значеніе для счастья общества въ прошедшемъ и настоящемъ, а кромѣ того, изученіе насколько основательны наши ожиданія относительно устраненія или смягченія тѣхъ

---

[1]) *James Bonar*. Malthus and his works. 1885.—*Payne*. History of the family of Malthus. 1890.—*Н. Водовозовъ*. Мальтусъ, его жизнь и научная дѣятельность. 1895.

бѣдствій, которыя онъ производитъ". До смерти Мальтуса (1834 г.) эта книга выдержала шесть изданій, причемъ онъ постоянно ее дополнялъ новыми соображеніями. Своей задачею въ ней онъ поставилъ доказать, что никакія учрежденія, никакое правительство, никакіе законы не въ состояніи нарушить естественный порядокъ: нѣтъ въ мірѣ экономической гармоніи, ибо законъ природы совсѣмъ иной, и если страданія рабочихъ не оправдали тѣхъ ожиданій, какія возлагались на усиленное производство, то это именно потому, что иначе и быть не можетъ по самому закону населенія, стремящагося возрастать въ геометрической прогрессіи, тогда какъ средства питанія растутъ лишь въ прогрессіи ариѳметической. Мысль о томъ, что могущій народиться излишекъ населенія въ состояніи парализовать самыя благодѣтельныя реформы, была высказана еще раньше въ сочиненіи Роберта Уоллеса (Wallace) „Разные взгляды на человѣка, природу и Провидѣніе" (1761), и имъ пользовался самъ Мальтусъ, работая надъ своимъ „Опытомъ", но Уоллесъ разсуждалъ объ обшеніи имуществъ, какъ наилучшемъ, по его мнѣнію, средствѣ прекратить общественныя бѣдствія, причемъ его останавливало лишь одно соображеніе, подрывающее его мысль: это именно излишекъ народонаселенія. Мальтусъ за эту-то самую мысль и ухватился для того, чтобы защитить ссылкою на законъ природы существующій порядокъ вещей противъ нападавшихъ на него новаторовъ и революціонеровъ. Его ученіе пришлось по вкусу всѣмъ, кому нужно было во что бы то ни стало оправдать экономическій statum quo. Тѣ же самые люди, которые прежде защищали этотъ порядокъ съ оптимистической точки зрѣнія, ссылаясь на осуществляемую имъ гармонію интересовъ, теперь стали защищать его, такъ сказать, пессимистически, указывая на то, что хотя всѣ бѣдствія, причиняемыя этимъ порядкомъ, несомнѣнны и очевидны, но что же дѣлать, если иначе и быть не можетъ въ силу непреложнаго закона самой природы: населеніе растетъ въ прогрессіи геометрической, а средства для его питанія—лишь въ прогрессіи ариѳметической. „Человѣкъ, рождающійся на свѣтъ, уже занятый другими, если семья не имѣетъ средствъ его кормить, или если общество не нуждается въ его работѣ,—такой человѣкъ не имѣетъ ни малѣйшаго права требовать себѣ ни малѣйшей даже части пищи, и на самомъ дѣлѣ онъ—лишній на свѣтѣ. На большомъ пиру природы для него не поставлено прибора. Природа приказываетъ ему удалиться и не замедляетъ сама привести въ исполненіе этотъ приговоръ",—такова формулировка, въ которой самъ Мальтусъ представляетъ суть своего жестокаго ученія, указывая при этомъ на войну, на голодъ, на чуму, какъ на средства, которыми природа устраняетъ лишніе рты, не заготовивъ для нихъ прибора на жизненномъ пиру.

Выводы отсюда дѣлались тоже весьма простые. Мальтусъ вооружался противъ благотворительности вообще и въ частности противъ законовъ о бѣдныхъ, находя, что сами по себѣ они безсильны, чтобы помочь злу, а только приносятъ еще большее зло, поощряя среди рабочихъ безпечность и невоздержность. Пролетаріатъ для предотвращенія возможности чрезмѣрнаго возрастанія населенія долженъ наложить на себя узду моральнаго воздержанія, не вступая въ браки, чтобы не плодить нищихъ; законы противъ незаконныхъ дѣтей должны тоже служить средствомъ противъ распложенія излишняго количества людей. Эта теорія разрушила ученіе о гармоніи интересовъ, но въ то же время дала возможность инымъ способомъ оправдать существованіе бѣдности, что̀ было весьма важно для буржуазіи, эксплуатировавшей эту самую бѣдность. Мы уже видѣли, напр., какіе экономическіе интересы заставляли имущіе классы Англіи стремиться къ отмѣнѣ законодательства о бѣдныхъ, сильно понижавшаго земельную ренту и другіе доходы съ имуществъ, и вотъ теорія Мальтуса являлась какъ нельзя болѣе кстати, чтобы оправдать раціональными требованіями политической экономіи необходимостъ отмѣны этого законодательства. Самъ Мальтусъ, впрочемъ, говорилъ, что, „желая выпрямить согнутую палку, онъ, быть можетъ, слишкомъ перегнулъ ее въ обратную сторону", и дѣйствительно, онъ до-нельзя преувеличилъ значеніе фактора возрастанія народонаселенія, которое увеличивается далеко не въ такой мѣрѣ, какъ это ему представлялось, тогда какъ, наоборотъ, вопреки мрачному пророчеству Мальтуса, благодаря успѣхамъ техники, производство продуктовъ въ XIX в. положительно стало перегонять приростъ народонаселенія. Правда, „Опытъ о законѣ народонаселенія" имѣлъ и весьма важное значеніе въ исторіи экономической науки, поставивъ на разрѣшеніе вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между народонаселеніемъ и силами природы, но здѣсь насъ интересуетъ общественная, а не научная сторона ученія, а она именно въ томъ и состояла, что успокаивала совѣсть имущихъ классовъ, снимая съ нихъ отвѣтственность за бѣдствія рабочихъ и сваливая на собственную непредусмотрительность и невоздержность послѣднихъ всѣ бѣдствія, которымъ они подвергаются. Идеями Мальтуса прямо пользовались для того, чтобы останавливать всѣ попытки соціальныхъ реформъ тѣмъ соображеніемъ, что это ни къ чему не поведетъ, какъ это сдѣлалъ, напр., Чэльмерсъ (Chalmers), послѣдовательно разсмотрѣвшій съ такой именно точки зрѣнія всѣ системы улучшенія экономическаго положенія, какія только тогда предлагались.

Другую брешь въ теоріи естественной гармоніи интересовъ пробило еще одно сочиненіе изъ экономической школы Адама Смита— вышедшіе въ свѣтъ въ 1817 г. „Принципы политической экономіи

и налоговъ" Давида Рикардо, который уже и ранѣе обращалъ на себя вниманіе экономическими изслѣдованіями въ области вопросовъ, интересовавшихъ тогдашнюю публику [1]). До Рикардо вопросъ о рабочей платѣ разсматривался лишь съ той точки зрѣнія, что чѣмъ ниже эта плата, тѣмъ ниже цѣны продуктовъ, изъ чего вытекаетъ несомнѣннѣйшая выгода для потребителей, въ числѣ которыхъ находятся и сами же рабочіе. Такъ дѣло представлялось именно въ духѣ теоріи гармоніи интересовъ, но Рикардо взглянулъ на дѣло и съ другой стороны, чтобы придти къ тому общему выводу, что пониженіе рабочей платы равносильно повышенію предпринимательскаго барыша и что, слѣдовательно, между интересами работодателя и рабочихъ существуетъ прямая противоположность. Главныя изслѣдованія Рикардо и касались вопроса о распредѣленіи національнаго дохода между различными классами общества, или, вѣрнѣе, представителями трехъ видовъ дохода: поземельной ренты, прибыли на капиталъ и рабочей платы, причемъ съ особою обстоятельностью онъ разработалъ ученіе о природѣ поземельной ренты, т.-е. той, по его опредѣленію, части продуктовъ сельскаго хозяйства, которая поступаетъ въ пользу собственника земли за пользованіе первоначальными и неистощенными силами обрабатываемой почвы. Но съ той точки зрѣнія, съ которой мы здѣсь разсматриваемъ экономическія ученія эпохи, для насъ важенъ особенно сдѣланный Рикардо анализъ отношеній между прибылью на капиталъ и рабочей платой. По ученію Рикардо, формулировавшему „желѣзный законъ рабочей платы", каждый продуктъ, являющійся результатомъ затраты капитала и труда, раздѣляется между представителями того и другого такимъ образомъ, что чѣмъ меньше получаетъ одинъ, тѣмъ больше естественно и необходимо остается на долю другого. Поэтому, разъ существуетъ извѣстная степень производительности труда, прибыль капиталиста ничѣмъ быть уменьшена не можетъ, кромѣ одного только увеличенія рабочей платы, а съ другой стороны, нѣтъ никакихъ средствъ повысить прибыль иначе, какъ путемъ пониженія рабочей платы. Констатировавъ такое взаимоотношеніе между прибылью на капиталъ и рабочею платою въ великомъ цѣломъ національнаго хозяйства, но сосредоточивъ все свое вниманіе все-таки на производствѣ, Рикардо мало интересовался судьбою лицъ, производящихъ національное богатство. По его теоріи, цѣна труда, другими словами, стоимость его производства опредѣляется стоимостью предметовъ, въ которыхъ нуждается рабочій для своего

---

[1]) О Рикардо см. біографическіе и критическіе очерки *Brougham'a* (въ „Histor. sketches of statesmen" и въ „Lives of men of letters"), *Mac Culloch'a* (въ Treatises and Essays"), *Adler'a*, *Pringsheim'a* (Die Ricardosche Werththeorie). *Н. Зиберъ*. Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ.

содержанія, но въ такомъ случаѣ рабочая плата составляетъ лишь то, что̀ идетъ на воспроизведеніе богатства, а отнюдь не самое богатство, не тотъ избытокъ, который состоитъ изъ суммы частныхъ богатствъ, складывающихся въ свою очередь изъ ренты и прибыли. Разъ на первый планъ въ соображеніяхъ политической экономіи выдвигалось національное богатство, то волею-неволею экономисты должны были главное вниманіе свое обращать на то, что̀ же увеличиваетъ ренту и прибыль имущихъ классовъ, а въ обществѣ пониженіе рабочей платы казалось даже прямою выгодою для роста національнаго богатства, потому что возрастаніе части продукта, которая идетъ на воспроизведеніе богатства, лишь уменьшало бы то, что̀ составляетъ чистый доходъ націи. Рикардо писалъ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ Адама Смита, когда индустріальная революція уже подходила къ своему завершенію. На многихъ новыя отношенія производили впечатлѣніе неурядицы, но Рикардо со своимъ замѣчательнымъ по логической силѣ умомъ взялся объяснить кажущуюся анархію изъ нѣсколькихъ принциповъ, главнѣйшимъ изъ которыхъ онъ призналъ свободную конкурренцію, но хотя въ сущности индивидуумы, вступающіе между собою въ конкурренцію, т.-е. фабриканты, стремившіеся увеличить свою прибыль на счетъ рабочей платы, и рабочіе, наоборотъ, желавшіе возвышенія своей платы, экономически между собой не были равны, теорія все-таки предполагала именно равенство между собою этихъ индивидуумовъ, и въ этомъ заключалась одна изъ главныхъ ея ошибокъ. При всѣхъ своихъ выводахъ, разбивавшихъ теорію гармоніи, и Рикардо продолжалъ утверждать, что преслѣдованіе индивидуальной пользы удивительно какъ совпадаетъ съ пользою всѣхъ.

Адамъ Смитъ, Мальтусъ и Рикардо создали политическую экономію, какъ науку, въ которой было много еще несовершеннаго и съ научной, и съ гуманитарной точекъ зрѣнія. Ихъ ученики и послѣдователи внесли немало улучшеній въ научную сторону ихъ ученій, но зато нерѣдко только еще болѣе впадали въ ихъ ошибки. На односторонней точкѣ зрѣнія преимущественныхъ заботъ о производствѣ, изъ-за которыхъ забывается судьба производителей, т.-е. рабочихъ, стоялъ Жанъ-Батистъ Сэй [1]), французскій экономистъ первой трети XIX в. (Traité d'économie politique, 1803, и Cours complet d'économie politique pratique, 1828), оставившій самъ извѣстные слѣды въ развитіи политической экономіи, какъ науки, но болѣе всего оказавшій ей услугъ въ качествѣ перваго настоящаго систематизатора ея ученій и ея популяризатора на материкѣ. И онъ также слишкомъ

[1]) О немъ см. *Blanqui*. Notice sur la vie et les ouvrages de J. B. Say. 1840.—*Puynode*. Etudes sur les principaux économistes.

много занимался вопросомъ о самомъ процессѣ производства, чтобы обратить достаточное вниманіе на то, какъ отражается оно на всѣхъ людяхъ, имъ занимающихся. Сэя, можно сказать, ослѣпляли могущество капитала, чудеса новой промышленности, выгоды свободной конкурренціи и т. п., а на мрачныя стороны современнаго ему экономическаго быта онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія теоріи Мальтуса: таковъ законъ природы, противъ котораго уже ничего не подѣлаешь. Многіе второстепенные послѣдователи школы впадали прямо въ тонъ какого-то ликующаго оптимизма по поводу успѣховъ крупной промышленности, какъ послѣдняго слова прогресса, и старались поставить ей въ заслугу то, что съ моральной и соціальной точекъ зрѣнія заслуживало въ ней порицанія. Въ этомъ смыслѣ весьма любопытна „Философія мануфактуръ" Эра (Ure), который находилъ превосходнымъ все, что тѣсно связано съ крупною промышленностью. Машины увеличиваютъ заработокъ бѣдной семьи, ибо къ нимъ можно примѣнять дѣтскій трудъ. Правда, дѣтямъ даютъ очень малую плату, но и это хорошо: плати имъ больше, родители стали бы посылать ихъ на фабрики въ слишкомъ раннемъ возрастѣ. „Когда дѣти сидятъ дома, они весь день проводятъ взаперти со своими родителями; они не знаютъ ни людей, ни вещей, которые ихъ окружаютъ, а потому единственное чувство, которое имъ понятно, есть эгоизмъ", значитъ, дѣтей нужно посылать на фабрики и ради моральнаго ихъ воспитанія! Эръ даже не скрываетъ того, что его „философія" крупной промышленности диктовалась ему инересами фабрикантовъ, и всегда видно, чему онъ радуется. „Капиталисты,—писалъ онъ, напр.,—начали искать средствъ освободиться отъ этого невыносимаго рабства (т.-е. отъ тягостныхъ для нихъ условій контракта, требуемыхъ рабочими), призвавъ на помощь науку, и скоро они были возстановлены въ своихъ законныхъ правахъ головы надъ другими частями тѣла". Говоря объ одномъ техническомъ изобрѣтеніи, авторъ „Философіи мануфактуръ" радовался тому, что „оно водворило порядокъ среди промышленныхъ классовъ: это открытіе, поясняетъ онъ свою мысль, подтверждаетъ развитое нами ученіе, что капиталъ, заставивъ науку служить себѣ, принуждаетъ къ повиновенію мятежныя руки рабочихъ". Понятное дѣло, что писатели, считавшіе нормальнымъ превращеніе науки въ прислужницу капитала, придавали и политической экономіи характеръ защиты классовыхъ интересовъ буржуазіи въ области народнаго хозяйства.

Уже въ первой же трети XIX в. изъ школы Адама Смита вышелъ, однако, экономистъ, который отнесся критически какъ къ этой школѣ, такъ и къ индустріальной системѣ, возводившейся ею въ принципъ.

Это былъ французскій писатель Симонъ де-Сисмонди [1]), издавшій въ 1803 году совершенно въ духѣ идей англійской школы сочиненіе подъ заглавіемъ „Richesse commerciale“, но потомъ, въ началѣ эпохи реставраціи, усумнившійся въ истинѣ своихъ принциповъ: онъ побывалъ въ Англіи какъ-разъ во время страшнаго промышленнаго застоя, тяжелымъ образомъ отразившагося на рабочемъ классѣ. Его поражало соединеніе въ Англіи крайней нищеты рабочихъ съ колоссальными богатствами, сосредоточенными въ рукахъ немногихъ лицъ, и онъ сталъ искать объясненія этого явленія. Свои новые взгляды на этотъ предметъ онъ изложилъ наконецъ въ книгѣ, изданной въ 1819 г. подъ заглавіемъ „Новыя начала политической экономіи, или о богатствѣ въ его отношеніи къ населенію“. Экономисты къ этому сочиненію отнеслись не очень-то дружелюбно, такъ какъ авторъ, по собственному его выраженію, „напалъ въ немъ на ортодоксальное ученіе“. Именно онъ находилъ, что политическая экономія его времени была только „хрематистикой“, т.-е. наукой о богатствѣ, занимаясь слишкомъ односторонне вопросомъ о томъ, какъ лучше и вѣрнѣе всего увеличивать богатство, и совсѣмъ почти оставляя въ сторонѣ вопросъ о такихъ способахъ его употребленія, которыми достигалось бы общее благо. „Я,—говоритъ самъ Сисмонди,—хотѣлъ доказать, что возрастаніе производства есть благо лишь постольку, поскольку сопровождается соотвѣтственнымъ потребленіемъ; что вмѣстѣ съ этимъ экономія во всѣхъ средствахъ производства составляетъ общественную выгоду лишь тогда, когда каждый изъ производителей извлекаетъ изъ производства доходъ, равный тому, какой онъ имѣлъ до введенія экономическихъ способовъ“. Экономическіе способы должны были бы сокращать продолжительность труда и увеличивать доходъ, а не дѣйствовать въ обратномъ направленіи. Сисмонди ставилъ вопросъ о томъ, откуда же происходятъ бѣдствія, соединенныя съ новѣйшей промышленной системой. Отвѣчая на этотъ вопросъ, онъ указываетъ, съ одной стороны, на конкурренцію между рабочими, которая понижаетъ плату за трудъ, а съ другой—на машины и банки, уменьшающіе спросъ на трудъ. Свободная конкурренція не можетъ управлять хозяйственными отношеніями общества, такъ какъ она составляетъ настоящую помѣху для справедливаго распредѣленія того, что̀ создано трудомъ. Машины переполняютъ рынки товарами, обогащая тѣхъ, которые и безъ того богаты, а бѣдняковъ, напротивъ, дѣлая еще бѣднѣе и подвергая ихъ всѣмъ ужасамъ голода. Новая промышленная система создаетъ больше богатствъ, но не увеличиваетъ дохода

---

[1]) Статьи *Elster'a* (въ „Conrad's Jahrbuch“ за 1887) и *Б. Ефруси* („Соціально-экономическія воззрѣнія Сисмонди“ въ „Русск. Бог.“ за 1896 г.).

тружениковъ. Теорія Мальтуса, дѣйствительно, вѣрна, но не какъ фатальная необходимость, а какъ слѣдствіе дурного общественнаго устройства. Государство не можетъ не вмѣшиваться въ эти отношенія, потому что его обязанность оказывать покровительство слабому противъ сильнаго, защищать того, кто самъ себя защитить не въ состояніи. „Я признаюсь, замѣчаетъ, однако, самъ Сисмонди,—я признаюсь, что, указавъ на то, гдѣ по нашему мнѣнію принципъ, гдѣ справедливость, я не чувствую себя способнымъ намѣтить средства ихъ осуществленія. Распредѣленіе выгодъ труда мнѣ кажется совершенно неправильнымъ, но мнѣ представляется выше человѣческихъ силъ вообразить себѣ состояніе собственности, отличное отъ того, которое намъ извѣстно по опыту". Сисмонди, бывшій, кромѣ того, и историкомъ [1]), отчасти лишь въ нѣкоторыхъ формахъ, сохранившихся изъ прошлаго, видѣлъ указанія, чего слѣдуетъ держаться въ будущемъ. Съ сожалѣніемъ указывая на то, какъ земледѣльцы сгоняются съ своихъ наслѣдственныхъ полей, чтобы дать мѣсто крупному хозяйству, для котораго уже меньше нужно рабочихъ рукъ, онъ противополагалъ фермерской обработкѣ земли, бывшей идеаломъ ортодоксальной экономіи, мелкое крестьянское хозяйство и землевладѣніе, съ которымъ онъ самъ познакомился въ Тосканѣ: пусть крупныя земледѣльческія предпріятія и приносятъ болѣе чистаго дохода, но для націи, взятой въ цѣломъ, гораздо важнѣе имѣть валовой доходъ, который и приносится мелкимъ крестьянскимъ хозяйствомъ. Англійская школа, по словамъ Сисмонди, слишкомъ гонится за однимъ лишь чистымъ доходомъ, тогда какъ идеаломъ экономическаго прогресса должно быть возрастаніе только дохода валового. Теорію чистаго дохода Сисмонди сдѣлалъ даже предметомъ остроумной притчи, въ которой фигурируетъ король острова, вертящій самолично ручку машины и выполняющій при помощи автоматовъ всю работу, какую только въ настоящее время производитъ населеніе Англіи. Машины нашли въ Сисмонди страстнаго противника, потому что, по его мнѣнію, онѣ отнимаютъ у рабочихъ заработокъ и дѣлаютъ ненужнымъ существованіе рабочихъ; новой обрабатывающей промышленности онъ противополагаетъ старые цехи и корпораціи, когда отношенія между хозяевами и работниками были болѣе патріархальными. По словамъ одного изъ новѣйшихъ историковъ экономическихъ ученій [2]), Сисмонди „стоялъ ближе, чѣмъ всякій другой французскій экономистъ къ соціализму, но только по чувствамъ, а не по мнѣніямъ", такъ какъ „онъ

[1]) Онъ написалъ извѣстную „Исторію средневѣковыхъ итальянскихъ республикъ".

[2]) Ingram'a,—сочиненіе котораго есть и въ русскомъ переводѣ подъ редакціей проф. Янжула.

не предлагалъ никакой соціалистической организаціи". Въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель замѣчаетъ, что „на Сисмонди можно смотрѣть, какъ на предшественника германскихъ экономистовъ, извѣстныхъ подъ неточнымъ названіемъ катедеръ-соціалистовъ", и что „книга Сисмонди отличается отъ трудовъ этихъ писателей только тѣмъ, что послѣдніе исполнены бо̀льшими надеждами и упованіями". Сисмонди именно былъ проникнутъ при разсмотрѣніи экономическихъ отношеній соображеніями этическаго свойства и высказывалъ вездѣ заботливость о рабочемъ классѣ.

Сисмонди былъ важенъ, какъ критикъ „ортодоксальной" политической экономіи, къ которой многіе относились, какъ къ вполнѣ выработанной научной истинѣ, столь же строгой и точной, какъ истина математическая, но зато на него, дѣйствительно, и напали наиболѣе ортодоксальные экономисты въ родѣ Бастіа, называвшаго книгу Сисмонди „политической экономіей на выворотъ" (économie politique à rebours). Какъ ни неопредѣленна положительная сторона его ученія, но та идея, которую онъ высказалъ о необходимости государственнаго вмѣшательства въ отношенія между капиталомъ и трудомъ, впослѣдствіи получила признаніе среди экономистовъ. Въ 1819 г., когда Сисмонди ее высказывалъ, она была дѣйствительно и политическою, и экономическою ересью, такъ какъ либеральное представленіе о государствѣ ограничивало функціи послѣдняго поддержкою мира и порядка безъ вмѣшательства въ частную жизнь гражданъ, подъ понятіе которой подводилась и экономическая ихъ дѣятельность [1]), а экономическое ученіе эпохи было именно ученіемъ о безполезности и даже вредѣ правительственнаго вмѣшательства, т.-е. и съ точки зрѣнія права, и съ точки зрѣнія интересовъ общества государственное дѣйствіе изгонялось изъ области народнаго хозяйства. Но все-таки Адамъ Смитъ, Мальтусъ и Рикардо являются родоначальниками политической экономіи: безъ той основы, которую они создали, была бы немыслима и часть соціалистическихъ научныхъ теорій, долго имѣвшихъ мало дѣла съ позднѣйшей разработкой политической экономіи. Но научная политическая экономія не играла еще рѣшительно никакой роли въ соціальныхъ ученіяхъ первой трети XIX вѣка, которыя представляютъ собою скорѣе страницу изъ исторіи морали и общественныхъ утопій, чѣмъ страницу изъ исторіи экономической науки, какъ на нихъ смотрятъ и представители позднѣйшаго „научнаго" соціализма. Политическая экономія, какъ ее создали англійскіе ея родоначальники, была слишкомъ оторвана, съ одной стороны, отъ этики,

---

[1]) Идея, высказанная еще Локкомъ и повторенная потомъ В. ф.-Гумбольдтомъ и Бенжаменомъ Констаномъ.

съ другой—отъ политики, остановившись изъ всѣхъ мотивовъ человѣческой дѣятельности лишь на одномъ эгоизмѣ и совершенно не обративъ вниманія на вопросъ объ отношеніи экономическаго строя къ строю государственному. Соціальныя утопіи первой трети XIX вѣка взялись построить экономическія отношенія на этическихъ началахъ и въ связи съ совершеннымъ видоизмѣненіемъ соціальнаго быта, но нерѣдко игнорируя то, что составляло дѣйствительно научное пріобрѣтеніе политической экономіи.

XXVII. Соціальныя ученія первой трети XIX вѣка.

Происхожденіе соціализма и его историческіе антецеденты.—Принципы бабувизма.—Что было ново въ соціальныхъ ученіяхъ первой трети XIX в.?—Отличіе соціальныхъ ученій эпохи отъ позднѣйшаго соціализма.—Сущность соціализма и значеніе соціальныхъ утопій.—Общая характеристика соціализма первой трети XIX в.—Зарожденіе соціальной науки.—Жизнь, сочиненія и главнѣйшія идеи Сенъ-Симона.—Развитіе сенъ-симоновской доктрины до 1830 г.—Жизнь, сочиненія и идеи Фурье.—Культурное значеніе сенъ-симонизма и фурьеризма.—Робертъ Оуэнъ.

Новыя формы хозяйства и политическая экономія, явившаяся, какъ теоретическое оправданіе этихъ новыхъ формъ, встрѣтили двоякаго рода оппозицію въ образованныхъ классахъ общества: съ одной стороны, противъ нихъ были представители консерватизма и реакціи, которые въ свободной конкурренціи порицали то, что сближало ее съ идеями, стремленіями и результатами французской революціи, причемъ попутно отмѣчались невыгодныя слѣдствія новой системы крупнаго сельскаго хозяйства и крупной промышленности для трудящихся классовъ общества, для крестьянъ и мелкихъ мастеровъ, превращавшихся въ наемныхъ рабочихъ; съ другой же стороны, выступали противъ новыхъ экономическихъ отношеній и принциповъ люди, руководившіеся не интересами и традиціями консерватизма, а исключительно сочувствіемъ къ трудящемуся люду, которому очень дурно жилось при новыхъ хозяйственныхъ условіяхъ. Въ первомъ случаѣ всѣмъ перемѣнамъ въ экономическомъ быту и воззрѣніямъ, санкціонировавшимъ эти перемѣны, противополагались старыя формы мелкаго производства—мелкое хозяйство крестьянъ, пользовавшихся землею въ качествѣ ея собственниковъ или арендаторовъ, и мелкій промыселъ цеховыхъ организацій. На этой точкѣ зрѣнія стоялъ, какъ мы видѣли, и Сисмонди, вооружившійся противъ капиталистическаго строя и ортодоксальной политической экономіи не во имя какихъ-либо традицій,—такъ какъ самъ же онъ принадлежалъ къ школѣ Адама

Смита,—а во имя человѣколюбія, оскорблявшагося въ немъ зрѣлищемъ нищеты рабочихъ при возрастаніи національнаго богатства. Въ общемъ, однако, онъ отказывался дать сколько-нибудь опредѣленныя указанія относительно того, какъ же помочь растущему соціальному злу. Но одновременно съ Сисмонди выступили писатели, которые, какъ и онъ, отрицательно отнеслись къ окружавшей ихъ экономической дѣйствительности, взглянувъ на нее, подобно ему, съ точки зрѣнія интересовъ трудящейся массы, но уже не для того, чтобы выразить сожалѣніе объ исчезающихъ формахъ мелкаго производства и затѣмъ заявить о своей неспособности придумать какія-либо новыя формы, а именно для того, чтобы выступить съ проповѣдью какъ-разъ совершенно новыхъ формъ. Это были соціальные реформаторы, родоначальники современнаго соціализма, которому принадлежитъ такая важная роль въ исторіи послѣдующихъ періодовъ XIX в.

Мы уже видѣли, что неминуемо должно было бросаться въ глаза противорѣчіе между политическимъ и экономическимъ строемъ общества, вышедшаго изъ французской революціи и изъ индустріальнаго переворота конца прошлаго столѣтія, но это противорѣчіе политическое, т.-е. несоотвѣтствіе политической свободы гражданъ съ ихъ экономическимъ рабствомъ—осложнялось еще противорѣчіемъ экономическимъ, т.-е. несоотвѣтствіемъ, существовавшимъ между бѣдственнымъ матеріальнымъ состояніемъ трудящейся массы и возрастаніемъ производства и національнаго богатства. Если рядомъ съ либерализмомъ, принимавшимъ характеръ направленія по преимуществу буржуазнаго, несмотря на всю общечеловѣчность своихъ основныхъ культурныхъ и политическихъ стремленій, въ эту эпоху существовалъ и радикализмъ, какъ направленіе чисто демократическое [1]), то и рядомъ съ нимъ еще, поскольку онъ былъ направленіемъ исключительно политическимъ, возникали общественныя ученія, защищавшія интересы демократіи съ экономической точки зрѣнія, которая игнорировалась политическимъ радикализмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, теоретикъ демократическихъ стремленій въ первой трети XIX вѣка, Бентамъ, положившій въ основу своего политическаго ученія тотъ принципъ, что законодательство должно имѣть въ виду наибольшее благо наибольшаго количества гражданъ, не дѣлалъ, однако, изъ этого своего положенія никакихъ выводовъ, которые имѣли бы хотя бы самое отдаленное сродство съ требованіями соціализма. Будучи демократомъ въ политическомъ смыслѣ, онъ въ своей экономической доктринѣ, изложенной въ „A manual of political economy", „Defence of usury" и другихъ работахъ, по существу не отступалъ отъ ученія Адама Смита, хотя и расходился съ

[1]) Имѣемъ въ виду преимущественно демократическую партію въ Англіи.

нимъ въ подробностяхъ, напр., по вопросу о ростѣ денегъ, который Бентамъ разрѣшалъ даже въ смыслѣ еще бо́льшей экономической свободы, нежели самъ Адамъ Смитъ. Притомъ, какъ сторонникъ невмѣшательства въ свободное дѣйствіе частнаго интереса, Бентамъ былъ далекъ отъ какого бы то ни было соціальнаго реформаторства, которое прежде всего предполагаетъ именно ограниченіе свободы личности въ ея экономическихъ отношеніяхъ къ другимъ личностямъ, наоборотъ, этическое ученіе Бентама какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало исходному пункту всей экономической школы Адама Смита. То направленіе, о которомъ теперь будетъ идти рѣчь, выдвинуло на первый планъ именно вопросъ экономическій, задумавъ разрѣшить его съ моральной точки зрѣнія въ интересахъ большинства путемъ какъ-разъ организаціи хозяйственнаго быта не на началахъ свободной конкурренціи. Это направленіе получило названіе соціализма. Возникнувъ въ образованномъ классѣ общества, въ разсматриваемый періодъ оно еще не успѣло проникнуть въ рабочую массу, на которую ему суждено было лишь впослѣдствіи оказать большое вліяніе и тѣмъ самымъ пріобрѣсти особенное значеніе въ политической жизни Западной Европы.

Ни въ возникновеніи соціальныхъ ученій, ни въ ихъ дѣйствіи на народную массу не было ничего существенно новаго, для чего мы не могли бы найти антецедентовъ въ предыдущей исторіи. Съ одной стороны, въ новое время можно указать на цѣлый рядъ писателей, которые прославились своими мечтаніями о лучшемъ общественномъ устройствѣ, характеризующемся развитіемъ въ людяхъ добродѣтели и осуществленіемъ начала справедливости въ распредѣленіи между ними земныхъ благъ: достаточно назвать имена такихъ писателей и заглавія такихъ сочиненій, какъ Томасъ Моръ и его „Утопія", Кампанелла и его „Городъ солнца", Гаррингтонъ и его „Океана", Морелли и его „Базиліада" и „Кодексъ природы", Мабли съ его коммунистическими взглядами и т. п. Къ этому можно еще прибавить массу отрывочныхъ заявленій въ томъ же направленіи, какія мы встрѣчаемъ у другихъ писателей, особенно у публицистовъ, выступавшихъ въ защиту правъ и интересовъ народной массы или съ полемикой противъ недостатковъ данныхъ общественныхъ порядковъ, когда ставились на очередь вопросы соціальнаго, политическаго и экономическаго характера. Это разъ. Во-вторыхъ, въ исторіи мы имѣемъ и не мало примѣровъ народныхъ движеній, совершавшихся подъ знаменемъ идей, родственныхъ или тожественныхъ съ идеями соціализма, коммунизма и даже анархизма (который, замѣтимъ, не имѣлъ представителей въ разсматриваемую нами эпоху). Въ XV, XVI и XVII вѣкахъ на западѣ Европы происходили религіозно-политическія революціи, которыя страшно по-

трясли народныя массы въ нѣкоторыхъ странахъ—въ Чехіи въ началѣ XV в., въ Германіи въ началѣ XVI в. и въ Англіи въ срединѣ XVII столѣтія, и во всѣхъ этихъ движеніяхъ, рядомъ съ направленіями, напоминающими намъ чисто политическій радикализмъ позднѣйшихъ демократическихъ революцій, мы встрѣчаемся еще съ идеями и стремленіями характера прямо соціальнаго—именно въ крайнихъ религіозныхъ сектахъ таборитовъ, анабаптистовъ и индепендентовъ. Великое народное движеніе французской революціи не могло также не получить соціальнаго характера, и дѣйствительно, многое въ исторіи этой революціи имѣетъ такой характеръ, хотя самая могущественная демократическая партія эпохи, якобинцы, вопреки мнѣнію многихъ сторонниковъ и противниковъ соціализма, въ сущности была лишь радикально-политической партіей, едва только заключавшею въ себѣ нѣкоторые элементы соціализма.

Самый любопытный эпизодъ французской революціи въ этомъ отношеніи, да и то уже изъ временъ, когда революціонное движеніе стало склоняться къ упадку, это—коммунистическій „заговоръ равныхъ“ („conspiration des égaux“), связанный съ именемъ Гракха Бабёфа. Организаторъ заговора, по профессіи землемѣръ, какъ извѣстно, вышелъ изъ рядовъ якобинской партіи. Сидя въ тюрьмѣ послѣ одного изъ пораженій якобинизма, онъ вмѣстѣ съ другими недовольными составилъ планъ общественнаго переустройства, который и сталъ приводить въ исполненіе, когда его выпустили изъ заключенія. Свои идеи онъ началъ пропагандировать въ журналѣ „Народный трибунъ“ и основалъ новый клубъ „равныхъ“, скоро превратившійся въ тайное общество, цѣлью котораго было ниспровергнуть конституцію для введенія во Франціи, путемъ кроваваго переворота, коммунизма, „какъ вещи болѣе высокой и справедливой“ (quelque chose de plus sublime et de plus équitable). Заговоръ былъ открытъ и заговорщики (бабувисты) были или казнены (въ томъ числѣ и самъ Бабёфъ), или сосланы. Намъ извѣстенъ тотъ планъ, который былъ выработанъ Бабёфомъ. Во французской республикѣ должна была быть устроена великая народная община, которой предоставлялось завладѣть національными имуществами, остававшимися нераспроданными послѣ 9 термидора, имуществами, какія предоставятъ ей частныя лица, имуществами лицъ, нажившихъ ихъ при исполненіи общественныхъ должностей, и т. д., равно какъ всѣми имуществами послѣ смерти тогдашнихъ ихъ владѣльцевъ, такъ какъ планъ уничтожалъ право наслѣдства. Далѣе, объявлялось, что членами этой народной общины будутъ считаться всѣ французы, которые отдадутъ самихъ себя и свои имущества отечеству и станутъ трудиться для него; что имущества всей общины будутъ эксплуатироваться общимъ же трудомъ всѣхъ здоро-

выхъ ея членовъ и что она будетъ доставлять своимъ членамъ все, въ чемъ они будутъ имѣть нужду, дабы ввести для всѣхъ одинаково обязательный умѣренный образъ жизни. Разъ община, по плану Бабёфа, обезпечивала своимъ членамъ все необходимое—жилище съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, одежду со стиркою бѣлья, пищу (въ формѣ общественныхъ обѣдовъ) и медицинское пособіе, никто не долженъ былъ пользоваться чѣмъ-либо, кромѣ того, что по закону получилъ бы отъ установленныхъ властей, въ противномъ же случаѣ виновный подлежалъ наказанію. Планъ допускалъ существованіе (по крайней мѣрѣ, временное) людей, которые не захотѣли бы принадлежать къ народной общинѣ, удержавъ свои имущества въ личномъ владѣніи, но они должны были платить налоги натурою, доставляя ихъ въ склады народной общины, причемъ имъ вмѣнялось въ обязанность въ случаѣ надобности отдавать весь излишекъ съѣстныхъ припасовъ и мануфактурныхъ товаровъ въ счетъ будущихъ взносовъ. Этотъ утопическій планъ бабувисты думали ввести посредствомъ революціоннаго переворота, опираясь на бѣдняковъ, между которыми немедленно же обѣщали раздѣлить всѣ имущества эмигрантовъ, „заговорщиковъ“ и другихъ враговъ народа, и которымъ отдавали напередъ дома и мебель всѣхъ своихъ противниковъ, обреченныхъ на истребленіе.

Что было ново въ соціальныхъ утопіяхъ XIX в., такъ это вѣра ихъ авторовъ въ возможность ихъ осуществленія, чѣмъ они отличаются отъ Томаса Мора, Кампанеллы, Морелли и др., не шедшихъ дальше литературнаго успѣха, и притомъ вѣра въ возможность осуществленія этихъ плановъ путемъ мирной пропаганды, убѣжденія, примѣра, безъ того насилія, которое проповѣдовали раньше такіе соціальные реформаторы, какъ Ѳома Мюнцеръ въ эпоху великой крестьянской войны въ Германіи или Бабёфъ въ эпоху французской революціи. Двадцатые годы XIX в., какъ извѣстно, были временемъ образованія множества тайныхъ обществъ съ чисто революціонными цѣлями, но эти цѣли не имѣли ничего общаго съ соціальными вопросами, если только не считать тайныхъ рабочихъ организацій, преслѣдовавшихъ, однако, опять-таки не общія какія-либо задачи вродѣ соціальнаго преобразованія, а чисто практическія задачи, напр., возвышеніе заработной платы. Тайныя общества двадцатыхъ годовъ были организаціи, имѣвшія въ виду осуществленіе извѣстныхъ политическихъ плановъ, тогда какъ соціальные реформаторы эпохи, наоборотъ, сторонились отъ всякой политики. Вопросы политическій и соціальный развивались, такъ сказать, независимо другъ отъ друга, и лишь въ слѣдующіе періоды произошло сближеніе между обоими теченіями, породивъ совершенно новыя явленія въ исторической жизни Западной Европы. Съ другой стороны, мы уже отмѣчали, что соціальные реформаторы пер-

вой трети XIX в. стояли въ сторонѣ и отъ тогдашней экономической науки и развивали свои теоріи внѣ всякаго—положительнаго или отрицательнаго—отношенія къ ея утвержденіямъ, чѣмъ они равнымъ образомъ отличаются отъ позднѣйшихъ соціалистовъ, ученія которыхъ стоятъ въ весьма тѣсной связи съ политической экономіей, такъ какъ многія ея понятія и положенія были унаслѣдованы и ими, несмотря на общее отрицательное отношеніе ихъ къ ортодоксальному ученію, поколебленному еще Сисмонди.

Понимая подъ соціализмомъ вообще направленіе, ставящее своею цѣлью радикальное измѣненіе соціальныхъ и въ особенности экономическихъ отношеній на началахъ болѣе справедливаго и равномѣрнаго распредѣленія земныхъ благъ между членами общества и потому вопреки исторически сложившемуся порядку вещей, мы должны признать, что въ этомъ смыслѣ соціализмъ не есть явленіе новое въ исторіи. Но, сохраняя общія черты свои, соціализмъ XIX вѣка долженъ разсматриваться въ связи съ характерными особенностями времени, его породившаго. Индустріальная революція, которая во многихъ отношеніяхъ ухудшила матеріальный бытъ трудящейся массы, заключалась въ отдѣленіи труда отъ орудій производства, и взятый съ этой стороны, соціализмъ явился, какъ направленіе, поставившее своею задачею осуществить иное отношеніе труда къ орудіямъ производства. Во-вторыхъ, самое названіе соціализма [1]) возникло въ смыслѣ противоположности индивидуализму, отличающему школу Адама Смита. Дѣйствительно, соціализмъ XIX в. есть не что иное, какъ совокупность различныхъ экономическихъ ученій, общая черта которыхъ заключается въ стремленіи поставить на мѣсто индивидуалистической системы производства и распредѣленія богатствъ, управляемой свободною конкурренціею, такую организацію хозяйственнаго быта, гдѣ средства и орудія производства, т.-е. земля и капиталъ находились бы въ рукахъ не отдѣльныхъ лицъ, а цѣлаго общества, съ тѣмъ, чтобы послѣднее само распоряжалось производствомъ и распредѣленіемъ богатствъ. Экономическая организація, предлагаемая соціализмомъ, имѣя въ виду болѣе справедливое и равномѣрное распредѣленіе земныхъ благъ между людьми, есть нѣчто, съ чѣмъ находятся въ совершенномъ противорѣчіи всѣ исторически-сложившіяся формы организаціи собственности и труда, и въ этомъ смыслѣ соціализмъ, дѣйствительно, является проповѣдью коренной реформы соціальныхъ вообще и въ частности экономическихъ отношеній, и это уже вопросъ второстепенный, какимъ образомъ та или иная школа соціализма думаетъ осу-

[1]) Оно въ первый разъ было употреблено въ 1834 у *Buchez*'а, о которомъ см. въ V томѣ.

ществить свой идеалъ—путемъ ли быстраго переворота или путемъ постепенной эволюціи и притомъ еще путемъ или измѣненій, возможныхъ уже въ данную минуту или, наоборотъ, требующихъ еще много и много времени. Какъ бы тамъ ни было, системѣ, разлучающей трудъ съ орудіями производства, соціалисты противополагаютъ возвращеніе земли и капитала трудящимся массамъ, но не для возстановленія индивидуалистическихъ формъ собственности на землю и капиталъ, а для коллективнаго владѣнія ими (откуда названіе коллективизма). На первыхъ порахъ теоретическаго развитія соціализма этотъ коллективизмъ принималъ всегда болѣе или менѣе коммунистическій оттѣнокъ, и соціализмъ сливался съ коммунизмомъ, который распространяетъ принципъ общности не только на производство и распредѣленіе, какъ соціализмъ, но и на самое пользованіе произведенными продуктами, уничтожая индивидуальную свободу даже въ мелочахъ обыденной жизни. Соціализмъ, отличающій себя отъ коммунизма, не заходитъ такъ далеко, противопоставляя только индивидуальной свободѣ въ дѣлѣ производства и потребленія продуктовъ извѣстную организацію, которая совершенно устраняла бы изъ этой области общественной жизни личный произволъ и конкурренцію частныхъ хозяйствъ, равно какъ всѣ случайности спроса и предложенія. Результатомъ такихъ принциповъ въ ихъ примѣненіи къ жизни должно было бы быть исчезновеніе всѣхъ частныхъ предпріятій, въ которыхъ участвуютъ капиталисты и рабочіе, какъ два отдѣльные класса, со всѣми принадлежностями современнаго хозяйства, каковы деньги и торговля, кредитъ и биржа и т. п., существующіе въ интересахъ экономическаго индивидуализма. По соціалистическому воззрѣнію, каждая ассоціація работниковъ должна была бы собственнымъ своимъ трудомъ и въ предѣлахъ своего владѣнія добывать все для себя нужное, обмѣниваясь съ другими ассоціаціями продуктами не иначе, какъ подъ условіемъ участія въ этомъ дѣлѣ общественной власти. Противъ кризисовъ, вызываемыхъ „анархіей производства", соціализмъ думаетъ выставить, какъ наиболѣе дѣйствительное средство, принципъ работы по заказу, опредѣляемой на основаніи точнаго знанія, какое приложеніе въ данную минуту и въ какомъ размѣрѣ слѣдуетъ давать труду, такъ какъ при индивидуальномъ хозяйствѣ возможны ошибки, спекуляція, перепроизводство и т. п. Съ другой стороны, соціализмъ предполагаетъ поручить общественной власти и распредѣленіе продуктовъ по извѣстному плану, въ болѣе или менѣе строгомъ соотвѣтствіи съ количествомъ потраченнаго труда, во всякомъ случаѣ такъ, чтобы право участія въ продуктѣ принадлежало лишь труду, а не владѣнію собственностью. При этомъ предполагается, что отдѣльныя лица подъ вліяніемъ стремленія къ общему благу или подъ могучимъ дѣйствіемъ

общественнаго мнѣнія съ его порицаніемъ или похвалой будутъ совершать и самыя трудныя или непривлекательныя работы, особенно при помощи механическихъ приспособленій, которымъ вообще приписывается важное и притомъ въ высшей степени благодѣтельное значеніе въ соціалистическомъ строѣ общества. Не допуская обладанія землей и капиталомъ, соціализмъ предоставляетъ людямъ свободное распоряженіе предметами потребленія, т.-е. жилищемъ, одеждою, пищею и т. п., на которыя онъ уже не распространяетъ контроля общественной власти,—область экономической жизни, остающаяся въ вѣдѣніи индивидуальной свободы.

Во всѣхъ планахъ общественнаго переустройства нужно отличать двѣ стороны—критическую и позитивную. Наука, говоритъ Робертъ фонъ-Моль въ своемъ трактатѣ о „Государственныхъ романахъ", иногда отличается слишкомъ большою приверженностью къ своему конкретному содержанію. „Привыкая къ послѣднему, начинаютъ находить его соотвѣтствующимъ и разумнымъ требованіямъ, и тогда несправедливости и нелѣпости систематизируются, вмѣсто того, чтобы подвергнуться порицанію и быть указанными, какъ подлежащія устраненію. Въ этомъ отношеніи весьма полезна критика, которая стоитъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія и даже представляетъ для созерцанія обстоятельную картину существенно несходнаго состоянія". Что касается до положительнаго значенія политическихъ и соціальныхъ утопій для жизни и науки, то оно гораздо меньше. Если, однако, по словамъ того же Моля, изображенія идеальнаго государственнаго устройства не отличаются вообще сколько-нибудь ослѣпляющею новизною мысли или убѣдительностью преимуществъ, то, наоборотъ, утопіи, имѣющія дѣло съ соціальнымъ устройствомъ, представляютъ собою благодарный матеріалъ для дѣйствія воображенія и изобрѣтательности. Многіе думали, что время „государственныхъ романовъ" миновало, но за послѣдніе годы явились авторы, которые возобновили—съ большимъ успѣхомъ въ публикѣ—ихъ традицію [1]), что̀ заставило одного нѣмецкаго писателя [2]) подвергнуть вопросъ объ этихъ „государственныхъ романахъ" новому разсмотрѣнію. Тѣ соціальныя утопіи, которыя будутъ предметомъ настоящей главы, въ собственномъ смыслѣ не относятся къ числу такихъ „романовъ", поскольку ни Сенъ-Симонъ, ни Фурье, ни тѣмъ болѣе Оуэнъ, соціальные реформаторы первой трети XIX в., не написали ничего въ родѣ коммунистической „Утопіи" Томаса Мора или столь же коммунистическаго „Путешествія въ Икарію" Кабе, вышедшаго въ свѣтъ въ 1840 г. Совсѣмъ

---

[1]) *Bellamy*, соч. коего переведено по-русски, и *Hertzka*.
[2]) *Kleinwächter*, въ сочиненіи, названномъ въ главѣ XXII.

напротивъ, соціальные реформаторы первой трети XIX в. излагали свои воззрѣнія въ наукообразной или публицистической формѣ, но и въ ней, конечно, могутъ высказываться мысли совершенно фантастическаго характера, что̀ и случилось, особенно съ Фурье. Если, однако, отвлечься отъ тѣхъ конкретныхъ изображеній лучшаго соціальнаго строя, какой мы находимъ и въ „государственныхъ романахъ“ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и въ мечтаніяхъ относительно будущаго, напр., у Фурье, то у насъ останутся еще извѣстные принципы, которые, какъ и всякіе другіе принципы нравственнаго или общественнаго содержанія, способны дѣйствовать въ исторіи и могутъ быть въ качествѣ силъ, въ ней дѣйствующихъ, предметомъ историческаго разсмотрѣнія. Именно съ точки зрѣнія принциповъ, а не съ точки зрѣнія мечтаній, съ конкретнымъ содержаніемъ, мы главнымъ образомъ и разсмотримъ ученія названныхъ писателей. Утопическая сторона ихъ теорій заключалась въ томъ, что основаніемъ для нихъ служили не данныя наукъ, строящихъ свои положенія на опытѣ и наблюденіи, а чисто раціоналистическія воззрѣнія „просвѣщенія“ XVIII вѣка о совершенствѣ прирожденныхъ свойствъ человѣка, о гармоніи естественнаго состоянія, о возможности быстраго перевоспитанія человѣчества путемъ, такъ сказать, перенесенія его въ иную общественную обстановку, о достиженіи наибольшаго счастья человѣчества лишь посредствомъ привлеченія на сторону новаго общественнаго устройства— однихъ филантропическихъ сердецъ и пр. и пр. Съ этими мечтаніями соединялись, съ одной стороны, разныя фантастическія ожиданія (напр., у Фурье), напоминающія—въ иной формѣ только—хиліастическія чаянія разныхъ сектантовъ, напр., эпохи реформаціи, а съ другой—моральныя воззрѣнія иногда весьма сомнительнаго свойства, равнымъ образомъ находящія аналогію въ ученіяхъ нѣкоторыхъ сектантовъ указанной эпохи. Вообще соціализмъ первой трети XIX в., болѣе тѣсно связанный съ моралью, чѣмъ съ политикой, представляетъ собою нѣкоторое подобіе—и, нужно замѣтить, подобіе весьма значительное, особенно у сенъ-симонистовъ — съ религіознымъ сектантствомъ, которое стремится перестроить всю частную и общественную жизнь человѣка на основаніи извѣстныхъ догматическихъ принциповъ. У Оуэна, равно какъ у сенъ-симонистовъ и фурьеристовъ мы наблюдаемъ даже характерные признаки религіозной экзальтаціи со всѣмъ тѣмъ, что̀ составляетъ сильныя и слабыя, здоровыя и болѣзненныя ея стороны. Осуществить свои принципы на дѣлѣ соціалисты первой трети XIX в. стремились опять-таки не политическимъ путемъ, а путемъ религіознымъ—путемъ убѣжденія и пропаганды, словомъ и собственнымъ примѣромъ, устраивая общежитія на новыхъ началахъ и привлекая для этого частную благотворительность. Далѣе, одинъ только

Сенъ-Симонъ стоялъ близко къ научному движенію вѣка и оставилъ замѣтный слѣдъ въ исторіи чисто умственнаго развитія XIX в., но если даже первая стадія эволюціи позитивизма и связана съ именемъ Сенъ-Симона, то направленіе, развитое его учениками, отличалось уже прямо характеромъ мистицизма. Можно даже сказать, что въ культурномъ отношеніи (именно только въ культурномъ, а не въ соціальномъ) утопіи первой трети XIX в. хорошо подходили къ общему тону реакціи противъ философскаго и научнаго характера XVIII в. Общество начала XIX в. было болѣе или менѣе наклонно ко всему, что̀ говорило скорѣе чувству, чѣмъ уму, и это его стремленіе могло, конечно, принимать весьма различныя формы—не только возвращенія къ католицизму съ его схоластическими, политическими и эстетическими преданіями, но и образованія новыхъ сектъ, хотя бы опять-таки въ родѣ того „новаго христіанства", которое было предметомъ проповѣди сенъ-симонистовъ. Въ этихъ теоріяхъ,—хотя и въ гораздо меньшей степени, чѣмъ у Бабёфа, а впослѣдствіи у Кабе, —обращаетъ на себя вниманіе такое представленіе дѣла, въ силу котораго предполагается осуществленіе лучшаго соціальнаго строя не путемъ развитія общества на теперешнихъ его основаніяхъ въ направленіи сознанныхъ принциповъ истины и справедливости, а совершенное преобразованіе его по произвольно измышленному идеалу, хотя бы для этого нужна была не кровавая революція, къ которой думалъ прибѣгнуть Бабёфъ, а лишь развитіе добрыхъ расположеній въ отдѣльныхъ лицахъ, какъ представляли себѣ дѣло особенно Фурье и Оуэнъ. Первый, кто сталъ въ этомъ вопросѣ на болѣе научную точку зрѣнія, былъ Сенъ-Симонъ. Если въ XVIII в. отъ политики обособилась, какъ отдѣльная наука, политическая экономія, то Сенъ-Симонъ былъ первый мыслитель, почувствовавшій необходимость въ такой посредствующей наукѣ, которая разсматривала бы человѣка и съ политической, и съ экономической точекъ зрѣнія и имѣла бы постоянно въ виду взаимоотношенія, существующія между государственнымъ и хозяйственнымъ бытіемъ общества,—мысль, которая впослѣдствіи лучше всего была формулирована Огюстомъ Контомъ, намѣтившимъ необходимость „соціологіи" въ смыслѣ положительной науки объ обществѣ [1]). Какъ мы еще увидимъ, Сенъ-Симонъ первый обратилъ вниманіе на противорѣчіе новаго экономическаго порядка съ порядкомъ политическимъ и сдѣлалъ попытку объяснить историческое происхожденіе этого противорѣчія, давши даже общую формулу экономической эволюціи человѣчества,

---

[1]) См. мое „Введеніе въ изученіе соціологіи", гдѣ указана и литература предмета, а также ср. и послѣднюю главу V тома „Ист. Зап. Евр.".

т.-е. призвавъ впервые и историческую науку [1]) къ теоретическому рѣшенію великой соціальной проблеммы. Вмѣстѣ съ Сисмонди сенъ-симонизмъ указалъ на государство, какъ на могущественную силу, при помощи которой возможнымъ было бы дать въ обществѣ такое положеніе труду, которое соотвѣтствовало бы значенію, приписываемому ему въ сферѣ экономической, какъ главному источнику богатства. Если наслѣдникомъ мысли о необходимости положительной общественной науки сдѣлался Огюстъ Контъ, а наслѣдникомъ идеи объ экономическомъ значеніи государства—Луи Бланъ [2]) въ своей „Организаціи труда", то принципы собственно „сенъ-симоновской" религіи (religion saint-simonienne) были развиты главнымъ образомъ людьми, которые болѣе были склонны къ мистической экзальтаціи, чѣмъ къ научному и практическому мышленію.

Таковъ общій характеръ соціализма на первой ступени его развитія въ XIX в. Послѣ этихъ вступительныхъ замѣчаній намъ сдѣлается болѣе понятнымъ то мѣсто, какое занимаютъ въ исторіи эпохи реставраціи и въ исторіи развитія соціализма отдѣльные представители этого направленія, къ которому мы теперь и переходимъ.

Графъ Анри-Клодъ де Сенъ-Симонъ—изъ одной фамиліи съ знаменитымъ герцогомъ Сенъ-Симономъ, авторомъ мемуаровъ изъ эпохи Людовика XIV, фамиліи, считавшей своимъ родоначальникомъ Карла Великаго,—родился въ 1760 г. Будучи еще подросткомъ, онъ мечталъ о славѣ и приказывалъ своему лакею будить себя по утрамъ не иначе, какъ такими словами: „вставайте, господинъ графъ, вамъ предстоитъ совершать великія дѣла". Окончивъ весьма рано свое образованіе,—происходившее отчасти по указаніямъ д'Аламбера,—молодой Сенъ-Симонъ около пяти лѣтъ провелъ въ Сѣверной Америкѣ, отправившись туда въ отрядъ, который французское правительство послало на помощь англійскимъ колонистамъ, возставшимъ противъ своей метрополіи. Во время этого путешествія онъ посѣтилъ и Мексику, куда ѣздилъ съ цѣлью предложить тамошнему вице-королю проектъ соединенія Атлантическаго и Великаго океановъ посредствомъ канала. Вернувшись на родину, онъ въ чинѣ полковника, имѣя отъ роду 23 года, былъ назначенъ комендантомъ крѣпости въ Мецѣ и предался занятію математикой подъ руководствомъ знаменитаго Монжа, который былъ тогда преподавателемъ этого предмета въ одной изъ мѣстныхъ школъ. Затѣмъ Сенъ-Симонъ ѣздилъ въ Голландію, гдѣ надѣялся принять участіе въ одной военной экспедиціи противъ англійскихъ остъ-индскихъ колоній, и въ Испанію, куда отправлялся опять съ планомъ ка-

---

[1]) См. выше въ главѣ XIV о примѣненіи исторіи и къ политическимъ вопросамъ эпохи.

[2]) О Контѣ и Луи Бланѣ см. въ V т.

нала, который долженъ былъ соединить Мадридъ съ моремъ. Тутъ подоспѣла революція 1789 г., повидимому, однако, не произведшая на Сенъ-Симона особенно сильнаго впечатлѣнія, во всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, не увлекшая его своей горячкой. Въ 1790 г. онъ былъ, впрочемъ, выбранъ на должность мэра въ мѣстности, гдѣ находилось его имѣніе, но скоро отъ этой должности отказался. Въ томъ же году онъ на одномъ первичномъ собраніи предложилъ гражданамъ послать въ учредительное собраніе адресъ объ уничтоженіи дворянскихъ титуловъ и даже самъ составилъ текстъ этого адреса, но впослѣдствіи (въ эпоху реставраціи) онъ продолжалъ титуловать себя графомъ. Гораздо болѣе, чѣмъ политикой, занялся въ это время Сенъ-Симонъ выгодными денежными операціями — по покупкѣ національныхъ имуществъ на деньги гр. Редерна, прусскаго посланника въ Англіи, и нажилъ этимъ лично себѣ довольно значительную сумму. Впослѣдствіи онъ объяснялъ свои спекуляціи тѣмъ, что уже тогда собирался „содѣйствовать прогрессу просвѣщенія и улучшенію участи человѣчества" посредствомъ „основанія научной школы совершенствованія и организаціи большого индустріальнаго заведенія", но въ чемъ, собственно говоря, заключались тогдашніе планы Сенъ-Симона, объ этомъ въ настоящее время судить довольно трудно. Заподозрѣнный якобинцами за свои сношенія съ Редерномъ, Сенъ-Симонъ былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ просидѣлъ около года, и былъ освобожденъ, лишь благодаря 9 термидору. Послѣ этого онъ продолжалъ предаваться своимъ прежнимъ мечтамъ о славѣ, главнымъ образомъ на поприщѣ научномъ, создавъ, по собственнымъ его словамъ, „проектъ (какой, опять неизвѣстно теперь) проложить новую карьеру человѣческому пониманію, карьеру физико-политическую", „заставивъ науку сдѣлать всеобщій шагъ и предоставивъ иниціативу этого дѣла французской школѣ". Въ самые послѣдніе годы XVIII и первые годы XIX в. Сенъ-Симонъ былъ болѣе всего поглощенъ изученіемъ тогдашняго состоянія естественныхъ наукъ, равно какъ той исторической послѣдовательности, въ какой происходили научныя открытія. Съ этою цѣлью онъ три года (1798—1801) прожилъ поблизости отъ Политехнической школы, въ постоянномъ общеніи съ ея профессорами, а затѣмъ переселился поближе къ Медицинской школѣ и перезнакомился точно также и съ ея профессорами. Женившись уже за сорокъ лѣтъ, Сенъ-Симонъ превратилъ свой домъ въ своего рода центръ научной и артистической жизни, но вскорѣ развелся съ женою и думалъ снова жениться—на г-жѣ Сталь, которую считалъ женщиной, наиболѣе способною содѣйствовать его научному плану. Онъ даже ѣздилъ въ ея имѣніе, на берегъ Женевскаго озера, и во время пребыванія своего въ Женевѣ издалъ брошюру подъ заглавіемъ „Письма женевскаго жителя къ своимъ современникамъ"

(1802). Въ нихъ Сенъ-Симонъ представляетъ свой проектъ, имѣвшій цѣлью осчастливить все человѣчество. Предлагалась именно ежегодная подписка надъ гробомъ Ньютона, причемъ каждый, внося какую-угодно сумму, назоветъ по три математика, физика, химика, физіолога, литератора, живописца и музыканта, и подписная сумма должна была быть раздѣлена между тѣми, которые получатъ наибольшее количество голосовъ, чтобы они могли сдѣлаться совершенными господами своего времени и свободно распоряжаться своими силами. Въ необходимости такого способа вознаграждать ученыхъ и художниковъ за ихъ услуги обществу Сенъ-Симонъ убѣждаетъ и собственниковъ, и простой народъ. Первымъ онъ показываетъ въ перспективѣ новую революцію, если они не согласятся на его планъ. (Между прочимъ онъ говоритъ здѣсь о французской революціи, послѣ которой страна могла быть реорганизована только геніальнымъ человѣкомъ, каковымъ Сенъ-Симонъ и объявляетъ Бонапарта). Что касается до народа, то ему Сенъ-Симонъ указывалъ на слѣдующее: хотя масса и многочисленнѣе въ двадцать разъ, чѣмъ собственники, однако, господствуютъ послѣдніе, потому что они сильнѣе своимъ образованіемъ, со степенью котораго для общаго блага должно быть согласовано господство, и тутъ опять Сенъ-Симонъ вспоминаетъ революцію, указывая, что когда господствовали во Франціи люди изъ народа, то они съумѣли произвести въ странѣ только голодъ. Затѣмъ въ формѣ пророческаго откровенія Сенъ-Симонъ излагаетъ свой планъ будущаго устройства человѣчества: духовная власть въ обществѣ должна принадлежать ученымъ, свѣтская — собственникамъ, а право выбирать носителей обѣихъ этихъ властей—всему народу. „Совѣтъ Ньютона" изъ 21 выбранныхъ при подпискѣ ученыхъ и художниковъ будетъ, представляя на землѣ самого Бога, руководить духовною жизнью всего человѣчества, и въ новомъ обществѣ „всѣ будутъ работать" (tous les hommes travailleront). Въ этомъ же откровеніи, которое было сообщено автору какъ бы посредствомъ видѣнія, говорится еще о новой религіи. „Человѣкъ, облеченный великою властью, будетъ основателемъ этой религіи; въ награду за это онъ будетъ входить во всѣ совѣты и предсѣдательствовать въ нихъ; онъ будетъ пользоваться этимъ правомъ въ теченіе всей жизни, а по смерти онъ будетъ погребенъ въ мавзолеѣ Ньютона". Что касается до всеобщей обязанности трудиться, то тутъ Сенъ-Симонъ очень кратокъ: всѣ должны прилагать свои силы полезнымъ для человѣчества образомъ; бѣдный будетъ питать богатаго, который станетъ работать головой, а если къ этому онъ неспособенъ, то пусть работаетъ руками, потому что Ньютонъ не допуститъ существованія безполезныхъ людей на землѣ. Идеи, высказанныя Сенъ-Симономъ въ „Письмахъ женевскаго жителя", отличаются крайней неопредѣленностью,

и, повидимому, авторъ этой брошюры, вообще склонный къ увлеченіямъ, въ это время находился подъ вліяніемъ дѣлавшихся въ концѣ XVIII в. попытокъ основать новую религію. Впослѣдствіи Сенъ-Симонъ первымъ своимъ трудомъ называлъ не эту брошюру, и, повидимому, она даже оставалась неизвѣстною его ученикамъ при жизни учителя.

Посѣтивъ (въ 1802 г.) Англію и Германію, Сенъ-Симонъ вернулся во Францію безъ всякихъ средствъ къ жизни, такъ какъ прожилъ все свое состояніе. Ему пришлось взять мѣсто переписчика въ ломбардѣ, доставлявшее ему тысячу франковъ въ годъ за ежедневный десятичасовой трудъ, пока одинъ знакомый не доставилъ ему возможности жить нѣкоторое время на его средства, чтобы продолжать свои научныя занятія. Въ 1808 г. Сенъ-Симонъ издалъ „Введеніе въ научные труды XIX вѣка“, гдѣ проводилъ мысль о необходимости систематизаціи знаній и планомѣрной организаціи научныхъ трудовъ. Эта мысль его сильно занимала, и онъ посвятилъ ей еще другія брошюры. Между прочимъ, около 1810 г. онъ написалъ и распространилъ въ рукописи за неимѣніемъ средствъ для напечатанія два мемуара, одинъ относительно „науки о человѣкѣ“ (la science de l'homme), другой—о всеобщемъ тяготѣніи, высказавъ во второмъ изъ нихъ мысль о сводимости всѣхъ естественныхъ законовъ къ закону тяготѣнія, а въ первомъ—идею о томъ, что человѣчество развивается, какъ и все органическое на землѣ, и что развитіе это ведетъ къ высшему совершенству. Въ это время Сенъ-Симонъ страшно бѣдствовалъ и вынужденъ былъ просить денежной помощи у богатыхъ людей. Ради полученія денегъ онъ, по совѣту нѣкоторыхъ лицъ, къ которымъ обращался, послалъ (1813) второй изъ названныхъ мемуаровъ самому Наполеону, давъ своей рукописи совсѣмъ неподходящее къ ея содержанію заглавіе—„Средство заставить англичанъ признать независимость флаговъ“, и присоединилъ къ этому письмо, въ которомъ рекомендовалъ Наполеону возвратить свободу Германіи, Голландіи, Италіи и Испаніи. Сначала Сенъ-Симонъ вообще относился къ Наполеону благосклонно, хотя и осуждалъ переворотъ 18 брюмера, но въ его взглядахъ на перваго консула и императора отражались общественныя настроенія, и потому въ эпоху паденія имперіи онъ тоже сдѣлался его врагомъ. При извѣстіи о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы онъ написалъ очень рѣзкое „Исповѣданіе вѣры графа де-Сенъ-Симона относительно вторженія Наполеона Бонапарта на французскую территорію“, хотя въ эпоху „ста дней“ и принялъ потомъ должность помощника библіотекаря въ одной казенной библіотекѣ и написалъ брошюру противъ коалиціи 1815 г., что́ не помѣшало ему, однако, затѣмъ хвалить ту же коалицію за низверженіе Наполеона. Все указываетъ на то, что по своему характеру Сенъ-

Симонъ былъ человѣкъ крайне впечатлительный, увлекающійся, неустойчивый; несомнѣнно поэтому, что въ своихъ перемѣнахъ по отношенію къ Наполеону онъ не преслѣдовалъ никакихъ своекорыстныхъ цѣлей, и дѣйствительно, во все время консульства и имперіи онъ оставался человѣкомъ независимымъ, въ концѣ этой эпохи страшно бѣдствовалъ, хотя его имя, его связи, его прошлое и его знанія давали ему полную возможность занять какое-либо выгодное положеніе въ оффиціальной Франціи 1800—1814 гг. Перебиваясь кое-какъ, Сенъ-Симонъ жилъ и въ эпоху реставраціи.

События 1814—1815 г. отразились на Сенъ-Симонѣ тѣмъ, что вообще вызвали съ его стороны нѣсколько политическихъ брошюръ. Въ сотрудничествѣ съ Огюстеномъ Тьерри, будущимъ историкомъ, тогда еще совсѣмъ начинающимъ юношей, Сенъ-Симонъ написалъ для вѣнскаго конгресса брошюру подъ заглавіемъ „Реорганизація европейскаго общества, или о необходимости и средствахъ собрать народы Европы въ одно политическое цѣлое, сохраняя за каждымъ его національность“: союзъ Франціи съ Англіей долженъ бы былъ ввести вездѣ конституціонные порядки, а затѣмъ всѣ государства должны были бы устроить общій парламентъ, который выработалъ бы универсальный кодексъ морали. Затѣмъ при содѣйствіи нѣсколькихъ богатыхъ промышленниковъ и финансистовъ Сенъ-Симонъ сталъ издавать сборникъ подъ заглавіемъ „L'industrie“ и съ характернымъ эпиграфомъ: „все чрезъ промышленность, все для нея“ (tout par l'industrie, tout pour elle). Въ первые годы реставраціи онъ вообще вступилъ въ новый фазисъ своихъ увлеченій. Заботы о просвѣщеніи и развитіи науки были теперь имъ оставлены, и все его вниманіе сосредоточилось на той соціальной борьбѣ, какую стали между собою вести, по тогдашнему выраженію Огюстена Тьерри, люди индустріи противъ людей пергаменовъ. Сенъ-Симонъ тоже взялъ на себя защиту „индустріализма“ противъ феодализма, понимая подъ первымъ новое промышленное направленіе въ отличіе отъ стараго аристократизма и еще не различая среди самихъ „индустріаловъ“ противоположности интересовъ капитала и труда. Основнымъ взглядомъ этой эпохи было у него то положеніе, что промышленный классъ приноситъ наибольшую пользу странѣ и имѣетъ небольшія способности для управленія дѣлами государства: промышленники одни для него составляли національную партію, а ихъ враги, „военные“, не имѣющіе ни малѣйшаго права на управленіе государствомъ, были для него партіей антинаціональною. Замѣчательно, что при этомъ Сенъ-Симонъ, однако, всячески открещивался отъ либерализма. „Мы приглашаемъ, писалъ онъ между прочимъ,—мы приглашаемъ всѣхъ индустріаловъ, которые ревнуютъ объ общемъ благѣ и понимаютъ отношенія, существующія

между общими интересами общества и промышленности, не терпѣть болѣе, чтобы ихъ обозначали именемъ либераловъ; мы приглашаемъ ихъ воздвигнуть новое знамя и на этой своей хоругви начертать девизъ: индустріализмъ". Хартіи 1814 г. Сенъ-Симонъ не придавалъ большого значенія и говорилъ, что королевская власть можетъ хорошо ужиться съ его системой, лишь бы только промышленники, составляющіе громадное большинство націи, отдѣлались отъ „легистовъ" и военныхъ, какъ и отъ дворянъ, и взяли въ свои руки завѣдованіе дѣлами. „Какое положеніе индустріалы (сельскіе хозяева—cultivateurs, фабриканты и негоціанты) должны занимать въ обществѣ?—Первое.—Какое мѣсто они занимаютъ?—Послѣднее". Въ этомъ направленіи писалъ Сенъ-Симонъ до 1823 г., издавая свои сборники, большею частью очень недолговѣчные: „L'industrie" (1817—1818), „Le Politique" (1819), „L'Organisateur" (1819—1820), „Le système industriel" (1821—1822), „Le catéchisme des industriels" (1822—1823) и заявляя въ нихъ, что пишутся они „въ защиту индустріаловъ противъ куртизановъ и дворянъ, т.-е. въ защиту пчелъ противъ трутней". Въ одномъ изъ этихъ изданій (именно въ „Организаторѣ" за 1819 г.) онъ помѣстилъ свою знаменитую „Параболу". „Мы предполагаемъ, говоритъ здѣсь С.-Симонъ, что Франція вдругъ потеряетъ своихъ 50 первыхъ физиковъ, своихъ 50 первыхъ химиковъ, своихъ 50 первыхъ физіологовъ и т. д. (тутъ слѣдуетъ длинное перечисленіе ученыхъ и художниковъ разныхъ спеціальностей, литераторовъ, всевозможныхъ техниковъ, людей либеральныхъ профессій, банкировъ, негоціантовъ, фабрикантовъ, сельскихъ хозяевъ, ремесленниковъ и т. п.), а также сотни другихъ лицъ, наиболѣе способныхъ въ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ—всего три тысячи человѣкъ первыхъ ученыхъ, художниковъ и ремесленниковъ. Такъ какъ эти люди суть французы, которые руководятъ трудами, наиболѣе полезными для націи, то они, дѣйствительно, составляютъ цвѣтъ французскаго общества. Нація сдѣлается тѣломъ безъ души въ тотъ моментъ, какъ она потеряетъ ихъ, и ей нужно будетъ, по крайней мѣрѣ, цѣлое поколѣніе, чтобы вознаградить свою потерю. Перейдемъ, продолжаетъ Сенъ-Симонъ, къ другому предположенію. Допустимъ, что Франція сохраняетъ всѣхъ геніальныхъ людей, которыхъ она имѣетъ въ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ, но что она имѣетъ несчастье потерять Monsieur—королевскаго брата, монсеньёровъ герц. Ангулемскаго, герц. Беррійскаго, герц. Орлеанскаго, герц. Бурбонскаго, герцогинь Ангулемскую, Беррійскую, Орлеанскую, Бурбонскую и мадемуазель Конде. И пусть она потеряетъ въ то же время всѣхъ главныхъ коронныхъ сановниковъ, всѣхъ министровъ королевства, всѣхъ государственныхъ совѣтниковъ, маршаловъ, кардиналовъ, архіепископовъ, епископовъ, великихъ вика-

ріевъ и канониковъ, всѣхъ префектовъ и подпрефектовъ, всѣхъ чиновниковъ министерствъ, всѣхъ судей и, кромѣ того, десять тысячъ собственниковъ самыхъ богатыхъ изъ тѣхъ, которые живутъ по-барски (qui vivent noblement). Этотъ несчастный случай весьма опечалитъ французовъ, потому что они добры (parce qu'ils sont bons), но эта потеря такого множества лицъ, считаемыхъ самыми важными въ государствѣ, причинитъ имъ печаль по причинамъ, исключительно зависящимъ отъ ихъ чувствительности, потому что изъ этого несчастнаго случая не произойдетъ никакого политическаго зла для государства (aucun mal politique pour l'état)". Сенъ-Симонъ указывалъ далѣе, что найдется во Франціи много людей, которые съумѣютъ хорошо исполнить обязанности королевской родни и разныхъ лицъ при дворѣ, въ администраціи, въ арміи, въ церкви, и дѣлалъ отсюда тотъ общій выводъ, что „современное общество есть поистинѣ свѣтъ на изнанку (le monde renversé); такъ какъ тѣ, которые представляютъ собою положительную полезность, были поставлены въ подчиненное положеніе" (subalternisés),—выводъ, который онъ выразилъ въ подробностяхъ, не скупясь на рѣзкія выраженія. Вскорѣ послѣ появленія „Параболы" былъ убитъ герцогъ Беррійскій, и королевскій прокуроръ въ наступившую затѣмъ реакцію привлекъ Сенъ-Симона къ суду, обвинивъ его въ томъ, что онъ былъ моральнымъ сообщникомъ преступленія и во всякомъ случаѣ непочтительно отнесся къ королевскому дому. Присяжные, однако, оправдали Сенъ-Симона, и онъ вскорѣ послѣ этого написалъ брошюру „О Бурбонахъ и Стюартахъ" въ духѣ извѣстной параллели между этими двумя династіями.

Между тѣмъ Сенъ-Симонъ въ послѣднихъ публикаціяхъ этого періода все болѣе и болѣе начинаетъ переходить къ той мысли, что права промышленниковъ, которыя онъ защищалъ, налагаютъ на нихъ и извѣстныя обязанности по отношенію къ пролетаріату. Новая нота въ его сочиненіяхъ не понравилась его богатымъ покровителямъ, дававшимъ ему деньги на изданіе брошюръ, и скоро Сенъ-Симонъ снова очутился въ большой нуждѣ, заставившей его даже посягнуть на самоубійство: въ 1823 г. онъ выстрѣлилъ себѣ въ лобъ изъ пистолета, но только лишился одного глаза, и лишь открытая въ его пользу подписка дала ему возможность продолжать свою писательскую и издательскую дѣятельность. Въ послѣдніе годы жизни Сенъ-Симона уже окончательно опредѣлилось его новое отношеніе къ рабочему классу. Въ началѣ 1825 г. онъ издалъ новый сборникъ подъ заглавіемъ „Литературныхъ, философскихъ и промышленныхъ мнѣній", гдѣ проводится та мысль, что рабочій классъ во Франціи развитъ уже достаточно для завѣдованія дѣлами страны. Въ томъ же году появился и послѣдній его трудъ—„Новое христіанство". По предста-

вленію Сенъ-Симона, христіанство имѣетъ божественное происхожденіе, но Богъ вообще приспособляется къ степени пониманія людей, а потому въ полномъ совершенствѣ божественная истина не была дана ученикамъ Христа. Христосъ оставилъ заповѣдь братской любви, но при теперешнемъ состояніи эта заповѣдь можетъ быть выражена полнѣе: „религія должна направлять общество къ великой цѣли возможно наиболѣе быстраго улучшенія быта самаго бѣднаго класса". Новое христіанство, по мысли Сенъ-Симона, должно было быть преобразованіемъ (transfiguration) стараго, дабы „положить конецъ религіозному равнодушію самаго многочисленнаго класса. У новаго христіанства, писалъ онъ, будетъ своя мораль, свой культъ, свой догматъ; у него будетъ свое духовенство, которое будетъ имѣть свое начальство (ses chefs). Нравственное ученіе (la doctrine de la morale) будетъ у новыхъ христіанъ самымъ главнымъ, а культъ и догматъ—лишь своего рода придаткомъ". Указавъ на успѣхи, сдѣланные математикою и естествознаніемъ, Сенъ-Симонъ выражалъ сожалѣніе, что гораздо болѣе важная наука, которая образуетъ самое общество и служитъ ему основаніемъ, наука нравственная, находится въ пренебреженіи. Въ заключеніе Сенъ-Симонъ обратился съ упрекомъ къ Священному союзу за то, что тотъ не только не служилъ, но скорѣе вредилъ цѣли, къ которой должны стремиться христіанскіе государи, понимая эту цѣль, какъ обезпеченіе участи большинства народа. Вскорѣ послѣ изданія „Новаго христіанства" Сенъ-Симонъ умеръ въ присутствіи учениковъ, которыхъ имѣлъ уже въ эту пору своей жизни. Передъ самою смертью онъ говорилъ имъ слѣдующее: „Думаютъ, что разъ доказана дряхлость католицизма, всякая религія должна исчезнуть. Это—большое заблужденіе, ибо религія не можетъ оставить міръ и только перемѣняетъ видъ. Вся моя жизнь резюмируется въ одну цѣль—обезпечить людямъ свободное развитіе ихъ способностей". Затѣмъ, возвращаясь къ мысли о новомъ изданіи (le Producteur), которое онъ въ то время замышлялъ, онъ сказалъ: „Черезъ двое сутокъ послѣ второй нашей публикаціи участь рабочихъ будетъ устроена; будущее принадлежитъ намъ".

Мы нарочно остановились на біографіи Сенъ-Симона, чтобы показать, какимъ путемъ этотъ, несомнѣнно весьма оригинальный, человѣкъ дошелъ до идеи, легшей въ основаніе цѣлаго направленія, получившаго отъ него свое названіе—сенъ-симонизма. Человѣкъ, съ юности мечтавшій о великихъ дѣлахъ и славѣ, способный увлекаться своими идеями до самозабвенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и быстро мѣнять одну идею на другую, онъ послѣдовательно желалъ быть реформаторомъ въ областяхъ науки, политики и общественнаго устройства, а вмѣстѣ съ тѣмъ морали и религіи. Онъ рано пришелъ къ тому вы-

воду, что главнымъ факторомъ дальнѣйшаго прогресса должна сдѣлаться наука, и многія его мысли впослѣдствіи получили весьма плодотворное развитіе, хотя несмотря на то, что онъ самъ хотѣлъ учиться и, дѣйствительно, пріобрѣталъ знанія, его собственное отношеніе къ наукѣ оставалось всегда довольно поверхностнымъ. Притомъ его мысль не отличалась достаточною ясностью; во всякомъ случаѣ ему недоставало систематичности. Поэтому онъ нигдѣ и не высказалъ вполнѣ точно и послѣдовательно своихъ взглядовъ: то, что называется сенъ-симонизмомъ, было создано не имъ самимъ, а его учениками, а кромѣ этого Сенъ-Симонъ высказалъ не мало научныхъ мыслей, которыя потомъ были развиты въ позитивизмѣ Огюста Конта, находившагося одно время въ числѣ его учениковъ. Особенно важны его идеи о необходимости преобразованія общественной науки и исторіи и его взгляды на исторію Европы, какъ на превращеніе военнаго общества въ общество промышленное, а на исторію труда, какъ на послѣдовательность рабства, крѣпостничества и свободнаго наемничества, за которымъ должна наступить стадія du travail sociétaire. Къ тѣмъ взглядамъ, которые сдѣлали изъ Сенъ-Симона одного изъ родоначальниковъ соціализма, онъ пришелъ, однако, лишь въ самомъ концѣ своей жизни, шестидесятилѣтнимъ старикомъ. Принимая въ расчетъ, что Сенъ-Симонъ былъ въ сущности индустріалистомъ, а не соціалистомъ, одинъ изъ новѣйшихъ историковъ соціальныхъ системъ [1]) ставитъ даже вопросъ, какія мы имѣемъ основанія считать Сенъ-Симона соціалистомъ, и вотъ какъ онъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. Во-первыхъ, родоначальникомъ соціализма сдѣлало Сенъ-Симона то обстоятельство, что ученики его стали разрабатывать ученіе, имъ созданное, именно въ этомъ направленіи, а это не было простою случайностью, потому что индустріализмъ, развитый Сенъ-Симономъ до послѣднихъ изъ него выводовъ, неизбѣжно приводилъ къ соціализму. Съ другой стороны, въ эпоху, когда жилъ Сенъ-Симонъ, общественная мысль была направлена главнымъ образомъ на политическіе вопросы, къ которымъ Сенъ-Симонъ относился, наоборотъ, болѣе равнодушно, выдвигая на первый планъ соціальную сторону жизни народовъ,—опять черта, которая роднитъ его ученіе съ соціализмомъ. Собственно говоря, поворотъ Сенъ-Симона къ новымъ идеямъ начался около 1821 г. Въ одной изъ брошюръ этого года „Къ господамъ рабочимъ“ онъ уже совѣтовалъ имъ не соединяться съ другими политическими партіями, а образовать свою собственную. Съ этого же времени слово „индустріальный“ въ его сочиненіяхъ начинаетъ все болѣе и болѣе вытѣсняться выраженіемъ „соціальный“.

[1]) Польскій историкъ *Б. Лимановскій* въ сочиненіи, названномъ въ главѣ XXII.

Наконецъ, въ „Новомъ христіанствѣ“ Сенъ-Симона уже прямо намѣчаются нѣкоторыя положенія, которыя должны были быть развиты въ соціалистическомъ смыслѣ. Нужно ко всему этому еще прибавить, что Сенъ-Симонъ былъ противникомъ революціонныхъ средствъ, расчитывая, что одна любовь можетъ создать благо наиболѣе многочисленной части народа.

После смерти Сенъ-Симона образовалась цѣлая школа его последователей, принявшихъ имя сенъ-симонистовъ. Въ послѣдніе годы жизни у него не было недостатка въ ученикахъ, хотя не всѣ оставались вѣрными своему учителю, какъ это можно сказать объ Огюстенѣ Тьерри и объ Огюстѣ Контѣ. Однимъ изъ наиболѣе ревностныхъ его послѣдователей сдѣлался Олендъ Родригъ, который послѣ похоронъ учителя пригласилъ къ себѣ единомышленниковъ и взялъ съ нихъ обѣщаніе не разлучаться. Въ томъ же 1825 г. они предприняли изданіе „Producteur'a“, задуманнаго еще Сенъ-Симономъ: въ этомъ органѣ зарождавшагося сенъ-симонизма стали участвовать, кромѣ самого Родрига, Анфантенъ, Базаръ, Бюшезъ и многіе другіе, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ и не были сенъ-симонистами (Ог. Контъ, Арманъ Каррель и др.). Журналъ не былъ исключительно посвященъ пропагандѣ новыхъ идей, такъ какъ въ немъ печатались статьи и по наукамъ, по промышленности и т. п. Въ политическомъ отношеніи изданіе оставалось довольно равнодушнымъ къ борьбѣ между роялистами и либералами, хотя Базаръ и Бюшезъ до своего обращенія въ сенъ-симонизмъ были видными дѣятелями карбонарскаго движенія. Впослѣдствіи сенъ-симонисты опредѣлили свое отношеніе къ либерализму, назвавъ его религіознымъ и политическимъ протестантизмомъ, который, будучи, по ихъ классификаціи, принципомъ отрицательнымъ, слѣдовательно, и неспособенъ былъ лечь въ основу общественной организаціи (Анфантенъ называлъ либерализмъ шарлатанствомъ). Мало того, „Producteur“ при всей демократичности своихъ стремленій высказывался противъ народовластія и абсолютнаго равенства и даже критиковалъ систему англійскаго реформатора Оуэна за ея коммунистическій характеръ. Любопытно и то еще, что журналъ высказывался и противъ принципа свободы совѣсти.

„Producteur“ былъ недолговѣченъ; онъ прекратилъ свое существованіе въ 1826 г. въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики и недостаткомъ средствъ. Это, однако, не обезкуражило школу, и она начала, съ одной стороны, дальнѣйшую разработку своей доктрины, а съ другой—весьма дѣятельную устную и письменную пропаганду главнымъ образомъ среди интеллигентной молодежи, жаждавшей новаго слова и жаждавшей его главнымъ образомъ въ видѣ вѣры. Самую видную роль въ разработкѣ доктрины игралъ Бартелеми-Прос-

перъ Анфантенъ (1796—1864), который, собственно говоря, зналъ Сенъ-Симона очень мало, но отличался среди всѣхъ его учениковъ наибольшею послѣдовательностью и смѣлостью мысли. Раньше онъ учился одно время въ Политехнической школѣ, потомъ много путешествовалъ по торговымъ дѣламъ. Рядомъ съ нимъ выдвинулся Сентъ-Амандъ Базаръ (1791—1832), когда-то конспираторъ противъ Бурбоновъ и пріятель бабувиста Буанаротти, написавшаго (въ 1820 г.) „Исторію заговора равныхъ". У Базара была замѣчательная способность давать каждой мысли наиболѣе подходящую для нея форму. Мало-по-малу Анфантенъ и Базаръ сдѣлались признанными главами школы, и самъ Родригъ долженъ былъ передать имъ руководство. Общими силами они выработали ученіе, которому дали названіе— la doctrine saint-simonienne. Въ 1828 г. Базаръ открылъ въ одномъ изъ домовъ улицы Тараннъ курсъ лекцій, въ которыхъ излагалась доктрина; чтенія продолжались два года и печатались въ журналѣ „Organisateur", а потомъ вышли отдѣльною книгою. Въ это время къ сенъ-симонизму примкнуло много учащейся молодежи, преимущественно изъ воспитанниковъ Политехнической школы, изъ которыхъ многіе впослѣдствіи, оставивъ сенъ-симонизмъ, прославились на разныхъ поприщахъ (Мишель Шевалье, Карно, Перейра, Лессепсъ и др.). „Доктрина Сенъ-Симона" отличается ясностью, послѣдовательностью и полнотою, но особенно замѣчательна критическая часть книги, достоинства которой были признаны не одними поклонниками сенъ-симонизма. Въ тѣ же 1828—1830 гг. философская школа, какою былъ сначала кружокъ сенъ-симонистовъ, превратилась въ религіозное братство съ церковной организацiей. Во главѣ общины стоялъ сначала Олендъ Родригъ, но въ 1829 г. онъ передалъ направленіе дѣлами школы Анфантену и Базару, что̀ произвело въ ней первый расколъ: отдѣлился именно Бюшезъ, который не захотѣлъ признать новую іерархію и не соглашался со взглядами Анфантена и Базара на Божество. Явились сенъ-симонистскія общины въ провинціяхъ—и стали прямо называться церквами. Анфантенъ даже совершилъ объѣздъ нѣсколькихъ такихъ „церквей" и въ перепискѣ съ ними видимо подражалъ апостольскимъ посланіямъ: „Слава Богу, слава Сенъ-Симону, слава намъ, слава нашимъ возлюбленнымъ братьямъ Юга. Я еще не видѣлъ всѣхъ братій этого діоцеза и, несмотря на то, я уже преисполненъ радостью; мы сѣяли на доброй землѣ, жатва обильна". Члены сенъ-симоновской церкви называли себя „братьями и сестрами или сыновьями и дочерьми въ Сенъ-Симонѣ". Іюльская революція 1830 г. оказала большое вліяніе на зародившійся такимъ образомъ сенъ-симонизмъ. Во-первыхъ, сенъ-симонисты обратились съ прокламаціей къ народу и съ письмомъ къ предсѣдателю палаты депутатовъ, рекомен-

дуя имъ свое ученіе. Во-вторыхъ, они еще дѣятельнѣе стали пропагандировать это ученіе въ „Организаторѣ“ (основанномъ еще въ 1829 г.) и въ „Globe“, который они пріобрѣли послѣ революціи, назвавъ его „журналомъ сенъ-симоновской религіи“. Наконецъ, къ первымъ же годамъ іюльской монархіи относится попытка сенъ-симонистовъ примѣнить свою теорію на практикѣ посредствомъ устройства особаго общежитія („семейства“), изъ-за котораго былъ даже возбужденъ противъ нихъ процессъ [1]).

Доктрина сенъ-симонистовъ представляла собою соединеніе взглядовъ, имѣющихъ весьма различное происхожденіе. Одни изъ нихъ были результатомъ критическаго отношенія къ дѣйствительности, историческаго пониманія прошлаго, научнаго стремленія построить общую теорію общества; другіе, наоборотъ, являлись продуктомъ религіознаго творчества, родственнаго одновременно и мистическому сектантству, и средневѣковому католицизму. Сенъ-симонисты были недовольны современною имъ наукою, находя, что въ ней господствуетъ анархія мнѣній [2]). Такая же анархія царствуетъ и въ промышленности, которая не заботится объ интересахъ общества. Одинъ изъ источниковъ индустріальнаго безпорядка заключается въ политической экономіи съ ея принципомъ — „laissez passer, laissez faire“. Всякій производитель, руководясь лишь собственнымъ соображеніемъ и безпрестанно обманываясь, судитъ о нуждахъ потребленія, экономисты же только поощряютъ конкурренцію производителей. Торжествуютъ немногіе счастливцы на счетъ разоренія безчисленнаго количества жертвъ. Необходимымъ слѣдствіемъ производства, доведеннаго до крайности въ извѣстныхъ направленіяхъ, является нарушеніе равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ съ его катастрофами и кризисами. Предположеніе экономистовъ о существующемъ будто бы согласіи между интересомъ личнымъ и общественнымъ опровергается опытомъ. Ненормальными находили сенъ-симонисты и взаимныя отношенія между людьми трудящимися и владѣльцами орудій производства и капиталовъ, доказывая, что вслѣдствіе слѣпой случайности рожденія чистый доходъ достается не искусному рабочему, а лѣнивому и неспособному собственнику. Ничего этого не было бы, если бы эксплуатація земного шара была регулирована по общему плану. Къ этому приводитъ и исторія, указывающая на то, какъ доселѣ развивалось человѣчество, потому что исторія есть непрерывная серія прогресса во всѣхъ важныхъ сторонахъ человѣческой жизни и прежде всего въ усиленіи духа ассоціаціи и въ умень-

---

[1]) Дальнѣйшая исторія сенъ-симонизма изложена въ V томѣ.

[2]) Изъ этой „анархіи“ и мечталъ вывести человѣчество Ог. Контъ своей положительной философіей.

шеніи духа вражды и антагонизма въ жизни людей. Если до сихъ поръ вообще человѣкъ эксплуатировалъ человѣка, господинъ — раба, сеньёръ — крѣпостного, собственникъ—рабочаго, все-таки отношенія между эксплуатирующимъ и эксплуатируемымъ дѣлались мягче и гуманнѣе. Это указываетъ на то, что наступитъ время (и оно, думали сенъ-симонисты, очень уже близко), когда всякая эксплуатація человѣка человѣкомъ прекратится, и всѣ люди, соединившись въ ассоціаціи, будутъ эксплуатировать весь міръ. „Всякому по способностямъ, всякой способности по ея дѣламъ“ (à chacun selon sa capacité, à chaque capacité selon ses oeuvres),—такъ формулировали сенъ-симонисты новое право, идущее на смѣну праву завоеванія и рожденія. Они ссылались при этомъ на исторію для доказательства того, что собственность не есть сама по себѣ фактъ неизмѣнный и что законодательство, напротивъ, всегда вмѣшивалось въ ея организацію, а ихъ система, говорили они, стремится не къ уничтоженію, а къ преобразованію собственности. Видоизмѣненія, которымъ послѣдняя доселѣ подвергалась, показываютъ, что все большее и большее число трудящихся лицъ пріобщается къ собственности и въ то же время все благопріятнѣе и благопріятнѣе дѣлаются для трудящихся ихъ отношенія къ капиталистамъ. Сенъ-симонисты представляли себѣ будущее состояніе собственности въ такомъ видѣ, что единственное право на нее безъ права передачи другому лицу будетъ заключаться въ способности къ мирному труду и состоять лишь въ пользованіи собственностью. Владѣльцы земель и капиталовъ превратятся лишь въ хранителей этихъ орудій труда, распредѣляющихъ ихъ между рабочими. Тогда и водворится царство Божіе на землѣ, исчезнетъ рабство, смягчившееся въ отношеніе между капиталистомъ и работникомъ, уничтожатся привилегіи рожденія, все-таки еще сохраняющіяся въ правѣ наслѣдованія имуществъ. „Говорятъ, замѣчали сенъ-симонисты, что сынъ всегда наслѣдовалъ отцу, но подобнымъ же образомъ и язычникъ говорилъ, что всегда свободный человѣкъ владѣлъ рабами. Но человѣчество устами Іисуса провозгласило: нѣтъ болѣе рабства; устами Сенъ-Симона оно провозглашаетъ: всякому по его способности, всякой способности по ея дѣламъ; нѣтъ болѣе наслѣдства“. Вмѣстѣ съ этимъ сенъ-симонисты указывали и на религіозный прогрессъ въ человѣчествѣ, полагая, что оно никогда не останется безъ религіи. Они отвергали христіанство за то, что, будучи религіей одного духа, оно разсматриваетъ тѣло и все тѣлесное, какъ нѣчто грѣховное, тогда какъ собственное воззрѣніе сенъ-симонистовъ сводилось къ пантеистическому пониманію Божества, проявляющагося для человѣка, какъ духъ и какъ матерія. Отсюда — сенъ-симонистическая реабилитація плоти, впослѣдствіи доведшая

Анфантена до проповѣди крайней чувственности,—черта, роднящая его ученіе съ нѣкоторыми мистико-пантеистическими сектами среднихъ вѣковъ и реформаціонной эпохи. Чисто сектантскій характеръ „доктрины Сенъ-Симона“ выразился и въ томъ, что она на первый планъ выдвигаетъ элементъ морально-религіозный—въ своемъ, разумѣется, пониманіи этого элемента съ точки зрѣнія признанія нравственной равноцѣнности требованій духа и требованій плоти. Источникъ, связь и цѣль жизни — въ любви, и потому люди съ преобладающимъ чувствомъ любви должны быть начальниками общества, поскольку же любовь обнимаетъ конечное и безконечное и выражается въ исканіи Бога, этими начальниками могутъ быть только представители религіи, т.-е. священники. Представляя единство жизни, священникъ въ то же время представляетъ единство общественное и политическое, такъ какъ религія у сенъ-симонистовъ прямо провозглашается, какъ нѣчто обнимающее во всей полнотѣ систему политическую. Отъ нея должны зависѣть наука и промышленность, служащія человѣку къ познанію міра и къ господству надъ нимъ и имѣющія каждая свою іерархію: одна изъ этихъ іерархій будетъ заправлять разработкой наукъ, другая — регулировать промышленность и каждая въ своей области — раздѣлять людей на классы по способностямъ и вознаграждать по дѣламъ. Надъ священниками науки и промышленности будетъ возвышаться священникъ общій или соціальный (le prêtre social), на котораго „доктрина“ смотритъ, какъ на живой законъ, воплощеніе идеи правды, будетъ ли этотъ законъ носить имя Нумы, Моисея, Христа, а для будущихъ временъ — Сенъ-Симона. Отсюда вся система представлялась, какъ „послѣднее откровеніе, дѣлаемое Богомъ человѣку, откровеніе прогресса, любви, жизни“, какъ „вѣра Сенъ-Симона и всѣхъ грядущихъ поколѣній“. Этотъ мистическій, религіозный элементъ возобладалъ въ сенъ-симонизмѣ надъ научнымъ, изъ-за чего главнымъ образомъ и отшатнулся отъ новаго ученія Огюстъ Контъ, кончившій, впрочемъ, самъ созданіемъ новой религіи въ томъ же духѣ. Съ другой стороны, сенъ-симонизмъ совершенно убивалъ свободу личности, подчиняя каждаго человѣка въ его духовной и въ его промышленной жизни безусловному авторитету „священниковъ“. Это ученіе увлекло главнымъ образомъ очень молодыхъ людей, которые впослѣдствіи отъ него иногда очень скоро отставали, а тѣ общины, которыя основывали сенъ-симонисты въ тридцатыхъ годахъ, менѣе всего заключали въ себѣ людей „изъ самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса“. Сенъ-симонисты приглашали человѣчество „освящаться въ трудѣ и удовольствіи“, и дѣйствительно, удовольствія играли видную роль въ ихъ „семействѣ“.

Осуществить свой идеалъ жизни сенъ-симонизмъ думалъ посред-

ствомъ воспитанія, которое прежде всего должно было развить чувство долга и привязанности къ истиннымъ и законнымъ вождямъ общества. Все должно склоняться передъ авторитетомъ. Современный либерализмъ достоинъ сожалѣнія. Писаннаго закона тоже ненужно: въ будущемъ законами будутъ простыя деклараціи начальства. Управляетъ священникъ: онъ — источникъ и освященіе порядка. „Всякая общественная должность священна, ибо она отправляется во имя Бога человѣкомъ, который его представляетъ". Въ сенъ-симонизмѣ, какъ культурно-политическомъ направленіи, несомнѣнно сказалось сильное католическое вліяніе: не даромъ даже Огюстъ Контъ идеализировалъ средневѣковую теократію, а Бюшезъ прямо возвратился въ лоно католицизма, соединивъ его съ культомъ французской революціи [1]). Взятый съ этой стороны, сенъ-симонизмъ былъ однимъ изъ проявленій той культурной и политической реакціи, которая характеризуетъ эпоху, реакціей вѣры и чувства противъ знанія, реакціей идеи авторитета противъ принципа индивидуальной свободы. Но въ то же время, разсматриваемый съ соціальной точки зрѣнія, сенъ-симонизмъ былъ ученіемъ по существу дѣла революціоннымъ—не въ смыслѣ средствъ, которыми онъ думалъ достигнуть своихъ цѣлей, а въ смыслѣ рѣзкой постановки соціальнаго вопроса, какъ вопроса, требующаго полной перестройки общественныхъ отношеній на совершенно новыхъ началахъ.

Одновременно съ сенъ-симонизмомъ возникло и развилось во Франціи другое соціалистическое ученіе — фурьеризмъ, получившій свое названіе точно такъ же отъ имени своего основателя.

Шарль Фурье родился въ 1772 г. въ семьѣ богатаго безансонскаго купца, торговавшаго сукномъ. Школьное образованіе, полученное Фурье, было самое недостаточное, такъ какъ 12 или 13 лѣтъ отъ роду онъ уже перестaлъ ходить въ училище; если онъ что-либо и зналъ потомъ, то только изъ самаго несистематическаго чтенія разныхъ книгъ. Сначала въ качествѣ приказчика въ чужихъ лавкахъ, потомъ хозяиномъ своего собственнаго магазина колоніальныхъ товаровъ въ Ліонѣ онъ занимался долгое время исключительно торговыми дѣлами. Въ 1793 г. во время возстанія Ліона противъ конвента онъ лишился своего имущества, и самого его чуть не разстрѣляли. Потомъ онъ служилъ нѣкоторое время въ конныхъ егеряхъ, но по болѣзни вышелъ въ отставку и поступилъ въ приказчики къ одному хлѣбному торговцу въ Марсели, затѣмъ былъ courtier-marron, т.-е. биржевымъ маклеромъ безъ законнаго свидѣтельства въ Ліонѣ. Въ этотъ періодъ своей жизни онъ дѣлается прожектеромъ: то онъ пред-

---

[1]) Объ этомъ см. въ V томѣ.

ставляетъ въ военное министерство проектъ продовольствія арміи по новому способу, то начертываетъ планъ для ускоренія перехода войскъ съ береговъ Рейна въ Италію, то сочиняетъ и посылаетъ префекту проектъ учрежденія особаго класса маклеровъ для транспортированія кладей. Въ 1803 г. вышло въ свѣтъ первое сочиненіе Фурье на политическую тему—„Континентальный тріумвиратъ и вѣчный миръ черезъ тридцать лѣтъ", гдѣ онъ пророчилъ, что Пруссію раздѣлятъ между собою Австрія и Россія, а затѣмъ Россія съ Франціей раздѣлятъ Австрію, послѣ чего между ними начнется борьба за господство, пока не кончится побѣдою, вѣроятно, Россіи. „Вотъ что̀, писалъ онъ, угрожаетъ Западу, а вы, публицисты, не предвидящіе кризиса, не дѣти ли вы, которыхъ надо отослать въ школу? И сколько подготовляется другихъ событій, которыхъ вы не предвидѣли! Вашъ кредитъ подходитъ къ концу. Итакъ, приготовьтесь войти въ ничтожество. Истина, которой вы ищете въ продолженіе двухъ съ половиной тысячъ лѣтъ, скоро появится къ вашему посрамленію". Наполеоновская полиція обратила вниманіе на эту брошюру, но авторъ ея былъ оставленъ въ покоѣ, какъ человѣкъ скромный и смирный. Черезъ пять лѣтъ вышло въ свѣтъ главное сочиненіе Фурье „Теорія четырехъ движеній и всеобщихъ судебъ", въ которомъ онъ выступаетъ уже въ роли соціальнаго реформатора не безъ надежды, что систему его осуществитъ Наполеонъ. „Уже явился, писалъ Фурье,— уже явился новый Геркулесъ: его безмѣрные труды превозносятъ его имя отъ одного полюса до другого, и человѣчество, пріученное имъ къ зрѣлищу чудесныхъ дѣлъ, ожидаетъ отъ него какого-нибудь чуда, которое измѣнитъ судьбу міра. Народы! ваши предчувствія исполнятся; самая блестящая миссія предназначена величайшему изъ героевъ: онъ долженъ водворить всеобщую гармонію на развалинахъ варварства и цивилизаціи". По выходѣ въ свѣтъ этой книги, навлекшей на Фурье однѣ насмѣшки публики, онъ бросилъ свое занятіе маклерствомъ и сталъ жить на пенсію, которую ему выдавали его родные. Въ 1816 г. у Фурье былъ уже первый ученикъ въ лицѣ одного безансонскаго жителя, Жюста Мюирона, обладавшаго весьма значительнымъ состояніемъ. На его средства въ 1822 г. Фурье издалъ другое свое сочиненіе — „Трактатъ о домашней и земледѣльческой ассоціаціи". Вскорѣ послѣ этого онъ переселился въ Парижъ, гдѣ съ трудомъ добывалъ себѣ пропитаніе, ища людей, которые помогли бы ему осуществить его систему, и даже публикуя объ этомъ въ газетахъ. Сочиненія его расходились плохо. Та же судьба постигла и сокращенное изложеніе системы, сдѣланное имъ для популяризаціи своихъ идей (Sommaire du traité de l'association domestique et agricole). Въ 1825 г. Фурье оставилъ Парижъ и переселился въ Ліонъ,

гдѣ сдѣлался кассиромъ одной промышленной конторы. Въ это время у него явился новый ученикъ, Викторъ Консидеранъ [1]), впослѣдствіи талантливо популяризировавшій его систему, и новая ученица, Кларисса Вигуре, давшая Фурье средства на изданіе „Новаго промышленнаго и общественнаго міра“ (1828). И это сочиненіе было встрѣчено критикой крайне неблагосклонно. Тогда Фурье рѣшился предложить осуществленіе своего плана соціальнаго переустройства французскому правительству,—это было въ министерство Полиньяка,—и получилъ въ отвѣтъ, что его планъ будетъ разсмотрѣнъ впослѣдствіи. Но тутъ произошла іюльская революція. Она нѣсколько окрылила надежды Фурье: по крайней мѣрѣ, онъ сталъ обращаться съ своимъ проектомъ общественнаго переустройства къ наиболѣе виднымъ дѣятелямъ новаго режима и даже обращался къ самому новому королю, но не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха. Неудачны были его попытки соединенія съ Оуэномъ и съ сенъ-симонистами, такъ какъ и англійскій реформаторъ, и Анфантенъ отвергли его предложенія, за что Фурье обрушился на нихъ въ брошюрѣ „Ловушки и шарлатанство сектъ Сенъ-Симона и Оуэна“ (1831). Когда среди сенъ-симонистовъ начались раздоры, нѣкоторые изъ нихъ перешли на сторону Фурье, и въ 1832 г. у него было уже достаточное число учениковъ, съ которыми онъ могъ теперь предпринять пропаганду своихъ идей въ собственномъ органѣ „Индустріальная реформа или фаланстеръ“ (съ 1832 г.). Тогда же было предпринято осуществленіе на опытѣ „домашней и земледѣльческой ассоціаціи“, окончившееся неудачею [2]). Подъ конецъ своей жизни Фурье опять впалъ въ крайнюю бѣдность и долженъ былъ добывать себѣ пропитаніе ремесломъ переписчика. Умеръ онъ въ 1837 г., оставивъ главою школы Консидерана, который изложилъ ученіе Фурье въ извѣстной книгѣ „La destinée sociale“ (1836—1838).

Сенъ-Симонъ и Фурье выросли на одной и той же почвѣ. Оба перебивались со дня на день, стремясь осуществить свои планы. Оба были мечтателями, старавшимися, однако, найти научное обоснованіе для своихъ взглядовъ на общество, и, что интереснѣе всего, оба искали объясненія всѣхъ явленій въ законѣ всемірнаго тяготѣнія. Далѣе, оба они точно такъ же выступили съ рѣзкой критикой современнаго общественнаго устройства и съ проповѣдью ассоціаціи, причемъ и тотъ, и другой съ одинаковымъ недовѣріемъ относились къ либерализму, бывшему въ глазахъ Фурье равнымъ образомъ лишь переодѣтымъ и неискусно загримированнымъ эгоизмомъ. И онъ, подобно Сенъ-Симону, относился враждебно къ насильственной рево-

---

[1]) *Cognet.* Victor Considérant, sa vie, son oeuvre. 1895.

[2]) См. главу XIII пятаго тома.

люціи, вслѣдствіе чего ставилъ, напр., Бабёфа на одну доску съ Маратомъ. Наконецъ, и Фурье придавалъ большое значеніе религіозному элементу, считая атеизмъ, матеріализмъ и даже деизмъ за умственныя заблужденія, хотя собственныя его религіозныя воззрѣнія остаются доселѣ мало выясненными. Только умъ Фурье въ научномъ отношеніи былъ совсѣмъ недисциплинированный. Онъ создалъ совершенно фантастическую исторію міросозданія, раздѣливъ ее на періоды съ ариѳметически правильно расположенными количествами тысячелѣтій и наполнивъ эти періоды самыми странными выдумками своего необузданнаго воображенія. Въ своей космогоніи онъ является даже пророкомъ относительно будущаго, когда подъ вліяніемъ перемѣны въ жизни людей, по его мнѣнію, и сама природа сдѣлается иною. Эти предсказанія Фурье вызывали немало насмѣшекъ. Онъ предсказывалъ, напр., появленіе новыхъ твореній, которыя будутъ служить человѣку. Анти-львы (anti-lions) въ три раза болѣе теперешнихъ львовъ будутъ превосходными скакунами, на которыхъ люди станутъ быстро переноситься съ мѣста на мѣсто: анти-левъ будетъ дѣлать скачки въ четыре туаза (=25 футовъ), но всадникъ будетъ чувствовать себя такъ же хорошо, какъ въ рессорномъ экипажѣ. Пріятно будетъ, восклицаетъ Фурье, жить въ этомъ мірѣ, когда къ услугамъ вашимъ будутъ подобные служители! Вмѣсто китовъ, явятся анти-киты (anti-baleines) и станутъ возить корабли по морямъ. Анти-крокодилы и анти-гиппопотамы будутъ играть роль лоцмановъ при входѣ въ устья рѣкъ, а анти-тюлени—роль верховыхъ лошадей на лонѣ водъ. Море совершенно измѣнится, и вода его превратится въ нѣчто на подобіе лимонада (une espèce de limonade). Перемѣнится и климатъ, благодаря, между прочимъ, появленію надъ полюсомъ сѣверной короны—въ родѣ кольца Сатурна: когда ее зажгутъ солнечные лучи, она станетъ нагрѣвать полюсъ до температуры Андалузіи и Сициліи, а въ Петербургѣ климатъ будетъ такой, какъ въ Ниццѣ. При этомъ продолжительность человѣческой жизни достигнетъ 144 лѣтъ. Эта космогонія была дополнена фантастическимъ ученіемъ о загробной жизни, въ которомъ главную роль играло переселеніе душъ—не только людей, но и планетъ и солнцъ въ простой вселенной, двойной вселенной, тройной вселенной и т. п. (univers, bivivers, trinivers и т. д.). Ко всему этому нужно прибавить, что Фурье нигдѣ не доказываетъ, а только вѣщаетъ, произвольно создавая понятія о никогда не существовавшихъ вещахъ, столь же произвольно вводя новыя слова, которымъ не соотвѣтствуетъ никакихъ дѣйствительныхъ понятій, постоянно давая произвольныя, но очень точныя цифры и до мельчайшихъ подробностей опредѣляя формы будущаго быта. Онъ вѣрилъ въ скорую осуществимость своей системы и сначала думалъ, что при-

званъ это сдѣлать—Наполеонъ. Потомъ онъ расчитывалъ, что на помощь къ нему явится какой-либо богачъ въ родѣ Девоншира, Нортумберлэнда, Шереметева, Лобанова, Чарторыскаго, Эстергази или какая-нибудь компанія. Въ 1822 г. онъ думалъ, что въ томъ же году будетъ сдѣланъ первый опытъ введенія его системы и въ слѣдующемъ 1823 г. докажетъ свою пригодность; тогда въ 1824 г. всѣ цивилизованные народы введутъ у себя жизнь на новыхъ началахъ, въ 1825 г. къ нимъ присоединятся варвары и дикари, а въ 1826 г. завершится преобразованіе человѣчества установленіемъ „сферической іерархіи". Все это указываетъ на то, къ какого рода области продуктовъ мысли слѣдуетъ относить систему Фурье въ ея цѣломъ. Разсмотримъ теперь ея моральныя и экономическія основы.

Исходнымъ пунктомъ ученія Фурье въ „Теоріи четырехъ движеній и всеобщихъ судебъ" является неудовлетворительное состояніе человѣчества въ настоящее время. Существуютъ разсказы о томъ, какъ Фурье еще ребенкомъ, а потомъ и взрослымъ человѣкомъ познакомился съ ненормальностями общественной жизни. Когда ему было пять лѣтъ, однажды въ его присутствіи отецъ его сдѣлалъ попытку обмануть одного покупателя, но мальчикъ обнаружилъ обманъ и послѣ былъ за это отцомъ наказанъ: Консидеранъ увѣряетъ, будто уже тогда ребенокъ далъ „клятву Ганнибала" въ вѣчной ненависти къ такому порядку вещей, при которомъ возможна подобная неправда. Далѣе, въ бытность свою приказчикомъ у марсельскаго хлѣбнаго торговца Фурье былъ свидѣтелемъ слѣдующаго случая: его хозяинъ, выжидая лучшихъ цѣнъ, не продавалъ большого запаса риса, который у него былъ, но рисъ испортился, и хозяинъ велѣлъ Фурье бросить его въ море, и вотъ это будто бы тоже открыло глаза Фурье на несовершенства нашей цивилизаціи. Хорошо знакомый съ коммерческимъ міромъ, Фурье далъ весьма острую критику современныхъ экономическихъ порядковъ, указавъ на то, наприм., что теперешній голодный пролетарій иной разъ и позавидуетъ, пожалуй, сытому рабу древняго міра,—куда ужъ тутъ до теоріи о верховной власти народа! Отношеніе Фурье къ философіи XVIII в. и къ революціи, которая думала осуществить ея принципы, было отрицательное: 1793 годъ къ прежнимъ бѣдствіямъ присоединилъ только новое—звѣрское истребленіе цѣлыхъ массъ народа. Значитъ, думаетъ Фурье, во всемъ этомъ, т.-е. въ несовершенствахъ нашей общественной жизни есть какое-то искаженіе естественнаго порядка вещей, созданнаго Промысломъ, но неизвѣстнаго нашимъ ученымъ. Отсюда необходимость новой науки, которая и дѣлается „первымъ открытіемъ" Фурье. Это его теорія страстнаго влеченія (théorie de l'attraction passionnée), законы котораго будто бы во всѣхъ пунктахъ согласны съ законами влеченія,

т.-е. притяженія матеріальнаго, изъясненнаго Ньютономъ и Лейбницемъ. Исходя изъ этой мысли, онъ создалъ совершенно произвольную психологію—подстать къ своей космогоніи. Богъ далъ страстямъ человѣка бо̀льшую интенсивность, чѣмъ разуму, а потому страсти суть истолковательницы видовъ Промысла относительно общественнаго порядка. Если философы проклинаютъ страсти, то лишь потому, что сами ничего не понимаютъ: „философскіе капризы, извѣстные подъ именемъ обязанностей, не имѣютъ ничего общаго съ природой", и если страсти приносятъ вредъ, то виноватъ въ этомъ лишь дурной общественный порядокъ, при иномъ же порядкѣ страсти ведутъ къ согласію и общественному единенію. Богъ не создалъ для людей принудительныхъ мѣръ, а далъ имъ только страсти, между которыми нужно имѣть въ виду и влеченіе къ производительнымъ трудамъ, иногда даже къ самымъ, повидимому, отвратительнымъ. Всеобщее движеніе Фурье раздѣлялъ на матеріальное, ароматное (?), органическое и инстинктивное и рядомъ съ нимъ поставилъ еще пятое движеніе—осевое (pivôtal) или соціальное, или еще иначе страстное (passionel). Первое было открыто Ньютономъ, четыре остальныхъ—имъ, самимъ Фурье, и на основаніи этихъ-то своихъ открытій онъ и строилъ свою космогонію или теорію всеобщихъ судебъ. Онъ даетъ далѣе цѣлую теорію страстей, придумывая для нихъ самыя причудливыя названія: кабалиста—страсть къ интригѣ, альтернанта, или папильона—страсть къ перемѣнамъ, композита—вообще слѣпое увлеченіе,—и ставя съ ними въ соотвѣтствіе звуки, цвѣта̀, ариѳметическія дѣйствія, геометрическія фигуры и металлы (напр., дружбѣ соотвѣтствуютъ музыкальный звукъ *do*, фіолетовый цвѣтъ, въ ариѳметикѣ сложеніе, въ геометріи кругъ, желѣзо и т. п.). Страстное влеченіе Фурье дѣлилъ на три категоріи по ихъ цѣлямъ: человѣкъ или стремится къ роскоши, т.-е. къ чувственнымъ удовольствіямъ (пять страстей, соотвѣтствующихъ пяти органамъ чувствъ), или находится въ обладаніи страстей трогательныхъ (affectives, каковы дружба, любовь, отеческое чувство и честолюбіе), или, наконецъ, подчиняется страстямъ распредѣлительнымъ (distributives=упомянутая кабалиста, папильона и композита). Эти двѣнадцать стра̀стей соотвѣтствуютъ двѣнадцати тонамъ и полутонамъ гаммы, а ихъ комбинаціи образуютъ 810 различныхъ характеровъ. „Богъ сдѣлалъ хорошо все, что̀ сдѣлалъ", и человѣку нужно только понять указанія природы и послѣдовать имъ. Воспитаніе должно̀ не подавлять или пытаться преобразовать страсти, а содѣйствовать полному ихъ развитію и всѣ ихъ, не исключая удовольствій, прилагать къ производительной промышленности. Соединеніе всѣхъ звуковъ человѣческой души создастъ всеобщую внутреннюю и внѣшнюю гармонію, т.-е. счастье индивидуальное, какъ ре-

зультатъ удовлетворенія желаній, и счастье обществъ, какъ результатъ устраненія антагонизмовъ и шероховатостей разнаго рода. Достигнуть этого можно, сдѣлавъ трудъ привлекательнымъ (le travail attrayant), т.-е. сдѣлавъ каждый видъ труда доступнымъ соотвѣтственной страсти, напр., предоставивъ кухню лакомкамъ, выдѣлку благовонныхъ товаровъ щеголихамъ и т. п., а очищеніе жилищъ отъ грязи и нечистотъ дѣтямъ, которыя вообще любятъ пачкаться. Современное общественное устройство не годится для такого развитія страстей и приложенія ихъ къ труду, и нужно поэтому совершенно его измѣнить. Люди должны быть соединены въ „фаланги" въ 1600 — 1800 человѣкъ, дабы, исключивъ дѣтей ниже четырехъ лѣтъ и стариковъ свыше ста двадцати лѣтъ, имѣющихъ вмѣстѣ составлять половину населенія, получить около 810 человѣкъ въ полномъ цвѣтѣ силъ въ соотвѣтствіе съ 810 различными характерами людей. Каждая фаланга устроится на своемъ участкѣ земли, въ центрѣ котораго выстроитъ себѣ великолѣпное жилище—„фаланстеръ". Фурье очень подробно занимается описаніемъ того, какъ долженъ быть устроенъ фаланстеръ и какой порядокъ жизни долженъ быть въ немъ заведенъ, входя при этомъ въ самыя мелочныя подробности, въ разныя ариѳметическія вычисленія и болѣе или менѣе наивныя и даже прямо забавныя предположенія, но рядомъ съ этимъ онъ высказываетъ и мысли принципіальнаго характера.

Оставляя въ сторонѣ всю фантастическую сторону плана „земледѣльческой ассоціаціи" Фурье, мы укажемъ лишь на его экономическія идеи. Въ основу фаланстера положена именно идея производительной и потребительной ассоціаціи, выгоды которой Фурье доказывалъ такимъ образомъ: „300 семействъ поселянъ, соединившись въ ассоціацію, имѣли бы одинъ прекрасный сарай, вмѣсто 300 никуда негодныхъ; имѣли бы одно хорошее заведеніе для выдѣлки вина, вмѣсто 300 плохихъ; въ разныхъ случаяхъ, особенно лѣтомъ, они разводили бы три или четыре огня, вмѣсто трехсотъ" и т. п. Фурье предполагалъ, что такія ассоціаціи или фаланги осуществятся, если въ нихъ найдутся любимыя занятія для всѣхъ людей и когда люди воочію убѣдятся, что жить въ фаланстерахъ будетъ и дешевле, и пріятнѣе, главное именно—пріятнѣе, потому что человѣкъ стремится къ удовольствіямъ, выгода же отъ соединенія придетъ сама собою. Въ фаланстерѣ для всѣхъ занятій будутъ учреждены страстныя серіи (séries passionnées) съ возможностью переходовъ изъ однѣхъ серій въ другія въ теченіе дня общей работы, но такъ, что $^7/_8$ населенія будетъ занято земледѣліемъ и промышленностью, а $^1/_8$ составятъ капиталисты, ученые и художники. Первый принципъ фаланги—соединеніе въ ней разнообразныхъ занятій съ преобладаніемъ, однако, земле-

дѣлія, второй принципъ — сохраненіе общественныхъ неравенствъ. Фурье постоянно объявлялъ себя врагомъ коммунизма: по его представленію, члены фаланги должны имѣть каждый свое собственное состояніе, и въ ней будутъ существовать какъ люди ничего не имѣющіе, такъ и милліонеры; Фурье, описывая устройство фаланстера, говорилъ даже, какія квартиры будутъ у бѣдняковъ и у богачей — квартиры для разныхъ кошельковъ, съ хорошими видами изъ оконъ по переднему фасаду и съ окнами во дворъ. Въ фалангѣ каждый будетъ владѣльцемъ произведеній своей промышленности, начиная съ дѣтей отъ $4^1/_2$ лѣтъ, и несмотря на общность жизни и труда въ страстныхъ серіяхъ, каждому будетъ отдаваться то, что ему слѣдуетъ: общій доходъ фаланги будетъ распредѣляться на двѣнадцать частей, изъ которыхъ четыре придутся на долю капитала, пять—на долю физическаго труда и три—на долю теоретическихъ и практическихъ занятій. „Общинный бытъ (le régime sociétaire), говоритъ Фурье, столь же несовмѣстимъ съ равенствомъ состояній, какъ и съ равенствомъ характеровъ". Въ другомъ мѣстѣ онъ обвинялъ экономистовъ за то, что „разъ они случайно нападутъ на какую-нибудь новую идею въ родѣ идеи промышленнаго товарищества, то спѣшатъ затемнить ее и испортить, пришпиливая къ ней свои старые софизмы и притомъ наиболѣе смѣшные, какъ-то: общность имуществъ, нѣжное братство", хотя въ то же время онъ и утверждалъ, что въ фаланстерѣ бѣднякъ найдетъ не только веселую работу (de travaux joyeux) и въ изобиліи какъ продукты, такъ и дивиденды, но и безпечную жизнь, гарантированную извѣстнымъ minimum'омъ, который будетъ создаваться индустріальнымъ влеченіемъ (insouciance fondée sur la garantie du minimum que remboursera l'attraction industrielle).

Фурье начертывалъ и планъ всемірной организаціи фаланстеровъ, ставя во главѣ каждой фаланги барона или унарха, во главѣ трехъ фаланстеровъ—виконта или дуарха и т. д., создавая цѣлую іерархію тріарховъ (графовъ), тетрарховъ (маркизовъ), пентарховъ (герцоговъ), гекзарховъ (кациковъ), гептарховъ (королей), октарховъ (султановъ), эннеарховъ (калифовъ), декарховъ (императоровъ), онзарховъ (цезарей), дуэзарховъ (августовъ) и во главѣ всего міра—одного осевого омніарха (omniarche pivotal), столица котораго будетъ въ Константинополѣ. Въ 1822 г. онъ, какъ мы видѣли, высказывалъ мысль, что въ самое короткое время фаланстеры распространятся по всей землѣ, и осуществится „сферическая іерархія" съ единымъ омніархомъ во главѣ. „Я, писалъ о себѣ Фурье, шелъ одинъ къ цѣли безъ пріобрѣтенныхъ средствъ, безъ проторенныхъ путей. Я одинъ съумѣю убѣдить двадцать вѣковъ политическаго слабоумія (imbécillité

politique), и мнѣ одному теперешнія и будущія поколѣнія будутъ обязаны инициативой ихъ безмѣрнаго блаженства".

Къ сенъ-симонизму и ученію Оуэна Фурье относился крайне враждебно. „Сенъ-симонисты, писалъ онъ въ своей брошюрѣ, направленной противъ нихъ и противъ Оуэна,—сенъ-симонисты—теократы и вслѣдствіе этого не что иное, какъ клоаки порока и лицемѣрія. Если бы они достигли власти, то не улучшеніе быта трудящихся классовъ было бы результатомъ, а то, что въ теченіе полувѣка они овладѣли бы всѣми видами собственности, капиталами, землями, фабриками, заводами". Въ другомъ мѣстѣ онъ писалъ, что „проповѣдовать уничтоженіе собственности и наслѣдства въ XIX в., это—такая чудовищность, отъ которой можно только пожимать плечами". У Фурье, дѣйствительно, нѣтъ того теократическаго элемента, который въ сенъ-симонизмѣ уничтожалъ въ конецъ индивидуальную свободу. Фурье былъ даже защитникомъ свободы и желалъ, чтобы каждый слѣдовалъ влеченію своихъ страстей (между прочимъ въ половыхъ отношеніяхъ, которыя у сенъ-симонистовъ тоже отдавались подъ контроль „священниковъ"); и все руководство дѣлами фаланги, которое онъ предоставлялъ ареопагу изъ самыхъ опытныхъ и мудрыхъ „гармонійцевъ" (т.-е. людей, живущихъ въ новомъ, гармоническомъ строѣ общества) должно было заключаться не въ чемъ иномъ, какъ въ изданіи не столько распоряженій, сколько указаній (напр., относительно времени, благопріятнаго для жатвы), которымъ „страстныя серіи" (напр., жнецовъ) могутъ и не повиноваться, такъ какъ онѣ должны всегда дѣйствовать по собственному влеченію. Фурье въ сущности раздѣлялъ вѣру экономистовъ въ то, что свободное слѣдованіе влеченіямъ, только не при индивидуальномъ, а при коллективномъ хозяйствѣ, создастъ гармонію интересовъ, хотя въ разрѣзъ съ принципомъ свободы и устанавливалъ законъ, по которому должно было происходить вознагражденіе капитала, труда и таланта. Т.-е. признавая индивидуальную собственность и свободу коллективнаго производства, Фурье не допускалъ уже свободы въ распредѣленіи продуктовъ, полученныхъ цѣлою фалангою. На самомъ широкомъ примѣненіи принципа свободы онъ основывалъ и свою мораль, объявивъ идею долга, обязанности выдумкой философовъ, самонадѣянно взявшихся исправлять дѣло рукъ божьихъ и написавшихъ четыреста тысячъ ни къ чему негодныхъ томовъ. Мораль Фурье—чистѣйшій сенсуализмъ, не сдерживаемый никакими духовными мотивами, и эта сторона его системы съ особою ясностью проявилась въ его проповѣди свободной любви, но къ тому же сенсуалистическому въ сущности взгляду пришелъ и сенъ-симонизмъ съ своей „реабилитаціей плоти".

Соціальный вопросъ, какъ его поставила предыдущая исторія,

есть прежде всего вопросъ экономическій. Культурное развитіе предшествующихъ вѣковъ создало науку, которой и должна принадлежать первенствующая роль въ дѣлѣ рѣшенія сложныхъ и трудныхъ общественныхъ вопросовъ. Сенъ-симонизмъ и фурьеризмъ важны, какъ историческія явленія, въ томъ отношеніи, что съ особою силою и очевидностью вскрыли недостатки современнаго общества, но положительная часть обоихъ ученій страдаетъ, во-первыхъ, тѣмъ, что въ нихъ экономическая сторона жизни не выдѣлена для самостоятельнаго изученія, какъ это было сдѣлано въ политической экономіи, а во-вторыхъ, тѣмъ, что въ обоихъ же направленіяхъ наука со своими ясными понятіями и со своимъ реализмомъ положительно уступаетъ мѣсто туманнымъ фантазіямъ и субъективному творчеству. Каковы бы ни были недостатки политической экономіи, созданной школою Адама Смита, — а недостатки эти были большіе,—выдѣливъ изъ всей совокупности человѣческой жизни область экономическихъ явленій и подвергнувъ ихъ научному анализу, она указала на тотъ путь, по которому должна была идти человѣческая мысль въ изученіи общества. Сенъ-симонизмъ и фурьеризмъ обратили, однако, вниманіе на такую сторону экономической жизни, которая, такъ сказать, скрывалась отъ взглядовъ экономистовъ, и въ этомъ отношеніи они оказали услугу и наукѣ, внесши въ нее, кромѣ того, важныя историческія соображенія о развитіи хозяйственнаго быта (сенъ-симонизмъ) и соображенія экономическія о выгодахъ ассоціаціи (Фурье), не говоря уже о томъ, что ими же (особенно Сенъ-Симономъ) поставлена обществу задача заботиться объ улучшеніи быта труждающихся и обремененныхъ. Но за всѣмъ тѣмъ мистицизмъ и фантастичность, пренебреженіе къ научному методу (особенно у Фурье) и отрицаніе свободы личныхъ мнѣній (у сенъ-симонистовъ), равнодушіе къ жгучимъ политическимъ вопросамъ своего времени, яко бы не имѣвшимъ самостоятельнаго значенія, были явленіями, которыя роднили оба направленія съ другими фактами культурной и политической реакціи той эпохи. Приверженность сенъ-симонизма къ принципамъ и формамъ средневѣковаго католицизма, догматы котораго были имъ притомъ отвергнуты во имя новой вѣры, съ одной стороны, и отрицательное отношеніе „доктрины" къ философіи XVIII в. и къ движенію, совершавшемуся подъ ихъ знаменемъ, съ другой — могли явиться и развиться только на почвѣ, подготовленной предыдущей реакціей противъ идей XVIII в. И въ сенъ-симонизмѣ, и въ фурьеризмѣ знаніе склонялось передъ вѣрою: дальнѣйшее развитіе поднятыхъ ими соціальныхъ вопросовъ могло совершаться лишь подъ условіемъ возвращенія къ научному методу и отказа отъ фантастическаго утопизма.

Порожденныя въ культурной своей сторонѣ реакціонными вѣя-

ніями эпохи, системы сенъ-симонизма и фурьеризма въ своей экономической сторонѣ отразили на себѣ разстройство экономической жизни, произведенное индустріальною революціей, и возникшее въ обществѣ сознаніе ненормальности даннаго соціальнаго строя. Одновременное появленіе во Франціи Сенъ-Симона и Фурье и образованіе двухъ соціалистическихъ школъ или сектъ, къ которымъ примкнуло не мало людей изъ образованнаго класса общества, указываетъ на то, что поднятые ими вопросы уже начинали ставиться самою жизнью. О томъ же свидѣтельствуетъ появленіе въ Англіи въ ту же самую эпоху Оуэна съ его новыми идеями о соціальной реформѣ и та популярность, какую онъ снискалъ не только на родинѣ, но и на материкѣ Европы, и въ Америкѣ, не только въ обществѣ, но и у правительствъ.

„Англійскій соціализмъ, говоритъ одинъ изъ знатоковъ соціальной исторіи Англіи [1]), былъ принципіально неполитическимъ (principiell impolitisch). Онъ возникъ ранѣе 1832 г. и развивался далѣе послѣ билля о реформѣ, не отразивъ на себѣ видимымъ образомъ политическихъ перемѣнъ". Родоначальникъ этого соціализма, Робертъ Оуэнъ, говоря опять словами того же историка, „принадлежалъ къ утопическимъ соціалистамъ, которые, не чувствуя ни малѣйшей склонности къ насиліямъ и къ союзу съ политической революціей, стремились уничтожить всѣ страданія человѣчества посредствомъ изобрѣтенной ими системы осчастливленія вселенной и думали о введеніи послѣдней исключительно силою убѣжденія. Въ то самое время, какъ старый радикализмъ, предшественникъ чартизма [2]), проникъ въ ряды англійскихъ рабочихъ, настоящій основатель англійскаго соціализма держалъ себя далеко отъ чисто политической агитаціи". Не забудемъ, что Оуэнъ дѣйствовалъ (беря лишь разсматриваемый періодъ времени) въ ту эпоху, когда на очереди стоялъ политическій вопросъ о парламентской реформѣ, сильно волновавшій рабочихъ. Будучи вообще самоучкой, онъ, какъ признаютъ и весьма расположенные къ нему писатели, плохо зналъ и понималъ политическую сторону общественной жизни и вообще ея исторію.

Оуэнъ (1771—1852) съ самаго ранняго возраста—еще ребенкомъ—былъ привлеченъ къ промышленнымъ и торговымъ предпріятіямъ и въ зрѣломъ возрастѣ участвовалъ въ разныхъ компаніяхъ и управлялъ фабриками. Онъ своими глазами видѣлъ недостатки новаго промышленнаго строя, и у него,—главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Руссо, котораго онъ читалъ въ англійскомъ переводѣ, и Рида,

---

[1]) Adolf Held въ книгѣ, указанной въ главѣ XXII.

[2]) О чартизмѣ см. главу XI пятаго тома.

допускавшаго въ своей теоріи большое дѣйствіе воспитанія на образованіе нравственныхъ силъ человѣка,—родилась мысль работать надъ исправленіемъ общественныхъ недостатковъ. Въ 1799 г. онъ пріобрѣлъ въ компаніи одну бумагопрядильную фабрику, основанную еще Аркрайтомъ въ Нью-Ланаркѣ (въ Шотландіи). Прежній ея владѣлецъ, бывшій компаньономъ Аркрайта, нѣкто Дэль набралъ на нее массу дѣтей, для помѣщенія которыхъ выстроилъ казармы,—и привлекъ въ Нью-Ланаркъ много рабочихъ изъ другихъ мѣстъ. Жизнь этихъ дѣтей и рабочихъ была самая безотрадная: на фабрикѣ царили нищета, болѣзни, пьянство, развратъ и вмѣстѣ съ этимъ религіозная нетерпимость между представителями отдѣльныхъ сектъ. Оуэнъ, взявъ на себя управленіе этой фабрикой, поставилъ себѣ задачу осуществить на ней свои идеи о нравственномъ возрожденіи путемъ воспитанія. Трудно ему приходилось на первыхъ порахъ: шотландскіе рабочіе не довѣряли ему, смотрѣли на него, какъ на новаго эксплуататора, вдобавокъ еще англичанина и иновѣрца. Главными его мѣрами были лучшій надзоръ за рабочими, прибавка платы за общее прекращеніе воровства и за улучшеніе качества работы, открытіе магазина и винной лавки, гдѣ все продавалось на 20% дешевле, уничтоженіе преимуществъ, которыми раньше пользовалась одна привилегированная секта въ сравненіи съ другими, привлеченіе на фабрику семейныхъ рабочихъ, сокращеніе рабочаго времени съ 14 до 10½ часовъ, устройство для холостыхъ рабочихъ общей кухни и т. п. Всѣмъ этимъ Оуэнъ достигъ того, что рабочіе на его фабрикѣ стали зажиточнѣе и нравственнѣе и сдѣлались болѣе производительными въ трудѣ. Въ 1806 г., вслѣдствіе наложенія правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ амбарго на хлопчатую бумагу, привозъ ея въ Англію почти прекратился, но если другіе бумагопрядильные фабриканты прекратили по этой причинѣ производство и распустили рабочихъ, то Оуэнъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ продолжалъ платить своимъ рабочимъ, пока не явилась возможность возобновить работы. Особое вниманіе сообразно съ духомъ своей системы обратилъ Оуэнъ на воспитаніе дѣтей, говоря, что если бы онъ имѣлъ возможность взять на воспитаніе всѣхъ дѣтей земного шара, то скоро посредствомъ этого „второго рожденія“ ввелъ бы въ жизнь человѣчества принципы братства и единенія. Въ 1816 г. онъ даже устроилъ, затративъ десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, „Институтъ для образованія характера“.

Пропагандировать свою систему Оуэнъ началъ въ 1812—1813 гг., когда напечаталъ свой главный трудъ, который въ изданіи 1816 г. носилъ названіе „Новый взглядъ на общество или опыты объ образованіи человѣческаго характера; пріуготовленіе къ развитію плана для постепеннаго улучшенія быта человѣчества“. Здѣсь онъ разска-

залъ исторію своихъ реформъ въ Нью-Ланаркѣ и развилъ положенныя въ ихъ основу теоретическія соображенія, исходя изъ того утвержденія, что его система, испробованная на опытѣ, вышла уже изъ области гипотезъ и что ея принципы могутъ имѣть всеобщее примѣненіе во всѣ времена и при всякихъ обстоятельствахъ. Имя Оуэна прогремѣло послѣ этого по всей Европѣ, и Нью-Ланаркъ сталъ привлекать многочисленныхъ путешественниковъ, между которыми былъ и Александръ I. Даже Наполеонъ, находясь на островѣ Эльбѣ, заинтересовался системой Оуэна и выражалъ сожалѣніе, что не зналъ о ней, когда царствовалъ во Франціи. Прусскій король написалъ Оуэну благодарственное письмо за ту записку, которую онъ ему прислалъ. Въ Парижѣ, куда вскорѣ послѣ окончанія войны пріѣхалъ Оуэнъ, онъ встрѣтилъ почетный пріемъ и былъ представленъ герцогу Орлеанскому. Когда въ Англіи послѣ 1815 г. образовалась особая коммиссія изъ духовныхъ лицъ, государственныхъ людей, экономистовъ и филантроповъ для изслѣдованія вопроса о причинахъ незначительности рабочей платы послѣ заключенія мира, Оуэнъ получилъ приглашеніе принять участіе въ ея работахъ (1817). Уже раньше онъ посылалъ записки съ разнаго рода совѣтами государственнымъ людямъ, а теперь онъ представилъ цѣлый планъ „земледѣльческихъ и мануфактурныхъ деревень единства и взаимной кооперации“ (превратившихся впослѣдствіи въ „кооперативныя общества“). Коммиссія передала этотъ планъ другой, уже парламентской коммиссіи, учрежденной для разсмотрѣнія вопроса о причинахъ бѣдности рабочихъ. Названныя общины должны были сначала управляться какою-либо способною личностью, но когда выростетъ новое поколѣніе, общинникамъ можно было бы предоставить самимъ выборъ своихъ правителей. Внѣшнее устройство такихъ общинъ имѣло подобіе съ фурьеровскими фаланстерами. Когда парламентская коммиссія объявила, что находитъ планъ Оуэна неудобоисполнимымъ, онъ обратился къ государямъ Австріи, Пруссіи и Россіи, собравшимся на ахенскій конгрессъ съ двумя записками, гдѣ настаивалъ на необходимости—и съ точки зрѣнія охраны внутренняго порядка, и съ религіозной точки зрѣнія—заняться обезпеченіемъ быта бѣдныхъ классовъ общества. Указавъ на ростъ національнаго богатства Англіи, Оуэнъ обращалъ вниманіе государей на то, что благосостояніе рабочихъ, напротивъ, упало, а съ нимъ пришла въ упадокъ и нравственность, чего, однако, не случилось въ Нью-Ланаркѣ, благодаря новой системѣ. Онъ доказывалъ далѣе, что наступило время, когда сдѣлалось возможнымъ безъ насилія и безъ обмана производить богатства въ такомъ количествѣ, чтобы съ избыткомъ удовлетворять потребности и желанія всякаго человѣческаго существа, и когда безъ насилія и наказаній стало возмож-

нымъ воспитывать молодое поколѣніе въ направленіи, нужномъ для цѣлей общежитія,—наступило, однимъ словомъ, время для исчезновенія нищеты и невѣжества, зла и лжи. Каждый человѣкъ заинтересованъ въ томъ, чтобы поскорѣе были осуществлены новые принципы. Ахенскій конгрессъ оставилъ проектъ Оуэна безъ вниманія, и Оуэнъ объяснялъ себѣ это ссылкою на слова, сказанныя ему на одномъ банкетѣ въ томъ же 1818 г. однимъ дипломатомъ: „правительства вовсе не желаютъ искоренять ни невѣжества, ни бѣдности, потому что безъ нихъ они не могли бы управлять массами“. Дѣло въ томъ, что въ планъ Оуэна около этого времени вошли уже новыя черты. Сначала онъ, видя противоположность интересовъ капитала и труда, проповѣдовалъ обязанность работодателей заботиться объ улучшеніи быта рабочихъ, говоря, что этого требуетъ и выгода самихъ капиталистовъ, такъ какъ лучше обезпеченный и болѣе нравственный рабочій и трудится производительнѣе. Кромѣ того, въ періодъ времени между 1812—1817 гг., онъ требовалъ государственнаго вмѣшательства въ промышленную жизнь, напр., ради охраны здоровья и нравственности дѣтей, работающихъ на фабрикахъ. Но мало-по-малу онъ сталъ сходить съ той исключительно практической почвы, на которой держался раньше, и началъ предаваться мечтаніямъ о всеобщемъ счастьѣ, которое должны были осуществить его система воспитанія и его организація земледѣльческихъ и промышленныхъ общинъ, при чемъ объявилъ индивидуализмъ врагомъ его системы любви и взаимной коопераціи. Въ планѣ, представленномъ ахенскому конгрессу, уже появляются эти, совсѣмъ новыя черты его соціальнаго міросозерцанія: общность имуществъ, труда и вознагражденія, а тутъ еще въ 1817 г. надѣлало много шума публичное заявленіе Оуэна на одномъ митингѣ, что самъ онъ не принадлежитъ ни къ какой религіи, исповѣдуемой въ мірѣ, и что, по его мнѣнію, всѣ религіи безъ какого бы то ни было исключенія исполнены заблужденій, дѣлаютъ изъ человѣка слабое и глупое животное, создаютъ фанатиковъ и лицемѣровъ и мѣшаютъ счастью на землѣ.

Съ 1819 г. Оуэнъ, послѣ неудачной кандидатуры въ члены парламента, началъ пропагандировать свою идею о „кооперативныхъ общинахъ“ путемъ печати и митинговъ и обращался не разъ къ обществу, къ парламенту, къ правительству съ просьбою помочь ему деньгами для основанія „кооперативной общины“. Во время этой своей агитаціи онъ оттолкнулъ отъ себя радикаловъ, такъ какъ заявилъ себя рѣшительнымъ противникомъ ихъ политической программы, говоря, что отнятіе избирательнаго права у гнилыхъ мѣстечекъ ни къ чему не приведетъ. Съ 1821 г. онъ началъ даже вербовать себѣ приверженцевъ среди рабочаго класса. Не добившись ничего на ро-

динѣ, въ 1824 г. онъ уѣхалъ въ Америку, гдѣ купилъ землю и постройки, принадлежавшія одной сектантской общинѣ соціально-аскетическаго характера, носившей названіе Гармоніи. Здѣсь онъ основалъ свою кооперативную общину, давъ ей названіе Новой Гармоніи и устройство, сообразное съ своими моральными и экономическими принципами, осуществленіе которыхъ, какъ былъ твердо убѣжденъ въ это время Оуэнъ, должно было осчастливить современемъ все человѣчество. Въ Новой Гармоніи, однако, вскорѣ начались раздоры, которые заставили Оуэна, уѣхавшаго было въ Англію, снова вернуться въ Америку. Въ 1827 г. ново-гармонійская община, состоявшая изъ однихъ зажиточныхъ и образованныхъ людей, распалась, послѣ чего Оуэнъ возвратился опять на родину [1]). Къ этому времени его соціальное міровоззрѣніе опредѣлилось въ томъ смыслѣ, что „троицу зла", отъ котораго страдаетъ человѣчество, онъ нашелъ въ религіи, собственности и бракѣ. Между тѣмъ въ отсутствіе Оуэна одинъ изъ его учениковъ, Комбъ, основалъ кооперативную общину въ Орбистонѣ (въ Шотландіи), но и она скоро распалась. Болѣе успѣха имѣли основавшіяся, въ отсутствіе же Оуэна, въ нѣкоторыхъ городахъ общества для распространенія кооперативной системы; съ тою же цѣлью въ 1826 г. сталъ даже издаваться особый литературный органъ „Cooperative Magazine". Эта пропаганда новыхъ идей еще болѣе оживилась съ возвращеніемъ на родину самого Оуэна, потратившаго на дорогое ему дѣло немало силъ и денежныхъ средствъ, ѣздившаго по странѣ, собиравшаго митинги, говорившаго рѣчи, издававшаго брошюры. Дѣлались имъ и новыя попытки основанія общинъ (между прочимъ въ Мексикѣ въ 1828 г.). Практическимъ результатомъ этой пропаганды было возникновеніе въ Англіи „кооперативнаго движенія", развитіе котораго принадлежитъ уже слѣдующему періоду исторіи XIX вѣка.

[1]) Въ Америкѣ въ это время образовалось около 20 общинъ, но всѣ онѣ столь же скоро распались.

Stanford University Libraries
3 6105 013 428 334

